

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

ДОКУМЕНТЫ
ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ
СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1971

КОМИССИЯ
ПО ИЗДАНИЮ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ
ПРИ МИД СССР

Д-р эконо. наук А. А. ГРОМЫКО (Председатель Комиссии), академик В. М. ХВОСТОВ (Заместитель Председателя), канд. истор. наук И. И. ЗЕМСКОВ (Ученый Секретарь), канд. истор. наук Г. А. БЕЛОВ, Г. К. ДЕЕВ, Л. М. ЗАМЯТИН, С. А. КОНДРАШЕВ, д-р истор. наук Ш. П. САНАКОВЕВ, доц. М. А. СИВОЛОБОВ, чл.-корр. АН СССР С. Л. ТИХВИНСКИЙ, канд. истор. наук Н. В. ТРОПКИН, М. А. ХАРЛАМОВ, канд. филос. наук И. И. ЧХИКВИШВИЛИ

ТОМ СЕМНАДЦАТЫЙ

1 января — 31 декабря 1934 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕМНАДЦАТОГО ТОМА
*Г. К. ДЕЕВ, Ф. П. ДОЛЯ, К. А. КРУТИКОВ, В. И. ПОПОВ,
П. П. СЕВОСТЬЯНОВ, М. Д. ЯКОВЛЕВ*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящий том включены документы внешней политики Советского Союза за время с 1 января по 31 декабря 1934 г.

Это был период новых побед в строительстве социалистического общества в СССР. Страна вступила в период завершения социалистической реконструкции народного хозяйства. В 1934 г. советский народ под руководством Коммунистической партии успешно выполнил план второго года второй пятилетки. Борьба Коммунистической партии и советского народа за досрочное выполнение второй пятилетки проходила в сложной международной обстановке. XVII съезд ВКП(б) (январь — февраль 1934 г.) констатировал, что стабилизация капитализма оказалась временной, произошло дальнейшее обострение всех его противоречий, усилена опасность возникновения новой мировой войны. В отчетном докладе съезду о работе ЦК ВКП(б) отмечалось, что «в обстановке этой предвоенной свистопляски, охватившей целый ряд стран», СССР продолжал свою политику борьбы за мир, разоружение, «разоблачая и срывая маску с тех, кто подготавливает, провоцирует войну».

В условиях роста военной опасности, усиления агрессивных действий германского фашизма в Европе и японского милитаризма на Дальнем Востоке, открыто антисоветского курса их политики, Советский Союз продолжал укреплять свою обороноспособность, активизировал борьбу за обеспечение международной безопасности, расширял и развивал политические и экономические связи с зарубежными странами.

Из публикуемых в томе документов видно, какое важное значение для дела мира имела инициатива Советского Союза, выступившего 3 июня 1934 г. на международной конференции по разоружению с проектом резолюции о превращении конференции в Постоянную конференцию мира в целях эффективного разрешения важнейших проблем всеобщей безопасности. Этот шаг, равно как и вся неустойчивая и разносторонняя борьба

Советского Союза на конференции за обеспечение международной безопасности, способствовал сплочению всех миролюбивых сил.

СССР и Франция совместно выступили за заключение Восточного пакта о коллективном отпоре агрессору. В 1934 г. они вели переговоры о нем. К концу июня был подготовлен советско-французский проект пакта, который должен был охватить страны Центральной и Восточной Европы.

После того как заключение Восточного пакта было сорвано усилиями гитлеровской Германии, поддержанной правительством Польши, при попустительстве Англии, 5 декабря 1934 г. в Женеве по предложению СССР было подписано советско-французское соглашение, в котором подтверждалась решимость Франции и СССР добиваться заключения Восточного пакта. В то же время Советский Союз достиг соглашения об установлении дипломатических отношений с рядом европейских стран — Чехословакией, Румынией, Венгрией, Болгарией, Албанией, которые не могли не учитывать в своей политике угрозу фашистской агрессии и значение борьбы СССР за создание системы коллективной безопасности.

В интересах борьбы за коллективную безопасность Советский Союз принял 15 сентября 1934 г. приглашение 30 государств вступить в Лигу наций, чтобы использовать эту международную организацию для борьбы против агрессии, для пропаганды идей мира и разоблачения происков поджигателей войны.

Установление дипломатических отношений между СССР и США в 1933 г. способствовало активизации их связей. Получили юридическую основу экономические и торговые контакты, расширился культурный и научный обмен, в ноябре 1934 г. были установлены консульские отношения, заключены договоры между ТАСС и агентствами Ассошиэтед Пресс и Юнайтед Пресс Ассошиэйшнс об обмене информацией. Вместе с тем развитие советско-американских экономических отношений наталкивалось на противодействие реакционных кругов США. Это отчетливо проявилось в ходе переговоров о ликвидации взаимных финансовых претензий, которые в 1934 г. не привели к положительным результатам. Несмотря на готовность СССР пойти на принятие компромиссного решения, американская сторона не проявила стремления следовать выработанным во время вашингтонских переговоров в ноябре 1933 г. основным принципам урегулирования взаимных финансовых претензий.

В апреле 1934 г. в США вступил в действие так называемый закон Джонсона, предусматривавший применение санкций против государств, не плативших США долгов. Закон запрещал предоставление странам-должникам займов и кредитов со стороны правительства США. И хотя Советский Союз

всегда аккуратно платил по своим торгово-финансовым обязательствам, тем не менее он был включен в число стран, лишавшихся возможности получать американские правительственные кредиты и займы. Это привело к сокращению товарооборота между обеими странами. Стоимость советского импорта из США в 1934 г. составила всего 17 млн. рублей.

Американские правящие круги не только не проявили готовность пойти на широкое экономическое и политическое сотрудничество с Советским Союзом в целях обуздания фашистских агрессоров, но и противодействовали реализации советского предложения о создании системы коллективной безопасности. Они фактически отклонили советское предложение о заключении пакта о ненападении между СССР, США, Китаем и Японией, направленной на стабилизацию положения на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана в связи с продолжавшейся японской агрессией в этом районе.

Документы тома свидетельствуют об усилении сотрудничества между СССР и Францией. Как указано выше, они совместно выступали за заключение Восточного пакта. Франция взяла на себя инициативу приглашения Советского Союза в Лигу наций. Франко-советское дипломатическое сотрудничество создало благоприятные условия для развития экономических связей между двумя странами. 11 января 1934 г. стороны подписали временное торговое соглашение. Кроме того, в результате состоявшихся в Москве экономических переговоров с французским министром торговли Маршандо 9 декабря 1934 г. был подписан франко-советский протокол о торговых отношениях. Успешно развивались также культурные и научно-технические связи. В мае в Советском Союзе проходила советско-французская научная декада, на которой присутствовала делегация французских ученых. 31 августа была открыта прямая телефонная связь между Москвой и Парижем.

Негативное влияние на дальнейшее развитие советско-французских отношений после убийства фашистскими агентами в октябре 1934 г. французского министра иностранных дел Барту, поборника соглашения с СССР для борьбы против агрессора, оказал приход к руководству внешней политикой Франции Лавалля — сторонника антисоветского сговора с Германией.

Новые возможности развития отношений Советского Союза с Великобританией открывались с подписанием 16 февраля 1934 г. временного торгового соглашения, а 4 ноября — договора между Главконцесомом при СНК СССР и компанией «Лена — Голдфилдс» об урегулировании на взаимной основе спорных вопросов. Однако английская дипломатия, на словах поддерживая инициативу СССР и Франции, направленную на создание системы коллективной безопасности в Европе, на

деле поощряла действия гитлеровской Германии, направленные на срыв проекта Восточного пакта, фактически не препятствовала вооружению Германии. Великобритания не поддержала советского предложения о превращении конференции по разоружению в Постоянную конференцию мира. Ее правящие круги не препятствовали агрессии японских милитаристов на Дальнем Востоке. Все это отрицательно сказывалось на состоянии отношений между СССР и Великобританией.

Документы тома отражают дальнейшее ухудшение отношений между СССР и фашистской Германией. 28 марта 1934 г. Советский Союз предложил Германии подписать совместный протокол о гарантии независимости Прибалтийских стран. Советское правительство рассматривало свое предложение как важный шаг, направленный на укрепление всеобщего мира и в частности мира в Восточной Европе. Оно указывало при этом, что подписание и проведение в жизнь такого документа содействовало бы улучшению отношений между двумя странами. Фашистская Германия отказалась принять это миролюбивое предложение, подтвердив тем самым свои агрессивные цели.

Гитлеровская дипломатия делала все возможное, чтобы сорвать заключение Восточного пакта. Используя антисоветскую позицию польских правящих кругов, она вовлекла Польшу в орбиту своей политики саботажа коллективной безопасности, заключив с ней 26 января 1934 г. декларацию, являвшуюся важным этапом в подготовке гитлеровской Германии второй мировой войны.

В Германии продолжалась антисоветская кампания — полицейские акции против советских учреждений и граждан, дискриминация торгпредства СССР, клеветнические выступления печати, активная поддержка враждебной деятельности белой эмиграции и т. д. В связи с провокационными действиями гитлеровских властей советская дипломатия выступала с энергичными протестами и представлениями в Берлине и Москве.

В результате враждебных политических и экономических мероприятий гитлеровского правительства в отношении СССР в 1934 г. продолжал сокращаться объем советско-германской торговли. И хотя в марте был подписан советско-германский протокол, предусматривавший доведение советского экспорта в Германию в 1934 г. до уровня 200 млн. марок, германское правительство почти ничего не сделало для его осуществления.

Отношения Советского Союза с большинством стран зарубежного Востока продолжали развиваться на дружественной основе. Укреплялись политические, экономические и культурные связи с Турцией. 21 января 1934 г. было подписано соглашение о реализации долгосрочного кредита для поставок в

Турцию новейших видов промышленного оборудования советского производства. СССР посетили турецкие авиационные и спортивные делегации; в Анкаре и Стамбуле была организована советская выставка живописи и скульптуры.

Советский Союз неизменно проводил добрососедскую политику в отношениях с Персией. Атмосфере взаимопонимания способствовал визит заместителя народного комиссара внешней торговли СССР Ш. З. Элнавы в Тегеран, его встречи и переговоры с государственными деятелями страны. Советское правительство увеличило в 1934 г. сумму своих закупок в Персии до 410 млн. риалов.

Благоприятно развивались взаимоотношения с Афганистаном.

Расширялись и крепились дружественные отношения с Монгольской Народной Республикой. В 1934 г. были заключены соглашения об основах советско-монгольской торговли, о советско-монгольских смешанных обществах и др., содействовавшие осуществлению всестороннего сотрудничества между обеими странами. Это сотрудничество имело особо важное значение в условиях, когда агрессивные устремления японской военщины распространялись не только против Советского Союза, но и против МНР. В такой обстановке по просьбе монгольского правительства между СССР и МНР в ноябре 1934 г. было заключено устное соглашение, по которому обе стороны обязались оказывать друг другу поддержку в деле предотвращения угрозы войны и взаимную помощь в случае нападения третьей стороны. Это соглашение имело важное значение для обеспечения независимости МНР.

В отношении Советского Союза правящие круги Японии продолжали проводить агрессивную политику. Японская военщина и власти марионеточного правительства в Северной Маньчжурии провоцировали многочисленные инциденты на советской границе и в советских территориальных водах. Усилились бесчинства на КВЖД — массовые аресты, грабежи и убийства сотрудников КВЖД, увод в плен служащих дорог и членов их семей, крушение поездов и т. д. Японская пропаганда развернула яростную антисоветскую кампанию: реакционные круги Японии стремились использовать эту кампанию для срыва переговоров о КВЖД, вынашивая планы ее захвата и подготовки к войне с Советским Союзом. Советское правительство твердо и решительно выступало против этих враждебных актов и требовало их прекращения. Все попытки Советского Союза к мирному урегулированию отношений с Японией наталкивались на ее упорный отказ.

В начале 1934 г. возобновились прерванные в 1933 г. япономаньчжурской стороной переговоры о продаже КВЖД. С целью оказать давление на позицию СССР в этих перегово-

рах японо-маньчжурская сторона прибегала к шантажу, нажиму и угрозам. В ходе переговоров Советское правительство, верное своей политике мира, добивалось быстрого заключения соглашения; оно проявило максимум доброй воли и пошло на большие уступки ради обеспечения мира на Дальнем Востоке. Тем не менее японо-маньчжурская сторона неизменно отклонила советские предложения.

Опубликованные в томе документы свидетельствуют о том, что Советское правительство решительно поддерживало Китай в его борьбе за независимость против японских захватчиков и агрессивных планов других империалистических государств. Руководствуясь принципами дружбы и сотрудничества между народами обеих стран, Советское правительство принимало меры к развитию советско-китайских отношений. Оно стремилось к успешному завершению переговоров, начатых в 1933 г., о заключении пакта о ненападении и договора о торговле. Однако попытки СССР расширить политические и деловые связи наталкивались на сопротивление накинского правительства, которое фактически отказалось от заключения этих соглашений. Полпред СССР в Китае Д. В. Богомолов сообщал в НКВД СССР 22 июня 1934 г., что «ни на какие конкретные шаги, как показали переговоры о пакте, китайское правительство не готово. Что касается торгового договора, то я нахожу большие трудности при переговорах».

В 1934 г. удалось лишь достичь соглашения об учреждении советского консульства в Калгане и китайского в Новосибирске.

В XVII томе опубликованы также документы, освещающие отношения Советского Союза с Албанией, Болгарией, Венгрией, Италией, Польшей, Чехословакией, Румынией, Грецией, Финляндией, Швецией, Норвегией, Данией, со странами Латинской Америки и другими государствами.

подавляющая часть документов тома публикуется впервые.

* *
*

Методы публикации и оформления документов изложены в предисловиях к I—V томам настоящего издания.

* *
*

В подготовке тома к печати принимали участие сотрудники Редакционного аппарата Комиссии по изданию дипломатических документов при МИД СССР: М. А. Бугреев, А. Я. Быкова, Н. П. Галичий, А. Я. Грушин, В. Л. Дюков, Л. В. Евдокимов, Н. И. Жужунава, А. М. Зубов, д-р экономических наук

Н. Н. Калинин, В. Н. Кривоносов, А. П. Михайлов, кандндат экономнческих наук *И. М. Пахомов, М. П. Хламова*; научно-справочные работы по тому выполняли сотрудинки Института славяноведения и балканистики и Института всеобщей истории АН СССР *Л. В. Заборовский, Р. Е. Плахова*.

Отдельные примечания к документам составлены научными сотрудниками Института востоковедения и Института славяноведения и балканистики АН СССР кандидатом экономических наук *В. П. Курбатовым*, кандидатом исторических наук *И. В. Михутиной* и научным сотрудником Института всеобщей истории АН СССР *Ю. Р. Ульяновым*.

I. Записи бесед Полномочного Представителя СССР в Турции с Председателем Совета Министров Турции Исмет-пашой *

1 января и 27 января 1934 г.

1 января 1934 г. Начал свою беседу Исмет-паша с выражения восхищения и благодарности за внимание, оказанное Молотовым и Литвиновым в их выступлениях [относительно] Турции **. Он рассказывал, что эти выступления сейчас в фокусе внимания турецкой общественности. Отовсюду к нему поступают поздравления, которые он принимает «с чистой душой», так как полностью и целиком солидаризируется с оценкой, данной Молотовым и Литвиновым советско-турецким отношениям, расцениваемым и им как образец идеальных отношений между двумя странами. Солидаризируется он полностью и с позицией, занятой советскими государственными деятелями по вопросу о ревизионизме и антиревизионизме. Турецкое правительство из этих вопросов также никогда не создавало для себя никакого фетиша и подходило к ним как к вопросам, связанным с меняющейся международной конъюнктурой и подчиненным ей. Турция, как и СССР, не несет никакой ответственности за обстановку, созданную после великой войны, за тот территориальный передел, который был установлен Версальским и другими договорами. У Турции, как и у СССР, не было поэтому никакой заинтересованности активно вмешиваться в возникшие затем процессы ревизионизма. Тем менее Турция заинтересована в том, чтобы взять на себя в этом отношении какую-либо инициативу. Это определило ее линию поведения, которая по справедливости может быть охарактеризована как линия ревизионизма, линия, нашедшая свое оправдание и в удовлетворении новой Турции своими теперешними границами, в отсутствии интереса их пересматривать и менять.

Но такая незаинтересованность в условиях сожительства с другими странами и при сложном переплете международных

* Из дневника полпреда СССР в Турции от 5 февраля 1934 г.

** См. газ. «Известия», 29, 30 декабря 1933 г.

взаимоотношений, в которые втянута и Турция, не могла естественно не испытывать толчков и изменений и не окрашиваться по-разному в зависимости от меняющейся обстановки. Был момент, когда и турецкое правительство вместе с ревизионистами было склонно приписать весь установившийся в Европе, да и во всем мире, политический кризис наследию великой войны и, в частности, в особенности установленному ею несправедливому территориальному переделу. Такая схема оправдывалась и грубыми формами давления, которое продолжали оказывать победители на побежденных их неприкрытой тенденцией к господству и гегемонии и навязыванию побежденным своей воли.

Все это, естественно, не могло не вызвать симпатий к странам, проигравшим войну, особенно в такой стране, как Турция, которая сама с трудом залечивала раны, нанесенные ей великой войной, и которая возродилась к новой жизни с чувством бережного отношения к идеалам равенства и братства народов. На эти симпатии не мог не наложить свою печать также и тот факт, что большинство из побежденных стран радикально реорганизовало свой прошлый облик, свернув с пути монархизма и милитаризма на путь мирного своего развития в рамках республиканского строя. В этих условиях идеи ревизионизма ассоциировались с идеями переустройства Европы на новых и справедливых началах.

Сейчас положение радикально изменилось. В большинстве из побежденных стран на авансцену выступили силы, угрожающие миру Европы. Недавняя конфигурация резко изменилась. Налицо все элементы возрождения старых довоенных группировок, в частности возрождение тройственного союза. В Германии, которой отводится руководящее место в этом намечающемся союзе, возродились старые идеи пруссачества. Ревизионистские тенденции в этих условиях неизбежно облекаются в форму, угрожающую всеобщему миру. Речь уже идет не о мирном пересмотре договоров, не об удовлетворении справедливых требований загнанных Версалем в тупик народов, а о новых войнах, инспирированных не столько идеями ревизионизма, сколько идеями новых захватов. Об этом довольно недвусмысленно говорит вся программа партии, захватившей в Германии власть.

Это, естественно, радикально меняет всю постановку вопроса и позицию наших стран. Эти соображения полностью применимы и к проблеме разоружения. Выявившаяся тенденция подменить проблему разоружения установленным так называемым равенством на путях довооружения разоруженных по Версалию стран предвещает эру новой гонки в вооруженных всех стран в целом и ставит всю нашу эпоху под знак подготовки новых войн. По двум, словом, основным проблемам,

занимающим в настоящее время внимание всего мира — проблеме ревизионизма и проблеме разоружения — у Турции намечаются сильнейшее расхождение с германо-итальянской группировкой и точки соприкосновения с борющейся с ней французской.

То же самое приходится констатировать, судя по последним речам Молотова и Литвинова, и в политике СССР. Было бы несправедливо, однако, вину за такое изменение нашей политики возлагать на нас. Наша политика остается в своих основах неизменной, но отражает лишь те изменения, которые произошли в международной обстановке. Существенной и наиболее характерной чертой в этом изменении является тот факт, что фактором, угрожающим миру, стали сейчас как раз страны, лансирующие идею ревизионизма.

Больше всего тревоги у Исмет-паши вызывает политика Италии, как в разрезе непосредственных своих отношений с Турцией, так и по роли, которую она пытается сейчас сыграть на международной арене. И то и другое одинаково отмечено стремлением к господству, к подчинению своей воле более слабых стран. Особенно ярко это ощущается на Балканах. Давление Италии в этом направлении чувствуется на каждом шагу, в особенности в ее взаимоотношениях с Болгарией, на которую, по-видимому, Италия сейчас делает главную ставку. Исмет-паша поэтому с некоторым скептицизмом смотрит на исход всех демаршей, направленных к установлению стабильного и прочного положения на Балканах, и не верит в успех общевосточной акции.

Заключительная часть нашей беседы была посвящена кредитному соглашению*. Я ознакомил Исмет-пашу с последними поправками, внесенными Москвой в ангорское соглашение. Я доказывал ему, что эти изменения сводятся, по существу, лишь к принципу товарного покрытия на случай введения турецким правительством принудительного курса и продиктованы естественным стремлением оградить себя на этот случай от неизбежных потерь. Я напомнил ему, что предоставляемые нами кредиты совершенно беспрецедентны с коммерческой точки зрения как по их длительности, так и по отказу от обложения их процентами. Растянутые на 20 лет с обязательством покрывать их равными ежегодными взносами в течение этого срока, наш кредиты, по существу, равнозначны займу без покрытия основной суммы и с уплатой ежегодно лишь 5%. Единственное требование, которое мы выдвигаем и которое не может быть, конечно, сочтено чрезмерным, это то, чтобы ежегодно выплачиваемая нам двадцатая часть затраченной нами суммы к нам возвращалась в полноценных эквивалентах. Та-

---

* См. док. № 20.

кое требование нельзя, конечно, считать чрезмерным. При неустойчивости мировой валютной политики такой гарантией может послужить лишь покрытие кредитов в твердых товарных ценностях. Вот почему весь наш проект первоначально был построен на принципе такого товарного покрытия. Приняв, однако, во внимание указания и ссылки министра экономики на технические трудности, представляющиеся для Турции, ввести в практику предлагаемый нами метод расплаты, мы согласились в условиях применения теперешнего нормального валютного законодательства в Турции не настаивать на нем, но предлагаем ввести его при изменении законодательства.

Исмет-паша на это ответил, что не может не признать исключительности условий, на которых мы предоставляем кредит, рассматриваемый и им, как и всем турецким правительством, как благороднейший жест с нашей стороны, что не может одновременно не признать и законность наших стремлений оградить себя от потерь, неизбежных при изменении валютных курсов, но что не уверен, однако, сумеет ли министерство экономики, при отсутствии органов внешней торговли, выполнить возлагаемые на него протоколом обязательства. Поскольку, однако, все внесенные нами поправки преследуют лишь одну, вполне законную, цель оградить себя от фактического обесценения ежегодных платежей, Исмет-паша уверен, что можно будет найти формулу, нас в этом отношении полностью гарантирующую.

Беседа 27 января состоялась после обеда у нас. Начал Исмет-паша свою беседу с того, что я, конечно, в курсе всех перипетий переговоров о Балканском пакте* и знаю поэтому, что турецкое правительство приложило все старания, чтобы лишить этот пакт характера однозности по отношению к Болгарии и стремится превратить его в действительное орудие мира и спокойствия на Балканах. Не может быть и речи о том, чтобы Турция с кем-нибудь заключила соглашение, способное в какой-либо мере ослабить связь, существующую между нашими странами. При всех своих беседах, которые он имел как с румынами, так и с греками, он неуклонно проводил одну и ту же мысль, что каждая акция турецкой политики должна быть строго соразмерена с основной линией турецкой внешней политики — линией дружбы с СССР.

Он очень внимательно следил за всей нашей последней дискуссией об оговорках к пакту**. Он признает совершенно законным и естественным наше желание помочь в этом отношении Турции, так как глубоко убежден, что все наши оговорки продиктованы не столько серьезным опасением, что

* См. док. № 49.

** См. док. № 14.

Турция может когда-либо очутиться в противоположном с нами лагере, сколько дружеским сигналом, предостерегающим самую Турцию от того, чтобы быть втянутой в какой-либо военный конфликт. Конечно, можно спорить о редакциях оговорок, но в конечном счете решат не они, а твердая воля Турции быть всегда вместе с Советской Россией. Если наши переговорщики кое-чего не предусмотрят, то, во всяком случае, Исмет может нам дать определенную гарантию, что превратит в простой кусок бумаги всякий акт, который ляжет на пути наших отношений. Он найдет для этого достаточно в себе решимости и смелости и встретит в этом отношении поддержку во всем турецком общественном мнении.

Он не хочет скрыть, что с нелегкой душой идет вообще на пакт. У него были на этот счет колебания, по-видимому, разделяемые и Литвиновым *, но сейчас иного выхода для Турции нет. Уклонение от пакта грозит ей полной изоляцией на Балканах. Опасность со стороны Болгарии не надумана, — об этом свидетельствуют все события, имевшие место за последнее время, в особенности последнее выступление франкфюрского комитета. Не надумана и интрига вокруг проливной проблемы и попытка использовать для этих целей Болгарию. Лучшее тому доказательство статьи болгарских официозов со ссылками и кивками в сторону Англии.

Исмет-паша очень рад, что мы подписали кредитное соглашение **. Он надеется, что мы отнесемся благожелательно и к удовлетворению в счет кредитов и некоторых других нужд турецкого правительства.

Он интересовался, действительно ли мы были, как передавал польский посол Рюштю, заблаговременно осведомлены и дали свое согласие на польско-германский пакт ***.

Я ему ответил, что об этом ничего не знаю, что и мне приблизительно то же самое говорил польский посол, но что я полагаю, что речь, вероятно, свелась к простому доведению до нашего сведения о пакте. Я ему тут же, опираясь на полученную от вас телеграмму ¹, сказал, что мы, несмотря на заметное улучшение наших взаимоотношений с Польшей, не имеем особых оснований ей излишне доверять.

Исмет-паша сказал, что этот пакт навряд ли особенно приятен Франции, так как он несомненно вносит новую трещину во французскую союзную систему. Он по-прежнему полагает, что главной целью Германии было поколебать эту систему и обойти Францию с тыла. Такие же попытки, по-видимому, Германией предельваются и в Румынии, где влияние фашистских идей за последнее время чрезвычайно выросло. Убийство

* См. док. № 14.

** См. док. № 20.

*** См. док. № 24.

Дука является одним из проявлений этой борьбы против франкофильских групп. Развивается германское влияние в Румынии и отчасти в Югославии на фоне все усиливающейся германской экономической активности.

Исмет-паша считает не исключенным, что польско-германский пакт мог стимулировать решение Шотана уйти в отставку. По его впечатлению, теперешний французский кризис перерос рамки кризиса, вызванного лишь финансовым скандалом. Вычерчивается в контуре наступление на весь парламентский режим и на республиканские идеи. Он сомневается, чтобы кризис разрешился перетасовкой лиц, выводом из кабинета наиболее скомпрометированных его членов. Есть полная вероятность предполагать, что одним радикал-социалистам сейчас не удержаться у власти. Кризис поэтому может разрешиться в сторону создания национального блока либо, если не договорятся на общей финансовой программе, роспуском парламента.

Полпред СССР в Турции
Я. Суриц

Печат. по арх.

2. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Надольным

3 января 1934 г.

Надольный выразил соболезнование по поводу смерти Луначарского и затем сразу перешел к политическим вопросам.

Надольный очень изумлен моей речью на сессии ЦИК * после объяснений, которые он имел со мной перед своим отъездом в Берлин **; он изумлен тем, что я выступил публично с объяснением наших отношений с Германией. Речь как бы дезавуировала его, Надольного. Мы с ним согласились влиять на общественность и прессу и на взаимное ознакомление сходящей до нас информацией о злых умыслах той или иной страны, о чем Надольный телеграфировал в Берлин и затем рассказывал лично, и там согласился с ним и поручили ему работать в этом направлении. Своей речью я вынес наши переговоры на форум общественности, и Надольный задается вопросом, с какой целью я это сделал. Добиваюсь ли я ответа германской стороны на этом же форуме и считаю ли я желательной неизбежную в таком случае полемику. Мне повезло,

* См. газ. «Известия», 29 декабря 1933 г.

** См. т. XVI, док. № 424.

что его, Надольного, не было в Москве, ибо он ушел бы во время моей речи, и что в Берлине сейчас никого нет — ни Гитлера, ни Нейрата, ни Бюлова, которые могли бы сразу ответить мне. Моя речь дезавуирует Надольного и провоцирует канцлера. Надольный тем более не понимает смысла этой речи, что «крестовый поход» против Германии вряд ли уместен сейчас, когда все государства ищут соглашения с Германией.

Я объяснил Надольному, что непосредственной целью моего выступления было осведомление нашего высшего советского учреждения, а вместе с ним и всех наших народов о состоянии наших международных отношений, в том числе и отношений с Германией. С такими подробными докладами я выступаю раз в несколько лет, и поэтому я должен давать совершенно ясную картину положения. Кроме того, я считал полезным и самой Германии разъяснить нашу точку зрения на вопросы, которые ее интересуют. Мы имели за последний год десятки выступлений Гитлера, Геринга, Геббельса, Папена, Розенберга и других, на которые мы не отвечали. Я считал тем более необходимым объяснить, что Надольный перед своим отъездом совершенно изумил меня заявлением, будто в советско-германских отношениях либо ничего не изменилось, либо, если изменилось, то исключительно по вине СССР, а отнюдь не Германии. Я решил, что если посол, который не может быть незнаком с историей наших отношений с Германией, делает подобные заявления и если он искренне так думает, то в Германии может найтись немало людей, которые держатся подобной наивной точки зрения, и что их надо поэтому несколько просветить. Я не вижу, чем моя речь могла дезавуировать Надольного. Я ему говорил, что мы хотели бы поддерживать с Германией наилучшие отношения, указывал, при каких условиях это возможно и что этому мешает. То же самое я повторил на сессии и этим как будто должен был подкрепить и подтвердить сообщение Надольного в Берлин. Я не вижу, что мешает германскому правительству влиять на свою общественность и прессу, ибо моя речь только поможет ему это сделать. Я отнюдь не имел в виду вызывать ответную публичную речь канцлера и даже об этом не думал, но отнюдь не возражаю против такого ответа. Нам было бы особенно интересно услышать от канцлера ответ на поставленный мною вопрос, как он относится к идеем об экспансии на Восток, изложенным в его книге, которая до сих пор служит пропаганде этих идей в Германии и во всем мире. Пока что мы имели вчера новое подтверждение Розенбергом его взглядов на этот вопрос в интервью «Пари миди». Если на вопрос, заданный Розенбергу по вопросу, по которому он неоднократно выступал в определенном духе, Розенберг отказывается отвечать, то нельзя делать некоего вывода, как о его приверженности старым

идеям *, ибо иначе он несомненно ответил бы совершенно ясно, что он думает². Я должен отвести упрек Надольного в резкости моей речи. Надо различать между первой частью, где я Германии не называл, только подразумевал ее, говоря о фашизме, и второй частью, где я назвал Германию и где нет никаких резкостей. Конечно, нетрудно было догадаться, что под охарактеризованным мною фашизмом я имел в виду Германию, так как Италия от германского фашизма отрекается, но я, во всяком случае, говорил о нем менее резко, чем Гитлер, Геринг и Геббельс говорят о коммунизме, под которым они подразумевают, конечно, СССР. Я повторил, что мы отнюдь не возражаем против открытого выступления Гитлера в ответ на мою речь, хотя мы заранее знаем, что он ничего нового не может сказать, кроме того, что будет противопоставлять свои заявления о хороших отношениях с нами другим выступлениям и фактам. Дальнейшая полемика в печати в таком случае будет совершенно неизбежна.

На вопрос Надольного, нельзя ли как-нибудь исправить эффект моей речи, я ответил, что я отнюдь не считаю ее ошибкой, которую надо исправлять, что я в ближайшее время больше выступать не буду, а что касается нашей прессы, то она объективно передает все отклики германской печати, комментируя их спокойным, деловым тоном.

Надольный перешел к другой теме. Оставаясь на базе Берлинского договора **, он желает поговорить со мной о международном положении и информировать меня о намерениях германского правительства, надеясь, что и мы считаем для себя обязательным Берлинский договор и будем соответственно поступать. Германское правительство проводит мирную политику, и, хотя оно не желает признавать версальского статуса, оно будет добиваться ревизии договоров мирными средствами. В отношении разоружения Англия хочет вернуться к своему старому плану и производит соответственное давление на Францию, которая также согласна взять за основу этот план с некоторыми изменениями. Французский меморандум отклоняет в основном германские предложения, но своим тоном обнаруживает желание Франции продолжать переговоры ***. Надольный объясняет двойственный характер меморандума борьбой во Франции разных течений, из которых ни одно еще не стало господствующим. Что касается Германии, то она требует 300-тысячной реорганизованной армии с годичным сроком службы. Франция требует включения в армию штурмовиков, Германия же это отклоняет, соглашаясь, однако,

* См. также т. XVI, док. № 167, 190, 209.

** См. т. IX, док. № 141.

*** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. X, М., 1936, стр. 23—28.

обсуждать военный характер штурмовых организаций. В Женеву Германия не поедет раньше согласования основных вопросов равноправия, как не будет участвовать в Совете Лиги наций до реорганизации Лиги. Конфиденциально Надольный добавил, что в Берлине сейчас рассматривается вопрос об особом контакте между государствами, не состоящими членами Лиги. С Польшей имели место пока только разговоры о неприменении силы. Поляки добиваются договора о ненападении, но Германия относится к этому сдержанно, опасаясь признания статус-кво. Имеется стремление с обеих сторон к разрядке атмосферы в экономической области, причем главной трудностью является навязываемый Польшей уголь, который Германии не нужен. С Японией никаких переговоров Германия не вела.

Закончив свое сообщение, Надольный спросил, могу ли я его информировать о нашем отношении к разоружению, разъяснить смысл намеков Молотова * и моих в отношении Лиги наций и ревизии договоров. Кроме того, он хотел бы знать, верны или газетные слухи о предложении нам Францией альянса и пакта взаимной помощи.

Я сообщил Надольному: наше отношение к разоружению известно и не менялось. Мы готовы идти на любое сокращение вооружений при условии обязательности для всех. Так как мы знаем, что независимо от франко-германских переговоров Япония не пойдет ни на какую конвенцию по разоружению, мы считаем этот вопрос совершенно отпавшим. В довооружении кого бы то ни было мы не заинтересованы. Лигу наций мы судим по ее деятельности и тенденциям. Мы ее критиковали и ругали всегда только за ее деятельность, которую мы не одобряли. Поскольку мы теперь находим, что там могут возобладать мирные тенденции, мы отдаем Лиге справедливость. Это не значит, что мы собираемся сейчас войти в Лигу. Никакого альянса нам Франция не предлагала, но Надольному должно быть известно по Женеве давнее предложение Франции относительно пакта о взаимной помощи **. Франция и в Женеве и после не переставала нам советовать присоединение к этому пакту. Говорила она с нами об этом и в последнее время.

Надольный пытался внушить мне мысль, что мы держались раньше вдали от Лиги наций только потому, что она препятствовала ревизии договоров. Если мы говорим о мирных тенденциях Лиги, то мы имеем в виду те страны, которые хотят мира на базе статус-кво. Вступая с ними в сотрудничество, мы, таким образом, присоединяемся к их политике недопуще-

---

* См. газ. «Известия», 29, 30 декабря 1933 г.

** См. т. XVI, док. № 332.

ния ревизии договоров. Что касается французского предложения в Женеве, то оно имело в виду общий пакт между всеми европейскими странами. Я должен знать, что такой пакт неосуществим, ибо его не принимают ни Англия, ни Италия, ни другие, а следовательно, речь может идти теперь только об ограниченном пакте. Подобный пакт между нами и Францией может быть направлен только против Германии, и Надольный просит ответить на вопрос, считаю ли я такой пакт совместимым с Рапалльским и Берлинским договорами.

Я ответил, что Надольный неправильно видит причину нашего прежнего отрицательного отношения к Лиге наций в вопросе о ревизии договоров. Очень может быть, что европейские страны, стремящиеся к миру, противятся ревизии договоров, но для нас важно, что они хотят мира, к которому и мы стремимся, и что при различных мотивах у них и у нас мы преследуем общую цель. Я понимаю борьбу Германии за ревизию договоров, но ниоткуда не следует, что и мы должны эту борьбу вести. Наше отношение к ревизии договоров я вполне определенно и четко высказал на сессии ЦИК. Я повторил, что никакого альянса и двустороннего пакта нам Франция не предлагает и что поэтому всякие рассуждения на эту тему будут сейчас совершенно академичны и теоретичны. Я не вижу надобности сейчас входить в теоретическую дискуссию о том, что совместимо или несовместимо с Берлинским договором и, в частности, были ли совместимы с ним предложения Папена в Лозанне о союзе с Францией*, который мог бы быть направлен только против нас. Если будет о чем информировать германское правительство, мы будем это делать. Сейчас же мне в этой области информировать не о чем.

Надольный вновь пытался вовлечь меня в дискуссию об альянсе с Францией и о Берлинском договоре, и когда я уклонился от этого, Надольный взволнованно воскликнул, что это бесчестная политика (унэрлихе политик). Я сказал Надольному, чтобы он не забывался, что я не позволю ему говорить со мной в таком тоне и что, если он немедленно не возьмет своих слов обратно и не извинится, я разговор прекращаю. Я закрыл свою записную книжку и встал. Надольный стал умолять меня не прекращать на этом разговора, но я строго настаивал на том, чтобы он немедленно извинился. Надольный, извиняясь, протянул мне руку и стал объяснять свою выходку «патриотическим» волнением.

Когда я вновь сел, Надольный опять стал просить что-нибудь сделать, чтобы исправить эффект моей речи на сессии ЦИК. Я вновь ему повторил, что я не вижу в этом никакой надобности, что, во всяком случае, не собираюсь выступать в

---

* См. т. XV, прим. 188, 225, 249.

ближайшее время ни публично, ни в печати. Я добавил, что буду рад, если к следующему моему выступлению на одной из сессий ЦИК я смогу сделать иное сообщение об отношении Германии к нам и о политике германского правительства.

Литвинов

Печат. по арх.

3. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфаном

4 января 1934 г.

Альфан принес мне резюме французского меморандума*, врученного Гитлеру, и дал некоторые разъяснения. Завязался общий разговор о Германии, и я упомянул, что немцы добиваются от нас нового подтверждения действительности Рапальского и Берлинского договоров. Я спрашивал Альфана, обратили ли французы внимание Гитлера на продолжающую циркулировать его книгу «Моя борьба», в которой Франция рассматривается как вековой враг Германии и проповедуется идея реванша, противоречащая мирным предложениям, которые Гитлер делает теперь Франции.

Альфан показал мне полученное им письмо от де Монзи**, в котором тот жалуется на медленность прохождения вопроса о литературной конвенции***.

Литвинов

Печат. по арх.

4. Письмо Полномочного Представителя СССР в Италии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

4 января 1934 г.

Проблемы разоружения и реформы Лиги наций и роль Италии. Недавняя поездка Сувича**** в Берлин не дала положительных результатов. Мысль Муссолини о передаче вопроса о разоружении на обсуждение держав, подписавших «пакт четырех»*****, не встретила сочув-

* См. «Сборник документов по международной политике...», вып. X, М., 1936, стр. 23—28.

** Министр национального просвещения Франции.

*** См. т. XVI, прим. 256.

**** Статс-секретарь министерства иностранных дел Италии.

***** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 3—10.

ствия Гитлера. Канцлер высказался за продолжение прямых переговоров Германии с Францией. Не отозвался Гитлер и на внушения Муссолини понизить свои требования относительно численности будущей германской армии и ограничиться по возможности легким ее вооружением. Что касается реорганизации Лиги наций, то в этом вопросе Гитлер проявил крайний скептицизм. По некоторым сведениям, он указал Сувичу, что известная резолюция Большого совета фашизма от 5 декабря* несовместима с какими бы то ни было компромиссами в отношении Лиги и что самым последовательным шагом со стороны Италии был бы немедленный выход ее из состава этого международного учреждения. Во всяком случае, ранее удовлетворения германских требований в деле разоружения Гитлер отказался обсуждать вопрос о реформе Лиги.

Позиции Франции и Англии. Позиции Франции в отношении разоружения и реформы Лиги наций общеизвестны. Правительство Шотана не проявляет склонности ни заменить конференцию по разоружению совещанием держав, подписавших «пакт четырех», ни согласиться на довооружение Германии, ни допустить реорганизацию Лиги наций. С этой стороны предложения Италии встречают наиболее твердый отпор. Быть может, это обстоятельство и не смушало бы Муссолини, если бы он видел, что в своей непримиримости Франция остается изолированной. Однако уже отмечено, что планы Муссолини не находят поддержки со стороны самой Германии. В довершение всего некоторые позиции Муссолини вызывают неодобрение Англии.

Переговоры Муссолини — Саймона. В момент, когда пишется это письмо, в Риме происходят переговоры Муссолини с Саймоном**. Конкретное содержание их пока не выяснилось. Достоверно известно, однако, что Саймон намерен указать главе итальянского правительства на осложнения, создаваемые в международной обстановке Европы требованиями Италии произвести в кратчайший срок реорганизацию Лиги наций. По мнению Саймона, прежде всего необходимо разрешить вопрос о разоружении. Для этого нужно воздействовать одновременно на Германию и на Францию, чтобы по возможности сблизить их позиции. Компромиссную формулу надлежит найти до возобновления работ конференции по разоружению, чтобы таким образом предупредить ее окончательную гибель. Срыв конференции развязал бы руки Германии в вопросе о ее вооружениях и мог бы повести к практической постановке неприятнейшего для Англии и Италии вопроса о применении к немцам известных санкций. Все, что затрудняет

* См. т. XVI, прим. 299.

** См. газ. «Известия», 3, 6, 9 января 1934 г.

соглашение между Германией и Францией, английское правительство считает вредным для дела международного мира. С этой точки зрения оно не может не признать тактической ошибки выступления Большого совета фашизма с ультимативным требованием реформы Лиги наций. По достоверным сведениям, английский посол в Берлине Фиппс уже предупредил Гитлера, что правительство Великобритании не считает возможным поддержать это требование Италии. Последствия неосторожной акции итальянского правительства уже явственно. Вместо искомого умиротворения в Европе опять разгораются страсти. Снова завязывается острая борьба вокруг проблемы ревизионизма. Франция и страны Малой Антанты организуют боевой лагерь противников реформы Лиги. Виновником этого перелома является итальянское правительство. Саймон рассчитывает, что Муссолини не будет упорствовать в допущенной ошибке. Италии не может улыбаться перспектива быть втянутой в открытый международный конфликт. Благоразумие заставит ее волей-неволей последовать за Англией, чтобы изыскать способы вернуть Германию в Женеву, найти там тот или иной компромисс и спасти конференцию от окончательного крушения.

Неизбежность капитуляции Италии. В дипломатических кругах Рима существует уверенность, что Саймону без особого труда удастся урезонить Муссолини и заставить его, как всегда, сообразовать свою политику с видами Великобритании. Разумеется, с внешней стороны все будет обстоять благопристойно. Визит Саймона в Рим будет зарегистрирован здесь как новое доказательство международного авторитета Муссолини. Официальное коммюнике констатирует полное единство взглядов главы итальянского правительства и министра Англии по основным вопросам международной жизни. Однако, по существу, Муссолини придется капитулировать. Иначе и быть не может. Международное положение Италии не таково, чтобы она могла вести вполне независимую внешнюю политику.

Неблагоприятные моменты международного положения Италии. В данный момент это положение представляется сугубо неблагоприятным. К глубокому антагонизму с Францией, к скрытым трениям с воинствующей Германией, к тягостной зависимости от Англии присоединяется ряд новых факторов, ослабляющих международные позиции Италии.

Консолидация Малой Антанты, шаткость правительства Дольфуса в Австрии под усиливающимся напором национал-социалистов, сторонников аншлюса, активизация французского влияния на Балканах, сближение Югославии с Турцией и Болгарией, подготовка пакта между Турцией, Грецией, Юго-

славней и Румынией, а может быть, и Болгарией, обострение взаимоотношений Италии с Албанией, наконец, расширяющееся сотрудничество Франции с СССР вызывают в Риме все возрастающее беспокойство. Совсем недавно Муссолини выразил посланнику Болгарии Волкову свое неудовольствие по поводу дружественных манифестаций между Белградом и Софией. Волков заверил Муссолини, что потребовал бы своего отозвания из Рима, если бы Мушанов* решился пожертвовать интересами македонского меньшинства ради соглашения Болгарии с Югославией. Недели три тому назад в разговоре со мною Алоизи** открыто заявил, что итальянское правительство крайне озабочено агитацией Турции в пользу балканской унии и сближения с Малой Антантой. Он выразил надежду, что мы не откажемся в дружественном порядке предостеречь Анкару против увлечения этой политикой, явно потворствующей интересам Франции. Демонстрирование турками торгового модуса вивенди с Италией и демонстративное замалчивание турецким посольством в Риме вопроса о займе в 300 млн. ит. лир, обещанном Исмету самим Муссолини, еще усилили подозрительность итальянцев в отношении Турции. Это стало проявляться настолько заметно, что Васыф*** счел необходимым недавно выехать в Анкару для личного доклада. Характернейшим показателем тех же тревог итальянского правительства можно считать запрос Аттолико в Москве относительно достоверности сведений о предполагаемом политическом соглашении нашем с Францией****.

Италия и франко-советское сближение. Легко понять, почему итальянцы особенно смущены франко-советским сближением, дальнейшее развитие которого изображается самой французской прессой в форме альянса. Известно, что Муссолини уже не раз пробовал убеждать нас не доверяться французской дружбе. В данный критический момент, когда международное положение самой Италии становится сомнительным и в Европе намечается новая расстановка международных сил, рассчитанная на изоляцию Германии, итальянское правительство, естественно, делает попытки застраховать себя от той же участи и сохранить дружественные отношения с СССР. В этом аспекте весьма показательный смысл приобретают, во-первых, явно инспирированное Римом и переданное нам через Алоизи³ предложение венгерского правительства начать переговоры об установлении нормальных отношений между Венгрией и СССР**** и, во-вторых,

---

* Председатель совета министров Болгарии.

** Начальник кабинета министра иностранных дел Италии.

*** Посол Турции в Италии.

**** См. также док. № 2.

***** См. док. № 12, 27, 41.

зондирующий вопрос, поставленный Кварони в последней беседе его с т. Гельфандом⁴, не пожелает ли Советское правительство принять участие в переговорах Италии и Англии относительно разоружения.

Авансы Италии в отношении СССР. Сообщение Алонзи уже передано Вам по телеграфу. Что касается зондажного разговора Кварони, то он подробно зафиксирован в дневнике т. Гельфанда. С этой записью нужно ознакомиться, чтобы лучше выяснить себе смысл итальянского предложения. Кварони просил передать его в Москву, выразив пожелание, чтобы наш ответ был дан по возможности в ближайшее время. Считаю нелишним отметить характерную тенденцию обеих последних бесед Кварони с т. Гельфандом. Очевидно, дабы несколько охладить нас в отношении Франции, собеседник т. Гельфанда всячески старался доказать, что нам не следует опасаться враждебных действий со стороны Германии, что правительство Гитлера рано или поздно осознает необходимость восстановления дружественных отношений с СССР, и что в этом аспекте самое сближение Германии с Польшей не представляет для нас никакой угрозы. Как вам известно, какой-нибудь месяц тому назад мы слышали от ответственных представителей итальянского правительства совершенно иные суждения на этот счет*. Ясно, что в данный момент итальянцы готовы власть в противоречие с самими собою, лишь бы удержать нас от дальнейшего сближения с Францией, которое грозит им еще большей изоляцией.

Полпред
Потемкин

Печат. по арх.

5. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Польше с Министром Иностранных Дел Польши Беком

5 января 1934 г.

Бек вызвал меня и заявил:

Он хочет развить предо мной то, что телеграфно поручил Сокольниковскому передать в Москве⁵. Благодаря нелояльности Финляндии намерения польского и Советского правительств стали широко известны**. Он поручил польскому посланнику в Гельсингфорсе резко протестовать против такого поведения финляндского правительства. Он выжидал, что предпримет Москва в связи с газетной кампанией. Дал указание Шетцелю*** передать нам, что завтра в «Газете польской», наряду

* См. т. XVI, док. № 411.

** См. т. XVI, док. № 426 в 431.

*** Начальник восточного отдела МИД Польши.

с опровержением ТАСС, появится передовая статья, освещающая отношение Польши⁶. Но Бек не видит никаких оснований для отказа от намеченной акции*. Она должна быть доведена до конца, если таково будет намерение г. Литвинова. Он с удовольствием принял приглашение приехать в Москву и придет, «если отношение в Москве к этому не изменилось» (я поспешил заверить Бека, что никакой перемены не могло произойти). Но Бек не может приехать уже сейчас, хотя приезд Поль-Бонкура** до сессии Совета Лиги наций отпал. Бек готовится к экспозе в сенате и к председательствованию в Совете Лиги наций, в Женеву выедет 12 января, после Совета будет занят на конференции по разоружению, затем — прием Поль-Бонкура. У нас сможет быть к середине февраля***.

Намеченная акция по отношению к Прибалтике его непрезобочивает так, как вопросы разоружения. В этой области, как указал и маршал, особенно желательно, необходимо наше сотрудничество. Маршал крайне обеспокоен поведением Франции. Она имела полную возможность использовать выход Германии из Лиги наций и факт довооружения Германии, дабы взять назад все уступки, сделанные ею Германии (в протоколе 11 декабря 1932 г.****, в заявлениях начала октября 1933 г.); она не только не сделала этого, она подтвердила предложения Саймона от 14 октября, основные принципы англо-французского плана, абсолютно неприемлемые для Польши*****. Во Франции заблуждаются, думая, что Германия попросту отвергнет этот «эд-мемуар». Германия сможет согласиться на него, и тогда положение станет весьма опасным. Перед такой опасностью необходима четкая координация действий Польши и Советского Союза.

Я ответил Беку, что для такой координации, как мне лично кажется, необходима прежде всего ясность в отношении к Германии. Наше отношение четко определено в недавних заявлениях главы правительства и наркома*****. Отношение Польши представляется, однако, неясным. Формулировки новгородней статьи «Газеты польской» о мирной политике Гитлера в отношении Польши⁷, совершено замалчивание факта бешеного вооружения Германии («Ну, эти вооружения, — откликается Бек в презрительном тоне, — это все еще пустяк!!»), с каждым днем меняющие соотношение сил в пользу Германии совсем по принципу, намеченному Гитлером в известном пись-

* См. док. № 42.

** Министр иностранных дел Франции.

*** См. док. № 58.

**** См. т. XV, прим. 321.

***** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 164—165, 168—170.

***** См. т. XVI, прил. 1 и 2.

ме к фон Папену (октябрь 1932 г.),— все это приводит в недоумение.

«Но мы,— отвечает Бек,— ведь заявили в Париже, что против довооружения Германии, и мы предлагаем вам бороться вместе против легализации этого довооружения и против ослабления сил Франции. Мы пошли на переговоры с Германией и выравнивание с ней отношений, потому что не хотим повторения Локарно. И мы уже имеем успех. Мы не собирались и не собираемся рвать с Францией, но она должна должным образом оценивать нас». Бек с удовлетворением отмечает, что Франция отказалась от сепаратных переговоров с Германией по вопросам интернационального значения и что она фактически прикончила «пакт четырех»*, вернувшись к Лиге наций. Вообще он смотрит оптимистично на положение, в особенности в связи с позицией Советского Союза и Соединенных Штатов в отношении Лиги наций и разоружения. Переговоры с Германией идут туго, вряд ли возможно более чем временный модус вивенди в торговых вопросах, ибо немцы не хотят считаться с наступившими изменениями. «А мы не будем вновь поставлены перед какой-либо неожиданностью в политической области?» На этот мой вопрос Бек отвечает: «Я бы вас предупредил». Он вновь повторяет и просит передать как мысль маршала, что особенно важным Польша считает ныне сотрудничество с нами в вопросах разоружения.

Антонов-Овсеенко

Печат. по арх.

6. Нота Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Посланнику Польши в СССР Лукасевичу

7 января 1934 г.

Господин Посланник,

Имею честь настоящим подтвердить получение Вашей ноты от 16 декабря прошлого года, которой Вы сообразовали пригласить ученых Союза Советских Социалистических Республик для участия в работах Международного географического конгресса, имеющего быть с 23 по 31 августа с. г. в Варшаве⁸.

Я не премину передать это приглашение компетентным органам Союза и по получении их ответа не замедлю поставить Вас о таковом в известность.

Примите, господин Посланник, уверения в моем высоком к Вам уважении.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 3—10.

В упоминаемой ноте от 16 декабря 1933 г. на имя М. М. Литвинова, в частности, говорилось:

«Общее собрание Международного географического союза, созданное в Париже в 1931 г., единогласно приняло решение, чтобы Международный конгресс 1934 г. состоялся в Варшаве. Польский географический комитет постановил созвать конгресс в срок от 23 до 31 августа 1934 г. в Варшаве и избрал с этой целью Исполнительный Комитет для организации конгресса.

В связи с вышесказанным имею честь просить Вас, господин Народный Комиссар, чтобы Правительство Союза Советских Социалистических Республик делегировало ученых Союза для участия в этом конгрессе».

7. Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР и Заведующего Правовым отделом НКВД СССР Полномочному Представителю СССР в Норвегии А. А. Бекзядяну

7 января 1934 г.

Торговое представительство в Осло сообщает о том, что Алезундский союз тюленепромышленников* подал ему заявку на допущение в этом году норвежского промыслового флота в размере 2500 т. Прошлогодня заявка равнялась 2200 т (фактически на промысел вышло лишь 2093 т). Если исходить из данных промысла за 1933 г., то, в случае удовлетворения нами норвежской заявки на 1934 г. полностью, нормы вылова норвежцами тюленя составят в текущем году примерно 175 тыс. голов — цифра, превышение которой грозит постепенным истреблением тюленьего стада. С другой стороны, удовлетворение заявки, если принять во внимание применяемый норвежцами односторонний метод исчисления тоннажа, приведет к стабилизации на будущее цифр 2500 и 175 тыс. И в том и в другом мы не заинтересованы.

Поэтому Главный концессионный комитет 11 ноября п. г. (копия его постановления была Вам своевременно сообщена) принял по вопросу о тоннаже следующее решение: «считать, что вопрос о тоннаже зверобойных судов концессионера на 1934 г. должен быть разрешен в таком же порядке, как он разрешается в последние годы, т. е. путем соглашения между торгпредством и концессионером, причем размер тоннажа в 1934 г. не должен превышать размеров тоннажа, допущенных в 1933 г.» Таким образом, торговое представительство, а не полпредство, руководствуясь этим постановлением, должно вступить в переговоры с концессионером. Обосновать нашу позицию надлежит примерно следующим образом: вопросы сокращения норвежского тоннажа занимается паритетная комиссия. Поскольку убой и тоннаж 1932 г. были приемлемы с

* См. т. VIII, док. № 411.

точки зрения сохранения стада, советская сторона не усматривала надобности в созыве паритетной комиссии в текущем году. Выдвигаемая норвежцами претензия на право убоя 175 тыс. голов требует со стороны наших научных органов самой серьезной работы, которая еще не закончена. При таких условиях занятия паритетной комиссии в этом году были бы бесполезны. Поскольку, таким образом, паритетная комиссия в этом году не заседала, а будет создана лишь в конце 1934 г., мы категорически настаиваем на сохранении на текущий год статус-кво. Речь в данном случае идет не о сокращении норвежского тоннажа, а именно о сохранении его на прошлогоднем уровне. При переговорах целесообразно также использовать и высокую цифру норвежского промысла за 1933 г., чуть ли не на 50% превышающего наш промысел, а также высокий процент выбоя норвежцами молодого зверя (около 90 тыс. на 150 тыс.). В интересах сохранения тюленьего стада от угрозы истребления целесообразно не увеличивать размеров норвежского тоннажа до того, как паритетная комиссия займется в 1934 г. этим вопросом, располагая с обеих сторон согласно сказанному выше необходимым статистическим, биологическим и зоологическим материалом.

Одновременно торговое представительство должно в категорической форме поставить перед концессионером вопрос о нарушении им постановлений концессионного договора, выраженном в том, что в 1933 г. он использовал в процессе промысла плавучую базу. В силу примечания к § 2 концессионного договора, суда концессионера не могут совершать более двух рейсов в сезон для производства тюленьего промысла. Между тем при наличии судна-матки каждое из промысловых судов совершило значительно больше рейсов от места промысла до судна-матки, чем это предусмотрено договором. На 1934 г., если концессионер будет продолжать пользоваться судном-маткой, советская сторона каждый рейс от промысла до судна-матки и отгрузку добычи на последнее будет квалифицировать как один из двух рейсов, предусмотренных договором, и не допустит к дальнейшему промыслу судно, уже исчерпавшее свою норму рейсов.

В указании выше постановлении Главного концессионного комитета также указывается и на то, что в текущем году советская сторона предполагает использовать предоставленное в силу § 7 право направить на одно из концессионных судов двух научных сотрудников «Главрыбы» с целью научных исследований и для наблюдения за выполнением договора. В силу § 7 полпредство должно не позже 20 января сообщить концессионеру, на каких судах из каких районов поедут указанные лица. Таким образом, необходимо выяснить у концессионера, какое из промысловых судов может быть предостав-

лено для этой цели, после чего договориться с ним о том, что эти лица будут посажены на судно с о. Кильдин, куда и нужно направить по пути следования намеченное судно. О сроке похода судна к о. Кильдин необходимо заблаговременно поставить нас в известность, чтобы «Главрыба» могла своевременно направить туда товарищей, которые примут участие в походе данного судна.

О переговорах с концессионером по указанным вопросам просим держать нас в курсе⁹.

Член Коллегии НКВД
Стомяков

Зав. Правовым отделом
Сабанин

Печат. по арх.

8. Речь Полномочного Представителя СССР в США А. А. Трояновского при вручении верительных грамот Президенту США Рузвельту

8 января 1934 г.

Господни Президент, я имею честь вручить Вам грамоты, аккредитующие меня в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла Союза Советских Социалистических Республик при Правительстве Соединенных Штатов Америки. Одновременно я имею честь и удовольствие передать Вам от имени Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР и от имени Правительства и народов моей страны самые горячие личные приветствия и искреннейшее пожелание дружбы и наилучшие пожелания счастья и преуспеяния вашей великой стране. В мире, прошедшем через напряженный послевоенный период, период, насыщенный событиями исторического значения, в мире, который так нуждается в подлинном мире и доброй воле между государствами, в мире, имеющем все основания для разочарования в связи с, видимо, бесконечными и пока что бесплодными переговорами о мире и разоружении, — в этом мире уже самый факт сотрудничества и дружбы между двумя столь великими и могущественными государствами, как САСШ и СССР, неизбежно должен иметь большое историческое значение и оказать прямое и далеко идущее действие на состояние международного мира. Мое Правительство и лично я искреннейшим образом желаем и намерены делать все возможное для претворения в жизнь выраженного Вами пожелания, чтобы взаимоотношения, установленные ныне между нашими народами, навсегда остались нормальными и дружественными и чтобы отныне наши народы сотрудничали друг с

другом в своих обоюдных интересах и в целях сохранения международного мира*.

Народы моей страны испытывают вполне естественные чувства симпатии, уважения и восхищения по отношению к вашей великой стране, которая вызывает у них мысль о высоком уровне технического и научного прогресса и в которой они видят великую творческую силу. Таким образом, сотрудничество между 125 миллионами населения вашей страны и 170 миллионами населения нашего обширного государства должно в силу необходимости привести в скором будущем к дальнейшему общему прогрессу человечества. Поэтому я верю, господин Президент, что новая эра нормальных и дружественных взаимоотношений между нашими народами будет существенным образом содействовать развитию широчайшего сотрудничества между ними в самых различных областях человеческой деятельности, но прежде всего в области сохранения международного мира. Разрешите мне заверить Вас от имени Правительства СССР, что оно полно решимости продолжать самым последовательным и неуклонным образом ту политику мира, широкие доказательства которой оно давало при каждом случае со времени своего прихода к власти. Вступая в исполнение моих обязанностей в САСШ, я буду усматривать свою величайшую задачу в том, чтобы делать все от меня зависящее для создания теснейших уз сотрудничества и дружбы между обеими странами.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 9 (5257), 10 января 1934 г.*

В ответной речи Рузвельт заявил:

«Господин Посол, я весьма счастлив принять грамоты, аккредитующие Вас в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла Союза Советских Социалистических Республик, и приветствовать Вас на этом посту. Ныне заложены основы для развития искренне дружественных отношений и тесного сотрудничества между Правительствами САСШ и СССР. На Вас и на меня выпадает почетная задача совместно работать в деле созидания на этой основе прочного здания дружбы и сотрудничества. Глубокая преданность миру является общим наследием народов обеих стран, и я целиком согласен с Вами, что сотрудничество между нашими великими государствами неизбежно будет иметь первостепенное значение для сохранения международного мира. Успешное завершение этой обоюдной задачи принесет непосредственную и длительную пользу не только народам наших стран, но и всем сторонникам мира во всем мире. Лично Вас, г. Посол, я приветствую с особым удовлетворением. За последние годы Вы неоднократно обнаруживали свое дружественное отношение к американскому народу. Это не прошло незамеченным или не оцененным со стороны Правительства Соединенных Штатов, и я усматриваю наилучшее преднамерование в том, что Правительство СССР избрало в качестве своего первого Посла в САСШ не только одного из самых выдающихся своих граждан, но к тому же человека, хорошо известного своим дружественным отношением к САСШ. Вы можете быть уверены, г. Посол, в обоюдно-дружественных чув-

* См. т. XVI, док. № 315.

ствах по отношению к Вам со стороны Правительства и народа САСШ. Члены и должностные лица этого Правительства будут делать все от них зависящее для сотрудничества с Вами и будут рады оказывать Вам всемерную поддержку в выполнении Вашей миссии, которой мое Правительство, как и ваше, сильно желают успеха. Я надеюсь, что Вы уведомите Его Превосходительство Председателя Центрального Исполнительного Комитета, Правительство и народы СССР, что их любезные послания доброжелательности глубоко оценены и что я в ответ передаю им искреннее желание мирного прогресса и счастья».

9. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренива в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

8 января 1934 г.

Был у Хирота *. Начал с того, что напомнил ему о нашей беседе 14 декабря ¹⁰, о его беспокойстве по поводу приостановления переговоров о КВЖД и о том, что он заявил о своей готовности принять, в случае наличия у него уверенности в серьезности наших намерений насчет продажи КВЖД, меры к освобождению арестованных советских служащих **. К этому я добавлял, что содержание нашего с ним разговора я, естественно, подробно благожелательным образом доложил Москве и теперь получил ответ. Советское правительство, преследуя политику мира и стремясь, так же как и министр, к урегулированию вопроса о КВЖД, заявляет японскому правительству о своей готовности немедленно вслед за освобождением арестованных советских железнодорожников предложить Японии новую, значительно сниженную цену за КВЖД, назвав такую не в золотых рублях, а в бумажных ненах. Хирота, не проявив внешне особой радости, поставил мне вопросы: знаю ли я о том, что в Харбине между советским генеральным консулом и местными властями уже ведутся переговоры относительно участи арестованных ¹¹. Я ответил, что знаю, но что имею от Советского правительства поручение сделать министру вышеизложенное предложение. Хирота сказал: значит, вы хотите, чтобы Япония посоветовала Маньчжоу-Го освободить арестованных. Я ответил утвердительно. Затем Хирота сказал, что в интересах избежания новых конфликтов, следовало бы, чтобы освобожденные покинули Маньчжоу-Го. Я ответил, что не полномочен дать министру ответ на его предложение, которое понимаю, как готовность дать Маньчжоу-Го совет освободить арестованных. Хирота сказал, что это его мнение, а как отнесется Маньчжоу-Го, он не знает, что японское правительство находится в роли посредника, и поэтому оно незамедлительно поставит наше предложение перед Мань-

* Министр иностранных дел Японии.

** См. т. XVI, док. № 305.

чжоу-Го. Если последнее его примет, то арестованные будут освобождены, и тогда надо немедленно возобновить и как можно скорее закончить переговоры о КВЖД. Снижение нами цены и фиксирование ее в бумажных невах, конечно, облегчит переговоры, но все же желательно иметь уверенность в том, что переговоры немедленно дадут благоприятные результаты. Если та, значительно сниженная цена, которую предложит СССР, приблизится к цене, которую укажет Маньчжоу-Го, то вопрос о цене разрешится и разрешатся переговоры. Поэтому очень важно иметь надежду на то, что как только возобновятся переговоры, вопрос о цене будет согласован. Другими словами, Японии, как посреднику, важно знать все виды на успешное окончание переговоров. Я ответил, что первую часть заявления министра о том, что он снесется с Маньчжоу-Го, принимаю к сведению и доложу об этом Советскому правительству. Что касается переговоров о КВЖД, то свой серьезный, искренний подход к этому практически мы доказали уже не раз и сегодня это сделали с еще большей, чем когда бы то ни было, убедительностью. Вопрос относительно уверенности насчет исхода переговоров я мог бы поставить и господину министру, ибо от него и от японского правительства главным образом зависит успешность или неуспешность таковых. Я надеюсь, что японское правительство сделает все для того, чтобы Маньчжоу-Го назвало серьезную цену. Хирота ответил, что если «последняя цена», которую собирается назвать советская сторона, не будет достаточно низка, вопрос может не разрешиться. Я поправил Хирота, указав, что никак не квалифицировал ту цену, которая будет названа Советским правительством, ни последней, ни предпоследней. Это есть та цена, которая будет названа нами после ряда уже ранее сделанных серьезных уступок. Вслед за этим было условлено, что Хирота немедленно «снесется с Маньчжоу-Го» и по получении ответа вызовет меня к себе¹², а я же доложу Москве о разговоре и, в частности, о пожелании Хирота насчет дальнейшей судьбы советских сотрудников после их освобождения.

Полпред

Печат. по арх.

10. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с членом парламента Великобритании Стаффордом Криппсом

9 января 1934 г.

Стаффорд Криппс, который сейчас очень быстро выдвигается и играет роль второго после Лейсбери лидера лейбористской партии, был у меня на завтраке и имел со мной продолжительную беседу (разговор происходил с глазу на глаз).

1. Прежде всего Криппс стал меня подробно расспрашивать о внутреннем положении СССР. Я его информировал со многими деталями, подчеркнув, что 1933 год является в известном смысле поворотным годом, ибо в этом году нам удалось разрешить труднейшую проблему нашей революции: поставить на ноги колхозы. Криппс отнесся к моим сообщениям с большим интересом и большой симпатией и отметил чрезвычайно важное значение наших внутренних побед с точки зрения укрепления нашего международного престижа. По его словам, в Англии в настоящее время в самых широких кругах, в том числе консервативных, все больше укрепляется мнение о том, что СССР представляет собой в высшей степени серьезную силу, с которой приходится считаться.

2. Далее я, в свою очередь, стал расспрашивать Криппса о внутреннем положении Великобритании. Криппс дает такую его оценку. Экономическое положение страны несколько улучшилось, хотя едва ли можно ожидать возвращения высокой конъюнктуры. Политически положение консерваторов укрепилось. Криппс очень опасается, что, используя частичное улучшение конъюнктуры, а также хорошее состояние бюджета (к концу бюджетного года предвидится свободная наличность в сумме 50 млн. фунтов), консерваторы могут осенью текущего года назначить новые выборы и получить в парламенте большинство, правда, не столь большое, как они имеют ныне, но, во всяком случае, достаточное для того, чтобы править страной. Тогда им будет обеспечено еще пять лет господства в парламенте. Если консерваторы действительно проделают эту комбинацию, то новое правительство будет уже носить открыто консервативный характер. Фигового листочка «национального» правительства не будет. Консерваторы пошли на приманку «национального» правительства в 1931 г. лишь потому, что момент тогда был в высшей степени неопределенный и нельзя было знать заранее, какой эффект вызовет отход Англии от золотого стандарта, введение протекционизма и целый ряд других моментов. Не желая брать на себя риск в возможной неудаче, консерваторы предпочли в 1931 г. задрапироваться костюмом «национального» правительства. Но сейчас, если они придут к выводу, что опасность острой неудачи миновала и риск оказаться в проигрыше исчез, они, конечно, захотят выступить уже с открытым забралом. Со слов Эмери (быв. министр колоний в кабинете Болдуина, один из правых консерваторов), Криппс знает, что в серьезных консервативных кругах сейчас обсуждается проект ликвидации Макдональда как премьера к концу текущего года даже и в том случае, если новых выборов не будет. На мой вопрос, каковы были бы успехи лейбористов в случае назначения выборов осенью, Криппс выразил уверенность, что, поскольку можно предвидеть в настоя-

шее время ход событий, лейбористы вернулись бы в палату в количестве примерно 200—220 мандатов. Зато, если осенью текущего года выборов не будет и новые выборы состоятся только в 1936 г., Криппс полагает, что лейбористы могут тогда получить даже абсолютное большинство голосов в парламенте.

3. В связи с этой последней перспективой Криппс категорически заявил мне, что если в Англии к власти придет еще одно лейбористское правительство, то оно будет значительно отличаться от предыдущих. Оно будет гораздо левее и социалистичнее, чем его предшественники. В области внешней политики это правительство в качестве основного принципа выдвинет теснейший контакт с Советским правительством. Между Москвой и Лондоном должна установиться максимальная близость, и тогда, по мнению Криппса, ряд крупнейших международных проблем сможет быть благоприятно разрешен до конца. Будущее лейбористское правительство в особенности тесно стало бы кооперировать с Советским правительством в деле сохранения всеобщего мира. В ответ на мои вопросы Криппс категорически заверил меня, что таково настроение, во всяком случае, решающего большинства лейбористской партии.

4. Далее разговор перешел на Дальний Восток. Криппс весьма обстоятельно расспрашивал меня о положении дел в Маньчжурии и Японии. Я информировал его и, подчеркивая нашу политику мира*, отметил, что очень многое в ходе событий на Дальнем Востоке будет зависеть от поведения Англии. Я задал поэтому Криппсу вопрос, что он думает по данному поводу. Криппс ответил, что нынешнее британское правительство, конечно, будет сочувствовать Японии в случае ее нападения на СССР, однако едва ли оно решится выступить с открытой ее поддержкой, ибо такая поддержка натолкнулась бы на очень серьезную оппозицию внутри страны. Участие Англии в японо-советской войне вооруженными силами на стороне Японии Криппс исключает, но зато вполне допускает финансирование японских военных заказов со стороны Лондона. Криппс не думает, что такое финансирование могло бы производиться в форме открытого выпуска на лондонской бирже японских военных займов, это для правительства было бы тоже не совсем удобно. Но в таких займах, в сущности, и нет особой необходимости. Банковские учреждения Сити, с молчаливого согласия правительства, смогут предоставить Японии необходимые кредиты для закупки в Англии аммуниции, провианта и т. п. Зато Криппс совершенно уверен, что британский пролетариат, в случае японо-советской войны, решительно выступит на стороне СССР. Он уверен, что тред-юнионы (на которые он воз-

* См. док. № 28.

лагают больше надежд, чем на лейбористскую партию) окажут СССР поддержку и создадут японцам массу трудностей в случае размещения ими в Англии военных заказов.

В заключение Криппс, по собственной инициативе, заявил, что ввиду тяжелых туч, скопившихся на Дальнем Востоке, он считает особенно важным в ближайшее время сконцентрировать внимание английского рабочего движения на угрожающей со стороны японского империализма опасности.

Полномочный Представитель
СССР в Великобритании
Майский

Печат. по арх.

11. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Польши в СССР Лукасевичем

11 января 1934 г.

Лукасевич сообщил, что Бек собирается выехать в Женеву 13-го. На Совете Лиги наций ожидается обсуждение Саарского вопроса, а также отставки Гендерсона.

По поводу балтийской декларации * Лукасевич сказал, что Бек не реагировал вначале на газетные сообщения о декларации, не зная нашего отношения к ним, и что после опровержения ТАСС Бек со своей стороны дал опровержение через «Газету польску»⁶. Бек избегает опровержений через ПАТ, а в данном случае он не хотел ограничиваться только опровержением, а хотел в статье коснуться вопроса о независимости Прибалтики по существу. На запросы дипломатов в Варшаве Бек отвечал, что разговоры между нами о Прибалтике были, что в этом вопросе были неясности до подписания пакта о ненападении ** и что теперь согласованы советская и польская точки зрения на базе сохранения независимости Прибалтики. Переговоры о пакте или какой-либо другой форме соглашения Бек отрицал. Что же касается моего предложения, переданного через Сокольниковского⁵, то Бек находит неудобным опубликование декларации вне всяких обстоятельств, объясняющих ее, так сказать, изолированно, а предпочитает сделать это в рамках общих переговоров, которые он будет иметь со мною при посещении Москвы ***. Он надеется быть у нас в первой половине февраля, но окончательную дату он сможет сообщить только после Женевы, числа 25-го, когда выяснится время приезда в

* См. т. XVI, док. № 426 и док. № 5 настоящего тома.

** См. т. XV, док. № 300.

*** См. док. № 58.

Варшаву Польш-Бонкура и поездки Бека в Бухарест. Ответы Эстонии, Латвии Бек считает в принципе положительными, но в них есть неясности, по поводу которых нужно будет еще продолжать обмен мнениями с ними. Никакого предложения о расширении круга участников декларации Эстония Польше не делала. Позиция Финляндии явно негативная, и с ней считаться больше не приходится. Бек поручил своему посланнику в Гельсингфорсе сделать представление Хакселю по поводу его недискретности, хотя, по польским представлениям, сообщение в «Дейли геральд» появилось раньше, чем в Прибалтике. Польша не знает подробностей ответа Литвы, и Бек был бы благодарен за сообщение ему этих подробностей.

Я напомнил Лукасевичу, что ответ Литвы нами уже сообщен Польше*. Литва не только не возражает, но и приветствует наш демарш без всяких оговорок. Все газетные и другие сообщения имеют своим первоисточником, несомненно, Финляндию. Я рассказал Лукасевичу, как г. Штейн** предупредил появление в финской печати первых сообщений о декларации, после чего финны попытались использовать для этого латвийскую печать, как мы задержали на пару дней сообщение в «Дунакас зиняс», и указал, что не «Дейли геральд» первая напечатала сообщение. Я высказал предположение, что «Дейли геральд» также получила сведения из Финляндии. Сообщил также Лукасевичу о недискретности Бильманниса***. Резюмируя разговор, я отметил, что г. Бек не изменил своего отношения к нашему предложению о декларации, что он готов участвовать в ней, откладывая публикацию ее до своего визита в Москву, и что он согласен исключить Финляндию.

Лукасевич подтвердил правильность моего резюме. Газетные сообщения отнюдь не меняют отношения Бека к декларации, от которой он не отказывается. Конечно, придется еще говорить о редакции декларации. Относительно привлечения других стран к участию в декларации Бек ничего не говорил Лукасевичу, но у последнего создалось впечатление, что Бек не считает пожелание Эстонии¹³ достаточным поводом для серьезного обсуждения этого вопроса. Правда, Лукасевич по поручению Бека сам со мною затрагивал вопрос о привлечении Швеции, но делал он это только для того, чтобы выяснить мое отношение к этому****. Ссылка Сокольниковского на разговор Бека с Антоновым-Овсеенко о недостаточности одной политической постановки вопроса относится к беседе, имевшей место до отъезда Антонова-Овсеенко в Москву*****, когда о

* См. т. XVI, док. № 441.

** Полпред СССР в Финляндии.

*** Посланник Латвии в СССР.

**** См. т. XVI, док. № 431.

***** См. т. XVI, док. № 398.

декларации еще ничего не было известно. Поскольку Бек затронул вопрос о Прибалтике, он говорил тогда о недостаточности одного политического, а о желательности также морского и экономического сотрудничества.

В связи с этим Лукаевич почему-то спросил, на каком языке Бек объясняется с Антоновым-Овсенко. Я высказал предположение, что так как Бек не говорит по-русски, разговор, вероятно, происходит на французском языке. Лукаевич допустил возможность, что Бек говорит по-польски, а Антонов-Овсенко отвечает по-русски, вследствие чего возможны недопонимания.

Я высказал опасение, что ввиду откладывания вопроса о декларации чуть ли не на месяц и большого интереса, проявляемого к появившимся в печати сообщениям о Прибалтике, как нашим, так и польским дипломатам трудно будет удержаться на позиции полного отрицания. Я считаю вполне удачной версию Бека о согласованности наших точек зрения, но она не отвечает на вопрос о нашей акции в Прибалтике, о которой балтийские дипломаты не умалчивают. Я предложил бы поэтому в наших ответах на запросы дополнить версию Бека сообщением, что и мы и поляки довели свои точки зрения до сведения Балтийских стран, умалчивая лишь о предполагаемой декларации. Лукаевич обещал снестись с Варшавой и дать мне завтра ответ*.

Переходя к вопросу о разоружении, Лукаевич сказал, что и английские, и французские предложения** идут по линии легализации довооружения Германии и нарушения Версаля. Польша будет решительно выступать против этого довооружения, и Бек даже думает, что в конце концов противниками этого довооружения останутся только Польша и СССР, хотя между ними имеется та разница, что мы непричастны к Версалю. Бек еще ничего не придумал относительно какого-либо общего метода действий, но он хотел бы иметь возможность контакта с Довгалеvским на случай, если вопрос встанет теперь же в Женеве.

Я подтвердил наши принципиальные возражения против довооружения кого бы то ни было, подчеркнув особенность нашего положения, когда у нас нет никаких формальных прав возражать против равноправия в вооружениях. Мы готовы будем, однако, обсудить любые предлагаемые Польшей методы действий и дадим инструкции Довгалеvскому быть в контакте с Беком, хотя, поскольку у Лукаевича имеется шифр с Женевой, проще будет возможные вопросы обсуждать непосредственно с Москвой.

* См. также док. № 24.

** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 25—27 и 67—92.

Сославшись на ранее заданный мною вопрос относительно пакта о ненападении с Германией¹⁴, Лукасевич конфиденциально сообщил мне, что Польша получила от Германии формальное предложение о заключении такого пакта. Это предложение долго обсуждалось в Варшаве и теперь поручено Липскому* вступить в переговоры с германским правительством. Переговоры эти могут кончиться в один день, как это имело место при устной декларации**, но могут и затянуться. Переговоры, однако, будут вестись в плоскости польско-германских отношений, не будут касаться разоружения и третьих стран. Польша стремится привести отношения с Германией в линию отношений последней с другими соседями.

На мой вопрос, будет ли Польша настаивать на признании территориального статус-кво, Лукасевич ответил, что ему это не известно, но что речь идет о пакте о ненападении обычного типа. Польское правительство, во всяком случае, будет держать нас в курсе переговоров***.

Я просил Лукасевича благодарить Бека за сообщенную информацию и спросил, не известно ли Лукасевичу, что делается сейчас в Румынии. Лукасевич ответил, что виделся в Варшаве с только что приехавшим из Румынии польским посланником Арцишевским. Как и Франция, Польша весьма озабочена румынскими событиями, ибо не подлежит сомнению, что силы «Железной гвардии» растут и что эта организация находится в тесной связи с гитлеровцами. Король окружен весьма сомнительными элементами, сочувствующими «Железной гвардии». В румынской армии генералы и старое поколение аполитичны, но молодые офицеры сочувствуют «Железной гвардии». Король не хочет отпускать Титулеску, но последний поставил условием передачу в руки правительства контроля над армией и жандармерией, принадлежащего королю, и удаление из антуража короля лиц, причастных к «Железной гвардии» и связанных с немцами, в том числе и личного секретаря короля. Есть опасение переориентации Румынии на Германию. Франция несколько дискредитирована в Румынии ее настойчивостью в требовании увеличения трансфера процентов и погашения по займам. Англия отнесется к событиям безразлично, а активности Италии там незаметно. Муссоллини не перестает соблазнять Румынию урегулированием ее споров с Венгрией в обмен за выход ее из Малой Антанты. Я высказал предположение, что, поскольку новые события несомненно ослабляют связь Румынии с Малой Антантой, Муссоллини не

---

* Посол Польши в Германии.

** См. т. XVI, прим. 278.

*** См. док. № 24.

может не сочувствовать этим событиям, с чем Лукасевич согласился. Он на прощанье сказал, что по возвращении из Женевы Бек снова вызовет его на несколько дней в Варшаву*.

Литвинов

Печат. по арх.

12. Записи бесед Полномочного Представителя СССР в Турции с Посланником Венгрии в Турции Юнгерт-Ариотн

11 января и 12 января 1934 г.

При первом визите, после вручения верительных грамот, заместитель Тахи** отрекомендовался давнишним другом и сторонником советско-венгерского сближения и начал свою беседу с того, что хотел бы продолжать традиции своего предшественника, выразив надежду, что я окажу ему такое же содействие в его работе, какое оказывал и Тахи.

Он рассказал мне, что больше десяти лет прожил в соседстве с Советской Россией — в Балтийских странах и Финляндии, где одновременно выполнял функции осведомителя по советским делам. Внимательное изучение советской действительности привело его к еще большему убеждению в необходимости установить дипломатические отношения между нашими странами. С большим восхищением он говорил об успехах нашего строительства, проявив при этом действительно довольно солидную и основательную осведомленность.

К своему новому посту он приступает не без чувства некоторого волнения и тревоги. На его долю выпадает представлять Венгрию в Турции как раз в момент, когда в турецкой политике происходят такие крупные перемены и сдвиги. Он еще недостаточно осмотрелся для того, чтобы иметь точное суждение, но по всем его впечатлениям, подкрепленным мнением его предшественника, в турецкой политике сейчас назревает тенденция включиться в орбиту антиревизионистской французской политики. В особенности в этом отношении тревожны для Венгрии последние балканские акции турецкого правительства. Намечившийся курс сотрудничества с Малой Антантой, заостренный против Болгарии, не может не иметь отрицательного резонанса и на положение Венгрии в Центральной Европе. Уже одно то обстоятельство, что влияние Малой Антанты усиливается на Балканах, значительно затрудняет и положение Венгрии.

---

* См. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, М., 1969, стр. 158—161.

** Посланник Венгрии в Турции до января 1934 г.

После бесед, которые он имел с турецким министром иностранных дел, он, правда, ушел несколько успокоенным. Тевфик Рюштю его всячески заверял, что интересы Венгрии будут полностью соблюдены и что турецкое правительство не даст себя вовлечь в комбинации, выходящие за рамки строго оборонительного соглашения, резко притом очерченного внутренними границами Балканских стран. Министр его одновременно заверил, что он приложит все старания, чтобы этому соглашению был придан общевосточный характер с участием Болгарии. Иными словами, что из соглашения будет максимально вытравлен антиревизионистский акцент.

Мой венгерский коллега не имеет, конечно, никакого основания не доверять таким заявлениям Тевфика Рюштю-бея, но он все же боится, что, вступив на путь сотрудничества с Малой Антантой, Турция не сумеет задержаться на желательной для нее ступени и может быть втянута дальше, чем ей этого хотелось бы.

При второй нашей беседе 12 января венгр мне рассказывал, что перед отъездом из Будапешта он участвовал в обсуждении вопроса об установлении с нами дипломатических отношений. Поводом для этого послужили поступившие из Рима сообщения о состоявшемся по этому поводу обмене мнениями между Муссолини и Литвиновым*. Хотя в момент его отъезда окончательное решение еще принято не было, но наметилась вполне определенная решимость приступить к переговорам. Для ведения переговоров по ряду соображений намечалась Анкара. Венгерское правительство прежде всего считалось с ролью, сыгранной в прошлом Турцией по подготовке дипломатических отношений между нашими странами, оно учитывало также выгоду поручить ведение переговоров ему, Юнгерту, как лицу, знакомому с советской обстановкой и участвовавшему уже в подписании первого советско-венгерского соглашения в Берлине**. Мой коллега, естественно, при этом отпустил и несколько комплиментов по моему адресу, упомянув и о моей роли.

Мой венгерский коллега указал, что сейчас Гембешу*** гораздо легче будет провести признание, чем раньше Бетлену****. Берлинское соглашение не удалось провести главным образом из-за сопротивления крестьянской партии, входившей в свое время в правительственный блок. Сейчас обстановка изменилась, партия находится в оппозиции и удельный вес ее сильно сократился. Единственное, что сейчас заботит моего коллегу, это финансовые затруднения Венгрии. Венгер-

* См. т. XVI, док. № 405.

** См. т. VII, док. № 221.

*** Премьер-министр Венгрии.

**** Премьер-министр Венгрии в 1921—1931 гг.

скому правительству было бы нелегко выделить из своей суммы на содержание миссии в Москве, для которой, по всем данным, требуются суммы довольно значительные.

Это настойчивое возвращение моего коллеги к трудностям финансового порядка создало у меня впечатление, что венгерское правительство, по-видимому, стремится вернуться к своей старой схеме установления дипломатических сношений без обмена миссиями и, по-видимому, намерено поручить представительство своих интересов одному из соседних своих министров. Не исключено, что эта миссия будет возложена как раз на моего ангорского коллегу, как на знатока советских условий. Возможно, что этим было вызвано и самое его назначение сюда, в Анкару. Такое совместительство представляло бы для венгерского правительства и то преимущество, что облегчило бы использование здесь нашего авторитета.

О том, что переговоры предполагается перенести в Рим, мой венгерский коллега, по-видимому, ничего не знал. Создается впечатление, что идея переноса переговоров в Рим навязана венграм итальянцами за самое последнее время. Цель, которая при этом преследуется итальянцами, конечно, ясна: они хотят зачислить в свой актив венгерское признание и сыграть при переговорах роль арбитра.

Полпред СССР в Турции
Я. Суриц

Печат. по арх.

13. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных дел СССР Полномочному Представителю СССР в Италии В. П. Потемкину

13 января 1934 г.

На Вашу телеграмму от 11 января 1934 г.¹⁵ За последнее время кроме заключения торгового соглашения* ничего нового в наших отношениях с Францией не было. От Малой Антанты мы никаких предложений не получали, хотя Аттолико мне вчера говорил, будто нам предложено признать Малую Антанту как единое целое, чего на самом деле нет. С Польшей мы недавно обменивались мнениями о судьбе Прибалтики, отношение к которой раньше порождало недоразумения и взаимные подозрения между нами. В результате обмена мнениями мы констатировали, что оба правительства заинтересованы в сохранении Прибалтикой полной экономической и политической независимости**. Эту согласованную точку зрения мы, как и Польша, довели до сведения правительств

* См. т. XVI, прим. 147.

** См. док. № 11.

Прибалтийских стран, что и дало повод для неверных газетных слухов о якобы подготовляемом пакте и о гарантиях нейтралитета. Можете об этом говорить как итальянцам, так и другим своим коллегам в случае обращения их. Вчера Аттолико объяснял задержку в переговорах с Венгрией опасением нашего признания Малой Антанты. Хотя я абсолютно отрицал наличие такого предложения, я отвел попытку Аттолико добиться обещания не признавать навсегда Малой Антанты в качестве политической единицы. Я ему разъяснил относительно Балканского пакта*, что мы в нем не заинтересованы, Турцию к нему не поощряем, не высказывали никакого одобрения, но что не считаем нужным возражать против пакта.

Ваше резюме французского меморандума** у нас имеется, сообщать не надо.

Литвинов

Печат. 1934 г.

14. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Турции Я. З. Сурицу

15 января 1934 г.

Дорогой Яков Захарович,

У меня только что был Рагиб-бей и информировал меня, по поручению Рюшту-бея, об истории и содержании Балканского пакта. Он не прибавил ничего нового к тому, что нам об этом известно из Ваших телеграмм и из других документов¹⁶, разве только то, что Болгария сможет присоединиться к пакту только после обмена мнениями между первоначальными участниками пакта. Ранее предполагалось, что Болгария сможет присоединиться автоматически, а теперь это ставится в зависимость от согласия всех ее соседей.

Впервые, однако, Рюшту-бей официально подтвердил, что пакт предусматривает взаимную гарантию не только границ между участниками пакта, но и всех балканских границ, включая и границы с Болгарией. Это обстоятельство побудило меня высказать Рагиб-бею предположение, что заключение этого пакта создает теоретически возможность для СССР и Турции очутиться в противоположных воюющих лагерях. Я привел следующий пример: мы находимся в состоянии вооруженного конфликта с Румынией. Болгария, желая использовать создавшееся положение, атакует Румынию, что создает

* См. док. № 1, 14, 49 и газ. «Известия», 27 января, 11 февраля 1934 г.

** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. X, М., 1936, стр. 23—28.

некоторую общность интересов и даже военную солидарность между нами и Болгарией. Турция же в силу пакта обязана прийти на помощь Румынии против Болгарии, т. е. стране, находящейся в состоянии войны с нами. Рагиб-бей сперва смутился, а потом пытался объяснить, что, в случае нападения на нас Румынии, ею будет совершено нарушение Лондонской конвенции об определении агрессии*, вследствие чего Турция сможет считать себя свободной от каких-либо обязательств по отношению к Румынии. Я не смог согласиться с Рагиб-беем и указал ему, что, поскольку не будет соответственной оговорки в Балканском пакте, Турция ни в коем случае не сможет освободиться от своих обязательств только потому, что Румыния нарушила другое международное обязательство без прямого ущерба для Турции. Другое дело, если бы в Балканском пакте была сделана оговорка, что обязательство о гарантии границы не вступает в силу в случае нарушения соответственной страной каких-либо своих международных соглашений, в заключении которых участвовали другие стороны. Рагиб-бей обещал подумать и изучить вопрос.

Как видите, Балканский пакт в том виде, какой он теперь принимает, может задеть и наши интересы. Даже оговорка, о которой я говорил Рагиб-бею, не покрывает всех возможностей нашего конфликта с Румынией.

Я Вам буду телеграфировать об этом¹⁷, чтобы Вы еще до получения этого письма переговорили с Рюштю-беем. Поставлю я также перед правительством вопрос, не следует ли нам выступить более энергично против пакта.

С точки зрения Турции Рагиб-бей объяснял участие Турции в пакте, во-первых, желанием получить дополнительную гарантию турецко-болгарской границы и тем самым Дарданелл, что представляет, мол, интерес и для нас и, во-вторых, опасением заключения пакта Греции, Югославии и Румынии, в каком случае это было бы направлено против Турции. Я сказал Рагибу, что Турция, конечно, сама должна решить, что она выиграет и что потеряет от этого пакта. В первую очередь спрашивается вопрос, какая опасность ближе и реальнее: нападение слабой Болгарии на Турцию или пропикловские Италии в Турцию через Болгарию или же в результате военного усиления Германии попытка ревизии границ, в том числе и болгаро-югославской. Я дал понять Рагиб-бею, что мне последняя опасность представляется более реальной.

Рагиб рассказывал, что перед отъездом Васыф-бея в Турцию он получил предложение от Сувица о возможном соглашении между Италией, Германией, СССР и Турцией. Считаю нужным сообщить Вам, что со мною ни Муссолини, ни

* См. т. XVI, док. № 213, 218, 220.

Сувич о таком соглашении не заговаривали. Наоборот, Муссолини после бесед со мною * настроился весьма антигермански. Возможно, что Италия пыталась этим соглашением нарисовать перед Турцией новую перспективу, чтобы отвлечь ее от других комбинаций.

Говорил мне Рагиб-бей также о возможном приезде в Москву, после визита в Бухарест, Рюштю-бей, если он до того времени не встретится со мною в Женеве. Не совсем понятно, о чем Рюштю-бей хочет говорить с нами после недавних обстоятельных объяснений с нашей делегацией **.

Я был очень удивлен, когда узнал, что Вы отпускаете Астахова еще до съезда партии. Я был уверен, что Вы его задержите по крайней мере до своего возвращения из Москвы, и я поэтому предположил, что Вы сами в Москву теперь не собираетесь. Из Вашего телеграфного запроса я вынес впечатление, что Вы сами признаете невозможным свой отъезд из Турции в настоящее время без оставления там поверенным в делах советника. Мы делаем все возможное для ускорения перевода в Ангору Залкинда, но, к сожалению, только сегодня получили формальное постановление об этом переводе. Тов. Давтян на днях, кажется, возвращается в Грецию, и мы его попросим немедленно отпустить Залкинда, который сможет отправиться в Ангору, не заезжая в Москву. Это, однако, по-видимому, лишит Вас возможности приехать на съезд или по крайней мере к началу съезда. Само собой разумеется, что против Вашего приезда в Москву вообще у меня никаких возражений не имеется и что я буду очень рад повидаться с Вами. Надо было бы, однако, сперва ввести в курс дел Залкинда.

С приветом
Литвинов

Печат. по арх.

15. Письмо Полномочного Представителя СССР в Швеции члену Коллегии Народного Комиссарната Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову

15 января 1934 г.

Дорогой Борис Спиридонович,

По вопросу о переговорах по займу мы переживаем критический момент. По директиве т. Розенгольца отклонить предложение шведского правительства о так называемых текущих заказах¹⁸ т. Канделаки и я сделали соответствующее заявле-

* См. т. XVI, док. № 405.

** См. т. XVI, док. № 326, 346.

ние министру иностранных дел Сандлеру, мотивировав наш отказ принципиальной неприемлемостью такого обязательства с нашей стороны. Сандлер ответил, что обязан поставить вопрос на обсуждение шведского правительства, но, выражая глубокое огорчение по этому поводу, думает, что кабинет едва ли сможет отказаться от одного из своих основных требований. Мы дали ему понять, что фактически за январь и последующий месяц уже имеется налицо ряд заключенных сделок вне связи с займом и что в особом протоколе мы могли бы отметить, что вне зависимости от 100-миллионного займа* текущие заказы Союза при приемлемых ценах и поставках и при кредите минимум в три года не прекращают своего нормального течения. Сандлер записал это наше дополнение, но ответил, что наша формулировка уклончива, что в ней отсутствует «обязательство» и нет упоминания суммы. Мы ответили, что еще раз повторяем, что ни на какое «обязательство» мы пойти не можем, но что факт наших заказов уже в 1934 г. — лучший показатель, что мы, не дожидаясь разрешения вопроса о займе, продолжаем размещать текущие заказы. Сандлер просил нас встретиться с правительственной комиссией, где будет зафиксирован наш ответ по вопросу о текущих заказах. Что касается соображений кабинета, то Сандлер дал понять, что на пересмотр требования шведского правительства о текущих заказах он не питает больших надежд. Используем с торгпредом эти дни до получения ответа кабинета на наше заявление, чтобы в частном порядке оказывать влияние на шведское правительство. Но, признаюсь, я не настроена оптимистически. Если же и на этот раз переговоры сорвутся, хотя бы и по вине шведского правительства (раз они, а не мы выдвинули неприемлемое предложение), то нам придется вступить в неприятную полосу всяческих попыток притеснений со стороны шведов по линии хозяйственной. При росте нашего экспорта за последний год и тенденции к активному торговому балансу в нашу пользу неминуемо встанет вопрос о балансировании бюджета; будут бить по нашему экспорту запретительными постановлениями или пошлинами и пр. Такие мысли проскальзывают в беседах со шведскими чиновниками.

Помимо этих неприятностей и невыгод по линии хозяйственной срыв переговоров еще раз, конечно, отразится и на политике Швеции по отношению к нам. Заем на 100 млн. [крон] без материального обеспечения — это серьезный и крупный фактор для шведов. Акт небывалый в этой стране. Независимо от того крупного значения, какое имеет самый прецедент, что Союзу открывается финансовый заем, обеспечиваемый только нашими гособлигациями, именно в настоящий момент,

---

* См. т. XVI, док. № 393.

когда идет борьба за всякого рода блоки, факт займа Союзу со стороны Швеции имел бы сдерживающее политическое значение. Вот почему я вполне согласна с Вами, что т. Канде-лаки и я должны сделать все возможное, чтобы преодолеть эту последнюю большую трудность по вопросу об очередных заказах, но, повторяю, я на этот раз слишком ясно учитываю трудности, чтобы быть оптимисткой*.

С ком. приветом

А. Коллонтай

Лекал. по арх.

16. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Посланником Финляндии в СССР Ирве-Коскиненом

15 января 1934 г.

1. Вызвав Ирве-Коскинена, я заявил ему, что, к сожалению, должен сегодня говорить с ним о весьма неприятных вещах, хотя и в неофициальном порядке. Наши ленинградские власти поставили перед правительством вопрос о закрытии финляндского консульства в Ленинграде. Они имеют сведения, что некоторые сотрудники этого консульства занимаются незаконной деятельностью, вплоть до участия в шпионаже. При обсуждении вопроса в центре, благодаря энергичным выражениям НКВД, исходившего из интересов наших отношений с Финляндией, ленинградское предложение не было принято, и вопрос был отложен (ажурнэ). Однако при рассмотрении этого вопроса выявилось наличие такого недовольства нынешним состоянием наших отношений с Финляндией, что НКВД опасается, что при продолжении этого состояния и особенно в случае дальнейшего развития в этом направлении он не сумеет предотвратить принятие предложения ленинградских властей, если они вновь его поставят. Периодически возобновляющиеся антисоветские кампании в Финляндии со все более и более дикими нападками на СССР, вплоть до последних (я извинился за это выражение) прямо-таки идиотских обвинений в том, что Советское правительство через своих агентов занималось отравлением финляндских офицеров, начинают здесь надоедать, вызывают в осведомленных кругах раздражение и негодование, и все чаще приходится слышать вопрос, куда все это идет и какие цели преследует финляндское правительство. В самом деле, наши неоднократные обращения к финляндскому правительству через нашего полпреда не приводят к серьезным и длительным результатам**, и после ослабления или прекращения одной кампании вскоре

* См. док. № 40.

** См. т. XVI, док. № 17. 311.

начинается другая, еще более дикая и нелепая, как теперь эта кампания по поводу мнимого отравления финских офицеров советскими агентами. Мы обсудили на днях это положение с т. Литвиновым и решили ввиду серьезности создавшегося положения и безрезультатности официальных обращений к финляндскому правительству обратиться в неофициальном порядке к посланнику, который всегда проявлял большое понимание к необходимости поддержания добрососедских отношений и в бытность министром в Гельсингфорсе, после известного кризиса в наших отношениях, привел их в нормальное русло, из которого они, к сожалению, постепенно вновь вышли после его отъезда из Гельсингфорса. Нам известны авторитет и влияние, которыми посланник пользуется в Гельсингфорсе, и мы думаем, что его энергичное вмешательство могло бы остановить развитие, которое внушает нам заботы, и содействовать вновь нормализации наших отношений.

Ирье-Коскинен, несмотря на его исключительное спокойствие и самообладание, был, видимо, сильно встревожен моим заявлением. Он сказал, что он следил за кампанией финляндской прессы и очень сожалеет о ней. Все же непосредственных нападков на СССР как будто бы не было. Он, однако, понимает наше недовольство и сделает все, что может.

Когда я энергично возразил, указав на факты выступлений против СССР, он попросил разрешения быть тоже откровенным и сказал примерно следующее. Все происходит от того возбуждения, которое вызывает в Финляндии деятельность находящейся в СССР финляндской компартии. Она занимается через посылаемых туда нелегально своих агентов подпольной пропагандой, подпольной агитацией и даже шпионажем. Если Советское правительство хочет наладить длительные нормальные отношения, оно должно запретить эту подрывную деятельность находящейся в СССР финляндской компартии.

Я ответил, что финляндская компартия находится не в СССР, а в Финляндии, и Советское правительство не имеет никакой возможности влиять на ее деятельность. В СССР находятся лишь финляндские политэмигранты-революционеры, которым Советское правительство не может отказать в убежище. Посланник должен понять невозможность требовать от правительства, вышедшего из революции, чтобы оно выслало революционеров, преследуемых их правительством на их родине. На возражение Ирье-Коскинена, что финляндские революционеры создали в СССР специальную организацию для революционной работы в Финляндии, что они печатают и распространяют литературу, направленную против финляндского правительства, и занимаются из СССР подрывной деятельностью против Финляндии, я сказал, что находящиеся у нас политэмигранты имеют право создавать дозволенные нашими

законами организации и издавать свои газеты, книги и брошюры. Понятие подрывной деятельности растяжимо, и наше правительство может прекратить только ту деятельность, которая противоречит нашим, а не финляндским законам. Подобные жалобы могли бы быть приняты во внимание только в том случае, если бы посланник доказал, что финляндские эмигранты на нашей территории совершали действия, запрещенные нашими законами.

Ирье-Коскинен возразил, что он не знает наших законов и спросил, разрешается ли у нас нелегальная посылка агентов через границу для революционной работы в Финляндии.

Я ответил, что всякий переход через нашу границу без установленных на то документов и виз, конечно, не разрешается и что наши власти преследуют всех, пойманных при нелегальном переходе границы.

Ирье-Коскинен сказал, что он запросит в Гельсингфорсе материалы о противозаконной деятельности финляндских эмигрантов на нашей территории и вернется еще к этому вопросу.

Я заявил, что дело совсем не в деятельности финляндской компартии, а в том, что в Финляндии имеются довольно широкие круги и влиятельные организации, которые ведут агрессивную работу против СССР. Эти круги сочли настоящее время подходящим для возобновления и активизации пропаганды за образование «великой Финляндии» за счет отторжения некоторых областей от СССР. Наиболее скромные из них собираются аннексировать к Финляндии Восточную Карелию и Ингерманландию*, а другие, как известно, распространяют карты «великой Финляндии» с границами, доходящими до Урала. В порядке подготовки к реализации этих безумных планов лапуасцы и всякие другие активисты сеют систематически в финляндском населении чувства самой дикой ненависти к СССР. Они не останавливаются при этом ни перед какими средствами, вплоть до самых диких измышлений вроде версии об отравлении финляндских офицеров агентами СССР.

Ирье-Коскинен сказал, что, к сожалению, враждебная СССР пропаганда со стороны лапуасцев имеет место, но их кучка и они не пользуются никаким влиянием. Как известно, лапуасцы имеют в сейме всего 12 депутатов.

Я ответил, что, к сожалению, это неверно. Лапуасцы имеют большое влияние в Финляндии, что явствует хотя бы из того, что они шли на последние выборы в коалиции с партией коалиционеров, которая имеет большое влияние в Финляндии.

Ирье-Коскинен поправил меня: «Не имеет, а имела». Коалиционеров вместе с лапуасцами в сейме всего каких-нибудь 30 человек.

---

* См. т. III, док. № 138.

Я сказал, что на эту тему не стоит спорить, ибо посланнику хорошо известно влияние коалиционеров в Финляндии. В нынешнем кабинете имеется несколько министров-коалиционеров, но и помимо министров, как посланник знает, есть еще более влиятельные личности в Финляндии, которые весьма близки к коалиционерам (намек на Свинхувуда *).

Ирье-Коскинен, улыбаясь, сказал, что и он тоже ведь коалиционер.

Я возразил, что не желал бы ничего лучшего, как то, чтобы все коалиционеры так же относились к финско-советским отношениям, как относится он, Ирье-Коскинен.

2. Когда речь шла о «подрывной» деятельности с нашей территории против Финляндии, Ирье-Коскинен уломянул опять радиопередачи, о которых он уже раньше говорил и которые вызывают большое раздражение в Финляндии **.

Я зачитал ему первый абзац письма т. Вайнштейна *** от 10-го с. м. за № 12 с, подчеркнув, что произведенное по нашему поручению расследование установило, что ленинградская радиостанция подобными передачами не занимается. На вопрос Ирье-Коскинена, нет ли радиостанции в Петрозаводске и не занимается ли она передачами на финском языке, я ответил незнанием. Так как он уверял, что такие передачи все же имеют место, мы уговорились, что он представит текст подобных передач для производства дальнейшего расследования.

3. После некоторой паузы Ирье-Коскинен неожиданно сказал, что, в сущности, мы имеем в руках хорошую возможность изменить настроения финляндской общественности и в особенности крестьянства, которое играет в этом деле решающую роль. Для этого нужно, чтобы мы заняли место Германии в отношении того сельскохозяйственного экспорта, который раньше шел в Германию и теперь не находит себе выхода.

Я ответил, что раз он затрагивает этот вопрос, то я могу в частном порядке сообщить ему, что НКВД, именно учитывая эту роль крестьянства в Финляндии, заблаговременно поднял вопрос о включении в импортный план 1934 г. возможно большего количества закупок аграрных продуктов в Финляндии. Мы имели успех, и только недавно я узнал, что в наметках плана действительно предусмотрены такие закупки на довольно значительную сумму. Однако реализация этих предположений упирается все в тот же вопрос наших отношений. Посланник должен понять, что в нынешней атмосфере, когда против нас ведется подобная агрессивная кампания, мы не можем прийти в Финляндию с новыми большими закупками. Не говоря о том, что это вызвало бы сопротивление со

* Президент Финляндии.

** См. т. XVI, док. № 414.

*** Дипагент НКВД СССР в Ленинграде.

стороны наших хозяйственных органов и вообще осведомленных кругов, это выглядело бы как стремление завоевать расположение тех самых кругов, которые проявляют наибольшую агрессивность в отношении СССР. Для того чтобы эти наметки были действительно включены в импортный план и превратились в закупки, необходима предварительная нормализация атмосферы вокруг наших отношений. При нынешнем состоянии нам, НКВД, было бы даже неудобно настаивать перед нашими хозяйственными организациями на выдаче крупных заказов Финляндии.

Ирье-Коскинен очень просто и коротко ответил, что он это понимает, но он думает, что нынешняя кампания скоро прекратится.

4. После этого Ирье-Коскинен спросил меня, как обстоит дело с текущими вопросами, которые он передо мной поставил в разное время.

Я сообщил, что за это время имел много хлопот по делу о разрешении Эльвингу убой тюленей в гирле Белого моря. После больших усилий удалось получить согласие ряда ведомств и в особенности т. Микояна, который согласно желанию посланника готов принять его вместе с Эльвингом, когда последний придет. К сожалению, дело, однако, оказывается более сложным, чем я предполагал, ибо по справке Правового отдела разрешение иностранной фирме на убой тюленей в территориальных водах должно быть санкционировано Совнаркомом. Мы опасаемся прохождения этого вопроса, ибо, несмотря на ходатайство НКВД и на согласие т. Микояна, тут могут быть затруднения, ибо возможны такие же разговоры о состоянии наших отношений, какие имели место при обсуждении ленинградского предложения о закрытии финляндского консульства в Ленинграде.

Ирье-Коскинен сказал, что Эльвинг выезжает сегодня вечером из Гельсингфорса, и подтвердил, что с ним едут главный адъютант Свинхувуда Кекони, а также известный геолог проф. Таннер. Ирье-Коскинен подтвердил, что убой тюленей начинается 1 марта, но договор нужно заключить в январе, ибо нужно еще время для приготовлений.

Я сказал, что приветствую эту поездку Кекони и Таннера и немедленно по получении запроса со стороны т. Штейна дал указание о выдаче виз Эльвингу, Кекони и Таннеру*.

5. Ирье-Коскинен заинтересовался судьбой конвенции о рыболовстве на Ладожском озере, сославшись на мое прежнее сообщение**, что переговоры могут быть начаты в январе.

Я сообщил, что проект конвенции согласован уже со всеми ведомствами и поставлен на утверждение в Совнарком, от-

* См. док. № 22.

** См. т. XVI, док. № 414.

куда мы надеемся получить его в течение не более десятка дней¹⁹.

На мой вопрос Ирве-Коскинен ответил, что сезон рыболовства начинается на Ладожском озере в мае — июне и что необходимо поторопиться, так как наш проект должен быть еще рассмотрен финляндскими ведомствами, а они тоже работают довольно медленно.

6. По вопросу о перебежчиках* я сообщил, что на днях финляндская миссия получит от I Западного отдела список новых 26 лиц, которым разрешен выезд в Финляндию.

7. Извиняясь за задержку вследствие перегрузки Президиума ЦИК в связи с недавней сессией, я сообщил далее, что обмен ратификационными грамотами оленьей конвенции сможет произойти также примерно через десяток дней, ибо в течение этого срока предполагается ратификация конвенции в Президиуме ЦИК²⁰.

8. Возвращаясь к вопросу о постройке дома финляндской миссии, я подтвердил свое прежнее сообщение, что постройки может выполнена не на началах собственности, а на началах застройки с долголетней арендой и что Правовой отдел в близком будущем даст финляндской миссии разработанную справку о юридической стороне вопроса²¹.

Я сказал затем Ирве-Коскинену, что имею еще одно неприятное сообщение для него. Главное таможенное управление просит нас интервенировать перед посланником по поводу того, что некоторые сотрудники финляндского консульства в Ленинграде и финляндской миссии в обход установленного законного порядка провозят с собой в виде личного багажа частью даже в виде «ручного» багажа в купе, большое количество чемоданов и ящиков с грузами, по-видимому, предметами продовольствия. (Я вручил посланнику выписку из письма Белоостровской таможни, приложенного к письму Главного таможенного управления от 3 января 1934 г. за № 31/I—12.) Главное таможенное управление указывает на то, что грузы должны идти в установленном порядке, проходить таможенные формальности, облагаться пошлиной и эта пошлина должна вноситься в книжку уступочных пошлин, предоставленную посланнику, если речь идет о грузах, действительно предназначенных для членов миссии. Главное таможенное управление подозревает, что обход правил вызывается тем, что некоторые сотрудники злоупотребляют привилегиями, провозя продовольствие и другие предметы для своих знакомых и вообще для не имеющих права на эти привилегии. Из уважения к посланнику мы решили не ставить этого вопроса перед ним официально, а лишь в частном порядке

---

* См. т. XIV, док. № 161.

обратить его внимание на это ненормальное положение и просить его принять меры.

Ирье-Коскинен сказал, что, вероятно, это делается потому, что предоставленный миссии размер уступочных пошлин недостаточен. Кроме того, он спросил, пользуются ли уступочными пошлинами консульства, и поставил ряд уточняющих вопросов.

Я ответил, что Главное таможенное управление, наверное, не будет чинить затруднений посланнику, если речь идет о продовольствии для потребления его семьи и его ближайших сотрудников, а по другим вопросам отослал его к заведующему Протокольным отделом, сославшись на свою неосведомленность.

10. Я сказал в связи с этим, что Главное таможенное управление вообще полагает, что с этими привилегиями происходят злоупотребления со стороны низшего состава посольств и миссий, и в связи с этим оно отклонило мое ходатайство о разрешении циркуляции постоянного финляндского вагона с финляндским проводником для привоза в Москву продовольствия, предназначенного для финляндской миссии и ряда других посольств и миссий.

Ирье-Коскинен сожалел об этом отказе, указав на то, что речь идет лишь о том, чтобы доставить удобства некоторым посольствам и миссиям, которые ведь и без того имеют право получать продовольствие из Финляндии.

11. В свою очередь Ирье-Коскинен сообщил о ратификации сплавной конвенции*.

Я сказал, что мне это известно, но, к сожалению, хуже обстоит дело с гораздо более важной Лондонской конвенцией об определении агрессора**. Министр Хаксель счел возможным, в связи с кампанией против СССР в Финляндии, сообщить нашему полпреду, что введение в действие этой конвенции откладывается на неопределенное время²². Это сообщение показывает, что наши отношения в настоящее время действительно оставляют желать лучшего.

Ирье-Коскинен, видимо, не знал ничего об этом сообщении Хакселя и был удивлен, но ничего не сказал.

12. В заключение я вновь вернулся к началу беседы и сказал, что я прошу посланника обратить самое серьезное внимание на мое сообщение относительно ленинградского консульства. На этот раз опасность закрытия консульства велика также и потому, что мы закрыли свое консульство в Выборге, и что теперь в этом деле уже нет взаимности.

---

* См. т. XVI, док. № 302.

** См. т. XVI, док. № 251.

Ирье-Коскинен спросил, не могу ли я сообщить ему подробности обвинения, выдвинутого относительно сотрудников консульства, и назвать фамилии.

Я ответил, что мы решили пока не называть фамилий, потому что в таком случае пришлось бы уже принять серьезные меры против этих лиц.

Ирье-Коскинен спросил, не могу ли я, по крайней мере, сообщить, к какой категории относятся эти лица.

Я ответил, что речь идет о чиновниках консульства.

Ирье-Коскинен этим удовлетворился и вновь сказал, что он сделает все, что он может.

Под конец мы перешли на частные темы и расстались как всегда весьма «дружественно».

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

17. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

17 января 1934 г.

Приходил Чилстон* и заявил, что его правительство готово предложить компании «Лена-Голдфилдс»** обратиться с письмом в Главконцесском о готовности снизить свои требования и когда ГКК подтвердит получение и пригласит «Лена-Голдфилдс» для переговоров, торговое соглашение будет подписано***. При этом правительство сообщит нам односторонне, что импорт для посольства должен быть свободен от пошлины и что в случае нарушения этого посол будет отозван. Я выразил изумление по поводу этой декларации и сказал, что мы вряд ли сможем оставить подобное заявление, даже устное, заключающее угрозы, без подобающего ответа. Я просил Чилстона предложить Саймону отказаться от подобного нелепого заявления. Мы не можем помешать Саймону выражать надежду, что существующая практика беспошлинного ввоза будет сохранена, но это должно рассматриваться как международная куртуазия, а отнюдь не как право посольства и ни в коем случае не можем допускать угрозы.

Литвинов

Печат. по арх.

* Посол Великобритании в СССР.

** См. т. XVI, док. № 72, 408, 417, 447.

*** См. «Собрание законов...», 31 июля 1934, отд. II, № 15, стр. 185—203.

18. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Германии с заведующим IV отделом Миннстерства Иностранных Дел Германии Мейером *

19 января 1934 г.

На мой вопрос, что слышно нового, Мейер очень зло ответил, что новостей приходится ожидать теперь только с советской стороны. Он много раз уже говорил мне и еще раз подчеркивает, что, по его мнению, изменение отношений между СССР и Германией целиком объясняется изменением позиций самого СССР. Он рекомендовал бы при всех решительных переговорах заранее вызубрить основное положение, а именно: «решение вопроса зависит исключительно от Советского Союза».

Я обратил внимание Мейера на то, что есть колоссальная разница в политике СССР и Германии. Правительство СССР осталось то же самое, что и прежде, и останется впредь тем же самым, пока существует СССР. Оно вело и ведет одну и ту же политику — политику дружбы и мира со всеми народами, между тем как в Германии произошла смена правительства, причем новое правительство, несмотря на свои миролюбивые заявления по отношению к СССР, продолжает терпеть и даже поощрять проповедь «крестового похода» против СССР. Я указал ему, что т. Литвинов в своей речи ** отметил основные факты, а именно: продолжающееся распространение книжки Гитлера с неизменной главой относительно организации похода на СССР, продолжающуюся деятельность русского эмигранта Розенберга *** в качестве главы внешнеполитического отдела национал-социалистической партии и, наконец, подчеркнутая дружелюбность в отношении Японии, ведущей явно агрессивную политику против СССР.

Мейер заявил, что эти три момента ни в какой степени не связаны друг с другом и что нужно, уж если на то пошло, выдвигать какой-нибудь один из этих аргументов; в частности, он считает, что нельзя ссылаться на книжку Гитлера, потому что она представляет из себя литературное произведение Гитлера, написанное задолго до прихода его к власти. После прихода Гитлера к власти для нас обязательны только его официальные заявления. Кроме того, он считает, что Литвинов в своей речи на декабрьской сессии ЦИК позволил себе опереться на явно ложную информацию относительно антисоветских происков Папена ****, которых на самом деле никогда не было. Мейер

* Из дневника С. А. Бессонова от 27 января 1934 г.

** Произнесена на сессии ЦИК СССР 23 декабря 1933 г.; см. газ. «Известия», 29 декабря 1933 г.

*** См. также т. XVI, док. № 167, 190, 209 и док. № 2 настоящего тома.

**** См. т. XV, прим. 188, 225, 249; т. XVI, док. № 54, 64 и док. № 2 настоящего тома.

готов с документами в руках доказать, откуда и как попала к нам «фальшивка» о якобы антисоветских проносах Папена.

Я заметил ему, что независимо от роли Папена, которую он оспаривает, более чем достаточно других фактов, показывающих резкое изменение германского курса по отношению к СССР со времени прихода фашистов к власти. Я прямо спросил его, предполагает ли немецкая сторона публично высказаться по поводу речи т. Литвинова. Мейер в крайне раздраженном тоне заявил, что мы этого никогда не дождемся, что мы должны довольствоваться теми официальными заявлениями, которые уже сделаны, и теми заявлениями, которые время от времени делались в разговорах между дипломатами. Германская политика была и остается неизменной по отношению к СССР, и не вина Германии, что СССР резко изменил свою собственную позицию. Сказав это, Мейер очень спешно попрощался со мной и ушел.

Бессонов

Печат. по док.

19. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

20 января 1934 г.

20-го говорил с Буллитом* о возможности начала переговоров о претензиях. Он сказал, что в ближайшие дни будет готов их проект**. Он говорит, что по вопросу о торгпредстве*** госдепартамент не пойдет ни на какие уступки. Он считает, что дипломаты не могут подписывать договоров. Неприкосновенность в Нью-Йорке не может быть дана, иначе придется давать ее другим коммерческим советникам и аташе.

Буллит собирается выехать около 15 февраля. Он передал мне, что президент опасается, что я буду стесняться обращаться к нему непосредственно в важных случаях. Президент еще раз просит, чтобы я по собственной инициативе или по поручению правительства в важных случаях обращался к нему. Буллит говорил, что США очень заинтересованы в сближении между нами и Канадой. Президент очень заинтересован в предстоящей в Лондоне конференции по пшенице²³. Очень прошу информировать, какое мы сделаем предложение и, если можно, на что пойдем.

* Посол США в СССР.

** См. стр. 182—183.

*** См. т. XVI, док. № 433.

Японцы здесь говорят, что мы сделали новое предложение о КВЖД. На вопрос госдепартамента я не мог ничего ответить. Прошу информировать*.

Полпред

Печат. по арх.

20. Протокол между Правительствами Союза Советских Социалистических Республик и Турецкой Республики о реализации кредита в 8 млн. ам. долл.

21 января 1934 г.

Вследствие согласия, данного Правительством Союза Советских Социалистических Республик на открытие Правительству Турецкой Республики для ее промышленного оборудования кредита в 8 млн. ам. долл.**, Правительство Союза Советских Социалистических Республик и Правительство Турецкой Республики решили заключить настоящий Протокол, чтобы фиксировать способ и условия реализации указанного выше кредита, и с этой целью упомянутые выше Правительства назначили своими Уполномоченными:

Правительство Союза Советских Социалистических Республик:

г. Якова Сурица, Чрезвычайного и Полномочного Посла Союза Советских Социалистических Республик в Турции,

Правительство Турецкой Республики:

Его Превосходительство доктора Тевфик Рюштюбея, Министра Иностранных Дел, депутата Измира, которые условились о нижеследующем:

Статья I

Правительство Союза Советских Социалистических Республик соглашается поставить в кредит Правительству Турецкой Республики на нужды строительства ее промышленности различные виды механического оборудования и соглашается взять на себя работы по выработке проектов, по монтажу, по подготовке специалистов и по всякому иному техническому сотрудничеству для установки; этот кредит, включая возмещение за перечисленные выше работы и не включая расходы, указанные в статье II, восходит в общей сумме в 8 млн. зол. ам. долл., исчисленных по золотому содержанию доллара, принятому в Америке (один доллар равняется 25,80 грамма золота, 0,900 пробы).

* См. док. № 25, 77, 135.

** См. т. XV, док. 210.

Статья 2

Кредит, указанный в статье 1 и предоставляемый Правительством Союза Советских Социалистических Республик Правительству Турецкой Республики, будет являться беспроцентным и будет подлежать возмещению в 20 лет.

Статья 3

Для реализации кредита, предоставленного Правительством Союза Советских Социалистических Республик Правительству Турецкой Республики, оба Правительства создадут или укажут особые органы: Правительство Союза Советских Социалистических Республик — советское юридическое лицо, правление которого будет находиться в Москве, и Правительство Турецкой Республики — турецкое юридическое лицо, правление которого будет находиться в Анкаре.

Эти юридические лица будут уполномочены иметь своих соответственных представителей на территории другой Договаривающейся Стороны.

Названные юридические лица будут уполномочены заключать между собой особые контракты на различные категории поставок оборудования в счет кредита, предоставленного Правительством Союза Советских Социалистических Республик Правительству Турецкой Республики, на основе общих положений, содержащихся в настоящем Протоколе.

Статья 4

При условии, что орган, особо на то уполномоченный Турецким Правительством согласно статье 3 настоящего Протокола, сделает в надлежащий срок соответствующие заказы, сдача всего механического оборудования, указанного в статье 1, должна быть произведена в 4-летний срок, считая со дня вступления в силу настоящего Протокола, причем последний заказ должен быть передан не позже, чем за восемнадцать месяцев до истечения указанного выше срока в 4 года.

Номенклатура оборудования, поставляемого Правительством Союза Советских Социалистических Республик Правительству Турецкой Республики, равно как способ и характер технического сотрудничества (выработка проектов, монтаж, подготовка специалистов и т. д.) и сроки выполнения отдельных частей заказов, будут выработаны по взаимному соглашению органов, особо на то уполномоченных обоими Правительствами, при посредстве особых контрактов, относящихся к каждой отдельной поставке.

Цены на оборудование и вознаграждение за упомянутые в статье 1 работы, которые должны быть выполнены в соответствии с нуждами, вытекающими из каждого особого контракта, будут установлены по взаимному соглашению обеих сторон. Определяя цены оборудования, обе стороны примут за основу цены, по которым соответствующее оборудование аналогичного технического качества продается другими странами, являющимися его основными производителями.

При этом определении будет принято в расчет, в подлежащих установлению ценах, включаются ли или не включаются упомянутые выше работы в цену поставки, послужившей основой для определения цен.

Статья 5

Два раза в год, 30 июня и 31 декабря, орган, особо на то уполномоченный Правительством Союза Советских Социалистических Республик, должен будет отправлять органу, особо на то уполномоченному Правительством Турецкой Республики, уведомление о поставках, сданных в течение истекшего полугодия. Со дня этого уведомления двадцатилетний кредит, в том что касается этих поставок, начнет свое течение.

Турецкое Правительство расплатится по своим обязательствам, принятым в различных контрактах, заключенных соответственно настоящему Протоколу, производя в течение двадцати лет платежи в турецких лирах. Эти платежи будут производиться два раза в год равными частями и исчисляться согласно условиям, предусмотренным в абзаце 2 статьи 6 настоящего Протокола.

Указанные в абзаце 2 настоящей статьи взносы производятся Турецким Правительством два раза в год: не позднее 30 июня по взносам, указанным в уведомлении от 31 декабря предыдущего года, и не позднее 31 декабря по взносам, указанным в уведомлении от 30 июня текущего года.

На сумму внесенных таким образом турецких лир Правительство Союза Советских Социалистических Республик обязуется закупить в течение 14 месяцев со дня соответствующего взноса товары турецкого происхождения, которые будут вывезены на территорию Союза Советских Социалистических Республик.

Статья 6

Сдаваемое оборудование фактурируется в долларах, причем каждая фактура имеет каждый раз указание: «доллар равен такой-то части фунта стерлингов (курс дня Лондонской биржи), что на день составления фактуры соответствует такому-то количеству золота по цене Лондонского рынка».

Платежи в турецких лирах, в погашение кредитов, в соответствии с обязательствами, упомянутыми в абзаце 2 статьи 7 настоящего Протокола, будут исчислены согласно среднему курсу турецкой лиры в отношении доллара на Лондонской, Нью-Йоркской и Стамбульской биржах на день платежа; суммы, подлежащие фиксации в долларах, будут исчислены согласно курсу доллара в отношении фунта стерлингов на Лондонской бирже и согласно цене золота в Лондоне на тот же день, основываясь на золотом эквиваленте доллара, указанном в упомянутой выше фактуре.

Статья 7

В 15-дневный срок со дня получения уведомления, упомянутого в первом абзаце статьи 5 настоящего Протокола органом, особо на то уполномоченным Правительством Турецкой Республики, это последнее или уполномоченное им на то соответствующее министерство передадут Правительству Союза Советских Социалистических Республик или органу, особо им на то уполномоченному, обязательство о производстве платежей по сдачам, указанным в уведомлении.

Текст этого обязательства будет установлен в соглашении, которое будет заключено в двухмесячный срок со дня вступления в силу настоящего Протокола Народным Комиссариатом Внешней Торговли Союза Советских Социалистических Республик или по его уполномочию Торговым Представителем Союза Советских Социалистических Республик в Турции и Правительством Турецкой Республики или лицом, особо им на то уполномоченным.

Статья 8

Поставляемое Правительством Союза Советских Социалистических Республик оборудование сдается Правительству Турецкой Республики или органу, особо на то уполномоченному, Турецким Правительством фоб советский порт Черного моря. Расходы по доставке от советского порта (фоб) Черного моря до места назначения в Турции лежат на Правительстве Турецкой Республики и не входят в кредит, открытый Правительством Союза Советских Социалистических Республик.

Статья 9

Сдача советских товаров во исполнение положений настоящего Протокола, равно как вывоз турецких товаров согласно абзацу 3 статьи 5 настоящего Протокола, производится вне

нетто-баланса и не принимаются во внимание при исчислении торгового баланса между Союзом Советских Социалистических Республик и Турецкой Республикой.

Статья 10

Правительство Союза Советских Социалистических Республик поставляет в счет кредита только оборудование, производимое в Союзе Советских Социалистических Республик. В том случае, если для нужд того или иного промышленного строительства Турецкое Правительство оказалось бы в необходимости приобрести части оборудования, которые, согласно номенклатуре, представляемой советской стороной, не производятся в Союзе Советских Социалистических Республик, то эти закупки будут произведены самим Турецким Правительством в других странах и вне кредита, открытого Союзом Советских Социалистических Республик.

Статья 11

Все расходы, которые советская сторона несет на турецкой территории для реализации контрактов, заключенных между органами, особо на то уполномоченными обоими Правительствами в деле технического сотрудничества (изыскательские работы, монтаж, отправка советских специалистов в Турцию и т. д.), немедленно возмещаются наличными и не заносятся в счет кредита, открытого Правительством Союза Советских Социалистических Республик.

Статья 12

Разногласия, могущие возникнуть в процессе выполнения контрактов, заключенных между указанными в статье 3 юридическими лицами, будут разрешаться по взаимному соглашению между Народным Комиссариатом Внешней Торговли Союза Советских Социалистических Республик и Министерством Народного Хозяйства Турецкой Республики или лицами, уполномоченными на то подлежащими сторонами, согласно постановлениям настоящего Протокола.

Статья 13

Настоящий Протокол будет ратифицирован и вступит в силу немедленно после его ратификации обеими сторонами.

В удостоверение чего уполномоченные подписали настоящий Протокол и приложили к нему свои печати.

Учтено в Анкаре, в двух экземплярах, 21 января 1934 года.

Я. Суриц

Д-р. Рюшту

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

В момент подписания Протокола между Правительствами Союза Советских Социалистических Республик и Турецкой Республики о реализации кредита в 8 млн. ам. долл. нижеподписавшиеся Уполномоченные обоих Правительств условились о нижеследующем:

1. Предусмотренный Протоколом способ возмещения Турецким Правительством кредита, предоставленного Правительством Союза Советских Социалистических Республик, путем полугодовых взносов в турецких лирах, исчисленных в соответствии с абзацем 2 статьи 6 Протокола, будет оставаться в силе постольку, поскольку будет действовать существующий в настоящее время режим свободной котировки турецкой валюты.

2. В том случае, если существующее ныне положение изменилось бы, Турецкое Правительство будет согласно расплатиться по своим обязательствам и погасить кредит путем сдачи турецких товаров на следующих условиях:

Сдача турецких товаров будет производиться в соответствующей доле согласно абзацу 2 статьи 5 Протокола два раза в год: не позднее 30 июня по сдам, указанным в уведомлении от 31 декабря предыдущего года, и не позднее 31 декабря по сдам, указанным в уведомлении от 30 июня текущего года.

Номенклатура и количество товаров, сдаваемых Турецким Правительством в погашение кредита, относящегося к поставкам, устанавливаются по указаниям Торгового Представительства Союза Советских Социалистических Республик в Турции на каждый год платежа в начале года в соответствии с номенклатурой товаров, закупаемых Союзом Советских Социалистических Республик в Турции в течение года, предшествующего году платежа.

Цены на товары, сдаваемые Турецким Правительством в погашение кредита, относящегося к поставкам, устанавливаются по взаимному соглашению между Торговым Представителем Союза Советских Социалистических Республик в Турции и Министром Народного Хозяйства Турецкой Республики. Цены на товары, указанные в прилагаемом к настоящему Протоколу списке № 1, не должны быть выше мировых цен, а цены на товары, указанные в прилагаемом к настоящему Протоколу списке № 2, не должны быть выше тех цен, по которым эти товары продаются Турцией любой третьей стране.

Получаемые в погашение кредита товары должны переоцениваться в долларах по курсу доллара на день сдачи товаров по отношению к фунту стерлингов на Лондонской бирже и по цене золота в Лондоне на тот же день, исходя из соответствен-

ного золотого эквивалента доллара, указанного в фактуре, упомянутой в статье 6 Протокола.

Настоящий Протокол составляет нераздельную часть Протокола о реализации кредита в 8 млн. ам. долл. и будет иметь с ним равную силу.

Учинено в Анкаре, в двух экземплярах, 21 января 1934 г.

Я. Суриц

Д-р. Рюштю

Приложение

Список № 1

1. Шерсть
2. Тифтик
3. Табак
4. Изюм
5. Инжир
6. Оливковое масло
7. Меха
8. Хлопок

Список № 2

1. Валоня
2. Валекс
3. Сезам
4. Скот
5. Маслины
6. Невыделанные кожи
7. Апельсины
8. Лимоны

Я. С.

Т. Р.

Протокол и Дополнительный протокол печат. на 4-х арк. Окруд. в «Сборник законов...», стр. 17, № 15, 31 июля 1934 г., стр. 203—213.

Протокол ратифицирован: ЦИК СССР 27 апреля 1934 г., Великим национальным собранием Турции 17 мая 1934 г. Обмен ратификационными грамотами произведен в г. Анкаре 28 мая 1934 г.

21. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Швеции А. М. Коллонтай

21 января 1934 г.

В связи с поездкой Салнайса * в Швецию и усилившимися слухами о скандинавско-балтийских комбинациях, предлагаю поговорить на эту тему с Сандлером и выяснить политику Шве-

* Министр иностранных дел Латвии.

дин, указав на наши особые интересы в Прибалтике, как транзитных странах и охраняющих подступы к нам. Цель демарша — дать понять Швеции, что мы не относимся безразлично к возможным комбинациям в Прибалтике. Попутно можете указать на усиление влияния германских фашистов в Финляндии, несмотря на экономическую войну. Если собираетесь в Москву, можете объяснить свой визит желанием выяснить перед отъездом для передачи Москве политику Швеции в Прибалтике*.

Литвинов

Печат. по арх.

22. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Посланником Финляндии в СССР Ирве-Коскинином

21 января 1934 г.

1. Ирве-Коскинен пришел вместе с известным финляндским геологом и географом проф. Таннером, который оказался моим старым знакомым. (Мы познакомились с ним случайно около 20 лет тому назад в Швеции, в вагоне ж. д., и с тех пор не виделись.) Таннер, так же как и первый адъютант Свинхувуда полковник Кекони, приехал в сопровождении Эльвинга, который будет вести переговоры с «Союзрыбой» об убое тюленей в гирле Белого моря**. Таннер заинтересован в экспедиции Эльвинга с научной стороны и примет в ней личное участие. Он приехал с тем, чтобы сговориться с советскими учеными, которые примут участие в экспедиции с нашей стороны, если Эльвинг получит разрешение. Таннер спросил, к кому ему обратиться.

Я сказал, что смогу дать ответ лишь позже. Лично я думаю, что прежде всего надо сговориться с начальником «Союзрыбы» т. Андриановым.

Таннер говорил много о необходимости усиления контакта между финляндскими и советскими учеными. Он за последние годы несколько раз бывал в Союзе и находится в оживленных научных отношениях с нашей Академией наук. Он вспоминал старину, когда ему приходилось оказывать услуги русским революционерам в Финляндии по отправке литературы и оружия в Россию.

2. Ирве-Коскинен сообщил о том, что акт о присоединении Финляндии к Лондонской конвенции ратифицирован президентом Свинхувудом***.

Б. Стомяков

Печат. по арх.

* См. док. № 40.

** См. док. № 50.

*** См. т. XVI, док. № 233.

23. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Министром Иностранных Дел Финляндии Хакселем

24 января 1934 г.

Из-за своей болезни я не видел Хакселя после приема 17 января²⁴. Хаксель начал с того, что подтвердил данную мне вчера по телефону справку насчет отправки ратификационной грамоты Лондонской конвенции в Москву*. Я слегка иронически поздравил его с тем, что ему удалось наконец справиться с «техническими трудностями» и получить подпись президента на ратификации, которая была произведена сеймом еще в ноябре. К этому я прибавил, что не понимаю все же поведения финляндского правительства и его, Хакселя, в этом вопросе. Я не верю в то, что правительство не могло добиться от сейма передачи ему на подпись уже ратифицированной конвенции. В том, что причиной этой задержки были не «технические затруднения», еще больше убедил меня последний разговор с Хакселем. Чего же добилось, в конце концов, финляндское правительство своей системой оттяжек. Только того, что еще больше усилило в Москве убеждение в том, что его поведение отнюдь не является дружественным. Итак, конвенция все же ратифицирована, а неблагоприятное впечатление в Москве лишь усилилось. Таков итог поведения финляндского правительства в этом вопросе. Отдает ли себе Хаксель в этом отчет и думает ли он, что такая политика ведет к хорошим результатам.

Хаксель был, видимо, раздражен тем, что я открыто поставил точки над «н». Он ответил следующее: верьте или не верьте, но у нас такие архаические порядки в делопроизводстве, что мы, например, только вчера получили из сейма бюджет, датированный еще в декабре. Мы формально жили весь этот месяц без бюджета и ничего не могли добиться от сейма. Эта медлительность, в конце концов, привела к тому, что экспедиционная комиссия сейма была увеличена и в ее штат введено еще несколько человек. Я Вам сказал, что добьюсь передачи этой ратификационной грамоты вне очереди. Я это исполнил, так как все же указанная операция была проведена вне очереди.

Я сказал, что не намерен продолжать спор на эту тему, ибо я сказал все то, что я хотел сказать. Дело Хакселя принять это к сведению или не принять.

Я поставил вопрос о результатах поездки Салнайса** и просил Хакселя дать мне аутентичную информацию. Хаксель

* См. док. № 22.

** См. док. № 21.

сказал мне следующее: поездка преследовала цели улучшения финско-латвийских отношений. Многого в этой области ожидать не приходится, но все же кое-что полезное можно сделать. Когда я был назначен министром иностранных дел, я составил почти полное отсутствие отношений с Латвией, что я считал совершенно ненормальным. У нас есть общие интересы. Нас соединяет одно и то же море, и мы можем, конечно, много сделать друг для друга. В этом направлении я все время работал. Во время пребывания Салнайса здесь мы обсудили ряд вопросов, а именно: мы окончательно решили применять друг к другу так называемую балтийскую клаузулу*. Раньше в финских торговых договорах эта клаузула всегда фигурировала, а потом ее почему-то оставили, так что в последних торговых договорах Финляндии ее нет. Теперь мы решили ее восстановить. Далее мы обсудили и приняли ряд мер, облегчающих почтовую связь, контакт между информационными бюро наших стран. Мы также решили, что обязательно будем видеться раз в год друг с другом. Наконец, мы обменялись взглядами относительно общей линии поведения в Лиге наций. Вот, собственно, все, о чем мы говорили в течение тех нескольких часов, которые были посвящены делу.

Я сказал Хакселю, что все то, что он мне рассказал, касается финско-латвийских отношений. Однако, по моим сведениям, поездка Салнайса касалась не только финско-латвийских отношений. Говорят о создании блока трех стран: Латвии, Эстонии, Финляндии. Говорят также о том, что Швеция играет в этом деле какую-то роль. Поездку Салнайса через Стокгольм связывают именно с этой ролью Швеции**. Что может по всем этим вопросам сказать мне Хаксель.

Хаксель ответил, что о блоке трех стран ему ничего не известно. Под блоком он понимает наступательный или оборонительный союз. Но те три страны, о которых я говорил, не собираются ни на кого наступать и ни от кого обороняться. Поэтому ни о каком блоке речи не может идти. Я возразил Хакселю, указав ему на то, что он смешивает понятие блока с понятием военного союза и что я говорю в данном случае не о военном союзе, а именно о политическом блоке. Пусть не формально (типа Малой Антанты), но тем не менее политическом блоке.

Хаксель снова стал доказывать, что военный союз между этими тремя странами невозможен. Другое дело Латвия и Эстония. Между ними существуют союзные отношения и в случае какой-нибудь военной опасности одна страна придет на помощь другой. Для Финляндии такие отношения невоз-

---

* См. т. VIII, прим. 159.

** См. док. № 21.

можно, и финляндское правительство никогда не взяло бы на себя обязательств ввязываться в войну из-за чуждых ему интересов.

Я снова отвел разговор о военном союзе и поставил Хакселею прямой вопрос, имеют ли место в настоящий момент переговоры о политическом контакте в том его понимании, какое я привел выше. А именно: общность внешнеполитических тенденций, установление известного единообразия по отношению к тем или иным соседним государствам, общность позиции в Лиге наций и т. д. На этот прямо поставленный мною вопрос Хаксель сказал, что не отрицает подобных разговоров и стремлений и надеется, что против подобных тенденций, поскольку они укрепляют положение указанных малых стран, никто со стороны возражать не станет.

На последнюю реплику я ответил замечанием, что позиция третьих сторон будет, по-видимому, зависеть от того, какие тенденции будут положены в основу этого блока и кто из посторонних стоит за его спиной. Мне было бы интересно узнать мнение Хакселя по последнему вопросу. Хаксель от прямого ответа уклонился, сказав лишь, что он может меня заверить, что Швеция тут ни при чем. Поездка Салнайса в Стокгольм вызвана исключительно латвийско-шведскими отношениями. Тогда я спросил у Хакселя, собирается ли он поехать в Стокгольм. На это Хаксель ответил, что пару дней тому назад он получил через финляндского посланника в Стокгольме Эриха запрос, не хочет ли он приехать в Стокгольм. Он намерен поехать в Стокгольм в феврале. Я спросил, правда ли, что эстонский министр иностранных дел Сельямаа приезжает в Гельсингфорс. Хаксель ответил, что официально ему об этом ничего не известно, но что он допускает возможность приезда Сельямаа в феврале тоже в Гельсингфорс.

Я ограничился пока этими вопросами, желая собрать сведения из других источников, после чего я вновь переговорю с Хакселем*.

Я напомнил Хакселею, что мы условились с ним окончательно договориться по вопросу о расчистке границ. Хаксель признал свою вину в затяжке этого вопроса и обещал на днях переговорить со мной**.

Полпред СССР в Финляндии
Б. Штейн

Печат. по арх.

* См. док. № 74.

** См. док. № 31.

24. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Польши в СССР Сокольниковым

25 января 1934 г.

По поручению Бека, вернувшегося в Варшаву. Сокольниковый сообщил, что, согласно полученной Бекем в Женеве информации, в ближайшее время не ожидается созыв Генеральной комиссии по разоружению. Бек считается, однако, со стремлением Италии и Англии начать переговоры в рамках «пакта четырех» *. Отношение Польши негативное.

В строго конфиденциальном порядке Бек сообщает, что в ближайшее время польско-германская декларация о неприменении насилия может принять форму дипломатического акта ¹⁴.

Далее Сокольниковый сказал, что Лукасевич уехал в Польшу по личным делам (болезнь детей) и вернется в Москву в ближайшие дни, когда и привезет с собою более подробные сведения **.

Литвинов

Печат. по арх.

25. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу

25 января 1934 г.

Ота ***, явившийся 21 января, сказал, что хочет побеседовать о путях улучшения наших отношений. Он сослался на речи Молотова и Литвинова ****, которые якобы усугубили напряженное положение, так как были многими в Японии превратно поняты. Я ответил, что эти речи имели только один смысл, соответствующий нашей политике мира, и перечислил все предпринятые шаги, иллюстрирующие наше миролюбие, а именно: предложение пакта *****, согласие на тройственный погранкомитет *****, согласие на продажу КВЖД ***** — все эти предложения отклонены или сорваны японскими властями, на которых лежит вся ответственность, и что мы обеспокоены за-

* См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 3—10.

** См. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, М., 1969, стр. 158—161.

*** Посол Японии в СССР.

**** См. газ. «Известия», 29, 30 декабря 1933 г.

***** См. т. XIV, док. № 401.

***** См. т. XVI, док. № 2.

***** См. т. XVI, док. № 141, 147.

явлениями японской военищины о необходимости превентивной войны²⁵; упомянул о демонстрации перед полпредством²⁶, отметив необходимость принятия мер и предотвращения таких случаев в будущем. Ота высказал личное опасение по поводу предстоящего выступления Сталина на съезде* и что слова Сталина могут ухудшить или улучшить положение. Я ответил, что не осведомлен, что будет говорить Сталин, и что НКЖД не может иметь никакого влияния на выступление руководителя партии на съезде. В порядке личного предположения я сказал, что оценка положения будет соответствовать обстановке, и, поскольку Ота добивался узнать, что можно сделать для улучшения последней, я советовал ускорить освобождение арестованной шестерки** и возобновление после этого переговоров о КВЖД***. Добавляю, что Ота просил также ответа по вопросу о взаимоотношениях с японскими консулами на Камчатке, о курсе АКО**** и заявке нефтяной концессии о продлении срока разведки на Сахалине*****. Я ответил, что ввиду позднего времени предлагаю перенести обсуждение этих вопросов на один из ближайших дней*****.

Сообщения некоторых токийских газет, будто Ота заявил протест по поводу речей Молотова и Литвинова, являются выдумкой.

Замиаркомиидел

Печат. по арх.

26. Письмо Полномочного Представителя СССР во Франции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

25 января 1934 г.

Уважаемый Максим Максимович,

1. Ни Поль-Боикур, ни Леже***** до сих пор не вызвали меня для обсуждения предложений о Лиге наций и взаимной защите*****. Я занимаю выжидательную позицию, ибо я не хочу, чтобы вопрос повернулся так, будто мы заинтересованы больше, чем французы. Медлительность Поль-Бокура следует, несомненно, приписать его нерешительности, являющейся отражением борьбы во Франции и даже в самом кабинете двух доктрин: просоветской и прогерманской. Следует

* См. док. № 28.

** См. т. XVI, док. № 305.

*** См. док. № 9, 65, 310.

**** См. док. № 75.

***** См. т. XVI, док. № 284.

***** См. док. № 66, 81, 163, 171.

***** Генеральный секретарь МИД Франции.

***** См. т. XVI, прим. 321.

учесть также прямое давление, оказываемое Англией на Францию в направлении достижения франко-германского соглашения и возвращения Германии в лоно конференции по разоружению и Лиги наций. В этом же направлении идет и косвенная акция Италии. Возможно, что в ближайшие же дни Англия предложит Германии и Франции свои посреднические услуги. Похоже, таким образом, на то, что Поль-Бонкур задерживает наши переговоры впредь до выяснения обстановки с Германией. Не исключена, однако, возможность, что Поль-Бонкур, несмотря на данное мне твердое обещание не делать никаких сообщений ни Польше, ни кому-либо другому без предварительного согласования со мною*, все же зондировал Бенеша и Бека.

2. По просьбе Гендерсона я с ним свиделся, когда он остановился в Париже проездом в Женеву. Он немножко воспрянул духом и вновь надеется на то, что в конце февраля удастся созвать Генеральную комиссию и приступить ко второму чтению плана Макдональда**, хотя и, возможно, несколько видоизмененного. На случай, однако, если план Макдональда окончательно рухнет, у Гендерсона есть программа-минимум, что-то вроде малой конвенции в духе рузвельтовского предложения***: не выводить войска за пределы собственной территории, сокращение наступательного вооружения.

3. При настоящем прилагаю в двух экземплярах справку****, приготовленную по моему поручению г. Антоновым, по вопросу о процедуре прохождения в Лиге наций изменений Устава Лиги. Получается весьма мрачная картина многолетнего хождения по мукам.

С товарищеским приветом

В. Довгалецкий

Печат. по арх.

27. Письмо Полномочного Представителя СССР в Италии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

25 января 1934 г.

Глубокоуважаемый Николай Николаевич,
Моя болезнь, затянувшаяся свыше месяца и вдобавок осложнившаяся 18 января, лишила меня возможности активно работать в течение этого времени. К счастью, особых событий за этот срок не произошло. Беспокоила меня лишь мысль о

* См. т. XVI, док. № 444.

** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 67—92.

*** Там же, стр. 99—101.

**** Не публикуется.

возможности затяжки наших переговоров с Венгрией вследствие моего нездоровья. Но и в этом отношении все обошлось благополучно.

Когда Юнгерт* приехал в Рим, венгерская миссия уже была уведомлена нами о моем состоянии. Не ограничиваясь этим, я поручил первому секретарю посетить Юнгерта, извиниться по поводу вынужденной отсрочки нашей встречи на 2—3 дня и одновременно выразить уверенность, что ввиду несложности нашей задачи нам удастся без замедлений выполнить возложенное на нас поручение. При этом Юнгерту было сказано, что если бы до встречи со мной он имел сообщить мне какие-либо пожелания или предположения, я просил бы передать их мне через первого секретаря.

Как Вы знаете из моей телеграммы²⁷, у Юнгерта оказался заготовленный текст обмена нотами и дополнительного протокола. Передавая этот материал, Юнгерт сопровождал его некоторыми устными пояснениями. В предвидении этого, я заранее дал первому секретарю указание, не открывая с Юнгертом дискуссии и не разворачивая перед ним наших позиций, предупредить его, что мы рассчитывали ограничиться простым обменом нотами** для установления отношений и что данные его предложения могут серьезно осложнить нашу задачу. Так и было сделано. Отдельные критические замечания, высказанные им по поводу некоторых статей зачитанного Юнгертом протокола, лишь подкрепляли высказанную основную мысль, сигнализовавшую Юнгерту нежелательность осложнения нашей задачи какими-либо предложениями, идущими дальше основного обмена нотами.

Я уже сообщил Вам, что на протоколе, хотя бы и в сокращенном виде, Юнгерт, по-видимому, будет настаивать. Особый акцент ставит он на ст. 9, 10, 11 своего проекта, подчеркивая, что они внесены туда в силу соображений порядка внутреннеполитического. Сегодня политический директор МИД [Италии] Бутти, держащий тесный контакт с венграми и находящийся в курсе всех их предложений, в частном порядке сообщил первому секретарю, что выше указанные статьи навязаны Юнгерту реакционными кругами Будапешта, близкими к регенту и враждебно настроенными в отношении СССР. Бутти с нескрываемой досадой говорил о напрасных осложнениях, которые вносятся венграми в переговоры с нами. По его словам, он откровенно заявил Юнгерту, что его предложения, основанные на берлинских переговорах 1924 г.***, явно устарели, что сейчас они неуместны и что если протокол к обмену нотами венгры считают необходимым, им нужно было бы ог-

* См. док. № 4.

** См. док. № 41.

*** См. т. VII, прим. 72.

раничиться внесением в него соглашений лишь по самым актуальным практическим вопросам — об обмене миссиями, о правах торгпредства и т. д.

Не подлежит сомнению, что итальянцы заинтересованы в скорейшем соглашении нашем с венграми. Не исключено, что в силу этого они будут пытаться воздействовать на Юнгерта и здешнюю венгерскую миссию, дабы побудить их к большей сговорчивости.

Послезавтра я рассчитываю принять Юнгерта. Быть может, к этому времени подспеют и Ваши дополнительные директивы, запрошенные мною по телеграфу. Во всяком случае, позиции наши мне ясны. Они с достаточной четкостью формулированы в Вашем письме № 5023 от 13 января с. г. * Их я и буду держать впредь до новых указаний.

С товарищеским приветом

Полпред *Вл. Потемкин*

Печат. по арх.

28. Из отчетного доклада Центрального Комитета ВКП(б) XVII съезду ВКП(б) **

26 января 1934 г.

I

Продолжающийся кризис мирового капитализма и внешнее положение Советского Союза

Товарищи! Со времени XVI съезда прошло более трех лет. Период не очень большой. Но он более, чем какой-либо другой период, насыщен содержанием. Я думаю, что ни один из периодов последнего десятилетия не был так богат событиями, как этот период.

В области экономической эти годы были годами продолжающегося мирового экономического кризиса. Кризис охватил не только промышленность, но и сельское хозяйство в целом. Кризис бушевал не только в сфере производства и торговли. Он перенесся также в сферу кредита и денежного обращения, перевернув вверх дном установившиеся между странами кредитные и валютные отношения. Если раньше еще спорили кое-где — есть мировой экономический кризис или нет его, то теперь уже не спорят об этом, ибо слишком ясны наличие кризиса и его опустошительные действия. Теперь спорят уже о другом — можно ли выйти из кризиса или нет выхода, а если есть выход, то каким образом осуществить его.

* См. док. № 13.

** С докладом выступил И. В. Сталин.

В области политической эти годы были годами дальнейшего обострения отношений как между капиталистическими странами, так и внутри этих стран. Война Японии с Китаем и оккупация Маньчжурии, обострившие отношения на Дальнем Востоке; победа фашизма в Германии и торжество идеи реванша, обострившие отношения в Европе; выход Японии и Германии из Лиги наций, давший новый толчок росту вооружений и подготовке к империалистической войне; поражение фашизма в Испании, лишний раз указывающее на то, что революционный кризис назревает и фашизм далеко не долговечен,— таковы важнейшие факты отчетного периода. Не удивительно, что буржуазный пацифизм дышит на ладан, а разоружительные тенденции открыто и прямо сменяются тенденциями вооружения и довооружения.

Среди этих бушующих волн экономических потрясений и военно-политических катастроф СССР стоит отдельно, как утес, продолжая свое дело социалистического строительства и борьбы за сохранение мира. Если там, в капиталистических странах, все еще бушует экономический кризис, то в СССР продолжается подъем как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства. Если там, в капиталистических странах, идет лихорадочная подготовка к новой войне для нового передела мира и сфер влияния, то СССР продолжает систематическую упорную борьбу против угрозы войны и за мир, причем нельзя сказать, чтобы усилия СССР в этой области не имели никакого успеха.

Такова общая картина международного положения в данный момент.

Перейдем к рассмотрению основных данных об экономическом и политическом положении капиталистических стран.

1. Движение экономического кризиса в капиталистических странах

Нынешний экономический кризис в капиталистических странах отличается от всех аналогичных кризисов, между прочим, тем, что он является наиболее продолжительным и затяжным. Если раньше кризисы исчерпывались в 1—2 года, то нынешний кризис продолжается вот уже пятый год, опустошая год за годом хозяйство капиталистических стран и высасывая из него жир, накопленный в предыдущие годы. Не удивительно, что этот кризис является наиболее тяжелым из всех кризисов.

Чем объяснить этот небывало затяжной характер современного промышленного кризиса?

Объясняется это прежде всего тем, что промышленный кризис захватил все без исключения капиталистические страны, затруднив маневрирование одних стран за счет других.

Объясняется это, во-вторых, тем, что кризис промышленный переплелся с кризисом аграрным, охватившим все без исключения аграрные и полуаграрные страны, что не могло не усложнить и углубить кризис промышленный.

Объясняется это, в-третьих, тем, что аграрный кризис усилился за это время и охватил все отрасли сельского хозяйства, в том числе животноводство, доведя его до деградации, до перехода от машин к ручному труду, до замены трактора лошадей, до резкого сокращения, а иногда и полного отказа от применения искусственных удобрений, что еще больше затянуло промышленный кризис.

Объясняется это, в-четвертых, тем, что господствующие в промышленности монопольные картели стараются сохранить высокие цены на товары, — обстоятельство, делающее кризис особенно болезненным и мешающее рассасыванию товарных запасов.

Объясняется это, наконец, — и это главное — тем, что промышленный кризис разыгрался в условиях общего кризиса капитализма, когда капитализм не имеет уже и не может иметь ни в основных государствах, ни в колониях и зависимых странах той силы и прочности, какие он имел до войны и Октябрьской революции, когда промышленность капиталистических стран получила в наследство от империалистической войны хроническую недогрузку предприятий и миллионные армии безработных, от которых она не в силах больше освободиться. Таковы обстоятельства, определившие глубоко затяжной характер нынешнего промышленного кризиса.

Этими же обстоятельствами объясняется и тот факт, что кризис не ограничился сферой производства и торговли и захватил также кредитную систему, валюту, сферу долговых обязательств и т. д., разбив традиционно установившиеся отношения как между отдельными странами, так и между социальными группами в отдельных странах.

Большую роль сыграло здесь падение цен на товары. Несмотря на сопротивление монопольных картелей, падение цен росло со стихийной силой, причем падали цены прежде всего и больше всего на товары неорганизованных товарладельцев, — крестьян, ремесленников, мелких капиталистов, и лишь постепенно и в меньшей степени товарладельцев организованных, — объединенных в картели капиталистов. Падение цен сделало положение должников (промышленники, ремесленники, крестьяне и т. п.) невыносимым и, наоборот, положение кредиторов — неслыханно привилегированным. Такое положение должно было привести и действительно привело к колоссальному банкротству фирм и отдельных предпринимателей. В продолжение последних 3 лет на этой почве погибли десятки тысяч акционерных обществ в САСШ, в Германии, в Англии,

во Франции. За банкротствами акционерных обществ пошло обесценение валют, несколько облегчившее положение должников. За обесценением валют — легализованная государством неуплата долгов как внешних, так и внутренних. Крах таких банков, как Дармштадтский и Дрезденский банки в Германии, Кредит-Анштальт в Австрии, и таких концернов, как концерн Крейгера в Швеции, Инсул — Концерн в САСШ и т. д. — всем известен.

Понятно, что за этими явлениями, расшатавшими основы кредитной системы, должны были последовать и действительно последовали прекращение платежей по кредитам и иностранным займам, прекращение платежей по межсоюзническим долгам, прекращение внешней торговли, новое сокращение экспорта товаров, усиление борьбы за внешние рынки, торговая война между странами и — демпинг. Да, товарищи, демпинг. Я говорю не о советском мнимом демпинге, о котором еще совсем недавно до хрипоты кричали некоторые благородные депутаты благородных парламентов Европы и Америки. Я говорю о действительном демпинге, практикуемом теперь почти всеми «цивилизованными» государствами, о чем благо- разумно хранят молчание эти храбрые и благородные депутаты.

Понятно также, что эти сопутствующие промышленному кризису разрушительные явления, разыгравшиеся вне сферы производства, не могли в свою очередь не повлиять на ход промышленного кризиса в смысле его усугубления и усложнения.

Такова общая картина движения промышленного кризиса.

Вот некоторые цифры из официальных материалов, иллюстрирующие движение промышленного кризиса за отчетный период.

Объем промышленной продукции в процентах к 1929 году:

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
СССР	100,0	129,7	161,9	184,7	201,6
САСШ	100,0	80,7	68,1	53,8	64,9
Англия	100,0	92,4	83,8	83,8	86,1
Германия	100,0	88,3	71,7	59,8	66,8
Франция	100,0	100,7	89,2	69,1	77,4

Эта таблица, как видите, сама говорит за себя.

В то время как промышленность основных капиталистических стран падала из года в год в сравнении с уровнем 1929 г. и лишь в 1933 году стала немного оправляться, далеко еще не достигнув, однако, уровня 1929 г., промышленность СССР

росла из года в год, переживая процесс непрерывного подъема.

В то время как промышленность основных капиталистических стран показывает в среднем сокращение объема своей продукции к концу 1933 г. в сравнении с уровнем 1929 г. на 25% и больше, промышленность СССР выросла за это время больше чем вдвое, т. е. больше чем на 100%.

Может показаться, судя по этой таблице, что из 4 капиталистических стран Англия находится в наиболее благоприятном положении. Но это не совсем верно. Если взять промышленность этих стран и сравнить ее с довоенным уровнем, то картина получается несколько иная.

Вот соответствующая таблица.

Объем промышленной продукции в процентах к довоенному уровню:

	1918 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
СССР	100	194,3	252,1	314,7	359,0	391,9
САСШ	100	170,2	137,3	115,9	91,4	110,2
Англия	100	99,1	91,5	83,0	82,5	85,2
Германия	100	113,0	99,8	81,0	67,6	75,4
Франция	100	139,0	140,0	124,0	96,1	107,6

Как видите, промышленность Англии и Германии все еще не достигла довоенного уровня, тогда как САСШ и Франция превысили его на несколько процентов, а СССР поднял — увеличил свою промышленную продукцию за этот период в сравнении с довоенным уровнем более чем на 290%.

Но из этих таблиц следует еще один вывод.

В то время как промышленность основных капиталистических стран все время падала, начиная с 1930 г. и особенно с 1931 г., дойдя в 1932 г. до точки наибольшего упадка, в 1933 г. она стала несколько оправляться и подыматься. Если взять месячные данные по 1932 и 1933 годам, то они еще больше подтверждают этот вывод, ибо они говорят о том, что промышленность этих стран, несмотря на колебания ее продукции в продолжение 1933 г., не обнаружила тенденции довести колебания вниз до уровня наибольшего упадка, имевшего место летом 1932 г.

Что это значит?

Это значит, что промышленность основных капиталистических стран, по-видимому, уже прошла точку наибольшего упадка, к которой она больше не возвращалась в течение 1933 г.

Некоторые склонны приписать это явление влиянию исключительно искусственных факторов вроде военно-инфляционной

конъюнктуры. Не может быть сомнения, что военно-инфляционная конъюнктура играет здесь немалую роль. Это особенно верно в отношении Японии, где этот искусственный фактор является главной и решающей силой некоторого оживления некоторых, главным образом военных, отраслей промышленности. Но было бы грубой ошибкой объяснять все военно-инфляционной конъюнктурой. Такое объяснение неправильно хотя бы потому, что охарактеризованные мною некоторые сдвиги в промышленности наблюдаются не в отдельных и случайных районах, а во всех или почти во всех промышленных странах, в том числе в странах с твердой валютой. Очевидно, что наряду с военно-инфляционной конъюнктурой здесь имеет место также действие внутренних экономических сил капитализма.

Капитализму удалось несколько облегчить положение промышленности за счет рабочих — путем углубления их эксплуатации через усиление интенсивности их труда, за счет фермеров — путем проведения политики наиболее низких цен на продукты их труда, на продовольствие и отчасти на сырье, за счет крестьян колоний и экономически слабых стран — путем еще большего снижения цен на продукты их труда, главным образом, на сырье и затем на продовольствие.

Значит ли это, что мы имеем дело с переходом от кризиса к обычной депрессии, влекущей за собой новый подъем и расцвет промышленности? Нет, не значит. Во всяком случае, в настоящее время не существует таких данных, прямых или косвенных, которые бы говорили о наступающем подъеме промышленности в капиталистических странах. Более того, судя по всему, таких данных и не может быть, по крайней мере в ближайшее время. Не может быть, так как продолжают действовать все те неблагоприятные условия, которые не дают промышленности капиталистических стран подняться сколько-нибудь серьезно вверх. Речь идет о продолжающемся общем кризисе капитализма, в обстановке которого протекает экономический кризис, о хронической недогрузке предприятий, о хронической массовой безработице, о переплетении промышленного кризиса с сельскохозяйственным кризисом, об отсутствии тенденции к сколько-нибудь серьезному обновлению основного капитала, предвещающему обычно наступление подъема и т. д. и т. п.

Очевидно, что мы имеем дело с переходом от точки наибольшего упадка промышленности, от точки наибольшей глубины промышленного кризиса — к депрессии, но к депрессии не обычной, а к депрессии особого рода, которая не ведет к новому подъему и расцвету промышленности, но и не возвращает ее к точке наибольшего упадка.

2. Обострение политического положения в капиталистических странах

Результатом затяжного экономического кризиса явилось небывалое доселе обострение политического положения капиталистических стран как внутри этих стран, так и между ними.

Усиление борьбы за внешние рынки, уничтожение последних остатков свободной торговли, запретительные таможенные пошлины, торговая война, война валют, демпинг и многие другие аналогичные мероприятия, демонстрирующие крайний национализм в экономической политике, обострили до крайности отношения между странами, создали почву для военных столкновений и поставили на очередь войну как средство нового передела мира и сфер влияния в пользу более сильных государств.

Война Японии с Китаем, оккупация Маньчжурии, выход Японии из Лиги наций и продвижение в Северный Китай еще больше обострили положение. Усиление борьбы за Великий океан и рост военно-морских вооружений в Японии, САСШ, Англии, Франции представляют результат этого обострения.

Выход Германии из Лиги наций и призрак реванша дали новый толчок к обострению положения и росту вооружений в Европе.

Не удивительно, что буржуазный пацифизм влачит теперь жалкое существование, а болтовня о разоружении смеяется «деловыми» разговорами о вооружении и довооружении.

Опять, как и в 1914 г., на первый план выдвигаются партии воинствующего империализма, партии войны и реванша.

Дело явным образом идет к новой войне.

Еще больше обостряется ввиду действий тех же факторов внутреннее положение капиталистических стран. Четыре года промышленного кризиса истощили и довели до отчаяния рабочий класс. Четыре года сельскохозяйственного кризиса разорили вконец немощные слои крестьянства не только в основных капиталистических странах, но и — особенно — в зависимых и колониальных странах. Это факт, что, несмотря на всякие статистические ухищрения, имеющие своей целью преуменьшение числа безработных, количество безработных по официальным данным буржуазных учреждений доходит в Англии до 3 млн., в Германии до 5 млн., в САСШ до 10 млн., не говоря уже о других странах Европы. Добавьте к этому частично безработных, количество которых превышает десяток миллионов, добавьте миллионные массы разорившихся крестьян, — и вы получите приблизительную картину нужды и отчаяния трудящихся масс. Народные массы не дошли еще до того, чтобы пойти на штурм капитализма, но что идея штурма зреет в сознании масс — в этом едва ли может быть сомнение. Об этом

красноречиво говорят хотя бы такие факты, как испанская революция, свергнувшая режим фашизма, и рост советских районов в Китае, который не в силах приостановить соединенная контрреволюция китайской и иностранной буржуазии.

Этим, собственно, и объясняется тот факт, что господствующие классы капиталистических стран старательно уничтожают или сводят на нет последние остатки парламентаризма и буржуазной демократии, которые могут быть использованы рабочим классом в его борьбе против угнетателей, загоняют в подполье коммунистические партии и переходят к открыто террористическим методам сохранения своей диктатуры.

Шовинизм и подготовка войны, как основные элементы внешней политики, обуздание рабочего класса и террор в области внутренней политики, как необходимое средство для укрепления тыла будущих военных фронтов, — вот что особенно занимает теперь современных империалистических политиков.

Не удивительно, что фашизм стал теперь наиболее модным товаром среди воинствующих буржуазных политиков. Я говорю не только о фашизме вообще, но прежде всего о фашизме германского типа, который неправильно называется национал-социализмом, ибо при самом тщательном рассмотрении невозможно обнаружить в нем даже атома социализма.

В этой связи победу фашизма в Германии нужно рассматривать не только как признак слабости рабочего класса и результат измены социал-демократии рабочему классу, расчистившей дорогу фашизму. Ее надо рассматривать также, как признак слабости буржуазии, как признак того, что буржуазия уже не в силах властвовать старыми методами парламентаризма и буржуазной демократии, ввиду чего она вынуждена прибегнуть во внутренней политике к террористическим методам управления, как признак того, что она не в силах внешней политики, ввиду чего она вынуждена прибегнуть к политике войны.

Таково положение.

Как видите, дело идет к новой империалистической войне, как к выходу из нынешнего положения.

Конечно, нет оснований предполагать, что война может дать действительный выход. Наоборот, она должна еще больше запутать положение. Более того, она наверняка развяжет революцию и поставит под вопрос само существование капитализма в ряде стран, как это имело место в ходе первой империалистической войны. И если, несмотря на опыт первой империалистической войны, буржуазные политики все же хватаются за войну, как утопающий за соломинку, то это значит, что они окончательно запутались, попали в тупик и готовы лететь стремглав в пропасть.

Не мешает поэтому рассмотреть коротко те планы организации войны, которые вынашиваются теперь в кругах буржуазных политиков.

Одни думают, что войну надо организовать против одной из великих держав. Они думают нанести ей уничтожающее поражение и поправить свои дела за ее счет. Допустим, что они организовали такую войну. Что из этого может получиться? Как известно, во время первой империалистической войны тоже хотели уничтожить одну из великих держав — Германию и поживиться за ее счет. А что из этого вышло? Германию они не уничтожили, но посеяли в Германии такую ненависть к победителям и создали такую богатую почву для реванша, что до сих пор еще не могут, да, пожалуй, не скоро еще смогут расхлебать ту отвратительную кашу, которую сами же заварили. Но зато они получили разгром капитализма в России, победу пролетарской революции в России и — ясное дело — Советский Союз. Где гарантия, что вторая империалистическая война даст им «лучшие» результаты, чем первая? Не вернее ли будет предположить обратное?

Другие думают, что войну надо организовать против одной из слабых в военном отношении, но обширных в смысле рынка стран, например — против Китая, который, оказывается, нельзя назвать к тому же государством в собственном смысле слова, а представляет лишь «неорганизованную территорию», нуждающуюся в том, чтобы ее захватили сильные государства. Они хотят, очевидно, окончательно его поделить и поправить свои дела за его счет. Допустим, что они организовали такую войну. Что из этого может получиться? Известно, что в начале XIX века точно так же смотрели на Италию и Германию, как смотрят теперь на Китай, т. е. считали их «неорганизованными территориями», не государствами, и поработали их. А что из этого получилось? Из этого получились, как известно, война Германии и Италии за независимость и объединение этих стран в самостоятельные государства. Из этого получилось усиление ненависти к поработителям в сердцах народов этих стран, результаты которой до сих пор еще не ликвидированы и, пожалуй, не скоро еще будут ликвидированы. Спрашивается: где гарантия, что то же самое не получится в результате войны империалистов против Китая?

Третьи думают, что войну должна организовать «высшая раса», скажем, германская «раса», против «низшей расы», прежде всего — против славян, что только такая война может дать выход из положения, так как «высшая раса» призвана оплодотворять «низшую» и властвовать над ней. Допустим, что эту странную теорию, которая так же далека от науки, как небо от земли, — допустим, что эту странную теорию перевели на практику. Что из этого может получиться? Известно,

что старый Рим точно так же смотрел на предков нынешних германцев и французов, как смотрят теперь представители «высшей расы» на славянские племена. Известно, что старый Рим третировал их «низшей расой», «варварами», призванными быть в вечном подчинении «высшей расе», «великому Риму», причем, между нами будь сказано, старый Рим имел для этого некоторое основание, чего нельзя сказать о представителях нынешней «высшей расы». А что из этого вышло? Вышло то, что неримляне, т. е. все «варвары», объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим. Спрашивается, где гарантия, что претензии представителей нынешней «высшей расы» не приведут к тем же плачевным результатам? Где гарантия, что фашистско-литературным политикам в Берлине посчастливится больше, чем старым и испытанным завоевателям в Риме? Не вернее ли будет предположить обратное?

Наконец, четвертые думают, что войну надо организовать против СССР. Они думают разбить СССР, поделить его территорию и пожнвиться за его счет. Ошибочно было бы полагать, что так думают только некоторые военные круги в Японии. Нам известно, что такие же планы вынашиваются в кругах политических руководителей некоторых государств Европы. Допустим, что эти господа перешли от слов к делу. Что из этого может получиться? Едва ли можно сомневаться, что эта война будет самой опасной для буржуазии войной. Она будет самой опасной не только потому, что народы СССР будут драться на смерть за завоевания революции. Она будет самой опасной для буржуазии еще потому, что война будет происходить не только на фронтах, но и в тылу у противника. Буржуазия может не сомневаться, что многочисленные друзья рабочего класса СССР в Европе и Азии постараются ударить в тыл своим угнетателям, которые затеяли преступную войну против отечества рабочего класса всех стран. И пусть не пеняют на нас господа буржуа, если они на другой день после такой войны не досчитаются некоторых близких им правительств, ныне благополучно царствующих «милостью божней». Одна такая война против СССР уже была, если вспомните, 15 лет тому назад. Как известно, всеми уважаемый Черчилль облек тогда эту войну в поэтическую формулу — «нашествие 14 государств». Вы помните, конечно, что эта война сплотила всех трудящихся нашей страны в единый лагерь самоотверженных бойцов, грудью защищавших свою рабоче-крестьянскую родину от внешних врагов. Вы знаете, чем она кончилась. Она кончилась изгнанием интервентов из нашей страны и созданием революционных «Комитетов действия» в Европе. Едва ли можно сомневаться, что вторая война против СССР приведет к полному поражению нападающих, к револю-

ции в ряде стран Европы и Азии и разгрому буржуазно-помещичьих правительств этих стран.

Таковы военные планы запутавшихся буржуазных политиков.

Как видите, они не блещут ни умом, ни доблестью.

Но если буржуазия избирает путь войны, то рабочий класс капиталистических стран, доведенный до отчаяния 4-летним кризисом и безработицей, становится на путь революции. Это значит, что зреет и будет назревать революционный кризис. И революционный кризис будет нарастать тем скорее, чем больше будет запутываться буржуазия в своих военных комбинациях, чем чаще будет она прибегать к террористическим методам борьбы против рабочего класса и трудящихся крестьян.

Некоторые товарищи думают, что коль скоро имеется революционный кризис, буржуазия должна попасть в безвыходное положение, что ее конец, стало быть, уже предопределен, что победа революции тем самым уже обеспечена и что им остается только ждать падения буржуазии и писать победные резолюции. Это глубокая ошибка. Победа революции никогда не приходит сама. Ее надо подготовить и завоевать. А подготовить и завоевать ее может только сильная пролетарская революционная партия. Бывают моменты, когда положение — революционное, власть буржуазии шатается до самого основания, а победа революции все же не приходит, так как нет ялицо революционной партии пролетариата, достаточно сильной и авторитетной для того, чтобы повести за собой массы и взять власть в свои руки. Было бы неразумно думать, что подобные «случаи» не могут иметь места.

Не мешало бы в связи с этим вспомнить вещие слова Ленина о революционном кризисе, сказанные им на II конгрессе Коминтерна:

«Мы подошли теперь к вопросу о революционном кризисе, как основе нашего революционного действия. И тут надо, прежде всего, отметить две распространенные ошибки. С одной стороны, буржуазные экономисты изображают этот кризис как простое «беспокойство», по изящному выражению англичан. С другой стороны, иногда революционеры стараются доказать, что кризис абсолютно безвыходный. Это ошибка. Абсолютно безвыходных положений не бывает. Буржуазия ведет себя, как обнаглевший и потерявший голову хищник, она делает глупость за глупостью, обостряя положение, ускоряя свою гибель. Все это так. Но нельзя «доказать», что нет абсолютно никакой возможности, чтобы она не усыпила такое-то меньшинство эксплуатируемых такими-то уступочками, чтобы она не подавила такое-то движение или восстание такой-то части угнетенных и эксплуатируемых. Пытаться «доказывать» напе-

ред «абсолютную» безвыходность было бы пустым педантством или игрой в понятия и в словечки. Настоящим «доказательством» в этом и подобных вопросах может быть только практика. Буржуазный строй во всем мире переживает величайший революционный кризис. Надо «доказать» теперь практикой революционных партий, что у них достаточно сознательности, организованности, связи с эксплуатируемыми массами, решительности, умения, чтобы использовать этот кризис для успешной, для победоносной революции» (Ленин, 1920 г., т. XXV, стр. 340—341).

3. Отношения между СССР и капиталистическими государствами.

Легко понять, до чего трудно было СССР проводить свою мирную политику в этой, отравленной миазмами военных комбинаций, атмосфере.

В обстановке этой предвоенной свистопляски, охватившей целый ряд стран, СССР продолжал стоять за эти годы твердо и непоколебимо на своих мирных позициях, борясь с угрозой войны, борясь за сохранение мира, идя навстречу тем странам, которые стоят так или иначе за сохранение мира, разоблачая и срывая маску с тех, кто подготавливает, провоцирует войну.

На что рассчитывал СССР в этой трудной и сложной борьбе за мир?

а) На свою растущую хозяйственную и политическую мощь.

б) На моральную поддержку миллионов масс рабочего класса всех стран, кровно заинтересованного в сохранении мира.

в) На благоразумие тех стран, которые не заинтересованы по тем или иным мотивам в нарушении мира и которые хотят развить торговые отношения с таким исправным контрагентом, как СССР.

г) Наконец — на нашу славную армию, готовую оборонять страну от наскоков извне.

На этой базе возникла наша кампания за заключение пакта о ненападении и пакта об определении нападающей стороны с соседними государствами. Вы знаете, что эта кампания имела успех. Как известно, пакт о ненападении заключен не только с большинством наших соседних государств на Западе и Юге, в том числе с Финляндией и Польшей, но и с такими странами, как Франция, Италия, а пакт об определении нападающей стороны — с теми же соседними государствами, включая сюда и Малую Антанту.

На этой же базе укрепилась дружба между СССР и Турцией, улучшились отношения и стали бесспорно удовлетворительными между СССР и Италией, улучшились отношения с

Францией, Польшей и другими Балтийскими государствами, восстановлены отношения с США, с Китаем и т. д.

Из ряда фактов, отражающих успехи мирной политики СССР, следует отметить и выделить два факта, имеющие бесспорно серьезное значение.

1) Я имею в виду, во-первых, тот перелом к лучшему в отношениях между СССР и Польшей, между СССР и Францией, который произошел в последнее время. В прошлом, как известно, с Польшей были у нас неважные отношения. В Польше убивали представителей нашего государства. Польша считала себя барьером западных государств против СССР. На Польшу рассчитывали все и всякие империалисты, как на передовой отряд, в случае военного нападения на СССР. Не лучше обстояло дело с отношениями между СССР и Францией. Достаточно вспомнить факты из истории суда над вредительской группой Рамзина в Москве, чтобы восстановить в памяти картину взаимоотношений между СССР и Францией. И вот эти нежелательные отношения начинают постепенно исчезать. Они заменяются другими отношениями, которые нельзя назвать иначе, как отношениями сближения. Дело не только в том, что мы подписали пакт о ненападении с этими странами, хотя сам по себе пакт имеет серьезнейшее значение. Дело прежде всего в том, что атмосфера, зараженная взаимным недоверием, начинает рассеиваться. Это не значит, конечно, что наметившийся процесс сближения можно рассматривать как достаточно прочный, обеспечивающий конечный успех дела. Неожиданности и зигзаги политики, например, в Польше, где антисоветские настроения еще сильны, далеко еще нельзя считать исключенными. Но перелом к лучшему в наших отношениях, независимо от его результатов в будущем, — есть факт, заслуживающий того, чтобы отметить и выдвинуть его вперед, как фактор улучшения дела мира.

Где причина этого перелома, чем он стимулируется?

Прежде всего ростом силы и могущества СССР.

В наше время со слабыми не принято считаться, — считаются только с сильными. А затем — некоторыми изменениями в политике Германии, отражающими рост реваншистских и империалистических настроений в Германии.

Некоторые германские политики говорят по этому поводу, что СССР ориентируется теперь на Францию и Польшу, что из противника Версальского договора он стал его сторонником, что эта перемена объясняется установлением фашистского режима в Германии. Это неверно. Конечно, мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной. Дело также не в мнимых измене-

ниях в нашем отношении к Версальскому договору. Не нам, испытавшим позор Брестского мира, воспевать Версальский договор. Мы не согласны только с тем, чтобы из-за этого договора мир был ввергнут в пучину новой войны. То же самое надо сказать о мнимой переориентации СССР. У нас не было ориентации на Германию, так же как у нас нет ориентации на Польшу и Францию. Мы ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР. И если интересы СССР требуют сближения с теми или иными странами, не заинтересованными в нарушении мира, мы идем на это дело без колебаний.

Нет, не в этом дело. Дело в изменении политики Германии. Дело в том, что еще перед приходом к власти нынешних германских политиков, особенно же после их прихода в Германию, началась борьба между двумя политическими линиями, между политикой старой, получившей отражение в известных договорах СССР с Германией, и политикой «новой», напоминающей в основном политику бывшего германского кайзера, который оккупировал одно время Украину и предпринял поход против Ленинграда, превратив Прибалтийские страны в плацдарм для такого похода, причем «новая» политика явным образом берет верх над старой. Нельзя считать случайностью, что люди «новой» политики берут во всем перевес, а сторонники старой политики оказались в опале. Не случайно также известное выступление Гугенберга в Лондоне, так же как не случайны не менее известные декларации Розенберга, руководителя внешней политики правящей партии Германии. Вот в чем дело, товарищи.

2) Я имею в виду, во-вторых, восстановление нормальных отношений между СССР и Соединенными Штатами Северной Америки. Не может быть сомнения, что этот акт имеет серьезнейшее значение во всей системе международных отношений. Дело не только в том, что он поднимает шансы дела сохранения мира, улучшает отношения между обеими странами, укрепляет торговые связи между ними и создает базу для взаимного сотрудничества. Дело в том, что он кладет веку между старым, когда США считались в различных странах оплотом для всяких антисоветских тенденций, и новым, когда этот оплот добровольно снят с дороги ко взаимной выгоде обеих стран.

Таковы два основных факта, отражающие успехи советской политики мира.

Было бы, однако, неправильно думать, что за отчетный период все шло у нас гладко. Нет, далеко не все шло у нас гладко.

Вспомните хотя бы нажим со стороны Англии, эмбарго, наложенное на наш экспорт, попытку вмешаться в наши внут-

ренные дела и прощупать нас на этом,— испытать силу нашего сопротивления. Правда, из этой попытки ничего не вышло, и эмбарго было снято потом, но неприятный осадок от этих наскоков все еще дает знать о себе во всем, что касается отношений между Англией и СССР, в том числе в переговорах о торговом договоре. А наскоки эти на СССР нельзя считать случайностью. Известно, что одна часть английских консерваторов не может жить без таких наскоков. И именно потому, что они не случайны, мы должны учитывать, что будут и впредь наскакивать на СССР, создавать угрозы всякого рода, наносить ему вред и т. п.

Нельзя не иметь также в виду отношений между СССР и Японией, которые нуждаются в серьезном улучшении. Отказ Японии от подписания пакта о ненападении, в котором Япония нуждается не меньше, чем СССР, лишний раз подчеркивает, что в области наших отношений не все обстоит благополучно. То же самое надо сказать насчет перерыва переговоров о КВЖД, происшедшего не по вине СССР, а также насчет того, что японские агенты творят недопустимые вещи на КВЖД, незаконно арестовывают советских служащих на КВЖД и т. п. Я уже не говорю о том, что одна часть военных людей в Японии открыто проповедует в печати необходимость войны с СССР и захвата Приморья при явном одобрении другой части военных, а правительство Японии вместо того, чтобы призвать к порядку поджигателей войны, делает вид, что это его не касается. Не трудно понять, что подобные обстоятельства не могут не создавать атмосферу беспокойства и неуверенности. Конечно, мы будем и впредь настойчиво проводить политику мира и добиваться улучшения отношений с Японией, ибо мы хотим улучшения этих отношений. Но не все здесь зависит от нас. Поэтому мы должны вместе с тем принять все меры к тому, чтобы оградить нашу страну от неожиданностей и быть готовыми к ее защите от нападения.

Как видите, наряду с успехами нашей мирной политики мы имеем и ряд отрицательных явлений.

Таково внешнее положение СССР.

Наша внешняя политика ясна. Она есть политика сохранения мира и усиления торговых отношений со всеми странами. СССР не думает угрожать кому бы то ни было и — тем более — напасть на кого бы то ни было. Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира. Но мы не боимся угроз и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны. Кто хочет мира и добивается деловых связей с нами, тот всегда найдет у нас поддержку. А те, которые попытаются напасть на нашу страну — получают сокрушительный отпор, чтобы впредь неповадно было им совать свое свиное рыло в наш советский огород.

Такова наша внешняя политика.

Задача состоит в том, чтобы проводить в жизнь и впредь эту политику со всей настойчивостью и последовательностью.

Печат по кн. «XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б)». Стенографический отчет. М., 1934 г., стр. 8—14

29. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Италии в СССР Аттолико

26 января 1934 г.

Аттолико напомнил, что 8 февраля исполняется 10 лет со дня восстановления отношений между СССР и Италией*, и высказал пожелание устроить по этому случаю итало-советский обед. По вопросу о приглашении Председателя СНК и наркомов я предложил Аттолико посоветоваться с Протокольным отделом.

Говорил Аттолико о какой-то личной просьбе Сувица, переданной им т. Рубинину²⁹. Не входя в детали вопроса, я сказал, что Рубинин сделает все от него зависящее.

Пришел же Аттолико главным образом поговорить со мной о Лиге наций и информировать меня о тех изменениях, которые Муссолини хотел бы внести в Устав Лиги: 1) Уничтожить взаимозависимость между Версальским договором и Уставом Лиги, что, по мнению Муссолини, должно облегчить присоединение к Лиге стран, не подписавших Версальского пакта, и таким образом обеспечить универсальность Лиги. 2) Первоначальный состав Совета Лиги состоял из 5 постоянных и 4 непостоянных членов, что обеспечивало превалирование мнений великих держав. С течением времени это положение изменилось и Совет теперь состоит уже из 15 членов. Муссолини хотел бы вернуть Лигу к первоначальному составу или, если бы это оказалось затруднительным, создать внутри Совета комитет (очевидно, из представителей великих держав). 3) Под вопрос ставится желательность сохранения единогласия решений в Совете Лиги и в ассамблеях, но на этот вопрос Муссолини сам ответа не дает. Эти пункты были предметом обмена мнениями между Муссолини и Саймоном**, но они не являются предложениями. Об этом обмене мнениями итальянское правительство еще никому до сих пор не сообщило. Аттолико просил высказать мои соображения.

Я сказал, что, поскольку мы не являемся членами Лиги и даже кандидатами в члены, я не вижу надобности обсу-

* См. т. VII, док. № 41.

** См. также док. № 4.

дать те или иные предполагаемые изменения в Уставе Лиги. Рассуждая академически, я могу сказать, что, хотя пакт Лиги является составной частью Версальского договора, в самом пакте Лиги Версаль совершенно не упоминается. Таким образом, по моему мнению, вхождение в Лигу не означает принятия или одобрения Версальского договора в целом и что поэтому не эта взаимозависимость между Версалем и пактом была до сих пор причиной нашего невхождения в Лигу. Мало интересует нас также вопрос о составе Совета и о роли в нем великих держав. Я поэтому не думаю, чтобы реформа по этим двум пунктам могла изменить наше отношение к Лиге. Полагаю, что это не повлияет также на позиции Соединенных Штатов, которые вообще, насколько нам известно, в Лигу входить не собираются.

На вопрос Аттолико, что же нас отталкивает от Лиги, я указал на общую деятельность Лиги. Кроме того, я отметил, что нас не интересует вопрос об объективности Лиги, поскольку она может присваивать себе функции трибунала и даже решать вопросы о применении санкций. Я вновь подчеркнул, что рассуждаю чисто академически, так как мы в Лигу входить сейчас не собираемся и никто нам этого не предлагает.

Аттолико счел нужным сказать, что нам должна быть известна точка зрения Италии о нашем международном сотрудничестве и что поэтому у нас не может быть сомнений в желательности для Италии нашего присоединения к Лиге. Конечно, если бы мы вошли в Лигу на второй же день после того, как итальянское правительство решило предложить реорганизацию под угрозой выхода из Лиги, то это было бы для Италии неприятно.

Литвинов

Печат. по арх.

30. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Посланником Финляндии в СССР Ирье-Коскиненем

26 января 1934 г.

Принятый мною по его просьбе перед обменом ратификационными грамотами Ирье-Коскинен сообщил, что заключение договора с Эльвингом * задерживается из-за отказа Главрыбы предоставить Эльвингу право убоа тюленей до той южной линии в гирле Белого моря, до которой этим убоем занимаются норвежцы по концессионному договору **. Ирье-Коскинен просил моего содействия, указывая на положительное значение,

* См. док. № 22. 23.

** См. т. XIII, док. № 411.

которое сделка с Эльвингом могла бы иметь для наших отношений.

Я сказал, что не знаю этого вопроса и поинтересуюсь им. Я допускаю, что наши хозорганы, мало заинтересованные в заключении этой сделки и считающие нежелательным сокращение стада тюленей, не видят стимулов, чтобы идти на какую бы то ни было жертву в этом деле. Я уже сообщил посланнику о том широком недовольстве, которое существует у нас непрекращающимися антисоветскими кампаниями в Финляндии и позицией финляндского правительства, которое явно не хочет повести борьбу с сознательным культивированием вражды к СССР со стороны известных кругов Финляндии. Эти настроения дают себя чувствовать также и в торговой области. Если финляндское правительство не изменит своей позиции и кампании не прекратятся, я опасаясь, что из намеченного плана заказов также ничего не выйдет. Я спросил посланника, имеет ли он ответ из Гельсингфорса в связи с той полуофициальной беседой, которую я имел с ним 15 января с. г. *

Ирье-Коскинен сказал, что он сообщил Хакселю о беседе со мной, но еще не имеет ответа. Посланник обещал сообщить в Гельсингфорс о том, что я ему только что сказал, и попросить ответа. Потом он сказал, что финляндское правительство не имеет, к сожалению, достаточной власти, чтобы воздействовать на лапуаскую печать, и что ее выступления не имели большого значения.

Я указал, что дело не только в лапуаской печати, но и в таком влиятельном органе, как «Ууси Суоми», которая является органом коалиционеров и близка к нынешнему министру иностранных дел Хакселю.

Ирье-Коскинен не возражал и опять сказал, что он напишет в Гельсингфорс. Он был сдержан более обычного. Получается впечатление, что он либо не может, либо не хочет вмешаться энергично в это дело.

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

31. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Министром Иностранных Дел Финляндии Хакселем

27 января 1934 г.

Хаксель просил меня заехать к нему. Он уже разобрался в вопросе о расчистке границы и, ссылаясь на разговор т. Стомонякова с Ирье-Коскиненом от 9 декабря 1933 г. **, полагает,

* См. док. № 16.

** См. т. XVI, док. № 414.

что ответ остался за нами. Я пояснил Хакселью, что это не совсем так, ибо если внимательно ознакомиться с разговором Ирве-Коскинена — Стомонякова, то совершенно очевидно, что прежде всего финляндское правительство должно дать окончательный ответ, принимает ли оно хотя бы в принципе наше предложение об изменении водной границы на Вайда — Губе (с тем хотя бы, чтобы самое осуществление этого предложения могло иметь место во время общих работ по всей длине границы), лишь после этого ответа мы сможем окончательно условиться с нашими органами о возможности начать работы на указанных условиях.

Хаксель, по-видимому, не совсем твердо знал предмет. Я ему прочел соответствующее место из записи разговора от 9 декабря. Хаксель сказал мне, что до начала общей работы по всей границе он не в состоянии поставить перед сеймом вопроса об изменении, согласно нашему желанию, водной границы на Вайда — Губе, ибо, как известно, у финнов есть свое предложение о Вайда — Губе. Сейм не станет заниматься вопросом об изменении финляндской границы, не зная, какую компенсацию Финляндия за это получит. После некоторого размышления Хаксель сказал мне, что он готов предложить нам следующий компромисс: 1) по Сестрорецкой перемычке финны принимают наше предложение и уступают нам тот кусочек территории, который нам необходим для плотины; 2) работа по расчистке границы начинается в каком-либо месте и продолжается по всей линии границы; 3) когда в результате этой работы будут выявлены те или иные компенсационные объекты с обеих сторон, то в конце этой работы можно будет поставить вопрос об изменении границы на Вайда — Губе и, имея уже на руках общий баланс, договориться и по этому вопросу.

Хаксель просил меня принять все меры к получению в возможно скором времени окончательного ответа, ибо необходимо во что бы то ни стало поставить перед сеймом вопрос об отпуске средств, иначе работы этого года будут сорваны. Я обещал*.

Хаксель спросил меня, верны ли слухи, распространяемые рядом газет о предстоящем вступлении СССР в Лигу наций. Я ответил, что слухи эти, по-видимому, базируются на трех выступлениях: интервью т. Сталина**, речи т. Молотова и докладе т. Литвинова***. Ни одно из указанных лиц не ставило вопроса о вступлении СССР в Лигу наций. Во всех этих документах подчеркивалась мысль, что в силу объективного хода исторических событий, в силу того, что некоторые государства

* См. док. № 50.

** См. т. XVI, док. № 438.

*** См. газ. «Известия», 29, 30 декабря 1933 г.

хотят насильственно, вооруженным путем изменить нынешний статус-кво и для придания своей политике большей свободы движений вышли из Лиги наций, объективно так случилось, что Лига наций, по меткому выражению т. Сталина, может оказаться бугорком, задерживающим развязывание войны.

Если это так, то не удивительно, что Советский Союз, верный своей последовательной политике мира, готов поддержать Лигу наций в ее усилиях создать хотя бы некоторое препятствие для развязывания войны. Вот о чем говорили указанные мною выше лица. Хаксель должен понимать, что поддержать и вступить в члены Лиги наций — понятия разные. Можно поддерживать Лигу наций в ее известных усилиях, не будучи ее членом, и, наоборот, можно быть членом Лиги наций и не поддерживать Лигу в этих усилиях. Мы имеем и такие примеры. Вот почему вопрос о вступлении СССР в Лигу наций не следует так ставить, как поставил ее Хаксель. Речь идет о поддержке усилий Лиги наций создать препятствия для тех государств, которые открыто рвутся к войне как к средству разрешения международных противоречий.

Хаксель благодарил меня за разъяснение и прибавил, что если бы СССР все же вступил в Лигу наций, то Финляндия это только приветствовала бы.

Я прочел Хакселею заметку парижского издания «Чикаго дейли трибюн» от 16 января (заметка при сем прилагается) относительно предложения, которое финляндское правительство будто бы сделало Швеции по вопросу об укреплении островов Гогланда и Лавансари²⁹. Я спросил, что верно в этой заметке. Хаксель сначала сказал, что он первый раз слышит об этом и что думает, что все это неверно. Однако, когда я еще раз переспросил его, он замаявшись сказал мне: «Впрочем, генштаб мне не все сообщает из своих разговоров». Воспользовавшись этим, я просил его проверить в генштабе специально, насколько правильна эта заметка. Хаксель обещал³⁰.

На прощание Хаксель спросил меня, когда мы поговорим с ним о торговых делах и, в частности, о транзите нашего леса, против чего все больше и больше возражают аграрии. Я ответил, что нынешняя атмосфера наших отношений не располагает меня к каким-либо разговорам на тему о торговых делах. Хаксель все же просил меня в непродолжительном будущем с ним на эту тему поговорить. Я уклонился от ответа.

Полпред СССР в Финляндии
Б. Штейн

32. Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Норвегии Л. К. Ананову

27 января 1934 г.

Уважаемый товарищ,

1. Само собой разумеется, что СССР не имеет ни малейшего отношения ни к каким ночным полетам таинственных аэропланов, о которых столько пишет за последнее время пресса северных стран*. Вы можете, если сочтете целесообразным, решительно опровергать подобные выдумки. В беседах с норвежцами, «при случае», надо указывать на изумление, которое вызвали в Москве эти сообщения норвежской прессы, а также идиотские басни о том, что некоторые пожары на норвежских мельницах объясняются тем, что будто бы между шелухой и зерном нашего хлеба имеется какой-то взрывчатый состав.

2. По вопросу о госгарантии полпредству не надо предпринимать никаких шагов в ожидании дальнейших директив из центра. Мы обсудим здесь все с т. Бекзадяном, и он придет с необходимыми установками по всем конкретным вопросам наших отношений с Норвегией³¹.

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

33. Письмо Представителя СССР в Чехословакии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

27 января 1934 г.

Уважаемый товарищ,

К вопросу о перспективах развития наших взаимоотношений с Чехословакией хочу иллюстрировать мои последние разговоры с Бенешем и Крофтой³² следующими моментами.

Во всей прессе кампания за признание де-юре продолжается с неослабеваемой энергией. Одновременно с большими ударениями и в самых различных вариациях ставится и обсуждается вопрос о торговом договоре с нами и вообще перспективах развития хозяйственных взаимоотношений. Общий, непререкаемый тон звучит так: необходимо немедленно торговое соглашение, если Чехословакия не хочет потерять советские заказы, что было бы прямым преступлением перед чехословацким народным хозяйством, и в этом преступлении тогда будет виноваты народные демократы.

* См. док. № 37, 40.

Аграрная партия тоже выдвинула такое обвинение по адресу народных демократов в связи с работами экономического совета Малой Антанты в Праге. С одной стороны, аграрии, отбиваясь от требования принести жертвы во имя создания базиса для так называемой экономической Малой Антанты, упрекают промышленность в лице представляющей ее партии народных демократов в том, что она вредит промышленному экспорту, теряя советские заказы из-за своего политического романтизма. Этот же упрек аграрии адресуют всей Малой Антанте, поскольку речь идет о новых жертвах именно в рамках интересов Малой Антанты. С другой стороны, аграрии проектируют увеличение промышленного экспорта Чехословакии за счет советского ввоза в Чехословакию, в частности за счет передвижки закупок нефти с СССР на Румынию. В этом лежит явное противоречие, которое объясняется тем, что аграрии, да и не только они, все еще представляют себе дело так, что признанием де-юре они сделают СССР громадное одолжение, за которое можно потребовать прилично заплатить.

В связи с этим последним моментом вообще следует подчеркнуть, что в широких кругах, вплоть до руководящей головки, продолжает существовать созданное предшествовавшей эпохой наших взаимоотношений и постоянным проявлением большой заинтересованности с нашей стороны представление о том, что признание де-юре лишь формально двусторонний акт. По существу же Чехословакия не нуждается в признании и ничего не приобретает им, но зато все дает этим актом нам, оказывая большую услугу, и, значит, может претендовать на какую-то компенсацию с нашей стороны. Намеки, понятно, идут сейчас же в сторону компенсации в экономической области. Отсюда распространенное представление, что на другой день после признания де-юре посыпятся наши заказы чехословацкой промышленностью.

Я борюсь против таких представлений, но делаю это осторожно, не желая возбудить у чехов опасение на тему о том, не хотим ли мы предъявить им контрпретензии* по таким шекотливым вопросам, как старые долги, как, например, легионерское золото и т. д.

Пресса народных демократов за последнее время явно снизила тон в своей вечной кампании против СССР и признания де-юре. Член аграрной партии Дворжак, являющийся председателем Союза аграрных производительных кооперативов и заместителем председателя Национального банка Чехословакии, говорил мне, что «Крамарж** признает себя побежденным», чем и объясняется более спокойный тон его прессы по нашему

* См. также т. I, док. № 231; т. II, док. № 254.

** Руководитель партии национальных демократов Чехословакии.

адресу. Между прочим, с этим Дворжаком меня познакомил на чае у себя бывший чехословацкий советник в Москве Кошек. Через неделю после этого Дворжак был на приеме у меня в полпредстве. Он рассказал о том, что провел постановление на заседании возглавляемых им аграрных кооперативов с требованием по адресу правительства немедленно признать СССР де-юре. К слову сказать, такие резолюции принимаются сейчас самыми разнообразными организациями и учреждениями в очень большом количестве.

Внутриполитически, безусловно, произошел радикальный перелом по отношению к нам. Наше полпредство не только не находится больше в изоляции, но, наоборот, стало предметом прямых вождений со стороны таких лиц и кругов, которые еще недавно далеко обходили наше полпредство и какую бы то ни было связь с ним.

На приеме в полпредстве 24 января Рипка (внешнеполитический редактор «Лидовых новни» и председатель клуба «Пршитомность») говорил мне в категорическом тоне, что в Загребе Титулеску не только не был против возобновления нормальных взаимоотношений с СССР, но был даже тем, кто настаивал на немедленном решении Малой Антанты о признании СССР. Рипка еще не видел Бенеша, который возвратился в Прагу 24 января вечером, но он уже знает, что есть некоторые трудности в связи с отношением к этому вопросу югославского короля Александра, находящегося под известным давлением «своих воспоминаний и русских эмигрантов».

Прикрыл (работает в легионерском издательстве «Чини», генеральный секретарь Общества культурного сближения с СССР, принадлежит к кругу личных знакомых Масарика) на приеме в полпредстве 24 января передал мне по прямому поручению извинения личного ученого секретаря Масарика д-ра Шкраха по тому поводу, что последний из-за недомогания не пришел сам на прием. По словам Прикрыла, Шкрах поручил ему просить у меня разрешения зайти в ближайшие дни для разговора по поводу моей публикации в «Прагер прессе» материалов, касающихся взаимоотношений между Масариком и Львом Толстым³³. Попутно Шкрах передает через Прикрыла якобы собственные слова Масарика о том, что Масарик желает мне, «чтобы этот прием в полпредстве был последним в условиях отсутствия полноты взаимоотношений между ЧСР и СССР».

Такого рода пожелания, уверения, надежды и т. д. я слышу теперь ежедневно с самых разных сторон и от самых осторожных людей. Например, из наших старых связей всегда исключительной осторожности был близкий Бенешу чиновник минидела Папоушек. Теперь Папоушек снова с удовольствием констатировал в разговоре со мной, что я пошел, по его мнению,

по правильному пути сближения с кругами так называемого града*, и это в рамках изменившейся международной ситуации сыграло, дескать, крупную роль в определении отношения очень важных лиц к вопросу об урегулировании наших взаимоотношений. Папоушек еще не говорит о нормализации отношений завтра, но он уже сегодня видит, что это дело лишь небольших сроков, а также знает, что этих сроков «выжидают» в Чехословакии, где уже нет никаких серьезных препятствий, с большим нетерпением».

Вышеприведенные иллюстрации укрепляют то впечатление, что сейчас в вопросе о признании де-юре в самой Чехословакии действительно нет никаких препятствий. Еще не устраненные затруднения, очевидно, лежат действительно больше всего в Югославии. Вопрос заключается в том, пойдет ли Чехословакия на самостоятельный шаг, если эти препятствия затруднят признание со стороны Малой Антанты в целом. Вернувшись из Загреба 24 января вечером, Бенеш уже 25-го и 26-го делал свой доклад на заседаниях кабинета министров, причем оба эти заседания были посвящены только политическим вопросам, несмотря на то что первоначально в повестке дня стояли на первом месте действительно очень острые экономические вопросы. Сведений о том, что делалось на этих заседаниях, у меня сегодня, понятно, еще нет. Судя по некоторым намекам в разговорах и по характеру официальных и официозных сообщений о Загребской конференции Малой Антанты, у меня складывается впечатление, что Бенешу не удалось перескочить через затруднения со стороны Югославии. Во всяком случае, устранению этих затруднений была посвящена поездка всех трех министров к королю Александру. Что достигнуто этой поездкой, мне пока не известно. Ближайшие дни, очевидно, внесут некоторую ясность. Тогда будет необходимо сделать выводы и для нашей линии поведения. Поскольку следующая почта у меня будет лишь через двадцать дней, я отдельно сделаю попытку сконструировать альтернативно такую линию для одинаково возможных случаев близкого урегулирования взаимоотношений и новой затяжки этого вопроса на неопределенный срок. Делаю это в другом месте**.

Полпред СССР в ЧСР
Александровский

Печат. по арх.

* Резиденция президента Чехословакии.

** См. док. № 48.

34. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Министром Иностранных Дел Великобритании Саймоном

29 января 1934 г.

Саймон неожиданно пригласил меня к себе в здание парламента. Когда я приехал, он сказал мне примерно следующее:

Сегодня британское правительство послало правительствам Германии, Франции и Италии свой меморандум по разоружению*. Оно послало его именно этим правительствам прежде всего потому, что они принимали активное участие в предшествовавших переговорах, хотя я должен подчеркнуть, что сам меморандум является самостоятельным британским документом. При составлении его мы не консультировались ни с каким другим правительством. Далее мы учитывали, что 30 [января] Гитлер выступает с большой речью в рейхстаге**, и нам важно было, чтобы текст меморандума был получен Гитлером до его речи. Наш меморандум, однако, будет сообщен всем другим важнейшим правительствам, и лорд Чилстон передаст также его или, может быть, подробное изложение меморандума (поскольку сам меморандум очень длинен) г. Литвинову. На это уйдет, вероятно, 2—3 дня. Но я считаю своим долгом уже сегодня сообщить через Вас г. Литвинову, что такой меморандум нами разослан. Меморандум состоит из 20 параграфов, но, по существу, распадается на три части, которые трактуют вопрос о безопасности, вопрос о равенстве Германии в вооружениях и вопрос о разоружении. В общем и целом наш меморандум остается на базе английских предложений от марта прошлого года***, но эти старые предложения сейчас несколько модифицированы в соответствии с совершившимися с того момента изменениями.

Я поблагодарил Саймона за его сообщение и обещал немедленно передать содержание последнего в Москву.

Затем Саймон, вздохнув и несколько недоуменно разведя руками, заметил, что вот он не знает, кто же теперь будет читать его меморандум во Франции. Правительство Шотана пало, а нового еще нет. Я вставил тут, что, судя по газетным известиям, формирование кабинета поручено Даладье. Саймон подтвердил это и прибавил: «Да, Даладье — это вполне подходящий человек, не так ли? Но вот удастся ли ему составить новый кабинет?» Вслед за тем Саймон, как бы высказывая мысли вслух, стал говорить о том, что скандал, связанный с

* См. «Сборник документов по международной политике...», вып. X, М., 1933, стр. 43—53.

** См. газ. «Известия», 1 февраля 1934 г.

*** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 67—92.

именем Стависского*, нанес чрезвычайный ущерб авторитету Франции за границей, что он вызвал большие волнения внутри страны и что Даладе поступил бы умно, если бы составил свое правительство по возможности из совершенно новых людей, не участвовавших в павшем кабинете Шотана. Потом он вновь стал выражать, правда в мягкой форме, свое возмущение французскими политическими маневрами, оппонировать за последний финансово-политический скандал, но вдруг с усмешкой прервал себя и, постучав по столу пальцем, воскликнул: «Touch wood» (англичане любят постучать пальцем по дереву в тех случаях, когда русские говорят: «Не сглазить бы»).

В заключение, когда я уже прощался, Саймон, сделав самое невинное лицо сказал: «Я буду счастлив, когда наконец мы с Вами в форин офисе подпишем англо-советское торговое соглашение»**.

Полномочный Представитель СССР в Великобритании
Майский

Печат. по арх.

35. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Генеральным директором Министерства Иностранных Дел Греции Паппасом

29 января 1934 г.

1. Касаясь предстоящего подписания Балканского пакта***, Паппас разъяснил мне следующее в ответ на мои расспросы.

Болгария отказывается подписывать пакт, ибо не хочет стабилизации нынешнего территориального статута на Балканах. Однако пакт безоговорочно открыт и для Болгарии, и она может присоединиться в любой момент.

Текст пакта еще не согласован окончательно, так что еще точно неизвестна дата его подписания.

Пакт гарантирует только балканские границы подписывающих сторон. Таким образом, он не касается, например, границ Румынии с СССР и Венгрией или Югославии с Италией.

2. Я разъяснил Паппасу, как обстоит дело с выездом греческих граждан****, отметив, что некоторая нервность, проявленная греками в этом вопросе, ничем не оправдывается и что все трудности исключительно технического порядка. Паппас поблагодарил меня за мое вмешательство в это дело и остался доволен моим сообщением.

* См. газ. «Известия», 8 января 1934 г.

** См. док. № 17.

*** См. газ. «Известия», 27 января, 11 февраля 1934 г.

**** См. также т. XIV, док. № 98.

3. Одновременно я указал, что НКИД был недоволен непопулярной тактикой греческой миссии и министерства иностранных дел в вопросе виз сотрудникам торгпредства³⁴. Указав ему, что сейчас практически эти вопросы разрешены, я просил его, чтобы аппарат министерства иностранных дел и греческая миссия в Москве подходили в будущем к этому вопросу более внимательно и не делали из него таких осложнений. Паппас обещал.

4. Мы коснулись вопросов возобновления нашего торгового соглашения* и переговоров об обложении торгпредства**. Паппас считает, что следует форсировать эти переговоры тем более, что министр национальной экономики Персмазоглу скоро уезжает на месяц за границу. Он обещал переговорить с ним, а также поинтересоваться ходом обсуждения вопроса об обложении. В последнем отношении я подчеркнул, что слово за греческими представителями, ибо мы дали свои соображения и теперь ждем ответа***.

5. Я напомнил Паппасу, что завтра, 30 января, будет заседание суда по делу Сусаниса**** и что я жду от министерства иностранных дел соответствующих мероприятий. Паппас мне сказал, что точка зрения министерства иностранных дел не изменилась с тех пор, как было послано министру юстиции соответствующее письмо Максимоса. Он сообщил, что Сусанис пожаловался официально на вмешательство министерства иностранных дел в это судебное дело и что он передал его жалобу на изучение юрисконсульта министерства иностранных дел. Я еще раз подчеркнул принципиальную важность этого вопроса для нас, с чем Паппас согласился.

Давтян

Печат. по арх.

36. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалецкого в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

29 января 1934 г.

Вчера был вызван Поль-Бонкурром, который готов сдать дела эвентуальному преемнику*****. Он хотел рассказать мне, что Бекеще в Женеве предупредил его о приближающемся

* См. т. XVI, док. № 194.

** См. т. XVI, док. № 410.

*** См. док. № 70.

**** См. т. XVI, док. № 164.

***** В новом правительстве Франции, сформированном 30 января 1934 г., посты председателя совета министров и министра иностранных дел занял Даладье.

конец польско-германских переговоров¹⁴ и просил, чтобы Лярош * немедленно вернулся в Варшаву, дабы быть в курсе переговоров. Бонкур предупредил Бека против какого-либо острия, направленного против СССР. Бек дал ему категорическое заверение, добавив, что собирается в скором времени нанести визит в Москву **. Поль-Бонкур считает, что этот визит явится прекрасным и необходимым «коррективом» к польско-германскому пакту и что чем раньше визит состоится, тем корректив этот будет эффективнее.

Перейдя к франко-советским отношениям, Поль-Бонкур заверял меня, что сущность их остается неизменной при любом кабинете. Может только измениться манера. Что касается привезенных мною из Москвы предложений, то они детально изучаются, и через несколько дней, вероятно, Леже сообщит мне мнение МИД по поводу выдвинутых мною положений ***. Но уже сейчас Поль-Бонкур считает своим долгом с дружеской откровенностью сказать мне, что французское правительство, озабоченное дальневосточной проблемой и сложностью своих позиций в Азии, ставит себе задачу не поставить их под удар и не дать повода к этому, хотя бы косвенным вмешательством. Короче, Поль-Бонкур в более дезавуализированной форме повторил высказывания Леже (смотрите нашу телеграмму от 4 января³⁵).

О франко-германских переговорах **** Поль-Бонкур сказал, что немцы, несмотря на примирительный тон, не сдали ни одной позиции и что французский ответ почти готов. Французское правительство ответит, что не может изменить своего мнения о германских парамилитарных формациях и что если германское правительство будет настаивать на их невоенном характере, то для доказательства оно должно разрешить обстоятельное обследование этих формаций. Что касается содержащихся в германском меморандуме вопросов, направленных к дополнительному выяснению французской позиции по детальным вопросам, то французское правительство уклонится от ответа на них, подчеркнув, что детальные вопросы должны быть рассмотрены и обсуждены только в Женеве на конференции.

Бонкур уверен, что Бюро [конференции по разоружению] обязательно будет создано в Женеве 19 февраля для обсуждения характера и направления дальнейшей работы конференции. Хотя Поль-Бонкур высмеивал оптимизм Гендерсона, все еще надеющегося приступить ко второму чтению английского

* Посол Франции в Польше.

** См. док. № 58.

*** См. т. XVI, прим. 321 и док. № 144 настоящего тома.

**** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. X. М., 1936, стр. 11—12, 43—53.

плана*, он все же придает заседанию Бюро большое значение, считая, что к нему надо хорошенько подготовиться. Бенеш поделился с Поль-Бонкуром своей идеей о том, что в создавшихся условиях конференция должна была быть ограничиться стабилизацией нынешнего времени, дополненной пунктами о химической войне и бомбардировочной авиации. Эта идея, однако, кажется Поль-Бонкуру несостоятельной, в частности ввиду того, что она не решает вопроса о довооружении Германии, которое, по имеющимся у Поль-Бонкура авторитетным сведениям, заведено уже очень далеко и завершится не позднее апреля с. г. В этих условиях Поль-Бонкур вновь возвращается к идее Литвинова о целесообразности ограничения конференции обсуждением и голосованием нескольких принципиальных вопросов и был бы рад, если бы Литвинов конкретно продумал свою идею, равно как и вопрос о линии поведения для постановки и осуществления ее в жизни**. Бонкур еще раз подчеркнул, что нужно хорошенько подготовиться к Бюро.

По словам Поль-Бонкура, английское правительство изменило свою позицию в австрийском вопросе и готово не возражать против передачи его в Лигу наций***; официального сообщения об этом французское правительство, однако, еще не имеет. Что касается франко-германских переговоров, то английское правительство еще не приняло решения выступить в качестве посредника.

Полпред

Печат. по арх.

37. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Финляндии в СССР Ирве-Коскиненем

1 февраля 1934 г.

После обмена ратификационными грамотами**** я задержал у себя в кабинете Ирве-Коскинена на несколько минут. Я обратил его внимание на продолжающиеся и повторяющиеся кампании в Финляндии. Не успеет заглохнуть одна кампания, как она сменяется другой. Так, например, возникла абсурдная кампания по поводу мнимых самолетов, напоминающих историю с чудовищем, виденным в шотландском озере Лох-Несс.

* См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 67—92.

** См. т. XVI, док. № 390 и док. № 179 настоящего тома.

*** См. газ. «Известия», 20 февраля 1934 г.

**** См. док. № 22, 23.

Такие кампании не могут не отражаться на взаимоотношениях с Финляндией, а также на текущих делах.

Ирье-Коскинен ответил весьма кратко, что кампания о самолетах началась в Швеции или Норвегии. Кроме того, от нас переходят в Финляндию финские граждане, занимающиеся там пропагандой.

Я указал, что мне ничего не известно о фактах перехода финских граждан и что если такие факты имеют место и меры, принимаемые нашей погранохраной, недостаточны, то пусть меры принимаются и финскими властями. Против пропаганды финских граждан в Финляндии мы ничего не можем и не обязаны предпринимать. Что касается самолетов, то участие в кампании других стран не снимает вины с Финляндии. Возможно, что как в Финляндии, так и в других странах вся эта история выдумана военными кругами, добивающимися увеличения военных кредитов. Ирье-Коскинен обещал довести мое заявление до сведения его правительства*.

Литвинов

Печат. по арх.

38. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Премьер-Министром Греции Цалдарисом

2 февраля 1934 г.

Цалдарис встретил меня приветствиями с возвращением и окончательным выздоровлением. Затем он начал расспрашивать меня о Москве, СССР и стал говорить, что он все время мечтает совершить поездку по СССР. Я ответил обычными любезностями.

Затем разговор перешел на Балканский пакт**. Отметив, что сейчас весь город говорит только об этом, я спросил его, насколько основательны нападки оппозиции на правительство и, в частности, верно ли, что пакт может втянуть Грецию в какие-нибудь конфликты вне Балкан.

Цалдарис стал горячо доказывать, что [этот пакт] касается только межбалканских границ и ни в какой степени не затрагивает соседние страны. Он стал говорить, что, в частности, мы можем быть совершенно спокойны в этом отношении, тем более что в пакте участвует наш общий друг Турция.

Я спросил его, не кажется ли ему, что пакт в значительной степени теряет свою ценность ввиду отказа Болгарии присоединиться к нему и не вызовет ли он, наоборот, дополнительных обострений отношений на Балканах. Цалдарис начал про-

* См. док. № 274, 341.

** См. док. № 35.

странно доказывать, что пакт служит делу мира и т. д., но, что, конечно, жаль, что Болгария не хочет в нем участвовать. Это, мол, объясняется тем, что Болгария не хочет закрепить нынешнего территориального статус-кво на Балканах.

Затем я коснулся нашего торгового соглашения*. Цалдарис, как обычно, не был в курсе наших переговоров и лишь реагировал общими выражениями на мое замечание о необходимости ускорить возобновление торгового соглашения. Он указал, что министр национальной экономики уезжает на несколько недель за границу и по его возвращении следует это дело подвинуть вперед. Я ему отметил непрерывный рост наших покупок за последние годы и предполагаемые закупки в этом году на 750 тыс. руб. Он поблагодарил меня за это и выразил удовлетворение тем, что наши экономические отношения (в частности, и фрахтование) развиваются нормально.

В заключение он стал жаловаться на внутренние трудности, говоря также о «большой» работе, которую проделало нынешнее правительство в этом году в деле упорядочения госбюджета и торгового баланса.

Давтян

Печат. по арх.

39. Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Швеции А. М. Коллонтай

2 февраля 1934 г.

По сообщению Ванштейна, шведский консул в Ленинграде с января накладывает визы на наши общегражданские паспорта со штампом о запрещении пропаганды**. Рассмотрев сегодня этот вопрос, Коллегия НКИД СССР сочла необходимым добиться отмены упомянутого порядка для всех советских граждан. Эта мера, очевидно, направлена против нас и лишь для прикрытия распространена на некоторые малые страны. Освобождение лиц, едущих по поручениям государственных органов, недостаточно. Вступите в переговоры и почтой сообщите результаты³⁵.

Стомоняков

Печат. по арх.

* См. т. XVI, док. № 194, 410.

** См. т. XVI, док. № 393, а также док. № 129 настоящего тома.

40. Письмо Полномочного Представителя СССР в Швеции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову и члену Коллегии НКВД СССР Б. С. Стомоиякову

3 февраля 1934 г.

Дорогой Максим Максимович,

Я отвечаю по порядку на полученные от Вас директивно-информационные телеграммы*.

Относительно слухов о советско-польском пакте, гарантирующем независимость Прибалтики, ко мне обратился сенатор Линдгаген с просьбой разъяснить значение и роль этого нашего шага. Я ответила ему, что слухи о пакте не отвечают действительности, но что Союз, всегда воодушевленный желанием сохранения экономической и политической независимости Прибалтийских стран, имел на этот счет обмен мнениями с Польшей для полного согласования своих взглядов на этот счет**. Этот обмен мнениями, подтвердивший, что точка зрения Союза на сохранение самостоятельности Прибалтийских республик в полной мере разделяется Польшей, был доведен до сведения соответствующих правительств***. Отсюда пошли ложные газетные слухи об особом «пакте»****.

Линдгаген собирался вносить по вопросам Прибалтики свое особое «предложение» в риксдаг; пока предложение не обсуждалось. Линдгаген — сторонник «культурного сотрудничества» Прибалтийских республик со Скандинавскими странами.

Разговор с Линдгагеном имел место до заключения польско-германского пакта¹⁴.

Разговор с Сандлером по поводу слухов о скандинаво-балтийских комбинациях откладываю до получения на днях официального ответа кабинета по основным не принятым нам пунктам по проекту займа (дополнительных кредитах, о сроке займа). Демарш сейчас мог бы быть истолкован кабинетом как слишком большая наша заинтересованность в удержании Швеции от сближения с Прибалтикой и позволил бы кабинету быть менее уступчивым при переговорах о займе. Поэтому я сделаю демарш накануне отъезда в Москву⁵⁷.

Из частных источников нам известно, что переговоры Салнайса и Сандлера***** имели место главным образом вокруг экономических вопросов, интересующих обе стороны, но что касались также выяснения позиций обеих стран к предложению Муссолини, низводящему роль малых стран в Лиге на-

* См. док. № 21.

** См. т. XVI, док. № 426, 431.

*** См. т. XVI, док. № 441.

**** См. док. № 5.

***** См. док. № 21.

ций*. Всякого рода «зондировка» Латвии по вопросам, выходящим за рамки расширения связи Швеции и Латвии по линии хозяйственной, шведское правительство будто бы умело отводило. Пресса приезде Салнайса отвела весьма незначительное место. Наоборот, в дипкорпусе были заинтересованы этим фактом (англичанин, итальянец, поляк). Сандлер намерен в конце апреля или в мае отдать визит Салнайсу в Риге.

Мы внимательно следили за всякого рода симптомами роста или проявления скандинаво-балтийских симпатий.

Не могу не высказать здесь своего глубокого убеждения, что реальной мерой, которая заставила бы шведские банки, шведскую промышленность и общественность быть заинтересованными в добрососедских отношениях с нами, заставив шведов взвешивать ущерб от трений с Союзом во время военных осложнений,— это благоприятное разрешение переговоров о 100-миллионном займе. Конечно, заем не может перевесить роли англичан в Швеции, но все же он создаст реальную базу заинтересованности широких шведских кругов и ослабит интерес к грошовым выгодам от хозяйственно-торгового сближения с Прибалтийскими странами.

По вопросу о «мистических летчиках» выполнила директиву т. Стомонякова и в частном порядке передала министру социальных дел, что слухи, будто летчики — наши, являются вздорным вымыслом³³; премьер в своем ответе на запрос правых в парламенте указал, что нет официальных данных, свидетельствующих о существовании этих летчиков. На наше частное сообщение ему не пришлось сослаться, так как правые и без этого были «биты» его ответом.

На днях в Швеции гостил министр торговли Австрии. В результате этого визита Швеция заключила торговый договор с Австрией.

С ком. приветом

А. Коллонтай

Печат. по арх.

---

* См. док. № 29.

41. Обмен нотами между Правительством СССР и Правительством Венгрии об установлении дипломатических отношений *

1. НОТА
ПОЛНОМОЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СССР В ИТАЛИИ
СПЕЦИАЛЬНОМУ УПОЛНОМОЧЕННОМУ
ПРАВИТЕЛЬСТВА ВЕНГРИИ
ПОСЛАННИКУ ВЕНГРИИ В ТУРЦИИ ЮНГЕРТУ-АРНОТИ

Рим, 4 февраля 1934 г. **

Господин Посланник,
По поручению моего Правительства имею честь уведомить Вас, что Правительство Союза Советских Социалистических Республик решило установить с момента настоящего обмена нотами нормальные дипломатические и консульские отношения с Королевством Венгрии и учредить в нем дипломатическое представительство.

Правительство Союза Советских Социалистических Республик питает твердую надежду, что такое установление отношений между нашими народами будет способствовать поддержанию дружественных связей между ними и делу всеобщего мира.

Благоволите принять, господин Посланник, уверения в моем высоком уважении.

Посол СССР в Италии
Владимир Потемкин

2 НОТА
СПЕЦИАЛЬНОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА ВЕНГРИИ
ПОСЛАННИКА ВЕНГРИИ В ТУРЦИИ
ПОЛНОМОЧНОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СССР В ИТАЛИИ
В. П. ПОТЕМКИНУ

Рим, 4 февраля 1934 г.

Господин Посол,
По поручению моего Правительства имею честь уведомить Вас, что Правительство Королевства Венгрии решило установить с момента настоящего обмена нотами нормальные дипломатические и консульские отношения с Союзом ССР и учредить в нем дипломатическое представительство.

* См. также т. VII, док. № 221.

** Обмен нотами произведен 6 февраля 1934 г. в полпредстве СССР в Италии.

Правительство Королевства Венгрии питает твердую надежду, что такое установление отношений между нашими народами будет способствовать поддержанию дружественных связей между ними и делу всеобщего мира.

Благоволите принять, господин Посол, уверения в моем высоком уважении.

Специальный Уполномоченный Правительства
Королевства Венгрии
Михаил Юнгерт-Арноти

*Ноты печат. по арх. Оpubл. в газ.
«Известия» № 23 (5281), 7 февраля 1934 г.*

42. Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше В. А. Антонову-Овсеенко

4 февраля 1934 г.

Уважаемый товарищ,

1. Из записи вчерашней беседы т. Литвинова с Лукасевичем * Вы узнаете об отказе Польши от предложенного нами опубликования советско-польской декларации о независимости Прибалтики **, а также о готовности Бека приехать в Москву между 10—15 февраля с ответным визитом. Тов. Литвинов тут же передал через Лукасевича приглашение Беку приехать с женой и просил лишь о предварительном сообщении перечня подлежащих обсуждению вопросов. Из-за этого, конечно, поездка Бека не расстроится, и, таким образом, мы должны считаться с этой поездкой и с предстоящим обсуждением между т. Литвиновым и Бекком вопросов советско-польских отношений ***. Ввиду изложенного и поскольку одновременно с Бекком приедете и Вы (с Софьей Ивановной), я не посылаю Вам сегодня обычного политического письма, тем более что, как мне только что сообщил т. Литвинов, он пишет Вам по некоторым политическим вопросам, и я не хочу дублировать его письма, содержания которого я еще не знаю ****. Ограничусь лишь некоторыми сообщениями и замечаниями.

2. Отказ Польши от прибалтийской акции, свидетельствуя о далеко идущем характере польско-германского сближения, создаст совершенно новую и очень интересную ситуацию в Прибалтике. Новый польско-германский договор ¹ уже вызвал в Литве, Латвии и Эстонии нечто вроде паники, и она, конечно, усилится, когда прибалты узнают об отказе Польши от предложенного нами опубликования декларации об их независи-

* См. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI. М., 1969, стр. 161—163.

** См. т. XVI, док. № 426, а также док. № 11 настоящего тома.

*** См. док. № 53, 58.

**** Письмо в архиве не обнаружено.

мости. Латвийский и литовский посланники приходили уже ко мне и, не скрывая вызванного у них волнения в связи с заключением польско-германского договора, запрашивали по поручению своих правительств о нашем отношении к этому событию. Латвийское министерство иностранных дел дало в своей прессе коммюнике, в котором не сочло нужным скрыть своего беспокойства по поводу польско-германского договора. Мы обсуждаем в настоящее время линию, которую нам следует вести в связи с этим договором в отношении Прибалтики*.

3. Ссылки польского правительства на речь Зауниуса** в Поневеже не выдерживают критики, ибо в этой речи Зауниус, согласно данному нам обещанию не разглашать нашего предложения, говорил о преждевременности сообщений о заключении пакта, гарантирующего независимость прибалтов, и к этому прибавил лишь, что Литва в случае заключения такого пакта должна будет еще учесть свои интересы в отношении Вильно. Помимо известной литовской традиции при всех и всяких случаях напоминать о Вильно Зауниус, очевидно, имел в виду полученные им раньше от латышей сообщения, что имеется в виду в проектируемой декларации закрепить нынешние польско-литовские границы. Во всяком случае, в заявлениях Зауниуса невозможно усмотреть ни малейшего основания для отказа Польши от участия в предложенной нами акции. Я ожидаю от т. Карского*** точного текста речи Зауниуса и, если бы в нем оказалось что-нибудь новое по сравнению с полученной нами из Ковно сводкой печати, я извещу Вас по телеграфу****.

4. Обращает на себя внимание отсутствие в польско-германском пакте обычной клаузулы об утере пактом силы или о праве одной из сторон отказаться от пакта, если другая сторона нападет на какое-нибудь третье государство. Невозможно представить себе, чтобы опущение этой клаузулы не имело специального значения, особенно если учесть ту энергию, с которой Польша настаивала на внесении этой клаузулы в польско-советский пакт ненападения*****. Если оставить в стороне лигонационные обязательства, которые возникают только в случае единогласного решения Лиги наций после сложной и длительной процедуры и с которыми, особенно после рассмотрения японо-китайского конфликта, в Лиге наций никто на практике уже не считается, отсутствие указанной клаузулы в польско-германском договоре фактически обеспечивает Германии нейтралитет Польши в случае германской агрессии про-

* См. док. № 94, 95.

** Министр иностранных дел Литвы.

*** Полпред СССР в Литве.

**** См. также док. № 53.

***** См. т. XV, док. № 300.

тив тех стран, с которыми у Польши нет союзных договоров, специально оговоренных в польско-германском договоре. Это означает, что Польша будет соблюдать нейтралитет не только в случае германского вторжения в Австрию, но также и при германской агрессии против Литвы и вообще на Восток. Разногласия, которые могли бы при этом возникнуть между Польшей и Германией, Польша обязана была бы на основании этого договора урегулировать путем переговоров с Германией.

5. Ваши сообщения о переговорах Польши с Швецией и брошенное вскользь Лукасевичем в первой стадии переговоров с г. Литвиновым о прибалтийской акции замечание о целесообразности привлечения Швеции *, наряду с сообщениями о попытках скандинавско-прибалтийского сближения, вызывают представление о том, что Польша стремится к заключению какого-то регионального балтийского соглашения при своем участии. Прошу Вас уделить этому сугубое внимание и попытаться еще до Вашего отъезда из Варшавы собрать информацию по этому вопросу³⁹.

6. Чрезвычайно интересно и для нас совершенно непонятно благоприятное отношение эндеков ** к польско-германскому пакту после того, как они так энергично били в набат по поводу филогерманского курса, взятого правительством Пилсудского после ноябрьского обмена декларациями между Липским и Гитлером ***. Прошу Вас до Вашего отъезда из Варшавы выяснить подоплеку этой сенсационной перемены внешнеполитического фронта эндеков, а также вообще выяснить отношение различных польских кругов к заключению польско-германского пакта⁴⁰.

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

43. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии Б. Е. Штейна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

4 февраля 1934 г.

Имел продолжительный разговор с премьер-министром Кивимяки. Улучшение отношений между СССР и Финляндией очень желательно и может быть достигнуто, по его мнению, прекращением посылки коммунистов из СССР и немедленным началом переговоров о торговом договоре. Я изложил нашу претензию согласно Вашей директиве⁴¹ и потребовал, во-первых, полного прекращения кампании, а во-вторых, изложения позиции финляндского правительства в вопросе финско-совет-

* См. т. XVI, док. № 431.

** — национал-демократов (польск.).

*** См. т. XVI, прим. 278.

ских отношений. Отвечая на предложение о торговом договоре, я сказал, что в данной атмосфере невозможно думать о серьезных шагах в области экономики и что, если атмосфера изменится, мы готовы будем обсудить заказы в сельскохозяйственной области. Кивимяки ответил, что признает взаимозависимость экономики и политики и поэтому считает заключение торгового договора началом улучшения политических отношений. Я снова сказал, что при теперешних отношениях не берусь ставить каких-либо экономических вопросов, кроме текущих. Кивимяки сказал, что он готов обсудить возможность выступления финляндского правительства в парламенте со специальным заявлением о финско-советских отношениях и надеется, что это заявление разрядит атмосферу*.

Полпред

Печат. по арх.

44. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с членом парламента Великобритании лордом Сесилем

5 февраля 1934 г.

Профессор Ласки** устроил обед, на который пригласил меня и лорда Роберта Сесиля для того, чтобы мы могли познакомиться. Втроем мы просидели целый вечер, я имел весьма интересный разговор с Сесилем, из которого отмечу важнейшие пункты.

1. Сесиль очень озабочен все нарастающей угрозой войны. На мой вопрос, чего он ждет от всех разговоров, переписки и совещаний по вопросам разоружения, Сесиль буквально ответил: «Если даже, в конце концов, получится какая-нибудь конвенция, то это будет что-то весьма худосочное и беспомощное». «Стало-быть,— прибавил я,— мир вступает в полосу новой гонки вооружений?» Сесиль вздохнул и ответил: «Да, я боюсь, что это так». К миролюбивым заявлениям Гитлера Сесиль относится с величайшим недоверием. Он прямо сказал мне: «Как можно верить словам Гитлера, когда все его дела противоречат его словам?» И тут он процитировал целый ряд фактов, свидетельствующих о быстро идущих вооружениях в Германии, а также о милитаристской обработке молодого поколения страны. Его особенно поразил маленький факт, о котором он на днях слышал из уст одного американского профессора. Этот профессор жил некоторое время в Германии у своего немецкого коллеги, с которым он был связан узами долготлетней дружбы. Как-то вечером сын его немецкого коллеги, мальчик лет 10, пошел прощаться с родителями перед сном в

* См газ. «Известия», 18 февраля 1934 г. и док. № 73.

** Один из лидеров лейбористской партии Великобритании.

комнату, где родители сидели вместе с американским профессором. Мальчик простился и затем тут же в присутствии родителей прочитал вечернюю молитву, которая заканчивалась словами: «И если мне придется умереть, то, дай боже, чтобы я умер с французской пулей в сердце». Такое воспитание подрастающего поколения является лучшим опровержением миролюбивых речей Гитлера. По мнению Сесиль, Гитлер просто хочет выждать время: ему надо вооружиться, а пока для отвода глаз он выступает с хорошими словами и пактами о ненападении. Когда военные приготовления Гитлера будут закончены, он заговорит совсем другим языком. Тем не менее Сесиль думает, что если отвлечься от Дальнего Востока, то Европе в полном смысле этого слова война не угрожает в непосредственном будущем, например на протяжении ближайших 5—10 лет, ибо на протяжении указанного срока Германия при всех условиях не будет еще готова для военного выступления.

2. Сесиль, который плохо знает Дальний Восток, подробно расспрашивал меня о положении дел в этом уголке земного шара, и в частности о японо-советских отношениях. Я его тоже довольно подробно информировал. Потом разговор, естественно, перешел на позицию Англии в дальневосточных делах вообще и на ее возможную позицию в том случае, если Япония атакует СССР. Сесиль считает, что основной принцип английской политики на Дальнем Востоке — не ссориться с Японией, ибо Япония может быть опасна Великобритании в случае конфликта с ней, может даже захватить Гонконг, Сингапур, Австралию и т. д. Сам он, Сесиль, считает эти страхи сильно преувеличенными, но таково настроение в английских правящих кругах. К этому прибавляются воспоминание о бывшем союзе и всеобщее сильное антисоветское поветрие в консервативных кругах. Выводы Сесиль таковы: если бы разыгралась японо-советская война, Англия, конечно, не стала бы поддерживать Японию вооруженной силой. Сесиль совершенно убежден, что всякое английское правительство, которое вздумало бы ввязаться в войну (за исключением прямого нападения на Великобританию) не прожило бы и двух дней. В этом случае лейбористы немедленно получили бы подавляющее большинство на выборах. Однако Сесиль полагает, что нынешнее правительство разрешило бы как экспорт оружия в Японию, так и выпуск японских займов на лондонской бирже. Это могло бы вызвать, правда, известную оппозицию в стране со стороны лейбористов, либералов и кое-кого из консерваторов, но тем не менее торговые традиции Англии плюс тот факт, что СССР не является членом Лиги наций, возымело бы свое действие: фабрикантам оружия и банкирам была бы предоставлена полная свобода действий.

3. Сесиль очень интересовался нашим отношением к Лиге наций. Я информировал его в пределах тех установок, которые были даны в последних выступлениях т. Сталина, т. Молотова и т. Литвинова *. Сесиль стал мне тут же усердно доказывать, что если бы СССР стал членом Лиги наций, то отношение британского «общественного мнения» к нам, в случае японо-советской войны, подверглось бы значительным модификациям. Он привел мне такие данные: Союз Лиги наций в Англии имеет $1\frac{1}{2}$ тыс. местных организаций и насчитывает около 1 млн. членов. К этому союзу примыкает целый ряд организаций религиозных, женских, благотворительных, кооперативных и т. д., весьма разношерстных по своим задачам и направлениям, но объединенных одним общим стремлением поддержания мира. Если учитывать только что названные организации, то общее количество людей, тесно связанных с Лигой наций в Англии, составит примерно 3—4 млн. человек. Состав сторонников Лиги наций весьма разнообразный, но в основном он вербуетя в кругах либеральной и консервативной партий, в кругах аристократии, средней и мелкой буржуазии. Имеются среди сторонников Лиги наций также и рабочие, но их сравнительно небольшое меньшинство. Союз Лиги наций располагает очень мощным агитационно-пропагандистским аппаратом и пользуется большим влиянием в правительственной среде. Та или иная позиция Союза Лиги наций, в случае японо-советской войны например, та или иная оценка его по вопросу о том, кто является агрессором, не могут не оказать сильнейшего влияния на настроение «общественного мнения» и на поведение правительства.

4. Далее Сесиль заговорил о более общих перспективах, касающихся сохранения мира. Он совершенно не согласен с Муссолини, будто бы малая эффективность Лиги наций как гарантии мира зависит от того, что малым государствам в ней предоставлено слишком большое место **. По мнению Сесиль, дело совсем не в малых государствах, а именно в великих державах. Лига до сих пор была неэффективной, потому что между великими державами, участвующими в Лиге, происходили столкновения и остро выявилась борьба противоположных интересов. Сесиль, однако, полагает, что в настоящее время, когда Япония и Германия вышли из состава Лиги наций, размах противоречий внутри Лиги сильно сократился. Если бы СССР и Соединенные Штаты вступили в Лигу наций или хотя бы даже стали с ней серьезно сотрудничать, то Лига, несмотря на потерю Германии и Японии, смогла бы стать весьма серьезным фактором в деле сохранения мира и предупреждения

* См. соответственно т. XVI, док. № 438, газ. «Известия», 29, 30 декабря 1933 г.

** См. док. № 29.

войны. Сесиль вообще считает, что Соединенные Штаты, Англия, Франция и СССР не заинтересованы в войне, являются искренними сторонниками мира. В частности, он несколько раз повторял, что целиком и полностью верит в искренность нашего миролюбия. Если бы эти четыре великие державы объединили свои усилия в деле поддержания мира, то вместе с малыми и средними державами они представили бы собой столь мощный «блок мира», что ни Германия, ни Япония не смогли бы вызвать военной катастрофы.

5. Я возразил Сесилью, что в его схеме имеется одно слабое звено: отношения между Англией и СССР. Сотрудничество четырех названных им великих держав в деле поддержания мира предусматривает, очевидно, наличие между этими державами дружественных отношений. Наши отношения с Францией и Соединенными Штатами в настоящий момент могут быть охарактеризованы как дружественные, и я склонен полагать, что и в дальнейшем они будут развиваться в таком направлении. Но вот наши отношения с Англией никак не могут наладиться, несмотря на вполне искреннее желание с нашей стороны иметь с Англией не худшие отношения, чем с Францией или Соединенными Штатами. Я иллюстрировал свое возражение целым рядом примеров из области прошлого и настоящего, в частности я охарактеризовал Сесилью ход наших торговых переговоров и рассказал о последней ноте Чилстона по поводу «Торгина»⁴². Сесиль не хотел верить, до такой степени поведение Саймона показалось ему нелепым. В скобках замечу, к Саймону он относится очень плохо и считает его совершенно негодным министром иностранных дел. Сесиль был также чрезвычайно удивлен, когда из разговора со мной узнал о том, что британское правительство в свое время отказалось от обмена с нами военными атташе*. Вообще Сесиль до сих пор был не в курсе действительности англо-советских отношений, и многое из того, что я ему рассказывал, явилось для него полной неожиданностью. Когда я кончил, он вновь вернулся к вопросу о вступлении СССР в Лигу наций и с полным убеждением заявил, что такой шаг с нашей стороны сильно изменил бы отношение консерваторов вообще и правительства в частности к СССР. В общем у меня осталось впечатление, что Сесиль, который сильно озабочен развалом, наблюдающимся сейчас в Лиге наций, усматривает единственную возможность спасти Лигу наций или по крайней мере сильно ее оживить в нашем вступлении в эту организацию.

Полномочный Представитель СССР в Великобритании
И. Майский

Печат. по арк.

* См. т. XIII, прим. 145.

45. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Посланником Чехословакии в Великобритании Яном Масариком

6 февраля 1934 г.

1. Только 6 февраля, т. е. через 8 дней после нашего первого разговора⁴³, Масарик вручил мне, наконец, ратификационные грамоты по конвенции об определении агрессора трех правительств Малой Антанты*. Одновременно он передал мне меморандум, присланный ему из Праги и трагующий различные технические вопросы, связанные с процедурой ратификации (меморандум вместе с грамотами отправляются с этой же почтой). В свою очередь я вручил Масарику краткое письмо, в котором подтвердил получение грамот для пересылки их в Москву, где они должны быть депонированы. Устно я еще раз повторил Масарику, что конвенция входит в силу не с момента вручения грамот мне в Лондоне, а с момента их депонирования в Москве. Масарик не возражал, он только выразил надежду и пожелание, чтобы мы со своей стороны не задержали окончательного оформления и вступления в силу конвенции. Я заверил его, что на этот счет он может быть спокоен. У нас нет намерения затягивать вступление в силу конвенции, инициаторами которой мы были сами. Далее мы условились, что нотификация правительств Малой Антанты о вступлении конвенции в силу будет сделана через московского представителя Чехословакии.

2. Высказывая пожелание о скорейшем вступлении в силу конвенции, Масарик добавил, что по только что полученным им из Праги сведениям правительства Малой Антанты весьма заинтересованы в быстром завершении всех формальностей, необходимых для этой цели. Заинтересованность правительств Малой Антанты объясняется тем, что в Загребе три министра иностранных дел окончательно договорились о восстановлении в ближайшем будущем дипломатических отношений с СССР⁴⁴, но они считают необходимым прежде закончить дело с конвенцией. С восстановлением же отношений правительства Малой Антанты, видимо, торопятся. Ему, Масарику, еще неясны все детали (он надеется узнать их от приезжающего в Лондон 12 февраля Бенеша), но лично он думает, что вопрос о восстановлении дипломатических отношений между Чехословакией и СССР весьма прост. Надо лишь условиться и обменяться нотами по вопросу о том, что с такового-то числа дипломатические отношения между обеими странами восстанавливаются в полном объеме и их теперешние представители

* См. т. XVI, док. № 218.

де-факто в Праге и в Москве получают титул посланников. Румыния, по мнению Масарика, также должна сравнительно быстро и просто установить дипломатические отношения с СССР, хотя Титулеску, вероятно, предварительно будет иметь кое-какие разговоры с нами по данному поводу*. В Югославии могут встретиться некоторые задержки: там слишком сильны белогвардейские элементы, и они несомненно будут стремиться к оттягиванию восстановления отношений. В общем все-таки Масарик полагает, что восстановление дипломатических отношений между Малой Антантой и СССР — вопрос окончательно решенный.

3. Бенеш приезжает в Лондон 12 февраля на заседание Бюро конференции по разоружению, которое на этот раз созывается в Англии, дабы Гендерсону не пришлось лишний раз ездить в Женеву. Бенеш пробудет здесь несколько дней и, помимо разоружения, будет иметь еще беседы с Макдональдом и Саймоном по австрийскому вопросу. Масарик давал также понять, что Бенеш, по всей вероятности, повидается и со мной.

4. Со слов Бенеша, с которым он на днях говорил по телефону, Масарик рассказывал, что в руководящих кругах Польши, видимо, чувствуется уже некоторое беспокойство по поводу германо-польского пакта о ненападении. Поляки опасаются, что этот шаг может слишком испортить их отношения с Францией, с СССР и Малой Антантой. В процессе германо-польских переговоров Гитлер, между прочим, выставил требование о том, чтобы Польша на время действия пакта обещала не заключать никаких союзов с Чехословакией, но Польша требование Гитлера отвергла. Что касается Чехословакии, то она принципиально согласна заключить с Германией пакт о ненападении, но не иначе как с ведома и согласия Франции и других ее союзников.

5. Масарик объясняет заключение германо-польского пакта главным образом раздражением Польши против Франции и Италии. Против Франции — потому что Франция обошла Польшу в вопросе о «пакте четырех»**, против Италии — потому что несколько времени назад Муссолини как-то выразился в одном из своих публичных выступлений примерно так: Германии, по-видимому, не трудно будет урегулировать, к своему удовлетворению, вопросы о коридоре и Верхней Силезии. Пусть она этим и займется, Австрию же надо оставить в покое. Заявление Муссолини страшно рассердило Пилсудского и явилось одним из толчков к заключению германо-польского пакта. Совсем недавно Пилсудский отомстил Муссолини. Он заявил, что вопрос об Австрии Польшу не интересует и что

* См. док. № 189, 192, 193.

** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 3—10.

Германия, если хочет, может забирать Австрию. Со слов человека, разговаривавшего на эту тему с Муссолини, Масарик передает, что Муссолини был взбешен заявлением Пилсудского.

6. Масарик сильно недоволен позицией английского правительства в вопросе об Австрии и вообще о Центральной Европе. Макдональд и Саймон просто умывают руки и отделываются ничем незначительными фразами. Масарик с горечью заявил, что такова вообще английская политика. В связи с этим он вспомнил такой эпизод. Около 10 лет назад, когда Чехословакия заключила союз с Францией, по Европе усиленно ходили слухи о том, что в этом договоре имеются какие-то секретные статьи. В эти секретные статьи верил также форин офис. Все официальные и неофициальные опровержения чехословацкого и французского правительства не помогали. Отец Масарика — президент Чехословацкой республики — был страшно раздражен и отправил его в Лондон со специальной миссией: повидать лорда Керзона, бывшего тогда министром иностранных дел, и лично от имени президента Масарика заверить его, что никаких секретных статей в франко-чехословацком договоре нет. Молодой Масарик был принят Керзоном и выполнил поручение отца. Керзон вздохнул с видимым облегчением и сказал, что теперь все сомнения рассеяны. Тогда молодой Масарик, для того чтобы произвести еще большее впечатление на Керзона, вскочил с места и сказал: «Я не имею сейчас на это полномочий, но тем не менее я готов с Вами, г. министр иностранных дел, тут же на месте подписать от имени Чехословацкой республики договор, представляющий точную копию нашего договора с Францией. Я уверен, что такое действие с моей стороны было бы встречено в Чехословакии с величайшим одобрением. Хотите, г. министр, мы сейчас подпишем с Вами договор?» Керзон внезапно побледнел, перепугался и, как бы отмахиваясь руками от Масарика, воскликнул: «Что Вы, что Вы, разве мы можем подписать такой договор?» В этот момент поведение Керзона страшно поразило и даже потрясло молодого Масарика, но теперь, ознакомившись лучше за последние годы с Англией и английской политикой, он уже привык к тому, что англичане никогда не сделают в европейских делах какого-либо серьезного шага, способного их к чему-либо ангажировать.

Полномочный Представитель СССР в Великобритании
И. Майский

Печат. по арх.

46. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Турции с министром просвещения Турции Хикметом

6 февраля 1934 г.

Посетивший меня министр народного просвещения мне сказал, что целью его визита является желание турецкого правительства наметить формы более постоянного контакта между нами по линии культурсвязи. Сам министр придает исключительное значение нашему сотрудничеству по линии тюркологии. Он очень сожалеет, что после отъезда Марра и Самойловича не сделано ничего для закрепления этого сотрудничества. Отчасти вина лежит на самом министерстве народного просвещения, которое, как ему удалось лишь на днях выяснить, до сих пор не ответило на меморандум, представленный советскими учеными *. В настоящий момент такой ответ, хотя и с опозданием, готовится, и он уже заранее может мне сказать, что большинство практических пожеланий, высказанных нашими учеными, найдут с его стороны полную поддержку.

Придавая исключительное значение личному контакту между нашими учеными, он хотел бы придать ему характер более постоянный и периодический. Он, как и общество по изучению языка, был бы очень рад, если бы Марр и Самойлович могли вновь приехать в марте на предстоящую языковую конференцию, которая подведет итоги работы по очищению турецкого языка и по освоению новых слов ⁴⁵.

Со своей стороны министерство в полном контакте с лингвистической и исторической комиссиями хотело бы делегировать несколько турецких ученых для работы в наших научных институтах. Одним из таких ученых намечен Решит Галиб, бывший министр просвещения и председатель лингвистической комиссии. Министр был бы очень признателен, если бы мы согласились установить систему взаимности ** для покрытия необходимых расходов. Форму этой взаимности он предлагает на наш выбор: либо одна из сторон сама покрывает все расходы, связанные с пребыванием делегированных ученых на территории другой страны, либо на основе взаимности рассматривает их как своих гостей.

Среди областей, где намечается также возможность использовать советский инструктаж и помощь, одно из первых мест, по его мнению, занимает кинематография. Турецкое правительство хотело бы делегировать несколько учеников для изучения в наших киношколах техники кинематографического дела. Министр был бы признателен, если бы мы сообщили в ближайшее время наши условия ⁴⁶. Министерство просвещения

* См. т. XVI, док. № 107.

** В тексте — визитация.

рассчитывает на то, что эти условия не будут более трудными, чем условия, на которых у нас содержатся турецкие ученики в школе подмастерьев.

Придавая, далее, большое значение скорейшему выпуску советской и турецкой антологий*, министерство просвещения приняло меры к ускорению подбора материалов для турецкой. Работа эта подвигается сильно вперед, и в ближайшие дни рукопись будет переслана в Москву. Министр интересовался, как обстоит дело с подбором материалов для советской антологии, и обещал при издании ее в Турции на турецком языке всячески способствовать максимально широкому ее распространению в школах и научных институтах.

Чрезвычайно желательно было бы также продвинуть вопрос о приезде в Турцию музыкально-артистического ансамбля. Считаясь с отсутствием здесь приспособленных театральных зданий, поневоле на первых порах придется ограничиться лишь небольшим ансамблем. Хотя министр уверен, что расходы по такой поездке будут покрыты сборами, тем не менее он готов добиться в случае необходимости и материальной поддержки со стороны турецкого правительства и уже сейчас привлечет к необходимой подготовительной работе как вали Стамбула и Анкары, так и партийные комитеты.

Перед прощанием министр еще раз поблагодарил за подаренные турецкому музею экспонаты алтайских тюрков⁴⁷.

Полпред СССР в Турции
Я. Суриц

Печат. по арх.

47. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Министром Иностранных Дел Турции Тевфик Рюштю-беем

6 февраля 1934 г.

Рюштю приехал сегодня и в тот же день заехал ко мне в сопровождении турецкого посланника Энис-бея.

Он сразу вытащил парафированные в Белграде тексты и начал мне пространно доказывать, что он добился больших успехов и что он полностью удовлетворил желания т. Литвинова, включив в дополнительный протокол даже гораздо больше того, чем хотел т. Литвинов.

Он сослался на пп. 1, 5 и 7, которые, по его мнению, полностью покрывают ту поправку, которую ему передал Суриц по поручению Литвинова¹⁷.

* См. т. XVI, док. № 407.

Он, мол, прямо заявил всем участникам, что без одобрения Литвинова он не подпишет пакт. Он просит теперь меня срочно сообщить в Москву содержание пунктов протокола и получить до 8-го числа, дня подписания, ответ Литвинова *. Если не получится ответа до этого дня, он тогда уедет, не подписав пока пакт. Если же ствет будет отрицательным, то он вообще откажется от пакта, что вызовет большой скандал, особенно у греческого правительства, которое хочет этого успеха для себя, особенно в связи с предстоящими 11 февраля муниципальными выборами. В этом случае он конечно уйдет в отставку.

Все это он говорил с большой экзальтацией, подчеркивая все время, что он без СССР шагу не сделает, и давая понять, что он делает общее нам дело.

На мои вопросы о Болгарии, он стал доказывать, что все они, особенно он, приложили все усилия, чтобы привлечь ее к пакту, но безрезультатно. По его словам, против него, Рюшту-бея, создан единый фашистский фронт (т. е. Болгария, Германия, Италия) и что Англия также очень решительно мешала этому делу.

Попросив у меня затем карту Балкан, он стал пространно доказывать, что Англия стремится создать из Болгарии плацдарм против проливов и Турции, отсюда и требование Болгарии о выходе к Эгейскому морю и т. д. Теперь же, мол, он создал барьер против всего этого. Ему удалось впервые в истории объединить Балканские страны для наших общих интересов. В общем он старался всячески меня убедить в том, что он сделал громадное полезное и для СССР дело. Он подробно развивал, что дополнительный протокол полностью обеспечивает и наши интересы в случае румынской агрессии.

Затем он сообщил, что греки теперь очень стремятся к сближению с нами (тут я выразил большой скептицизм) и Максимос будет предлагать мне подписать советско-греческий пакт о ненападении.

Касаясь наших отношений с Малой Антантой **, он сообщил, что югославский король очень подробно говорил с ним об СССР и твердо подчеркнул свое желание установить с нами близкие отношения. Также и Титулеску говорил, что он намерен в ближайшем будущем урегулировать отношения. Румыны хотят взять за образец своей ноты о признании французскую ноту о признании ***, чтобы этим обойти вопрос о Бессарабии.

По словам Рюшту, они боятся того, что наш полпред в Бухаресте первым же делом поставит перед ними вопрос о Бессарабии. Они этого хотят избежать. Рюшту несколько раз

* См. док. № 49.

** См. док. № 45.

*** См. т. VII, док. № 246.

говорил, что Англия работает против него и всячески пыталась саботировать соглашение о пакте. В Болгарии же открыто призывают к его убийству.

В общем в продолжении полуторачасового своего визита Рюшту несколько раз возвращался к тому, что пакт — чуть ли не исторический акт, создающий прочный барьер против общих наших врагов и т. д.

Давтян

Печат. по арх.

48. Запись беседы Представителя СССР в Чехословакии с Министром Иностранных Дел Чехословакии Бенешем

7 февраля 1934 г.

Бенеш вызвал меня к себе и начал почти двухчасовой разговор с заявления о том, что хочет обстоятельно поговорить со мной сначала на темы, касающиеся нас обоих, а потом и на ряд других.

Бенеш напомнил, что он уже говорил мне о поручении, данном им заведующему экономическим отделом Фридману, о подготовке всего необходимого для заключения торгового договора между нашими странами. Бенеш помнит и то, что я ему ответил⁴⁸. Сейчас он хочет сообщить мне, что разработка проекта торгового договора подвигается у Фридмана к концу и в ближайшие дни Фридман представит мне этот проект. Если я найду проект подходящей базой, то переговоры по нему смогут быть продолжены, причем Бенеш надеется, что к моменту нормализации наших взаимоотношений будет готов к подписанию и этот торговый договор. Если же окажется, что мы найдем договор неподходящим или его подписание в близком будущем почему-нибудь несвоевременным, то Бенешу, дескать, безразлично, если мы пойдем и по другому пути. У него нет никаких возражений, чтобы осуществить и ту идею, которая фигурировала уже в разговорах со мной, а именно идею добавления или трактования нашего старого договора от 1922 г.^{*} в смысле распространения на обе страны наибольшего благоприятствования. Об этом он предоставляет судить мне после того, как я познакомлюсь с проектами Фридмана. Мне не оставалось ничего другого, как выразить готовность познакомиться с тем, что вырабатывает Фридман^{**}.

Дальше Бенеш сказал, что после моего напоминания о ратификации Лондонских пактов об определении агрессора^{***} он заинтересовался этим вопросом и проверял его, в частности,

^{*} См. т. V, док. № 180.

^{**} См. док. № 80.

^{***} См. т. XVI, док. № 218.

и в Загребе. Для него выяснилось, что задержка произошла прямо по недоразумению. Дескать, «предполагалось», что ратификация и передача документов произойдет в Лондоне, о чем были какие-то сношения с советским послом Майским. Затем выяснилось, что нарком Литвинов ожидает совершения этого акта в Москве. Коротко, Бенеш может сегодня сообщить мне на основе только что полученной им из Лондона телефонограммы, что уже вчера, 6 февраля, ратификационные инструменты отправлены дипломатической почтой из Лондона в Москву*. Посланник Сметана имеет поручение договориться в Москве с Наркоминделом о том, с какого момента следует считать ратификацию совершенной и пакты вступившими в силу, а также о том, когда и как опубликовать об этом.

Относительно «основного вопроса», как выразился Бенеш, о признании де-юре, Бенеш повторил мне, что Чехословакия связана новым организационным Уставом Малой Антанты** и поэтому Бенеш должен был провести свою точку зрения немедленного признания на заседании Совета Малой Антанты. Несколько путано Бенеш говорил о том, что там это ему удалось и никаких затруднений больше не существует. Все же признания еще не происходит, и Бенеш не берется сказать точно, когда оно произойдет***, ибо существует не затруднение, а что-то вроде недоделанности. Он, дескать, и в прошлый раз говорил мне о Румынии. В Загребе Титулеску был согласен с точкой зрения Бенеша и даже сам высказывался за скорейшее решение этого вопроса. Но положение Румынии несколько другое, чем Чехословакии и Югославии, и поэтому Титулеску оставил за собой согласовать соответствующую формулу в духе лондонской с Литвиновым****. Как он это практически хочет сделать? Этого Бенеш не знает и не считает особенно существенным. Важно то, что и для Титулеску этот вопрос о признании задерживается лишь по этому единственному поводу и что Титулеску сам стремится к скорому решению. На мой вопрос о том, что, по слухам, трудность заключалась в Загребе в позиции Югославии, Бенеш с достаточной определенностью ответил, что это неверно. Ефтич целиком стоит на позиции Бенеша, и Югославия, как и Чехословакия, не имеет никаких конкретных вопросов, стоящих на пути к признанию СССР. Попутно Бенеш еще раз повторил свой ход рассуждений о прошлом и настоящем в области внутривосточных препятствий в Чехословакии, которые он считает теперь устраненными или легко устранимыми, как, например, возражения со стороны партии народных демократов.

* См. док. № 45.

** См. т. XVI, прим. 47.

*** См. док. № 194.

**** См. т. XVI, док. № 213, 218 и док. № 193 настоящего тома.

Дальше Бенеш спросил меня, как мы оцениваем польско-германский договор¹⁴. Я ответил, что считаю этот договор крупным международным событием, но не думаю, чтобы он разрешал спорные вопросы и, в частности, был бы способен разрешить вопрос о германской экспансии или даже только изменить ее направление, так ярко намеченное гитлеровской критикой вильгельмовской внешней политики. Бенеш как будто только и ждал реплики для того, чтобы разразиться очень длинной и оживленной речью в основном такого содержания.

Польско-германский договор является не больше чем дипломатической игрой, происходящей на основе полного взаимного недоверия друг к другу партнеров. Раньше в Европе говорили, что вопрос польского коридора — это вопрос войны. Сейчас поляки хотят показать, что не этот вопрос будет причиной европейской войны. Во времена Штреземана * последовательность острых вопросов между Германией и Европой была такая: 1) коридор, 2) аншлюс. Когда пришел Гитлер, он перевернул эту последовательность: сначала аншлюс, потом коридор. От этого вопрос о коридоре как причине будущей войны вовсе не исчез. Меняя последовательность этих вопросов, Гитлер забыл одно: вопрос аншлюса стал тем временем вовсе не германо-австрийским вопросом, а общеевропейским, и в частности итальянским вопросом. В лучшем случае вместо одного появилось два вопроса, которые могут стать причиной европейской войны. Если Германия рассчитывает произвести аншлюс, то это будет обозначать европейскую войну. Я нарочно переспросил Бенеша, правильно ли я понял такое категорическое заявление. Бенеш повторил, что насильственный аншлюс будет обозначать европейскую войну. Мыслима другая форма — «глейхшальтунг» **. В это Бенеш не верит, и события в Австрии его не смущают. Дольфус должен был бы пойти на «глейхшальтунг» прежде всего против Италии, но также и против Франции и против Малой Антанты. Это ему не под силу.

Поляки издавна старались повернуть германскую экспансию в другую сторону от себя. Когда в прошлом Чехословакия заговаривала с Польшей о более близких отношениях, то поляки вечно выражали недоверие, подозрения, что Чехословакия заигрывает с Германией и готова согласиться с ней для того, чтобы укрепить германскую экспансию в направлении на Восток. История показала, что Чехословакия играла с открытыми картами, а вот поляки вдруг поразили всех своим сближением с Германией. Что делать Чехословакии? Бенеш го-

---

* Бывший рейхсканцлер и министр иностранных дел Германии; см. также т. VII, док. № 119.

** — унификация (нем.).

ворил, что он очень легко мог бы шесть недель тому назад и также легко может хоть завтра, в свою очередь, заключить соглашения с Германией и за себя и за всю Малую Антанту. Однако он этого не делает, потому что время работает на него и он не видит нужды торопиться. Он подождет. Если на очередь серьезно будет поставлен вопрос об аншлюсе, то Бенеш повторяет, это прежде всего итальянский вопрос. Поскольку Бенеш начал резонировать и несколько иссякать в своей речи, я снова подал реплику. Я напомнил Бенешу, что он в прошлый раз довольно решительно ставил вопрос в такой образной формулировке: «Если немцы будут в Вене, то им будет ближе до Будапешта, чем Муссолини, чем кому-нибудь другому». Я думаю, что вопрос о Будапеште, говоря образно, есть прежде всего вопрос о Малой Антанте. Бенеш оживленно подхватил, что это и вопрос самих венгров. Бенеш не отрицает, что Чехословакия заинтересована во всех среднеевропейских вопросах. Однако он считает, что только что заключенный Балканский пакт * сильно укрепляет Малую Антанту. Если к Балканскому пакту не присоединилась Болгария и Албания, то это пустяки. Он предлагает задуматься над тем, что сейчас Албания револютирует против Италии. Итальянская экспансия на Балканы и в Средиземную Европу сильно ограничена Балканским пактом и Малой Антантой. Именно поэтому австрийский вопрос становится для Италии чрезвычайно важным. Именно в этих рамках и венгры сейчас больше чем когда-нибудь, должны задуматься и задумываются над тем, что будет с ними, если произойдет аншлюс. Что касается Чехословакии, то тоже поэтому она может спокойно дожидаться дальнейшего хода событий, а также может в любое время сама договориться с Германией. Каково отношение Франции? У Бенеша был польский посланник в Праге Гжибовский с официальной информацией о польско-германском договоре. Бенеш прямо спросил Гжибовского, как он представляет себе будущее, если Франция сама пойдет по пути прямых переговоров с Германией. Гжибовский ничего не мог ответить. Хитро подмигивая, Бенеш сказал, что подобная «теоретическая возможность» могла бы осуществиться лишь при том условии, что Франция не посчиталась бы с интересами Польши.

Меня этот намек заинтересовал, и поэтому я сказал Бенешу, что мне его оптимизм кажется преувеличенным. Лично я вижу значение польско-германского договора именно в том, что он вынуждает Францию подойти вплотную к вопросу об удовлетворении ряда германских притязаний. В обстановке ан-

---

* См. док. № 14, 49 и газ. «Известия», 11 февраля 1934 г.

глийского и итальянского меморандумов*, при условии наличия во Франции кабинета Даладьё с вошедшим в него Поль-Бонкурром, легко можно представить себе, что мы стоим накануне прямых франко-германских соглашений. Гегемония Франции в Европе подорвана Гитлером и его вооружениями, и Франция не может сейчас стоять на старых, уже разрушенных позициях. Она должна быть довольна, если сумеет гарантировать себя и свой собственный статус от германского нажима. За такие гарантии Франция должна заплатить Германии, но она заплатит ей не за свой счет. Самое естественное заплатить Германии в духе ее раум-политик** за наш счет. Но попутно и за счет других малых государств. С несколько неожиданной для меня прямоотой Бенеш заявил, что он тоже допускает возможность прямых переговоров между Францией и Германией. Однако Бенеш уверен, что это не произойдет за счет СССР. Скорее, наоборот, можно ожидать усиления старой идеи франко-русского альянса. Дальше с некоторым злорадством Бенеш сказал, что это может произойти именно за счет Польши. Он думает так потому, что на очереди остро стоит правильно упомянутый мною вопрос о разоружении. Франция, «теоретически говоря», может пойти на принятие английских предложений с некоторыми видоизменениями. Ну, а Польша разве может пойти на какие бы то ни было ограничения в области вооружений? Бенеш отвечал на свой вопрос категорическим отрицанием. Здесь заложен, по его мнению, первый и основной момент, в силу которого польско-германская дружба в скором же времени разлетится в прах, а с другой стороны, Польша попадет в противоречие со всей остальной Европой. Другой момент, характеризующий непрочность польско-германских взаимоотношений и намечающий большую угрозу для будущего Польши, заключается, по Бенешу, в том, что вопрос о коридоре лишь затушеван и скоро снова выплывет. Бенеш ссылаясь на тот пункт польско-германского договора, в котором говорится о том, что стороны будут взаимно обсуждать политические, хозяйственные и культурные вопросы. По мнению Бенеша, этот пункт является германским резервом для того, чтобы в недалеком будущем поставить перед поляками тот же вопрос о коридоре. Бенеш смеялся над десятилетним сроком, если поляки серьезно верят в него. Не пройдет одного-двух лет, как круг замкнется, и поляки с еще большей определенностью станут перед этим вопросом. Ни в какую замену коридоров одного другим Бенеш не верит, потому что это невыгодно никому из заинтересованных.

---

* См. «Сборник документов по международной политике...», вып. X. М., 1936, стр. 28—33, 43—53.

** — территориальной политики (нем.).

Я считал правильным еще раз отметить, что в таком случае мой ход рассуждений правилен. Я не верю в серьезность злопамятства Бенеша по тому поводу, что франко-германское соглашение, хотя бы только «рассуждая теоретически», может произойти за счет Польши. Это лишь побочный счет, а основной счет наш, ибо на этом счету между нами и Европой стоит гораздо больше, чем на каком-нибудь ином. Весьма примечательно, как на это реагировал Бенеш. Он сразу ответил: вы, дескать, хотите сказать, что с вами ведется еще счет по социальной линии. В духе Гитлера была бы организация борьбы с мировым большевизмом, но мы должны поверить тому, что никто такого мандата Гитлеру не даст, ибо никто не заинтересован в усилении, а тем более безграничном усилении, именно гитлеровской Германии. Смотрите, дескать, как меняется отношение к вопросам. Во времена Штресемана Англия была склонна, ссылаясь на пацифизм Германии, не особенно возражать против аншлюса и решения средневропейских проблем с участием Германии. Сейчас Англия против аншлюса. Это только маленький пример для иллюстрации того, что даже Англия не захочет возрождения германской мощи в слишком большом размере. Поэтому не может быть речи о каком бы то ни было поощрении германского «драг нах остен»*. Мы рассуждаем, дескать, теоретически. Практически Бенеш уверен в том, что в ближайшие годы вообще не может быть речи о коренных сдвигах в Европе. Что касается Чехословакии, то именно поэтому Бенеш считает возможным дожидаться и ничего не боится. На худой конец, он может сказать, что чехи уже 12 столетий жили на своей земле под чужим игом и чужое окружение для них не новость. Ну, пусть будет аншлюс, и чехи окажутся в тисках. Ну, пусть будет перекройка европейской карты. Чехам, дескать, не привыкать. А вот итальянцам и даже венграм это дело непривычное, и они сами позаботятся о благоприятном решении тех вопросов, которые затрагивают и Чехословакию. Я заметил, что это все же звучит очень пессимистически и это не оправдание для пассивного ожидания. Бенеш в ответ еще раз повторил свою концепцию особого итальянского интереса в австрийском вопросе и добавил, что почему бы в таком случае не наметить сближения между Италией и Малой Антантой. Однако это снова «теория».

Для верности я еще раз переспросил его, правильно ли я понял, что в Загребе состоялось положительное решение по вопросу о наших взаимоотношениях и Титулеску в этом смысле оставил за собой договориться с нами по поводу формулы, аналогичной лондонской. Бенеш подтвердил, добавив,

---

* — натиска на Восток (нем.).

что пока Титулеску был занят Балканским пактом, а сейчас, вероятно, найдет способ вступить с нами в сношения, хотя Бенеш и не осведомлен, как он это проделает практически *.

Полпред СССР в ЧСР
Александровский

Печат. по арх.

49. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Министром Иностранных Дел Турции Тевфик Рюштю-беем

8 февраля 1934 г.

Я заехал к Рюштю, чтобы переговорить с ним по существу полученных от г. Литвинова директив о Балканском пакте⁴⁹. Я подробно развил ему нашу точку зрения и оценку пунктов протокола г. Литвиновым. Особенно, понятно, я подчеркнул, что парафированные в Белграде тексты расходятся с данными раньше Рюштю-беем обещаниями и не могут никак нас удовлетворить.

В результате всей беседы Рюштю-бей заявил следующее:

1) Он внесет специальную декларацию, которая будет составной частью пакта, в которой будет говориться, что Турция ни при каких условиях не будет участвовать в выступлениях против СССР.

2) Одновременно он хочет сделать особое заявление, что Турция не останется безучастной при выступлении какой-нибудь балканской страны (читай — Болгария), причем из слов Рюштю вытекало, что имеется в виду и выступление, связанное с какой-нибудь небалканской страной, например, Италией.

Смысл третьего пункта протокола, по его словам, заключается именно в том, чтобы парировать нападение Болгарии. Турция, мол, ни при каких обстоятельствах не примирится с усилением Болгарии, которая до сих пор питает агрессивные планы против Восточной Фракии и Константинополя. Турция не может допустить уменьшения и ослабления европейской части своей территории, ибо это ставит под угрозу проливы и преследует тенденцию изгнать турок из Европы, к чему стремится Болгария при покровительстве Англии.

3) Для Турции ее отношения с Болгарией являются самыми важными. Если бы удалось нейтрализовать ее агрессивные намерения, Турция не была бы против сближения с ней. Я тут заметил, что мы так же, как и Турция, заинтересованы

* См. док. № 181.

в безопасности проливов и что мы в этом вопросе так же, как и вообще в безопасности Турции, всегда будем ее друзьями. Рюштю это подтвердил со всякими благодарностями и комплиментами по адресу Советского правительства.

4) Он, мол, полностью готов идти во всем с СССР и, в частности, целиком доверяет т. Литвинову, но вопрос о поведении Болгарии — это вопрос жизни и смерти для Турции. В процессе разговора Рюштю заметил, что он всегда соглашался свои действия с нами, и, в частности в вопросе Балканского пакта, в то время как т. Литвинов его не держал в курсе своих переговоров о франко-советском и итало-советском пактах *. Сказано это было полушутя-полусерьезно.

5) В п. 8 протокола будет сказано точно, что признание границ касается лишь балканских границ **.

Рюштю-бей был очень взволнован и всячески пытался рассеять наше недовольство пактом. Он специально подчеркивал, что болгарскую агрессию Турция никогда не допустит, будет ли пакт или нет. Турция невыгодно усиление Болгарии ни при каких обстоятельствах.

В заключение он мне сообщил, что Титулеску его спрашивал, будет ли т. Литвинов в Женеве на предстоящей сессии Бюро по разоружению. Он хочет с ним встретиться ***. Я выразил сомнение в этом, но обещал выяснить. Он опять сказал, что румыны и югославы хотят скорее урегулировать свои отношения с нами. Румыны боятся, что первый же наш полпред поставит перед ними вопрос о Бессарабии. Они хотят этого избежать как-нибудь, и в этом причины затяжки.

В общем, весь разговор с Рюштю носил характер оправдания с его стороны и нападения с моей.

Давтян

Печат. по арх.

50. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Посланником Финляндии в СССР Ирье-Коскиненом

9 февраля 1934 г.

1. Ирье-Коскинен сообщил, что переговоры с Эльвингом наталкиваются на два препятствия, из-за которых договор не может быть заключен: 1) торгпред т. Непомнящий, ссылаясь на поручение Главрыбы, соглашается дать Эльвингу разрешение на убой максимум 15 тыс. тюленей, между тем как

* См. т. XVI, док. № 277.

** См. док. № 51.

*** См. док. № 181.

Эльвинг, исходя из соображений рентабельности сделки, настаивает на убое 25 тыс. голов; 2) т. Непомнящий выдвигает в качестве второго условия сделки ограничение убоя молодых тюленей цифрой в 15% от общей суммы убоя, в то время как норвежцам не ставится никакого ограничения. Ссылаясь на желательность заключения сделки с Эльвингом в интересах наших отношений, посланник просил меня вмешаться в это дело.

Я ответил, что увеличить цифру убоя тюленей будет невозможно, ибо 15 тыс. есть тот максимум, которого я добился после длительных переговоров с Главрыбой*. Что касается второго условия, то я попробую еще раз переговорить с Главрыбой и о результате сообщу посланнику¹⁹.

Ирье-Коскинен просил тогда увеличить цифру убоя тюленей хотя бы до 20 тыс., ибо это есть тот предел, ниже которого сделка становится нерентабельной, и договор не может быть заключен.

2. Ирье-Коскинен спросил, есть ли у меня ответ по вопросу о проведении границы**.

Я сказал, что относительно условий мы уже почти договорились с другими ведомствами и что теперь главная остановка за ассигнованиями на эту цель. Так как финская сторона затянула это дело, то ГУПО не смогло получить необходимого ассигнования в бюджете на 1934 г. и теперь должно отдельно добиваться этого ассигнования. Я все же надеюсь, что в скором времени этот вопрос будет разрешен***.

3. Ирье-Коскинен спросил, обратил ли я внимание на выступление Кивимяки****. Я ответил, что выступление является шагом вперед в наших отношениях, но что этого недостаточно. Нужно, чтобы финляндское правительство более решительно встало на путь борьбы с сознательным культивированием вражды против СССР со стороны известных элементов в Финляндии. Нам известно, что помимо кампаний со стороны лапуаских и активистских элементов ведется повседневная работа против СССР. Кампании являются лишь видимыми во вне вспышками этой работы, когда указанные элементы используют подходящую конъюнктуру для заострения своей обычной работы. Против последней нужно систематически и упорно вести борьбу, если финляндское правительство не хочет, чтобы эта работа когда-нибудь дала тяжелые результаты для наших отношений, и особенно для самой Финляндии.

Ирье-Коскинен выслушал меня молчаливо, не возражая, но и не выражая своего согласия со мной.

---

* См. также док. № 16.

** См. док. № 31.

*** См. док. № 55.

**** См. газ. «Известия», 9 февраля 1934 г.

4. В связи с моим вопросом о впечатлениях, которые вынесли от своей поездки сопровождавшие Эльвинга проф. Таннер и полковник Кекони *, и ответом Ирве-Коскинена о том, что оба остались чрезвычайно довольны, между нами вновь завязался разговор о целесообразности более частых поездок финских деятелей к нам и в связи с этим об организации экскурсий финских журналистов и политических деятелей.

Ирве-Коскинен сказал, что в Гельсингфорсе организуется экскурсия журналистов **, а о поездке видных политических деятелей прибавил, что он надеется на ее осуществление, но думает, что это будет значительно позднее, уже после окончания парламентской сессии. Он вновь говорил о том, что именно эта экскурсия может дать большие результаты, и выражал надежду, что она состоится.

Я согласился с ним, что такая экскурсия имела бы большое значение для наших отношений, но выразил пожелание, чтобы она состоялась возможно скорее и вместе с экскурсией журналистов, и сказал, что финляндским политическим деятелям будет оказан у нас хороший прием ***.

5. Я сказал, что, по полученным от т. Штейна сведениям, финляндские власти, и в особенности министр просвещения, оказывают большое содействие по устройству нашей выставки графики в Гельсингфорсе ²⁰, выразил благодарность и прибавил, что мы приветствовали бы ответную выставку финляндских искусств в Москве и Ленинграде ****.

Ирве-Коскинен был явно доволен и сказал, что он не преминет сообщить об этом в Гельсингфорс.

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

51. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Греции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

9 февраля 1934 г.

Сейчас турецкий посол в Греции Энис-бей принес мне письмо министра иностранных дел Турции Рюшту на мое имя с приложением подписанных текстов, а именно: 1) Пакт (текст опубликован и передан агентством также в Москву) *****. 2) Дополнительный протокол. Изменена ст. 8 следующим образом: «Сохранение территориального порядка,

* См. док. № 22.

** См. док. № 55.

*** См. док. № 155.

**** См. док. № 341.

***** См. газ. «Известия», 11 февраля 1934 г.

установленного в данное время на Балканах, является окончательным для договаривающихся сторон». 3) Заключительный протокол, в котором разъясняется детально, что под этим понимаются только границы между Балканскими странами. 4) Декларация Рюштю, принятая к сведению всеми участниками и являющаяся составной частью пакта, в которой говорится, что «ни в коем случае Турция не будет обязана принимать участие в каком-либо действии против СССР».

Опубликован только пакт, а остальное является конфиденциальным.

Энис-бей на мои вопросы ответил, что Рюштю не сделал особой декларации о Болгарии, но я не уверен, что он говорит правду*.

Я сказал турецкому послу, что было бы лучше ст. 8 редактировать сразу более ясно и не выносить ее толкование в простой протокол.

Я, конечно, увижу еще Рюштю, который уезжает лишь 12 февраля⁵¹.

Давтян

Печат. по арх.

52. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Министром Иностранных Дел Финляндии Хакселем

12 февраля 1934 г.

Поехал утром к Хакселю и заявил ему протест по поводу интервью нач. штаба генерала Эш о «тайнственных аэропланах». Интервью появилось в газетах от 8 февраля⁵². Хаксель сейчас же признал, что Эш выразился «неосторожно» и что так говорить не следовало бы. Я ответил, что эту «неосторожность» нужно по крайней мере исправить при помощи дементы. Хаксель обещал⁵³.

Я сказал Хакселю, что вопрос о расчистке границы (в последнем варианте, намеченном в нашем разговоре) ** обсуждается теперь в Москве и, как только обсуждение это закончится, наш ответ будет дан непосредственно Ирве-Коскинену***.

Я спросил у Хакселя, когда он намерен осуществить обещание, данное мне премьер-министром Кивимяки относительно выступления по вопросу о советско-финских отношениях****. Я понял премьер-министра в том смысле, что это

* См. док. № 49.

** См. док. № 31.

*** См. док. № 216.

**** См. док. № 43.

выступление состоится в сейме. Хаксель ответил, что действительно решение правительства в этом смысле имеется и ему поручено его осуществить. Это, однако, произойдет не в форме выступления в сейме. Правительство боится, что такое выступление в сейме развязало бы языки и прения нельзя было бы остановить. Правительство теперь занято обсуждением нового законопроекта, дающего возможность по его требованию прекращать прения в сейме по какому-нибудь вопросу. Он, Хаксель, намерен был выступить на большом политическом собрании, которое должно было состояться на днях в Таммерфорсе. Однако по некоторым причинам это собрание отложено, и он сможет выступить лишь через несколько недель*.

Последнее замечание Хакселя меня взорвало своим откровенным саботажем. Я ответил буквально следующее: время Ваших выступлений зависит, конечно, от Вас. Не взывайте, однако, если дела и разговоры, которые Вас интересуют, будут также отложены на несколько недель, а может быть, и на более поздний срок. Затем я поднялся, чтобы уйти. Хаксель задержал меня и сказал, что это вовсе не является его окончательным мнением, что он еще подумает и, может быть, придумает какую-нибудь другую форму, которая даст ему возможность выступить быстрее.

Полпред СССР в Финляндии
Б. Штейн

Печат. по арх.

53. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Министром Иностранных Дел Польши Беком

13, 14 и 15 февраля 1934 г.

Беседа 13 февраля. Беседа с Беком велась с глазу на глаз. Я предложил Беку изложить свои взгляды на общее международное положение, на существующие моменты опасности и возможные вытекающие из этого для наших обеих стран общие задачи. Бек начал было говорить абстрактно, философски и весьма туманно, и мне приходилось все время приближать его к более конкретным темам. По мнению Бека, опасности существующего положения состоят в том, что ранее существовавшая организация для разрешения международных вопросов — Лига наций обнаружила свою слабость, попытки найти новые методы разрешения вопросов, как, например, «пакт четырех» или создание директории**, оказались

* См. газ. «Известия», 18 февраля 1934 г.

** См. «Сборник документов по международной политике», вып. VI, М., 1934, стр. 3—10.

безуспешными, и отсюда всеобщее метание, нервозность и озлобленность. Польша видит выход из положения в двусторонних соглашениях, на каковой путь она и встала, заключив соглашение с Германией о неприменении силы¹⁴.

Я выразил мнение, что существующая нервозность, которую признает Бек, вызывается не отсутствием инструментов для разрешения вопросов, а наличием реальных опасностей нарушению мира, для предотвращения которых действительно средств не найдено, и не только потому, что их нет, но и потому, что не все их ищут и хотят их найти. Если бы не было опасностей в самом международном положении, то слабость Лиги наций и трудность нахождения ей замены не создавали бы того чувства беспокойства и тревоги, которое мы наблюдаем сейчас. Коснувшись польско-германского соглашения, я попросил Бека сказать мне, какие причины, по его мнению, могли побудить Германию пойти на это соглашение, учитывая, что даже Штресман, Курциус и Брюнинг* не решались на такое соглашение и что оно совершенно идет вразрез с идеологией Гитлера.

Призадумавшись, Бек указал на следующие три причины:

1) Внутреннее положение Германии. 2) До прихода гитлеровцев политику Германии делали Пруссия и пруссаки, которые придавали преувеличенное значение вопросу о коридоре в Восточной Пруссии. Пруссия сейчас перестала существовать, есть только Германия, с которой легче столковаться. 3) Германия убедилась, что Польша не является маленьким сезонным государством, каковым его раньше считали, и поэтому чувство реальности подсказывает большее внимание к ней.

Я согласился с некоторым значением последней причины. Что же касается остальных двух, то я сказал, что не вижу никаких моментов во внутренней жизни Германии, которые диктовали бы ей необходимость данного соглашения с Польшей. Наоборот, поскольку Гитлер пришел к власти и собрал свои силы на определенной платформе непризнания польского коридора и реванша, он своим нынешним соглашением становится в противоречие с этой платформой и этим подрывает свой престиж внутри страны, в особенности внутри своей собственной партии. Для лидера отказ от раньше возведенных принципов означает ущерб, а не пользу. Неправильно также предположение об исчезновении Пруссии. Она могла исчезнуть административно, чего еще также нет, но прусский дух, по моему, господствует теперь во всей Германии. В смысле идеологии Германия есть теперь сплошная Пруссия. Прусские изре-

---

* Соответственно бывшие министры иностранных дел и рейхсканцлер Германии.

чения о необходимости найти себе место под солнцем, об избытке населения, которому нужно найти новые территории для колонизации, глорификации военного духа и военных завоеваний находят себе наиболее яркое выражение в учениях гитлеровцев. О стремлениях гитлеровцев мы судим по прежней гитлеровской литературе, а не по тем политическим речам, которые Гитлер теперь произносит, переключаясь на пацифистскую фразеологию. Эти речи вызываются тактическими соображениями. Гитлеровцы так же, как и японцы, убедились, что бряцание саблей и громкие разговоры о необходимости и неизбежности войн и подготовки к ним мобилизовали общественное мнение всего мира против них. Учтя этот урок, гитлеровцы, как и японцы, отнюдь не отказываясь от основных принципов своей внешней политики и от подготовки к претворению этих принципов в жизнь, сочли за благо временно убеждать мир в своем миролюбии. Разница между нынешней Германией и прежней Пруссией лишь та, что раньше Пруссия, упоенная победами, могла говорить лишь о завоевании новых земель, между тем как теперь Германия с суженными границами должна говорить не только о новых завоеваниях, но и об отвоевании земель, потерянных в мировой войне. У Гитлера, может быть, нет строго установленной очередности этих двух задач, и он не обязательно думает о восстановлении сперва прежних германских границ, чтобы затем перейти к дальнейшему расширению их. Очень может быть, что он попытается сперва захватить новые территории, чтобы, укрепившись на них, отвоевывать старые земли. Но это лишь вопрос тактики — когда, что и где удобнее взять. Поэтому-то польско-германское соглашение вызвало во многих странах значительное беспокойство, ибо в заключении соглашения с Польшей усматривается тактический маневр, который может позволить гитлеровцам обратить пока свои захватнические взоры в другую сторону. При этом обращает внимание отсутствие в соглашении какой-либо статьи о прекращении действия его в случае агрессии Германии, статью, которую уже привыкли считать неизменной частью всякого пакта о ненападении.

Бек возразил, что он не видит в настоящее время опасности со стороны Германии или вообще опасности войны в Европе. Ему кажется, что я слишком далеко смотрю вперед. Он имеет в виду менее значительный отрезок времени и судит с точки зрения сегодняшнего дня. Если он мог обеспечить себе безопасность на сегодняшний день, то этого ему достаточно. Он знает, что ему приписывают секретное соглашение с Германией о свободе рук для последней в Австрии и других местах (последнее он сказал со смехом, как бы желая высмеять эти предположения, но ничего не сказал в опровержение их).

Соглашение говорит о сохранении в силе существующих договоров, стало быть и пакта Келлога, и Лиги наций*, а потому не было надобности в особой статье на случай агрессии Германии.

Я напомнил Беку, что оговорки о сохранении в силе существующих договоров, в том числе пакта Келлога и Лиги наций, имеются и в других пактах о ненападении, а также в советско-польском пакте**, и тем не менее в них заключена особая статья о прекращении действия пактов в случае агрессии одной из сторон. Я добавил, что мои рассуждения носят, конечно, общий характер и что, поскольку польско-германское соглашение способствует мирному урегулированию отношений между двумя странами, мы это соглашение приветствуем, хотя, сказал я, смеясь, как бы в шутку, мы могли бы проявить некоторую ревность, ибо, в то время как мы считаем себя инициаторами системы пактов о ненападении, Германия и Польша нас в данном случае опередили, по крайней мере в смысле сроков: Польша заключила пакт с нами на три года, а с Германией — на 10 лет.

Бек явно смутился (единственный раз за все время нашей беседы) и даже заерзал на стуле и невнятно сказал, что это можно исправить. Более твердо он стал меня заверять в прочном характере курса, взятого Польшей на сближение с нами. По его мнению, соглашение с Германией особенно должно нас в этом убедить. Если раньше наше сближение вызывалось интересами дия и конъюнктурой, то теперь этого нельзя сказать. Он особенно хотел бы подчеркнуть, что наше сближение не есть преходящее явление.

Я поблагодарил Бека за эти заверения и, несколько подумав, сказал, что мне сейчас приходит в голову идея, о которой я раньше не думал. С одной стороны, замечание Бека о возможности исправления неравенства сроков, а с другой — его заверение в длительном характере наших отношений позволяет мне поставить вопрос, не следует ли нам дать формальное выражение этой длительности и, не дожидаясь истечения срока советско-польского пакта о ненападении, теперь же продлить его на десять лет.

Бек, подумав, сказал, что он не видит принципиальных препятствий к этому, что он подумает и посоветуется со своим правительством.

Я сказал, что будет очень жаль, если не удастся увенчать этим актом пребывание Бека в Москве.

---

* См. «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами», вып. VIII, М., 1935, стр. 37—48; т. XI, док. № 298.

** См. т. XV, док. № 300.

Возвращаясь к общему разговору, я сказал, что особенное беспокойство польско-германское соглашение, естественно, вызвало в Балтийских странах и что я надеюсь услышать от г. Бека более убедительные объяснения изменения позиции Польши в вопросе о декларации, чем сообщенные Лукасевичем*.

Бек бросил общее замечание о сложности этого вопроса. Есть какие-то общие морские интересы у всех Балтийских стран, в том числе и у Германии, и у Швеции, но что политически что-либо сделать очень трудно: «Es geht nicht» (Не пойдет это дело). Политические условия Балтийских стран неодинаковы, и трудно найти общую формулу для них всех (на этом месте пришлось прервать беседу, так как Бека вызвали в миссию, где ожидался ответный визит т. Молотова).

Беседа продолжалась 14-го. Я напомнил Беку, что беседа оборвалась на вопросе о Прибалтике. Бек тогда заговорил об отрицательной позиции Финляндии. Он полагает, что она определяется не только влиянием Германии, но и Англии. Ему вообще несколько непонятно поведение Англии. Раньше ее дипломатия в Варшаве чрезвычайно интересовалась нами, но как раз за последнее время этого интереса совершенно незаметно. Бек это сказал многозначительно, но для меня осталось непонятно, хотел ли он этим сказать, что английская политика в Прибалтике переключилась из Польши в Финляндию или что Англия уверовала в советско-польскую дружбу. Затем Бек заговорил о поведении Литвы, которая будто бы заявляла, что декларация позволит ей не думать больше об отношениях с Польшей. По сведениям Бека, эту точку зрения будто бы высказывал в Литве и Карский.

Я заявил, что ссылка на Литву, по-моему, плод недоразумений или чьих-то сплетен и интриг. Мы это дело расследовали и не нашли в выступлениях Зауниуса следов тех заявлений, которые ему в Польше приписываются**. Я рассказал Беку, как Литва сама опасалась, как бы Польша не подняла Виленского вопроса*** по случаю декларации, как мы ее успокаивали. Я категорически опроверг приписываемые Карскому заявления, которых он не мог делать уже потому, что мы никогда не поддерживали в Литве ту точку зрения, что Литва не должна иметь никаких, даже технических, соглашений с Польшей впредь до разрешения Виленского вопроса. Что же касается Финляндии, то мы вполне допускаем, что Англия там очень активна, ибо она, как морская империалистическая держава, ищет точек опоры в Прибалтике, пробует то в одном, то

* См. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, М., 1969, стр. 161—163.

** См. док. № 42.

*** См. т. VI, док. № 138.

в другом месте. Были слухи о каком-то соглашении с Эстонией о создании базы на одном из эстонских островов (Бек подал реплику, что он достаточно хорошо знает политику Эстонии и думает, что такого соглашения не существует). Я высказал свое недоумение по поводу запоздалой ссылки на Финляндию, ибо Лукасевич сообщил мне * о согласии Бека на декларацию, когда отрицательный ответ Финляндии уже был известен.

Бек ответил, что отношение Польши к независимости Прибалтики нам теперь известно, что об этом доведено также до сведения Балтийских государств и что за рамки этого он выходить не намерен. Он снова два раза повторил: «Es geht nicht». Я спросил Бека, не думает ли он, что наше отношение к балтийской проблеме может найти выражение в нескольких словах, сказанных в нашем совместном коммюнике **, которое мы должны будем выпустить в результате наших бесед.

Когда Бек ответил на это отрицательно, я ему пояснил, что мы своим предложением о декларации *** преследовали три цели: 1) Учитывая внутреннюю борьбу в Балтийских странах, различные политические течения и ориентации, страх перед германской агрессией, мы хотели этим странам внушить чувство уверенности в себе, укрепить их сопротивляемость указанием на возможную поддержку со стороны более сильных соседей. 2) Мы хотели несколько ослабить нажим Германии на Прибалтику указанием на возможные препятствия, но все это было побочными мотивами. Главным же образом мы руководились желанием подвести некоторую конкретную базу под наши абстрактные разговоры о сотрудничестве по укреплению мира. Сообщения, сделанные нам Радеком о своих беседах в Польше, позволяли нам рассчитывать на иное отношение к нашему предложению. Но, очевидно, что-то случилось с тех пор. Мы опасаемся, что отказ Польши усилит беспокойство в Прибалтийских государствах, хотя мы еще не знаем, как они реагировали на сообщения, которые должны были сделать им наши полпреды. Мы, правда, последних инструктировали, чтобы они не придавали этим сообщениям характера торжественного демарша, а лишь при случае или в ответ на вопросы сообщали о судьбе нашего предложения ****. Я вспоминаю, что и Латвия и Эстония приветствовали мое заявление на сессии ЦИК ***** о нашем интересе к их независимости и что они в свое время высказывали пожелание, чтобы и Польша сделала такую же одностороннюю декларацию. Предполагает ли Бек,

---

* См. т. XVI, док. № 431.

** См. док. № 58.

*** См. т. XVI, док. № 426.

**** См. док. № 42.

***** См. т. XVI, прил. 2.

спросил я, учесть это пожелание, чем была бы достигнута, по крайней мере, одна из указанных мною целей: усиление в Прибалтике чувства безопасности.

Бек ответил, что он об этом подумает и, возможно, при случае декларацию в какой-либо форме сделает. Тем временем он надеется успокоить Балтийские государства через своих дипломатических представителей.

Вопрос о разоружении был затронут попутно. Бек выразил согласие со сказанным мною о том, что конференция по разоружению может превратиться только в конференцию по довооружению. Польша к довооружению Германии по-прежнему относится отрицательно. Я сказал, что я из этого заключаю, что Польша не недооценивает германской опасности. Бек рассмеялся, ничего не ответил.

Перейдя к другим темам, Бек сказал, что в украинских организациях*, которые вели раньше борьбу (пропаганду, ибо у Польши достаточно средств, чтобы не позволять им иной деятельности, хотя покушение во Львове очень прискорбно**) как против Польши, так и против нас, теперь заметен поворот. Они не нападают больше на Польшу и ограничиваются пропагандой против Советского Союза и против польской политики сближения с ним. Эту же пропаганду они ведут в Румынии и Польше, по этому поводу пришлось уже сделать представление румынскому правительству, о чем Бек конфиденциально сообщает мне. Он понимает, конечно, что эта деятельность направляется извне. Бек остерегался даже назвать Германню.

Бек выразил уверенность в том, что мы скоро урегулируем наши отношения с Румынией, и сообщил о полученной им в тот же день телеграмме от Титулеску, который просит выяснить, когда я буду за границей, чтобы он мог со мной встретиться***. Бек признал, что лучше всего нам договариваться с Румынией непосредственно.

Этим круг вопросов, подвергнутых обсуждению, был исчерпан. Бек сказал, что есть еще разные текущие технические вопросы, но что он не намерен этим заниматься, считая своей задачей лишь очищение политической атмосферы. Он хотел бы, однако, поднять лишь один вопрос, а именно о превращении дипломатических миссий в посольства. Я ответил, что это предложение с нашей стороны препятствий не встретит, что об этом можно будет упомянуть в коммюнике, хотя нам нужно будет некоторое время для технической подготовки переименования нашего полпредства.

---

* См. т. XVI, прим. 285.

** См. т. XVI, док. № 323.

*** См. док. № 181, 190.

Под конец беседы я сказал, что хотел бы предупредить его по вопросу, который, может быть, затронет с ним завтра т. Ворошилов, ибо речь идет не о работе дипломатов, а военных. Мы знаем, что военные атташе в разных столицах часто дружно работают между собой, обмениваясь своей информацией. Бывают, однако, случаи, когда между двумя государствами имеются натянутые отношения и когда помощь, оказываемая одной из этих сторон военными представителями третьей страны, не может не порождать некоторого недоверия между соответственными армиями. Бек, конечно, знает агрессивность Японии и создавшиеся между нею и нами отношения. Мы знаем, что японская разведка более активна в близлежащих странах — Польше и Прибалтике, чем в самой Москве. Я не хотел бы, чтобы на этой почве возникали недоразумения между польской армией и Красной Армией. Бек ответил, что он вполне меня понимает, но в спор со мною на эту тему не вступил. Вспомнив о вчерашнем разговоре касательно продления пакта, Бек сказал, что обсудил этот вопрос с Лукасевичем, что они решили упомянуть в коммюнике о длительном характере наших отношений в духе пакта о ненападении и что он условился, что Лукасевич подъедет к концу нашей беседы для выработки этого коммюнике. Я сказал, что Бек вряд ли может думать, что такое упоминание в коммюнике заменит формальное продление пакта, но что, поскольку у Бека нет еще ответа на мое предложение, будет полезным пока сделать намек на это в самом коммюнике. Трудно, однако, выработать коммюнике вдвоем, так что я попробую завтра набросать проект, который пошлю Беку на согласование. На этом мы расстались.

15-го после завтрака я вручил Беку и Лукасевичу проект коммюнике и предложил им удалиться в соседнюю комнату для обсуждения его. Посоветовавшись между собою минут десять, они меня вызвали и предложили следующие поправки: в предложении, говорящем, что «обмен мнениями между Литвиновым и Беком выявил общность взглядов по множеству проблем и вопросов», они предложили вместо «множеству» сказать «многим из». Конец второго абзаца, гласившего у меня: «Уделяя особое внимание в этом своем сотрудничестве условиям, обеспечивающим чрезвычайно интересующее оба государства ненарушение мира в восточной части Европы», они предлагали заменить словами: «Особо уделяя внимание в этом своем сотрудничестве сохранению мирных и нормальных отношений в ближе интересующей оба государства восточной части Европы». Я поправки принял и сказал, что теперь остается лишь ждать ответа на предложение о продлении пакта, на которое я тем временем получил одобрение моего правительства и которое может рассматриваться как официальное

предложение. Бек ответил, что он еще не думал о юридической формуле и что займется этим в Варшаве. Я сказал, что формулу найти нетрудно, ибо имеется уже немало прецедентов таких пролонгаций, в частности продление советско-турецкого пакта о ненападении*.

Я спросил, сможет ли Лукасевич, сопровождающий Бека в Варшаву, привезти мне ответ. Лукасевич поспешно ответил, что в такой короткий срок он, конечно, не сможет привезти ответа**.

Литвинов

Выводы. 1. Сотрудничество с Польшей в отношении Германии надо считать на ближайшее время отпавшим. Бек не только своим категорическим заявлением закрыл дорогу к такому сотрудничеству в настоящее время, но даже не делал никаких оговорок о возможности возвращения к этим темам позднее. Приходится заключить, что Польша считает себя на ближайшее время обеспеченной со стороны Германии. Из этого не следует, что Польша уже заключила какое-либо секретное соглашение с Германией. Возможно, что Польша из разговоров с немцами убедилась в возможности такого соглашения в тот момент, когда Польша этого захочет. Спекулирует Польша, во всяком случае, на тех возможностях, которых она ожидает от нашего столкновения с Японией.

2. В частности, отпадает окончательно возможность какой-либо совместной акции в интересах безопасности Балтийских стран, и здесь, по-видимому, либо существует, либо имеется в виду какое-то соглашение с Германией.

3. Если считать, что прежние разговоры поляков с Радеком носили искренний и серьезный характер, то налицо, несомненно, серьезный поворот в ориентации политики Польши. Вряд ли Польша могла бы брезговать нашим сотрудничеством и в то же время отдаляться от Франции, не получив откуда-либо новых гарантий или обещаний гарантий.

4. Польша считает полезным для себя свою новую ориентацию или даже новые планы маскировать поддержанием внешне хороших отношений с нами или даже улучшением их. Эта маскировка полезна и нам, и поэтому следует идти Польше навстречу. Эта маскировка демобилизует общественное мнение Польши в отношении нас и должна в дальнейшем несколько затруднить польскому правительству переход на враждебные нам рельсы. Мы должны поэтому способствовать этой демобилизации дальнейшим культурным сближением с

* См. т. XIV, док. № 318.

** См. док. № 62.

общественными кругами Польши. Нам мобилизовать наше общественное мнение в желательную сторону в случае надобности будет легче, чем Польше.

Печат. по арх. Огуба. в сб. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, М., 1969, стр. 167—173.

54. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфаном

13 февраля 1934 г.

На приеме в честь Бека* у т. Литвинова у меня было несколько разговоров с Альфаном. Последний разговор произошел уже во втором часу, после ужина. Он пригласил меня сесть в сторонке на диване, и мы имели довольно интересную беседу. Мы говорили об австрийских и французских событиях, о внутреннем положении Франции и о возможном влиянии его развития на ее внешнюю политику.

Альфан говорил, что он «не думает», чтобы внешняя политика Франции претерпела изменение. В ответ на мои замечания о беспокойстве, которое вызывает влияние на политику кабинета Думерга** таких антисоветски настроенных деятелей, как Барту⁵⁴ и Тардье***, Альфан указал, что не надо забывать их еще более антигерманской установки. Посол уже слышал по радио какое-то заявление Думерга, в котором он выражал удовлетворение сближением Франции с СССР. По поводу моего замечания о готовности к сговору с Германией некоторых близких к Тардье кругов Альфан заявил, что считает исключенным соглашение с Германией при нынешнем правительстве, и особенно при таком министре, как Барту. В ответ на мои слова, что также и во французском генеральном штабе имеются противники сближения с СССР и сторонники соглашения с Германией, Альфан сказал, что это верно, но они не решают дела и что Вейган**** настроен «неплохо» в отношении СССР. Это послу доподлинно известно. По секрету он может мне сказать, что один из приближенных Вейгана сыграл большую роль в назначении его, Альфана, послом в Москву.

Альфан, уже много раз говоривший со мной на эту тему, опять горько сетовал на то, что упущено драгоценное время для продвижения ряда «малых дел», которые могли бы иметь

* См. док. № 58.

** Председатель совета министров Франции.

*** Бывший председатель совета министров и министр иностранных дел Франции, государственный министр в правительстве Думерга.

**** Генеральный инспектор французской армии.

большое значение для развития наших отношений. За 10 месяцев он не имел успеха ни по одному «малому делу». Особенно он жаловался на недоверие и медлительность, проявленные нашими властями в отношении приехавших французских «моряков»*. «У вас не придают значения этим мелким делам,— сказал Альфан,— но ведь я-то знаю Францию лучше вас: эти на вид мелкие дела имеют большое значение для создания подходящей атмосферы вокруг нашего сближения».

Я, как всегда, решительно возражал против самого допущения Альфаном наличия недоверия и отсутствия доброй воли у кого бы то ни было у нас в отношении сближения с Францией. Я сказал мимоходом, что по гораздо более важным вопросам, о которых вел переговоры т. Довгалевский с Поль-Бонкуром**, французский министр проявил слишком большую медлительность, и прибавил при этом, что интересно будет узнать, какую позицию займет новый французский кабинет по тем вопросам, по которым Поль-Бонкур говорил с т. Довгалевским.

Альфан сказал сперва, что он «надеется», что позиция останется той же, а потом, когда я говорил, что дальнейшее развитие наших отношений будет зависеть от позиции, которую теперь займет кабинет Думерга, Альфан в очень оживленном состоянии сказал примерно следующее: «Я не дипломат по натуре, потому что я прямой и откровенный человек (я подал реплику, что при наших отношениях это и есть лучшая дипломатия). Мы несколько раз говорили на эту тему, и я скажу Вам откровенно свое мнение. В нашем аппарате имеются сопротивления против сближения с вами. Имеются сопротивления и во влиятельных кругах вне государственного аппарата. Эти сопротивления объясняются двумя причинами. Первая заключается в том, что наши капиталисты боятся вас. В своих рапортах и устных беседах я стремлюсь доказать нашим капиталистам, что они не должны вас бояться. Эта причина, однако, существует. Другая причина, гораздо более важная, заключается в том, что у нас боятся войны между вами и Японией. Наши владения в Азии не защищены, и у нас опасаются, что при тесной связи нас с вами Япония может их захватить. Эти опасения играют большую роль в министерстве иностранных дел. Вы недолгоблывали Бертело***, но Бертело в гораздо большей степени был благоприятен для сближения с вами, чем его преемник Леже. Он раньше долгое время занимался нашими азиатскими делами и теперь смотрит на отношения с вами через призму наших азиатских забот. Другой чиновник (я, к сожалению, забыл его фамилию.— Б. С.), который тоже

* См. т. XVI, док. № 358.

** См. т. XVI, док. № 444.

*** Бывший генеральный секретарь МИД Франции.

имеет влияние на наши отношения с вами, раньше также занимался азиатскими делами. Эти люди, как и все, которые имели отношение к Индокитаю, вроде Сарро*, не могут освободиться от предвзятости по отношению к вам. Они боятся коммунизма в Индокитае и боятся захвата наших колоний Японией в случае тесного сближения с вами. Я посылаю с ближайшей почтой доклад, в котором говорю, что несчастье для наших отношений заключается в том, что во Франции меняются правители (дирижан) и остается аппарат (администрасьон), а в России, наоборот, правители остаются все те же, но меняется аппарат».

Я сказал, что в отношении Франции это верно, а в отношении СССР посол преувеличивает значение аппарата: когда он пробудет у нас дольше, он поймет, что наша железная дисциплина обеспечивает единство и последовательность нашей политики и что аппарат даже в отдаленной степени не играет той самостоятельной роли, как во Франции.

Альфан сказал, что он знает нашу дисциплину, но все же у него впечатление на основании истории с «моряками», что аппарат меньше проникнут сознанием необходимости сближения с Францией, чем правители (дирижан). «Если Вы можете,— прибавил он,— посоветуйте г. Ворошилову принять нашего военного атташе полковника Мендраса и переговорить с ним о наших моряхках».

Я на это ничего не ответил, ограничившись энергичным повторением, что он ошибается.

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

55. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Посланником Финляндии в СССР Ирве-Коскиненом

13 февраля 1934 г.

1. Ирве-Коскинен заявил, что он уезжает 14-го в Гельсингфорс на 7—10 дней и пришел переговорить о текущих делах.

Он поинтересовался нашим отношением к поездке журналистов.

Я сказал, что мы вполне одобряем шаги т. Штейна и будем очень рады приезду финских журналистов в начале апреля**. Относительно подробностей я отослал его к т. Уманскому***, на котором лежит задача установления связи между фин-

* Министр внутренних дел Франции.

** См. док. № 50, 155, а также газ. «Известия», 4, 8, 14, 29 апреля 1934 г.

*** Заведующий отделом печати НКВД СССР.

скими журналистами и журнально-газетным объединением, которое посылает приглашения и берет на себя организацию всей поездки, в том числе и все расходы по проезду и содержанию финских журналистов на советской территории.

Ирье-Коскинен был очень обрадован моим последним сообщением. В ответ на мои вопросы он сообщил, что едут очень важные журналисты, из которых несколько человек являются влиятельными депутатами сейма. Сперва предполагалось, что поедут только главные редакторы газет, но потом возникли затруднения, и, возможно, что от некоторых газет поедут не главные редакторы, но все же видные представители. В частности, не известно, поедет ли главный редактор «Гельсингки саномаат» Эрко и главный редактор «Ууси суоми». Мимоходом Ирье-Коскинен сказал, что финские журналисты, и особенно главные редакторы газет, имеют в стране большое влияние.

Я высказал пожелание, чтобы Ирье-Коскинен повлиял в Гельсингфорсе на то, чтобы от всех газет, особенно от наиболее крупных, поехали главные редакторы. Ирье-Коскинен обещал это сделать.

2. Я спросил, как обстоит дело с поездкой группы политических лидеров*.

Ирье-Коскинен сказал, что в этом отношении еще нет ничего определенного, однако он надеется, что такая поездка в будущем состоится. Конечно, она имела бы крупное политическое значение для наших отношений. Он думает, что поездка журналистов облегчит организацию поездки политических лидеров. Такую же роль могут сыграть и другие две, намечаемые на май экскурсии, а именно экскурсия сельскохозяйственных деятелей, желающих посетить наши колхозы, и экскурсия промышленников на Днепрострой. В этих обеих экскурсиях, так же как в экскурсии журналистов, будут, наверное, влиятельные депутаты и политические деятели. Известно ли мне об этих двух последних экскурсиях?

Я сказал, что, может быть, т. Штейн сообщал о них, но я лично не информирован. Посланнику известно мое положительное отношение к подобным экскурсиям вообще. Само собой разумеется, что я приветствую эти начинания и окажу им всякое содействие.

3. Ирье-Коскинен спросил, известно ли мне о состоявшемся в Гельсингфорсе при участии т. Штейна собрании ученых по вопросу о сотрудничестве с учеными Советского Союза и как я отношусь к принятым решениям. (Ирье-Коскинен говорил об этом деле с необычным для него оживлением и явным удовольствием).

---

* См. док. № 155.

Я сказал, что это начинание можно только приветствовать. Теперь все дело в проведении его в жизнь. Тов. Штейн послал сообщение Академии наук, которая изучит вопрос и сделает конкретные предложения, которые т. Штейн сможет вручить финляндским ученым и договориться с ними о практических делах⁵⁵.

4. Ирве-Коскинен спросил, могу ли я дать ему окончательный ответ о проведении границ*.

Я ответил, что мы имеем согласие всех ведомств, и вопрос можно считать принципиально решенным. Остановка только за ассигнованием для этой цели, которое еще не дано Совнаркомом. Тов. Сабанни** обещает выяснить этот вопрос в кратчайший срок. Как только будет решение Совнаркома, я пошлю телеграмму т. Штейну с просьбой, если Ирве-Коскинен будет еще в это время в Гельсингфорсе, информировать его⁵⁶.

Ирве-Коскинен вспомнил, что несколько лет тому назад с финляндской стороны, когда у нас возникли аналогичные затруднения, было предложено ассигновать необходимые суммы с тем, чтобы они были нами возвращены в следующем году. По приезде в Гельсингфорс он справится, можно ли это устроить и в этом году, чтобы таким образом ускорить начало работ.

Я выразил надежду, что вопрос будет скоро разрешен Совнаркомом и не понадобится прибегать к такой необыкновенной мере.

5. Ирве-Коскинен спросил, могу ли я дать ему ответ на его предложение об обмене нотами по консульским вопросам***.

Наведя справку через т. Эпштейна****, я сообщил, что мы не возражали бы против урегулирования этого вопроса путем заключения консульской конвенции. Эта конвенция не должна быть построена на принципе наибольшего благоприятствования, а должна содержать материальные постановления по всем вопросам прав и обязательств консульств. Правовой отдел должен вскоре представить проект конвенции, который я вручу посланнику.

Ирве-Коскинен заметил, что я давал ему уже в свое время такой ответ (действительно Правовой отдел не представил до сих пор на утверждение проект конвенции, согласно предыдущему постановлению Коллегии⁵⁷).

6. По вопросу о заключении конвенции о рыболовстве на Ладожском озере Ирве-Коскинен констатировал, что остановка за ними. Он не получил еще ответа из Гельсингфорса на данный ему нами проект конвенции. Он напомнил, что старая

* См. док. № 50.

** Заведующий правовым отделом НКВД СССР.

*** См. т. XVI, док. № 414.

**** Секретарь члена коллегии НКВД СССР.

конвенция истекает 1 июля, и сказал, что настоят в Гельсингфорсе на принятии скорейших решений по нашему проекту и на присылке финляндской делегации для переговоров в Москву.

7. В ответ на мой вопрос о цели поездки Сельямаа * в Гельсингфорс Ирье-Коскинен сказал, что он не имеет еще информации, но полагает, что, конечно, между Сельямаа и Хакселем состоится обсуждение политических вопросов. В ответ на мое замечание, что, по-видимому, образование финско-эстонско-латвийского блока успешно продвигается вперед, Ирье-Коскинен сказал, что речь идет об установлении более тесного политического сотрудничества. Этому должны служить прежде всего периодические встречи министров иностранных дел, причем имеются в виду встречи не втроем, а вдвоем: финляндского министра иностранных дел с латвийским и отдельно с эстонским. Потом, как бы реагируя на мой вопрос об успехах образования прибалтийского блока, Ирье-Коскинен спросил: «А разве Вы не считаете естественным политическое сотрудничество между Прибалтийскими государствами?» Я сказал, что, это конечно, естественно. Затем Ирье-Коскинен заметил, что оживление идеи прибалтийского блока объясняется изменением позиции Польши, и в ответ на мой уточняющий вопрос разъяснил, что он имеет в виду тревогу, несомненно существующую в Латвии и Эстонии по поводу сближения Польши с Германией. Образование прибалтийского блока более реально между Эстонией, Латвией и Литвой. На мои распросы о поездке Хакселя в Стокгольм Ирье-Коскинен сказал, что сближение с Швецией задерживается из-за финско-шведского конфликта внутри Финляндии главным образом по вопросу о преподавании на шведском языке в Гельсингфорском университете. На заданный в связи с этим вопрос Ирье-Коскинен ответил, что отношения Финляндии с Швецией не таковы, как с Эстонией и Латвией, в частности регулярность встреч министров иностранных дел, намеченная и отношении Латвии и Эстонии, не будет иметь места в отношении со Швецией.

Я спросил Ирье-Коскинена, как относятся великие державы к стремлению образовать прибалтийский блок.

Ирье-Коскинен: Я думаю, благоприятно.

Я: Я имею сведения, что Англия рекомендует вам и Эстонии тесное политическое и экономическое сотрудничество.

Ирье-Коскинен: (после небольшой паузы колебания). Это верно.

Б. Стомяков

Печат. по арх.

* Министр иностранных дел Эстонии.

56. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Министром Иностранных Дел Греции Максимосом

14 февраля 1934 г.

Я передал Максимосу привет т. Литвинова в ответ на его привет. Максимос был очень доволен и благодарил.

Затем разговор сразу перешел на Балканский пакт*. Он спросил меня, верно ли, что советская пресса дала благоприятные отзывы о пакте (эту утку распространили здесь румыны, очевидно, при содействии Рюштю).

Я сказал, что весьма сомневаюсь в этом, ибо отношение Советского правительства к пакту продолжает оставаться весьма скептическим. Если мы не возражали против подписания пакта, это не значит, что мы его одобряем. Участие Турции в ее декларациях** ограждает наши интересы, но мы продолжаем расценивать пакт отрицательно с точки зрения интересов общего мира и умиротворения Балкан.

Завязался продолжительный обмен мнениями, причем Максимос повторял избитые аргументы, уже много раз мною услышанные от Цалдариса и др.

На мои вопросы о позиции Италии и Англии он ответил довольно уклончиво. По его словам, Италия не против пакта, хотя и «не в энтузиазме от него»***. То же, мол, и Англия. На мой вопрос, как же он объясняет коммюнике местного английского посольства (о неодобрении Англией «пакта четырех»), Максимос несколько раздраженно заметил, что оно является «гаффом» (неловким поступком) местного английского посланника. Конечно, это было не так, но я уже не стал дальше портить ему настроение.

Говоря о Болгарии, Максимос, конечно, ругал политику болгарского правительства и твердо подчеркнул, что пакт ясно ставит крест над ревизионизмом. Он еще раз говорил, что о ревизии договоров и границ не может быть речи.

Затем он спросил меня, как идут наши дела. Он очень интересовался делом бокситов⁵⁸. Я заметил ему, что надо приступить скорее к переговорам о возобновлении торгового соглашения****. Он сказал, что скоро вернется министр национальной экономики Песматзоглу и тогда этот вопрос можно будет двинуть.

В заключение я спросил его, как нужно понимать заявление Цалдариса в «Врадини» и «Проя» о греческих гражданах в СССР и греческом имуществе там. Цалдарис будто бы заявил делегации греков, вернувшейся из СССР, что правитель-

* См. док. № 35, 47, 51.

** См. док. № 49.

*** См. док. № 4, 13.

**** См. т. XVI, док. № 410.

ство принимает меры к урегулированию положения греков в СССР. Максимос сказал, что не видел этого заявления и не знает, в чем дело.

Он согласился с моим предположением, что, может быть, газеты перепутали что-нибудь.

Давтян

Печат. по арх.

57. Запись беседы Полиомочиного Представителя СССР в Греции с Министром Иностранных Дел Румынии Титулеску

15 февраля 1934 г.

Я заехал сам к Титулеску, чтобы передать ему поручение т. Литвинова⁵⁹. Он еще раз извинился, что вследствие болезни он не мог лично ко мне заехать. (Он действительно болен и почти не выходит из своей комнаты.)

Он говорил, что рад будет встретить т. Литвинова, как только он сможет приехать в Женеву*. Он просит дать ему знать о его отъезде через Рюштю-бея, а не через румынских представителей, ибо не хочет, чтобы в Бухаресте до окончания переговоров все пронюхали об этом.

Затем он стал опять очень словоохотливо и откровенно говорить о своей политике, делая при этом длинные экскурсы в прошлое. Интересно отметить некоторые штрихи. По его словам, он был инициатором организационного закрепления Малой Антанты в прошлом году**, и при этом он имел в виду именно нас. Он еще раз подчеркнул этот момент, отметив, что тогда он боялся нас и поэтому он «провалил» и Женевское соглашение с Кадерой***. Тогда же он предложил Югославии и Чехословакии заключить блок с Италией. Они, мол, согласились, но предложили раньше переговорить с Францией. Поль-Бонкур вначале встал на дыбы и «выругал» его, Титулеску, но затем согласился. Тогда он через итальянского представителя Алонзи предложил Муссолини «лидерство». Муссолини через два дня ответил, что с отдельными странами Малой Антанты (и, в частности, с Румынией) он согласен связаться ближе, но с целым блоком «никогда». Муссолини пригласил затем Титулеску в Рим для разговоров. Но затем, когда выплыл на сцену «пакт четырех»****, Муссолини отказался от

* См. док. № 181, 190.

** См. т. XVI, прим. 47.

*** См. т. XV, док. № 389.

**** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 3—10, 12—14.

встречи. Титулеску с большой злобой рассказал, что он лично звонил Муссолини по телефону из Лидо и тот ему сказал, что встреча теперь «несвоевременна».

Титулеску начал ругать вообще политику Италии, особенно в Венгрии и Болгарии. Италия, мол, ошибается, думая, что она имеет влияние в этих странах, а также в Австрии. На самом же деле Венгрия, в частности, целиком в руках Германии, особенно такие деятели, как Хорти, Гембеш и Канья*.

Интересную вещь сказал Титулеску об аншлюсе. По его мнению, события в Австрии показывают, что аншлюс будет фактически скоро, но на этом потеряет Германия сама, ибо Гитлер будет иметь против себя объединенный блок двух католических стран, Баварии и Австрии, и этим себя ослабит. Между прочим, он бросил такую фразу: «Конечно, мы не будем воевать из-за аншлюса».

Он опять стал говорить, что германо-фашистская пропаганда в Румынии усиливается и что, в частности, эта пропаганда направлена против него. Он, Титулеску, хочет быть с нами, ибо знает, что наши «идеи совпадают с целостью и нераздельностью Румынии», тогда как «все эти феодалы» стремятся разделить ее, как раньше делили Польшу. Он скорее, мол, допустит, чтобы Румынию «проглотили» мы, чем даст этим господам делить ее. Я, конечно, заметил, что мы не только не собираемся проглотить Румынию, но, наоборот, хотим, как и он, установить с ней не только формальные, а и дружеские отношения. Он быстро подхватил: «Знаю, знаю, поэтому-то я и хочу опираться на вас».

Касаясь Балканского пакта**, он опять стал расписывать все его прелести и ругать греческую оппозицию, т. е. венизеллистов, за ее противодействие пакту. Тут он «конфиденциально» сообщил, что получил от Венизелоса поздравительную телеграмму и, если бы он ее опубликовал (чего он не сделает), то получилось бы большое смятение среди венизеллистов.

Возвращаясь к нашим отношениям, он несколько раз подчеркивал свое желание поскорее урегулировать их и установить с нами самые близкие отношения.

В заключение он просил передать сердечный привет т. Литвинову и его желание скорее с ним встретиться.

П. С. Говоря о Балканском пакте, мы коснулись и его военного значения. Титулеску прямо подчеркнул, что пакт не может не иметь военного значения. Он прямо, мол, так и сказал всем лидерам здешней оппозиции — Кафандарису и др.

---

* Соответственно: регент, председатель совета министров и министр национальной обороны; министр иностранных дел Венгрии.

** См. док. № 49.

«Вообще, чем больше дипломаты говорят об отсутствии военного сотрудничества в связи с пактом, тем больше оно имеет-ся, и наоборот». Далее он стал говорить, что иначе и не может быть. Это необходимо для того, чтобы удержать в будущем Болгарию от выступлений. Для Румынии пакт имеет значение именно в отношении Болгарии, ибо со стороны Венгрии она прикрыта Малой Антантой. Теперь после пакта Болгария будет знать, что она будет иметь против себя сплоченный фронт четырех стран. В процессе разговора он заметил, что Греция теперь фактически присоединилась к Лондонским конвенциям об агрессоре *, приняв п. I протокола пакта.

Давтян

Печат. по арх.

58. Сообщение ТАСС о пребывании в Москве Министра Иностранных Дел Польши Бека

16 февраля 1934 г.

Трехдневное пребывание польского министра иностранных дел г. Бека в Москве дало ему и Народному комиссару по иностранным делам т. Литвинову возможность иметь несколько продолжительных бесед **. Во время этих бесед подвергнуты обзору и обсуждению общее международное политическое положение, вытекающие из него международные проблемы, а в особенности те из них, которые затрагивают или могут затрагивать интересы СССР и Польской Республики.

Обмен мнениями между т. Литвиновым и г. Беком выявил общность взглядов по многим из этих проблем и вопросов и твердую решимость представляемых ими правительств продолжить усилия в направлении дальнейшего улучшения взаимоотношений между СССР и Польской Республикой и всестороннего сближения народов этих стран, основой чему служат заключенные между обоими государствами пакт о ненападении и конвенция об определении агрессии ***, действию которых признано желательным придать возможно длительный характер. В духе этих актов оба правительства и впредь готовы сотрудничать между собою в деле сохранения и укрепления всеобщего мира, уделяя особое внимание в этом своем сотрудничестве сохранению мирных и нормальных отношений в близи интересующей оба государства восточной части Европы.

* См. т. XVI, док. № 213, 218, 220.

** См. док. № 53.

*** См. т. XV, док. № 300; т. XVI, док. № 213.

Учитывая нынешнее состояние советско-польских отношений и растущие возможности и значение международного сотрудничества обоих государств, г. Бек по поручению своего правительства предложил соответственные дипломатические представительства обеих стран в Москве и в Варшаве возвести в ранг посольств. Тов. Литвинов присоединился к этому мнению г. Бека и от имени своего правительства предложение принял*.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 41 (5285), 16 февраля 1934 г.*

59. Нота Полномочиого Представительства СССР в Германии Министерству Иностраных Дел Германии

16 февраля 1934 г., № 630

Некоторое время тому назад родственники оправданных по Лейпцигскому процессу и ныне находящихся в Берлине под арестом болгар Димитрова, Попова и Танева обратились в Посольство СССР в Германии со следующей просьбой:

Недавно в ходе беседы с болгарским посланником в Берлине г. Поменовым эти родственники установили, что болгарское правительство не считает более вышепоименованных болгар болгарскими гражданами. Учитывая этот факт, родственники вышепоименованных лиц просили Посольство СССР в Германии как от своего собственного имени, так и по поручению Димитрова, Попова и Танева предоставить этим последним советское гражданство.

Посольство СССР в Германии в соответствии с установленным порядком направило это ходатайство в Москву. Сейчас Посольство СССР получило решение Правительства СССР, согласно которому Советское Правительство 15 февраля с. г. удовлетворило ходатайство родственников Димитрова, Попова и Танева о принятии последних в пределы СССР и о присвоении им советского гражданства.

Теперь посольство просит Министерство Иностраных Дел принять меры к немедленному освобождению советских граждан Димитрова, Попова, Танева из-под ареста для их скорейшего отъезда в СССР**.

Печат. по арх. Опубл. в журн. «Коммунист» № 6, апрель 1963 г., стр. 20.

* См. док. № 125.

** См. также док. № 60.

60. Запись беседы второго секретаря Полномочиого Представительства СССР в Германии с заместителем заведующего IV отделом Министерства Иностранных Дел Германии Хэем *

16 февраля 1934 г.

Был у Хэя, передал ему нашу ноту по поводу Димитрова, Попова и Танева ** и сказал ему следующее: мы просим, чтобы все относящееся к советским гражданам Димитрову, Попову и Таневу было сделано в кратчайший срок. Для того, чтобы отвезти Димитрова, Танева и Попова из шухафт ***, я как представитель полпредства явлюсь лично, что прошу иметь в виду министерство иностранных дел. То обстоятельство, что советские граждане Димитров, Попов и Танев будут до их отправки в Советский Союз находиться, вероятно, в советском посольстве, не снимает ответственности за их безопасность, особенно во время их переезда до немецкой границы. Поэтому мы оставляем за собой право в надлежащие моменты обращаться за соответствующими мероприятиями к немецким властям. Хотя немецкие власти, вообще-то говоря, заботливо относятся к охранению прав находящихся на территории Германии иностранцев, но в этом случае придется, возможно, прибегнуть к любезному содействию германских органов.

Хэй сказал, что это для него совершенно новая проблема и очень сложная и что он, конечно, сейчас же передаст нашу ноту с моими требованиями министру. Я спросил его, в какой мере и с какой точки зрения он считает эту проблему сложной. Хэй ответил, что, возможно, их гражданство не является столь ясным, как это мне кажется.

На это я ему ответил следующее: Не представляю себе, что кажется сложным в этом деле г. Хэю; что указанные лица являются советскими гражданами, явствует из только что мною доложенного министерству иностранных дел решения Советского правительства о принятии Димитрова, Попова и Танева в советское гражданство. Это ясно и определено. Если же г. Хэй думает, что Димитров, Попов и Танев являются болгарскими гражданами, то он — плю роялист ке ле руа мем ****: ведь болгарское правительство в лице ответственных своих чиновников совершенно недвусмысленно заявило, что Димитрова, Попова и Танева не считает своими гражданами. Остается еще одна возможность: не думает ли г. Хэй, что советские

* Из дневника А. В. Гиршфельда за время с 13 по 16 февраля 1934 г.

** См. док. № 59.

*** — ареста (нем.).

**** — более роялист, нежели сам король (фр.).

граждане Димитров, Таиев и Попов являются немецкими гражданами? Хэй махиул на меия рукой и сказал: О, нет, г. Гиршфельд. В таком случае, заявил я Хэю, положение несколько не сложное, а чрезвычайно простое, и советское полпредство настаивает на срочном принятии мер к немедленному освобождению советских граждан Димитрова, Попова и Таиева, являющихся юридически свободными лицами после оправдательного приговора Лейпцигского суда. Я категорически отвергаю всякие сомнения в области их гражданства. Хэй заговорил о том, что такой вопрос нельзя решить сразу. Тогда я ему сказал, что если сегодня или завтра советские граждане Димитров, Таиев и Попов не будут освобождены, то я прошу дать мне с ними свидание сегодня или в крайнем случае завтра. Необходимо осуществить некоторые формальности, заключающиеся в том, что советские граждане Димитров, Попов и Таиев должны дать свои подписи на выставленных для них советских паспортах. Хэй ответил, что он обо всем немедленно доведет до сведения соответствующих инстанций. Прощаясь, я еще раз обратил его внимание на необходимость срочнейшего разрешения поставленных советским посольством перед министерством иностранных дел вопросов*.

Гиршфельд

Печат. по арх. Опубл. в журн. «Коммунист» № 5, апрель 1969 г., стр. 20—21.

61. Запись беседы второго секретаря Полиомочного Представительства СССР в Германии с советником IV отдела Министерства Иностранных Дел Германии Типпельскирхом**

17 февраля 1934 г.

Около 11 часов утра мне позвонил Беспалов*** о том, что в ТАСС происходит обыск. Когда я приехал туда, то никого не застал. По рассказу Беспалова, он после звонка в полпредство предложил полицейским подождать приезда секретаря полпредства, который уже выехал в ТАСС; полицейские, однако, предпочли удалиться, причем руководитель обыска заявил, что он занят и ждать не может. Полицейские спрашивали у Беспалова, имеется ли тут типография, печатаются ли листовки, какие производятся передачи по фендрукеру (имеется в виду приемный буквопечатающий аппарат, передающий сообщения [телеграфического агентства] Вольфа), что такое ТАСС и т. п. Беспалов дал соответствующее разъяснение. За-

* См. также док. № 61.

** Из дневника А. В. Гиршфельда от 26 февраля 1934 г.

*** Заведующий отделением ТАСС в Германии.

тем полицейские просмотрели газетный материал и вырезки, открыли все книжные шкафы и т. п. Отозвав домашнюю работницу в отдельную комнату, они спрашивали ее, не принимает ли она участия в печатании листовок.

Был у Типпельскирха, заявил ему протест против обыска в ТАСС, передав вкратце те нелепые вопросы, которые задавались руководителю ТАСС полицией. Типпельскирх обещал срочно выяснить обстоятельства дела и дать соответствующее объяснение.

Затем спросил у Типпельскирха, каковы результаты переданной вчера ноты по поводу советских граждан Димитрова, Попова и Танеева*. Типпельскирх сказал мне: г-н Гирпфельд, вы 24 часа тому назад передали ноту и уже настаиваете на ответе. Это похоже на ультиматум. Не производите давления на наше правительство (юбей зи кейней друк аус ауф ди регирунг), пусть правительство имеет возможность в полном спокойствии заниматься этим вопросом. Я ему ответил, что, поскольку дело идет о советских гражданах, оправданных по суду, полпредство, естественно, не может допустить такого положения вещей, чтобы указанные лица продолжали дальше находиться в заключении, в котором они как советские граждане пребывают с 15 февраля. Затем я передал Типпельскирху о том, что при разговоре с Хэем после передачи ноты официально просил Хэя дать срочно свидание с советскими гражданами Димитровым, Поповым, Танеевым для улаживания некоторых формальностей, связанных с приемом указанных лиц в советское гражданство. Типпельскирх спросил, какого рода эти формальности. Я ответил, что нужно, например, иметь их подписи на их советских паспортах, и тут же показал эти паспорта Типпельскирху. Типпельскирх изумился или сделал вид, что он изумлен, и воскликнул: «Ах, уже готовы паспорта!» Я ему ответил, что все это, как он видит, делается своевременно, остановка лишь в этом ясном деле за аусамтом**. Типпельскирх сказал, что дело это чрезвычайно сложное и поэтому не надо оказывать давления. Когда я его тут же спросил, в чем же, собственно, заключается сложность, он поспешил сказать, что он не знает, насколько это дело является сложным и вообще по этому вопросу ничего не знает и никаких суждений не имеет. Я ему сказал, что мы ждем срочного ответа на нашу ноту***.

Примерно через час Типпельскирх позвонил мне в полпредство и сообщил по поводу обыска в ТАСС, что здесь действовали местные полицейские власти по их собственному почину без каких бы то ни было указаний сверху. Полицейские будто

* См. док. № 59, 60.

** Министерство иностранных дел Германии (нем.).

*** См. также док. № 64.

бы слышали какие-то подозрительные шумы и по долгу службы должны были проверить, что собой представляют эти шумы. Типпельскирх заявил, что теперь мы видим, насколько внимательно аусамт относится к нашим заявлениям, так как дело было немедленно проверено, и что можно считать этот инцидент исчерпанным. Я ему ответил, что инцидент является далеко не исчерпанным, так как все его объяснения сводятся к тому, что полицейские слышали какие-то подозрительные шумы. Если они имели в виду стук пишущей машинки, то этот так называемый подозрительный шум будет продолжаться и дальше, что позволит полицейским вновь и вновь его обнаружить и если не каждый день, то довольно часто и впредь посещать ТАСС. ТАСС же является представительством в Германии государственного советского учреждения, хоть и не пользуется правами экстерриториальности. Типпельскирх изложил только что мне соображения полицейских, о содержательности которых можно судить и по тем бессмысленным вопросам (унзининге фраген), которые ими задавались руководителю ТАСС. Каково же, собственно говоря, отношение аусамта к этому делу? Обязанность аусамта, по-моему (представитель ТАСС аккредитован при отделе печати аусамта), принять соответствующие меры к недопущению подобных явлений. Типпельскирх стал доказывать, что полиция остается полицией в любом государстве и т. п. После долгих разговоров он, наконец, заявил, что это недоразумение и что будут приняты меры к неповторению таких недоразумений.

Гирифельд

*Печат. по арх. Огуб. (частично) в журн.
"Коммунист" № 6, апрель 1969 г.,
стр. 21—22.*

62. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Польши в СССР Лукасевичем

20 февраля 1934 г.

Лукасевич пришел по возвращении из Варшавы, куда сопровождал Бека. Он сообщил о вынесенных Беком превосходных впечатлениях из Москвы * и о польских народных манифестациях при обратном приезде Бека. Особенно остался доволен Бек завтраком с военными. Лукасевич не имел возможности, однако, в пути ни выяснить у Бека содержание его бесед со мною **, ни вообще получить от него какие-либо инструкции. Бек в середине этой недели доложит маршалу о своей поездке, и тогда будут приняты решения по вопросам,

* См. док. № 58.

** См. док. № 53.

вытекающим из наших бесед. Конкретно стоят сейчас вопросы об организации прилета воздушной эскадрильи*, каковой будто бы намечен т. Алкснисом** на май. Надо уточнить время обмена военно-морскими визитами⁶⁰, о котором Бек договорился с Орловым***. Обмен театрами придется, вероятно, отложить до осени, так как это требует подготовки⁶¹. Кроме того, сделанное нами с Бекком коммюнике тоже намечает программу действия. Не имея никаких полномочий, Лукасевич может лишь высказать свои личные соображения. Он вспоминает, что при переговорах о заключении пакта о ненападении**** существенную роль играл вопрос о Прибалтике, а также о Румынии. Этот вопрос может встать и при продлении пакта. Если не удалось нам раньше подписать пакт о ненападении с Румынией, то это, может быть, удастся теперь. Далее коммюнике говорит об укреплении нормальных отношений (я поправил Лукасевича: о сохранении нормальных отношений) в восточной части Европы. Ненормальными являются там отношения СССР с Румынией и Польши с Литвой. Но, в то время как Польша весьма положительно относится к нормализации наших отношений с Румынией, он не может этого сказать про наше отношение к польско-литовской аномалии. Мы своими действиями создаем в Литве впечатление о нежелательности для нас нормализации польско-литовских отношений.

Сказав несколько слов о прекрасных впечатлениях, оставленных у нас визитом Бека, я отметил, что нахожусь в менее удобном положении, чем Лукасевич, ибо даже мои личные соображения могут быть приняты как мнение моего правительства. Я поэтому должен просить Лукасевича не считать того, что скажу ему, ответом положительным или отрицательным на затронутые им вопросы. Первая мысль, которая приходит мне в голову в связи с продлением пакта,— это наличие нового обстоятельства, которого не было при заключении пакта о ненападении. Мы никогда не давали никакого повода сомневаться в нашей готовности уважать независимость Прибалтийских стран. Мы первые предлагали им пакт о ненападении*****, тем не менее Польша настаивала на получении от нас гарантии для Балтийских стран и отказывалась заключить с нами пакт о ненападении, пока такие же пакты не будут нами подписаны с Балтийскими странами.

Польша заключила пакт о ненападении с Германией¹⁴ в такой момент, когда весь мир считает, что иад Балтийскими

* См. т. XVI, прим. 313.

** Начальник военно-воздушных сил РККА.

*** Начальник морских сил РККА.

**** См. т. XIV, док. № 383; т. XV, док. № 300.

***** См. т. IX, док. № 271; т. XV, док. № 67, 201.

странами нависла весьма серьезная угроза независимости этих стран, идущая со стороны Германии. Я не в курсе польско-германских переговоров и поэтому не знаю, добивалась ли Польша от Германии каких-либо гарантий для Балтийских стран. Мне, однако, известно, что этих гарантий Польша не получила. В пакт не включена даже оговорка о прекращении его действия в случае агрессии Германии, каковая оговорка могла бы считаться хотя бы минимальной гарантией для Прибалтики. Более того, сама Польша отказалась от предложенной нами декларации *, которая тоже могла бы являться некоторой гарантией для Балтийских стран. Я поэтому вряд ли должен был ожидать, что и теперь, при подписании с нами тех или иных актов, Польша будет заговаривать о гарантиях для Прибалтики. Что же касается Румынии, то Титулеску мне заявлял в Лондоне, что конвенции об определении агрессии со ссылкой на пакт Келлога ** вполне заменяют ему пакт о ненападении, каковой он считает теперь излишним. Я разделяю мнение Титулеску. Я не могу при этом не вспомнить, что при переговорах с Польшей об определении *** агрессии от нас требовали предварительно урегулирования бессарабского вопроса, между тем как Титулеску согласился подписать конвенцию без этого условия. Таким образом, Польша часто оказывается более румынской, чем сама Румыния. Боюсь, как бы это не повторилось и в данном случае. Лукасевичу должно быть известно, что все страны Малой Антанты как будто решили вопрос о восстановлении отношений положительно и что Титулеску добивается встречи со мной для окончательной реализации этого решения. Я надеюсь, что эта встреча в недалеком будущем состоится и что отношения между нами и Румынией будут нормализованы ****. Польша имеет неправильное представление о нашей политике, если она полагает, что мы препятствуем установлению польско-литовских отношений. Наша политика в данном вопросе определяется советско-польским и советско-литовским мирными договорами *****, согласно которым спорный вопрос о Виленщине должен быть решен между Польшей и Литвой. Мы заботимся только об одном, а именно о сохранении политической и экономической независимости Литвы. Для нас неприемлемо поглощение ее другими государствами. При соблюдении этого условия мы никогда не имели и не имеем никаких возражений против установления полных или неполных отношений между Литвой и Польшей.

Под конец беседы Лукасевич стал предаваться воспомина-

* См. док. № 42.

** См. соответственно т. XVI, док. № 213, 218, 220; т. XI, док. № 298.

*** В тексте документа — продлении; см. т. XVI, док. № 146.

**** См. док. № 193.

***** См. т. III, соответственно док. № 350, 12.

ниям о прошлом и, между прочим, упомянул, что он лично всегда выступал в Польше против установившегося там мнения о неизменности Рапалльской линии или даже о существовании военного союза между нами и Германией. Он всегда доказывал, что Рапалло* был вполне логическим выходом для нас из положения изоляции, в котором мы очутились после интервенции, и что это соглашение носило конъюнктурный характер. Я со своей стороны рассказывал ему, что я всегда отстаивал точку зрения самостоятельности польской внешней политики.

Лукаевич сказал, что Бек вызовет его через некоторое время в Варшаву на 24 часа для инструктирования**.

Литвинов

Печат. по арх. Огубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, М., 1969, стр. 174—175.

63. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Ота

20 февраля 1934 г.

Я сообщил Ота о фактах перелетов японскими военными самолетами советской границы 15 и 17 февраля 1934 г. (на основе прилагаемой к этой записи справки)⁶² и заявил, что от имени Советского правительства прошу его передать японскому правительству об этих недопустимых фактах, могущих иметь опасные последствия, и прошу от имени Советского правительства принять меры к полному прекращению подобных разведывательных полетов японской авиации, ведущих за собой нежелательные пограничные инциденты. Я отметил, что в особенности обращаю его внимание на факт обстрела японскими самолетами нашей пограничной заставы. В ряде случаев 15 и 17 февраля наши пограничные части открывали предупредительную стрельбу по японским самолетам, залетевшим на советскую территорию, действуя при этом в полном соответствии с международным правом, которое не допускает появления военных самолетов над чужой территорией. Наоборот, для японских самолетов обстрел советских пограничных частей является недопустимым актом враждебного характера, ибо они, обнаружив, что находятся над чужой территорией, должны были немедленно удалиться, избегая каких бы то ни было осложнений.

* См. т. V, док. № 121.

** См. док. № 89.

Ота отвечал, что он не располагает никакими сведениями относительно этих происшествий и что он немедленно передаст о сообщении своему правительству. От себя он считает необходимым заметить, что, может быть, эти сообщения не являются вполне точными, так как местные власти дают иногда неправильные сведения, и он не может себе представить, чтобы японские самолеты совершали такие грубые нарушения советской границы. Далее он стал излагать свои соображения о том, что, быть может, полеты японских аэропланов были связаны с тем, что какие-нибудь маньчжурские банды отступали на советскую территорию и японские самолеты хотели преследовать отступающих бандитов. Он не помнит, где именно, но он читал о том, что будто бы на советско-маньчжурской границе было достигнуто местное соглашение, по которому, в случае отступления маньчжурских банд на советскую территорию, советские пограничные части согласились не возражать против того, чтобы принимать помощь японских воинских частей для преследования этих бандитов. Может быть, теперь местные пограничные власти отказываются от этого соглашения, не предупредив об этом предварительно японскую сторону. Благодаря этому происходят недоразумения. Вот то единственное объяснение, которое у него складывается как предположение для объяснения перелетов советской границы японскими аэропланами, если таковые перелеты действительно имели место. Однако он в этом не уверен, ибо уже однажды сведения о перелетах, которые мы заявляли, оказались неправильными. Мы сообщали о большом количестве японских самолетов, тогда как в действительности в этом районе было всего 2—3 японских самолета и они перелетели границу не больше чем на 1—2 километра в сторону советской территории.

Отвечая Ота, я подчеркнул, что ошибка в исчислении количества японских самолетов, совершающих перелеты, всегда возможна, однако совершенно неважно, совершили ли 4 аэроплана по 2 перелета каждый, или же 8 аэропланов — по одному перелету; важно то, что признает и сам Ота, наше предыдущее сообщение о перелетах советской границы *, хотя он и определяет его в 1—2 километра, было правильным. Мы проверили сообщения, полученные с мест, и они полностью подтвердились. Также и в данном случае наши сведения о перелете японских самолетов 15 и 17 февраля детально проверены. Что касается той теории, которую развил Ота, а именно, что самолеты могут перелететь на советскую территорию, чтобы следить за движением маньчжурских отрядов, то я должен самым решительным образом отвести эту теорию, являю-

---

* См. т. XVI, док. № 338, 340.

щуюся чрезвычайно опасной. Исходя из таких аргументов, можно доказывать также и право японской пехоты и кавалерии, а не только японской авиации проникать на советскую территорию. В действительности, если на советскую территорию переходят маньчжурские банды, то они на нашей территории немедленно разоружаются и интернируются, что в точности соответствует международным правовым нормам. Никакого участия японских войск или авиации в этом разоружении и интернировании маньчжурских банд на советской территории не требуется. Я решительно отверг его сообщение о том, что где-то и кем-то было заключено местное соглашение, допускавшее проникновение японских вооруженных сил на советскую территорию в связи с преследованием маньчжурских отрядов. Такое соглашение никогда не заключалось и не могло кем бы то ни было заключаться. Поэтому объяснение для тех перелетов советской границы, которые были допущены 15—17 февраля японскими аэропланами, не может быть дано в той форме, в которой его пытался сделать Ота.

Ота в ответ заявил, что он не выдвигает теорию о допустимости проникновения японских военных частей на советскую территорию для преследования отрядов, а лишь сказал, что ему кажется, что он слышал о местном соглашении на этот счет. Возможно, что такого соглашения и не было. Он повторяет, что он не может допустить мысли, что японские самолеты совершали нарушение советских границ, однако он, как уже сказал, немедленно передаст в Токио то заявление, которое я ему сделал.

Я выразил надежду, что японское правительство немедленно расследует сообщенные факты и даст указание командованию о необходимости не допускать впредь повторения подобных полетов японской авиации*.

Замнаркоминдел

Печат. по арх.

64. Нота Полномочного Представительства СССР в Германии Министерству Иностранных Дел Германии

21 февраля 1934 г.

Посольство Союза Советских Социалистических Республик обращает внимание Министерства Иностранных Дел на то, что до сих пор им не получен ответ на ноту от 16 числа текущего месяца № 630 относительно освобождения советских граждан Димитрова, Попова и Танева**. Посольство

* См. также док. № 284.

** См. док. № 59.

СССР просит Министерство Иностранных Дел срочно дать ответ на вышеупомянутую ноту.

Для выполнения формальностей, связанных с принятым 15 февраля 1934 г. решением о принятии Димитрова, Попова и Танева в пределы СССР, Посольство СССР просит Министерство Иностранных Дел срочно принять меры для того, чтобы секретарю посольства г. Гиришфельду было незамедлительно разрешено свидание с вышеупомянутыми гражданами СССР, находящимися под арестом, и любезно направить Посольству соответствующее уведомление⁶³.

Печат. по арх. Опубли. в журн. «Коммунист» № 6, апрель 1969 г., стр. 23.

65. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР *

22 февраля 1934 г.

Сегодня в 2 часа по японскому времени мною и Хирота парафирован текст соглашения о временно исполняющих обязанности, сообщенный Вам в телеграмме 19 февраля с. г.⁶⁴ По вопросу о подчинении маньчжурских помощников мною было заявлено, что ввиду соответствующего заявления Хирота мы согласны не включать в приказ Рудого** этот пункт. Прошу Славуцкого немедленно известить меня об освобождении 6-ти⁶⁵ и издании приказа Рудого о временно исполняющих обязанности, чтобы можно было приступить к переговорам о продаже КВЖД. Шестерка, по словам Хирота, будет освобождена немедленно.

Полпред

Печат. по арх.

66. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Ота

23 февраля 1934 г.

Ота просился ко мне 22-го, но когда я ему назначил свидание на 2.30, он ответил, что предпочитает явиться на следующий день.

Ота пришел «посоветоваться» со мною относительно имевших место торгов, вызвавших некоторые осложнения. Он начал с истории вопроса возникновения идеи замены рублей

* Копия телеграммы направлена Генеральному консулу СССР в Харбине М. М. Славуцкому.

** Управляющий КВЖД.

облигациями АКО*. Я перебил его, сказав, что история эта мне известна, что существенно лишь то, что за последнее время нена упала на 60—65%, вследствие чего наши хозорганы терпят большие убытки, в то время как японские рыбопромышленники, как нам это известно из их официальных отчетов, получают увеличенные барыши. Мы считаем совершенно справедливым изменение курса облигаций АКО в соответствии с падением цены. Так как мы не успели до торгов договориться с японским правительством о новом курсе и не желали откладывать торги, то, идя навстречу японцам, мы разрешили принимать пока залоги в размере 32¹/₂ сены в качестве аванса. К сожалению, японские рыбопромышленники и консул в Отагу не приняли этого разумного предложения, вследствие чего японские заявки не могли быть приняты во внимание при торгах. Положение, однако, поправимо при дополнительных торгах, которые мы готовы назначить в ближайшие дни.

Ота ответил, что не желает вступать в дискуссию относительно стоимости цены, хотя он мог бы указать на падение покупательной способности нашего рубля и на падение цен на рыбу за границей. Во всяком случае, курс был установлен правительствами, а вмешались в вопрос хозяйственники во Владивостоке. Он мог бы потребовать признания торгов незаконными и назначения новых, но он не настаивает на этом, если это затруднительно. Это, однако, его личное мнение. Нельзя ли как-нибудь иначе помочь делу?

Я возразил, что покупательная стоимость рубля тут ни при чем, поскольку мы фактически получали арендную плату в ненах, а за нену за границей нельзя получить тот эквивалент, который был установлен в свое время при соглашении Трояновского с Сидэхара**. Я также не намерен углубляться в эту тему, ибо это дело будущих переговоров. Помочь делу можно только одним способом, а именно назначением дополнительных торгов.

Ота сказал, что есть другой, более простой практический способ, а именно признать японские заявки действительными.

Я признал это предложение невыполнимым, поскольку результаты торгов уже объявлены.

Ота тогда сказал, что у него имеется предложение его правительства (см. приложение⁶⁶). Прочитав документ, я отметил, что все три пункта сводятся к одному, а именно к признанию японских заявок, что я уже признал невозможным. Ота тогда заговорил о каких-то трех участках, заторгованных советской стороной, несмотря на то, что японцы предложили высокую цену.

* См. т. XIV, док. № 128 и док. № 75 настоящего тома.

** См. т. XIV, док. № 126.

Я указал на ничтожность этого вопроса и на возможность для японцев на дополнительных торгах взять взамен этих трех участков другие. Важно лишь договориться, что представляемые залогом являются лишь авансом, а все остальные вопросы легко будет тогда разрешить. Наше предложение является наиболее практичным и дающим полное удовлетворение японцам. Несмотря на то что японцы не участвовали в торгах по своей собственной вине, мы все же готовы принять все меры к тому, чтобы они от этого значительно не пострадали.

Ота вновь заявил, что наилучшим выходом из положения было бы признание японских заявок. По его сведениям, результаты торгов объявлены еще не окончательно и не всем известны и поэтому, если мы пожелаем, мы сможем исполнить просьбу его правительства. Пока курс между правительствами не установлен, нельзя обсуждать вопроса об авансах. Кстати, деньги по торгам японцам не возвращены, стало быть, есть возможность признать заявки. Сейчас заседает японский парламент, и это маленькое событие может получить нежелательное отражение в политических кругах. Необходимо поэтому скорее ликвидировать инцидент. Он, Ота, не может согласиться со мною по вопросу об авансах. Установление курса — это предмет будущих переговоров и ничего общего с торгами не имеет. Пока нет нового соглашения, торги должны иметь место по примеру прошлого без всяких изменений. Промышленники ничего не знают о новом курсе и поэтому не могут с этим считаться. Если будет установлен новый курс, то он может относиться только к будущим платежам, а не к нынешним.

Я растолковывал Ота, что, по моим сведениям, результаты торгов уже объявлены и что нельзя превращать торги в какой-то фарс или комедию. Запрашивать теперь Владивосток о деталях объявления результатов — значит лишь терять время, а между тем дополнительные торги могли бы быть назначены уже на 26-е, и дело было бы скорейшим образом ликвидировано, как этого и желает Ота. Отражение в политических кругах и в прессе зависит от того освещения, которое японское правительство даст этому инциденту. К сожалению, уже теперь дается в прессе неправильное освещение, искажаются и выдумываются факты⁶⁷. Сообщают, будто посол еще 18-го хотел меня видеть, а я отказался принять его. Я надеюсь, что Ота опровергнет эту ложь. Никто не требует от рыбопромышленников, чтобы они вносили деньги по новому курсу АКО. Поскольку сам Ота признает, что переговоры о курсе должны вестись между правительствами, он этим признает, что вопрос о курсе остается открытым. Мы только требовали от промышленников и Ватанабэ*, чтобы они тоже признали этот факт.

* Генеральный консул Японии во Владивостоке.

считая свои залоги авансом. В противном случае, если бы мы разрешили японцам окончательно внести залоги по 32¹/₂ сены, то незачем было бы вести переговоры о курсе. Что касается трех участков, то я не специалист в этих вопросах и не берусь сейчас подсказывать решение. Об этом послу придется, вероятно, говорить с т. Сокольниковым. Я мыслю себе, например, обмен этих участков на другие советские.

Ота после этого, по крайней мере, раз пять повторял свое предложение о признании заявок, повторяя те же аргументы и высказывая опасения за судьбу трех участков. Я лаконично отвечал ему, что по всем этим вопросам я уже высказал свое мнение и ничего не могу добавить. Ота тогда сказал, что ему остается лишь сообщить мой ответ своему правительству. Я это подтвердил и просил передать Хирота, что, хотя вина лежит на японских рыбопромышленниках и консуле, мы не желаем воспользоваться этим во вред японцам и готовы пойти навстречу, чтобы они не слишком пострадали от своего неучастия в торгах.

Ота вновь выразил сожаление, что не смог договориться со мною, и просил ни в коем случае не подымать вопроса об авансе.

Я ответил, что при всех обстоятельствах мы будем считать внесенные теперь залоги по 32¹/₂ сены только авансом до установления нового курса *.

Литвинов

Печат. по арх.

67. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США в ЦК ВКП(б)

23 февраля 1934 г.

Сталину, Молотову. Сегодня я посетил Рузвельта, который принял меня очень хорошо и расспрашивал меня о моих личных делах.

Я ему изложил сущность дела с фирмой «Кертис Райт»⁶⁸. Он обещал сделать все возможное.

Затем он спросил меня, не кажется ли мне, что за последнее время японцы изменили тон. Он просил изложить ему мой взгляд относительно политики Японии. Я ему сказал, что лично я сравнительно оптимистичен для текущего года и очень pessimистичен относительно дальнейшего. Я доказывал, что сейчас японцы будут стараться улучшить свои отношения и с США и с нами, потому что на ближайшее время их политика заключается в том, чтобы укрепить свое положение в Мань-

* См. док. № 72.

чжурни и максимально подчинить себе Китай. Японцы, может быть, даже рассчитывают, что все довольны, что нет больше войны, а тем временем они будут развивать активность в Китае. Рузвельт сказал, что, пожалуй, я прав, что японцы в Азии ведут пропаганду против белых и что в Китае они продолжают свою активность. По его мнению, очень трудно будет в будущем году. США не могут согласиться на то, чтобы Япония имела флот, равный американскому флоту, разделенному частями на атлантический и тихоокеанский. Я ему сказал, что сдерживать Японию и сократить ее аппетиты будет нелегко. Япония не будет слушать отдельно ни Америку, ни СССР, но обоня вместе она будет слушать даже в последний момент, поэтому нам нужно иметь контакт. Я сказал, наша страна должна продумать свою политику в отношении дальнейшей активности японцев в Китае и вообще на Тихом океане: вряд ли можно удовлетвориться только тем, что, например, США не будут в ближайшее время втянуты в войну. Он вполне согласился с этим. Он говорил о мирных намерениях наших стран и об отсутствии территориальных претензий. Затем он спросил, как обстоит дело с покупкой рельсов*. Я ответил ему — все ждут организации банка. Он сказал, что через 3—4 дня все с банком будет кончено, и добавил, если с нас будут брать слишком высокие пены, пусть я сообщу ему.

Затем я сказал, что в переговорах о претензиях** имеются большие трудности и было бы желательно, чтобы они были продолжены в Москве Литвиновым и Буллытом, которые их начали. Рузвельт ответил, что ему хочется держать это дело в своих руках и лично руководить переговорами в Вашингтоне, но он не возражает против того, чтобы они были сейчас в Москве. Если понадобится, их можно будет перенести в Вашингтон. Он снова повторил, что займется делом о моторах. Затем он выразил пожелание, чтобы мы скорее переехали в здание посольства, так как при настоящих условиях работа посольства затруднена, и оно не может поддерживать контакта с внешним миром. Я сказал, что надеюсь переехать около 15 марта, указав, что много пришлось перестраивать и ремонтировать и полностью оборудовать, что стоит очень дорого.

По выходе от президента меня обступили журналисты и спрашивали, о чем я говорил с президентом. Я сказал, что было небольшое поручение к президенту, и на другие вопросы отвечал отрицательно.

Трояновский

Печат. по арх.

* См. док. № 77.

** См. док. № 19.

68. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

Немедленно
24 февраля 1934 г.

Барту принял меня очень приветливо. Он несколько раз подчеркнул, что его отношение будет не только любезным, но и сердечным. («Могу Вас заверить,— сказал он,— что с немецким посланником у меня будет совершенно другой тон: я буду с ним вежлив, но не больше»). Он отмечал, что, несмотря на «трудное прошлое в Генуе»*, он один из первых во Франции требовал восстановления отношений с СССР. Он рад отметить, что основы международной политики, невмешательство во внутренние дела, ничем не были омрачены за последние годы в отношениях между нашими странами. Он приветствует франко-советское сближение и будет действовать в духе своих предшественников. Поэтому первым его актом было санкционировать сотрудничество в области авиации (стажерство наших авиаторов во французских школах и посылка французских авиационных инженеров к нам⁶⁹). Он отметил с удовлетворением твердое заявление Литвинова Альфану против довооружения Германии** и подчеркнул не меняющуюся по существу политику последних кабинетов в отношении Германии. Наше мнение, однако, «будет тормозить машину» непосредственных переговоров с Германией. Он приветствует наше сотрудничество в Женеве и будет продолжать его. Когда я ему намекнул на установившийся во времена Поль-Бонкура фактический порядок взаимного ознакомления***, он сказал, что приветствует этот порядок и будет продолжать его.

Последующая часть беседы была скомкана, так как Барту доложили о приходе немецкого посла. Барту, извинившись передо мною тем, что немецкий посол уезжает сегодня же вечером в Берлин, просил перечислить ему те вопросы, которые я хотел бы еще затронуть и вернуться к ним подробно при следующем свидании на будущей неделе****. Я назвал ему следующие: предложение Поль-Бонкура о взаимопомощи и Лиге наций*****; впечатление о визите Бека в Москву*****; морская техническая помощь⁷⁰ и разоружение. По вопросу о морской технической помощи он принял мое предложение о

---

* Барту возглавлял французскую делегацию на Генуэзской конференции в 1922 г.; см. т. V, док. № 109.

** О позиции СССР по вопросу довооружения Германии см. т. XVI, док. № 401.

*** См. т. XVI, прим. 171.

**** См. док. № 97.

***** См. т. XVI, док. № 332, 390, 413, 444.

***** См. док. № 58.

предварительном согласовании с чиновником МИД, ныне шефом кабинета Барту, Роша, находящимся в курсе вопроса. Другие вопросы он отложил до следующего свидания⁷¹, попрощив меня, однако, тут же поделиться с ним впечатлениями от визита Бека, что я и сделал.

Довгалецкий

Печат. по арх.

69. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфаном

26 февраля 1934 г.

Альфан сообщил, что Эррио в частном письме просил его передать мне, что, хотя его коллеги по кабинету не находятся в той же стадии желания сближения с СССР, который они плохо знают, он, Эррио, будет защищать свои идеи с упорством. Эррио хотел бы поговорить со мною о Лиге наций. Ему совершенно ясно, что если СССР будет в Лиге наций, то создастся перманентная база для совместных действий и найдутся средства для расстройств известных интриг. От нашего вступления в Лигу все изменилось бы. Эррио спрашивает, что я об этом думаю. Я просил Альфана поблагодарить Эррио за его соображения и сказать ему, что наше нынешнее отношение к Лиге должно быть известно ему, как члену кабинета, из нашего ответа на предложение Поль-Бонкура и что слово теперь за французским правительством*.

Литвинов

Печат. по арх.

70. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Министром Иностранных Дел Греции Максимосом

27 февраля 1934 г.

Я заметил Максимосу, что в городе и в прессе продолжают по-прежнему циркулировать всякие слухи относительно нашего отношения к пакту** и что я до сих пор не реагировал на все это и не буду реагировать, ибо наша позиция ясна. Я дал понять, что недопустимо, если пресса будет стараться использовать все это дело в своих внутренних целях. Я также кратко его информировал о своем разговоре с Венизелосом⁷², отметив, что разговор носил самый общий характер и был вызван желанием Венизелоса познакомиться с нашей точкой зрения.

* См. т. XVI, прим. 321 и док. № 138, 151 настоящего тома.

** См. док. № 35, 56.

(Я считал необходимым все это ему сказать, ибо знал от турка, что другие посланники информировали Максимоса о своих встречах с Венизелосом). Конечно, я ограничился общими местами.

В связи со всем этим Максимос начал жаловаться на Венизелоса, отметив, что не понимает его поведения. «Как греческий патриот» и как «друг Венизелоса», он был неприятно поражен тем фактом, что Венизелос ведет какие-то переговоры с иностранными посланниками помимо правительства. Ему еще это неприятно и потому, что он слишком ценит Венизелоса как «капитал», который нужно сохранить для Греции, и поэтому он не хочет, чтобы имя Венизелоса трепали. Я его спросил, как идет обсуждение пакта на проходящей сейчас конференции лидеров. Он сообщил, что пока был лишь его доклад и обсуждение будет завтра. Он выразил надежду, что удастся договориться, но тут же добавил, что у него уверенности нет.

Потом мы говорили о нашем торговом соглашении *. Заметив, что скоро придет министр национальной экономики г. Песматзоглу, он сказал, что придется подождать до него с переговорами. Пока же соглашение временно продлено на месяц. Когда я заметил, что лучше всего было бы просто продлить соглашение до конца года, он засмеялся и заметил, что придется его немного «подправить», однако он не стал вдаваться в подробности. Правда, он тут же добавил с удовлетворением, что наши покупки растут.

Касаясь вопроса обложения торгпредства **, он сказал, что он ругал свой аппарат за то, что за его отсутствие этот вопрос не продвинулся вперед. Он дал поручение двинуть вперед переговоры. Я тоже заметил, что действительно надо кончить и с этим делом.

Я. Давтян

Печат. по арх.

71. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
2 марта 1934 г.*

Состоявшееся вчера в палате общин обсуждение англо-советского торгового договора *** прошло очень гладко и обнаружилось усиление в консервативных кругах антиавантюристских реалистических настроений. Из 19 ораторов против

* См. т. XVI, док. № 410.

** См. док. № 35, 222.

*** См. док. № 17.

торгового договора выступило только два: Аттольская и тесно связанный с «Лена-Голдфилдс» Девисон, причем их речи были встречены смехом и ироническими аплодисментами. Не говоря уже о лейбористах и либералах, девять консерваторов, не считая членов английского правительства, решительно выступили в пользу соглашения. Ренсимен открыто заявил, что Советское правительство является чрезвычайно аккуратным плательщиком, признал наши крупные хозяйственные успехи за последние два года и выразил надежду, что британская промышленность получит заказы в связи с реконструкцией железнодорожного транспорта, предусмотренной второй пятилеткой. В том же духе выступал целый ряд ораторов. Очень хорошую речь произнес консерватор Бутби, поставивший крест над царскими долгами и призывавший к англо-советскому сближению, как лучшей гарантии всеобщего мира. Он, равно как и многие другие, однако, настаивал на необходимости скорейшего урегулирования дела «Лена-Голдфилдс», усматривая в нем в настоящее время главное препятствие к созданию более дружественной атмосферы между нами и Англией. Ввиду единодушного мнения палаты противники соглашения даже не решились требовать голосования, и последнее считается одобренным без голосования. Вообще вчерашние ораторы парламента представляли собой полную противоположность его ораторам год назад во время эмбарго. Окончательная ратификация ожидается в ближайшие дни. 5 марта Форин офис устраивает нам завтрак по случаю заключения соглашения.

Полпред

Печат. по арх.

72. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу

3 марта 1934 г.

В беседе со мной 2 марта Ота заявил, что японское правительство категорически настаивает на том, что, во-первых, прежний курс АКО остается действительным и поэтому японские залогн на владивостокских торгах должны рассматриваться как полностью и окончательно выплаченные, во-вторых, что суммы, которые дополнительно к залогам будут внесены японцами после торгов для выплаты арендной платы первого полугодия, также должны быть исчислены по старому курсу и рассматриваться как окончательный платеж. В ответ на это я заявил Ота, что ввиду опротестования японским правительством переговоров между советскими и японскими хозор-

ганами о повышении курса облигаций АКО *, Советское правительство выражает согласие на обсуждение этого вопроса между обоими правительствами и не считает себя впредь связанным временным соглашением о курсе АКО, заключенным в 1931 г. ** Ота возражал, что мы не имеем права односторонне денонсировать это соглашение. Я решительно отверг подобное недопустимое толкование. Ота, развивая свою аргументацию, стал доказывать, что, пока японское правительство не согласилось на обсуждение курса и новый курс не установлен, остается в силе старый курс. Я обосновал нашу точку зрения, что с момента нашего официального заявления старый курс нами более не признается и все вносимые японскими фирмами платежи являются предварительными. Окончательное решение о сроке введения нового курса может быть принято позднее, а в данное время я, считая со своей стороны, что этим сроком должно быть 1 января 1934 г., принимаю к сведению его заявление, что, по мнению японской стороны, старый курс, во всяком случае, остается в силе для платежей, падающих на I-е полугодие 1934 г. Ота заявил, что это неприемлемо и что, поскольку мы не примем сделанных им предложений, японские фирмы не примут участия в дополнительных торгах. Я отвечал, что наши предложения, отделяя решение вопроса о новом курсе от вопроса о проведении торгов, идут максимально навстречу японцам и что, с другой стороны, наши власти во Владивостоке, учитывая интересы японских фирм, согласились вторично поставить на дополнительные торги те участки, по которым на основных торгах была дана японцами высшая цена. Если в этих условиях японские фирмы отказываются участвовать в дополнительных торгах, ответственность за это будет лежать целиком на японской стороне, отклоняющей наши компромиссные предложения.

Замнаркоминдел

Печат. по арх.

73. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Премьер-Министром Финляндии Кивимяки

8 марта 1934 г.

Германский посланник Бюзинг устроил обычный в этом сезоне обед для дипкорпуса. Записываю разговоры, бывшие у меня в этот вечер, и прежде всего разговор с Кивимяки. После обеда Кивимяки подошел ко мне и предложил «поси-

* См. док. № 75.

** См. т. XIV, док. № 126, 128.

деть и поговорить». Первый вопрос, который он задал мне, был: «Как обстоит дело с нашими торговыми переговорами?» Думая, что вопрос Кивимяки относится к его предложению о заключении торгового договора, я ответил, что еще до отъезда Хакселя в Стокгольм я предложил ему заключение конвенции с взаимным наибольшим благоприятствованием⁷³. Хаксель до сих пор не вручил мне своего проекта, хотя и обещал это сделать, как только приедет из Стокгольма. Я теперь жду этого проекта, после чего можно будет потолковать*. Кивимяки сказал, что он имеет в виду совсем не это, а конкретные переговоры о покупке нами свиного мяса. Об этом со мной сегодня должен был говорить Хаксель (я сказал Кивимяки, что действительно говорил со мной Хаксель сегодня, но что об этом вопросе он ни одним звуком не упомянул и что вследствие этого я слышу о покупке мяса первый раз). Кивимяки весьма удивился, что Хаксель мне ничего об этом не сказал. Речь идет о предложении продать нам около 500 000 кг свиного мяса на сумму приблизительно 75—100 тыс. руб. По словам Кивимяки, аграрии, которые вообще сильно нажимают на него в смысле усиления финского сельскохозяйственного экспорта в СССР, в частности, теперь чрезвычайно заинтересованы в этой продаже. Они забили большое количество животных, мясо которых некуда вывезти (в частности, поездка Хакселя в Стокгольм не принесла результатов в смысле разрешения проблемы вывоза мяса в Швецию). Кивимяки дважды подчеркнул, что эта покупка будет иметь как для страны, так и для него лично большое политическое значение. «Вы лично убедились в том,— сказал Кивимяки,— что финляндское правительство и я, в частности, за последнее время делаем все для улучшения политических отношений между Финляндией и СССР. Хотя я знаю, что Вы и не совсем довольны последним интервью Хакселя**, но все же Вы должны признать, что за последнее время отношения сильно улучшились. Если Вы теперь поможете нам в экономической области и совершите эту покупку, мы будем рассматривать это как жест доброй воли с вашей стороны, как проявление доброй воли по отношению к финскому крестьянину, который очень нуждается в сбыте этого мяса. По моей просьбе,— продолжал Кивимяки,— представители мясной промышленности посетили вашего торгпреда и сделали ему конкретное предложение. Из разговора с торгпредом выяснилось, что разница в цене (между той, которую предлагали мясопромышленники, и той, о которой условно говорил торгпред) не больше 50 пенни — 1 марки. Мы на этом сойдемся, и я уверен, что это не составит затруднений. Я Вас

---

* См. док. № 74.

** См. газ. «Известия». 18 февраля 1934 г.

очень прошу,— сказал Кивимяки,— лично заинтересоваться этим делом, ибо оно несомненно, повторяю, имеет значительный политический интерес».

Я обещал Кивимяки сейчас же переговорить с торгпредом и выяснить всю обстановку.

Переходя затем к вопросу о модус вивенди (наибольшее благоприятствование), Кивимяки сказал, что он в нынешних условиях не является поклонником этого принципа и что Финляндия за последнее время в своих торговых договорах все меньше и меньше применяет наибольшее благоприятствование. Так, например, в предстоящем финско-германском торговом договоре вообще этот принцип не будет фигурировать.

Я спросил Кивимяки, как обстоит дело вообще с германским договором. Кивимяки ответил, что немцы пошли на значительные уступки. Так, в частности, они увеличили контингенты сельскохозяйственного ввоза из Финляндии и отказались от требования распространения на них льгот, предоставленных английскому текстилю. Таким образом, основные препятствия уже устранены, и можно считать, что договор очень скоро будет подписан.

Когда Кивимяки говорил об усилиях, которые делает финляндское правительство для улучшения советско-финляндских отношений, он заметил, что эти усилия делать не так легко, ибо общественное мнение все же еще «не изжило враждебных чувств ко всему русскому» и что с этими чувствами приходится бороться шаг за шагом. Я ответил, что так называемое общественное мнение нельзя рассматривать как какую-то абстрактную величину и притом находящуюся в статическом состоянии. Общественное мнение находится под влиянием и в значительной мере формируется двумя факторами: поведением правительства и поведением печати. Что касается поведения правительства, то с этой стороны (я говорю не только о нынешнем правительстве) делалось очень мало для того, чтобы каждый финский обыватель понимал, что правительство хочет и активно стремится к сближению с СССР. Наоборот, финский обыватель очень часто видел со стороны финляндского правительства такие действия и такие акты, которые настраивали его на противоположное направление. То же самое относится к финской печати, которая ежедневно ушатами вливает в сознание финского обывателя вражду и ненависть к Советскому Союзу. В этом контексте я приветствую поездку финских журналистов и убежден, что она даст положительный результат.

Кивимяки ответил, что я не учитываю все же консерватизма финского обывателя. Это происходит, вероятно, потому, что я еще мало знаком с финским менталитетом и со слабым развитием культуры здесь вообще, в особенности среди финского крестьянства, которое очень враждебно по отношению

к СССР и которое необходимо систематически и настойчиво обрабатывать в противоположном направлении. Кивимяки сказал, что ему очень приятно вести со мной подобные разговоры и что он хотел бы время от времени со мной беседовать на тему о том, как можно улучшать наши отношения. В заключение он еще раз просил меня помочь в вопросе о покупке мяса⁷⁴.

Мы разговаривали с Кивимяки больше получаса, и это вызвало большое любопытство со стороны всех присутствующих, среди которых находилось несколько иностранных посланников.

Полпред СССР в Финляндии
Штейн

Печат. по арх.

74. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Министром Иностранных Дел Финляндии Хакселем

8 марта 1934 г.

Последние дни я ждал, что Хаксель вызовет меня для того, чтобы вручить мне проект торгового модус вивенди. Сам я не хотел ему об этом напоминать. Так как мне нужно было поговорить с Хакселем относительно результатов его поездки в Стокгольм и по вопросу о приезде сюда эстонского министра иностранных дел Сельямаа, я позвонил ему и сказал, что хочу его посетить.

На мой вопрос, доволен ли он поездкой в Стокгольм, Хаксель ответил довольно кислой миной, что он никаких особых задач в этой поездке себе не ставил и что поэтому никаких особых результатов он не имеет. Я расчленил свой вопрос и просил сначала рассказать мне, какие общие проблемы были предметом стокгольмской дискуссии и, в частности, обсуждался ли вопрос о сближении Прибалтийских стран, сближении, в котором приняли бы участие как Швеция, так и Финляндия. На этот вопрос Хаксель ответил следующее: «Я заранее знал точку зрения шведских политиков, точку зрения, которая вполне совпадает с нашей в этом вопросе. Вот почему этой темы мы касались лишь вскользь, не останавливаясь на ней. Точка зрения Швеции и наша заключается в том, что сближение Прибалтийских стран между собою и их сближение с Швецией (а равно с нами) мы всячески приветствуем как по линии хозяйственной, так и культурной. Это сближение, как бы оно желательно ни было, не может ни в коем случае накладывать каких бы то ни было политических обязательств на Швецию (а равно и на нас). Ни в коем случае ни Швеция, ни Финлян-

дия не примут на себя никаких связывающих обязательств ни союзного, ни блокового, ни какого бы то ни было другого характера. Эта позиция не новая, и мне не пришлось с Сандлером * ее уточнять или углублять. За все время самостоятельности Финляндии был лишь один министр иностранных дел (Хольсти), который попытался наложить на Финляндию обязательства подобного рода, и это ему стоило портфеля. Вряд ли кто-либо захочет ему подражать».

Я спросил, были ли в Стокгольме разговоры относительно общей позиции по отношению к Лиге наций. Хаксель ответил, что такие разговоры были и что в этом вопросе Швеция и Финляндия также примерно держатся одной линии, а именно оба государства в качестве малых стран заинтересованы в существовании и укреплении женевского института. Хаксель при этом прибавил, что в Швеции проявляют особенную тревогу по поводу упадка значения Лиги наций в последнее время. На мое замечание, что в Финляндии я этой тревоги не наблюдаю, Хаксель подтвердил, что наблюдение это верно, что Финляндия относится значительно более спокойно к этому вопросу.

Следующий мой вопрос касался шведско-финляндских проблем, обсуждавшихся в Стокгольме. Я уточнил свой вопрос так: удалась ли Хакселю смягчить напряжение, вызванное языковой борьбой? Хаксель ответил, что эта задача не очень удалась, так как в Швеции очень нервничают по поводу происходящих в Финляндии событий. Он всячески успокаивал Сандлера, но эти успокоения не очень подействовали. Он, Хаксель, считает, что языковая борьба продлится не меньше 10—20 лет, пока оба языка займут здесь в Финляндии то положение, которое им надлежит занимать, считаясь с соотношением населения. По его мнению, шведы в Швеции гораздо более волнуются, чем шведы в Финляндии, хотя и здесь имеется много «крикунов, которые излишне обостряют борьбу».

Далее я спросил, обсуждались ли проблемы экономического порядка. Хаксель ответил утвердительно и прибавил, что ему и министру земледелия Ютила, который в это время был тоже в Стокгольме, пришлось очень много поработать над этими вопросами, и в частности над вопросом об экспорте финского мяса в Швецию. К сожалению, шведы со своей стороны не все подготовили, в результате чего пришлось много вопросов отложить до приезда Сандлера в Гельсингфорс. Этот приезд состоится в апреле, если к тому времени в Женеве ничего не выйдет. Если же Сандлеру придется поехать в Женеву, то тогда он приедет в Гельсингфорс только в мае.

---

* См. док. № 21, 40.

Я спросил Хакселя, как он смотрит на обострение борьбы между сеймом и правительством, обострение, которое имеет место последние дни, и действительно ли можно считаться с возможностью роспуска сейма, о чем сейчас говорят. Хаксель ответил, что дело обстоит не так страшно и что, по-видимому, будет найден компромисс между финляндским правительством и сеймом в вопросе об экономическом совете, который является сейчас основным яблоком раздора. Он не думает, что дело может дойти до отставки правительства или до роспуска сейма.

Покончив с информационной частью своего визита, я выразил свой протест по поводу некоторых мест в учебнике истории, принадлежащем перу министра просвещения Мантере. Я отметил, что инкриминируемые места (выписку я передал Хакселю) являются образчиком антисоветской пропаганды, не допустимой вообще и в частности не допустимой со стороны члена правительства, на обязанности которого к стати лежит воспитание юношества. Что в таком случае можно требовать от газетчиков, если министр просвещения сам занимается такой пропагандой. Я сказал, что в Москве обратили внимание на этот учебник, и вновь повторил, что такие вещи абсолютно не допустимы. Хаксель был смущен и согласился со мной, что действительно это недопустимая вещь.

Я поднялся с тем, чтобы уйти. Тогда Хаксель, задержав меня, сказал, что ему весьма неловко, так как он-де обещал мне сейчас же после возвращения из Стокгольма передать проект модус вивенди*. К сожалению, отдел торговой политики и трактатная комиссия работают очень медленно, в особенности в последнее время, когда они загружены каждодневными запросами, поступающими от финской делегации, ведущей торговые переговоры в Берлине. Там дела подвигаются довольно хорошо. Обе стороны пошли на известные взаимные уступки, и можно считаться с тем, что договор будет скоро подписан. Он всячески торопит трактатную комиссию и надеется, что через несколько дней он сможет вручить мне этот проект.

Я выразил удивление по поводу того, что трактатная комиссия так долго изучает вопрос, хотя дело идет о наибольшем благоприятствовании, и ни о чем больше. Хаксель подтвердил, что речь идет только о наибольшем благоприятствовании, но добавил, что трактатная комиссия проверяет весь список товаров и в отношении каждого изучает вопрос о том, возможно ли в отношении этого товара применение наибольшего благоприятствования. Он еще раз сказал, что всячески торопит прохождение этого вопроса.

---

* См. док. № 73.

Я сказал, что буду ждать его вызова, когда все будет готово⁷⁵.

Хаксель сообщил мне, что Ирве-Коскинен на днях приезжает сюда, но что он хочет вернуться в Москву к моменту приезда журналистов туда*. Я сказал, что, возможно, и я поеду на несколько дней по делам в Москву и что если к этому времени проект модус вивенди будет готов, я смогу в Москве обсудить его с подлежащими инстанциями.

Штейн

Печат. по арх.

75. Сообщение ТАСС о конфликте между советскими и японскими хозяйственными органами

9 марта 1934 г.

В связи с конфликтом, возникшим в настоящее время между советскими и японскими хозяйственными органами при проведении рыболовных торгов во Владивостоке, и ввиду неправильного освещения этого конфликта в органах японской печати, ТАСС уполномочен сообщить нижеследующее:

В 1931 г. Советское правительство в целях облегчения взноса арендных платежей, причитавшихся с японских фирм за рыболовные участки, согласилось на прием этих платежей облигациями Акционерного камчатского общества по курсу 32½ сены за рублевую облигацию АКО.

24 апреля 1931 г. заместитель народного комиссара по иностранным делам Л. М. Карахан вручил японскому послу в Москве г. Хирота письменное заявление по этому вопросу, в котором указывалось, что:

«Союзное Правительство, в соответствии с предложением Сндэхара о 32½ сенах, идет на дальнейшую уступку и соглашается установить временный сниженный курс облигаций в 32½ сены с тем, что Правительства будут продолжать свои переговоры об установлении окончательного курса»**.

Как с совершенной неоспоримостью явствует из этого заявления, курс, установленный соглашением 1931 г.***, был курсом, времени установленным, исходя из того, что правительства будут продолжать переговоры «об установлении окончательного курса».

С другой стороны, следует отметить, что это временное соглашение, фиксирующее курс облигаций АКО в 32½ сены, было заключено, когда японская нена имела вполне устойчивую твердую стоимость. Однако в дальнейшем, после

* См. док. № 55.

** См. т. XIV, док. № 128.

*** См. т. XIV, док. № 126.

отмены твердого курса японской иены по отношению к золотым валютам, курс японской иены систематически снижался, и золотая стоимость иены составляет в настоящее время всего 40% прежней ее стоимости.

Вследствие этого обесценения иены советские хозяйственные организации, сдающие в аренду японским фирмам рыболовные участки, получают в действительности при реализации японской валюты на твердые валюты менее половины установленной арендной платы. В то время, как соглашение 1931 г. предусматривало уплату за рублевую облигацию АКО 32½ сены в устойчивой валюте, японские рыбопромышленники в последнее время стали вносить 32½ сены в обесцененной валюте, уплачивая всего лишь 12 сен в золотой валюте. Так как продукция японского рыболовства в советских водах имеет главным образом экспортный характер, то японские фирмы одновременно благодаря падению курса иены выручали в бумажных иенах чрезвычайно высокие пены, обеспечившие удвоение их прибылей. Ввиду этого советские хозяйственные организации, терпевшие все более и более крупный ущерб от обесценения иены, в конце декабря 1933 г. заявили японским рыболовным фирмам о том, что уплата ими 32½ бумажных сен не соответствует соглашению 1931 г. и что курс должен быть повышен до 75 бумажных сен за облигационный рубль АКО⁷⁶. Однако японские фирмы отклонили переговоры, ссылаясь на то, что соглашение 1931 г. имело характер соглашения между правительствами. Представители японского правительства во Владивостоке и в Москве заняли аналогичную позицию*. Советское правительство хотя и считало, что данный вопрос является чисто коммерческим вопросом, который с наибольшим успехом мог бы быть разрешен в переговорах между заинтересованными японскими и советскими хозяйственными организациями, согласилось в дальнейшем с точкой зрения японского правительства и изъявило готовность вступить для урегулирования спора, возникшего между хозяйственными организациями, на путь переговоров между правительствами**. Советское правительство при этом указало, что оно не считает себя более связанным временным соглашением, заключенным в 1931 г. о курсе АКО, и считает необходимым установить новый курс в бумажных иенах. Претензия японской стороны считать курс в 32½ сены не временным, а постоянным курсом является абсолютно необоснованной. С другой стороны, совершенно неправильны попытки японской стороны игнорировать разницу между твердой иеной 1931 г. и обесцененной иеной 1934 г., в особенности принимая во внимание, что

---

* См. док. № 66, 163.

** См. док. № 72.

речь идет не о выплате по старым обязательствам, а о курсе платежей, связанных с новыми коммерческими операциями 1934 г.

Заявив японским рыболовным фирмам о пересмотре старого курса, советские хозяйственные органы на торгах во Владивостоке, открывшихся 20 февраля, согласились, однако, пойти навстречу японским фирмам и принять залоговые платежи, причитающиеся с участников торгов по старому курсу в $32\frac{1}{2}$ сены, оставив за собой право рассматривать эти платежи как авансовые. Японские фирмы отвергли это компромиссное предложение советской стороны и таким образом исключили себя из числа соревнователей на торгах. Согласившись затем на участие в дополнительных торгах на основе предложенного советской стороной компромиссного решения, японские фирмы в последний момент решили не принимать участия в первой стадии дополнительных торгов и добиваться признания действительности старого курса, уже отмененного жизнью.

Советское правительство, занимающее и теперь позицию благожелательного отношения к обеспечению за японскими фирмами рыболовных участков, в которых они заинтересованы, не может, однако, придавать значение попыткам японских фирм игнорировать состоявшееся денонсирование временного соглашения 1931 г.

Как с полной очевидностью вытекает из сказанного, временное соглашение 1931 г., в котором не было предусмотрено никаких предварительных сроков для денонсирования, потеряло свою юридическую силу с момента заявления Советского правительства, сделанного 2 марта с. г. замнаркоминделом Г. Я. Сокольниковым японскому послу в Москве Ота*.

Согласившись с настояниями японского правительства о том, что изменение курса 1931 г. требует переговоров между правительствами, и приняв все возможные меры для удовлетворения законных интересов японских фирм на происходящих во Владивостоке торгах, Советское правительство дало новые доказательства своей готовности разрешить наиболее миролюбивым образом вопрос об обеспечении интересов советских хозяйственных организаций, несущих убытки от падения курса японской иены. Вполне законно выразить недоумение и сожаление по поводу того, что с японской стороны делаются попытки обострения этого хозяйственного спора и превращения его в конфликт политического значения.

*Печат. по газ. «Известия» № 55 (5305),
9 марта 1934 г.*

* См. док. № 72.

**76. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностран-
ных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в
Монгольской Народной Республике С. Е. Чуцкаеву**

13 марта 1934 г.

Сообщаю решения по вопросам, поставленным Менде*, о которых информируйте Гендуна**: 1) о промкомбинате: остается в силе прежнее решение о его достройке и пуске. Расход по достройке предусмотрен монгольским бюджетом. Если средств будет недостаточно, вопрос будет рассматриваться дополнительно. 2) Подготовка кадров для промкомбината: Наркомлегпром обязуется подготовить на своих предприятиях до 60 квалифицированных рабочих и младшего технического персонала, часть из них будет впоследствии отобрана для подготовки инженеров. Все расходы относятся за счет бюджета СССР***. 3) Об экспедициях: оборудование для колодцев на сумму 150 000 руб. отпущено и отгружается. Вопрос о работе других экспедиций будет решен дополнительно. 4) О дорожном строительстве: Цудортрансу предложено отпустить Минторгпрому разных дорожных машин на сумму 300 000 руб. Участок Монды — Турту будет строиться техническими средствами Цудортранса. Вопрос о расчетах должен быть разрешен Минторгпромом с Цудортрансом непосредственно. 5) Передача хатхыльской шерстомойки Минторгпрому отложена до окончания осенней промывки шерсти. Разъясните, что на советские товары снижены только спецнадбавки на чай, сахар, папиросы в среднем на 50%; на киттовары 75%. Никакого обещания снизить цены на советские товары на 50% дано не было и подобный вопрос не ставился. 6) Принято также решение по развитию национальной культуры: посылается за наш счет киноэкспедиция для съемки двух массовых фильмов⁷⁷. План съемки и сценарий будут согласованы на месте. Доклад Сталина на XVII съезде переведен на монгольский язык, будет напечатан тиражом 5000 экземпляров и в ближайшее время выслан. Передвижной аппаратуры для записей на граммофонные пластинки нет; будет не ранее осени. Тогда будет решен вопрос о посылке специалистов.

Замнаркоминдел

Печат. по арх.

* Министр торговли и промышленности МНР.

** Председатель совета министров и министр иностранных дел МНР.

*** См. док. № 142, 176.

**77. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР
Полиномочному Представителю СССР в США А. А. Троя-
новскому**

14 марта 1934 г.

Вследствие болезни я только сегодня принял в первый раз по его приезде Буллита, и то у себя на квартире и лежа. На мой вопрос, обсудил ли он с Рузвельтом какие-либо вопросы, связанные с Дальним Востоком, Буллит ответил, что положение, конечно, обсуждалось, но никаких конкретных мер не намечено. По сведениям американцев, Япония не будет нападать на нас этой весной, отчасти испугавшись наших военных приготовлений, а отчасти опасаясь вмешательства в войну Америки. Но, как ему говорил в Вашингтоне какой-то японец⁷⁸, какой-нибудь японский командир может внезапно перейти Амур и этим создать военную обстановку. Японцы до сих пор добиваются от Америки пакта о ненападении, но Рузвельт будто бы намерен предложить им включить в пакт СССР и Китай, но без признания Маньчжоу-Го. Говорил Буллит также о возможности тихоокеанского пакта о ненападении* с участием Америки, Англии, Франции, Голландии, СССР, Китая и Японии, каковой пакт будет, вероятно, Японией отклонен. На мой вопрос, предполагает ли Америка сделать такое предложение тихоокеанским странам, Буллит вразумительного ответа не дал. Ничего интересного Буллит не сообщил, но все же ясно стало, что Америка не намерена выступать ни с какими новыми предложениями по собственной инициативе.

Спрашивал Буллит, намерены ли мы добиваться участия в морской конференции 1935 г.** и не сочтем ли мы нужным для этого заранее объявить какую-нибудь большую программу морского строительства и этим побудить пригласить нас на конференцию. Я высказал сомнение в осуществимости конференции ввиду известной позиции Японии. Кроме того, я сказал, что нынешнее состояние наших морских сил доведено до сведения конференции по разоружению***, а провозглашение новой большой программы может дать повод японским милитаристам ускорить войну с нами.

На поставленный мною вопрос о рельсах Буллит ответил, что рельсы имеются, о них осведомлен Богданов**** и что дело надо провести через новый банк. Этот ответ дал мне повод перейти к вопросу о претензиях, причем выяснилось, что Буллит не видел проекта письма, которое госдепартамент

* См. док. № 84, 399, 436.

** См. док. № 240.

*** См. т. XVI, прим. 144.

**** Председатель правления «Амторга».

предлагал Вам подписать. Я тут же вручил Буллиту копию этого письма.

Я заявил, что этот проект меня очень огорчил и смутил, ибо он является попыткой радикально изменить ту базу соглашения, на которой мы с Рузвельтом сошлись*. Я приветствую предложение о переводе переговоров в Москву, так как и Буллит и я в курсе всего того, что говорилось в Вашингтоне с президентом**. Мои возражения против письма сводятся к следующему:

1) Я неоднократно указывал президенту на нежелательность создания прецедента, который попытались бы использовать другие страны — кредиторы, с которыми у нас имеются претензии о наибольшем благоприятствовании в вопросе о претензиях. Я соглашался на практическое разрешение проблемы американских претензий, но не имел в виду оформить это в каком-либо документе, вроде того письма, которое госдепартамент предложил Вам подписать. Мы особенно должны быть осторожны теперь, когда Япония может использовать прецедент, чтобы поставить вопрос о своих претензиях и сорвать наши переговоры о продаже КВЖД. Правда, долги Керенского имеются только в Америке, но юридически нелегко будет доказывать другим странам исключительный характер этих долгов. Кроме того, в проекте письма говорится не только о долге Керенского, но и о претензиях частных лиц.

2) Я соглашался лишь на 75 млн. долл. и обещал в случае невозможности убедить президента в справедливости и достаточности этой суммы, предложить моему правительству повысить сумму до 100 млн. Сам президент говорил, что не сможет провести через парламент сумму меньшую 100 млн., и этим давал понять, что на 100 млн. можно сойтись. Я еще не потерял надежды убедить Буллита здесь или через Вас президента в достаточности 75 млн. Я теперь более основательно изучил дело и пришел к заключению, что по долгу Керенского Америка, в сущности, не вправе требовать от нас ни одного цента. У нас имеются бесспорные документы, доказывающие, что не то в 1919, не то в 1920 г. в распоряжении Бахметьева*** и Угета**** имелось американских материалов на сумму в 160 млн. долл., из которых в СССР не попало абсолютно ничего⁷⁹. Я не думаю, чтобы президент или какой бы то ни было здравомыслящий человек мог требовать от нас оплату материалов, отправленных Колчакам и Врангелям для борьбы с нами. Кто-то из госдепартамента даже заговаривал о золотых

---

* См. т. XVI, док. № 361.

** См. т. XVI, док. № 360, 367.

*** См. т. III, прим. 59.

**** См. док. № 87.

долларах. Буллит должен помнить, что у нас все время шла речь о долларах, а отнюдь не о золотых.

3) Когда мы говорили об уплате определенной суммы, никогда не упоминались проценты на эту сумму, а теперь нам предлагают еще платить 5% в год.

4) Но гораздо важнее упоминание в письме не только займов, но и кредитов, даже таких, которые нам будут предоставлены не правительством, а частными лицами. Я говорил с президентом о займе, и только это слово и фигурирует в джентльменском соглашении, запись которого у президента сохранилась. Я утверждаю, что ни разу не упоминалось слово «кредиты». Говорилось о возможности зачета в счет займа некоторой суммы замороженных в Германии кредитов, но, поскольку нам предстоит платежи в Германии наличными, можно было считать замороженные кредиты частью займа. Вместо этого нам предлагают теперь обложение всех наших закупок в Америке определенным и довольно высоким процентом. На это мы согласиться не можем. Невыгодно это и для Америки, ибо это обложение сделает ее неконкурентоспособной. Мы предпочтем те же товары покупать в странах, где они не обложены специальным налогом на возмещение старых претензий. На примере рельс уже видно, как эта попытка может на долгое время совершенно застопорить торговлю между нами и Америкой*.

5) Наконец, госдепартамент делает попытку обязательного обложения в размере добавочных 10% к нормальной ставке. Буллит должен помнить, что на моем совещании с ним и с Моргентау** максимальное требование последнего сводилось к 10%, включающим и нормальную ставку, но я и на это не соглашался, предложив лишь 7%.

Буллит обещал еще раз изучить письмо госдепартамента и вернуться к этим вопросам через пару дней***. Он тут же признал основательность моих соображений относительно нежелательности создания прецедента, отсутствие в наших переговорах упоминания о золотых долларах и серьезность моего сообщения об использовании Бахметьевым и Уетом американских кредитов. Он, однако, полагает, что между нами с самого начала существует большое недоразумение по вопросу о кредитах и займах. Говорилось, правда, о займе, но Рузвельт и он сам имели в виду товарные кредиты. Им в голову, мол, не приходило, что мы можем ожидать получения займа наличными, которыми мы могли бы распорядиться вне Америки. Для нас должно быть безразлично, получаем ли мы заем или кредиты, поскольку мы все равно должны покупать

* См. док. № 67.

** См. т. XVI, док. № 373.

*** См. док. № 84.

товары в Америке. Что же касается процентной ставки, то мы и в Англии, в Германии и в других странах платим по кредитам 15% и больше*.

Я ответил, что не мог знать, что имел в виду Рузвельт, поскольку слово «заем» является вполне определенным экономическим понятием, и я своему правительству сообщил о займе, а не о кредитах. Я не стану дискутировать вопрос о процентах, которые мы платим в других странах, но я могу сообщить, что мы впредь не намерены платить лишних процентов и поэтому сокращаем свой импорт до минимума. Если мы не сможем получать кредиты на разумных условиях и процентах, то предпочтем обходиться без них. Мы, однако, теперь уже имеем возможность получать не только кредиты, но и займы из 5¼%. Во всяком случае, вопрос о претензиях, очевидно, не может быть так легко и быстро разрешен, и поэтому предложил бы освободить вопросы о торговле от зависимости от проблемы претензий.

Буллит заметил, что я ослабел, что мне трудно продолжать разговор и поспешил удалиться.

Когда Буллит убедится в невозможности уступок с нашей стороны, он предпочтет, вероятно, вновь передать вопрос о претензиях на разрешение Вашингтона, и сделанные ему возражения будут для Вас указаниями для ведения дальнейших переговоров.

Литвинов

ПРИЛОЖЕНИЕ

Проект письма, врученный 20 февраля 1934 г. заведующим Восточно-европейским отделом госдепартамента США Келли А. А. Трояновскому**.

«Имею честь сослаться на переговоры между Президентом Соединенных Штатов и Комиссаром по Иностранным Делах моего Правительства по вопросу об урегулировании долгов и претензий и на последующие беседы по этому вопросу и сообщить Вам, что для полного урегулирования задолженности прежних правительств России Правительству Соединенных Штатов и его гражданам, а также всех претензий граждан Соединенных Штатов к моему Правительству, возникших до 16 ноября 1933 г., за исключением претензий, возникших из контрактов на услуги, товары, снабжение или материалы, заключенных между моим Правительством или его агентами и американскими гражданами, мое Правительство уплатит вашему Правительству в валюте Соединенных Штатов сумму в сто пятьдесят миллионов долларов (150 000 000 ам. дол.) плюс проценты, по схеме, указанной ниже, с таким расчетом, чтобы платежи были закончены в течение двадцати (20) лет.

На все кредиты или займы, которые будут предоставлены моему Правительству или любому из его агентств вашим Правительством, его гражд-

* Отрицая право Америки требовать уплаты в золотых долларах, Буллит объяснял требование 150 млн. долл. фактическим падением доллара и отсутствием перспектив его повышения.— *Прим. док.*

** См. также док. № 167.

данами или любимыми их представителями мое Правительство уплатит, сверх суммы или процентов, указанных в договорах по каждой отдельной сделке, добавочную сумму, которая в дальнейшем будет обозначаться как «добавочный процент», а именно десять (10) процентов годовых на соответствующую сумму, лежащую в основе договорных сумм или процентов. Этот добавочный процент должен быть уплачен в соответственно равные сроки с предусмотренными договорами суммами или процентами. Добавочный процент должен быть уплачен вашингтонскому Экспортно-импортному банку или любому агентству или агентствам, назначенным вашим Правительством, и внесен на счет казначейства Соединенных Штатов для покрытия в первую очередь процентов на вышеозначенную сумму в сто пятьдесят миллионов долларов (150 000 000 ам. дол.), и после этого для погашения основной суммы.

Кредит или заем будет считаться открытым на вышеуказанных условиях, как только будет открыт неотзывной кредит или будет предоставлен заем.

От времени до времени, в случае требования, мое Правительство будет передавать вашему Правительству сводку о всех кредитах или займах, предоставленных ему гражданами вашего Правительства.

Указанная выше сумма в сто пятьдесят миллионов долларов (150 000 000 ам. дол.) будет приносить проценты из расчета 5% годовых, начиная с 1 июля 1934 г., уплачиваемых полугодишно, 1 января и 1 июля каждого последующего года. Проценты, которые остаются неуплаченными в указанные выше сроки, должны быть причислены к основной сумме и впоследствии на них будут начисляться проценты по той же норме.

Указанная выше сумма в сто пятьдесят миллионов долларов (150 000 000 ам. дол.) не включает, а является добавочной к активам, которые предоставлены или переданы Соединенным Штатам.

Мое Правительство отказывается от всяких требований или претензий со своей стороны или со стороны его граждан к Соединенным Штатам или их гражданам».

Письмо и приложение печат. по арх.

78. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Представителю СССР в Чехословакии С. С. Александровскому

14 марта 1934 г.

На Ваше письмо от 8 марта 1934 г.⁸⁰ В случае, если Бенеш вручит Вам проект торгового договора, примите таковой, сделав заявление, состоящее из двух частей:

1) Подчеркните, что правительство еще не обсуждало вопроса о торговых переговорах с Чехословакией и поэтому Вы вручение Вам проекта рассматриваете как особую форму предложения о переговорах;

2) Добавьте от себя лично, что, не предпринимая решения Москвы, Вы лично считаете, что до установления между ЧСР и СССР дипломатических отношений для переговоров отсутствуют достаточные предпосылки*.

Крестинский

Печат. по арх.

* См. док. № 80.

79. Письмо Полномочного Представителя СССР в Норвегии члену Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Б. С. Стомоянкову

14 марта 1934 г.

Уважаемый Борис Спиридонович,

Об иске к торгпредству общества «Атлас»⁸¹. Ваша нога по этому вопросу была получена здесь 26 февраля и 27-го занесена мною в МИД для вручения самому Мувинкелю. Но ввиду нахождения Мувинкеля в стортинге мне пришлось передать ее Эсмарку, который, выслушав мои устные разъяснения, обещал довести их до сведения Мувинкеля вместе с ногой. Ближайший после этого очередной прием у Мувинкеля выпал (как это часто бывает во время сессии стортинга), благодаря чему с Мувинкелем мне удалось поговорить лишь 7 марта. К аргументам, согласованным с Вами по этому вопросу перед моим отъездом из Москвы, я в заключение беседы прибавил еще то, что если МИД не исправит своего разъяснения (о подсудности торгпредства) и суд состоится, то вероятным, на мой взгляд, последствием явится то, что Совфрахт и «Дерутра» откажутся впредь фрахтовать норвежский тоннаж за наименее контор в Норвегии, а торгпредство наше не может мириться с тем, что вопреки торговому договору* и многолетней практике его будут привлекать к материальной ответственности, несмотря на специальную оговорку при чартировании судна о том, что оно (торгпредство) подписывает договор лишь как агент.

Этот аргумент не от юриспруденции, а от практики, по-видимому, оказал воздействие на Мувинкеля (ведь он сам судовладелец). Несмотря на то, что в начале беседы он мне заявил, что ответ на нашу ногу, согласно неблагоприятному для нас заключению их юрисконсульта, уже готов и будет нам послан, причем он откровенно признался, что, будучи не юристом, в тонкостях вопроса о подсудности плохо разбирается, выслушавши мой последний аргумент, он призадумался и предложил мне свести наших обоих юристов в целях приискания какого-нибудь модус вивенди. Я, конечно, дал на это свое согласие, и на следующий же день юрисконсульт торгпредства Ханстеен имел беседу с профессором Каспером, которая, однако, не привела к желательным результатам (запись этой беседы при сем препровождаю**).

О неудовлетворительном результате свидания двух наших юристов вчера я сообщил Эсмарку, ввиду отсутствия Мувинкеля в министерстве. От дальнейших выводов и предложений

* См. т. VIII, док. № 410.

** Не публикуется.

я, конечно, воздержался (Мувинкель и Эсмарк были вчера у меня на обеде, но разговора об этом никакого не было).

Дело представляется мне так, если, узнавши о неудаче этой предложенной им же комбинации, Мувинкель не примет мер к изменению позиции МИД, то нам нужно сделать так, чтобы суд, который «независимо» от МИД будет назначен на днях, имел бы нашу аргументацию, отводящую подсудность торгпредства. Торгпредство имеет на случай суда уже инструкции от НКВТ. Они заключаются в том, чтобы наш адвокат покинул бы заседание суда, если его заявление о неподсудности не будет судом уважено и будет решено рассмотрение дела по существу.

Мне не известно, согласована ли с Вами эта тактика, так как от Вас я ничего не имею, но эту директиву нахожу по существу целесообразной. Даже более, для того, чтобы суд в начале же обсуждения формальной стороны вопроса получил бы ясное понятие о нашей позиции, я решил снабдить нашего юриста письменной справкой полпредства, содержащей наше толкование спорного вопроса на основе торгового договора и многолетней здешней практики. Копию этой справки я Вам прилагаю*. Ведь раз сам Мувинкель «не юрист» в толковании торгового договора, то, очевидно, те двое судей (из троих), которые будут разбирать этот вопрос (по моим данным — оба судовладельцы), для решения формального вопроса о подсудности должны иметь не только устное заявление нашего юриста, но и письменное заключение полпредства, логически вытекающее из торгового трактата. Важность для нас этого первого процесса заключается еще в том, что он, имея объектом иск в размере 25 тыс. крон, является по порядку первым в целой серии аналогичных исков к торгпредству, общей стоимостью свыше 200 тыс. крон. И конечно, формальное постановление суда о подсудности торгпредства по этому первому иску будет прецедентом для последующих, пока нам не удастся добиться пересмотра их в норвежском верховном суде. Вот почему я счел необходимым снабдить нашего юрисконсульта Ханстеена письменной справкой полпредства, которую он, в случае надобности, мог бы огласить на суде. Зная по практике беззаботность местных властей в вопросах юридического порядка и расплывчатость устных формулировок, я решил прибегнуть к этому новому для меня средству. К сожалению, отсутствие времени не дало мне возможности согласовать этот вопрос с Вами.

О сотрудничестве северных стран. Интересующий Вас вопрос о скандинавско-балтийском сотрудничестве, хотя и не облекается пока в конкретные формы, не сходит,

---

* Не публикуется.

однако, со страниц прессы, а стало быть и жизни Севера. Как видите из прилагаемой сводки (стр. 14) *, этому вопросу было уделено много внимания на происходившем на днях в Стокгольме очередном празднике северных стран. Не является ли это показателем жизненности этого лозунга в переживаемых условиях, несмотря на то что ни одна из стран или партий не может предложить подходящих конкретных форм для претворения его в жизнь.

Небезынтересно то, что министр иностранных дел Швеции Сандлер, выступавший на указанном празднике, братался с Мувинкелем, признавая обоснованными и назревшими выступления последнего в пользу идеи сотрудничества. Но пока что братаются партии (норвежская рабочая партия с аналогичными партиями прочих Скандинавских стран), братаются министры, братаются докладчики разных стран по этому вопросу (известные Вам выступления проф. Олина⁵²), а воз и ныне там.

О финских «легендах». После моего возвращения сюда из Москвы мне не приходилось больше встречать в прессе новых откликов на финские побасенки о «шпионаже» и об апокрифических «самолетах» **. Что касается, в частности, последних, то мне передавали из области ходивших здесь толков, что с ними (самолетами) был связан приезд сюда в начале февраля из Стокгольма японского посланника, которому якобы было поручено зондировать здесь почву для покупки на севере Норвегии острова или другой подходящей территории в целях устройства авиационной базы на случай столкновения с нами. Очевидно, в связи с этим общественная молва вновь стала приписывать тантвенные аэропланы не нам, а японцам. Как Вам известно, на первой стадии этой мистической эпопеи аэропланы считались японскими; во второй — иашими, ну а теперь — сиова японскими. Об этих толках считаю не вредным Вас попутно информировать.

Поездка норвежских конькобежцев в Москву ***. Этот вопрос было бы правильнее озаглавить как «трехзвездие отважных», так как тройка отважных конькобежцев в лице Балангруда, Стаксруда и Энгнестангена имела в момент своего отъезда против себя прессу всех направлений (конечно, буржуазную). Я увереи, что предстоящее падение правительства Мувинкеля не вызовет такой повальной сенсации, как старт в Москве членов буржуазного союза конькобежного спорта. Для нас же вся эта история выгодна постольку, поскольку она пробила брешь в буржуазном союзе конькобежцев, метавшем вначале гром и молнии по адресу уезжавших, а теперь старающемся замести следы. Судя по вы-

* Не публикуется.

** См. док. № 32.

*** См. газ. «Известия», 11, 12, 30 марта 1934 г.

ступлению газет после старта в Москве, можно с уверенностью сказать, что популярные конькобежцы не только не будут дисквалифицированы на всю жизнь, но приобретут еще большую пожизненную популярность. Как я Вам телеграфировал⁸⁶, в день отъезда они были у меня и обещали по возвращении также зайти ко мне и передать свои впечатления о Советском Союзе. Было бы крайне интересно получить здесь кроме официальных газетных сообщений информацию Всесоюзного Совета физической культуры о пребывании их в Союзе. Обращаю Ваше внимание по этому вопросу на Приложение № 1 «Спортивная Норвегия волнуется» (к сводке)*.

О гренландских активистах. Прилагаю Вам материал по этому вопросу (Приложение № 3⁸⁴). Нахожу, что в данный момент вопрос этот для нас не должен быть объектом специального внимания, так как разоблачения «Арбейдербладет» от 24 февраля 1934 г. никакого отклика ни в прессе, ни в общественном мнении не вызвали и по существу мало нового внесли в то, что было всем известно. Конечно, материал этот сам по себе является интересным и его мы должны иметь в виду для использования в подходящий момент. Но сейчас ни Норвегии, ни нам пока не до этого.

О закупке сельди. По этому вопросу идут переговоры между торгпредством и министерством торговли о приобретении нами 50 тыс. бочек сельди (норвежцы предлагают 100 тыс.) взамен продажи норвежцам 35 тыс. т ржи (август — декабрь) и 20 тыс. т пшеницы (сентябрь — декабрь). На запрос торгпредства о ценах на продаваемый нами хлеб НКВТ просил повременить с ответом ввиду затруднений выяснения базисных цен по ржи. Можно рассчитывать на успех этой операции по получении ответа от «Экспортхлеба», но нужно сказать, что отказ наш от покупки сельди в прежних размерах вызвал в Норвегии изрядный катцен-яммер**. Это настроение было выражено Мувинкелем в недавнем его докладе в союзе промышленников о торгово-политическом положении Норвегии. Говоря о торговле с нами, докладчик заявил, что «в последнее время эта торговля принесла Норвегии большие разочарования...»***. Привожу дословно его заключительную фразу по этому вопросу: «это разочарование относится, главным образом, к нашему рыбному экспорту, закупки по которому Россия не пожелала возобновить в этом году, так как к ней усиленно сватаются другие рынки». Реферат означенного доклада Мувинкеля приведен в прилагаемой сводке № 5, стр. 12—14****.

* Не публикуется.

** — горькое разочарование (нем.).

*** Многоочие в тексте.

**** Не публикуется.

О смене правительства. За последние дни в связи с окончанием работ специального комитета стортинга по внесенным в стортинг кризисным программам норвежская пресса вновь подняла шум о предстоящем падении правительства Мувинкеля. В связи с этим правые снова взяли на себя миссию защитников буржуазного парламентаризма и просили Мувинкеля дать согласие на коалицию. Но Мувинкель оказался неумолимым. Тем же временем правое крыло крестьянской партии, солидаризирующееся с рабочей партией, в своем требовании повышения выгодности сельского хозяйства давало понять (судя по прессе), что по этому вопросу оно готовит правительственный кризис. Но в результате всей этой шумихи теперь выясняется, что «норвежская рабочая партия и крестьянская партия еще друг друга не нашли» (т. е. не сговорились)...* Ясно одно, что смены правительства, по крайней мере до конца пасхальных каникул, ожидать не приходится и что Мувинкелю и на этот раз удалось выявить свою искусную технику управления буржуазным парламентом. Газеты цитируют его заявление, полное юмора победителя: «прошлый раз меня свалили на маргарине (известная Вам история с Унилевером), а сейчас меня пытаются свалить на крестьянском масле!» (повышения цен на масло добивается крестьянская партия).

Прав «Нашунен» (орган крестьянской партии) в том, что мало надежды на общее выступление буржуазных партий, но к этому газета прибавляет то, что сейчас не может быть уверенности в правительственном кризисе, так как в крестьянской партии никто не знает, будет ли рабочая партия голосовать за предложение крестьянской партии (а ведь в этом единственная предпосылка к поражению Мувинкеля). Газета меланхолично заканчивает тем, что Мувинкель останется сидеть непоколебимо на своем месте благодаря «широте своей тоги» и тем самым требование крестьянской партии о повышении выгодности сельского хозяйства не найдет никакого отклика. И если после пасхальных каникул норвежская рабочая партия не выявит большей воли к власти и умения перетянуть к себе часть голосов крестьянской партии, то Мувинкеля свалить будет очень трудно.

О дипсезоне. 12 марта у меня был обед, данный дипломату, представителям двора и правительства. Впервые был у нас американский посланник с женой, а также и польский посланник с женой. От правительства были Мувинкель, Эсмарк с женами и Фосс, от двора — гофмаршал и секретарь королевской канцелярии с женами, кроме того, председатель верховного суда Поль Берг. Подробнее о вечере сообщает

---

* Многозначие в тексте.

т. Ананов. 17 марта будет обед во дворце, 21 марта — у поляков и 24-го — у американцев. Это кроме обычных чаев.

Как видите, сезон в разгаре.

Полпред СССР в Норвегии
А. Бекзадян

Печат. по арх.

**80. Телеграмма Представителя СССР в Чехословакии
С. С. Александровского Заместителю Народного Комиссара
Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому**

15 марта 1934 г.

Текст проекта торгового договора получу сегодня вечером. Бенеш только перечислил его основные пункты, так же как Фридман⁸⁵. На первую часть моего заявления, согласно Вашей телеграмме от 14 марта*, Бенеш ответил, что проект и предложение вступить в переговоры о торговом договоре нужно рассматривать как его инициативу. Ссылаясь на мой разговор с Фридманом, Бенеш считал признание де-юре настолько близким, что никакие промежуточные решения не имеют смысла. На вторую часть заявления ответил, что не хотел бы терять время, исходя из уверенности скорого урегулирования политических взаимоотношений, и хотел бы сопроводить признание по возможности подписанием торгового договора. На мой соответствующий намек Бенеш сказал, что для устранения возможных ложных впечатлений какой-нибудь зависимости признания от торгового договора он предлагает считать политические переговоры открытыми, переговоры о торговом договоре как часть и вопрос, подлежащий урегулированию при нормализации взаимоотношений. Нормализация — вопрос, решенный для Чехословакии, однако в рамках Малой Антанты**. Задержка за Румынией, но Бенеш не сомневался, что решение последует быстро***.

При этом Бенеш не обязан дожидаться выполнения всех мелких формальностей между нами и Румынией. Он поэтому просит запросить Москву, желает ли она, чтобы Бенеш уже через неделю начал со мной параллельные с торговым договором переговоры о формальностях восстановления нормальных отношений, каковые представляются ему очень простыми из-за отсутствия спорных политических вопросов. Если да, то он набросает соответствующую программу.

У меня осталось впечатление, что Бенеш убежден в скором

* См. док. № 78.

** См. также док. № 48.

*** См. док. № 194.

признании и хочет, хоть на голову, опередить Румынию, Югославию в самом акте признания, а еще более в урегулировании экономических вопросов. Мое мнение: 1) вступить в переговоры о формальностях признания, попросить у Бенеша его программу; 2) принять предложение о торговых переговорах, дать понять, однако, что считаем в обоюдных интересах необходимым избежать и тени намека на какую-либо зависимость первого от второго; 3) задержать конкретное обсуждение проекта торгового договора до признания*.

Полпред

Печат. по арх.

81. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу

17 марта 1934 г.

Передается следующее директивное постановление:

«При условии, если японское правительство обяжется немедленно после проведения владивостокских торгов на рыболовные участки начать переговоры о повышении курса облигаций АКО, мы соглашаемся на то, чтобы залоги при предстоящих торгах и дополнительная арендная плата за заторгованные на этих торгах японскими рыбопромышленниками участки за первое полугодие 1934 г. были внесены японскими рыбопромышленниками в ненах по старому курсу (32,5 сены за облигационный рубль) без оговорки об авансовом характере этих взносов.

Вместе с тем мы соглашаемся на предоставление японским рыбопромышленникам тех 42 участков, о которых просили наших владивостокских товарищей японский консул Ватанабэ и японские рыбопромышленники⁸⁶.

Юреневу поручается в переговорах с Хирота подчеркнуть, что мы, считая нашу позицию по вопросу о курсе юридически и экономически безупречной и рассматривая соглашение о курсе от 1931 г. ** как денонсированное, идем на уступку лишь в отношении платежей за первое полугодие 1934 г. Мы делаем это, чтобы облегчить позицию Хирота и устранить обострение в японо-советских отношениях.

Тов. Сокольникову поручается при сегодняшнем свидании с Ота ознакомить его с этим решением и сказать ему, что Юреневу поручено передать наш ответ Хирота⁸⁷.

Замнаркоминдел

Печат. по арх.

* См. док. № 83, 102.

** См. т. XIV, док. № 126, 128.

82. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР На- дольным

17 марта 1934 г.

На обеде у Надольного, где были Аттолико с женой, Чил-стон, Энгель * с женой и др., мы много говорили с Надольным о советско-германских отношениях. Надольный, как обычно, говорил о внешнеполитических ошибках гитлеровцев, неизбежных после переворота такого масштаба, об изживании этих ошибок руководителями национал-социалистов, и прежде всего Гитлером, о нашей предубежденности к гитлеровской Германии, предубежденности, объясняемой, по его мнению, прежде всего горечью из-за крушения наших надежд на то, что Германия будет вторым советским государством, о необходимости постепенно отряхиваться от пережитого и вернуться на рапалльский путь и, наконец, заявил, что он ввиду моего знания и опыта в области советско-германских отношений давно хотел спросить моего мнения и совета, что, собственно, следовало бы сделать, чтобы ускорить процесс восстановления советско-германских отношений и вновь установить доверие между обеими странами.

Я возражал Надольному, разъясняя, что основная причина недоверия нашей общественности кроется в резко анти-советской идеологии национал-социалистской партии. Устранить это недоверие можно только устранением причины, т. е. отказом Гитлера от всех высказанных им раньше антисоветских планов. При этом такой отказ может иметь значение только в том случае, если он будет сделан не в виде нового заверения в дипломатическом порядке, а в такой авторитетной публичной форме, которая не оставила бы сомнения во всей массе приверженцев Гитлера, что он действительно искренне меняет свою политическую установку в отношении СССР. Без такого акта, по моему личному мнению, недоверие к нынешней Германии не может исчезнуть из среды нашей общественности.

Надольный сказал, что такая декларация со стороны Гитлера невозможна. «Гитлер считает себя апостолом», — сказал с дискретной ** улыбкой Надольный. И он, Гитлер, не может, особенно теперь, вскоре после прихода к власти, признать публично, что он ошибался. Затем Надольный говорил, что дело не в отношении советской общественности к Германии, ибо внешнюю политику не только в СССР, но и в других

---

* Соответственно послы Италии, Великобритании и посланник Дании в СССР.

** — сдержанной (фр.).

странах делают не народы, а правительства. Вся беда в том, что советская пресса, а ею руководит Советское правительство, изо дня в день воспитывает наш народ в антигерманском духе. Тут Надольный привел ряд конкретных жалоб на выступления нашей прессы.

Я рассказал Надольному о чрезвычайном интересе нашей общественности, в частности рабочих, к Германии и к нашим отношениям с ней. Мне приходится выступать довольно часто с докладами, и из записок, которые я получал во время докладов, а эти массовые записки, к тому же анонимные, являются подлинным выражением общественного мнения, я знаю, что ни один внешний вопрос не интересует так нашу рабочую аудиторию, как германский вопрос. Если «Правда» и «Известия» уделяют много внимания тому, что происходит в Германии, то это происходит именно вследствие запроса читательской массы. Из записок, которыми аудитории забрасывают докладчиков, явствует, что этот запрос далеко не полностью удовлетворяется нашей прессой и что масса требует всегда дополнительной информации.

Надольный с большим любопытством слушал мои рассказы о докладах и о выявлении на них нашего общественного мнения по разным вопросам путем записок и выступлений из аудитории. Потом он много говорил о наших экономических отношениях, о большом разочаровании в Германии и о том, что оживление экономических отношений было бы хорошей предпосылкой для улучшения политических отношений. Ища моего сочувствия в этом деле, он апеллировал к моему авторитету, рассыпаясь в лести в связи с моей работой в Германии на посту торгпреда. Я соглашался с ним относительно значения экономических отношений в деле развития общих отношений, но в то же время указывал, что при сложившейся ныне ситуации не развитие экономических отношений должно быть предпосылкой улучшения политических отношений, а скорее наоборот — для нового развития экономических отношений было бы очень важно ускорить очищение политической атмосферы.

Мы много говорили еще с Надольным на международные темы, в частности об отношениях СССР и Германии с Польшей и Прибалтикой. Надольный говорил, что заключение нами пакта с Польшей* в свое время вызвало огорчение в Германии, но оно привело к заключению пакта с Польшей также и со стороны Германии. Ему непонятно, почему это вызвало недовольство и подозрительность в СССР, в то время как заключение такого пакта должно было бы приветствоваться,

---

* См. т. XV, док. № 300.

поскольку мы всегда выступаем за умиротворение, особенно вблизи наших границ*.

В остальном ничего интересного в беседе не было.

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

83. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Представителю СССР в Чехословакии С. С. Александровскому

17 марта 1934 г.

Чехословацкое правительство хочет получить от нас компенсацию в форме торгового договора за неизбежное уже восстановление дипломатических отношений. Поэтому оно хочет начать торговые переговоры до возобновления дипломатических отношений. Мы же, конечно, ничего за признание СССР Чехословакией платить не хотим и не stiamo. Поэтому до нормализации дипломатических отношений мы не начнем торговых переговоров. Скажите поэтому, что Вы посылаете врученный Вам проект очередной диппочтой и вернетесь к вопросу по получении ответа из Москвы**.

Печат. по арх.

Крестинский

84. Запись бесед Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом США в СССР Буллитом

18 и 21 марта 1934 г.

Буллит посетил меня сегодня в больнице для продолжения разговора от 14-го***. Он ничего нового не мог мне сообщить, так как не имел еще к тому времени ответа Рузвельта. После своего ухода он в тот же день прислал мне письмо с изложением ответа Рузвельта. Копия письма при сем прилагается⁸⁸.

Так как в письме говорится о дополнительном сообщении касательно пакта о ненападении****, то я пригласил Буллита к себе в больницу 21-го. Сообщил он мне, что Рузвельт против двусторонних пактов о ненападении, но что готов рас-

---

* См. док. № 11.

** См. док. № 82, 102, 113.

*** См. док. № 77.

**** См. также док. № 240.

смотреть вопрос об общем тихоокеанском пакте о ненападении, о котором Буллит мне говорил еще 14-го.

Оговорившись, что вопрос о тихоокеанском пакте у нас еще не обсуждался и что поэтому ничего официально не могу сказать, я высказал свое личное мнение, что подобный пакт может преследовать либо позитивную, либо негативную цель. Либо Рузвельт хочет добиться действительного принятия этого предложения, даже Японией, тогда вряд ли удастся избежать обсуждения вопроса о Маньчжоу-Го. Думает ли Рузвельт получить этот пакт ценою признания Маньчжоу-Го. Если же Рузвельт на это не пойдет, то надо считаться заранее с отклонением Японией пакта. Такой негативный результат также имел бы большое значение, но только при условии, если пакт будет принят всеми остальными тихоокеанскими государствами, кроме Японии. Я лично отнюдь не уверен, что пакт будет принят Англией и Францией. Думает ли Рузвельт предварительно зондировать эти страны и вообще намерен ли он выступить с предложением тихоокеанского пакта? *

Буллит ответил, что вряд ли Рузвельт собирается обратиться к державам с предложением о пакте. Он скорее склонен «выбрасывать идеи», чтобы их подхватывали другие государства и сделали из них надлежащее употребление. Так, например, он недавно «выбросил идею» об общем пакте о ненападении, не обращаясь с этим ни к кому в частности. По мнению Буллита, на Японию производит наибольшее впечатление то, что говорится одновременно с обоих берегов Тихого океана, и то, что будет заявлено нами в Москве и одновременно Рузвельтом в Вашингтоне, не сможет не иметь большого эффекта в Японии. Я вновь повторил, что я на эту тему не могу официально разговаривать, будучи сейчас лишен личного контакта с правительством.

На вопрос Буллита, как обстоит вопрос с урегулированием претензий, я сказал, что разногласия выявлены достаточно четко. Рузвельт говорил о займе и думал при этом о товарных кредитах с переложением 50% риска на поставщиков. Мы же говорили о займе и думали только о займе. В единственном имеющемся документе, именно записи беседы, сделанной самим Рузвельтом**, тоже говорится о займе, а не о кредитах. Это основное разногласие, но есть и другие. Мне остается сообщить об этих разногласиях правительству и предложить ему принять решение для ответа Рузвельту. Возможно, что правительство отложит решение до моего выздоровления и, может быть, до приезда Богданова. Одно, что я могу теперь же сказать совершенно решительно, это то, что

* См. также док. № 399, 436.

** См. т. XVI, док. № 361.

мы ни в коем случае не пойдем на товарные кредиты и будем настаивать, по крайней мере, на предоставлении в наше распоряжение хотя бы через Экспортно-импортный банк соответственной суммы, в счет которой могли бы расплачиваться с поставщиками наличными. Вопрос может лишь стоять о том, какую часть этой суммы мы сможем использовать вне Соединенных Штатов.

Буллит ответил, что если это так, то чем скорее мы сообщим ему ответ, тем лучше, чтобы скорейшим образом ликвидировать только что созданный банк. Совершенно ясно, что если эта сделка не состоится, то, согласно закону Джонсона, мы ничего покупать в Америке в кредит не сможем, а так как за наличные мы также не станем покупать, то речь идет о полном прекращении советско-американской торговли. Это не значит, что между нашими странами не может быть дружественных отношений, но, несомненно, такое положение вызовет во многих кругах разочарование или даже кампанию.

Я ответил, что нас вполне устраивали бы дружественные отношения без торговли, в особенности на тех условиях, которые нам теперь предлагают. Так как сам Буллит признает, что в Америке имеются круги, заинтересованные в торговле с нами, то я предложил бы отделить вопрос о торговле от сделки по урегулированию претензий. Буллит ответил, что закон Джонсона делает это невозможным. (Необходимо отметить, что закон Джонсона не вошел еще в силу. На всякий случай я запросил Трояновского о проверке на месте ссылок Буллита на этот закон *).

Был затронут также вопрос о червонцах для нужд посольства. Я сказал, что с Гринько еще не сносился, но что не представляю себе, чтобы он мог менять кому бы то ни было доллары иначе, чем по официальному курсу, а тем более по курсу черной биржи.

Литвинов

Печат. по арх.

85. Заключительный протокол германо-советских экономических переговоров⁸⁹

[20 марта 1934 г.]

I

Между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик устанавливается нижеследующая договоренность:

Платежи, подлежащие уплате со стороны СССР Германии в 1934 г., должны осуществляться следующим образом:

* См. док. № 112.

1) Согласованный Кредитным соглашением от 25 февраля 1933 г. * между двумя германскими Консорциумами банков, с одной стороны, и Государственным банком СССР и Торговым представительством СССР в Германии, Берлин, с другой стороны, при участии Германского правительства, так называемый 140-миллионный кредит, подлежащий погашению с мая по октябрь 1934 г., предоставляется на дальнейшие 14 месяцев в размере первоочередной суммы погашения — 85 млн. германских марок, сроки погашения каковой установлены в мае, июне и июле 1934 г. Дальнейшая частичная сумма кредита в размере 25 млн. германских марок из доли, подлежащей погашению в августе, также предоставляется Советской стороне на дальнейшие 14 месяцев, если она будет об этом ходатайствовать до 1 августа 1934 г. Предоставление кредита осуществляется на действующих до сих пор условиях с той мерой, что

а) указанная в § 1 Кредитного соглашения стоимость кредита составит 2,5% сверх дисконта Рейхсбанка;

б) гарантии, предоставленные в форме уступки контрактов и залога товаров, отменяются и, в случае необходимости, заменяются другими гарантиями, т. е. облигациями, и в дальнейшем при заложенных облигациях промышленных трестов и экспортных объединений отменяются гарантийные заявления внегерманских торговых обществ;

с) обязательства СССР в соответствии с § 6 Соглашения между Государственным банком СССР, Москва, и Торговым представительством СССР в Германии, Берлин, с одной стороны, и «Дейче банк унд Дисконто-гезельшафт», Берлин, с другой стороны, от 25 февраля 1933 г. не изменяются.

Советская сторона принимает к сведению заявление Германской стороны, что оба Консорциума банков дали свое согласие на вышеуказанное урегулирование. Обмен письмами между Консорциумами банков, с одной стороны, и Торговым представительством СССР в Германии, Берлин, и Государственным банком СССР, Москва, с другой стороны, в которых изложены вышеуказанные договоренности, должен быть осуществлен в течение двух недель после подписания Протокола.

2) Часть обязательств по платежам в размере около 200 млн. германских марок должна быть погашена поставками советских товаров в Германию. С этой целью Германское правительство постарается воздействовать на круги покупателей и со своей стороны будет стремиться к тому, чтобы сбыт товаров СССР в Германию в 1934 г. был увеличен до стоимости около 200 млн. германских марок. Об осуществлении этой договоренности в ближайшее время должна начать переговоры особая комиссия.

---

* См. т. XVI, прим. 35.

3) Оставшаяся часть платежных обязательств будет погашена СССР путем уплаты золотом и валютой.

II

Далее были достигнуты приведенные в приложениях договоренности

- о продлении Соглашения с Рейхсбанком от 3 мая 1932 г. *;
- о платежах в германских марках германских фирм Торговому представительству и контролируемым им органам;
- о действии сроков кредитов основного Соглашения о поставках от 15 июня 1932 года **;
- о переводе 100 000 руб. от выручки за имущество немцев, выехавших из Советского Союза.

Берлин, 20 марта 1934 г.

Вейцер

С. Бессонов

Р. Мейер

Мосдорф

Приложение 1

ПИСЬМО
МИНИСТЕРСТВА ЭКОНОМИКИ ГЕРМАНИИ
ТОРГОВОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВУ СССР В ГЕРМАНИИ

Берлин, 20 марта 1934 г.

В связи с подписанным сего числа Заключительным протоколом германо-советских экономических переговоров Вы выразили пожелание, чтобы соглашение, заключенное между Рейхсбанком и Торговым представительством СССР в Германии 3 мая 1932 г. и продленное 6 января 1933 г., было пролонгировано и на текущий 1934 г. Настоящим покорнейше сообщая Вам, что Рейхсбанк заявил мне о принципиальной готовности продлить Соглашение на 1934 г. с тем условием, что указанная в пункте 4 Соглашения максимальная сумма будет установлена в размере 7 млн. долл.

По выраженному Вами далее пожеланию заявляю, что платежи в германских марках германских фирм Торговому представительству и контролируемым им органам и в 1934 г. не будут засчитываться в счет импортных контингентов фирм и что фирмы могут неограниченно осуществлять платежи в германских марках банкам внутри страны, которые получат соответствующее разрешение на принятие таких платежей.

По поручению
Мосдорф

* См. т. XV, док. № 200.

** См. т. XV, док. № 250.

Приложение 2

ПИСЬМО
ТОРГОВОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СССР В ГЕРМАНИИ
МИНИСТЕРСТВУ ЭКОНОМИКИ ГЕРМАНИИ

Берлин, 20 марта 1934 г.

Подтверждаю получение Вашего письма от 20 с. м. касательно продления Соглашения с Рейхсбанком от 3 мая 1932 г. и о платежах в германских марках германскими фирмами Торговому представительству СССР в Германии и контролируемым им органам и заявляю о своем согласии с его содержанием.

Торговый представитель СССР в Германии
Вейцер

Приложение 3

ПИСЬМО
ТОРГОВОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СССР В ГЕРМАНИИ
МИНИСТЕРСТВУ ЭКОНОМИКИ ГЕРМАНИИ

Берлин, 20 марта 1934 г.

В связи с подписанным сего числа Заключительным протоколом германо-советских экономических переговоров подтверждаю, что СССР и его хозяйственные органы будут в календарном 1934 г. выдавать текущие заказы в кредитные сроки, предусмотренные в Соглашении от 15 июня 1932 г.

По остальным пунктам Соглашения я готов вскоре вступить в переговоры с германской промышленностью.

Торговый представитель СССР в Германии
Вейцер

Приложение 4

НОТА
ПОЛНОМОЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА СССР В ГЕРМАНИИ
МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ

Берлин, 20 марта 1934 г.

В связи с подписанием сего числа Заключительного протокола германо-советских экономических переговоров Посольство СССР имеет честь сообщить Министерству Иностранных Дел Германии, что Правительство Союза Советских Социалистических Республик по просьбе Германского Правительства выразило готовность перевести в Германию сумму в 100 000 руб. (сто тысяч руб.) в германских марках от выручки за имущество выехавших немцев.

*Заключительный протокол и приложения
печат. по арх.*

86. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Уругвая в СССР Де Коста

21 марта 1934 г.

Де Коста сказал, что в связи с предстоящим на днях отъездом в Монтевидео нашего посланника Минкина он хочет подчеркнуть, что его правительство стремится к скорейшему заключению торгового договора и возможному расширению торговых отношений между Уругваем и СССР.

Я ответил, что это желание уругвайского правительства известно нам еще со времени прошлогоднего обмена телеграммами между уругвайским министром иностранных дел и мною* и что народный комиссариат внешней торговли также уже дал по этому поводу указания представителю «Ожамторга» г. Левину.

Де Коста сказал, что он знает о начатых в Монтевидео переговорах и до своего отъезда из Монтевидео был в курсе этих переговоров. Каково положение переговоров сейчас, ему точно не известно.

Я ответил, что мы можем выяснить в НКВТ положение переговоров и его информировать⁹⁰.

Де Коста снова повторил, что он считал и считает своим долгом обратить внимание нашего правительства на тот большой интерес, с которым его правительство относится к развитию торговых отношений. Он заявляет, что его правительство готово максимально пойти навстречу всем нашим пожеланиям.

Я ответил, что доведу о высказанном им, по поручению уругвайского правительства, интересе к заключению торгового договора и развитию торговых отношений до сведения нашего правительства. Мы в свою очередь готовы в максимально возможной степени учесть положение уругвайского правительства⁹¹.

После этого Де Коста перешел к рассказу о своих впечатлениях от Москвы и московской жизни.

Н. Крестинский

Печат. по арх.

87. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в ЦК ВКП(б)

23 марта 1934 г.

Посылаю Вам при сем запись дальнейших двух бесед с Буллитом** в больнице. По наметившимся разногласиям предлагаю принять следующие решения:

* См. т. XVI, док. № 269.

** См. док. № 84.

1) Заем или товарные кредиты. Рузвельт и Буллит не отрицают, что между нами говорилось только о займе. Это же слово было употреблено в парафированной записи моей беседы с Рузвельтом о джентльменском соглашении *. Действительно ли думал тогда Рузвельт о товарных кредитах, или эта мысль явилась теперь, когда он убедился в невозможности предоставления нам займа, серьезного значения не имеет. Нам предлагают американцы теперь товарные кредиты, причем 50% риска останется за поставщиками, а 50% — за вновь созданным Экспортно-импортным банком. На всю сумму кредитов сверх нормальной кредитной ставки насчитывается 10% в погашение американских претензий. О сроках кредитов не говорится в письме, но предусматривается, что все претензии должны быть погашены в течение 20 лет. Из этого не следует, однако, что кредиты будут предоставлены на тот же срок. Возможно, что имеются в виду так называемые «револьвинг кредиты» (возобновляемые кредиты).

Мы на это согласиться не можем, и должны настаивать, по крайней мере, на предоставлении в наше распоряжение через Экспортно-импортный банк соответственной суммы денег для расплаты наличными по нашим заказам, иначе говоря, на сделки, подобно шведской, но с увеличенным сроком. Вряд ли американцы согласятся на использование хотя бы части этой суммы вне США, разве если удастся использовать замороженные кредиты в Германии. Но, в отличие от того, что говорилось мне в Вашингтоне, теперь Рузвельт вряд ли склонен будет взять на себя получение согласия на это немцев, а предоставит нам самим это сделать. Я предлагал бы поэтому согласиться на использование всей суммы в США с оговоркой в отношении замороженных кредитов в размере 25% всей суммы займа.

2) Сумма претензий. Рузвельт требует 150 млн., я формально соглашался на 75 млн., обещав хлопотать о повышении этой суммы до 100 млн., если не удастся убедить Рузвельта в справедливости нашего предложения.

Предлагаю предъявить либо здесь Буллиту, либо в Америке через Трояновского Рузвельту, или даже одновременно здесь и там имеющийся у нас документ Угета⁹², указывающий, что в его распоряжении оставалось в 1919—1920 гг. материалов на 171 млн. долл., т. е. на сумму, превышающую требование Рузвельта. Документ весьма убедительный. Если тем не менее Рузвельт будет настаивать на недостаточности 75 млн., ссылаясь на претензии частных лиц и предприятий, согласиться на 100 млн. долл.

---

* См. т. XVI, док. № 361.

3) Отклонить требование начисления процентов на сумму претензий.

4) Касательно процентов на заем, исходить из 7% (5% на капитал и 2% на погашение), согласившись на 8%. Надо отметить, что, по словам Буллита, Экспортно-импортный банк в Америке не вправе брать меньше 5%.

5) Сумма займа должна превышать в два раза сумму претензий.

6) Срок займа — 20 лет.

7) Проценты в погашение претензий начисляются только на заем, полученный через Экспортно-импортный банк, но отнюдь не на кредиты, предоставляемые нам частными фирмами.

8) Форма сделки. О ней в Вашингтоне не говорилось. Я несколько раз указывал Рузвельту, что мы не можем допустить создания формального прецедента, которым воспользовались бы другие страны. С другой стороны, вряд ли Рузвельт сможет обойтись без всякого документа, ибо ему необходимо сделку провести через конгресс или сенат. Я предлагаю пока этот вопрос оставить открытым, ибо, в зависимости от условий сделки, можно будет придумать соответствующую форму.

Хотя Буллит торопит с ответом, я все же предлагал бы отложить приезда г. Богданова.

Поскольку Буллит явно запугивает прекращением торговли, мы не должны создавать у него впечатление, что эта перспектива нас пугает. Поэтому считал бы вредным в настоящее время какие бы то ни было разговоры с Буллитом о статусе торгпредства, а тем более поездку в США г. Боева *. Необходима выдержка.

Литвинов

Печат. по арх.

88. Нота Полномочного Представительства СССР в Германии Министерству Иностранных Дел Германии

24 марта 1934 г. **

Посольство Союза Советских Социалистических Республик имеет честь, по поручению своего Правительства, обратить внимание Министерства Иностранных Дел на нижеследующее:

1. Посольство СССР и Народный Комиссариат Иностранных Дел уже неоднократно ставили в известность Министерство Иностранных Дел и Германское Посольство в Москве о том, что Правительство СССР считает произвольными и ли-

* Заместитель народного комиссара внешней торговли СССР.

** Вручена полпредом СССР в Германии Л. М. Хинзуком статс-секретарю МИД Германии Бюлову 26 марта 1934 г.; см. также т. XVI, док. № 344, 424 и док. № 91 настоящего тома.

шенными всякого законного основания претензии некоторых германских фирм, сводящиеся к тому, что эти фирмы требуют от Торгового Представительства СССР в Берлине выплаты дополнительных сумм по векселям в долларах и фунтах стерлингов, выданным (акцептированным) Торговым Представительством в оплату заказов и принятым в свое время фирмами, причем требование доплаты мотивируется падением курса этих валют.

Торговое Представительство СССР в Германии, всегда пунктуально выполнявшее и выполняющее все свои договорные и платежные обязательства, естественно, отвергает эти требования фирм, так как обязательства Торгового Представительства по заключенным им договорам должны считаться полностью погашенными выдачей (акцептом) и принятием векселей, а обязательства по векселям — выполненными законным производством платежей по этим векселям по номиналу.

Посольство СССР неоднократно имело честь обращать внимание Министерства Иностранных Дел на то, что Правительство СССР считает позицию Торгового Представительства в отношении указанных претензий совершенно правильной. Международная практика, как законодательная, так и судебная, твердо придерживается принципа оплаты векселей в номинале валюты векселя без всяких доплат. При этом существенно констатировать, что и германское законодательство придерживается того же принципа. Достаточно сослаться на ст. 41 германского вексельного закона от 21 июня 1933 г., опубликованного в «Рейхсгезетцблат», ч. I. № 70 от 29 июня 1933 г., а также на Международную конвенцию об унификации вексельного права, раздел VI, ст. 41, опубликованную в «Рейхсгезетцблат», ч. II. № 26, от 29 июня 1933 г. Наконец, и на практике как германские частные фирмы, так и Рейхсбанк оплачивают свои выписанные в иностранной валюте обязательства, даже снабженные золотой оговоркой, по номиналу, без всякой доплаты за падение курса.

2. Несмотря на полную необоснованность изложенных выше валоризационных претензий, целый ряд германских фирм вчинил иски Торговому Представительству СССР в третейских судах, ссылаясь при этом на то, что договоры, заключенные между этими фирмами и Торговым Представительством, содержат третейскую клаузулу.

Торговое Представительство отказалось принять участие в этих третейских судах, указав, что третейская клаузула, предусмотренная договорами, не имеет решительно никакого отношения к возбужденным германскими фирмами искам, ибо она имеет в виду исключительно споры, вытекающие из самих договоров, и не может распространяться на любые вопросы,

которые заинтересованные фирмы сочли бы для себя желательным передать на рассмотрение арбитража. В частности, третейский суд не может быть признан компетентным рассматривать претензии о курсовой разнице, обусловленной общим расстройством в международной финансовой сфере.

Получив такой ответ, некоторые фирмы сочли возможным обратиться в государственные суды с просьбой образовать принудительный арбитраж. Хотя подсудность Торгового Представительства юрисдикции германских судов точно определена советско-германским Экономическим соглашением от 12 октября 1925 г. (ст. 6 и 7) * и хотя просьбы об образовании принудительного арбитража по валоризационным искам ни в какой мере не подходят под эти статьи Экономического соглашения, тем не менее государственные суды по ряду дел, в явное нарушение положений Экономического соглашения и общепризнанных в международной практике норм, постановили образовать принудительный арбитраж.

В распоряжении Посольства имеются сведения о том, что 1) 10 марта 1934 г. принудительный третейский суд, сконструированный без участия советской стороны, вынес решение по вопросу о подсудности данному третейскому разбирательству претензий фирмы «Зонненберг» о доплате ей сумм, не предусмотренных договором о поставках, и что аналогичные принудительные суды образованы по ряду других таких же претензий; 2) что 14 марта 1934 г. в Торговое Представительство СССР в Германии явился судебный исполнитель, доставивший постановление третейского суда от 21 декабря 1933 г. по аналогичной претензии фирмы «Аграргезельшафт». Согласно упомянутому постановлению Торговое Представительство СССР присуждено заочно к уплате 288 528 марок по иску указанной фирмы, а также к уплате судебных издержек в размере 12 276 марок.

3. Констатируя, что государственным судом было вынесено решение об образовании принудительного арбитража по иску фирмы «Зонненберг» к Торговому Представительству, несмотря на очевидную неподсудность арбитражу необоснованных претензий фирм, а также, что образованиям таким образом третейским судом уже вынесено решение против Торгового Представительства по иску фирмы «Аграргезельшафт», не подлежащему компетенции третейского суда, Посольство СССР в Германии имеет честь довести до сведения Германского Правительства, что Правительство Союза Советских Социалистических Республик не признает решений судов, вынесенных по претензиям подобного рода, и не подчинится этим решениям.

---

* См. т. VIII, док. № 342, стр. 589—600.

Как известно Министерству Иностранных Дел, Советское Правительство самым аккуратным образом выполняло и выполняет все свои обязательства. Не было ни одного случая хотя бы малейшей несправности советских органов в выполнении ими их платежных обязательств. Но произвольных, необоснованных требований советские органы выполнять не будут.

Ввиду этого Посольство СССР, по поручению своего Правительства, обращает внимание Министерства Иностранных Дел на серьезность создавшегося положения, чреватого нежелательными последствиями для нормального развития экономических отношений между обеими странами, и выражает уверенность в том, что Германское Правительство сочтет необходимым принять соответствующие меры для устранения отмеченных выше ненормальных явлений⁸⁸.

Печат. по арх.

89. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Посланием Польши в СССР Лукасевичем

25 марта 1934 г.

Лукасевич вернулся из Варшавы 23-го и немедленно попросил у меня свидания на 25-е.

1. Он заявил сегодня, что они вместе с Беком долго и обстоятельно изучали наше предложение о продлении пакта под углом зрения скорейшего осуществления этого предложения, без осложнения его переговорами по другим, связанным с ним вопросам, как об этом высказывал пожелание т. Литвинов*. При этом они пришли к следующему решению.

В ст. 7 польско-советского пакта** срок его определен на 3 года, с автоматическим продлением на 2 года, если не будет денонсации. Таким образом, по истечении 5-летнего срока пришлось бы вести переговоры о новом пакте. В ст. 6 нашего пакта с Эстонией и в ст. 6 нашего пакта с Латвией*** срок договора определен тоже в 3 года, однако с бесконечным автоматическим продлением на каждые последующие два года, если не будет денонсации. Для того, чтобы придать длительный характер польско-советскому пакту, Бек и польское правительство предлагают подписать протокол, по которому срок польско-советского пакта определяется точно таким же образом, как и срок наших пактов с Эстонией и Латвией. Такое

* См. док. № 53.

** См. т. XV, док. № 300.

*** См. т. XV, док. № 67 и 201.

разрешение вопроса устранил новые переговоры о польско-советском пакте к моменту истечения 5-летнего срока. Если мы согласны с этим предложением, он, Лукасевич, уполномочен немедленно подписать такой протокол.

Я заметил, что этот ответ является отклонением нашего предложения.

Лукасевич возразил, что это не отклонение, а принятие, по существу, нашего предложения в согласии с тем, что сказано в совместном коммюнике о пребывании Бека в Москве *. Текстуальное принятие нашего предложения потребовало бы очень длительных переговоров, ибо нужно было бы разрешить целый ряд проблем, которые сами по себе являются достаточно сложными, а к тому же не могут быть разрешены без участия третьих государств. Они же с Бекком стремились дать быстрый положительный эффект. Тут Лукасевич принялся подробно излагать мне преимущества формулы автоматического продления пакта, содержащейся в наших договорах с Эстонией и Латвией.

Я ответил, что эти преимущества мне хорошо известны, потому что я был автором этой формулы при заключении пакта с Латвией, откуда она была текстуально перенесена в пакт с Эстонией. Однако это не есть продление договора на 10 лет. Новое польское предложение сводится, по существу, к тому, что польское правительство оставляет за собой право денонсации польско-советского пакта за 6 месяцев до ноября 1935 г., когда истекает основной срок этого договора. Наше предложение о продлении пакта на 10 лет имело в виду внести стабилизацию в наши отношения с Польшей, а польское предложение оставляет, по существу, все в прежнем состоянии, поскольку за обеими сторонами оставляется право денонсации пакта уже через год.

Лукасевич сказал, что денонсация пакта ненападения — серьезное дело и никто об этом не думает. Дело не в денонсации, а в том, что продление пакта на 10 лет потребовало бы очень сложных и длительных переговоров для разрешения ряда проблем, связанных с таким продлением.

Я сказал, что я не вижу таких проблем и что при наличии доброй воли заключение соглашения о продлении пакта на 10 лет отняло бы ровно столько времени, сколько и заключение соглашения о перенесении латвийской формулы срока пакта в польско-советский пакт.

Лукасевич сказал, что это не так и что для продления пакта на 10 лет нужно было бы разрешить прежде всего все те вопросы, которые в свое время были связаны с заключением самого пакта. Польско-советский пакт был лишь частью об-

---

* См. док. № 58.

щей акции по умиротворению Восточной Европы, и невозможно его продлить без одновременного разрешения всех вопросов, относящихся к этой общей проблеме.

Я возразил, что мы в свое время заключили с Польшей самостоятельный пакт и решительно отвергли связывание его с другими проблемами, не относящимися к польско-советским отношениям*.

Лукаевич сказал, что тем не менее нам прекрасно известно, что заключение Польшей пакта с СССР было обусловлено заключением пактов с Прибалтийскими государствами и поэтому продление польско-советского пакта невозможно без одновременной «синхронизации» наших пактов с этими государствами. Это, однако, является очень трудной проблемой. «Я скажу откровенно,— прибавил Лукаевич,— я имею в виду Финляндию». При нынешней позиции Финляндии, нашедшей свое отражение в ее отношении к идее опубликования польско-советской акции о независимости Прибалтики**, переговоры о продлении пакта были бы, вероятно, сложны и длительны. И наконец, с большим подчеркиванием сказал Лукаевич, советская сторона не может отрицать заинтересованности Польши в этих проблемах после того, как она была зафиксирована в совместном коммюнике по случаю приезда Бека. Тут он привел текстуально соответствующую часть коммюнике.

Я сказал, что эта ссылка меня крайне удивляет. У нас шли переговоры об опубликовании совместной декларации о заинтересованности СССР и Польши в независимости Прибалтики, и та часть коммюнике, на которую ссылается посланник, отражает следы этих переговоров. Было бы, однако, более чем смело делать из этой части тот вывод, что мы, издавая это коммюнике, признали за Польшей право опеки над нашими отношениями с Прибалтийскими государствами. Таким же образом, как мы в свое время вели переговоры с прибалтами независимо от Польши и при этом подписали с ними пакты раньше, чем с Польшей, вопрос о продлении наших пактов с прибалтами может разрешаться только между нами и ними и не имеет никакого отношения к продлению польско-советского пакта. Эти соображения посланника удивляют меня тем более, что Польша заключила 10-летний пакт с Германией¹⁴, не проявляя при этом никаких забот о Прибалтийских государствах.

Лукаевич сказал, что это вполне естественно, ибо Германия не граничит с Прибалтийскими государствами, за исключением Литвы, о которой, как я понимаю, Польше не приходится заботиться.

Я ответил, что Германия, однако, проявляет большую заинтересованность в Прибалтике и именно эта заинтересован-

* См. т. X, док. № 145, 222; т. XIV, док. № 383.

** См. док. № 5.

ность вызывает там наибольшие опасения. Поэтому проявляемая в переговорах с нами большая заинтересованность Польши в отношении Прибалтики тем более должна была проявиться в переговорах Польши с Германией.

Лукасевич ничего не сказал на это и потом прибавил, что кроме вопроса о синхронизации прибалтийских пактов имеются еще и другие вопросы, которые пришлось бы урегулировать при переговорах о продлении польско-советского пакта на 10 лет.

Я спросил, что он имеет в виду.

Лукасевич сказал, что он не уполномочен говорить по этим вопросам, но совершенно в частном порядке он может мне сказать, что сюда относится, например, вопрос о наших отношениях с Литвой или, вернее, о нашей позиции по вопросу польско-литовских отношений, о чем он говорил в частном порядке с т. Литвиновым.

Я заметил, что посланник получил при этом от т. Литвинова исчерпывающий ответ по этому вопросу*.

Лукасевич ответил, что он с интересом выслушал заявление т. Литвинова о том, что мы хотели бы, чтобы между Литвой и Польшей наладились такие же отношения, какие мы стремимся установить с Румынией. Однако это не все. Он имеет в виду ноту т. Чичерина при заключении советско-литовского пакта в 1926 г., которая находится в противоречии со ст. III Рижского мирного договора**.

Я сказал, что в первый раз слышу о таком противоречии. Напротив, эта нота повторяет соответствующее постановление Рижского договора, заявляя, что мы наперед обязуемся признать всякое соглашение о границах, которое будет достигнуто между Польшей и Литвой.

Лукасевич вытащил соответствующий текст и, читая его, стал доказывать, что противоречие с мирным договором все же имеется.

Я решительно отверг это и сказал, что и этот вопрос, конечно, не имеет никакого отношения к продлению польско-советского пакта. Наше предложение было очень просто и исключительно продиктовано желанием внести стабилизацию в наши отношения и создать лучшую базу для развития их дружественного характера. Польша заключила 10-летний пакт с Германией и при этом неоднократно заявляла, что это заключение не связано ни с какими другими вопросами. Поскольку поляки вместе с тем неоднократно нам заявляли, что отношения Польши с СССР являются более дружественными, чем с Германией (Лукасевич подал реплику: «Я могу и теперь

* См. док. № 62.

** См. соответственно т. IX, док. № 272, 271; т. III, док. № 350.

подтвердить это»), мы считали, что польское правительство уж во всяком случае пойдет в отношении с СССР на то, на что оно пошло в отношении с Германией, т. е. на 10-летний пакт. Мы были уверены поэтому, что наше простое предложение не потребует длительных переговоров, не будет осложняться посторонними вопросами и будет быстро принято.

Лукаевич заявил, что польское правительство не отвергает принципиально продления пакта на 10 лет и, может быть, в будущем и по этому вопросу будут между нами переговоры, однако ввиду сложности и длительности этих переговоров польское правительство предлагает в настоящее время осуществить его предложение.

Я заметил, что эта формула не изменяет того все же несомненного факта, что польское правительство, заключив 10-летний пакт с Германией и не связав этого заключения, как оно само заявляет, ни с какими другими вопросами из области отношений с третьими странами, отклоняет наше предложение о продлении пакта на 10 лет, хотя и заявляет, что его отношения с СССР более дружественны, чем отношения с Германией.

Лукаевич опять стал спорить, повторяя сказанное, и закончил тем, что он готов немедленно подписать протокол, согласно польскому предложению. Он имеет уже устные полномочия. На выработку текста протокола пошло бы один-два дня. За это время он успел бы получить и письменные полномочия.

Я заявил, что я доложу новое предложение польского правительства и не замедлю сообщить решение правительства, как только оно будет принято*.

Лукаевич сказал, что он просит не давать отрицательной или пессимистической оценки его предложению и обстоятельно довести до сведения правительства те причины, которые побудили польское правительство видоизменить наше предложение о продлении пакта.

2. Лукаевич спросил затем, как обстоит дело с возведением взаимных миссий в ранг посольств.

Я ответил, что оформление этого вопроса задержалось исключительно вследствие болезни т. Литвинова и что можно надеяться, что это состоится уже в ближайшее время**.

3. Он предложил затем приступить к разрешению конкретных вопросов, вытекающих из взаимного желания продолжить контакт по военной линии, о чем, в частности, была речь между Бекон и т. Ворошиловым. Сюда относятся три конкретных вопроса:

---

* См. док. № 157.

** См. док. № 125 и газ. «Известия», 15 апреля 1934 г.

а) Ответный визит советского воздушного флота *. «С точки зрения атмосферических и других» соображений было бы желательно, чтобы этот ответный визит состоялся в начале мая и чтобы наши авиаторы могли присутствовать на польском параде 3 мая, где им могли бы показать также польскую авиацию. Эта дата была бы удобна еще и потому, что, насколько посланнику известно, г. Алкснис хотел заодно сделать свой ответный визит во Францию **.

б) Обмен визитами военно-морских флотов. Польская сторона предлагает, чтобы первым сделал визит в Ленинград польский флот в конце мая или в начале июня и «через известный промежуток времени», но этим же летом наш флот сделал визит в Гдыню. В частности, нужно предварительно решить вопрос, кто из наших командиров будет командовать нашим флотом при ответном визите в Гдыню, командир ли всего нашего флота или только командир нашего Балтийского флота. От этого будет зависеть, кто будет командовать польской эскадрой при визите в Ленинград.

в) Визит одного из высших наших военачальников в Польшу, о чем Бек говорил лично с г. Ворошиловым. При решении вопроса о том, кто поедет, посланник просит учесть, что, поскольку польским военным министром формально является маршал Пилсудский, высший военачальник, который мог бы поехать в СССР с ответным визитом, был бы генерал Фабрициус, являющийся военным вице-министром. Конечно, прибавил Лукасевич, польское правительство было бы радо приветствовать у себя г. Ворошилова или г. Тухачевского, но при решении вопроса о том, кто поедет в Польшу, «надо сперва частным образом установить, кого советская сторона считала бы достаточным с точки зрения ответного визита».

Лукасевич спросил, должен ли он по всем этим трем вопросам немедленно обратиться к г. Ворошилову или сперва в предварительном порядке наметить их разрешение при посредстве НКВД, с тем чтобы уже потом он передал официальные приглашения г. Ворошилову.

Я сказал, что второй путь представляется мне более целесообразным, поскольку, как сказал посланник, некоторые вопросы нужно сперва решить даже в частном порядке. Я немедленно доведу до сведения г. Ворошилова сообщения посланника.

Лукасевич очень просил ускорить ответ относительно визита наших авиаторов, ибо времени осталось мало.

4. После этого Лукасевич, помявшись немного (он все время чувствовал себя неловко и, несмотря на видимые старания, не мог обрести своей обычной непринужденности и некоторой

* См. т. XVI, прим. 313.

** См. т. XVI, прим. 234.

развязности) и сославшись на сообщения заграничной прессы, спросил, есть ли что-нибудь новое по вопросу о нашем отношении к Лиге наций.

Я ответил, что с тех пор, как это отношение было определено т. Сталиным в интервью с Дюранти, и после того, как т. Литвинов сделал это на сессии ЦИК*, никаких фактов, вносящих что-нибудь новое в наши отношения с Лигой наций, не было.

Лукасевиц сказал, что он поставил свой вопрос потому, что, судя по всему, Франция обусловит подписание конвенции о разоружении установлением гарантии безопасности, примерно в духе прежнего Женевского протокола. Так как никакие гарантии европейской безопасности без участия СССР невозможны, то он и думал, что, может быть, предстоит вхождение СССР в Лигу наций.

Я обошел молчанием это разъяснение.

5. Наконец, Лукасевиц, извиняясь, просил вмешательства НКВД для скорейшего «оформления» достигнутого уже на словах соглашения о передаче польской миссии известного дома на Спиридоновке. Все уже готово, и даже, как известно, найден дом для переселения в него Академии, которая помещается на Спиридоновке, но почему-то оформление застряло. Он был бы очень благодарен, если бы НКВД поинтересовался этим вопросом.

Я обещал поинтересоваться⁹⁴.

Уходя, Лукасевиц сказал вновь, что он готов во всякое время подписать протокол, и просил вызвать его немедленно после принятия решения правительства, чтобы ускорить подписание**.

Б. Стомяков

Печат. по арх.

90. Запись беседы Поликомочного Представителя СССР в Персии с Временным Поверенным в Делах Ирака в Персии Абдулом Азиз Модгафером***

26 марта 1934 г.

1 час дня. У меня иракский поверенный в делах Абдул Азиз Модгафер. Ираец пришел 1) поблагодарить меня за то, что я был у него на приеме 21 марта по случаю дня рождения

* См. соответственно газ. «Известия», 4 января 1934 г.; т. XVI, прил. 2.

** См. также «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, М., 1969, стр. 187, 188, 189, 195.

*** Из дневника полпреда СССР в Персии за период с 12 марта по 16 апреля 1934 г.

нового иракского короля, 2) заверить меня, что он делает все для того, чтобы Багдад разрешил выдать визу на [въезд в] Ирак нашему торговому агенту т. Ступаку.

Иракец говорил, что когда Ирак был подмандатным государством, англичане всячески препятствовали установлению торговых и дипломатических отношений между Ираком и Советским Союзом, а теперь, когда Ирак добился полной политической «независимости», иракское правительство стремится установить нормальные отношения с Советским Союзом, сначала коммерческие, а затем и дипломатические. Иракец заявил далее, что он не скрывает, что и сейчас могут быть чинимы со стороны заинтересованного государства всякие препятствия к нормализации отношений между Ираком и Советским Союзом, но что иракское правительство сможет теперь преодолеть эти препятствия. Иракец привел пример: Англия всегда настаивала, чтобы иракское правительство закупало оружие и аммуницию для своей армии только в Англии и иракское правительство раньше принуждено было с этим считаться, а теперь иракское правительство добилось того, что оно может покупать оружие и аммуницию там, где оно само находит нужным и выгодным для себя.

Примечание. Действительно, по имеющимся у нас сведениям, иракское правительство недавно купило партию оружия в Японии. Не исключено, конечно, что это было сделано все же с ведома и согласия Англии.

Я наговорил иракцу много всяких комплиментов и спросил, когда может быть получен ответ из Багдада о визе т. Ступаку. Иракец ответил, что недели через две⁹⁵. Я познакомил у меня Модгафера с т. Ступаком.

Пастухов

Печат. по арх.

91. Письмо Полномочного Представителя СССР и Торгового Представителя СССР в Германии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

27 марта 1934 г.

26 марта т. Хинчуком была вручена Бюлову нота по долларовому вопросу*, переданная по телеграфу т. Крестинским из Москвы. В разговоре по поводу ноты Бюлов хотя и отметил, что он не вполне ориентирован в вопросе, но подчеркнул, что он понимает большую важность этого вопроса и обещает принять все зависящие меры для его урегулирования.

* См. док. № 88.

На завтраке, который немцы дали в связи с подписанием заключительного протокола *, они, между прочим, все в один голос уговаривали наших товарищей передать т. Хинчуку, что, по их мнению, ему нет надобности обращаться сейчас еще раз по долларовому вопросу к статс-секретарю ввиду того, что все наиболее острые пункты в этом долларовом вопросе могут быть легко урегулированы и без интервенции со стороны посла.

При этом они ссылались на то, что опыт 6 месяцев, протекших со времени возникновения долларового конфликта, показывает, что со стороны аусамта и министерства хозяйства имеется бесспорная добрая воля к ликвидации конфликта и возможность добиться некоторых результатов в этом направлении. В частности, немцы пытались уверить наших товарищей, что дело с «Аграргезельшафт», по которому уже имеется судебное решение, могло бы быть ликвидировано без официального обращения в министерство, и обещали принять меры к этой ликвидации **.

Из всего этого видно, что немцы ни в какой степени не желают сейчас обострять долларовый вопрос и, судя по ряду заявлений, настроены в этом вопросе неожиданно уступчиво, в частности мы имеем несколько заявлений с немецкой стороны от чиновников аусамта, что о предъявлении торгпредству исполнительных листов не может быть и речи, несмотря на наличие судебных решений.

При такой ситуации нам кажется нецелесообразным и даже более того — нежелательным опубликование в нашей печати текста нашей ноты и комментирующей ее статьи. Подобная публикация несомненно вызвала бы со стороны немцев ответную публикацию и повела бы к ненужному обострению долларового конфликта, в котором, как нам кажется, наметился сейчас явный сдвиг в направлении дальнейшего отхода немцев от их первоначальных позиций.

Исходя из этого, мы просим НКВД и НКВТ воздержаться от публикации нашей ноты и комментариев к ней в нашей печати впредь до выяснения того, как немцы предполагают реагировать на нее ³⁶.

С товарищеским приветом

Полпред СССР в Германии
Хинчук
Торгпред СССР в Германии
Вейцер

Печат. по арх.

* См. док. № 85.

** См. также док. № 122.

**92. Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссариата
Иностраных Дел СССР Полномочному Представителю
СССР в Финляндии Б. Е. Штейну**

27 марта 1934 г.

Сообщите финляндскому правительству о нашем предложении Литве, Латвии, Эстонии продлить пакты о ненападении на 10 лет. Скажите, что от Литвы и Латвии уже получено согласие и что ожидаем скорого согласия Эстонии*. Разъясните это в благожелательном духе, указав, что мы не сделали Финляндии одновременного предложения только потому, что не хотели ставить ее в затруднительное положение, как это имело место при предыдущих аналогичных акциях, и заявите, что если финляндское правительство желает продления пакта, мы немедленно сделаем ему официальное предложение. В положительном случае можете немедленно сделать такое предложение**.

Стомоляков

Печат. по арх.

**93. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во
Франции Народному Комиссару Иностраных Дел СССР
М. М. Литвинову**

27 марта 1934 г.

Беседовал с Эррио. Вручил ему Ваше письмо***. Его книга об СССР сдана в печать⁵⁷. Он заверил меня, что правительство в целом и Думерг в частности лучше расположено к нам, чем было бы другое правительство (намек на Даладьё). В качестве доказательства Эррио сослался на удовлетворительное разрешение морских и авиационных дел и заявил, что удовлетворительно продвигаются общие переговоры****. Я ему разъяснил, что они вовсе не продвигаются. Он объяснил это опасениями Леже относительно Японии и недостаточной активностью Барту. Мы должны, мол, его подтолкнуть. Я объяснил, почему мы не намерены этого делать. По своей инициативе он заявил, что переговорит с Думергом. Увижусь с Эррио опять 30-го, после чего дам дополнительную информацию по этому вопросу⁵⁸.

Розенберг*****

Печат. по арх.

* См. док. № 105, 106, 107

** См. док. № 114.

*** См. журн. «Международная жизнь», 1962 № 10, М., стр. 158.

**** См. док. № 68, 96.

***** Полпред В. С. Довгалевский с 14 марта 1934 г. находился на лечении во французской клинике.

94. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Надольным

28 марта 1934 г.

Надольный поздравил меня с удачным хозяйственным соглашением * и выразил свое недовольство Берлином, пошедшим слишком далеко навстречу Вейцеру. Надольный спрашивал, не согласимся ли мы оказать ему личное одолжение, укрепив его положение, заключением какой-нибудь крупной сделки с Круппом или «ИГ [Фарбениндустри]». Он понимает, что по соглашению мы ничего не обязаны теперь покупать в Германии, но он хотел бы, чтобы мы сделали что-нибудь сверх соглашения.

Я заверил Надольного в том, что если мы и не приняли обязательств по закупкам, мы отнюдь не думаем воздерживаться от всякого импорта из Германии и что сделки несомненно будут заключаться в текущем году.

Надольный сообщил, что, по его сведениям, Бюро конференции по разоружению будет по требованию Англии отложено. Он при этом вновь критиковал уход Германии с конференции, который они приписывают не столько Гитлеру, сколько его окружению.

Я сообщил Надольному о сделанном нами и принятом Прибалтикой предложении о продлении пактов о ненападении **. Далее я сказал, что, имея в больнице свободное время, я усиленно думал о том, что можно было бы сделать для улучшения наших отношений с Германией, которое возможно лишь в том случае, если удастся каким-либо актом ослабить до некоторой степени те подозрения и недоверие, которые вызвала национал-социалистская литература и выступления некоторых вождей движения. Однако деклараций о желании поддерживать хорошие отношения недостаточно. Нужны более серьезные действия. В этом порядке идей я набрел на мысль о какой-либо совместной акции в отношении Прибалтики. Мы со своей стороны достаточно сделали для того, чтобы доказать наше желание к сохранению независимости Прибалтийских стран. Мы хотели бы видеть это желание выраженным в каком-либо акте со стороны Германии. Поэтому я вручил Надольному проект протокола ⁹⁹.

Прочитав его несколько раз, Надольный спросил, какие страны надо понимать под Прибалтийскими. Я сказал, что в первую очередь Эстонию, Латвию и Литву и затем Финляндию. На это Надольный сказал, что Эстония и Латвия не вызывают сомнения, так как эти страны должны интересоваться только СССР; другое дело Литва, находящаяся между Герма-

* См. док. № 85.

** См. док. № 105, 106, 107, 114.

нией и Польшей. К тому же встает вопрос о Мемеле. Он должен будет выяснить мнение юристов, не означает ли протокол вторичного признания Версаля с отходом Мемеля от Германии. Он опасается, что Финляндия вряд ли будет довольна таким протоколом, так как ему известно отношение Прибалтики к нашему предложению Польше*.

Я сказал, что, по моему мнению, вряд ли мы должны испрашивать согласия Прибалтийских стран, так как протокол ни в каком случае не наносит им ущерба, а, наоборот, укрепляет их международное положение. На вопрос Надольного, как отнеслись бы мы к заявлению, скажем, Англии о ее заинтересованности в независимости СССР, я ответил, что если бы Англия заявила Японии, что она заинтересована в неприкосновенности наших территорий, то мы вряд ли против этого протестовали бы.

Надольный сказал, что он видит в моем предложении первый шаг к улучшению отношений и это он весьма ценит, независимо от ответа его правительства на предложение. Я заявил Надольному, что рассчитываю на дискрецию германского правительства, ибо не желал бы дискуссии в печати по поводу нашего предложения на настоящей стадии**.

Надольный спросил, нельзя ли благожелательно прокомментировать хозяйственное соглашение с Германией и вообще хотя бы несколько ослабить нападки нашей прессы на Германию.

Литвинов

Печат. по арх.

95. Запись беседы Народного Комиссара по Военным и Морским Делах СССР и Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Надольным

28 марта 1934 г.

28 марта Надольный устроил у себя обед в честь т. Ворошилова, на который кроме т. Ворошилова с нашей стороны были приглашены: Розенгольц, Бубинов, я, Карахан, Егоров, Штерн*** и еще несколько товарищей.

После обеда т. Ворошилов и я присели с Надольным в кабинете и там между нами состоялся следующий разговор, который я записываю вкратце по памяти.

Надольный с удовлетворением отметил, что за несколько дней перед тем в Берлине состоялось соглашение между Вейцнером и германскими хозяйственными кругами по ряду хозяй-

* См. т. XVI, док. № 426.

** См. также док. № 95, 122, 126, 128, 139, 140.

*** Заведующий 11 Западным отделом НКВД СССР.

ственных вопросов*. Хотя, по мнению Надольного, переговоры эти закончились к выгоде для советской стороны и немцы уступили нам больше, чем, по его мнению, следовало бы, он тем не менее рад состоявшемуся соглашению, потому что оно является первым проблеском света на мрачном фоне испортившихся за последнее время советско-германских отношений. В этой связи он приветствует и сегодняшнее предложение Литвинова заключить советско-германский протокол, гарантирующий независимость Прибалтийских государств**. Независимо от того, состоится или не состоится соглашение об этом протоколе, он видит в факте предложения проявление нашего доверия к Германии и показатель желания советской стороны пойти на улучшение отношений с Германией.

Поскольку из слов Надольного явствовало, что он не уверен в положительном ответе Берлина на предложение Литвинова, мы разъяснили Надольному, что отрицательный ответ на наше предложение будет понят общественным мнением всего мира как доказательство того, что у германского правительства имеются агрессивные намерения против Прибалтийских государств. В первую голову так воспримет отрицательный ответ общественное мнение Прибалтики и Советского Союза.

Надольный сказал, что, по его личному мнению, вопрос о гарантировании независимости и неприкосновенности Эстонии и Латвии не вызовет возражений. Иначе обстоит дело с Литвой, так как в состав Литвы входит часть бывшей германской территории, именно Мемельская область. Гарантируя неприкосновенность Литвы, германское правительство как бы вновь подтвердит Версальский договор, что для нынешнего правительства чрезвычайно трудно и вряд ли вообще приемлемо. Его смущает употребленное в договоре слово «неприкосновенность».

Мы ответили, что если бы протокол гарантировал только независимость государства, то немцы могли бы, например, занять Либавский порт, отнять его у Латвии, но не отрицать независимости Латвии в уменьшенных границах без Либавы. Такое поведение, являясь совершенно неприкрытой агрессией по отношению к Латвии, в то же время не противоречило бы букве протокола, ибо Латвия оставалась бы независимой. Чтобы исключить возможность такого толкования протокола, мы говорим не только о независимости, но и неприкосновенности.

Надольный сказал, что если сохранить упоминание о неприкосновенности, то придется сделать оговорку относительно Мемельской области.

* См. док. № 85.

** См. док. № 94.

Мы сказали, что такого рода предложение со стороны Германии вряд ли будет способствовать благоприятному ходу переговоров. Мы выразили при этом удивление, что Германия так сильно цепляется за ничтожный клочок своей прежней территории. Мы ведь соглашаемся гарантировать неприкосновенность Прибалтийских государств, несмотря на то, что Финляндия, Эстония и Латвия целиком, а Литва в огромной своей части расположены на территории бывшей Российской империи. Германия же колеблется принять наше предложение из-за небольшого и малозначительного Мемельского района.

Надольный сказал, что ему очень нравится употребленная в протоколе формулировка «входивших раньше в состав Российской империи». Эта формулировка, может быть, даст немцам возможность обойтись без каких-либо территориальных оговорок. Он лично отдает себе отчет, какое значение для советско-германских отношений имело бы заключение предложенного Литвиновым протокола. Он понимает также, как был бы истолкован отрицательный ответ Германии*. Поэтому он лично будет настаивать перед германским правительством на принятии нашего предложения.

Далее перешли к современному состоянию советско-германских отношений. Мы указали на то, что 11—12 лет тому назад (в тот период, когда Крестинский приехал в качестве полпреда в Германию), германские правительственные круги поддерживали официальные отношения с белогвардейскими кругами и представителями эмигрантских правительств. Только после заключения Рапалльского договора** эти отношения потеряли официальный характер. Тем не менее и после заключения Рапалльского договора руководящие германские политические круги в течение некоторого времени еще поддерживали белогвардейскую эмиграцию, считаясь с возможностью контрреволюционного переворота в Советском Союзе. Лишь постепенно и это положение изменилось, и как германское правительство, так и германская общественность установили дружеские отношения с Советским правительством и с советской общественностью.

После же прихода к власти национал-социалистов произошел резкий перелом в отношении новых правящих кругов Германии к Советскому Союзу и белой эмиграции. Мы как бы вернулись к 1921 г. Правительственные круги симпатизируют белогвардейцам, считаются с их мнением, оказывают им всяческую поддержку, ставят ставку на их возвращение к власти на территории СССР. Совершенно естественно, что те германские политики, которые хотят восстановления существовавших еще

* См. док. № 126.

** См. т. V, док. № 121.

недавно дружеских отношений между Германией и СССР, должны приложить все свои старания к тому, чтобы ликвидировать поддержку белой русской эмиграции нынешним правительством Германии.

Надольный ответил, что об эмиграции лучше не говорить. Ведь и в Советском Союзе существует немецкая коммунистическая эмиграция и иная эмиграция. Эта эмиграция пользуется у нас дружбой и поддержкой. Советское правительство, правда, заявляет постоянно, что оно никакого отношения к Коминтерну не имеет и германскую компартию не поддерживает. Германское правительство не оспаривает этих заявлений, но германское правительство со своей стороны требует, чтобы мы доверяли его официальным заявлениям, что оно никакой поддержки русским и украинским эмигрантам не оказывает и не поддерживает их борьбы против Советского правительства.

Мы ответили, что германские коммунисты пользуются у нас таким же правом убежища, каким пользовались в прошлом столетии в буржуазной Швейцарии и Англии идейные противники царского и других реакционных правительств. Мы не понимаем иронию, которая прозвучала несколько в словах Надольного, когда он говорил, что германское правительство не подвергает сомнению наши заявления о невмешательстве Советского правительства во внутренние дела других государств. Эти наши заявления абсолютно соответствуют действительности. Возьмем для примера последние события в Австрии *. Неужели Надольный не понимает, что если бы Советское правительство считало возможным принять какое бы то ни было участие в происходивших в Вене боях, то все пошло бы по-иному и имело, может быть, другие результаты. Ведь австрийская армия и полиция не представляют из себя такой крупной силы, что с ними не могли бы справиться несколько десятков тысяч хорошо вооруженных австрийских рабочих, если бы только у этих рабочих было настоящее политическое и военно-организационное руководство. А между тем, как знает Надольный, как раз такого политического и военного руководства не было, и этим объясняется та легкость, с которой правительство Дольфуса одержало свою победу. Это является лучшим подтверждением того, что Советское правительство строжайшим образом придерживается принципа невмешательства во внутренние дела других государств.

Иначе обстоит дело в Германии, где белоэмигрантские элементы, окончательно разложившиеся за долгие годы эмиграции и потерявшие всякое представление о чести, организуются

---

* Имеется в виду восстание штурмунда (вооруженная организация австрийской социал-демократической партии) в феврале 1934 г.

и вооружаются национал-социалистской партией, вероятно не без некоторого участия некоторых правительственных организаций.

Надольный продолжал упорно настаивать на том, что отношение наших правительственных органов к германской политической эмиграции в СССР и германского правительства к белой эмиграции в Германии совершенно одинаково и что нам лучше не касаться вопроса об эмиграции и не выдвигать взаимно никаких обвинений, связанных с положением эмиграции в наших странах. Надольный не хотел признать, что вина за ухудшение отношений между Германией и СССР лежит на германской стороне.

Мы обратили внимание Надольного на то, что у нас в Союзе с начала 1933 г. не произошло никаких изменений ни в составе нашего правительства, ни в социально-политической структуре нашего государства, ни в наших внешнеполитических установках. Мы были поэтому готовы сохранять прежние отношения с Германией. Наоборот, в Германии произошли резкие изменения во всех отраслях внешней и внутренней политики. Не мы, а Германия поставила на пересмотр прежние советско-германские отношения. Германская правящая партия имеет в своей программе вооруженную интервенцию против Советского Союза и от этого пункта своего катехизиса до сих пор не отказалась. Даже самая постановка вопроса об эмиграции, которую мы слышим от Надольного, резко отличается от того, что мы слышали от его предшественника и от прежних германских правительств. Мы не слышали прежде упреков по поводу того, что у нас в Союзе нашло убежище небольшое сравнительно количество преследуемых в Германии коммунистов. В то же время германские правящие круги всегда отмежевывались от какой бы то ни было солидарности с белогвардейской эмиграцией. А сейчас, заявляя формально о полном невмешательстве в наши внутренние дела, Надольный до известной степени защищает право руководящих германских кругов поддерживать антисоветскую белую эмиграцию.

В дальнейшем разговоре Надольный вернулся к заявлениям о желании нынешнего германского правительства продолжать прежнюю политику дружбы с СССР и выразил надежду, что урегулирование всех хозяйственных вопросов, а также политическое предложение, сделанное Литвиновым *, явятся основными вехами на пути к восстановлению прежних отношений. Тем не менее никаких заявлений, которые бы дезавуировали его высказывания об эмиграции он не сделал, а просто не возвращался больше к этой теме.

---

* См. док. № 94.

Разговор велся, конечно, в мирном, даже дружелюбном тоне, и Надольный остался очень доволен тем, что ему удалось принять у себя в качестве гостя т. Ворошилова и обменяться мнениями непосредственно с ним по существу советско-германских отношений.

Н. Крестинский

Печат. по арх.

96. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу

28 марта 1934 г.

Повидайте завтра же Барту и в порядке информации сообщите, что, желая лишний раз доказать наше миролюбие в отношении соседей и наше уважение к их независимости, мы предложили Эстонии, Латвии и Литве продлить существующие пакты о ненападении на 10 лет и что наше предложение ими принято *. Финляндии мы дали знать, что готовы и ей сделать такое же предложение, если оно ее интересует **. Заодно сообщите, что сделанное мной лично Беку такое же предложение Польшей отклонено ***. Если Вам придется говорить вместо Барту с его помощником, то о Польше не говорите и, кроме того, просите не разглашать ****. Сами мы дадим публикацию 29-го *****.

Литвинов

Печат. по арх.

97. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

*Немедленно
28 марта 1934 г.*

Видал Барту. Передал ему Ваше сообщение *****. Разъяснил, что на практике, как в свое время было отмечено Польш-Бонкуру *****, установилось правило взаимной информации. Я объяснил, почему сообщение считаем конфиденциальным, и прокомментировал его в польском аспекте. Он спросил, мотивиро-

* См. док. № 105, 106, 107.

** См. док. № 114

*** См. док. № 53, 89.

**** См. док. № 97.

***** В тексте документа — 30-го; см. газ. «Известия». 29 марта 1934 г.

***** См. док. № 96.

***** См. т. XVI, док. № 222.

вала ли Польша свой отказ. Он усматривает в факте сообщения ценное доказательство сотрудничества и просил Вас поблагодарить.

Барту спросил, как обстоит дело с нашим вступлением в Лигу, на что я указал, что это является составной частью общего комплекса переговоров*. По-видимому, начиненный Эррио, он спросил, считаем ли мы, что переговоры не продвигаются достаточно быстро. Я ответил, что ограничиваюсь констатацией, что они не продвигаются. Барту пространнейшим образом доказывал, что он был поглощен вопросами, уступающими, пожалуй, по значению нашим переговорам, но неотложными. Его аппарат продолжал изучение, он воспользуется пасхальным перерывом для подробного личного изучения вопроса, после чего меня известит**. Он дал даже подробное расписание своего времени, чтобы доказать физическую невозможность раньше заняться с нами. Сослался на то, что ушел с заседания совета министров, чтобы меня принять, и что завтра опять совет министров по важным вопросам. Просил оказать ему «кредит» на небольшой срок, заверяя, что стоит за развитие дружбы и тому подобное. Я заявил, что он не нуждается в кредите, имея полное доверие, что мы знаем, что он в совете министров поставил вопрос о воздушном и морском сотрудничестве*** и тому подобное.

Розенберг

Печат. по арх.

98. Письмо Полномочного Представителя СССР в Афганистане Министру Иностранных Дел Афганистана Файз Мухаммед-хану

29 марта 1934 г., № 295

Господин Министр,

Согласно полученным мною указаниям имею честь довести до Вашего сведения, что Правительство СССР согласно приступить к выяснению, путем рассмотрения на месте специальной комиссией, вопроса о том, затрагивает ли, и в чем именно, интересы Афганистана строительство Чубекской (Чиле-Камарской) плотины на р. Пяндж****.

Со своей стороны Правительство СССР назначает членами советской делегации указанной комиссии г. Имамова — народного комиссара юстиции Таджикистана, и г. Свириденко — начальника водного хозяйства Таджикистана.

* См. док. № 36.

** См. док. № 138.

*** См. док. № 68.

**** См. т. XVI, док. № 237.

Я прошу Вас сообщить мне имена афганских представителей в комиссии, а также указать время их возможного выезда из Кабула.

Местом первой встречи советской и афганской делегаций Правительство СССР предлагает Сталинабад, после чего комиссия в целом сможет отправиться к месту работ¹⁰⁰.

Сообщая Вам об изложенном, прошу Вас, г. Министр, поставить меня в известность о решении Правительства Афганистана.

Пользуясь случаем, возобновляю свои заверения в совершенном уважении к Вам.

Полномочный Представитель СССР в Афганистане
Л. Старк

Печат. по арх.

В ответном письме Файз Мухаммед-хана от 22 апреля 1934 г. № 229/309 говорилось:

«В связи с получением письма Вашего Превосходительства от 29 марта с. г. за № 295 я довожу до Вашего сведения, что со стороны Королевского Правительства Афганистана назначены председателем афганской делегации высокопочтенный сардар Шир Ахмед-хан, помощником председателя г. Сеид Абдулла-хан, начальник общеполитического отдела министерства иностранных дел, и два инженера в качестве членов этой делегации, которые должны вступить в переговоры с делегацией СССР для выяснения положения плотины Чиле-Камар. Вышеуказанная делегация выедет из Кабула 15 сура (5 мая) с. г.»

99. Памятная записка Генерального консула СССР в Харбине М. М. Славуцкого Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэню

30 марта 1934 г.

В декабре месяце прошлого года по частным русским учебным заведениям г. Харбина и ОРСМ* был разослан приказ Главного начальствующего ОРСМ (копия приказа при сем прилагается)¹⁰¹ о том, что этим учебным заведениям запрещается иметь в составе педагогического персонала лиц советского гражданства. При этом по отдельным школам были персонально указаны преподаватели — советские граждане, которых предлагалось уволить и заменить лицами несоветского гражданства.

Не говоря уже о том, что такой акт нарушил самые элементарные права советских граждан, незаконно лишив их права на преподавание в частных школах, этот акт нарушил

* Особый район Северной Маньчжурии.

и существенные интересы советской колонии, так как в тех учебных заведениях, которых касается этот приказ, имеется большое количество советских учащихся, составляющее в некоторых случаях большую половину общего числа. Кроме того, некоторые из этих учебных заведений частично являются собственностью советских граждан. Данные, характеризующие суть вопроса, таковы.

Из различных учебных заведений уволено 39 педагогов — советских граждан. По некоторым школам процент уволенных советских педагогов по отношению к общему числу педагогов исключительно велик. Так, в высшей музыкальной школе оказалось уволенным 65% наличного преподавательского состава, в первой зубоорачебной школе из 9 педагогов уволено 5, на фельдшерских курсах из 11 преподавателей уволено 9.

Состав учащихся тех школ, которых коснулся приказ Главного начальствующего, весьма разнообразен. В этих школах наряду с детьми эмигрантов обучаются и дети маньчжур, советских граждан, а также лиц разных других подданств. Это подтверждается, в частности, следующими данными:

Наименование учебных заведений	Общее кол. учащихся	Из них			
		советск.	маньчжур.	эмигр.	проч. подд.
Обществ. коммерч. училище	282	98	18	141	25
Женская гимназия Оксаковской	181	40	41	92	8
Реальное училище Оксаковской	74	17	13	42	2
Высшая музыкальная школа	62	38%		55%	
1-я зубоорачебная школа	90	35	6	49	
Фельдшерские курсы	54	37		17	

Вскоре же после издания вышеозначенного распоряжения Генеральным консулом СССР приняты были необходимые меры к разъяснению властям всей незаконности этого акта, задевающего культурные и имущественные права и интересы советской колонии. В декабре же месяце были сделаны по этому поводу представления вице-консулом г. Дрибинским начальнику ДНП * г. Лян Юй-сяну и Генеральным консулом М. М. Славуцким Главного начальствующему г. Люй Жун-хуаню¹⁵². При этом были даны исчерпывающие объяснения о необоснованности концепции, проскальзывающей в означенных распоряжениях о том, что русские частные школы являются школами эмигрантскими и что в них не могут преподавать со-

* Департамент народного просвещения ОРСМ.

ветские граждане, и была обрисована вся необходимость отмены этого явно незаконного акта властей.

После этого и в январе, и в феврале, и в марте текущего года Генеральным консулом лично, а также через вице-консула делались неоднократные представления по этому же поводу как властям ОРСМ, так и особому представителю МИД г. Ши Люй-бэню и его заместителю г. Симамура. В ответ на эти обращения всегда давались уклончивые ответы с обещанием расследовать этот вопрос.

В течение нескольких месяцев существования такого положения педагогов — советские граждане были уволены, чем не только были нарушены права и интересы совграждан, но и была дезорганизована работа ряда школ, музыкальной, фельдшерских курсов, зубоврачебной школы, большинство педагогов которых являлись советскими гражданами. Этим дело не ограничилось. В марте с. г. распоряжением Управления ОРСМ был исключен из членов правления 2-й зубоврачебной школы советский гражданин Карницкий, являющийся совладельцем этой школы. Между тем в самом же предписании по этому поводу (копия предписания при сем прилагается)¹⁰³ о правлении всякого учебного заведения говорится как о «финансовом и административном» его центре. Совершенно ясно, что данный факт является прямым и заведомым нарушением имущественных прав советских граждан.

Привлекая еще раз внимание Особого агента Министерства Иностранных Дел к данному вопросу, Генеральное консульство СССР выражает уверенность в том, что будут предприняты эффективные шаги к восстановлению нарушенных прав и интересов советских граждан путем отмены вышеназложенных распоряжений местных властей*.

Печат. по арх.

100. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Китайской Республики в СССР

1 апреля 1934 г., № 26

Народный Комиссариат по Иностранным Дела́м имеет честь сообщить Посольству в ответ на меморандум Посольства за № 39/34 от 27 февраля с. г.¹⁰⁴, что со стороны Правительства Союза Советских Социалистических Республик не встречается возражений против учреждения в г. Новосибирске Генерального консульства Китайской Республики**.

* См. док. № 351, 425.

** См. док. № 291.

Что же касается вопроса о консульском округе вновь открываемого Генерального консульства, то Народный Комиссариат, соглашаясь со включением в него Западно-Сибирского края, считает необходимым вопрос о включении в него Урала оставить открытым до окончательного согласования между Народным Комиссариатом и Посольством вопроса о консульских округах консульств Китайской Республики в Союзе Советских Социалистических Республик *.

Печат. по арх.

101. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Китайской Республики в СССР

1 апреля 1934 г., № 24

Народный Комиссариат по Иностранным Дела́м, ссылаясь на устное заявление г. Поверенного в Делах 31 марта об отсутствии возражений со стороны Национального Правительства Китайской Республики против учреждения в г. Калгане Генерального консульства Союза Советских Социалистических Республик¹⁰⁴, имеет честь сообщить Посольству, что Генеральным консулом Союза Советских Социалистических Республик в г. Калгане назначен Вице-консул Генерального консульства Союза Советских Социалистических Республик в Тяньцзине г. Дементьев, Михаил Александрович.

Народный Комиссариат просит Посольство испросить на это согласие Национального Правительства Китайской Республики и, по получении такового, инструктировать подлежащие провинциальные власти.

Печат. по арх.

102. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Представителю СССР в Чехословакии С. С. Алек- сандровскому

2 апреля 1934 г.

Заявите Бенешу, что мы со всеми государствами заключали торговые договоры только после нормализации отношений и не можем отступить от этой практики. Поэтому мы должны воздержаться от торговых переговоров до нормализации отношений **.

В Женеву, очевидно, по состоянию здоровья поехать не смогу ***.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. также док. № 101.

** См. док. № 80, 113.

*** М. М. Литвинов выехал в Женеву 14 мая 1934 г.

103. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому

3 апреля 1934 г.

Передал вчера Буллиту следующее предложение: хотя с Рузвельтом говорилось о займе, которым мы могли бы распорядиться и вне Америки, мы готовы согласиться на предоставление в наше распоряжение в Экспортно-импортном или ином банке 150 млн. долл. на 20 лет. Деньги поступают на непосредственную оплату нами закупок, производимых в Америке за наличный расчет. Первые 4 года после использования всей суммы кредитов мы платим 4%, а следующие 16 лет — 7%, из которых 3% идут на погашение долга Керенского в сумме 75 млн. долл.

Никаких процентов за этот долг не платим. Если придется довести эту сумму до 100 млн. долл., то долгосрочный кредит должен быть повышен до 200 млн. долл., но пока мы соглашаемся только на 75 млн. долл. Сообщается Вам пока лишь для сведения *, ибо Буллит обещал дать ответ здесь **.

Литвинов

Печат. по арх.

104. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому

3 апреля 1934 г.

В дополнение к моей телеграмме *** Вам поручается повидать Рузвельта ¹⁰⁵, чтобы убедить его в достаточности предлагаемой суммы в 75 млн. долл. Укажите, что если отвечать за долг Керенского, то лишь за ту часть, которая действительно дошла до него, а не за деньги, которые растранижили его агенты, когда уже правительства Керенского не существовало; иако они не призывались, и агенты пользовались деньгами только благодаря попустительству американского правительства. Представьте Рузвельту документ, имеющийся в Вашем распоряжении и доказывающий, что фонды, поставленные на ликвидационные счета Бахметьева 1 декабря 1917 г., состав-

* См. док. № 104.

** См. док. № 116.

*** См. док. № 103.

ляли 56 млн. долл. и что до 1 января 1920 г. были дальнейшие поступления свыше 22 млн., составив итог актива около 79 млн. долл., каковая сумма должна быть вычтена из долга во всяком случае. Далее, если мы принимаем пассив Керенского, то имеем право и на его актив. Между тем из имеющегося у Вас доклада Угета видно, что после 1917 г. у него находилось военных и других материалов на сумму 171 млн. долл.⁹², ввоз которых в Советскую Россию был запрещен американским правительством. Оно же разрешило их вывоз в распоряжение белых, которые действительно снабжались Угетом и Бахметьевым. Американское правительство имело полную возможность признанием Советского правительства заставить Угета передать ему все имущество, либо же секвестрировать имущество и употребить на покрытие долга Керенского. Мы убеждены, что если довести эти факты до конгресса и до общественного мнения Америки, то будет признано, что мы не обязаны платить ни одного доллара по долгу Керенского. Если бы эти факты мне были известны при переговорах с Рузвельтом *, то я не соглашался бы и на 75 млн. долл., но я от своего слова не отказываюсь, и эту сумму мы готовы уплатить на базе предложенной Буллиту схемы. Скажите, что я полагаюсь вполне на справедливость Рузвельта и убежден, что он признает теперь эту сумму достаточной и не заставит нас оплачивать контрреволюцию. Вручите ему копию доклада Угета. Эту же аргументацию я развиваю и перед Буллитом **.

Литвинов

Печат. по арх.

105. Протокол [о продлении срока действия Договора о ненападении, заключенного между Союзом Советских Социалистических Республик и Латвийской Республикой]

[4 апреля 1934 г.]

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик и Президент Латвийской Республики,

руководимые стремлением обеспечить возможно более прочную базу для развития отношений между их странами, желая дать друг другу новое доказательство неизменности и прочности счастливо установившихся между ними мирных и дружественных отношений и

* См. т. XVI, док. № 361.

** См. док. № 117.

воодушевленные желанием содействовать укреплению всеобщего мира, а также стабильности и мирному развитию междугосударственных отношений в Восточной Европе, и

констатируя, что заключение 5 февраля 1932 года в Риге Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Латвией* оказало благотворное воздействие на их отношения и на разрешение указанных задач.

решили подписать настоящий Протокол и для этой цели назначили своих Уполномоченных, а именно:

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик — Максима Максимовича Литвинова, Члена Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик, Народного Комиссара по Иностранным Дела́м;

Президент Латвийской Республики — Д-ра Альфреда Бильманиса, Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра Латвийской Республики в Москве,

которые, по взаимному предъявлении своих полномочий, найденных составленными в должном и надлежащем виде, согласились о нижеследующем:

Статья 1

Во изменение срока действия Договора, заключенного в Риге 5 февраля 1932 года между Союзом Советских Социалистических Республик и Латвией, каковой срок действия предусмотрен в фразе первой статьи 6 указанного Договора, этот Договор останется в силе до 31 декабря 1945 года.

Статья 2

Настоящий Протокол составлен в двух экземплярах, на русском и латышском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу. Он будет ратифицирован в возможно короткий срок, и ратификационные грамоты будут обменены между Высокими Договаривающимися Сторонами в городе Риге.

Настоящий Протокол вступит в силу со дня обмена ратификационными грамотами.

В удостоверение чего, поименованные выше Уполномоченные подписали настоящий Протокол и приложили к нему свои печати.

---

* См. т. XV, док. № 67.

Учинено в городе Москве, в двух экземплярах, на русском и латышском языках, 4 апреля 1934 года.

М. Литвинов

Dr. Alfr. Bilmanis

Печат. по арх. Опубл. в «Собрании законов...», отд. II, № 16, 22 августа 1934 г., стр. 326—331.

Протокол ратифицирован: ЦИК СССР 27 апреля 1934 г., сеймом Литвы 15 мая 1934 г.

Обмен ратификационными грамотами произведен в г. Риге 2 июня 1934 г.

106. Протокол [о продлении срока действия Договора о ненападении, заключенного между Союзом Советских Социалистических Республик и Литовской Республикой]

[4 апреля 1934 г.]

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик и Президент Литовской Республики,

руководимые стремлением обеспечить возможно более прочную базу для развития отношений между их странами,

желая дать друг другу новое доказательство неизменности и прочности счастливо установившихся между ними мирных и дружественных отношений и

воодушевленные желанием содействовать укреплению всеобщего мира, а также стабильности и мирному развитию междугосударственных отношений в Восточной Европе и

констатируя, что заключение Договора 28 сентября 1926 года между Союзом Советских Социалистических Республик и Литвой и продление его в 1931 году* оказали благотворное воздействие на их отношения и на разрешение указанных задач,

решили подписать настоящий Протокол и для этой цели назначили своих Уполномоченных, а именно:

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик — Максима Максимовича Литвинова, Члена Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик, Народного Комиссара по Иностранным Дела́м;

Президент Литовской Республики — Юргиса Балтрушайтиса, Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра Литовской Республики в Москве,

которые, по взаимном предъявлении своих полномочий, найденных составленными в должном и надлежащем виде, согласились о нижеследующем:

* См. т. IX, док. № 271, 272; т. XIV, док. № 152.

Статья 1

Во изменение статьи 1 Протокола, подписанного в Москве 6 мая 1931 года, Договор, заключенный между Союзом Советских Социалистических Республик и Литовской Республикой 28 сентября 1926 года вместе с приложенными к нему обеими нотами Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Литовской Республики, считается продленным до 31 декабря 1945 года.

Статья 2

Настоящий Протокол составлен в двух экземплярах, на русском и литовском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу. Он будет ратифицирован в возможно короткий срок, и ратификационные грамоты будут обменены между Высшими Договаривающимися Сторонами в городе Каунасе.

Настоящий Протокол вступит в силу со дня обмена ратификационными грамотами.

В удостоверение чего поименованные выше Уполномоченные подписали настоящий Протокол и приложили к нему свои печати.

Учинено в городе Москве, в двух экземплярах, на русском и литовском языках, 4 апреля 1934 года.

М. Литвинов

Ю. Балтрушайтис

Печат. по арх. Огубл. в «Собрании законов...» отд. 11, № 16, 22 августа 1934 г., стр. 232—234.

Протокол ратифицирован: ЦИК СССР 27 апреля 1934 г., сеймом Литвы 18 мая 1934 г.

Обмен ратификационными грамотами произведен в Каунасе — 4 июня 1934 г.

107. Протокол [о продлении срока действия Договора о ненападении и мирном разрешении конфликтов, заключенного между Союзом Советских Социалистических Республик и Эстонской Республикой]

[4 апреля 1934 г.]

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик и Президент Эстонской Республики,

руководимые стремлением обеспечить возможно более прочную базу для развития отношений между их странами, желая дать друг другу новое доказательство неизменности

и прочности счастливо устайовившихся между ними мирных и дружественных отношений и

воодушевленные желанием содействовать укреплению всеобщего мира, а также стабильности и мирному развитию междугосударственных отношений в Восточной Европе, и

констатируя, что заключение 4 мая 1932 года* в Москве Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Эстонией оказало благотворное воздействие на их отношения и на разрешение указанных задач,

решили подписать настоящий Протокол и для этой цели назначили своих Уполномоченных, а именно:

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик: Максима Максимовича Литвинова, Члена Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик, Народного Комиссара по Иностранным Дела́м,

Президент Эстонской Республики: Карла Тофера, Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра Эстонской Республики в Москве,

которые, по взаимном предъявлении своих полномочий, найденных составленными в должном и надлежащем виде, согласились о нижеследующем:

Статья 1

Во изменение срока действия Договора о ненападении и мирном разрешении конфликтов, заключенного в Москве 4 мая 1932 года между Союзом Советских Социалистических Республик и Эстонией, каковой срок действия предусмотрен в абзаце первом статьи 6 указанного Договора, этот Договор останется в силе до 31 декабря 1945 года.

Статья 2

Настоящий Протокол составлен в двух экземплярах, на русском и эстонском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу. Он будет ратифицирован в возможно короткий срок, и ратификационные грамоты будут обменены между Высокими Договаривающимися Сторонами в городе Таллине.

Настоящий Протокол вступит в силу со дня обмена ратификационными грамотами.

В удостоверение чего, поименованные выше Уполномоченные подписали настоящий Протокол и приложили к нему свои печати.

---

* См. т. XV, док. № 201.

Учинено в городе Москве, в двух экземплярах, на русском и эстонском языках, 4 апреля 1934 года.

М. Литвинов

К. Тофер

Печат. по арх. Опубл. в «Собрании законов...», отд. II, № 16, 22 августа 1934 г., стр. 338—340.

Протокол ратифицирован: ЦИК СССР 27 апреля 1934 г., президентом Эстонии 22 июня 1934 г.

Обмен ратификационными грамотами произведен в г. Таллине 26 июня 1934 г.

108. Речь Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова при подписании протоколов о продлении пактов о ненападении между СССР и странами Прибалтики *

4 апреля 1934 г.

Господа посланники,

Мы с вами сегодня позаботились о дальнейшей судьбе пактов, которым срок истекает лишь через полтора года. Досрочно выкупленный вексель свидетельствует как о доброй воле, так и о блестящем финансовом положении векселедателя. В данном случае преждевременная забота наших правительств о сроках имеющих еще продолжительное существование пактов свидетельствует об их доброй воле и обильном запасе у них миролюбия. Об этом же свидетельствует та беспримерная в истории дипломатии быстрота, с которой инициатива Советского правительства была претворена в жизнь. Только 20 марта нами было сделано вашим правительствам предложение о продлении пактов; через несколько дней ваши правительства дали ответ, и ответ прямой, безусловный и положительный, а сегодня, по прошествии всего двух недель, дело оформлено. Это обстоятельство указывает также на крупнейший рост доверия и взаимопонимания между нашими государствами.

Я пользуюсь этим случаем, чтобы выразить благодарность вашим правительствам за их столь отзывчивое отношение к нашему предложению. Да иначе и не должно быть. Ответы на предложения, служащие укреплению мира, имеют свою полную ценность и демонстративную силу в том лишь случае, когда они даются быстро, без долгих размышлений, без задних мыслей, без всяких условий. Искренние сторонники мира не могут долго размышлять над подобными предложениями. Укрепление мира — это такое несомненное благо само по себе, в сравнении с которым любые условия, от которых могут

* См. док. № 105, 106, 107.

быть поставлены в зависимость ответы на мирные предложения, имеют ничтожнейшее значение.

Существующие между нашими государствами пакты отныне продлены свыше чем на десять лет — срок, нигде не превзойденный для обязательств такого характера. У нас была мысль предложить бессрочные пакты, но бессрочность — абстракция, философское понятие, и мы опасались, что подобное предложение могло бы показаться декларативным, а мы имели в виду конкретное действие. Во всяком случае всему миру должно быть видно, что наше предложение не носит временного характера и не вызвано случайными конъюнктурными обстоятельствами, а является выражением нашей постоянной, бессрочной политики мира, существенным элементом которой является сохранение независимости представляемых вами молодых государств.

Наша совместная с вами акция предпринята и завершена в обстановке обостряющегося изо дня в день международного положения. Об угрозе войны, нависшей над всеми пятью частями света, говорят и лишут изо дня в день, но о возможности и средствах предотвращения этой надвигающейся катастрофы для человечества почти не слышать. Правительства, государственные люди относятся к ней с каким-то фатализмом, как к чему-то совершенно неизбежному. Единственное, о чем они могут думать, — это лишь всеобщее довооружение, та гонка вооружений, которая и в прошлом не только не предотвращала войн, но их стимулировала. Пусть же скромный акт, подписанный нами сегодня, напомним миру, что есть государства, которые свои международные задачи видят в укреплении мира или укреплении его хотя бы на том участке, где это в некоторой степени от них зависит.

Я сказал — в некоторой степени, ибо и вне подписанного сегодня протокола остаются еще государства, политика которых также может влиять на сохранение мира на данном участке. Политика Советского государства будет и впредь направлена к тому, чтобы и эти государства приобщить к делу сохранения мира.

Политические тревоги и угрозы войны в Европе вызываются в настоящее время спорами между соседними государствами в результате перехода отдельных провинций, частей территорий от одних государств к другим вследствие политических новообразований из этих территорий, недовольством договорам, оформившими эти территориальные перемещения. Советское государство этих споров не знает, оно пересмотра существующих договоров никогда не требовало и требовать не намерено. Советское государство, которому чужды шовинизм, национализм, расовые или национальные предрассудки, видит свои государственные задачи не в завоеваниях, не в экспансии,

не в расширеннiи террнторнн, видит честь народа не в воспитаннн его в духе милитарнзма и в жажде крови, а лишь в осуществленнн того идеала, ради которого оно возникло и в котором оно видит весь смысл своего существования, а именно в построеннн социалистического общества. Этой работе оно намерено, если ему не помешают, посвятить все свои государственные силы, и это является неиссякаемым родником его политики мира. При переключке государств, заинтересованных в сохраненнн и укрепленнн мира, оно всегда отвечает: «Есть». Та готовность, с которой представляемые вам государства ответили на наше предложение, осуществленное в сегодняшнем протоколе, дает уверенность в том, что при подобных международных переключках они в унисон с Советским правительством всегда также готовы будут отвечать: «Есть».

*Печат. по газ. «Известия»
№ 61 (5329), 5 апреля 1934 г.*

В ответной речи посланник Литвы Балтрушайтис, в частности, заявил: «Разрешите мне, как старейшему, сказать от имени своих коллег и от своего собственного имени несколько слов.

Прежде всего я хочу подчеркнуть, как важно для нас и как дорого нам то обстоятельство, что этот скромный, но столь значительный для наших народов и для всего окружающего их человечества акт продления пактов произведен при Вашем личном участии, г. Народный Комиссар... * Я не только надеюсь, но и глубоко убежден в том, что к тем большим и чрезвычайно животворным мыслям, которые Вы только что высказали от имени Советского Союза, без колебания и полностью присоединятся все Прибалтийские государства. Продление наших пактов о ненападении является, повторяю, актом скромным, но сугубо значительным, ибо акт этот совершен в обстановке, когда особое значение приобретает каждое наше усилие по укреплению всеобщего мира.

Вы отметили, г. Народный Комиссар, что при переключке государств, заинтересованных в сохраненнн и укрепленнн мира, ваша страна всегда отвечает: «Есть». Я уверен, что в тот день, когда СССР снова обратится к Прибалтийским странам с призывом к укреплению мира, наши народы столь же быстро и решительно скажут свое «есть».

Разрешите мне закончить пожеланием процветания и роста силы Союза Советских Социалистических Республик».

109. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу

4 апреля 1934 г.

Польша явно загнана нами в угол. Идея продления пакта на 10 лет ей вообще не улыбалась, но совершенно отклонить наше предложение ** было явно неудобным. Она поэтому ре-

---

* Так в тексте.

** См. док. № 53.

шила было поставитъ нам условия и в первую очередь требованье об одинаковом продлении наших пактов с Прибалтикой*. Так как я недвусмысленно дал понять Лукаевичу заранее**, что условный ответ на наше предложение произведет у нас очень скверное впечатление, то Польша попыталась выйти из затруднения, предложив привести польско-советский пакт в отношении срока в соответствие с нашими пактами с Эстонией и Латвией***, т. е. установление автоматического двухлетнего пролонгирования в случае отсутствия денонсации. Она, однако, очевидно, не знала, что мы тем временем сами предложили Прибалтийским странам продлить наши пакты на 10 лет и получили на это их согласие****. Когда Лукаевич передал нам предложение об уравнении польско-советского пакта с прибалтийскими, он был застигнут врасплох нашим сообщением о том, что балтийские пакты уже решено продлить на 10 лет. Это поставило Польшу в крайне затруднительное положение, выхода из которого она стала искать в навязывании нам нового условия об аннулировании в той или иной форме ноты Чичерина о Литве от 1926 г.***** Она быстро убедилась, однако, в невозможности для нас выполнения этого требования и согласилась на протокол или письмо, в котором мы вновь подтвердили бы соответственный пункт Рижского договора***** касательно Литвы; но этот пункт договора говорит не только о Литве, но и об Украине и Белоруссии, и поэтому, когда я согласился на упоминание в протоколе всего пункта, Польша поняла, что мы таким путем получаем от нее письменное формальное заверение отсутствия у нее каких-либо соглашений с Гитлером касательно Украины и Белоруссии. Ее предложение об упоминании в протоколе лишь 2-го абзаца статьи, говорящего только о Литве, я, естественно, отклонил, и это вновь загоняет Польшу в угол, ибо если она решительно будет отклонять ссылку на весь пункт, то она этим скажет, что у нее есть какие-то соглашения с Гитлером.

В течение истекшей недели Польша проявляла необычную для нее поспешность в переговорах о продлении пакта, так как ей очень хотелось подписать протокол вместе с Прибалтикой. Она, однако, не поспела и этой своей цели не достигла. Надо думать, однако, что она, в конце концов, не сможет теперь уйти от продления пакта*****.

---

* См. док. № 89.

** См. док. № 62.

*** См. т. XV, соответственно док. № 300, 201, 67.

**** См. док. № 96.

***** См. т. IX, док. № 272.

***** См. т. III, док. № 350.

***** См. док. № 157.

Если у Вас будет случай повидать Барту* до его отъезда в Варшаву, Вы, конечно, можете сказать ему о всех этих перипетиях, которые отнюдь не свидетельствуют о прямоте и искренности польской политики.

Что касается Вашего вопроса об отношениях с Малой Антантой, то должен сообщить, что никаких переговоров мы с ней не вели. Мы знаем только из газет, что она будто бы давно решила восстановить нормальные отношения, но что это задерживается желанием Титулеску встретиться со мною и о чем-то переговорить. Титулеску действительно несколько раз запрашивал меня**, где он смог бы встретиться со мною за границей. Я ему неизменно отвечал: «В Женеве, когда будет вновь поставлен вопрос о разоружении». Он теперь, вероятно, рассчитывает встретиться со мною там, но я поехать из-за состояния своего здоровья не смогу. Бенеш тоже говорил г. Александровскому*** о решенном восстановлении отношений и пока что вручил ему проект торгового договора, предложив немедленно вступить в переговоры об этом договоре. Мы ответили, что до нормализации отношений торговых договоров не заключаем****. Вот и все.

Если Вы увидите в Париже Титулеску, скажите ему, что я до последнего момента надеялся встретиться с ним в Женеве 10-го, но что врач, обследовав меня в день отъезда, признал поездку опасной для моего здоровья. Постарайтесь выяснить, о чем он хочет со мною говорить*****. Если Бюро конференции постановит созвать через некоторое время Генеральную комиссию, то, возможно, что тогда поеду в Женеву.

Литвинов

Печат. по арх.

110. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

4 апреля 1934 г.

Рюштю-бей говорил, что предполагается ответный визит авиаотряда в Москву на 1 мая¹⁰⁶. Число самолетов не фиксировано, но минимум — 5. Ввиду непригодности аэропла-

* См. док. № 138.

** См. док. № 57.

*** См. док. № 80.

**** См. док. № 83, 102.

***** См. док. № 132, 181, 190.

нов к длительному морскому перелету полет предполагается провести этапами с остановкой в Румынии и, быть может, в Болгарии, а также на Украине.

Полпред

Берат, по арх.

111. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Швеции с Министром Иностранных Дел Швеции Сандлером

4 апреля 1934 г.

В связи с телефонными разговорами о закупках по сельскому хозяйству была у Сандлера. Сандлер очень интересовался, когда вернется Канделаки из Москвы и как обстоят дела с этими закупками¹⁰⁷.

Сандлер сообщил, что после пасхальных каникул парламентская комиссия с 5 апреля возобновит свои работы по разбору соглашения*. Всякого рода «заклучений» по займу накопилось огромное количество, и он считает целесообразным дать комиссии время разобраться. В комиссии докладчиком будет секретарь бывшей комиссии по переговорам, «многообещающий» и способный представитель и чиновник МИД Хеглеф. Сам Сандлер на неделю уезжает в Женеву.

По поводу оппозиции в печати против займа Сандлер сказал: «Меня это несколько не удивляет. Мы к этому были подготовлены. Буржуазные партии сводят с нами счеты. Основной удар, как мы видели, направлен на общую линию политики шведского правительства: разрешение финансовых вопросов через госорганы, а не путем частной инициативы банков и промышленников».

Тон его по поводу исхода дела о займе был весьма спокойный, хотя он и отмечал, что предстоит еще большая борьба в комиссии и парламентском пленуме. «Но уже прохождение в пленуме — это внешняя сторона. Решает по существу парламентская комиссия». Он считает, что весьма важно теперь же по приезде Канделаки дать понять промышленникам, что план советских заказов включает весьма широко все отрасли промышленности и что мы намерены давать заказы не одним крупным фирмам (торгпредовский план так и составлен). По мнению Сандлера, главное сопротивление промышленников вызывается их боязнью, как бы не оказались загруженными нашими заказами только крупнейшие фирмы.

Сандлер сообщил, что шведское правительство вызвало сюда пресс-атташе Линда из Москвы как «живого свидетеля»

* См. док. № 129.

положения в Союзе (сказано шутливо), который сумеет вразумить «сомневающих» и «недоверчивых».

Общее впечатление от беседы с Сандлером, что шведское правительство твердо ведет свою линию и нервозности за судьбу соглашения не проявляет.

А. Коллонтай

Печат. по арх.

112. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

5 апреля 1934 г.

Вчера конгрессом был принят билль Джонсона¹⁰⁸. Несмотря на поправку Джонсона, дающую возможность Экспортно-импортному банку кредитовать торговлю с нами, государственный департамент в угоду Фишам* прислал в конгресс письмо, в котором сообщается, что банк решил не кредитовать операций с нами до урегулирования претензий. Таким образом госдепартамент аннулировал поправку Джонсона к его биллю**.

Трояновский

Печат. по арх.

113. Телеграмма Представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
6 апреля 1934 г.*

Бенеш спокойно принял заявление относительно торговых переговоров***. Спросил, будет ли Литвинов в Женеве, явно обеспокоился сообщением, что состояние здоровья Литвинова может не позволить этого. Бенеш заявил, что будет крайне неприятно, если признание затянется из-за того, что Титулеску не получит возможности лично договориться об интересующих его вопросах с правомочным на то представителем СССР. Бенеш просил узнать до понедельника 9-го, когда он едет в Женеву, будет ли там Литвинов или Довгалевский, последний с прямыми полномочиями для разговора с Титулеску. На худой конец Титулеску будет в Париже 17-го, но Бенеш придает значение своему участию в разговоре, что возможно лишь в Женеве****.

* См. т. XIII, прим. 123.

** См. док. № 84.

*** См. док. № 102.

**** См. док. № 192.

Бенеш намечает осуществить восстановление дипломатических отношений путем простого назначения посланников и обмена короткими нотами. Просил до подписания узнать неофициально, как отнесется Москва к кандидатуре Богдана Павлу*, которого он очень рекомендует.

Если бы признание затянулось, Бенеш готов вернуться к проекту взаимного признания торговодоговорными странами на основе договора 1922 г.** Однако он надеется на урегулирование политических вопросов в Женеве***.

Полпред

Печат. по арх.

114. Протокол [о продлении срока действия Договора о ненападении и мирном улажении конфликтов, заключенного между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой]

[7 апреля 1934 г.]

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик и Президент Финляндской Республики,

руководимые стремлением обеспечить возможно более прочную базу для развития отношений между их странами,

желая дать друг другу новое доказательство неизменности и прочности счастливо установившихся между ними мирных и дружественных отношений,

воодушевленные желанием содействовать укреплению всеобщего мира, а также стабильности и мирному развитию междугосударственных отношений в Восточной Европе и

констатируя, что заключение Договора, подписанного 21 января 1932 года**** в Гельсинки между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндией, оказало благотворное воздействие на их отношения и на разрешение указанных задач,

решили подписать настоящий Протокол, и для этой цели назначили своих уполномоченных, а именно:

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик:

Максима Максимовича Литвинова, Члена Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик, Народного Комиссара по Иностранным делам;

* Заведующий политическим отделом МИД Чехословакии.

** См. т. V, док. № 180.

*** См. док. № 194.

**** См. т. XV, док. № 32.

Президент Финляндской Республики:
барона Арно Ирве-Коскинена, Чрезвычайного Посланника
и Полномочного Министра Финляндской Республики в Москве,
которые, по взаимном предъявлении своих полномочий,
найденных составленными в должном и надлежащем виде,
согласились о нижеследующем:

Статья 1

Во изменение постановлений относительно срока и порядка прекращения силы Договора о ненападении и о мирном улажении конфликтов, заключенного в Гельсинки 21 января 1932 года между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндией, каковые постановления предусмотрены в статье 8 названного Договора, этот договор останется в силе до 31 декабря 1945 года.

Статья 2

Настоящий Протокол составлен в двух экземплярах на французском языке. Настоящий Протокол должен быть ратифицирован в возможно короткий срок, и ратификационные грамоты будут обменены между Высокими Договаривающимися Сторонами в Гельсинки.

Настоящий Протокол вступит в силу со дня обмена ратификационными грамотами.

В удостоверение чего, поименованные выше Уполномоченные подписали настоящий Протокол и приложили к нему свои печати. Учинено в городе Москве, 7 апреля 1934 года.

М. Литвинов

А. С. Ирве-Коскинен

*Печат. по «Собранию законов...», стр. 11.
№ 22, 31 декабря 1934 г., стр. 309—311.*

Протокол ратифицирован: ЦИК СССР 27 апреля 1934 г., президентом Финляндской Республики 14 декабря 1934 г.

Обмен ратификационными грамотами состоялся в Гельсинки 19 декабря 1934 г.

115. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Эстонии А. М. Устинова члену Коллегии Народного Комисариата Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову

7 апреля 1934 г.

Открытие выставки советской графики речами министра иностранных дел и главы государства превратилось в политическую демонстрацию дружбы с СССР. Министр иностранных

дел увязал вопрос культурного сближения с продлением договора о пенагадении*, глава государства рекомендовал эстонским художникам учиться у великого соседа. Подробности — в сообщении ТАСС**.

Полпред

Печат. по арх.

116. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом США в СССР Буллитом

8 апреля 1934 г.

После обычных для него предисловий о желании со мной посоветоваться и просить моего сотрудничества, Буллит сообщил, что госдепартамент отклоняет наше предложение относительно кредитов*** в столь решительных выражениях, что он даже не решает передать их мнение, и что госдепартамент настаивает на той схеме, которую он предложил Трояновскому****. Буллит чрезвычайно опечален создавшимся тяжелым положением в связи с прохождением закона Джонсона, прекращающего нашу торговлю с Америкой. Закон охватывает целый ряд стран, в том числе, по мнению Буллита, и те, которые учиняют так называемые символические платежи Америке. Таким образом, американский рынок останется открытым почти только для Японии, которая несомненно положение использует. Он, Буллит, думал над этим долго и набрел на мысль, которой он хочет со мной поделиться и о которой он просит ни в коем случае не сообщать в Вашингтон, пока он не получит санкции госдепартамента. У нас имеются различные минералы и металлы, в том числе в большом количестве платина. Что если отправить соответственные количества металлов в Америку в обеспечение просимых нами кредитов? Он не знает, изменит ли это отношение госдепартамента к нашему предложению, но это, во всяком случае, несколько «подсластило бы пилюлю».

Мой ответ: насколько мне известно, предполагалось вначале изъять из закона Джонсона Экспортно-импортный банк и предоставить ему некоторую свободу действий для торговли с нами, но по чьему-то неудачному совету решено было связать руки банку. Такой совет мог дать человек, совершенно не разбирающийся в наших позициях и в истории наших взаимоотношений с внешним миром. Если он думал этим советом нас запугать и оказать на нас давление, чтобы вынудить у нас то

* См. док. № 107.

** См. газ. «Известия». 9 апреля 1934 г.

*** См. док. № 103.

**** См. стр. 182.

или иное урегулирование старых претензий, то его ожидает горькое разочарование. Подобные давления на нас оказывались со всех сторон в течение десятилетия европейские страны, и они должны были убедиться в недействительности подобных средств и от них отказаться. Несмотря на гораздо большие размеры претензий со стороны Англии, Франции и других стран, мы с ними ведем торговлю, получаем кредиты и займы, притом без всякого обеспечения. Нам безуспешно пытались навязывать ту самую схему обложения наших закупок, которую предлагает госдепартамент. Безуспешна будет и попытка госдепартамента. Мы на эту схему не пойдем. Нам казалось, что ввиду незначительности американских претензий нам удастся сговориться с Америкой, а при беседах с Рузвельтом у меня даже создалась уверенность в том, что мы соглашение нацупали. Рузвельт согласился, и он сам это письменно зафиксировал *, что основой такого соглашения должно быть предоставление нам займа. Я не имел оснований сомневаться в том, что этим займом мы сможем распорядиться по своему усмотрению, даже вне США, тем более, что мне предлагались замороженные кредиты в Германии, которыми мы раслачивались бы по германским обязательствам, а не за американские товары. Когда нам Буллит заявил, что Рузвельт не может предоставить займа, мы пошли ему навстречу и согласились на финансовые кредиты **. Это есть тот минимум, ниже которого никакое соглашение невозможно. Мы по-прежнему стоим на почве соглашения с Рузвельтом, но мы не дадим себя убедить в том, что под словом «заем» надо понимать обложение наших закупок в Америке. С таким толкованием ни один человек не согласится. Закон Джонсона не произведет на нас ожидаемого впечатления. Мы сами, по собственным соображениям, ограничили наш импорт, и имеющиеся у нас заказы мы без всякого труда разместим вне Америки. Предложение заграницы значительно превышает наш спрос. 16 лет мы получали заграничные кредиты без всяких обеспечений, и мы не видим надобности и возможности теперь давать обеспечение, да еще по кредиту, на который мы идем лишь в порядке уступки в связи с урегулированием старых претензий. Очень досадно, конечно, и об этом, вероятно, будет сожалеть многие американцы, что после восстановления отношений мы оказываемся отброшенными назад в отношении торговли. Поскольку это нас касается, мы, конечно, готовы поддерживать наилучшие политические отношения с Америкой и при создавшемся положении. Никаких предложений на базе схемы госдепартамента я делать не могу, ибо сама база совершенно недискутабельна.

* См. т. XVI, док. № 361.

** См. док. № 84, 103.

Буллит был очень смущен, ибо он явно приходил проверить впечатление тех мер заугнвания, автором которых он сам является. Сюда относятся заявление дирекции Экспортно-импортного банка в конгрессе¹⁰⁹ и сообщения американских корреспондентов в Москве, инспирированные самим Буллитом*. Необходимы и в дальнейшем твердый тон и выдержка.

Литвинов

Печат. по арх.

117. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому

10 апреля 1934 г.

Посылаемые Вам записи моих бесед с Буллитом** дадут Вам ясное представление о состоянии наших переговоров о займе. Есть все основания думать, что заявление в конгрессе от имени Экспортно-импортного банка инспирировано Буллитом, который еще со времени, предшествовавшего восстановлению отношений, носится с мыслью, что мы настолько заинтересованы в торговле с Америкой, что прекращение ее является единственным действительным средством давления на нас. Он еще в Вашингтоне угрожал мне законом Джонсона. Чтобы подчеркнуть значение только что принятого закона***, он соответственно обрабатывает здешних американских корреспондентов, стараясь воздействовать через их газеты на нас. Его последний визит ко мне имел очевидной целью проверить впечатление, произведенное на нас заявлением Мак-Рейнольдса и комментариями в американской прессе****.

Не подлежит сомнению, что Буллит издавна был сторонником восстановления отношений и сыграл немалую положительную роль в этом деле, но в то же время он задался целью выжать у нас возможно больше в пользу Америки, и поэтому даже в моих переговорах с президентом он играл отрицательную роль, заостря спорные вопросы и заняв более непримиримую позицию, чем Рузвельт. Делает он это, очевидно, либо с целью отвести упреки в излишнем советофильстве, либо же, чтобы доказать госдепартаменту и Рузвельту, что, несмотря на свое советофильство или даже благодаря ему, он способен твердо защищать американские интересы.

---

* См. док. № 117.

** См. док. № 84, 116.

*** См. док. № 112.

**** См. док. № 116.

Мы должны побороть шантажистские наклонности Буллита, и это мы сможем сделать только выдержкой и спокойствием. Мы должны показать, что прекращение торговли с Америкой не производит на нас ожидаемого Буллитом впечатления, что оно бьет не нас, а лишь заинтересованных в торговле американцев. Я отнюдь не предлагаю бойкота Америке. Наоборот, если «Амторг» имеет возможность по-прежнему заключать сделки с американскими фирмами на выгодных нам условиях, он от них не должен отказываться и, наоборот, стимулировать их. Но, если бы даже это оказалось под давлением американского правительства невозможным, мы должны мириться также с продолжительным прекращением торговых отношений. С этой точки зрения я считал бы вредным в настоящее время какие-либо разговоры о статуте Торгпредства, а тем более о приезде в Америку торгпреда.

Вам следует в беседе с Рузвельтом развить аргументы, которые я приводил Буллиту, внушить ему, что мы отнюдь не находимся в зависимости от американского импорта и что нам приходится отбиваться от заграничных предложений, в частности из Германии, которая готова нам открывать кредит в размерах, превосходящих сумму, о которой идет речь у нас с Америкой. Необходимо настаивать на том, что мы стоим на базе выработанного в Вашингтоне соглашения, и что от этой базы отходит Америка, и что любой беспристрастный человек согласится, что под словом «заем» нельзя понимать предлагаемое госдепартаментом обложение наших закупок в Америке. Подобное обложение нам много лет тому назад пытался навязать де Монзи. Такие же попытки делались и Германией, и Англией, но мы их решительно отклоняли.

Необходимо Вам иметь в виду, что, согласно разъяснению Буллита, Экспортно-импортный банк отнюдь не имеет в виду финансировать наши закупки на 100%, а предполагает возлагать 50% риска на американских поставщиков. Это значит, что покупать по-прежнему мы будем в кредит, переплачивая на ценах, и что наши векселя по-прежнему будут сбываться американцами на черных биржах Парижа и др. Наше основное требование состоит в том, чтобы мы получали непосредственно из банка на 100% необходимые нам для закупок суммы и чтобы товары покупались нами за наличный расчет. Банк должен быть только финансирующей организацией, а не промежуточным торговым звеном. Если этот принцип будет усвоен Рузвельтом, то нам останется только договориваться относительно процентной ставки и суммы займа.

Что касается возмещения претензий, то напомните президенту, что я соглашался рекомендовать своему правительству повышение суммы до 100 млн. в том лишь случае, если мне не удастся убедить президента в несправедливости его требо-

ваний свыше 75 млн. Поскольку я не имею возможности лично убеждать президента, я Вам поручил это сделать. Документы говорят сами за себя. Достаточно доказать, что спустя значительное время после Октябрьской революции у агентов Керенского, благодаря попустительству и поощрению американского правительства, находилось имущество на 171 млн. долл.⁷⁹, состоящего отчасти из остатков американского кредита, чтобы мы могли считать себя совершенно свободными от долга Керенского. Если нам навязывают пассив Керенского, то мы должны претендовать и на его актив в Америке, а между тем этим активом мы не могли воспользоваться только благодаря действиям американского правительства. Скажите Рузвельту, что я настолько убежден в его справедливости, что не допускаю мысли, чтобы он мог после этого требовать от нас какое-либо возмещение долга Керенского, истраченного Угетом на финансирование белых. Я, однако, не отказываюсь от обязательства касательно 75 млн., которых вполне хватит на удовлетворение Рузвельтом частных лиц. Я уверен, что если Рузвельт представит конгрессу и сенату документы, то и там признают нас свободными от долга Керенского. Конечно, любое возмещение, которое мы согласились бы давать, должно проходить под флагом долга Керенского, а не удовлетворения частных претензий, ибо иначе создастся прецедент для других стран. Я Вам не посылаю документов, ибо уверен в том, что у Вас остались копии. Основной документ — это доклад Угета, который рекомендую Вам перевести на английский язык и вручить президенту.

Нарком
Литвинов

Печат. по арх.

118. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Турции Я. З. Сурицу

10 апреля 1934 г.

Уважаемый товарищ,

С почтой от 23 марта я сообщил Вам о положении главнейших вопросов, относящихся к нашим культурным связям с Турцией, в частности проходящих по линии Академии наук и Академии истории материальной культуры. Сейчас для продвижения этих вопросов нам необходимо иметь ответы турок на сделанные им предложения. Я надеюсь с ближайшей почтой иметь Ваш ответ на это письмо¹¹⁰.

За последнее время нам удалось несколько расшевелить ВОКС, и он более активно включился в культурную работу по

Турции. Программа этой работы согласована с нами. По-видимому, в этом сезоне мы будем иметь дальнейшее оживление в деле культурной связи с Турцией. Хочу Вас кратко информировать по отдельным вопросам этой программы:

1. Сегодня в Москву прибыл Зекки * с сыном. Его пребывание в Москве намечено примерно до 20 апреля. Разработана интересная программа по изучению постановки у нас дела музыкального образования, творческой работы, работы консерватории, музеев, выставок и т. д. Предусмотрено изучение нашего театрального дела, и в особенности оперного. Состоится ряд бесед с руководящими работниками консерватории, Союза советских композиторов, музыкального радиовещания, Музгиза, Гомэца **, филармонии, музыкальных техникумов. Намечено заседание музыкального сектора ВОКС для беседы о положении турецкого музыкального искусства. На 17 апреля намечены выступления Зекки в Большом зале консерватории в симфоническом концерте, на котором также выступит Экрем Зекки со скрипичным концертом. Концерт, по-видимому, будет транслироваться. После уточнения программы совместно с Зекки Вы получите подтверждение по телеграфу. 19 апреля в ВОКС намечен концерт турецкой музыки, с участием турецких гостей и с докладами, который также, по-видимому, будет транслироваться, о чем Вы получите извещение ¹¹¹.

Мы рассчитываем использовать приезд Зекки для установления органической связи с Анкарской консерваторией и для помощи по организации турецкой оперной школы, а также для ознакомления наших композиторов с музыкальными течениями, существующими в Турции, и для включения их в работу по турецкой музыке.

2. Мы договорились с сельскохозяйственной академией о стажировке агронома Фуада. Программа его работы должна начаться в Ленинграде (Всесоюзный институт растениеводства), продолжиться в Москве (Институт лубяных культур при НИТИ) и закончиться на Украине (Институт конопли в Глухове). Мы договорились о том, что Фуад будет получать жалованье в советских рублях, как научный сотрудник. При таком положении его субсидия в лирах сможет быть использована в большей части через «Торгсин» для улучшения условий питания и пр. Разумеется, вся эта программа будет уточнена по согласованию с Фуадом, после его приезда в Москву, где он ознакомится с общей системой Сельскохозяйственной академии и договорится с ее руководством о методах своей стажировки. О выезде Фуада сообщите заблаговременно по телеграфу ¹¹².

* Директор Анкарской консерватории, главный дирижер оркестра; его сын Экрем был скрипачом, солистом оркестра.

** Государственное объединение музыки, эстрады, цирка.

3. Мы поставили перед Шумяцким * вопрос об обучении у нас турецких киноработников. Поскольку для разрешения этого вопроса необходимо выяснение ряда технических деталей, выехавший в Турцию т. Виткин ** получил инструкции вступить по этому вопросу в контакт с Ихсан-беом ***, с которым вел переговоры т. Броун ****, и договориться с турками об условиях стажировки. Не откажите срочно сообщить, что было сделано в этом направлении т. Виткиным и приняли ли турки, на основе этих переговоров, решение направить к нам киноработников. Во всяком случае, мы заинтересованы в том, чтобы полностью осуществить этот проект и установить деловое организационное сотрудничество с турками в области киноработы.

4. С последней почтой я уже сообщал Вам, с какими трудностями мы встретились в деле подготовки турецкой антологии. В настоящее время вопрос практически упирается в отсутствие у нас турецких книг, над которыми должна производиться работа. С настоящей почтой Вам направляется письмо т. Накорякова, с приложением списка турецкой литературы, которую нам нужно прислать. Из последнего письма Залкинда видно, что Хикмет охотно согласился снабдить нас турецкими изданиями ¹¹³. К сожалению, реализация этого согласия задерживается. Я полагаю, что посылаемый Вам конкретный список поможет ускорить дело высылки нам образцов турецкой литературы. Поручите т. Броуну специально проследить за отправкой нам необходимых книг (кстати, отмечаю, что еще более досадная задержка имеется в деле высылки нам дополнительного экземпляра серни нот, изданных Стамбульской консерваторией).

5. Из письма т. Залкинда от 25 марта видно, что по вопросу тюркологин Хикмет ожидает ответа от академиков Марра и Самойловича. По-видимому, в основном здесь речь идет о тех вопросах, по которым я послал Вам ряд предложений от имени Академии наук и ГАИМК ***** в письме от 23 марта (экспедиции, антропологический конгресс). Не откажите сообщить, по каким еще пунктам турки ожидают сведений от наших академиков. О времени созыва тюркологического конгресса не откажите нас заранее информировать ⁴⁵.

6. Обмен музыкальными силами. Мы полагаем использовать приезд Зекки, чтобы дать нашим музыкальным организациям возможность конкретно договориться о тех музыкальных силах в Турции, которые могут быть приглашены

* Начальник Главного управления кинопромышленности СССР.

** Руководитель группы советских киноработников.

*** Чиновник министерства просвещения Турции.

**** Атташе полпредства СССР в Турции.

***** Государственная академия истории материальной культуры.

в СССР для выступлений (конкретно вопрос стоит сейчас относительно концертных выступлений в Баку). Что касается поездки наших музыкантов, которые могли бы поехать в Турцию, то, к сожалению, этот вопрос чрезвычайно запутался. Как вы знаете, намеченная т. Ганецким группа не выезжает в Турцию ввиду неясности организационных вопросов. Кроме того, и у нас не было уверенности, какого рода музыкальные силы следует послать в Турцию, чтобы обеспечить успех их выступлениям и в то же время продемонстрировать высокую культуру советского искусства. Можем ли мы рассчитывать, что солисты с серьезным репертуаром могут иметь в Турции успех. Я считаю, что в этот вопрос может быть внесена ясность, только если за него возьмется само полпредство (из сношений ГОМЭЦ с нашим генконсульством в Стамбуле ничего не получилось). Прошу Вас сформулировать по этому вопросу Ваши предложения: 1) считаете ли Вы целесообразным в ближайшее время организовать поездку в Турцию советских артистов; 2) должен ли это быть концертный или оперный ансамбль; 3) с какой примерно программой и в каком составе должна быть намечена наша музыкальная группа и 4) на каких началах должна быть организована эта поездка (приглашение, контракт, условия оплаты и т. д.)¹¹⁴.

7. Я запросил Вас телеграфом, кто выделен турками для участия на медицинском антивревматическом конгрессе. Не откажите ускорить ответ турок¹¹⁵. Что касается юбилейного Менделеевского съезда химиков, то я вполне согласен с Вами, что приглашение Академии наук должно быть направлено через Министерство просвещения. Мы поручили т. Вайнштейну* договориться об этом в Академии. В ближайшие дни я надеюсь иметь положительный ответ, о чем буду Вас телеграфно информировать¹¹⁶.

С товарищеским приветом

Карахан

Печат. по глг.

119. Выступление члена советской делегации Б. Е. Штейна на заседании Бюро Конференции по сокращению и ограничению вооружений

10 апреля 1934 г.

Доклад, опубликованный 9 апреля**, а равно и сегодняшняя речь председателя конференции по разоружению не оставляют сомнений в том, что конференция по разоружению в

* Дипломатический агент НКВД СССР в Ленинграде.

** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. X, М., 1936, стр. 126—130.

течение последних месяцев, в частности со времени последнего заседания Бюро конференции по разоружению, не вышла из того состояния тупика, в котором она находилась уже летом прошлого года.

Если в результате двухлетней работы конференция попадает в тупик, из которого тщетно ищут какой-либо выход, то позволительно думать, что в основе этих работ, приведших к таким печальным результатам, имеется какая-либо серьезная и основная ошибка. По мнению советской делегации, эта основная ошибка заключается в отклонении проекта СССР о полном всеобщем и немедленном разоружении*. Советская делегация как теперь, так и прежде, причем теперь еще более, чем прежде, убеждена в том, что всеобщее и полное разоружение является единственным методом, способным устранить всякие разногласия между отдельными участниками конференции, сделать возможным действительный контроль и создать действительную прочную и длительную гарантию мира.

Совершенно очевидно, что ответственность за те печальные результаты (если под результатами можно понимать отсутствие всяких результатов), к которым пришла конференция за два с лишним года своего существования, не может быть ни в коем случае возложена на СССР, предложения которого в подавляющем количестве случаев отклонялись. Еще менее может идти речь о какой-либо ответственности СССР за нынешнее состояние тех «прямых переговоров», о которых здесь докладывал председатель конференции, поскольку в них Советский Союз вообще не участвовал. Я считаю необходимым подчеркнуть, что позиция советской делегации в вопросе о сокращении вооружений осталась прежней и что Советский Союз теперь, как и прежде, готов согласиться на любое сокращение существующих вооружений, каким бы минимальным оно ни было, при неременном условии, само собой разумеется, что это сокращение будет всеобщим, т. е. будет применено ко всем государствам без исключения и обязательно ко всем соседям Советского Союза.

Означает ли крушение хотя бы частичного сокращения уже существующих вооружений необходимость одновременного прекращения работы по укреплению существующих и созданию новых гарантий мира другими способами и средствами, хотя бы и менее эффективными, нежели прямое сокращение вооружений?

Означает ли неудача попыток сокращения вооружений необходимость признания, что единственным и универсальным законом становится всеобщая гонка вооружений на

---

* См. т. XV, док. № 82, 90.

суше, на море и в воздухе и что конференция по разоружению должна помогать в разработке закона о вооружениях?

Нужно ли напоминать, что всеобщая гонка вооружений никогда не могла служить делу укрепления мира, а, наоборот, ускоряла и развязывала вооруженные конфликты. Это неизбежное следствие гонки вооружений, засвидетельствованное не раз историей, теперь снова грозным призраком войны нависло над всем человечеством.

Конференция не может ограничиться прямой или скрытой констатацией крушения попыток сокращения существующих вооружений. Положение, в котором находится сейчас конференция, разумеется, внушает серьезнейшие опасения. Однако советская делегация не считает, что положение не допускает новых усилий в целях все же добиться положительных результатов работ. Такие усилия, несомненно, встретят поддержку советской делегации. В течение работ конференции предлагалось немало проектов создания новых гарантий безопасности, способных если не устранить опасность войны, то, во всяком случае, создать известные препятствия на ее пути и замедлить, насколько это возможно, ее развязывание. В первую очередь советская делегация считает необходимым упомянуть советское предложение об определении агрессора*. Далее советская делегация напоминает о французских предложениях**, сделанных в свое время на конференции, и наконец, о предложении президента Рузвельта о всеобщем пакте ненападения***.

Безрезультатность работ по сокращению вооружений не вызвала бездеятельности Советского Союза, не прекратившего своих систематических усилий, направленных в сторону укрепления мира всеми способами и средствами. Лондонские соглашения об определении агрессора сделали это определение обязательным во взаимоотношениях между СССР, Польшей, Турцией, Румынией, Эстонией, Латвией, Персией, Афганистаном, Чехословакией, Югославией, Литвой и Финляндией. Несколько позже то же определение агрессора сделалось обязательным для участников балканского пакта****.

Только несколько дней назад Советский Союз продлил на 10 лет существующие договоры о ненападении и нейтралитете с Латвией, Литвой, Эстонией и Финляндией и тем самым еще более укрепил атмосферу мира в этом участке Европы*****.

---

* См. т. XVI, док. № 32.

** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 99—100.

*** См. там же, стр. 25—27.

**** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 157—161.

***** См. док. № 105, 106, 107, 114.

Следуя усилиям Советского правительства, советская делегация предлагает конференции немедленно заняться изучением всех внесенных на конференции предложений об укреплении безопасности и в первую очередь закончить прерванное обсуждение определения агрессора с тем, чтобы сделать это определение обязательным для всех участников конференции. В заключение советская делегация считает целесообразным, чтобы возобновление работ Генеральной комиссии было предусмотрено в наивозможно краткий срок.

*Печат. по газ. «Известия» № 57 (5335),
12 апреля 1934 г.
Опубл. в сб. «League of Nations. Records
of the Conference for the Reduction and
Limitation of Armaments. Series C. Minutes
of the Bureau. Vol. II, Geneva, 1935.
pp. 205—206.*

120. Нота Полномочного Представителя СССР в Великобритании Министру Иностранных Дел Великобритании Саймону

11 апреля 1934 г.

Имею честь подтвердить получение Вашей ноты от 2 марта 1934 г. за № 1318/16/38, подписанной г. Лоуренсом Кольером, о содержании которой, в соответствии с просьбой, выраженной в ней, я не замедлил информировать Правительство Союза Советских Социалистических Республик.

Я уполномочен сообщить Вам, что Правительство СССР, со своей стороны, полностью сохраняет в силе все свои претензии и претензии своих граждан к Британскому Правительству, в том числе и претензии, вытекающие из участия Великобритании в военной интервенции и блокаде 1918—1920 гг.*

И. Майский

Печат. по арх.

В упоминаемой ноте от 2 марта 1934 г., подписанной (за министра иностранных дел) директором северного департамента МИД Великобритании Кольером, в частности, говорилось:

«Ввиду подписания временного торгового соглашения между Правительством Его Величества в Соединенном Королевстве и Правительством Союза Советских Социалистических Республик**, я имею честь обратить внимание Вашего Превосходительства на меморандум по вопросу о долгах и претензиях, предъявляемых Советскому Правительству, который был передан Вам на втором заседании переговоров по этому соглашению 9 февраля 1933 г.***.

* См. т. V, док. № 150; т. VIII, прим. 93.

** См. док. № 17.

*** См. т. XVI, док. № 36.

2. Я буду благодарен, если Вы проинформируете Советское Правительство, что Правительство Его Величества продолжает придерживаться своей точки зрения, изложенной в меморандуме, в отношении этих долгов и претензий и резервирует за собой право добиваться их урегулирования в любое время. До достижения такого урегулирования Правительство Его Величества не сможет согласиться на переговоры о постоянном договоре о торговле и навигации для замены существующего временного соглашения».

121. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послаником Литвы в СССР Балтрушайтисом

11 апреля 1934 г.

Балтрушайтис благодарил меня за акцию по продлению пакта о ненападении* и говорил о превосходном впечатлении, произведенном ею в Литве и во всей Прибалтике. Он спрашивал, не намерен ли я предпринять еще что-нибудь, на что я ответил, что мы предполагаем предпринять некоторые дальнейшие шаги в целях укрепления независимости Прибалтики**.

Балтрушайтис сказал, что ему сообщили из Ковно и что такие сведения он получил здесь от Буллита, будто поляки тормозили в Эстонии и в Латвии подписание протокола, и что они обуславливают подписание ими протокола нашими уступками из области советско-литовских отношений и что в настоящее время подыскивается подходящая формула. Я ответил, что в конфиденциальном порядке могу ему сообщить, что в течение двух месяцев Польша не отвечала на наше предложение о продлении пакта*** и что засуетилась она тогда, когда узнала о сделанных нами предложениях Прибалтике. Она действительно хотела включиться в общее подписание протокола и добивалась от нас отказа от протокола с Литвой или, по крайней мере, от продления документов, приложенных к советско-литовскому пакту****. Мы эти домогательства отклонили, и теперь Польша, поскольку она уже не может участвовать в общем подписании, заявляет, что дело ей не к спеху, а мы также не торопим ее с подписанием протокола. Я просил Балтрушайтиса считать это сообщение совершенно конфиденциальным, не предназначенным ни в коем случае для печати.

После этого Балтрушайтис заговорил о нашей практике посылки военных судов в иностранные порты. В Мемель в

* См. док. № 106.

** См. док. № 94.

*** См. док. № 42, 69.

**** См. т. IX, док. № 271, 272.

прошлом году заходило германское военное судно. Предполагается в этом году приглашение французских и английских судов, и поэтому было бы хорошо, если бы какое-нибудь наше военное судно также зашло в Мемель¹¹⁷. Балтрушайтис ожидает с почтой подробностей, которые он сообщит т. Стомонякову. При этом Балтрушайтис напомнил о просьбе о военно-технической помощи. Я ему сказал, что я этим вопросом не занимался и что вообще не знаю, допускает ли обстановка с постоянной угрозой нападения на нас Японии сокращение наших военных запасов, но что мы должны выяснить еще с военным ведомством¹¹⁸.

Литвинов

Печат. по арх.

122. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии с Министром Иностранных Дел Германии Нейратом

11 апреля 1934 г.

Я сообщил Нейрату, что на его просьбу о предоставлении ему уличающего материала на секретаря германского консульства в Одессе Гаиа могу дать отрицательный ответ. При этом я попытался объяснить ему мотивы этого отрицательного ответа.

Надольный обратился с просьбой в наш Наркоминдел не устраивать процесса «Контроль — К^б»¹¹⁹ с тем, чтобы обвиняемые немцы были высланы из пределов Советского Союза. Мы выполнили его просьбу не создавать процесса и выслали германских граждан. В связи с делом «Контроль — К^б» против секретаря германского консульства в Одессе Гаиа имеются серьезные подозрения. Заместитель народного комиссара иностранных дел т. Крестинский сообщил Надольному в устной форме выдержки из показаний арестованных иностранных граждан, из которых явствует, что Гаиа в течение целого ряда лет давал им задания в области шпионажа. В 1933 г. он поручил одному из обвиняемых организовать поджог ступелей на верфи «Марти», где у нас строятся малые подводные лодки, и это задание было выполнено. «Посудите сами, — сказал я Нейрату, — разве при этих условиях Гаиа может пользоваться доверием местных властей, а его работа может быть продуктивной? Вот почему мы считали необходимым обратиться к Вам, чтобы Вы его отозвали. Вы мне заявили, что не можете отозвать, ибо этот отзыв будет оскорбителен для Гаиа и будет означать признание с Вашей стороны его виновности. Это Ваше дело. Вы можете его отозвать, признавая его виновным, но можете также отозвать

его, и не признавая одновременно его вины. Повторяю, в отношении предоставления Вам уличающего материала Правительству СССР стоит на прежней точке зрения, что не может его Вам вручить. Вопрос о вручении Вам уличающего материала мог бы стоять, если бы состоялся процесс, но по Вашей же просьбе процесс не был создан».

Нейрат мне сказал, что это дело для него весьма неприятно, однако он понимает мои аргументы и подумает о том, что, может быть, при этих условиях является необходимым отозвать Гана.

2. Я указал Нейрату, что мы получили извещение о том, что запрещена «Правда», а в вечерней статье «Дипломатические корреспонденты» * жалуется на тон советской прессы, что он, мол, враждебен, полон ненависти к Германии и что этот тон не имеет себе примера. Я должен ему сказать, что немцы чувствуют только то, что их жмет, не вдаваясь в рассмотрение причин и оснований. Если я приведу ему синодикум тех враждебных статей и кампаний, которые появляются в Германии, то он поймет, что жаловаться приходится не германской стороне. До сих пор еще ведется кампания о «голоде в Советском Союзе» **. Выставки «голода» кочуют из одного берлинского района в другой, а между тем нам давно говорили, что эти выставки ликвидированы. До сих пор встречаются оскорбления по линии наших государственных лиц. В Германии крепко засел союз русских национал-социалистов, т. е. эмигрантов (Авалов-Бермонт). Эмигранты устраивают праздники. На одном из таких праздников присутствовал статс-секретарь Федер. Попробуйте поинтересоваться статьями Шеффера в «Берлинер тагеблат», а также статьями о «потемкинской деревне». Еще недавно в «Дейче альгемейне цейтунг» была статья с выпадами против Советского Союза: «Советский Союз теперь». Но и официальный орган национал-социалистов «Фелькишер беобахтер» также допускает выпады по адресу Советского Союза. Еще недавно была напечатана в этом органе статья: «Действительные успехи советского 5-летнего плана». Нашему секретарю посольства т. Гиршфельду указывали *** как на причину закрытия «Правды» на статью Димитрова ****, а между тем в сегодняшней газете «Цвёльф-ур-блат» имеется возмутительная перепечатка статьи эмигранта-невозвращенца Какабадзе о Сталине. Я мог бы значительно дополнить этот перечень выступлений и вы-

* См. «Дейче дипломатическо-политическо корреспондент» № 82, 10 апреля 1934 г.

** См. также т. XVI, док. № 209, 217 и док. № 284 настоящего тома.

*** Имеется в виду его беседа с заместителем заведующего отделом печати МИД Германии Заукеном 9 апреля 1934 г.

**** См. «Правда», 4 марта 1934 г.

падов против Советского Союза, но полагаю, что и этого достаточно. Неужели он, Нейрат, полагает, что можно такими мерами, как запрещение «Правды», улучшить взаимоотношения между нашими странами?

Нейрат заявил, что он об этом ничего не знает и что он займется этим делом. Я указал Нейрату, что г. Заукеи в разговоре с Гиршфельдом, правда, указал, что эта мера принята внутренними властями, но что МИД не возражал против этого. Мне кажется странным, что министерство иностранных дел это сделало, а между тем, он, Нейрат, ничего об этом не знает.

3. Далее я указал Нейрату, что до сих пор мы не имеем никакого ответа от МИД на мою ноту протеста, которую я вручил еще до пасхи и в его отсутствие г. статс-секретарю Бюлову*. А между тем долларовое дело движется. Нам известно, что фирма «Аграргезельшафт»** уже депонировала приговор суда в лаидгерихте*** и, таким образом, может требовать сейчас исполнительный лист. В деле «Шис-Дефрис» лаидгерихт назначил принудительно третейского судью, а этот последний уже прислал в торгпредство счет на уплату расходов.

Я добавил, что торгпредство ни при каких условиях платить по долларовым претензиям не будет. Нейрат заявил, что ему ничего об этом не известно, что он представленную мою ноту не читал и полагал, что долларовое дело уже в порядке. Он, конечно, сейчас займется этим делом.

4. Наконец, Нейрат спросил меня, известно ли мне предложение, которое сделал народный комиссар Литвинов германскому послу в Москве Надольному по поводу гарантийного пакта в отношении Прибалтики****. Я ему ответил утвердительно. Тогда Нейрат заявил мне, что он послал Надольному отрицательный ответ*****, так как он не придает никакого значения бумажным пактам. Немцы не имеют никаких притязаний на Прибалтику. Считаться же с высказываниями «какого-то» Розенберга***** он не намерен. Полагать же, что заключение такого пакта между Советским Союзом и Германией очистит у них атмосферу, неосновательно. Это не есть действительное средство для очищения атмосферы. Фактически он твердо уверен, что судьбы Германии и СССР аналогичны и

---

* См. док. № 88.

** См. также, док. № 91.

*** — областном суде (нем.).

**** См. док. № 94.

***** См. стр. 284—286.

***** См. также т. XVI, док. № 167, 190, 209 и док. № 18 настоящего тома.

что между этими странами должна быть дружественная атмосфера. Он понимает составление таких письменных документов, которые содействуют дружбе. Это есть, главным образом, документы хозяйственного порядка. Между Германией и СССР часто происходят переговоры по хозяйственным вопросам, и довольно успешно. Их он готов и считает своей обязанностью и в дальнейшем поддерживать и поощрять.

Я указал Нейрату, что предложение народного комиссара Литвинова исходило не из тех соображений, которые он указывает, т. е. не из соображений очистки атмосферы. Это соображение высказал Надольный, когда он квалифицировал предложение Литвинова. Предложение же народного комиссара Литвинова должно быть вполне понятно, ибо он, Нейрат, сам в свое время высказывал сожаление, что к пакту о признании независимости и самостоятельности Прибалтики не были привлечены немцы. Нейрат еще раз пытался уверить меня в весьма дружественном отношении как с его стороны, так и со стороны [его] правительства к Советскому Союзу. Он сказал, что он серьезно займется как вопросом долларовой, так и вопросом о запрещении «Правды».

5. По поводу заседания Бюро конференции по разоружению Нейрат сказал, что зря было назначено заседание Бюро. Он совершенно не понимает, зачем понадобилось Идену приезжать на заседание Бюро с 20-ю лицами. Он думает, что и 30 апреля не сможет состояться Бюро, ибо он сам пессимистически расценивает возможность соглашения на основе требований, предъявленных немцами*.

Хинцук

Печат. по арх

123. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Польше с Министром Иностранных Дел Польши Бек

12 апреля 1934 г.

После обмена обычными любезностями Бек в весьма общих выражениях отметил происшедшее улучшение советско-польских отношений, подчеркнув, что это улучшение соответствует настроениям и польской общественности. Таким образом, мол, акции наших правительств** явились уже в результате созревшего соответствующего настроения в общественности. Он выразил надежду, что это «состояние» (эта де шоз)

* См. «Сборник документов по международной политике...», вып. X, М., 1936, стр. 4—6, 19—22.

** См. док. № 53, 58.

будет продолжаться и дальше и что этому способствует также развивающееся культурное сближение*.

В своей реплике я употребил слово «сотрудничество», выразив надежду, что оно будет развиваться и дальше. Бек ни разу не произнес этого слова, пользуясь все время весьма общими фразами. Лишь несколько позже, заговорив о конференции по разоружению, он отметил, что обе наши делегации, а также и турецкая поддерживали одинаковую точку зрения и что, несомненно, так будет и дальше. Мы констатировали оба, что, собственно говоря, о разоружении сейчас никто не говорит, а речь идет о новых вооружениях. Когда в этой части разговора я сознательно вставил реплику, что самым трудным и щекотливым является вопрос о довооружениях Германии, он сразу перевел разговор в другую плоскость, выразив огорчение тем фактом, что конференция по разоружению не может отметить никаких успехов.

Говоря вначале об улучшении наших отношений, он с удовлетворением отметил, что этот факт особенно отраден на фоне общего пессимизма и растерянности в Европе. Тут он проводил ту мысль, что Польша и СССР сами добились улучшения своих отношений (т. е. без чужой помощи), и это несмотря на то, что всегда всеми было принято считать неблагоприятным положение в Восточной Европе.

Он говорил также о том, что кроме официальных отношений у меня будут и связи общественного порядка и что я могу рассчитывать на самый лучший прием во всех слоях польской общественности. Я благодарил его за любезность и ответил, что считаю своей основной задачей всемерно способствовать дальнейшему нашему сближению.

В заключение разговора я передал ему копии грамот**.

Далее я заметил, что буду очень рад повидаться с маршалом Пилсудским, но, зная его занятость, я предоставляю ему, Беку, выяснить время, когда я смогу быть принят им. Бек выразил готовность выяснить это и заметил, что маршал, несомненно, будет рад повидаться со мной¹²⁰. Перед расставанием мы снова обменялись всяческими заверениями о совместной дружной работе на пользу развития наших отношений***.

Давтян

Печат. по арх.

---

* См. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, М., 1969, стр. 152, 153, 182, 239, 240.

** Я. Х. Давтян вручил президенту Польши верительные грамоты 13 апреля 1934 г.

*** См. док. № 143, 165, 234.

124. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Персии С. К. Пастухова в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

12 апреля 1934 г.

Правительство Персии дало согласие на включение наших специалистов в свои противосаранчовые отряды в Азербайджане, Горгане и Хорасане, подчеркнув, что советские специалисты будут «гостями» персидских отрядов¹²¹. Согласилось персидское правительство также принять от нас яды и аппаратуру. Немедленно телеграфируйте мне фамилии наших специалистов с указанием, кто в какой район направляется, а также сообщите, в какие пункты и в каком количестве мы ввезем яды и аппаратуру для передачи персам. После получения этих сведений персидское правительство отдаст распоряжение о выдаче виз нашим специалистам и о пропуске ядов¹²².

Полпред

Печат. по арх.

125. Речь Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР М. И. Калинина при вручении верительных грамот Послом Польши в СССР Лукасевичем

13 апреля 1934 г.

Господин Посол,

Имею честь принять от Вас верительные грамоты, коими г. Президенту Польской Республики угодно аккредитовать Вас в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла при Центральном Исполнительном Комитете Союза Советских Социалистических Республик.

Я рад слышать из Ваших уст, что Правительство Польской Республики убеждено в прочности оснований и постоянном характере развития существующих между нашими странами отношений, и могу заверить Вас, г. Посол, что Правительство Союза Советских Социалистических Республик со своей стороны проникнуто твердым намерением способствовать дальнейшему укреплению и развитию этих взаимоотношений на основе взаимного доверия.

Я очень рад констатировать, что благодаря усилиям обоих Правительств уже достигнуты положительные результаты в деле устранения тех моментов, которые затрудняли сближение наших стран, и вместе с Вами надеюсь, что в результате конструктивной и деловой работы обоих Правительств отношения между нашими государствами будут в дальнейшем развиваться успешно и гармонично во всех областях.

Такое развитие отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Республикой имеет важное и благотворное значение не только для народов наших государств, но и для дела мира вообще. Союзное Правительство, неуклонно и последовательно проводящее в течение всего своего существования политику, направленную к сохранению и укреплению всеобщего мира, особенно радо Вашему заявлению, г. Посол, о стремлении Польского Правительства к сотрудничеству с Союзом Советских Социалистических Республик с целью создания прочных основ мирного и дружественного сожительства между государствами.

В согласии с Вами я считаю, что установление и расширение связи и сотрудничества в области науки и искусства и взаимное информирование широких кругов общественности о культурной жизни в каждой стране имеют большое значение для создания атмосферы, благоприятствующей сотрудничеству обоих Правительств на пользу сближения обеих стран и укрепления всеобщего мира. Я вполне разделяю поэтому то удовлетворение, которое Вы высказываете по поводу успехов, достигнутых в этой области в последнем году*, и надеюсь на успешное продолжение этой работы при деятельной поддержке обоих Правительств.

Приветствуя Вас сегодня в Вашем новом качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла Польской Республики, я могу заверить Вас, г. Посол, что все Ваши усилия, направленные к дальнейшему укреплению и развитию существующих между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Республикой отношений, встретят и впредь, как и до настоящего времени, неизменную поддержку с моей стороны и со стороны всего Союзного Правительства.

Печат. по арх.

Речь М. И. Калинина явилась ответом на речь Лукасевича, который заявил:

«Имею честь вручить Вам верительные грамоты, кои г. Президент Польской Республики пожелал аккредитовать меня в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла при Вас.

Считаю для себя эту честь тем более высокой, что происходящее одновременно возведение взаимных дипломатических представительств наших государств в ранг посольств является подтверждением нового успеха в положительном развитии существующих между нами дружественных отношений. По убеждению Правительства Польской Республики развитие этих отношений носит постоянный характер и зиждется на прочных основаниях. Это отражается как в неизменном взаимном стремлении к укреплению мира, так и в методичности наших конкретных начинаний, равно в последовательном стремлении к выяснению тех моментов, которые могли бы затруднить упрочение и углубление взаимного доверия.

* См. т. XVI, прим. 276.

Стремясь в сотрудничестве с Союзом Советских Социалистических Республик к реальному упрочению мира, Польское Правительство желает всегда придавать начинаниям в этой области характер конструктивной и деловой работы, имеющей целью создание прочных основ мирного и дружественного сожительства между государствами.

Выражая со своей стороны глубокое убеждение, что отношения между нашими государствами будут и в дальнейшем развиваться успешно и гармонично во всех областях их взаимоотношений, я не могу обойти молчанием тех исключительно ценных проявлений, которые мы наблюдали на протяжении последнего года в формировании мнения широких кругов наших общественностей на фоне оживленных связей в области науки и искусства. Спонтанические проявления уважения к культурному творчеству создают, несомненно, атмосферу, благоприятствующую деятельности Правительства, основанной на благожелательных в отношении друг к другу намерениях. Я желаю, наконец, г. Председатель, выразить Вам благодарность за Ваше всегда ко мне и к моей работе благожелательное отношение, а также заверить Вас, что со своей стороны я и впредь буду прилагать все усилия к тому, чтобы достигнутые в отношениях между нашими странами благоприятные результаты еще более углубить, развить и упрочить.

Я верю, господин Председатель, что столь необходимая для выполнения моей миссии поддержка Ваша, а также всего Советского Правительства будет мне и впредь оказана».

126. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Надольным

14 апреля 1934 г.

Надольный начал с выражения недовольства по поводу сегодняшней статьи Радека «Шипящая гадина»*. Я сказал, что повод для этой статьи дан был германским официозом и что критика направлена не против германского правительства, а против фашизма. Когда Надольный захотел обобщить вопрос и заговорил о враждебности нашей прессы, я порекомендовал ему обратиться к г. Штерну, который представит ему досье антисоветских выступлений германской печати.

После этого Надольный перешел к прямой цели своего визита и зачитал мне пространный ответ германского правительства на наше предложение подписания прибалтийского протокола**. Хотя Надольный имел якобы поручение только зачитать мне этот ответ, он по моей просьбе оставил мне письменную запись этого ответа.

Я резервировал за собой право при следующей встрече изложить ему наши возражения против германского ответа после изучения документа***. Существенна, однако, не аргументация, а самый факт отклонения нашего предложения, о чем я не могу не пожалеть, так как я видел в этом действи-

* Имеется в виду статья «Шипение фашистской гадины»; см. газ. «Известия», 14 апреля 1934 г.

** См. док. № 94.

*** См. док. № 139.

тельное и, может быть, единственное средство улучшения наших отношений. Отклоняя наше предложение, германская сторона не делает никаких позитивных предложений, а, наоборот, заранее отвергает подписание каких бы то ни было дипломатических актов. У меня в памяти осталось только то место германского ответа, где высказывается опасение возбуждения подозрений предложенным протоколом. Для меня же совершенно ясно, что если подозрений раньше не было, то они будут вызваны именно фактом отклонения нашего предложения, а если подозрения были, то они будут подкреплены этим фактом, и что, наоборот, только подписанием протокола можно было бы эти подозрения устранить. Я уже не раз указывал Надольному, что в нынешней обстановке одними словесными заверениями и декларациями о миролюбивых намерениях нельзя добиться взаимного доверия.

Надольный сказал, что он не опасается усиления подозрений и что его правительство готово публично заявить то, что он мне сегодня зачитал. Он при этом спрашивал, сообщили ли мы о своем предложении каким-либо другим государствам, на что я ответил отрицательно.

Напомнив Надольному его просьбу о своевременном сообщении ему о поступающих к нам сведениях об антисоветской деятельности германского правительства, я ему сообщил, что сведения о связях Германии с украинской контрреволюционной эмиграцией подтверждены нам теперь правительством одного государства, которое не входит в так называемый французский блок, и что я могу сообщить ему имена тех украинских деятелей, между которыми поддерживаются связи. Я отнюдь не сообщаю эти имена Надольному, требуя от него объяснений или ответа, ибо заранее знаю, что все это будет отрицаться, но все же я счел нужным это сделать, памятуя просьбу Надольного. Просьбу Надольного передать ему соответственные документы я отклонил.

Литвинов

Печат. по арх.

127. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

16 апреля 1934 г.

Сегодня был Хэлл*. Я ему сказал, что тщательное изучение документов привело нас к заключению, что платить 75 млн. долл. много, но мы хотим ликвидировать этот вопрос и готовы признать 75 млн. Я должен изложить президенту наши

* Государственный секретарь США.

аргументы *, я надеюсь, что он согласится с нами. На вопрос Хэлла, что будет, если президент не согласится, я ответил, что Литвинов исполнит свое обещание, но согласится ли с ним правительство, не знаю. Хэлл спросил, значит, больше чем о 100 млн. долл. не может быть речи. Я сказал: ни в коем случае. Хэлл говорил сегодня об обесценении доллара за это время. Я доказал ему, что доллар фактически почти не упал.

Далее Хэлл говорил, что признание долга равносильно признанию процентов на эти долги. Я сказал, что в вопросе о займе прямо шла речь о процентах, а в этом случае нет. Хэлл утверждал, что обязательство без процентов не удовлетворит американское общественное мнение. Я сказал, что надо считаться и с нашим общественным мнением. Я указал, что Литвинов ни на йоту не изменил своей позиции и слухи об этом удивительны. Госдепартамент изменил свою позицию. Хэлл сказал, что тут, очевидно, недоразумение.

Далее он спросил, во сколько времени мы предполагаем покрывать долги. Я сказал — не менее 20 лет. Хэлл обещал устроить свидание с Рузвельтом в ближайшие дни ¹⁰⁵.

Он спрашивал меня, какое помещение имеет Буллит в Москве, я ответил — хорошее. Затем он что-то говорил о том, что с участка посольства в Москве почему-то хотят снести деревья. Я сказал, что этого не знаю, что Буллит получает тот участок, о котором он в свое время договорился в Моссовете.

По вопросу о билле Джонсона ¹⁰⁶ он направил меня к Муру **. Я сказал Муру, что билль Джонсона к нам не относится, ибо мы никакого обязательства на себя не брали, что нельзя считать должником правительство, которому неизвестно, сколько оно должно; у нас отсутствовали обязательства в других странах, тем более, что американское правительство долго признавало представителей белогвардейцев. Мур сказал, что сейчас занимается этим вопросом и, вероятно, потребуется разъяснение департамента юстиции ***. Я указал, что билль Джонсона во всяком случае не может относиться к кредитам «Амторга».

Он спрашивал меня, зачем едет Рубинин ****. Я сказал, что везет почту и, вероятно, будет информироваться о положении, других задач не имеет.

Трояновский

Печат. по арх.

* См. док. № 116, 117.

** Помощник государственного секретаря США.

*** См. док. № 130.

**** См. док. № 148.

128. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Л. М. Хинчуку

17 апреля 1934 г.

Многоуважаемый Лев Михайлович,

1. Максим Максимович пересылает Вам сегодня запись своего разговора с Надольным 14 апреля и точный текст сделанного ему Надольным, по поручению Нейрата, заявления. Эти документы дадут Вам точное представление об официальной мотивировке отрицательного ответа немцев на сделанное им т. Литвиновым предложение о заключении прибалтийского протокола. В своем письме Максим Максимович даст Вам оценку нами немецкого ответа и его мотивы*. Поэтому я на этом вопросе останавливаться не буду.

Обращаю лишь Ваше внимание на то, что отрицательный ответ явился неожиданностью для самого Надольного, который и в тот момент, когда т. Литвинов делал ему свое представление, и после этого, в разговоре с т. Ворошиловым и мною, запись которого послана Вам с прошлой почтой**, лично высказывался за принятие нашего предложения, хотя, может быть, с некоторыми оговорками.

Хотелось бы знать, что в действительности явилось основной причиной отрицательного решения. Может быть, в неофициальных разговорах, не ставя прямо этого вопроса, Вам, Бессонову и Виноградову удастся это выяснить²³.

2. Беседовал несколько раз с т. Вейцером, последний раз сегодня. Он считает возможным добиться от немцев 5-летнего финансового кредита на оплату наших заказов в Германии, если речь будет идти о сравнительно большой сумме заказов (не менее 200—250 млн. марок). В этом направлении он беседует с руководящими товарищами. Возможно, что получит разрешение начать по возвращении разговоры с немцами об этом.

Пока сообщаю об этом только для Вашего сведения.

С товарищеским приветом

Н. Крестинский

Печат. по арх.

* См. док. № 126, 139.

** См. соответственно док. № 95, 94.

129. Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Швеции А. М. Коллонтай

17 апреля 1934 г.

Уважаемый товарищ,

1. Заявления Сандлера будто ожесточенная кампания против займа не была для него неожиданной, конечно, нельзя брать всерьез*. Шведское правительство явно не рассчитало сил и поставило себя и особенно нас в тяжелое положение. Провал займа был бы большим ударом по нашей кредитоспособности за границей и вместе с тем, конечно, нанесет нам также и политический ущерб.

2. Ввиду этого у нас здесь возникла мысль о том, не было ли бы более целесообразно с точки зрения наших интересов, если выяснится окончательно, что конвенцию о займе ожидает провал в парламенте, сделать шведскому правительству мотивированное заявление о нашем отказе от займа и этим побудить его взять обратно из парламента свой законопроект о займе. Прошу Вас дать срочно по телеграфу свое заключение¹²⁴, по получении которого т. Литвинов, может быть, сделает соответствующее предложение правительству**.

3. Поскольку дело находится в этой стадии, я не буду останавливаться на других вопросах, хотя и не согласен с Вами в отношении ст. 13 конвенции о займе¹²⁵.

4. По вопросу о наложении на советские паспорта при выдаче виз дискриминирующего шведского штампа о воспреещении заниматься пропагандой в Швеции между нами, очевидно, имеется одно немалое недоразумение***. Вы упускаете из виду, что большинство наших хозяйственников, а именно хозяйственник, не являющиеся сотрудниками самих наркоматов, не имеют служебных паспортов, а едут по так называемым общегражданским паспортам. Визы на такие паспорта получают не через посредство НКВД или полпредств, а в обычном порядке, в данном случае путем обращения соответствующих лиц в шведскую миссию или в шведское консульство. Вследствие этого и ввиду того, что такие сотрудники едут с обычными хозяйственными заданиями, НКВД лишен возможности посылать в шведскую миссию или в шведское консульство ноты, содержащие заявления, о которых Вы уговорились со шведами в отношении лиц, едущих с официальными поручениями. Таким образом, помимо политической недопустимости наложения на все советские паспорта дискриминирующего штампа, имеется серьезное неудобство для всех

* См. док. № 111.

** См. док. № 145.

*** См. док. № 39.

хозяйственников, не едущих со служебными паспортами. Мы полагаем, что полпредство могло бы поставить вновь этот вопрос перед министром иностранных дел, заявив, что в НКИД поступила жалоба от одного хозяйственного наркомата в связи с наложением штампа на паспорт подведомственного ему сотрудника шведским консулом в Ленинграде и что в связи с этим НКИД пересмотрел вопрос и поручил Вам добиться полной отмены наложения этого штампа на все советские паспорта. Подобное представление целесообразно было бы сделать именно теперь, потому что, если Вы сделаете его после провала займа, это будет ставиться в связь именно с провалом займа. С другой стороны, не приходится опасаться, что демарш по такому сравнительно небольшому делу может каким-то образом повредить прохождению конвенции о займе*.

5. Мы полагаем, что шведскому крон-принцу, если он действительно обратится к Вам за разрешением поехать в Ирак и Персию через СССР и тем более задержаться в СССР, чтобы познакомиться с нашими археологическими богатствами, надо порекомендовать поехать инкогнито, т. е. под чужим именем. Поездка через СССР или в особенности в СССР под своим именем была бы сопряжена с большими неудобствами не только для нас, но и для самого крон-принца.

С тов. приветом

Б. Стомяков

Печат. по арх.

130. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

18 апреля 1934 г.

По имеющимся сведениям, президент и Хэлл против того, чтобы считать СССР нацией, не выполнившей свои обязательства. Мур мне сказал, что мои аргументы**, по-видимому, будут признаны правильными и департамент юстиции дает соответствующее толкование биллю Джонсона, хотя лично Мур с моими аргументами не вполне согласен. Но надо учитывать, что борьба вокруг этого вопроса продолжается. Госдепартамент подчеркивает, что заявление Экспортно-импортного банка говорит о приостановке кредитов не до полного урегулирования вопроса о претензиях, а до момента, в котором президент найдет состояние переговоров, позволяющим начать деятельность банка.

Трояновский

Печат. по арх.

* См. док. № 40, 145.

** См. док. № 127.

**131. Письмо Полномочного Представителя СССР в Австрии
Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР Н. Н. Крестинскому**

18 апреля 1934 г.

Уважаемый товарищ,

За последнее время в здешней политической жизни наступило относительное затишье. Столь частые раньше политические сенсации почти совершенно прекратились, и, судя по внешним признакам, можно было бы подумать, что жизнь вошла в нормальную колею. Но это, разумеется, лишь видимость. Борьба в буржуазном лагере продолжается с прежней силой и только перенесена за кулисы. Национал-социалисты упорно продолжают свою работу, заменив только прежние крикливые ее формы более систематической и глубокой вербовкой сторонников и подготовкой своих кадров к новому наступлению. Но не всегда и не везде им удается удерживать свой актив от выступления. Недавно, например, здесь упорно ходили слухи о каких-то привезенных из провинции раненых. По полученным нами сведениям, это действительно имело место и было результатом вооруженного столкновения «наци» с жандармами и хеймверовцами в Вельсе.

Не прекратилась также борьба в самом правительственном лагере. Дольфус * пытается объединить и прибрать к рукам все вооруженные отряды правительственной коалиции. Этому сильно противится Фей **. Но Дольфусу как будто бы удалось привлечь на свою сторону Штаремберга ***. Об этом свидетельствует появившееся на днях в печати сообщение о предстоящем введении Штаремберга в кабинет министров. За кулисами идет по этому случаю большая возня. Штаремберг не согласен на вторые роли при Фее. Подумывают будто бы о создании второго поста вице-канцлера. Но это, в свою очередь, ослабило бы роль Фея, который поэтому будто бы оказывает противодействие этим планам. Кроме того, хеймверовцы ведут упорную борьбу за дальнейшую фашизацию страны и, в частности, за роспуск христианско-социальной партии. Но это встречает большое сопротивление в рядах этой партии. На той же почве имеются, очевидно, и большие разногласия по поводу новой конституции, которую обещали окончательно опубликовать до пасхи, но которая не опубликована и до сих пор. Идут большие споры по вопросу о том, как будет избираться будущий президент и как будет введена и легализована самая конституция. И наконец, имеется не-

* Канцлер и министр иностранных дел Австрии.

** Вице-канцлер и министр внутренних дел Австрии.

*** Руководитель хеймвера — австрийской военно-фашистской организации.

мало признаков оживления в рабочем движении. За последние дни Вена и, вероятно, вся страна наводнена «Роте фане», первомайскими воззваниями компартии, а также нелегальной литературой социал-демократической партии, пытающейся удержаться при себе рабочих и помешать развивающемуся процессу их массового перехода к коммунистам. Словом, все существовавшие раньше социальные противоречия продолжают существовать и развиваться, и внешнее спокойствие является, несомненно, лишь затишьем перед новыми вспышками и новыми бурями.

Большую часть истекшего после последней почты времени я провел в Будапеште. Кроме т. Шейннна* со мной поехал туда и новый руководитель ТАСС т. Черняк, которому удалось завязать обширные связи с тамошними журналистами.

Наш приезд в Будапешт явился там совершенно исключительной сенсацией. Все газеты посвящали ему очень много места, причем более солидные («Пестер ллойд», «Пешти напло», «Мадьяршаг» и др.) держали себя вполне корректно, а бульварная пресса кормила своих читателей подробными и зачастую ложными описаниями наших меню, нашего времяпрепровождения, внешности и т. д. Явно враждебно вела себя только клерикальная пресса, выдумывая всякие небывлицы и предупреждая нас о недопустимости ведения коммунистической пропаганды и т. д. Все вместе взятое свидетельствовало о большом интересе и больших симпатиях к нам широких кругов населения, и даже мещанство присматривалось к нам всюду, где бы мы ни появлялись, с явной доброжелательностью.

Сейчас же после приезда мы подверглись форменной осаде журналистов, от которых с трудом удалось избавляться ссылкой на неоформленность моего положения до вручения грамот. А после этого акта мы воспользовались созданными уже тем временем т. Черняком журналистскими связями и его обещаннем устроить чай для представителей печати, на котором они смогут познакомиться и со мной. Чай прошел очень хорошо. Собрались редакторы самых серьезных газет (бульварных и клерикальных мы не пригласили) с пресс-шефом МИД и представителем официального телеграфного агентства во главе. Тов. Черняк после короткого приветствия сообщил им важнейшие данные и цифры нашего экономического и культурного развития, а затем пригласил их к чаю. Когда я появился и познакомился с присутствующими, они сразу же засыпали меня вопросами.

В первую очередь их интересовал вопрос о нашем отношении к ревизии границ. Мы ожидали этого и запаслись цитатой

---

* Первый секретарь II Западного отдела НКВД СССР.

из речи т. Литвинова, которую я зачитал и объяснил им*. Они заявили, что совершенно удовлетворены нашей позицией. Затем последовали вопросы о перспективах нашей торговли, об СССР, о положении на Дальнем Востоке.

На следующий день в газетах, представители которых были на чае, появились подробные и довольно приличные (с очень незначительными искажениями) отчеты об этом приеме и о разговорах на нем.

Во вполне удовлетворительной атмосфере протекали и мои встречи с Хорти, Гембешем и Канья**. Церемониал вручения грамот был проведен с обычной в Венгрии пышностью (бесконечные шпалеры гвардии в исторических костюмах с алебардами и старинными ружьями). Национальных гимнов венгры не играют, так что этот вопрос отпал, хотя мы на всякий случай захватили с собой ноты «Интернационала». Речи были произнесены по-французски, но разговаривали затем по-немецки. Тема разговора обычная в таких случаях (о городе, о впечатлениях, о прежних местах работы и т. п.). Присутствовал Канья и после вручения грамот — т. Шейнн.

У Канья я был два раза. Разговоры на общие темы. Расспрашивал о Дальнем Востоке и о наших отношениях с Германией. Я отвечал осторожно, так как, по полученным мною сведениям, Канья имеет германскую ориентацию. Не знаю, так ли это, ибо он отзывался о «наци» довольно критически. Он расспрашивал меня также о положении в Австрии и заявил, что Венгрия кровно заинтересована в ее независимости. Очень тепло отзывался Канья о Вас, Николай Николаевич, и несколько раз просил меня передать Вам его сердечный привет.

В противовес Хорти и Канья, старым и весьма гладким бюрократам австро-венгерской монархии, Гембеш производит впечатление очень простого и живого человека. Он начал разговор с упоминания речи т. Сталина на последнем съезде***, которую он будто бы как раз читает. И весь разговор касался затем исключительно СССР. Особенно интересовался Гембеш нашей работой в деревне, хвалил Сталина за его борьбу с недооценкой роли крестьянства, которая, по его заявлению, была как раз камнем преткновения для советской власти в Венгрии.

После часа с четвертью разговора на тему о СССР Гембеш закончил его глубокомысленным выводом, что я являюсь энтузиастическим сторонником советского строя. Я ответил, что не отличаюсь в этом отношении от 160 миллионов населения на-

* См. речь М. М. Литвинова на сессии ЦИК СССР 28 декабря 1933 г.; газ. «Известия», 29 декабря 1933 г.

** Соответственно регент, премьер-министр и министр иностранных дел Венгрии.

*** См. док. № 28.

шего Союза. Прощаясь, я указал Гембешу на бульварно-сенсационный характер некоторых статей и заметок венгерской прессы, на что он с пренебрежительной улыбкой ответил мне, что в Венгрии это специальность клерикальной прессы, на которую не стоит обращать внимания.

Проводя меня до лестницы, Гембеш просил меня, не стесняясь, обращаться к нему по всем интересующим меня вопросам.

Из вопросов наших взаимоотношений Гембеш коротко затронул лишь один, а именно вопрос о торговле, но и то в очень узком разрезе. Он сказал мне, что возобновление отношений с нами потребовало от него преодоления больших трудностей и что было бы очень хорошо, если бы мы поддержали его теперь какими-нибудь, хотя бы единовременными покупками в Венгрии. Я ответил, что моя миссия носит временный характер и потому я совершенно не успел ознакомиться с вопросом об экономических отношениях с Венгрией, но его пожелание я, разумеется, передам в Москву.

Канья совершенно не затрагивал вопроса о торговле. Зато очень настойчиво говорил со мной на эту тему заместитель Канья Хори. И ему тоже я ответил ссылкой на свою некомпетентность в этом вопросе, которым займется только будущий постоянный наш представитель и торгпред, который, вероятно, придет вместе с ним. В дальнейшем разговоре на эту тему я указал ему на то, что, во всяком случае, предпосылками наших закупок здесь должны будут явиться: продажа нам в Венгрии наших товаров, конкурентоспособность венгерских фирм и соответствующие условия кредита. Это заметно расхолодило Хори, но возражать ему было трудно, и он переменял сразу тему разговора.

У других венгерских министров я не был, так как в Будапеште принято посылать им карточки. Я собирался зайти только к министру торговли, но, к счастью, он куда-то уехал, и я был избавлен и от этого визита. Его роль взял на себя, видимо, Хори.

В списке сановников, которым мне рекомендовали в МИД послать карточки, находились два Габсбурга, но их фамилии были тут же зачеркнуты догадливым шефом протокола Ямбрековичем*. Другое дело фюрст-примас**, который, по словам Ямбрековича, играет в Венгрии совершенно особую роль и которого следует навестить или по меньшей мере оставить карточку. Я решительно отвел это предложение и заставил Ямбрековича зачеркнуть в списке фамилию и этого сановника.

Затем я навестил всех своих коллег, которые ответили мне

---

* В тексте — Ендрыкевичем.

** Глава римско-католической церкви в Венгрии (нем.-лат.).

тем же. Некоторые из них, как, например, англичанин Патрик Рамсей *, сидели у меня довольно долго, проявляя особенно «дружественные» чувства. Исключительной разговорчивостью отличился чешский посланник Кобр. Он прежде всего выразил восторг по поводу моего ответа журналистам на вопрос о ревизии границ.

Интересно, что, судя по балканской прессе, этот ответ (в сущности, цитата из речи наркома) одинаково удовлетворил и ревизионистов и антиревизионистов.

Затем Кобр в течение часа ругал венгров и наконец, что было более интересно, сообщил, что первым чешским кандидатом на пост посланника в Москву является мой венский коллега Фирлингер.

Вот приблизительно все мои венгерские похождения. Пробыл я в Будапеште всего восемь дней.

С комприветом

Полпред СССР в Австрии
Петровский

П. С. Фирлингер — социал-демократ. Умен. Относится к нам, видимо, хорошо. Был в Союзе и написал о нас ряд статей (и, кажется, книгу) на чешском языке. Женат на французке, производящей хорошее впечатление.

Печат. по арх.

132. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР во Франции с Министром Иностранных Дел Румынии Титулеску

18 апреля 1934 г.

Беседа длилась два часа. Титулеску со свойственной ему экспансивностью перескакивал с одной темы на другую, причем, как правило, говорил все время он, а я вставлял лишь подбодряющие его вопросы.

Он распространялся подробно относительно итальянской политики на Балканах. Он-де понимает, что с точки зрения нашей политики мы не имеем основания быть недовольными Италией, но хотя он и является другом этой страны и еще в 1930 г. французы обвиняли [его] в том, что он продал французские интересы Италии (Эррио мне тоже намекал на то, что он считал его раньше италофилом), он не может скрыть того факта, что Италия много пакостит. В формировании «Железной гвардии» в Румынии и т. п. вещах на 80% сказывается итальянское и лишь на 20% немецкое влияние.

* Посланник Великобритании в Венгрии.

У мадам Лупеску бывает итальянский посланник и заверяет ее в том, что «Железная гвардия» сделает для нее исключение и что ее не постигнет участь остальных евреев.

Титулеску сам не встречается с мадам Лупеску, дабы из-за нее не потерять авторитет в стране. Он дал понять, что сделал, пожалуй, ошибку, взяв курс на игнорирование ее, но теперь это поздно исправить.

Король Борис болгарский является объективно орудием Венгрии на Балканах. Когда он, Титулеску, спросил короля, почему, мол, он занимает двусмысленную позицию в отношении «Железной гвардии», его величество ответил, что Борис посоветовал не обострять с этой организацией отношений, так как Альфонс XIII потерял престол в результате того, что он не ориентировался на молодежь.

В другом контексте Титулеску лягнул своего короля, заявив, что он является как-никак Гогенцолтерном, что от этого факта никуда не уйдешь и что поэтому от него ждать особого сопротивления германскому влиянию нельзя.

Что касается вообще Малой Антанты, то в Югославии, конечно, возросло немецкое влияние. Относительно Бенеша он думает, скорее, что он хитрит, чем дал понять, что Бенеш это делает с целью вымогательства по отношению к французам. Лебрен* выразил ему, Титулеску, свою безмерную горечь по поводу того, что в беседе с ним Бенеш заявил, что предпочитает Германию Италии. Эррио считал мне письмо Бенеша, который пишет, что от «твердости» Франции зависит спасение европейской цивилизации.

Говоря о Польше, он с оговорочками высказал мнение, что все-таки ему трудно допустить, что они всерьез ведут политику сообща с немцами. Его, однако, озадачила беседа с Пилсудским в октябре прошлого года, когда Титулеску его допытывал по поводу германской опасности. Пилсудский говорил, что на долгие годы не предвидит опасности германского нападения. Тогда Титулеску его спросил, как же он смотрит на более отдаленный период. Маршал сказал, что у него есть красивая дочь, которой 15 лет, ему хочется полюбоваться ею еще 3—4 года, а на то, что потом произойдет, ему, мол, наплевать.

Титулеску рассказал, что польско-румынский военный союз** был первоначально заключен против нас, но потом его расширили и объявили действительным также и против Германии. Это Титулеску считает, впрочем, несправедливым, так как-де, мол, Польша была обязана помогать Румынии эвентуально против Венгрии, против которой имеется перестра-

* Президент Франции.

** См. т. III, прим. 76.

ховка со стороны Малой Антанты, а Румыния должна была бы драться против могущественной Германии. Впоследствии соглашением генеральных штабов, так я его понял, соглашение было опять заострено против нас, и Германия выпала из картины.

Поляки все время устраивали ему, Титулеску, сцены по поводу того, что Румыния недостаточно вооружается. Какого черта, воскликнул Титулеску, мы могли еще больше вооружаться при наших катастрофических финансах. Он, мол, заявил Беку при последнем свидании чуть не в застольной речи, что, когда будут восстановлены отношения между Румынией и нами, можно будет ознакомить СССР с содержанием союзного договора, дабы поляки больше не приставали с увеличенным румынских военных сил.

Вообще в его высказываниях по поводу Польши сквозила ирония; он как-то сказал шутя: «Остерегайтесь нападать на нас, так как будете иметь дело с Польшей».

Пространно он говорил мне также о Балканском пакте *. Сербы делали оговорки еще до того, как Венизелос устроил скандал, а теперь они артачатся под предлогом, что Венизелос по внутривполитическим причинам заявляет, что он против пакта на том, мол, основании, что при столкновении между Италией и Югославией удар может быть направлен через Албанию и таким образом Греция может быть вовлечена в конфликт с Болгарией. Это исключается протоколом, который дает толкование пакта и уточняет, что он касается только балканских держав, т. е. фактически направлен только против Болгарии. Впрочем, Политис мне об этом подробно толковал, убеждая меня, что мы должны относиться с полной симпатией к этому пакту. Колебания Югославии в отношении пакта вызваны тем же зловредным королем Борисом, со слов Титулеску, весьма расторопным господином, который, мол, совратил славного Александра югославского. Эррио мне говорил о пактах, которые Борис распространяет про Францию.

Титулеску выразил приятное удивление, что правые деятели, как Думерг и военный министр маршал Петэн, высказываются в пользу сближения с нами.

Титулеску говорил много об отношениях с нами.

Он рассказывал о возникновении договора Малой Антанты о полной координации внешней политики **. После того как его попытка помешать подписанию франко-советского пакта *** сорвалась, Румыния оказалась в состоянии большой изоляции. Своим предложением он преследовал главным образом цель

* См. док. № 51.

** См. т. XVI, прим. 47.

*** См. т. XV, док. № 427 и 456.

помешать Чехословакии признать нас без согласования с Румынией. Это отклонили, Бенеш заявил, что не может обязаться ие восстанавливать с нами отношения бессрочно. Но некоторое время спустя в связи с агрессивной линией, взятой Италией в отношении Югославии, Ефтич * предложил вернуться к предложению Титулеску.

Он заговорил о Загребских протоколах Малой Антанты, причем он вытащил документ с постановлением о восстановлении отношений с нами, в котором была вычеркнута вводная фраза, гласящая, что резолюция внесена им, Титулеску. Он, мол, должен был отречься от своей инициативы из-за внутриполитических соображений. Даже теперь он заставил французов ему заявить, что они его толкают на сближение с нами. Леже подтвердил мне, что Титулеску говорил в таком духе.

Вообще, мол, он не намерен усложнять вопроса о восстановлении отношений ненужными формами.

Так как я, когда он извергал фразы на тему об отношениях с нами, по понятным причинам после его беседы со Штейном¹²⁶ избегал задавать ему вопросы, я не пытался уточнить формулу возможного соглашения. Но он несколько раз повторял, что он отнюдь не намерен «морочить голову т. Литвинову» (амбетэ), если, мол, не будем сами усложнять вопроса **. Что касается невмешательства во внутренние дела, иужно будет вписать какую-нибудь формулу.

Вообще это нужно больше для Югославии, чем для Румынии. Он будет только против того, чтобы мы открыли консульства в Бессарабии.

Титулеску говорил о том, что застал Эррио в полном отчаянии в связи с тем, что наши дела так медленно продвигаются ***.

Он назначит к нам своего посланника в Анкаре. Он жалеет о том, что Давтяна не сохранили для Бухареста ****. Он очень подошел бы для сношений с королем. Здешний румынский посланник, снабжавший в свое время короля девочками в Париже, не в числе его друзей. Его человек — румынский посланник в Гааге, которого он мне представил. и его неофициальный заведующий печатью Шахман, с которым он меня связал.

В Бухаресте имеется какая-то церковь, являющаяся нашим госимуществом. Вопреки, мол, его сопротивлению, ее собираются отдать сербам. Я сказал, что это не годится.

Вообще же восстановление отношений с нами, с его точки зрения, незаурядное событие. Он делал очень прозрачные

* Министр иностранных дел Югославии.

** См. док. № 193.

*** См. док. № 138.

**** Я. Х. Давтян был назначен полпредом СССР в Польше 19 марта 1934 г.

намекн относительно военного соглашения с нами и под конец так разгорячился, что заявил, что «достаточно было бы телеграммы Литвинова ему, Титулеску, о том, что СССР и Румыния друг другу в военном отношении гарантируют границы, чтобы прикончить с фашизмом в Румынии».

Эти мысли Титулеску развивал подробнее в беседах от 19 и 21 апреля, наиболее существенное из них было передано телеграфно¹²⁷.

Розенберг

Печат. по арх.

**133. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР
Полномочному Представителю СССР в Великобритании
И. М. Майскому**

19 апреля 1934 г.

Дорогой Иван Михайлович,

В порядке информации сообщаю Вам о нашем предложении Германии касательно Прибалтики, посылая Вам при сем копию письма г. Розенбергу*. Мы не в таких отношениях с английским правительством, чтобы официально его информировать, но когда дело, по нашей или чьей-либо другой инициативе, будет предано гласности, Вы сможете в неофициальных беседах разъяснять смысл нашего шага.

Вы просите указаний для Вашей предстоящей встречи с Гендерсоном**. Я полагаю, что он будет с Вами говорить не о Лиге наций, а о разоружении. Мы не считаем целесообразным пускаться в детальные объяснения с ним, и поэтому Вам лучше сослаться на свою неосведомленность в этом вопросе, выслушивая его и отделяваясь общими фразами о нашей готовности к максимальному разоружению, при условии согласия других держав, в особенности всех наших соседей, включая и Японию. Англия, судя по газетным сведениям, будто бы предлагает разрешить нам лимитировать наши вооружения в европейской части Союза и предоставить нам свободу в азиатской части, поскольку Япония не примкнет к общей конвенции. Мы против такого разрешения вопроса вряд ли возражали бы, но возражать могут другие наши соседи, в особенности Польша и Румыния.

Что касается Лиги наций, то Вам надо продолжать говорить в духе Ваших бесед с лордом Сесилем и Литтоном¹²⁸. Вы удачно указывали, что в то время, как мы публично вы-

* См. док. № 109.

** См. док. № 134, 141.

сказали свое отношение к Лиге, нам ничего не известно об отношении не Лиги в абстракции, а основных ее держав к сотрудничеству с нами. Можете не скрывать, что Франция не только относится благожелательно к такому сотрудничеству, но сама нас приглашает к нему. Тем более бросается в глаза молчание английского правительства; между тем неофициальные сведения говорят о возможности возражений именно со стороны Англии. Пусть Гендерсон и другие радители Лиги требуют сперва дальнейших выступлений от своего собственного правительства. Вы не должны, конечно, создавать впечатления, будто стоит только дать Англии согласие, и мы немедленно вскочим в Лигу. Речь пока идет лишь об эвентуальностях и о выяснении позиций. Можете рассказывать Гендерсону, а также другим собеседникам, что эвентуальное наше вступление в Лигу особенно пугает и вызывает противодействие стран, меньше всего заботящихся о мире, а именно Японии и Германии. Далее имеются сведения также о противодействии Польши.

В отношениях с Японией перемен нет. Она все собирается сообщить нам свою цену за КВЖД, но систематически откладывает это *. Переговоры с Америкой пока зашли в тупик **. Закон Джонсона как будто приостановил нашу торговлю с Америкой, хотя в конечном счете это зависит от Рузвельта. Известным заявлением дирекции Экспортно-импортного банка имелось в виду оказать на нас давление для принятия американской схемы по урегулированию долга Керенского, но мы твердо заявили, что давлению не поддадимся и что можем существовать без американской торговли.

Литвинов

Печат. по арх.

134. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочиному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

20 апреля 1934 г.

На Вашу телеграмму от 17 апреля с. г.¹²⁹ Некоторые указания послал Вам вчерашней диппочтой ***. Можете сказать, что мы, во всяком случае, за разрешение всех вопросов по разоружению в пределах органов конференции, а не путем

* См. док. № 25, 65.

** См. док. № 112, 116, 117.

*** См. док. № 133.

частных переговоров, и поэтому будем поддерживать созыв этих органов, даже если речь идет о ликвидации всего вопроса или о спасении хотя бы того, что можно выжать из конференции. Выясните у Гендерсона, если можно еще до встречи с ним, состоится ли заседание Бюро 30-го, а если нет, то когда именно, ибо мне это необходимо знать возможно скорее *.

Литвинов

Печат. по арх.

135. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому

20 апреля 1934 г.

Мы решительно возражаем против процентов по претензии в какой бы то ни было форме. Держитесь строго схемы, предложенной мною Буллиту и изложенной в моей телеграмме от 3 апреля **, где и указан 20-летний срок займа. О продолжении переговоров дадим указания, когда сообщите результат Вашей встречи с Рузвельтом. В качестве аргумента можете и должны указывать на моральную ответственность Америки за разрушения белых армий при помощи оружия, вывезенного с согласия американского правительства.

Хирота говорил Юрневу, что предложение о пакте о ненападении Японии сделала Америке неофициально через одно лицо, которое он не назвал, и что ответ от Америки еще не получен. В наших отношениях с Японией ничего не изменилось ***, и Хирота со дня на день обещает назвать ответную цену за КВЖД, но все откладывает. Конфликт о курсе АКО тоже не разрешен ****. Непонимающим следует разъяснить значение японской декларации о протекторате над Китаем ***** в особенности для Америки, Англии и других великих держав. Можете сообщить американцам об имеющихся у нас точных сведениях о предлагаемой Японией Румынии продаже оружия.

Литвинов

Печат. по арх.

---

* См. док. № 141.

** См. док. № 103, 104.

*** См. док. № 9, 25.

**** См. док. № 66, 81.

***** См. док. № 148.

136. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфаном

20 апреля 1934 г.

Я вызвал к себе на Спиридоньевскую в 7 часов вечера Альфана. Сославшись на изъявленную им сегодня в разговоре с Вейнбергом¹³⁰ готовность передать наши пожелания Барту до его завтрашнего выезда в Варшаву*, я сказал, что считаю нужным довести до сведения Барту некоторую имеющуюся у нас информацию в той по крайней мере части, которая представляет интерес для Франции. Существует множество слухов и предположений о тайных польско-германских соглашениях, заключенных вне опубликованных документов. Мы относимся очень осторожно к подобной информации, но мы получили, однако, одно сообщение, которое заслуживает серьезного отношения к себе. Там речь идет о весьма далеко идущем польско-германском соглашении, охватывающем множество международных проблем. Непосредственно Франции касается соглашение о поддержке Польшей аншлюса, равноправия Германии в вооружениях, итало-германских проектов реформы Лиги в духе отделения пакта Лиги от Версальского** и, наконец, обещание польского нейтралитета в случае превентивной войны против Германии. Я читал в газетах, что во Франции существует недоверие к польской политике и что Барту будто бы хочет во время своего визита «вывести Польшу на чистую воду». Не могу скрывать, что, несмотря на внешне проявляемое Польшей дружелюбие, некоторые ее действия вызывают у нас также недоверие. Достаточно упомянуть отклоненное Польшей предложение о балтийской декларации и почти отклоненное продление пакта о ненападении***. Мы поэтому также заинтересованы в выяснении польской политики, и в этом отношении наши интересы совпадают с французскими. Передаваемое мною сообщение может помочь Барту достигнуть означенной цели. Я поэтому прошу посла конфиденциально передать мое сообщение Барту.

Также конфиденциально я прошу сообщить Барту, что в целях проверки действительной политики Гитлера в отношении Востока мы ему недавно предложили подписать совместно с нами протокол, обязывающий оба государства уважать независимость и неприкосновенность Балтийских стран. Это предложение Германией отклонено****.

---

* См. док. № 143.

** См. кн. «Версальский мирный договор. Полный перевод с французского подлинника», М., 1925, Литиздат НКВД.

*** См. док. № 42, 89.

**** См. док. № 94, 95, 126.

Альфан был явно взволнован моим сообщением о польско-германском соглашении. На вопрос, идет ли речь о формальном договоре, я сказал, что такого договора, по-видимому, не существует, но что имеются сведения об обмене личными письмами между Гитлером и Пилсудским. Альфан благодарил и обещал немедленно протелеграфировать в Париж*.

Литвинов

Печат. по арх.

137. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

20 апреля 1934 г.

Вчера я был приглашен к Сувицу, который пожелал информировать меня о целях своей поездки в Лондон. Будучи ответом на визит Макдональда, Саймона и Идена, эта поездка даст Сувицу возможность обсудить с англичанами ряд вопросов. 1. Относительно проблемы разоружения Сувиц констатирует, что последняя французская нога** своей непримиримостью срывает все надежды на соглашение и создает безотрадные перспективы для конференции. Возможно, что Франция думает поставить вопрос о санкциях в отношении Германии. Однако такая попытка, несомненно, закончилась бы неудачей. Не исключено, что французы рассчитывают на возможность соглашения без участия Германии. Но, по мнению итальянского правительства, такое соглашение лишь развязало бы руки Германии в вопросе о вооружении. Возможно, что французы предложат отсрочить конференцию на неопределенное время. Это было бы равносильно ее похоронам и призыву к дальнейшему соревнованию в вооружениях. Сувиц будет сигнализировать англичанам об опасности создавшегося положения. 2. В связи с переговорами итальянского правительства с Австрией и Венгрией Сувиц заявит англичанам, что независимость Австрии необходима для сохранения европейского мира, во имя которого государства должны идти на необходимые жертвы, в частности соглашаясь на предоставление Австрии преференции. По словам Сувица, те же соображения будут изложены в ноте, которую подготавливает министерство иностранных дел по нашему адресу¹³¹. 3. О Балканском пакте*** Сувиц высказывает мне-

* См. также док. № 154.

** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. X, М., 1936, стр. 76—78.

*** См. док. № 51.

ние, что в глазах Италии он достаточно обезврежен известной оговоркой Максимоса о нерушимости мирных обязательств Греции в отношении Италии. Не без злорадства Сувич заметил, что такая оговорка едва не лишает пакт всякого значения для Югославии. 4. Специально к нашему сведению Сувич подчеркивает, что итальянское правительство весьма сожалеет о перемене отношения Турции к Италии; после разъярения, данного Васыфу Муссолини по поводу известной речи*, итальянское правительство рассчитывало на успокоение турок. Однако ответ Рюштю на интелпелляцию в меджлисе по тому же вопросу ознаменовался небывалым в дипломатическом обиходе оглашением телеграмм Васыфа, содержавших доверительные заявления Муссолини турецкому послу, и не сопровождалось ни словом симпатии со стороны турецкого правительства в отношении Италии. За этим последовала явная антиитальянская демонстрация в виде военнотнспекторской поездки Кемалья с генералитетом в районы Смирны и западного побережья. Сувич спрашивал меня, что можно сделать для успокоения турок. Я рекомендовал ему дружественно переговорить на эту тему с Васыфом. Со своей стороны я осведомился, предполагает ли итальянское правительство ответить на визит Исмета и Рюштю**. Сувич ответил утвердительно, но срока не определил.

Полпред

Печат. по арх.

138. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
20 апреля 1934 г*

Барту сообщил, что правительство уполномочило его продолжать с нами переговоры***. На мой вопрос, означает ли это, что правительство Думерга решило продолжать переговоры на базе сделанного нам Бонкуром предложения****, он ответил утвердительно. Он оправдывался, что не мог раньше со мной переговорить, так как хотел внести ясность в женевские переговоры***** и узнать отношение к нам со стороны союзников.

* Имеется в виду речь Муссолини от 19 марта 1934 г.; см. газ. «Известия», 20 и 23 марта 1934 г.

** Премьер-министр и министр иностранных дел Турции.

*** См. док. № 36, 97.

**** См. т. XVI, док. № 332, 390 и 444.

***** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. X. М., 1936, стр. 3—82.

Он заявил, что Титулеску придает большое значение отношениям с нами и что Малая Антанта хочет заключить с нами пакт. Он не уточнял, какой пакт, и я не реагировал на это. Вообще по ходу разговора видно, что конкретно придется говорить с Леже (так было и при Бонкуре), причем он заявил, что после можно будет возобновить в Париже разговор с ним лично. Англичане дали понять, что они не возражают против нашего вступления в Лигу, но против того, чтобы нас приглашали. Я говорил с ним подробно о Польше; он заявил, что едет туда не для того, чтобы подписать еще один бесполезный пакт, а с целью проверки политического настроения¹³². Он заявил, что доволен тем, что мы не занимаемся политической пропагандой.

Буду просить свидания с Леже*. После пребывания здесь Титулеску можно предвидеть в этом или ином виде попытку увязки Малой Антаны со схемой безопасности.

Розенберг

Печат. по арх.

139. Заявление Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова Послу Германии в СССР Надольному

21 апреля 1934 г.

Мое Правительство, как и я сам, восприняло с искренним сожалением сообщение об отклонении Германским Правительством предложения о Прибалтийском протоколе**. Важным является сам факт отклонения предложения, тем более, что данные Германским Правительством объяснения насколько не ослабляют значения этого факта.

Я хотел бы указать Вам, г. Посол, на некоторые неправильные предположения в Ваших объяснениях о целях и мотивах сделанного мною Вам предложения и на сделанные из этих предположений неправильные выводы. Я должен поэтому напомнить, что нами предлагалось лишь подписать протокол о том, что Правительства СССР и Германии «обязуются неизменно учитывать в своей внешней политике обязательность сохранения независимости и неприкосновенности данных Прибалтийских стран и воздерживаться от каких бы то ни было действий, которые могли бы прямо или косвенно нанести ущерб этой независимости», и что «протокол открыт

* См. док. № 144.

** См. док. № 94.

для присоединения других стран, заинтересованных в данной проблеме».

Это предложение Советского Правительства продиктовано его общей политикой укрепления мира вообще и в частности в прилегающих к Советскому Союзу странах. Попутно реализация этого предложения имела бы несомненным следствием восстановление отношений доверия между Советским Союзом и Германией. Доверие Советского Союза к другим странам и сотрудничество с ними возможны лишь на базе общих стремлений к упрочению мира и к укреплению чувства безопасности всех народов.

Высказанное Германским Правительством предположение о том, что мы с одинаковыми предложениями обращались сперва к польскому правительству, а потом к Германскому, не соответствует фактам. Мы никогда не предлагали польскому правительству вообще подписывать какой-либо протокол касательно Прибалтики, а предлагали ему лишь декларировать вместе с Правительством СССР их «решимость охранять и защищать мир на Востоке Европы» и признать, что «оба государства считают необходимым условием этого мира неприкосновенность и полную экономическую и политическую независимость новых политических образований, вышедших из состава бывшей Российской империи»*. Разница между нашими предложениями Польше и Германии совершенно очевидна из текстуально процитированных мною соответственных документов.

Отрицать в настоящее время угрозу безопасности некоторых малых государств можно, только совершенно игнорируя реальности международной обстановки и общественное мнение всего мира. Менее всего можно считать свободными от подобных угроз страны, которые имело в виду советское предложение и которые несомненно испытывают большую тревогу за свою судьбу, за свою независимость. Нарушение мира в этой части Европы может оказаться, и по всей вероятности окажется, прелюдией к возникновению новой мировой войны. Советское Правительство, озабоченное сохранением мира вообще, должно уделять особое внимание, как с этой общей точки зрения, так и с точки зрения безопасности границ самого Советского Союза, делу сохранения мира в первую очередь в этой именно части Европы. Этой цели служило выяснение отношения к данной проблеме польского правительства, каковой шаг, очевидно, и имеет в виду Германское Правительство. С такой же целью Советское Правительство сделало соответственное предложение о подписании протокола Германскому Правительству. Чтобы дать пример другим государствам,

---

* См. т. XVI, док. № 426.

Советское Правительство по собственной инициативе недавно продлило существующие пакты о ненападении с четырьмя Балтийскими государствами*. Все эти мероприятия, служа единой цели и составляя единую систему, дополняют, а не исключают друг друга.

Конечно, всякое мероприятие к укреплению мира направлено своим острием против тех государств, которые намереваются этот мир нарушить, но никакое государство не должно видеть это острие, направленным против себя, если оно подобных намерений не имеет.

Германское Правительство совершенно правильно указывает в своем заявлении, что со стороны Советской России не приходится считаться с угрозой независимости Прибалтийских государств. Советское Правительство дало этому достаточно доказательств, в том числе и недавнее продление свыше чем на 10 лет пактов о ненападении с этими странами. Еще более убедительным доказательством является его собственное предложение о заключении советско-германского протокола о неприкосновенности независимости и неприкосновенности Прибалтийских стран. Советское Правительство отнюдь не опасается, что подписание подобного протокола могло бы вызвать подозрения в наличии угрозы с его стороны независимости Прибалтийских стран, а, наоборот, считает протокол лучшим средством для устранения или предотвращения подобных подозрений в отношении тех стран, которые согласились бы подписать протокол или впоследствии присоединиться к нему.

Неверно и отнюдь не вытекает из проекта протокола предположение Германского Правительства, что протокол мог бы считаться направленным против третьих стран. Согласно проекту протокола, каждый участник его отвечает только за собственные действия и никаких общих действий против третьих стран там не предусматривается, а, наоборот, предусматривается возможность для любых третьих стран присоединиться к протоколу.

Не вытекает поэтому также из протокола и искусственно ассоциировано с ним представление о протекторате. Гарантировать какой-либо стране безопасность не означает протектората. Например, гарантирование Локарнскими соглашениями** восточных границ Франции и западных границ Германии третьими странами никогда не трактовалось Францией или Германией как протекторат над ними. В данном же случае идет речь даже не о подобных гарантиях, а о гораздо меньшем, а именно о добровольно принимаемых на себя

---

* См. док. № 105, 106, 107, 114.

** См. т. VIII, прим. 67, 68.

двумя государствами обязательства уважения независимости и неприкосновенности других стран. К тому же всякое представление о протекторате исключается в данном случае и тем, что, предложив оставить протокол открытым для присоединения любых третьих стран, Советское Правительство доказало, что оно не стремится к исключительному положению, а предоставляет всем желающим принимать на себя одинаковые с ним обязательства в отношении безопасности Прибалтийских стран.

Не подлежит никакому сомнению, что реализация советского предложения не могла бы быть истолкована иначе, как серьезное укрепление мира на Востоке Европы. Невозможно также отрицать, что она укрепила бы чувство безопасности самих заинтересованных Балтийских государств, которые, само собой разумеется, были бы своевременно извещены и которые несомненно отнеслись бы к нему самым благожелательным образом. В то же время протокол ни в малейшей мере, понятно, не нарушал бы интересов самих его участников, поскольку у них нет агрессивных намерений в отношении Прибалтийских стран. При этих предположениях Советское Правительство не находит в заявлении Германского Правительства ни одного убедительного мотива или довода против подписания протокола о инарушении независимости и неприкосновенности Прибалтийских стран.

Нет надобности останавливаться на том благотворном влиянии, которое этот акт имел бы на советско-германские отношения. В этой связи я хотел бы отвести еще одно предположение Германского Правительства, будто прискорбное отчуждение в советско-германских отношениях, указываемое Германским Правительством, вытекает из отношения Советского Правительства к национал-социалистскому режиму в Германии. Советское государство за 16 лет своего существования доказало, что оно может поддерживать наилучшие отношения с другими государствами безотносительно к их внутреннему режиму. Действительные причины указываемой отчужденности достаточно известны Германскому Правительству как из публичных выступлений членов Советского Правительства, так и из моих бесед с Вами *, г. Посол, чтобы их нужно было вновь повторять.

Вы сами, г. Посол, приглашали меня указать на какие-либо средства, которые могли бы эту отчужденность устранить или смягчить. Я поэтому попытался предложить Вам одно такое средство, которое не только для Советского Союза, но и для всего мира звучало бы убедительнее всяких речей и деклараций. Мне остается лишь высказать еще раз сожаление

* См. т. XVI, док. № 424 и док. № 94. 126 настоящего тома.

ние, что это средство Вашим Правительством отвергается, и к тому же без убедительной мотивировки.

Я приветствую заявления Вашего Правительства о его желании поддерживать с моим Правительством дружественный контакт для обеспечения согласия по всем политическим и экономическим вопросам, затрагивающим обе страны, и о его готовности обсудить вопрос о восстановлении отношений доверия. Обсуждение этого вопроса между нами началось с первой моей беседы с Вами *, г. Посол. Один из путей, ведущих к восстановлению этого доверия, мною указан, но Ваше Правительство, не желая встать на этот путь, к сожалению, не указывает никаких других путей. В создавшейся новой международной обстановке реальное значение могут иметь лишь конкретные предложения, считающиеся с этой обстановкой, а не общие отвлеченные декларации. Берлинский договор ** при всем своем значении и ценности не охватывает тех вопросов, затрагивающих Советский Союз, которые вызвала к жизни новая международная ситуация и политика нового Германского Правительства. Могу заверить Вас, г. Посол, что мы всегда готовы будем благожелательно рассмотреть конкретные предложения Германского Правительства, могущие на деле иметь своим последствием улучшение взаимоотношений и укрепление взаимного доверия между нашими странами.

*Печат. по арх. Оpubл. в газ. «Известия»
№ 99 (5347), 27 апреля 1934 г.*

Это заявление сделано в связи со следующим заявлением Надольного М. М. Литвинову 14 апреля 1934 г. ***:

«Если Советское Правительство желает сделать что-либо конкретное с целью восстановления отношений доверия между Германией и Советским Союзом, мы можем, само собой разумеется, лишь приветствовать это с удовлетворением. Мы сами недвусмысленно подчеркивали при каждом представлявшемся случае наше собственное желание в этом направлении, и поэтому нам было непонятно и в то же время прискорбно то, что г. Литвинов в своей известной речи 28 декабря прошлого года **** и в своей значительной беседе с германским послом 4 января текущего года ***** выразил столь отрицательную и исполненную открытого недоверия установку. К сожалению, мы должны констатировать, что предлагаемый сейчас г. Литвиновым способ осуществления указанной им цели по самым различным причинам не кажется нам для этой цели подходящим.

Обращает на себя внимание уже то, что г. Литвинов выдвигает перед нами проект обеспечения статуса Балтийских государств, проект, к кото-

* См. т. XVI, док. № 424, а также док. № 2 настоящего тома.

** См. т. IX, док. № 141.

*** См. также док. № 126.

**** См. газ. «Известия», 29 декабря 1933 г.

***** Имеется в виду беседа 3 января; см. док. № 2.

тому он еще недавно, как это общеизвестно, стремился совместно с польским правительством. Русско-польская инициатива многократно трактовалась общественным мнением как акция, политическое острое которой было направлено против Германии. Хотя мы и не имеем аутентичной информации о том, как развивалась эта акция в своих частностях и продолжается ли она еще сейчас, нам кажется несколько необычным, что Советское Правительство хотело бы сейчас воплотить этот план в форме германо-русского пакта. Но, даже отвлекаясь совершенно от предыдущих стадий и от вопроса, какую позицию заняли или еще могут занять сами Балтийские государства по отношению к проекту, мы считаем, что предложение лишено реально-политической основы. Если Германское и Советское Правительства с целью улучшения своих отношений должны принять на себя специально договорное обязательство в отношении независимости и неприкосновенности Балтийских государств, из этого, естественно, вытекает, что независимость и неприкосновенность этих стран будет находиться под угрозой со стороны одного из контрагентов при отсутствии подобного положительного обязательства. Германское Правительство не полагает, что со стороны Советской России приходится считаться с подобного рода угрозой; само собой разумеется, что оно тем менее может позволить какое бы то ни было допущение подобного рода намерений или возможности со своей собственной стороны. Основные линии германской политики на Востоке излагались г. Рейхскампфером при самых различных случаях публично и с полной ясностью, и мы должны категорически отвести всякую попытку подвергать сомнению откровенность этой политики.

Если, однако, таким образом отпадает возможность угрозы Балтийским государствам со стороны Германии и Советского Союза, то в качестве реального повода для предлагаемого пакта остается только возможность угрозы независимости и неприкосновенности этих государств со стороны третьих держав. По мнению Германского Правительства, подобное предположение также лишено всяких оснований. Поэтому Германское Правительство не в состоянии представить себе, насколько у Германии и у Советского Союза могут быть основания брать на себя роль протекторов Балтийских государств.

Итак, поскольку независимости и неприкосновенности Балтийских государств, по мнению Германского Правительства, не угрожает какая-либо опасность, оно не видит никакого повода для заключения с Советским Правительством специального договора по охране этих государств.

Советское Правительство при беспристрастном изучении этой точки зрения легко убедится в том, что предложенный им для улучшения германо-советских отношений путь в действительности не подходит. Если оно, как я надеюсь, будет твердо придерживаться своего желания восстановления отношений доверия, то для этого надо искать другой путь, и его можно найти. Нам кажется, однако, что отсутствует объект, могущий составить предмет нового политического договора, так как все политические вопросы, могущие быть урегулированными в формальном договорном порядке, как будто исчерпываются действующими договорами, в частности Берлинским договором. При этом не следует забывать, что именно новое Германское Правительство ратифицировало продление Берлинского договора * и тем самым формально объявило себя сторонником этого договора и лежащей в его основе политической установки. Мы можем усмотреть действительную причину, вызвавшую прискорбное отчуждение в германо-советских отношениях, только в установке Советского Правительства по отношению к национал-социалистскому режиму в Германии. Поэтому мы можем лишь снова подчеркнуть, что различие во внутреннем устройстве обоих государств, по нашему твердому убеждению, не должно затрагивать их международные отношения. Успешное развитие этих отношений является в конеч-

* См. т. XVI, док. № 112.

ном итоге вопросом политического желания. В области внешней политики не имеется каких-либо реальных явлений, которые препятствовали бы этому желанию; наоборот, многочисленные общие интересы обеих государств указывают это направление. Поэтому все зависит от того, чтобы строить отношения не на базе искусственных построений, а на естественной и положительной базе Берлинского договора.

Этот договор предусматривает, что оба Правительства поддерживают между собой дружественный контакт с тем, чтобы обеспечивать согласие по всем политическим и экономическим вопросам, затрагивающим обе страны. Германское Правительство охотно готово обсудить с Правительством СССР, в соответствии с этим соглашением, вопрос о восстановлении отношений доверия, полезных для обеих стран».

140. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Надольным

21 апреля 1934 г.

Я сделал Надольному по-немецки заявление и затем вручил ему запись заявления на русском языке*. Надольный внимательно слушал меня и проявил наибольший интерес к заключительной части. Он спрашивал, может ли он понять резюме так, что мы предлагаем Германии сделать другие предложения после отклонения нашего. Я указал Надольному, что это прямо говорится в моем заявлении и что мы готовы, конечно, обсуждать любые предложения, но что я не представляю себе полезных предложений, которые не заканчивались бы фиксацией чего-либо на бумаге; между тем в германском заявлении заранее исключаются какие бы то ни было новые фиксированные обязательства. Это мне кажется тем более странным, что это нам заявляется после заключения соглашения с Польшей¹⁴ и после многочисленных заявлений Гитлера о его готовности заключать пакты о ненападении с кем угодно. Стало быть, Гитлер как будто придает значение формальным и письменным обязательствам, а нам почему-то указывают, что после Берлинского договора** невозможны какие бы то ни было новые соглашения с нами. Надольный смущенно пытался истолковать с натяжкой соответственное место в том смысле, что будто бы всякие новые соглашения могут иметь место только в рамках Берлинского договора.

По своему обыкновению, Надольный попросил разрешения поговорить неофициально. Он явно критиковал германский ответ по существу, объяснял его излишней чувствительностью немцев, признал большой ошибкой отсутствие дезавуирования книги Гитлера «Моя борьба». Он вслух рассуж-

* См. док. № 139.

** См. т. IX, док. № 141.

дал, не съездить ли ему с нашим ответом в Берлин, чтобы там обсудить какие-либо новые предложения, на что я не реагировал. Прощаясь, он выразил уверенность, что мы не предадим дело гласности. Я сказал, что мы не собираемся в настоящее время оглашать, но что, конечно, считаем своим долгом известить заинтересованные государства. Надольный взволнованно убеждал меня этого не делать, ссылаясь даже на якобы данное ему мною обещание. Я напомнил ему, что никаких обещаний я ему не давал, и на его вопрос, извещали ли мы кого-либо о нашем предложении, я ответил отрицательно. Но это относилось к прошлому, а именно к периоду наших переговоров с Германией. Теперь же, когда переговоры закончены и после получения нами от Германии решительного отказа, я не нахожу возможным скрывать наш шаг от тех государств, которых это касается, тем более, что нет уверенности, что они об этом не узнают из других источников. Для примера я указал на статью «Ригаше рундшау», газете, близкой к Германии, где уже имеются намеки на наше предложение.

Литвинов

Печат. по арх.

141. Беседа Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Председателем Конференции по сокращению и ограничению вооружений Гендерсоном

23 апреля 1934 г.

1. Гендерсон завтракал у меня, и так как завтрак этот происходил с глазу на глаз, то я имел возможность поговорить с моим гостем более откровенно. Я начал с того, что сказал Гендерсону комплимент по поводу его цветущего вида (он действительно выглядит сейчас значительно лучше, чем в прошлом году). Гендерсон был польщен, сослался на добрые заботы семьи об его здоровье, но затем, точно испугавшись (как бы не сглазить!), сразу перешел к жалобам. Он-де чрезвычайно тяжело переживает все несчастные перипетии конференции по разоружению, он глубоко болеет душой по поводу того, что из-за конференции он вынужден на столь долгий срок оторваться от английских партийно-политических дел, он чувствует, как все эти тяготы свицовым бременем ложатся на его плечи и заставляют раньше времени стареть (учтите, что Гендерсону сейчас 71 год). Я проявил участие к его невзгодам, связанным с конференцией по разоружению. Гендерсон растаял и стал изливать свою наболевшую душу. Он чрезвычайно озлоблен против французского и английского правительств. Он считает, что вина за нынешнее положение дел

ложится в первую очередь на плечи этих двух правительств. Французская политика в отношении Германии на протяжении всего послевоенного периода, по мнению Гендерсона, была верхом глупости и нелепости. Эта политика продолжалась и во время конференции по разоружению. Вдобавок во Франции все время шла какая-то чехарда правительств. «Сознаете ли Вы,— воскликнул Гендерсон,— что на протяжении конференции по разоружению во Франции сменилось 9 правительств?» При этом взгляды и настроения постоянно меняющихся французских правительств представляли собой целую гамму оттенков и вариаций. Когда у власти были Эррио или Даладье, можно было надеяться на известные результаты. Впрочем и тогда были всякие неожиданные. Например, он, Гендерсон, в прошлом году получил согласие Гитлера и Даладье на совместную встречу. Но, когда данный факт был опубликован, печать Франции и Германии сразу атаковала его, а Гитлер и Даладье предпочли броситься в кусты. Как бы то ни было, но при прошлогодних французских правительствах можно было на что-то рассчитывать. Сейчас положение иное. Правительство Думерга — Тардые просто не хочет разоружаться, а при таком настроении трудно рассчитывать на возможность конвенции по разоружению. Английское правительство не лучше французского. Макдональд, по словам Гендерсона, просто не хочет успеха конференции по разоружению. Правда, на словах он весь мир и благоволение человечества, но в действительности он готов ставить конференции по разоружению всевозможные палки в колеса. Тут Гендерсон с горечью вспомнил, как в прошлом году во время экономической конференции он пытался вести переговоры по вопросам разоружения с представленными на этой конференции главами правительств. Ничего из этого не вышло. А кто виноват? В первую очередь Макдональд. Он сделал все возможное для того, чтобы предотвратить какие-либо переговоры Гендерсона с главами правительств в Лондоне. Он даже отказал Гендерсону в предоставлении кабинета в здании конференции, где он, Гендерсон, мог бы вести разговоры с членами конференции. Саймон, пожалуй, немножко лучше относится к целям конференции, но и он не станет ломать себе голову из-за ее успеха или неуспеха. Единственно Иден серьезно болеет делами конференции и старается по возможности обеспечить ее успех, но Иден еще слишком молод и не располагает достаточным влиянием. Вина английского правительства состоит в том, что оно всегда опаздывает, по крайней мере, на несколько месяцев. В декабре прошлого года, например, Гендерсон привез из Парижа в Лондон те условия, на которых Поль-Бонкур готов был подписать конвенцию, предусматривающую известное сокращение французских вооружений. Поль-Бонкур требовал со стороны Англии

гарантии соблюдения конвенции в форме только экономических и финансовых санкций. О военных санкциях тогда речи не было. Гендерсон передал условия Поль-Бонкура Саймону, но британское правительство в декабре ни за что не хотело согласиться на экономические и финансовые санкции. Сейчас, в апреле, оно на них согласилось, но теперь этого уже недостаточно. Барту требует не только экономических и финансовых, но и военных санкций. В этом месте Гендерсон выразил некоторое недоумение по поводу французского требования о военных санкциях. Ведь такие санкции уже предусмотрены Локарно *, в случае нападения Германии на Францию. Очевидно, французы в настоящее время совсем потеряли веру в реальность Локарно. Как бы то ни было, но британское правительство всегда опаздывало, и этим не в меньшей степени, чем французское, способствовало созданию того тупика, который наблюдается в настоящее время. Совсем иная позиция была у СССР. Гендерсон с особым подчеркиванием и большим удовлетворением заявил, что на протяжении всей конференции по разоружению он видел с нашей стороны вполне искреннее желание помочь делу разоружения и способствовать успеху конференции.

2. Что будет дальше? Намеченное ранее заседание Бюро конференции 30 апреля не будет создано. Это решено уже окончательно. Бюро должно было подготовить текст британского предложения для обсуждения на Генеральной комиссии, но после французской ноты ** такая работа становится ненужной. Стало быть, незачем собирать Бюро. Ближайшим шагом должно быть заседание Генеральной комиссии, на чем особенно настаивают французы. Это заседание было фиксировано ранее 23 мая, однако сейчас выясняется, что заседание придется перенести на 29 мая. 23-е не подходит, во-первых, потому, что дата приходится на неделю тронцы, во-вторых, потому, что Бенеш из-за выборов президента Республики (24 мая) не может к 23 приехать в Женеву, а ведь Бенеш является докладчиком. Как раз сегодня Гендерсон разослал всем заинтересованным сторонам предложение отсрочить заседание комиссии до 29 мая. Он рассчитывает, что все с этим согласится. Гендерсон спросил меня тут, будут ли со стороны Советского правительства какие-либо возражения против намечаемого им плана. Я ответил, что с нашей стороны, поскольку я знаю, возражений не будет. Мы уже не раз устами т. Литвинова протестовали против закулисных переговоров некоторых великих держав за спиной у конференции по разору-

---

* См. т. VIII, прим. 68, 105.

** См. «Сборник документов по международной политике», вып. X, М., 1936, стр. 76—78.

жению, и мы будем только рады, если в мае работы конференции будут возобновлены. Что бы ни было дальше, каковы бы ни были принятые решения, какова бы ни была дальнейшая судьба конференции, мы считаем, что все это должно быть проделано на конференции и в рамках конференции. Гендерсон был, видимо, очень обрадован моим заявлением, что СССР всецело поддерживает возвращение вопросов разоружения в недра конференции, и стал оправдываться в том, что после октября прошлого года допустил полугодовые «параллельные и дополнительные дипломатические переговоры» между Англией, Францией, Германией и Италией*. В качестве основания для этого он привел те соображения, что на таких переговорах настаивал Саймон и что если бы он, Гендерсон, на них не согласился, Саймон фактически помешал бы дальнейшей работе конференции. Но зато теперь, когда «параллельные переговоры» закончились полным крахом, он, Гендерсон, испытывает большое удовлетворение (вернее, злорадство) и чувствует, как его позиция укрепилась. Его, Гендерсона, тактика дала прекрасный результат. Я спросил Гендерсона, как долго, по его мнению, будут продолжаться заседания Генеральной комиссии. Гендерсон отвечал, что тут могут быть два варианта. Или Генеральная комиссия решит, что при данных условиях никакая конвенция невозможна, и в той или иной форме ликвидирует конференцию по разоружению, в этом случае заседания Генеральной комиссии будут продолжаться недолго, каких-нибудь несколько дней. Или же Генеральная комиссия решит, что, несмотря ни на что, надо сделать еще одну последнюю попытку выработать конвенцию, тогда работа Генеральной комиссии затянется, вероятно, на 3—4 месяца. Лично он, Гендерсон, стоит на второй точке зрения. Он не собирается так легко уступать позиции. Он думает, что надо попытаться выработать конвенцию в том предположении, что Германия в конце концов к ней присоединится. Если такая конвенция будет выработана, если все наличные участники конференции объявят свое согласие с конвенцией и может быть даже подпишут ее, то Германия окажется изолированной, на нее можно будет оказать сильное давление и в конечном счете заставить присоединиться к конвенции. Если бы, однако, Германия все-таки отказалась конвенцию подписать, то другие державы, подписавшие ее, могли бы отказаться конвенцию ратифицировать — это было бы вполне логично, естественно, неизбежно, но тогда вся ответственность за крах попытки разоружения легла бы на Германию. Я спросил Гендерсона, верно ли, что в английских правительственных кру-

---

* См. «Сборник документов по международной политике...», вып. X, М., 1936, стр. 3—85.

гах обсуждался вопрос о разделе СССР на две зоны — европейскую и азиатскую — с предоставлением нам свободных рук в азиатской зоне в случае, если Япония не присоединится к конвенции по разоружению. Гендерсон ответил, что ему об этом ничего не известно и что, по всей вероятности, это выводы журналистов.

3. Затем Гендерсон по собственной инициативе задал мне вопрос: каково наше отношение к Лиге наций? Верны ли слухи о том, что мы собираемся входить в Лигу наций? Он со своей стороны, конечно, только приветствовал бы от всей души наше вступление в Лигу, ибо это совершенно изменило бы всю ситуацию как в самой Лиге, так и вообще на международной арене. Но вот верно ли, что мы готовы обсуждать вопрос о вступлении в Лигу наций? Я ответил Гендерсону в духе того, что я раньше говорил лорду Сесилю и Литтону (см. запись разговора от 28 марта¹²⁸). Я при этом особо подчеркнул, что до сих пор никто точно не знает, что думает по вопросу о нашем тесном сотрудничестве с Лигой наций или даже по вопросу о нашем вступлении в Лигу наций сама Лига и входящие в ее состав важнейшие правительства. Ни секретариат Лиги в лице, скажем, Аvenoля, ни ответственные члены французского или британского правительств (именно эти правительства прежде всего приходится иметь в виду) нигде публично не говорили о том, что они желают тесного сотрудничества СССР с Лигой, или даже вступления СССР в Лигу. Французское правительство, по крайней мере, хоть в дипломатическом порядке дало нам определенно понять, что оно желает нашего вступления в Лигу*, но вот об отношении британского правительства к данному вопросу мы не имеем никакого понятия. А между тем разные неофициальные сообщения утверждают, что британское правительство относится к вопросу о вступлении СССР в Лигу наций по меньшей мере холодно, если не враждебно. Гендерсон в ответ признал, что действительно положение несколько ненормальное. СССР публично заявил устами своих ответственных людей, что он готов обсуждать вопрос о тесном сотрудничестве с Лигой, а другая сторона пока отделяется молчанием. Ему приятно слышать, во всяком случае, что французское правительство приглашает нас в Лигу наций. Что касается мнения британского правительства, то оно ему не известно, ему не приходилось на эту тему ни разу разговаривать ни с Макдональдом, ни с Саймоном, ни с Иденом. Он полагает, однако, что британское правительство в нынешней обстановке должно было бы относиться положительно к вступлению СССР в Лигу наций. Во всяком случае, британское общественное мнение сумеет заставить британское правитель-

* См. док. № 68.

ство, если окажется необходимым, облегчить СССР вступление в Лигу наций. Я заметил, что говорить о нашем вступлении в Лигу наций пока еще преждевременно. Все, что мы готовы сейчас сделать, это обсуждать с Лигой наций или с входящими в ее состав правительствами вопрос о формах нашего более тесного сотрудничества с Лигой в деле предупреждения войны. Каковы будут конечные результаты таких переговоров, сейчас еще трудно судить. Гендерсон ответил, что он это хорошо понимает. Однако главное, что его интересовало, это, готовы ли мы обсуждать вопрос о более близком и интимном сотрудничестве с Лигой. Если да, то все остальное уже выяснится в процессе переговоров.

4. В заключение Гендерсон дал мне вполне определенно понять, что он охотно съездил бы в СССР для ознакомления с теперешним положением дел в Союзе. Я ответил, что дорога в СССР для него открыта и что у нас имеется такое полезное учреждение, как «Интурист», который умеет хорошо заботиться о путешественниках. Гендерсон тогда стал жаловаться на недостаток свободного времени и на то, что, по всей вероятности, заседания Генеральной комиссии испортят ему все нынешнее лето. Было совершенно очевидно, что Гендерсон хотел бы посетить СССР либо по нашему приглашению, либо под предлогом какого-нибудь дела, связанного с вопросами разоружения.

Полномочный Представитель СССР в Великобритании
И. Майский

Печат. по арх.

142. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике С. Е. Чуцкаеву

23 апреля 1934 г.

Наркомлегпром для лучшей организации подготовки 60 монгольских граждан просит срочно сообщить, сколько из них нужно подготовить по каждой специальности, отдельно по шерстяной и кожевенной и сроках приезда их в Москву. Одновременно настаивает на производстве на месте строгого медицинского отбора и просит обеспечить приезд всех 60 граждан не более чем в два срока. Телеграфируйте *.

Замнаркоминдел

Печат. по арх.

* См. док. № 153.

143. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Польше с Министром Иностранных Дел Польши Бекем

24 апреля 1934 г.

Бек мне позвонил, что примет в 4 часа.

Я заявил Беку, что имею поручение от т. Литвинова сообщить ему следующее. Несколько недель тому назад мы обратились с предложением к германскому правительству подписать протокол*, в котором было бы указано, что обе стороны будут учитывать в своей внешней политике заинтересованность в независимости Прибалтийских государств и не будут прибегать ни к каким действиям, прямым или косвенным, которые нарушали бы эту независимость. Я сказал, что, к сожалению, Германия отказалась принять наше предложение. Этот ответ Германии для нас не был неожиданным. Отрицательный ответ Германии является весьма характерным и разъясняет ее внешнюю политику в отношении Прибалтийских стран.

Далее я заметил, что мы имели в виду привлечь польское правительство к нашему демаршу в отношении Германии, если бы наше предложение о взаимной декларации по поводу Прибалтийских стран было тогда принято польским правительством**. К сожалению, польское правительство не сочло для себя возможным тогда принять наше предложение, и поэтому мы теперь предприняли этот демарш одни.

Бек выслушал меня совершенно невозмутимо. По-видимому, мое сообщение не явилось для него неожиданностью также, как и вчера на вечере¹³³, когда я ему вкратце шепнул о цели своего предстоящего визита. Вначале он начал что-то бормотать о том, что вообще польское правительство в свое время было против нашей декларации о Прибалтике, не желая создавать неприятного впечатления. Оно тогда считало необходимым запросить мнение Прибалтийских государств, и, к сожалению, это мнение было не весьма благоприятно. Я тут его перебил, заметив, что, насколько мне известно, лишь одна Финляндия отказалась, а Эстония, Латвия и Литва с теми или иными замечаниями соглашались с нашим предложением***. Бек признал, что действительно Финляндия более откровенно высказалась отрицательно по поводу нашей декларации, но что Эстония и Латвия также не очень охотно его принимали. Не то в связи с этой декларацией, не то неизвестно почему Бек стал говорить о «пакте четырех»****. Он заметил, что «пакт

* См. док. № 94, 139.

** См. т. XVI, док. № 426, 431 и док. № 42 настоящего тома.

*** См. док. № 11.

**** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 3—10.

четырёх» в свое время произвел очень плохое впечатление на Польшу*, поскольку была попытка группы держав навязать свою волю другим. «Слава богу, пакт этот мертв и похоронен, как сказал Барту». Я заметил, что между «пактом четырёх» и нашей декларацией нет никакой аналогии, ибо «пакт четырёх» имел в виду разрешать вопросы, интересующие все европейские страны, без привлечения этих стран к обсуждению и разрешению. Наша декларация имела в виду заявить об определенной политике наших же собственных правительств. Бек в общем согласился, но стал что-то опять говорить о шепетильности, о самолюбии государств, которые иногда могут быть задеты решениями третьих государств о них. Впрочем, все это было сказано вскользь, и он сразу же согласился с моими возражениями.

Желая все-таки получить от него какой-нибудь ответ, я спросил, как он расценивает отрицательный ответ Германии на наше предложение. Не кажется ли ему, что этот ответ предусматривает какие-то неясные намерения Германии в отношении Прибалтики. Несмотря на совершенно прямой вопрос, который я повторял в разных вариантах, Бек явно уклонился от всякого ответа и всякого комментирования германской позиции, пустившись в философствование.

Когда наступила явная пауза по этому вопросу, я спросил его, доволен ли он результатами своих разговоров с Барту¹³². Бек опять-таки стал говорить всеми закругленными фразами, но вместе с тем ответил, что да. По его словам, общественное мнение Польши было очень радо визиту такого авторитетного деятеля, как Барту; кроме того, вообще очень полезно, когда министр иностранных дел посещает дружественную страну, что, к сожалению, французы делают редко. В общем, он ничего по существу не сказал.

Затем он сам сказал мне, что надеется на близкое окончание наших переговоров о продолжении пакта**. Когда я промолчал на это его замечание, он стал несколько более подробно говорить по поводу московских переговоров. По его мнению, нужно было рассеять некоторые недоразумения, которые создавались вокруг некоторых дипломатических документов (намек на чичеринскую ноту о Литве***.— Я. Д.) в польском общественном мнении. Все это говорилось им довольно невнятно и расплывчато. Тем не менее я ему заметил, что, собственно, не вижу, почему могли иметь место эти недоразумения, ибо наша позиция в отношении этого вопроса, как и польско-литовских отношений, всегда была ясна и определена. Бек не стал очень заострять разговора, но опять что-то

* См. т. XVI, док. № 99.

** См. док. № 89.

*** См. т. IX, док. № 272.

пробормотал о том, что у Польши отсутствуют какие-либо документы аналогичного порядка. Я заметил, что не хочу сейчас поднимать вопросы прошлого, но что, мне кажется, при желании можно было бы найти документы несколько более неприятного порядка, например Польша признала аннексию Бессарабии*, т. е. наши территории, в то время как ничего подобного с нашей стороны в отношении польской территории указать нельзя. Бек на это ничего не ответил и стал говорить, что он надеется на быстрое окончание московских переговоров. Я сказал, что было бы гораздо приятнее, если бы пакт неагрессии был бы продолжен сразу без всяких дополнительных условий, что произвело бы очень хорошее впечатление на всех. Между тем затяжка этого вопроса и те оговорки, которые делаются с польской стороны, вызывают некоторое недоумение. Повторив, что я не вмешиваюсь в эти разговоры, поскольку их ведет в Москве Лукасевич, тем не менее не могу не отметить то неприятное впечатление, которое затяжка этого вопроса произвела в некоторых кругах у нас в Москве. Бек ограничился опять общими фразами и затем заметил, что он уезжает на несколько дней, отчего вопрос немножко оттянется, но, может быть, ненадолго. Я на это ответил, что ничего особенно спешного нет, поскольку наш пакт действует еще до конца 1935 г. В общем, весь этот разговор с Бекком носил характер полусветский и полусерьезный.

Давтян

Печат. по арх.

144. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР во Франции с Генеральным секретарем Министерства Иностранных Дел Франции Леже

24 апреля 1934 г.

В начале беседы останавливались долго на необходимости сохранения в дальнейшем конфиденциального характера переговоров**. Он даже об этом заговорил первый. Я ему указал на то, что, по моим сведениям, о наших переговорах поставлены французами в известность: Осудкий***, Бенеш и Спалайкович***. Я уже не говорю про Титулеску, который, по крайней мере, как будто понимает все значение вопроса. Я указал также на то, что, по сведениям, которыми я располагаю, Осудкий не постеснялся об этом говорить с журналистами.

Леже сказал, что в общих чертах об этом стало известно более широкому кругу лиц, поскольку вопрос обсуждался в

* См. т. III, прим. 76.

** См. док. № 138, 149, 154.

*** Посланники Чехословакии и Югославии во Франции

совете министров. В самом МИД с вопросом знакомы в полном объеме только он и Баржетон*. Что касается Барту, то он как будто не должен был ничего разглашать, поскольку он, как Леже снисходительно добавил, всего вопроса не усвоил. Барту не успел ознакомиться с подробной запиской, резюмирующей вопрос, которая была для него составлена, и перед самым заседанием совмина пришлось для него составить коротенькую шпаргалку.

Мы в общем условились, что, насколько от нас будет зависеть, переговоры останутся секретными, о чем неоднократно просил г. Довгалеvский**.

Он заявил, что если мы не согласны вступить в Лигу, то, по известным нам причинам, они не могут пойти на взаимопомощь и должны будут ограничиться актом о консультации внешней политики и экономическим сотрудничеством обеих стран.

Я восстановил историю переговоров***, сказал, что принципиальное согласие на наше вступление в Лигу, обусловленное известными оговорками, было им сообщено еще в начале декабря****. В частности, я напомнил, что г. Довгалеvский ему же говорил, что вопрос стоит именно в такой плоскости, поэтому будем пока исходить из гипотезы о нашем вступлении, возникшей в связи со сделанным нам Бонкуром предложением о взаимопомощи. Он сказал, что якобы не совсем так понял г. Довгалеvского.

Как я вам уже сообщил¹³⁴, он прошелся по нашим оговоркам, причем я опускаю здесь его соображения, так как он мне обещал сегодня прислать письменное резюме таковых. Такое же будет в одном экземпляре приложено к настоящей записки беседы, если я его получу до ухода почты. Останавливаюсь здесь только на одном из его замечаний.

По поводу его постановки вопроса относительно того, что члены Лиги могут считаться признавшими друг друга де-юре, я ему заявил, что я не отказываюсь от предложения, сформулированного в вашей директиве*****, в его полном объеме, все же заключаю из сказанного им, что, поскольку они так интерпретируют Статут, никаких неудобств не представляло бы зафиксировать эту интерпретацию в форме резолюции Ассамблеи Лиги. Он условно согласился со мной и обещал над этим подумать.

---

* Директор торгово-политического департамента МИД Франции.

** См. т. XVI, док. № 444 и док. № 68 настоящего тома.

*** См. т. XVI, док. № 332, 390, 413, 444 и док. № 36, 96 настоящего

тома.

**** См. т. XVI, док. № 397.

***** См. т. XVI, прим. 325.

Я подробно беседовал с ним, как и с Барту, относительно Польши и изложил ему все соображения, которые были преподаны в ваших письмах¹³⁵. Я ему, в частности, указал на то, что мы сами считали непременным условием заключения конвенции участие в таковой Польши. Однако не похоже на то, что Польша намерена изыскивать новые гарантии в отношении опасности агрессии со стороны Германии, каковая ей представляется вообще нереальной на ближайшие годы. Я сослался при этом, между прочим, на то, что мне рассказал Титулеску о его беседе с Пылсудским*. Я добавил, что, если тем не менее Франция сумеет склонить Польшу и т. д., мы будем очень рады, но сами не намерены поднимать вопрос перед ней.

Тут он обронил фразу насчет того, что поездка Барту¹³⁶ должна будет внести ясность в этот вопрос, что конфигурация границ такова, что без содействия Польши конвенция не может быть осуществлена. Я указал на то, что, конкретизируя предложения Бонкура, мы наместили в качестве участников конвенции государства, которые хотя и не имеют общих границ с Германией, но находятся под непосредственным ударом немецкой экспансии и которые, по состоянию своей обороноспособности, целесообразно привлечь.

Франция, мол, сама только в состоянии судить о том, насколько конвенция с нами предложенная еще 31 октября Бонкуром**, ей выгодна или нет. Я вполне понимаю его, когда в начале беседы он мне говорил о том, что не имеет четких директив правительства, он не мог продолжать ведение переговоров, ибо вопрос весьма серьезен и было предпочтительным не возвращаться к нему, пока не было полной уверенности в одинаковой заинтересованности в ней обеих правительств. Я позволю себе лишь высказать то соображение, что союз с Польшей был первоначально направлен как против нас, так и против Германии. Казалось бы, что теперь объектом союза является лишь Германия. При таких условиях отношение Польши к зондажу, который они решили произвести, явится критерием истинных намерений Польши в отношении Германии.

Мы подробно говорили также о ситуации на Дальнем Востоке. Я ему, между прочим, дал перепечатку из «Таймс» от 4 апреля 1934 г. (корреспонденция рижского корреспондента о соотношении сил на Дальнем Востоке).

В ходе беседы я также подчеркнул, что вопрос о Лиге мы обсуждаем с ним как вопрос служебный. Он сделал вид, что для него это ново, и заявил, что он очень польщен тем, что

---

* См. док. № 132.

** См. т. XVI, док. № 337.

вопрос возник для нас в контексте наших отношений с Францией. Я возразил, что наше отношение к Лиге претерпело известное изменение в результате причин общего порядка, что, быть может, настанет момент, когда мы независимо от того, как складываются наши отношения с Францией, сочтем в своих интересах войти в состав Лиги*, но, поскольку мы с ним обсуждаем этот вопрос, он возник именно в связи с тем, что в результате их обязательств по Локарнскому договору** приходится перенести в рамки Лиги то сотрудничество, которое нам было предложено.

В заключение разговора он мне заявил, что в силу наших преисполненных взаимной дружбы отношений я, конечно, не сомневаюсь в его полной лояльности, но во избежание того, чтобы в Москве создалось превратное впечатление, он хотел бы еще встретиться со мною до возвращения Барту, дабы ознакомить меня с его общей наметкой конвенции***. (Думаю, что если он мне скажет что-нибудь более или менее членораздельное на сей счет до возвращения Барту, он испросит предварительно согласие у Думерга, который временно взял на себя руководство МИД.)

Розенберг

Печат. по арх.

145. Нота Полномочного Представителя СССР в Швеции Министру Иностранных Дел Швеции Саидлеру

25 апреля 1934 г.

Имеем честь от имени Советского правительства сообщить Вашему превосходительству, что ЦИК Союза Советских Социалистических Республик по рассмотрении соглашения по 100-миллионному займу****, предоставляемому шведским правительством СССР для закупок товаров в Швеции на данную сумму, подписанного нами 16 марта в г. Стокгольме с Вашим превосходительством и подлежащего ратификации ЦИК Союза Советских Социалистических Республик на основании пункта 14 указанного соглашения, означенное соглашение отказался утвердить вследствие невыгодности некоторых условий соглашения, о чем доводим до сведения Вашего превосходительства.

А Коллонтай

Печат. по арх.

* См. док. № 266.

** См. т. VIII, прим. 67, 68.

*** См. док. № 151.

**** См. док. № 40.

146. Письмо Временного Поверенного в Делах СССР во Франции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

25 апреля 1934 г.

Многоуважаемый Максим Максимович,

Как Вы правильно учли, наши переговоры упираются на данной стадии в значительной степени в позицию, которую займет Польша. Французские газеты взяли кисло-сладкий тон в отношении «независимой политики» польской «великой державы» и сохранения союза с нею. Ряд варшавских корреспондентов прямо пишет о том, что маршал отклоняет всякое сотрудничество с нами, что ему не нужна помощь большевистских войск и что, наконец, он не верит в прочность советского строя. Эррио уже давно не может говорить о Польше без ноток раздражения, причем такую же реакцию можно наблюдать во многих политических и военных кругах. Эррио считал вообще поездку Барту в Варшаву¹³² ошибкой.

Весьма возможно, однако, что на Барту, который к сближению с нами относится, по отзывам некоторых осведомленных лиц, в том числе Титулеску, сдержаннее, чем Думерг и кое-кто из генштаба, аргументы Пилсудского об опасности большевизации Польши возымеют известное влияние. Как бы там ни было, вопрос в целом предстанет теперь перед французским правительством в более отчетливых контурах.

До настоящего времени, по существу, французское правительство еще вполне определенной позиции в вопросе о конвенции не заняло*. Наш вопрос отошел на второй план, пока рассчитывали на то, чтобы выторговать у англичан кое-какие гарантии, выходящие из рамок Локарно, и не случайно Барту поставил на совмине вопрос о переговорах с нами вслед за отправкой французской ноты, оборвавшей переговоры с англичанами**.

Хотя Барту на заданный мною вопрос, одобрило ли правительство в качестве базы переговоров предложения, сделанные нам Бонкурром***, ответил после некоторого колебания утвердительно, при вчерашнем свидании с Леже**** последний дал мне понять, что нет еще ясности в отношении объема переговоров и что правительство тем самым-де, мол, не суживает инициативу МИД. Это, конечно, пустяки. Как я выяснил у Эррио, Барту преподнес на совмине вопрос в следующей

* См. док. № 97. 138.

** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. X, М., 1936, стр. 76—78.

*** См. т. XVI, док. № 332, 390, 413 и 444.

**** См. док. № 144.

форме: «Члены правительства все согласны в отношении принципов, лежащих в основе переговоров с СССР, уполномочьте меня на продолжение переговоров». Думерг заявил, что это предложение принимается, так как никто не возражает. (Как Вам известно, на заседаниях французского совмина никаких протоколов не ведется.)

2. Визит Титулеску здесь пригодится. Его разговоры с членами правительства имели известное влияние на содержание французского ответа Англии. (Как я Вам в свое время сообщал, на отклонении английских предложений особенно настаивал Гардые, Думерг его поддерживал, отдельные фразы принадлежат даже перу Думерга, Барту был за сговор с англичанами, угрожая отставкой, Эррио занимал не вполне четкую позицию.)

Титулеску, в частности, им доказывал, что отказ от принципа недовооружения является опасным прецедентом в отношении Венгрии.

Титулеску им также объяснял некоторые элементарные вещи, разъясняя наш удельный вес в Восточной Европе. Он с возмущением говорил о Польше, которая добивается постоянного места в Совете Лиги, в то время как вся Малая Антанта довольствуется «дежурным» местом в Совете.

Судя по тому, что Титулеску мне говорил*, и по откликам, которые до меня дошли, он доказывал им также подсобное значение Польши при наличии далеко идущего соглашения с нами.

Я Вам сообщал, что, судя по тем темпераментным вещам, которые он мне говорил, он будет добиваться включения Малой Антанты в состав участников конвенции, и, хотя я его особенно не расспрашивал, было похоже на то, что он себе мыслит конвенцию не как заостренную только против страны, которая до сих пор имела в виду. Это, впрочем, с его точки зрения, вполне понятно.

3. Таким образом, может создаться положение, при котором Польша будет решительно сопротивляться конвенции, в то время как Малая Антанта при известных условиях, возможно, будет давить на Францию в пользу конвенции, припутывая тем самым к этому комплексу Венгрию и Италию, которые нам ничем не угрожают, но против которых мы теоретически должны будем страховать Малую Антанту. В таком виде конвенция приобрела бы характер взаимной гарантии ее участников против любого агрессора в Европе, не исключая специфической договоренности по отношению к определенным объектам между отдельными участниками конвенции.

---

* См. док. № 132.

Все это рассуждения не по существу, а «в порядке постановки вопроса».

Титулеску, конечно, добивался прежде всего денег, а также побудил французское правительство обещать прислать Барту с ответным визитом.

4. Титулеску благотворно подействовал на Пертинакса и Сэн-Бриса, двух виднейших правых публицистов. Я могу засвидетельствовать, что «установки», которые он давал Пертинаксу и которые он мне лично излагал, нашли действительно приятное для нас отражение в статьях последнего.

Пертинакс также поднял на щит его концепцию о том, что Франция должна в порядке 8-й статьи пакта поставить перед Советом Лиги, после нашего присоединения к ней, вопрос о германских вооружениях и объявить себя в состоянии «самозащиты».

5. Несколько слов о внутривалютном положении. Правительство укрепило свои позиции в большей степени, чем это можно было ожидать. Повышение курса ренты в среднем примерно на 15% со времени принятия бюджетных мероприятий с целью дефляции — довольно существенный показатель. «Банк де Франс» показывает увеличение золотого запаса. Это не означает, что сняты с порядка дня крупнейшие трудности экономического и политического свойства, но, повторяю, нельзя оспаривать резкого улучшения положения с точки зрения правительства.

Последние дополнительные выборы не дали тех резких сдвигов вправо, на которые многие рассчитывали, что в свою очередь ослабило настроения в пользу роспуска палаты.

О процессах, происходящих в фашистских организациях, и о попытках перекинуть мост между ними и реформистскими профсоюзными объединениями напишем со следующей почтой.

Розенберг

Печат. по арх.

**147. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР
Представителю СССР в Чехословакии С. С. Александровскому**

27 апреля 1934 г.

Уважаемый Сергей Сергеевич,

Я Вам не сообщал ничего о беседе Бенеша со Штейном, так как ничего нового они друг другу не сказали*. Бенеш вновь подтвердил, что вопрос о возобновлении отношений всеми стра-

* Беседа состоялась 12 апреля 1934 г.

нами Малой Антанты решен окончательно и что никаких внутренних препятствий ни у кого больше нет, но что оформлению должна предшествовать встреча Титулеску со мной. Он убеждал т. Штейна ускорить эту встречу. Бенеш сообщил, что он в курсе наших переговоров с Францией, и добивался от т. Штейна выяснения нашей позиции по отношению к Лиге наций. Он говорил при этом, что большинство влиятельных членов Лиги, как, например, Франция, Италия и Малая Антанта, относятся положительно к нашему вступлению в Лигу, а Англия также готова отказаться от своей отрицательной позиции. Он подтвердил, что Польша агитирует против принятия нас в Лигу, что подтверждается сведениями из других источников*.

Когда предполагалось, что Бюро конференции по разоружению состоится в назначенный срок 30 апреля, я предполагал в середине апреля выехать на Ривьеру, чтобы полечить там свои бронхи, а кстади встретиться с Титулеску и оттуда поехать в Женеву. Титулеску, однако, заявил т. Штейну, что он раньше 14 мая не сможет отлучиться из Бухареста. В связи с этим, а также с отменой срока созыва Бюро я от поездки за границу отказался. Не думаю, чтобы мне можно было поехать за границу раньше конца мая. Так что с Титулеску, вероятно, придется встретиться только в Женеве во время заседания Бюро**.

Впрочем, если судить по газетам, а также по сведениям из других источников, поляки определенно высказали Барту свое нежелание сотрудничать с нами, а также допуска нас в Лигу наций. Если это верно, то и сама Франция может потерять интерес к сотрудничеству с нами в ранее намеченном ею объеме, и это может отразиться также на отношении к нам и Малой Антанты. Быть может, это уже отразилось в равнодушном отношении Бенеша к моей встрече с Титулеску, о котором Вы вчера телеграфировали¹⁵⁶. Если Вы еще не имели обстоятельного разговора с Бенешем, то добивайтесь его, чтобы выяснить, что ему сообщил Барту в разговорах с поляками. Мы будем это выяснять, конечно, и в Париже***, но лучше проверить из двух источников.

М. Литвинов

Печат. по арх.

* См. т. XVI, док. № 444 и док. № 138, 144 настоящего тома.

** См. док. № 181.

*** См. док. № 190.

148. Письмо Полномочного Представителя СССР в США Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

27 апреля 1934 г.

Уважаемый Максим Максимович,

Я до сих пор не видел президента и не мог изложить ему наши аргументы по поводу претензий*. Хотя Рузвельт действительно очень занят, но все же он, по-видимому, сознательно откладывает свидание со мной. Возможно, что здесь есть некоторая доля обиды за то, что мы перенесли переговоры в Москву, хотя президент выражал желание вести их здесь под его непосредственным руководством. Но я думаю, что здесь дело не в этом. Госдепартамент делал и делает попытки предварительно ознакомиться с имеющимся у меня материалом. Вы знаете, что я говорил с Хэллом**, но с нашими цифрами его не знакомил. Мур и Келли всячески пытались навести меня на разговор о наших аргументах. Я уклонился от ознакомления их с этими аргументами. Когда приехал сюда Рубинин, то, по-видимому, по предложению Буллита госдепартамент пытался втянуть его в разговоры. Мур даже предложил Рубинину представить его Рузвельту. Мы занимали сдержанную позицию, но Мур настоял на том, чтобы Рубинин пошел к президенту, но никакого разговора не получилось¹⁵⁷. Я, разумеется, уклоняюсь от изложения наших аргументов и материалов госдепартаменту в очень деликатной форме. Имеются слухи, что у госдепартамента есть расхождения с Белым домом по вопросу о претензиях. Может быть, президент хочет уладить сначала эти разногласия. Я думаю, что Вы правы, предполагая, что наиболее непримиримую позицию занимает Буллит. С ним вместе идет госдепартамент, который подстрекает Буллита, ожидая от него доказательств успеха в его дипломатии и твердости. Вероятно, президент занимает более умеренную позицию, хотя он и одобрил сделанное нам предложение.

Я считаю, что основная трудность в наших переговорах заключается в том, что президент колеблется благодаря внутриполитическому положению. Республиканцы подняли голову и атакуют его с разных сторон. Сенаторы и члены конгресса демократы временами изменяют ему и голосуют против. Моментами президент, видимо, теряется. При этих условиях ему трудно пойти на какой-нибудь решительный шаг в отношении соглашения с нами. Возможно, что он выжидает более благоприятное время. Нам надо считаться с фактом, что судьба наших отношений с США в известной степени связана с судьбой самого Рузвельта. Если он потеряет свое влияние, отношения

* См. док. № 84, 104, 116, 117.

** См. док. № 127.

ухудшатся и договориться будет труднее. Если он укрепится, отношения улучшатся и можно будет скорее достигнуть договоренности. Я полагаю, что положение не безнадежное и договориться будет возможно. Надо иметь также в виду, что развитие торговли с нами сейчас очень большой соблазн для американских деловых кругов не представляет, ибо правительство сейчас выбрасывает много миллиардов, в сравнении с которыми 2—3 сотни миллионов долларов в торговле с нами, при необходимости давать кредиты, очень большого интереса не представляют. Здесь могут нажимать лишь отдельные промышленники, для которых торговля с нами представляет значительную величину. Признаком растерянности президента является выступление Экспортно-импортного банка, ликвидировавшее вторую часть билля Джонсона, как раз разрешавшую Экспортно-импортному банку кредитовать торговлю с Советским Союзом. Теперь госдепартамент толкует это выступление Экспортно-импортного банка как желание передать президенту решение вопроса о возможности кредитовать нас. Получилось что-то неуклюжее. Я убежден, что если мы проявим выдержку и спокойствие и не будем нервничать по поводу билля Джонсона и выступления Экспортно-импортного банка, то на деле окажется, что выступление Экспортно-импортного банка будет давить на американское правительство, а не на нас, ибо все же заинтересованные в торговле с нами здесь имеются. Если мы будем нервничать, то это будет истолковано, как наше нетерпение и признак нашего горячего желания как можно скорее начать торговлю и получить кредиты. Департамент юстиции должен дать соответствующее толкование [билля Джонсона], и есть надежда, что это толкование не будет для нас неприятным.

Если бы в наших переговорах оказались большие трудности, то я мыслил бы себе возможность некоторых уступок с нашей стороны в следующем направлении. Твердо держась 7% годовых, мы могли бы увеличить сумму займа (или безотзывных кредитов) до 300 млн. долл., разбив эту сумму на 2—3 года, дабы мы имели возможность ее переварить. Заем или кредит должен быть до 20 лет. Уплачивая 7% годовых, мы не ставим вопроса о сумме претензий, объявляем их ликвидированными и предоставляем президенту использовать получаемый процент, как ему будет угодно. Какую сумму он выплатит по претензиям, будет ли он платить процент или не будет и какой это будет процент, для нас тогда будет все равно. При этом снимается и вопрос о платеже долгов Керенского, тем самым не создается никакого инцидента. Я предполагаю, что сумма получаемых процентов при этих условиях, удовлетворит желание президента. Трудность может быть в том отношении, что президент потеряет возможность сослаться на пример Со-

ветского Союза, как страны, платящей долги, и не будет иметь в своих руках этого достижения в ясной форме. Все это, разумеется, я говорю для будущего, так как трудности в переговорах будут, а вместе с тем в будущем для нас важно будет добиться соглашения.

Между прочим, в своих аргументах я вовсе не толкую Вашингтонского соглашения с Рузвельтом в том смысле, что Вы отказались навсегда от всяких претензий нашего правительства к американским националам, включая компании, ассоциации, корпорации и пр. Я считаю этот отказ временным до окончательного урегулирования претензий. Так что какая-то сумма на претензии этого характера должна оставаться на весах. Что касается актива Угета и Бахметьева, то я считаю возможным назвать две суммы: одну совершенно бесспорную и ясную по наличию на 1 декабря 1917 г. и состоящую из двух слагаемых — денег в размере до 56 млн. долл. и материалов свыше 122 млн. долл. Вторая сумма включает наличных на 1 декабря еще поступления после 1 декабря, в том числе 25 млн. долл., полученных от Колчака. Всего наберется около 250 млн. долл. Разделение я это делаю, чтобы отделить бесспорное от спорного.

Последнее время здесь, естественно, вызвало много шума известное заявление Амо в духе «Руки прочь от Китая»¹³⁶. Ничего неожиданного я в этом заявлении не вижу, все это в порядке вещей. О возможности подобных шагов я предупреждал Рузвельта. Вы правильно указали, что относительно германских инструкторов в нанкинской армии японцы не протестовали и не протестуют. Заявление Амо показывает намерение японцев в отношении контроля над всем Китаем. Это, конечно, заденет другие державы, в том числе Англию и Соединенные Штаты. Англичане, вероятно, соответственно избранной ими тактике, удовлетворятся каким-либо пустяковым объяснением, а США или будут отмалчиваться, или сделают какое-нибудь заявление в духе Стимсона*, одновременно занявшись усиленной постройкой военных судов. Нам, мне кажется, следует занять сдержанную позицию, чтобы американцы, а может быть, и англичане стали нас обхаживать, потому что все-таки мы только представляем на Дальнем Востоке реальную силу, могущую сдерживать японцев.

Я ожидаю положительного воздействия на общественное мнение и на правительство здесь от этого нового японского выступления. Оно поможет нашему сближению с США.

С приветом

Полпред СССР в США
А. Трояновский

Печат. по арх.

* См. т. XVI, прил. 2.

149. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу

28 апреля 1934 г.

Немцы пытаются изобразить наше предложение * главным образом как стремление к новому сближению с ними. Через прессу и личными разъяснениями надо противодействовать этой попытке. Мы хотели либо заставить немцев связать себя в отношении Прибалтики, на что мы, однако, почти не рассчитывали, либо на разоблачение фальши и лицемерия гитлеровских пацифистских выступлений, что нам и удалось.

В разговоре с Барту ** Вы должны даже в случае ликвидации бонкуровских предложений *** в результате позиции Польши заверять его в неизменности нашего стремления к сближению и сотрудничеству с Францией в деле укрепления мира.

Литвинов

Печат. по док.

150. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Италии В. П. Потемкину

28 апреля 1934 г.

Дорогой Владимир Петрович,

М. М. Литвинов написал Вам о наших взаимоотношениях с Малой Антантой и о нашем отношении к Балтийскому пакту¹³⁹. Через несколько дней он разошлет полпредам информационное письмо, касающееся наших отношений с другими странами ****. Так как к Вам это письмо пойдет со следующей почтой через 20 дней и Вы получите его лишь в двадцатых числах мая, то я согласно Вашей просьбе¹⁴⁰ вкратце сообщу Вам о наших делах на других участках нашего дипломатического фронта.

1. Вы знаете, что в декабре мы предложили польскому правительству выступить с совместной декларацией о том, что мы считаем необходимым сохранение независимости Прибалтийских государств и что в случае угрозы этой независимости с чьей-либо стороны мы обязуемся совместно обсудить создавшееся положение *****.

* См. док. № 94, 139.

** См. док. № 154.

*** См. т. XVI, док. № 332, 390, 413, 444.

**** См. док. № 218.

***** См. т. XVI, док. № 426.

Хотя в нашем предложении не была названа Германия, но мы имели в виду угрозу Прибалтике со стороны Германии. Если бы Польша приняла наше предложение, это послужило бы предостережением Германии и задержало бы ее агрессию против Прибалтики. Отказ Польши показал бы или что Польша имеет уже некоторую договоренность с Германией и обязалась не мешать германским планам в Прибалтике, или же что у самой Польши есть какие-то виды на Прибалтику.

Польша сначала дала принципиальное согласие, и было даже договорено с нами, что совместное выступление будет приурочено к приезду Бека в Москву в половине февраля*.

Однако после подписания польско-германского пакта о ненападении¹² польское правительство взяло обратно свое согласие, мотивировав отказ** явно неубедительными аргументами, ссылкой на факты, существовавшие уже в то время, когда Польша давала нам положительный ответ.

2. Во время пребывания Бека в Москве мы предложили полякам продлить существующий между нами пакт на 10 лет. Бек ответил, что принципиальных возражений у него нет, но что окончательный ответ он сможет дать лишь по возвращении в Варшаву и по обсуждении нашего предложения польским правительством***.

Ввиду такого уклончивого ответа Бека опубликованное в Москве перед отъездом Бека совместное польско-советское комюнике касалось этого вопроса лишь вскользь и в неопределенных выражениях****.

3. Допуская, что поляки обусловят продление советско-польского пакта одновременным продлением наших пактов с прибалтами и постараются в то же время повлиять на прибалтов в отрицательном смысле, мы еще до получения от поляков ответа сами предложили Литве, Латвии и Эстонии продлить существующие между нами пакты на 10 лет. Наше предложение, сделанное 20 марта, было немедленно принято прибалтами, и уже 4 апреля, как Вы знаете, в Москве были одновременно продлены советско-литовский, советско-латвийский и советско-эстонский пакты, а через два дня на тот же срок, именно по 31 декабря 1945 г., был продлен советско-финский пакт*****.

Польский ответ***** был получен нами во время наших переговоров с прибалтами. Поляки заявили, что они не могут

---

* См. т. XVI, док. № 431 и док. № 11 настоящего тома.

** См. док. № 42.

*** См. док. № 53.

**** См. док. № 58.

***** См. док. № 105, 106, 107, 114.

***** См. док. № 89.

продлить пакт на 10 лет, а согласны лишь на изменение прежнего срока в том духе, как это предусмотрено в наших пактах с Латвией и Эстонией (3 года и затем многократное автоматическое продление каждый раз на 2 года). Поляки предлагали, таким образом, как бы бессрочное продление, но с правом денонсации, причем это право возникает впервые в 1935 г. и может быть осуществлено затем в любой момент.

Однако, когда поляки узнали, что прибалты продлевают с нами пакты на 10 лет, они согласились продлить пакт также до 1945 г., но поставили при этом условие, выходящее за пределы советско-польских отношений и относящееся к советско-литовским *. Мы отвергли это требование поляков, и, как Вы знаете, продление пакта с Польшей до сих пор не состоялось. Переговоры продолжаются **.

4. Во время польско-советских переговоров по вопросу, изложенному в п. 1, и во время зондажа, который в связи с этими переговорами производился нами в Прибалтийских странах, выяснилось, что некоторые прибалты хотели бы, чтобы декларация о независимости Прибалтийских государств была сделана не только нами и поляками, но и немцами. В свою очередь немцы давали понять, что они недовольны непривлечением их к нашей акции.

Тогда, в конце марта, мы решили предложить Германии подписать совместный протокол о независимости и неприкосновенности Прибалтийских государств, возникших на территории бывшей Российской империи ***.

Мы считали, что, делая свое предложение, мы прежде всего идем навстречу жизненным интересам Прибалтийских стран и этим повышаем их доверие и симпатии к нам. Далее, положительный ответ германского правительства не только увеличил бы несколько шансы в Восточной Европе, но и внес бы некоторое улучшение в советско-германские отношения. Отрицательный ответ германского правительства показал бы общественному мнению всего мира, и в первую голову Прибалтике, что германское правительство питает агрессивные намерения по отношению к Прибалтийским странам, и этим разоблачил бы лицемерность его пацифистских заявлений.

Как Вы знаете из опубликованных за последние дни сообщений ****, германское правительство отклонило наше предложение и этим еще раз подтвердило наличие у него агрессив-

---

* См. сб. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI. М., 1959, стр. 187—189, 195.

** См. док. № 157.

*** См. док. № 94.

**** См. док. № 139.

ных намерений по отношению к небольшим Прибалтийским странам.

Таково положение вещей в наших взаимоотношениях с Прибалтикой, Польшей и Германией.

Ввиду того что почта сегодня уходит рано, я не имею возможности написать Вам о Дальнем Востоке, Америке, Англии и Франции. Об этом Вы узнаете подробнее из информационного письма М. М. Литвинова*, а если оно что-либо упустит, я дополню Вам со следующей почтой.

С товарищеским приветом

Н. Крестинский

Печат. по орк.

151. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
28 апреля 1934 г.*

Беседовал с Леже по его инициативе. Он формулирует от себя лично, хотя уверен, что Барту одобрит**. Думерг не знаком с деталями, но одобряет целевую установку. Он выдвигает идею Восточного Локарно в виде регионального пакта взаимопомощи с участием нас, Германии, Чехословакии, Польши и Прибалтики, без участия Франции. Бельгия отпадает в связи с ее общей политикой. В пакте содержится взаимное обязательство участников воздержаться от нападения и обязательство оказывать соседям (только соседям) помощь против агрессии любому из участников пакта. Однако Германия и СССР обязуются оказывать друг другу помощь на правах соседей. Этот пакт он считает подсобным к франко-советской конвенции, гласящей примерно: «Учитывая значение для сохранения мира регионального пакта (Восточного), а также Локарнского пакта, СССР и Франция обещают оказывать друг другу помощь в случае, если они подверглись бы нападению вследствие нарушения вышеозначенных соглашений любым из участников таковых». Если бы мы, приличия ради, это предпочли, он бы не возражал против того, чтобы наша гарантия в отношении Локарно распространялась бы и на Германию. По существу, формула нашей конвенции имела бы в виду исключительно Германию. Он заявил, что его руководящей мыслью было найти наиболее эффективную формулу для сотрудничества СССР и Франции против Германии. Он два дня и две ночи

* См. док. № 218.

** См. док. № 154.

прорабатывал разные варианты и считает предложенный им вариант единственно реальным.

Мотивировка схемы: 1) Польша не захочет присоединиться без Германии, дабы не создать резких отношений. Польша постоянно упрекала Францию в отсутствии Восточного Локарно и не сможет уклониться. Равным образом Германия не посмеет отказаться, не ставя себя в невыгодное положение. Он провел аналогию последнего протокола*. 2) Эта формула — «международное лицемерие», как он выразился, устранил упрек в «окружении Германии», которая может найти отклик у англосаксов и даже у отдельных французских министров. 3) Устраняется необходимость перестройки союзных договоров. Эти соображения он не захотел больше подробно объяснять.

Он подчеркнул, что, с другой стороны, формула двусторонней конвенции, распространяющая действия на Западную и Восточную Европу, является весьма выпуклой и «смелой», и он очень просит обратить на это внимание.

Я заявил, что его формулами существенным образом видоизменяется предложение Поль-Бонкура**, и я без новых инструкций¹⁴¹ не могу высказаться. Не одобряя и не давая оценку схеме, я заявил, что сделаю лишь несколько беглых замечаний, с тем чтобы лучше уяснить себе схему для доклада правительству. Даже в его постановке я не вполне понимаю, почему Франция не может присоединиться к региональному пакту. Я отметил, что французское обязательство взаимопомощи по схеме не относится к Прибалтике, могущей послужить воротами для нападения на нас. Он возразил что-то про несогласность общественного мнения относительно Прибалтики. По региональному пакту мы не смогли бы прийти на помощь Литве, не имеющей общей границы с нами, на что он возразил, что это вопрос редакции. Я отметил, что в контексте двусторонней конвенции он ничего не упомянул о нашей формуле разных видов помощи против агрессии третьего, на что он заявил, что готов это уточнить и пойти на это в максимальных пределах, совместимых с соблюдением нейтралитета.

Я прошу, говорил ли он о схеме с англичанами, ссылаясь на то, что из Лондона распространялись сведения о Восточном Локарно. Он решительно отрицал и заявил, что только мы вдвоем должны довести разговоры до точки, когда можно будет обратиться к участникам пакта. Когда он преподнесет впоследствии пакт третьим, он не намерен скрывать конвенцию. В подходящем контексте я отметил, что до сих пор

---

* См. док. № 94.

** См. т. XVI, док. № 332, 390, 413 и 444

Довгалецкий и я имели возможность говорить от имени правительства, а не ад референдум*.

Учтите, что и Поль-Бонкур, когда нужно было говорить конкретно, отослал Довгалецкого к Леже**. Нужно считаться с его личным самолюбием. Личное расположение к нам Барту и «бриандиста» Леже мало чем отличается. Для профформы можно поручить и мне вести переговоры с ним ад референдум, с тем чтобы апеллировать к Барту, если ничего не выйдет. Это не исключает моего свидания с Барту***.

Кестер**** рассказал Леже про наше предложение*****. Леже уверяет, что ответил ему, что их отношения не настолько интимны, чтобы он мог давать советы, но что он находит, что Германия не выиграла от того, что отвергла предложение.

Розенберг

Печат. по арх.

152. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике С. Е. Чуцкаеву

29 апреля 1934 г.

1) СНК разрешил командировать в МНР на один год для разговорной практики на монгольском языке 31 студента последних курсов монгольских отделений институтов востоковедения в Москве и Ленинграде. Отпущены средства на командирование и содержание их в МНР. Вам поручено обеспечить соответствующие условия их практики в МНР, используя на низовой работе на местах без оплаты этой работы монгольскими организациями*****.

2) СНК постановил отпустить в распоряжение Главного управления кинофотопромышленности 96 575 тугриков на покрытие расходов киноэкспедиции в МНР для съемки двух кинокартин. Наркомтяжпрому поручено отпустить автомашины для киноэкспедиции.

Замнаркоминдел

Печат. по арх.

---

* — под условием одобрения вышестоящей инстанцией (лат.).

** См. т. XVI, док. № 444.

*** См. док. № 154.

**** Посол Германии во Франции.

***** См. док. № 94, 139.

***** См. док. № 176.

153. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Монгольской Народной Республике С. Е. Чуцкаева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

29 апреля 1934 г.

На телеграмму от 23 апреля с. г. * Предварительные заявки на подготовку квалифицированных рабочих и техников монголов по легкой промышленности получены пока от учреждений: по текстильной — 9, по кожевенной — 4, по овчинно-шубной — 6, кузнецов, механиков, автотехников — 30, типографских — 4, прочих — 20. Монголы приступают к персональному подбору рабочих, рассчитываем окончательно подобрать их в полуторамесячный срок.

Полпред

Печат. по арх.

154. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

*Немедленно
1 мая 1934 г.*

В начале разговора Барту заявил, что ознакомился с предложениями Леже **. Я заявил, что Вы их изучаете. Если бы он дал мне возможность теперь заявить Вам, что он отождествляет себя с предложениями, это внесло бы большую ясность в мое освещение вопроса перед Вами. Барту дважды безоговорочно заявил, что принимает схему Леже, предложенную нам, на свой счет, но добавил, что не может заангажировать свое правительство. Доклад на совете министров вызвал бы ненужные трения, ибо не все министры относятся к нам, как Эррио, и, кроме того, получилась бы лишняя огласка. Правительство уполномочило его на переговоры, но он не хочет ни преждевременно вентилировать вопрос, ни создать совершившегося факта. Он заявил, что, согласно моей договоренности с Леже ***, переговоры будут вестись стилине строго конфиденциально. Если мы верим в его искренность, он просит, не посвящая Эррио в детали переговоров, сказать ему, что мы опять прониклись доверием. Его первым рефлексом по поводу схемы Леже было изумление, что Франция не входит в состав участников пакта, причем Леже ему сказал, что у меня была такая же реакция. Однако он теперь считает, что схема великолепна, Франция и СССР становятся гарантами и так далее.

* См. док. № 142.

** См. док. № 151.

*** См. док. № 144.

Он в разговоре с Пилсудским выяснял вопросы, заданные Вами через (Альфана) *. Пилсудский заявил ему, что он предполагал, что немцы сделают ему политические предложения, но они с ними не выступили. Он задал ему вопрос, что бы он сделал, если бы Гитлер обратился к нему с письмом. Пилсудский ответил, что вопрос не возникает, ибо Гитлер ему не писал. На зондаж относительно его встречи с Гитлером Пилсудский также реагировал отрицательно. Я сказал, что дело не только в этих обстоятельствах, но в общеизвестных политических фактах и симптомах, которые я опять весьма подробно перечислил. Он их выслушал внимательно и сочувственно. Я добавил, что, если, как он мне заявил, ему удалось значительно улучшить атмосферу, мы можем этому только радоваться и так далее и тому подобное. Барту упирал на контраст между ледяным приемом в день его приезда в Польшу и заявлением Бека французским журналистам в Кракове. По существу, он подтвердил сообщение, изложенное в нашей телеграмме от 30 апреля 1934 г.¹⁴², о причинах, помешавших ему прямо поставить перед Беком вопрос о нашем участии в пакте. Барту пояснил, что не говорил польским газетам о том, что поддержит претензию Польши на постоянное место в Совете Лиги. Он только сказал, что Польша имеет основание его добиваться. Он, мол, не мог обещать такую поддержку Польше, поскольку актуальным является вопрос о предоставлении нам постоянного места в Совете Лиги наций. Он говорил «о солидарности наших интересов», вообще тон был сердечен.

Барту был в курсе вопроса прибалтийского протокола ** и отзывался о нем благонадежно. Он предложил опять зайти, когда от Вас будет получен ответ¹⁴³. Конечно, нужно будет тогда к нему зайти, но в остальном сказанное в нашей телеграмме от 28 апреля 1934 г.*** относительно Леже считаю правильным. Думаю, что дело не в Прибалтике. Я в разговоре с Леже указал на то, что, воздавая должное юридической симметрии двух Локарно с надстройкой конвенции, я все же прошу его объяснить мне, что мешает Франции участвовать в пакте. После безрезультатности моих попыток я прямо заявил (смотрите нашу телеграмму от 28 апреля), что не понимаю, почему Франция не может присоединиться к пакту. Возможно, что дело в союзных обязательствах Франции перед Польшей против нас, а также, быть может, в неотносящихся к Германии обязательствах перед другими союзниками. Для меня это не вполне ясно, но я допускаю это, так как сначала он упирал на то, что участие Франции вызвало бы необходимость пересмотра союзных обязательств, и когда я высказал сомнение на этот

* См. док. № 136.

** См. док. № 94, 139.

*** См. док. № 151.

счет, он уклонился от объяснений и притворился, что этот аргумент не имеет первостепенного значения. Возможно также отчасти влияние соображений, связанных с Англией, и опасение ослабления морального значения Западного Локарно, но это все малоубедительно, чисто гадательно.

Деление на соседей сознательное; что же касается Прибалтики, то смотрите нашу телеграмму от 28 апреля: ответ на мое замечание о Литве*. Он, впрочем, несколько раз подчеркивал, что фактически пакт имеет объектом только Германию.

Розенберг

Печат. по арх.

155. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии Б. Е. Штейна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

4 мая 1934 г.

15—20 членов делегации сейма, принадлежащих ко всем фракциям, за исключением лапуасцев, желают совершить в начале июня поездку в Москву. Со мной ведет переговоры социал-демократический депутат Хелало**. В случае принципиального согласия можно было бы обеспечить присутствие ряда лидеров, в частности Риэрко, который теперь сожалеет, что не принял участия в поездке с журналистами***. Продолжается поток статей в газетах. Поездка журналистов вызвала небывалый интерес к СССР и произвела значительный перелом в общественном мнении. Я высказываюсь за поездку парламентариев, которые несомненно закрепят этот перелом. Срочно сообщите¹⁴⁴.

Полпред

Печат. по арх.

156. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Польше Я. Х. Давтяна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

4 мая 1934 г.

Здесьшний мексиканский поверенный в делах сообщил вчера на параде Подольскому****, что он получил от своего МИД письмо, в котором МИД просит сообщить нам о желанин уста-

* См. док. № 151.

** См. док. № 158.

*** См. док. № 59.

**** Советник полпреда СССР в Польше.

носить дипломатические отношения. Поверенный в делах добавил, что поручения на переговоры он не имеет*.

Полпред

Печат. по арх.

157. Протокол [о продлении срока действия Договора о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Республикой]

[5 мая 1934 г.]

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик и Президент Польской Республики,

руководимые стремлением обеспечить возможно более прочную базу для развития отношений между их странами,

желая дать друг другу новое доказательство неизменности и прочности счастливо установившихся между ними мирных и дружественных отношений и

воодушевленные желанием содействовать укреплению всеобщего мира, а также стабильности и мирному развитию междугосударственных отношений в Восточной Европе, и

констатируя, что заключение 25 июля 1932 года в Москве Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Республикой** оказало благотворное воздействие на развитие их отношений и на разрешение указанных задач,

решили подписать настоящий Протокол и для этой цели назначили своих Уполномоченных, а именно:

Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик Максима Максимовича Литвинова, Члена Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик, Народного Комиссара по Иностранным Дела́м,

Президент Польской Республики Юлиуса Лукаевича, Чрезвычайного и Полномочного Посла Польской Республики в Москве,

которые, по взаимном предъявлении своих полномочий, найденных составленными в должном и надлежащем виде,

согласились о нижеследующем:

Статья I

Во изменение срока и порядка прекращения силы Договора о ненападении, заключенного в Москве 25 июля 1932 года

* См. док. № 242.

** См. т. XV, док. № 307.

между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Республикой, предусмотренных в статье 7. Обе Договаривающиеся Стороны постановляют, что этот Договор останется в силе до 31 декабря 1945 года.

Каждая из Договаривающихся Сторон будет иметь право отказаться от Договора, с предупреждением о том за шесть месяцев до истечения установленного выше срока. Если Договор не будет денонсирован ни одной из Договаривающихся Сторон, срок его действия пролонгируется автоматически на два года; равным образом Договор будет считаться продленным каждый раз на дальнейшие два года, если не последует отказа от него одной из Договаривающихся Сторон в порядке, предусмотренном в настоящей статье.

Статья 2

Настоящий Протокол составлен в двух экземплярах, каждый на русском и польском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу. Настоящий Протокол будет ратифицирован в возможно короткий срок, и ратификационные грамоты будут обменены между Договаривающимися Сторонами в городе Варшаве.

Настоящий Протокол вступит в силу со дня обмена ратификационными грамотами.

В удостоверение чего, поименованные выше Уполномоченные подписали настоящий Протокол и приложили к нему свои печати.

Учинено в городе Москве, в двух экземплярах, на русском и польском языках, 5 мая 1934 года.

Литвинов

Lukasiewicz

Заключительный протокол

Подвергнув новому рассмотрению, в связи с подписанием сего числа Протокола о продлении Договора о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Республикой от 25 июля 1932 года, все постановления Мирного Договора, заключенного в Риге 18 марта 1921 года* и составляющего дальше основу их взаимоотношений, каждая из Договаривающихся Сторон констатирует, что у нее нет никаких обязательств и что она не связана никакими заявлениями, которые противоречили бы постановлениям названного Мирного Договора и специально его статьи 3.

* См. т. III, док. № 350.

Соответственно этому Правительство Союза Советских Социалистических Республик подтверждает, что нота Народного Комиссара Г. В. Чичерина от 28 сентября 1926 года Литовскому Правительству* не может истолковываться таким образом, будто бы этой нотой имелось в виду вмешательство Советского Правительства в урегулирование упомянутых в ней территориальных вопросов.

Учинено в городе Москве, в двух экземплярах, на русском и польском языках, 5 мая 1934 года.

Литвинов

Lukasiewicz

Протокол и законодательный протокол сенат. по арх. Сувба. в «Собрании законод.» отд. II, № 15. 22 августа 1934 г., стр. 234—237.

Протокол ратифицирован: ЦИК СССР 25 мая 1934 г., президентом Польской Республики 15 июня 1934 г.

Обмен ратификационными грамотами произведен в г. Варшаве 16 июня 1934 г.

158. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфаном

7 мая 1934 г.

Альфан собирается уехать в отпуск на месяц и сейчас же после отъезда французских ученых из Москвы** и поэтому спрашивал, не желаю ли я что-нибудь передать через него. Он не разделяет моего пессимизма в отношении Польши***. Недоверие есть с обеих сторон. Польша также не уверена в стабильности нашей политики.

Я ответил, что если оптимизм Альфана основан лишь на том, что недоверие имеется не только у нас, но и у Польши, то я не знаю, чем такой оптимизм отличается от пессимизма. Если говорить о нашем недоверии, то оно ведь основано на фактах. Мы вели с Польшей весьма серьезные разговоры о сотрудничестве, и эти разговоры были прекращены по инициативе поляков****. Приняв наше предложение о декларации в пользу независимости Прибалтики, Польша после подписания пакта с Германией от декларации отказалась. Наше предложение о продлении пакта Польшей саботировалось свыше двух месяцев. Я уже не касаюсь слухов и толков о

* См. т. IX, док. № 272.

** См. т. XVI, прим. 233.

*** См. док. № 136.

**** См. т. XVI, док. № 426, 441, а также док. № 42, 53, 89, 109 настоящего тома.

секретных польско-германских соглашениях. Наконец, результаты варшавских бесед Барту скорее подтверждают, чем опровергают эти слухи. С другой стороны, Польша не может указать ни на один факт в пользу своего недоверия к нашей политике. Наши предложения Польше являются лучшим доказательством искренности нашей политики и ее определенности. Я выразил поэтому удивление, что Альфан мог говорить о недоверии к нам. Что касается Франции, то переговоры нормально ведутся в Париже *, и я рассчитываю встретиться с Барту и лично с ним поговорить **. Я добавил, что я, может быть, поеду за недельку до женевского срока куда-нибудь во Францию и получу возможность встретиться с представителями французского правительства еще до Женевы. Во всяком случае мы намерены следовать той линии, которую мы взяли в отношении Франции, до тех пор, пока последняя будет стоять на общей с нами почве сохранения мира, не будет поощрять ничьей агрессии.

Литвинов

Печат. по арх.

159. Письмо Полномочного Представителя СССР в Швеции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

7 мая 1934 г.

Глубокоуважаемый Максим Максимович,

Вас, вероятно, интересует, как реагирует шведская общественность на наш отказ ратифицировать соглашение по займу *** и как мы оцениваем сейчас положение. Отказ Союза явился совершенной неожиданностью и слутал все карты оппозиции. Особенно сильное впечатление произвел наш отказ ввиду того, что настроение прессы по отношению к соглашению в последние дни до отказа стало меняться. Начали появляться нотки, что заем может и не провалиться в парламенте.

Немедленно после вручения мною ноты министру иностранных дел Сандлеру премьер Хансен собрал лидеров фракций и сделал им заявление об отказе ЦИК ратифицировать соглашение. Это вызвало полную растерянность оппозиции. Адмирал Линдеман (бывший премьер), лидер правых, разводил руками, приговаривая: «Конечно, теперь меня сочтут виновным за такой исход». В оппозиционных парламентских кругах упрекали друг друга. На другой же день начались телефонные

* См. док. № 151, 154.

** См. док. № 168, 186, 189, 192

*** См. док. № 145.

звонки и хождение к торгпреду промышленников, обеспокоенных случившимся.

В прессе тон сразу изменился, чувствовалось явное сожаление, что жирный кусок уплыл из рта. Решение Москвы об отказе от займа как-то сразу перевернуло все отношения и подняло наш престиж, что также отмечалось в газетах и выступлениях политических деятелей из оппозиции. Даже Хамрин, один из лидеров кампании против соглашения в данной его форме, усиленно пуантировал в своих речах свою личную дружественность к Союзу и то, что лишь кабинет виноват, если соглашение не состоялось. Кабинет оказался в весьма дурацком положении по данному вопросу.

Вовне мы выиграли этим решением в смысле закрепления своего престижа. В дипкругах наш отказ истолковывается как следствие переговоров с другой страной. Турок, француз, англичанин интересовались, какая именно страна могла сделать нам более выгодное предложение. Шведское правительство чувствует себя явно сконфуженным, прекрасно отдавая себе отчет в том, что оно само виновато в том решении, которое принято было Москвой.

В промышленных кругах оживленно обсуждаются всякого рода «комбинации» возобновить в иной форме вопрос о займе. Потеря советского рынка — слишком неприятная для шведских промышленников возможность. Частные банки, главная двигательная сила, ведшая кампанию против данного проекта займа (заем непосредственно из фонда риксбанка, частный капитал, таким образом, совершенно лишается прибылей при сделках с Союзом не только сейчас, но и впредь — учет возобновления и продления займа), зондируют через третьих лиц мнение торгпреда и меня, как отнесся бы Союз к займу не через кабинет, а у банков. Я, конечно, отвечаю на это, что считаю странными такие разговоры после всей кампании, какую именно банки вели против займа, и думаю, что в Союзе нет особой заинтересованности в займе, что показал и наш отказ от соглашения.

Однако, промышленные круги не успокаиваются и не хотят примириться с тем, что акция со 100-миллионным займом не состоялась. Опять и опять отдельными группами выдвигается вопрос об увеличении фонда экспортных кредитов. Но в этом вопросе кабинет занял ясную отрицательную позицию, учитывая, что увеличением экспортных кредитов дела не спасешь, себя же можно поставить в неловкое положение.

Общее настроение говорит за то, что шведы не успокоятся на нашем отказе и что в какой-то форме явится новое предложение, но уже не от кабинета, а от частного капитала. Это то мнение, которое сейчас приходится слышать и от политических деятелей и от промышленников.

Как бы ни оценивать эти настроения, они характерны и важны, как еще один показатель, что кампания велась не столько против займа и Союза, сколько против самого кабинета.

Сейчас напрашивается вопрос: не поторопились ли мы нашим отказом от займа? С полным убеждением можно сказать, что наш отказ пришел вовремя, в последний час и что если настроения сейчас изменились в нашу пользу и в пользу займа, то только после того, что кой-кого пришлось треснуть по лбу обухом. Только после этого оппозиция учла свои потери и наш выигрыш при нашем отказе от займа. Положение резко изменилось: стало очевидно, что интерес в займе на стороне шведов и что вовсе не шведы «благодетельствуют» Союз, а, наоборот, лишаясь займа, они же лишаются импорта в Союз. Эти рассуждения сейчас широко циркулируют.

Любопытно, что не только члены кабинета, но и деятели из оппозиции подчеркнута любезны со мной и с т. Канделаки; тон у них пришибленный, растерянный.

В первые дни после нашего заявления мы ожидали, что картина выльется в несколько иные контуры и что у шведов будет чувствоваться торжество и злорадство. Этого нет и в помине. «Покаянные настроения» на их стороне полностью.

Характерно, что сейчас в один голос и промышленники и политические фигуры говорят, что наш отказ превратил данное соглашение в «прецедент», что после того, что шведское правительство подписало соглашение и что ни одна решающая инстанция в Швеции его не отвергла, остается фактом, что Союзу предложен был заем. «Теперь говорят, уже нельзя с вами начать разговоры о соглашении по товарному кредиту; этот этап пройден».

В газетах уже совершенно о займе не пишут. Затихла и кампания правых газет против Союза. На днях шведское правительство делает в пленуме сообщение об отказе ЦИК в ратификации соглашения. Ожидается суровая критика шведского правительства. Положение кабинета, после снятия вопроса о займе, выровнялось и казалось устойчивее. Однако борьба оппозиции не прекратилась и остается еще несколько колючих вопросов, которые могут свалить кабинет еще в эту сессию. Если кабинет уцелеет теперь, до июня, он сможет просуществовать до осени 1935 г., т. е. до новых выборов.

С ком. приветом

А. Коллонтай

Печат. по арх.

160. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

8 мая 1934 г.

Сегодня я говорил с Муром в присутствии Келли. Я указал, что для нас неприемлемо обложение дополнительным процентом всех наших кредитов в Америке, им может быть обложен специальный заем или специальные безотзывные кредиты, открытые в связи с регулированием претензий. Кроме того, мы хотим установить минимум займа или кредитов, этот минимум должен быть аутентичен признанной сумме долга. Без этого мы не признаем никакой суммы претензий. Мур мне ответил, что это детали, о которых легко договориться. Он дал понять, что от обложения всех кредитов им не трудно отказаться. Он сказал, что Литвинов до сих пор настаивает только на займе, и заявил Буллиту, что он сказал последнее слово. Я ответил, что у меня впечатление, что Буллит заявил, что его предложение — последнее слово*. Келли говорил, что для нас все равно, какой кредит или заем будет дан, раз мы будем платить один и тот же процент. Я убедил его, что нам не все равно.

Мур затем сказал, что, может быть, кредит будет открыт в тройном размере. Я указал, что из предложений госдепартамента следовало, что при претензиях в 150 млн. заем или кредит будет 75 млн.

Мур повторил, что он не видит трудностей в этом вопросе, что об этой детали легко договорятся Литвинов и Буллит, что главный вопрос о размере долга. Я просил дать соответствующую инструкцию Буллиту. Мур сказал, что вопрос будет обсужден и инструкция будет послана, и спросил меня, может ли он сообщить Буллиту, что Литвинов готов возобновить переговоры. Я сказал, что может. Затем я перешел к декларации Каммингса¹⁴⁵. Мур доказывал, что после декларации мы находимся в лучшем положении, чем до, ибо она распространяется на частные коммерческие и кредитные операции. Затем он утверждал, что юридически мы несостоятельны. Я спорил. Келли взволнованно доказывал: госдепартамент (может) доказать, что лишь небольшая часть займа Керенского ушла на белую армию и израсходована в Америке, что у Угета были английские и колчаковские деньги, к которым американское правительство не имеет отношения. Я доказывал, что это не так.

Когда я сказал, что я не представляю себе, как после аргументов Каммингса можно избежать опубликования наших аргументов. Мур забеспокоился и сказал, что это очень повредит ходу переговоров, что у президента лучшие намерения

* См. док. № 117, 167.

и так далее. Келли заявил, что госдепартамент без труда докажет неправоту. После этого я просил Мура заняться делом Владикавказской дороги и пошлиной на наш антрацит¹⁴⁶. Он обещал.

Трояновский

Печат. по арх.

161. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Италии в СССР Аттолико

9 мая 1934 г.

Аттолико начал с вопроса о разоружении, вручив мне записку, в которой излагаются взгляды итальянского правительства на нынешнее положение. Сувич вынес из парижских, лондонских и брюссельских разговоров впечатление об отсутствии возможности возобновления переговоров между заинтересованными державами до заседания Генеральной комиссии. Ввиду этого Италия не предполагает принимать на себя какую бы то ни было инициативу. Она полагает, что единственным результатом работы Генеральной комиссии при неподготовленности и отсутствии соглашения между великими державами может быть лишь окончательная ликвидация конференции со всеми известными и неизвестными серьезными последствиями. Записка составлена в таком духе, чтобы убедить в бесплодности возобновления работы Генеральной комиссии. Далее Аттолико говорил, что в Италии считают причинами жесткой позиции Франции, во-первых, внутренние соображения и влияние Тардье и, во-вторых, уверенность в непрочности режима Гитлера.

Я выразил сомнение в том, чтобы Франция действительно считалась с возможностью падения Гитлера в ближайшее время, и высказал предположение, что, считаясь со слабостью режима, Франция, вероятно, не хочет каким-либо соглашением укрепить теперь этот режим, что, представляется мне, с точки зрения Франции вполне правильным.

Найрат сообщил Черутти, что перед отъездом в Варшаву¹³² Барту говорил германскому послу фон Басевичу, что последняя французская нота* Англии не есть последнее слово Франции.

На вопрос Аттолико о нашем отношении к конференции я сказал, что я предполагаю при своей предстоящей поездке за границу ориентироваться и только тогда составить себе мнение, но что я не являюсь сторонником ликвидации конфе-

---

* См. «Сборник документов по международной политике...», вып. X, М., 1936, стр. 76—78.

ренции теперь и что мы, вероятно, и впредь будем выступать в Женеве в пользу обсуждения Генеральной комиссией вопроса безопасности*.

Аттолико на мой вопрос подтвердил слухи о возможности поездки Барту в Рим.

Аттолико спрашивал опять о нашем отношении к Лиге наций**. Я ответил, что ничего нового не произошло, что нами ничего не предпринимается, что, возможно, Франция кое-что делает. Я спросил, как относится итальянское правительство к слухам о нашем вступлении в Лигу. Я вспоминаю, что в самом начале возникновения слухов Аттолико мне говорил, что Италии было бы неприятно наше вступление в Лигу на второй день после сделанных Муссолини предложений о реорганизации Лиги***, но с тех пор прошло уже много времени, и Муссолини никаких конкретных предложений не вносил. Аттолико ответил, что все зависит, как и кем дело будет поставлено. Он этим дал понять, что если от нашего имени будет выступать Франция, то Италия может оказать сопротивление; наоборот, в случае нашего обращения к Италии нам будет обеспечено ее содействие.

Аттолико вручил мне небольшую записку об отношении Италии к декларации Японии относительно Китая.

Литвинов

{ПРИЛОЖЕНИЕ}

Памятная записка, врученная Аттолико М. М. Литвинову 9 мая 1934 г. Позиция, занятая Токийским Правительством, и желание сохранить эту позицию не может серьезно не озаботить Королевское Правительство. Судя по тому, что стало достоянием гласности, поведение Японии представляет из себя новое и более резко выраженное утверждение имеющихся тенденций к воспрепятствованию деятельности других держав в Китае и их свободному сотрудничеству с Китайским правительством, которое до сих пор дало Китаю существенные выгоды. Более того, коммюнике**** представляет нарушение Вашингтонского договора девяти держав от 1922 г.***** и в действительности привело бы к установлению контроля Японии над Китаем, что нарушило бы суверенитет Китая и противоречило бы правам других государств. Таким образом, это явилось бы не гарантией мира и шагом в направлении прогресса, а причиной недоразумений и международных осложнений, которые неизбежно отразились бы на общей политике во всех ее аспектах и проблемах. Королевское Правительство в интересах спокойствия и восстановительной работы как в Азии, так и в Европе надеется, что Япония будет побуждена к более правильной оценке положения, отдав

* См. док. № 179.

** См. т. XVI, прим. 321.

*** См. док. № 4.

**** См. газ. «Известия», 20 апреля 1934 г.

***** См. т. IV, прим. 38.

себе отчет в том, что нынешнее ее поведение необходимо должно будет привести к законной реакции, которую полезно избежать в интересах всех и самой Японии.

[ПРИЛОЖЕНИЕ]

Памятная записка, врученная Аттолико М. М. Литвинову 9 мая 1934 г. Г-н Сувич по возвращении из Парижа, Лондона и Брюсселя сообщил мне, что, по его впечатлениям, не представляется возможным возобновить переговоры между державами, наиболее заинтересованными в вопросе о разоружении до собрания Генеральной комиссии в Женеве, назначенного на 29 мая с. г.

При наличии такой ситуации Италия, естественно, намерена воздержаться от проявления какой бы то ни было инициативы.

Я ограничусь только замечанием, что в том случае, если вопрос будет поставлен в Генеральной комиссии в нынешнем состоянии, т. е. при наличии неподготовленности и при отсутствии соглашения между великими державами, единственным практическим результатом, которого можно было бы ожидать от собрания, явилась бы окончательная ликвидация конференции по разоружению со всеми происходящими от этого тяжелыми последствиями, как известными, так и неизвестными. В лучшем случае и в учете того факта, что Германия не участвует в собрании, Генеральная комиссия должна будет еще раз отказаться от того, чтобы найти выход, приемлемый для всех, ибо разногласия, которые не смогли быть устранены путем дипломатических переговоров, не смогут не проявиться в более острой форме при публичном заседании и тем самым его парализовать. В связи с этим конференция и Лига наций вновь умалили бы свой престиж и вновь подтвердили бы свое бессилие, между тем как за это время ничего не будет сделано, что могло бы приблизить решение, приемлемое для всех. Более того, могут быть созданы, как это имело место в прошлом, новые трудности в деле эвентуального возобновления переговоров, прерванных именно сейчас, когда казалось, что уже намечается возможность соглашения на базе, не намного отличающейся от той базы, какой является итальянский меморандум*.

Мне достаточно того, чтобы данное правительство знало это мое простое соображение, и поэтому я уполномочил В. П., если бы это понадобилось, полностью зачитать настоящую телеграмму.

*Запись беседы и приложения
печат. по арх.*

162. Сообщение Полномочного Представителя СССР в Персии о беседе Заместителя Народного Комиссара Внешней Торговли СССР Ш. З. Элиавы с Министром Финансов Персии Давером**

9 мая 1934 г.

С Давером состоялся более содержательный разговор. Тов. Элиава сообщил Даверу, что он приехал в Персию, чтобы на месте ознакомиться с деятельностью советских хозяйственных

* См. «Сборник документов по международной политике...», вып. X, М., 1936, стр. 28—33.

** Из дневника полпреда СССР в Персии за период с 17 апреля по 27 мая 1934 г.

организаций и принять меры к улучшению работы этих организаций. Давер приветствовал это и стал говорить о целесообразности расширения советско-персидского товарооборота. Тов. Элиава подробно развил соображения о естественности широкого торгового экономического сотрудничества между СССР и Персией — двумя соседними государствами, имеющими общую границу на протяжении 2 500 км. Тов. Элиава подчеркнул при этом, что вопрос о торгово-экономическом сотрудничестве между СССР и Персией надо рассматривать в большой перспективе и рассчитывать это сотрудничество на большой период, что, несмотря на разницу экономических и социально-политических систем, торгово-экономическое сотрудничество между СССР и Персией вполне возможно, и это сотрудничество может быть одинаково выгодно для обеих сторон*.

Давер вполне с этим согласился и поставил вопрос так: «У вас (в СССР) есть экономический план и у нас (в Персии) также есть свой план — надо эти планы согласовать; для нас (Персии) крайне важно знать, какие товары будет покупать у нас Советский Союз, так как, если у нас (Персии) будет уверенность в том, что такие-то наши (персидские) товары будут покупаться Советским Союзом, то тогда мы (Персия) будем строить наш хозяйственный план, учитывая это обстоятельство (покупку таких-то товаров Советским Союзом), если же нам (Персии) будет известно, что такие-то наши товары не будут покупаться Советским Союзом, то тогда мы (Персия) будем строить наш (персидский) план развития народного хозяйства иначе, чем в первом случае; во всяком случае в этот вопрос надо внести полную ясность». Далее Давер стал доказывать, что интересы Персии и Советского Союза требуют того, чтобы Советский Союз покупал персидские товары, а Персия покупала советские товары, что географическое соседство и исторически сложившиеся экономические связи между СССР и Персией настоятельно требуют разрешения проблемы именно в этом, а не в другом каком-либо направлении, что он лично является сторонником именно такого, а не какого-либо иного разрешения вопроса, что всякое иное разрешение вопроса крайне болезненно отразится на интересах обеих стран, так как будет являться чем-то противоестественным.

Тов. Элиава, вполне согласившись с Давером, подчеркнул, что для разрешения проблемы торгово-экономического сотрудничества между СССР и Персией в предполагаемом Давером духе необходимо создать соответствующую психологическую атмосферу, расчистить советско-персидские отношения от всяких, по существу, мелочных неприятностей, вносящих раздра-

* См. док. № 297.

жение и мешающих сторонам сосредоточиться на больших вопросах советско-персидского торгово-экономического сотрудничества.

Для иллюстрации т. Элнава указал: 1) на серию судебных исков и несправедливых решений, вынесенных персидскими судами против советских хозяйственных организаций; 2) на решения персидских судов о взысканиях определенных сумм с «Русперсбанка»; 3) на использование персидским правительством невозвращенцев на официальных должностях (Кулак — председатель правления «Пехлеви — Банка») и, наконец, 4) на последние события в Тавризе — занятие полицией конторы «Бюроперса», арест, в удовлетворение исков персидских купцов по рублевым претензиям, кассы и текущих счетов «Бюроперса», что вынудило т. Элнава отдать распоряжение о ликвидации конторы «Бюроперса» в Тавризе.

Давер ответил, что он прекрасно понимает значение психологического фактора в отношениях между СССР и Персией и поэтому примет все зависящие от него меры к тому, чтобы как тавризские дела, так и вообще дела по судебным претензиям персидских купцов к советским хозяйственным организациям были урегулированы так, чтобы это не вносило ненужных осложнений и не мешало сосредоточиться на больших вопросах советско-персидского торгово-экономического сотрудничества. Тов. Элнава и Давер условились встретиться еще раз для бесед по вполне конкретным вопросам советско-персидских торговых отношений¹⁴⁷.

С. Пастухов

Печат. по арх.

163. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юрневу

10 мая 1934 г.

Заявите Хирота, что мы согласны удовлетвориться формулой «немедленного приступа к переговорам о пересмотре курса АКО», принимая к сведению сообщение Того, сделанное Райвиду о готовности японского правительства в ходе переговоров согласиться на повышение курса¹⁴⁸. В случае достижения соглашения на этой базе, торги во Владивостоке, отложенные ввиду неявки японских фирм, смогут быть закончены в кратчайший срок с предоставлением им названного Вами количества участков⁸⁶, согласованного с Ватанабэ. Еще раз подчеркните Хирота, что вследствие обесценения иены поступающие нам платежи сократились в два с половиной раза и что бесполезно пытаться увертываться от признания этого факта

и от необходимости определенной компенсации, исходя из наших убытков и японских дополнительных прибылей, вызванных падением курса нены ¹⁴⁹.

Замнаркоминдел

Печат. по арх.

164. Письмо Полномочного Представителя СССР в Великобритании Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

11 мая 1934 г.

Многоуважаемый Николай Николаевич,

1. Основная сенсация политического дня в Англии в настоящий момент — это Япония. Я не собираюсь сейчас подробно освещать весь тот шум, который вызван был здесь знаменитым заявлением токийского «представителя министерства иностранных дел» от 17 апреля *, об этом сегодняшней же почтой более обстоятельно, со ссылками на прессу, пишет т. Астахов ¹⁵⁰. Я хочу в моем письме лишь отметить некоторые основные моменты. Прежде всего, данное выступление японского правительства (вместе со всеми последующими дополнениями и разъяснениями) довольно единодушно рассматривается в британских политических кругах как отказ милитаристских хозяев Японии атаковать СССР, по крайней мере, в нынешнем году. Рассуждают примерно так: общее укрепление СССР, его международные успехи (в особенности признание Соединенными Штатами), его нынешняя военная подготовка на Дальнем Востоке и, больше всего, его могущественный воздушный флот, способный на протяжении нескольких часов разрушить основные центры Японии, — все эти факторы плюс ненадежный тыл в Маньчжурии и Китае привели японскую правящую головку к убеждению, что в данной объективной обстановке атака СССР является весьма рискованным и дорогостоящим предприятием. Японские милитаристы понимают, что, делая удар в северном направлении, они сразу же, немедленно должны начать трудную и длительную войну. Это им не очень улыбается. Вот почему они сочли более целесообразным, по крайней мере для данного момента, отложить в сторону агрессивные планы против СССР и повскачь иного выхода для своей агрессивной энергии, выхода менее рискованного и более безопасного. Вот почему теперь острее японской агрессии повернулось на юг. Такого рода рассуждения на протяжении последних 2—3 недель мне приходилось слышать от целого ряда английских политиков всех направлений. Такого рода настроения господствуют сейчас и в форин офисе.

* См. док. № 148 и газ. «Известия», 20 апреля 1934 г.

2. Второй момент, который я хотел бы отметить, касается нынешней стадии англо-японских отношений. Мне незачем подробно останавливаться на том (я писал об этом уже раньше) *, что британские правящие круги не хотят рвать с Японией и что, наоборот, они готовы сделать все возможное для смягчения и даже устранения существующих между обеими странами противоречий. Япония нужна британскому империализму и против САСШ, и против СССР, и, наконец, против Китая. Британский империализм, исходя из всех этих соображений, очень хочет иметь Японию в качестве формального или неформального союзника, но он, естественно, не хочет, чтобы этот союзник становился уж слишком нахальным и просто садился ему на шею. Между тем то, что Япония проделывала на Дальнем Востоке в течение последних 2½ лет, явно свидетельствует о быстро растущем головокружении ее милитаристско-финансовых владык. Данный процесс вначале воспринимался английскими правящими кругами сравнительно спокойно, так как они рассчитывали, что вся агрессивная энергия Японии будет исчерпана в северном направлении. Они даже на протяжении последних 1½ лет осторожно подталкивали Японию к выступлению против СССР. Однако теперь, когда, натолкнувшись на наше хорошо укрепленное танками и авиацией сопротивление, Япония, видимо, потеряла вкус к авантюрам на севере и стала поворачиваться лицом на юг, британские правящие круги пришли в чрезвычайное волнение. Знаменитое заявление «представителя токийского мининдела», по существу, в своем логическом развитии, означало по адресу Великобритании (как и других империалистических держав): «Позвольте вам выйти вон из Китая». Было от чего заволноваться. Все последующие переговоры между британским и японским правительствами, по существу, закончились полной неудачей для первого. Правда Саймон в палате общин разыграл комедию удовлетворенности теми заверениями, которые он якобы получил от Хирота. Однако замечательно, что Саймон отказался опубликовать более подробное сообщение о сути этих заверений, несмотря на требование целого ряда депутатов. В здешних политических кругах все совершенно уверены, что никаких серьезных заверений успокоительного свойства Саймон от Хирота не получил. В самом деле, японское правительство не взяло назад ни заявления «представителя министерства иностранных дел», ни последовавших затем выступлений японских послов в Вашингтоне и Берлине и японского генерального консула в Женеве. Если Саймону удалось что-нибудь выторговать от Хирота, то это только легкое изменение формулировок, не меняющих, однако, сущности дела. В выс-

---

* См. док. № 10, 44.

шей степени любопытно, что, когда я спросил Стрэнга и Аштон-Гваткина * (на завтраке в полпредстве 5 мая), удовлетворены ли они исходом переговоров с Японией, то Стрэнг довольно цинично ответил: «Приходится быть удовлетворенным», а Аштон-Гваткии добавил: «Хотя в своем последнем заявлении английскому послу в Токио Хирота несколько смягчил первоначальную декларацию «представителя министерства иностранных дел», но истинные намерения Японии выражены, конечно, в первой декларации». Таким образом, в британских правящих кругах сейчас уже нет никаких иллюзий насчет того, чего хочет и к чему стремится японский империализм. Совершенно очевидно, что этот «храбрый» и «способный» союзник с Тихого океана сейчас собирается очень больно наступить на ногу своему «великому» и «могущественному» другу с Атлантического океана. Неудивительно поэтому, что не только в форин офисе, но и в гораздо более широких правительственных, политических и деловых кругах в настоящий момент господствует большая тревога за завтрашний день на Дальнем Востоке.

3. Что собираются делать британские правящие круги? Какими мерами и путями они думают нейтрализовать опасность для своих интересов на Дальнем Востоке? Было бы большой ошибкой полагать, что английское правительство хочет действительно серьезно рвать с Японией. Ничего подобного. Поскольку от него зависит, оно сделает все возможное для восстановления ныне нарушенного добросердечия в отношениях между Лондоном и Токио. Ибо, повторяю еще раз, в основном Япония нужна британскому империализму, и он хочет иметь Японию в качестве своего союзника. Вместе с тем, однако, британские правящие круги все больше приходят к выводу, что именно для восстановления утерянного добросердечия нужно хорошенько дать по рукам японским милитаристам и ввести, таким образом, их аппетиты в неопасные для Великобритании рамки. Отношение английских консерваторов к Японии в настоящий момент более или менее аналогично их отношению к гитлеровской Германии в прошлом году. В самом деле (я в свое время писал об этом), несмотря на «плохую прессу», которую Гитлер имел в Англии вскоре после своего прихода к власти, несмотря на резкие выступления против Гитлера со стороны ряда крупных консерваторов вроде Остина Чемберлена, несмотря, наконец, на некоторые «недружелюбные речи» против Гитлера со стороны Саймона, английские консерваторы, по существу, приветствовали приход к власти национал-социалистов. Они были лишь несколько шокированы на первых порах слишком непричесанной внешностью нового

---

* Чиновники МИД Великобритании.

режима. Свергать этот режим они ни в коем случае не собирались, но они хотели, чтобы Гитлер чуточку причесался в области внутренней, а особенно в области внешней политики, чтобы он принял более «респектабельный» вид и стал более подходящим компаньоном в «приличном обществе». Вся так называемая «антигитлеровская кампания» консерваторов в прошлом году преследовала именно эти педагогические цели. Английские консерваторы до известной степени могут быть довольны. Гитлеровский режим, с их точки зрения, на протяжении минувшего года значительно причесался: он подписал пакт о ненападении с Польшей*, он ослабил (на время, по крайней мере) свой нажим на Австрию, он даже обнаружил известную готовность идти навстречу британскому плану разоружения (или, вернее, вооружения). Конечно, в дальнейшем, если с окончательным провалом конференции по разоружению гитлеровская Германия начнет открыто проводить бешеное увеличение вооружений (особенно воздушных вооружений), английские консерваторы могут встревожиться, и их линия отношения к Германии может не только измениться. Они не прочь позволить Германии вооружиться до известного предела, дабы Германия надлежащим образом балансировала Францию, но в их расчеты совсем не входит такое вооружение Германии, которое могло бы превратить эту страну в прямую угрозу самой Англии. Если немцы перейдут ту границу, которую наметили для них англичане, британские правящие классы, особенно британские консерваторы, смогут тоже захотеть ударить их по рукам, дабы ввести агрессивные тенденции Германии в определенные рамки. Впрочем, в отношении Германии эти перспективы пока еще лишь музыка будущего. В отношении Японии положение иное. Япония уже сейчас превратилась в серьезную угрозу для британских интересов на Дальнем Востоке, и ей, собственно говоря, нужно было бы уже сейчас дать надлежащий и достаточно твердый отпор не для того, чтобы с ней окончательно ссориться, а для того, чтобы преподать ей полезный педагогический урок и затем восстановить в прежнем объеме старую дружбу.

4. Таковы, примерно, взгляды и настроения руководящей головки британского империализма на вопрос о том, что надо было бы сделать в настоящее время для охраны интересов Великобритании на Тихом океане. Однако практическое осуществление такой политики пока наталкивается на большие затруднения, ибо реальное соотношение сил на Дальнем Востоке в данный момент склоняется решительно в пользу Японии. Англия, как это может быть ни покажется странным, в данный момент не может рисковать серьезным столкнове-

---

* См. док. № 11.

нием с Японией и по таким мотивам: а) широкие массы английского населения (включая и очень влиятельные круги буржуазии) настроены крайне пацифистски, никто не хочет войны; б) сингапурская база еще не закончена и будет готова лишь примерно через 2 года; в) нынешний состав британского морского флота слишком недостаточен для того, чтобы вести успешные операции против японского флота на Дальнем Востоке. По мнению морских специалистов, для успешной морской войны с Японией с разумными шансами на победу Англии должна была бы иметь флот, по крайней мере вдвое превышающий ее нынешний флот; г) британский воздушный флот также слишком малочислен для того, чтобы представлять эффективную силу на Дальнем Востоке; д) Англия в настоящее время не имеет союзников, которые выступили бы с ней против Японии на Тихом океане. Соединенные Штаты слишком заняты своими внутренними делами для того, чтобы рисковать какими-либо серьезными внешнеполитическими осложнениями. Кроме того, американский флот слишком слаб для весьма трудных операций против Японии и раньше, как через 3—4 года (после осуществления недавно принятой морской программы), существенно не увеличится. Наконец, надо учитывать, что между Англией и САСШ имеется целый ряд трений и разногласий, вытекающих из противоположности их основных интересов, которые в известной степени затрудняют их совместное выступление против Японии. Сюда надо добавить еще неудовлетворительное состояние англо-советских отношений. Конечно, едва ли кто-либо из консерваторов всерьез рассчитывает на возможность каких-либо совместных действий СССР и Англии против Японии (смешно было бы ожидать такого «союза»), однако при нынешнем состоянии англо-советских отношений консерваторы не уверены даже, смогут ли они ожидать с нашей стороны хотя бы простого нейтралитета в случае столкновения с Японией. На сколько-нибудь эффективную помощь китайцев консерваторы мало надеются, да притом и боятся вообще усиливать и укреплять национальное движение в Китае, что явилось бы неизбежным результатом совместных действий против Японии. В итоге Англия оказывается международно-политически изолированной на Дальнем Востоке.

5. Все перечисленные выше моменты делают для британского империализма весьма затруднительным какое-либо более серьезное выступление против Японии, хотя бы даже с чисто педагогическими целями. Я имею в виду при этом не столько войну, сколько подражание той стратегии, которую мы применили в отношении к Японии на протяжении последнего года. Мы твердо заявили: войны не хотим, но если сунете свое свиное рыло в наш огород, крепко получите по морде.

Притом мы не только заявили об этом, но и приняли ряд весьма красноречивых мер военно-политического и экономического характера, которые заставили японцев понять, что мы действительно будем драться, и жестоко драться, если они попробуют нас атаковать. Англия не может сейчас позволить себе роскоши советской стратегии на Дальнем Востоке, ибо, если бы она даже на словах сделала примерно те же заявления, которые были сделаны нами, то японцы не поверили бы в их серьезность, так как всякому было бы ясно, что за британскими заявлениями не стоит достаточно грозной реальной силы. Вот почему британский империализм лишен возможности педагогически воздействовать на своего зарвавшегося «союзника» наглядной демонстрацией (но еще не пуском в действие) достаточно солидного бронированного кулака. Отсюда неизбежно вытекает и та линия поведения, которую британское правительство на протяжении минувших двух лет выдерживало по отношению к Японии. Оно старалось и старается всемерно избегать всякого заострения отношений между Лондоном и Токио. Оно старалось и старается не замечать различных агрессивных выпадов со стороны японского империализма и делать вид, что в англо-советских отношениях все обстоит прекрасно. Британское правительство стремится выиграть время, которое ему необходимо для окончания сингапурской базы и для усиления своего морского и воздушного флота. Оно старается выиграть время также и потому, что надеется на вероятность финансово-экономического краха Японии в результате бешеного роста ее вооружений и ее агрессии. Оно стремится выиграть время, наконец, и потому, что рассчитывает на какие-либо изменения международно-политической ситуации, изменения, которые облегчили бы ему приведение японских милитаристов в «христианский вид». Эту стратегию британского правительства можно не только легко объяснить, но и легко понять. Однако в том военно-политическом уравнении, которое оно сейчас пытается решать, есть одно весьма серьезное неизвестное: именно темпы и размах японской агрессии. Кто придет скорее к цели: японские или английские империалисты? От этого многое зависит. Инициатива сейчас несомненно находится в руках Японии, и от того, как будет использована данная инициатива, зависит очень многое. От этого также зависит и общая линия британской политики ближайших лет как на Дальнем Востоке, так и далеко за его пределами.

С товарищеским приветом

Полномочный Представитель СССР в Великобритании
И. Майский

165. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Польше с Министром Иностранных Дел Польши Беком

12 мая 1934 г.

Я просидел у Бека больше часа. Разговор носил общий характер, коснувшись ряда тем. Бек был оживленнее обыкновенного. Отмечаю главное.

1. О Лиге наций. Очередное председательствование Бека кончилось, чему он рад. Он вообще считает, что Лига наций чересчур разбрасывается и занимается самыми разнообразными вопросами как пустяковыми, так и более важными. Это не годится и не дает результатов. «Нельзя одновременно заниматься и Бовинией и торговлей женщинами, какими-то зданиями и крупными политическими вопросами». (Бек тут буквально повторяет слова Пилсудского, сказанные им Барту, о чем мне передавал Лярош.— Я. Д.)

Он не поедет, вероятно, в Женеву раньше чем к 29 мая, хотя еще точно не решил. Не исключается, что он может поехать и к сессии Совета Лиги наций. В таком случае он может уехать 13—16-го. Он был бы рад еще раз повидать меня перед моим отъездом в Москву¹⁵¹.

Я коснулся порядка дня сессии Совета Лиги наций, вспомнив Саарский вопрос*. Он отметил важность этого дела и на мой вопрос твердо заметил, что плебисцит будет иметь своевременное место. «Если (что маловероятно) Германия и Франция не договорятся непосредственно за это время». Он подчеркнул, что плебисцит предусмотрен договором и должен обязательно иметь место. «Договоры нужно выполнять, пока они не пересмотрены».

2. Конференция по разоружению. Нет ясного просвета. Имеется много всяких планов и проектов, но что получится — неизвестно! Бек опять повторил, что все зло конференции началось с декабрьской резолюции 1932 г. (о равенстве Германии) и с «пакта четырех»**. Польша тогда была решительно против этой резолюции. О «пакте четырех» и говорить нечего. Слава богу, он теперь мертв.

3. Продление нашего пакта. Я еще раз поздравил его и г. Литвинова с окончанием этого дела***. Отметил, что этот вопрос начался с его приезда в Москву****.

Бек выразил удовлетворение продлением пакта. Оно было вполне естественно, ибо, как он это уже говорил в Москве Литвинову, Калинину, Молотову, политика польского прави-

* См. док. № 423.

** См. т. XV, прим. 321 и «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 3—10.

*** См. док. № 157.

**** См. док. № 58.

тельства твердо стала на определенный путь. Неуклонно и постепенно достигаются определенные этапы.

Тут он вспомнил, что как-то говорил г. Антонову-Овсеенко: «Если мы парафируем, то для того, чтобы затем подписать. Если подписываем, то для того, чтобы ратифицировать. И когда ратифицируем, то чтобы выполнять».

Он добавил, что ратификация протокола — дело простое. Мы можем произвести обмен в любое время. Мы договаривались, что я выясню этот вопрос в Москве, и быстро проведем ратификацию.

4. О польской прессе. Спросив меня, как я теперь себя чувствую и ориентировался ли я уже в обстановке, Бек чрезвычайно окольными путями пустился в длинное философствование о польском характере, о польской прессе, внутренней политике и т. д. Его рассуждения сводились к следующему.

Польский солдат обладает прекрасными качествами комбатанта, но он лишен той внешней механической дисциплинированности, как, например, прусский. Так и польский народ. Есть готовность к боевому труду, к общей цели, имеется патриотизм и т. д. Но он не любит, чтобы его стесняли чрезмерно. Переворот 1926 г., изменив многое по существу, оставил многие внешние стороны без изменения. Так и с прессой. Польское правительство не мешает газетной критике оппозиции. Но нужно ориентироваться в значении и удельном весе той или иной газеты или статьи.

Я прервал эти его туманные рассуждения, спросив, не намекает ли он на «Виленское слово» и на статьи Студницкого¹⁵². Бек рассмеялся и ответил, что да. Он, мол, позволяет себе дружески обратить мое внимание на все это, зная, как трудно иногда иностранцам ориентироваться в чужой обстановке. Студницкий — сумасшедший человек и никакого значения не имеет.

Я ответил, что понимаю эти различия, хотя, признаться, мне не всегда ясны мотивы подобных статей. Далее я заметил, что, поскольку речь зашла о прессе, я должен констатировать, что некоторая часть польской прессы и даже правительственной, например, «Курьер поранны», не совсем правильно оценила наше предложение Германии о Прибалтике*. Были пронические заголовки и попытки изобразить его, как какой-то маневр Литвинова и т. д.

Бек сказал что-то невнятное и затем, после некоторой паузы, с разными оговорками заметил, что, признаться, и ему не совсем были понятны мотивы этого нашего выступления. Он еще в Москве говорил Литвинову** о своих сомнениях по

---

* См. док. № 94.

** См. док. № 53.

поводу аналогичного предложения Польше. Психологически понятно, что новые, особенно малые страны, очень щепетильно относятся ко всяким разговорам и соглашениям о них, боясь, чтобы их не третируют как объект.

Я указал, во-первых, на принципиальную разницу между нашим предложением Польше* и нашим предложением Германии. В первом случае мы предлагали подчеркнуть нашу общую заинтересованность в независимости Прибалтийских стран, учитывая, что ни СССР, ни Польша не намерены покушаться на эту независимость. Во втором случае мы хотели связать Германию обязательством неагрессии, зная, что в германских кругах о таких планах агрессии мечтают.

Бек сразу согласился со мной, что разница в обоих предложениях имеется.

Далее я указал на полную неосновательность каких-либо опасений насчет того, чтобы Прибалтийские страны в этом случае третируются как объекты. Ярким доказательством обратного является то, что наше предложение было оценено там очень хорошо и, наоборот, отказ Германии вызвал большое беспокойство.

Бек стал выворачиваться и затем замял разговор.

5. О торговых контингентах. Я указал Беку на то, что этот вопрос затягивается, и, несмотря на принципиальную договоренность, торгпредство не может добиться теперь контингентов. Я прошу его вмешательства**.

Бек сразу сказал, что он непременно ознакомится с этим делом. Он добавил, что, конечно, нам надо все конкретные вопросы двигать вперед.

6. О театре Вахтангова. Я сказал, что театр предполагает быть здесь в конце мая или в начале июня⁶¹. Что я хотел бы видеть организационное содействие как министерства иностранных дел, так и соответствующих компетентных учреждений в подготовке и содействии гастролей. Подчеркнул, что, конечно, Театр польский, когда он придет в Москву (он предполагает быть в январе.— Я. Д.), встретит, несомненно, самую горячую поддержку у нас.

Бек очень твердо согласился со мной. Он начал с похвал нашему театру, искусству, отметив, что в Варшаве публика необычайно интересуется советским искусством и горячо его принимает. Я могу быть вполне уверенным в успехе театра. Он согласен со мной, что следует организовать комитет для приема и содействия. Он сейчас же переговорит с кем нужно и окажет полное свое содействие.

* См. т. XVI, док. № 426.

** См. сб. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, М., 1969, стр. 200, 235—238.

7. О Румынии. Я спросил его, доволен ли он результатами своей поездки *. Бек ответил утвердительно, не распространяясь о деталях. Далее он стал говорить о желательности скорейшей нормализации румыно-советских отношений, подчеркнув, что польское правительство всегда стремилось к этому и оказывало всяческое влияние в этом направлении. Я коротко заметил, что, вероятно, это скоро произойдет.

Я наводяще заметил об усиливающемся влиянии Германии в Румынии. Бек согласился, что немецкая работа там имеется, но большого влияния не имеет.

8. Положение в Восточной Европе. В процессе разговора мы оба отметили важность нормального положения в Восточной Европе. Бек в ответ на мои наводящие реплики согласился, что глазным образом от СССР и Польши зависит укрепление мира в этой области Европы и что их совместные усилия могут иметь в этом отношении решающее значение. Все это говорилось в обычных для Бека туманных выражениях, без конкретизации. Но он заметил все-таки, что все прекрасно отдают себе отчет в том, что советско-польские общие усилия твердо обеспечивают мир в Восточной Европе. Он более или менее определенно подчеркнул необходимость нашего сотрудничества (не называя, впрочем, этого слова).

Перед уходом он снова повторил свое желание почаще встречаться со мной и его готовность обмениваться со мной мнениями в любое время. Я ответил тем же **.

Давтян

Печат. по арх.

166. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Польши в СССР Лукасевичем

13 мая 1934 г.

Лукасевич сообщил, что Бек уже вернулся из Бухареста и, вероятно, выедет в Женеву на Совет Лиги наций, где обсуждается такой серьезный вопрос, как Саарский ***. Поедет ли Бек также к 29-му в Женеву, еще неизвестно. Позиция Польши в вопросе о разоружении известна-де из выступления Рачинского на Бюро ¹⁵³.

Заговорили было о Прибалтике. Я спрашивал Лукасевича, как в Польше отнеслись к нашему предложению Германии ****. Не давая прямого ответа, Лукасевич сказал, что там задаются вопросы о цели нашего предложения, имели ли мы

* См. газ. «Известия», 12 мая 1934 г.

** См. также док. № 234.

*** См. док. № 423.

**** См. док. № 94.

в виду положительный или отрицательный ответ. Я разъяснил, что мы считали бы плюсом и положительный ответ, но в получении такового сильно сомневались. Мы расцениваем ответ Германии * как указание на первоочередность агрессии в сторону Прибалтики. Лукасевич сказал, что он считает положительным фактором то, что вопрос встал перед Прибалтикой и «там уже зашевелились».

Я сообщил Лукасевичу, что мы как-то промедлили с сообщением о принятом нами решении касательно обмена флотскими визитами, а также ответного визита нашей воздушной эскадрильи **. И то и другое нами принципиально решено, но эскадрилья наша полетит не раньше июля — августа. Лукасевич напомнил, что он ставил также вопрос об обмене визитами высшего командования, а также о поездке Бубнова в Польшу. Что касается сроков военных визитов, то он поручит своему военному атташе согласовать это непосредственно с военным ведомством. Я сказал, что по двум упомянутым вопросам мы не имеем еще ответа ни Ворошилова, ни Бубнова.

Литвинов

Печат. по арх.

167. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом США в СССР Буллитом

16 мая 1934 г.

1. Буллит заговорил сначала об организации их консульской сети в СССР. По существующим в Соединенных Штатах законам, легализация документов и паспортов должна производиться непременно консульствами, а не консульским отделом посольства. Изменить этот закон очень трудно потому, что этот вопрос регулируется не общереспубликанским законом, а законоположениями отдельных штатов. С точки зрения этого закона вся территория СССР должна быть распределена между американскими консульствами, а это значит, что московское генеральное консульство будет вестись почти всей территорией СССР. Буллит знает, что нами такие крупные округа не разрешаются. Он ищет поэтому компромиссного выхода. Он предлагает разрешить московскому консульству выполнять нотариальные и визные функции по отношению к вопросам, возникающим на всей территории СССР. Что же касается сношений с местными властями и защиты граждан, то этим консульство заниматься не будет вовсе, а Буллит поручит это одному из секретарей посольства, например тому же Хенсону,

* См. док. № 126.

** См. т. XVI, прим. 313.

который откажется от звания генерального консула и будет назначен первым секретарем с возложением на него заведования консульским отделом посольства.

Если мы примем предложение Буллита, то в Москве будет и консульство и консульский отдел посольства, причем консульство будет заниматься исключительно формально-техническими вопросами (паспорта, визы и легализация документов), а консульский отдел подобно консульским отделам других посольств и миссий в Москве будет выполнять функции защиты граждан.

Я обещал обдумать это его предложение, обсудив его с соответствующими отделами НКВД, и через несколько дней дать ответ ¹⁵⁴.

2. После этого Буллит перешел к главному вопросу, осложняющему наши отношения, к вопросу о кредитах. Он передал мне копию проекта, врученного 2—3 месяца тому назад государственным департаментом т. Трояновскому, и хотел начать обсуждение этого документа. Я ответил Буллиту, что не вижу смысла обсуждать этот документ. И т. Трояновский в Вашингтоне и т. Литвинов здесь заявили уже, что этого документа мы за базу для обсуждения не принимаем *.

Буллит сказал тогда, что он хотел лишь изложить мне историю переговоров.

Я ответил, что я в курсе всего вопроса и мы можем начать обсуждение вопроса с того места, на котором они остановились в последний раз с т. Литвиновым. 13 мая он сказал т. Литвинову ¹⁵⁵, что получил шифрованные директивы из Вашингтона, но что телеграмма была искажена и он запросил ее повторения. Есть ли у него сейчас уже эта восстановленная директива?

Буллит ответил, что директиву он получил, но эта директива не изменяет прежних директив в основном вопрос о форме кредита. Он поэтому склоняется к тому, чтобы переговоры были продолжены в Вашингтоне. Пусть Рузвельт в письменной форме еще раз сформулирует свои требования, сделает максимально возможные, с его точки зрения, уступки и вручит этот меморандум Трояновскому. Это лучше, чем сноситься по телеграфу и иметь всегда недостаточно полные инструкции.

Я ответил, что президент Рузвельт в последнем разговоре с Трояновским ¹⁵⁶ совершенно определенно высказал желание, чтобы переговоры велись в Москве между Литвиновым и Буллитом. Наше желание совпадает с желанием президента. Я не могу поэтому признать целесообразным предложение Буллита о новом перенесении переговоров в Вашингтон.

Тогда Буллит перешел к разговору по существу и спросил,

* См. док. № 77.

почему мы не соглашаемся на предложение государственного департамента, сводящееся к тому, что банк будет давать нам кредит лишь в размере 50% стоимости выдаваемых нами заказов, а остальной кредит будет предоставляться самими промышленниками.

Я повторил подробно аргументы т. Литвинова* и в свою очередь спросил Буллита, почему американцы возражают против того, чтобы мы расплачивались с промышленниками целиком наличными деньгами за счет получаемого нами финансового кредита.

Буллит начал объяснять, что если промышленник принимает часть риска на себя, то он более внимательно относится и к себестоимости и к качеству производимого товара. Кроме того, правительство через Экспортно-импортный банк сможет не допускать того, чтобы промышленник, исходя из своих личных интересов, принимал от нас заказы в больших размерах, чем это допускается общегосударственными соображениями.

Я ответил, что готов согласиться, что для американского правительства с точки зрения регулирования промышленности предлагаемая ими форма представляет некоторые преимущества, но для нас она абсолютно неприемлема. Если бы мы пришли к американскому правительству с просьбой открыть нам необходимые для нас кредиты, мы должны были бы считаться с теми требованиями, которые американское правительство поставило бы нам в своих интересах. Но ведь в данном случае не мы являемся инициаторами в вопросе о кредитах. Кредиты имеют для нас не только положительную, но и отрицательную стороны, поскольку они возлагают на нас обязательство разместить известное количество заказов, без которых мы можем быть могли бы обойтись. Инициатива предоставления нам кредитов исходит от американского правительства, желающего таким путем добиться от нас уплаты известной суммы по долгам прежних правительств. А если дело обстоит так, то при определении условий кредита американское правительство должно считаться с нашими интересами. Я думаю поэтому, что американское правительство должно принять предлагаемую нами схему**. Я обращаю внимание Буллита, что мы ни на одну ноту не отступаем от джентльменского соглашения Рузвельта с Литвиновым*** и даже идем несколько навстречу американцам по сравнению с ним, поскольку мы соглашаемся заменить форму займа формой долгосрочного финансового кредита.

Буллит сказал: окончательный ответ американского правительства будет, конечно, зависеть от того, является ли то,

* См. док. № 117.

** См. док. № 103.

*** См. т. XVI, док. № 361.

что мне говорил Литвинов, и то, что Вы говорите сегодня, последним словом Советского правительства по данному вопросу или нет. Могу ли я сообщить, что Вы на уступки по этому вопросу не пойдете.

Я ответил, что наш ответ является последним словом и что он именно так должен информировать Рузвельта.

Ввиду того, что ко мне пришел уже английский посол, прием которого был назначен часом позднее приема Буллита, разговор наш с Буллитом закончился. Несмотря на то, что на вопросы Буллита в связи с кредитом я давал твердые ответы и не делал никаких уступок, разговор прошел в очень дружеской форме.

Н. Крестинский

Печат. по арх.

168. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Ментоны *

18 мая 1934 г.

Краткое резюме разговора с Барту. Необходимость отдельного пакта с Францией** он объяснял в точности согласно высказанному мною в Москве предположению, а именно очевидной невозможностью убедить Польшу и Чехословакию заменить существующие обязательства Франции более ограниченными. На ограничении помощи соседям будут настаивать и чехи, которым нет дела до Прибалтики. Я указывал на важность для нас защиты Прибалтики, и Барту согласился вновь рассмотреть вопрос о распространении помощи Франции на Прибалтику, сказав, что это отнюдь не исключено. Он также согласился считать все Балтийские государства, включая даже Финляндию, как единое государство в отношении помощи соседей, так что Эстония, например, сможет получать помощь Польши, а Литва — нашу. Со своей стороны я согласился на включение Германии. Предпосылкой по-прежнему остается наше вступление и возвращение Германии в Лигу наций. На мой вопрос, согласится ли он на пакт без Германии, если та откажется вернуться в Лигу, как этого и ожидает сам Барту, он сказал, что это подлежит отдельному обсуждению***.

Мой приезд вызвал много толков, и я спешу уехать отсюда и сообщу вам о беседе дополнительно¹⁵⁶.

Литвинов

Печат. по арх.

* Копия телеграммы была направлена в полпредство СССР во Францию.

** См. док. № 151, 154.

*** См. док. № 186.

169. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Германии с заведующим IV отделом Мининтерства Иностранных Дел Германии Мейером

18 мая 1934 г.

17 мая по ознакомлении с антисоветским выпадом в речи Гитлера перед так называемым «рабочим конгрессом»* я попросил свидания с Нейратом, чтобы заявить ему протест против этой речи. Из канцелярии Нейрата просили сообщить, ради какого дела я собираюсь посетить Нейрата. После того как я сказал им, что я хочу говорить о речи канцлера перед «рабочим конгрессом», Нейрат поручил сообщить мне, что он, к сожалению, не может принять меня, потому что уезжает в краткосрочный отпуск и совершенно не имеет времени до отъезда. Я попробовал обратиться к Бюлову, но Бюлов был болен и в течение 3 дней не появлялся в аусамте.

Мне пришлось, таким образом, заявить свой протест Мейеру, с которым я говорил 18 мая.

Я указал Мейеру прежде всего на то, что речь Гитлера перед «рабочим конгрессом» в части, относящейся к СССР, находится в вопиющем противоречии с теми официальными декларациями, которые рейхсканцлер по разным поводам делал в отношении СССР в последнее время. Конечно, никто не может претендовать на то, чтобы государственные деятели Германии, говоря об СССР, обнаруживали детальное знакомство с действительным положением дел в Советском Союзе. Однако речь канцлера перед «рабочим конгрессом» 16 мая 1934 г. заключает в себе целый ряд утверждений, несоответствие которых бросается в глаза всякому мало-мальски знакомому с действительным положением в СССР. Рейхсканцлер утверждал, например, в этой речи, что СССР все необходимое для индустриализации получает из-за границы. Между тем дело обстоит таким образом, что из 50 млрд. руб. капитальных вложений первого 5-летнего плана на долю ввоза из-за границы приходится едва ли 1,5 млрд. руб. Из более чем 20 млн. рабочих и служащих Советского Союза на долю иностранных рабочих и служащих приходится едва ли более 10 тыс. Независимо от неточного изображения действительного положения в СССР мы впервые с удивлением узнаем из речи рейхсканцлера, что покупка, например, машин за границей представляет из себя акт, несовместимый с нашей системой. Между тем в целом ряде договоров и соглашений между СССР и Германией неоднократно подчеркивалась та мысль, что, несмотря на разницу хозяйственных систем, торговые отношения между

---

* Имеется в виду его речь на 2-м конгрессе так называемого «германского трудового фронта» 16 мая 1934 г.; см. также док. № 170.

обеими странами возможны, и опыт в самом деле показал, что это так. Речь рейхсканцлера дает повод думать, что торговые отношения СССР с заграницей носят односторонний характер. Между тем, следуя ходу мысли рейхсканцлера, можно было бы с одинаковым правом сказать, что Германия также не может обойтись без советской нефти, без советского леса, без советского льна, пушнины и т. д. Рейхсканцлер, таким образом, упустил из виду тот элементарный закон, что экономические связи любой страны с остальным миром не могут быть односторонними и имеющаяся в этих связях зависимость всегда взаимна. Я указывал на это обстоятельство, отнюдь не имея в виду полемизировать с рейхсканцлером; я хочу только указать на то, что высказывания рейхсканцлера в этом направлении находятся в противоречии с неоднократными декларациями и заявлениями в советско-германских хозяйственных соглашениях. Чтобы покончить вопрос с этой частью моего заявления, я хочу еще обратить внимание на одну крупную неточность в речи рейхсканцлера. Рейхсканцлер заявил, что в СССР до сих пор лишь 8% населения живет в городах и 92% являются крестьянами. Хотел бы обратить внимание министерства на то, что уже в 1932 г. городское население СССР составляло 23,3% всего населения.

Все эти мои замечания носят, однако, лишь второстепенный характер. Однако в речи рейхсканцлера имеются моменты, которые вынуждают меня заявить в аусамте формальный протест против них. Рейхсканцлер подверг критике (из моих замечаний выше видно, что эта критика была необоснованной) индустриальную и внешнеторговую политику СССР. Больше того, он позволил себе в очень резкой форме заявить о том, что СССР должен был бы, если он хотел оставаться верным своим принципам, вести совершенно другую политику. «Следовало бы,—заявил он,—поставить ее (Советскую Россию.—*Ред.*) на собственные ноги — а в такой стране, как Россия, это было бы вполне возможно сделать — и сказать: а теперь создавайте ваш рай. Тогда люди увидели бы, какие получатся результаты. В настоящее время они, коммунисты, живут лишь благодаря некоммунистическим установлениям этого мира»*.

Я заявляю от имени посольства формальный протест против этого места речи рейхсканцлера, рассматривая это как попытку вмешательства в определение нашей индустриальной и внешнеторговой политики, т. е. как вмешательство во внутренние дела СССР.

Совершенно такой же протест я заявляю по поводу другого места речи рейхсканцлера, где он заявил, что миллионы людей умерли с голоду в СССР. Этим своим заявлением рейхсканц-

* Цитата уточнена по германскому источнику.

лер официально санкционировал и возглавил ту кампанию о так называемом голоде в СССР, которая с прошлого года ведется в некоторой части германской прессы и от которой до сих пор германские правительственные учреждения старались формально отмежеваться *. Заявление рейхсканцлера показывает, что эта кампания, против которой посольство имело не раз достаточно поводов протестовать, прикрывается теперь авторитетом высшего представителя власти в Германии.

Выслушав мое заявление, Мейер сказал, что он не может принять моего протеста и должен отклонить его потому, что канцлер, говоря об СССР, имел в виду коммунизм и коммунистическую систему вообще, против которой он полемизировал с тем же спокойствием, как и против других хозяйственных систем, о которых он говорил в своей речи. Что касается фактических неправильностей в речи канцлера, то, конечно, он не может спорить со мною по существу, но считает этот вопрос совершенно второстепенным и несущественным, так как будто бы статистика в СССР сама по себе обладает очень большими внутренними противоречиями и допускает подобные ошибки. Так как, однако, я настаиваю на своем протесте, то он, Мейер, конечно, доведет его до сведения своих инстанций.

На этом разговор окончился. Уходя от Мейера, я в коридоре почти лицом к лицу столкнулся с Надольным, который, однако, меня не узнал. Надольный торопился в кабинет Мейера. Причем у меня получилось впечатление, что он сидел в соседней комнате и ждал, когда Мейер кончит разговор со мной, чтобы сейчас же информироваться о его содержании.

Бессонов

Печат. по арх.

170. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Германии в СССР Твардовским

19 мая 1934 г.

1. Твардовский начал с того, что от имени германского правительства, всего посольства и своего собственного принес благодарность Советскому правительству и всем советским органам за то внимание и содействие, которое было оказано нами в связи с гибелью германского субстратостата и его экипажа ¹⁵⁷.

---

* См. т. XVI, док. № 209, 217, а также док. № 122, 285 настоящего тома.

Он особенно выделил НКВД и, в частности, т. Штерна, который, насколько ему кажется, три дня занимался почти исключительно этим делом*.

2. Когда покончили с этим вопросом, я сказал Твардовскому, что, как это ни неприятно мне делать при первой встрече после его возвращения из отпуска, но я не могу не коснуться последней речи рейхсканцлера Гитлера. В этой речи он позволил себе не только недружелюбный отзыв о Советском Союзе, не только вмешательство в наши внутренние дела, но он подкрепил своим личным авторитетом клеветнические разговоры о миллионах умерших от голода в Советском Союзе людей и возглавил происходящую сейчас в Германии антисоветскую кампанию. Я не понимаю мотивов подобного выступления и прошу Твардовского довести до сведения германского правительства, что мы целиком поддерживаем заявленный т. Бессоновым протест**.

Твардовский был очень смущен, не пытался оправдывать Гитлера; говорил, что ему также непонятно выступление, о котором он знает, правда, только по советским газетам, тем более, что, когда он был недавно проездом в Берлине, во всех влиятельных кругах он наблюдал желание восстановить и развивать дружеские отношения с СССР***. Самого Гитлера он не видал, но ему передавали, что и у Гитлера такое же настроение.

Н. Крестинский

Печат. по арх.

171. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу

19 мая 1934 г.

1) Скажите Хирота, что окончание торгов 25 мая во Владивостоке уже объявлено и что, к сожалению, наши хозорганы не могут успеть провести торги ранее этой даты.

2) О переговорах по поводу курса АКО заявите, что соглашение о курсе АКО, достигнутое в 1931 г., было междуправительственным и дальнейшие переговоры должны вестись между правительствами****. В случае, если японцы сошлутся на нашу готовность в прошлом начать с предварительных переговоров между нашими хозорганами и японскими рыбопромышленниками, заявите, что японская сторона многократно и категорически от этого отказывалась, ссылаясь на междуправительственный характер соглашения*****. По-

* См. также док. № 208.

** См. док. № 169, а также док. № 198.

*** См. также т. XV, прим. 188; т. XVI, прим. 37.

**** См. т. XIV, док. № 126, 128.

***** См. док. № 66, 72, 75.

этому мы не видим оснований сейчас возвращаться к этой стадии вопроса.

Ввиду занятой рыбпромышленниками позиции всякое участие их в переговорах по вопросу о курсе принесет только вред. Если Вы считаете тактически удобным, можете использовать этот аргумент в беседе с Хирога*.

Стомоняков

Печат. по арх.

172. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

19 мая 1934 г.

17 мая японо-советское общество культурной связи «Ниссо Бунка»** устроило вечер, посвященный чествованию Накамура, переводчика изданных произведений Чехова. Присутствовало на вечере около 60 человек. В том числе лица, которые раньше избегали посещать вечера «Ниссо Бунка», как, например, профессор Ясуги, известные писатели Като, Мурамацу, Хосада, директор издательства «Кинсэйдо» Фукуока, профессор университета Васэда Кумадзава и др. Хосада в речи указал, что одним из путей борьбы за дружеские отношения с СССР является взаимное углубление культурного обмена. Накамура заявил, что он вступает в «Ниссо Бунка». Фукуока поднял тост за хорошие отношения Японии и СССР. Вечер прошел с оживлением, почти все присутствующие выступили за развитие культурных связей. С кратким приветствием выступил и Асков***. Было решено устроить в ближайшем время вечер, посвященный 30-летию со дня кончины Чехова и 125-летию со дня рождения Гоголя, полное собрание произведений которого выпускается на японском языке.

Полпред

Печат. по арх.

173. Письмо Генерального консула СССР в Мешхеде Полномочному Представителю СССР в Персии С. К. Пастухову

19 мая 1934 г.

Уважаемый товарищ,

В последнее время Хорасан стал предметом особого «памятничества» японцев. То они останавливаются здесь проез-

* См. док. № 175.

** См. т. XVI, док. № 143.

*** Первый секретарь полпредства СССР в Японии.

дом из Афганистана в Тегераи, то наоборот, из Тегерана в Афганистан, то просто объезжают северную часть Хорасанской провинции, и, конечно, все это под маркой изучения рынка и совершения торговых сделок. Заслуживает особого внимания прибытие сюда 8 мая представителей японской миссии в Тегеране, в том числе и военного атташе. Последний был у командующего восточной дивизией Ирадж-хана и получил разрешение на поездку в Кучан, Ширван-Буджнурд, т. е. в Туркменскую степь.

Подобный визит к нашей границе в столь напряженную международную обстановку принимает особый оттенок. По некоторым данным, японцы концентрируют свою работу на нашей границе — именно в районе Туркменской степи. В Хорасане же они пока ощупывают почву и стараются найти себе базу среди бегаитов*. Все это не является секретом от местных властей. Больше того, разрешение на поездку японцев в приграничную полосу с СССР, особенно в Туркменскую степь, которая находится на военном положении и в которую не допускают наших работников, даже в целях торговых сделок (заготовки шерсти, скота и пр.), говорит о нелояльности персов по отношению к нам.

Персидскому командованию не может быть не известно, что эти поездки японцев в приграничную полосу, особенно в районы с горючим людским материалом, как Туркменская степь, не преследуют мирные цели. Наоборот, эти поездки имеют задачу подготовить почву для создания соответствующего осложнения на нашей границе при серьезных международных конфликтах. И если персы, несмотря на очевидность этих фактов, разрешают японцам шнырять в приграничной полосе с СССР, то это говорит не в пользу советско-персидской дружбы. Больше того, это разрешение до некоторой степени проливает свет на будущую позицию персов в этих конфликтах. Нам здесь не известна официальная позиция Тегерана в данном вопросе, равно как, насколько поведение местных властей, дающих разрешение на подобные разъезды, соответствует этой официальной позиции Тегерана, но нам необходимо эти факты по крайней мере учесть, если не реагировать на них.

С приветом

Генконсул
Саркисбеков

Печат. по арх.

---

* Сторонники реакционного учения бегаизма.

174. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Турции с Председателем Совета Министров Турции Исмет-пашой

20 мая 1934 г.

На обратном пути из Кайсери¹⁵⁸ в Анкару Исмет-паша пригласил к себе в вагон меня, торгпреда, Золотарева и Миллера. Из турок там был главный директор «Сумер-банка» Нурулла Эсад-бей. Беседа продолжалась почти два часа, вплоть до прихода поезда в Анкару.

1. Исмет-паша интересовался нашим опытом индустриального строительства. Он внимательно расспрашивал о сумме капитальных вложений и затратах на импортное иностранного оборудования и сырья. Просил рассказать, в чем заключались основные трудности нашего индустриального роста, причем особенно интересовался, в какой период мы больше всего испытывали затруднения: в период самого строительства или же в период освоения фабрик и заводов. Объяснения давал преимущественно т. Золотарев, который указывал, что наибольшего внимания требовало освоение новых предприятий, и здесь заключались наибольшие трудности для нас.

Исмет-паша говорил, что он твердо решил идти по пути индустриализации, проводя политику сосредоточения в руках государства всех новых предприятий и отказывая частному капиталу в разрешении брать в свои руки создание и организацию новых фабрик и заводов. Он пояснял при этом, что так как в Турции нет достаточно могущественного национального капитала, то за спиной отечественных капиталистов стоит несомненно иностранный капитал, который Исмет-паша не намерен пускать в страну. Исмет далее указывал, что намерен приступить к насаждению металлургической промышленности и предполагает на будущий год построить доменную печь.

По части развития дальнейшего сотрудничества по линии использования 8-миллионного кредита* Исмет указал, что желал бы, чтобы уже сейчас начались предварительные разговоры о постройке второго текстильного комбината в Назилли¹⁵⁹. Мы подтвердили со своей стороны готовность Туркстроя приступить к этим переговорам.

2. Исмет-паша говорил о том, что индустриализация страны будет способствовать росту аграрной продукции. Он сказал, что, вспоминая блестяще организованный сельскохозяйственный институт в Ленинграде под руководством проф. Вавилова, он намерен пригласить сюда на месяц проф. Вавилова для изучения состояния сельского хозяйства.

* См. док. № 20.

3. Центральной темой беседы были вопросы международного положения. Исмет развивал взгляд, что в СССР не должно быть возражений против стремления Германии к аншлюсу. Он отметил, что в результате аншлюса Германия завяжет в европейских делах, обострит свои отношения с западными державами и это лишит ее возможности и способности устремиться к Востоку. И под углом зрения довооружения Германии стремление ее к аншлюсу благоприятно для тех стран, которые считают опасным для мира усиление германского вооружения. Если в настоящее время, говорил Исмет, существует разнобой в этом вопросе у основной группы держав и благодаря ему Германия беспрепятственно вооружается, то постановка Германией на очередь проблемы аншлюса создаст против нее единый фронт Франции, Англии и Италии по вопросу вооружения, так как обе последние державы, поддерживающие сейчас Германию, откажут ей в этой поддержке, когда увидят, что германская политика вступает через аншлюс в столкновение с их интересами. Исмет поэтому считает, что необходимо подталкивать Германию в сторону аншлюса, ибо это приведет к серьезному ослаблению угрозы ее экспансии на Восток. Аншлюс приведет, развивал далее Исмет, и к присоединению Венгрии к новому политическому образованию, а это, в свою очередь, вызовет реакцию со стороны Малой Антанты и создаст положение, при котором Германия и с этой стороны будет парализована.

Я высказался в том смысле, что аншлюс усилит Германию и приведет к ускорению войны, так как Германия не остановится на достигнутом и будет стремиться к дальнейшей экспансии, в частности на Восток. Усилившаяся Германия вместе с тем будет более ценным контрагентом в смысле компромисса между ней и империалистическими державами. При таком компромиссе опять-таки пострадают интересы Восточной и Юго-Восточной Европы.

Залкинд

Печат. по арх.

175. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юрнева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

21 мая 1934 г.

На вашу телеграмму от 19 мая 1934 г. * Сегодня видел Хирота. Сообщил ему, что ввиду объявления Дальрыбой торгов на 25-е просьба об ускорении таковых не может быть испол-

* См. док. № 171.

иена. На это Хирота спокойно ответил: «Раз нельзя — ничего не поделаешь». Смысл его просьбы об ускорении торгов хотя бы на один день раньше 25-го несомненно заключался в том, чтобы лишний раз показать обществу и японским рыбопромышленникам, как он заботится о японских интересах. Затем я сообщал ему о вашем отношении к его мнению в вопросе переговоров насчет курса АКО. Завязалась не очень продолжительная дискуссия, во время которой Хирота доказывал необходимость ведения предварительных неофициальных переговоров между Козловским* и Танакама**.

Я защищал нашу точку зрения. После одного из моих выступлений Хирота заявил, что он понял, что Москва упорно настаивает на междуправительственных переговорах и что, учитывая это, японское правительство принимает наше предложение, но хочет поручить ведение таковых Ота. Я ответил Хироте, что принимаю к сведению его согласие с предложенными нами методами переговоров, но думаю, что с их же точки зрения целесообразнее вести переговоры в Токно. Хирота с этим не согласился, указав на то, что советник японского посольства в Москве Сако прекрасно знает рыбный вопрос и что, кроме того, в помощь Ота японские рыбопромышленники пошлют своего представителя. Хирота настаивает на ведении переговоров в Москве и просит вашего ответа***. Он видит лишь два метода переговоров: либо неофициальные в Токио между Козловским и Танакама, либо официальные в Москве. Аргументы относительно вреда, который принесло бы участие в переговорах японских рыбопромышленников, не использовал, считал это тактически неудобным.

Полпред

Печат. по арх.

176. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Монгольской Народной Республике С. Е. Чуцкаева Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

23 мая 1934 г.

Командировку практикантов-вузовцев согласовал с Гендуном****. План использования таков: 3 месяца работы в управлениях Барги, 3 месяца в сомоне, 2—3 месяца в аймаке, остальное время в распоряжении центральной монгольской организации. Распределяем практикантов на первое время в

* Заведующий II Восточным отделом НКВД СССР.

** Уполномоченный японских рыбопромышленников.

*** См. док. № 183.

**** См. док. № 152.

радиусе 300 км от Урги, чтобы по линии полпредства обслуживать и контролировать их; также будет организована проверка результатов работы. Практиканты посылаются в помощь начальникам управлений. Содействие монгольского правительства будет им обеспечено.

Полпред

Печат. по арх.

**177. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных
Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Да-
нии**

27 мая 1934 г.

Уважаемый товарищ,

1. В связи с антисоветским выступлением Стаунинга¹⁶⁰ и недопустимыми выпадами датской консервативной печати по адресу СССР Вам следует при первом подходящем случае, не заявляя протеста и не делая специального демарша, обратить внимание Стаунинга на то, что то и другое произвело неблагоприятное впечатление в Москве и что в интересах наших отношений было бы желательно устранить подобные факты и явления. Вы можете при этом указать ему на то, что советские государственные деятели никогда не допускали подобных выпадов и что советская пресса ведет себя корректно и доброжелательно в отношении Дании.

2. В связи с выпадами части датской печати возникает вопрос о том, не было ли бы целесообразно полпредству наладить дружественные отношения с датской печатью, устроив для этого специальный прием печати и потом поддерживая с печатью более или менее регулярные отношения. Я предоставляю, однако, разрешение этого вопроса Вам, поскольку Вам виднее обстановка на месте.

3. В связи с Вашим разговором с Ланге о возможности датской иммиграции в СССР сообщая, что подобная иммиграция нам нежелательна и под соответствующими предложениями такие проекты надо отклонять.

4. По вопросу об экономических отношениях с Данией меня посетил некоторое время назад Энгель* и вручил меморандум, который Вам посылается этой почтой в копии I Западным отделом или Экономической частью¹⁶¹. Энгель указал при этом на то, что переговоры т. Вейцера** в Коленгагене ухудшили положение, вызвав большое недовольство в промышленных кругах. Энгель явно сам недоволен тем, что его отстраняют от переговоров. В связи с этим мы снеслись с НКВТ

* Посланник Дании в СССР.

** Заместитель наркома внешней торговли СССР.

и добились уступок для Дании, о которых информировал Энгеля т. Березов по моему поручению¹⁶². О подробностях Вас информируют I Западный отдел и Экономическая часть¹⁶³.

С товарищеским приветом

Б. Стомяков

Печат. по арх.

178. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Персии в СССР Мухаммедом Ханом Саедом

28 мая 1934 г.

1. Саед начал с того, что он сегодня уезжает на два дня в Ленинград, чтобы присутствовать на торжествах, устраиваемых Академией наук по случаю 1000-летия со дня рождения персидского поэта Фирдоуси *. Он знает, что энергичная подготовка к торжествам ведется и в Москве, и предполагалось в начале июня устроить торжественный концерт и заседание в Большом театре. Однако этот вечер перенесен на 1 сентября. Он очень благодарен нашему правительству и общественности за то внимание, которое проявляется к персидскому народу и его культуре в связи с юбилеем.

2. Затем он перешел к основной теме своего визита и сообщил, что 10 июня из Пехлеви выезжает в Швейцарию супруга шаха в сопровождении 12 человек семьи и свиты. Едет она через территорию Советского Союза (Баку — Шепетовка).

Саед получил поручение от своего правительства узнать, какие меры намерены мы принять в связи с проездом его государыни.

Я ответил, что мы, конечно, будем рассматривать супругу персидского шаха и ее спутников во время их проезда через нашу территорию как наших гостей и примем меры к тому, чтобы проезд мог совершиться в наиболее удобных условиях. Г-н Саед знает, что несколько лет тому назад, когда в Швейцарию по этому же маршруту ехал персидский наследник, наши органы создали для наследника и его спутников соответствующую удобную обстановку. То же будет сделано и теперь **.

Саед очень благодарил.

3. Затем, ссылаясь на сегодняшние передовицы «Правды» и «Известий», Саед заговорил о росте нашего международного влияния и выражал по этому поводу свои симпатии и свое почтение.

Н. Крестинский

Печат. по арх.

* См. док. № 306 и газ. «Известия», 11, 15, 20, 21 сентября, 4—6, 8 октября 1934 г.

** См. док. № 256.

179. Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на восемьдесят втором заседании Генеральной комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений

29 мая 1934 г.

Вооруженный мир — только перемирие

Перед настоящей сессией Генеральной комиссии стоят два вопроса. Первый — она должна констатировать возможность или невозможность выполнения прямой задачи конференции, а именно разрешение проблемы разоружения, и в последнем случае установить причины неудачи. Позволительно сомневаться, чтобы все присутствующие здесь делегации могли сойтись на едином заключении о причинах неудачи, но, по моему мнению, было бы необходимо и весьма полезно, чтобы хотя бы отдельные делегации порознь высказали свои соображения на этот счет. Следующий вопрос, который, вероятно, главным образом будет озабочивать комиссию, — это о дальнейшей судьбе самой конференции по разоружению. Необходимо будет решить, должна ли она продолжать свое существование и чем его в таком случае наполнить, или же она должна добровольно перейти в состояние небытия.

Не дожидаясь дальнейшей дискуссии, я позволю себе уже теперь исходить в своих рассуждениях из факта невозможности нахождения разрешения проблемы разоружения вследствие непримиримости выявившихся разногласий. Для краткости я отмечу лишь основные разногласия. Уже с самого начала работ не только самой конференции, но и Подготовительной комиссии обнаружилось два коренных течения: одно — представленное советской делегацией, а другое — почти всеми остальными делегациями. Советская делегация не хотела рассматривать разоружение как самостоятельную самодовлеющую задачу, служащую лишь экономическим, бюджетным, агитационным или иным целям. Мы хотели видеть в разоружении наиболее действительное средство упразднения института войны, конкретного осуществления той идеи, которая легла впоследствии в основу подписанного всеми государствами мира пакта Бриана — Келлога об отказе от войны в качестве орудия разрешения международных споров*.

Мы считали и считаем, что действительный отказ от войны не может быть эффективен без полного отказа от вооружений, что, пока существуют вооружения, не может быть обеспечен мир, что возможен только один вид мира, — это мир разоруженный, и что вооруженный мир есть только перемирие, интервал между войнами, принципиальное и фактическое санк-

* См. т. XII, док. № 37, 38.

ционирование войны и отрицание принципа, воплощенного в пакте Бриана — Келлога. Советская делегация поэтому начала с предложения полного всеобщего разоружения*. Принятие этого предложения заранее устранило бы многочисленные разногласия, возникшие на конференции по вопросу о делении вооружений на оборонительные и наступательные, о критериях безопасности, о различных формулах сокращения, о равноправии в вооружениях и в особенности о контроле и т. д. Нет ничего легче, чем контролировать полное отсутствие вооружений, и ничего труднее, чем проверять сокращение вооружений. Принятие советского предложения, добавлю я, могло бы предупредить множество печальных политических явлений, имевших место с того времени в отдельных странах, обострение национализма, шовинизма, милитаризма, и не осталось бы без влияния и на международное экономическое положение. Мы выступили со своим предложением в годы расцвета так называемой пацифистской идеологии, позволявшей многим верить в невозможность войны, по крайней мере в ближайшем будущем. Советская делегация, однако, тогда же предвидела и предсказывала неизбежность и близость наступления полосы новых войн и настаивала поэтому на скорейшем принятии радикальных мер предотвращения этих войн. Я думаю, что если бы народы, имевшие тогда большее влияние на политику своих правительств, чем теперь, также ясно видели начавшееся развитие международной политической жизни, то они не позволили бы конференции так легко отделаться от советского предложения о полном разоружении.

К сожалению, нашему предложению воспротивились все прочие делегации, за исключением, кажется, турецкой, причем исходили они из того, что вопрос о войне и мире не является актуальным, что история дает нам десятилетние сроки для разрешения вопроса о гарантиях мира длинными этапами и геополитическими дозами.

Двухлетняя работа конференции завела в тупик

Мы по-прежнему и еще более прежнего уверены в том, что если народы после, может быть, тяжелого, катастрофического опыта вновь вернутся к мысли об изыскании международных средств предотвращения войн путем разоружения, то они не смогут не вспомнить о советском предложении о полном разоружении и вплотную заняться им, ибо, пока сохраняется нынешняя социально-экономическая система несоветских государств, другой гарантии мира нет.

* См. т. X, док. № 272, 273.

Отмеченное мной принципиальное разногласие не могло, однако, приостановить работы конференции, ибо советская делегация не выдвигала своего предложения ультимативно и заявила о своей готовности сотрудничать с остальными делегациями также в разработке системы частичного сокращения вооружений. Но тут-то начались настоящие затруднения. В то время как советская делегация заявила о приемлемости для нее любой меры сокращения, распространяющейся на любые виды вооружений, разногласия возникли между остальными делегациями. Споры велись раньше всего о том, следует ли сокращать существующие вооружения, или ограничить их нынешним уровнем.

Хотя одно время казалось, что этот спор разрешен голосованием конференции в пользу сокращения вооружений, мы теперь вновь имеем перед собой предложение лишь об ограничении вооружений. В случае же сокращения вооружений до сих пор нет единогласия о мере, а также о принципе и критерии этого сокращения. Нет единого установленного мнения о том, должно ли сокращение охватывать все виды вооружений: сухопутные, морские и воздушные, или только некоторые из них. Намечалось как будто решение о полном воспрещении воздушной бомбардировки, из чего логически вытекала необходимость упразднения самого орудия бомбардировки. Но и тут мы наталкиваемся на предложение о сохранении этих орудий, но с ограничением их деятельности в определенных районах и со специальными целями. Как будто можно довольствоваться навешиванием на бомбовозы плакатов, как на железнодорожные вагоны, с указанием пробега «Остенде — Интерлакен», «Курить воспрещается». Далеко не благополучно обстоит дело с контролем. Я не стану перечислять множество других разногласий. Достаточно сказать, что ни по одному намеченному на конференции вопросу нет не только конкретных решений, но нет даже теоретических формул, на которых сошлись бы все делегации.

К этому надо добавить, что политические события не ждали конца споров в Женеве и пошли своим ходом. В отдельных странах менялись правительства, менялись партии, стоящие у власти, менялась идеология партий и правительств, менялись их методы разрешения международных вопросов. Несмотря на принятое всеми государствами в силу пакта Брнана — Келлога международное обязательство об отказе от войны в качестве орудия национальной политики, мы являемся свидетелями методов проведения национальной политики как раз путем развития военных действий на территориях соседних государств. Иные государства, не обладающие еще достаточной силой для проведения подобной политики, ограничиваются пока словесной и письменной пропагандой идеи экспансии и

захвата чужих земель вооруженной рукой, причем они предупредительно называют те страны, на которые они собираются нападать в первую очередь. Приходится ли удивляться, что государства, которые заинтересованы в сохранении мира, сугубо насторожились и проявляют еще большие колебания, чем прежде, в вопросе разоружения. Оказался поколебленным принятый было уже конференцией принцип равноправия в вооружениях. Нельзя возражать против равноправия, когда все государства одинаково активно, пусть хотя бы на словах и принятием соответственных международных обязательств, стремятся к сохранению мира. Но вопрос стал, как быть с такими государствами, правители которых совершенно открыто начертали в своей программе завоевание чужих земель (путем войны, конечно, ибо добровольно никто земли не отдаст), и когда абстрактному принципу равноправия противостоят вполне реальные опасности для его применения.

Я это говорю отнюдь не для того, чтобы сделать выводы о равноправии или неравноправии всех государств в отношении вооружения. Этот вопрос перед советской делегацией не стоит, ибо он вытекает из документов, к которым Советское правительство отношения не имеет. Более того, этот вопрос, поскольку он ставится в аспекте довооружения кого бы то ни было, не может иметь отношения к конференции по разоружению или по сокращению вооружений. Я хотел лишь указать на новые настроения, возникшие в результате известных политических событий, значительно осложнивших работу конференции, и без того еще ранее встретившуюся с огромными затруднениями. И ныне, подводя итоги более чем двухлетней работы конференции, мы должны открыто сказать, что наметившееся уже на заре ее жизни затруднение не смягчалось с течением времени, а, наоборот, шло *crescendo* *, заведя нас в конце концов в тупик.

Не распустить конференцию — а гарантировать мир

В самом деле, какие выходы мы видим перед собой? Выхода не было тогда, когда закрылась последняя сессия Генеральной комиссии, и закрылась она потому, что не было выхода. Кое-кто возлагал надежды на наметившиеся переговоры в узком кругу нескольких государств, но соглашение не состоялось и в таком узком кругу. По крайней мере, перед нами нет такого проекта решений, на котором сошлись бы все участники этих переговоров. А если бы такое соглашение существовало, то вряд ли к нему примкнули бы все остальные государства или огромное большинство государств, в переговорах

* — возрастая (ит.).

не участвовавших. Мы знаем заявления некоторых государств, и отнюдь не из малых, и отнюдь не страдающих излишком миролюбия, что они не пойдут ни на какую меру сокращения вооружений, проявляя при этом действительную агрессивность. Одних этих заявлений достаточно, чтобы зарегистрировать полную неудачу конференции, поскольку дело касается разоружения.

Здесь, может быть, найдутся делегации, которые предложат нам удовольствоваться крупными мерами, которые хотя мало общего имеют с разоружением, но все же на конференции затрагивались, например лишь бы раз подтвердить то, что уже принято в качестве международных обязательств, как запрещенные химической войны, либо же вновь подтвердить неувеличение вооружений сверх нынешнего уровня. Но кто может верить, что подобное обязательство действительно будет всеми выполняться в нынешних условиях и что обязательство может быть эффективно контролируемо. А если это так, то не будет ли политически честнее и мужественнее открыто признать, что международная жизнь, в особенности политические события в некоторых странах за последние годы, не позволили конференции выполнить ее прямую задачу и выработать конвенцию разоружения.

Я не хотел бы быть плохо понятым. Советская делегация не изменила ни одной ноты в своем отношении к делу разоружения, которому она по-прежнему продолжает придавать величайшее значение. Мы отнюдь не предполагаем отказаться от дальнейшего обсуждения проблемы разоружения. Мы еще менее сами делаем возражения против той или иной схемы разоружения, которую приняли бы остальные государства, и в частности наши ближайшие соседи. Пусть нам представят такую схему, способную получить поддержку всех делегаций. Но ведь ее нет. Нам не указывали на нее ни уважаемый президент, ни предыдущий оратор. У меня нет оснований ожидать, что следующие ораторы внесут новые схемы, новые предложения и что эти предложения достигнет лучшая участь, чем ранее обсуждавшиеся нами предложения. Мы поэтому вынуждены констатировать выявившуюся беспредметность такой дискуссии о разоружении при отсутствии каких бы то ни было предложений, имеющих шансы на универсальное принятие. Не можем же мы заниматься дискуссией ради дискуссии или творить молитвы за разоружение. Мы не хотим закрывать глаза, как бы неприятно это ни было, и мы делаем из создавшегося положения вещей неизбежные выводы.

Из сказанного мной логически как будто вытекала бы необходимость закрытия самой конференции. Это было бы правильно, если подходить к вопросу с чисто формальной, педагогической точки зрения, имея в виду только название конферен-

цин. Но советская делегация, как я уже упомянул, продолжает исходить из более широкой концепции конференции, как имеющей своей задачей путем разоружения осуществить одну из гарантий мира. Стало быть, дело не в самом разоружении, которое является только средством, а в гарантировании мира. А если это так, то сам собой напрашивается вопрос, не может ли конференция нащупать другие гарантии мира или, по крайней мере, увеличить меры безопасности тех государств, которые, не имея агрессивных замыслов, не заинтересованы в войне и которые в случае войны могут поэтому стать лишь объектами нападения. Меня могут спросить, какие гарантии, что в других вопросах конференция будет более единодушна, чем в вопросах разоружения, и что новая деятельность конференции будет поэтому более плодотворной и успешной. На это я отвечаю: для осуществления какой бы то ни было меры сокращения вооружений необходимо безусловное согласие почти всех государств и все дело может сорваться из-за несогласия хотя бы одного более или менее значительного и в особенности крупного государства. Для осуществления же других мер безопасности единогласия не требуется. Конечно, конференция должна сделать все от нее зависящее, чтобы к этим мерам примкнули все государства. Я надеюсь, что так и будет, что собственные интересы даже не сочувствующих этим мерам государств не позволят им исключить себя из общей системы этих мер. Но если бы даже оказались среди государств диссиденты, то это отнюдь не должно помешать остальным еще более сплотиться, чтобы провести мероприятия, которые увеличат их собственную безопасность.

Вопросы о безопасности отнюдь не чужды конференции. Она создала даже для этих вопросов специальную политическую комиссию. Более того, она занималась уже этими вопросами, правда, не доведя их до конца. Я напоминаю в первую очередь о советском предложении об определении агрессии, принятом уже одной из комиссий конференции, воплощенном уже в ряде международных договоров*. Дальнейшее увеличение сторонников советского определения агрессии значительно облегчило бы проведение других внесенных на конференцию предложений, касающихся безопасности. Могут быть внесены, наконец, и новые предложения того же порядка, как, например, о тех или иных санкциях против нарушителей мира или нарушителей пакта Келлога. Можно установить градацию этих санкций, не доводя ее до военных мероприятий, не для всех государств приемлемых. В дополнение к такому более или менее универсальному пакту могут быть еще отдельные региональные пакты взаимной помощи, предложенные здесь в свое

---

* См. т. XVI, док. № 32.

время французской делегацией *. Речь не идет о военных союзах, о делении государств на враждебные друг другу лагеря, еще меньше о чьем-либо окружении. Мы не должны создавать таких универсальных пактов, в которых не могли бы участвовать все желательные, ни региональных пактов, к которым не были бы привлечены все заинтересованные в безопасности в данном районе.

В мерах безопасности этого рода принцип равноправия для всех без исключения государств не может вызывать никаких сомнений или колебаний. Если мы пойдем по этому пути, то время и энергия, потраченные на конференцию, не пропадут даром, и мы не вернемся с пустыми руками к народам, пославшим нас сюда. И кто знает, быть может, укрепление безопасности и то воздействие, которое оно окажет на агрессивное настроенное правительство, создадут такие условия, при которых можно будет с большими шансами на успех вновь вернуться к проблеме разоружения.

Как видите, я отнюдь не противопоставляю безопасность разоружению и отнюдь не предлагаю исключить разоружение из программы работ конференции. То, что относится к системе гарантий мира, а в особенности разоружения, должно быть предметом забот конференции. Но каждый вопрос должен ставиться тогда, когда он имеет шансы на разрешение.

Сегодня это может быть безопасность, а завтра — разоружение.

Я прошу извинения за частое употребление слова «безопасность», которое многим из нас представляется антагонистом разоружения, но я другого подходящего термина не нахожу для выражения того, что понимается под словом «безопасность».

Конференция должна стать постоянным органом охраны безопасности

Но я отнюдь не хотел бы ограничить конференцию ни в ее задачах, ни во времени. Я предлагаю гораздо больше, а именно превращение конференции в постоянный орган, всячески пекущийся об охране безопасности всех государств, об охране всеобщего мира. Иными словами, я предлагаю превратить эту конференцию в перманентную, периодически собирающуюся конференцию мира. До сих пор мирные конференции созывались преимущественно после войн и имели целью дележ добычи войны, навязывание побежденным тяжелых и унижительных условий, перераспределение территорий, перекраивание государств, сеяли таким образом зародыши новых войн. Конференция же, которую я имею в виду, должна быть создана для

* См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 25.

предупреждения войны и ее тяжелых последствий. Она должна выработать, расширять и совершенствовать методы укрепления безопасности, своевременно откликаться на предостережения о грядущих военных опасностях, на призывы о помощи, на «SOS» угрожаемых государств и оказывать последним своевременную посильную помощь, будь то моральная, экономическая, финансовая или иная.

Я предвижу указания и ссылки на Лигу наций, которая обязана статьями 12, 15, 16 и другими своего Статута служить тем целям, к которым я хочу направить работу конференции. Но, во-первых, Лига наций имеет множество задач, она занимается многими делами, крупными и малыми, она была создана в момент, когда опасность войны многим казалась исключенной на многие годы. Теперь же, когда опасность войны перед нашими глазами, можно было бы подумать о создании специального органа, устремленного в своей деятельности в одну цель, в сторону предупреждения или уменьшения опасности войны. Во-вторых, Лига наций слишком связана своим Уставом. Обращение к ней и вынесение решений слишком строго регламентированы, между тем как трибуну конференции можно было бы сделать более доступной, более свободной, более отзывчивой на нужды момента. Пусть конференция продолжает считаться органом Лиги и ею обслуживаться, пусть она будет самым тесным образом связана с ней, пусть она отнюдь не заменяет Лиги наций, которая полностью сохранит свои prerogatives. Я вполне отдаю себе отчет в трудностях создания новой международной организации, совершенно оторванной от Лиги и конкурирующей с ней, я этого отнюдь не предлагаю. Но ведь самый созыв международной конференции по разоружению доказывает недостаточность рамок Лиги для таких крупных задач, как разоружение, а в моем предложении дело идет о еще более крупных задачах — о перманентной охране мира.

СССР — последовательный борец за мир

Господа, я другой альтернативы не вижу. Конференция по разоружению была созвана в момент, когда многим война казалась еще лишь теоретической или исторической возможностью. Может ли и должна ли конференция совершенно закрыться, исчезнуть бесследно, можем ли мы спокойно разойтись по домам с сознанием неисполненного долга теперь, когда опасность кровопролитнейшей войны, или скорее ряда таких войн, грозит всем континентам, всему человечеству? Мало есть теперь государств, которые могут считать себя вне этой опасности. Эта опасность может коснуться одних раньше, других позже, но от нее не уйти. Я знаю, что есть политики, вся мудрость которых состоит в том, чтобы прокладывать этой опас-

ности пути в сторону от себя в надежде, что, избрав одно направление, эта опасность его никогда не изменит. Тщетные надежды! История не знает таких случаев, когда империалистические государства, склонные к завоеваниям и расширению своего господства, облюбовали бы лишь одну страну света — юг, запад, восток или север. Укрепившись в одном направлении, они с окрепшими и увеличенными силами бросались на новые завоевания в других, а чаще всего во всех направлениях. Перед лицом такой опасности ни одно государство в интересах самосохранения не может умыть руки и отказаться от сотрудничества в общем международном деле предотвращения этой опасности. Принятием эффективных мер безопасности мы окажем услугу не только своим собственным народам, но и тем народам, которые против собственной воли могут быть брошены ради чуждых им целей и вопреки своим истинным интересам в огонь авантюристических кровавых экспериментов.

Советское правительство не без гордости оглядывается на те меры безопасности, которые по его инициативе проведены за последние годы в особенно интересующей его части Восточной Европы. Путем пактов об определении агрессии, пактов о ненападении и продлением их на максимальные сроки Советскому правительству удалось укрепить взаимное доверие с огромным большинством своих соседей и укрепить у них чувство безопасности. Оно придумало новый вид пактов и деклараций, которые, я надеюсь, найдут в дальнейшем широкое практическое распространение, — пактов и деклараций сильных государств, гарантирующих независимость расположенных между ними или поблизости от них более слабых государств. Не всегда Советское правительство успевало в этих своих начинаниях и не всегда находило отклик у тех государств, к которым оно обращалось. Но и в таких случаях советские предложения сослужили свою службу миру, так как помогли выявить те пункты, где можно ожидать нарушения мира. Но Советское правительство готово внести свою лепту в более широкие мероприятия по охране всеобщего мира, и это сотрудничество в том или ином международном деле, в той или иной международной организации несет с собой огромную моральную силу мощного и крепнущего 170-миллионного государства, окончательно порвавшего с общим прошлым военных завоеваний, захватов и аннексий и в течение 16 лет своего нового существования давшего обильные доказательства своего искреннего миролюбия.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 125 (5373), 30 мая 1934 г.
Онгб. в сб. «League of Nations. Records
of the Conference for the Reduction and
Limitation of the Armaments. Series C,
Minutes of the General Commission. Vol. III.
Geneva. 1936, p. 657—661.*

180. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы

30 мая 1934 г.

Сегодня я напомнил Беку его многократные предложения о контакте в Женеве *, отметив, что теперь имеется контакт непосредственный между ним и мной, и поэтому прошу его сказать, считает ли он возможным солидарное выступление на основе моего вчерашнего выступления **. Бек сперва пытался уклониться от ответа, обещав подробно поговорить со мной в другой раз, но, когда я указал, что это будет поздно, после его намеченного на завтра выступления в комиссии, он высказал сомнение в целесообразности создания конференции мира параллельно с Лигой наций ввиду возможности трений между ними. Когда я указал ему, что я не намерен отрывать конференцию от Лиги наций и признаю даже руководство последней, он как будто соглашался со мной ¹⁶⁴, но, вероятно, выступит скорее в духе саймоновского предложения ***.

Эту телеграмму передайте в Варшаву.

Литвинов

Печат. по арх.

181. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы

30 мая 1934 г.

После завтрака у Авеноля Титулеску в присутствии Ефтича, Бенеша и Рюштю развивал план советско-польско-румынского пакта о ненападении, предусматривающий, что в случае нападения одного из этих государств на другое третье оказывало бы помощь подвергшемуся нападению. Когда Титулеску в Ментоне говорил мне **** о желании установить дружбу с СССР и ориентироваться на него во внешней политике, я спросил его, считает ли он совместимым с такой политикой румыно-польский союз, направленный против СССР *****. Вчерашнее заявление Титулеску, очевидно, является продуманным ответом на мой вопрос, так как он сказал, что если Польша не пойдет на эту комбинацию, то Румыния тогда сможет отклонить возобновление румыно-польского союзного договора, истекающего, кажется, в 1935 г.

* См. т. XVI, док. № 398 и док. № 5 настоящего тома.

** См. док. № 179.

*** См. док. № 182.

**** Эта беседа состоялась 24 мая 1934 г.

***** См. т. III, прим. 76.

Рюштю говорил о готовности Румынии обязаться не пропускать через свою территорию военные силы против нас. Я сомневаюсь, однако, чтобы Титулеску мог теперь, хотя правительственный кризис как будто бы миновал, дать нам какое бы то ни было формальное обязательство, а цена неформального невелика.

Титулеску видит в попытке переворота в Бухаресте * руку Варшавы, желающей якобы помешать сближению Румынии с нами. Считаю это неправдоподобным и полагаю, что Титулеску этим предложением хочет набить себе цену.

С Барту пока виделись лишь за завтраками и деловых разговоров не имели **.

Литвинов

Печат. по арх.

182. Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на восемьдесят четвертом заседании Генеральной комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений

1 июня 1934 г.

Я рад отметить, что делегаты, выступавшие после меня ***, если не высказывались с желательной ясностью по поводу идей, которые я развивал, то, во всяком случае, не внесли никаких предложений, которые противоречили бы моим предложениям или которые могли бы занять их место.

Ораторы скорее предавались разъяснению значения разоружения или излишнюю скорби по поводу невозможности осуществления его. В этом отношении они ничего не сказали, с чем советская делегация не могла бы согласиться. Вряд ли какая-либо другая делегация с большей энергией выступала на протяжении работ Подготовительной комиссии и самой конференции в пользу разоружения, разъясняя огромное, исключительное значение его в ряду гарантий мира.

Мы также разделяем чувство скорби, вызываемое неудачей наших усилий по проведению какой-либо меры разоружения. Но когда это сказано, что же нам остается дальше делать? Что же пользы в том, если мы будем сидеть и плакать у женевских вод и вновь и вновь перечислять благочестивые намерения той или иной делегации, выразившиеся в том или ином меморандуме или проекте конвенции, не нашедших, однако, всеобщего одобрения? Мы все же остаемся перед вопросом, каковы те конкретные предложения, обсуждение

* См. газ. «Известия», 16 января 1934 г.

** См. док. № 189, 192.

*** См. док. № 179.

которых могло бы с пользой и с какими-либо шансами на успех занять Генеральную комиссию. Я не успел еще подробно рассмотреть документ, только что прочитанный нам от имени шести делегаций министром иностранных дел Швеции г. Сандлером *. С первого взгляда я могу лишь сказать, что не вижу в нем ни одного вопроса, который не подвергался бы уже, и не раз, обсуждению в комиссиях конференции или в Генеральной комиссии, но без всяких результатов, и я не имею оснований ожидать результатов от нового их обсуждения.

Сэр Джон Саймон, как и г. Сандлер, подсказывают конвенцию о запрещении химической войны. Позволю себе напомнить вам, что такая конвенция уже существует и вошла в силу между многими государствами, хотя свыше десяти стран не ратифицировали ее, и что речь идет лишь о расширении и уточнении ее **; это, я полагаю, сэр Джон Саймон и имеет в виду. Но и в таком расширенном и уточненном виде новый проект конвенции одобрен уже Генеральной комиссией. Остается, таким образом, лишь изготовить документ и предложить уполномоченным представленных здесь правительств подписать его. Я против этого не имею никаких возражений и готов даже поддержать предложение министра иностранных дел Великобритании. Но наше чувство удовлетворения, несомненно, было бы увеличено, если бы кто-либо мог нам здесь сказать, присоединятся ли к этому обязательству все государства, которые воздержались от ратификации значительно более ограниченной конвенции о химической войне, и будет ли это обязательство принято без всяких условий и отсутствующей крупной страной.

Нам, далее, предлагают бюджетную публичность ***. Но здесь опять возникает вопрос, будет ли обязательство публичности принято отсутствующим государством. Как мы уже указывали в декларации от 29 мая ****, весь комплекс вопросов о разоружении, в том числе о химической войне и о бюджетной публичности, имеет то неудобство, что они требуют безусловного принятия всеми более или менее значительными государствами, и, занимаясь ими при нынешних обстоятельствах, мы можем в лучшем случае оставить после себя только ряд неоконченных симфоний, лишенных, однако, привлекательности шубертовской музыки.

Так я готов полностью высказаться за принятие обоих британских предложений. Но сможем ли мы после этого с созна-

---

* См. «Сборник документов по международной политике...», вып. X, М., 1936, стр. 178—180.

** См. т. VIII, прим. 74.

*** См. т. XI II, док. № 398, прим. 171.

**** См. док. № 179.

нием исполненного долга разойтись по домам? А если нет, то перед нами все же остаются грозные вопросы: что же дальше? Что же делать? И на эти вопросы мы ответа не находим в заявлениях выступавших здесь делегатов. Ответы на эти вопросы нельзя усмотреть из предложенной перманентной комиссии по разоружению, ибо как раз в области разоружения комиссия ничем не может заняться. Я принципиально ничего не имею против перманентности и какой бы то ни было комиссии при условии, что это будет перманентность акций, а не перманентность бездействия. Я потому предложил и предлагаю объявить всю конференцию, а не только одну из ее комиссий перманентной, что ее можно занять другими вопросами, служащими той же цели, что и разоружение, а именно безопасности и гарантии мира. Комиссия, ограниченная в своих функциях только разоружением, исключает все эти вопросы, между тем как конференция, которая мною предлагается, может заняться и вопросами безопасности и разоружения, и контролем за выполнением обязательств по подготовке химической войны, а равно всеми превентивными мероприятиями по сохранению мира.

Сэр Джон Саймон заявил, что обсуждавшиеся в Женеве и специально в Лиге наций меры безопасности, вроде протокола 1924 г.*, имели своей предпосылкой известное сокращение вооружений. Но ведь те, которые решают, могут свои решения отменять и видоизменять. Позвоительно также спросить, всегда ли эти решения строго соблюдались. Локарнские соглашения, например, в качестве меры безопасности были приняты в 1925 г.**, и им не предшествовало никакое сокращение вооружения. То же можно сказать о пакте Бриана — Келлога***, являющемся мерой безопасности. Я уже не говорю о более ограниченных и локальных пактах, тоже заключавшихся безо всякого сокращения вооружений. Спрашивается, почему же не могут в 1934 г. состояться соглашения, аналогичные Локарнским? Я сам всегда в течение семи лет энергично выступал в Женеве за разоружение, предшествующее безопасности или сопровождающее ее. Советская делегация сделала все от нее зависящее, чтобы привести к благополучному концу работы по разоружению. Но если мы теперь пришли к убеждению, что политические обстоятельства значительно изменились в Европе и что по причинам, от нас не зависящим, конвенция по разоружению не может быть подписана, и когда мы видим, что опасность войны с каждым годом, с каждым месяцем не уменьшается, а растет, должны ли мы

* См. «Сборник документов по международной политике...», вып. X, М., 1936, стр. 215.

** См. т. VIII, прим. 68, 105.

*** См. т. XI, док. № 298.

фатально сложить руки в ожидании грядущих событий и отказаться от других возможных внеаружительных мер, способных предотвратить или уменьшить эту опасность?

Несомненно, отсутствие конвенции по разоружению приведет к росту и гонке вооружений. Но я спрашиваю, будет ли этот рост значительно больше или меньше, быстрее или медленнее, если государства в добавление к собственным вооруженным силам могут рассчитывать на солидарность и помощь большего или меньшего количества других государств, и не приведет ли сама система безопасности к автоматическому сокращению вооружений, по крайней мере для участников этой системы.

Я думаю, что на эти вопросы может быть только один ответ.

Вот почему я предлагаю, независимо от предложений сэра Джона Саймона, созвать немедленно политическую комиссию и возобновить обсуждение вопроса о безопасности с того места, на котором работы комиссии были прерваны. Мне не нужно вносить никаких конкретных предложений, ибо очень многое можно сделать в пределах тех предложений, которые в политическую комиссию уже внесены и которые даже начаты обсуждением и прошли уже подготовительную комиссионную работу. Что касается предложения о переименовании конференции в конференцию мира и ее перманентности, то, очевидно, решение может быть принято только пленумом конференции, и Генеральная комиссия должна лишь сделать соответствующую рекомендацию пленуму; и я вношу соответствующее предложение*.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 127 (5375), 2 июня 1934 г.
Ориг. в сб. «League of Nations. Records
of the Conference for the Reduction and
Limitation of the Armaments. Series B.
Minutes of the General Commission. Vol. III.,
Geneva, 1936, p. 677—678.*

183. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу

1 июня 1934 г.

С Вашим предложением, изложенным в телеграмме от 21 мая 1934 г., согласны¹⁶⁵. Мы не возражаем против ведения переговоров в Москве при условии, что японцы действительно немедленно начнут здесь переговоры. Напомните Хирога, что Советское правительство, идя навстречу японскому прави-

* См. док. № 184.

тельству, согласилось в свое время не связывать вопроса о курсе с торгами* при том условии, что переговоры о курсе начнутся немедленно после окончания дополнительных торгов. Между тем из-за непонятной позиции японской стороны по вопросу о месте переговоров открытие переговоров продолжает затягиваться. Советское правительство готово принять предложение Хирота о ведении переговоров в Москве** при условии, что они начнутся немедленно между Сако и Юшкевичем***. Мы рассчитываем, что Хирота нетрудно будет согласиться с немедленным началом переговоров, поскольку он заявлял, что Сако является их лучшим специалистом по этому вопросу. Если, однако, это выполнение просьбы Хирота послужит фактически исходным пунктом для новой затяжки переговоров, например, под предлогом посылки в Москву материалов или экспертов, то мы настаиваем на ведении переговоров в Токио, где они могут начаться немедленно. Дайте понять, что в Москве нарастает недовольство в связи с тем, что после нашей уступки по вопросу о торгах японская сторона нежелательным образом затягивает переговоры о курсе¹⁶⁵.

Для Вашего сведения сообщаем, что Юшкевичу в переговорах будет помогать Розенблюм.

Стомяков

Печат. по арх.

184. Проект резолюции о превращении Конференции по сокращению и ограничению вооружений в Постоянную конференцию мира, внесенный советской делегацией на заседании Генеральной комиссии

3 июня 1934 г.

Основываясь на докладе председателя конференции и на разосланных им документах, свидетельствующих о том, что «параллельные и дополнительные переговоры», имевшие место между отдельными правительствами со времени последней сессии Генеральной комиссии в октябре 1933 г.****, не устранили препятствий, которые раньше препятствовали Генеральной комиссии выработать проект конвенции, приемлемой для всех государств, и не создали условий, которые позволяли бы рассчитывать на успешность обсуждения и выработку конвенции в настоящее время,

* См. док. № 72, 81, 163.

** См. док. № 175.

*** Заместитель заведующего II Восточным отделом НКВД СССР.

**** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. X, М., 1936, стр. 3—85.

учитывая, что «общая политическая атмосфера, которая не была особенно благоприятна перед открытием конференции, вряд ли улучшилась в течение существования конференции» (см. речь председателя конференции от 29 мая *),

продолжая признавать огромное значение сокращения вооружений и необходимость его в качестве меры в общей системе обеспечения безопасности государств и уменьшения опасности войны,

но считая, что дальнейшее продолжение дискуссии о сокращении вооружений в данный момент не может рассчитывать на сколько-нибудь эффективные результаты,

сохраняя твердую решимость ни в коем случае не прекращать усилий, добиться единодушного решения о сокращении вооружений, как только обстоятельства это позволят,

отмечая, что современная международная обстановка полна грозными симптомами нарастания военной опасности и что народы, встревоженные этой опасностью, ожидают от конференции скорейшего принятия эффективных мероприятий по сохранению мира,

исходя из того, что конференция по разоружению включила в круг своих задач не только выработку конвенции по разоружению, но принятие других мер безопасности всех государств, и что в своем решении от 25 февраля 1932 г. ** она предусматривала изучение всех вопросов, служащих «организации мира», что безрезультатность имевших место до сих пор работ в области разоружения и политические обстоятельства, определившие эту безрезультатность, повелительно диктуют скорейшее принятие всех возможных мер безопасности,

Генеральная комиссия постановляет:

Во-первых, немедленно возобновить прерванные работы по обсуждению имеющихся предложений касательно пактов о взаимопомощи и определения агрессии. Во-вторых, рекомендовать пленуму, ввиду особого значения, которое приобретает в настоящий момент всесторонняя и непрерывная организация и обеспечение мира, объявить Конференцию по сокращению и ограничению вооружений перманентной, переименовав ее в конференцию мира со следующими задачами:

- а) продолжение работ по достижению соглашения и выработке конвенции о сокращении и ограничении вооружений;
- б) выработка соглашений и принятие решений и мероприятий, создающих новые гарантии безопасности;
- в) принятие всех и всяческих превентивных мер, способных предотвратить военные конфликты;

* См. «League of Nations, Records of the Conference for the Reduction and Limitation of the Armaments, Series B. Minutes of the General Commission», vol. III, Geneva, 1936, p. 652—655.

** См. газ. «Известия», 27 февраля 1932 г.

г) контроль над выполнением конвенции и решений конференции;

д) консультация в случае нарушения международных договоров по сохранению мира.

Примечание: Переименование конференции ни в какой мере не нарушает ранее существовавших отношений между конференцией и Лигой наций.

В-третьих, поручить Бюро конференции переработать регламент конференции в соответствии с ее расширенными задачами и представить его на обсуждение пленума конференции*.

Печат. по газ. «Известия»

№ 130 (5378), 5 июня 1934 г.

Опублик. в сб. «League of Nations. Records of the Conference for the Reduction and Limitation of the Armaments. Series B. Minutes of the General Commission. Vol. III., Geneva, 1936, p. 684.

185. Сообщение ТАСС о нарушении маньчжурскими пароходами государственной границы СССР

4 июня 1934 г.

В ответ на протест, заявленный заместителем Дипломатического агента в Харбине г. Симамура Генеральному консулу Союза ССР в Харбине г. Славуцкому¹⁶⁷, Народный Комиссариат по иностранным делам СССР 1 июня поручил последнему заявить г. Симамура нижеследующее:

«24 мая я имел честь сообщить Вам, что произведенное, по поручению центральных властей, расследование установило, что инцидент с пароходом «Ди-Чен» был вызван необоснованным приближением парохода к советскому берегу, систематической фотосъемкой пунктов береговой охраны и дальнейшим следованием вблизи советского берега, несмотря на неоднократные предупреждения с берега.

В ответ на Ваше заявление 28 мая я могу Вам сообщить, что дальнейшие сведения, полученные центральными властями в Москве, полностью подтвердили результаты произведенного следствия.

Что касается правовой стороны вопроса, затронутой Вами в беседе со мной 17 мая, то я должен обратить Ваше внимание на то, что на основании общих принципов международного права на пограничной реке Амуре, каждое из соседних государств имеет право применять свои законы и правила на той части реки, которая лежит между линией государственной границы и берегом соответствующего государства. Согласно ст. 25 «Положения об охране государственных границ

* См. док. № 191.

СССР», изданного 15 июня 1927 г. и опубликованного в Собрании Законов за 1927 г., № 62, ст. 625, соответствующие органы Пограничной охраны СССР на Амуре имели право остановить пароход «Ди-Чен», незаконно приблизившийся к советскому берегу и, несмотря на неоднократные предупреждения, долгое время продолжавший следовать вблизи советского берега, причем с парохода производилось непрекращающееся фотографирование советского берега и в особенности пунктов береговой охраны. Между тем на основании ст. 2 Закона РСФСР от 23 февраля 1929 г. фотографирование в пограничной полосе без специального разрешения воспрещается. На основании ст. 35 названного Закона от 15 июня 1927 г. пограничная охрана имела право ввиду незаконных действий парохода после «предварительного холостого выстрела и двух предупредительных боевых выстрелов» употребить в дело оружие. Имея в виду инструкции своего командования о необходимости избегать всего, что без крайней нужды приводит к осложнениям с соседним государством, советские пограничники не использовали, однако, права, данного им постановлениями названной статьи. Как это явствует, в частности, из опубликованного в газете «Харбин инти-нити» от 26 мая сообщения японского офицера капитана Таки, бывшего на пароходе «Ди-Чен» во время инцидента, советские пограничники неоднократно подавали сигналы шедшему близко от берега пароходу криками и выстрелами в воздух. Только после того, как пароход выявил полное нежелание считаться с сигналами береговой охраны, с ее стороны было дано несколько боевых выстрелов вверх, выше трубы парохода, в результате чего пароход и отошел наконец от советского к маньчжурскому берегу. При произведенном следствии все пограничники показали и подтвердили, что никто из них не стрелял в самый пароход.

Что касается Ваших сообщений о том, что на пароходе «Ди-Чен» был один убитый и один раненый, то я считаю нужным обратить Ваше внимание на то, что, по сообщению японского посла г. Ота замнаркому Стомомякову 22 мая с. г.¹⁶⁸, приближение парохода «Ди-Чен» к советскому берегу было вызвано обстрелом парохода бандитами с маньчжурского берега. Это сообщение находит свое подтверждение в информации, опубликованной 18 мая в издающейся в г. Сахалин (на Амуре) газете «Хэйхэ минбао», согласно которой пароход «Ди-Чен» подвергся обстрелу со стороны хунхузцев на реке Сунгарь, в 25 верстах от места впадения Сунгарь в Амур, в районе маньчжурского селения Тусыке, в результате чего было убито двое служащих. Поскольку пароход «Ди-Чен» после инцидента 12 мая с советской береговой охраной в районе реки Биджан направился вверх по течению Амура в Сахалин,

очевидно, обстрел со стороны хунхузов, о котором говорит сахалинская газета, произошел до инцидента между «Ди-Ченом» и советской береговой охраной и является тем самым обстрелом, о котором говорил г. посол Ота. Из этих фактов можно сделать вывод, что сообщаемые Вами, на основании донесения капитана парохода «Ди-Чен», жертвы на этом пароходе в лице одного убитого и одного раненого были результатом обстрела не со стороны советской пограничной охраны, а являются жертвами в результате того самого обстрела хунхузов, о котором сообщает упомянутая сахалинская газета. Тем не менее советская сторона не отказывается назначить дополнительное расследование всего этого инцидента, если маньчжурская сторона сообщит о нем новые данные.

Советское Правительство весьма сожалеет, что за последнее время имели место инциденты между советской береговой охраной и тремя маньчжурскими пароходами в результате незаконного поведения этих пароходов, выразившегося в нарушении советской границы и систематической фотосъемке пунктов береговой охраны¹⁶⁹, а также в результате совершенного нежелания этих пароходов считаться с сигналами и предупреждениями, даваемыми в этих случаях со стороны советской береговой охраны. Исходя из того, что подобные инциденты вредят отношениям между соседними странами, Советское Правительство считает необходимым принятие возможных с каждой стороны мер для предотвращения дальнейшего повторения подобных случаев. Хотя все три упомянутых инцидента с маньчжурскими пароходами произошли в результате нарушения ими советской границы и их незаконных действий вблизи советских берегов, Советское Правительство вновь дало своим пограничным органам строгие указания к внимательному и точному соблюдению законов и предложило ограничить применение оружия лишь случаями крайней необходимости. Советское Правительство обращает, однако, внимание, что для устранения дальнейшего повторения инцидента с маньчжурскими пароходами у советских берегов прежде всего необходимо, чтобы маньчжурские власти приняли энергичные меры, чтобы побудить пароходы, плавающие под флагом Маньчжоу-Го, не нарушать границы СССР и в советских водах соблюдать советские законы и правила. Советское Правительство надеется далее, что предстоящие переговоры между Амурским речным пароходством и Маньчжурским пароходством по техническим вопросам плавания по Амуру будут также содействовать обеспечению нормальных условий плавания по Амуру с соблюдением законов и правил обеих сторон в принадлежащих им водах Амура»¹⁷⁰.

186. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы

4 июня 1934 г.

Сегодня с Розенбергом имел деловую беседу с Барту и Баржетоном для дальнейшего выяснения деталей пактов*. Я настаивал на скорейшем получении принципиального ответа от французского кабинета, так как мы не можем вечно вести переговоры только от имени Барту и моего. Барту обещал сегодня же командировать в Париж Баржетона для доклада Думергу, с тем чтобы Баржетон завтра же вернулся сюда с ответом**.

Касательно французской помощи Прибалтике Барту признал убедительность моих доводов, но окончательного ответа не дал. Удалось вытянуть от него то, что я и раньше предполагал, что он не хочет связывать себя обещанием эвентуальной помощи Литве против Польши. Не дал он также окончательного ответа на мое предложение об обосновании многостороннего пакта на нашем определении агрессии***. Барту согласился со мной в том, что заключение пактов не следует откладывать до нашего вступления в Лигу наций и что достаточно будет включить в пакты статью, по которой он вступает в силу лишь после нашего вступления в Лигу. Сегодня он будет говорить с Беком, после чего мы с ним выясним дальнейшую процедуру****. Барту предпочитает переговоры о пакте, в котором Франция не участвует, также вести со всеми от своего имени, в чем я также признаю некоторое преимущество, но это не мешает и нам дополнять эти переговоры.

Я просил Барту для выяснения дальнейших перспектив сказать мне хотя бы его личное мнение о возможности какого-либо соглашения между нами в случае отказа Германии и Польши, на что он ответил положительно. Я боюсь, однако, что Польша, не давая отрицательного ответа, будет всячески саботировать переговоры, выставляя неприемлемые условия и иными путями. На конференции Бек определенно выступал против нашего предложения*****, хотя не упомянул ни о дооружении, ни о безопасности. За кулисами он продолжает вести бешеную агитацию против нашего вступления в Лигу и против предлагаемых нами пактов*****.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. док. № 168.

** См. док. № 189.

*** См. т. XVI, док. № 213.

**** См. док. № 192.

***** См. док. № 179, 182.

***** См. док. № 187.

187. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы

5 июня 1934 г.

Вчера обедал с Бекон. Я спросил его мнение о французском предложении*. Он высказал следующие соображения.

Он должен остерегаться всего, что исходит из Женевы и связано с Женевой, а кроме того, очень трудно определять географически понятие регионального пакта. Он понимает такие районы, какие определены в Лондонских конвенциях об определении агрессии**. В случае несогласия Германии пакт примет антигерманский характер. Польше трудно взять обязательство защищать Литву, когда та отказывается даже от признания границ. На вопрос, дал ли он Барту отрицательный ответ, он сказал, что правительство это обсудит.

Но мое впечатление таково, что без Германии Польша, наверно, отклонит пакт, а при согласии Германии тоже маловероятно, чтобы она его приняла. Возможно, что Польша саги-тирует Германию, чтобы она отказалась, если та вообще в такой агитации нуждается. Можно также ожидать польского контрпредложения об ограничении пакта Эстонией, Латвией, СССР и Польшей, что фактически означало бы союз против нас.

Бек всячески ругал Лигу наций и Женеву и тут же заверил меня, что слухи о польской агитации против нашего вступления в Лигу неправильны.

В разговоре с Зауннусом Барту высказал вчера уверенность в отклонении Польшей предложения***. С другой стороны, идут слухи о поездке Барту в Лондон****.

Литвинов

Печат. по арх.

188. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Финляндии Н. Г. Позднякову

5 июня 1934 г.

Уважаемый товарищ,

1. Постановка в порядок дня вопросов о вступлении СССР в Лигу наций и об активном франко-советском сближении с целью обеспечения мира выявляет отношение европейских го-

* См. док. № 151.

** См. т. XVI, док. № 213, 218 и 220.

*** См. док. № 346.

**** См. док. № 247.

сударств, и в особенности наших соседей, к СССР и степень их заинтересованности в действительном обеспечении мира. Чрезвычайно показательно, что финляндская пресса относится отрицательно как к вступлению СССР в Лигу наций, так и к сближению СССР с Францией. Таково же отношение и Польши. Эти обе страны боятся усиления мощи и международного значения СССР, ибо их руководящие круги строят свои расчеты на возможности поживиться за счет СССР в случае нападения на него со стороны Японии или в случае интервенции против СССР вообще.

2. Характерно далее, что именно в связи с постановкой указанных вопросов и для оправдания своей отрицательной позиции финляндская пресса одновременно без всякого повода вновь актуализирует карельский вопрос и инсценирует новую антисоветскую кампанию*.

Сегодня во время прихода ко мне Ирве-Коскинена, который пришел в связи с переговорами в Ленинграде о проведении границы**, я обратил его внимание на то, что упомянутые выступления финляндской прессы по поводу возможности вступления СССР в Лигу наций и сближения СССР с Францией укрепляют здесь представление о глубокой враждебности финляндского правительства к СССР. Я указал, что это впечатление является тем более обоснованным, что Финляндия выступала всегда в роли особенно горячей сторонницы Лиги наций и поэтому, казалось бы, вместе со всеми другими друзьями этой организации должна была бы приветствовать ее укрепление путем вхождения в нее новых государств, и в особенности такого большого и мощного государства, как СССР. При этом, конечно, я подчеркнул, что дело не в нашем возможном вхождении в Лигу наций, ибо мы никогда не брали на себя инициативы и никогда даже не проявляли интереса к этому делу, и речь идет лишь о приглашении нас со стороны других государств, а в том, что обсуждение этой проблемы финляндской печатью выявляет враждебность Финляндии к СССР. Я указал также на то, что антисоветская кампания никакими поводами не вызвана и явно находится в связи с обсуждением вопроса о нашем возможном вступлении в Лигу наций и сближением с Францией.

Ирве-Коскинен ссылаясь на то, что он еще не ознакомился с прессой последнего времени, соглашался со мной относительно вредности таких выступлений финляндской прессы, но в общем держал себя пассивно, как всегда.

3. Характерно также, что, по-видимому, на почве этих событий усиливается своеобразный контакт между финляндской

---

* См. док. № 329.

** См. док. № 55.

буржуазной общественностью и Польшей Пилсудского. Особенно это заметно в отношении руководящей газеты «Хельсингин саномат», которая, в частности, в статье из Варшавы приветствует идею малого прибалтийского блока фактически как орудие польской политики.

4. Вся финляндская буржуазная пресса, не исключая и так называемой прогрессивной, отнеслась положительно к латвийскому перевороту*. Такая позиция продиктована у одних финляндскими внутривнутриполитическими соображениями, поскольку переворот в Латвии дает новое основание для окончательной фашизации Финляндии; у других — тем, что переворот в Латвии был встречен весьма положительно в Германии и Польше и отрицательно в СССР, и, наконец, у третьих — тем и другим соображением.

Надо считаться в самом деле с тем, что после латвийского переворота в Финляндии может наступить ликвидация парламентаризма и открытое установление фашистской диктатуры. Полпредству необходимо тщательно следить за внутривнутриполитическим развитием и своевременно нас информировать.

Излишне останавливаться на том, что фашизация всех окраинных государств рассматривается нами как весьма отрицательное явление, облегчающее нападение на СССР, когда наступит подходящая для интервенции конъюнктура.

5. В соответствии с телеграммой Вам т. Штейна от 2-го сего месяца¹⁷¹ я считаю целесообразным предложить отделу печати министерства иностранных дел дать в прессу разъяснительную заметку по вопросу о поездке финляндских парламентариев в СССР**. В дальнейшем необходимо соблюдать сдержанность по этому вопросу и выжидать инициативы самих парламентариев и, в случае выражения ими пожелания ехать в СССР, известить нас по телеграфу. Вопрос о посылке приглашения парламентской делегации должен быть здесь еще специально обсужден, и, конечно, при решении этого вопроса большое значение будет иметь степень авторитетности желающих ехать в СССР депутатов. Необходимо иметь в виду указания, данные моей телеграммой от 21 мая¹⁷².

6. Быстрота, с которой была организована экспедиция проф. Кетунена с целью изучения угро-финских племен и посещения вепского народа в бывшей Новгородской губернии¹⁷³, производит впечатление по сравнению с тем, как трудно проходила организация поездки сельскохозяйственных деятелей***, а также экспедиция инженеров-электриков¹⁷⁴, отложенная на осень, и, наконец, по сравнению с отправшей поездкой проф. Тальгрена со студентами в Ленинград. Хотя

* См. газ. «Известия», 18 мая 1934 г.

** См. док. № 155.

*** См. газ. «Известия», 26 мая 1934 г.

у филологов обычно мало средств и энергии для экспедиции, у Кетуена нашлось быстро и то и другое. Несомненно, финские шовинисты захотят использовать эти «научные» возможности и за экспедицией Кетуена потянутся и другие. В случае дальнейшего обращения к полпредству с подобными предложениями, прошу проявлять сдержанность и не давать никакого ответа, не получив предварительно указаний из центра.

7. Поездка аграриев-экономистов прошла, по-видимому, с полным или почти с полным успехом. Прошу Вас сообщить, какое отражение эта поездка найдет в финляндской печати. Просьба к корреспонденту ТАСС передать сюда по телеграфу наиболее интересные сообщения прессы об этой поездке.

8. Прошу Вас со следующей почтой прислать специальный доклад о японской активности в Финляндии, собрав и подытожив все известные факты и информации об этой активности за последний год¹⁷⁵.

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

189. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы

6 июня 1934 г.

Барту говорил мне сегодня, что французское правительство под председательством президента одобрило вчера его переговоры со мной и предложения касательно пактов*. На помощь Прибалтике Франция согласиться, однако, не может.

Перед отъездом буду иметь с Барту еще один разговор** для уточнения деталей, причем буду настаивать на ускорении переговоров с Германией до того, как Польша успеет ее обработать.

Французы все больше выражают сомнение относительно позиции Польши. Со всех сторон делается нажим на Францию, чтобы оторвать ее от нас и вернуть ее на путь франко-английского и франко-германского соглашения. По существу борьба здесь на конференции является борьбой между нами и Германией.

Морской министр Пьетри говорил мне на днях что-то относительно миссии Муклевича⁷⁰, но так как я о ней не имею никакого представления, то я ничего не понял и разговора не поддерживал.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. док. № 168, 186.

** См. док. № 192.

190. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы

*Вне очереди
7 июня 1934 г.*

Титулеску и Ефтич сделали своим королям настойчивые представления о восстановлении отношений с СССР, но первый получил положительный, а второй отрицательный ответ, вследствие чего Совет Малой Антанты решил предоставить своим членам свободу действия в данном вопросе. Бенеш и Титулеску готовы завтра же обменяться письмами о восстановлении отношений с немедленным опубликованием*, заверяя, что до сентября за ними последует и Югославия, на которую они воздействуют. Завтра вечером Бенеш уезжает, и я склонен принять предложение. Согласие сообщите завтра же по телефону возможно раньше¹⁷⁶.

Литвинов

Печат. по арх.

191. Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на восемьдесят пятом заседании Генеральной комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений

8 июня 1934 г.

Женева, 8 июня (Спецкорр. ТАСС). На заседании Генеральной комиссии г. М. М. Литвинов сказал следующее:

«Я не знаю,— заявляет г. Литвинов,— как далеко поведет нас данная резолюция**, но должен сказать, что длинные речи, наверное, не поведут нас особенно далеко. Я не стану заверять вас, что я в восторге от этой резолюции. Разве можно ожидать от меня, чтобы я был удовлетворен любой резолюцией, которая может быть здесь принята, во всяком случае, любой резолюцией, которая не предусматривает тех темпов, к которым мы привыкли у себя в нашей стране. Но если меня спросят, голосую ли я против резолюции, то я отвечу отрицательно, ибо в ней нет ничего, что встретило бы сопротивление со стороны советской делегации. В самом деле, резолюция предлагает Бюро искать разрешения стоящих на очереди проблем. Мы сами ищем, и, если Бюро нам поможет в этом, мы будем ему благодарны. Что можно сказать против этого? Упоминается возможность возвращения Германии, против чего мы также никогда не выступали. Не мы занимались здесь вопросом о том, всегда ли правы или неправы отсутст-

* См. док. № 193, 194.

** Речь идет о резолюции, внесенной французской делегацией и принятой Генеральной комиссией 8 июня 1934 г.; см. газ. «Известия», 9 июня 1934 г.

вующие,— чувствуем ли мы здесь присутствие отсутствующих или отсутствие присутствующих. Я мог бы сказать, что Советское правительство уже сделало немало для ускорения возвращения Германии не только на конференцию, но и в другие международные организации. Далее, нам предлагают вновь заняться вопросом о воздушных вооружениях и производстве и торговле оружием. Что ж, если здесь есть люди, которые верят, что возобновление до сих пор безуспешных работ конференции в этой области может теперь привести к конвенции о разоружении, я ничего не намерен делать для обескураживания этих людей и для ослабления их энтузиазма, но при том условии, что такие занятия не займут места работы, которой я придаю большое значение и которая, по моему мнению, больше отвечает международным требованиям момента. Я рад, однако, отметить, что в программе работ, намеченных французской делегацией, весьма почетное место уделено проблеме безопасности, что составляет одно из существенных предложений советской делегации. Правда, я предлагал заняться не только вопросом о региональных пактах, но также определением агрессии*. Один вопрос влечет за собой другой. Пакты должны, по-моему, содержать определение агрессии, и поэтому оба вопроса могут обсуждаться параллельно. Далее, наше второе предложение сводилось к образованию Постоянной конференции мира**. Резолюция переадресовывает это предложение правительствам, но, я надеюсь, не с тем, чтобы оно затерялось в архивах канцелярий министерств иностранных дел. Я надеюсь, что правительства, внимательно изучив предложение, дадут соответствующие инструкции делегатам для обсуждения вопроса здесь. Не исчезающая, а, наоборот, обостряющаяся опасность войны будет, к сожалению, еще долго напоминать вам о моем предложении. Я должен отметить, что к грозным призракам международной жизни прибавился за последнее время еще один: переход в руки военных руководства судьбами целых государств. Мы знаем из среды штатских государственных людей немало воинственно настроенных и, возможно, что есть немало миролюбивых людей среди военных. По крайней мере, руководители Красной Армии являются наиболее миролюбивыми людьми на свете. Но все же мы должны внимательно следить за отмеченными новыми явлениями, способными увеличить опасность нарушения мира.

Мне доставило большое удовлетворение узнать из дискуссии здесь, что здесь имеется немало государственных людей, видящих опасность, на которую мы здесь постоянно указываем, и готовых сотрудничать с нами в деле предотвращения

* См. док. № 179.

** См. док. № 184.

и уменьшения этой опасности. В одном я могу вас заверить, что правительство, мною представляемое, независимо от здешних решений, будет не только на конференции, но и вне конференции продолжать с неослабной энергией работу по укреплению всеобщего мира, мира для всех народов и наций, ту работу, в области которой оно так много уже сделало до сих пор».

*Печат. по газ. «Известия»
№ 133 (5381), 9 июня 1934 г.
Ориг. в сб. «League of Nations. Records
of the Conference for the Reduction and
Limitation of the Armaments. Series B.
Minutes of the General Commission. Vol. III.,
Geneva, 1936, p. 685—686.*

192. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы

8 июня 1934 г.

Сегодня я вновь указывал Барту на важность французской помощи Прибалтике*, сославшись для иллюстрации на вчерашнее заявление Хакселя, о котором вам телеграфировал¹⁷⁷. Барту сказал, что, хотя совет министров решил пока вопрос отрицательно, он не считает это окончательным ответом и готов вновь обсудить мое замечание на этот счет, которое я обещал изложить ему письменно**. Он уже поручил своему послу в Берлине переговорить с Нейратом о пакте. Дальнейшие переговоры с Германией о деталях Барту представляет нам, а равно и переговоры с Прибалтикой, обещав со своей стороны соответственное давление на нее. Франция будет продолжать переговоры с Польшей. Что же касается Чехословакии, то ее согласие обеспечено.

Бенеш был у меня сегодня и говорил о желательности установления самых тесных отношений с нами и взаимной информации. Он хочет быть с нами так же интимным, как с Францией. Мы с ним согласовали окончательно тексты писем***, которые им уже подписаны и будут оставлены у его здешнего представителя, если он сегодня уедет до получения ответа из Белграда на вторичный запрос Ефтича****. Он просит дать агреман Павлу, которого хотел бы послать в Москву немедленно. Как только будет опубликован мой обмен нотами с Бенешем, я предлагаю послать в Прагу агреман для Павла и просить агреман для Александровского.

О немедленном обмене нотами с Югославией сейчас нет речи, и я добиваюсь, по крайней мере, принципиального пос-

* См. док. № 189.

** См. док. № 200.

*** См. док. № 194.

**** См. док. № 190.

тановления Малой Антанты о необходимости и своевременности восстановления отношений всеми тремя странами с предоставлением Югославии некоторой свободы касательно момента осуществления этого решения. Ефтич согласен, но не может даже на это пойти без согласия короля.

Мои совместные переговоры с Бенешем, Ефтичем и Титулеску продолжались вчера непрерывно 7 часов, причем Бенеш и Титулеску вели себя весьма лояльно.

Литвинов

Печат. по арх.

193. Обмен нотами между Правительством СССР и Правительством Румынии об установлении дипломатических отношений

1. НОТА НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РУМЫНИИ ТИТУЛЕСКУ

Женева, 9 июня 1934 г.

Господин Министр,

Я рад известить Вас, что в результате наших беседований* Правительство Союза Советских Социалистических Республик решило установить нормальные дипломатические отношения с Королевским Румынским Правительством и приступить к назначению Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра.

Я питаю твердое убеждение, что установленные таким образом отношения останутся навсегда нормальными и дружественными и что наши народы будут продолжать сотрудничать, к своему величайшему взаимному благу, в деле поддержания всеобщего мира.

Благоволите принять и пр.

М. Литвинов

2. НОТА МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РУМЫНИИ НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР М. М. ЛИТВИНОВУ

Женева, 9 июня 1934 г.

Господин Народный Комиссар,

Имею честь довести до Вашего сведения нижеследующее:

На Загребской конференции Малой Антанты 22 января 1934 года три Министра Иностранных Дел приняли между

* См. док. № 190, 192.

собою решение о своевременности возобновления государствами — членами Малой Антанты нормальных дипломатических отношений с Союзом Советских Социалистических Республик как только будут налицо необходимые дипломатические и политические условия.

В результате моих собеседований с Вами, господин Народный Комиссар, имевших место в начале июня, Постоянный Совет Малой Антанты констатировал в Женеве, что политические и дипломатические условия позволяют ныне каждому из государств — членом Малой Антанты поступить в подходящий момент в согласии с Загребской резолюцией.

Ввиду изложенного, я рад известить Вас, что в результате наших собеседований Королевское Румынское Правительство решило установить нормальные дипломатические отношения с Правительством Союза Советских Социалистических Республик и приступить к назначению Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра.

Я питаю твердое убеждение, что установленные таким образом отношения останутся навсегда нормальными и дружественными и что наши народы будут продолжать сотрудничать, к своему величайшему взаимному благу, в деле поддержания всеобщего мира.

Благоволите принять и пр.

Н. Титулеску

Печат. по «Сборники действующих договоров...», вып. VIII, М., 1935, стр. 19—20

194. Обмен нотами между Правительством СССР и Правительством Чехословацкой Республики об установлении дипломатических отношений

1. НОТА
НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ
БЕНЕШУ

Женева, 9 июня 1934 г.

Господин Министр,

Я рад известить Вас, что в результате наших собеседований* Правительство Союза Советских Социалистических Республик решило установить нормальные дипломатические отношения с Правительством Чехословацкой Республики и приступить к назначению Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра.

* См. док. № 190, 192.

Я питаю твердое убеждение, что установленные таким образом отношения останутся навсегда нормальными и дружественными и что наши народы будут продолжать сотрудничать, к своему величайшему взаимному благу, в деле поддержания всеобщего мира.

Благоволите принять и пр.

М. Литвинов

2. НОТА
МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ
НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
М. М. ЛИТВИНОВУ

Женева, 9 июня 1934 г.

Господин Народный Комиссар,

Имею честь довести до Вашего сведения нижеследующее:

На Загребской Конференции Малой Антанты 22 января 1934 года три Министра Иностранных Дел приняли между собою решение о своевременности возобновления государствами — членами Малой Антанты нормальных дипломатических отношений с Союзом Советских Социалистических Республик как только будут налицо необходимые дипломатические и политические условия.

В результате моих беседований с Вами, господин Народный Комиссар, имевших место в начале июня, Постоянный Совет Малой Антанты констатировал в Женеве, что политические и дипломатические условия позволяют ныне каждому из государств — членов Малой Антанты поступить в подходящий момент в согласии с Загребской резолюцией.

Ввиду изложенного, я рад известить Вас, что в результате наших беседований Правительство Чехословацкой Республики решило установить нормальные дипломатические отношения с Правительством Союза Советских Социалистических Республик и приступить к назначению Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра.

Я питаю твердое убеждение, что установленные таким образом отношения останутся навсегда нормальными и дружественными и что наши народы будут продолжать сотрудничать, к своему величайшему взаимному благу, в деле поддержания всеобщего мира.

Благоволите принять и пр.

Д-р Эдуард Бенеш

Печат. по «Сборнику действующих договоров...» вып. VIII, М., 1935, стр. 23—24

195. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу

11 июня 1934 г.

11 июня Ота пришел сообщить о получении инструкций и о готовности начать переговоры*. Ота сообщил, что в переговорах будут участвовать Сако, Симада и Симидзу** и, кроме того, эксперт Танакамара, который должен присутствовать и иметь возможность высказываться. Решения в результате переговоров вступают в силу лишь после утверждения японским правительством. Поэтому до вступления в силу это соглашение не должно оказывать никакого влияния на сущность рыбных вопросов и японские промышленники должны вносить различные взносы по действующему курсу, а советская сторона не должна устанавливать никаких оговорок касательно аванса и т. п. Все это Ота выставил в качестве предварительных условий и отказался начать переговоры 13-го, предлагая мне запросить Советское правительство. Лишь после моих настойчивых указаний, что эти условия противоречат прежней договоренности между ним и Сокольниковым и между Вами и Хирота***, Ота заявил, что запросит Хирота и даст ответ через 3—4 дня¹⁷⁸.

По отдельным пунктам я заявил Ота, что согласно договоренности переговоры должны носить обычный дипломатический характер и что не может быть речи о конференции и о столь большом составе участников. Я указал, что мы отвергли переговоры полпредства с рыбопромышленниками и что нельзя теперь предлагать переговоры рыбопромышленников с НКВД. Частное лицо, как Танакамара, не может принимать участие в дипломатических переговорах, он может лишь консультировать Сако вне переговоров. Я решительно отклонил условие сохранения в силе старого режима до вступления в силу возможного нового решения и указал, что это есть новое условие, противоречащее прежней договоренности.

Из этой беседы выяснилось окончательно, что японцы будут всемерно затягивать переговоры под любыми предлогами****.

Повидайте немедленно Хирота и потребуйте немедленного начала переговоров, ссылаясь на недопустимость предъявления новых условий после столь длительных предварительных переговоров, в которых японцы в Москве и Токио согласились

* См. док. № 183.

** Советник, второй секретарь и переводчик японского посольства в СССР.

*** См. док. № 175 и прим. 166.

**** См. док. № 305.

начать переговоры немедленно после торгов, и притом без всяких условий. Укажите на крайне неблагоприятное впечатление, вызванное в Москве этими методами переговоров. Ускорьте свидание с Хирога, чтобы переговорить с ним до того, как он даст ответ Ота ¹⁷⁹.

Стомоняков

Печат. по арх.

196. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Италии со Статс-секретарем Министерства Иностранных Дел Италии Сувичем

11 июня 1934 г.

Беседа состоялась в МИД. Предметом ее явилось следующее: 1) СССР и Малая Антанта. 2) Визит Гитлера. 3) Восточный пакт. 4) Германия, Англия и Япония.

СССР и Малая Антанта. Полпред ознакомил Сувича с обстоятельствами, при которых произошло установление дипломатических отношений СССР с государствами Малой Антанта*. При этом было подчеркнуто, что Советское правительство сознательно предпочло подписать соответствующие акты с каждым из участников Малой Антанта в отдельности, что, естественно, не может быть безразличным для Италии, опасющейся консолидации этого международного объединения.

Сувич выслушал сообщение полпреда весьма внимательно. Со своей стороны он выразил благодарность полпреду за эту информацию, которую обещал довести до сведения главы итальянского правительства.

Визит Гитлера. После этого полпред осведомился о целях визита Гитлера в Италию. Сувич ответил, что с момента своего прихода к власти Гитлер постоянно добивался возможности лично встретиться с Муссолини. По разным соображениям глава итальянского правительства воздерживался от такого свидания. Между прочим, Гитлер усиленно домогался его в последнее время, когда шла сессия Генеральной комиссии по разоружению в Женеве. Этот момент представлялся Муссолини особенно неудобным, ибо он не хотел, чтобы в Европе создалось впечатление открытого сговора Италии и Германии против конференции и Лиги наций. Когда же выяснилось, что конференция потерпела крушение, Муссолини счел себя менее связанным. К этому присоединилось и то обстоятельство, что наметился приезд в Рим Барту. Поскольку итальянское правительство решило принять этого гостя, оно не могло далее

* Имеется в виду установление отношений СССР с Румынией и Чехословакией; см. док. № 193, 194.

уклоняться от встречи Муссолини с Гитлером. Свидание это произойдет 14 июня в Венеции*.

Сувич пояснил, что не следует ожидать от встречи Муссолини с Гитлером ничего чрезвычайного. Гитлер — человек абстрактный, предпочитающий отвлеченные схемы практическим решениям, и беседа с ним Муссолини, вероятно, не выйдет за пределы самых общих проблем. Есть лишь один вопрос, который неминуемо и притом в весьма решительной форме будет поставлен Муссолини. Это вопрос австрийский. В нем итальянское правительство занимает непреклонную позицию. Как и раньше, оно считает независимость Австрии условием европейского мира. Между тем подрывная деятельность национал-социалистов в Австрии не прекращается. В последнее время там усилились акты террора, что вызывает у Муссолини крайнее раздражение. На эту тему главе итальянского правительства придется самым решительным образом объясниться с Гитлером.

Отвечая на дальнейшие вопросы полпреда, Сувич заявил, что в отношении Лиги наций позиция Италии известна. Итальянское правительство будет поддерживать вступление СССР в Лигу**; однако оно не мыслит себе деятельности этого международного учреждения без участия Германии, которая может вернуться в Лигу лишь при условии признания за ней права равенства в вопросе о вооружениях.

Попутно Сувич осведомился, обратил ли полпред внимание на передовую «Пополо д'Италия», посвященную вопросу о Лиге наций и СССР. Статья эта написана Польверелли, бывшим директором печати при МИД. Она развивает те же положения, что содержались в известной статье Гайды по тому же вопросу в «Джорнале д'Италия». Всем известно, что «Пополо д'Италия» точнее всего отражает точку зрения главы итальянского правительства. Поэтому упомянутая статья газеты должна дать полпреду надлежащее удовлетворение.

Восточный пакт. Далее Сувич спросил у полпреда, верны ли сведения, будто Литвинов подготавливает новый Восточный пакт с участием Польши, Германии и Чехословакии. Полпред ответил, что нет ничего невозможного в том, что Советское правительство сделает новую попытку, несмотря на недавний отказ германского правительства подписать гарантийный протокол***, привлечь Германию к участию в региональном пакте, долженствующем консолидировать мир в Восточной Европе****. Полпред еще раз оговорился, что не имеет никаких сведений на этот счет и высказывает лишь лич-

* См. док. № 237.

** См. док. № 292.

*** См. док. № 139.

**** См. т. XVI, прим. 321 и док. № 151, 192 настоящего тома.

ное мнение. Тем не менее ему интересно было бы знать, каково отношение итальянского правительства к идее подобных пактов.

Сувиц ответил, что итальянское правительство относится отрицательно к договорам, лишенным ясного, конкретного содержания и не обладающим реальной, действенной силой. С другой стороны, в каждом отдельном случае оно должно знать, каков характер договорных обязательств и кто является участником пакта, только тогда оно может определить свое отношение к данному договору.

Германия, Англия и Япония. Возвращаясь к вопросу о предстоящем свидании Гитлера с Муссолини, полпред отметил, что не исключает возможности со стороны Гитлера далеко идущих предложений, внушаемых со стороны Англии. Последняя явно поддерживала тактику самочинного вооружения Германии и, по-видимому, одинаково мало сочувствует как франко-советскому сближению, так и установлению согласия и сотрудничества между Францией и Италией. Последние заявления консервативных органов английской печати свидетельствуют о том, что Англия, принявшая на себя обязанности гаранта франко-германских границ, отнюдь не склонна активно участвовать в охране территориального статуса-кво в Восточной Европе. С полной откровенностью ее консервативная печать заявляет, что Англию менее всего заботит судьба дальневосточных советских областей. Словом, Англия не противодействует вооружению Германии, предоставляет ей свободу рук на Востоке и дает понять Японии, что и та может безнаказанно развивать свою агрессию против СССР на Дальнем Востоке. Это подтверждает правильность существующего в СССР убеждения, что в подготовке широкого наступления на СССР активную роль играют три центра, координирующие между собой свои действия: Лондон, Берлин и Токио. Гитлер и Розенберг, несомненно, активнейшим образом стремятся к осуществлению этих антисоветских планов. Полпред в шутливой форме задал Сувицу вопрос, уверен ли он, что в Венеции Гитлер не сделает попытки соблазнить главу итальянского правительства перспективами сотрудничества в этом широком антисоветском плане.

Сувиц ответил, что он не отрицает возможности сотрудничества Германии с Японией, направленного против СССР. Он менее уверен в том, что Англия принимает активное участие в упомянутых планах. Что касается Италии, то позиция ее в отношении СССР достаточно известна. Ей Италия останется верна и в дальнейшем.

Потемкин

Печат. по арх.

197. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Министром Иностранных Дел Германии Нейратом, в Берлине

13 июня 1934 г.

Я условился с Барту, что если я не буду иметь желания или возможности повидаться с Нейратом или Бюловым в Берлине, то вызову французского посла Франсуа-Понсе, чтобы узнать о германском ответе относительно пакта*. Газеты писали, что Бюлов очень сухо принял Франсуа-Понсе, но не сообщали содержания ответа. По приезде в Берлин я направил к Франсуа-Понсе т. Бессонова, через которого узнал, что Бюлов, выслушав предложение Франсуа-Понсе, сказал лишь, что доложит об этом правительству, и, таким образом, никакого ответа не дал. Это побудило меня просить свидания с Нейратом.

Из министерства сообщили, что, хотя Нейрат должен через час уехать в Италию, он готов немедленно меня принять. Принял он меня с обычной приветливостью. Сославшись на недостаточность времени в нашем распоряжении, я сразу изложил ему цель моего визита. Я сказал, что вся Европа испытывает чувство тревоги и отсутствие уверенности в безопасности. От подобных настроений не свободен за последние годы и наш Союз. Мне нет надобности останавливаться на причинах, вызвавших у нас такие настроения.—они Нейрату достаточно известны. С другой стороны, Германия также заявляет, что и она нуждается в безопасности; отсюда являлась идея региональных пактов, о которых газеты в последнее время усиленно пишут. Нам представляется вполне отвечающим интересам общей безопасности и соответственным отдельным стран региональный пакт, который включал бы в себя Советский Союз, Германию, Польшу, Чехословакию и Югославию. Он был бы основан на принципе ненападения и оказания помощи всеми участниками пакта тому соучастнику, который подвергся бы нападению со стороны другого соучастника пакта**.

Нейрат ответил, что ему известны настроения СССР, о которых я говорил, он их понимает, но может заверить меня, что, поскольку это касается Германии, никаких оснований для них нет. Имеется, может быть, несколько глупцов в Германии, которые мечтают об экспансии на Восток, о колонизации и т. п., но германское правительство об этом и не думает. Он понимает, что разница режимов должна была вызвать у нас известную реакцию, но наши подозрения относительно агрессивности

---

* О планах заключения Восточного пакта посол Франции в Германии сообщил МИД Германии 7 июня 1934 г.

** См. док. № 254.

Германии неосновательны. Изложенная мною схема пакта для Германии неприемлема. Она разоружена, не имеет достаточных сил для собственной обороны, а тем более для защиты других государств. Она не могла бы выполнить своих обязательств, налагаемых на нее пактом, и поэтому не могла бы играть в предлагаемой комбинации надлежащей роли. Кроме того, он, Нейрат, не верит вообще в пакт, ибо он слишком связывает, а между тем могут наступить обстоятельства, при которых помощь нельзя выполнить. Он предпочитает взаимные заверения об отсутствии агрессивности или билатериальные пакты о ненападении.

Я возразил, что об экспансии на Восток писали не только «несколько глупцов», но и сам нынешний «вождь» страны. Он никогда от этой программы не отрекался, а, наоборот, разрешает распространение в Германии до сих пор книги, в которой эта программа изложена. На этой программе, следовательно, воспитывается германский народ, который приучается к мысли о необходимости и неизбежности экспансии на Восток. Я удивляюсь упоминанию Нейратом разницы режимов, ибо мы неоднократно заявляли, что из этой разницы не могло бы родиться нынешнее состояние взаимоотношений с Германией. До прихода к власти «наци» мы допускали, что они в свое время отрекутся от своей антисоветской программы и будут продолжать политику прежних германских правительств по отношению к СССР, и мы сами допускали сотрудничество с ними на тех же основаниях, что и прежде. К сожалению, приход «наци» к власти сопровождался целым рядом актов, указывавших скорее на их решимость осуществлять возведенную в книге Гитлера программу. Я не стану перечислять выступлений Гугенберга *, затем Розенберга ** или указывать на продолжающуюся связь последнего с украинской контрреволюцией; но и сам рейхсканцлер еще на днях произнес речь, в которой он призывал весь мир к блокаде СССР ***. Вот эти все выступления являются источником нашего беспокойства, а отнюдь не разница режимов. Если бы мы даже на 99% верили заявлениям об отсутствии агрессивности у некоторых правящих германских кругов и сомневались лишь на 1%, то и в таком случае, мы, как государство, должны были бы предпринять все необходимые меры предосторожности. Безопасность народов никогда не ждидлась на их дружественных взаимных заявлениях. В течение 10 лет весь мир искал безопасности в разоружении, но это не осуществлялось. В довоенное время

---

* См. т. XVI, док. № 190.

** См. также т. XVI, док. № 167, 190, 209 и док. № 2 настоящего тома.

*** См. док. № 169, 170.

прибегали к системе союзов, по отношению к которым ныне намеченные пакты о взаимопомощи являются несомненным шагом вперед. Очевидно, при бесперспективности конференции по разоружению Европе придется выбирать между пактами о взаимопомощи и системой союзов. Если у германского правительства есть уже решение об отклонении пакта, то мне незачем убеждать Нейрата, но я только позволю себе сказать, что приведенный мне единственный аргумент против пакта неубедителен. Пакт функционирует фактически в том лишь случае, если один участник его подвергнется нападению. Не приходится поэтому говорить о какой-либо роли того или иного участника пакта. Никто не ожидает от Германии большей помощи, чем она может оказывать. Если эта помощь по объективным причинам ограничена, то это означает, что в общее дело она вносит меньшую долю, чем другие участники. Поскольку сам Нейрат сказал, что Германия даже больше других нуждается в безопасности, она от пакта получила бы больше остальных, которые должны были бы прийти ей на помощь всей своей неограниченной мощью. Кроме того, пакт будет, вероятно, заключен на продолжительный срок, в течение которого, несомненно, оборонные силы Германии вырастут. Что касается ничтожности пактов, то ведь Германия сама недавно заключила пакт с Польшей, стало быть она придает пактам известное значение. Мы ничего иного, кроме безопасности, в пакте не ищем. Наше сближение с Францией происходит только на почве общей положительной оценки определенной системы безопасности. Нам дела нет до других элементов внешней политики Франции. Когда у нас благодаря пактам укрепится чувство безопасности, можно будет развивать полностью наилучшие отношения с Германией. Когда я говорю о безопасности, я отнюдь не имею в виду безопасность границы, которую при всех обстоятельствах мы сможем защитить, а безопасность мира, ибо мы не заинтересованы в пробе сил и не нуждаемся даже в победоносных войнах. Мне остается лишь спросить, должен ли я считать ответ Нейрата окончательным и официальным ответом германского правительства, которое, вероятно, учло эффект и последствия отклонения нашего предложения.

Нейрат несколько замаялся и сказал: «Во всяком случае официальный ответ будет тот, который я Вам только что сообщил». Германия не ищет экспансии нигде, ее интересует только коридор, но и в этом пункте она дала Польше гарантию на 10 лет. Он выразил надежду, что, «несмотря на все», наши личные отношения останутся прежними.

При прощании я сказал Нейрату, что только что получил сообщение из Москвы об отозвании Надольного. Нейрат, перебивая меня, сказал, что он сам собрался со мною об этом

говорить. Отозвание Надольного объясняется исключительно личными причинами, а именно недомолвкой между Надольным и канцлером *. К нам будет назначен Шуленбург.

Литвинов

Печат. по арх.

198. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Германии в СССР Твардовским

13 июня 1934 г.

Еще 11 июня к концу дня, через полчаса после ухода от меня Надольного, в мой секретариат позвонили от Твардовского, чтобы я принял его 13-го числа.

Я просил передать, что 13-го я занят, что приму 14-го. Давая такой ответ, я исходил из того, что если бы у германского посольства были срочные вопросы, то их должен был поставить только что ушедший от меня Надольный. Если же таких особенно срочных вопросов нет, Твардовский может подождать еще один день.

Однако 13-го утром из германского посольства позвонили еще раз, сказали, что у Твардовского есть срочное дело, и просили, чтобы я принял его непременно сегодня. Если не могу принять я, он просит, чтобы его принял т. Стомоняков.

Я ответил Твардовскому, что приму его 13-го в половине четвертого.

Придя ко мне, Твардовский сказал, что он получил от Нейрата телеграфное поручение срочно посетить меня и разъяснить, что отзыв Надольного объясняется исключительно причинами личного характера, связанными с Надольным **. Отзыв Надольного не обозначает какой бы то ни было перемены в политике Германии по отношению к СССР. Германия по-прежнему хочет поддерживать дружеские отношения и по-прежнему охотно примет в качестве нашего посла г. Сурица.

Я ответил Твардовскому официально, что принимаю сообщение Нейрата к сведению, что сообщу его нашему правительству.

Перейдя затем на неофициальный разговор, я сказал Твардовскому, что мне кажется странным, почему Надольный, будучи у меня 11-го числа, говорил лишь о своем отъезде в отпуск и не сказал, что он покидает Москву навсегда. Ведь если уход Надольного объясняется не политическими, а чисто личными причинами и при этом инициатива, как видно из офици-

* См. также док. № 198.

** См. также док. № 197.

ального письма Твардовского, полученного мною утром, исходит от самого Надольного, почему он не мог просто сказать мне, что по таким-то и по таким-то личным причинам он решил уйти в отставку. Это было бы просто и понятно. А теперь невольно напрашивается предположение, что дело не в личных побуждениях Надольного, а что за его отзывом кроются какие-то политические разногласия или мотивы.

Твардовский ответил мне, что Надольный не хотел кому бы то ни было до того, как он фактически уедет из Москвы, говорить о своем уходе.

Я повторил, что это нежелание Надольного сказать мне, его старому знакомому, о его решении уйти в отставку и объяснить причину его решения наводит на предположение, что Надольному не хотелось излагать причины его решения. Очевидно, эти причины были политические, их Надольный считал неудобным сообщать мне.

Твардовский сказал, что, насколько он понимает, Надольному не хотелось, чтобы я в связи с сообщением о его окончательном уходе с московского поста, поставил те или другие более глубоко идущие вопросы, на которые ему, может быть, не хотелось бы ответить.

После этого, уж поднявшись, Твардовский сообщил мне некоторые сведения о Шуленбурге*, для которого германское правительство испрашивает агреман. Ему 59 лет, он холост.

Я ответил Твардовскому, что лично довольно хорошо знаю Шуленбурга, который приходил ко мне знакомиться перед своим отъездом в Персию лет 8—9 тому назад и затем навещал меня в Берлине в каждый из своих приездов в отпуск. Кажется, я видал его один раз и в Москве не то у Брокдорф-Ранцау, не то у Дирксена**. Я обещал Твардовскому через несколько дней дать ответ об агремане.

Н. Крестинский

Печат. по арх.

199. Запись беседы Представителя СССР в Чехословакии с Министром Иностранных Дел Чехословакии Бенешем

15 июня 1934 г.

Был у Бенеша. Он завтра уезжает в Бухарест на заседание Совета Малой Антанты. Я выразил ему радость и удовлетворение по поводу нормализации наших взаимоотношений***, присовокупив разные уверения по поводу готовности служить

* Посол Германии в Румынии в 1931—1934 гг.

** Бывшие послы Германии в СССР.

*** См. док. № 194.

делу дальнейшего развития наших дружеских взаимоотношений.

Бенеш очень словоохотливо начал излагать мне свою концепцию нынешней международной ситуации и перспектив ее развития, как он ее излагал в Женеве т. Литвинову*. Коротко его прогноз сводится к следующему.

СССР и ЧСР являются странами, больше других заинтересованными в сохранении мира и статус-кво в Европе. При этом их внешнеполитические интересы во многом совпадают. Так, СССР не может не иметь возражений против аншлюса. СССР должен быть против чрезмерного усиления германского, а также и итальянского влияния на Балканах. СССР может рассматривать покушения на Прибалтийские страны как прямо его затрагивающие. Наконец, основное — вопрос о безопасности приобрел для СССР почти такое же практическое значение, как и для Франции. То же самое можно сказать относительно Чехословакии. Она вместе с СССР кровно заинтересована в строгом соблюдении принципа полной независимости так называемых малых народов. В такой же мере она заинтересована в сохранении мира, в обеспечении безопасности, в ослаблении всех и всяких тенденций к экспансии, в укреплении нынешнего статуса и т. д.

После подобных длинных общих мест Бенеш подошел ближе к завтрашнему дню. Из его слов можно было заключить, что в Бухаресте на заседании Совета Малой Антанты** основным вопросом будет стоять проблема Восточного пакта, причем Бенеш сказал, что, по его информации, полученной им из Парижа, Германия ответила Франсуа-Понсе весьма неопределенно на предложение участвовать в Восточном пакте***. Бенеш не сомневается, что Германия и свой окончательный официальный ответ сформулирует весьма уклончиво, но, по существу, отклонит предложение. Не сомневается Бенеш и в том, что «министр Бек вовремя заболел паратифом в Берлине» и определил свое отношение к вопросу о Восточном пакте в согласии с Нейратом, хотя и немцы и поляки отрицают, что у Бека в Берлине были политические переговоры с немцами****.

Поскольку Бенеш интересовался тем, что слышал т. Литвинов от Нейрата, я коротко рассказал ему, что Нейрат ответил т. Литвинову отказом, приведя единственный аргумент — недостаточность германских вооружений, не позволяющую Германии принимать на себя обязательства. При этом я отметил, что это не был официальный ответ, но Нейрат в разговоре

* См. док. № 192.

** См. гвз. «Известия», 18, 20, 21 июня 1934 г.

*** См. док. № 200.

**** См. сб. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, М., 1969, стр. 198—199.

сказал, что он не сомневается в том, что и официальный ответ будет таким же*.

Бенеш с интересом отметил, что, значит, Нейрат высказался перед Литвиновым значительно определеннее, чем перед Франсуа-Понсе, если информация Бенеша из Парижа достаточно полная.

Дальнейшую перспективу Бенеш представляет себе так: Франция должна будет оказать давление на Англию, которая могла бы воздействовать на Германию. Одновременно Франции придется усилить воздействие на Польшу. Но все это едва ли будет достаточным для объединения всех заинтересованных в рамках Восточного пакта. Более действительным средством нужно считать создание такой атмосферы и обстановки в Европе, которая убедительно показывала бы твердую волю основных будущих участников Восточного пакта создать нужные им гарантии безопасности и помимо тех, кто становится бы поперек этой дороги, хотя бы только своей пассивной резистенцией**. В этой связи Бенеш в очень определенной форме выражал уверенность, что Германия в конечном счете не может увильнуть и будет вынуждена принять участие. Если Германия убедится в возможности пакта без нее, то она не допустит этого. Здесь большую роль будет играть поведение Польши, которую следовало бы лишить возможности кивать на немцев и заставить высказаться по существу***.

Дальше шло оставшееся мне непонятным рассуждение на тему о том, что как раз проблема немецких довооружений, в которой могут быть уступки со стороны Франции после установления гарантии безопасности, и Саарский вопрос**** неизбежно приведут к тому, что Германия должна будет до января 1935 г. договориться с Францией. Это неизбежно, и потому Бенеш настроен весьма оптимистически вплоть до того, что считает европейское напряжение разряженным с наступлением 1935 г.

Что касается наших взаимоотношений, то Бенеш всячески давал понять, что мы друзья до гроба. Он выражал удовольствие по поводу принятия нами Павлу посланником. Практически Павлу в кратчайший срок выедет в Москву для того, чтобы ввести себя там [в права], но затем вернется в Прагу и лишь осенью сядет в Москве со всей необходимой прочностью. Бенеш упоминал о богатстве перспектив развития наших культурных взаимоотношений, подчеркивал их необходимость и рекомендовал их развивать*****. Лишь под конец он упомянул

* См. док. № 197.

** — сопротивлением (фр.).

*** См. док. № 346.

**** См. также док. № 423.

***** См. док. № 366.

о том, что на очереди стоят и экономические взаимоотношения. Поскольку основное препятствие для переговоров о торговом договоре устранено*, Бенеш уже дал распоряжение Фридману, заведующему экономическим отделением мининдела, немедленно приступить к переговорам с нами на базе имеющегося у нас чешского проекта. Я осторожно вставил в этом месте замечание о сложности этого вопроса и о наличии ряда других еще не устраненных препятствий. Бенеш довольно с большим ударением ответил, что кое-что нужно сделать по возможности немедленно, но он предоставляет Фридману договориться со мною о том, что именно необходимо сделать. После этого я, понятно, не стал углублять тему.

Прощаясь, Бенеш всячески уверял меня в своей постоянной готовности совершенно откровенно беседовать со мною на взаимно интересующие нас темы**.

Полпред СССР в ЧСР
Александровский

Печат. по арх.

200. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
15 июня 1934 г.*

Сегодня видел Барту, завтра увижу Леже¹⁹⁰. Барту знал уже содержание ответа Нейрата Литвинову относительно пакта***. Барту считает заявления, сделанные Бекком Лярошу, по поводу позиции Польши в вопросе пакта более удовлетворительными, чем то, что ему говорил Бек в Женеве. На мой вопрос, чем именно Барту «удовлетворен», он заявил, что поляки обставляют свое согласие на присоединение к пакту меньшим числом оговорок****. В связи с высказанным мною предположением, что благодаря позиции, занятой Германией, полякам незачем особенно выявлять свое отрицательное отношение к пакту, Барту заявил, что он не исключает возможности присоединения Германии. Уже после отъезда Франсуа-Понсе Бюлов сделал якобы более обнадеживающее заявление французскому поверенному в делах. Я говорил Барту о желательности внесения ясности в позицию Польши, которая, несомненно, попытается оттянуть прямой ответ, и подробно говорил о Прибалтике. Барту обещал изучить внимательно

* См. док. № 102, 113, 124.

** См. док. № 220, 281, 298.

*** См. док. № 197.

**** См. док. № 187.

записку о Прибалтике¹²¹, составленную мною по указанию Литвинова*. Барту просил передать Литвинову благодарность за поддержку, оказанную им Франции в Женеве. Он подробно объяснял, что в Женеве он не выступил публично с таким заявлением по адресу Литвинова, дабы при создавшейся обстановке зря не раздражать англичан, но что он собирался об этом заявить в парламенте, чему помешала отсрочка интерpellации. Он просил в его отсутствие, если понадобится, поддерживать контакт с Баржетоном или Леже.

Видел Франсуа-Понсе, который расценивает ответ, данный Нейратом Литвинову, как попытку добиться соглашения о вооружениях при помощи пакта. Понсе, несомненно, будет агитировать французское правительство в пользу немецкой постановки об увязке вопроса о пакте с соглашением о довооружении Германии. Бюлов говорил Франсуа-Понсе, что Германия не может принять предложения о пакте по тем же мотивам, по которым она отклонила наше предложение о Прибалтике**. Я использовал это в разговоре с Барту.

Политис*** говорил мне, что он считал бы желательным, чтобы мы сделали в Женевском комитете безопасности предложения, касающиеся пактов взаимопомощи. Он стоит за разработку типа пакта взаимопомощи, базирующегося на «определении агрессора».

Прошу информировать об отношении к пакту Прибалтийских стран и Польши****.

Циелекс***** говорит о сильном влиянии Польши на эстонскую политику.

Розенберг

Печат. по арх.

201. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом США в СССР Буллитом

16 июня 1934 г.

После краткого разговора на безразличные темы Буллит сказал, что в наших переговорах мы не продвинулись вперед и топчемся на месте. Вашингтон и слышать не хочет о схемах, подобных нами предложенным*****. Буллит не видит никакого выхода из положения и поэтому предложил бы приступить к более конкретным переговорам о тех товарах, которые

* См. док. № 192.

** См. док. № 94, 139.

*** Послание Греции во Францию.

**** См. док. № 206.

***** Послание Латвии во Францию.

***** См. док. № 103, 117, 135.

мы хотели бы заказывать в Соединенных Штатах. Может быть, когда президент будет в состоянии указывать тем или иным членам конгресса или сената на реальные выгоды для представляемых ими штатов, как хлопководческих, так и других, то ему легче будет что-нибудь провести. Буллит очень опасается, как бы настроения в Америке не стали портиться в отношении СССР и не помешали тому политическому сотрудничеству, к которому Рузвельт и он сам, Буллит, всегда стремились. Он не делает официального предложения, а лишь от своего собственного имени подсказывает нам шаг, который может оказаться полезным.

Я ответил Буллиту, что если Вашингтон действительно отклоняет даже долгосрочные кредиты в тех формах, на которые мы в порядке уступки готовы согласиться, то нельзя больше сомневаться в том, что Рузвельт отказывается от джентльменского соглашения со мною. Я вновь заставил Буллита перечитать то место записи моей беседы с Рузвельтом, где черным по белому написаны слова: «Заем, который должен быть предоставлен ему (т. е. Советскому правительству) правительством США или его гражданами»*, и спросил, найдется ли хоть одно беспристрастное лицо, которое интерпретировало бы эти слова иначе как соглашение о займе и долгосрочных кредитах, а не как об обложении покупок. Мы отнюдь не в претензии, ибо это соглашение состоялось не по нашей инициативе и не по нашему требованию, а вследствие настояния самого Рузвельта и Буллита. Мы готовы, оставив совершенно в стороне вопрос о старых долгах и о займах, оставаться с Америкой в наилучших отношениях. Я не отношусь так трагически, как Буллит, к возможности новых вспышек антисоветской агитации на почве неуплаты старых долгов, когда, за исключением Финляндии, ни одно европейское правительство не платит долгов более обязательных и более бесспорных, чем долг Керенского, и когда Германия прекращает платежи даже по облигациям Дауэса и Юнга. Я хотел бы, однако, уяснить себе подсказываемую Буллитом мысль. Необходимо понять, что в наш обычный импортный план отнюдь не входят те товары, которые мы собираемся закупить в Соединенных Штатах в случае получения 200 млн. займа. Когда этот заем станет реальностью, мы составим специальный план, какового сейчас у нас еще нет. Если Буллит желает, чтобы мы заранее указали, хотя бы приблизительно, какие товары и в каком количестве мы собираемся заказать в случае получения 200-миллионного займа, я могу выяснить возможность этого у руководителей Госплана; но чтобы не заставлять их проделывать напрасную работу, я просил бы Буллита подсказываемую

* См. т. XVI, док. № 361.

им мысль сообщить также в Вашингтон, чтобы получить там одобрение этой мысли.

Буллит ответил, что он не возражает против такой постановки вопроса, готов запросить Вашингтон, но еще лучше будет, если мы сами запросим через Трояновского. Я выразил готовность запросить через Трояновского*, но предупредил Буллита, что я сошлюсь при этом на его инициативу. Несколько покраснев, Буллит сказал, что не возражает против этого.

Литвинов

Печат. по арх.

202. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Норвегии А. А. Бекзаяну

16 июня 1934 г.

Я уже телеграфировал Вам об обращении ко мне Урби по делу компании «Нор Вуд»¹⁸². 5-го с. м. Урби вручил мне небольшую записочку по этому вопросу (приложение № 1**), которая содержала прямую угрозу по нашему адресу, если мы не прекратим бойкота компании.

9-го с. м. Урби вручил мне более подробную записку (приложение № 2**), которая содержала сведения о самой компании и о причинах, которые побудили компанию организовать пул.

В ответ на мой запрос НКВТ сообщил, что мы действительно прекратили фрахтование судов компании со времени образования пула. Объясняется это тем, что новый пул, как и следовало ожидать, поднял фрахтовые ставки сначала на 8 шилл. по сравнению со ставками мирового фрахтового рынка, т. е. практически со ставками судовладельцев компаний других стран. Встретившись с нашим отказом фрахтовать суда в связи с повышением цен, компания пошла на уступки, согласившись на повышение ставок вместо 8 шилл. на 4, а потом и 2 шилл. по сравнению с мировыми фрахтовыми ставками. Наркомвнешторг продолжает воздерживаться от фрахтования судов компании несмотря на то, что в результате создались трудности для перевозки нашего леса из северных районов. Наркомвнешторг рассчитывает, что благодаря нашей твердой тактике пул распадется. Это, вероятно, так и будет, так как пул теряет всякий смысл, если он не может обеспечить повышения фрахтовых ставок.

* См. док. № 240.

** Не публикуются.

Я, конечно, не сообщал Урби всех этих подробностей. Я указал, что наши хозорганы готовы и впредь, как и в прошлом, фрахтовать суда компании «Нор Вуд», если компания будет перевозить наши грузы по ставкам мирового фрахтового рынка. Я подчеркнул, что нельзя заставить хозорганы из дружбы к Норвегии платить более высокие фрахтовые ставки, и что дело это носит чисто коммерческий характер, и что поэтому нет никаких оснований для дипломатического вмешательства и тем более для каких бы то ни было угроз.

Я уже телеграфировал Вам, что считаю дело урегулированным моим объяснением с Урби. Вы должны уклониться от ответа на письмо Мувинкеля и в разговоре с ним при случае сослаться на урегулирование вопроса в Москве*.

Заместитель Народного Комиссара
Стомоняков

Печат. по арх.

203. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полионому Представителю СССР в Нор- вегии А. А. Бекзадню

16 июня 1934 г.

Уважаемый товарищ,

1. Заявление Мувинкеля Вам, что «в данный момент вся политика Франции диктуется Генеральным штабом», весьма характерно. Оно подтверждает сильный уклон политики Норвегии, как, впрочем, и других Скандинавских стран, в английский фарватер. Несомненно, меморандум 6 нейтральных стран был вручен Генеральной комиссии конференции по разоружению** также под влиянием Англии. Это усиление английского влияния становится еще более ясным, если вспомнить, что тот же Мувинкель в свое время был одним из самых горячих сторонников Бриана и его политики и в те времена почти всегда поддерживал в Лиге наций предложения Франции.

Прошу Вас внимательно следить и информировать нас об отношении норвежской общественности и норвежской прессы к происходящим переговорам между великими державами***, и в особенности к интересующим нас переговорам о безопасности и об образовании пакта взаимной помощи.

* См. док. № 203.

** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. X, М., 1936, стр. 73—75.

*** См. док. № 151, 192.

2. Судя по сообщениям прессы и по словам Урби, можно ожидать в ближайшем будущем падения кабинета Мувинкеля и образования вместо него кабинета рабочей партии. Для нас не ясно, какую внешнеполитическую позицию займет такое правительство, особенно в учете того обстоятельства, что норвежская рабочая партия всегда выступала принципиальной противницей Лиги наций, и лишь несколько недель тому назад она внесла в стортинг предложение о выходе Норвегии из Лиги наций. Интересно, в частности, каково будет отношение нового рабочего правительства к меморандуму шести и к дальнейшему участию Норвегии в этом блоке бывших нейтральных стран.

3. За последнее время Урби два раза обращался ко мне по вопросу о «бойкоте» торгпредством в Осло норвежских судов, вошедших в картель «Нор Вуд». Вопрос можно считать исчерпанным моим заявлением, согласованным с НКВТ, что наши хозорганы готовы и впредь, как и в прошлом, фрахтовать норвежские суда, даже и принадлежащие к этому картелю, при условии, что они будут перевозить наши товары по ставкам мирового фрахтового рынка, т. е. по ставкам, предлагаемым из других стран. Я разъяснил, что мы не возражаем против образования капиталистических картелей и монополий, поскольку они носят всеобщий характер, но решительно возражаем против образования таких картелей, которые направлены против СССР. Наконец, я указал Урби на недопустимость содержащейся во врученной им мне первой записке угрозы для наших экономических отношений, если мы не изменим отношения к норвежским судам, входящим в картель «Нор Вуд»*.

4. Я, к сожалению, упустил в свое время попросить Вас передать Мувинкелю мою благодарность за принесенное им поздравление в связи с моим последним назначением. Для того, чтобы выйти из неловкого положения, я прошу Вас по получении настоящего сообщить Мувинкелю небольшим письмом, что Вы переслали мне его ноту с поздравлением, и что я, ознакомившись с нею, просил Вас передать ему мою личную благодарность за поздравление и за внимание, которое я высоко ценю. Поскольку письмо Мувинкеля было адресовано не мне лично, а Вам, мне незачем отвечать самому.

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

* См. док. № 202.

**204. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных
Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Да-
нии**

16 июня 1934 г.

Уважаемый товарищ,

1. Конгресс «Северного общества»¹⁵³ в Любеке свидетельствует о планомерной работе гитлеровской Германии по закреплению своего политического влияния в Скандинавии и, в частности, в Дании. Торжество открытия дома германских и скандинавских писателей в Травемюнде является, очевидно, тоже мероприятием из этой области.

То обстоятельство, что эти новые действия гитлеровцев встретили весьма терпимое отношение в Дании, а некоторые датские писатели участвовали в открытии дома писателей в Травемюнде, указывает на то, что датские правящие круги из страха перед гитлеровской Германией готовы занять весьма оппортунистическую позицию по отношению к ней при условии отсутствия открытой агрессии со стороны Германии против Дании.

2. В одной из сводок печати полпредства приведено воззвание общества помощи нуждающимся евангелической церкви в Европе. Воззвание носит антисоветский характер. Прошу Вас ознакомиться внимательно с этим делом, и, если подтвердится антисоветский характер выступления этого общества, Вам следует при подходящем случае обратить внимание Мунка на то, что подобные выступления отражаются вредным образом на отношениях между нашими странами и что в интересах этих отношений было бы принятие мер против подобных выступлений*.

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

**205. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР с Посланником Венгрии в СССР Юргерт-Арноти**

17 июня 1934 г.

Юргерт просил меня высказаться по вопросу о нашей политике вообще и в частности в отношении Германии, Малой Антанты и ревизии договоров.

Я ему вкратце изложил историю наших отношений с Германией и причины изменения этих отношений**. Я его заверил,

* См. также док. № 371.

** См. также док. № 197.

что нас только интересует вопрос сохранения мира в Европе и что мы не намерены вмешиваться во взаимоотношения между Малой Антантой и Венгрией или с другими странами. Мы сами всегда выступали против послевоенных мирных договоров как несправедливых, но когда Германия стала сама на путь империализма и агрессии, мы, естественно, должны были занять определенную позицию как по отношению к Германии вообще, так и ревизии договоров в нынешнем германском понимании. На мой вопрос, имеет ли какие-либо шансы план, приписываемый Польше, об объединении Венгрии и Румынии в личной унии под Каролом*, Юнгерт ответил, что об этом в Венгрии никто не думает и что он считает подобный план абсолютно неосуществимым.

Юнгерт резюмировал мое заявление в том смысле, что нет никаких причин для конфликта между нами и Венгрией и что скорее можно найти точки контакта между нашими обоими государствами.

Юнгерт упомянул о помещении для посольства, от чего зависит учреждение миссии в сентябре. Он сам сказал, что идет от меня к т. Штерну для получения ответа относительно помещения польской миссии и какого-то клуба. Я выразил уверенность, что этот вопрос будет урегулирован.

Литвинов

Печат. по арх.

206. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу

17 июня 1934 г.

На Вашу телеграмму от 15 июня**. Я не разделяю оптимизма Барту ни в отношении Польши, ни Германии. Из дела ничего не выйдет, если Франция не сможет оказать достаточно сильное давление на Польшу, с тем чтобы либо заставить Германию войти в комбинацию путем угрозы осуществления без нее, либо же чтобы комбинация могла действительно осуществиться без Германии. Прибалтийские страны мы пока только информировали, но еще формального предложения не делали.

Скажите Политису, что предложения, исходящие от Франции, будут иметь больший успех, чем наши, и поэтому лучше

* В ноте -- Карлом.

** См. док. № 200.

уговорить Францию взять на себя инициативу. Будем приветствовать включение пункта об определении агрессии.

Мадарьяга * никакого ответа мне не дал. Он передал мне проект соглашения, охватывающего права дипломатов, консулов и функции полпредов. Я ему сказал, что готов теперь же разрешить с ним некоторые пункты путем обмена письмами, но наиболее существенные вопросы могут быть разрешены только по практическом восстановлении отношений **.

Печат. по арх.

Литвинов

207. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

19 июня 1934 г.

Сегодня ко мне обратился болгарский посланник [Антонов], заявивший, что в бытность его несколько дней назад в Софии он получил поручение болгарского правительства выяснить, относится ли Советское правительство положительно к намерению болгарского правительства восстановить дипломатические отношения с СССР. По получении нашего ответа болгарское правительство примет окончательное решение. Из разговора я вынес определенное впечатление, что вопрос этот правительством предрешен, так как болгарин называл мне даже имя вероятного посланника. Осторожность формулировки объясняется, по-видимому, опасением натолкнуться на затруднения с нашей стороны. По поводу места процедуры оформления посланник не имеет указаний от своего правительства; Рим он считает исключенным и лично предпочел бы Анкару в интересах улучшения турецко-болгарских отношений. Если Вы остановитесь на Анкаре, то срочно сообщите одновременно ответ по существу текста формулы для обмена нотами. Лично считаю, что ввиду обостренности турецко-болгарских отношений и вытекающей отсюда подозрительности к болгарам, турки также предпочли бы Анкару ***.

Суриц

Печат. по арх.

---

* Посол Испании во Франции.

** См. док. № 263, 273.

*** См. док. № 213.

208. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Германии с советником IV отдела Министерства Иностранных Дел Германии Типпельскирхом

19 июня 1934 г.*

Типпельскирх пришел ко мне, чтобы познакомить меня с содержанием письма Геринга, направленного в соответствующие советские инстанции, в котором Геринг в чрезвычайно высоком тоне благодарит Советское правительство за почести, оказанные погибшим немецким летчикам, и за внимание, оказанное ездившей по этому поводу в СССР комиссии **. Читая это письмо, Типпельскирх все время ухмылялся, как бы давая понять, что все дело не стоит и выеденного яйца, что это письмо только акт необходимой вежливости. Я в серьезном тоне поблагодарил его за сообщение и указал ему, что внимание советских органов к судьбе стратостата и его летчиков объясняется исключительно тем, что Советский Союз ведет самую громадную научно-исследовательскую работу, в сфере которой он уже имел не раз крупные жертвы, вследствие чего все органы Советского Союза прекрасно понимают горечь утраты, понесенной германской наукой в лице погибших летчиков.

После этого разговор перешел на тему о Восточном пакте. На вопрос Типпельскирха о нашем отношении к разговору Нейрата с Литвиновым ***, я сказал, что, конечно, ответ Нейрата после аналогичного отрицательного ответа в вопросе о Балтийском пакте **** не может не усилить чувства беспокойства в широких советских кругах относительно действительных намерений Германии по отношению к востоку Европы. В ответ на это Типпельскирх, к моему удивлению, заявил, что ответ Нейрата Литвинову отнюдь не является окончательным, что предложения, сделанные Литвиновым, серьезно взвешиваются и обсуждаются в аусамтовских кругах, причем некоторые стороны этого предложения вызывают определенный интерес со стороны Германии. К числу этих сторон относятся вопросы о ненападении и о взаимной консультации. Напротив, вопрос о включении в пакт условий о взаимной поддержке как будто бы заранее признается неприемлемым для Германии.

Я указал Типпельскирху, что сделанное им только что сообщение вызывает у меня чувство некоторого удивления, так как судя по той информации, которой мы располагаем, заявление Нейрата Литвинову является окончательным и сам Нейрат недвусмысленно заявил об этом. На мой дважды повторенный вопрос, уверен ли он в том, что действительно ответ Ней-

* Из дневника С. А. Бессонова от 25 июня 1934 г.

** См. также док. № 170.

*** См. док. № 197.

**** См. док. № 126, 139.

рата Литвинову не следует рассматривать как окончательный, Типпельскирх дважды ответил утвердительно и сказал мне даже, что указания в этом роде сделаны министерством Твардовскому.

Пользуясь случаем, я указал Типпельскирху на то, что воспитание масс в антисоветском духе в Германии начинает принимать новые формы. При этом я сослался на большое собрание в Шмаргендорфе в Берлине, на котором случайно присутствовал корреспондент «Правды» в Берлине Гофман и где докладчик, гауляйтер местных национал-социалистов, прямо говорил о СССР как о тодфайнде — смертельном враге. Типпельскирх пытался объяснить это еще неизжитым революционным периодом, на что мне пришлось указать ему, что в июне 1934 г. уже неудобно говорить это, после того как еще 15 июня 1933 г. Гитлер заявил, что революция кончилась.

Бессонов

Печат. по арх.

209. Опровержение ТАСС измышлений японского агентства Симбун Рэнго

21 июня 1934 г.

ТАСС уполномочен заявить, что сообщение агентства Симбун Рэнго¹⁸⁴, будто во Владивостокском районе производятся маневры советских морских сил с участием подводных лодок, миноносков и морских самолетов, является вымыслом.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 143 (5321), 21 июня 1934 г.*

210. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Турции Я. З. Сурицу

21 июня 1934 г.

Можете пригласить от имени Высшего совета физкультуры турецких спортсменов на состязания в Москве между 10—20 июля. Желателен приезд футбольной команды — 17 человек, также 7 борцов, 10 пловцов, из них 7 мужчин (ватерпольная команда: они же пловцы) и команды стрелков — 4—5 человек. Кроме команд желателен приезд представителя и судьи. Условия обычные — полное содержание и проезд на нашем пароходе. Срок пребывания 2—3 недели. Футболисты будут иметь 4—5 игр. Необходимо, чтобы были выделены лучшие спортсмены. Ускорьте ответ, так как требуется подготовительная работа¹⁸⁵.

Крестинский

Печат. по арх.

211. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Министру Иностранных Дел Йемена Мохаммеду Рагибу

22 июня 1934 г.

Благодарю Вас за Ваше любезное сообщение и выражаю глубокое удовлетворение по случаю подписания мирного договора между Королевством Йемен и Арабским Саудовским Королевством, положившего конец прискорбному конфликту между братскими народами, дружественными Советскому Союзу.

Литвинов

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Советско-Йеменские отношения (1927—1962 гг.)», М., 1962, стр. 35.

В упомянутой телеграмме Мохаммеда Рагиба М. М. Литвинову от 20 июня 1934 г. говорилось:

«Продолжение моей предыдущей телеграммы¹⁸⁶. С глубочайшим уважением и благодарностью спешу довести до высокого сведения Вашего дражайшего Превосходительства, что договор о мире, союзе и совершенной дружбе, заключенный уполномоченными в Таифе, Геджас, восстанавливающий все... * в том же виде, в каком они были до военных действий, подписан и ратификован 18 июня 1934 г. моим великим повелителем Его Величеством Имамом, королем Йемена».

212. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше Я. Х. Давтяну

22 июня 1934 г.

На Вашу телеграмму от 21 июня¹⁸⁷. Никакого нового варианта Восточного пакта нет. Имеется в виду участие на основе взаимной помощи Германии, Чехословакии, Польши, СССР и Прибалтики. С Беком говорили в Женеве как Барту, так и я сам **. Дальнейшие переговоры с поляками считаю желательным предоставить французам и поэтому предлагаю Вам по своей инициативе с Беком о пакте сейчас не говорить. Если он сам заговорит об этом, постарайтесь выяснить его нынешнее отношение ***.

Об ответе Нейрата **** я Вам сообщил при проезде через Варшаву. Французы расценивают этот ответ более оптимисти-

* Так в телеграмме.

** См. док. № 180, 187.

*** См. док. № 234.

**** См. док. № 197.

чески и думают, что это не последнее слово Германии. Из немецких кругов уже после свидания с Гитлером нам дают понять, что Нейрат не дал мне окончательного ответа*. По-видимому, обсуждается какое-нибудь контрпредложение, вроде отдельных билатеральных пактов о ненападении.

Литвинов

Печат. по арх.

213. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Турции Я. З. Сурицу

22 июня 1934 г.

На Вашу телеграмму от 19 июня**. Прототипом для оформления восстановления отношений с Болгарией может служить мой обмен письмами с Титулеску, опубликованный в нашей печати***. Текст нот о восстановлении отношений выбран Титулеску и идентичен с таким же обменом нотами между мной и Рузвельтом****. Но мы на этом тексте не настаиваем и готовы на другой более простой текст. Что касается второго письма о пропаганде и белой эмиграции, Вы его болгарам предлагайте только в том случае, если они поднимут вопрос о пропаганде. Нам же достаточно обменяться письмами о восстановлении отношений*****. Переговоры готовы вести как в Ангоре, так и в Париже, Лондоне, Праге и Вене.

Заезд Кемаля в Сочи предлагал сам Рюштю якобы по своей инициативе, а на самом деле, вероятно, по Вашему предложению. С нашей стороны возражений нет. Просил бы Вас выяснить приблизительный срок, так как мне это необходимо знать в связи с моим отпуском.

В Женеве передавали, будто Афганистан под покровительством Турции вступит в сентябре в Лигу наций. Выясните и сообщите¹⁸⁸.

Литвинов

Печат. по арх.

---

* См. док. № 208, 217.

** См. док. № 207.

*** См. док. № 193.

**** См. т. XVI, док. № 362.

***** См. док. № 265.

214. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае
Д. В. Богомолова в Народный Комиссариат Иностранных
Дел СССР

22 июня 1934 г.

Чан Кай-ши по собственной инициативе пригласил меня на завтрак. Присутствовало только трое: он, я и Кунг*, который переводил. Чан Кай-ши интересовался возможностью нашего вступления в Лигу наций, я ответил, что у меня нет точной информации. От себя сказал, что мы относимся к этому вопросу, как ко всем вопросам внешней политики: если это может помочь стабилизации мира, мы относимся положительно. Практически решение вопроса зависит от Лиги наций: если она докажет, что сможет содействовать стабилизации мира, это может оказать влияние на наше решение. Чан Кай-ши сказал мне, что Китай будет приветствовать наше вступление в Лигу наций. Для Китая Лига важна как орган борьбы за мир. После вступления СССР в Лигу наций сотрудничество между Китаем и СССР будет значительно облегчено.

Затем я говорил об общем положении в Европе, политике Англии и так далее. Я спросил мнение Чан Кай-ши о советско-китайских отношениях: какие, по его мнению, имеются трудности и что конкретно может быть сделано для их улучшения. По первому вопросу Чан Кай-ши ответил довольно путано, сказав, что раньше были затруднения разного характера, в том числе индивидуального. Теперь, после открытия полпредства СССР в Китае положение сильно изменилось. Китайский народ доверяет русскому народу, и можно надеяться, что дальнейшее положение еще улучшится. По второму ему трудно сказать, что конкретно может быть сделано для улучшения отношений между СССР и Китаем. Китай с военной точки зрения слабая страна и ничего самостоятельно предпринять не может. Он хочет только заверить меня, что Китай и СССР — соседи и что Китай относится к СССР как к хорошему соседу. Если опасность угрожает одному соседу, она угрожает и другому. Если что-нибудь случится, Китай всегда отнесется с сочувствием к СССР и сделает все возможное, чтобы доказать свою дружбу. Я ответил, что я разделяю его мысль о возможном улучшении советско-китайских отношений. Между СССР и Китаем нет ни экономических, ни политических противоречий. Основа нашей внешней политики — мир. Думаю, что Китай также хочет прежде всего мира и чтобы другие державы оставили его в покое. Чан Кай-ши сказал, что он вполне согласен со мной. Он думает, что при наличии общности в наших требованиях будет легко работать.

* Кунг Сян-си — министр финансов Китая.

Кунг, провожая меня, сказал, что он очень доволен разговором, думает, в дальнейшем будет легко говорить по конкретным вопросам.

В основном этот разговор с Чан Кай-ши подтверждает нашу информацию с некоторой перемене в позиции Чан Кай-ши, о чем подробно я писал в докладах ¹⁸⁹. Несмотря на это, нужно считать, что ни на какие конкретные шаги, как показали переговоры о пакте ¹⁹⁰, китайское правительство не готово. Что касается торгового договора, то я нахожу большие трудности при переговорах и поэтому считаю желательным занять в этом вопросе выжидательную позицию.

Подпред

Печат. по арх.

215. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике С. Е. Чуцкаеву

25 июня 1934 г.

На торжества по случаю 10-летия Монгольской Народной Республики выезжает делегация ЦИК и СНК СССР в составе: председатель — Карахан, члены: Смидович и Таджиев*.

Печат. по арх.

Стомоняков

216. Обмен нотами между Правительством СССР и Правительством Финляндии о производстве работ по проверке советско-финляндской границы

1. НОТА
ПОСЛАННИКА ФИНЛЯНДИИ В СССР
ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАРОДНОГО КОМИССАРА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
Б. С. СТОМОНЯКОВУ

Москва, 26 июня 1934 г.

Господин Заместитель Народного Комиссара,

Ссылаясь на обмен нотами от 26 мая с. г. ¹⁹¹ по вопросу о производстве в текущем году работ по проверке границы между Финляндией и Союзом Советских Социалистических Республик, имею честь, от имени моего Правительства, предложить дополнить этот обмен нотами параграфом следующего содержания:

9) Линия границы, установленная в порядке, определенном настоящей нотой, подлежит внесению на рассмотрение и

* См. также док. № 261.

утверждение Правительствами Финляндии и Союза Советских Социалистических Республик.

Доводя вышеизложенное до Вашего сведения и прилагая при сем официальный текст настоящей ноты на русском языке, я имею честь просить Вас не отказать в сообщении мне решения, которое будет принято Вашим Правительством по настоящему вопросу.

Пользуюсь этим случаем, чтобы возобновить перед Вами, господин Заместитель Народного Комиссара, уверение в моем высоком к Вам уважении.

А. С. Ирве-Коскинен

2. НОТА
ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАРОДНОГО КОМИССАРА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
ПОСЛАННИКУ ФИНЛЯНДИИ В СССР
ИРВЕ-КОСКИНЕНУ

Москва, 26 июня 1934 г.

Господин Министр.

Имею честь подтвердить получение от Вас сего числа ноты следующего содержания:

«Ссылаясь на обмен нотами от 26 мая с. г. по вопросу о производстве в текущем году работ по проверке границы между Финляндией и Союзом Советских Социалистических Республик, имею честь, от имени моего Правительства, предложить дополнить этот обмен нотами параграфом следующего содержания:

9) Линия границы, установленная в порядке, определенном настоящей нотой, подлежит внесению на рассмотрение и утверждение Правительствами Финляндии и Союза Советских Социалистических Республик.

Доводя вышеизложенное до Вашего сведения и прилагая при сем официальный текст настоящей ноты на русском языке, я имею честь просить Вас не отказать в сообщении мне решения, которое будет принято Вашим Правительством по настоящему вопросу».

Вместе с тем имею честь уведомить Вас, что Правительство Союза Советских Социалистических Республик полностью согласно с предложением Финляндского Правительства, изложенным в вышеупомянутой ноте.

Доводя вышеизложенное до Вашего сведения, имею честь приложить при сем официальный текст настоящей ноты на финском языке.

Пользуюсь этим случаем, чтобы возобновить перед Вами, господин Министр, уверение в моем высоком к Вам уважении.

Б. Стомяков

Ноты печат. по арх.

217. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР
Временному Поверенному в Делах СССР в Германии
С. А. Бессонову

26 июня 1934 г.

Я не нахожу существенного противоречия между заявлениями Типпельскирха и Мейера *, а также заявлением Гитлера Муссолини. Мы имели пока лишь краткую шифрованную передачу сообщения, сделанного Сувичем Потемкину о беседах Гитлера с Муссолини **. Из шифровки неясно, говорил ли Гитлер, что он предпочитает общий пакт региональному или наоборот. Ясно только, что Гитлер сказал, что определит свое отношение к нашему предложению по своему возвращении в Берлин, что как раз совпадает с заявлением Типпельскирха.

Я помню, в свое время Надольный упрекал меня в том, что свое предложение о независимости Прибалтики я сразу облек в форму текста протокола *** вместо того, чтобы переговорить предварительно о принципах соглашения. Теперь, по-видимому, немцы упрекают нас в противоположном, что мы не дали им сразу письменного текста соглашения. В таком тексте надобности нет, пока нет согласия на основные принципы соглашения. Мною было сообщено Нейрату, что речь идет о пакте о ненападении, в случае нарушения которого участники пакта приходят на помощь государству, подвергнутому нападению ****. О консультации мною не упоминалось. Нейрат мне даже говорил, что Германия предпочитает билатеральные пакты о ненападении и дальше этого не пойдет. Если немцы теперь заявляют, что будто бы ответ Нейрата не должен считаться окончательным, то они имеют в виду возможность контрпредложения со стороны Германии о заключении пактов о ненападении, о которых мне говорил Нейрат. Что же касается взаимной помощи, то она безусловно Германией в настоящее время отвергается, и в отношении этого пункта я считаю пока ответ Нейрата окончательным. Вот почему я считаю, что никакого противоречия между вышеуказанными заявлениями нет. Те, которые говорят об окончательности ответа, имеют в виду взаимную помощь, а те, которые допускают дальнейшие переговоры, думают о пактах о ненападении. Само собой разумеется, что душу нашего предложения составляет именно пункт о взаимопомощи, а не о ненападении и о взаимной консультации. Ссылка Бюлова на то, что Нейрат якобы не имел времени, чтобы продумать мое предложение, и не мог посоветоваться с Гитлером, явно несостоятельна, ибо еще до моего

* См. док. № 208.

** См. док. № 196.

*** См. док. № 94.

**** См. док. № 197.

визита Нейрат был осведомлен о существовании предложения Франсуа-Повсе*. Для меня не подлежит сомнению, что вопрос был тщательно обсужден между Нейратом и Гитлером еще до моего визита.

Мы не предполагаем предпринимать какие-либо дальнейшие шаги в Берлине, предоставляя дальнейшие переговоры Франции, которая должна надавить в Лондоне и в Варшаве.

Литвинов

Печат. по арх.

218. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Италии В. П. По темкину

27 июня 1934 г.

Первоначальные наскоки итальянской прессы на наши жевевские позиции** в значительной мере были вызваны неправильной информацией, дававшейся европейской прессой о наших намерениях. Особенно Италия, по-видимому, была встревожена сообщениями о каком-то пакте или пактах, которые должны были воздвигнуть стену вдоль всей Европы от Парижа до Ангоры, отделяющую французский блок от Италии, Германии и Англии. Некоторые основания для этих сообщений были, ибо Рюштю-бей в Вене действительно предлагал объединить Восточноевропейский пакт о взаимной помощи с Балканским пактом***, обратив эту единую комбинацию как против Германии, так и Италии. С этим предложением он собирался ехать в Париж, но был очень разочарован, когда я отнесся к его плану весьма отрицательно, заявив ему, что захватнические планы Италии в Малой Азии я считаю весьма отдаленной эвентуальностью и что считаю злобой дня предотвращение германской опасности. Я выразил согласие на общеевропейский пакт, предусматривающий экономические и дипломатические санкции против нарушителей мира, и высказался за ограниченное количество участников таких пактов, где предусматривается и военная помощь. Я не возражал против отдельного Средиземноморского пакта с участием Англии, Франции, Италии, Греции, Югославии и Турции, но без установления связи между ним и Восточноевропейским пактом. На эту тему Рюштю, конечно, говорил с Барту в Париже, но, вероятно, не был поощрен к дальнейшим непосредственным действиям. Как бы то ни было, печать кое-что пронюхала про эти

* См. также док. № 200.

** См. док. № 179.

*** См. газ. «Известия», 27 января, 11 февраля 1934 г.

переговоры, и отсюда пошли преувеличенные слухи об огромном блоке, так напугавшем Италию. Из этого не следует, однако, что Италия благосклонно относится к тем ограниченным по своему размаху переговорам, которые я вел в Женеве с Барту *. По-видимому, Муссолини вообще не хочет допускать какой бы то ни было крупной европейской акции, предпринимаемой без его участия и не по его инициативе. К тому же он опасается, что даже Восточноевропейский пакт, поощряемый Францией, а тем более ею гарантируемый, укрепляет Францию вообще, а в частности тесно смыкает ее с Советским Союзом.

Вам необходимо, конечно, паки и паки подчеркивать итальянцам, что Восточноевропейский пакт ни в какой мере не задевает интересов Италии, что движущей силой советско-французского сближения является исключительно германская опасность, что мы представляем собою слишком великую страну, чтобы она могла подпасть под влияние Франции или какой бы то ни было другой страны, и что мы по-прежнему относимся отрицательно к директории «четырех», а тем более к гегемонии в Европе одной какой-либо страны. Борьба против Восточноевропейского пакта — значит бороться против гарантии мира, а следовательно, и сохранения его. Муссолини должен понять, что он не может нам давать тех гарантий против Германии и éventуально против Польши или комбинации этих двух стран, какие мы можем получить от Франции.

Можете также указывать, что наши отношения с Малой Антантой, как таковой, не пошли пока дальше восстановления нормальных отношений **. Если намечается сближение с Чехословакией, то опять-таки лишь ввиду ее соседства с Германией. Титулеску в начале разговоров в Ментоне *** грозился, что он не допустит отрыва Чехословакии от Малой Антанты и не позволит ей входить в Восточноевропейский пакт без остальных стран Малой Антанты, явно намекая, что Румыния, по крайней мере, не прочь примкнуть к этому пакту. Мне удалось, однако, убедить его в неправильности его позиции, и он под конец обещал не чинить препятствий вовлечению Чехословакии в наш пакт и не настаивать на привлечении Румынии. В Женеве Титулеску добивался моего согласия на посылку мне отдельного письма за его подписью в качестве председателя Совета Малой Антанты, сообщающего о решениях конференции Малой Антанты ⁴⁴ в отношении СССР, причем он добивался получения от меня подтверждения этого письма. Я возражал против переписки между мною и Советом Малой Антанты и добился отказа Титулеску от его идеи, и о решениях

* См. док. № 189.

** См. док. № 193, 194.

*** См. док. № 181, 190.

конференции Совета Малой Антанты Титулеску и Бенеш известили меня в индивидуальных письмах. Далее, Титулеску хотел отложить обмен писем о восстановлении отношений до Бухарестской конференции Малой Антанты в ожидании присоединения Югославии. Я настоял, однако, на обмене в Женеве же без Югославии. Все эти факты скорее указывают на ослабление внутренней связи Малой Антанты в результате моих переговоров с Бенешем и Титулеску*, и этим должна быть особенно довольна Италия.

Пользуюсь случаем, чтобы сообщить Вам некоторые сведения о развитии наших взаимоотношений за последнее время с другими государствами.

Франция. В начале переговоров о пакте с Барту** можно было опасаться, что Франция хочет использовать эти переговоры главным образом для давления на Англию, Германию и отчасти на Италию. Теперь, однако, можно сказать, что она слишком ангажировалась, чтобы только «использовать» переговоры для посторонних целей. Я полагаю, что Франция действительно хотела бы видеть осуществленным Восточноевропейский пакт, но, не будучи уверенной в возможности этого, скорее преследует негативную цель разоблачения Германии, чтобы в свою очередь использовать это в вопросе вооружения и разоружения. Тем временем Франция, однако, предпринимает все необходимые шаги, чтобы добиться от Польши и Германии согласия на участие в пакте, к чему стремимся и мы. Если, однако, будет достигнута только негативная цель и Германия предстанет перед всем миром как страна, не желающая давать никаких гарантий сохранения мира на Востоке Европы, то это отвечает и нашим интересам. Попутно мы, например, уже добились крупного перелома в отношении французской печати и общественности к нашему Союзу, что является для нас сейчас значительным выигрышем.

Польша является главным затруднением в осуществлении регионального пакта. Бек не дал отрицательного ответа в Женеве ни Барту, ни мне, но не скрывал своего скорее отрицательного отношения к пакту***. Она, вероятно, будет прятаться за спину Германии, обуславливая свое согласие участием в пакте Германии, с тем чтобы отказ Германии избавил ее от необходимости открыто вывить ее собственную отрицательную позицию****. Позиция же эта определяется общим с Германней желанием не связывать себе руки на случай всяких военных возможностей. Я думаю, что Франция имеет в своем распоряжении достаточные средства давления на Польшу,

* См. док. № 192.

** См. док. № 168, 186, 189.

*** См. док. № 180, 187.

**** См. док. № 346.

чтобы заставить ее примкнуть к пакту, но вопрос в том, захочет ли Франция пустить в ход эти средства.

Польша, по-видимому, решила не идти на сближение с нами дальше на днях ратифицированного протокола о продлении пакта о ненападении*. Она заинтересована, однако, во внешних манифестациях хороших польско-советских отношений, к каковым манифестациям надо отнести предстоящий ответный визит в Польшу нашей авиации**, обмен морскими визитами⁶² и т. п.

Германия. Нейрат мне дал, по-моему, весьма категорический отрицательный ответ на предложение о пакте***. Правда, после этого из немецких кругов давали понять, что ответ не должен расцениваться как окончательный****. Гитлер как будто также говорил Муссолини, что свое отношение к пакту он определит лишь по своему возвращении в Берлин. Это надо понимать, однако, в том смысле, что Германия обсуждает сейчас вопрос, не следует ли вместо голого отказа ответить согласием на заключение двусторонних договоров о ненападении. Я отнюдь не ожидаю, чтобы Германия на данной стадии согласилась на принцип взаимной помощи. Франция относится более оптимистически к ответу Германии и рассчитывает даже на полное принятие ею нашего предложения. Но, по-моему, этого результата можно будет добиться лишь путем воздействия Франции на Англию и сильнейшего давления на Польшу. Ключевой позицией является по-моему польская. В случае ее согласия, Германия не устоит перед угрозой реализации пакта без ее участия, что обыкновенно понимается как окружение Германии, и предпочтет сама примкнуть к пакту.

Из различных источников подтверждается предположение об уходе Надольного в результате разногласий в вопросе об отношении к СССР. Надольный настаивал на каком-либо дружественном жесте в отношении СССР, если даже не на принятии Балтийского протокола*****, что было Гитлером и Нейратом решительно отклонено. Некоторую роль, вероятно, сыграли и неприязненные личные отношения, издавна существующие между Нейратом и Надольным.

Англия. Позиция Англии в отношении Восточного пакта не отличается ясностью. Если она в Женеве вообще выступала против обсуждения проблемы безопасности, в том числе и региональных пактов, то это скорее объясняется ее желанием либо скорейшей ликвидации конференции по разоружению,

---

* См. док. № 157.

** См. т. XVI, прим. 313.

*** См. док. № 197.

**** См. док. № 208.

***** См. док. № 94, 139.

либо же полученном согласии Франции на предложение, заключающееся в ее меморандуме *. Англия, конечно, не заинтересована в укреплении безопасности СССР, но вряд ли она сможет выступить открыто против регионального пакта. Можно скорее ожидать заявления с ее стороны о положительном отношении к Восточноевропейскому пакту, при условии участия в нем Германии **.

Из конфликтных вопросов между нами и Англией остается неразрешенным спор с «Лена-Голдфилдс» ***. Главконцес-ском довел уже цифру до 1600 тыс. ф. ст., а представитель «Лена-Голдфилдс» снизил свое требование до 2485 тыс. ф. ст. Лорд Чилстон давал понять о готовности «Лена-Голдфилдс» удовлетвориться 2 млн. ф. ст. Мы, однако, по-прежнему отклоняем дипломатические переговоры на эту тему и требуем исчерпания вопроса в прямых переговорах между «Лена-Голдфилдс» и Главконцесском ****.

Несмотря на нормализацию отношений еще с 1924 г., Англия до сих пор отказывалась от обмена военными атташе *****. На днях, однако, Чилстон заявил мне о готовности его правительства немедленно послать военного атташе в Москву и принять нашего в Лондоне. Вместе с тем, ссылаясь на улучшение отношений в результате [подписания] торгового соглашения *****, Чилстон вновь возобновил английское предложение, сделанное нам два года тому назад и тогда же нами отклоненное, касательно взаимного извещения консулов об арестах граждан обеих сторон.

Прибалтика. Формально мы предложения о присоединении к пакту ей еще не делали, но подробно информировали ее о переговорах. Не имеем мы также официальных сообщений об отношении Прибалтики к идее пакта. Дело в том, что пока не известно еще окончательное отношение Германии и Польши, мы считаем весь план висящим в воздухе. С другой стороны, пакт может состояться и без участия Прибалтики, вследствие чего мы пока особенного интереса к ее позиции не проявляем. Трудно допустить, чтобы для Франции был приемлем пакт с Чехословакией, СССР и Прибалтикой без Германии и Польши. Только при крайнем обострении франко-польских отношений может возникнуть подобная проблема.

В Женеве я, однако, говорил с находившимися там министрами иностранных дел Прибалтийских стран Хакселем и

---

* См. «Сборник документов по международной политике...», вып. X, М., 1936, стр. 43—54.

** См. док. № 245, 247.

*** См. т. XIV, док. № 337, 359; т. XV, док. № 310, 349.

**** См. док. № 380.

***** См. т. XIII, прим. 145.

***** См. док. № 34.

Зауниусом. В положительном отношении Литвы, впрочем, нельзя было сомневаться. Что касается Финляндии, то Хаксель дал понять, что в случае участия Франции в самом региональном пакте Финляндия, вероятно, непрочь будет примкнуть к пакту, но что окончательное отношение Финляндии может определиться только в сентябре во время заседания Совета¹⁷⁷. После поездки эстонского министра иностранных дел Сельямаа в Варшаву* заметно некоторое оживление в эстонско-польских отношениях, что надо приписывать особенно влиянию одного из двух соправителей Эстонии, генерала Лайдонера, известного своей пропольской и проанглийской ориентацией. В Латвии после переворота** незаметно значительных изменений внешней политики, но априори можно сказать, что с усилением влияния аграриев, и в частности Ульманиса, надо считаться с некоторым уклоном в сторону Германии. Неудавшийся путч в Литве не отклонил в какую-либо сторону внешнеполитические установки литовского правительства. Официально нам заявлено, что приезжавший недавно в Литву Пристор никаких предложений не делал и переговоров о взаимоотношениях с Польшей не вел***. В конце июля и в начале августа ожидаются визиты в Москву Сельямаа и нового литовского министра иностранных дел Лозорайтиса****. Чрезвычайно ухудшилось экономическое положение Литвы вследствие нажима Германии, не только прекратившей закупки в Литве, но фактически закрывшей транзит для литовских товаров.

Чехословакия является единственной страной из предполагаемых участниц регионального пакта, которая дала свое безоговорочное согласие и готова идти очень далеко в смысле мероприятий против германской опасности. Бенеш мне говорил в Женеве****, что Чехословакия хотела бы установить с нами такие же отношения, какие у нее существуют с Францией, и я действительно думаю, что нам удастся установить с Чехословакией наилучшие отношения.

Румыния. При переговорах о восстановлении отношений Титулеску требовал обещания, что бессарабский вопрос***** никогда не будет нами поднят дипломатическим путем, что было бы равносильно окончательному признанию нами аннексии Бессарабии. Со своей стороны я предлагал сделать оговорку относительно спорных вопросов, остающихся открытыми. Сошлись мы на том, чтобы не делать никаких ого-

* См. газ. «Известия», 24 мая 1934 г.

** См. так же, 18 мая 1934 г.

*** См. сб. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, М., 1969, стр. 206.

**** См. док. № 280, 295.

***** См. док. № 192.

***** См. т. II, прим. 21, а также док. № 132, 190 настоящего тома.

ворок и не давать никаких обещаний друг другу относительно Бессарабии. Титулеску предлагал, с согласия Польши, заключить тройственный пакт о ненападении и о взаимной помощи *. Он, очевидно, имел в виду заменить этим пактом существующий польско-румынский союз **. Предлагал он это, правда, в качестве компенсации за полный отказ от Бессарабии, но я на это не согласился. Не исключена, однако, возможность возобновления этого предложения безотносительно к Бессарабии.

Югославия не возобновила отношений по настоянию короля. Ефтич лично склонен был в Женеве обменяться письмами, но получил категорическое вето короля ***. Бенеш и Титулеску уверены в том, что в течение ближайших трех месяцев Югославия последует их примеру, но у меня этой уверенности нет, и я допускаю, что король Александр будет тянуть с этим вопросом, пока какие-либо особые соображения не побудят его возобновить отношения.

Болгария недавно запрашивала нас через своего посланника в Ангоре о порядке восстановления отношений и месте ведения переговоров. Она при этом давала понять, что не желала бы ведения переговоров в Риме. Мы ответили согласием обменяться такими же письмами, как с Чехословакией и Румынией, а переговоры вести в Лондоне, Париже, Праге, Вене и Ангоре ****.

Венгрия в свое время настаивала на аккредитовании в Москве какого-либо посланника из другой столицы и предлагала нам сделать то же самое. Мы согласились на такой порядок только до июля, так как Венгрия аргументировала свое предложение отсутствием кредитов на организацию миссии в Москве до нового бюджетного года, начинающегося в июле. В настоящее время венгры готовы назначить своего посланника *****, и это задерживается лишь необходимостью подыскания подходящего помещения в Москве.

Соединенные Штаты Америки. Политические отношения не оставляют желать ничего лучшего. Некоторое охлаждение заметно в результате билля Джонсона, прекратившего торговлю между нами и Соединенными Штатами ¹⁰⁸. Переговоры об улажении конфликта пока не привели ни к чему.

Япония. Существенным являются лишь переговоры о КВЖД. Несмотря на затяжной характер этих переговоров, позиции обеих сторон все же постепенно сближаются. Япония начала торг с предложением 50 млн. бумажн. ден. Эту сумму

* См. док. № 181.

** См. т. III, прим. 76.

*** См. док. № 190.

**** См. док. № 207, 213, 265.

***** См. док. № 205.

она потом удвоила, но с тем, чтобы мы приняли на себя выходные пособия и пенсии служащим и рабочим дороги. В настоящее время она предлагает уже 100 млн. иен, принимая на себя пособия и пенсии. Мы снизили свои требования до 170 млн. иен.

Китай. Ничего нового в отношениях не произошло. Китай до сих пор еще рассматривает наше контрпредложение касательно пакта о ненападении, которого он, очевидно, заключать не собирается, опасаясь гнева Японии.

Мне остается еще сказать несколько слов о Лиге наций. Вопреки газетным слухам, мы никаких шагов не предпринимали для вступления в Лигу и никаких заявлений не подавали. Для нас самостоятельного вопроса о вступлении в Лигу пока не существует. Вопрос может встать лишь в случае осуществления регионального Восточного пакта о ненападении и гарантийного советско-французского пакта, которые будут базироваться на пакте Лиги наций *. Не подлежит сомнению, что большинство членов Лиги наций будет голосовать за принятие нас в Лигу, если мы того пожелаем **. Нет, однако, уверенности в том, что в Совете Лиги наций можно добиться необходимого единогласия в вопросе о предоставлении СССР постоянного места. Польша недвусмысленно угрожает отрицательным вотумом в том случае, если и ей не будет предоставлено постоянное место.

Литвинов

Печат. по арх.

219. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Представителю СССР в Чехословакии С. С. Александровскому

27 июня 1934 г.

Я Вам говорил уже в Берлине о заявлении, сделанном мне Бенешем, что он стремится установить с СССР такие же отношения, как и с Францией ***. Я придаю этому заявлению серьезное значение, так как само положение Чехословакии объективно диктует ей сближение с нами. Надо учитывать зна-

---

* Не желая участвовать в региональном пакте, Франция предлагает заключить с СССР особое соглашение, по которому она нам гарантирует выполнение пакта остальными участниками, а в случае нарушения дает нам свою помощь, а мы в таком же порядке гарантируем Локарнское соглашение, т. е. оказываем помощь Франции в случае нападения на нее Германии. — *Прим. док.*

** См. док. № 266.

*** См. док. № 192.

чтительное ухудшение польско-чешских отношений и брожение, происходящее в недрах Малой Антанты. Я поэтому предлагаю Вам со своей стороны не скупиться на теплые выражения в своих выступлениях как в МИД, так и перед общественностью.

Чехословацкий посланник в Токио читал т. Юреневу телеграмму от Бенеша, в которой говорится, что, «в случае советско-японской войны, Малая Антанта и Франция примут всевозможные меры против недопущения германо-польского выступления против СССР, ибо иначе вся Европа оказалась бы захваченной войной». Французский план западноевропейского пакта ненападения встретит, по мнению Бенеша, сопротивление со стороны Германии, Италии и Польши. Англия после обычного колебания, вероятно, согласится на это. Бенеш думает, что в конце концов удастся убедить также Германию, Польшу и Италию, но на это потребуется немало времени и настойчивости и такта Франции и союзных с нею государств. Далее Бенеш считает необходимым соглашение о взаимной поддержке между Францией и Малой Антантой, с одной стороны, и СССР — с другой.

Не совсем понятно, о каком западноевропейском пакте идет речь. Правда, в свое время Франция в Генеральной комиссии по разоружению предлагала, кроме региональных пактов, еще общеевропейский пакт без военных санкций*, но за последнее время Франция к этому предложению почему-то больше не возвращалась. Не поднимала она также этого вопроса в только что закончившем свою работу Комитете безопасности. Со своей стороны я в Женеве также говорил об общеевропейском пакте, но, не встретив поддержки со стороны Франции, подробно на этом не останавливался**. Может быть, в беседах с Бенешем Вам удастся узнать о намерениях Франции в отношении ее первоначальных предложений. Мы рассчитываем также узнать через Вас, возможно скорее, о решениях Бухарестской конференции Малой Антанты, в частности о намерениях Югославии⁴⁴. Может быть, Бенеш сообщит Вам также, скоро ли намерена Румыния назначить к нам посланника. Для Вашего сведения сообщаю, что Титулеску хотел было сейчас же назначить по совместительству своего ангорского посланника, но я его, однако, от этого отговорил, предложив ему лучше обождать некоторое время, пока нельзя будет назначить постоянных самостоятельных посланников для Москвы и Бухареста.

---

* См. «Сборник документов по международной политике...», вып. X, М., 1936, стр. 193—203.

** См. док. № 179, 182.

Я считаю желательным Ваше интервью * после вручения верительной грамоты **. Проект Вам посылается. Полагаю, что вслед за вручением Вам удастся войти в более нормальные отношения с местным дикорпусом.

Литвинов

Печат. по арх.

220. Запись беседы Представителя СССР в Чехословакии с Министром Иностранных Дел Чехословакии Бенешем

27 июня 1934 г.

Был у Бенеша. Я начал с того, что коротко повторил основное содержание нашего предыдущего разговора в части, касавшейся оценки международного положения, перспектив для заключения Восточного пакта и ближайших практических шагов для осуществления этой задачи ***. Бенеш с охотой подтвердил правильность моего изложения, после чего я ему сказал, что я докладывал об этом нашем разговоре наркому т. Литвинову и сейчас имею поручение от него сказать Бенешу еще лишний раз о полном совпадении наших хода мыслей и предположений в этой области ****. Нарком Литвинов с чувством большого удовлетворения узнал из моего доклада, что предположения, касающиеся дальнейших шагов на пути к осуществлению этой задачи, выглядят совершенно одинаково как у Бенеша, так и у Литвинова.

Бенеш коротко, но в очень любезной форме ответил, что и он чувствует глубокое удовлетворение по этому поводу и просит довести об этом до сведения Литвинова. Я продолжал в том духе, что здесь будет лишним напомнить, что Литвинов еще в Женеве определенно обращал внимание французов на необходимость давления на Англию, которая могла бы воздействовать на Германию *****. С другой стороны, я могу сообщить Бенешу, что Литвинов после своего разговора с Нейратом в Берлине ***** уже имел возможность указать французам на необходимость энергичного воздействия на Варшаву и, может быть, даже в первую очередь именно на Варшаву *****. Здесь снова будет весьма к месту сказать, что средства давления, имеющиеся у Франции, смело можно считать достаточными для того, чтобы понудить Польшу принять участие в проектируемом Восточном пакте.

* См. газ. «Известия», 27 июля 1934 г.

** Полпред С. С. Александровский вручил верительные грамоты президенту Чехословакии 17 июля 1934 г.; см. газ. «Известия», 20 июля 1934 г.

*** См. док. № 199.

**** См. док. № 219.

***** См. док. № 168.

***** См. док. № 197.

***** См. док. № 206.

Бенеш перебил меня весьма энергичным подтверждением, что и он считает средства давления Франции на Польшу определенно достаточными для достижения этой цели, а вхождение Польши в пакт обозначало бы и присоединение к нему Германии. Дальше Бенеш в оживленном тоне сказал, что он, в свою очередь, имеет ряд конфиденциальных сообщений для Литвинова. Хотя я еще не кончил, я решил не мешать Бенешу и вернуться к моим заявлениям позже.

Бенеш говорил по пунктам: 1) Бенеш считал, что в вопросе Восточного пакта нужно действовать «с открытым забралом», прямо и искренне для того, чтобы не могло возникнуть каких-нибудь сомнений о характере намерений, связанных с этим пактом, лишенным каких бы то ни было умыслов против кого бы то ни было. Поэтому Бенеш в день своего отъезда в Бухарест поручил чехословацкому посланнику в Берлине прямо обратиться к Нейрату и спросить его, «что он думает о таком пакте». Бенеш взял со стола телеграмму и говорил, что ответ, полученный чехословацким посланником от Нейрата, «не был таким уже негативным». На мой вопрос, что же позитивного было в этом ответе, Бенеш уклонился от уточнения, повторив, что «нет» не было произнесено. 2) Бенеш, дескать, получает постоянно свою информацию из Парижа. Такая повторная информация показала ему на днях, что и на Кэ д'Орсе не получили ответа от Германии, который можно было бы уже сейчас считать негативным. Ответ был далеко не такого характера, чтобы нужно было считать вопрос о германском отношении к пакту выясненным. Все сказанное оказалось нужным Бенешу для того, чтобы подойти к разговору с Литвинова с Нейратом и выводам из него. Бенеш дальше сказал, что, таким образом, его впечатление несколько отличается от впечатления Литвинова. Правда, дело идет только о некотором нюансе. Однако этот нюанс нужно бы учесть, и было бы правильно смягчить впечатление Литвинова от разговора с Нейратом на этот нюанс. 3) Бенеш перед отъездом в Бухарест принял польского посланника Гжибовского и поставил через него прямой вопрос и полякам об их отношении к Восточному пакту, считая, что и с поляками нужно вести открытую игру и избегать возбуждать подозрения в том, что пакт может быть направлен против них или против кого бы то ни было другого. После этого Гжибовский уехал в Варшаву. Бенеш добавил, что не знает, вернется ли Гжибовский вообще в Прагу. До сих пор Бенеш не получил никакого ответа на этот свой вопрос. Как раз сегодня он получил информацию из Парижа о том, что уже вчера французский посланник в Варшаве Лярош получил задание от своего правительства поставить этот вопрос об отношении к пакту Бека и добиваться у него прямого, опре-

деленного, ясного ответа без промедления*. Бенеш подчеркивал, что вопрос Беку будет поставлен именно в такой категорической и совершенно недвусмысленной форме. Лярош будет требовать ответа — «да» или «нет». Я вставил реплику, а что будет говорить Лярош, если Бек скажет «нет»? Бенеш просил меня подождать, потому что он не закончил еще свою информацию, после которой остановится и на этом вопросе. 4) Чехословацкий посланник в Риме имел обстоятельный разговор с германским посланником там. Бенеш подчеркивал, что он имеет основание доверять правдивости того, что ему сообщают из Рима. По этим сообщениям получается так, что Гитлер в Венеции в разговоре с Муссолини** не только не отклонял возможности участия Германии в Восточном пакте, но даже допускал это участие «при условии равноправия». Муссолини, конечно, не был этим обрадован, но «держался весьма скромно», по выражению Бенеша. Чем объясняется эта скромность? Лукаво посмеиваясь, Бенеш сказал, что здесь простой секрет: итальянская лира уже давно держится только милостью Банк де Франс. Сейчас состояние итальянской лиры такое тяжелое, даже прямо отчаянное, что ей не удержаться, иначе как снова с помощью Банк де Франс. Не требует дальнейших объяснений, почему сейчас Муссолини на время стал несколько скромнее.

Я заметил, что в том, что Гитлер допускал возможность участия в пакте «при условии равноправия», нет ничего нового или особенного, и я не совсем понимаю, какое значение придает Бенеш этому обстоятельству. Бенеш ответил, что на этом кончается его информация, которую он просит передать Литвинову как конфиденциальную, сделанную в порядке «дружеской коллаборации».

Что же касается моего недоумения, то Бенеш охотно выскажет свои личные предположения, о которых он еще не говорил с французами. Это последнее утверждение Бенеш в течение разговора подчеркнул несколько раз. Речь, дескать, идет только о его личных впечатлениях и предположениях, которые и у него самого еще недостаточно выкристаллизовались.

Бенеш считал вероятным то, что Франция согласится на некоторые довооружения Германии, но далеко не на такие, на какие претендуют немцы. При каких условиях это возможно? Конечно, прежде всего при условии соблюдения требования французского тезиса о предварительных гарантиях. Я вставил замечание, что этот тезис связывался с вопросом разоружения, а не довооружения. Бенеш пожал плечами и продолжал, что Восточный пакт с участием СССР — и непременно с участием СССР — был бы такой достаточной гарантией безопасности,

* См. док. № 227, 255.

** См. док. № 237.

которая позволила бы одновременно дать некоторое удовлетворение немецкому требованию «равноправия». Это не значит то довооружение, которого добиваются немцы. Практически речь может идти о весьма ограниченном довооружении, и здесь будет играть роль компромисс, которого Франция сумеет добиться с Англией.

В тоне большого сомнения я сказал, что теперь мне понятна связь с информацией Бенеша из Рима, но я не могу освободиться от чувства опасения, вызванного у меня последним ходом мысли у Бенеша. Не скрыта ли здесь опасность невольного перевода вопроса как раз в ту плоскость «равноправных» довооружений, которая и является целью практики немецкой внешней политики за последнее время. Мы стремимся к созданию гарантий мира, а любое вооружение и довооружение едва ли могут считаться такой гарантией.

Бенеш без обиняков соглашался с этим, одновременно уверяя в довольно пышных выражениях в том, что и его задачей является целиком и полностью укрепление мира, создание гарантий, борьба за разоружение, безопасность и безопасность в первую очередь. Он не позволит провести себя на мякине, не пойдет на сколько-нибудь опасные компромиссы. Он высказал мне лишь свое впечатление в отношении французских настроений. В Париже есть много людей, которые целиком проводят и развивают точку зрения последовательного проведения системы гарантий и безопасности, в частности, в форме того же Восточного пакта. Бенеш придает их деятельности большое значение. К таким людям относятся прежде всего Эррио и Леже. Особенно последнему Бенеш придает большое значение. Такие лица хотят идти до конца и добиться Восточного пакта без всяких концессий, если даже из-за этого пакт должен бы быть заключен не только без немцев, но и без поляков*. Однако сегодня Бенеш еще не может сказать, усвоило ли французское правительство в целом такую точку зрения. Бенеш не знает точно, насколько глубоко воспринял эту точку зрения сам Барту. На примере поручения, данного Лярошу, и по ряду других признаков Бенеш может твердо констатировать, что французское правительство «создает атмосферу» такой решительности идти до конца. Но Бенеш лишь несколько позже сможет с уверенностью сказать, соответствует ли эта внешняя атмосфера полностью внутренним намерениям Франции. Я заметил, что такая неопределенность могла бы быть пагубной, на что Бенеш заторопился с уверениями, что у него все-таки опасений нет и этих опасений не должно быть. Бенеш оптимист и еще раз повторяет, что он убежден в пацификации Европы в 1935 г.

---

* См. док. № 144 и прим. 194.

Я не стал обнаруживать дальнейшего скептицизма и решил вернуться к последнему вопросу моего посещения, хотя он был уже достаточно освещен рассуждениями самого Бенеша. Я считал все-таки нужным в исполнение данного мне поручения сказать Бенешу дальнейшее от имени т. Литвинова. Поэтому я сказал, что в начале разговора с Бенешем я с удовольствием отметил его энергичную поддержку мнения наркома Литвинова о том, что в руках у Франции имеется достаточно средств давления на Польшу для того, чтобы понудить ее присоединиться к пакту. Нарком считает, что в этом случае Германия должна будет присоединиться к пакту, а если нет, то пакт осуществится и без нее. Поэтому нарком придает большое значение энергичному воздействию именно на Варшаву. Что думает Бенеш на этот счет? Бенеш ответил, что, по его мнению, если на пакт пойдет Варшава, то на него пойдет и Берлин. И наоборот, за Берлином пойдет Варшава. Тут прямая взаимозависимость. Ссылаясь на предыдущее, Бенеш уверял, что и он целиком стоит за консеквентность* в линии преследования задачи заключения Восточного пакта, и потому считает, что пакт может осуществиться и без Польши и Германией. Он слишком тесно связывал Польшу и Германию, на что я обратил его внимание. Бенеш в несколько неопределенном тоне допускал возможность включения в пакт Польши и заключения пакта только без Германии, но все же чувствовалось, что он в большом сомнении по поводу физиономии Польши. Довольно характерной иллюстрацией на эту тему было то, что рассказал Бенеш о Бухаресте. Нижеследующее стояло уже несколько особняком в отношении предыдущего комплекса вопросов и было как бы дополнительной информацией Бенеша по текущим вопросам.

Бенеш рассказал о том, что поведение Польши за последний период вызвало большое неудовольствие в Румынии и даже в Югославии. Поляки грубо-откровенно интриговали в Бухаресте. Они старались насадить в Румынии диктатуру. Поддерживали «Железную гвардию», распускали разные слухи о крушении Малой Антанты, интриговали против Титулеску. Король в известной мере поддавался желанию установить диктатуру. Однако в результате «румынская общественность» возмутилась, и сейчас произошла консолидация общественного мнения и даже политических партий. В частности, царансты тоже поднялись против польских интриг. Бенеш утверждал, что нынешний режим сильно укрепился, а в частности произошло очень большое укрепление положения Татареску** и Титулеску.

---

* — последовательность (фр.).

** Премьер-министр Румынии.

О поездке Барту в Бухарест и Белград* Бенеш в очень определенной форме сказал, что ее нужно прежде всего расценить как антипольскую демонстрацию. Барту разговаривал с королем. Бенеш не знает, о чем был разговор, но повторяет, что поездка Барту имела антипольское острие.

Совет Малой Антанты кроме вопросов общеевропейской политики занимался и своими малоантантовскими делами. Почему Гембеш сейчас так волнуется? Речь шла о придунайском экономическом сотрудничестве. Бенеш дал характеристику Гембеша. Гембеш импульсивен, не понимает политических вопросов, не знает людей в Европе и из-за этого делает глупости, а потом слишком темпераментно волнуется. По вопросу придунайского экономического сотрудничества Гембеш сделал Малой Антанте высокопарное заявление, что он «не считает возможным подменять вопросы территориальные вопросами экономического сотрудничества». Это должно было обозначать, что Гембеш сначала хочет и при этом случае выдвинуть вопрос о ревизии. Бенеш поймал его на неудачной формулировке и ответил, что полностью принимает его точку зрения и тоже не считает возможным подменять текущий вопрос об экономическом сотрудничестве вопросом о территориальном статусе. У великих держав, в частности и в Англии, после этого должно было сложиться впечатление, что Венгрия отказывается от сотрудничества в данных условиях. Гембеш испугался этого и сделал разъяснение, что его заявление не относилось к возможности экономического сотрудничества «тем временем», но он допускает такое сотрудничество не с Малой Антантой в целом, а с отдельными государствами. Бенеш якобы поймал его на этом разъяснении и ответил, что и эту точку зрения он принимает и назначает делегацию для переговоров о торговом договоре. Гембеш оказался вынужденным не брать на себя одну уклоняющегося от коллаборации и сейчас страшно зол на Бенеша.

Небезынтересно отметить, как Бенеш сейчас расценивает внутреннее положение в Германии. По его убеждению, режим Гитлера морально уже дискредитирован и не имеет больше опоры в массах. Однако история знает, когда морально и материально дискредитированные и опустошенные режимы продолжали еще достаточно долго держаться силой бюрократического аппарата. Поэтому Бенеш не ждет уже завтра катастрофы в Германии, а в частности не ждет революционных событий. По его предположениям, гитлеровский режим в Германии в сравнительно недалеком будущем будет заменен «режимом германского рейхсвера». Лучше это или хуже — пока-

---

* См. док. № 239.

жет будущее. Скорее всего, это будет лучше в качестве переходной ступени к дальнейшей демократизации.

Бенеш сообщил, что Павлу уже назначен посланником в Москву постановлением совета министров, но бюрократическая процедура в Чехословакии носит несколько длительный характер, и поэтому лишь через несколько дней об этом будет официальная публикация. Я сообщил, что уже получил мои верительные грамоты*. Бенеш сказал, что их вручение может состояться в ближайшие дни, но он хотел бы, чтобы это было не раньше публикации о назначении Павлу**. Я согласился. Затем он сказал, что Масарик еще очень слаб после болезни и поэтому вручение состоится, вероятно, в его поместье в Ланах, в 40 км от Праги. Относительно Павлу Бенеш хочет, чтобы тот немедленно поехал в Москву, осмотрелся, сменил бы весь личный состав миссии в Москве и сделал вообще все для того, чтобы «ничего и никто из прошлого не влияли на новые взаимоотношения. Чтобы и следа не оставалось от старого духа. Мы начинаем писать историю наших взаимоотношений с красной строчки, и этому ничто не должно мешать».

Полпред СССР в ЧСР
Александровский

Печат. по арх.

221. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Италии в СССР Аттолико

28 июня 1934 г.

Аттолико пришел информировать меня о венецианской встрече***. Он начал с того, что ничего утешительного он не может мне сообщить. На выраженное мной изумление он пояснил, что встреча не дала никаких результатов и что Гитлер и Муссолини не договорились даже по основному вопросу об Австрии. Гитлер требовал участия наци в австрийском правительстве, новых выборов и новых людей в правительстве, что Муссолини признал неприемлемым. В области разоружения Гитлер настаивал на равноправии и 300-тысячной армии, обещая лишь после этого вернуться в Женеву.

Аттолико сообщил, что маркиз Паулуччи ди Кальболи имел 1 июня в Берлине разговор с Гитлером, который ему сказал, что «отношения с СССР не могут улучшаться, так как мы про-

* См. док. № 219.

** Посланник Чехословакии в СССР Павлу вручил верительные грамоты Председателю ЦИК СССР М. И. Калинину 8 августа 1934 г.; см. газ. «Известия», 9 августа 1934 г.

*** См. док. № 196, 237.

сим Германию гарантировать Украину. Как он может гарантировать территории, принадлежащие СССР и на которые он не имеет никаких вождлений». Я сказал Аттолико, что считаю это заявление каким-то недоразумением, ибо мы никогда не просили у немцев гарантии для Украины, а лишь указывали на связи Розенберга с украинскими контрреволюционерами. Пресса писала также о замыслах Гитлера в отношении Украины.

Аттолико сказал, что Муссолини отнюдь не настроен против региональных пактов, если они не ведут к делению на враждебные лагеря.

По сообщению Аттолико, Леже 20 июня говорил итальянскому послу Пилотти, что инициатива Восточного пакта принадлежит СССР, который якобы добивался вначале полного союза с Францией, распространяющегося даже на Дальний Восток. Франция будто бы отклонила это предложение и поставила условием участие в пакте Германии и Польши, причем по нашей просьбе была включена и Прибалтика. На вопрос Пилотти, предполагается ли прямое участие Франции в пакте, Леже ответил, что, в случае нарушения пакта кем-либо из участников, Франция обязуется солидаризироваться с СССР. Леже говорил, что Берлин отнесся с недоверием к предложению о пакте и что очень мало надежд на успех этого дела. Леже высказал свое огорчение и при этом констатировал, что Франции придется вернуться к полному союзу с СССР*.

Аттолико сообщил, что в Женеве Барту говорил Алонзи, что готов будет принять итальянский меморандум о разоружении**, если Германия несколько умерит свои требования и представит их в форме, приемлемой для французского общественного мнения. Барту высказал готовность поехать в Италию и спрашивал, должен ли он это сделать до встречи Муссолини с Гитлером или после. Говорилось вполне конкретно и о спорных между Францией и Италией вопросах, причем Барту обещал полную уступку в отношении Туниса и компромиссное предложение в отношении Лиги. Он признал возможным разрешить с Италией и морской вопрос в случае установления итало-французского общего фронта на морской конференции. Барту признавал, что конференция по разоружению ничего не может сделать, но что он по тактическим соображениям должен настаивать на своей позиции, чтобы сохранить существование конференции. Центральный спорный вопрос между Францией и Германией может быть разрешен при помощи Муссолини.

---

* См. док. № 225.

** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. X, М., 1936, стр. 28—33.

Аттолико также сообщил, что Нейрат еще 5 июня говорил Черутти, в отличие от того, что последнему раньше говорил Бюлов, что Восточный региональный пакт для Германии абсолютно неприемлем.

Аттолико, придя ко мне, не имел еще инструкции, о которой Кварони говорил т. Потемкину, и я его ознакомил с содержанием телеграммы последнего *. Я разъяснил ему, что никакой органической связи между региональным пактом и франко-советским соглашением не предвидится и что, по всей вероятности, Франция, во всяком случае, обусловит всякое выступление против агрессора соответственным постановлением Совета Лиги наций, как это предусмотрено и Локарнским соглашением, так что опасения Италии и Англии быть втянутыми в конфликт совершенно неосновательны.

Под конец Аттолико вновь пожаловался на тон нашей прессы, вручив мне список цитат из нее. Я в свою очередь указывал на инициативу итальянской прессы в изменении тона и выразил надежду на прекращение полемики обеими сторонами.

Аттолико упомянул, что он получает дачу на Клязьме и хотел бы, чтобы около дачи поставили милиционера.

Литвинов

Печат. по арх.

222. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР и Заместителя Народного Комиссара Внешней торговли СССР Поликомочному Представителю СССР в Греции М. В. Кобецкому

28 июня 1934 г.

В связи с полученной от торгового представителя СССР в Греции Ангарского телеграммой о наложении ареста в Салоониках на имущество торгпредства в связи с налоговым вопросом ** заявите решительный протест министерству иностранных дел и министерству национальной экономики. Укажите на совершенною недопустимость подобных мер, особенно в связи с налоговым вопросом, по которому переговоры ведутся и не закончены. Потребуйте немедленной отмены ареста во избежание тяжелых последствий для советско-греческих торговых отношений. Сообщите о положении налоговых переговоров ¹⁹².

*Крестинский
Ленгшель*

Печат. по арх.

* См. док. № 223.

** См. док. № 70.

223. Обмен нотами между Народным Комиссариатом Иностранных Дел СССР и Миссией Финляндии в СССР об утверждении решений по вопросу поддержания порядка в Финском заливе

1. НОТА

**НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
В МИССИЮ ФИНЛЯНДИИ В СССР**

29 июня 1934 г.

Народный Комиссариат Иностранных Дел имеет честь уведомить Финляндскую Миссию в Москве о том, что подлежащие органы Союза Советских Социалистических Республик утвердили решения, принятые 9-й конференцией представителей Союза Советских Социалистических Республик и Финляндии по вопросу поддержания порядка в части Финского залива вне черты территориальных вод и о содержании мореходных сооружений и лоцманской службы на этом заливе, проходившей в г. Ленинграде с 23 по 29 мая с. г.

2. НОТА

**МИССИИ ФИНЛЯНДИИ В СССР
В НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР**

22 сентября 1934 г.

В соответствии с конвенцией между Финляндией и СССР по вопросам поддержания порядка в части Финского залива вне черты территориальных вод* и т. д. Финляндская Миссия имеет честь сообщить Народному Комиссариату Иностранных Дел СССР, что Министр Торговли и Промышленности Финляндии утвердил 7 сентября с. г. решения, принятые на конференции представителей Финляндии и СССР, созванной во исполнение ст. 10 упомянутой конвенции и проходившей в Ленинграде с 23 по 29 мая 1934 г.

Одновременно Миссия имеет честь сообщить Народному Комиссариату, что Генеральное управление торгового судоходства намерено предложить, чтобы в бюджете 1936 г. были выделены средства на проектируемое строительство радиомаяков на южной оконечности Суурсаари и на Сомери.

Печат. по арх.

---

* См. «Собрание законов...», отд. 1, № 20, 2 апреля 1925 г., стр. 247—254.

224. Интервью Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова французскому журналисту Зауэрвейну

29 июня 1934 г.

Идея региональных пактов о взаимной помощи родилась из испытываемого повсеместно чувства неуверенности в безопасности, неуверенности в ненарушении мира вообще и в частности в Европе. В атмосфере этой неуверенности происходила и недавняя сессия Генеральной комиссии по разоружению*. Мне незачем говорить вам о причинах, породивших или усиливших эту неуверенность, ибо они достаточно известны. А раз нет уверенности в безопасности, то совершенно естественно, что те государства, которые искренне озабочены избавлением своих и других народов от бедствий войны, ищут новых средств обеспечения всеобщей безопасности, и в особенности для наиболее слабых государств, которые могут попасть на первую линию огня и быть сметены с карты Европы. Этих средств искали до сих пор преимущественно в области разоружения, но теперь стало совершенно ясно, что проблема разоружения не поддается разрешению. Самые крайние оптимисты или скорее те, которые хотят казаться оптимистами, не мечтают теперь о большем, чем о стабилизации нынешнего уровня вооружений. В то же время никто не отрицает, что и при нынешнем состоянии вооружений возможны весьма кровопролитные, весьма экстенсивные и весьма длительные войны. Не касаясь вопроса об эффективности контроля, я хочу Вам напомнить, что предпосылкой всяческой конвенции о разоружении в Женеве всегда считалось обязательство соблюдения ее только в мирное время. Предполагается, что с открытием военных действий воюющие государства будут свободны от всяких обязательств и смогут увеличивать свои вооружения всех родов без всяких ограничений. Нынешнее развитие военной промышленности крупных стран таково, что оно позволит в случае мобилизации этой промышленности с избытком возмещать расход военного снаряжения на поле битвы. Стало быть, разоружение само по себе, производимое в тех пропорциях и теми темпами, какие до сих пор мыслились в Женеве, отнюдь не может считаться гарантией безопасности, если даже оставить в стороне вопрос о довооружении. Правда, имеются пакт Келлога и пакт Лиги наций**, но, поскольку оба они безнаказанно уже нарушались, они никого не могут больше удовлетворять в качестве гарантии мира. Это доказывается тем, что, несмотря на наличие этих пактов, к которым еще прибав-

* См. «Сборник документов по международной политике...», вып. X, М., 1936, стр. 193—203.

** См. соответственно т. XI, док. № 298, «Сборник действующих договоров...», вып. VIII, М., 1935, стр. 37—48.

вилась серия двусторонних пактов о ненападении*, чувство неуверенности в безопасности, о котором я говорил Вам, находится в процессе роста. И то сказать, двусторонние пакты о ненападении не всегда служат целям мира. Самое заведомо агрессивное государство может заключать пакты о ненападении с другими государствами, чтобы развязывать себе руки и обеспечивать себе тыл или фланги для нападения на другие государства. Мы знаем примеры, когда государство, упорно отказываясь от заключения пакта о ненападении с одним соседом, с таким же упорством хочет навязать его другому соседу, действуя по принципу «divide et impera» (разделяй и властвуй).

Какие же имеются другие гарантии безопасности? Военные союзы и политика равновесия? Но предвоенная история нам показала, что такая политика не только не устраняет войны, а как раз развязывает ее. Путем исключений мы приходим, таким образом, к другому средству, а именно к пактам о взаимопомощи, которые не могут ни в коем случае считаться окружением кого-либо, поскольку в них могут участвовать все государства определенного района. Имея одинаковые права и обязанности и равную меру безопасности, ни один участник такого пакта не может считаться окруженным или подвергающимся какой-либо опасности, если только он разделяет стремление к миру остальных соучастников. Иное дело, когда какое-либо государство, желая иметь руки свободными, сознательно отказывается от участия в предлагаемом региональном пакте, но тогда оно не вправе жаловаться на окружение, если пакт заключается без него согласно его собственному желанию.

Сессия Генеральной комиссии показала, что имеется немало противников самой идеи пактов о взаимопомощи, и не только среди тех государств, которых смущает перспектива приглашения к участию в этих пактах, но и среди тех, которые не имеют никакого отношения к намечаемым пактам. Спротивляясь единственно реальному в настоящий момент средству гарантирования всеобщей безопасности, и в особенности безопасности небольших государств, отмеченная мною категория, так сказать, незаинтересованных противников региональных пактов ярко показывает свою незаинтересованность в укреплении безопасности кого бы то ни было, если только нарушение этой безопасности, как надеются эти противники пактов, не коснется их самих. В такой их позиции отсутствуют даже элементы рыцарства, поскольку они не несут даже риска, на который готовы пойти те противники региональных

---

* См. док. № 105, 106, 107, 114.

пактов, которые непосредственно могут участвовать в нарушении мира.

На Ваш конкретный вопрос о том, какие шансы имеет Восточноевропейский региональный пакт* на осуществление, я еще затрудняюсь Вам ответить. Такие проблемы требуют некоторого времени для окончательного разрешения. Что же касается вопроса о взаимоотношениях между Балканским** и Восточноевропейским пактами, то я должен отметить отсутствие какой-либо формальной связи между ними. СССР, естественно, интересуется предложенный ему Восточноевропейский пакт, в котором он сам согласился участвовать, но он находит нормальным применение региональных пактов и к другим частям Европы и даже других континентов. С Локарнскими соглашениями*** упомянутый мною пакт будет иметь то сходство, что те гарантируют мир на западе Европы, а он будет выполнять ту же функцию на востоке Европы.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 156 (5396), 29 июня 1934 г.*

225. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу

29 июня 1934 г.

На Вашу телеграмму от 24 июня¹⁹³. Согласен, что Вам полезно повидать Барту до Лондона и выяснить также результаты его поездки на Балканы****.

Итальянцы говорят Потемкинну, что они теперь относятся положительно к Восточному региональному пакту и готовы даже воздействовать на Германию, но они опасаются органической связи между пактом и гарантиями Франции, которые могли бы вовлечь в конфликт и Италию в силу Локарнского соглашения*****. Мы разъясняем им, что такой связи не будет и что если определение агрессии найдет место в Восточном пакте, то вряд ли оно будет включено в франко-советский пакт, где выступления Франции будут, вероятно, обусловлены постановлениями Совета Лиги. Германский посол в Риме говорит, будто и его правительство согласится на региональный пакт, если он не будет связан с французскими гарантиями. Леже говорил итальянскому послу Пилотти, что в случае про-

* См. док. № 151, 168, 192.

** См. док. № 51.

*** См. т. VIII, прим. 67, 68.

**** См. док. № 239.

***** См. т. VIII, прим. 67, 68 и док. № 248 настоящего тома.

вала пакта Франция заключит с нами военный союз, что подтверждает Ваше сообщение¹⁹⁴.

Для Вашего сведения сообщая, что Альфан поднял вопрос об установлении беспересадочного сообщения между Москвой и Парижем обществом спальных вагонов путем приспособления вагонов для обеих колеи¹⁹⁵.

Литвинов

Печат. по арх.

226. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

29 июня 1934 г.

На Вашу телеграмму от 28 июня 1934 г.¹⁹⁶ Вы, вероятно, получили уже посланную почтой запись последней беседы с Чилстоном¹⁹⁷. На эту же тему говорите и с Ванситтартом*, указывая, какие именно моменты в поведении правительства, прессы и отдельных консерваторов создают у нас представление о враждебности Англии и ее незаинтересованности в сохранении мира. Указывайте также на отрицательное отношение некоторых английских газет к региональному пакту, чтобы этим путем вызвать ответ Ванситтарта об отношении правительства. Упомяните о слухах относительно колебаний английского правительства касательно нашего возможного вступления в Лигу наций. Скажите, что с нашей стороны имеется искреннее стремление к установлению наилучших отношений с Англией. Для Вашего сведения сообщая, что Италия как будто меняет отношение к региональному пакту, чуть ли не предлагая нам свое посредничество для воздействия на Германию, а это указывает и на изменение позиции Англии. Как Италию, так и Англию смущает не столько региональный пакт, сколько наше гарантийное соглашение с Францией, которое в случае агрессии Германии могло бы, по их мнению, вовлечь в военные действия Францию, а тем самым и Англию и Италию в силу Локарнского соглашения. Если так будет поставлен вопрос Ванситтартом, разъясните, что, поскольку Франция настаивает на нашем вступлении в Лигу, она, очевидно, имеет в виду связать свое éventуальное военное выступление с решением Совета Лиги наций, а такое выступление предусмотрено Локарнским соглашением и освобождает Англию и Италию от вмешательства. Если региональный пакт включит пункт об определении агрессии и сделает возможным выступление без постановления Совета Лиги, то это к Англии отно-

* См. док. № 232.

шения не имеет, поскольку этого определения агрессии не будет во франко-советском соглашении. На возможный вопрос, как поступим мы в случае окончательного отказа Германии, скажите, что такое положение будет обсуждено нами с Францией.

Для Вашего сведения сообщаю, что французское правительство для воздействия на Германию, Англию и Италию говорит им теперь же, что в случае провала пакта оно пойдет на военный союз с нами*. Разъясните, что нет иного средства держать воинственную Германию в узде, как заключение пактов о взаимной помощи. Франция давит на Варшаву и на Берлин, и есть сведения, что Берлин тоже заколебался.

Литвинов

Печат. по арх.

227. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше Я. Х. Давтяну

29 июня 1934 г.

Нам известно, что Париж продолжает давить на Варшаву в отношении пакта и поручил Лярошу сделать демарш. Старайтесь быть в курсе переговоров Ляроша с Беком¹⁹⁸.

Италия меняет свое отношение к пакту, обещая даже свое содействие, если пакт не будет связан с такими гарантиями Франции, которые могли бы вовлечь в конфликт Англию и Италию**. Это значит, что и Англия заняла более положительную позицию. Говорят и о колебаниях Берлина, но там без сильного давления и без угрозы заключения пакта без Германии вряд ли можно ожидать присоединения***.

Литвинов

Печат. по арх.

228. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Италии В. П. Потемкину

29 июня 1934 г.

На Ваши телеграммы от 26 и 27 июня 1934 г.¹⁹⁹ Аттолико приходил вчера информировать о венецианском свидании и сообщил, что оно окончилось совершенно безрезультатно****.

* См. док. № 225.

** См. док. № 225.

*** См. также док. № 236.

**** См. док. № 221.

Он еще не имел инструкции, о которой Вам говорил Кварони, но я ему разъяснил, что органической связи между обонми пактами не будет и что, поскольку Франция настаивает на нашем вступлении в Лигу, она, очевидно, хочет обусловить какое бы то ни было свое военное выступление соответственным постановлением Совета Лиги, а такое выступление предусмотрено Локарнским соглашением и освобождает Англию и Италию от вмешательства. Если в региональном пакте без участия Франции и будет определение агрессии, то оно ни в какой мере не задевает ни Англии, ни Италии, если такового определения не будет в советско-французском соглашении. Разъясните то же самое Кварони и еще лучше Муссолини. Скажите, что рассчитываете, что Италия не только не будет препятствовать, а наоборот, способствовать созданию таких гарантий безопасности, которые помогут держать воинственность гитлеровской Германии в узде. Создание этих гарантий значительно оздоровит всю атмосферу международных отношений и облегчит разрешение других проблем. Заверьте его, что мы не имеем никакого желания в какой бы то ни было мере связывать Восточный пакт с Балканским, Средиземноморским или другими и что нас теперь только интересует гарантия против Германии. До разговора ознакомьтесь с моим информационным письмом, посланным Вам курьером 27-го *.

Литвинов

Печат. по арх.

229. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу

29 июня 1934 г.

Визит нашей авиации состоится между 5 и 10 августа **. Летят три самолета во главе с Уншлихтом и Хрипным ***. Маршрут южный. Визит согласуйте с французским правительством. Тип самолета дополнительно сообщит Ланговой ****. Срочно сообщите исполнение *****.

Крестинский

Печат. по арх.

* См. док. № 218.

** См. т. XVI, прим. 234.

*** Соответственно начальник Главного управления гражданского воздушного флота СССР и начальник штаба ВВС РККА.

**** Начальник сектора военных и военно-морских атташе при наркомое по военным и морским делам СССР.

***** См. док. № 239.

230. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
29 июня 1934 г.*

Уэллс будет в Москве 23 или 24 июля. Помимо беседы со Сталиным его желание сводится к следующему: войти в контакт с советскими писателями, ознакомиться с системой нашего народного просвещения (включая беседу с Бубновым), получить впечатление от нашего молодого поколения, просмотреть 1—2 фабрики, посетить такие учреждения, как коммуна в Болшево и тому подобное. К сельскому хозяйству у него интерес малый. Он предполагает пробыть в СССР 2 недели и ограничиться в основном Москвой и Ленинградом. Было бы очень хорошо, если бы Горький, к которому Уэллс относится хорошо, взял его под свое покровительство во время пребывания у нас*. Переводчика из Англии Уэллс с собой не берет; он просил меня порекомендовать ему какого-либо подходящего человека, я обещал Уэллсу устроить это дело. Нельзя ли прикомандировать к нему Тобинсон? Уэббы остались ею очень довольны. Во всяком случае, сообщите мне поскорее имя переводчика, на котором вы остановитесь, чтобы я мог еще здесь рекомендовать его Уэллсу. Нужен человек очень интеллигентный, прекрасно владеющий языком, особенно в области политической и культурной.

Полпред

Печат. по арх.

231. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу

1 июля 1934 г.

Нам известно из двух источников, что немцы в Берлине распространяют слухи, будто я им говорил, что разочарован поведением французов в Женеве**, что я даже жаловался Нейрату на Барту, якобы подпавшего под влияние английской дипломатии. При случае сообщите это Кэ д'Орсе, отметив совершенную лживость этих слухов.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. газ. «Известия», 22, 24, 27—30 июля, 3 августа 1934 г.

** См. док. № 168, 186, 189, 192.

232. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
3 июля 1934 г.*

Имел беседу сегодня с Ванситтартом. Суммирую самое существенное. 1. Ванситтарт считает, что Германия и Япония в настоящее время являются двумя крупнейшими очагами военной опасности. 2. Ванситтарт заявил мне, что британское правительство в целом еще не имело суждения о Восточном Локарно* и не заняло по данному вопросу никакой определенной позиции. На мой вопрос, какова позиция форин офиса, он уклонился от четкого ответа, но прибавил, что лично он считает Восточное Локарно с участием Германии полезной вещью, ибо это сейчас, пожалуй, единственный способ заставить Германию сохранять спокойствие. Вопросы о франко-советском пакте** Ванситтарт не затрагивал. 3. Ванситтарт далее совершенно твердо заявил мне, что британское правительство против развязывания войны на Дальнем Востоке и что лорд Ллойд и ему подобные ни в какой мере не отражают точки зрения кабинета. В этой связи Ванситтарт сказал несколько кислых слов по поводу известной Вам речи Мануильского***. 4. Равным образом Ванситтарт заявил, что британское правительство приветствовало бы вступление СССР в Лигу наций, но оно считает неудобным проявлять тут большую активность: а вдруг СССР в конце концов решит не вступать, то есть-де создается невыгодное для самого СССР впечатление, будто у него имеются какие-то агрессивные намерения. 5. Ванситтарт несколько раз подчеркивал, что британское правительство желает мира и хотело бы наладить с нами более дружественные отношения и что оно не видит в настоящее время никаких серьезных вопросов, которые нас разделяли бы. Тут же он прибавил, что было бы чрезвычайно важно поскорее ликвидировать спор из-за «Лена-Голдфилдс»****. Это расчистило бы дорогу для сотрудничества по более серьезным вопросам. 6. Ванситтарт с явным раздражением говорил о «Таймс», которая-де большей частью совершенно не выражает мнения форин офиса и только путает иностранцев. В частности, Ванситтарт считает линию «Таймс» излишне дружественной по отношению к Германии. Он просил нас не придавать преувеличенного значения ни писаниям «Таймс», ни различным запросам в парламенте, а в случае каких-либо сомнений рекомендовал мне прямо об-

* См. док. № 151.

** См. док. № 26.

*** См. газ. «Правда», 2 ноября 1932 г.

**** См. док. № 380.

ращаться к нему за разъяснениями. 7. Я высказал соображения, что в интересах очищения атмосферы было бы полезно, если бы кто-либо из ответственных членов британского правительства сделал в той или иной форме публичное заявление в духе тех мыслей по вопросу Дальнего Востока и Восточного Локарно, которые мне сегодня развивал Ванситтарт. Последний нашел мое соображение правильным и обещал переговорить об этом с кем следует. Он обещал также оказать сильное воздействие на печать в том же направлении, хотя оговорился, что возможности его ограниченные. 8. Общий тон беседы был очень дружественный, и на прощание Ванситтарт сказал, что надеется в недалеком будущем еще раз встретиться со мной для аналогичной беседы *. В какой мере Ванситтарт был искренен, будем судить по дальнейшим результатам.

Полпред

Печат. по арх.

233. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Литве М. А. Карскому

3 июля 1934 г.

Сегодня сообщил Балтрушайтису, что Советское правительство, несмотря на затруднительность этой операции с хозяйственной точки зрения, решило пойти навстречу просьбе Литвы и поручило НКВТ СССР разместить до конца года дополнительных заказов в Литве на сумму в 1 млн. руб., конечно, при приемлемых ценах и условиях ²²⁰.

Балтрушайтис очень благодарил и сказал, что решение Советского правительства произведет большое впечатление.

Можете сообщить о том же Лозорайтису. Подчеркните, что при нынешних внешнеторговых трудностях нам очень трудно делать столь крупные закупки потребительских товаров и что Советское правительство пошло на эту далеко идущую меру, только чтобы оказать политическую поддержку дружественной Литве **.

Стомоняков

Печат. по арх.

* См. док. № 245.

** См. также док. № 121.

234. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Польше с Министром Иностранных Дел Польши Бекон

3 июля 1934 г.

Бек сказал, что он просил меня зайти для того, чтобы непосредственно со мной выяснить один вопрос, который ему не ясен в связи с проектом пакта взаимной помощи*.

Проект пакта, который он получил от французов через Ляроша, содержит очень много детальных пунктов, весьма напоминающих существующую процедуру Лиги наций. В связи с этим он хотел выяснить, значит ли это, что мы решили вступить в Лигу наций.

Я сказал, что хотя мне не известен в подробностях тот проект, который он имеет в виду, но принцип пакта взаимной помощи более или менее одинаково понимается нами и французами. Конечно, этот принцип может получить то или иное конкретное оформление в зависимости от его обсуждения всеми будущими контрагентами. Мы мыслили заключение этого пакта в рамках Лиги наций**, если, конечно, будут учтены соответствующие обстоятельства. Некоторые державы, и в частности Франция, хотят нашего вступления в Лигу наций, но, насколько мне известно, у нас еще нет окончательного решения по этому вопросу***.

Бек ответил, что мои разъяснения полностью совпадают с теми, которые ему делал г. Литвинов в Женеве****. Он в этом духе именно разъяснил советскую позицию в отношении Лиги наций и пакта. Тем не менее он хотел бы знать, нет ли каких-либо изменений в этом вопросе и нет ли у нас нового решения. Я ответил, что наша позиция в этом вопросе не изменилась.

Он стал, между прочим, говорить, что само название «Восточное Локарно» ему не нравится потому, что слово «Локарно» вообще представляет неприятный термин для поляков. Западное Локарно подписывалось в совершенно другой обстановке*****, и даже мыслится различный подход к западным и восточным границам Германии. Я на это подал реплику, что дело не в названии и вообще слово «Локарно» пушено не нами, а различными газетами. Дело в самом принципе пакта, который имеет в виду обеспечить стабилизацию мира в определенном участке Европы. Насколько мне, мол, кажется, этот принцип должен быть полезен и для Польши, поскольку таким пактом Германия должна закрепить и польско-германские существующие границы. На эту фразу Бек, смеясь, заметил, что,

* См. журн. «Международная жизнь», 1963, № 6, стр. 156.

** См. т. XVI, прим. 321.

*** См. док. № 163, 266, 270.

**** См. док. № 180, 187.

***** См. т. VIII, прим. 67, 68.

собственно, в этом нет специальной надобности, ибо польская граница достаточно обеспечена польской армией. Я сказал, что, конечно, лучшей гарантией безопасности является своя собственная сила, но, с другой стороны, несмотря на это обстоятельство, в 1925 г. Франция тем не менее подписала Западное Локарно с Германией, ибо взаимные гарантии всегда лучше непосредственного применения силы. Бек попутно заметил, что при подписании Западного Локарно Франция преследовала главным образом цель привлечь к гарантии Англию.

Возвращаясь к самому проекту, я снова заметил, что дело не в том или ином варианте, который представляется, а дело в самом принципе, и спросил его, изменилась ли та сдержанная позиция Польши к принципу пакта взаимной помощи или нет. Бек ответил, что эта позиция продолжает оставаться сдержанной («резерве»), и он все-таки не имеет окончательного мнения, ибо изучает проект. Французы ему тоже сказали, что предложенный ими проект не есть последнее слово, а только материал для обсуждения, и он сейчас всячески его изучает и рассматривает.

Между прочим, я вставил реплику, что, насколько мне известно, позиция Италии и Англии к пакту сейчас менее отрицательная, чем раньше. Бек со своей стороны заметил, что Италия по-прежнему занимает отрицательную позицию. Он затем подтвердил мое замечание, что Германия еще не сказала своего последнего слова и не дала окончательного отрицательного ответа*. Я тут разъяснил, что пакт нами мыслился всегда с участием Германии и что мы чужды той «политики окружения», которую тенденциозно высказывали об инициаторах пакта некоторые немецкие газеты. Я тут же нарочно заметил, что последние германские события**, возможно, заставят германское правительство несколько изменить свою точку зрения на пакт. Я осторожно намекнул, что пошатнувшееся положение нынешнего режима Германии может принести изменения и во внешней политике германского правительства. Бек (проявив, несомненно, некоторое беспокойство) заметил, что еще трудно сказать, что происходит в Германии и что положение еще не ясно. Я не стал отрицать этого, заметив лишь еще раз, что, по-видимому, политическая и социальная база нынешнего правительства сильно пошатнулась и что, по-видимому, действительным хозяином положения является рейхсвер и те круги, которые стоят за Папенем. Бек поспешно заметил, что Папен не имеет влияния и, наоборот, он сейчас

* См. док. № 197, 217.

** Имеется в виду расправа гитлеровцев с верхушкой нацистских штурмовиков в ночь на 30 июня 1934 г.; см. газ. «Известия», 2 июля 1934 г.

находится под домашним арестом. В общем у него было заметное стремление не углублять этого вопроса.

Общее впечатление от этого разговора такое, что поляки до сих пор не хотят давать ясного ответа по вопросу о самом принципе пакта взаимной помощи и, вероятно, будут заниматься всякими «выяснениями» и другими крючкотворствами. Возможно, что последние события в Германии несколько повлияют на усиление темпов этого «выяснения»*.

В конце разговора, говоря о путешествии Лукасевича по СССР, он заметил, что просил его поскорее вернуться в Москву, чтобы быть в Ленинграде к приходу туда польской морской эскадры⁶⁵. Он добавил, что отъезд эскадры намечен примерно к 18—22 июля. Попутно он подчеркнул полезность этих визитов, а также прилета наших летчиков^{**}. В ответ на мое указание, что нашу ответную эскадру будет возглавлять сам главнокомандующий морскими силами Орлов, он заметил, что с польской стороны тоже будет командующий флотом. Он будет очень рад вновь встретиться с Орловым, с которым он познакомился в Москве.

Перед уходом я просил разрешения представить ему т. Тамирина^{***} примерно через неделю, когда тот вернется из Москвы. Бек, конечно, любезно согласился, и я обещал ему позвонить, когда т. Тамарин вернется.

В ответ на мой вопрос, будет ли он на открытии нашей выставки книги²⁰¹ послезавтра, он сказал, что будет.

Бек не предполагает уезжать в отпуск из Польши и лишь ограничится наездами на морское побережье около Гдыни, где будет жить мадам Бек. Последняя поехала на две недели в Италию и к 15-му числу будет обратно в Польшу.

Давтян

Печат. по арх.

235. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфаном

4 июля 1934 г.

Альфан пришел побеседовать после возвращения из Франции. Вместо отпуска он задержался в Париже и имел много дел в министерстве и массу встреч с политическими деятелями. Он был поражен тем, как радикально изменились настроения по отношению к СССР. По существу, теперь нет сколь-

* См. док. № 346.

** См. т. XVI, прим. 313.

*** Торгпред СССР в Польше.

ко-нибудь серьезных противников этого сближения. На мой вопрос он сказал, что и Тардые теперь за сближение.

Альфан просил, и я дал ему информацию о значении падения кабинета Сайто*.

Затем Альфан спросил, как обстоят дела с Польшей. Я ответил контрвопросом, и Альфан стал говорить, что позиция Польши остается прежней, однако он надеется, что последние события в Германии окажут отрезвляющее влияние на Польшу и, в частности, изменят ее отношение к пакту взаимопомощи**. Говоря о политике Польши в настоящее время, Альфан сказал, что он все еще не может понять, чего, собственно, Польша хочет. Такое же впечатление вынес бывший недавно в Варшаве генерал Дебеней. С одной стороны, поляки всячески заверяли его, что они безрезервно за сохранение союза, а, с другой стороны, Дебеней уехал без результата, не поняв истинных намерений Польши. В ответ на мое замечание, что, кажется, Дебеней остался очень недоволен переговорами с польским генштабом, Альфан сказал, что это именно произошло вследствие неопределенности позиции поляков по вопросу о продлении франко-польского военного договора***. Путем ряда вопросов я выяснил, что французы предложили полякам изменить договор 1921 г., применив его к нынешним условиям, а поляки отклонили это предложение, утверждая, что договор 1921 г. целиком применим и в настоящее время.

Это означает, спросил я, что Польша хочет, чтобы франко-польский союз был по-прежнему направлен против СССР, вместо того чтобы приспособить его к актуальным опасностям?

Альфан начал что-то путано излагать, а потом, видя, что ничего не выходит, заявил, что он в сущности не знаком с содержанием франко-польского договора 1921 г.

Я спросил Альфана, каковы результаты переговоров Ляроша с Бекком по вопросу о Восточноевропейском пакте.

Альфан сказал, что Бек отвечал уклончиво и по существу ничего не сказал.

В ответ на заданный мною вопрос Альфан сказал, что он не думает, чтобы Польша была связана с Германией. Польша хочет вести независимую от всех других держав политику балансирования, выступая в роли чуть ли не арбитра в важных европейских вопросах.

Я сказал, что я тоже думал прежде, что Пилсудский ведет политику свободных рук, однако за последние месяцы изменил свое мнение. Мне кажется непонятным, чтобы Пилсудский вел политику, подрывающую и подорвавшую доверие к Польше во всех странах, кроме, разве, Эстонии, без того, чтобы

* См. газ. «Навестия», 4 июля 1934 г.

** См. док. № 255.

*** См. т. XV, прим. 150.

Польша имела за это какую-то серьезную компенсацию со стороны Германии.

Альфан сказал, что действительно Польша потеряла доверие везде. Он упомянул, в частности, Румынию, подтвердив, что Польша поддерживает германофильскую «Железную гвардию».

Об Англии Альфан сказал, что там никогда не выносили Польши и всегда считали ошибкой образование такого большого польского государства.

Мы много говорили о германских событиях и об их внешнеполитическом значении*. Альфан сказал, что это значение в основном будет зависеть от того впечатления, которое эти события, в конце концов, произведут в Англии и Польше. Методы подавления Гитлером своих противников, конечно, вызвали наибольшее отвращение в Англии, как этого и следовало ожидать. Тем не менее есть моменты обратного порядка. Во-первых, Англия боится, и по мнению Альфана, без всякого основания, что в случае падения Гитлера в Германии к власти придут коммунисты. «Таймс» писала уже, что, несмотря на все отвращение, нужно учитывать, что все же правительство Гитлера обеспечивает какой-то порядок в Германии, а его уход привел бы к хаосу; во-вторых, Англия боится потерять в случае наступления гражданской войны свои огромные вложения в Германии; в-третьих, англичане не хотят в этом случае терять богатый германский рынок для сбыта своих товаров.

О судьбе Восточноевропейского пакта Альфан сказал, что вообще позиция Англии будет, по-видимому, положительной. Она уже дала французам понять, что не возражает против этого пакта, если от нее не потребуют принять на себя в связи с этим каких-либо новых обязательств.

Что касается окончательной судьбы пакта, то Альфан думает, что германские события облегчат его осуществление. «К тому же, — сказал Альфан, — немцы, наверное, еще сделают какие-нибудь глупости и этим помогут нам довести дело до конца».

Стомоняков

Печат. по арх.

236. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше Я. Х. Давтяну

4 июля 1934 г.

Уважаемый товарищ,

1. Со времени последней беседы т. Литвинова с Нейратом в Берлине** никаких серьезных переговоров с нашей стороны

* См. док. № 234.

** См. док. № 197.

по вопросу о заключении Восточноевропейского пакта взаимопомощи не велось. Тов. Литвинов информировал лишь здесь в Москве посланников Литвы, Латвии и Эстонии о переговорах, которые он вел по этому вопросу за границей*. Мы решили выждать развития событий и пока никаких новых шагов не предпринимать.

2. Из Берлина, Рима и Парижа нам сообщают**, что германская позиция не является категорически отрицательной, как это можно было заключить из берлинского заявления Нейрата т. Литвинову. Гитлер заявил Муссолини в Венеции***, что еще займется вопросом и примет окончательное решение по возвращении в Германию. Все говорит за то, что Германия не ответит полным отказом на наше предложение, а сделает к нему существенные поправки или сама внесет новое предложение. Основная поправка Германии к французскому предложению сводится, по-видимому, к приданию намечаемому Восточноевропейскому пакту консультативного характера без обязательства взаимопомощи оружием. Возможно, впрочем, что Германия предложит заменить заключение Восточноевропейского пакта взаимопомощи серией двусторонних пактов ненападения. Несомненно, все усилия Германии направлены к тому, чтобы выхолостить франко-советскую акцию, сведя заключение пакта взаимопомощи, который представлял бы реальные преграды ее завоевательным стремлениям, к заключению еще одного многостороннего пацифистского акта, который постигла бы судьба стольких других международных актов такого рода.

3. Основную роль в провале пакта играет, конечно, Польша, позиция которой, вследствие занимаемого Польшей географического положения, несомненно, является главным препятствием к осуществлению этой акции. В Париже рассчитывают скорее добиться согласия Германии, чем уговорить Польшу принять участие в новом пакте. Все получаемые нами информации без единого исключения подтверждают эту роль Польши. Излишне останавливаться на том, что эта позиция Польши, как и ее отрицательная позиция в отношении нашего вступления в Лигу наций, а также вообще весь курс польской политики на сотрудничество с Германией диктуются спекуляцией пилсудчиков на японо-советскую войну, перспектива которой лежит в основе всех их политических расчетов.

4. Польша и Германия делают большие усилия оказать влияние на позиции Латвии и Эстонии в отношении заключения Восточноевропейского пакта взаимопомощи. Такое воздействие является, конечно, очень трудным делом, поскольку и Латвия и Эстония жизненно заинтересованы в осуществле-

* См. док. № 163, 186, 192.

** См. док. № 208, 217, 227.

*** См. док. № 237.

нии этой акции. Тем не менее это воздействие имело, по-видимому, определенный успех в Риге. В явно инспирированной статье, появившейся в «Яунакас зиняс», наряду с положительным отношением к идее Восточноевропейского пакта, сообщается, однако, что Латвия не испытывает угрозы ни с чьей стороны и поэтому не заинтересована принять участие в соглашении, имеющем военный характер. Здесь, несомненно, сказывается влияние Германии на Ульманиса, германофильский крен политики которого не подлежит сомнению и, вероятно, является результатом закупок латвийского масла и иных поставок со стороны Германии.

5. Можно считать определенно выявившейся отрицательную позицию Финляндии*. Для ее политической ориентации характерна полученная нами совершенно точная информация, что в бытность свою в Женеве финляндский министр иностранных дел Хаксель зондировал почву относительно перспектив нашего военного столкновения с Японией. При этом в конфиденциальных разговорах Хаксель не скрывал, что Финляндия ориентируется на наше поражение в этой войне.

6. Литва, конечно, приветствует идею Восточного Локарно и жаждет ее осуществления, хотя и не исключено, что при окончательных переговорах** она попробует сделать какое-нибудь заявление относительно неразрешенности Виленского вопроса.

7. Что касается позиции Франции, то она сделала, по-видимому, энергичные демарши в Берлине и Варшаве, порекомендовав заключение Восточного Локарно, и теперь выжидает определения позиций Польши и Германии, с одной стороны, и Англии и Италии — с другой. С целью оказать воздействие на позиции этих государств Барту и Леже открыто говорят в беседах с представителями Италии, Англии и других стран, что в случае отрицательной позиции этих стран Франция заключит военный союз с СССР. Эти заявления, сделанные, в частности, как мы достоверно знаем, итальянскому послу в Париже***, имеют целью убедить Англию и Италию поддержать заключение Восточного Локарно в качестве меньшего зла по сравнению с заключением франко-советского союза. За последнее время поступают сведения, что позиции Англии и Италии в отношении Восточноевропейского пакта уже значительно смягчились, и не исключено, что с некоторыми оговорками Англия и Италия выскажутся за Восточное Локарно и порекомендуют Германии и Польше принять в нем участие. Англия и Италия были, по-видимому, особенно озабочены гарантией Восточного Локарно со стороны Франции. Они, по-

* См. док. № 188.

** См. док. № 295.

*** См. док. № 225.

видимому, опасались, что, если бы на основе нашего определения агрессора* Германия была признана автоматически нападающей стороной и Франция выступила бы в качестве гаранта, они были бы обязаны к вооруженному выступлению в защиту Германии против Франции. Поскольку Англии и Италии разъяснено, что франко-советский гарантийный договор предполагается базировать не на советском определении агрессора, а на пакте Лиги наций, по которому нападающая сторона определяется не автоматически, а единогласным постановлением Совета Лиги наций, указанные англо-итальянские сомнения отпали, и вместе с тем ослабла оппозиция Англии и Италии против осуществления франко-советской акции. По-видимому, Восточное Локарно будет главной темой переговоров Барту в Лондоне**, и после этого визита можно ожидать значительного выяснения ситуации.

8. Изменение позиции Англии и Италии может оказать воздействие на позицию не только Германии, но также и Польши. В последнее время в результате далеко идущего сближения Польши с Германией, отчуждения от Франции и борьбы с советскими предложениями в Женеве в польской политике усилилась тенденция к сближению с Англией, а отчасти также и с Италией. Не исключено поэтому, что позиция Англии, имеющей в настоящее время довольно значительное влияние на Польшу, может повести к смягчению позиции Польши в отношении франко-советских предложений***.

9. Ввиду занимаемой Польшей позиции мы считаем целесообразным проявление нами интереса к этому вопросу в беседах с польскими деятелями. Я сознательно уклонился от разговора на эту тему в беседе с Лукасевичем 23 июня****, хотя в ней и без того были затронуты довольно щекотливые темы. Вы имеете исчерпывающие директивы по этому вопросу в телеграммах т. Литвинова от 22 и 29 июня*****. Согласно предложению т. Литвинова поддерживайте тесный контакт по этому вопросу с французским послом и информируйте нас о его переговорах с польским правительством.

10. Важную роль для судьбы ведущихся переговоров о Восточноевропейском пакте взаимопомощи могут сыграть события в Германии***** и их отражение на внешней политике Гитлера и на международной ситуации. Еще слишком рано делать выводы насчет внешнеполитических последствий

* См. т. XVI, док. № 213.

** См. док. № 247.

*** См. док. № 151, 163, 206.

**** См. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, М., 1969, стр. 200—202.

***** См. док. № 212, 227.

***** См. док. № 234, 235.

того, что произошло за последние дни в Германии. Я считаю, однако, не исключенным, что германские события усилят позиции тех польских кругов, в частности в правительственном лагере, которые занимали более осторожную позицию в отношении авантюристических планов тесного сотрудничества с Германией против СССР.

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

237. Письмо Полномочного Представителя СССР в Италии в Народный Комиссарнат Иностранных Дел СССР

5 июля 1934 г.

Встреча в Венеции. В своем прошлом письме²⁰² я уже указывал, что венецианское свидание Муссолини с Гитлером будет использовано итальянцами для подкрепления своего престижа, поколебленного неудачами внешней политики и возрастающими внутренними затруднениями фашистского режима. Театральная обстановка этой встречи и шумиха, поднятая вокруг нее фашистской прессой, полностью оправдали наше предсказание. Это не значит, что венецианская демонстрация дала какой-нибудь серьезный положительный результат. Во-первых, собеседования в Стра* и Венеции происходили без определенного плана. Во-вторых, они принимали порой характер довольно запальчивого спора. В-третьих, наконец, вместо конкретной договоренности, они привели стороны к констатации наличия между ними существенных расхождений, завуалировать которые не удалось ни официальному коммюнике**, ни инспирированным репликациям фашистской прессы.

Разоружение, довооружение, Лига наций. По вопросам разоружения, довооружения, Лиги наций венецианские разговоры лишь подтвердили давно известные позиции Италии и Германии***. С особой настойчивостью подчеркнута было обеими сторонами лишь требование действительного равенства Германии с другими странами в правах на оборонительное вооружение. Осуществление такого равенства Гитлер ставит условием возвращения Германии в Лигу наций. В последнем, несомненно, заинтересовано и итальянское правительство. Оно опасается, что без этого Лига, усиленная вхождением в нее СССР, может стать органом антигерманской и антиитальянской политики. Имеются сведения, будто в настоя-

* Замок вблизи Венеции.

** См. газ. «Известия», 16 и 17 июня 1934 г.

*** См. док. № 4 и «Сборник документов по международной политике...», вып. X, М., 1936, стр. 28—33, 64—69.

щее время МИД занят выяснением вопроса, не согласится ли Германия вернуться в Лигу наций, если ее равноправие в вопросе вооружений будет вновь подтверждено торжественной международной декларацией. Дело в том, что первое заявление держав по этому вопросу имело место в декабре 1932 г. * Гитлер будто бы считает, что относилось оно не к национал-социалистскому, а к предшествующему правительству Германии. Эти сведения сообщил мне чехословацкий посланник Хвалковский, обычно хорошо информированный о здешних новостях. Однако, с другой стороны, я узнал от Сувича, что позиция Гитлера в вопросе о Лиге наций осталась для итальянского правительства не вполне ясной. Муссолини не удалось установить, согласится ли Гитлер вернуться в нынешнюю Лигу или же потребует ее реформы. Сообщая об этом, Сувич добавил не без иронии, что рейхсканцлер не охотник до конкретных и точных формулировок. Им он предпочитает абстрактные положения, которые способен развивать с увлечением целыми часами.

Австрийская проблема. Если в вопросе о Лиге наций неясность позиции Гитлера может быть объяснена его нерасположением к точным формулировкам, то в австрийской проблеме, затрагивающей самые delicate моменты итало-германских отношений, туманность заключительных выводов из венецианских разговоров являлась результатом уже сознательного политического расчета. Обе стороны намеренно воздержались от формулировок, которые уточнили бы их позиции в данном вопросе с предельной ясностью.

Судя по всем сведениям, дискуссия Муссолини с Гитлером по австрийской проблеме началась с прямой постановки вопроса об аншлюсе. Рейхсканцлер заявил, что германское правительство и не думает о насильственном присоединении Австрии. В этом смысле аншлюс — неактуальная проблема. Поэтому-де и нет нужды в ее обсуждении. Другое дело — общеевропейское национальное движение. В нынешней Австрии живет значительная часть немецкого народа. Если эта часть пожелает воссоединения со своими германскими братьями, ни одно правительство не может и не должно противодействовать этому стихийному центробежному тяготению «дейт-тума». Нынешнее правительство Дольфуса мерами террора задерживает этот процесс национального самоопределения. Такое правительство явно не соответствует воле большинства населения. Поэтому необходимо провести в Австрии новые выборы: они дадут стране возможность сконструировать государственную власть, опирающуюся на волю большинства народа.

Муссолини резко выступил в защиту Дольфуса и против выборов. Он заявил, что нынешний канцлер в Австрии сам

---

* См. т. XV, стр. 321.

находится в состоянии обороны против террора австрийских национал-социалистов. При таких условиях невозможно ставить вопрос о выборах. Сперва нужно успокоить страну, чтобы затем она могла свободно выявить свою волю.

Дискуссия между Гитлером и Муссолини, по всем сведениям, носила острый и даже запальчивый характер. От некоторых коллег я слышал, что Гитлер был настолько раздражен, что вечером после первого разговора с Муссолини в Стра намеревался было лететь обратно в Германию. Нейрат и Хассель успокоили рейхсканцлера и таким образом предупредили срыв столь широко задуманной демонстрации итадо-германского сотрудничества.

Все же в конечном итоге стороны убедились в невозможности добиться друг от друга сколько-нибудь существенных уступок в австрийском вопросе. Открыто признать это — значило бы свести на нет весь эффект венецианской демонстрации. Начались поиски формулы, могущей прикрыть разногласие. Результаты известны. В официозной прессе было опубликовано, что вопрос о независимости Австрии сторонами не ставится и обсуждению не подлежит. Сошлись же они в признании необходимости «нормализовать» внутреннее положение страны. Итальянские комментарии добавляли, что Гитлер обещал принять меры для прекращения насильственных действий против правительства Дольфуса со стороны австрийских национал-социалистов, находящихся в Германии.

Совершенно очевидно, что в каучковую формулу «нормализации» внутреннего положения Австрии как Гитлер, так и Муссолини могут вложить любое содержание. Конечно, это менее всего походит на действительную договоренность между ними по капитальнейшему вопросу итадо-германских отношений. Впрочем, некоторые коллеги утверждают, что, по их сведениям, Муссолини и Гитлер наметили известный план упомянутой нормализации Австрии. Предполагается, что Дольфус уступит место нынешнему австрийскому посланнику в Риме Ринтелену. Этот дипломат пользуется в Австрии, и особенно в Штирии, большим влиянием. Он обладает крупными материальными средствами и имеет сына в рядах партии национал-социалистов. Ему будто бы будет поручено возглавить правительство, которое восстановит в стране спокойствие и подготовит плебисцит. Если этот плебисцит покажет, что большинство населения идет за национал-социалистами, в Австрии организуется новое правительство, возможно, с тем же Ринтеленем во главе; в состав его вместе с представителями господствующей партии войдут и министры, связанные с хеймвером. Эта версия довольно настойчиво поддерживается некоторыми из коллег, хотя сам Ринтелен в самой категорической форме отрицает свою заинтересованность в каком бы то ни было

соглашении Гитлера с Муссолини, ядовито высмеивая идею выборов, производимых в Австрии при нынешних условиях. Тем не менее ту же версию мне пришлось слышать и от Шамбрена *. Лично мне она представляется малоправдоподобной. Тот же Шамбрэн узнал от Муссолини, что сейчас же после венецианского свидания он пригласил Дольфуса со всей семьей гостить у него в Риччоне. Трудно себе представить, чтобы это сделано было с намерением подготовить нынешнего канцлера к ожидающей его замене Ринтеленем. Не менее сомнительно, чтобы Муссолини сам пошел навстречу решению, отдающему Австрию в руки национал-социалистов. Неоспоримо, что фактически это было бы признанием аншлюса. Высказываются предположения, что такая уступка Гитлеру была куплена главою итальянского правительства ценою каких-то компенсаций. Однако конкретно их определить до сих пор не может еще никто. Если же принять во внимание, что после встречи Гитлера с Муссолини в Венеции акты террора со стороны национал-социалистов в Австрии не только не прекратились, но, наоборот, все учащаются, вполне ясным станет, что соглашения между Гитлером и Муссолини в Венеции достигнуть не удалось, обе стороны в австрийском вопросе остались на своих прежних позициях. Если это так, то и приглашение Дольфуса в Риччоне приобретает особый смысл. Муссолини нужно успокоить Дольфуса, по-видимому встревоженного двусмысленным решением «нормализовать» внутреннее положение Австрии. С другой стороны, не без вызова по адресу Германии Муссолини хочет еще раз продемонстрировать перед всеми неизменность своей дружбы с австрийским канцлером. Наконец, глава итальянского правительства учитывает, что Дольфус, боясь быть преданным Германией, может броситься под защиту Франции: поэтому до поездки канцлера в Париж Муссолини и спешит позвать его к себе, дабы вновь заверить его в неизменности своей поддержки.

Дунайская проблема. Итак, в австрийской проблеме венецианские разговоры не только не привели Муссолини и Гитлера к соглашению, но, напротив, еще явственней вскрыли противоречие итало-германских интересов в этой области. То же самое в сущности повторилось и в вопросе о сотрудничестве Италии с Германией в Дунайском бассейне. По словам Суви́ча, Гитлер заявил, что и эта задача не представляется для него ни политической, ни первоочередной. Для рейха необходимо прежде всего урегулировать взаимоотношения с Австрией. Когда после этого дело дойдет до международной операции в Дунайской области, то, по мнению Гитлера, ее придется осуществлять в чисто экономическом плане. Рейхе-

---

* Посол Франции в Италии.

канцлер разделяет ту точку зрения, что целесообразнее всего это можно будет реализовать в форме двусторонних договоров. Высказывается он и за систему взаимных преференций. На этот путь Германия-де уже и вступает.

Несколько лет тому назад, в пору усиленной фронды Италии против французской гегемонии и хозрев Лиги наций, фашистская печать в назойливом тоне попробовала предложить Германии теснейшее сотрудничество с Италией в Юго-Восточной Европе и на Балканском полуострове. Устами известного Церера, руководившего в то время газетой «Фоссише цейтунг», Италии был дан уничтожающий ответ на ее авансы. Немецкий публицист высокомерно заявил, что, благодаренье богу, Германия стоит на собственных ногах. Конечно, и в Дунайском бассейне, и на Балканах у нее имеются крупнейшие интересы. Однако путь туда для немцев идет не через Рим: из Берлина он прямо направляется на Будапешт, Белград, Бухарест, Софию *... Венецианские заявления Гитлера, в сущности, повторяют ту же самую мысль. В Дунайском бассейне Германия намерена действовать совершенно независимо. Она не нуждается в помощи Италии. Система двусторонних договоров на базе преференциального режима применяется ею вполне самостоятельно: такие договоры связывают ее с Венгрией, Югославией, Румынией. Муссолини остается лишь констатировать этот факт, конечно не очень приятный для его самолюбия. Хуже того, Муссолини приходится убедиться, что в глазах его собственных партнеров в Дунайской области ориентация на экономически мощную Германию оказывается более выгодной, нежели сотрудничество с менее богатой и сильной Италией.

Франко-советское сотрудничество. Несомненно, значительное место в венецианских разговорах уделено было франко-советскому сотрудничеству. Совершенно ясно, что в данном вопросе Муссолини легче всего было найти с Гитлером общую линию. Однако позитивного плана противодействия сотрудничеству Франции с СССР собеседникам, по-видимому, наметить не удалось. Обе стороны сошлись лишь в отрицательном отношении к системе региональных пактов и гарантийных договоров. Как и следовало ожидать, этой системе Муссолини противопоставил свой «пакт четырех» ** — пресловутую европейскую директорию. Надобно думать, по соображениям тактического порядка Гитлер не счел возможным прямо высказаться против этого мертворожденного договора, связанного притом с Лигой наций, уже покинутой Германией.

Со своей стороны рейхсканцлер поддерживал идею пактов

---

* Многозначие в документе.

** См. т. XVI, док. № 136, 166.

о ненападении. Последний вопрос был затронут Гитлером в связи с советским проектом Восточного договора *.

Восточный пакт. По телеграфу я уже сообщал²⁰³, что на основании информации со стороны Франсуа-Понсе в Берлине этот проект мыслился немцами в органической связи с гарантийным франко-советским соглашением. Уже это обстоятельство должно было заставить Гитлера насторожиться. По словам Сувича, рейхсканцлер заявил Муссолини в Венеции, что ему не нравится неучастие в Восточном пакте Италии и Англии. Вероятнее всего, это замечание было либо внушено, либо приписано рейхсканцлеру самими итальянцами, уязвленными тем, что Муссолини остался в стороне от новой международной инициативы. Высказавшись далее в принципе за широкий общеевропейский договор, Гитлер будто бы заявил Муссолини, что готов заключить пакты о ненападении со всеми соседями. Свое окончательное отношение к нашему проекту рейхсканцлер обещал определить по возвращении в Берлин **. При этом он будто бы добавил, что, несмотря на охлаждение германо-советских отношений, он не считает Рапалльский договор *** утратившим силу.

Не подлежит сомнению, что в пору венецианских переговоров проект Восточного пакта представлялся и итальянцам не только в органической связи с гарантийным франко-советским соглашением, но и в рамках едва ли не общеевропейского объединения с участием Прибалтийских государств, Малой Антанты, Балканского и Средиземноморского блоков. Весь этот план истолковывался итальянцами как система окончательной изоляции Германии и Италии. Этим и объясняется враждебное отношение, проявленное итальянцами к нашему проекту. Характерно, что, сообщая о содержании венецианских бесед Гитлера с Муссолини, фашистская пресса в нарочито упрощенной форме изображала ответ немцев на наше предложение Восточного пакта. В частности, в передаче «Джорнале д'Италия» дело представлялось в виде brutального отказа германского правительства от всякого сотрудничества с СССР. Как известно, на это обратили внимание сами немцы. 19 июня Хассель сообщил мне о телеграфном поручении Нейрата протестовать против допущенного итальянской прессой искажения действительности. 22 июня Сувич подтвердил мне, что Хассель уже выполнил такой демарш, а 26 и 27 июня на основании заявления Кварони и Бути²⁰⁴ мы уже имели право заключить, что отношение к нашему проекту изменилось и у самих итальянцев.

* См. т. XVI, прим. 321.

** См. док. № 327.

*** См. т. V, док. № 121.

То же самое впечатление создалось в те же дни и у французского посла Шамбрена. Об этом я сообщал Вам в своей телеграмме от 27 июня¹⁸⁹.

Чем же вызвана такая перемена?

Признаки перемены в отношении итальянцев к Восточному пакту. Во-первых, сыграла свою роль более точная информация о сущности нашего проекта Восточноевропейского пакта. Она рассеяла опасения, вызванные призраком огромного антигерманского и антиитальянского блока. Во-вторых, итальянцы поняли, что Восточный пакт может осуществиться и вне связи с тревожащим их франко-советским гарантийным соглашением. В-третьих, поскольку в пакте предполагается участие Германии, он терпит в глазах итальянцев одному комбинаций, направленный против дружественной ей страны. В-четвертых, учитывая участие в пакте наряду с Германией Чехословакия и Польша, итальянцы начинают расценивать этот момент как фактор, могущий ослабить французские позиции в Европе и консолидацию Малой Антанты. В-пятых, сознавая зависимость франко-советского сближения от германской опасности, они рассчитывают, что по мере нормализации германо-советских отношений может замедлиться и темп упомянутого сближения. Наконец, в-шестых, выражая свою готовность при известных условиях содействовать осуществлению нашего плана, итальянцы надеются нажить на этом политический капитал как посредники между Берлином и Москвою и участники дела умиротворения Европы.

Я упомянул об условиях, при которых итальянцы готовы содействовать реализации проекта Восточного пакта. Одно из них — порядка негативного. Как сказано, итальянцы же хотят, чтобы Восточный пакт связывался с гарантийным франко-советским договором. Другое носит характер дополнения к нашему проекту*. Итальянцы высказываются за то, чтобы наряду с обязательством будущего пакта соблюдать неприкосновенность границ его участников было упомянуто о возможности мирного пересмотра послевоенных договоров в духе ст. 19 Устава Лиги наций. Не следует думать, что оба эти условия выдвигаются итальянцами в ультимативной форме. Относительно первого они сами заявляют, что должны еще разобраться в вопросе об отношении Восточного пакта к франко-советскому гарантийному соглашению и через него — к Локарно. Что касается второго, то оно предлагается итальянцами в виде благожелательного совета, как способ вернее обеспечить присоединение Германии к нашему пакту.

Италия, СССР и Франция. Разъяснения, данные т. Литвиновым в Москве Аттолико, его же телеграфные дирек-

* См. т. XVI, прим. 321 и док. № 224 настоящего тома.

тивы и, наконец, информационное письмо от 27 июня* дают возможность представить итальянцам наш план Восточного пакта в широком и спокойном освещении. Эту задачу я решаю выполнять в разговоре с Муссолини**. Думаю, что избрание пакта как гарантии безопасности против воинственности Германии, как средства обеспечения мира, наконец, как удобнейшего объекта для благожелательных нам международных акций самого Муссолини, может значительно ослабить тревогу, вызванную в Италии первоначальными сведениями о наших планах. Сейчас менее чем когда-либо Муссолини расположен ссориться с нами. Сильнее, чем раньше, говорит в нем недоверие к национал-социалистской Германии. Настоятельнее, нежели раньше, возникает перед ним необходимость вывести свою страну из состояния опасной изоляции. Одним из важнейших этапов на этом пути должна быть ревизия старого антифранцузского курса внешней политики Италии.

В том, что такая ревизия не только не исключена, но и приближается, видимо, твердо убежден здешний французский посол. После венецианского свидания Шамбрен был у Муссолини. По собственным его словам, ему был оказан самый горячий прием со стороны главы итальянского правительства. Между прочим, сообщая послу о своих разговорах с Гитлером, Муссолини обмолвился, что у рейхсканцлера имеются три-четыре здоровых идеи. Шамбрен отмечает, что это было повторено Муссолини «не менее 3—4 раз». Здесь послу почуялась явная ирония в отношении главы национал-социалистской Германии. Правда, тут же Муссолини напомнил, что Гитлеру удалось создать крепкое правительство и повести за собою всю нацию. Однако ясно, что в данный момент такая оговорка также звучит некоторой иронией. Надобно думать, что, делая ее в своей беседе с Шамбреном, Муссолини учитывал, что не должен обесценивать в глазах французов германскую карту, которая может ему пригодиться при предстоящих переговорах с Барту.

Манифестация франко-итальянского сближения. В ожидании последнего фашистская пресса выдерживает в отношении Франции и ее министра иностранных дел весьма задорный, боевой тон. Французов обвиняют в возрождении системы военных союзов, преследующих цель окружения Германии. На Барту нападают за воинственные речи, произнесенные в Бухаресте и Белграде. Однако за всеми этими демонстрациями собственной независимости и непримиримости идет деятельная работа в совершенно противоположном направлении. Принимая Шамбрена после венецианского свидания

* См. соответственно док. № 221, 228, 218.

** См. док. № 248.

ния, Муссолини заявил ему, что был бы очень рад возможно скорее видеть в Риме Барту. В Сольферино по случаю 75-летия победы францужско-сардинских войск над австрийцами организуется братание итальянских солдат с французским отрядом. Глава итальянского министерства авиации Валле летит в Париж, где делается объектом самых дружественных манифестаций. В том же Париже пожинает артистические лавры лучшая актриса Италии Грамматика. На римском форуме труппа французских артистов стихами Корнеля в «Горации» и «Британнике» прославляет величие Рима и доблести его героев. Два вечера подряд Муссолини является на эти спектакли, после этого он принимает всю труппу в палаццо Венеция вместе с Шамбреном. Сам французский посол настроен оптимистичнее, чем когда-либо. Однако он не торопит приезда в Рим Барту. Он убежден, что каждая лишняя неделя ожидания делает итальянцев более благоразумными. Сейчас эта тактика полностью оправдывается. Достаточно упомянуть о кровавых конвульсиях гитлеровского режима, чтобы учесть отрезвляющее влияние уроков, получаемых Муссолини от живой действительности.

Италия и германские события 30 июня. До сих пор руководящая пресса Италии не высказала еще своей оценки событий, разыгравшихся в недрах партии национал-социалистов*. Телеграммы из Берлина и Мюнхена в Рим воспроизвели лишь официальные релиции и заявления организаторов расправы над «экстремистами». Единственный орган «Гадзетта дель пополо» поторопился полностью солидаризироваться с гитлеровскими палачами. Остальные пока хранят выжидательное молчание. В МИД отделяются общими фразами: там поддерживается версия, что 30 июня в Германии победили умеренные элементы национал-социалистского движения. Несомненно, однако, что события этого дня произвели здесь подавляющее впечатление. Престижу Муссолини нанесен новый удар. Это станет понятным, если вспомнить, с каким торжеством принимали в Венеции Гитлера, якобы воплощающего в себе консолидированную и мощную национал-социалистскую Германию.

Наши ближайшие перспективы. Создавшаяся обстановка отрезвляет Италию и внушает Муссолини большую предусмотрительность. При таких условиях мне легче было добиться здесь прекращения антисоветских наскоков фашистской прессы. Это избавит и нашу печать от необходимости отвечать итальянцам в полемическом тоне. Как нельзя более своевременным в данной обстановке следует признать предстоящий визит в Рим нашей авиации, возглавляемой председателем

* См. док. № 234, 236.

Осоавнахима и пом. начальника штаба РККА *. В том же аспекте нужно оценивать и приезд сюда нашей военно-химической комиссии с т. Фишманом во главе ²³⁵.

Полпред СССР в Италии
В. Потемкин

Печат. по арх.

238. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому

7 июля 1934 г.

Многоуважаемый Александр Антонович,

В сегодняшней почте к Вам идет масса записей разговоров с американцами — Литвинова с Буллитом, моих с Буллитом и др. ²³⁶

Ознакомившись с этими записями, Вы увидите, в каком положении находятся наши переговоры с американцами по всем важным и не важным вопросам. Остановлюсь вкратце только на нескольких из них.

I. Основные переговоры о долгах и кредитах несколько не движутся вперед. Со времени начала переговоров мы сделали американцам две крупных уступки — одна заключается в том, что мы не настаиваем больше на предоставлении нам займа и готовы удовлетвориться долгосрочными кредитами. Вторая уступка заключается в том, что мы были готовы, согласно предложению Буллита, сообщить американцам примерный план использования нами того долгосрочного кредита, который американцы должны нам были предоставить взамен за наше согласие признать часть долга Керенского. Американцы же добиваются того, чтобы кредит был предоставлен нам не в форме финансового кредита, что является нашим ультимативным требованием, а в виде товарных кредитов с различными сроками для отдельных видов товаров, и притом не в размере полной стоимости наших покупок, а с тем, чтобы известную долю риска несли продавцы-промышленники.

То, что нам предлагают американцы, является простым воспроизведением той формы кредита, которой мы пользовались и пользуемся в Европе без каких бы то ни было платежей по долгам старых русских правительств. Мы, конечно, на это пойти не можем и не пойдем. При оценке этого нашего решения Вы должны иметь в виду, что мы вовсе не заинтересованы в кредитах, нам с точки зрения наших хозяйственных интересов

* См. газ. «Известия», 6, 8—12, 14, 18 августа 1934 г.

вовсе не нужно размещать в Америке заказов на сотни миллионов, и то небольшое сравнительно количество сырья, которое нам нужно купить в Америке, мы сможем и теперь купить не только за наличные, но и с некоторым кредитом, как мы это делали до возобновления дипломатических отношений и до издания закона Джонсона.

Если американцам, в связи с приходом к власти в Японии более американофобского правительства, чем прежде, или в связи с вероятной неудачей предварительных морских переговоров в Лондоне, вновь захочется показать японцам свою близость с нами, они откажутся от своего неразумного упорства, и договориться будет легко.

2. Вторую группу вопросов представляют вопросы, связанные с организацией в СССР американской консульской сети и с работой американских консульств.

Первоначально американцы предполагали учредить кроме московского минимум 3 генеральных консульства — в Ленинграде, Владивостоке и Одессе. Во Владивостоке Хенсон*, по пути из Харбина в Москву, осматривал возможные помещения для генконсульства. В Ленинград с той же целью ездили совместно Буллит и Хенсон. В Одессе Буллит был, но там уже с местными властями о помещении для консульства не заговаривал. Не возвращались американцы больше и к вопросу об учреждении консульства во Владивостоке. Мы сами запрашиваем их на днях об этом не потому, что мы заинтересованы в открытии генконсульства, а чтобы внести ясность в вопрос, понадобится или не понадобится американцам намеченный ими во Владивостоке дом. Ленинградскому Совету, который, по просьбе Буллита, сообщил ему в письменной форме размер арендной платы за выбранный Буллитом большой и ценный особняк, американское посольство ответило на днях, что дом для них дорог и что они поэтому от него отказываются.

На самом же деле для меня совершенно ясно, что американцы хотят ограничиться учреждением генконсульства в Москве или с целью давления на нас в вопросе о долгах или же потому, что они убедились в чрезвычайно малом объеме предстоящей консульской работы.

По вопросу об округе и компетенции московского генконсульства почти достигнуто следующее соглашение. Район консульства совпадает с Московской областью. В пределах этого консульского округа генконсульство выполняет все без исключения консульские функции, в том числе и функцию защиты американских граждан, путем обращения к местным органам власти. За пределами Московской области генконсульство ограничивается лишь техническими консульскими действиями —

* См. док. № 167.

выдачей паспортов, постановкой виз, легализацией документов. Собираение экономических сведений и защита американских граждан за пределами Московской области осуществляется не консульством, а посольством, как таковым, которое выделяет для этой цели одного из своих дипломатических сотрудников. Договорено, что таким сотрудником будет Хенсон, который отказывается от звания генконсула и зачисляется в состав посольства в качестве первого секретаря.

Я сказал выше, что почти достигнута полная договоренность, потому что Буллит надеется, что в экзекватуре московского генконсула будет назван как округ генконсульства весь СССР и лишь в примечании будет сказано, что за пределами Московской области защита граждан осуществляется посольством. Мы же сказали ему решительно, что, не желая создавать нового, невыгодного для нас, прецедента, мы укажем в экзекватуре в качестве консульского округа только Московскую область, а в препроводительной ноте скажем, что чисто технические консульские действия генконсульство может совершать и за пределами своего консульского округа. Думаю, что на этом вопросе американцы упорствовать не будут и дело, наконец, пойдет.

Вторым спорным вопросом в области работы консульств являлся и является вопрос о том, в какой валюте и в каком размере взимать плату за производимые американскими консульствами действия и за совершаемые ими акты.

3. Третий вопрос, который в наших разговорах с американцами занимал довольно много места, при этом не только в НКВД, но и в других наших ведомствах, это вопрос о самолете Буллита.

Мы рассматриваем право иметь собственный самолет как привилегию, предоставленную нами лично Буллиту, а не американскому посольству и тем более не американскому военному атташе. Мы считаем, что если бы Буллит уехал, то его преемник, может быть и даже весьма вероятно, не получил бы разрешения держать собственный самолет. Мы стоим на той точке зрения, что без Буллита сотрудники посольства на его самолете совершать полетов не могут, за исключением права тренировочных полетов, которые пилот Буллита — пом. военного атташе Уайт может совершать около аэродрома в пределах 15-километрового радиуса.

Буллит сделал несколько попыток прорвать выработанный для него авиарежим. Он хотел, чтобы кроме него и без него могли летать некоторые другие работники посольства, в частности, чтобы военный атташе мог совершать полеты радиусом не 15, а 150 и более километров. Наше Управление гражданского воздушного флота, в полном согласии с указаниями инстанций, этих изъятий не допустило и оставило в силе перво-

начальный режим. Буллит с этим режимом уже, по-видимому, примиряется; к тому же мне кажется, что после аварии, имевшей место с его самолетом при последнем полете в Ленинград, у него несколько пропал вкус к воздушному передвижению.

Вообще же американское посольство является каким-то неполитическим посольством. Ни сам Буллит, ни его сотрудники не проявляют особенного интереса к внешней и внутренней политике Советского Союза и живут пока больше лично бытовыми интересами — устройством домов на Спасо-Песковском пер. и Моховой ул., подготовкой к постройке здания посольства и т. п.

Буллит по-прежнему чрезвычайно утичнв. Нельзя сказать того же про советника посольства Уайли. Он чаще выражает свое недовольство, пытается добиваться для посольства и его работников больше изъятий и привилегий, чем те, которые предоставлены всем другим посольствам, резче ставит вопросы, иногда допускает даже некоторые нотки угрозы создать в Америке для нас аналогичные правила. В этом отношении на него вредно влияет жена (он женился несколько месяцев тому назад), дочь фабриканта из Польши, пилсудчица. О других более мелких вопросах не пишу.

С товарищеским приветом

Н. Крестинский

Печат. по док.

239. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
7 июля 1934 г.*

Барту подробно рассказал про балканскую поездку*. Показывал портрет румынского короля с посвящением, упоминающим о верности Франции, и тому подобное. Из того, что говорил Барту, вытекало, что он допускает возможность ликвидации королем Титулеску при помощи Татареску. Барту пытается поэтому вовлечь последнего во французскую орбиту. Барту считает Татареску человеком более крупного калибра, чем Титулеску.

В Югославии Барту заявил самым категорическим образом королю, который его об этом спрашивал, что с момента установления хороших отношений с СССР мы полностью прекратили пропаганду во Франции. На вопрос, заданный коро-

* См. док. № 225.

лем, как сложатся отношения Франции с СССР в случае, если с пактом ничего не выйдет, Барту ответил, что лично допускает установление союзных отношений. Барту прямо не ставил перед королем вопроса о восстановлении дипломатических сношений и не вынес точного представления о сроках восстановления.

Ванситгарт говорил фактически то же самое, что он заявлял Майскому*.

В Италию Барту не намерен отправиться ранее октября. Гитлер предлагал Муссолини компромисс по Австрии, предусматривающий отставку Дольфуса, устройство выборов, участие гитлеровцев во власти пропорционально количеству собранных ими голосов. Кроме этого уточнения, что мне сообщил Барту, остальное совпадает с известной нам версией свидания Гитлера — Муссолини**.

Поездка Дебеней в Польшу*** ничего не дала, хотя его и приняли со всеми почестями. Барту добавил, что если бы поездка была совершена после наступившего в Германии мира, она, возможно, дала бы больше результатов. Ухватившись за это замечание, я заявил, что сейчас именно наступил психологический момент заставить Польшу определить отношение к пакту, особенно учитывая некоторую перемену в позиции Англии и Италии в благоприятном смысле. Барту признал, что центр тяжести вопроса — в Польше, что, мол, Лярош имел на днях обстоятельную беседу с Беком¹³⁸, в которой он постарался внести ясность в вопрос. Барту процитировал одобрительно Литвинова, что Польша постарается выиграть время и уклонится от определенного ответа****. Барту заявил, что 6 августа возьмет отпуск и постарается до этого припереть поляков к стенке.

У Баржетона я пытался узнать подробно про беседу Бека с Лярошем. Бек высказывал сомнения, нужен ли пакт взаимопомощи при наличии разных двусторонних соглашений, и заявил, что Польша до принятия решения посоветуется с Румынией, а также с Турцией. В связи с этим Баржетон считает целесообразным, чтобы мы снеслись с Рюштю. Баржетон опасается, что поляки попытаются спровоцировать турок выдвинуть требование о расширенном пакте с участием Турции. Баржетон выразил также надежду, что результаты поездки Барту в Лондон***** возымеют положительное действие на Польшу.

Баржетон заявил, что, насколько ему известно, схема пак-

---

* См. док. № 232.

** См. док. № 237.

*** См. док. № 235.

**** См. док. № 186.

***** См. док. № 247.

гов, переданная нам в Женеве *, была вручена только полякам и чехам. Он лично не уверил в том, что не следует ли ее дать и немцам, если они будут этого домогаться.

Относительно приезда Уншлихта и Хрипина ** Баржегон заявил, что можно считать все согласованным.

Печат. по арх.

Розенберг

240. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом США в СССР Буллитом

9 июля 1934 г.

Буллит заявил, что, по полученным им из Вашингтона шифровкам, Трояновский отнюдь не говорил с госдепартаментом относительно предложения Буллита о доведении до сведения госдепартамента нашего плана импортных закупок в США *** и вообще Трояновский почему-то совершенно не обращался в госдепартамент по поводу переговоров. По мнению Буллита, нынешнее состояние может вызвать раздражение у госдепартамента, чем он очень обеспокоен.

Я прочитал Буллитам соответственные телеграммы Трояновского о его беседах с Муром и ответах последнего ****. Буллит высказал предложение, что Трояновский мог говорить с Муром неофициально где-нибудь за обедом, а не в госдепартаменте. Кроме того, Буллит не понимает, почему Трояновский говорил о публикации плана, когда об этом не было речи. Я разъяснил Буллитам, что я на это обратил уже внимание Трояновского и просил его исправить неточную передачу буллитовского предложения.

Далее я сказал Буллитам, что мною дано разрешение Трояновскому вести переговоры в Вашингтоне на базе, однако, нашего последнего предложения *****. Я отметил, что на предложение госдепартамента, изложенное в известном проекте письма, врученного Трояновскому, мы дали ответ *****, сделали несколько уступок, которые, однако, госдепартаментом были отклонены, из чего мы заключаем, что он остается неподвижным на своей первоначальной позиции. Трудно представлять себе, какие могут быть при таком положении переговоры. Со своей стороны я дал точные инструкции Трояновскому ни

* См. док. № 151, 154, 254.

** См. док. № 229.

*** См. док. № 201.

**** См. док. № 160.

***** См. док. № 103, 135.

***** См. док. № 77.

в коем случае не сходить с позиции касательно финансирования кредитов не поставщиками, а государством или другой посторонней организацией. Буллит должен понять и разъяснить госдепартаменту, что речь идет не о 100 млн. долл., а о всем комплексе наших отношений с внешним миром. Как нам ни желательно сближение с Америкой, мы не можем жертвовать нашими отношениями со всем остальным миром. Вопрос о долгах в течение долгого времени был самым болезненным местом в этих отношениях, но сейчас он находится, к счастью, в дремучем состоянии и нас не беспокоит. Вопрос неизбежно опять приобретет актуальность и остроту, если мы заключим какое-нибудь соглашение с США. Мы можем поэтому пойти только на такое соглашение, которого не смогут нам предложить другие кредиторы. Товарные кредиты даже на длинные сроки нам и теперь дают и охотно нам предложат на будущее время в увеличенных размерах, если с этим будет связано покрытие старых долгов. Иное дело — финансовые кредиты, которые не всякое государство может нам предоставить, в особенности, если учитывать огромные суммы французских, английских и германских претензий и двойные суммы займа, которые мы потребовали бы от них. Я на днях написал подпольное письмо Трояновскому и теперь ему протелеграфирую²³⁷, чтобы он немедленно по получении письма зашел в госдепартамент и выяснил положение. Со своей стороны я прошу Буллита указать госдепартаменту на неприемлемость схемы последнего и на необходимость пойти нам навстречу.

Я спросил Буллита, какой цели должны служить булавочные уколы американцев, а именно сперва речь Джонсона, а теперь заявление о якобы сделанном нами и отклоненном Америкой предложении пакта о ненападении²³⁸. Буллит сделал вид, будто он ничего не знает о сообщениях прессы, и я ему прочитал соответственные бюллетени ТАСС. Буллит вызвался дать от себя опровержение и просил меня в таких случаях немедленно извещать его, дабы согласовывать совместные опровержения.

Я говорил также об имеющихся сведениях об отрицательном отношении Америки или по крайней мере Нормана Дэвиса к нашему участию в морской конференции*. Я добавил, что мы сами отнюдь не стремимся к участию в конференции и не намерены напрашиваться на ограничение нашего морского строительства.

Литвинов

Печат. по арх.

---

* См. также док. № 77.

241. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше Я. Х. Давтяну

9 июля 1934 г.

Заявите мексиканскому посланнику *, что в случае обращения мексиканского правительства непосредственно в Москву или через дипломатических представителей обеих стран с письменным предложением о немедленном и безусловном восстановлении отношений, то мы дадим на это согласие. В переговорах не видим надобности, так как единственный вопрос, который мы готовы были бы обсудить — это об удовлетворении нам за оскорбительный разрыв отношений **, но мы готовы на этом не настаивать. Когда сделаете это сообщение мексиканскому посланнику, дайте через ТАСС телеграмму о факте обращения к Вам мексиканского посланника с предложением о восстановлении отношений, не сообщая нашего ответа ***.

Литвинов

Печат. по арх.

242. Беседа Полномочного Представителя СССР в Польше с Поверенным в Делах Мексики в Польше Жублян-Ривасом

10 июля 1934 г.

Я через т. Николаева **** попросил Жублян-Риваса заехать ко мне, и он был у меня в тот же день.

Я ему сообщил, что Советское правительство готово принять то предложение, которое мексиканское правительство делало нам о восстановлении дипломатических отношений *****. Таким образом, если мексиканское правительство обратится к нам с письменным предложением об этом, то мы ответим согласием. Такое обращение могло бы быть сделано либо непосредственно телеграфно в Москву, либо через какое-нибудь наше посольство.

Перед этим сообщением я спросил Жублян-Риваса, было ли его тогдашнее заявление, сделанное им т. Подольскому, официальным. Он мне подтвердил это, заметив, что в результате нескольких бесед, которые у него раньше были с т. Подольским по поводу отсутствия дипломатических отношений

* См. док. № 156.

** См. т. ХНІ, док. № 30, 40.

*** См. док. № 242.

**** Первый секретарь полпредства СССР в Польше.

***** См. док. № 156.

между СССР и Мексикой *, он написал в свое министерство иностранных дел об этих разговорах. В результате этого министерство сообщило ему о готовности восстановить дипломатические отношения и предложило передать это нашему посольству.

Жублян-Ривас выразил большую благодарность по поводу моего сообщения и сказал, что он немедленно будет телеграфировать в Мехико **.

Давтян

Печат. по арх.

243. Письмо Полномочного Представителя СССР в Великобритании Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

10 июля 1934 г.

Многоуважаемый Николай Николаевич,

Сообщаю Вам некоторые подробности о пребывании в Лондоне т. Алксниса и летчиков-героев тт. Молокова и Леваневского ***.

Прежде всего, о пребывании т. Алксниса. Как Вы знаете из предшествующей переписки, положение Алксниса во время пребывания его в Лондоне было несколько деликатное. Приходилось поэтому маневрировать осторожно, дабы не вышло какого-либо неприятного ляпсуса. В общем все обошлось хорошо. Сразу же по приезде в Лондон т. Алкснис и т. Туполева отправили свои карточки лорду Лондондерри (министр авиации) и Сассуну (товарищ министра авиации). В тот же день от последних были получены ответные карточки. Приглашения на воздушный парад 30 июня были присланы в полпредство накануне, 29-го. Для тт. Алксниса и Туполева приглашения были на королевскую трибуну (они сидели рядом со мной, в двух шагах от принца Уэльского, который явился на парад вместо короля), для всех остальных — на другую трибуну для особо привилегированных гостей, вместе с дипломатами низшего ранга, начиная с советников. Во время парада 30-го лорд Лондондерри послал своего адъютанта к т. Алкснису с просьбой зайти в его ложу, так как он хочет лично познакомиться с начальником советских военно-воздушных сил. Тов. Алкснис после этого представился лорду Лондондерри, но никаких серьезных разговоров при данной okazji не было. Во время парада произошел несчастный случай. Один из военных самолетов вышел из строя в результате порчи мотора

* См. т. XIII, док. № 30, 40.

** См. док. № 324, 440.

*** См. газ. «Известия», 29 июня, 4 июля 1934 г.

и после кое-каких маневров, в конце концов, ткнулся носом в землю. Пилот успел выскочить из машины, получив лишь не очень серьезные ранения, а наблюдатель (оказавшийся сыном лондонского лорд-мэра) погиб в пламена, которое вспыхнуло сразу же после неудачной посадки аэроплана. Вернувшись с аэродрома, т. Алкснис сразу же послал лорду Лондондерри телеграмму с выражением сочувствия по поводу происшедшего несчастья, а также с констатацией того факта, что, несмотря на этот неприятный инцидент, общее впечатление, полученное им от парада (техника машин, качество пилотажа и проч.), вполне благоприятное. На другое утро т. Алкснис получил от лорда Лондондерри благодарственную телеграмму, составленную в очень теплых выражениях. (Я также выразил соболезнование лорду Лондондерри и лорд-мэру, но это в данном случае не относится к делу). 2 июля происходила воздушная выставка, на которую первоначально и были приглашены наши товарищи. На выставке сначала машины различных конструкций демонстрировали свои летательные возможности, а затем все машины сели на поле, и приглашенные гости имели возможность обходить машины, осматривать их, влезать внутрь, получать разъяснения от находящихся при машинах специалистов и т. д. Тов. Алкснис вместе с сопровождавшими его специалистами-летчиками широко использовали эту возможность и весьма внимательно осмотрели целый ряд английских самолетов. Вечером желающие приглашались полетать на любой из машин, присутствовавших на поле, но наши товарищи уже не воспользовались этим приглашением. Во время выставки был завтрак примерно на 100 человек, на котором я и т. Алкснис сидели за главным столом, на весьма высоком месте, в соответствии с нашими чинами. 3 июля т. Алкснис сделал визит лорду Лондондерри. Прежде чем просить о свидании, я навел в частном порядке справки через Бутби о настроениях, господствующих в воздушном министерстве. Ответ получился благоприятный. Тогда т. Алкснис уже официально попросил лорда Лондондерри назначить ему время для посещения. Сам визит продолжался недолго — около четверти часа. Лорд Лондондерри был весьма любезен, расспрашивал т. Алксниса о развитии у нас гражданского авиации, интересовался деталями личной карьеры т. Алксниса, а затем сообщил ему, что воздушное министерство решило осенью послать в Москву воздушного атташе²⁰⁹. Тов. Алкснис поблагодарил лорда Лондондерри за приглашение на воздушный парад и высказал несколько суждений о качествах английской авиации. К слову прибавлю, что, по мнению т. Алксниса и наших воздушных специалистов, британская авиация является в настоящее время самой лучшей в Европе, так как она сочетает хороший мотор с хорошей конструкцией

самолета. Между тем во Франции, например, имеется хороший мотор, но довольно дубовая конструкция аэроплана, в Германии — неплохая конструкция самолета сочетается с сравнительно отсталым мотором и т. д. Наши товарищи считают также, что летные качества английских авиаторов в общем очень высоки. Вместе с тем, однако, они отмечают, что наша авиация едва ли многим уступает английской. Мы слабее англичан в области моторов, но не хуже, а в некоторых отношениях лучше их в области конструкции самолетов. Впрочем, это мимоходом. Возвращаюсь к пребыванию т. Алксниса в Лондоне. Печать уделила ему довольно много внимания. Сообщения о предстоящем его приезде стали появляться в английских газетах дня за два до его фактического приезда. На параде 30 июня и выставке 2 июля т. Алкснис был предметом усиленного внимания со стороны фотографов и прессы. Визит т. Алксниса к Лондондерри также был отмечен газетами, а лондонские корреспонденты иностранной прессы разослали об этом телеграммы во все концы мира. Мне передавали, что местные японцы (в посольстве и около посольства) были сильно обеспокоены встречей между Лондондерри и т. Алкснисом. Я сознательно способствовал этой тревоге, представив т. Алксниса здешнему японскому послу Мацудайра на параде 30 июня.

Что касается гг. Молокова и Леваневского, то они встретили в Англии очень теплый прием. В день их приезда я устроил в полпредстве чай для представителей печати, на котором эти последние имели возможность видеть и беседовать с нашими гостями-летчиками. В результате в целом ряде английских газет («Дейли телеграф», «Манчестер гардиан», «Ньюс кроникл», «Дейли геральд», «Санди экспресс», «Ивнинг стандарт») появились очень благоприятные для них статьи и заметки. Особенно разительна была статья, напечатанная в «Санди экспресс» (воскресная газета «Дейли экспресс») той самой газетой, которая всего лишь пару месяцев назад печатала гнусные статьи. Эта статья начиналась словами: «История Молокова является одной из тех историй, которую наши внуки будут помнить тогда, когда полет Линдберга будет почти забыт». Я не останавливаюсь подробнее на отзывах прессы, потому что т. Волчков* посылает с этой же почтой специальную сводку, посвященную данной теме. Далее, гг. Молоков и Леваневский выступали по радио (точнее, радиостанция передала переведенные на английский язык интервью с ними), а также были засняты фирмой «ПарамOUNT» для кинохроники. «Общество культурной связи» в Лондоне устроило для них специальный прием, на котором собралось много

* Атгаше полпредства СССР в Великобритании.

народу и на котором гг. Молоков и Леваневский выступали с небольшими речами по-русски, переведенными потом на английский язык.

Подводя итог приезду гг. Алксниса, Молокова и Леваневского в Лондон, я должен констатировать, что шаг получился удачный как с культурной, так и с политической стороны. Между прочим, результатом этого шага явилось то, что была сделана первая брешь в стене, стоявшей до сих пор между нами и английскими военными кругами.

С товарищеским приветом

Полномочный Представитель СССР в Великобритании
И. Майский

Печат. по арх.

244. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу

11 июля 1934 г.

В связи с поездкой Барту в Лондон* английские и французские газеты пишут о гарантировании Францией регионального пакта. Бенеш в своей речи** также говорил о Франции в качестве гаранта пакта. Выясните, означает ли это изменение позиции Франции, соглашавшейся раньше гарантировать пакт только в отношении СССР, а не Прибалтики²¹⁹.

Литвинов

Печат. по арх.

245. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Постоянным Заместителем Министра Иностранных Дел Великобритании Ванситтартом

12 июля 1934 г.

Ванситтарт пригласил меня к себе для того, чтобы ознакомиться с результатами визита Барту***, а также с содержанием речи Саймона, которую тот должен был произнести на следующий день, 13 июля, в парламенте.

Ванситтарт начал с Барту. Он заявил, что британское правительство очень довольно результатами его визита, кото-

* См. док. № 247.

** Имеется в виду речь Бенеша в сенате Чехословакии 2 июля 1934 г.; см. газ. «Известия», 5 июля 1934 г.

*** См. также док. № 246, 247.

рые выявили большую согласованность взглядов между французским и английским правительствами по некоторым важнейшим вопросам международной политики. Он считает также, что эта демонстрация англо-французской дружбы произведет надлежащее впечатление в Берлине. Основное содержание разговора с Барту сводилось к вопросу о Восточном пакте. Он, Ванситарт, полагает, что мне хорошо известны подробности намечаемой схемы, поэтому ему незачем останавливаться на деталях. Он, однако, считает необходимым информировать меня о том, что британское правительство решило поддержать проект Восточного пакта, а также проект дополнительного франко-советского гарантийного пакта, но при одном непременном условии, чтобы Германия была поставлена в совершенно одинаковые условия с СССР и Францией. В самом деле, хотя Германия и являлась бы участником Восточного пакта, она не могла бы считать себя вполне равноправной, поскольку имеется дополнительный франко-советский пакт, который объективно может считаться направленным против Германии. Поэтому в результате переговоров между форни офисом и Барту был найден выход из создавшегося затруднения, а именно, обе стороны согласились на том, что Германия должна быть допущена на равных основаниях с СССР и Францией к участию в гарантийном пакте. Конкретно, франко-советский пакт должен быть построен так, чтобы Франция гарантировала СССР от эвентуального нападения Германии и Германию от эвентуального нападения СССР, а СССР гарантировал бы Францию от эвентуального нападения Германии и Германию от эвентуального нападения Франции. В этом именно духе Саймон будет завтра выступать в парламенте. Британским послам в Берлине и Варшаве дано предписание сделать перед соответственными правительствами дружественный демарш и рекомендовать им принять участие в пактах безопасности, а британскому послу в Риме дано поручение просить итальянское правительство поддержать британскую акцию в данном вопросе. Ему, Ванситарту, кажется, что после того, как Великобритания решила поддержать франко-советскую инициативу, Германии и Польше будет трудно отказаться от участия в пактах. А если, паче чаяния, Германия на это пошла бы, то она, естественно, вызвала бы вполне законные подозрения в своих намерениях со стороны всего мира и морально была бы изолирована. Затем, намекая на наш разговор 3 июля*, Ванситарт сказал: «Барту, подобно Вам, тоже просил нас сделать какое-либо публичное заявление, выражающее британскую позицию в вопросе о Восточном пакте. Мы согласились с этим, и сэр Джон Саймон

* См. док. № 232.

завтра в Палате общин сделает подробное изложение нашей точки зрения по текущим вопросам»*. Я заинтересовался, предполагает ли Саймон в своей завтрашней речи сделать заявление также и о британской политике на Дальнем Востоке. Ванситарт обещал мне такое выступление в разговоре 3 июля. Ванситарт слегка смутился, но поспешил заверить меня, что через полчаса увидит Саймона и постарается убедить его коснуться в своей речи и дальневосточных проблем. Он несколько не уверен, однако, в том, что данные проблемы будут удобно затронуты в завтрашней речи, которая будет посвящена в основном европейским вопросам. Впрочем, может быть, в той или иной форме удастся что-нибудь сделать.

Полномочный Представитель СССР в Великобритании
И. Майский

Печат. по арх.

246. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
12 июля 1934 г.*

Французский посол в Англии Корбен сегодня сообщил мне следующее: 1) направляясь в Лондон, Барту рассчитывал встретить сильное сопротивление со стороны английского правительства по проектам Восточного Локарно**. Фактически он нашел здесь гораздо меньше оппозиции, чем ожидал, и уехал весьма довольный результатами. 2) Английское правительство имело сомнение насчет того, что Германия в системе пактов окажется не вполне равноправной даже при ее участии в Восточном Локарно, так как дополнительный франко-советский пакт объективно будет направлен против Германии. Барту успокоил англичан, выдвинув идею допущения в франко-советский пакт третьих стран, конкретно Германии. Он оговорился, однако, что мнение Советского правительства по этому поводу ему неизвестно. Корбен пытался выяснить у меня, что Советское правительство думает о такой комбинации, но я заявил, что в данный момент ничего не могу сказать, ибо затронутый вопрос для меня совершенно новый. 3) Саймон в конце переговоров обещал, что английское правительство сделает демарш в Берлине, Варшаве и Риме в дружественном для Восточного Локарно духе. Это обещание Саймона

* См. газ. «Известия», 14 июля 1934 г.

** См. док. № 151, 154, 254.

вчера было подтверждено кабинетом. 4) Англичане пытались связать Восточное Локарно с вопросом о разоружении, но Барту это отвел, ограничившись лишь общим заявлением, что реализация системы пактов создаст более благоприятную обстановку для разоружения. Не от Корбена, а из других источников я слышал, что в этом духе между англичанами и французами сделана особая протокольная запись.

Полпред

Печат. по арх.

247. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфаном

13 июля 1934 г.

Альфан по поручению Барту сделал мне следующее заявление.

«Беседы г. Барту в Лондоне с сэром Джоном Саймоном и различными членами британского кабинета позволили ему рассеять опасения, вызванные проектом Восточного пакта*. Сэр Джон Саймон, убедившись, что в этот план не входила мысль окружения какого-либо государства, заявил о своей готовности, при условии согласия британского правительства, официально рекомендовать не только принятие этого плана Берлином и Варшавой, но и одобрение его Римом.

Этот важный результат был достигнут лишь после долгих и деликатных дискуссий.

Британское правительство, являющееся участником Локарно, было в состоянии понять все значение гарантий, предоставляемой Францией правительством СССР, но оно могло полагать, что факт дополнительной гарантии в пользу одной только Франции мог бы дать Германии уважительный предлог для отказа от присоединения. Поэтому с английской стороны желали, чтобы советская гарантия могла действовать в пользу не только Франции, но также и Германии.

Поэтому же казалось, что гарантия, даваемая Францией в пользу СССР, должна была в целях той же взаимности называться как необходимое последствие соответствующую гарантию Франции в отношении Германии.

По обоим этим пунктам г. Барту, оговорив необходимость согласия французского правительства и не связывая в какой бы то ни было момент г. Литвинова, счел нужным дать сэру Джону Саймону успокоительные заверения, необходимые для обеспечения эффективного и немедленного содействия Англии той политике стабилизации на Востоке Европы, которую фран-

* См. док. № 151, 168, 245, 246.

цузское правительство проводит сообща с правительством СССР. Ясно выраженный миролюбивый характер этой политики, так же как и нынешнее положение в Европе, позволяют, впрочем, рассматривать как совершенно теоретические те гипотезы, выражением которых являлись английские возражения.

Поэтому г. Барту заявил сэру Джону Саймону, что, если Германия выразит такое пожелание в Москве, французское правительство не будет возражать против гарантии, даваемой СССР в пользу как Германии, так и Франции в отношении соблюдения локарских обязательств. Ничто не препятствует также и тому, чтобы, если Германия этого пожелает, французская гарантия могла действовать в ее пользу, так же как и в пользу СССР.

Однако г. Барту категорически возражал против установления связи между переговорами и заключением пактов, с одной стороны, и послаблением в пользу Германии в вопросе довооружения — с другой. Французский министр разрешил лишь сэру Джону Саймону указать в Берлине, что заключение пактов с участием Германии явится наилучшей почвой для возобновления переговоров с целью разумного применения принципа равноправия.

В этих условиях сэр Джон Саймон обязался предпринять немедленно вышеуказанные дипломатические шаги. С другой стороны, он формально заверил г. Барту в том благоприятном отношении, которое будет обеспечено со стороны британского правительства вступлению Советского Союза в Лигу наций.

Из телефонного сообщения, полученного в Париже из Лондона 11 июля, явствует, кроме того, что британское правительство одобрило обмен мнениями, состоявшийся между г. Барту и сэром Джоном Саймоном».

Я просил Альфана благодарить Барту за сообщение и поздравить его с успехом его миссии. Независимо от окончательных результатов английского демарша, публичную солидаризацию Англии с франко-советскими усилиями к упрочению мира надо приветствовать как весьма важный фактор, который не может не оказать влияния на Германию и Польшу, тем более что вслед за Англией, вероятно, по тому же пути пойдет и Италия. Я высказал сомнение в согласии Германии на подписание пакта даже после английского демарша и сказал, что единственным средством склонить Германию к подписанию пакта было бы давление на Варшаву. Только когда перед Германией будет стоять угроза заключения пакта с участием Польши даже без Германии, последняя предпочтет присоединиться к пакту. У Франции же имеются достаточные средства давления на Варшаву. Альфан выразил свое полное согласие со мною.

Что касается вопроса о нашем отношении к распространению французской гарантии также на Германию, а также нашей гарантии на Германию, то я должен резервировать свой ответ до обсуждения вопроса нашим правительством*.

Литвинов

Печат. по арх.

248. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Италии с Председателем Совета Министров Италии Муссолини

13 июля 1934 г.

Беседа происходила в палаццо Венеция. Предметом ее явилось следующее: 1) Италия и франко-советское сближение. 2) Проект Восточного пакта. 3) Политика Польши. 4) Визит советской воздушной эскадрильи.

Италия и франко-советское сближение. Отметив нервность, проявляемую в последнее время общественным мнением Италии в отношении некоторых моментов внешней политики СССР, полпред сообщил Муссолини, что желал бы с полной откровенностью объясниться с ним по этому поводу. Дружественные отношения между СССР и Италией не могут допускать недомолвок и недоразумений между обеими сторонами.

По мнению полпреда, главной причиной недовольства итальянского общественного мнения является сближение СССР с Францией. Муссолини известно как от полпреда, так и от Литвинова**, что это сближение диктуется Советскому правительству враждебной позицией, занимаемой в отношении СССР гитлеровской Германией. Если бы эта позиция изменилась, ничто не мешало бы Советскому правительству продолжать дружественное сотрудничество с Германией в духе соглашений, заключенных в Рапалло и Берлине***. К сожалению, взаимоотношения Германии с СССР несколько не улучшаются. Если к этому добавить сближение с Германией Польской Республики, политика которой внушает Советскому правительству весьма серьезные сомнения, всякий должен будет признать, что Советскому Союзу приходится принимать меры для обеспечения своей безопасности со стороны западной границы. В этом и заключается главное основание сближения СССР с Францией — сильнейшей страной Западной Европы, притом наиболее угрожаемой со стороны Германии и распро-

* См. док. № 252.

** См. док. № 196, 221.

*** См. т. V, док. № 121, в т. IX, док. № 141.

лагающей к тому же действительнейшими средствами воздействия на Польшу.

Франко-советское сближение ни в какой мере не наносит ущерба дружественным отношениям СССР с Италией. На эту тему около года тому назад полпред уже имел беседу с Муссолини *, причем глава итальянского правительства безоговорочно присоединился к вышеприведенному положению. Итало-советский договор о дружбе ** явился конкретным доказательством солидарности обеих сторон в данном вопросе. Некоторыми высказывается мнение, что франко-советское сближение, содействующее нормализации отношений СССР со странами Малой Антанты, является фактором, объективно способствующим консолидации этого трипартийного антиитальянского блока. По этому поводу полпред уполномочен сообщить Муссолини, что Литвиновым неизменно отводились и отводятся все попытки дипломатов Малой Антанты склонить Советское правительство к формальным сношениям с нею как с политически объединенной группой государств ***. Наконец, руководящие органы в итальянской прессе высказывают убежденно, что, вступая в сотрудничество с Францией, СССР подчиняется влиянию этой страны и становится на службу эгоистическим интересам французской политики. Для всякого трезвого человека должна быть очевидна смехотворность такого утверждения, забывающего, что Союз — страна, занимающая шестую часть земного шара, имеющая 170 млн. населения, самый прочный в мире режим, неисчерпаемые материальные ресурсы своей природы, промышленности и сельского хозяйства, и наконец, могущественнейшую армию, внушающую уважение и осторожность злейшим врагам Страны Советов. Может ли СССР служить интересам какой бы то ни было иностранной державы? Говоря словами Сталина, СССР ориентируется только на интересы СССР ****. Эти интересы требуют борьбы за мир, против опасности войны. На этом пути СССР готов активно сотрудничать со всеми правительствами, искренне стремящимися к тем же целям.

Проект Восточного пакта. В плане борьбы за мир и создания гарантии общей безопасности Советское правительство выдвигает проект Восточного пакта *****, содержание которого общезвестно. Общественное мнение и руководящие органы прессы в Италии заняли в отношении этого проекта резко отрицательную позицию. Итальянцы выступают против регионального принципа упомянутого проекта. Однако разве

* См. т. XVI, док. № 166.

** См. т. XVI, док. № 188.

*** См. док. № 218.

**** См. док. № 28.

***** См. док. № 224.

трипартитное итало-австро-венгерское соглашение, заключенное в Риме 17 марта*, не представляет собой регионального договора? То же начало положено в сущности и в основу «пакта четырех» и отчасти в Локарнские соглашения**. Указывают далее, что Восточный пакт включает в себе обязательства взаимной помощи, идущей вплоть до совместных военных действий против агрессора. Однако однородные обязательства имеются и в Локарнском договоре, и в ст. 16 Устава Лиги наций, и в соглашении Италии с Албанией. Итальянское общественное мнение настроено враждебно против проекта Восточного пакта и потому, что ему оказывает поддержку Франция. Но такое предубеждение против французов противоречит курсу внешней политики Муссолини. Нельзя забывать, что дипломатия Кавура оказалась для Италии несравненно более выгодной, нежели прогерманская ориентация Криспи. Национальное объединение Италии подготовлено было совместной борьбой французских и сардинских войск против австрийской империи. Что касается тройственного союза, то сам Муссолини был противником войны Италии на стороне Германии и Австрии, предпочитая действовать против них на стороне Франции, России и Англии. Попытки Италии сотрудничать с Германией, как известно, привели только к разочарованию. Едва ли можно ожидать, что этот партнер, изолировавший себя от всего мира, сможет действовать в какой бы то ни было мере осуществлению положительных задач национальной политики Италии.

Характеризуя отношение к Восточному пакту со стороны различных государств Европы, полпред высказал уверенность, что Англия не станет ему противодействовать, если в этом соглашении примет участие Германия. Польша, по-видимому, займет сперва выжидательную позицию и согласится на заключение этого договора, когда увидит, что его поддерживают и Франция, и Англия. Германия, вероятно все же, последует примеру Польши, чтобы не оказаться окончательно изолированной и не принять на себя ответственности за срыв этой мирной инициативы. Что касается Италии, то, как сказано, ее общественное мнение до сих пор обнаруживало резко отрицательное отношение к проекту Восточного пакта. Полпред желал бы знать, как относится само итальянское правительство к вышеуказанному проекту?

Муссолини, с большим вниманием выслушавший все сообщения, изложенные полпредом, заявил, что приветствует ясность и прямоту, с которыми последний поставил перед ним

* См. газ. «Известия», 18 марта 1934 г.

** См. соответственно «Сборник документов по международной политике...», вып. VI. М., 1934, стр. 3—10 и т. VIII, прим. 67, 68.

известный вопрос. С той же откровенностью выскажется и он сам. Однако до этого он желал бы ознакомить полпреда с содержанием коммюнике, которое опубликовывается сегодня агентством Стефани. Взяв со стола текст этого сообщения, Муссолини тут же прочел его полпреду.

По поводу коммюнике глава итальянского правительства пояснил полпреду следующее. Италия с большой осторожностью отнеслась к первоначальному проекту Восточного пакта, ибо усматривала в нем несомненный антигерманский привкус. Правда, Германия приглашалась к участию в пакте. Однако в плане дополнительного франко-советского соглашения предусматривалось, что Франция вместе с СССР выступает против Германии в случае конфликта между рейхом и Советами на Востоке Европы, а СССР действует совместно с Францией против той же Германии, если столкновение происходит на франко-германской границе, гарантированной Локарнским соглашением. Совершенно оставлялся в стороне вопрос: что будет, если сама Германия явится объектом нападения Советского Союза или той же Франции? Это создавало для Германии положение явного неравенства, на эту сторону вопроса обращено было внимание и английским правительством. В результате лондонских переговоров Барту* французское правительство согласилось модифицировать первоначальный проект Восточного пакта. На восточной границе Германии обеспечивается поддержка Франции в случае агрессивных действий со стороны СССР. Предполагается, что и Советский Союз примет на себя обязательство** выступить на стороне Германии, если последняя подвергнется нападению Франции на западной своей границе. Таким образом, в проект Восточного пакта внесены начала равенства и взаимности. По мнению Муссолини, такое изменение весьма существенно потому, что оно дает возможность на новых основаниях и в практической форме поставить вопрос о равных правах Германии на вооружение, без чего невозможно возвращение Германии в Лигу наций.

Муссолини добавил, что вчера его посетил английский посол Друммонд, который передал ему ноту своего правительства, содержащую сообщение о модификациях, внесенных в проект Восточного пакта в результате лондонских переговоров Барту***. Нота уведомляла Муссолини, что при наличии указанных изменений в проекте пакта английское правительство готово занять в отношении его благожелательную позицию. Получив такую информацию и обсудив поло-

---

* См. док. № 247.

** См. док. № 252.

*** См. док. № 245.

женне, итальянское правительство также пересмотрело свою прежнюю позицию в отношении Восточного пакта. Опубликованное им через Стефани коммюнике декларирует, что Италия снимает свои прежние возражения против пакта.

Полпред заметил Муссолини, что не знает еще, как отнесется Советское правительство к тем изменениям, которым подвергся в Лондоне проект Восточного пакта. По всем вероятностям, оно не будет возражать против них, ибо они не затрагивают существа мирных предложений СССР и вдобавок обеспечивают моральную поддержку Восточному пакту со стороны Великобритании и Италии. Однако формулировка позиции, занятой в отношении этого проекта Италией, представляется полпреду недостаточно определенной. В сущности, итальянское правительство ограничивается пассивно благожелательным отношением к Восточному пакту. Полпреду казалось бы, что в столь крупном вопросе международной жизни, связанном с задачей упрочения мира в Европе, правительство Италии могло бы проявить более активную заинтересованность.

В ответ на это Муссолини задал полпреду вопрос: «Правительство СССР серьезно заинтересовано в осуществлении Восточного пакта?»

Полпред ответил утвердительно.

— Желали бы вы, чтобы Италия оказала ему активную поддержку? — последовал новый вопрос Муссолини.

Полпред ответил, что такая поддержка могла бы оказать значительное содействие обеспечению мира в Европе. Наиболее действительной она была бы, конечно, в Берлине.

— Но ведь, по существу, пожалуй, важнее всего для вас — нейтрализовать опасность со стороны Польши? — осведомился Муссолини в тоне дружественной конфиденциальности.

Полпред не возражал. Тогда Муссолини заявил ему, что готов активно воздействовать на Берлин, чтобы побудить Германию дать согласие на участие в пакте.

— Я поручу Черутти *. — продолжал Муссолини. — заявить правительству Германии следующее. Во-первых, отказавшись участвовать в Восточном пакте, Германия, и сейчас достаточно изолированная в международном отношении, окажется совершенно одинокой. Во-вторых, на нее ляжет вся тяжесть ответственности за срыв этого мирного начинания. В-третьих, — и это, по-моему, наиболее существенно — отказ Германии от участия в пакте толкнет СССР на путь сближения с Францией, могущего перерасти в настоящий военный союз. Это представило бы для Германии величайшую опасность.

* Посол Италии в Германии.

Сегодня же мною даны будут надлежащие инструкции Черутти.

Политика Польши.— Что касается Польши,— продолжал Муссолини,— то она и нам внушает самые серьезные сомнения. Соглашение с Германией¹⁴, разумеется, выгодно для Польши, поскольку формально лет на десять оставляет открытым вопрос о ревизии ее границ с Германией и отдалает разрешение вопроса о польском коридоре. Однако у нас имеются предположения, что Германия сделала эту уступку Польше недаром.

На замечание полпреда, что польско-германское соглашение, естественно, направляет динамику германской экспансии в другую сторону, Муссолини воскликнул:

— Это для нас совершенно ясно. Польша производит то, что называется диверсией. Она явно толкает Германию на юг, содействуя осуществлению аншлюса. Мы учитываем это прекрасно. Вообще, я считаю, что и вам, и нам надлежит с особым вниманием следить за поведением Польши. Кое-что мы могли вам сообщить о ее планах касательно Украины. Я был бы очень благодарен вам, если бы польская внешняя политика от времени до времени освещалась нам на основе вашей информации.

Визит советской воздушной эскадрильи. Муссолини осведомился у полпреда, собирается ли он в отпуск в СССР. Полпред ответил, что решил отложить свой отъезд в ожидании прилета советской эскадрильи. При этом он выразил надежду, что будет иметь возможность представить ее главе итальянского правительства.

Муссолини ответил, что непременно примет участников советского воздушного визита в Италию. В конце июля он собирается встретиться с Дольфусом в Риччоне. Во второй половине августа он примет участие в маневрах итальянских войск. Если, как предполагалось, советская эскадрилья прибудет в Рим в начале августа, то ему будет очень приятно принять наших летчиков*.

С обычной любезностью провожая полпреда до самых дверей приемного зала, Муссолини заявил ему, что к понедельнику, когда полпред будет представлять ему делегацию военных химиков СССР²⁰⁵, он, может быть, уже будет иметь кое-какую информацию от Черутти. В этом случае он передаст полпреду то, что может интересовать СССР²¹¹.

Беседа с Муссолини продолжалась 45 минут.

Потемкин

Печат. по арх.

* См. док. № 237.

249. Письмо Полномочного Представителя СССР в Афганистане Министру Иностранных Дел Афганистана Файз Мухаммед-хану

15 июля 1934 г. № 815

Господин Министр,

Письмом от 26 апреля за № 430 я сообщал Вам о происшедшем 29 марта с. г. на Памирском участке границы, в районе Хорога, нападении перешедшей из Афганистана банды Атамкула Сулейманова на кишлак Алигор, о произведенном ею ограблении этого кишлака и об уводе в Афганистан двух граждан СССР: учителя Кичканова и заведующего кооперативом Мамбет Алнева.

Сообщая Вам об изложенном, я просил Вас принять, в срочном порядке, необходимые меры к возвращению на советскую территорию уведенных бандой советских граждан и награбленного ею имущества, а также к должному наказанию грабителей и лиц, прикосновенных к этому делу и не воспрепятствовавших банде в ее преступных действиях.

3 мая, письмом за № 465, я просил Вас информировать меня о принятых Вами мерах и о результатах этих мер.

К сожалению, до настоящего времени я не имею Вашего ответа по существу дела, — несмотря на то, что мною был особо подчеркнут срочный характер его, — и я не знаю, доставлены уже на советскую территорию уведенные бандой советские граждане, и какая вообще судьба постигла их.

Ввиду всего изложенного, я вынужден вновь просить Вас об ускорении ответа на мои письма за № 430 и 465, — о конх я упоминал выше, — и вновь подчеркнуть срочность поставленных в нем вопросов, в особенности в отношении уведенных бандитами в Афганистан советских граждан.

В ожидании Вашего ответа прошу Вас, господин Министр, принять мои заверения в совершенном к Вам уважении.

Полномочный Представитель СССР в Афганистане
Л. Старк

Печат. по арх.

В ответном письме Файз Мухаммед-хана от 9 августа 1934 г. говорится:

«В связи с письмом уважаемого друга от 15 июля с. г. за № 815 почтительно довожу до Вашего сведения, что по поводу упомянутого Вами дела мною были предприняты шаги сейчас же по получении Вашего первого письма.

В соответствии с полученными за последнее время от соответствующих учреждений сведениями Атамкуль и лица, сопровождавшие его, арестованы и привлечены к следствию.

По поводу двух советских граждан вновь сделан запрос и, по получении ответа, о результатах будет доведено до Вашего сведения»²¹².

250. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

16 июля 1934 г.

Немедленно передайте Ванситтарту, что мы не возражаем против включения в гарантийное соглашение также и Германии, чтобы на нее распространялись гарантии как Франции, так и СССР*. Муссолини заявил Потемкину, что ввиду создания в результате лондонских переговоров нормальных условий равенства и взаимности для Германии итальянское правительство, не будучи заинтересовано в Восточном пакте, решило не противодействовать его осуществлению. Он признал, однако, что отказ Германии изолировал бы ее и содействовал бы еще большей активизации советско-французского сближения, грозящего перерождением в военный союз, а потому он поручит Черутти убеждать германское правительство не уклоняться от участия в пакте**.

Литвинов

Печат. по арх.

251. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому

16 июля 1934 г.

Теперь, когда все великие европейские державы высказали одобрение Восточному региональному пакту*** и оказывают ему поддержку соответственными представлениями в Берлине и Варшаве, я считал бы желательным какое-либо выступление американского правительства в пользу пакта в качестве необходимого фактора укрепления мира в Европе и возможно также в Азии. Трудно ожидать официальных демаршей с его стороны, но публичное заявление Хелла или в крайнем случае интервью Дюранти**** специально по этому вопросу имело бы большое значение. Рекомендую не обращаться специально по этому вопросу к Хэллу, а найти и использовать случай встречи с ним, чтобы попутно намекнуть*****.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. док. № 245.

** См. док. № 248.

*** См. док. № 225, 245, 247, 248.

**** Корреспондент газеты «Нью-Йорк Таймс».

***** См. также док. № 411.

252. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу

16 июля 1934 г.

Немедленно передайте Барту или Леже, что мы не возражаем против включения в гарантийное соглашение также и Германии, чтобы на нее распространялись гарантии как Франции, так и СССР*. Напомните при этом о желательности распространения гарантий также на Прибалтику²¹³.

Муссолини заявил Потемкину**, что ввиду создания в результате лондонских переговоров нормальных условий равенства и взаимности для Германии он, не будучи заинтересован в Восточном пакте, решил не противодействовать его осуществлению. Он признал, однако, что отказ Германии изолировал бы ее и содействовал бы еще большей активизации советско-французского сближения, грозящего перерождением в военный союз, а потому он поручит Черутти убеждать германское правительство не уклоняться от участия в пакте.

Литвинов

Печат. по арх.

253. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае Д. В. Богомолу

16 июля 1934 г.

Сообщите нанкинскому правительству, что синьзянское провинциальное правительство обратилось к нашей хозяйственной организации, торгующей с Синьзяном, с просьбой о предоставлении ему долгосрочного кредита от 3 до 5 млн. руб. для покупки советских товаров, причем предложило выплату синьзянским сырьем. «Совсиньторг» согласился заключить такую сделку и предоставить упомянутую подтоварию ссуду на достаточно льготных для Синьзяна условиях. Нам известно, что дубань Шэнь Ши-цай*** уже обратился за санкцией в Нанкин. В свою очередь «Совсиньторг» запросил санкции у Советского правительства. Советское правительство готово разрешить эту сделку, исходя из желательности укрепления китайской власти в Синьзяне, и полагает, что нанкинское правительство не будет возражать против нее.

Желательно, чтобы Вы это сообщение сделали самому Чан Кай-ши, связав его с дошедшими до нас сообщениями, что Чан

* См. док. № 247.

** См. док. № 248.

*** Губернатор провинции Синьзян.

Кай-ши интересуется сотрудничеством с СССР для укрепления власти Китая над Синьцзяном. Если, однако, Чан Кай-ши находится в ставке и Вы считаете неудобным ехать туда, телеграфируйте немедленно, как Вы предлагаете довести это сообщение до сведения накиннского правительства*.

Стомоняков

Печат. по арх.

**254. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР
Полномочным Представителям СССР в Великобритании,
Германии, Италии, Чехословакии, Латвии, Литве, Эсто-
нии**

17 июля 1934 г.

Посылаю при сем для Вашего сведения набросок проекта пактов, о которых ведем переговоры с французским правительством. Повторяю, это не проект пактов, а только набросок, врученный мне французами в Женеве. В детальное обсуждение этого наброска мы еще не вступили, но с нашей стороны, вероятно, будут предложены поправки и дополнения. В частности, мы будем пытаться включить в региональный пакт принятое в Женеве определение агрессии. Чехословакия, Польша и Прибалтика, как участники Лондонских конвенций**, вряд ли смогут возражать против этой поправки. Не будет, вероятно, противиться этому и Франция, но сопротивление надо ожидать со стороны Германии. Далее, согласно посланной уже Вам телеграмме***, предполагавшееся соглашение между Францией и СССР теперь должно включить также и Германию.

Означенный набросок передан французами польскому правительству, а англичанами, если не ошибаюсь, итальянскому и германскому. Надо полагать, что имеется копия и у Бенеша. Таким образом, документ посылается Вам пока лишь для личного сведения, а не для сообщения правительствам.

Литвинов

ПРИЛОЖЕНИЕ

Договор о региональной взаимопомощи

Договор будет подписан Германией, Эстонией, (Финляндией), Латвией, Литвой, Польшей, Чехословакией и СССР.

В преамбуле будут отражены те же идеи, что и в договоре, подписанном в Локарно Германией, Бельгией, Францией, Англией и Италией, за

* См. док. № 307.

** См. т. XVI, док. № 213, 218, 220.

*** См. док. № 250.

исключенном, разумеется, вопросов, имеющих специальный характер (статуса бельгийского нейтралитета и гарантии Рейнской зоны).

Первая часть

Ст. 1. Эти страны обязуются в соответствии с Уставом Лиги наций оказывать друг другу немедленную помощь в случае нападения одного из Договаривающихся государств на другое.

Ст. 2. Страны, подписавшие договор, не будут оказывать какой-либо поддержки стране-агрессору, не являющейся участницей соглашения.

Вторая часть

Ст. 3. В случае нападения или угрозы нападения со стороны одного из Договаривающихся государств, другие Договаривающиеся государства консультируются друг с другом в целях избежания конфликта или содействия восстановлению мира.

Ст. 4. Те же обязательства будут приняты на себя Договаривающимися странами в случае нападения или угрозы нападения на одно из Договаривающихся государств со стороны государства, не участвующего в договоре.

Ст. 5. Консультации, предусмотренные в статьях 3 и 4, могут быть распространены на другие заинтересованные державы или на державы, которые имеют на это право в силу других договоров.

Ст. 6. В случае, если одно из Договаривающихся государств могло бы воспользоваться применением ст. 10 и 16 Устава Лиги наций, другие Договаривающиеся стороны приложат усилия для того, чтобы добиться полного выполнения этих положений Лигой наций.

Статьи, касающиеся срока действия и ратификации договора.

Договор между Францией и СССР

В преамбуле отмечается интерес, каковой представляет Договор о региональной взаимопомощи для поддержания мира, а также желание Франции и СССР содействовать достижению предусматриваемых договором целей.

Ст. 1. СССР возьмет на себя в отношении Франции обязательства, вытекающие из Локарнского договора, как если бы Советский Союз был подписавшей этот договор стороной на одинаковом положении с Великобританией и Италией.

Ст. 2. Франция возьмет на себя в отношении СССР обязательства, которые вытекают из первой части Договора о региональной взаимопомощи, как если бы она была подписавшей этот Договор страной в случаях, когда речь шла бы:

- а) о действиях во исполнение ст. 16 Устава Лиги наций;
- б) о действиях во исполнение решения Ассамблеи или Совета Лиги наций или о действиях в применении п. 7, ст. 15 Устава.

Ст. 3. В случае проведения открытых консультаций между государствами, подписавшими Договор о региональной взаимопомощи, в соответствии со второй частью названного Договора, Франция будет приглашена участвовать в этих консультациях.

Срок действия тот же, что и регионального пакта.
Ратификация.

Генеральный акт

Подписывается государствами — участниками Договора о региональной взаимопомощи и Францией.

Ст. 1. Признается, что оба указанные выше договора являются вкладом в дело поддержания мира и не вызывают каких-либо возражений стран, их подписавших.

Ст. 2. Эти договоры не наносят ущерба правам и обязательствам Договаривающихся сторон как членов Лиги наций.

Ст. 3. Упомянутые три акта войдут в силу после их ратификации и вступления СССР в Лигу наций.

Письмо и приложение печат. по арх. Положение опублик. с сокращениями в журн. «Международная жизнь» № 6, 1953 г., стр. 156.

255. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Польше с Послом Франции в Польше Лярошем

17 июля 1934 г.

Лярош заехал ко мне, чтобы рассказать о своем разговоре с Бекем.

Ничего нового беседа с Бекем ему не дала. Бек по-прежнему тянет и находит десятки вопросов, которые требуют еще «выяснения». Но в общем он против пакта. Он указывал Лярошу, что Польша, собственно говоря, не нуждается в таком пакте, ибо, кроме добавочных обязательств, он ей ничего дать не может. Польша, мол, имеет договор о ненападении с СССР и Германией и союзные договоры с Францией и Румынией*. Для чего же ей еще пакт взаимной помощи? Лярош тут смеясь добавил в скобках, что это рассуждение не лишено логики.

В общем мнение Ляроша таково, что поляки не хотят пакта, но будут приноравливать свое поведение к тому, как будет реагировать Германия. Последняя, по мнению Ляроша, будет стараться фактически свести пакт на нет путем различных контрпредложений. После того как сейчас за Германией признается полное равенство, в пакте ей, конечно, трудно просто отказать, и она будет искать различные предлоги. Положение Польши будет труднее, если Германия согласится участвовать в пакте. В этом случае Польше будет труднее отказать. Лярош согласился со мной еще раз, что поведение Польши является решающим. Польша не может ограничиться только «сочувствием» к пакту (как, например, Англия), а должна сказать, участвует она в нем или нет. Неучастие Польши сводит весь пакт к бессмыслице, в то время как неучастие Германии практически ничего бы не изменило. Лярош согласен с этим и думает, что поляки будут стараться максимально

* См. соответственно т. XV, док. № 300 и док. № 11 настоящего тома; т. XV, прим. 150; т. III, док. № 334.

тянуть переговоры, стараясь найти всякие новые аргументы *. Сам Лярош 21 июля уезжает в отпуск и надеется, что ему удастся не возвращаться в Варшаву весь август. Он думает, что позиция поляков не изменится и его присутствие здесь не является необходимым.

Бек еще упрекал французов в том, что они как будто собираются сдать свои позиции в вопросах разоружения. Он имел в виду те заявления, которые делались вокруг поездки Барту в Лондон **, где тот будто бы дал в принципе согласие на возможное довооружение Германии в случае подписания ею пакта. Лярош разъяснил Беку, что это не так. На самом деле Барту в Лондоне сказал следующее: если Германия подпишет пакт взаимной помощи и тем самым усилятся элементы безопасности в Европе, тогда и весь вопрос о разоружении может принять несколько иной характер. Совершенно ясно, что ситуация будет иная и можно будет легче разрешить те спорные вопросы, которые имеются на конференции по разоружению, ибо Франция исходила всегда из вопросов безопасности. В этом духе Барту уполномочил Саймона информировать Берли. Лярош еще раз подчеркнул, что равенство Германии в вооружениях всегда Францией понималось в рамках безопасности.

По мнению Ляроша, одним из мотивов, из-за которого поляки против пакта взаимной помощи (хотя они об этом не говорят прямо), является следующее. Поляки не допустят того, чтобы либо немецкие, либо советские войска проходили через польскую территорию для оказания помощи. Они этого боятся.

Давтян

П. С. В разговоре с Бекем Лярош снова говорил ему о возможности близкого соглашения между Францией и СССР в случае провала пакта. Бек опять отвечал, что он не возражает против этого. Лярош мне это передавал в таком тоне, как если бы он хотел немного припугнуть Бека.

Давтян

Печат. по арх.

256. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Персии С. К. Пастухова в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

17 июля 1934 г.

Сегодня меня посетил шеф протокола министерства иностранных дел Асад-хан и официально от имени шаха просил передать Советскому правительству, что он тронут сердечным

* См. док. № 338.

** См. док. № 247.

приемом, оказанным шахине при ее проезде через СССР, и выразил нам сердечную благодарность за это*. Асад-хан, очевидно также по поручению, несколько раз подчеркивал, что благодарность шаха не следует рассматривать как формальный акт вежливости, а как результат его искреннего и глубокого удовлетворения. В подтверждение он показал мне письмо шаха на имя Каземи с поручением поблагодарить нас, написанное в теплых искренних тонах. Саеду также предложено письменно передать благодарность шаха²¹⁴. Асад-хан сказал мне, что шах распорядился послать подарки нашим работникам, провожавшим шахиню до границы, и просил дать указание Бакинской таможне об их пропуске, они будут адресованы посольству.

Полпред

Печат. по арх.

257. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Постоянным Заместителем Министра Иностранных Дел Великобритании Ванситтартом

18 июля 1934 г.

Получив телеграмму т. Литвинова от 16 июля** поздно вечером 16-го, я на другое утро попросил срочного свидания с Ванситтартом. Последний, однако, 17-го был целый день занят, и я смог увидеть его только утром 18-го.

1. Я начал с того, что сообщил Ванситтарту о согласии Советского правительства на включение Германии в гарантийный франко-советский пакт. Ванситтарт был очень обрадован, сразу же заявил, что даст инструкции отделу печати форин-офиса опубликовать данный факт возможно шире в английской печати, и затем добавил: «После вашего ответа для Германии тем труднее будет отклонить предложение о Восточном пакте». Далее Ванситтарт спросил, сообщен ли наш ответ уже германскому правительству. Я ответил, что, по всей вероятности, это сделано, но что точных данных на сей счет у меня нет. Ванситтарт опять очень оживленно сказал: «Я немедленно же протелеграфирую британскому послу в Берлин о Вашем сегодняшнем сообщении». Далее Ванситтарт спросил, опубликовали ли мы уже в печати о нашем согласии на включение Германии в франко-советский гарантийный пакт***. Я ответил, что об этом мне пока ничего не известно. Ванситтарт тогда стал горячо доказывать, как важно было бы, чтобы Советское правительство публично заявило перед лицом всего

* См. док. № 178.

** См. док. № 250.

*** См. док. № 254.

мира о своей готовности поставить Германию в равные условия с собой и Францией. Продолжая, он заметил: «Когда очертания пакта обрисовались на горизонте, мы стали зондировать точку зрения Германии. Представители германского правительства отнеслись к идее подобного пакта отрицательно, но главным аргументом, который они выдвигали против пакта, являлось указание на то, что Восточный пакт плюс франко-советский гарантийный пакт объективно будут инструментом, направленным против Германии. Мы считали этот последний аргумент Германии весьма серьезным и потому в разговорах с Барту сделали ударение на данном обстоятельстве. Барту пошел навстречу и согласился включить Германию в франко-советский гарантийный пакт. Теперь вы сделали то же самое. Единственное германское возражение против пакта, которое может считаться серьезным, тем самым устранено. У Германии теперь нет никаких оснований уклониться от пакта. Если она это сделает, она разоблачит себя перед всем миром. Она повторит тем самым то, что она проделала с ответом на ваше предложение о Балтийском протоколе*, но только в гораздо более крупном масштабе. Это ее дело, но тогда Германия должна уже будет за последствия винить только самое себя». Я спросил Ванситтарта, имело ли британское правительство какие-либо официальные отклики на свой демарш в Берлине и Варшаве 12 июля и на выступление Саймона в палате 13 июля**. Ванситтарт ответил отрицательно. Ни немцы, ни поляки официально пока никак не реагировали. Когда английские послы в Берлине и Варшаве 12 июля сделали дружеское представление о желательности участия Германии и Польши в Восточном пакте, то Нейрат сразу обнаружил холодно-враждебное отношение к идее пакта, однако обещал изучить создавшееся положение. Бек был менее враждебен, но никакого энтузиазма не выражал. Отношение его Ванситтарт охарактеризовал, как «tepid» (тепловатое). Бек также обещал «изучить» вопрос. С тех пор германское и польское правительства молчат, но немецкая печать, явно по указанию свыше, ведет резкую атаку против пакта, а польская печать занимает весьма двусмысленную позицию. Самое замечательное это то, что немецкая печать старается изобразить дело так, будто бы от Германии требуется принесение какой-то страшной «жертвы». О какой «жертве» тут может идти речь. Предлагаемая система пактов является настоящим благодеянием для Германии, ибо она дает ей дополнительные гарантии безопасности, что совсем небесполезно для Германии, сумевшей так обострить свои отношения со всеми соседями. По-видимому,

* См. док. № 139.

** См. док. № 245, 246.

Германия и Польша будут тянуть с ответом и прятаться друг за друга. Все-таки ему, Ванситарту, кажется, что в конечном счете Германия не решится отказаться от участия в пакте, ибо это было бы слишком опасно для нее, но Германия, вероятно, станет торговаться. То же будет делать, очевидно, и Польша. Германия, на взгляд Ванситарта, будет требовать какой-то компенсации в области вооружений, а чего станет требовать Польша, ему еще неясно. В общем вся эта часть беседы произвела на меня впечатление, что Ванситарт очень заинтересован в успехе Восточного пакта, что он тщательно взвешивает все шансы «за» и «против» и с жадностью ловит всякие благоприятные симптомы.

2. Я было уже собрался уходить, но Ванситарт удержал меня и по собственной инициативе заговорил на другую тему. Он напомнил мне наш разговор 3 июля* и еще раз подтвердил, что британское правительство желало бы налаживания добрых отношений с СССР. «Я могу констатировать уже сейчас,— продолжал Ванситарт,— известное улучшение в этих отношениях, но я не вижу оснований, почему бы данный процесс не мог бы пойти и значительно дальше». О том, что британское правительство действительно желает мира, действительно хочет добрых отношений с СССР ясно свидетельствуют парламентские дебаты. Он, Ванситарт, хорошо помнит в результате нашего разговора (3 июля), что Советское правительство беспокоит две страны: Германия и Япония. 13 июля Саймон с достаточной полнотой вскрыл в парламенте общую позицию британского правительства в вопросе о Германии. Надо полагать, что мы удовлетворены сделанными заявлениями. Я ответил, что эти заявления произвели у нас хорошее впечатление и в известной степени способствовали очищению атмосферы в англо-советских отношениях, поскольку речь идет о Европе. Но вот насчет Дальнего Востока все пока еще остается по-старому. Ванситарт тут оживленно перебил меня и заявил: «Я говорил с Саймоном относительно Дальнего Востока после нашей беседы с Вами 12 июля**. Он считал неудобным затрагивать специально данный вопрос в выступлении 13 июля, поскольку оно было посвящено европейским делам. Он нашел возможным лишь включить в данное выступление общую фразу о том, что британское правительство заинтересовано в сохранении мира во всем мире (такая фраза в речи Саймона 13 июля действительно была). Но это не значит, что мы не хотим определенно высказаться и по вопросу о Дальнем Востоке. Я надеюсь, что в ближайшем будущем кому-либо из ответственных членов кабинета представится

* См. док. № 232.

** См. док. № 245.

случай с полной ясностью подчеркнуть, что британское правительство заинтересовано в сохранении мира на Тихом океане не меньше, чем оно заинтересовано в сохранении мира в Европе». И дальше Ванситтарт еще раз повторил те британские аргументы в пользу предотвращения войны на Дальнем Востоке, которые я уже слышал от него 3 июля, и затем сделал переход — к позедению нашей печати. Он стал жаловаться, что наша печать систематически ведет антибританскую кампанию, что она публикует речи и статьи, обвиняющие Англию в подготовке войны против СССР, в подталкивании Японии и Германии против Советского Союза и т. д. Помимо полной абсурдности таких обвинений, продолжал Ванситтарт, эти выступления советской печати крайне затрудняют для британского правительства тот поворот в сторону сближения с СССР, который оно искренне хочет продолжать. В Англии имеется достаточно газет и достаточно депутатов парламента, которые готовы подхватить всякого рода агрессивные выступления против Великобритании, напечатанные в советских газетах, и создать по этому поводу большой шум. Британское правительство, конечно, может в течение известного периода (но не бесконечно) игнорировать атаки собственной печати и продолжать ту линию в отношении СССР, которую оно считает необходимой, но зачем же нам искусственно затруднять работу по сближению между обеими странами. Он, Ванситтарт, понимает, конечно, что нельзя избежать известной критики Советского Союза в английской печати, равно как и известной критики Англии в советской печати, но его беспокоит не эта, т. е. «нормальная» критика, а те прямые обвинения британского правительства в подготовке войны против СССР, которые довольно часто фигурируют на страницах советской печати. Он просил меня рассматривать только что сделанные им замечания не как официальный протест, а как дружеское указание на то, что в интересах англо-советского сближения было бы чрезвычайно полезно, если бы советская пресса вела себя более осторожно. Я ответил Ванситтарту, что вполне понимаю его желание, но считаю необходимым отметить, что всего лишь две недели тому назад я имел случай в первый раз услышать из уст ответственного представителя форин офиса изложение точки зрения британского правительства на важнейшие проблемы международной политики. До того мне приходилось питаться лишь газетными сообщениями и рассказами из третьих рук. В таком же положении находились и Советское правительство, и советская пресса. В разговоре 3 июля я изложил Ванситтарту довольно подробно, почему широкие круги нашего общественного мнения до сих пор относились с известными подозрениями к целям британской политики в Европе и на Дальнем Востоке. Повторяться я не хочу. Я хочу лишь

отметить, что если наши с ним разговоры плюс выступление Саймона в парламенте 13 июля знаменуют собой начало известного поворота в англо-советских отношениях, то ведь требуется некоторое время для того, чтобы этот поворот развился, оформился и укрепился, и еще больше времени требуется для того, чтобы такой поворот вошел в чувство и сознание широких кругов советских граждан. В головах этих граждан, я должен прямо сказать, имеется много недоверия к Англии, воспитанного историей англо-советских отношений за последние 10—15 лет. Недоверие не может исчезнуть сразу, в один день. Парламентские дебаты 13 июля, насколько мне известно, произвели сильное впечатление в СССР, но многие, наученные горьким опытом прошлого, невольно задают себе вопрос: «А надолго ли это? А прочен ли наметившийся поворот? Не является ли он просто временным маневром?» Он, Ванситтарт, должен понимать естественность подобной психологии у широких масс нашего населения после всего того, что они видели и наблюдали, начиная с 1917 г. Поэтому не следует ожидать чудес. Тон нашей прессы, отражающей настроение широких кругов общественного мнения, естественно, будет меняться в зависимости от укрепления и углубления того процесса англо-советского сближения, который нашел свое выражение в событиях последних 2—3 недель. Ванситтарт отвечал, что он со мной вполне согласен, но что сверх того он хотел бы обратиться лично ко мне с просьбой со своей стороны содействовать ускорению такого процесса. Почти два года моей работы в Англии (и притом временами в очень нелегких условиях) убедили его, а также ряд членов правительства в том, что я являюсь искренним сторонником англо-советского сближения. Именно поэтому, зная хорошо местные условия, я должен был бы принять особенно близко к сердцу вопрос о выработке более правильного отношения к Англии со стороны советской печати. Я усмехнулся и ответил, что я действительно являюсь искренним сторонником англо-советского сближения, потому что я стараюсь быть возможно более точным проводником мирной политики Советского правительства. Ему, Ванситтарту, должно быть совершенно ясно, какое огромное значение для обеих стран, а также в интересах сохранения мира всего мира имело бы дружеское сотрудничество между Англией и СССР.

Полномочный Представитель СССР в Великобритании
И. Майский

Ленин. по арх.

258. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР
Полномочному Представителю СССР в Великобритании
И. М. Майскому

19 июля 1934 г.

Должен Вас поздравить с успехом выступления в Бирмингеме²¹⁵. Мне Ваша речь очень понравилась, и она имела заслуженный успех.

Мы также немало рады успехам миссии Барту в Лондоне*. Признаться, я ожидал, что в лучшем случае Англия даст благословение региональному пакту, но что будет возражать против гарантийного франко-советского соглашения. Вместо этого английское правительство пошло на дальнейшее сближение западного и восточного локальных пактов. По-видимому, на английское правительство произвела впечатление угроза заключения франко-советского союза, в случае провала регионального пакта, и Англия выбрала из двух зол меньшее. Возможно, что оно также спекулирует на окончательном отказе Германии и Польши. Как бы то ни было, самый факт публичного выступления Англии в пользу пакта имеет колоссальное значение. Хочу думать, что заявление Ванситтарта об улучшении отношений сделано искренне и без задней мысли и не только ради побуждения нас пойти на уступки «Лена-Голдфилдс».

Кстати о Маршале**. Он заявил Трифонову***, что готов снизить требование до 2 млн. фунтов, если ему частным образом будет обещано принятие этого предложения. Мы готовы были сделать ему контрпредложение, но он неожиданно заявил, что сделанное им нам предложение (речь шла также о рассрочке на 15 лет) его доверителями не одобрено, а раз так, то и мы не можем делать никаких предложений. Как видите, задержка сейчас за английской стороной.

Вы говорили Сесилию (Ваш № 307¹²⁶), что вопрос о нашем вступлении в Лигу рассматривается Советским правительством. Это, конечно, правильно, но следует в таких случаях добавлять, что вопрос о Лиге для нас встанет лишь в случае реализации пактов и что вне этих пактов пока вступления в Лигу даже не рассматриваем. Надо разъяснить, что, помимо всего прочего, нет уверенности в допущении нас в Лигу, т. е. в предоставлении нам постоянного места, без чего о вхождении в Лигу не может быть и речи. Известно, что Польша грозит помешать предоставлению нам места (а сделать она может это своим вотумом в Лиге, где требуется единогласное

* См. док. № 245, 246.

** Представитель компании «Лена-Голдфилдс» на переговорах с Главконцессионком в Москве.

*** Председатель Главного концессионного комитета при СНК СССР.

решение), если и ей не будет предоставлено постоянное место. Известно также, что против признания Польши великой державой возражает ряд средних и мелких стран. Я не знаю, пойдем ли мы и в случае реализации пактов на риск провала нашей кандидатуры, но, во всяком случае, не пойдем мы на это без пактов.

Я посылаю Вам при сем в открытом конверте письмо на имя лорда Астора. Прочитайте мое письмо, и Вы поймете, в чем дело. Само собой разумеется, что в транзитной визе с правом остановки в Москве и других крупных городах Флемингу* отказывать не следует. Я прошу Вас сделать соответствующее распоряжение консульству.

Литвинов

Печат. по арх.

259. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Уругвае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

19 июля 1934 г.

Советник бразильского посольства в Уругвае Окото, личный друг президента Варгаса, уехавший в командировку в Бразилию, сообщил мне, что президент за признание Союза, что правительство поручило посланнику в Турции Иоаким Еуладис де Нарсименту Силве войти в переговоры с нашим полпредом по вопросу о признании Союза. Силва был председателем бразильской делегации на южноамериканской экономической конференции в Монтевидео в 1931 г. Окото заинтересовался, имею ли я полномочия вести переговоры, предполагая, что здесь они будут протекать быстрее, о чем он будет говорить с президентом. Я ответил, что наше правительство может поручить ведение переговоров своему представителю в любой стране**.

Минкин

Печат. по арх.

260. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Германии С. А. Бессонову

20 июля 1934 г.

Предлагаю немедленно повидать Нейрата или Бюлова и сообщить о нашем согласии распространить гарантию по дополнительному соглашению и на Германию. Не возражаем

* См. т. XVI, док. № 132.

** См. док. № 262.

против распространения на нее гарантии Францией, о чем иами извещены Франция и Англия. В случае разговора о тексте проекта заявите, что речь идет о французском наброске *, которого мы даже не обсуждали с Францией и в детали которого не входили и поэтому от своего имени никому его не передаем. Исполнение поручения телеграфируйте через ТАСС для опубликования **.

Литвинов

Печат. по арх.

261. Сообщение советской печати о речи Председателя советской правительственной делегации Л. М. Карахана на праздновании 10-летия Монгольской Народной Республики

21 июля 1934 г.

Улан-Батор, 19 июля. (ТАСС). На праздновании 10-летия Монгольской Народной Республики т. Карахан произнес речь, в которой сказал: «Правительство Советского Союза назначило специальную делегацию*** для того, чтобы приветствовать монгольский народ в дни его великих праздников: 13-летия революции в Монголии и 10-летия организации Монгольской Народной Республики. Приветствуя вас со знаменательной годовщиной, приношу искреннее пожелание дальнейшего роста и развития Монгольского государства.

В последние годы Монголия имела значительные победы в деле укрепления своей государственности. Страна упорно преодолевает трудности, порождаемые остатками феодального строя. Можно отметить три основные решающие победы, достигнутые к 10-летию существования Монгольской Народной Республики. Первая победа — это сплоченность правительства и руководства партии, действующих как один человек, единство трудового аратства, сплоченного вокруг своего правительства. Вторая решающая победа — это достижения в области роста национальной культуры и искусства: театр, школа, ликвидация неграмотности и т. д. Третья победа Монгольской Народной Республики — это создание монгольской Красной Армии, которая не только обеспечивает безопасность границ Монголии, но является большой культурной силой. Монгольская Красная Армия смело и уверенно овладевает новейшей военной техникой.

Но несомненно, что эти победы являются заслугой не только аратства и народно-революционной партии, а что они

* См. док. № 254.

** См. газ. «Известия», 26 июля 1934 г.

*** См. док. № 215.

также являются заслугой правительства, людей, которые руководят политической, хозяйственной и культурной жизнью Монголии. Это председатель Малого Хурулдана Амор, председатель Совета министров Гендун, военный министр Демид и другие товарищи.

Несомненно, что у Монголии имеются богатейшие перспективы хозяйственного и культурного строительства. Оглядываясь назад на пройденный в течение десятилетия путь, она со справедливой гордостью может заявить, что достигла крупных побед. Эти победы имеют значение не только внутри страны, но и вне ее. Эти ваши победы указывают путь к освобождению другим угнетенным народам».

*Печат. по газ. «Известия»
№ 165 (5416), 27 июля 1934 г.*

262. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочиому Представителю СССР в Уругвае А. Е. Миикину

21 июля 1934 г.

Если Бразилия предложит обменяться телеграммами о восстановлении отношений, то можете дать на это наше согласие*. Если же требуются какие-либо переговоры, то предпочтем их вести в более близкой географически стране, куда можно было бы посылать в случае надобности не только телеграммы, но и письменные директивы**.

Литвинов

Печат. по арх.

263. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

*Немедленно
21 июля 1934 г.*

Меня посетил Мадарьяга***. Вручил проект ноты Вам, которую он должен подписать по поручению испанского правительства. Ответ, как он заявил, может быть подписан Вами или, если Вы предпочтете, мной. Текст отправлен Вам авиапочтой за № 350. Нота начинается с заявления об эффективном и немедленном восстановлении нормальных отношений согласно обмену нотами в 1933 г.**** Нота предусматривает, что числен-

* См. док. № 259.

** См. док. № 275.

*** См. также док. № 206.

**** См. т. XVI, док. № 258.

ность персонала посольств не должна превышать наиболее многочисленного по своему составу посольства, аккредитованного при Советском и испанском правительствах соответственно. После фиксации правительствами в соответствии с этим принципом состава миссии требуется взаимно предварительный агреман другого правительства относительно численности миссии. Во второй части уточняется невмешательство во внутренние дела, схожее с формулой нашего договора с Японией*.

Мадарьяга говорил, что ему неофициально предложили поехать в Москву, но он якобы еще колеблется.

В беседе Мадарьяга дал понять, что вместо прямых обязательств ограничения численности персонала можно путем обмена письмами по поводу зданий посольств или по другому поводу вскользь упомянуть о предполагаемом количестве дипломатического состава и сотрудников.

Мадарьяга через неделю вернется в Париж за ответом. Сообщите указания**.

Розенберг

Печат. по арх.

264. Письмо Полномочного Представителя СССР в Афганистане Министру Иностранных Дел Афганистана Файз Мухаммед-хану

22 июля 1934 г., № 851

Многоуважаемый господин Министр,

Имея сведения о стихийных бедствиях (землетрясение и наводнение), постигших Мейменнискую и Мазари-Шерифскую провинции, я выражаю свое глубочайшее сочувствие и прошу Вас принять, для помощи пострадавшим, две тысячи (2000) афгани, которые препровождаю Вам при настоящем письме.

Одновременно возобновляю свои заверения в совершенном к Вам уважении.

Полномочный Представитель СССР в Афганистане

Л. Старк

Печат. по арх.

В ответном письме Файз Мухаммед-хана от 24 июля 1934 г. говорилось:

«Личное письмо Вашего Превосходительства от 22 июля 1934 г. за № 851, с двумя тысячами афгани, пожертвованными Вами для пострадавших северных провинций Афганистана, с благодарностью получено.

Вышеуказанные деньги переданы в кассу для пострадавших».

* См. т. VIII, док. № 30.

** См. док. № 273.

265. Обмен телеграммами между Правительством СССР и Правительством Болгарии об установлении дипломатических отношений

**1. ТЕЛЕГРАММА
МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ БОЛГАРИИ
НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
М. М. ЛИТВИНОВУ**

23 июля 1934 г.

В результате предварительных переговоров, имевших место последнее время в Стамбуле между дипломатическими представителями в Турции: СССР — г. Сурицем и Болгарии — г. Антоновым *, Королевское Правительство, верное вековой дружбе, объединяющей русский и болгарский народы, решило установить с настоящего времени нормальные дипломатические отношения с Правительством Союза Советских Социалистических Республик путем взаимного обмена Посланниками.

Я твердо убежден, что восстановление отношений будет содействовать укреплению дружественных чувств наших народов и развитию экономических отношений.

Примите мои заверения в высоком уважении.

Батолов

**2. ТЕЛЕГРАММА
НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ БОЛГАРИИ
БАТОЛОВУ**

23 июля 1934 г.

Советское Правительство с удовлетворением ознакомилось с Вашей телеграммой от сего числа, в которой Вы извещаете о решении Болгарского Правительства установить с настоящего времени нормальные дипломатические отношения с Правительством Союза Советских Социалистических Республик путем взаимного обмена Посланниками.

Я рад известить Вас, что Советское Правительство охотно принимает это предложение, идущее навстречу его собственным желанием и отвечающее интересам обеих стран и делу мира. Я разделяю Ваше убеждение в том, что восстановление отношений будет содействовать укреплению дружественных чувств наших народов и развитию экономических отношений.

Примите мои заверения в высоком уважении.

Литвинов

*Телеграммы печат. по арх. Оpubл. в газ.
«Известия» № 171 (5419), 24 июля 1934 г.*

* См. док. № 207.

266. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Франции в СССР Пайяром

23 июля 1934 г.

Пайяр пришел ко мне по поручению правительства и зачитал мне следующее: переговоры о пакте о взаимопомощи * по-видимому, затянутся. Во всяком случае, эти переговоры могут оказаться неоконченными к 10 сентября, когда собирается Ассамблея Лиги наций. Французское правительство хотело бы знать, будем ли мы просить о допущении СССР в Лигу до Ассамблеи; при этом оно напоминает нам о своей позиции касательно неразрывной связи между нашим вступлением в Лигу и пактами **. Оно обращает наше внимание на дебаты в английском парламенте, из которых явствует, что наше вступление в Лигу будет встречено весьма тепло английским правительством. Если мы не сделаем обращения в Лигу до Ассамблеи, то вопрос может быть отложен до сентября 1935 г., если тем временем не будет созвано экстраординарное собрание Лиги. Французскому правительству будет неприятно, если мы свое вступление в Лигу отложим, но оно не желает оказывать никакого давления на наше решение. Оно только выражает твердую надежду на принятие нами скорого решения и на скорое доведение до его сведения этого решения, ибо, в случае положительного решения, Франции необходимо будет принять меры для преодоления возможных затруднений, как, например, со стороны Швейцарии и др.

От себя Пайяр добавил, что он считает момент для нашего вступления в Лигу весьма благоприятным, имея в виду нынешнюю позицию английского правительства, которая может в дальнейшем подвергаться колебаниям. Он себе объясняет поворот английского правительства, между прочим, тем, что оно поняло необходимость иметь на Дальнем Востоке противовес Японии.

Я ответил Пайяру, что мы действительно свое решение касательно Лиги наций связываем с заключением пактов. Я доведу до сведения своего правительства пожелания и замечания, переданные мне им от имени французского правительства, и, если нужно будет, вернусь к этой теме через несколько дней ***. Я добавил, что независимо от того, примем ли мы положительное решение теперь или после заключения пактов, мы должны считаться с провозглашенной уже оппозицией Польши предоставлению нам места в Совете, без чего, конечно, мы членом Лиги не согласимся быть. Я был бы рад узнать, каким образом французское правительство мыслит себе преодолеть

* См. док. № 151, 189, 252.

** См. док. № 163.

*** См. док. № 271.

это затруднение. Далее, я несколько удивлен указаниям французского правительства на необходимость нашего обращения в Лигу. Я знаю, что согласно Уставу Лиги такое обращение нового кандидата необходимо, но практика знает и случаи приглашения кандидатов самой Лигой. Правда, мне Авеноль говорил, что такие приглашения делаются только после соответственного официозного заявления кандидата, но не говорил, кому такие заявления должны делаться. Насколько я помню, в случае с Турцией достаточно было ее далеко неясного намека в Генеральной комиссии по разоружению, чтобы она была приглашена Ассамблеей. Эти вопросы являются преждевременными, но все же я хотел бы, чтобы французское правительство имело их в виду.

Литвинов

Печат. по арх.

267. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Персии С. К. Пастухова в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

23 июля 1934 г.

Сегодня я имел беседу с Каземи, который заявлял мне следующее: он, Каземи, равно как и все персидское правительство, весьма рад нашим международным успехам за последнее время. Он весьма сожалеет, что мы в последнее время не уделяли достаточного внимания вопросам совместного сотрудничества с Персией по большим международно-политическим вопросам. Персидское правительство готово открыть новую фазу в своих взаимоотношениях с СССР и присоединиться к тесному международному сотрудничеству в деле укрепления мира. Персия готова поддержать наши предложения по международно-политическим вопросам и ожидает такой же поддержки и от нас, если это потребует. У нас имеются общие интересы, как, например, поддержка турецкого правительства в вопросе о проливах, с которым Персия и СССР вполне солидарны. Каземи заявил, что имеющиеся между нами неурегулированные вопросы, как-то пограничный, при нашей доброй воле могут быть легко разрешены так же, как они разрешены между Персией и Турцией, и что эти вопросы не могут служить препятствием к тесному международному сотрудничеству. Не останавливаясь специально, он намеком дал понять о целесообразности обмена визитами (он в Москву, а Литвинов в Тегеран). Я выразил удовлетворение по поводу его декларации и спросил, даны ли Саеду какие-нибудь указания и могу ли я передать его заявление в Москву. Он ответил, что Саеду пока не сообщал, я же могу сообщить Советскому правительству об этой линии персидского правительства.

Декларации Каземи и его предложения, разумеется, продиктованы самим шахом *. Это, равно как и подчеркнутая благодарность шаха за прием шахини, следует рассматривать как стремление шаха установить с нами такие же отношения, какие существуют между ним и Турцией.

Прошу указаний **.

Печат. по арх.

Полпред

268. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Уругвае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

23 июля 1934 г.

Сотрудник «Южамторга» Мясюкевич был в Чили, где вел переговоры о товарообмене. Чилийцы согласились разрешить нам на выручку от нашего экспорта покупать медь. Наркомвнешторг дал согласие на совершение сделки, обеспечивающей закупку 4000 т меди. Чилийцы проявляют большую заинтересованность в этой операции. Мясюкевич был принят некоторыми министрами. Чилийский посол в Уругвае сообщил мне, что он получил распоряжение визировать паспорта Левина, Осипова ***, едущих в Чили для продолжения переговоров. Судя по заявлениям чилийского посла, в правительстве есть группа во главе с президентом, которая стоит за признание Союза. Считаю необходимым использовать переговоры Левина, Осипова для оказания влияния в пользу признания, для чего поручить им во время переговоров с заинтересованными правительственными лицами, деловыми кругами и в печати подчеркнуть о трудностях развития торговли между Союзом и Чили из-за отсутствия нормальных отношений **** и добиться, чтобы наш импорт был поставлен не в худшее положение импорта из страны, с которыми Чили имеет договоры.

Минкин

Печат. по арх.

269. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

25 июля 1934 г.

Сегодня в 10 часов утра я начал разговоры с Хэллом и Муром. Хэлл спросил меня, имею ли я какие-либо предложения, я ответил, что наша позиция ясна и мы проявили максимум

* См. док. № 256.

** См. док. № 271.

*** Сотрудники НКВД СССР.

**** Дипломатические отношения между Чили и СССР установлены в декабре 1944 г.

уступчивости. Хэлл говорил, что необходимо для обеих сторон достигнуть соглашения, доказав пример дружбы и деловитости. Я ему сказал, что нам обещан был заем, прочитал соглашение Литвинова и Рузвельта *, а теперь говорится о кредитах в форме для нас неприемлемой. Хэлл объяснил, что президент не думал о предоставлении нам денег, что он сделал Китаю заем, но это не значит, что Китай получил деньги, фактически он получил кредиты, что если бы он дал нам деньги, то теперешняя администрация была бы в несколько месяцев прогнана.

Я указал, что даже в предложении госдепартамента **, переданном мне когда-то, говорится отдельно о кредитах и отдельно о займе. Правительство Керекского получило заем и, следовательно, деньги. Хэлл ответил, что заем невозможен. После этого Мур стал читать письмо Буллита, в котором он излагает, что произошло во время переговоров Литвинова с Рузвельтом и доказывает, что никогда не было речи о займе и неконтролируемых кредитах. Я сказал, что мы уже согласились на кредиты, но финансовые ***.

Хэлл доказывал, что 30% кредитов должны даваться самими фирмами, иначе сюда влезут спекулянты. Я возражал. Хэлл заявил, что этот вопрос нас не касается, мы выписываем свои векселя на 100%, их учитывает Экспортно-импортный банк, а какие отношения будут между банком и фирмой нам должно быть безразлично, если цена для нас неподходящая, мы можем и не покупать. Он советовал на этом вопросе не останавливаться. Я указал, что этот вопрос обязательно отразится на сделках. Я затем спросил, если отвергаются неконтролируемые кредиты, то что значит контролируемые. Хэлл мне говорил, что он не хочет дискриминации против отдельных фирм, хочет здоровой конкуренции при рентабельных ценах.

Я понял так, что Экспортно-импортный банк хочет как-то влиять на выбор фирм, но ясного ответа я не получил. Хэлл предложил повидаться с Пиком **** и правлением банка, которые мне объяснят, как они представляют дело. Я сказал, что могу встретиться, но не хочу себя этим связывать, так как вся эта процедура мне представляется ненужной, сложной и неприемлемой.

Хэлл... ***** отказ дать заем, ибо мы расходовали бы его в Америке бесконтрольно. Мур ссылаясь на контроль наших кредитов в Англии. Я сказал, что Англия не пример, ибо там нет соглашения о долгах. Хэлл говорил, что им приходится счи-

* См. т. XVI, док. № 361.

** См. док. № 77.

*** См. док. № 103.

**** Глава ведомства по внешней торговле.

***** В телеграмме пропуск.

таться с возможностью постановки вопроса о долгах другим правительствами в той же плоскости, что и мы. Я сказал, что у нас другие долги, это не наше обязательство. Мы именно должны считаться с возможностью требований других правительств разрешить вопрос о долгах по-американски. Хэлл ответил, что можно выработать подходящую форму соглашения и договориться, что писать и что не писать и как писать. Я сказал, что существа это не меняет.

Хэлл вручил мне меморандум, объясняющий позицию Рузвельта. В этом меморандуме цифр почти нет. Заслуживает внимания фраза акцептов «Амторга», полученных американскими экспортерами в связи с специфическими сделками, одобренными банком и для той части кредита, который экспортеры не будут нести сами. Срок пересылки таких акцептов будет различаться согласно разным категориям товаров с конечным сроком, ни в коем случае не превышающем пять лет. Сумма кредитов, которая будет облегчена и одобрена банком на период, во время которого Советское правительство будет платить согласованную сумму задолженности, неизбежно будет значительно превосходить двойную сумму кредитов.

Президент заявил: «что он никогда не имел идеи прямого займа Советского правительства... что он никогда не имел идеи обещать бесконтрольного кредита». Постановка вопроса учета здесь несколько отличается от теперешней постановки Хэллом.

На мой вопрос Мур ответил, что вопрос о сроках кредита — мелкий вопрос. Хэлл подтвердил и не стал об этом говорить.

По вопросу о сумме долга я ответа не получил.

По вопросу о процентах Мур вскользь сказал, что Литвинов предлагал 7%, а Моргентау-младший * — 10%.

После этого Хэлл снова говорил, что предложение Литвинова о займе или о бесконтрольном кредите неисполнимо, ибо все засмеют президента. Я сказал, что мы не продвинулись вперед и надо обдумать создавшееся положение.

После этого стал вопрос о заявлении в печати. Мур настаивал на заявлении, что есть надежда на скорое разрешение вопроса. Я присоединился к предложению Хэлла заявить, что беседа была дружеской и с обеих сторон обнаружено желание договориться. Следующая беседа назначена на следующую неделю **.

Мне уже звонил Келли и спрашивал, могу ли я встретиться с представителями банка в понедельник 30 июля. Я сказал, что если им кажется это полезным — я не отказываюсь. Если бы контроль банка выражался только в том, что он будет только

---

* Министр финансов США; см. т. XVI, док. № 373.

** См. док. № 293, 296.

рекомендовать фирму для переговоров — этого, по-видимому, хочет Рузвельт для политических целей — это было бы полбеды, но я предполагаю тут речь идет о чем-то гораздо большем и для нас абсолютно непремлемом.

По-видимому, соглашение можно будет составить по форме удовлетворительно, например, не упоминая сумму долга, а только подразумевая ее в расчетах о дополнительных процентах; можно сделать многое другое. Трудно будет с размером процентов, со сроками кредитов и формой кредита. Срочно сообщите инструкции до 30 июля²¹⁶.

Я вызываю Богданова на 28 июля, чтобы выяснить, какова роль кредитуемого байка при сделках «Амторга».

Имейте в виду, что себя ничем не связал, кроме выраженного мною желания достичь соглашения.

Свидание с банком я считаю полезным, чтобы знать, чего он хочет.

Трояновский

ПРИЛОЖЕНИЕ

Меморандум, врученный государственным секретарем США Хэллом Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому 25 июля 1934 г.

«В переговорах, имевших место во время пребывания г. Литвинова в Вашингтоне, и в которых участвовал Президент, Министр финансов и г. Булли, имелось в виду соглашение на следующих основах.

1. Сверх всех претензий Советского Правительства и его граждан против США и его граждан, Советское Правительство должно уплатить Правительству США определенную (договоренную) сумму по определенному проценту годовых, уплата которых должна аннулировать все претензии каждой страны и ее граждан против другой страны и ее граждан.

Уплата (этих сумм) не должна действовать против состоявшейся раньше передачи Соединенным Штатам активов, находящихся в этой стране и по предположению принадлежащих Советскому Правительству.

2. Платежи по договоренным суммам должны производиться путем начисления на эту сумму определенного процента годовых сверх обычной процентной нормы, под названием добавочного или дополнительного процента на все кредиты, предоставленные Советскому Правительству Правительством США или его гражданами.

Определение суммы, которая должна быть оплачена для ликвидации задолженности, по необходимости включает договоренность о том, что эта сумма будет оплачена в течение разумного периода времени.

3. Правительство США предоставит Советскому Правительству кредиты, и для этой цели оно создало Экспортно-импортный банк. Банк поможет финансировать советские закупки в США путем учета амторговских векселей, полученных американскими экспортерами в связи с определенными сделками, одобренными банком, и в размере той части кредита, которую экспортер не возьмет на себя. Сроки таких векселей будут различны, соответственно различным категориям товаров, с таким расчетом, однако, чтобы окончательные сроки векселей не превышали 5 лет. Общая сумма кредитов, предоставленных и одобренных банком за период времени, в течение которого Советское Правительство выплачивает договоренную сумму задолженности, по необходимости значительно превысит двойную сумму (этих платежей).

Президент указал, что он никогда не имел в виду мысль о непосредственном займе Советскому Правительству или агентству Советского Правительства, а только заем в форме кредитов, что не имеется ни малейшей возможности предоставления непосредственного займа, и что он никогда не думал о том, чтобы обещать бесконтрольные кредиты».

Телеграмма и приложение печат. по арх.

270. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу

26 июля 1934 г.

Повидайте немедленно Барту или Леже и заявите, что мы до сих пор связывали вступление в Лигу наций с заключением пактов, но, учитывая советы французского правительства и идя навстречу его пожеланиям*, мы готовы теперь же осуществить вступление в Лигу в случае получения от нее соответственного приглашения и обеспечения нам постоянного места в Совете Лиги. Мы рассчитываем, что этот шаг облегчит заключение пактов по упрочению мира. Мы не можем отказаться от заявления при вступлении в Лигу о нераспространении арбитража Лиги и других международных учреждений на спорные вопросы, возникшие между СССР и другими государствами до нашего вступления в Лигу, и мы рассчитываем на поддержку французского правительства в случае каких-либо споров по поводу нашего заявления, как это было мне обещано в Женеве Барту**. Поводом для приглашения нас в Лигу может считаться наше сообщение французскому правительству о нашей готовности вступить в Лигу. Просите считать это заявление конфиденциальным и не подлежащим пока обсуждению в печати, что не должно мешать французскому правительству предпринимать необходимые шаги в Женеве и в других местах²¹⁷.

На Вашу телеграмму от 23 июля²¹⁸. Разьясните еще раз Барту или Леже со ссылкой на мои инструкции, что считаем попытку Польши привлечь Румынию [к участию в Восточном пакте] трюком для саботирования пакта. За Румынией могут потянуться и другие государства, и пакт может потерять характер регионального и обесцениться. Напомните, что мне говорил Титулеску, что он отказывается от присоединения к пакту, и что нам известно, что Румыния действительно на участии в пакте настаивать не будет. Скажите, что мы готовы,

* См. док. № 266.

** См. док. № 186.

однако, заключить дополнительно к Восточному пакту особый советско-польско-румынский протокол о взаимной помощи, если Румыния и Польша этого пожелают*.

Литвинов

Печат. по арх.

271. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полюмомочному Представителю СССР в Персии С. К. Пастухову

26 июля 1934 г.

На телеграмму от 23 июля**. Передайте Каземи, что Советское правительство с удовлетворением принимает его заявление о готовности персидского правительства к международному сотрудничеству с Советским правительством для укрепления мира. Это полностью отвечает желаниям Советского правительства, а также интересам обеих стран. Мы согласны с Каземи, что незначительные спорные вопросы не должны препятствовать означенному сотрудничеству и сохранению и развитию наилучших отношений между обеими странами. Передайте ему все это по нашему поручению, отметьте, что вопрос об обмене визитами изучается нами***.

Литвинов

Печат. по арх.

272. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
26 июля 1934 г.*

Посетил сегодня Ванситтарта и сделал демарш по вопросу включения советского представителя в Европейскую дунайскую комиссию в соответствии с указаниями письма Литвинова²¹⁹. Ванситтарт никаких возражений не представил и обещал в ближайшем будущем дать ответ. Он интересовался, сделали ли мы аналогичный демарш перед Румынией, и вообще давал понять, что это было бы полезно сделать в интересах скорейшего урегулирования вопроса.

Ванситтарт сообщил мне, что ни из Берлина, ни из Варшавы английское правительство еще не имело никакого официального отклика по вопросу пактов. Его мнение сводится к тому, что немцы будут тянуть с ответом, а потом иачнут торговаться.

* См. док. № 323, 338.

** См. док. № 267.

*** См. док. № 288, 377.

Ванситтарт спрашивал меня также, предпринимают ли мы и французы в Прибалтике и Польше надлежащие меры для парирования немецкой пропаганды, которая стремится изображать характер пакта в совершенно ложном свете. По его сведениям, в частности, в Польше создано впечатление, будто бы Англия в случае присоединения Германии к пакту будет отстаивать стопроцентное вооружение последней. Это совершенно не верно, но пока что Польша пугается, и это усиливает ее сопротивление пакту. Ванситтарт был очень озабочен австрийскими событиями и высказывал мысль, что если бы даже сейчас и удалось восстановить в Австрии наружный порядок, все-таки шансы победы гитлеризма в ней все более повышаются.

Полпред

Печат. по арх.

273. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Францию М. И. Розенбергу

27 июля 1934 г.

На Вашу телеграмму от 21 июля и письмо № 350 *. Для нас неприемлемо требование наибольшего благоприятствования по вопросам дипломатических привилегий. Разъясните Мадарьяге, что все дипломаты, как в других странах, у нас пользуются одинаковыми привилегиями и ни одна другая страна не требовала и не получала у нас наибольшего благоприятствования в этой области. Мы согласны на ограничение численности состава посольств с обеих сторон, предоставление по выбору двух консульств в каждой стране и на пункт о невмешательстве во внутренние дела, но предлагаем, чтобы иота об этом была послана нам по приезде испанского посла в Москву, причем текст может быть заранее окончательно установлен и согласован между Вами и Мадарьягой. Получив ноту испанского посла, мы немедленно ответим согласием, пока же это останется между нами в качестве джеитльмеиского соглашения. В крайнем случае можете согласиться сейчас же обменяться с Мадарьягой нотами о невмешательстве во внутренние дела, причем это должно быть сделано в форме испанского письма Вам и Вашего ответа ²²⁰.

Литвинов

Печат. по арх.

---

* См. док. № 206, 263.

274. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Финляндии в СССР Ирве-Коскиненем

27 июля 1934 г.

1. Ирве-Коскинен пришел попрощаться перед отъездом в отпуск в тот же день. Я слегка выразил удивление тем, что при наличии родственных и дружественных отношений с Эстонией посланник не хочет дожидаться эстонского министра иностранных дел Сельямаа, который приезжает на следующее утро*.

Ирве-Коскинен, улыбаясь, сказал, что ему жаль терять 2—3 дня своего отпуска.

2. Затем я дал ответ Ирве-Коскинену на его демарш от 17 июля по вопросу о торговых отношениях с Финляндией. Мои переговоры с НКВТ, по существу, подтвердили то, что я ему сказал 17-го. Некоторая активность советско-финляндского торгового баланса в пользу СССР объясняется главным образом тем, что мы снабжаем лесным сырьем лесопилки в Восточной Финляндии, которые без этого снабжения должны были бы закрыться. Мы имеем аналогичный случай с Литвой, где мы снабжаем сырьем мемельскую лесную промышленность. Мы не только не даем Литве никакой компенсации за этот экспорт, но, напротив, Литва рассматривает поставку нами лесного сырья в Мемель как некоторого рода компенсацию за экспорт других наших товаров в Литву. С другой стороны, сам посланник говорил мне прошлый раз, что Финляндия закупает у нас некоторые товары первой необходимости по более дешевой цене, чем она могла бы это сделать в других странах. Во всяком случае, то обстоятельство, что наши закупки значительно повысились по сравнению с предыдущим годом, показывает, что советско-финляндские торговые отношения находятся более чем в благоприятном состоянии. Посланнику известно, конечно, что торговля за последнее время везде сокращается и что мало кто может похвалиться расширением своего экспорта в ту или другую страну. Увеличение наших закупок в Финляндии в настоящем году имеет тем большее значение, что оно произошло на фоне дальнейшего значительного сокращения нашего импорта. В этой ситуации осуществление пожеланий финляндского правительства, переданных мне посланником, представляется очень затруднительным, да и вряд ли справедливым. НКВТ заявил мне, что он в настоящее время не может выполнить пожелание относительно закупок сыра в Финляндии, но будет иметь это пожелание в виду на будущее время.

* См. док. № 280.

Ирье-Коскинен не очень возражал против того, что я сказал, и мимоходом лишь опять напомнил, что их вывоз в СССР за первое полугодие составил 50 млн. фин. марок, а наш вывоз в Финляндию за тот же период — 115 млн.

3. Затем я сообщил Ирье-Коскинену, в ответ на его обращение 17 июля, содержание прилагаемой справки, полученной от т. Мирного по вопросу о снятии копии с актов архива бывшего статс-секретариата Великого княжества финляндского²²¹.

Ирье-Коскинен благодарил.

4. Затем я сказал посланнику, что должен серьезно обратить его внимание на весьма неблагоприятное развитие наших отношений за последнее время. Мы вступили, по-видимому, в период обострения наших отношений, аналогичный тому, который предшествовал назначению его, Ирье-Коскинена, в качестве министра иностранных дел в 1931 г. У нас все более получается впечатление, что нынешнее финляндское правительство не придает такого же значения отношениям с СССР, как предыдущее. При нынешнем финляндском кабинете отношения между нашими странами, при наличии некоторых zig-zагов, в общем идут к ухудшению. Для этого, по-видимому, существуют глубокие причины. Все более и более выясняется, что финские националисты, имеющие решающее влияние на политику своей страны, ориентируются на войну с СССР в будущем. Я сослался при этом на речь фельдмаршала Маннергейма, который заявил, что Финляндия не сможет остаться нейтральной в будущей войне. Если с таким заявлением может выступать Маннергейм, то ничего удивительного, что в прессе и в различных организациях в Финляндии ведется открытая пропаганда ненависти к СССР, подготавливающая участие в будущей войне.

Я указал далее на то, что на нас производит более чем странное впечатление то обстоятельство, что Финляндия, выступавшая всегда чемпионом Лиги наций, теперь, судя по ее прессе, занимает отрицательную позицию по дискутируемому в европейской прессе вопросу о возможном вступлении СССР в Лигу наций. Странное впечатление производит также крайне недружелюбное комментирование франко-советского сближения. Наконец, здесь обратило на себя внимание то обстоятельство, что финская пресса как бы по указке откуда-то, без всякого повода, вдруг стала очень энергично и крайне враждебно в отношении СССР обсуждать так называемый карельский и ингерманландский вопросы*. Вообще финляндская пресса за последнее время использует всякие возможные и невозможные поводы для ведения антисоветской кампании. Наша пресса долго терпела, учитывая неоднократно просьбы НКВД не

* См. т. XIV, док. № 161, 168.

обострять отношений, но количество переходит в качество, и вряд ли наша общественность долго еще будет пассивно смотреть на то, что творится в Финляндии против СССР. Посланник, конечно, обратил внимание на ту крайнюю сдержанность, с которой наша пресса реагировала на покушение Брауна на наше полпредство в Гельсингфорсе *, а также на нападение Саукконена **. Эта сдержанность, однако, очевидно привела к обратным результатам. Финляндские судебные власти делают попытки багателизировать процесс Брауна, стремясь представить покушение Брауна как мелкоуголовное дело и совершенно замазывая его политическое значение. Особенно характерно, что финляндские власти не сочли даже нужным преследовать Саукконена и ссылаются при этом на отсутствие закона, преследующего подобные нападения. Однако финско-советский мирный договор ***, поскольку он ратифицирован в Финляндии, является также законом для финляндских властей, а в этом договоре имеется статья, содержащая прямое обязательство финляндского правительства обеспечить неприкосновенность советского полпредства. Все это приводит здесь крайне неблагоприятное впечатление. Финляндское правительство должно задуматься над положением, которое стало уже достаточно серьезным. Я прошу посланника лично доложить в Гельсингфорсе о моем заявлении и о растущем у нас возмущении против того, что происходит в Финляндии против СССР.

Ирье-Коскинен, вообще не отличающийся красноречием, ограничился лишь короткими репликами сперва о том, что антисоветские заявления исходят от безответственной прессы, а когда я указал на Маннергейма, сослался на то, что Маннергейм не является официальным лицом.

Я, конечно, решительно отверг эти жалкие ссылки. По поводу процесса Брауна Ирье-Коскинен сообщил конфиденциально, что министр иностранных дел послал суду письмо с изложением значения этого дела. Это, конечно, является только консультацией, ибо суд в Финляндии независим. По вопросу о Саукконене Ирье-Коскинен сказал, что в финляндском законодательстве нет закона, ограждающего иностранных миссии, поскольку в старой Финляндии не было дипломатических представительств, а после освобождения не успели еще издать соответствующий закон.

Когда, наконец, я попросил посланника по случаю его поездки в Гельсингфорс лично довести до сведения правительства мое заявление, Ирье-Коскинен лаконически сказал, что он

---

* См. газ. «Известия», 15, 22, 24 июня 1934 г.

** См. газ. «Известия», 16 июля 1934 г.

*** См. т. III, док. № 137.

его передаст. Разговор, хотя и велся в самых покойных тонах, был достаточно непрятен, и после последних слов Ирве-Коскинен стал прощаться*.

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

275. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Уругвае в Народный Комиссарнат Иностраных Дел СССР

27 июля 1934 г.

Меня посетил прибывший из Рно-де-Жаиейро доктор Гарсез, который заявил, что он имеет поручение президента Варгаса частным образом встретиться со мною и узнать, как отнесемся к призианию иас Бразилией. На мое указание, что с иашей стороны не будет препятствий к восстайовленню дипломатических отношений**, он заявил: зиачит, в течение ближайших будущих месяцев Союз будет признан Бразилией***. Он сказал, что посланику в Аикаре дано задание вступить в контакт с нашим представителем.

Минкин

Печат. по арх.

276. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Германии с заведующим IV отделом Министерства Иностраных Дел Германии Мейером

27 июля 1934 г.

Имел длительный разговор с Мейером по вопросу о Восточном пакте****. На мой вопрос относительно того, когда будет выяснена немецкая позиция по вопросу о пакте***** и как она будет выглядеть, Мейер замылся н, наконец, сказал, что они уже обещали Фиппсу***** подвергнуть сделанное им предложение внимательному обсуждению и сейчас занимаются его рассмотрением.

Исходным принципиальным пунктом Германии при рассмотрении этого вопроса является нежелание ввязаться в какой-нибудь вооруженный конфликт и желанне оградить свою страну от вторжения чужих войск и превращения гермаиской

* См. док. № 341.

** См. док. № 262.

*** Дипломатические отношения между СССР и Бразилией установлены в апреле 1945 г.

**** См. также док. № 197, 208.

***** См. док. № 426.

***** См. док. № 4.

территории в проходной двор для армий чужих стран. Между тем Восточный пакт в том виде, как он сейчас предложен *, включает в себя такое громадное количество возможностей для превращения Германии в проходной двор для французской, польской, чешской и русской армий, что Германия, конечно, не может не отнестись к такого рода пакту с большим скептицизмом, тем более что она не видит в этом пакте для себя особенной надобности. Западные границы Германии защищены Локкарнским договором и гарантированы итальянцами и англичанами. Что касается восточной границы Германии, то она защищена 10-летним договором с Польшей, а с Советским Союзом Германия не имеет общих границ. Так что с точки зрения безопасности самой Германии Восточный пакт не представляет из себя никаких преимуществ сравнительно с той системой, которая существовала до сих пор. Не давая, таким образом, Германии никаких дополнительных гарантий безопасности. Восточный пакт вместе с тем ставит Германию перед целым рядом опасных возможностей. Основным для Германии в Восточном пакте является вопрос о пропуске войск, который играл для Германии во всех предшествовавших договорах решающую роль, так что немцы всегда вносили к этому пункту специальные оговорки и тогда, когда они участвовали в Лиге наций, и тогда, когда они подписывали Локкарнский договор. Между тем сейчас в вопросе о Восточном пакте дело поставлено так, что вопрос о проходе войск совершенно не затрагивается, а если он будет затронут в желательном для Германии смысле, т. е. в смысле воспрещения прохождения войск одной страны через территорию другой страны, то Восточный пакт о взаимной поддержке теряет всякий смысл.

Второй пункт, который кажется немцам неприемлемым, это пункт о нападающем. Немцы не понимают, кто будет определять, какая из сторон, вступающих в конфликт, является нападающей и какая защищающейся. Между тем пакт предусматривает оказание со стороны других участников пакта немедленной поддержки той стране, на которую напали. Ввиду неясности этого важного вопроса немцы приходят к выводу, что Восточный пакт в действительности представляет из себя новый способ подтверждения французской гегемонии в Европе при помощи русских штыков, ибо именно Франция и Советский Союз, как наиболее мощные в военном отношении державы, участвующие в Восточном пакте, будут, конечно, сами по произволу решать, какая из сторон является нападающей стороной. Слабые в военном отношении страны, естественно, не будут иметь голоса при решении этого вопроса. Таким образом, весь Восточный пакт при ближайшем рассмотрении, по

* См. также док. № 254.

мнению Мейера, выглядит, как зародыш французско-советского военного союза, направленного своим реальным острием против Германии. Дело нисколько не меняется от того, что этот союз, может быть, еще до сих пор не заключен: он, так сказать, заложен в природе Восточного пакта. Под конец своей речи Мейер попросил меня высказаться по существу развитой им аргументации.

Я указал Мейеру, что все изложенные им аргументы исходят из предположения, что Германия сама никогда и ни при каких обстоятельствах не сможет выступить в качестве нападающей стороны. Между тем все развитые им возражения против Восточного пакта опадают или становятся чрезвычайно неустойчивыми, если только предположить хотя бы на один момент, что Германия может выступить сама в роли ангрейфера *. Возникает поэтому вопрос, может или не может Германия выступить в этой роли. Разумеется, нельзя отрицать права Мейера утверждать, что Германия никогда в этой роли не сможет выступить. Но нельзя также отрицать и того факта, что национал-социалистская идеология, общепринятая ныне в Германии и являющаяся базой воспитания молодежи, армии и полиции, вся построена на предположении о будущем переделе мира в пользу Германии, и главным образом за счет Советского Союза. В свете идей германского национал-социализма именно Германия, а никто другой, должна взять на себя инициативу передела мира, т. е., грубо говоря, выступить в роли ангрейфера. Перед лицом этого факта становится совершенно оправданной и позиция тех стран, которые всерьез считаются с национал-социалистской концепцией и с национал-социализмом и которые поэтому предлагают Германии самой принять участие в таком пакте, в котором она, наряду с другими, несла бы ответственность за сохранение мира в Европе, а также отвечала бы за последствия своего собственного нападения на другие страны, ежели бы таковые намерения у нее существовали. Так как есть очень много оснований думать, что именно национал-социалистская концепция в Германии с ее идеей нового передела мира в пользу Германии является очагом известного беспокойства в Европе, то отказ Германии от участия в Восточном пакте не мог бы быть расценен иначе мировым общественным мнением, как желание Германии сохранить для себя свободу от всяких обязательств в этом направлении.

Пакт представляется Мейеру полным всяких нелепостей и трудностей только потому, что он исходит из презумпции, что Германия всегда будет оставаться нейтральной или сама подвергнется нападению. Однако позиция нейтральности в центре

---

* — нападающего (нем.).

Европы не выдерживает никакой критики в свете исторических фактов. Смешно было бы думать, что конфликт в Европе, где бы он ни разразился, не втянет в себя все европейские страны. Даже крохотная Австрия может стать источником европейского конфликта так же, как в свое время стала им столь же крохотная Сербия. Значение пакта заключается поэтому не столько в том, чтобы определить обязанности участников на случай возможного конфликта, сколько в том, чтобы путем такого определения обязанностей предотвратить самую возможность конфликта, для какой-либо цели Восточный пакт должен охватить целый ряд стран, в том числе и Германию, и быть поставлен в известное отношение к уже существующему Локарнскому договору.

Именно это значение пакта и имели в виду Англия и Италия, которые заняли благожелательную по отношению к нему позицию. Пакт, таким образом, представляет из себя мощное средство сохранения мира, ибо он отбивает охоту к нападению у тех, у кого эта охота сейчас существует. И если Германия не имеет желания нападать, то ничто не препятствует ей, приняв участие в этом пакте, внести свою серьезную долю в дело сохранения мира в Европе.

На это Мейер попытался ответить указанием на то, что быть может, СССР привык мыслить в широких масштабах, немцы же имеют перед собою более узкую задачу думать только о немецких интересах, и с этой точки зрения им кажется нецелесообразным участие в пакте, который втягивает их в споры между другими странами.

В ответ на это я указал ему, что участие Германии в подобном пакте внесло бы сразу громадное успокоение в Европе, ибо именно на Германию сейчас с некоторой опаской устремляются взоры тех стран, которые действительно хотят мира.

После этого я спросил Мейера прямо, следует ли из его заявления сделать вывод, что немцы уже решили ответить отрицательно на сделанное им предложение об участии в пакте. Мейер сказал, что такое заключение ни в каком случае вывести нельзя и что немцы, прорабатывая этот вопрос у себя, вместе с тем выжидают выявления позиции других стран. При этом Мейер сказал, что аналогичные сомнения в отношении Восточного пакта существуют также у поляков, эстонцев, финнов и, быть может, у латышей. Германское правительство предпочитает поэтому выждать, пока определится отношение других стран к этому вопросу. По мнению Мейера, не ясна также и позиция западных стран по этому вопросу. Например, по пункту 3-му дополнительного соглашения* имеются серьезные разногласия между англичанами, французами и итальянцами.

* См. прил. к док. № 254.

В то время как англичане заявили, что в случае заключения такого пакта они готовы обсудить вопрос об известном минимуме равноправия и для Германии, Барту в своей последней речи заявил, что никаких обещаний до подписания пакта французы дать не могут, а итальянцы продолжают оставаться на прежней точке зрения, что немцы должны иметь полное равноправие в вооружениях. Таким образом, по мнению Мейера, по этому важному вопросу нет еще никакого единения среди этих стран и что поэтому какая-либо поспешность в определении немецкой позиции по отношению к Восточному пакту не вызывается необходимостью.

Я указал Мейеру, что отмеченное им разногласие не имеет, в сущности, никакого отношения к самому Восточному пакту, который, как показали события, и со стороны Англии и со стороны Италии встречается чрезвычайно благожелательно.

На этом разговор о пакте кончился, и я перешел к текущим делам. Я напомнил Мейеру о протесте *, который Гиршфельд уже сделал в отделе печати по поводу новой кампании, начатой в германской прессе против СССР, и в частности обратил внимание Мейера на статьи Шеффера, Силекса ** и Розенберга, в совершенно недопустимом тоне отзывающиеся об СССР. Я просил Мейера немедленно принять меры к прекращению подобной кампании, указав ему, что она усложняет и без того уже усложненную атмосферу отношений между странами. При этом я заявил Мейеру, что ничего подобного в советской прессе Мейер не может указать не только в последнее время, когда советская пресса держит себя исключительно корректно, но и за прошлое время.

Мейер, конечно, заявил, что эти статьи эти еще не читал, но попробует действительно принять меры к изменению тона германской печати, хотя, конечно, не может отнять у нее свободу критики, в частности по отношению к Восточному пакту.

В заключение я договорился с Мейером о том, что вопрос о перелете самолета Молокова в Копенгаген будет решен завтра, что же касается перелета Уншлихта, то на специальный запрос Мейера в моем присутствии в министерстве авиации оттуда ответили, что пока они совершенно удовлетворены данными мною сведениями и ждут только сообщения дня, когда пролетят самолеты, а также обещанного мною сообщения фамилий летчиков и команды ²²².

Бессонов

Печат. по арх.

* См. док. № 122.

** Соответственно корреспондент «Берлинер тагеслат» и редактор «Дейче альгемейне цейтунг».

277. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

28 июля 1934 г.

Вчера посетил Сувица, чтобы выяснить, как оценивает итальянское правительство события в Австрии* и какие выводы делает из них для своих отношений с Германией. Сувица заявил, что правительство Гитлера должно быть признано прямым подстрекателем и организатором австрийского путча. Никто не верит заверениям относительно его непричастности. Попытка националистического переворота в Австрии сорвалась, потому что население его не поддержало, а войска остались верны правительству. Задача европейских держав — оказать этому правительству максимальную поддержку и реальными средствами обеспечить независимость Австрии. Дипломатические акции в Берлине бесполезны. Итальянское правительство отказывается участвовать в них. Оно уже продемонстрировало свою готовность в любой момент противопоставить захватчикам Австрии сопротивление своих вооруженных сил. В данный момент оно выжидает дальнейшего развития событий, находясь в непрерывном контакте с правительствами Франции и Англии. Можно сказать, что взаимоотношения его с германским правительством переживают критический момент. Гитлер явно не желает считаться с независимостью Австрии. Он назначает туда Папена, не получив еще согласия австрийского правительства, как будто Австрия уже стала германской провинцией. По мнению Сувицы, австрийское правительство должно сперва потребовать от Гитлера ответа, с какой программой направляется Папен в Австрию. Относительно Ринтелена Сувица сообщил ряд подробностей, свидетельствующих, что тот был заранее осведомлен о заговоре и готовился стать во главе нового правительства.

По сообщению Сувицы, германский посол в Париже заявил Барту, что при наличии Локарно и германо-польского соглашения¹⁴ правительство рейха сомневается в необходимости Восточного пакта**.

В заключение Сувица осведомился о наших взаимоотношениях с Англией, отметив, что их улучшение и консолидация сотрудничества европейских государств с СССР нейтрализуют опасность конфликта на Дальнем Востоке.

Потемкин

Печат. по арх.

* См. газ. «Известия», 26, 27 июля 1934 г.

** См. док. № 197, 327.

278. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Персии консулам СССР в Персии *

28 июля 1934 г.

Для Вашего сведения сообщаю:

1) Решением инстанции объем нашей торговли с Персией на 1313 персидский год ** определен в размере около 30 млн. зол. руб., из которых приблизительно 15 млн. — импорт и столько же экспорт. Из основных товаров мы думаем закупить: 40 000 т риса, 20 000 т хлопка, 7 000 т сухофруктов и 6 000 т шерсти. Ввоз наших основных товаров — керосина, бензина, железа и др. — будет также значительно увеличен. Решением инстанции предусматривается также увеличение нашего машинно-технического экспорта до 1 млн. зол. руб. Все это факты значительного развития нашей торговли с Персией, которые необходимо использовать в целях индустриализации и улучшения наших отношений с последней. Вам необходимо работать в этом направлении и чутко следить за тем, чтобы в процессе практической работы и реализации решений по развитию торговли не допускалось никаких искривлений, портящих наши отношения с Персией. 2) На базе развития торговых отношений и после поездки шаха в Турцию со стороны персидского правительства намечается по отношению к нам некоторый перелом к лучшему. В беседах отдельные члены персидского правительства подчеркивали желание нормализовать с нами отношения и сделать их дружественными. Для Вашего личного сведения сообщаю, что персидское правительство сделало нам официальное предложение о тесном международном сотрудничестве с нами в деле укрепления мира, на что мы ответили удовлетворением и полной готовностью***. Это предложение персидского правительства хотя и носит общий характер, однако оно важно как фактор, свидетельствующий о сдвиге в настроениях персидского правительства. Этот сдвиг нам необходимо закрепить и стремиться сделать наши отношения с Персией действительно дружественными. Эта задача возлагается и на Вас****.

Заславский

Печат. по арх.

---

* Копия телеграммы была направлена в НКВД СССР.

** Соответствует 1934 г. грегорианского летосчисления.

*** См. док. № 267, 271.

**** См. также док. № 297, 299.

**279. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР
Временному Поверенному в Делах Персии в СССР Му-
хаммеду Хану Саеду**

28 июля 1934 г.

Господин Поверенный в Делах,

Ваше письмо от 17 июля с. г.²¹⁴ было доведено мною до сведения Правительства СССР, которое с большим удовлетворением приняло Ваше сообщение о той высокодружественной оценке, которая была дана Его Величеством Шахиншахом Персии приему, оказанному его семье при проезде через территорию Союза Советских Социалистических Республик. Я рад, что в связи с этим проездом Правительства обеих стран имели возможность еще раз констатировать наличие искренней дружбы, существующей между народами Союза Советских Социалистических Республик и Персии*.

Пользуясь случаем, прошу Вас, господин Поверенный в Делах, принять уверения в моем глубоком к Вам уважении.

Литвинов

Печат. по арх.

**280. Сообщение ТАСС об одобрении правительством Эстонии
идеи Восточного регионального пакта о взаимной помощи**

29 июля 1934 г.

Во время пребывания министра иностранных дел Эстонии г. Сельямаа в Москве состоялось несколько бесед между ним и Народным комиссаром иностранных дел М. Литвиновым. Собеседники обсудили общие вопросы взаимоотношений между СССР и Эстонской Республикой и выразили полное удовлетворение развитием этих отношений и неизменно растущими взаимопониманием и взаимным доверием между обеими странами. Обменявшись мнениями о международном положении, они пришли к заключению, что международное сотрудничество обеих стран в деле укрепления мира на востоке Европы и совместное участие в заключении служащих этой цели международных актов дали весьма благотворные результаты, отвечающие интересам обеих стран. Исходя из заинтересованности СССР и Эстонской Республики в прочном мире, они также согласились в том, что нынешняя политическая ситуация в Европе диктует дальнейшие усилия в направлении мира и положительное отношение к возникшим в связи с этим новым проблемам и проектам стабилизации мира. В соответствии с этим

* См. также док. № 256.

министр иностранных дел Эстонии г. Сельямаа сделал М. Литвинову следующее заявление:

«Эстонское правительство заявляет о своем благожелательном отношении к идее Восточного регионального пакта о взаимной помощи, в котором участвовали бы СССР, Польша, Германия, Чехословакия и Прибалтийские государства *. Ввиду отсутствия текста пакта Эстония оставляет за собой право по получении проекта внести необходимые поправки и дополнения».

*Печат. по газ. «Известия» № 176 (5404).
30 июля 1934 г.*

281. Запись беседы Полиомочного Представителя СССР в Чехословакии с Министром Иностранных Дел Чехословакии Бенешем

29 июля 1934 г.

Я был приглашен на торжественный прием, который был устроен в Граде по случаю приезда в Чехословакию спанского короля с женой. После церемонии представления королю сопровождавший его Бенеш прямо демонстративно отвел меня в сторону и, стоя разговаривал со мною добрых минут двадцать, если не полчаса.

По существу речь прежде всего зашла о последних австрийских событиях и убийстве Дольфуса **. Бенеш говорил, что события развиваются совершенно так, как он это предсказывал. Германия потерпела новый громадный урон на международной арене. В частности, Бенеша чрезвычайно радует то обстоятельство, что последними событиями больше всего была затроута Италия. Теперь на достаточно длительный период времени не может существовать опасений по части возможности итало-германской кооперации. Однако эта радость у Бенеша несколько омрачена предвидением дальнейшего этапа событий в Австрии. Италия не допустит аншлюса в какой бы то ни было форме, но у нее нет положительных рецептов, и она не может сказать, что же должна делать Австрия в ее нынешнем положении для достижения внутреннего успокоения и противодействия аншлюсу. Единственным якобы положительным рецептом из существующих идей остается реставрация Габсбургов. Этого не случится завтра или вообще в ближайшее время, но через год нужно ожидать, что этот выход останется единственным. Как отнесется к этому Чехословакия? Бенеш говорил,

* См. док. № 254.

** См. газ. «Известия», 27—29 июля 1934 г.

что Чехословакия не может допустить этого и готова будет «противодействовать всеми даже самыми крайними мерами». Это заявление звучало у Бенеша совершенно недвусмысленно. Он давал понять, что Чехословакия будет реагировать на реставрацию Габсбургов мерами вплоть до военных. В этом месте Бенеш, между прочим, говорил, что реставрация Габсбургов в Австрии обозначала бы начало возвращения к старым довоенным соотношениям, что было бы противно интересам СССР. Он ссылаясь на свои разговоры в Женеве с Максимом Максимовичем* и выражал удовольствие по тому поводу, что он имел возможность убедиться в резко отрицательном отношении СССР к такой перспективе попыток реставрировать в Европе, в частности в средней Европе, довоенные соотношения. Бенеш якобы настолько серьезно расценивает опасность реставрации Габсбургов, хотя бы и через год, что считает нужным уже сейчас довести до сознания всех заинтересованных, что Чехословакия не на словах, а на деле будет противодействовать «всеми, даже крайними мерами». Он начал сейчас кампанию по внушению этого сознания великим державам. У меня сложилось впечатление, что он и меня обрабатывает в порядке этой кампании, желая несколько поугатать грозной перспективой войны, если реставрация Габсбургов окажется реальной опасностью.

Дальше Бенеш спрашивал, что я знаю о результатах поездки Бека по Прибалтике**. Я должен был сказать, что еще не имею точной информации, но полагаю, что поездка не осталась без влияния. Не только Эстония, но и Латвия, видимо, имеют некоторые резервы, и не исключено, что они обнаружат большие колебания. Поэтому сейчас едва ли следует производить на них нажим. Было бы невыгодно, если бы уклончивая позиция этих стран снизила ответственность Польши и Германии за дальнейшую судьбу пакта. Бенеш отнесся к этому соображению одобрительно и стал рассказывать, что «по иронии судьбы» сейчас самым энергичным ходатаем по делам пакта в Варшаве являются итальянцы. Муссолини страшно боится дальнейшего сближения между Францией и СССР и видит в пакте и участии в нем Польши и Германии почти единственное средство положить известный предел процессу сближения между Францией и СССР. Я попутно спросил, какой проект Лярош передал Беку? Бенеш ответил, что это тот самый набросок, который т. Литвинов получил в Женеве от Барту и который имеется и у Бенеша***.

Дальше Бенеш развивал мысль о том, что Франция должна

---

* См. док. № 190, 192, 194.

** См. газ. «Известия», 23—25, 27—29 июля 1934 г.

*** См. док. № 254.

еще усилить свой нажим в Варшаве. Французский посланник в Праге Ноэль дия через три едет в Париж, и Бенеш передает через него Думергу н Барту свое мнение. Оно сводится к тому, что между СССР, Францией и Чехословакией должно состояться соглашение во что бы то ни стало и в кратчайший срок, если бы даже не удалось привлечь к пакту Польшу и Германию. На этот счет Франция не должна оставить никаких сомнений в Польше. Однако Бенеш поручает Ноэлю сказать при этом Думергу, что этот ход мысли должен быть принят Францией, так сказать внутренне, с полной искренностью и убежденностью. Этот ход мысли только как тактический маневр не может иметь успеха. Поляки — тонкие интриганы и сразу унюхают «только тактику», если Франция будет грозить им такой перспективой без внутреннего убеждения в необходимости вступить на этот путь. Что касается Чехословакии, то Бенеш с таинственным видом намекал, что и здесь «Чехословакия пойдет до применения самых крайних мер». Из всего характера его последних заявлений у меня осталось впечатление, что он намекает на «внутреннюю готовность» Чехословакии вступить с нами в какие угодно союзнические отношения, может быть, вплоть до заключения военного союза, хотя, конечно, ни одного близкого к этому слова Бенеш не употребил.

Бенеш продолжал говорить, что Ноэль должен будет прежде всего ясно поставить перед Барту этот вопрос о решении Францией для себя самой вопроса о выводах на случай неудачи попыток привлечь к пакту Польшу. Сегодня Бенеш не может сказать чего-нибудь определенного, но его интуиция подсказывает ему, что Франция будет рассуждать совершенно так же, как рассуждает Бенеш за Чехословакию.

Я не мог развивать такую опасную тему, но и не хотел мешать Бенешу излагать свои соображения, а потому не отозвался на его намеки, но остался в рамках темы, спросив Бенеша, о какой Франции он говорит. Не кажется ли ему, что выступление Тардые * тоже еще не законченный этап? Бенеш ответил со всей возможной твердостью, что до ноября, в худшем случае до октября, внутреннее положение во Франции остается, безусловно, неизменным. А это как раз тот срок, за который судьба Восточного пакта должна и будет окончательно выяснена. Но и в дальнейшем Бенеш не ждет резких перемен. Он согласен с тем, что для его хода мысли существенную роль будут играть и нерезкие перемены в соотношении сил во Франции. Однако его утешает то, что выступление Тардые имело целью добиться новых выборов. Эта цель не так легко достижима. Помимо этой цели Тардые еще не препятствие для задач, преследуемых Бенешем.

* См. газ. «Известия», 20, 22 июля 1934 г.

Дальше Бенеш повторялся, варьируя те же темы и возвращаясь к намекам на свою готовность идти с нами так далеко, как только можно вообразить. Он упомянул о том, что будет в Праге снова только в пятницу 3 августа и позовет меня к себе, если у него будет что-нибудь новое. Он будет рад, если и у меня окажутся новости. В этом случае он просил не стесняясь позвонить ему, и он найдет время для меня*.

Бенеш мельком вернулся к теме о поведении Польши, которое его беспокоит, и между прочим упомянул, что Польша просчитается, если и дальше будет думать, что Малая Антанта не сумеет реагировать на ситуацию, создаваемую Польшей. Малая Антанта едина, как никогда, и между ее членами нет расхождения в оценке и задачах текущего момента. Я воспользовался этим, чтобы намекнуть на Югославию, сказав, что все-таки есть вопрос, в котором действия Малой Антанты не так уж дружны. Бенеш понял и с очень серьезным видом ответил, что он рассчитывает на урегулирование вопроса в сентябре. Во всяком случае, Чехословакия и Румыния поставят этот вопрос перед Югославией в Женеве со всей доступной им обмен решительностью.

Попутно считаю нужным отметить, что я пользовался на этом приеме совершенно исключительным вниманием со стороны чехов. Папоушек, Кошек и даже Благош** ходили за мной и знакомили с очень большим числом чехословацких политических и общественных деятелей. В частности, Папоушек познакомил меня с Яном Масариком, сыном президента и чехословацким посланником в Лондоне. Ряд лиц сами подходили ко мне. Я сам не представлял себе, какой громадный эффект произвело то, что я якобы произнес свою вступительную речь у Масарика по-чешски***. Затем такой же эффект производило то, что я говорил с представляемыми мне чехами по-чешски. Со мной долго разговаривал по-чешски генерал Блага, тоже несколько демонстративно знакомивший меня с венгерским советником и рекламировавший то обстоятельство, что я говорил по-чешски. По личной инициативе со мной познакомился председатель Легиобайка, представивший мне каких-то промышленников.

Полпред СССР в ЧСР
Александровский

Печат. по арх.

---

* См. также док. № 298.

** Старший референт Восточного отдела МИД Чехословакии.

*** См. газ. «Известия», 20 июля 1934 г.

282. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

29 июля 1934 г.

Рюштю сообщил, что около месяца назад японскими коммерческими кругами было сделано турецкому поверенному в делах в Токио предложение предоставить кредит на 12—20 лет для закупки разной японской продукции и, в частности, для заказа судов. Турецкий поверенный в делах на месте отклонил это предложение, якобы не снесясь даже предварительно с Анкарой. По получении письменного доклада поверенного в делах, Рюштю, со своей стороны, заявил японскому послу, что хотя это чисто коммерческое предложение, но Турция не считает возможным вступать в подобные сделки с Японией. Я сказал Рюштю, что не могу признать это предложение чисто коммерческим и вижу в нем политическую подоплеку, а именно намерение Японии подкапываться под советско-турецкие отношения. Рюштю отвечал, что это маловероятно, так как японцы прекрасно отдают себе отчет в своей неспособности достигнуть этого. Я тогда напомнил Рюштю публикацию в стамбульской печати статей, явно инспирированных японцами, о победах японского флота в 1905 г. и указал, что японский посол не преминул воспользоваться заключением торгового договора для того, чтобы выступить с интервью, пропагандируя турецко-японскую экономическую связь. Рюштю ответил, что об интервью он узнал только из газет.

Г. Залкинд

Печат. по арх.

283. Сообщение ТАСС об одобрении правительством Латвии восточного регионального пакта о взаимной помощи

30 июля 1934 г.

Вчера, 29 июля, латвийский посланик в Москве г. Бильманис по поручению своего правительства сделал Народному комиссару иностранных дел М. М. Литвинову заявление следующего содержания:

«Латвийское правительство заявляет о своем благожелательном отношении к идее Восточного регионального пакта о взаимной помощи, в котором участвовали бы СССР, Польша, Германия, Чехословакия и Прибалтийские государства*. Ввиду отсутствия текста пакта Латвия оставляет за собой право по получении проекта внести необходимые поправки и дополнения».

*Печат. по газ. «Известия» № 176 (6424),
30 июля 1934 г.*

* См. док. № 254.

284. Нота Полномочного Представителя СССР в Японии Министру Иностранных Дел Японии Хирота

30 июля 1934 г.

Ваше Превосходительство,

По поручению моего Правительства имею честь заявить Вам нижеследующее:

На протяжении 1933 г. и первой половины 1934 г. Союзное Правительство через своих представителей в Токио и в Москве неоднократно обращало внимание Японского Правительства на недопустимые случаи нарушений границы Союза ССР японскими военными самолетами, и, в частности, мною 6 ноября прошлого года * был заявлен протест против грубого нарушения японскими военными самолетами границы СССР в районе Славянка-Барабаш 3 ноября, когда было зафиксировано появление над территорией Союза девяти японских военных самолетов, углубившихся на 30 км от линии границы. 20 февраля с. г. ** Заместителем Народного Комиссара по Иностранным Делаг г. Сокольниковым было сделано представление японскому Послу в Москве г. Ота по поводу действия японских самолетов 15 и 17 февраля в районах Рассыпная Падь, Гродеково, Полтавка, Золотая, Сосновая Падь и г. Иман, когда нарушение границы приняло массовый характер и японские самолеты углублялись в воздушное пространство СССР на расстояние от 3 до 15 км, причем японские самолеты обстреляли из пулеметов пункт и пограничную заставу СССР.

Г-н. Сокольников в своем представлении японскому послу отметил недопустимость повторения таких могущих иметь опасные последствия случаев. Тем не менее практика перелетов союзной границы японскими самолетами (как это видно из прилагаемого перечня нарушений) не только не прекратилась, а, наоборот, как это показывают факты последнего времени, продолжается и даже расширяется, причем совершенно очевидно, что полеты носят разведывательный характер в военных целях. В этой связи особо следует отметить факт, имевший место на о-ве Сахалин, где японские самолеты в отдельных случаях углублялись в воздушное пространство СССР на 70 км от пограничной линии. По поводу всех этих нарушений границы СССР, носящих систематический характер и способных внести серьезные осложнения в отношения между обеими странами, я уполномочен, г. Министр, заявить Вам решительный протест.

Согласно законам Союза ССР, опубликованным в свое время для всеобщего сведения, каждый иностранный самолет,

* См. т. XVI, док. № 338.

** См. док. № 63.

перелетевший границу СССР, без соответствующего на то разрешения, должен сам немедленно, по обнаружении этого обстоятельства или по получении сигнала о посадке, снизиться. В случае неподчинения сигналам, воздушное судно может быть принуждено к спуску.

Несмотря на это, в целях избежания излишних осложнений, советские власти до сих пор проявляли максимум выдержки и терпения по отношению к японским самолетам, перелетавшим через границу Советского Союза. Однако, поскольку становится очевидным, что эти перелеты носят не случайный, а явно преднамеренный характер и за последнее время к тому же вновь учащаются, необходимо считаться с тем, что в случае продолжения этой практики систематического нарушения границы пограничные власти смогут оказаться вынужденными принять все имеющиеся в их распоряжении средства для защиты границы СССР, причем ответственность за возможные последствия в этом случае ляжет, конечно, не на советскую сторону. В связи с этим Союзное Правительство ожидает, что Японское Правительство примет все зависящие от него меры, чтобы чреватая серьезными осложнениями практика перелетов японскими военными самолетами границы СССР была наконец прекращена*.

Я пользуюсь этим случаем, чтобы заверить Вас, Ваше Превосходительство, в моем высоком к Вам уважении.

К. Юрнев

Печат. по арх.

[ПРИЛОЖЕНИЕ]

ПЕРЕЧЕНЬ НАРУШЕНИЙ ГРАНИЦ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЯПОНСКИМИ ВОЕННЫМИ САМОЛЕТАМИ

(в январе — июле 1934 г.)

1. 5 января в 13 час. 20 мин. японский самолет перелетел границу на высоте 300 м у г. Благовещенска и углубился в воздушное пространство СССР на расстояние 500—600 м.

2. 18 января в 13 час. 05 мин. японский самолет из района г. Сахалин перелетел границу на высоте 100 м и углубился в воздушное пространство СССР на 500 м.

3. 23 января в 12 час. 26 мин. 2 японских самолета перелетели границу на высоте 800—1 000 м в 20 км западнее станции Отпор и, углубившись в воздушное пространство СССР на 12 км, долетели до горы Цаган-Ула.

* См. также док. № 326.

4. 14 января в 12 час. 20 мин. японский самолет перелетел границу на высоте 400 м в 12 км юго-западнее села Абагайтуй и углубился в воздушное пространство СССР на 1 км.

5. 3 февраля в 12 час. 50 мин. японский самолет перелетел границу в 20 км севернее г. Имана и углубился в воздушное пространство СССР на 1 км.

6. 12 февраля в 12 час. японский самолет перелетел границу на высоте 800 м в 6 км северо-восточнее села Михайлово-Семеновское и углубился в воздушное пространство СССР на расстояние в 1 км.

7. 15 февраля в 12 час. 10 мин. японский самолет перелетел границу на высоте 800 м в 12 км севернее разъезда Рассыльная Падь и углубился в воздушное пространство СССР на 15 км.

8. 17 февраля в 10 час. 20 мин. 3 японских самолета перелетели через границу на высоте 800 м в районе Гродеково и углубились в воздушное пространство СССР на 3 км.

9. 17 февраля в 12 час. 30 мин. японский самолет перелетел границу на высоте 700 м в районе Гродеково и углубился в воздушное пространство СССР на 1 км.

10. 17 февраля в 1 час 30 мин. японский самолет перелетел границу на высоте 1000 м севернее селения Полтавка и углубился в воздушное пространство СССР на 7 км.

11. 17 февраля в 12 час. 40 мин. 3 японских самолета перелетели границу на высоте 1000 м в районе селения Золотая и углубились в воздушное пространство СССР на 8 км, летели над советской территорией 15 км до Пади Кордонка, причем японские самолеты обстреляли из пулеметов пограничный пункт и пограничную заставу СССР.

12. 17 февраля в 12 час. 40 мин. 3 японских самолета перелетели границу на высоте 1000 м в районе разъезда Сосновая Падь и углубились в воздушное пространство СССР на 7 км.

13. 17 февраля в 14 час. 16 мин. 3 японских самолета перелетели границу на высоте 800 м и углубились в воздушное пространство СССР на 5 км, долетев до г. Иман, описали над ним несколько кругов.

14. 6 марта в 13 час. 50 мин. японский самолет перелетел границу на высоте 500 м в г. Благовещенска и углубился в воздушное пространство СССР на 500 м.

15. 26 июня в 15 час. 20 мин. японский самолет перелетел границу брейющим полетом в районе Пеленга на Сахалине, после чего, взяв высоту 3500 м, пролетел курсом на север. В 15 час. 50 мин. он находился в 46 км от границы в районе устья реки Лангернре. В 16 час. этот же самолет достиг устья реки Венгерн, углубившись в воздушное пространство СССР на 70 км от пограничной линии.

16. 29 июня в 13 час. 7 мин. японский самолет перелетел границу на высоте 1000 м в районе Хандаса-Маракево на Сахалине и углубился в воздушное пространство СССР на 9 км.

17. 5 июля в 12 час. 35 мин. японский самолет перелетел границу на высоте 1500 м в 6 км западнее деревни Гродеково на Сахалине и углубился в воздушное пространство СССР на 3 км.

18. 14 июля в 12 час. 52 мин. японский самолет перелетел границу на высоте 1000 м между деревнями Хандаса — Гродеково на Сахалине и углубился в воздушное пространство СССР на 5 км.

**285. Нота Временного Поверенного в Делах СССР в Германии
Статс-секретарю Министерства Иностранных Дел Гер-
мании Бюлову**

30 июля 1934 г.

Господин Статс-секретарь,

9 мая с. г. Посольство Союза Советских Социалистических Республик в Германии обратило внимание Министерства Иностранных Дел на антисоветскую деятельность организации «Братья в нужде»*. Посольство СССР, заявляя протест против антисоветских выступлений в печати организации «Братья в нужде», высказало одновременно убеждение, что Министерство Иностранных Дел примет необходимые меры с целью побудить названную организацию прекратить выступления, носящие неприкрытый антисоветский характер.

Ответ Министерства Иностранных Дел, сообщенный Посольству СССР в вербальной ноте от 5 июля с. г.²²³, не только не дает удовлетворения справедливым претензиям Посольства СССР, но, наоборот, свидетельствует о том, что Министерство Иностранных Дел недвусмысленно санкционирует антисоветские выступления вышеуказанной организации.

Мое Правительство уполномочило меня заявить Вам, г. Статс-секретарь, решительный протест против содержания и формы ноты от 5 июля с. г., носящей совершенно беспрецедентный характер. Одновременно с этим я не считаю необходимым давать оценку содержащимся в упомянутой ноте Министерства Иностранных Дел суждениям о внутреннем положении Советского Союза, поскольку они представляют собой явное вмешательство во внутренние дела Союза Советских Социалистических Республик и в то же время находятся в явном противоречии с общеизвестными и бесспорными фактами.

* См. также док. № 169, 170.

Что же касается ссылки вербальной ноты Министерства Иностранных Дел на поведение советской прессы, то я позволю себе ограничиться указанием на то, что советская пресса для информации своих читателей о положении в Германии пользуется сообщениями, содержащимися в мировой печати и воспроизводящими общеизвестные факты, характеризующие действительное положение в Германии.

Пользуюсь этим случаем, чтобы заверить Вас, господин Статс-секретарь, в моем совершенном к Вам уважении.

Бессонов

Печат. по арх.

286. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР в Германии в Народный Комиссарнат Иностранных Дел СССР

30 июля 1934 г.

По сообщению Понсе, проверенному мной у чехословацкого посланника, Бюлов, Кепке, Мейер вызывают одного за другим представителей Прибалтийских стран и помимо известных немецких аргументов против Восточного пакта * развивают также мысль о предстоящем будто бы резком изменении позиции СССР в направлении нового сближения с Германией. При этом спекулируют на предстоящем заключении соглашения о 200-миллионном кредите и назначении Сурица **. Понсе уверяет, что в противовес Восточному пакту немцы выдвинули контрпредложение о заключении более узкого Балтийского пакта с участием СССР, Польши и Германии, но без Франции и Малой Антанты.

Бессонов

Печат. по арх.

287. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Турцин Г. А. Залкннду ***

31 июля 1934 г.

Повидайте Рюшту и заявите, что французское правительство, учитывая затягивающиеся переговоры о Восточном пакте, настойчиво советует нам не пропустить предстоящей

* См. док. № 276.

** Я. З. Суриц был назначен полпредом СССР в Германии в августе 1934 г.

*** Телеграммы аналогичного содержания направлены полпредам СССР в Англии и Чехословакии.

ассамблей Лиги наций и заявить о нашем вступлении, что в свою очередь может облегчить и заключение пактов. Учитывая эти советы, мы сообщили французскому правительству*, что в случае приглашения нас в Лигу наций, как это имело место в отношении Мексики и Турции, мы готовы будем откликнуться положительно при условии, конечно, что нам заранее будет обеспечено постоянное место в Совете. Скажите, что это поручено Вам довести до его сведения и выразить надежду на его полное сочувствие. В случае указаний, что для приглашения в Лигу наций требуется наше заявление, ответьте, что мы достаточным поводом считаем наше заявление Франции и другим членам Совета Лиги наций**; просите, однако, считаться с этим сообщением как с конфиденциальным, так как нецелесообразна преждевременная дискуссия в печати.

Литвинов

Печат. по арх.

288. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Персии С. К. Пастухова Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

31 июля 1934 г.

На телеграмму от 26 июля***. Я сегодня был у Каземи и выполнил Ваше поручение. Он подчеркивал свое удовлетворение и благодарил за проявление дружественного акта. Он снова повторил: он уверен, что имеющиеся между нами неурегулированные вопросы будут дружески и безболезненно разрешены и что они ни в какой мере не могут служить препятствием к совместному международному сотрудничеству и искренне дружеским отношениям. Что касается визита, то он сказал, что в сентябре, возможно, поедет в Женеву и там надеется с Вами встретиться, засвидетельствовать свои дружеские чувства и обменяться мнениями по ряду вопросов****. В шуточной форме он добавил, что мы перед персидским правительством в долгу, так как на визит Форуги ответил Каракан*****, которым они были довольны, но этот долг должен быть ликвидирован Вашим приездом, которому персидское правительство будет чрезвычайно радо. Далее он заговорил о групповом пакте ненападения между Персией, Турцией, Афганистаном, Ираком и декларировал предложение, которое

* См. док. № 270.

** См. док. № 290.

*** См. док. № 271.

**** См. док. № 377.

***** См. т. XVI, док. № 78.

он сделал Карахану в Тегеране²²⁴. Он сказал, что турецкое правительство дало согласие на участие в этом пакте и теперь персидское правительство хотело бы знать о нашем отношении к пакту, чтобы в зависимости от этого предпринять дальнейшие шаги. На мой вопрос он ответил, что афганскому правительству они пока не делали предложения, но он уверен, что последнее присоединится к пакту. Что же касается Ирака, то вопрос о его присоединении будет зависеть от позиции Англии, которая ему еще неизвестна. Он просил по возможности скорее дать ответ по последнему вопросу. Прошу указать²²⁵.

Полпред

Печат. по арх.

289. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
31 июля 1934 г.*

Разговор с Массигли по его приглашению. Он просит вас подтвердить наше согласие на зондаж французским правительством Англии и Италии с целью согласования с ними процедуры нашего вступления в Лигу наций*. Кроме того, он предполагает «успокоить» Швейцарию, Голландию и Бельгию. С поляками предполагает разговаривать лишь в конце августа — начале сентября. Массигли заявил, что они ничего не имели бы против того, чтобы мы со своей стороны также переговорили с поляками**. Процедура будет заключаться в основном в следующем: 1) Частное совещание членов Совета Лиги наций о предоставлении нам постоянного места. 2) Резолюция Совета, рекомендующая общему собранию пригласить СССР. 3) Резолюция или протокол Ассамблеи Лиги о приглашении и письмо председателя Ассамблеи, извещающее нас об этом. 4) Наше ответное письмо, подлежащее предварительному согласованию, в котором по примеру Турции мы можем сделать свою декларацию. 5) Резолюция Ассамблеи о принятии нас. 6) Акт Совета о предоставлении нам постоянного места. 7) Резолюция Ассамблеи о том же.

Изложенное формально нуждается еще в утверждении Барту, причем в зависимости от обстоятельств может измениться порядок инсценировки***. Массигли сегодня уходит в отпуск.

* См. док. № 266, 270.

** См. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI, М., 1969, стр. 225.

*** См. док. № 290.

Одним из деликатных вопросов в Женеве явится домогательство Турции на место в Совете, что возможно лишь за счет Китая. Этого хотели бы избежать в секретариате Лиги. Оден лично говорил мне, что хотел бы компенсировать Турцию избранием Рюштю председателем Ассамблеи.

Розенберг

Печат. по арх.

290. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу

1 августа 1934 г.

На Вашу телеграмму от 31 июля*. Я уже дал указания Майскому** и Потемкину***, а равно и Залкинду** об информировании правительств, так что нет возражений против зондажа Франции. Предложенная процедура приемлема, но мне непонятно, идет ли в пункте четвертом речь о нашей декларации касательно ограничения арбитража. Французское правительство может успокаивать Швейцарию, Голландию и Бельгию, как хочет, но никаких обещаний за наш счет оно, конечно, давать не может.

Уезжаю из Москвы 5-го.

Немцы почему-то распространяют слухи о предстоящем будто бы изменении позиции СССР в направлении сближения с Германией. Очевидно, это делается с целью подорвать к нам доверие Франции и Чехословакии. Нет никаких моментов, которые указывали бы на возможность нового сближения с Германией²²⁶.

Литвинов

Печат. по арх.

291. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Китайской Республики в СССР

2 августа 1934 г., № 37

Народный Комиссариат по Иностранным Делам имеет честь сообщить Посольству, в ответ на ноту от 14 июля с. г.²²⁷, что с его стороны не встречается возражений против назначения г. Ли Фыня исполняющим обязанности Генерального консула Китайской Республики в г. Новосибирске.

Соответствующая экзекватура г. Ли Фыня будет выдана после представления его патента Народному Комиссариату.

Печат. по арх.

* См. док. № 289.

** См. док. № 287.

*** См. док. № 228.

292. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Италии со Статс-секретарем Министерства Иностранных Дел Италии Сувичем

2 августа 1934 г.

Беседа состоялась в МИД. Предметом беседы явилось следующее: 1) Вопрос о вступлении СССР в Лигу наций. 2) Положение в Германии в связи со смертью Гинденбурга.

Вопрос о вступлении СССР в Лигу наций. Согласно телеграфной директиве наркома *, полпред сообщил Сувичу, что из кругов, непосредственно связанных с Лигой наций, Советское правительство получает настоятельные дружественные советы о вступлении СССР в Лигу, что может, между прочим, оказать значительное содействие заключению Восточного пакта. Учитывая эти советы, наряду с известными заявлениями Саймона в парламенте ** и неизменно благожелательным отношением Италии *** к сотрудничеству СССР с европейскими державами и к вхождению Союза в Лигу наций, Советское правительство решило информировать главу итальянского правительства, что при условии предоставления Союзу постоянного места в Совете Лиги оно готово ответить согласием на приглашение в Лигу, которое может быть обращено к нему так же точно, как это было сделано в свое время в отношении Мексики и Турции. По поручению наркома полпред делает это сообщение Сувичу с просьбой немедленно передать его главе правительства, находящемуся вне Рима, причем выражает уверенность, что в данном вопросе Советскому Союзу будет оказано со стороны итальянского правительства обычное дружественное содействие.

Сувич, с чрезвычайным вниманием выслушавший сообщение полпреда, заявил, что немедленно доведет его до сведения Муссолини, находящегося в данный момент в Риччоне. Он не сомневается, что глава итальянского правительства ответит положительным образом на выраженную полпредом надежду относительно сочувствия и поддержки Италией приглашения Союза в Лигу наций ****. До сих пор, как всем известно, Италия, в отличие от других государств Европы, всегда активно выступала в пользу организованного сотрудничества Страны Советов с державами Европы. Само собой разумеется, что Советскому Союзу должно быть обеспечено постоянное место в Совете. Заявление, делаемое правительством СССР Италии, Франции и Англии, представляет собою вполне достаточное

---

* См. док. № 290.

** См. док. № 245.

*** См. док. № 248.

**** См. док. № 331.

формальное основание для постановки вопроса о приглашении СССР в Лигу на ближайшей же сессии последней.

Положение в Германии. В связи с вопросом о вступлении СССР в Лигу наций Сувич мимоходом упомянул, что этим вступлением создается деликатное положение дел для Германии, которая ныне совершенно изолирована в области международных отношений. Одновременно все более осложняется и ее внутреннее положение. Только что получено сообщение из Берлина, что Гинденбург скончался сегодня утром в 9 часов *. По-видимому, преемником ему явится Гитлер. Вероятно, последний проведет это решение через рейхстаг; сомнительно, чтобы он прибег сейчас же к плебисциту. Такое сосредоточение власти в руках нынешнего рейхсканцлера создает для него величайшую ответственность и приводит национал-социалистский режим к самому решительному испытанию. Каков будет результат такого испытания, предсказать трудно. Во всяком случае, внутреннее положение Германии представляется напряженным и критическим, как никогда.

Потемкин

Печат. по арх.

293. Телеграмма Полиомочного Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

2 августа 1934 г.

На сегодняшнем свидании в 3 часа присутствовал кроме Хэлла и Мура также Келли.

На вопрос Хэлла, что я желал бы предложить, я сказал, что в меморандуме о позиции президента ** снова сказано, что дополнительным процентом облагаются все кредиты не только правительства, но и частных лиц. Это исключается. Хэлл говорил что-то невнятное. Мур добавил, что необходимо гарантировать от возможности нашего обращения к частным кредитам вместо правительственных в целях избежать оплаты дополнительных процентов, а значит, и долга. Я сказал, что если допустить такую возможность, то надо допустить возможность того, что мы и к частным кредитам не будем обращаться, надо доверять нашему желанию урегулировать вопрос о долгах. Мур тогда сказал, что о частных кредитах можно не говорить, если мы обязуемся в случае недостаточности кредитов погасить нашу задолженность через известный срок, например 20—25 лет. Я сказал, что это можно обсудить.

* См. газ. «Известия», 3 августа 1934 г.

** См. стр. 500.

Дальше был разговор об участии частных фирм в кредитовании по этому соглашению. Я говорил, что даже если это участие будет происходить без нашего ведома, то оно выразится в повышении цен, особенно потому, что частный кредит будет дорог. Хэлл доказывал, что это обычная здоровая практика. Я доказывал, что сейчас мы говорили о случаях особого соглашения, а не об обычной практике. Тут Хэлл вручил мне меморандум банка. Я сказал, что его надо изучить, но сразу видно, что многое туманно и неприемлемо. Меморандум посылается по телеграфу.

Я указал на неясность, что значит обращение инициатора за кредитом, когда речь идет о простом учете тратты или акцептов «Амторга». Много резервирований. В каком отдельном случае банк будет отвергать учет? Мур пояснил, что в редких случаях, например, несолидность фирмы или покупка военных материалов тогда, когда это может привести к международным осложнениям. Я сказал, что это надо уточнить. Затем я указал на желание банка договариваться о распоряжении кредитами на агрокультурные и другие продукты. После некоторых споров Мур сказал, что это можно исключить.

Он говорил, что необходимо тесное сотрудничество между «Амторгом» и банком. Я сказал, что такое сотрудничество превратится в контроль.

Я указывал, что фактически это означает откладывание соглашения и создание в дальнейшем многих больших и малых трудностей. Мур ответил, что их желание — скорее начать торговлю.

После этого разговор перешел на сроки кредитов. Келли ссылаясь на наши соглашения с Италией, Германией и Англией*. Я указывал, что там нет соглашений о долгах, а кроме того, мы в дальнейшем такого соглашения, как с Англией, вероятно, не подпишем. Хэлл заметил, что долгие сроки кредита будут неприемлемы для конгресса.

Я доказывал, что Америка имеет соглашения на 60 лет, мы хотим на 20—25 лет. Никто долгов не платит. Мы хотим платить и вместе с тем торговать. Без соглашения о долгах мы получили бы те кредиты, что сейчас нам предлагаются. Я напомнил замечание Мура, что это маленький вопрос. Ничего определенного в ответ сказано не было.

Мур попутно сказал, что он готов выслушать наше предложение о формулировках, чтобы не связывать нас в отношении других стран. В частности, он готов не говорить о добавочном проценте, а о едином проценте, не указывая на

---

* См. соответственно т. XIV, док. № 135; т. XVI, док. № 47; т. XV, док. № 262.

размер и даже на наличие добавочного процента. Он ждет наших предложений о формулировках. Кончили мы на том, что я получу меморандум, излагающий схему соглашения, как она представляется госдепартаменту в настоящий момент*. Я сказал, что сообщу меморандум в Москву.

В разговоре я указал, что считаю полемику относительно намерений президента бессельной, ибо они нас не убедят, что заем — это простой товарный кредит.

Следующую встречу мы наметили на 8—9 августа**.

Сообщения прессы говорят, что мы рассматривали новые стороны вопроса.

Трояновский

[ПРИЛОЖЕНИЕ]

Меморандум Экспортно-импортного банка, врученный государственным секретарем США Хэллом полномочному представителю СССР в США А. А. Трояновскому 2 августа 1934 г.

«1. Принципы и методы

Банк думает придерживаться того основного принципа кредита, который гласит, что сделки в коммерческой области создают спрос на кредит вместо того, что наличие кредита якобы создает спрос на товары и их приобретение.

Метод, посредством которого кредит, предоставленный в пользу торговли между США и СССР, может быть использован следующий:

«Амторг» будет иметь дело непосредственно с экспортерами в США, а экспортеры будут ходатайствовать перед банком о получении нужных им кредитов. Банк резервирует за собой право отклонять ходатайства в определенных случаях.

2. «Амторг»

«Амторг» будет выступать в США в качестве представителя продающих и покупающих агентств в СССР. (В том смысле, в каком оно здесь употреблено, название «Амторг» означает существующую ныне корпорацию этого имени и любую организацию, которая в будущем заменит «Амторг» или будет назначена преемником «Амторга».)

Бумаги, предлагаемые «Амторгом» экспортерам, будут гарантированы СССР и Госбанком СССР.

3. Кредиты

Общая сумма кредитов, долженствующих быть предоставленными экспортерам в любое время, а также кредитов, предоставляемых импортерам, и вопрос о сроках и методах оплаты будут объектами договора между «Амторгом» и банком. Следует считать ясно установленным, что сроки для тяжелых машин и капитальных товаров несомненно должны быть большими, чем на потребительские товары. Банк резервирует для дальнейших пере-

* См. док. № 296.

** См. док. № 302.

говоров вопрос об общем распределении кредитов, иными словами, о части, предназначенной для сельскохозяйственных продуктов, о части, предназначенной для фабричных товаров и т. д.

Предлагается как целесообразная процедура, чтобы «Амторг» обсуждал с банком потребности обеих стран. Потребности на ближайшие 4—5 лет должны быть по возможности набросаны, и их приблизительная стоимость определена, а также имеющиеся источники для производства платежей должны быть указаны.

4. Закупки

«Амторг» может распределить свои заказы непосредственно среди экспортеров в США по собственному усмотрению, однако только те из них, которые выполняют требования (придерживаются правил) Закона о национальном восстановлении промышленности, могут претендовать на финансовую помощь со стороны банка. «Амторг» договорится с банком о том, чтобы держать банк в курсе коммерческих сделок между обеими странами. Товары предназначены для потребления в покупающей стране, за исключением особо оговоренных случаев.

Август 1, 1934 г.»

Телеграмма и приложение печат. по арх.

294. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Германии с Министром Иностранных Дел Германии Нейратом

2 августа 1934 г.

Был у Нейрата с траурным визитом и передал ему сочувствие Советского правительства по поводу смерти Гинденбурга. Нейрат просил передать НКВД и Советскому правительству в целом благодарность за выраженное сочувствие. Нейрат отметил, что Гинденбург лично содействовал в свое время налаживанию советско-германских отношений. Ему очень жаль, что Хинчуку пришлось уехать, не простившись с Гинденбургом. Дело в том, что симптомы ухудшения здоровья Гинденбурга начались довольно давно и аусамт шадял его, оберегая от визитов. Смертельное ухудшение наступило внезапно и неожиданно для всех.

Вслед за этим Нейрат перешел к вопросу о приеме т. Сурица. Я объяснил Нейрату, что, по моим предположениям, т. Суриц придет между 10 и 15 августа. Нейрат сказал, что решением кабинета предполагается примерно через 2 недели провести в Германии плебисцит по вопросу о том, одобряет ли народ соединение Гитлером в своем лице обязанностей канцлера и президента. Плебисцит должен иметь место примерно 19 августа, и после него произойдет такое изменение конституции, после которого Гитлер будет обладать правами примерно такого же объема, как президент САСШ. Такой обо-

рот дела, по мнению Нейрата, очень облегчает решение вопроса об оформлении нового посла *.

Что касается его самого, то он не уверен, будет ли он в Берлине во время приезда г. Сурица, ибо собирается дней через 5—6 идти снова в прерванный отпуск.

После этого разговор перешел на Восточный пакт. Нейрат заявил, что даже то, что было передано немцам англичанами, является не более, как наброском **, на основе которого довольно трудно составить себе представление о всех деталях Восточного пакта. Что касается его лично, то он вообще является абсолютным противником региональных пактов и стоит за заключение двусторонних пактов и соглашений, вроде недавнего заключенного соглашения с Польшей ¹⁴. Позиция германского правительства в целом, как он уже имел случай сказать лично г. Литвинову ***, также не является благоприятной для пакта. Тем не менее немецкое правительство не отклонило пакта огульно и, наоборот, подвергло его внимательному рассмотрению. Два пункта кажутся Нейрату неприемлемыми в Восточном пакте. Во-первых, обязательство немедленной военной поддержки страны, подвергшейся нападению. Германия не может взять на себя такого обязательства, ибо она не может быть уверена, что сможет его выполнить. Если бы решению о военной поддержке предшествовала консультация, то это было бы другое дело. Во-вторых — и это, по мнению Нейрата, самое главное, — пакт не решает вопроса о германском требовании абсолютного равноправия. Наоборот, между французами и англичанами, судя по выступлениям Саймона и Барту, нет еще никакой договоренности по этому вопросу ²²⁵. Тем не менее вопрос о пакте настолько сложен, что пройдет еще много времени и понадобится много дискуссий, чтобы окончательно определилась позиция Германии по этому вопросу. На мой вопрос, как он представляет себе дальнейший ход дела, Нейрат ответил, что так как кое-что более или менее конкретное о пакте они узнали от англичан, то англичанам же они и собираются в ближайшее время передать свой ответ, содержащий ряд встречных вопросов, интересующих Германию ****.

Бессонов

Печат. по арх.

---

* См. также док. № 364.

** См. док. № 254.

*** См. док. № 197.

**** См. док. № 327.

295. Сообщение ТАСС об одобрении правительством Литвы идеи Восточного регионального пакта о взаимной помощи

3 августа 1934 г.

В состоявшемся между Народным комиссаром иностранных дел М. М. Литвиновым и министром иностранных дел Литовской Республики г. Лозорайтисом обмене мнениями констатирована удовлетворенность обоих правительств неизменно существующих между СССР и Литвой дружественных отношений и развитием экономических и культурных связей*.

При обзоре международного положения М. Литвинов и г. Лозорайтис установили, что воля СССР и Литвы к сохранению и укреплению мира является реальной основой их дружественных отношений. Они, далее, пришли к заключению, что почти повсеместно испытываемое и вполне оправдываемое нынешней международной ситуацией чувство беспокойства и тревоги требует коллективных мер безопасности для всех государств восточной части Европы и что наиболее отвечающей этой цели мерой является проект Восточного регионального пакта о взаимной помощи, получивший одобрение большинства намеченных участников, а также почти всех крупных европейских государств, в котором СССР и Литва уже ранее изъявили готовность принять непосредственное участие. В связи с этим М. Литвинов и г. Лозорайтис с удовлетворением отметили недавние заявления, сделанные в Москве министром Сельямаа и посланником Бильманисом, о таком же отношении к пакту Эстония и Латвия**. По мнению М. Литвинова и г. Лозорайтиса, этот пакт, помимо выполнения своей прямой задачи — стабилизации мира в восточной части Европы, а следовательно, и во всем мире, — способствовал бы также оздоровлению атмосферы взаимоотношений между его участниками, не нанося ущерба их позициям в тех или иных вопросах.

*Печат. по газ. «Известия» № 179 (5427),
3 августа 1934 г.*

296. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

3 августа 1934 г.

Я получил от Келли меморандум, который передаю по телеграфу. Половина его повторяет меморандум о банке в несколько улучшенной редакции***.

* См. также док. № 121, 233.

** См. док. № 280, 283.

*** См. стр. 531, 532.

Келли на словах пояснил, что случаи, в которых банк имеет право отказать в кредитах, могут быть уточнены.

На мое недоумение по поводу сохранения обложения дополнительным процентом частных кредитов он сказал, что этот пункт на основании вчерашних переговоров может быть опущен, если мы принимаем следующий абзац § 2, начиная со слов «определенные суммы, которая должна быть оплачена...» до конца: «...безотносительно к эффекту, указываемому выплатой добавочного процента на общую сумму».

Я указал ему, что меня удивляет упорство госдепартамента, не делающего никаких уступок, хотя мы сделали много. Он пытался доказывать, что они тоже во многом уступили.

Я сказал, что, по моему мнению, условия кредита, предоставляемого согласно меморандуму, таковы, что во многих странах мы получим значительно лучшие без соглашения о долгах, если мы согласимся дать заказ на 200 млн. долл.

Он выразил сомнение, но не очень уверенно.

Полпред

[ПРИЛОЖЕНИЕ]

Меморандум государственного департамента США, врученный заведующим Восточноевропейским отделом Келли Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому 3 августа 1934 г.

1. «Сверх всех претензий Советского Правительства и его граждан против Соединенных Штатов и его граждан Советское Правительство должно платить Правительству США договоренную сумму по договоренному проценту годовых, уплата которых должна аннулировать все претензии каждой страны и их граждан против другой страны и ее граждан. Уплата (этих сумм) не должна действовать против состоявшейся раньше передачи Соединенным Штатам активов, находящихся в этой стране и, по предположению, принадлежащих Советскому Правительству.

2. Платежи по договоренным суммам должны производиться по мере возможности путем начисления на эту сумму определенного процента годовых сверх обычной процентной нормы, под названием добавочного или дополнительного процента на все кредиты, предоставленные Советскому Правительству Правительством США или его гражданами.

Определение суммы, которая должна быть оплачена для ликвидации задолженности, по необходимости включает договоренность о том, что эта сумма будет оплачена в течение умеренного периода времени и что Советское Правительство обязуется закончить платежи в течение... лет, безотносительно к эффекту, указываемому выплатой добавочного процента на общую сумму.

3. Экспортно-импортный банк поможет финансировать советские закупки в США путем учета амторговских векселей, полученных американскими экспортерами в связи с определенными сделками, одобренными банком, на ту часть кредитов, которую экспортер не возьмет на себя. Сроки для таких векселей будут зависеть от данной категории товаров, с таким расчетом, однако, чтобы окончательный срок этих векселей не превышал пяти лет.

«Амторг» будет вести свои дела непосредственно с экспортерами в США, и экспортеры будут консультироваться перед банком о кредитах в той

мере, в которой они им будут нужны. Банк оставляет за собой право отказать в предоставлении кредитов для определенных сделок. «Амторг» будет иметь право распределять свои заказы непосредственно среди экспортеров в США, по собственному усмотрению, но только те экспортеры, которые действуют в соответствии с законом о национальном восстановлении промышленности, смогут претендовать на финансовую помощь со стороны банка. Товары предназначены для употребления в покупающей стране, за исключением случаев, особо предусмотренных в договорах между банком и «Амторгом».

Везде, где говорится об «Амторге», имеется в виду также любой приемник «Амторга», уполномоченный Советским Союзом.

Вашингтон,

3 августа 1934 г.»

Телеграмма и приложение печат. по арх.

297. Запись беседы Торгового Представителя СССР в Персии М. Л. Шостака с Министром Финансов Персии Давером

3 августа 1934 г.

Беседа происходила в летнем служебном кабинете г. Давера в помещении министерства финансов и продолжалась с 10 до 2 часов дня; в беседе участвовали с советской стороны: торгпред г. Шостак и драгоман торгпредства г. Белгородский, с персидской стороны — один г. Давер; беседа шла на персидском языке.

Шостак. Прежде чем перейти к изложению существа вопроса, хочу передать Вам большой привет от г. Элиавы. Должен Вам сказать, что Вы произвели на г. Элиаву самое лучшее впечатление и в своем докладе нашему правительству он охарактеризовал Вас как самого крупного персидского государственного деятеля, на которого опирается все строительство новой экономики Персии*.

По докладу г. Элиавы мое правительство отнеслось с большим вниманием и симпатиями к тому строительству самостоятельной экономики Персии, которое проводится за последние годы. При выработке решений о характере и путях развития советско-персидской торговли наше правительство положило этот момент в основу. Если Вы помните, в свое время в переговорах с г. Элиавой была намечена цифра в 175 млн. риалов как сумма проектируемых наших закупок в этом году. Учитывая процессы, совершающиеся в персидской экономике, и желая увеличить наши торговые связи, наше правительство по докладу г. Элиавы решило увеличить в этом году сумму наших закупок и довести ее до цифры в 205 млн. риалов.

* См. док. № 162, 299.

Отсюда совершенно очевидно, что и сумма наших продаж в Персии в этом году должна выразиться в цифре 205 млн. риалов; эту цифру я вчера сообщил г. Бахману* в качестве общей суммы наших заявок на контингенты. Подобное увеличение оборота, совершенно очевидно, может встретиться с рядом затруднений, но я не сомневаюсь, что при наличии с обеих сторон искреннего желания эти препятствия устранить таковые будут ликвидированы. Я полагаю, что увеличение нашего оборота вполне соответствует также и желаниям персидского правительства. Еще раз только позволяю себе напомнить, что мы сможем совершить запроектированное количество наших закупок при условии осуществления в полной сумме наших продаж. Я вчера сообщил г. Бахману основные цифры наших заявок, которые позволяю себе также сейчас сообщить и Вам, рассчитывая на Ваше благожелательное отношение при рассмотрении этого вопроса в совете министров. Мы сильно увеличиваем группу статей машинно-технического характера; общая заявка по этой группе выражается в сумме 38 250 тыс. риалов. Точно так же мы увеличиваем заявку на группу строительных материалов, к которым мы относим цемент и лес, и доводим цифру этой заявки до 6300 тыс. риалов. Количественно мы сильно увеличим также завоз и нефтепродуктов, однако по сумме это увеличение не скажется столь сильно, так как в своем расчете мы исходили из существующих на последнее время более пониженных цен на эти продукты. Общая заявка на эту группу товаров выражается у нас в сумме 24 200 тыс. риалов. В отношении группы монопольных товаров — сахара и спичек — мы принимаем целиком выделенную нам долю персидских контингентоз, а именно 50 000 тыс. риалов. Кроме этого мы рассчитываем предложить персидскому правительству купить у нас хлопчатобумажную мануфактуру на общую сумму 60 000 тыс. риалов. Таким образом, эти основные пять групп наших товаров уже составляют итог в сумме 178 750 тыс. риалов. Кроме этого мы завезем также ряд более мелких статей, как-то: силикаты, швейные нитки и др. на общую сумму 26 250 тыс. риалов.

Против этого мы рассчитываем закупить персидские товары в той же самой сумме. Должен сказать, что средикупаемых нами персидских товаров есть группа, в которой мы заинтересованы, с другой стороны, есть другая группа товаров, в покупке которой мы не заинтересованы, но в продаже которой заинтересовано персидское правительство. Начну с последней группы. Мы предполагаем закупить 2400 тыс. пудов риса, что составит почти весь товарный экспортный выход этого продукта в текущем году. Мы предполагаем закупить

---

* Начальник главного управления торговли Персии.

420 000 пудов кишмиша. В отношении остальной части сухофруктов, то, по докладу г. Элиавы, чтобы облегчить возможность транзита этого продукта за границу, наше правительство решило снизить существующие транзитные ставки на 50%. Вам, очевидно, уже известно, что в этом году ожидается повышение цен на этот вид товара на западных рынках в связи с засухой в ряде стран, производящих сухофрукты. Я не сомневаюсь поэтому, что в условиях 50% снижения транзитных ставок, остальная часть этого товара получит легкий доступ на западноевропейские рынки. Из первой группы товаров, интересующих нас, мы предполагаем снять с рынка весь товарный экспортный выход хлопка, шерсти и тяжелого кожаного сырья. Мы будем покупать также на значительную сумму скот, коконы и частично мерлушку, гуммидрагант, кишки.

Я прошу также иметь в виду общее решение нашего правительства о постепенной перестройке нашего товарооборота с Персией по его составу в следующем направлении: учитывая растущие потребности Персии в машинно-техническом оборудовании и в строительных материалах в связи с созданием собственной промышленной базы, мы из года в год предполагаем увеличивать экспорт из СССР в Персию этих товаров и материалов. По этой же самой причине придется постепенно снижать экспорт в Персию статей широкого потребления, как-то: мануфактуры, сахаров, спичек и др. Полагаем, что эта наша линия целиком соответствует желаниям персидского правительства; что касается нашего импорта из Персии, то мы будем предъявлять из года в год все больший спрос на статьи промышленно-сырьевого характера, как-то: хлопок, шерсть и др., и уменьшать вывоз статей потребительского характера (рис, сухофрукты и т. п.).

Считая, что и тот и другой процессы непосредственно вытекают из основных процессов экономического порядка, совершающегося, с одной стороны, в СССР, а с другой, в Персии, мы полагаем, что это явится лучшей базой для развития советско-персидских торговых отношений на будущее. Настоящее соображение уже легло в основу составления контрольных цифр нашего оборота на этот новый год, а также послужит базой для заключения следующего торгового договора, переговоры о котором мы должны уже начать в текущем году.

Заключившая краткую характеристику основных статей запроецированного товарооборота на этот год и принципов, положенных в основу его составления, я хотел бы еще обратить внимание на один частный момент. Вчера, когда я сообщал эти предположения г. Бахману, он сперва довольно резко, а затем более смягченно, но все же протестовал против включения нами в состав нашего ввоза в Персию автомашин и частей к ним. Эти две статьи, составляющие в итоге всего

11 млн. риалов, т. е. 5% наших проектируемых продаж, включены нами в машинно-техническую группу. Г-н Бахман говорит, что включение этой статьи несомненно вызовет возражение со стороны совета министров, так как якобы у совета министров есть на то свои серьезные соображения. Хотя, как я уже сказал, эта статья в текущем году в нашем товарообороте занимает сравнительно скромное место, однако мы придаем ей большое значение. Как Вам известно, в нашем Союзе вступил в строй ряд крупнейших автомобильных фабрик мирового значения, и поэтому перспективы вывоза наших машин для Советского Союза несомненны; недалеко, может быть, то время, когда мы вступим в конкуренцию с основной страной, производящей автомашины, — Америкой. Поскольку в Персии в настоящий момент своей автостроительной базы не имеется, а вместе с тем эта страна несомненно нуждается в завозе автомашин и завозить таковые в новом году, конечно, будет, что уже видно из расширенных контингентов на эти статьи на 1313 г. *, мы не видим серьезного основания, по которому бы СССР не должен завозить в Персию свои автомашины. Мое правительство поручило мне этот вопрос определенно поставить перед персидским правительством и просить его отнестись к нему максимально благожелательно. Я поэтому до окончательного выяснения позиции персидского правительства по данному вопросу не решаюсь даже информировать мое правительство о каких-то затруднениях в его разрешении, так как знаю, что подобная информация приведет на мое правительство очень нежелательное впечатление.

Да вер. Очень благодарен Вам за переданный привет от г. Элнawy; когда будете ему писать, передайте также горячий привет от меня и мою благодарность за его лестную оценку моей деятельности. Я крайне рад, что ваше правительство отнеслось благожелательно к основному процессу строительства Персией своей самостоятельной экономики и решило согласовать с ним характер советско-персидской торговли. Несомненно также, что наше правительство очень заинтересовано в увеличении товарооборота с вами. Что касается возражений г. Бахмана против ввоза из СССР автомобилей, я пока об этом не осведомлен и не знаю причин, которыми он руководствовался. Может быть, он подходил к этому вопросу с точки зрения необходимости покупки валюты, может быть, он сомневался в качестве ваших машин, поскольку они еще себя не зарекомендовали, или, наконец, он предполагал вести переговоры с какой-нибудь страной на покупку у них автомашин против продажи какого-либо рода товаров. Я поста-

---

* Соответствует 1934 г. григорианского летоисчисления.

раюсь с этими его соображениями ознакомиться и, когда в этом разберусь, Вам сообщу²²⁹. Могу, однако, Вам твердо сказать, что никакого особого решения на этот счет со стороны совета министров не принималось и если есть какие-нибудь соображения у г. Бахмана против ввоза ваших автомашин, то они могут быть лишь оперативного порядка. Во всяком случае, я не вижу серьезных причин, которые бы воспрепятствовали ввозу ваших автомашин, тем более в сравнительно небольшой сумме, и думаю, что мы найдем формы разрешения этого вопроса.

Знакомясь с вашими цифрами, я вижу, что вы действительно увеличили целый ряд статей; я, понятно, полагаю, что вы приняли во внимание покупательную способность рынка. Я также себе отлично отдаю отчет, что сумма ваших закупок зависит от суммы ваших продаж, и поэтому мы заинтересованы, чтобы вы больше продали, ибо тогда вы больше купите. По вопросу о сахаре я в Ваше отсутствие вел беседу с г. Максимовым* и просил его телеграфно поставить перед Вами вопрос о выработке специальных стандартов сахара для нас или по крайней мере об особой упаковке. Что Вы можете мне сказать по этому поводу? Что касается перспективной части, то я совершенно согласен с Вами, что мы должны иметь какой-то перспективный план развития наших торговых отношений.

Необходимость этого назрела, по-моему, уже давно, и в бытность вашего посла г. Петровского я с ним неоднократно по этому поводу говорил и ставил этот вопрос. По вопросу о рисе мне хотелось бы услышать также от Вас соображения относительно цены и относительно возможности продажи вам риса правительством против покупки у вас мануфактуры. Кроме того, однажды Вы ставили вопрос о целесообразности завоза к вам неочищенного риса — чалтыка; я этот вопрос несколько продвинул и сейчас думаю, что мы смогли бы половину риса предложить вам в форме чалтыка. Что касается самой хлопчатобумажной мануфактуры, то я уже говорил г. Максимова о желательности скорейшего получения от вас конкретного предложения правительству на заключение сделок. В последние дни на хлопчатобумажном рынке наблюдается ажиотаж и взвинчивание цен, заключение сделки с вами сразу бы разрядило эту обстановку. Кроме того, я просил бы Вас в частном порядке вообще высказаться по вопросу о желательных формах организации монопольного аппарата для торговли хлопчатобумажной мануфактурой.

Ш о с т а к. Я очень рад, что у нас почти нет разногласий. Я бы еще хотел остановиться на вопросе об автомобилях.

---

* Заместитель торгового представителя СССР в Персии.

Для нас обеспечить этот завоз крайне важно. Качество наших машин уже зарекомендовано; они вообще гораздо больше приспособлены к тяжелым дорогам, чем машины западных стран, и с этой точки зрения для Персии будут более подходящими. Кроме того, мы уже заключили большой договор с группой персидских купцов на продажу им автомашин. Я очень прошу Вас найти необходимую форму разрешения вопроса, так как мы придаем ему большое значение. Попутно обращаем внимание на то, что мы включили в этом году в общий нетто-баланс также и все текущие поставки технических и строительных материалов правительственным учреждениям, проходившие раньше вне нетто-баланса по лицензиям этих учреждений. Это, понятно, не распространяется на специальные заказы большого масштаба и не предусмотренные нашим планом товарооборота. Здесь мы хотели бы быть в равных условиях с другими странами. Что касается вопроса риса, то, как я уже сказал, мы в этом году предполагаем закупить 2400 тыс. пудов, если товарный выход этого года выразится в этой цифре, ибо обычно товарный выход выражался примерно в цифре 3 млн. пудов; в настоящее же время площади посева риса значительно сократились и увеличился внутренний спрос. Что касается вопроса цен, то здесь может быть двоякое решение: если нам придется покупать рис на свободном рынке, то мы будем придерживаться уровня цен прошлого года, если же придется заключить сделку с правительством, то о цене риса придется договориться особо, и она будет зависеть также от цены, по которой вы купите у нас мануфактуру. Что касается чалтыка, то, учитывая пропускную способность бакинской фабрики, я полагаю целесообразным закупить в Персии 25—30% риса в этой форме, но если у вас будут другие предложения, можно будет снестись с Москвой. По сахару вашу просьбу г. Максимов мне своевременно телеграфировал. Должен сказать, что до конца срока действия нашего контракта, т. е. в течение этого года, нам трудно будет перейти на другой стандарт сахара. Мне кажется целесообразным придерживаться строго формы упаковки монопольного персидского сахара, к которой уже у нас приспособлены несколько фабрик, а в течение этого года подробно разработать стандарт сахара соответственно вашим желаниям с тем, чтобы на этой базе заключить в будущем году новый контракт. Кстати, я привез новые образцы спичек, которые хочу предложить вниманию вашего таможенного управления и, когда мы с ними договоримся, информировать об этом также и Вас.

В отношении хлопчатобумажной мануфактуры, прежде всего разрешите поблагодарить вас за доверие, постараюсь свое мнение вам беспристрастно изложить, что вас больше в этом интересует. Относительно же операции по продаже нашей

мануфактуры, через несколько дней мы сделаем вам конкретное предложение с указанием подробного ассортимента, сроков сдачи и цен.

Д а в е р. По вопросу продажи вами хлопчатобумажной мануфактуры мне хотелось бы дело организовать следующим образом: вы нам продадите мануфактуру, мы против этого вам продадим рис и, может быть, кишмиш, обе эти статьи вместе взятые, составят цифру порядка 30 млн. риалов, т. е. половину суммы, на которую вы продадите мануфактуру, остальные, очевидно, мы внесем наличными. Как вы думаете на этот счет? Прежде чем вы сделаете официальное предложение, мне хотелось бы, чтобы вы его набросали на бумаге, и мы его предварительно вдвоем с вами согласовали бы.

По вопросу о самой монопольной организации меня интересует следующее: 1) как должен быть организован сам аппарат и 2) какие операции он должен осуществлять.

Я вам поясню мысль, которую вкладываю, связывая операцию по мануфактуре с рисом. Я представляю себе, что в этих условиях вы могли бы известным образом повысить цены на рис с тем, чтобы непосредственный производитель риса получил как бы премию. Тогда, очевидно, вы повысите также и цены на мануфактуру. Но мы достигли бы в этих условиях такого положения вещей, что улучшили бы положение крестьян северных провинций, занимающихся рисовым хозяйством, и переложили бы этот расход на всю массу персидского населения. Это основная моя идея, в какой форме можно разрешить — это другой вопрос, может быть, вы предложите и другое разрешение ее.

Включение вами в общий нетто-баланс значительной части товаров и материалов, ранее ввозившихся по лицензиям государственных учреждений, я могу только приветствовать. Это целиком соответствует желаниям персидского правительства. На днях состоялось решение правительства о распространении на государственные учреждения и государственное строительство общего порядка завоза товаров, т. е. против представления экспортных сертификатов. На первый год мы не все учреждения обязали стопроцентным представлением сертификатов: некоторые на 50%, некоторые на 25%, а некоторые более первоочередные строительства на первый год освобождены полностью. Но на будущий год мы уже обяжем всех. Понятно, в вопросе о поставках для этих учреждений вы не будете находиться в менее благоприятных условиях, чем остальные.

Ш о с т а к. По первому вопросу об организации монопольного аппарата по хлопчатобумажной мануфактуре я представляю себе, что это должно быть акционерное общество с привлечением частного капитала, но контрольный пакет акций которого должен находиться в руках государства в лице хотя

бы министерства финансов и национального банка. Я полагаю также, что иностранный капитал не должен иметь никакого участия в этом обществе. Общество должно заниматься покупкой мануфактуры у иностранных государств, пропускать ее через таможи и затем уже продавать ее франко-таможенный пункт купцам. Все продажи должны быть оптового порядка. В своей политике цен это общество не должно увлекаться высокими ценами, наоборот — стремиться их выравнять, чтобы не допускать ненужной циркуляции потока товаров из одного конца государства в другой. Понятно, что договоры, заключаемые этим обществом с иностранцами, должны быть строго конфиденциальны, в особенности в отношении покупных цен подобно тому, какие договоры мы имеем с вами по сахару и спичкам. Естественно, это общество должно иметь прибыль, но эта прибыль должна быть минимальной. Общество специально должно заниматься изучением рынка и ассортимента товаров. Это должно даже быть, по-моему, оговорено в уставе общества. Понятно, что на первом году работы общество не сможет накопить в этом отношении достаточного опыта и, я полагаю, что оно, в частности, примет во внимание тот ассортимент товаров, который выработали нами с нашей клиентурой в процессе нескольких лет работы. Пользуясь случаем, прошу также учесть наши интересы в вопросе ликвидации наших обязательств по мануфактуре перед персидским купечеством, выражающихся в цифре 65—70 вагонов, которые были проданы до 16 июля 1934 г.

По второму вопросу, относительно риса, я думаю, что он требует доработки и, чтобы не задерживать нашего предложения о продаже мануфактуры, его следует отделить. Мы готовы, вообще говоря, по рису вступить в переговоры с правительством, но я вас совершенно искренне хочу предостеречь от поспешных решений. Центр тяжести в этом вопросе лежит не в той цене, которую мы дадим, а в той цене, которую даст купец-перекупщик крестьянину. Если мы покупали в прошлом году рис по 9 кран, то крестьянин получал всего 3,5—4 крана. Если правительство готово пойти на сокращение частных appetitов в этой области, оно должно стать посредником между нами и непосредственным производителем и устранить, таким образом, промежуточные звенья. Это для крестьянина даст очень большой результат, и тогда цена в 9 риалов будет совершенно достаточной.

Я бы хотел еще напомнить Вам, что когда в свое время возникал вопрос о концентрации северной торговли с нами, мы категорически возражали против этого. Мы возражали не против самой идеи концентрации, а против создания для нас особых условий. Коль скоро эти условия распространяются на все страны, мы будем относиться к ним вполне лояльно, как это,

напрямер, видно из нашего отношения к монополизации вам хлопчатобумажной мануфактуры. Отсюда и по рису, если будет принят специальный закон или правительственное постановление о монополизации экспорта этого товара, распространяющееся на всех, мы не будем возражать против покупки риса у правительства. Если же эта правительственная продажа будет касаться только нас одних, мы, конечно, будем возражать против такого порядка вещей.

Относительно кишмиша я думаю, что вообще правительству не следует браться за этот продукт. Товар этот скоропортящийся, и частный купец всегда сможет более гибко по нему работать, чем громоздкий бюрократический аппарат. При том ведь непосредственно мы будем участвовать лишь в небольших сравнительно закупках этого продукта.

Да вер. Я вполне понял Вашу мысль и совершенно далек от идеи создания для вас специальных условий. Я также понимаю, что сейчас не время обострять нам отношения вокруг этого вопроса. Я думаю, что мы придумаем форму, удовлетворяющую обе стороны. По кишмишу действительно, пожалуй, нет смысла выступать с предложением о правительственной продаже этого продукта, тем более, что речь может идти лишь о сумме не больше 3 млн. риалов. Вижу, что эти вопросы требуют доработки. Прошу о них подумать, и я также со своей стороны подумаю. Должен, однако, сказать о том, что мы готовы пойти на сокращение частных appetитов; для нас важно улучшить положение крестьян северных провинций.

Еще два-три вопроса. Сколько Вы считаете минимальную прибыль, которую должно брать новое общество? В каком размере Вы совершали ваши оптовые продажи, каков минимальный размер одной сделки? Почему Вы считаете желательным участие купцов в этом обществе в качестве пайщиков? Мне кажется, это вызовет ненужную коллизии, так как тот же самый купец будет являться и пайщиком общества и его клиентом, наконец, он будет зарабатывать и в качестве пайщика и в качестве клиента; и последний вопрос: считаете ли вы правильным, если мы при разных ценах наших покупок у разных стран будем затем продавать этот товар по средней цене покупки с определенной надбавкой? Конечно, не может быть и речи об участии иностранного капитала в этом обществе.

Ш о с т а к. Хорошо, о рисе мы подумаем. Отвечаю на Ваши вопросы: по первому вопросу я считаю, что прибыль общества должна выражаться не свыше 10—15%. По второму вопросу — минимальная наша оптовая сделка равнялась одному вагону. По третьему вашему вопросу — я целиком с Вами согласен, я лишь опасался, что совершенная изоляция купечества от участия в подобном обществе может вызвать большое недовольство с их стороны и, может быть, не вполне будет соответство-

вать общим принципам экономического режима в Персии. Однако если вы считаете организацию целиком государственного акционерного общества практически осуществимой, я вполне эту мысль поддерживаю. И, наконец, по последнему вопросу, считаю вашу постановку вполне правильной, так как, конечно, цены, по которым вы будете покупать товар у разных стран, будут разные; в отдельных случаях, может быть, вы используете и демпинговые цены, которые на другие покупки вам распространить не удастся. Отсюда, конечно, вы должны выравнивать эти цены внутри вашего общества.

Д а в е р. Большое Вам спасибо за все Ваши советы, они для меня очень полезны, и я рад констатировать, что у нас с Вами никаких разногласий нет.

Ш о с т а к. В случае, если продажа риса будет сосредоточена у правительства, прошу дать нам возможность выйти безболезненно из наших обязательств перед купцами по рису: мы с некоторыми купцами заключили условия о покупке у них риса в этом году; часть этих условий возникла в процессе нашей мирной ликвидации купеческих претензий. Вновь осложнять этот вопрос было бы совершенно нежелательно и для нас и для вас.

Д а в е р. Можете не сомневаться, что мы такую возможность вам дадим, речь тогда может идти лишь в той плоскости, что правительство продаст вам меньшее количество риса. В этом отношении будьте совершенно спокойны. Еще раз прошу меня извинить, я Вас очень задержал, я знаю, что Вы должны ехать сейчас к г. Бахману, которого мы и так сильно задержали.

Ш о с т а к. Большое Вам спасибо за откровенную и дружескую беседу. Она является залогом того, что мы действительно установим с персидским правительством самые лучшие отношения в наших торговых делах *. Всего хорошего.

Беседу записал драгоман торгпредства
Белгородский

Печат. по арх.

298. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

4 августа 1934 г.

На Вашу телеграмму от 31 июля **. Бенеш был польщен доверием, напомнил, что он сейчас председатель Совета Лиги наций, энергично заверял, что без малейших резервов будет

* См. док. № 299.

** См. док. № 287.

защищать нашу позицию относительно условий вступления в Лигу, каковую позицию считает абсолютно правильной, корректной, поскольку СССР решает положительно ответить на приглашение. Не сомневается, что никто открыто не будет возражать против постоянного места, даже поляки, которые не посмеют идти далее закулисных интриг. Просил держать его в курсе этих вопросов, в частности того, как реагировали в Лондоне, Риме, Анкаре *. Просил поздравить Вас с большим успехом в выявлении позиции Эстонии, Латвии **, высоко оцененным во Франции. Лярош в Варшаве получил в связи с этим новые инструкции категорически требовать от Бека недвусмысленного ответа ***. Под конец Бенеш сказал, что до него дошел слух о возможности Вашего приезда в Мариенбад, он готов респектировать любое Ваше желание и не намерен Вас утруждать. Если считаете возможным, Ваша ближайшая встреча состоится только в Женеве, однако Бенеш был бы не прочь встретиться с Вами в пределах Чехословакии. Я ответил, что еще не знаю Вашего окончательного решения и что у Вас будет мало времени. Бенеш просил необязывающе.

Полпред

Печат. по арх.

299. Письмо Временного Поверенного в Делах СССР в Персии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

4 августа 1934 г.

Уважаемый Николай Николаевич,

О торговых переговорах. Из телеграммы т. Шостака, посланной Вам и т. Элнаве ²³⁰, Вы уже информированы о состоянии этого вопроса. Теперь я посылаю Вам все беседы Шостака с Бахманом ²³¹ и Давером ^{****}, которые подробно введут Вас в курс дела.

В общем надо констатировать, что персы больше чем довольны исходом московских решений об объеме торговли на 1313 персидский хозяйственный год (22 июня 1934 г.—22 июня 1935 г.) и даже не ожидали столь благоприятных результатов. Максимум, на что они рассчитывали,— это на утверждение Советского правительства объема торговли, обещанного т. Элнаве, т. е. на 360 млн. риалов, а тут вдруг им преподнесли цифру в 410 млн. риалов. Это, разумеется, превзошло все их

* См. док. № 334.

** См. док. № 280, 283.

*** См. док. № 227.

**** См. док. № 297.

ожидания, и поэтому они и не скрывают своего удовлетворения. Благоприятный характер принятых Советским правительством решений они ставят в заслугу т. Элиаве, о котором все они отзываются исключительно хорошо. Об этом мне сказал также и Каземи, когда я информировал его о принятых Советским правительством решениях по развитию торговых отношений с Персией. Я счел необходимым подчеркнуть Каземи, что заслуги т. Элиавы в деле развития и улучшения наших торговых отношений с Персией несомненно велики, но что активнейшее участие в принятых решениях принадлежит также т. Пастухову, и что вообще все эти решения следует рассматривать как стремление Советского правительства установить с персидским правительством искренне дружеские отношения, основанные на обоюдно выгодных для обеих сторон началах, и что поэтому мы рассчитываем на такое же благоприятное отношение к нашим делам со стороны персидского правительства. Моя беседа с Каземи происходила 31 июля * утром. Я ему тогда передал также и поручение т. Литвинова о том, что Советское правительство с удовлетворением приняло сделанное им мне от имени персидского правительства предложение установить с нами международное сотрудничество для укрепления мира **, причем он предупредил меня, что он сразу же отправляется к шаху представить вновь назначенного в Лондон посланника Ала и воспользуется этим, чтобы доложить шаху о моей беседе с ним.

Из приложенных при этом записей бесед т. Шостака с Бахманом и Давером заслуживают внимания два вопроса.

Первый относится к возражениям Бахмана против завоза в Персию наших автомашин и второй — к желанию как Бахмана, так и Давера концентрировать продажу нам риса и киш-мнша в руках персидского правительства.

Возражения Бахмана против завоза наших автомашин абсолютно беспочвенны, и я лично не думаю, чтобы персидское правительство стало отстанывать его позицию. Дело в том, что на завоз автомашин мы имеем и формальное основание, так как декабрьское соглашение 1933 г.²³², подписанное Шостаком и Бахманом, дает нам право завозить в Персию на общих со всеми основаниях и те товары, которые не предусмотрены в номенклатуре, приложенной к нашему основному торговому договору. Таким образом, если бы даже персидское правительство присоединилось к возражениям Бахмана (хотя я этого и не допускаю), то и тогда у нас имеются достаточные правовые основания решительно отвести их претензию, как нарушающую указанное выше соглашение.

---

* См. док. № 288.

** См. док. № 267, 271.

Свои возражения против нашего автоэкспорта Бахман объяснил т. Шостаку тем, что персидское правительство якобы договорилось с американцами о предоставлении им всего автоконтингента на сумму 50 млн. риалов, взамен чего американцы обязались закупить в Персии ковров на всю эту сумму. Бахман ссылаясь на то, что наше требование о выделении и нам части автоконтингента может отразиться на сделке с американцами, в которой персидское правительство очень заинтересовано, и поэтому он просил Шостака отказаться от своей заявки на автомашины. Тов. Шостак совершенно резонно ответил Бахману, что он не только оставляет в силе свою заявку на автомашины (наша заявка, включая и авточасти, составляет 11 млн. риалов), но и решительно настаивает на ее удовлетворении.

Повторяю, лично я того мнения, что персидское правительство не откажет нам в ввозе автомашин, но вот другое наше пожелание об освобождении нашего автозавоза, в изъятие из общих правил, от покупки дорогих долларов едва ли будет удовлетворено персами.

Дело в том, что по существующему здесь положению, импортеры автомашины обязаны при получении лицензий на ввоз представить департаменту торговли справку национального банка о покупке в последнем на 20% от стоимости завоза автомашины долларов по дороговому курсу, т. е. по 28,28 риала за каждый доллар, тогда как нормальный курс ам. доллара равен 15,75 риала. Таким образом, импортер переплачивает персидскому правительству образующуюся разницу между фактической стоимостью доллара и стоимостью, произвольно установленной персидским правительством. Это своеобразный замаскированный налог на автомашины, достигающий в среднем около 15% от их стоимости. Как Вы видите, это солидный налог, но его все платят, и, поскольку в договорном порядке за нами не предусмотрено никаких изъятий, нам едва ли удастся добиться согласия персидского правительства на освобождение нашего автозавоза от этого налога, или, как его здесь официально называют, от покупки дорогих долларов.

Что касается желанья персидского правительства сконцентрировать в своих руках продажу нам риса и сухофруктов, то я в данном вопросе вполне разделяю мнение т. Шостака, изложенное в его телеграмме Вам и т. Элиаве. Оно сводится к нашему согласию на концентрацию рисовых продаж, при условии распространения этой концентрации не только на нас, и к возражениям против концентрации запродаж сухофруктов.

По словам Давера, персидское правительство стремится к концентрации рисовых запродаж с целью улучшить положение непосредственного производителя риса, т. е. крестьянина, так как при теперешнем положении вещей его обирает купец, у

которого остается вся прибыль, и таким образом стимулировать лучше обработку производителем этой культуры.

Для нас, поскольку мы закупаем почти весь экспортный выход риса, концентрация его в руках персидского правительства выгодна потому, что мы сумеем от персидского правительства скорее, чем от отдельных купцов, добиться лучших кондиций в отношении качества продаваемого нам риса. Персидское правительство на это пойдет, ибо оно знает, что в покупке персидского риса мы не особенно заинтересованы, и поэтому оно, став монополистом, будет действительно стремиться улучшать качество риса.

Но, соглашаясь на концентрацию рисовых продаж, мы не должны соглашаться на увеличение продажной цены риса по сравнению с прошлым годом, т. е. больше 9 риалов за пуд. Дело в том, что Давер убеждал т. Шостака в необходимости повысить немного цену на рис, в интересах производителя его с тем, что разница между этой повышенной ценой и прошлогодней в 9 риалов будет компенсирована нам путем повышения нам цены за продаваемую нами персидскому правительству, в порядке монополии, мануфактуру.

Тов. Шостак пока согласен на это не дал, но из беседы с ним я понял, что он склонен согласиться на предложение Давера. Против этого я возражаю, ибо считаю, что нам нет никакого смысла повышать искусственно цену на нашу мануфактуру и таким образом ослаблять ее конкурентоспособность. То обстоятельство, что на текстильные изделия установлена правительственная монополия и что цены на нашу мануфактуру мы устанавливаем по соглашению с персидским правительством, не ослабляет моих возражений, ибо при любых условиях нам незачем подвергать риску сбыт на рынке нашей мануфактуры путем все-таки искусственного повышения цен на нее. Этот вопрос я прошу обсудить и высказать Ваши соображения по нему ²³³.

Против концентрации сухофруктов в руках персидского правительства т. Шостак возражает (я с ним в этом согласен) потому, что мы занимаем на сухофруктовом рынке не доминирующее положение, и поэтому нам легче и выгоднее будет выступать на свободном рынке, так как в этом случае мы сможем выбирать нужные нам сорта (например, кишмиш), что при условии концентрации будет затруднено (персидское правительство захочет, чтобы мы покупали в выгодном для него ассортименте).

С другой стороны, концентрация такого скоропортящегося товара, как сухофрукты, по существу невыгодная для самого персидского правительства, может, в случае ее реализации, косвенно задеть и наши интересы, так как персидское правительство, не справившись с этой задачей, будет несомненно

нажимать на нас, требуя дополнительных закупок нами сухофруктов, что в конечном итоге может явиться поводом для обострения отношений.

Сегодня (4 августа) должно состояться заседание совета министров совместно с шахом, на котором будут рассмотрены наши предложения об объеме торговли и о вытекающих отсюда контингентах по ввозу и вывозу. О решении совета министров я узнаю лишь завтра, т. е. в день отхода почты, поэтому я, возможно, с этой почтой не сумею информировать Вас о нем. Тогда это будет сделано телеграфно т. Шостаком в Ваш и т. Элиавы адрес²²⁹.

С товарищеским приветом

Заславский

Печат. по арх.

**300. Нота Полномочного Представителя СССР в Афганистане
Министру Иностраных Дел Афганистана Файз Мухаммед-хану**

6 августа 1934 г. № 942

Господин Министр,

В дополнение к сделанному мною Вам ранее словесному сообщению имею честь просить Вас передать спортивным организациям Афганистана приглашение Высшего совета физической культуры СССР принять участие в спортивной спартакиаде, имеющей состояться в Ташкенте в сентябре сего года.

Высший совет физической культуры СССР приглашает в качестве участников спартакиады 25 афганских спортсменов, которым, как гостям, будет предоставлен бесплатный проезд от границы СССР (Термез) до Ташкента и обратно, а также помещение и полное содержание на все время пребывания их на территории СССР.

Прибыть в Ташкент необходимо не позднее 5 сентября.

На спартакиаде будут представлены всевозможные виды спорта, в том числе футбол, теннис, волейбол, хоккей и т. д. Я прошу Вас не отказать в любезности подтвердить мне согласие афганских спортивных организаций послать своих представителей на спартакиаду в Ташкент, а также сообщить, какие виды спорта будут ими представлены²³⁴.

Пользуясь случаем, прошу Вас, господин Министр, принять мои заверения в совершенном к Вам уважении.

Полномочный Представитель СССР в Афганистане
Л. Старк

Печат. по арх.

301. Письмо Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Шн Люй-бэню

6 августа 1934 г.

Господни Особый агент,

Пограничным полицейским отрядом на станции Пограничная были арестованы граждане СССР В. Н. Кислый — 12 марта и Г. И. Лаушкин — 24 апреля с. г. На многократные обращения к властям по этому поводу Консула СССР в Пограничной г. Стельмах и мои лично никакого ответа о причинах задержания этих лиц и о предстоящей им участи власти не дали *. В последнее время г. Стельмах было получено сообщение от местных властей о том, что эти лица высланы в СССР. Однако затем выяснилось, что ни один из них на советскую территорию не прибывал. Подтверждением странности этого сообщения служит его разноречивый характер: три учреждения, в которые обращался г. Стельмах, указали разные даты высылки. Среди них Пограниченское дипломатическое бюро сообщило, что вышеуказанные лица были высланы 7 июня. Между тем известно, что еще 12 июля заключенные находились в Пограиничной, так как в этот день от их родственников последний раз приняли передачу, а за четыре дня перед тем один из заключенных собственноручно сделал подпись на доверенности, выданной родственникам.

На все это странное стечение обстоятельств, а также на те зловещие слухи, которые носят вокруг исчезновения вышеуказанных двух лиц, которым мне не хотелось бы верить, мною было обращено Ваше внимание 26 и 31 июля, и я просил Вас лично и через моих сотрудников принять меры к расследованию этого случая. Еще раз прошу Вас, г. Особый агент, благоговитить сообщить мне точное местонахождение и участь арестованных граждан СССР Кислого и Лаушкина **.

В ожидании Вашего ответа, прошу принять уверения в моем глубоком к Вам, господни Особый агент, уважении.

М. Славуцкий

Печат. по арх.

---

* См. док. № 351.

** См. док. № 403.

302. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому

9 августа 1934 г.

Меморандум Келли признан непремлемым *, и Вам предлагается продолжать переговоры на основе данных Вам ранее директив **.

Нет необходимости вручать американцам в письменной форме новую схему, так как у них есть краткая, но совершенно ясная записка, врученная Литвиновым Булленту ***.

По поручению инстанции

Крестинский

Печат. по арх.

303. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Постоянным Заместителем Министра Иностранных Дел Великобритании Ванситтартом

9 августа 1934 г.

Я зашел к Ванситтарту для того, чтобы попрощаться перед отъездом в отпуск. Он использовал мой визит для весьма серьезного политического разговора, сущность которого сводится к следующему:

1. Начал Ванситтарт с замечания, что время сейчас чрезвычайно серьезное и что за два месяца моего отсутствия из Англии может, пожалуй, произойти ряд крупных событий. Вот, например, Австрия. Трудно предсказывать будущее, но личное убеждение Ванситтарта сводится к тому, что Гитлер отнюдь не оставил своих попыток овладеть Австрией. Назначение Папена посланником в Вену вовсе не жест, знаменующий изменение политики. Это лишь удобный способ отделаться от Папена. На днях с мюнхенской радиостанции опять атаковали Австрию. Он, Ванситтарт, читал радиоречи Фрауенфельда (лидер австрийских национал-социалистов, бежавший в Германию), они поразили его, помимо всего прочего, своим крайним невежеством и сумбурностью. Видимо, Фрауенфельд страдает полным отсутствием интеллигентности. Гитлер очень любит говорить о своем миролюбии, пусть он не думает, что кто-либо ему поверит на слово. Нужны дела. Слова без соответственных дел в современной дипломатии не имеют никакого значения. Австрия — пробный камень. Если Гитлер действительно хочет мира,

* См. док. № 296.

** См. док. № 238.

*** См. док. № 103.

пусть он это прежде всего покажет на примере Австрии. Пусть он оставит ее в покое. До сих пор Гитлер в вопросах мира всегда действовал по тому рецепту, который известен еще из английской сказки «Алиса в стране чудес». В этой сказке маленькая Алиса жалуется: «Варенье всегда обещают завтра, никогда не дают варенье сегодня». Вот и Гитлер поступает также. Он всегда обещает мир завтра, а не дает его сегодня.

2. Затем Ванситтарт перешел к демаршу, который 3 августа (во время моего пребывания в Шотландии, куда я ездил по приглашению шотландских кооператоров) был сделан Каганом * в связи с приглашением французского правительства использовать предстоящую в сентябре сессию Лиги наций для нашего вступления в Лигу. Он сообщил мне, что обсуждал данный вопрос с Саймоном и может меня заверить, что британское правительство, со своей стороны, охотно поддержит французское правительство (а также другие правительства) во всех шагах, могущих облегчить вступление СССР в Лигу наций. В частности, британское правительство поддержит французскую инициативу посылки СССР приглашения от имени Лиги наций на предмет вступления в Лигу, оно также целиком поддержит предоставление СССР постоянного места в Совете Лиги наций. Я поблагодарил Ванситтарта за это сообщение и затем спросил: думает ли он, что на пути к вступлению СССР в Лигу могут встретиться еще какие-либо затруднения? Ванситтарт ответил, что, по его мнению, серьезных затруднений встретиться не должно. Если Англия, Франция и Италия будут действовать единодушно (а он на это рассчитывает), то кто же может тогда ставить препятствия к вступлению СССР в Лигу? Я назвал Швейцарию. Ванситтарт несколько презрительно махнул рукой и заметил, что это несерьезно. Я тогда упомянул Польшу. Ванситтарт реагировал на это более активно. Он признал, что Польша, не возражая открыто против вступления СССР в Лигу, может захотеть продать свое согласие поддержать наше вступление за предоставление ей постоянного места в Совете. Однако Ванситтарт не думает, чтобы польская оппозиция могла иметь особо серьезные последствия при наличии единодушия среди великих держав. Ванситтарт при этом высказал мысль, что в интересах более гладкого проведения всей операции было бы желательно заранее подготовить Польшу к сентябрьской сессии. Конкретно он считал бы полезным, чтобы мы немедленно довели до сведения французского правительства о британском согласии на посылку нам приглашения вступить в Лигу. Далее он считал бы полезным, чтобы французское правительство оказало на Польшу надлежащее давление до открытия сессии Лиги наций. Такое давление удоб-

---

* Советник полпредства СССР в Великобритании; см. док. № 287.

нее всего произвести именно французскому правительству. Французскому правительству удобнее всего также воздействовать на Швейцарию (если это окажется необходимым). Он, Ванситтарт, думает, что французскому правительству удастся добиться положительных результатов. В крайнем же случае, но тут Ванситтарт стал уже очень осторожен и уклончив в своих формулировках, Францию в данной акции могла бы поддержать Великобритания. В общем у меня создалось впечатление, что Ванситтарт смотрит довольно оптимистически на возможность гладкого вступления СССР в Лигу наций. Может быть, конечно, он считал нужным показать несколько больше оптимизма, чем его имеется у него в действительности.

3. От обсуждения вопросов, связанных с вступлением СССР в Лигу наций, Ванситтарт перешел к вопросам более общего порядка. «Итак,— заметил он,— я надеюсь, что очень скоро мы с вами окажемся членами одного и того же клуба». Говоря о клубе, Ванситтарт явно намекал на Лигу наций. «Я это приветствую.— продолжал Ванситтарт,— и считаю, что в столь серьезные времена, как наши, на первое место должны быть выдвинуты вопросы «высокой политики». Интересам «высокой политики» должны быть подчинены все прочие интересы: интересы внутренней политики, интересы тех или иных политических убеждений. Именно исходя из интересов «высокой политики», я считаю сближение между Англией и СССР чрезвычайно важным фактором мира. Я не вижу в настоящее время ни одной крупной международной проблемы, которая могла бы нас серьезно разделять. Самый ход событий (Ванситтарт вставил здесь французское выражение «*La marche des événements*») и логика вещей толкают наши страны все ближе друг к другу как в Европе, так и на Дальнем Востоке. У нас имеется полное совпадение взглядов на вопрос о том, откуда миру в настоящее время может угрожать война (мы об этом уже с Вами говорили раньше), отсюда совершенно ясно, что у нас должно быть много совпадений и в вопросе о том, каким образом можно противодействовать военной опасности. Я очень удовлетворен развитием англо-советских отношений за последние несколько месяцев. Мы имели с Вами ряд серьезных и откровенных бесед (в особенности я имею в виду нашу первую беседу в начале июля *), которые в очень сильной степени способствовали уяснению позиций друг друга и росту взаимопонимания. Это еще не все. Мы можем идти значительно дальше. Но, во всяком случае, известный кусок на пути к улучшению англо-советских отношений пройден. Доказательством нашей искренности в данном отношении является то, что мы поддержали вас в вопросе о Восточном Локарно и что сейчас мы го-

* См. док. № 232.

товы вас поддержать в вопросе о вступлении в Лигу наций. Это уже не слова, а дела, которые, я надеюсь, вы оцените надлежащим образом».

4. Я ответил, что мы, со своей стороны, приветствуем тот сдвиг в английской политике, который наблюдается в последние месяцы, и что, например, парламентские дебаты 13 июля * пронзели в СССР очень сильное и весьма благоприятное впечатление. Я совершенно точно знаю, что Советское правительство очень хотело бы установления с Англией возможно более дружественных отношений. Это важно с точки зрения интересов обеих стран, это не менее важно с точки зрения интересов всеобщего мира, над укреплением которого мы в настоящее время так усиленно работаем. Ванситтарт встретил мои заверения с большим удовлетворением и затем прибавил: «Во время отпуска Вы, вероятно, увидите г. Литвинова. Я бы очень просил Вас передать ему, как важно в интересах укрепления англо-советской дружбы избегать всяких моментов, которые могли бы вносить раздражающий элемент в наши отношения. Он хорошо знает Англию, знаком с здешними условиями и может легче, чем кто-либо другой, представить себе последствия таких конфликтов, как, например, дело «Метро-Виккерс» или спор из-за «Лена-Голдфилдс» **». Эти конфликты сами по себе, может быть, и не так уж серьезны, но они опасны тем, что будят в массах населения страсти, которые было бы лучше не будить, а сверх того они дают благоприятный материал для агитации разного рода экстремистских, нередко авантюристических элементов. Равным образом, очень важно было бы, чтобы пресса в обеих странах вела себя корректно и не делала бы другую страну мишенью своих постоянных нападок. Вообще противоречило бы естественному ходу вещей, если бы теперь, когда Англия и СССР становятся членами одного и того же «клуба», мы стали бы обвинять друг друга в передергивании карт или держать друг против друга руку с пистолетом под столом. Обеим сторонам теперь следовало бы избегать всего того, что могло бы создавать впечатление в остальном мире, будто бы отношения между Англией и СССР плохие. Наоборот, в интересах «высокой политики» нам важно подчеркивать не то, что нас разделяет, а то, что нас объединяет». Я ответил, что факт улучшения англо-советских отношений естественно и неизбежно должен привести к оздоровлению общей атмосферы между обеими странами и, в частности, отразиться и на поведении печати. Насколько я мог заметить, наша советская печать за последнее время (в особенности после заседания парламента 13 июля) ведет себя так, что едва ли может

* См. док. № 245, 246.

** См. соответственно, т. XVI, док. № 103, 36.

дать повод для каких-либо жалоб с английской стороны. Из этого Ванситтарт может видеть, что наше общественное мнение очень живо реагировало на сдвиг, происшедший в английской политике. Ванситтарт подтвердил, что действительно тои нашей печати в отношении Англии за последнее время сильно изменился к лучшему, он, однако, опасается в дальнейшем рецидивов прошлого. Я ответил, что наше общественное мнение, приветствуя сдвиг в английской политике, еще не вполне уверено в том, что этот сдвиг представляет собой явление длительного и прочного порядка. Если, как я надеюсь, недоверие советского общественного мнения будет рассеяно жизненными фактами, отпадет вопрос о рецидивах. Наоборот, если уж говорить откровенно, я имею некоторые основания быть недовольным тем, что делается в последнее время в английской печати. Я обратил при этом внимание Ванситтарта на кампанию о «голоде», которую начали в последнее время «Таймс» и «Дейли экспресс». Ванситтарт ответил, что он видел статьи, о которых и говорю, но просит меня не придавать им слишком большого значения. Он рассказал мне при этом, как на днях к нему приходил германский посол Гэш с протестом против карикатуры Лоу в «Ивнинг стандарт» в день 1 августа (карикатуру я видел, она очень остра и бьет Гитлеру не в бровь, а в глаз). Гэш просил Ванситтарта воздействовать на газету. Ванситтарт исполнил просьбу Гэша, но результат получился только тот, что бивербрукская пресса, которая, как мне известно, вообще относится враждебно к правительству, использовала протест Гэша для того, чтобы еще раз обругать Гитлера на своих страницах. Я заметил, что мое замечание не следует понимать как формальный протест, но что я просто обращаю внимание Ванситтарта на враждебные и нелепые выступления некоторых консервативных органов, которые могут вызвать естественную реакцию также со стороны советской печати. Было бы желательно теми или иными способами удерживать английскую печать от антисоветских кампаний и выступлений. Ванситтарт с этим согласился.

5. Затем я спросил Ванситтарта, что ему известно о Восточном пакте. Ванситтарт ответил, что никаких официальных заявлений или сообщений со стороны Польши и Германии ему сделано не было. Его общее впечатление сводится к тому, что в самое последнее время Польша стала относиться к идее пакта чуточку менее враждебно, чем раньше. Германия же, ссылаясь на свои внутренние дела, в частности на смерть президента, хранит в вопросе о пакте полное молчание. Лично он, Ванситтарт, думает, что нам и французам не следовало бы слишком затягивать переговоры о пакте. На днях он дал указания британским послам в Москве и Варшаве сделать демарши в этом духе. Ванситтарту кажется, что и Германия, и Польша имели

уже совершенно достаточно времени для того, чтобы со всех сторон рассмотреть и обсудить проблему Восточного пакта, и сейчас они должны дать тот или иной определенный ответ. Он прибавил: «Гитлер теперь окончательно стал верховной властью в Германии.— «Der alte Herr ist in Grab»*, — пусть же он скажет свое слово». И затем Ванситтарт заметил: «Как Вам, вероятно, известно, правящие круги и пресса нашей страны в течение ряда последних лет были настроены гораздо более в пользу Германии, чем в пользу Франции. По адресу Франции временами здесь можно было слышать даже весьма острые слова. Я всегда считал такое германофильство неправильным. Теперь многие в нашей стране поняли это».

б. В заключение я спросил Ванситтарта, не может ли он мне дать какой-либо ответ по вопросу о допущении советского представителя в Дунайскую комиссию (мой демарш об этом был сделан 26 июля **). Я объяснил при этом Ванситтарту, что мы не имели возможности до сих пор сделать соответственный демарш перед румынским правительством, ввиду отсутствия нашего посланника в Бухаресте. Но теперь посланники с обеих сторон уже назначены, в ближайшее время они займут свои места, и мы не замедлим, конечно, поставить интересующий нас вопрос также и перед румынским правительством. Ванситтарт извинился за то, что до сих пор еще не успел окончательно проработать поднятого мной вопроса, но обещал сделать это в ближайшее время.

Полномочный Представитель СССР в Великобритании
И. Майский

Печат. по арх.

304. Нота Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах Польши в СССР Со- кольницкому

10 августа 1934 г.

Господин Поверенный в Делах,

Подтверждая получение Вашей ноты 3 августа сего года, имею честь уведомить Вас, что по полученным мною в настоящее время от компетентных органов Союза ССР сообщениям на Международный конгресс по борьбе с туберкулезом, созываемый в г. Варшаве в сентябре 1934 г., делегируются профессора В. С. Хольцман, В. А. Любарский, В. Л. Эйнис — РСФСР и профессор И. И. Файншмидт — УССР²³⁵.

* — «старый господин в могиле» (нем.) — имеется в виду президент Гинденбург.

** См. док. № 272.

Прошу Вас, господин Поверенный в Делах, принять выражение моего высокого уважения.

Литвинов

Печат. по арх.

В упоминаемой ноте от 3 августа 1934 г. на имя М. М. Литвинова, в частности, говорилось:

«В связи с предстоящим IX Международным конгрессом по борьбе с туберкулезом, который состоится в Варшаве с 4 по 7 сентября с. г., имею честь в соответствии с инструкцией моего Правительства просить Вас, г. Народный Комиссар, чтобы Правительство Союза ССР послало своих официальных представителей на названный конгресс».

305. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Японии в СССР

11 августа 1934 г.

Ссылаясь на ноту Японского Посольства от 28 июля с. г. за № 160, Народный Комиссариат по Иностранным Делах имеет честь сообщить следующее:

Идя навстречу просьбе Японского Посольства, Народный Комиссариат снесся с подлежащими хозяйственными организациями, которые ныне его уведомили, что, учитывая состояние переговоров, связанных с выпуском второго займа АКО¹⁷⁹, эти организации согласны принять от японских рыбопромышленников взносы за второе полугодие 1934 г., равные тем суммам, которые эти промышленники уплатили бы, приобретая облигации АКО по курсу 32½ сены. Хозяйственные организации делают при этом оговорку, что в случае, если в результате переговоров о курсе облигаций АКО произойдет изменение указанного курса, японские рыбопромышленники будут обязаны произвести окончательный расчет по вновь установленному курсу.

В соответствии с вышеизложенным Дальрыба урегулирует этот вопрос в приведенном выше смысле в самое ближайшее время.

Печат. по арх.

В упоминаемой ноте посольства Японии в СССР от 28 июля 1934 г. № 160 говорилось:

«Японское Посольство в Москве, согласно инструкции от своего Правительства, имеет честь сообщить Народному Комиссариату по Иностранным Делах о следующем. Поскольку вопрос о курсе служит предметом переговоров обеих стран, Посольство считает правильным вносить арендные платежи за 2-е полугодие 1934 г. и за дальнейшее время по действующему курсу без всяких условий, однако оно, в зависимости от мнения Советской стороны, не имеет возражения против внесения таковых по действующему курсу с той оговоркой, что в случае, если в результате нынеш-

них переговоров произойдет изменение действующего курса, вопрос будет урегулирован по пересмотренному курсу.

Ввиду вышеназложенного, Японское Посольство просит Народный Комиссариат принять соответствующие меры к тому, чтобы Советское Правительство, идя навстречу японскому предложению, дало немедленно необходимую инструкцию местным подлежащим властям для урегулирования этого вопроса».

306. Письмо Временного Поверенного в Делах СССР в Персии Товарищу Министра Иностранных Дел Персии Сохейли

11 августа 1934 г.

Дорогой друг,

В дополнение к устной информации сообщаю Вам, что в ознаменование 1000-летнего юбилея Фирдоуси в Советском Союзе намечается провести следующие мероприятия:

1. В первой половине сентября будут проведены научные сессия и торжественные вечера, специально посвященные Фирдоуси, в Тифлисе, Баку, Эривани и Ташкенте.

2. К этому моменту на местах будут выпущены юбилейные издания, посвященные Фирдоуси. Кроме того, к этому же времени должны выйти ленинградские издания, посвященные состоявшейся в конце мая научной юбилейной сессии в Ленинграде.

3. На 20 сентября намечено юбилейное заседание в Москве с художественной программой, которое состоится в Большом академическом государственном театре. На этом заседании будут выступать отдельные члены Советского Правительства и академики.

4. Ряд докладов о Фирдоуси будет прочитан в Институте литературы и языка, в Коммунистической академии, в Институте восточных языков им. Нариманова и т. д.

5. Примерно в середине сентября в Москве, в Музее восточных культур, будет открыта выставка персидского искусства со специальным разделом, посвященным Фирдоуси.

6. Намечается к изданию специальный номер журнала «Строим», посвященный юбилею Фирдоуси и советско-персидскому культурному сближению.

Этот краткий перечень мероприятий, которые будут проведены в Советском Союзе по случаю юбилея Фирдоуси, свидетельствует о том большом внимании и значении, которое придается Советским Правительством и советской общественностью юбилею Фирдоуси. Это, в свою очередь, является залогом дальнейшего развития советско-персидского культурного сближения*.

* См. также стр. 620—621.

Я пользуюсь случаем, чтобы выразить Вам, дорогой друг, чувства глубокой искренности.

Заславский

Печат. по арх.

**307. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае
Д. В. Богомолова в Народный Комиссариат Иностранных
Дел СССР**

15 августа 1934 г.

Вчера говорил с Чан Кай-ши, присутствовал Кунг. Я изложил нашу точку зрения согласно вашей инструкции*. Чан Кай-ши сказал, что он приветствует мое заявление о желательности укрепления китайской власти в Синьцзяне. Синьцзян является единственной китайской провинцией, которая граничит с СССР, и он будет приветствовать сотрудничество между СССР и Китаем. Он надеется, что сотрудничество в Синьцзяне подготовит в дальнейшем почву для более тесного сотрудничества. Что касается займа «Совсиньторга» провинциальному правительству, то он не возражает при условии, что заем будет употреблен исключительно на цели экономической реконструкции, и хотел бы знать детали договора. Я ответил, что детали мне неизвестны и я предполагаю, что Шэнь сам сообщил их китайскому правительству, меня интересует лишь принципиальное отношение китайского правительства. Тогда Чан Кай-ши так формулировал свою точку зрения: он не возражает против займа при условии, если он будет использован только на цели экономической реконструкции и под контролем центрального правительства, и добавил, что было бы лучше, если бы заем был предоставлен центральному правительству непосредственно. Его лично в особенности интересует установление путей сообщения между Синьцзяном и другими провинциями. Я ответил, что передам его точку зрения моему правительству.

После разговора на обеде у Кунга последний сказал мне, что китайское правительство не особенно доверяет Шэню, так как он воспитывался в Японии и до сего времени имеет связь с японцами. Кунг уверял меня, что Чан Кай-ши был болен всю последнюю неделю и поэтому свидание затягивалось, хотя по газетным сведениям он успел слетать в Фуцзянь для руководства операциями против красных, которые подошли к самому Фуцжоу. Судя по разговору Мэини** с Шэнем***, отношение министерства иностранных дел к сотрудничеству с нами в Синь-

* См. док. № 253.

** А. Р. Мэини — первый секретарь полпредства СССР в Китае.

*** Шэнь Цзин-тин — начальник азиатского департамента МИД Китая.

цзяне, как и следовало ожидать, отрицательное и нужно считаться с тем, что министерство иностранных дел будет по возможности саботировать всякое мероприятие, даже если на него будет согласен Чан Кай-ши. Срочно сообщите в Шанхай для моей информации подробности о займе²³⁶, так как мне, по-видимому, не избежать разговора с министерством иностранных дел.

В Кулине сейчас собрались лидеры японофильской группировки. По сведениям из разных источников, Чан Кай-ши под их давлением идет на дальнейшие уступки японцам в области их экономической экспансии на севере и возвращения Хуан Фу с широкими полномочиями, что является возможным.

Сегодня выезжаю в Шанхай.

Полпред

Печат. по арх.

308. Телеграмма Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР Королю Афганистана Мухаммеду Захир-шаху

16 августа 1934 г.

Прошу Ваше Величество принять искренние поздравления по случаю XVI годовщины независимости дружественного Афганистана и наилучшие пожелания дальнейшего процветания и благополучия вашей страны.

Калинин

Печат. по арх.

В ответ Мухаммед Захир-шах направил на имя М. И. Калинина следующую телеграмму от 23 августа 1934 г.:

«Глубоко тронут любезным поздравлением, присланным мне Вашим Превосходительством по случаю годовщины национального праздника Афганистана.

Считаю своим долгом послать самые искренние пожелания счастья лично Вашему Превосходительству и пожелания благосостояния вашей стране».

309. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

17 августа 1934 г.

Аросеву *. Срочно сообщите, когда высылаете выставку советского искусства для Филадельфии, получение которой было обещано на 1 сентября, и материалы для каталога и печати.

* Председатель ВОКС.

Последние необходимы уже сейчас. Сообщите, верно ли сообщенные «Советского искусства» о приезде вместе с выставкой Дейнеки и Бескина²³⁷.

Полпред

Печат. по арх.

310. Сообщение ТАСС о ходе переговоров в Токио о продаже КВЖД

18 августа 1934 г.

Ввиду отъезда из Токио маньчжурской делегации по переговорам о КВЖД и опубликования правительством Маньчжоу-Го декларации²³⁸, в которой оно пытается возложить на СССР ответственность за фактический перерыв переговоров, ТАСС обратился к компетентным органам за разъяснением и может сообщить следующее о положении переговоров в Токио о продаже КВЖД.

2 мая 1933 г. Советское правительство, исходя из своего стремления устранить в корне источники возможных конфликтов с Японией, сообщило японскому правительству о готовности Советского Союза продать КВЖД Японии или Маньчжоу-Го. Соответствующее заявление было сделано народным комиссаром т. Литвиновым японскому послу в Москве г. Ота*.

26 июня прошлого года в Токио открылась советско-маньчжурская конференция для обсуждения вопроса о продаже КВЖД**.

Советская делегация заявила при этом, что при оценке КВЖД она исходит из тех фактических затрат, которые были произведены при постройке дороги, и из ее реальной стоимости в настоящее время. Советская делегация назвала выкупную сумму в 250 млн. зол. руб. (т. е. по курсу дня около 625 млн. японских иен), которая была документально обоснована инвентарными оценками и бухгалтерскими записями самой дороги***.

В ответ на это маньчжурская делегация предложила явно несерьезную цену в 50 млн. иен, т. е. по курсу того же дня приблизительно 20 млн. зол. руб.****

В процессе переговоров советская делегация, стремясь быстро разрешить вопрос о продаже КВЖД, еще 4 августа прошлого года согласилась уменьшить сумму выкупа до 200 млн. зол. руб.

* См. т. XVI, док. № 141.

** См. т. XVI, прим. 136.

*** См. т. XVI, док. № 215.

**** См. т. XVI, док. № 215.

После этого произошел полугодовой перерыв в переговорах, вызванный известными провокационными арестами 6 руководящих работников на КВЖД 24 сентября прошлого года и связанными с этим событиями*.

По возобновлении переговоров Советское правительство, верное своей политике мира, с целью добиться быстрого заключения соглашения пошло на крупнейшую уступку, заявив 26 февраля с. г. через полпреда СССР в Токио т. Юренева о своей готовности продать дорогу за 200 млн. иен, что по курсу того дня составляло приблизительно $67\frac{1}{2}$ млн. зол. руб. Советское правительство, кроме того, заявило, что половину этой суммы оно согласно принять японскими товарами.

Этот решительный шаг Советского правительства навстречу Японии и Маньчжоу-Го не встретил должного отношения с их стороны. Маньчжурская делегация лишь спустя два месяца, 26 апреля, сделала свое новое предложение купить дорогу за 100 млн. иен, включая, однако, в эту сумму выходные пособия увольняемым после продажи дороги служащим и рабочим, оцениваемые приблизительно в 30 млн. иен.

В ответ на высказанное министром иностранных дел Японии г. Хирота 18 мая с. г. т. Юреневу предложение, чтобы советская сторона пошла навстречу и сделала новую уступку, т. Юренев 25 мая заявил г. Хирота, что Советское правительство, желая облегчить ему задачу посредничества, готово сделать скидку в 10 млн. с названной им цены в 200 млн. иен.

23 июня г. Хирота, в порядке посредничества, предложил т. Юреневу продать КВЖД за 100 млн. иен с возложением на Маньчжоу-Го оплаты выходных пособий увольняемым служащим и рабочим КВЖД.

28 июня т. Юренев заявил г. Хирота, по поручению Советского правительства, что оно, с целью доведения переговоров до быстрого и успешного конца, готово сделать еще одну уступку и продать дорогу за 170 млн. иен.

23 июля г. Хирота предложил т. Юреневу 120 млн. иен за КВЖД с оплатой выходных пособий за счет Маньчжоу-Го.

30 июля т. Юренев заявил г. Хирота, что Советское правительство готово, в знак доброй воли и в целях облегчения г. Хирота и Маньчжоу-Го принятия окончательного решения, сделать еще одну скидку и предлагает закончить переговоры на цене в 160 млн. иен. Что касается других условий, то Советское правительство готово пойти навстречу Японии и Маньчжоу-Го и принять товарами не половину, а $\frac{2}{3}$ выкупной цены. Советское правительство вправе было ожидать, что это его предложение найдет должную благоприятную оценку и приведет к успешному завершению переговоров о КВЖД.

---

* См. т. XVI, док. № 305.

Тем не менее г. Хирота отклонил и это предложение Советского правительства, придав своему ответу как бы ультимативный характер.

Последующая беседа г. Юренева с г. Хирота 10 августа не внесла никаких изменений.

После этого 13 августа председатель маньчжурской делегации г. Охаси посетил г. Юренева и сообщил ему, что он и вся маньчжурская делегация уезжает из Токио в Маньчжурию. Тем самым японо-маньчжурская сторона фактически прервала переговоры.

Сразу же после отклонения г. Хирота последнего предложения Советского правительства об условиях продажи КВЖД в японской и маньчжурской печати развернулась антисоветская кампания²³⁹, грубо извращающая действительный ход переговоров с явной целью оказать давление на позицию СССР в переговорах о продаже КВЖД.

Достаточно сопоставить уступки, сделанные обеими сторонами на переговорах, чтобы оценить по достоинству распротраняемые из японских источников сообщения о кризисе переговоров из-за мнимой неуступчивости СССР. В то время, как СССР в ходе переговоров снизил свое требование с 250 млн. зол. руб., т. е. с 625 млн. иен (по курсу дня первого советского предложения), представляющих реальную стоимость дороги, до 160 млн. иен, что по нынешнему курсу составляет около 56 млн. зол. руб., японо-маньчжурская сторона повысила свое предложение с 50 млн. иен до 120 млн. иен, т. е. всего на 70 млн. иен. Незначительность уступки японо-маньчжурской стороны становится ясной, если учесть, что маньчжурская сторона начала переговоры с 50 млн. иен, представлявших заведомо несерьезную цену за огромную дорогу в 1700 км протяжением, с богатыми и многообразными службами, сооружениями и предприятиями, дающими еще и сегодня, несмотря на весь искусственно созданный для КВЖД тяжелый режим, весьма значительные доходы.

Из изложенного со всей очевидностью явствует, что в ходе переговоров СССР проявил максимум доброй воли и уступчивости и пошел на большие жертвы с целью содействовать обеспечению мира на Дальнем Востоке. Тем не менее японо-маньчжурская сторона отвергла в почти ультимативной форме и последнее чрезвычайно далеко идущее ей навстречу предложение Советского правительства, а маньчжурская делегация сочла даже возможным демонстративно уехать из Токио.

Японская и маньчжурская пресса продолжает исключительно по своей бесцеремонности антисоветскую кампанию с целью повлиять на позицию СССР при продаже КВЖД. Японо-маньчжурские же власти в Маньчжурии сочли возможным

подобно тому, как это имело место осенью прошлого года*, прибегнуть к массовым арестам сотрудников КВЖД** и другим испытанным в Маньчжурии мерам провокации.

Таким образом, не может быть двух мнений по вопросу о том, кто проявляет неуступчивость и агрессивность и кто отвечает за перерыв переговоров о продаже КВЖД²⁴⁰.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 192 (5440), 18 августа 1934 г.*

311. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому

21 августа 1934 г.

Отдельной телеграммой пересылаю Вам текст меморандума, который Вы должны вручить госдепартаменту***. Из этого меморандума Вы увидите, что мы приняли Ваше предложение²⁴¹ относительно форм кредитов и будем требовать от американцев в виде долгосрочного финансового кредита лишь 100 млн. долл., а остальные 100 млн. готовы взять в виде товарного кредита со сроком не ниже 5 лет.

Мы не согласны платить никакого процента по старому долгу, а на получаемый нами кредит вместе с надбавкой будем платить не более 7%****. Не можем мы, наконец, связывать себя обещанием закупать в Америке скот и другие сельскохозяйственные продукты. Считайтесь с тем, что наши уступки являются крайними, и в своих переговорах точно придерживайтесь содержания меморандума.

По поручению инстанции

Печат. по арх.

Крестинский

312. Письмо и. о. Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Мининстерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Шн Люй-бэю

21 августа 1934 г.

Господин Особый агент,

Несмотря на неоднократные обращения к Вам и протесты Генерального консульства против бесперывных арестов и насилий над советскими гражданами со стороны различных маньчжурских полицейских властей*****, за последние не-

* См. т. XVI, док. № 305.

** См. док. № 301, 312, 317.

*** См. док. № 316.

**** См. док. № 269, 293.

***** См. док. № 301.

сколько дней вновь последовал ряд арестов советских граждан на восточной линии КВЖД и в Харбине. Список 38 арестованных советских граждан при сем прилагается²⁴². Полицейские власти, производившие указанные аресты, не только не сочли необходимым поставить в известность Консульства СССР о причинах этих арестов, но даже не сообщили о факте таковых. Аресты производятся без предъявления надлежащих документов и сопровождаются обысками в служебных кабинетах и квартирах арестуемых без объяснения причин таковых.

Наряду с этим продолжают и насилья над арестованными, некоторые из коих подвергаются избитиям со стороны чинов полиции.

Продолжаются также незаконные высылки советских граждан из пределов Маньчжурии на советскую территорию без предупреждения об этом Генерального консульства.

Заявляя решительный протест против всех этих действий маньчжурских полицейских властей, я настаиваю на принятии Вами, г. Особый агент, эффективных мер к скорейшему освобождению уже арестованных советских граждан и созданию для них на период заключения необходимых гуманных условий (регулярные передачи, свидания с родными, прогулки и т. п.). Я также ожидаю от Вас скорого сообщения о причинах ареста указанных в прилагаемом при сем списке 38 советских граждан*.

Вместе с тем считаю необходимым сообщить Вам, что обо всех указанных выше незаконных действиях маньчжурских властей по отношению к гражданам СССР мною доведено до сведения Правительства СССР и я оставляю за собой право в дальнейшем вернуться к этому вопросу**.

В ожидании Вашего ответа прошу принять уверения в моем глубоком к Вам, господин Особый агент, уважении.

Н. Райвид

Печат. по арх.

313. Нота Полномочного Представителя СССР в Японии Министру Иностранных Дел Японии Хирота

22 августа 1934 г.

Г-и министр,

13—14 августа на восточной линии КВЖД арестовано 19 советских граждан, служащих КВЖД, главным образом руководящих ее работников, а именно: начальник 3-го участка службы тяги, начальники 9-го и 11-го участков службы пути,

* См. док. № 351, 425.

** См. док. № 317.

начальник 3-го участка службы телеграфа, начальники крупнейших станций: Имяньбо, Хайлин, Пограничная, Мадаоши, ряд телеграфистов и другие. 16 августа арестовано еще 3 человека, в том числе находившиеся на станции Имяньбо начальник грузового отдела службы эксплуатации КВЖД и начальник станции Тайпинлин.

Эти аресты фактически лишили восточную линию КВЖД ее руководящего состава и чрезвычайно затруднили дальнейшую деятельность линии, которая, вопреки всем затруднениям, чинимым местными властями, и несмотря на отсутствие надлежащей охраны, продолжает функционировать только благодаря героическим усилиям служащих дороги, и в первую очередь советских граждан.

Чтобы оправдать эти незаконные и беспричинные аресты советских служащих, измышляются нелепые обвинения в том, что они якобы организовали нападение на японские военные миссии, нападения хунхузов на поезда, устраивали крушения поездов, производили грабежи и убийства, уводили в плен служащих дороги и членов их семейств и т. д.

Эти до очевидности беспочвенные обвинения официально поддерживаются японским военным министерством и представителем министерства иностранных дел.

Не ограничиваясь арестами работников КВЖД и нелепыми обвинениями по их адресу, японо-маньчжурские власти выдвигают те же обвинения против официальных учреждений и представителей Советского Союза в Маньчжурии, а именно против советского консульства и самого консула на ст. Пограничная, а также против командования ОКДВА.

Советское Правительство рассматривает все эти действия, совпавшие с фактическим срывом японо-маньчжурской стороной токийских переговоров о продаже КВЖД*, как внесение дезорганизации в работу дороги и как грубое нарушение договорных прав СССР на КВЖД.

Советское Правительство особо указывает на то, что японское военное министерство в официальном коммюнике от 17 августа²⁴³ позволило себе неслыханное утверждение, что «приказы о производстве крушений и нападений издаются ОКДВА», которой японским военным министерством приписывается руководство бандитскими отрядами на КВЖД через какой-то, в действительности не существующий, орган советских служащих КВЖД.

Эти свои утверждения военное министерство сопровождает заявлениями агрессивного характера по адресу СССР.

Японское Правительство не может не понимать, что подобные, участвовавшие за последнее время, выступления японского

---

* См. док. № 310.

военного министерства, наряду с указанными выше действиями в Маньчжурни, свидетельствуют об обостренни агрессивных намерений некоторых официальных японских кругов.

Советское Правительство, считая ответственными за указанные действия наравне с маньчжурскими властями и Японское Правительство, поручило мне, г. Министр, заявить Вам свой протест. Правительство СССР рассчитывает, что Японское Правительство сделает все соответствующие выводы.

Я пользуюсь этим случаем, чтобы выразить Вам, Ваше Превосходительство, уверения в моем высоком уважении.

Юренив

*Печат. по арх. Опубли. в газ. «Известия»
№ 193 (3445), 24 августа 1934 г.*

В ответной ноте Хирота от 4 сентября 1934 г., в частности, говорилось: «Имею честь подтвердить получение ноты Вашего Превосходительства, датированной 22 августа, относительно арестов некоторых служащих северо-маньчжурской ж. д., имевших место 13, 14, а также 16 августа на Восточной линии этой дороги».

Далее в ноте следовали голословные обвинения против советских граждан, работавших на КВЖД, и оправдания репрессивных мер против них со стороны японо-маньчжурских властей. В ответ на протест, содержащийся в советской ноте по поводу незаконных арестов советских граждан на КВЖД, в японской ноте заявлялось, что эти «аресты произведены Маньчжоу-Го просто для осуществления своей юрисдикции в связи с заговорами, имеющими своей целью пускать под откос военные поезда». Утверждалось также, что аресты советских граждан не имели ничего общего с «прекращением переговоров о продаже КВЖД» и являлись лишь самообороной японо-маньчжурских властей. В ноте говорилось, что «японское военное министерство никогда не публиковало официальных заявлений относительно указанных заговоров»; при этом подчеркивалось, что «японское правительство не должно никоим образом считаться ответственным за какие бы то ни было новости и сообщения, которые появляются в японской печати». В конце ноты содержались и другие бездоказательные обвинения в адрес советских граждан, работавших на КВЖД. Утверждалось, например, что «почти все недавно арестованные служащие на Восточной линии принадлежали к неким нелегальным обществам» и что «некоторые служащие дороги давали директивы бандитам о разрушении дороги и снабжали их взрывчатыми веществами»*.

314. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренива в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

22 августа 1934 г.

Сегодня меня посетил Того. Он сообщил, что министерство поручило Ота заявить протест по поводу нарушений нами соглашения о неопубликовании данных, относящихся к перегово-

* См. также док. № 352.

рам о дороге²⁴⁴. Я ответил, что считаю протест ошибочным и необоснованным. После этого напомнил ему о многочисленной стройной системе случаев злоупотреблений японской стороной нашей лояльностью и о моих заявлениях по этому поводу Хирота. Затем Того заявил, что аресты на Восточной линии и перерыв переговоров отнюдь не связаны друг с другом и что тут налицо простое «совпадение». Я отклонил эту установку и сообщил Того об отправленной мною министру ноте*. Того заявил, что аресты вполне обоснованы, и многозначительно подчеркнул, что у них имеются данные, подтверждающие виновность арестованных. На это я ответил нашей установленной аргументацией. После этого Того перешел несомненно к основной цели визита — к вопросу о переговорах по вопросу КВЖД. Он выразил сожаление по поводу «происшедшего» и высказал твердое убеждение в повелительной необходимости договориться как можно скорее. Я ответил, что мы сделали, и это признается всеми, весьма много для продвижения переговоров и что если последние фактически сорваны, так в этом повинна только японская сторона, к тому же осложнившая свою тяжелую ошибку арестами на КВЖД. Того доказывал, что переговоры не были сорваны и что отъезд весьма беспокойного и импульсивного Охаси, главы маньчжурской делегации в Токио, не имеет никакого значения и даже может оказаться полезным. Он также сказал, что дальнейшая затяжка переговоров может привести к усилению известных кругов, к новому обострению советско-японских отношений и даже к «опасности». В ответ на это я указал, что сейчас об ускорении переговоров должны думать те, кто их так беззаботно и безосновательно сорвал, что касается «опасности», то мы готовы ко всем эвентуальностям. После этого Того сказал, что последнее снижение цены на 10 млн. иен было явно недостаточным, о чем он в свое время говорил Райвиду²⁴⁵, что нам следовало бы сделать Хирота большую уступку. Не согласившись с этим, я ответил, что 10 млн. большая сумма и что наша постановка вопроса о цене не закрывала Хирота пути к дальнейшим деловым разговорам. Того сказал, что Хирота «не вполне свободен» в своих действиях, что на него давят некоторые — подразумевались военные — круги и что, как бы там ни было, необходимо срочно сдвинуть переговоры с места. На последние слова Того я реагировал нарочито сдержанно, указав лишь на созданную японской стороной тяжелую обстановку и сильно повредившие советско-японским отношениям аресты на КВЖД. Помнявшись, Того сказал, что, стремясь к благополучному и скорому завершению переговоров, он хочет знать, как бы мы отнеслись к предложению за дорогу 130 млн. иен без выходного пособия.

* См. док. № 313.

Пока что это только его посредническое предложение. Однако он думает, что Хирота согласится с ним и сможет убедить Маньчжоу-Го принять новую цену. Я ответил Того, что названная им цена является низкой, но что я ценю проявленный им интерес и инициативу в вопросе о переговорах. Того просил передать его предложение в Москву. Я не отказался, но и не дал определенного ответа. Прощаясь, Того выражал надежду на то, что о нашем отношении к его проекту он узнает в ближайшем будущем*.

Полпред

Печат. по арх.

**315. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США
А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностран-
ных Дел СССР**

23 августа 1934 г.

Сегодня я видел Мура и Келли и изложил им идею предлагаемого компромисса**. Мур сказал, что он должен доложить президенту и хотел бы иметь нашу позицию, изложенную письменно. Я обещал дать меморандум завтра***, Келли выразил сомнение в возможности 20-летнего кредита. Я напомнил о джентльменском соглашении****, сказал, что не сомневаюсь, что это компромиссное предложение должно их полностью удовлетворить и даст возможность также не потерять наш большой заказ. Подробное обсуждение отложили на завтра.

Я выразил ранее в письме сочувствие по поводу смерти Рейни*****. Сегодня сделал это на словах от имени Советского правительства.

Полпред

Печат. по арх.

**316. Меморандум Полномочного Представителя СССР в США
А. А. Трояновского Государственному Секретарю США
Хэллу**

24 августа 1934 г.

Советская сторона убеждена в правильности понимания ею парафированного Президентом Рузвельтом и Наркоминдел Литвиновым 15 ноября 1933 г. джентльменского соглашения и готова доказать полную правоту своего толкования.

* См. док. № 325.

** См. док. № 311.

*** См. док. № 316.

**** См. т. XVI, док. № 361.

***** Лидер демократической партии в палате представителей конгресса США.

Однако, стремясь к дружелюбному урегулированию с Американским Правительством спорных вопросов, советская сторона соглашается сделать еще один крупный шаг навстречу пожеланиям американской стороны*.

Советская сторона согласна половину всего кредита, т. е. 100 млн. долл., получить в виде товарных кредитов на специально установленных условиях и лишь 100 млн. долл.— в форме финансового кредита сроком на 20 лет.

Это означает, что в Экспортно-импортном банке Советскому Правительству открывается счет на 100 млн. долл. с погашением этого кредита через 20 лет. Суммы с этого счета советская сторона будет снимать для уплаты закупаемых ею в США товары.

Вторые 100 млн. долл. кредита предоставляются Советскому Правительству через тот же Экспортно-импортный банк в форме товарных кредитов, используемых на основе специально договоренных условий.

При этом Советское Правительство изъявляет свое согласие на то, чтобы из этой части кредита банк финансировал закупки советской стороны лишь в 75% покупной цены при условии, что остальные 25% финансируются продавцом. Советское Правительство выражает свое согласие также на то, чтобы по отношению к различным видам товаров, закупаемых за счет этих вторых 100 млн., были установлены различные сроки кредита, минимальная продолжительность которых во всяком случае не ниже 5 лет устанавливается заранее в основном соглашении между Государственным Департаментом и Посольством СССР.

Вторые 100 млн. кредита предоставляются Советскому Правительству в форме возобновляемого в течение 20 лет по мере частичного погашения кредита.

Как по первым, так и по вторым 100 млн. долл. советская сторона уплачивает процент в общей сложности в размере 7% годовых.

С момента заключения сторонами соглашения на основе этого меморандума все претензии Правительства и граждан США к Правительству и гражданам СССР, вытекающие из дореволюционных долгов и обязательств, и все аналогичные претензии советской стороны к Правительству и гражданам США будут считаться взаимно погашенными, как это предусмотрено джентльменским соглашением от 15 ноября 1933 г.²⁴⁶

Печат. по арх.

---

* См. док. № 269, 293.

317. Письмо и. о. Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэню

24 августа 1934 г.

Господин Особый агент,

В многочисленных беседах с Вами Генеральный консул г. Славуцкий неоднократно как лично от своего имени, так и специально по поручению Советского Правительства обращал внимание на состояние охраны восточной линии КВЖД и просил Вас принять меры к обеспечению охраны этой линии²⁴⁷.

Я позволю себе напомнить Вам заявление г. Славуцкого, сделанное по поручению Советского Правительства еще 15 декабря прошлого года, в котором он указывал, что «деятельность КВЖД в последнее время протекает под знаком непрерывных нарушений правил эксплуатации, постоянных нападенний на поезда, разрушений пути, убийств агентов дороги и насильий над ними, захватов имущества дороги и порчи его. К сожалению, маньчжурские власти не только не принимают и не принимают достаточных мер к содействию КВЖД и должной защите ее, но прямо участвовали и участвуют в нанесении ущерба как интересам КВЖД, так и правам СССР на КВЖД»*.

К сожалению, параллельно с ростом числа нападенний на восточную линию КВЖД, положенне с охраной восточной линии не только не улучшилось, но принимало постепенно даже катастрофический характер. Дошло до того, что штаб охранных войск официально письмом от 19 мая с. г. счел возможным сообщить о снятии охраны товарных поездов на восточной линии²⁴⁸.

В связи с создавшимся положением и этим новым мероприятием штаба охранных войск г. Славуцкий сделал представление Вашему заместителю г. Сяммауре, наставляя на принятии срочных шагов перед высшими маньчжурскими властями. Я вынужден, однако, констатировать, что ни обращения г. Славуцкого, ни неоднократные и почти ежедневные обращения заместителя товарища председателя Правления г. Бандуры, а затем вернувшегося из Токио товарища председателя г. Кузнецова к председателю Правления представителю Маньчжурского правительства в Правлении КВЖД г. Ли Шаогэну не привели ни к каким результатам.

Я не могу при этом не напомнить Вам об известных Вам мероприятиях, предпринятых таможенными и иными властями на восточной линии²⁴⁹, в частности на ст. Пограничная, направленных к затруднению грузового и даже пассажирского

* См. т. XVI, док. № 430.

движения по этому, имеющему столь важное международное значение участку, поддержанне которого, как и движения по всем остальным линиям дороги, являлось и является предметом неустанных забот советских представителей на КВЖД и советских граждан — служащих дороги.

Именно поэтому представляются совершенно чудовишными те обвинения, которые в последнее время с такой легкостью стали возводиться на советских служащих дороги, на которых я считал бы даже ненужным останавливаться, если бы эти нелепые обвинения не были официально поддержаны маньчжурскими властями. Под предлогом этих обвинений железнодорожная полиция, начиная с 13 августа, как я уже сообщил Вам своим письмом от 21 августа*, произвела на восточной линии и в Харбине многочисленные аресты советских граждан — служащих дороги, и подвергает некоторых из них избиениям и т. п.

Чтобы оправдать как эти беспричинные аресты, так и предполагаемые, судя по поступившим сведениям, дальнейшие массовые этого же характера аресты руководящего состава восточной линии дороги, влекущие за собой дальнейшую дезорганизацию этого участка дороги, измышляются нелепые и чудовишные обвинения в том, что совграждане, служащие дороги, якобы организовывали нападения хунхузов на поезда, устраивали крушения поездов, производили грабежи и убийства и уводили в плен служащих дороги и членов их семейств, т. е. по существу предпринимали эти насильственные действия против самих себя и своих семейств.

Более того, эти нелепые обвинения распространяются местными властями — и непосредственно и через местную печать — даже на официальные учреждения и официальных представителей Советского Союза в Маньчжурии, а именно против Советского Консульства и самого консула на ст. Пограничная, а также против командования ОКДВА.

Я не могу не отметить, что все эти действия, совпадающие как раз с фактическим срывом японо-маньчжурской стороной токийских переговоров о продаже КВЖД**, рассматриваются Советским правительством как внесение дезорганизации в работу дороги и как грубое нарушение договорных прав СССР на КВЖД и отражают не раз уже отмечавшееся г. Славуцким в беседах с Вами устремление агрессивных элементов серьезно омрачить и даже нарушить существующие между нами отношения.

Я уполномочен заявить протест против указанных действий местных властей и хочу вернуть, что Вами, г. Особый агент,

* См. док. № 312.

** См. док. № 310.

будут предприняты шаги к освобождению беспричинно арестованных советских граждан — служащих дороги и восстановлению нормального положения на дороге*, вытекающего из существующих договоров о КВЖД.

В ожидании Вашего скорого ответа** прошу принять уверения в моем глубоком к Вам, г. Особый агент, уважении.

Н. Райвид

Печат. по арх.

318. Письмо Вице-Председателя Правления КВЖД Председателю Правления КВЖД Ли Шао-гэну

24 августа 1934 г.

Настоящим я считаю необходимым еще раз самым серьезным образом поставить перед Вами вопрос об охране дороги. В последнее время состояние охраны КВЖД стало невозможным, и я что мую неоднократно обращалось внимание председателя Правления, а Правление обращалось по этому вопросу в штаб охранных войск. Однако ни мои неоднократные обращения к председателю, ни наши с ним совместные письма в штаб охранных войск, ни специальное постановление Правления, текст которого привожу полностью в приложении № 1²⁵⁰, не привели ни к какому результату. Все ходатайства, с коими дорога обращалась к властям, оставались без ответа. Единственное, чего добились, это введения охраны, сопровождающей пассажирские поезда, но практическая польза от этого невелика. При отсутствии охраны пути, создавшемся в результате невозможности вести обход пути путевыми сторожами, поезда идут наудачу, и злоумышленники, путем предварительной порчи пути, легко добиваются остановки поездов, грабят и уводят в плен как поездиую прислугу, так нередко и пассажиров.

Главной своей функции — недопущения бандитов в полосу отчуждения КВЖД и обеспечения безопасности жизни рабочих и служащих, несущих охрану и могущих своевременно предупредить неисправности пути и тем не допустить крушений, — охранные войска не выполняют. Посему одно только сопровождение пассажирских поездов военными командами не достигает цели. Если таково положение с пассажирскими поездами, то еще хуже положение с товарными поездами, лишенными даже сопровождающей охраны. Маньчжурской части Правления все вышензложенное хорошо известно, однако до сих пор ничего не делалось и не делается для выполнения ох-

* См. док. № 425.

** См. док. № 351.

раиной ее основных функций, хотя я неоднократно возбуждал вопрос об охране и хотя мы не раз совместно с Вами, господин председатель, подписывали соответственные обращения для передачи надлежащим властям.

Не касаясь более раннего периода, сошлюсь на ряд моих писем, писем т. Баидура и упоминаемое постановление Правления. С момента моего приезда из Токио я вновь неоднократно добивался от председателя Правления дороги обсуждения на заседании Правления вопроса о состоянии охраны, находившейся, согласно донесению управляющего, в угрожающем состоянии. По-видимому, мои настойчивые обращения, а равно сообщения управления о событиях на восточной линии побудили наконец штаб охранных войск обратиться в Правление с ходатайством о сформировании трех специальных поездов для курсирования по восточной линии с целью охраны. Дорога немедленно предоставила штабу необходимые средства для борьбы с хуихузами. Однако из донесений управляющего видно, что штаб охранных войск, несмотря на ежедневные систематические крушения товарных и пассажирских поездов, не использует этих средств. Так, в сообщении управляющего от 15 августа Правлению говорится: «Особо отмечено, что из трех поездов, предоставленных охранным войскам на станции Имяньбо, Ханьдаохэцзы и Сочинцзы, ни один поезд ни разу не сопровождал товарные поезда по особо опасным участкам и перегонам и при крушении поезда № 84 на 1193-м км даже не выезжал на место крушения и обстрела поезда». Такое отношение штаба охранных войск к делу борьбы с хуихузами и разрушению ими восточной линии КВЖД свидетельствует с полной ясностью, что дело не в несостоятельности штаба и не в неспособности охранных войск к борьбе с хуихузами. Иллюстрацией отношения штаба охранных войск к вопросу об охране дороги является письмо самого штаба охранных войск на имя канцелярии председателя дороги (см. приложение № 2)²⁴⁸ и письмо Правления, настаивающего на принятии мер по охране товарных поездов (приложение № 3)²⁵¹. В этом письме штаб отказывается от охраны товарных поездов под предлогом необходимости использования вооруженных сил на борьбу с хуихузскими шайками. Практически же охранные войска не только не охраняют товарные поезда, но и не ведут серьезной борьбы с хуихузами, как это видно из вышесказанного. Объективно это только способствует усилению разрушительной деятельности хуихузов.

Некоторые маньчжурские власти пытаются взвалить вину за происшествия на дороге на служащих и рабочих дороги — совгражда, обвиняя их во вредительстве и подвергая необоснованным репрессиям. Я с негодованием отвергаю подобные нелепые обвинения и советских служащих и рабочих дороги,

поистине героически выполняющих свои обязанности, несмотря на то что их работа сопряжена с опасностью для жизни.

Вам, как председателю Правления дороги, знающему, в каких невероятно трудных условиях, связанных с риском для жизни, приходится работать служащим и рабочим, должна быть лучше, чем кому бы то ни было, известна вся нелепость этих диких обвинений. Я вправе ожидать, что Вы, как председатель Правления дороги, предпримете наконец необходимые шаги перед высшими маньчжурскими властями, во-первых, с целью прекращения подобных бессмысленных и вредных обвинений и репрессий в отношении служащих — советских граждан и, во-вторых, для действительного выполнения штабом охранных войск возложенных на него обязанностей по охране дороги, чем будут прекращены разрушение дороги и дезорганизация ее работы.

Я выражаю надежду, господин председатель, что Вы уведомите меня вскоре о предпринятых Вами шагах*.

Кузнецов

*Печат. по газ. «Известия»
№ 300 (5448), 26 августа 1934 г.*

319. Письмо Временного Поверенного в Делах СССР в Персии Министру Иностранных Дел Персии Каземи

26 августа 1934 г., № 0318

Господин Министр,

В дополнение к устному соболезнованию, выраженному от имени моего Правительства по поводу стихийного бедствия, недавно постигшего г. Тавриз, настоящим я позволю себе обратиться к Вам с просьбой не отказать в любезности передать соответствующим организациям прилагаемый при сем чек на сумму в 7500 риалов, составленную из пожертвований советских организаций в пользу пострадавших от наводнения в Тавризе.

Указанная сумма состоит из взносов Чрезвычайного Полномочного Посольства СССР в Персии — 1500 риалов, Торгового Представительства СССР в Персии — 3000 риалов, Общества «Персазнефть» — 1000 риалов, Главной конторы Бюро перса — 1000 риалов, Акционерного общества «Персхлопок» — 1000 риалов.

Пользуясь случаем, прошу Вас, господин Министр, принять уверения в глубоком к Вам уважении.

Заславский

Печат. по арх.

* См. также док. № 392.

В ответном письме товарища министра иностранных дел Персии Со-
хейли от 17 сентября 1934 г. говорилось:

«Вслед за получением почтенного письма Советского Поверенного в
Делах г. Заславского от 26 августа 1934 г. № 0318, к которому был прило-
жен чек на сумму 7500 риалов, пожертвованных советскими учреждениями
в пользу пострадавших от наводнения в Тавризе, в Общество Красного
Льва и Солнца было послано письмо с приложением означенного чека.
Препровождая при сем расписку в его получении, я прошу Вас передать
советским учреждениям благодарность и признательность Центрального
Комитета Общества Красного Льва и Солнца за проявленное ими содей-
ствие и сочувствие в отношении пострадавших от наводнения в Тавризе».

**320. Письмо Полномочного Представителя СССР в Афгани-
стане Народному Комиссару Иностранных Дел СССР
М. М. Литвинову**

27 августа 1934 г.

Уважаемый Максим Максимович,

Во время только что закончившихся праздников Независи-
мости я имел возможность поговорить с министром иност-
раинных дел Файз Мухаммед-ханом и с премьер-министром
[Мухаммед] Хашим-ханом по вопросу о вступлении Афгани-
стана в Лигу наций. Как тот, так и другой сказали мне в об-
щем следующее:

Афганское правительство положительно относится к вступ-
лению в Лигу наций и имеет соответствующее принципиальное
решение. Оно считает, что вступление в Лигу наций укрепит
международное положение Афганистана и сделает более труд-
ным для англичан проведение политики изоляции Афгани-
стана, что являлось и является постоянным стремлением ан-
глийской дипломатии.

Относительно вступления в Лигу наций афганское прави-
тельство имело некоторые разговоры в Анкаре, причем эти
разговоры, по словам моих собеседников, происходили в плос-
кости возможного содействия турецкого правительства на тот
случай, если бы вопрос о вступлении вошел бы в стадию прак-
тического осуществления. Со стороны турецкого правитель-
ства предположение афганского правительства о вступлении
в Лигу наций встречает благоприятное отношение*.

Между прочим, я еще несколько раньше пробовал погово-
рить на эту тему со здешним турецким послом Мемдух Шев-
кет-беем. Он заявил мне, что у него лично никаких разговоров
с афганцами по вопросу о вступлении Афганистана в Лигу на-
ций не было. Если и были разговоры в Анкаре, то он о них
совершенно не осведомлен.

* См. док. № 213.

Что касается времени, когда афганское правительство считало бы наиболее подходящим поставить вопрос о вступлении в Лигу, то Файз Мухаммед-хан заявил, что вопрос этот все еще остается открытым. Афганское правительство не прочь сделать это и в ближайшем времени (сентябрь) при подходящем случае, каким может явиться сессия Лиги наций. Однако при этом Файз Мухаммед-хан снова повторил то, что он говорил мне уже раньше: что афганское правительство прежде окончательного решения желало бы знать решение Советского правительства о вступлении в Лигу наций СССР. На это я ответил, что Советское правительство имеет соответствующие предложения, но о принятии им каких-либо решений по этому вопросу мне до настоящего момента ничего не известно.

Файз Мухаммед-хан просил в дальнейшем информировать его о тех решениях, которые будут приняты, и вообще о позиции Советского правительства в отношении Лиги наций*.

С товарищеским приветом

Полномочный Представитель СССР в Афганистане

Л. Старк

Печат. по арх.

321. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфаном

29 августа 1934 г.

1. Альфан пришел с первым визитом после своего возвращения из Франции, где он провел отпуск. После обмена обычными любезностями Альфан сообщает, что он смог констатировать во время своего пребывания в Париже, что ответный визит нашей воздушной эскадрильи на визит Пьера Кота прошел очень удачно**. Эррно в Париже не было, и поэтому он повидал Пьетри***, Леже и Баржетона. Все они весьма удовлетворены развитием франко-советских отношений, подчеркивают неизменную лояльность советской стороны в тех переговорах, которые имели место за последнее время****. Альфан надеется, что и вопрос о Лиге наций получит благополучное завершение. Позиция основных держав, которые были зондированы Францией, положительна. Что касается Польши, то, как известно, ее позиция еще не окончательно выяснена, но

* См. док. № 287, 331.

** См. соответственно док. № 229 и т. XVI, прим. 218.

*** И. о. министра иностранных дел Франции.

**** См. док. № 270, 290.

Альфан думает, что в отношении Польши все будет обстоять благополучно. Придется преодолеть известное сопротивление Швейцарии и Голландии. Однако это имеет уже второстепенное значение.

Коснувшись вопроса о возвращении Барту из отпуска, Альфан указывает, что Барту должен вернуться в ближайшие дни, после чего он поедет в Женеву. На вопрос Альфана, предполагает ли т. Литвинов быть в Женеве, я ответил, что это зависит от того, будет ли иметь место заседание Бюро конференции по разоружению.

2. Альфан отмечает, что общеполитическая обстановка за последнее время является чрезвычайно сложной. Я подтвердил это, специально упомянув о положении на Дальнем Востоке. В связи с вопросом Альфана о том, действительно ли положение на Дальнем Востоке является угрожающим, я ответил, что я не утверждаю, что мы находимся накануне войны, но что, во всяком случае, положение является чрезвычайно серьезным и японцы ведут себя очень агрессивно. Это подтверждается как арестами советских служащих КВЖД, которые подвергаются при допросах пыткам, каких не знает даже нынешняя Германия, так и заявлениями японской печати и официальных лиц по отношению к СССР, носящими весьма вызывающий характер*.

3. Альфан с удовлетворением констатирует, что вопрос об установлении прямой телефонной связи Париж — Москва наконец разрешен благополучно. Он заключает об этом из полученного им приглашения на торжественное открытие этого прямого сообщения. В связи с этим он хотел бы знать, что за церемония будет иметь место. Я подтвердил, что действительно 31-го будет иметь место у т. Рыкова открытие прямого телефонного сообщения Париж — Москва. Тов. Рыков будет говорить по телефону с министром почт и телеграфов Франции, я вызову к телефону т. Гиршфельда, который является в настоящее время поверенным в делах. Может быть, и г. Альфан хотел бы вызвать к телефону кого-либо. Альфан с радостью согласился и отметил, что он мог бы вызвать к телефону Барту или в том случае, если бы Барту еще не было в Париже, кого-либо другого из МНД. Условились, что т. Вейнберг сообщит об этом наркомму связи, а Альфан со своей стороны даст телеграмму в Париж²³².

Крестинский

Печат. по арх.

---

* См. док. № 310, 312, 313.

322. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Великобритании в СССР Чилстоном

31 августа 1934 г.

1. Чилстон пришел сообщить мне, что английское правительство, стремясь обеспечить благоприятное разрешение вопроса о предоставлении СССР постоянного места в Совете Лиги наций *, решило, подобно французскому и итальянскому, сделать представление по этому вопросу правительствам всех государств, которые представлены в настоящее время в Совете Лиги наций, в том числе правительствам Польши, Швейцарии и Голландии.

Я спросил Чилстона, имеет ли он уже сведения о результате этих представлений.

Чилстон ответил, что представления, по его сведениям, будут сделаны только сегодня, и поэтому о результатах их он еще ничего не знает.

2. Затем он спросил меня, есть ли что-либо нового в вопросе о заключении Восточноевропейского пакта, получили ли мы какие-либо ответы Германии и Польши **.

Я ответил, что мы никаких ответов не получали.

Чилстон сказал, что английское правительство также никаких сообщений от Польши и Германии по этому вопросу не имело.

3. После этого Чилстон задал несколько вопросов, а именно, как проходит лечение Лнтвинова, когда я собираюсь в отпуск. Сообщил, что он сам должен уехать в отпуск на 6 недель 14 или 15 сентября, и ушел.

Н. Крестинский

Печат. по арх.

323. Телеграмма Торгового Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

2 сентября 1934 г.

Привожу выдержки из экспозе Титулеску во время беседы 31 августа.

1) Титулеску заявил, что установление более чем дружественных отношений Румынии с СССР является вопросом жизненной важности для Румынии, кроме того, что это — вопрос его личной чести. 2) Титулеску сообщил, что на секретном

* См. док. № 287.

** См. док. № 327, 338, 346.

заседании парламентской комиссии по иностранным делам только один бессарабские депутаты выступали в защиту восстановления сношений *. 3) Титулеску обрушился, не подбирая выражений, на польскую политику за последнее время в общем, и в особенности на польскую политику по отношению к Румынии. 4) Очень долго останавливался на Восточном пакте, доказывая, что участие Румынии в пакте было бы одинаково выгодно для обеих стран. Он, однако, оговорился, что своим заявлением отнюдь не желает вносить новые осложнения в решение этого вопроса, и без того, как он выразился, достаточно осложненного поведением Польши и Германии. 5) Оставаясь при своем мнении об участии Румынии в пакте, он на нем не настаивает, для того чтобы, как он выразился, не вставлять лишних палок в колеса. Необходимо, однако, придумать какую-нибудь тройственную комбинацию с участием Румынии и СССР либо с Польшей, либо с Францией **. Этот акт необходим для морального удовлетворения румынского общественного мнения, признания в целях устранения как возможности возникновения новых эquivoков, так и ныне существующих.

Островский

Печат. по арх.

324. Телеграмма Полиомочного Представителя СССР в Польше Я. Х. Давтяна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

3 сентября 1934 г.

Мексиканский поверенный в делах посетил сегодня Николаева ***, просил передать мне следующее: 1) Мексика будет голосовать за принятие СССР в Лигу наций и предоставление ему постоянного места ****, 2) Мексика окажет влияние и на другие американские республики в этом духе.

Что касается дипломатических отношений, то поверенный в делах высказал мнение, что вопрос этот встанет вполне практически в начале января при новом правительстве *****.

Полпред

Печат. по арх.

* См. док. № 193.

** См. также док. № 270.

*** Первый секретарь полпредства СССР в Польше.

**** См. док. № 331, 334.

***** См. док. № 242, 440.

325. Телеграмма Полиомочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

4 сентября 1934 г.

Меня посетил Того. Он сказал, что хотел бы получить от меня ответ на его предложение *. При этом он пытался утверждать, что я ему обещал ответ. Однако после моего категорического отрицания, содержавшего краткое восстановление того, что в действительности было, Того сказал, что он думал получить от меня не официальный ответ, а лишь мое личное мнение. На это я ответил, что мы с ним находимся в разных условиях. Он в беседе фигурирует как частное лицо, я же остаюсь официальной персоной и поэтому не могу вести с ним никаких переговоров, он может вести частные переговоры с проявившим инициативу Козловским. Другое дело, если бы он был уполномочен на это Хирота. Того долго доказывал мне, что в истории дипломатии бывали случаи, когда посол подготавливал с соответствующим министром, притом порою без ведома своего правительства, то или иное решение по стоящим перед двумя странами вопросам, и только после этого настаивал на санкции своего МИД. Подвергнув критике эту слабую аргументацию, я заявил, что остаюсь при своем мнении. После нескольких неудачных попыток убедить меня, Того сказал, что я, очевидно, считаю более полезным ведение переговоров с Хирота, что я подтвердил. Вслед за этим Того неожиданно сообщил мне о том, что Адати ** рассказал Хирота о моей с ним беседе от 29 августа 1934 г.²⁵³, в которой я, заявляя, что Хирота может, если захочет, найти подходящий способ к возобновлению переговоров, сказал, что таковым способом могло бы явиться, скажем, приглашение Хирота меня к себе в гости. Я подтвердил сообщение Того, ибо действительно сказал это Адати, добавив в другом месте разговора, что не буду возражать, если он как личный друг Хирота расскажет ему о нашей с ним беседе. Вслед за этим Того сообщил мне, что я буду вскоре приглашен Хирота на чай. Я поблагодарил и сказал, что с удовольствием приду. Того выразил надежду на то, что теперь переговоры закончатся быстрее и успешно, что на нынешнем этапе их развития это может быть сделано даже в один день. К этому он добавил, что, поскольку переговоры переходят к Хирота, его, Того, миссия окончена и встречи и разговоры с Козловским нужно считать отпавшими. После этого я перевел разговор на события в Маньчжурии и подверг критике действия Японии там. На этот раз Того держался менее

* См. док. № 314.

** Один из лидеров политической партии Кокумин домэй.

уверенно, чем во время моей с ним беседы от 22 августа *. Далее Того подтвердил предстоящий уход в отставку адмирала Суэцугу. На мое замечание о том, что этот уход, очевидно, рассчитанный на улучшение атмосферы для предстоящих морских переговоров **, имеет большое политическое значение, Того ответил, что Япония хочет жить со всеми странами в мире. Прощаясь, Того сказал мне «до скорого свидания». Это может означать, что мы встретимся с ним у Хирота ³⁵⁴.

4-го в 7 часов вечера по токийскому времени получил ответную ноту на мою ноту от 22 августа ***.

Полпред

Печат. по арх.

326. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу

8 сентября 1934 г.

Уважаемый товарищ,

Вследствие продолжающейся в связи с событиями чрезмерной перегрузкой я и сегодня не смогу продиктовать Вам письмо по ряду вопросов, на которых следовало бы остановиться. Я ограничусь поэтому лишь некоторыми соображениями общего порядка о создавшемся в наших отношениях с Японией положении.

1. Беспрецедентная даже в истории советско-японских отношений кампания шантажа, нажима и угроз ³³⁹ была предпринята в первую очередь для того, чтобы заставить нас капитулировать в переговорах о КВЖД ^{****}. Эта кампания, однако, вместе с тем, безусловно имела в виду оказать влияние на переговоры о приеме СССР в Лигу наций и о заключении Восточного пакта ^{*****}. Инициаторы кампании, — а я думаю, что первым среди них был Хирота, — стремились активизировать антисоветские элементы на Западе, внушив им, что положение СССР не так уже прочно, что ему предстоит на Дальнем Востоке война и что в связи с этим он является невыгодным контрагентом как для Лиги наций, так и для Восточного пакта.

2. Кампания, предпринятая первоначально как большой и смелый маневр для достижения определенных внешнеполитических целей, была, однако, с самого начала подхвачена с совсем другими целями военно-фашистскими кругами в Япо-

* См. док. № 314.

** Имеются в виду морские переговоры между Англией, США и Японией: см. газ. «Известия», 24 октября 1934 г.

*** См. док. № 313.

**** См. док. № 310.

***** См. док. № 365, 439.

нии, разные группы которых, в зависимости от их установок, стремились использовать эту кампанию для срыва переговоров о КВЖД, для проведения репрессивных мероприятий против СССР в Маньчжурии, вплоть до захвата КВЖД, для мобилизации японской общественности против СССР с целью подготовки японского народа к войне с нами, для какой-либо цели был пущен в ход опасный лозунг, будто СССР собирается напасть на Японию.

3. Первоначальные инициаторы кампании очень скоро могли убедиться, что инициатива и контроль ушли из их рук и что они «вызвали духов», с которыми им уже трудно справиться. Хирота и японское правительство могли очень скоро убедиться в том, что кампания не только не достигает поставленных ими внешнеполитических целей, но приводит к прямо противоположным результатам и наносит несомненно более вреда Японии, чем СССР. Вместо того чтобы обеспечить капитуляцию СССР, эта кампания вызвала с его стороны решительный отпор и контркампанию, которая очень больно ударила по японским интересам. С другой стороны, вместо того, чтобы мобилизовать антисоветские элементы на Западе и убедить общественное мнение, что в обострении отношений виновен СССР, действия японского правительства и инсценированная им антисоветская кампания привели к почти всеобщему осуждению японских методов и к еще большей изоляции Японии среди общественности всего мира. Не без влияния на сознание полного провала предпринятой против нас акции были, по-видимому, известия с Запада об энергичной акции Франции и, что особенно важно для Японии, также Англии * по обеспечению принятия СССР в Лигу наций и осуществлению Восточноевропейского пакта.

4. Особенную роль в провале японской акции сыграло наше коммюнике о ходе переговоров о продаже КВЖД **. Это коммюнике разоблачило обман японского народа со стороны Хирота и военщины, стремившихся убедить весь мир, и особенно японскую общественность, в нашей неуступчивости и агрессивности. Наше коммюнике лишило Хирота и военных возможности мобилизовать японское общественное мнение против СССР вокруг этих лозунгов о нашей неуступчивости и агрессивности.

5. Вследствие всего изложенного и по всей вероятности в результате нажима умеренных кругов Хирота и японское правительство были вынуждены начать свертывать свою акцию и поспешно искать выхода *** из ими же созданного тяжелого

---

* См. док. № 266, 322.

** См. док. № 310.

*** См. док. № 314.

положения для Японии. Ускоряющим моментом явилось, я думаю, опасение, как бы СССР, вступив в Лигу наций, не изменил радикально своей позиции в отношении к Маньчжоу-Го и тем самым в отношении переговоров о КВЖД. Возможно, что торопливость, проявленная Хирота при приглашении Вас к себе на квартиру и, в частности, то обстоятельство, что свою беседу с Вами* он начал с выяснения нашей готовности, в случае окончания переговоров, немедленно передать КВЖД Маньчжоу-Го, объясняются именно этими опасениями перемены позиции СССР в отношении Маньчжоу-Го после нашего вступления в Лигу наций.

6. Конечно, теоретически мыслимо, что все, что происходит за самое последнее время, является тоже маневром и именно маневром маскировки какого-нибудь агрессивного плана со стороны Японии. Все говорит, однако, за то, что это не маневр и что на сей раз Хирота и японское правительство действительно хотят возможно скорее закончить переговоры о КВЖД и добиться заключения соглашения, которое представило бы для них крупнейший внешний и внутренний политический успех.

7. Мы, конечно, по-прежнему заинтересованы в том, чтобы с соблюдением достоинства и элементарных интересов нашей страны возможно скорее ликвидировать проблему КВЖД в наших отношениях с Японией. Мы сделаем для этого все возможное, и не исключено, что к моменту получения этого письма будет достигнуто уже окончательное соглашение по важнейшим вопросам передачи КВЖД.

8. Небывало мирная обстановка рыболовного промысла этого года в камчатских водах, отсутствие конфликтов на японских концессиях на Сахалине и установление хороших отношений между ними и нашими властями, и, наконец, заключение Сахалинского соглашения¹⁷⁰ — все это значительные величьи в активе наших отношений с Японией за последнее время, и значение их вырастет еще больше после заключения соглашения о КВЖД. Таким образом, можно ожидать, что благополучное окончание переговоров о КВЖД откроет новый, более спокойный этап советско-японских отношений.

9. Конечно, этим я не хочу сказать, что с достижением соглашения о КВЖД будут устранены все опасности из наших отношений с Японией. Пока в Японии есть сильная военная партия, мечтающая об экспансии на азиатском материке и, в частности, на нашем Дальнем Востоке, дальневосточная проблема не потеряет для СССР актуальности и остроты.

10. Все говорит за то, что сейчас же, после соглашения о КВЖД, японское правительство выдвинет предложение о

---

* См. док. № 325.

демилитаризации советско-маньчжурской границы. Постановка этого вопроса со стороны Ота²⁵⁵ и важное место, уделяемое этой проблеме в сегодняшней телеграмме Каваками, который живет у Ота и инспирируется им, подтверждают актуальность этой проблемы. Нам необходимо поэтому уделить ей максимальное внимание и постараться заблаговременно подготовить материалы и контраргументацию для отражения японских поплзновений.

11. Обращает на себя внимание большая активизация Ота, который имел со мной уже несколько частных бесед по важнейшим вопросам наших отношений с Японией²⁵⁶. Он отражает, несомненно, взгляды умеренных кругов японской буржуазии и далеко не во всем согласен с Хирота. Все говорит за то, что Ота действует на свой страх и риск.

12. По просьбе Ота я получил согласие т. Сталина принять Каваками для беседы после возвращения из отпуска, которая состоится, вероятно, не ранее начала октября*.

С товарищеским приветом

Б. Стомоляков

Печат. по арх.

327. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Германии в СССР Твардовским

10 сентября 1934 г.

Твардовский сказал, что получил поручение МИД вручить мне меморандум, сводящий воедино результаты изучения немецкой стороной вопроса о так называемом Восточноевропейском пакте. После этого он вручил мне объемистый (12¹/₂ стр.) экземпляр на немецком языке и одновременно его французский перевод**.

Далее Твардовский кратко, по пунктам, в течение 10 минут изложил содержание меморандума.

После того как Твардовский закончил изложение, я сказал, что совершенно естественно какой-нибудь ответ и оценку меморандума смогу дать лишь по внимательном ознакомлении с этим основательным документом²⁵⁷. Первое мое впечатление от краткого изложения содержания документа Твардовским таково, что германское правительство соглашается на региональный пакт, предусматривающий обязательство ненападения и консультацию в случае нападения, но отказывается заключить пакт о взаимопомощи.

* Беседа не состоялась, Каваками выехал из СССР в сентябре 1934 г.

** См. журн. «Международная жизнь», № 7 1963, стр. 154.

Твардовский сказал, что в общем и целом мое впечатление правильно. Он просит меня, если при более детальном ознакомлении с меморандумом у меня возникнут те или другие вопросы, требующие разъяснения, вызвать его, и он охотно даст мне эти разъяснения.

Я ответил, что в случае необходимости воспользуюсь его предложением.

На этом мы расстались.

Н. Крестинский

Печат. по арх.

328. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу

10 сентября 1934 г.

Дайте Хирота следующий ответ:

«1. Советское правительство сожалеет, что Хирота, решив возобновить переговоры, ограничился лишь незначительной уступкой, которая не может разрешить основного разногласия переговоров, а именно вопрос о цене выкупа КВЖД²⁵⁴. Советское правительство полагает, что после 15-месячных переговоров не следует становиться на путь мелкого и длительного торга и что пора уже действительно закончить переговоры. Хотя цена в 160 млн., предложенная Советским правительством 30 июля, и представляет уже большую жертву с его стороны, поскольку она значительно ниже действительной стоимости дороги, Советское правительство готово, при условии прекращения торга и немедленного согласия японского правительства на это предложение, договориться на средней цене посредством разделения пополам разницы, оставшейся между советским предложением в 160 млн. иен и японским предложением в 130 млн. иен^{*}.

2. Что касается других условий продажи, затронутых Хирота в его предложении от 6 сентября²⁵⁴, то Советское правительство не считает целесообразным вести дискуссию по ним до того, как будет достигнуто согласие в отношении основного вопроса о цене. Однако после принятия Хирота предложения, изложенного в п. 1, Советское правительство согласно будет совместно с японским правительством попытаться разрешить путем компромисса вопрос об оставшихся разногласиях по другим условиям продажи КВЖД»^{**}.

Стомоляков

Печат. по арх.

^{*} См. док. № 310.

^{**} См. док. № 338.

329. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии Б. Е. Штейна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

12 сентября 1934 г.

Только что посетивший меня Ирве-Коскнен признал, что стремление добиться «освобождения» Карелии и Ингерманландии во время возможного конфликта между нами и Японией сделалось всеобщим мнением в Финляндии *. Он признал правильность всех моих аргументов. По его словам, финляндское правительство уже само озабочено этой волной небывалой пропаганды против СССР и обсуждало даже проект закрытия карельского академического союза. Эта мера встретила сопротивление со стороны министра внутренних дел, который сам является членом этого союза. Считаю желательным серьезный разговор т. Литвинова с Хакселем в Женеве и прошу вас со своей стороны поддержать это предложение **. Беру с собой необходимые для этого разговора материалы.

Полпред

Печат. по арх.

330. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Л. М. Карахана в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

13 сентября 1934 г.

В конце сентября истекает срок действия пограничной конвенции ***. Турки предлагают возобновить еще на полгода. На мое указание, что нет движения по вопросу заключения новой конвенции, МИД ответил, что установленная по новому закону междуведомственная комиссия согласилась в принципе на заключение новой конвенции. Турецкий контрпроект вырабатывается, будет вручен в течение месяца. Уполномочьте меня на возобновление действующей пограничной конвенции на 6 месяцев ²⁵⁸.

Полпред

Печат. по арх.

331. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Председателю XV Ассамблеи Лиги наций Саидлеру

15 сентября 1934 г.

Господни Председатель,
Советское Правительство получило телеграмму, подписанную значительным числом членов Лиги наций, а именно: Юж-

* См. док. № 274.

** См. также док. № 332, 341.

*** См. т. XI, док. № 273.

но-Африканским Союзом, Албанией, Австралией, Австрией, Великобританией, Болгарией, Канадой, Чили, Китаем, Испанией, Эстонией, Эфиопией, Францией, Грецией, Гаити, Венгрией, Индией, Ираком, Италией, Латвией, Литвой, Мексикой, Новой Зеландией, Персией, Польшей, Румынией, Чехословакией, Турцией, Уругваем и Югославией, в которой они, подчеркивая как то, что задача Лиги наций состоит в организации мира, так и то, что это требует общего сотрудничества в указанном деле всех народов, приглашают Союз ССР вступить в Лигу наций и принести ей свое сотрудничество. Одновременно Советское Правительство было официально извещено правительствами Дании, Финляндии, Норвегии и Швеции об их благоприятном отношении ко вступлению Союза ССР в Лигу.

Советское Правительство, которое поставило главной задачей своей внешней политики организацию и укрепление мира и никогда не оставалось глухим к предложениям международного сотрудничества в интересах мира, принимая во внимание, что, поскольку полученное им приглашение исходит от подавляющего большинства членов Лиги, это приглашение выражает действительное желание мира со стороны Лиги наций и признание ими необходимости сотрудничества с Союзом ССР, готово ответить на него и стать членом Лиги наций, заняв в ней подобающее ему место, принять на себя соблюдение всех международных обязательств и всех решений, связующих членов согласно статье I Статута.

Советское Правительство особенно радо вступить в Лигу в тот момент, когда ею рассматривается вопрос об изменении Статута в целях согласования его с пактом Бриана — Келлога* и полного объявления международной войны вне закона.

Поскольку статьи 12 и 13 Статута предоставляют на усмотрение государств передачу споров на третейское или судебное разрешение, Советское Правительство полагает необходимым уточнить, что, по его мнению, подобный порядок не может применяться к конфликтам, относящимся к вопросам, возникшим до его вступления в Лигу.

Позволяю себе высказать надежду, что настоящее заявление будет принято всеми членами Лиги в том же духе искреннего желанья международного сотрудничества и обеспечения мира всем нациям, в каком оно было сделано.

Благоволите принять и пр.

Народный Комиссар по Иностранным Делам
М. Литвинов

Печат. по арх. Опубл. в «Сборнике действующих договоров...», вып. VIII, М., 1935, стр. 36—37.

* См. т. XI, док. № 298.

В упоминаемой телеграмме от 15 сентября 1934 г. говорилось:

«Нижеподписавшиеся делегаты на XV Ассамблее Лиги наций от нижеперечисленных стран:

Южно-Африканского Союза, Албании, Австралии, Австрии, Великобритании, Болгарии, Канады, Чили, Китая, Испании, Эстонии, Эфиопии, Франции, Греции, Гаити, Венгрии, Индии, Ирака, Италии, Латвии, Литвы, Мексики, Новой Зеландии, Персии, Польши, Румынии, Чехословакии, Турции, Уругвая и Югославии,

считая, что задача поддержания и организации мира, являющаяся основной целью Лиги наций, требует сотрудничества всех государств,

приглашают Союз ССР вступить в Лигу наций и принести ей свое ценное сотрудничество.

Настоящая телеграмма сообщена Председателю Ассамблеи Лиги наций.

Эрик Х. Лоу, Лек Курти, С. М. Брюс, Е. Бергер, Антони Иден, К. Батолов, Р. Б. Беннет, Мануэль Ривас-Викуня, Го Тай-чи, Де Мадариага, Ю. Сельямаа, Текле Хазарьяте, Луи Барту, Д. Максимос, С. Майар, Г. Танчос, Денис Брай, Нури Саид, Алоизи, В. Мунтерс, С. Лозорайтис, Ф. Кастилло Нахера, С. И. Парр, Б. Каземи, Бек, Н. Титулеску, Эдуард Бенеш, Тевфик Рюштю, А. Гуани, Боголюб Ефтич».

В письме главы шведской делегации на XV Ассамблее Лиги наций Председателю Совета Лиги наций Бенешу от 15 сентября 1934 г. указывалось:

«Господни Председатель,

Имею честь, в согласии с главами датской, финляндской и норвежской делегаций, довести до сведения Вашего Превосходительства, что правительство Дании, Финляндии, Норвегии и Швеции сегодня подтвердили обычным дипломатическим путем Советскому Правительству свои решения голосовать за вступление Союза ССР в Лигу наций.

Считаю нужным добавить, что соответствующие делегации были бы уполномочены присоединиться к приглашению, имеющему такую цель, в том случае, если бы подобное приглашение могло быть сделано самой Ассамблеей.

Благоволите принять и пр.

Рихард Сандлер»

Решение Совета Лиги наций от 15 сентября 1934 г. о предоставлении СССР постоянного места в Совете

«Совет,

получив сообщение о письме Союза Советских Социалистических Республик, адресованном 15 сентября 1934 г. Пред-

седателю Ассамблеи Лиги наций и касающемся вхождения этого государства в Лигу наций,

назначает на основании полномочий, которыми он пользуется по статье 4-й пакта Лиги наций, Союз Советских Социалистических Республик постоянным членом Совета с того момента, как решение о его принятии в Лигу будет вынесено Ассамблеей,

рекомендует Ассамблее одобрить это решение» *.

Решение Ассамблеи Лиги наций от 18 сентября 1934 г. о принятии СССР в Лигу наций

«1. Собрание постановляет принять Союз Советских Социалистических Республик в Лигу наций.

2. Собрание одобряет предложение, сделанное Советом в его резолюции от 15 сентября 1934 года, относительно включения Союза Советских Социалистических Республик в Совет в качестве постоянного члена» **.

332. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Финляндии Н. Г. Позднякову

15 сентября 1934 г.

Уважаемый товарищ,

1. Признания Ирве-Коскинена, о которых телеграфировал г. Штейн ***, подтверждают наши худшие выводы и предположения относительно степени и размеров враждебной нам пропаганды в Финляндии. После получения сообщения великих держав ****, и в частности Англии, о их положительном отношении к вступлению СССР в Лигу наций, Финляндии ничего другого не оставалось, как тоже дать на это согласие. Вместе с тем, однако, финляндское правительство, поддержанное всеми буржуазными партиями, включая социал-демократов, решило после нашего вступления в Лигу наций поставить там вопрос о Восточной Карелии *****. Таким образом, вступление наше в Лигу откроет новый период конфликтов с Финляндией.

---

* Эта резолюция принята единогласно при 3 воздержавшихся (Аргентина, Португалия, Панама): см. газ. «Известия», 17 сентября 1934 г.

** Против этого решения голосовали Голландия, Португалия и Швейцария (см. «League of Nations. Official Supplements», N 122, Geneva, October, 1934, p. 18).

*** См. док. № 329.

**** См. док. № 290, 292, 303.

***** См. док. № 341.

2. 13 сентября итальянский посол Аттолико информировал меня, на основании сообщений итальянского посланника в Гельсингфорсе Тамаро, что на недавних маневрах в Восточной Финляндии было несколько японских офицеров. Хаксель говорил как-то при случае Тамаро, что на зимних маневрах тоже будут японские офицеры, ибо-де Япония интересуется вообще зимними методами военной работы. Одновременно Тамаро сообщает, что, по дошедшим до него сведениям, в нескольких внутренних центрах Финляндии обосновались японские купцы с целью организации разведывательной сети в Финляндии, направленной против нас.

3. Все изложенное требует усиления нашей бдительности. Полпредство должно по всем линиям развивать максимум инициативы и энергии для выявления форм враждебной нам работы в Финляндии и, в частности, для выявления японской работы.

Прошу Вас обратить на все это самое серьезное внимание.
С товарищеским приветом

Стомоняков

Печат. по арх.

333. Обмен нотами между Правительством СССР и Правительством Албании об установлении дипломатических отношений *

1. НОТА ВРЕМЕННОГО ПОВЕРЕННОГО В ДЕЛАХ СССР В ИТАЛИИ ПОВЕРЕННОМУ В ДЕЛАХ АЛБАНИИ В ИТАЛИИ

Рим, 17 сентября 1934 г.

Господин Поверенный в Делах,

По распоряжению моего Правительства я имею честь уведомить Вас, что Правительство Союза ССР решило установить с момента этого обмена нотами нормальные дипломатические и консульские отношения с Албанией и приступить к установлению дипломатического представительства.

Правительство Союза ССР твердо надеется, что установленные таким образом между обоими нашими народами отношения будут способствовать поддержанию их дружественных отношений и всеобщего мира.

Благоволите принять и пр.

[Временный Поверенный
в Делах СССР в Италии]

* См. также т. VII, док. № 209.

2. НОТА
ПОВЕРЕННОГО В ДЕЛАХ АЛБАНИИ В ИТАЛИИ
ВРЕМЕННОМУ ПОВЕРЕННОМУ В ДЕЛАХ СССР В ИТАЛИИ

Рим, 17 сентября 1934 г.

Господин Поверенный в Делах,

По распоряжению моего Правительства я имею честь уведомить Вас, что Албанское Правительство решило установить с момента этого обмена нотами нормальные дипломатические и консульские отношения с Союзом ССР и приступить к установлению дипломатического представительства.

Албанское Правительство твердо надеется, что установленные таким образом между нашими двумя народами отношения будут способствовать поддержанию их дружественных отношений и всеобщего мира.

Благоволите принять и пр.

[Поверенный в Делах
Албании в Италии]

Печат. по арх. Оpubл. в «Сборнике действующих договоров...», вып. VIII, М., 1925, стр. 3—4.

334. Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на XV Ассамблее Лиги наций

18 сентября 1934 г.

Я Вам искренне благодарен, г-н председатель, за весьма любезные слова приветствия, которыми Вы встретили первое появление здесь делегации Советского Союза. Эту благодарность я распространяю и на все те делегации, по приглашению и вследствие голосования которых мы сюда явились. Я считаю также своим приятным долгом с благодарностью отметить инициативу французского правительства, активно поддержанную правительствами Великобритании и Италии, и искренние усилия, сделанные для осуществления этой инициативы французской делегацией и лично уважаемым министром иностранных дел Французской республики г. Барту и председателем Совета доктором Бенешем.

Советский Союз и Лига наций

Господин председатель, господа! Приглашительная телеграмма на имя моего правительства и голосования Совета и Ассамблеи * доказывают, что все делегации за ничтожным исключением отдают себе отчет в том значении, которое имеет появление в этой зале делегации Советского государства, и в благотворных последствиях, которые оно должно иметь. Зна-

* См. док. № 331.

чение это определяется не только формальным актом нашего вступления в Лигу, но и той обстановкой, в которой это происходит, и той эволюцией взаимоотношений Советского правительства с Лигой наций, которая предшествовала нашему вступлению. На этой эволюции я хотел бы кратко остановиться, если даже и придется мне сделать — хочу надеяться, в последний раз — небольшую экскурсию в область не совсем приятного прошлого, тем более, что и в другом месте касались этого прошлого.

Вступление в Лигу лишь на 15-м году ее существования одного из крупнейших государств мира требует, несомненно, некоторого объяснения. Я буду говорить с той прямоотой и откровенностью и в то же время искренностью, в которых мне не откажут многие из вас, знающих меня, и которые, я убежден, будут лишь содействовать нашему взаимопониманию и дальнейшему сотрудничеству.

Мы представляем здесь новое государство, новое не в географическом смысле, а в смысле его внешнего облика, его внутренней политической и социальной структуры и содержания его стремлений и идеалов. Появление на исторической арене всякой новой формы государства всегда встречалось с враждебностью со стороны остальных, старых государственных формаций. Нет ничего удивительного в том, что появление нового, Советского государства с радикально отличным от всего до сих пор известного социально-политическим режимом натолкнулось на особенно интенсивную внешнюю враждебность, которую проявили буквально все почти государства мира.

Эта враждебность была не только теоретической, идейной, но нашла выражение даже в военных действиях, носивших характер извне организованных длительных попыток вмешательства во внутренние дела нового государства с целью вернуть его на старые рельсы. В то время, когда образовывалась Лига наций для прокламирования организации мира, народам нашего Союза не дано еще было пользоваться благами мира. Они вынуждены были еще долго с оружием в руках отстаивать свой внутренний покой, свое право на самоопределение и свою внешнюю независимость. Но даже с прекращением наиболее крайних форм вмешательства в дела нашего государства не прекратилась враждебность окружающего мира в самых различных формах и степенях.

Представляется совершенно понятным, что взаимоотношения между Советским государством и Лигой наций не могли быть иными, чем между ним и государствами, входившими в Лигу. Более того, народы Советского Союза, естественно, опасались, что эти государства, объединившись в Лигу, придадут своей враждебности к Советскому Союзу коллективные выражения, объединив свою антисоветскую деятельность.

Вряд ли можно отрицать, что в то время и даже значительно позднее находились государственные люди, которые действительно имели в виду такие коллективные действия или по крайней мере мечтали о них. Они, с одной стороны, недооценивали сопротивляемость внутренних сил нового государства, а с другой стороны, переоценивали ту гармонию политических и экономических интересов остальных государств, которую в их представлении должна была воплощать Лига. Они еще продолжали верить, что последняя мировая война должна неизбежно быть последней войной и что порядок, ею установленный, абсолютно незыблем, и даже отвергали возможность покушений на его насильственное изменение.

Они мечтали об установлении хотя бы временного мира, который отнюдь не распространялся бы, однако, на новое, Советское государство. История последнего десятилетия, история самой Лиги наций, усложнившиеся международные противоречия, затянувшийся экономический кризис и, наконец, история развития Советского государства показали совершенную утопичность подобных тенденций и мечтаний, и мы счастливы сегодня констатировать, что носителей подобных утопий и сторонников игнорирования и изолирования Советского Союза мы, к счастью, не встречаем среди государственных людей с широкими политическими горизонтами, среди представителей более или менее значительных государств, определяющих международную жизнь, реалистически мыслящих и понимающих требования времени, а разве что среди провинциальных политиков с ограниченным кругозором мелкого прихода, которые не в состоянии подняться выше своих мелких политических страстей и больших предрассудков и которые черпают свое знание стран и народов из самых мутных источников. Мы можем лишь пожалеть таких людей и пожелать им скорейшего просветления и обращения к более надежным источникам информации. Я пользуюсь случаем, чтобы выразить твердое убеждение, что тем временем Лига наций позаботится о том, чтобы такие люди не имели касательства к делам, задевающим интересы Советского государства, когда будет требоваться беспристрастное суждение и хотя бы элементарное понимание мировых событий.

Я уже указывал, каковым было отношение Советского Союза к Лиге наций при ее возникновении и на первых стадиях ее развития и причины этого отношения. Я должен к этому откровенно добавить, что Советское правительство не могло бы солидаризироваться со всеми решениями Лиги тогдашнего времени и что, если бы мы участвовали в составлении Устава Лиги, мы против некоторых его пунктов возражали бы.

В частности, мы возражали бы против предусмотренной статьями 12 и 15 легализации в некоторых случаях войны, и

мною поэтому отмечено в письме от 15 сентября наше удовлетворение предложением об изменении этих пунктов Устава*. Мы далее возражали бы против статьи 22 о системе мандатов. Мы считаем также пробелом отсутствие в статье 23 обязательства расового равноправия. Все это, однако, не имело столь существенного значения, чтобы удерживать Советский Союз от вхождения в Лигу, тем более, что всякий новый член, вступающий в организацию, может быть морально ответственный лишь за те решения, которые были приняты с его участием и с его согласия.

СССР — великий союз народов

Далее для разъяснения наших позиций я хочу отметить, что сама по себе идея объединения наций ничего принципиально неприемлемого для Советского государства и его идеологии не представляет. Советский Союз сам по себе есть Лига наций в лучшем смысле этого слова. Он объединяет 185 народностей, среди них 13 численностью не менее 1 миллиона каждая, и такие нации, например, как Россия, Украина, насчитывающие каждая десятки миллионов людей.

Я беру на себя смелость утверждать, что никогда и нигде народности не сосуществовали так мирно в рамках единого государства, не развивались так свободно в культурном отношении, не пользовались такой свободой национальной культуры вообще и языка в частности. Ни в одной другой стране не преследуется и не искореняется так решительно проявление расовых и национальных предрассудков, как это имеет место в Советском Союзе. В смысле равенства прав в Союзе нет ни национальных большинств, ни национальных меньшинств, ибо ни одна народность ни в теории, ни на практике не имеет меньших прав и меньших возможностей развития культурного и экономического, чем другая.

Ожило и стало вновь развиваться множество народностей, которые казались уже обреченными на полную гибель. Ибо речь идет о территории, где до возникновения советского режима все народности, кроме господствовавшей русской, насильственно подавлялись и угнетались. Ныне периодическая печать Советского Союза выходит на 50 языках. Национальная политика Советского правительства и ее результаты нашли должную оценку со стороны не только дружественно, но даже и враждебно настроенных к Советскому Союзу людей, которые посещали наше государство и изучали на месте национальный вопрос.

Конечно, все народности нашего Союза объединены общим политическим и экономическим режимом, общим стремлением

* См. док. № 331.

к единому идеалу, в достижении которого они между собой соревнуются. Но Советское государство отнюдь не исключало возможности той или иной формы сотрудничества с государствами и иного режима, иной политической и социальной структуры для достижения общих целей.

Предпосылками для этого оно считало: во-первых, предоставление каждому государству возможности сохранения своего государственного, если можно так выразиться, лица с усвоенной им социально-экономической системой, иначе говоря, взаимное невмешательство во внутренние дела объединившихся государств, и, во-вторых, наличие общих целей.

О первой предпосылке, под которой мы разумеем мирное сосуществование социально-политических систем на данном историческом отрезке времени, мы не раз говорили на международных конференциях и мы за нее вели борьбу. Мы добились еще раньше включения ее в некоторые постановления и резолюции этих конференций.

Необходимо было, однако, дальнейшее развитие событий, чтобы этот принцип пробил себе дорогу и к более широкому признанию. Окончательным признанием этого принципа можно считать приглашение и принятие СССР в Лигу наций. Мы входим в эту Лигу сегодня как представители новой социально-экономической системы государства, не отказываясь ни от каких особенностей этого государства и сохраняя полностью свое лицо, как сохраняют его остальные государства, здесь представленные.

Что касается общих целей, то во многих областях они были уже и раньше найдены. Общественные деятели, ученые, артисты Советского государства давно уже благотворно сотрудничают с представителями других государств индивидуально и в организованном порядке во всех областях науки и культуры, а также по разрешению проблем гуманитарного характера.

Сотрудничество Советского Союза с другими государствами в рамках Лиги наций оказывалось уже раньше желательным и возможным и в экономической области. Советские делегации участвовали в комитете по изучению пан-Европы*, занимавшемся преимущественно экономическими вопросами, в обеих экономических конференциях** и в других, менее обширных конференциях и совещаниях. Здесь уместно напомнить, что на всех этих совещаниях советские делегации выступали с предложениями, имевшими целью возможное устранение хаоса в международных экономических отношениях и выявление общих всем государствам интересов.

---

* См. т. XIV, док. № 27, 39, 118.

** См. т. XVI, док. № 178, 179, 187.

Не отказывалось Советское правительство и от сотрудничества политического характера, когда от этого сотрудничества можно было ожидать смягчения международных противоречий и увеличения гарантий безопасности и упрочения мира. Мне достаточно напомнить об активном участии советской делегации в Подготовительной комиссии конференции по разоружению и в самой конференции, где делегация от имени Советского правительства изъявила готовность на любой степени разоружения, выступая с далеко идущими в сторону обеспечения мира предложениями, из которых некоторые получили широкое международное признание и даже применение. Я при этом не без гордости вспоминаю советское определение агрессии*, легшее теперь в основу множества международных актов.

Нужна была, однако, одна большая доминирующая общая цель, которая показала бы наглядно и с неоспоримой убедительностью всем народам, в том числе и народам Советского Союза, целесообразность и даже необходимость более тесного сотрудничества Советского Союза с Лигой наций, вплоть до вхождения Союза в Лигу. Выявлению такой цели особенно способствовали события последних двух-трех лет.

Тридцать делегаций Ассамблей, составляющих большинство членом Лиги, представляющих все крупные и сколь-нибудь значительные государства, в своем обращении к Советскому правительству заявили, что миссией Лиги является организация мира и что для успеха этой миссии требуется сотрудничество Советского Союза.

Они знали, что государство, к которому они обращаются, в течение 17 лет своего существования не щадило усилий для установления наилучших добрососедских отношений со всеми своими соседями на прочных основах для сближения со всеми государствами, которые этого хотели, и благодаря этому стало могучим фактором международного мира.

Со своей стороны Советское правительство, следившее внимательно за всеми явлениями международной жизни, не могло не заметить усиливающуюся активность в Лиге наций государств, заинтересованных в сохранении мира и в борьбе с агрессивными воинственными элементами. Более того, оно заметило, что эти агрессивные элементы сами считают для себя рамки Лиги стеснительными и стараются от них избавиться. Все это не могло не оказать влияния на отношение Советского правительства к Лиге наций в его поисках дальнейших путей к той организации мира, ради сотрудничества с которой мы приглашены в Лигу.

---

* См. т. XVI, док. № 32.

Организация мира и организация войны

Организация мира! Можно ли думать о более обширной, более возвышенной и в то же время более конкретной и неотложной задаче для сотрудничества всех народов. Слова, употребляемые для политических лозунгов, имеют свою молодость и старость; они от частого употребления без практического применения изнашиваются и начинают терять свою действительность. Их надо тогда обновлять и наполнять новым содержанием. Слова «организация мира» должны звучать теперь иначе и иметь другое содержание, чем 12—15 лет тому назад. Война тогда многим в Лиге наций казалась весьма отдаленной теоретической возможностью, с предупреждением которой можно не спешить. Ныне война должна всем представляться грозной опасностью завтрашнего дня. Ныне организации мира, для которой еще сделано очень мало, противопоставлена весьма активная организация войны. Если прежде многие верили, что дух войны может быть изгнан заклинаниями, резолюциями, декларациями, то ныне все знают, что носители идеи войны, открытые возвестники перекраивания мечом политической карты Европы и Азии, не спасуют перед бумажными препятствиями. Члены Лиги наций знают это по опыту.

Перед нами теперь стоит задача предупредить войну более эффективными средствами. К более эффективным средствам нас толкает также и безуспешность конференции по разоружению, на которую раньше возлагалось столько надежд. При этом мы должны усвоить себе ту несомненную истину, что при современном сложном переплете политических и экономических интересов ни одна более или менее значительная война не может быть локализована и что любая война при любом исходе окажется только началом серии других войн. Мы должны также сказать себе, что любая война рано или поздно принесет несчастье всем странам как участвующим, так и не участвующим в войне. Не должен быть забыт урок мировой войны, последствия которой испытывают до сих пор как воевавшие, так и нейтральные страны. Обеднение всего мира, понижение жизненного уровня всех категорий труда, и физического и умственного, безработица, при которой никто не уверен в завтрашнем дне, не говоря уже об упадке культурных ценностей, о возвращении некоторых стран к идеям средневековья,— вот последствия мировой войны, которые чувствительно испытываются еще через 16 лет после ее окончания.

Мы должны, наконец, окончательно признать то положение, что никакая война с политическими или экономическими целями не может восстановить так называемую историческую справедливость, а только создать вместо одних несправедли-

востей другие, и, может быть, еще более резкие, и что каждый новый мирный трактат неизбежно несет в себе зародыши новых войн. Далее мы не должны упускать из вида происходящий на наших глазах новый рост вооружений, причем особенные опасения вызывает не столько их количественный, сколько качественный рост, с его колоссальным увеличением потенциала разрушения. Достаточно указать на быстрое завоевание воздушной войной равноправия с сухопутной и морской войной.

СССР боролся и будет впредь бороться за мир

Господа! Я не считаю настоящее мое выступление подходящим для детального развития мыслей об эффективных средствах предупреждения надвигающихся и открыто возвещаемых войн. Одно для меня ясно, — что мир и безопасность не могут быть организованы на зыбкой почве словесных обещаний и деклараций. Декларация миролюбия, повторенная хотя сто раз, не может внушить народам чувство безопасности, и в особенности там, где имеются основания ожидать агрессии или где накануне говорилось и писалось о завоевательной войне во всех направлениях, к которой ведется и идейная, и материальная подготовка. Требуются более существенные гарантии безопасности, чем декларация. Мы должны установить, как правило, что любое государство для обеспечения или укрепления своей безопасности вправе требовать от близких и дальних соседей гарантии этой безопасности и что подобное требование не должно почитаться выражением недоверия. Правительства с чистой совестью и действительно свободные от всяких агрессивных помыслов не могут отказать в замене деклараций более эффективными гарантиями, распространяющимися на них же самих и долженствующими дать и им полное чувство безопасности.

Господа! Я далек от преувеличения возможностей и средств Лиги наций по организации мира. Я, может быть, больше, чем кто-либо из вас, сознаю ограниченность этих средств. Я знаю, что Лига наций не имеет в своем распоряжении средств полного упразднения войн. Я убежден, однако, в том, что при твердой воле и дружном сотрудничестве всех ее членов весьма многое может быть сделано, и в каждый данный момент, для максимального уменьшения шансов войны. Но это является достаточно почетной и благородной задачей, осуществление которой принесет неисчислимые блага человечеству.

Над этой задачей Советское правительство не переставало работать в течение всего времени своего существования. От-

ныне оно хочет объединить свои усилия с усилиями других государств, представленных в Лиге. В этой предстоящей нам с вами общей работе, я уверен, будет мощно чувствоваться воля 160-миллионного государства к миру, к миру для себя и других государств. И, наблюдая благотворные результаты этого притока свежих сил в общее дело обеспечения мира, я уверен, мы с вами всегда с большим удовлетворением будем вспоминать нынешнюю дату, которая займет почетное место в анналах Лиги.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 221 (5469), 29 сентября 1934 г.*

335. Письмо врио Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинского и заведующего Правовым отделом НКВД СССР А. В. Сабанина Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу

19 сентября 1934 г.

13 сентября 1934 г. Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановил: «Поручить НКВД уведомить административный Совет Института интеллектуального сотрудничества о назначении постоянного представителя Союза ССР при институте в лице Полномочного представителя СССР во Франции или иного лица из состава этого Полномочного представительства по его указанию».

Ввиду изложенного прошу Вас предпринять необходимые формальности по выполнению постановления СНК и сообщить о производстве Вами соответствующего уведомления, а также о том, кто персонально будет являться постоянным представителем²⁵⁹.

Врио Народного Комиссара по Иностранным Делах
Крестинский
Зав. Правовым отделом
Сабанин

Печат. по арх.

336. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Японии с Министром Иностранных Дел Японии Хирота *

19 сентября 1934 г.

Я посетил Хирота. Сделал ему следующее предложение: «Советское правительство удивлено, что после решающей уступки, которую оно сделало своим предложением от 12 сен-

* Из дневника полпреда СССР в Японии за время с 17 сентября по 4 октября 1934 г.

тября*, г. Хирота вместо принятия этого предложения считает целесообразным затягивать переговоры требованием новой уступки в 5 млн. пен. Советское правительство тем более удивлено, что в своем обращении к полпреду 6 сентября г. Хирота неоднократно сам говорил о необходимости скорейшего окончания переговоров, немедленного введения соглашения в силу²⁵⁴ и т. п. Тем не менее, не желая участвовать в затягивании переговоров, Советское правительство согласно продать КВЖД за 140 млн. пен при условии, что японо-маньчжурская сторона примет приводимые ниже условия соглашения по другим вопросам, связанным с продажей КВЖД, при формулировании которых Советское правительство стремилось по возможности пойти навстречу пожеланиям, высказанным г. Хирота полпреду Юреневу в беседе от 6 сентября.

I. Советское правительство соглашается принять предложение г. Хирота о том, чтобы соглашение о КВЖД вступило в силу без ратификации и чтобы Маньчжоу-Го немедленно после этого вступило во владение всеми правами на КВЖД. С этой целью в тексте соглашения должно быть предусмотрено, что с момента его опубликования в Москве, Токио и Харбине дорога со всем ее активом и пассивом автоматически переходит во владение и управление Маньчжоу-Го, и тем самым советское руководство КВЖД автоматически освобождается от всех его функций и обязанностей. Все обязательства КВЖД переходят, таким образом, полностью на Маньчжоу-Го.

Примечание. Из передаваемого в распоряжение Маньчжоу-Го имущества КВЖД остаются во владении и распоряжении СССР дома и земельные участки, находящиеся в настоящее время в распоряжении консульств СССР в Маньчжурии.

Кроме того, во владение и распоряжение советской колонии в Маньчжурии для ее нужд поступают 2 школы, 1 техникум, 1 библиотека с комплектом книг из целого ряда библиотек, 2 клуба, дома и участки земли Харбинского благотворительного общества и 1 больница с поликлиникой.

II. Ввиду возможного дальнейшего повышения товарного индекса в Японии мы настаиваем на нашем праве размещения заказов в счет товарной части платежа, т. е. $\frac{2}{3}$ всей суммы — в течение 6 месяцев со дня подписания соглашения с тем, чтобы поставка в СССР была произведена в течение последующих двух лет.

---

* См. док. № 328.

III. Мы по-прежнему настаиваем на получении при подписании соглашения половины денежной части платежа с тем, что другая половина вносится маньчжурской стороной в 4 срока наличными в течение 3 лет.

IV. Мы также настаиваем на установлении золотой клаузулы в отношении денежной части суммы выкупа. Передавая огромные ценности на КВЖД, Советское правительство не может взять на себя риска понижения выкупной суммы в результате падения курса иены.

V. В порядке уступки мы даем согласие на то, чтобы маньчжурская администрация КВЖД предупреждала советских рабочих и служащих об увольнении с КВЖД за 4 месяца вперед с тем, что увольняемые обязаны покинуть Маньчжоу-Го через 3 месяца после их увольнения».

Доведя до сведения министра о вышеизложенном, я обратил его внимание на то, что мы сделали ряд серьезных уступок. Мы начали с уступки в вопросе о цене, чем расчистили поле для соглашения и положили конец дискуссии о цене. К числу больших уступок относятся: отказ от ратификации, наше согласие на освобождение советского руководства на КВЖД от его функций после подписания соглашения, наш отказ от установления номенклатуры и цен на товары и пр. Это дает нам право считать, что наши условия будут приняты.

Очень приятно, сказал Хирота, что вопрос о цене урегулирован. Что касается прочих вопросов, то они касаются Маньчжоу-Го, и поэтому Маньчжоу-Го должно будет их изучить. Ввиду этого я попрошу маньчжурского делегата немедленно приехать в Токио для того, чтобы я смог узнать мнение Маньчжоу-Го. Возможно, что Маньчжоу-Го поручит мне вести переговоры. Так или иначе мы заинтересованы в скорейшей ликвидации разногласий*.

Юрнев

Печат. по арх.

337. Беседа Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом США в СССР Буллитом

21 сентября 1934 г.

Буллит сказал, что он хочет поговорить со мной по вопросу о долгах и кредитах. С ним очень долго говорил на эту тему Сквирский. Сквирский доказывал ему, что мы ни в коем случае не можем пойти на предлагаемую американским правительством схему краткосрочных товарных кредитов**. В то же

* См. док. № 375. 396.

** См. также док. № 77.

время Сквирский утверждал, что, по его мнению, общественное мнение Соединенных Штатов примирилось бы с предоставлением нам займа или долгосрочного финансового кредита.

Буллит много думал над этими вопросами, и он хочет прежде всего услышать от меня, действительно ли для нас совершенно неприемлемо американское предложение.

Я ответил Буллиту, что мы настаиваем на предоставлении нам займа для долгосрочного финансового кредита вовсе не потому, что мы остро нуждаемся в такой именно форме кредита. Ведь речь идет об очень небольшой сумме, которая для нас большого экономического значения иметь не может. Это должно быть понятно Буллиту, который в течение уже почти года наблюдает наш экономический рост и размах нашего строительства. Если мы тем не менее категорически настаиваем на долгосрочном финансовом кредите, то делаем это мы потому, чтобы не создать неблагоприятного прецедента для наших расчетов с другими странами. Если мы согласимся уплатить Соединенным Штатам по старым долгам и претензиям 100 млн. долл., получив от них в качестве компенсации только товарные кредиты, то и Франция, и Англия, и другие страны, предоставляющие нам в широких размерах товарные кредиты, начнут требовать от нас хотя бы частичной уплаты долгов старых правительств. Платить по этим старым долгам мы не можем и не хотим, а отказывать им будет политически неудобно, если мы заключим то соглашение, которое нам предлагает правительство США.

Мы можем пойти только на соглашение лишь в такой форме, которая будет неприемлема для других стран — кредиторов старого русского правительства. По нашему мнению, единственной такой формой является заем или долгосрочный финансовый кредит.

Буллит сказал, что он понимает наши мотивы и не станет настаивать на том, чтобы мы непременно приняли предложение госдепартамента*.

Однако он знает, что госдепартамент не может принять предлагаемой нами схемы**.

Он хотел бы поэтому совместно поискать такую формулу, которая была бы приемлема для американского правительства и в то же время не создавала бы неприемлемого для нас прецедента. Ему приходится в голову такая схема. Советское правительство и правительство США заявляют, что они взаимно отказываются от всяких претензий. Во второй части того же протокола говорится, что американское правительство, через Экспортно-импортный банк, открывает нам товарные кре-

* См. док. № 302.

** См. док. № 311.

диты в такой-то сумме, а мы обязуемся выдать заказов на определенную сумму. Ему кажется, что, поскольку в документе не говорилось бы, что мы что-то платим по старым долгам, а просто декларировался бы взаимный отказ от претензий, никакие другие правительства не могли бы предъявить к нам требования по старым долгам.

Я ответил Буллиту, что он ошибается, что всякому будет ясна связь между первой частью документа о взаимном отказе от претензий и второй частью о кредитах и заказах. К нам придут, конечно, представители других государств и предложат подписать аналогичный документ.

А почему бы вам и не подписать аналогичного документа со всеми странами? — сказал Буллит. Ведь в нашем документе речь будет идти о сравнительно небольших суммах.

Я разъяснил Буллиту, что, поскольку задолженность старых правительств Франции, Англии и другим странам во много раз превышала задолженность Соединенным Штатам, то, конечно, другие правительства не удовлетворятся нашим обязательством разместить столько же заказов, сколько в Соединенных Штатах, а будут требовать пропорционально больше. Это же для нас неприемлемо и экономически, и политически.

Буллит согласился и стал просить меня, чтобы я подсказал ему какой-либо выход.

Я ответил, что мне трудно подсказать выход, поскольку они не принимают нашего предложения, которое, по моему убеждению, устраивает обе стороны и представляет собой лучший путь для разрешения проблемы старых долгов. Он должен понять, что нужно выбирать один из двух путей. Один путь, при котором общественному мнению будет известно, что мы принимаем на себя какие-то обязательства в вопросе о старых долгах. При этом пути тому же общественному мнению должно быть известно, что за эту нашу уступку мы получили компенсацию в форме займа. Всякий другой путь должен исходить из того, что мы никаких обязательств по старым долгам не принимаем. Может быть, можно было бы обсудить такую схему. Американцы открывают нам кредиты без урегулирования вопроса о долгах. Мы начинаем размещать заказы. Вместе с тем мы заявляем, что взаимно отказываемся от старых претензий. При этой комбинации американское правительство или банк могут делать что им угодно с получаемыми от нас за предоставляемый нам кредит процентами; если хотят, могут употребить их и на удовлетворение держателей старых долгов. Это дело американского правительства. Мы никакого соглашения о платеже старых долгов не заключаем и никаких специальных сумм для этой цели не уплачиваем. Мы просто платим по открываемым нам кредитам коммерчески приемлемый для нас процент.

Если бы при этой схеме кто-либо с американской стороны заявил публично, что мы платим что-либо по старым долгам, мы также публично заявили бы, что это неправда, что мы ничего американцам по старым долгам не платим.

В данном случае не было бы никакого вредного для нас прецедента, потому что действительно не было бы никакого соглашения между нами и американским правительством о долгах. Американское правительство просто решило бы отказаться от претензий по долгам в интересах расширения советско-американской торговли, которая принесет выгоды американскому хозяйству.

Таким путем я попробовал прозондировать настроение Буллита по отношению к схеме, которую Литвинов предлагал нам в своем письме из Праги²⁶⁰.

Я прибавил при этом, что то, что я говорю, не является каким-либо предложением, а является мыслями вслух, которые пришли мне в голову только сейчас. Вполне возможно, что, продумав этот вопрос внимательнее, я сам приду к убеждению, что в этой схеме имеются неприемлемые для нас или для американцев стороны.

Буллит ответил, что ему нравится моя идея, ибо она переносит вопрос в плоскость развития советско-американской торговли. Ему кажется, что на этом пути можно найти выход из тупика, но что он, конечно, тоже должен продумать этот вопрос.

После этого он поднялся и ушел в очень веселом настроении, повторяя, что он очень рад, что мы попробовали совместно начать искать выход из тупика. Он подумает над тем, что я говорил, и через несколько дней вернется еще к этому вопросу*.

Н. Крестинский

Печат. по арх.

338. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы

22 сентября 1934 г.

Имел деловую беседу с Бекон, коснувшуюся и Восточного пакта**. Он начал с того, что Германия почти дала отрицательный ответ***, а участие в пакте без Германии не гармонировало бы с польско-германским соглашением¹⁴. Польша довольна существующими договорами и опасается, что новый пакт их только ослабит. Он не понимает, почему державы не

* См. док. № 343

** См. также док. № 236.

*** См. док. № 197, 327.

интересовались Востоком несколько лет тому назад, когда положение там было действительно напряженное, а заинтересовались им теперь, когда благодаря заключенным пактам наступило успокоение. Намеченный нами регион произволен в отличие от определенного региона, охваченного пактами о ненападении и определением агрессии. Непонятно участие Чехословакии. Польша до сих пор старалась держаться в стороне от Малой Антанты и ее проблем и не хотела бы изменить этому принципу. Не может Польша также заключать пакт с Литвой, не признающей границ и не поддерживающей отношений с Польшей. Бек готов исполнить просьбу Барту и дать ему письменный ответ еще до своего отъезда из Женевы. В ответ я указывал, что сейчас речь идет о пакте с участием Германии и Польша должна выявить свое отношение именно к такому пакту независимо от ответа Германии, ибо ответ Польши может оказать влияние и на позицию Германии. Пусть Германия отвергает пакт и принимает на себя целиком ответственность, но зачем Польше делить с ней эту ответственность. Новый пакт не только не ослабит существующих соглашений, но укрепит их, в частности укрепит дружбу Польши с Францией и с нами, улучшив отношения с Чехословакией и не ухудшив отношений ни с кем, даже с Германией. Никакой опасности на Востоке со стороны Германии несколько лет тому назад еще не существовало, несмотря на польско-германские трения в Лиге наций и полемику в печати, ибо Германия тогда к войне не готовилась и готова не была. СССР же и Польша также не готовились к войне. Опасность на Востоке наступила с приходом Гитлера, с его программой завоеваний. Регион скорее может быть охвачен кривой линией, чем прямой. Страны, охваченные определением агрессии, от Турции до Финляндии, трудно назвать регионом, ибо это границы всей Европы. Теперь же речь идет о действительно ограниченном регионе с определенным центром. Участие Чехословакии отнюдь не вводит нас в интересы Малой Антанты, как не вводил туда Польшу ее союз с Румынией*. Польша раньше настаивала на заключении нами пакта с Румынией**, которая также не имела отношений с нами и признанной границы, так что есть полная аналогия между Румынией и Литвой. Во всяком случае, все заинтересованные государства имели достаточно времени для обсуждения всего комплекса проблем и принятия окончательного решения, и мы хотели бы теперь же знать это решение Польши. Я допускаю три возможных ответа: положительный, отрицательный или поправки к проекту. В заключение я просил Бека, и он обещал дать мне копию письменного ответа Барту. До сих пор этого ответа нет, и

* См. т. III, прим. 76.

** См. т. XIV, док. № 247.

надо полагать, что он будет доставлен за 5 минут до или даже после отъезда Бека, дабы не было возможности дальнейшего обсуждения с ним ответа*.

Литвинов

Печат. по арх.

339. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы

25 сентября 1934 г.

Из сегодняшней беседы с Барту вынес впечатление, что французы тоже решили заморозить вопрос дальнейших советско-французских отношений; они изучат германский меморандум**, на который они пока еще не собираются отвечать, ожидают польский ответ*** и решат, какие выводы из этого надо сделать, сохраняя с нами все время контакт. Так как это отвечает также и нашей позиции, согласно решению инстанции²⁶¹, я выразил полное согласие с высказанными Барту взглядами. По-видимому, Барту не уверен в дальнейшей судьбе кабинета Думерга и решил, как и мы, занять выжидательную позицию.

Кроме того, на авансцене сейчас австрийский вопрос. Барту сообщил, что ввиду отказа Англии от принятия новых обязательств итальянцы предлагают теперь Франции двойственное соглашение. Французы же не хотят оставить в стороне Малую Антанту, но, идя навстречу итальянским пожеланиям, предложат подтвердить еще раз февральскую декларацию о независимости Австрии**** с предварительного согласия лишь представителей Малой Антанты. Возможно, что перед Советом встанет вопрос о Сааре, хотя Алоизи склонен вновь занять дружественную Германии позицию и обменять эту позицию на уступки Франции в австрийском вопросе. Закулисные переговоры на эту тему могут затянуть сессию Ассамблеи, закрытие которой ожидается завтра. Вопросы, обсуждаемые в Ассамблее и в Совете, как, например, жалобы швейцарцев и финнов, а также боливо-парагвайские споры***** поучительны, но наших интересов не затрагивают.

Литвинов

Печат. по арх.

---

* См. док. № 346.

** См. док. № 327.

*** См. док. № 346.

**** См. газ. «Известия», 20 февраля 1934 г.

***** См. газ. «Известия», 20, 23, 26 ноября 1934 г.

340. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женева

25 сентября 1934 г.

Вчера Титулеску приходил объяснить, почему он настаивал на участии в Восточном пакте*. Оказывается, что Румыния имеет обязанности в качестве союзницы Польши не только в отношении СССР, но и остальных соседей Польши, кроме Германии. Румынию угнетает мысль, что теперь, в случае нападения Чехословакии на Польшу, она должна будет выступить против своей союзницы Чехословакии. Участие Румынии в Восточном пакте уравняло бы обязанности Румынии в отношении всех соседей Польши, причем польско-румынский союз** можно расторгнуть. Я сослался на заявление Барту мне об отказе Румынии от участия в пакте²¹⁶. Титулеску это отрицал, но подтвердил, что, пока продолжаются наши переговоры с Польшей и Германией, он не будет путаться и мешать.

Он сильно жаловался на поляков и в особенности на Германию, интригующую против него с королем.

Говорил с ним и о Дунайской комиссии***. Титулеску высказывал лично положительное отношение к вопросу, но указывал на трудности вследствие аналогичных требований со стороны Германии, Польши и Греции. Он предлагает продолжать переговоры дипломатическим путем.

Чиунту**** не приедет в Москву до поездки Островского*****.

Литвинов

Печат. по арх.

Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Финляндии в СССР Ирье-Коскиненом

25 сентября 1934 г.

1. Придя ко мне после возвращения в Москву, Ирье-Коскинеи сейчас же сам заговорил о наших отношениях в связи с последней беседой, которую мы имели с ним летом в день или за день до его отъезда в отпуск*****. Ирье-Коскинен сказал, что он говорил со многими политическими деятелями о наших отношениях и констатировал, что растущая антисоветская про-

* См. док. № 323.

** См. т. III, прим. 76.

*** См. т. XIV, прим. 63.

**** Посланник Румынии в СССР.

***** Вновь назначенный полпред СССР в Румынии.

***** См. док. № 274.

паганда в Финляндии начинает беспокоить уже многих в руководящих кругах Финляндии. Правительство уже принимает кое-какие меры, но, к сожалению, его возможности ограничены, ибо пресса все же свободна. Премьер-министр Кивимяки, принимая депутацию студентов, протестовавших против поддержки Финляндией принятия СССР в Лигу наций, очень серьезно отчитал студентов, разъяснив им, что они не должны вмешиваться в политику. Призвана также к порядку газета «Аян-Суунта». Впрочем, не надо преувеличивать значения всех этих выступлений, ибо все серьезные люди в Финляндии хотят поддерживать нормальные отношения с СССР.

Сославшись тоже на мои летние заявления и развивая их, я сказал Ирье-Коскинену, что считаю положение финско-советских отношений весьма серьезным. Та агитация, которая развернулась в Финляндии, в частности, в связи с нашим вступлением в Лигу наций, произвела здесь серьезное впечатление. Еще большее впечатление произвели известия о том, что пропаганда участия Финляндии в будущей войне с СССР делает большие успехи и что, в частности, ставится ставка на присоединение к Японии в случае ее нападения на СССР. Никогда за 9 лет, в течение которых я занимаю советско-финляндскими отношениями, состояние этих отношений не было более серьезным. Это состояние привлекает к себе у нас все большее внимание, и НКВД, вероятно, придется очень скоро делать доклад правительству по этому вопросу. Можно ожидать, что наше правительство примет те или иные решения против дальнейшего развития агрессивной пропаганды в Финляндии. Нельзя также ожидать, что наша пресса будет долго замалчивать антисоветскую кампанию финляндской прессы. Я спросил Ирье-Коскинена, передал ли он финляндскому правительству те предупреждения, которые я сделал ему летом в день его отъезда из Москвы. Ирье-Коскинен ответил утвердительно и сказал, что ввиду важности вопроса он говорил о нашей беседе не с Хакселем, а с премьером Кивимяки, у которого он нашел понимание.

Я спросил, говорил ли посланник с президентом Свинхувудом. Ирье-Коскинен как бы запинулся, а потом с улыбкой сказал: «Вы знаете, что президент не очень любит вас (Ирье-Коскинен, очевидно, имел в виду СССР) и вообще русских». Однако он за осторожность. Посланник прибавил, что Свинхувуд против резких антисоветских выпадов и за корректное отношение.

Когда я говорил о кампании в связи с нашим вступлением в Лигу наций, Ирье-Коскинен сказал, что Финляндия, однако, голосовала за принятие СССР*. Я сказал: «но с тем, чтобы

---

* См. док. № 331.

использовать это для постановки карельского вопроса». Ирье-Коскинен сказал, что этого не будет, и в ответ на мой уточняющий вопрос прибавил, что уже решено, что Финляндия не поставит этого вопроса в Лиге наций*.

Я сказал, что мы, конечно, не допустили бы постановки такого вопроса и приняли бы свои меры. Если бы Финляндия когда-нибудь надумала выступить с карельским вопросом, то это имело бы единственным результатом лишь ухудшение ее отношений с СССР, от которого она бы только потеряла.

2. Ирье-Коскинен сказал, что в Гельсингфорсе решено устроить выставку финляндского искусства в Москве и в Ленинграде. Это будет, по всей вероятности, в ноябре, но точно день еще не установлен**.

3. По вопросу о проведении окончательных границ Ирье-Коскинен сказал, что работа идет удовлетворительно и что он надеется на окончание этих работ еще в этом году***.

4. Ирье-Коскинен сообщил, что он едет в ближайшем будущем в Персию для вручения своих верительных грамот ввиду назначения его по совместительству посланником Финляндии в Персии. На вопрос о финляндских интересах в Персии Ирье-Коскинен сказал, что там очень мало финских граждан, но что Финляндия интересуется торговлей с Персией. Через Персидский залив уже ввозится в Персию некоторое количество финляндской бумаги. В Финляндии интересуются расширением торговли с Персией в порядке транзита через СССР, который, как ему известно, связан с заключением финско-советского торгового договора****.

Стомоняков

Печат. по арх.

342. Письмо Председателя советской делегации М. М. Литвинова Председателю XV Ассамблеи Лиги наций Саидлеру

26 сентября 1934 г.

Господин Председатель, учитывая, что XV Ассамблея Лиги наций не образовала третьей комиссии*****, и что в результате этого не представлялось возможности выявить нынешнее состояние работ конференции по разоружению, и что, с другой стороны, на нынешней фазе своих работ Ассамблея не могла бы начать дискуссии по этому вопросу, делегация Советского Союза имеет честь просить Вас предложить поставить на голо-

* См. док. № 332.

** См. док. № 442.

*** См. док. № 216.

**** См. док. № 43.

***** См. газ. «Известия», 28 сентября 1934 г.

сование ближайшего заседания XV Ассамблеи следующий проект резолюции:

«XV Ассамблея Лиги наций выражает пожелание, чтобы Совет Лиги наций заслушал доклад Председателя конференции по разоружению относительно состояния работ этой конференции и высказался по вопросу о дальнейшей процедуре».

*Печат. по газ. «Известия»
№ 227 (5475), 27 сентября 1934 г.*

В ответном заявлении Сандлера, сделанном 27 сентября 1934 г. на XV Ассамблее Лиги наций, говорилось:

«Собрание помнит, что оно думало, что Конференция по сокращению и ограничению вооружений приостановила свои работы в таких условиях, которые могли только привести Собрание к заключению о большей целесообразности также и в этом году не поручать одной из его комиссий обсуждение того же самого предмета, который остается в ведении конференции. Имея в виду это обстоятельство, равно как и затруднительность приступить теперь же к углубленному рассмотрению указанного вопроса, и считая, что Совет может свободно получать все желательные ему сведения по каждому вопросу, входящему в его компетенцию, может быть, Собрание сочтет целесообразным ограничиться принятием к сведению письма первого делегата СССР».

343. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом США в СССР Буллитом

26 сентября 1934 г.

Буллит начал с сообщения о своей предстоящей поездке в Вашингтон через Дальний Восток, о чем он говорил уже вчера Рубинину. Он собирается выехать 7 октября. Хотел бы повидать до своего отъезда т. Литвинова.

Я ответил, что т. Литвинов, конечно, вернется до 7-го. Я тут же прибавил, что между 10 и 15 октября в Москву придет т. Трояновский, выезжающий сюда для того, чтобы сделать доклад о ходе своих переговоров с госдепартаментом. Не думает ли Буллит, что ему лучше было бы отложить на неделю свой отъезд, чтобы повидаться здесь с Трояновским.

Буллит ответил, что ему нужно выехать 7 или 14-го. Курьерские поезда на Владивосток уходят из Москвы раз в неделю и идут не менее 10 дней. Если он выедет 21-го, он не успеет на пароход, отходящий из Владивостока 30-го числа. Если он выедет 14-го, то ему придется сидеть несколько дней во Владивостоке в ожидании этого парохода. Если же он выезжает 7-го, то во Владивостоке в ожидании парохода ему придется быть не более суток. Он колеблется, как ему быть. Он думает все-таки, что он отложит свой отъезд до 14-го, если у него будет полная уверенность, что Трояновский сюда уже придет. Я обещал че-

рез несколько дней сообщить ему точно, когда выезжает из Нью-Йорка и когда будет здесь т. Трояновский.

После этого Буллит вернулся к вопросу о долгах и кредитах. Он за эти два дня продумал ту схему, которую я, в порядке мыслей вслух, набросал ему в прошлый раз*. Он считает, что эта схема будет неприемлема для Рузвельта. Рузвельт должен иметь возможность сказать в конгрессе, что он договорился с нами об употреблении известной части платимых нами процентов на покрытие старых долгов. Если Рузвельт этого сказать не сможет, конгресс отнесется отрицательно к предложению Рузвельта о взаимном отказе от претензий.

Я ответил Буллиту, что, разговаривая с ним третьего дня, я определенно подчеркивал ему, что единственно приемлемым для обеих сторон выходом, по моему глубокому убеждению, является то предложение, которое сделано нами в Вашингтоне через т. Трояновского**. При этом убеждении я остаюсь и сейчас. Возможен, конечно, еще один путь — это оставить вопрос о долгах в том положении, в котором он находится между СССР и другими государствами. Но обязательной предпосылкой для такого разрешения вопроса является неприменение к нам закона Джонсона¹⁹³⁸, т. е. то, чтобы Экспортно-импортный банк приступил к кредитованию наших заказов без урегулирования вопроса о долгах.

Буллит заявил, что это совершенно невозможно. Он не понимает нашего упорства, не понимает, почему мы отклоняем американское предложение. Американцы предлагают нам товарные кредиты по более низкому проценту, чем мы получаем подобные кредиты в Европе. В дополнение к этому американцы готовы освободить нас от старых долгов. Почему мы отклоняем такое предложение, никто в Америке понять не может.

Я ответил Буллиту, что платимый нами в Европе процент вовсе не выше, чем тот, о котором говорили до сих пор представители госдепартамента и Экспортно-импортного банка. Кроме того, и Англия, и Франция, и Германия охотно согласились бы еще более снизить процент по открываемым нам кредитам, если бы знали, что в компенсацию за такое снижение получают какие-либо суммы по старым долгам.

Мне казалось, что Буллит при нашем последнем разговоре понял неприемлемость для нас американского предложения и что именно поэтому он пытался найти какую-либо другую форму взаимной ликвидации претензий.

Оставив эту тему, Буллит довольно неожиданно заговорил о том, что наше внешнеполитическое положение сейчас значительно лучше, чем было год тому назад. На Дальнем Востоке,

---

* См. док. № 337.

** См. док. № 316.

по-видимому, намечается соглашение с японцами о КВЖД*, мы вступили в Лигу наций**, одним словом, положение представляется окрашенным в розовый цвет. Однако ведь возможно, что наступит ухудшение, и мы вновь будем больше нуждаться в дружеских отношениях с Соединенными Штатами.

Я довольно резко сказал Буллиту, что решительно протестую против подобных его рассуждений. И год тому назад, и теперь мы хотели и хотим быть в дружеских отношениях с Соединенными Штатами. Мы ни на один шаг не отступили и не отступаем от того, о чем мы договорились в прошлом году с Рузвельтом***. Поэтому разговоры о том, что в прошлом году, когда наше положение было хуже, мы готовы были давать удовлетворение по старым долгам, а в этом году от этого отказываемся, неправильно отражает действительное положение вещей. Буллиту прекрасно известно, что в течение многих лет правительства различных государств добивались от нас признания старых долгов и платежа по ним. Мы эти требования категорически отклоняли. Если бы мы согласились признать старые долги, то и с Соединенными Штатами отношения были бы возобновлены не в конце 1933 г., а, вероятно, десятью годами раньше. Но мы не считали возможным пойти на уступки по вопросу о долгах, не пошли на них и в прошлом году. Сущность достигнутой в ноябре 1933 г. между Литвиновым и Рузвельтом договоренности сводится к тому, что, получив заем, мы согласны по займу платить некоторый добавочный процент и не возражаем против того, чтобы этот добавочный процент был зачислен американским правительством на частичное удовлетворение старых долгов. Это та самая форма, на которую мы соглашались и в наших прежних переговорах с другими государствами. От этой формы мы не отходим и теперь. Мы готовы в любой день заключить соглашение на основе такой договоренности.

Если Буллит хочет способствовать ускорению достижения соглашения между нами и Соединенными Штатами, ему следует посоветовать Рузвельту принять наше последнее предложение, которое является значительным шагом вперед на встречу американцам по сравнению с тем, о чем договорились в прошлом году Рузвельт и Литвинов. Мы сделали значительный шаг вперед, дальше мы пойти не можем, очередь за правительством Соединенных Штатов.

Буллит почувствовал, что он взял неправильный тон, и с прежней любезностью и дружественностью заговорил о своем желании помочь найти выход из создавшегося тупика. Он просит лишь нас иметь в виду, что закон Джонсона был задуман и

* См. док. № 336.

** См. док. № 331.

*** См. т. XVI, док. № 361.

внеси в конгресс еще до того, как Рузвельт фактически пришел к власти, что Рузвельт не является его автором и что, при настроении широких кругов американской буржуазии, Рузвельту приходится считаться с невозможностью ни освободить СССР от применения к нему закона Джонсона, ни пойти на предоставление СССР займа или долгосрочного финансового кредита. Он, однако, надеется, что выход из создавшегося положения при обоюдном желании будет найден.

Продолжая разговор в том же дружественном тоне, мы с т. Рубинным еще раз подчеркнули, что не можем изменить нашей позиции.

Крестинский

Печат. по арх.

344. Письмо Полномочного Представителя СССР в Японии Министру Иностранных Дел Японии Хирота

26 сентября 1934 г., № 80

Господин Министр,

Я уже имел честь выразить Вам лично свое соболезнование по поводу несчастья, причиненного вашей стране недавним жестоким тайфуном.

Постигшее японский народ бедствие вызвало глубокое чувство сожаления среди широких масс народов СССР и горячее сочувствие в отношении населения пострадавших районов.

По поручению моего Правительства я прошу Вас, г. Министр, передать Императорскому Правительству глубочайшее соболезнование по случаю постигшего вашу страну тяжелого стихийного бедствия.

Я уверен, что японский народ со свойственной ему энергией сумеет быстро оправиться от нанесенного стихией ущерба.

Примите, господин Министр, мои уверения в совершенном к Вам почтении.

Юрнев

Печат. по арх.

В ответном письме Хирота от 2 октября 1934 г. на имя К. К. Юрнева говорилось:

«Настоящим подтверждается получение мною Вашего письма от 26 сентября, в котором было выражено не только Ваше личное соболезнование, но и глубочайшее соболезнование вашего Правительства по поводу бедствий от тайфуна в Кансае и которое по Вашей просьбе было передано мною моему Правительству. Я имею честь выразить Вам от имени Японского Правительства его сердечную благодарность за соболезнование и просить Вас передать об этом вашему Правительству.

Одновременно я выражаю Вам свою глубокую благодарность за Ваше сочувствие».

345. Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на XV Ассамблее Лиги наций

27 сентября 1934 г.

В мои намерения не входило ни сопровождать мое письмо * какими-либо речами, ни поднимать спорные вопросы, влекущие за собой дискуссию. Однако ввиду заявления председателя ** я чувствую себя обязанным сказать несколько слов для того, чтобы разъяснить, какие цели преследует мое письмо или, вернее, каких целей оно не ставит.

Я далек от мысли пытаться толкнуть Ассамблею или Совет на вмешательство в нормальную процедуру конференции по разоружению или ее остальных органов, еще меньше того — на ликвидацию конференции вообще. Предоставим председателю конференции по разоружению или ее Бюро всеми способами проводить в жизнь решения, принятые конференцией или Генеральной комиссией. Предоставим им предпринимать в нужный момент необходимые шаги, которые они сочтут подходящими и своевременными. Но вместе с тем я думаю, что Ассамблея и Совет Лиги не могут оставаться безучастными к вопросам разоружения. В конце концов, конференция по разоружению является, как мне уже не раз напоминали, порождением Лиги, и председатель ее получил свой мандат от Совета Лиги. Мне кажется вполне естественным, что после почти 2½ лет существования конференции по разоружению, если не Ассамблея, то по крайней мере Совет в целом должны проявить некоторый интерес к работе конференции, подвести итог тому, что ею сделано и что не сделано, и затем, в свою очередь, принять некоторые меры, которые могли бы помочь конференции или дать им какое-нибудь направление.

Я не делаю секрета из предложения, которое я собираюсь внести, как только подобная возможность представится хотя бы лишь в отношении процедуры. Я, вероятно, доведу до сведения Совета о внесенном советской делегацией в Генеральную комиссию предложении создать специальный перманентный орган Лиги, который занимался бы всеми вопросами борьбы за мир, включая сюда и вопросы разоружения. Я не отказался от идеи перманентной конференции мира ***. Наоборот, я больше, чем когда-либо, убежден в ее необходимости. И, если я не заблуждаюсь, эта идея завоевывает себе признание в кругах Лиги.

Я помню, что за пределами Лиги остается еще великая страна, сотрудничество которой в вопросах мира и разоруже-

* См. док. № 342.

** См. стр. 612.

*** См. док. № 179.

ния мы все высоко ценим, что здесь должна быть на длительный срок создана общая почва для подобного сотрудничества. Однако сейчас не время останавливаться на этом вопросе.

Единственной целью моего письма было напомнить Ассамблее о проблеме разоружения и доказать всем находящимся за пределами этого собрания, что Лига наций и отдельные ее члены не забывают об этой проблеме. Мне кажется, что негативного решения не создавать III комиссии и не касаться вопросов разоружения недостаточно для этого. Необходимо было какое-то позитивное предложение или решение. Эта цель была достигнута опубликованием моего письма. Если по техническим причинам Ассамблее неудобно принимать формальную резолюцию, потому что это шло бы вразрез с прежним решением, принятым еще до появления советской делегации в Ассамблее, я не стану настаивать на формальном голосовании и удовлетворюсь тем, что последую совету Председателя поднять этот вопрос на самом Совете Лиги.

*Печат. по газ. «Известия» № 228 (5475),
27 сентября 1934 г.
Опублик. в сб. «Verbatim Record of the Fifteenth Ordinary Session of the Assembly of the League of Nations. Twelfth Plenary Meeting». September 27-th, 1934, p. 4.*

В ответном заявлении председателя XV Ассамблеи Лиги наций Сандлера от 27 сентября 1934 г. говорилось:

«Я выражаю благодарность делегату СССР за объяснения, которые он соблаговолил предложить Собранию по поводу вопроса, огромную и несомненную важность которого он вполне правильно показал Собранию.

Если не имеется других замечаний, Собрание ограничится в этих условиях принятием к сведению письма делегата СССР, равно как и заявления, которое он только что сделал».

346. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы

27 сентября 1934 г.

Сегодня Бек вручил Барту перед самым своим отъездом записку, непредназначенную для печати, которую он разрешил показать только мне, прибавив, что не сообщит о ней Гермаинн. После длинного предисловия, в котором Бек пытается доказать, что успокоение на Востоке Европы наступило после подписания нами с соседями пактов о ненападении и определения агрессии*, идут следующие замечания: 1) Осуществление пакта взаимной помощи предполагает обязательное присо-

* См. т. IX, док. № 271; т. XV, док. № 67, 201, 300; т. XVI, док. № 213, 218, 220.

единение Германии. В случае выполнения этого важного условия Польша потребует включения в пакт статьи о полном сохранении в силе польско-германского соглашения¹⁴ в качестве базы отношений между обеими странами. 2) Польша ни в коем случае не сможет принять на себя обязательств или дать гарантии в отношении стран, не поддерживающих с ней нормальных отношений. 3) Польша не может принять обязательств в отношении Чехословакии, относящейся к Дунайской, а не северо-восточной области. Кончается записка заявлением, что польское правительство может только подтвердить позицию, занятую им до сих пор в отношении пакта о взаимопомощи*.

На мой вопрос сегодня, надо ли считать записку окончательным ответом или это в порядке переговоров, Бек заявил, что он отнюдь не закрывает двери для дальнейших переговоров, которые он желает продолжать**. На вопрос, можно ли считать записку изложением условий, которые сделали бы возможным присоединение Польши к пакту, Бек ответил, что отчасти это условия, а отчасти — замечания. Я задавал этот вопрос, когда еще не был знаком с документом. Изложен же документ так, как будто Польша ставит лишь три условия. Но этому противоречит конец, говорящий о подтверждении прежней позиции, которую мы до сих пор считали отрицательной. Обращаю ваше внимание на то, что Бек раньше мне говорил о невозможности заключения пакта с Литвой, в документе же говорится о невозможности принятия обязательств. Бек, стало быть, учел мой намек на возможность освобождения Польши от обязательств в отношении Литвы. Вообще документ резко разнится от тона, в котором он раньше говорил со мной, и, несомненно, отражает мои беседы с ним***, оказавшие на Бека некоторое влияние.

Содержание документа я конфиденциально сообщил Рюштю и Лозарайтису. Последний сказал, что для Литвы возможно участие в пакте без обещания помощи со стороны Польши, но при сохранении обязательств о ненападении в отношении всех участников пакта. Сельямаа**** и Мунтерс***** уехали до получения документа, но я им говорил, что никаких решений мы в Женеве принимать не будем, а займемся изучением документа в Москве.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. док. № 338.

** См. док. № 401.

*** См. док. № 181, 187.

**** Министр иностранных дел Эстонии.

***** Заместитель министра иностранных дел Латвии.

347. Сообщение советской печати о соболезновании и помощи Общества Красного Креста и Красного Полумесяца СССР в связи с тайфуном в Японии

2 октября 1934 г.

25 сентября с. г. председатель Исполкома Общества Красного Креста и Красного Полумесяца т. А. С. Енукидзе выразил по телеграфу японскому Обществу Красного Креста «самые искренние соболезнования по случаю тяжелого бедствия, постигшего японский народ» в связи с недавним катастрофическим тайфуном, и сообщил о решении Исполкома предоставить в распоряжение японского Общества Красного Креста сумму в 100 тыс. иен для оказания помощи пострадавшему населению.

В ответной телеграмме от 26 сентября японский Красный Крест выразил «бесконечную благодарность за сочувствие и посылку крупной суммы для оказания помощи пострадавшим от тайфуна».

*Печат. по газ. «Известия»
№ 231 (3479), 2 октября 1934 г.*

348. Нота Полномочного Представителя СССР в Персии Министру Иностранных Дел Персии Каземи

3 октября 1934 г., № 0365

Господин Министр,

Я счастлив принести Персидскому Правительству и народу и Вам лично самые горячие и искренние поздравления по случаю открытия 4 октября научного Конгресса в связи с 1000-летним юбилеем великого национального поэта Персии Фирдоуси. Персидский народ, являющийся создателем величайших культурных ценностей человечества, выдвинул из своей среды поэта, который возвышается над веками и творчество которого переросло национальные границы, стало достоянием всего человечества. Народы Советского Союза, успешно строящие новую жизнь и создающие новую культуру, с большой любовью и признательностью включили в эту новую культуру и творчество великого персидского поэта.

Меня особенно радует, что прочно установившиеся и счастливо развивающиеся политические и экономические отношения между Советским Союзом и Персией находят свое выражение и в области культурной связи между народами Советского Союза и персидским народом. Я глубоко уверен, что открывающийся 4 октября с. г. в Тегеране научный Конгресс, в котором принимают участие выдающиеся представители науки Советского Союза²⁶², послужит в интересах всего человечества

могучим стимулом к новому богатому расцвету персидской культуры и поведет к еще большему укреплению и развитию советско-персидских отношений.

Примите уверения в искреннем к Вам уважении.

Пастухов

Печат. по арх.

На эту ноту товарищ министра иностранных дел Персии Сохейли ответил С. К. Пастухову нотой от 9 октября 1934 г. № 30213, которая гласила:

«Я имел честь получить Вашу почтенную ноту от 3 октября с. г. № 0365, присланную Вами в связи с открытием Конгресса по случаю юбилея 1000-летия великого персидского национального поэта Фирдоуси и оглашенную на первом заседании Конгресса. Настоящим я выражаю Вам признательность моего Правительства и свою сердечную благодарность за проявленные благородным русским народом и Советским Правительством искренние чувства на этом великом персидском национальном торжестве.

Сотрудничество великого Советского Правительства и народа в организации юбилея 1000-летия Фирдоуси, торжественный прием представителей Персии на советской территории²⁶³, отправка известных ориенталистов вашей страны для участия на этом национальном празднике и ценные подерки, имеющие непосредственное отношение к нашей истории, все это является лучшим показателем упрочения дружественных связей между нашими странами. Высокое место, которое отвели народы Советского Союза Фирдоуси, вызывает в нас чувства гордости, и я выражаю глубокую благодарность за высокую оценку творчества великого поэта народами Союза.

В частности, я весьма рад тому, что чем больше будут укрепляться между нашими народами интеллектуальные и моральные связи, тем больше будут развиваться между ними политические и экономические отношения, и я убежден, что плоды такого развития отношений послужат интересам обеих сторон и счастью наших народов».

349. Телеграмма Президента Академии Наук СССР Председателю Совета Министров Персии Форуги *

Не позднее 3 октября 1934 г.

Академия наук СССР, с живейшим интересом следя за культурными и научными достижениями персидского народа, шлет наилучшие пожелания в связи с юбилеем 1000-летия великого поэта Фирдоуси. Творчество Фирдоуси, вскрывшее великие культурные богатства, созданные персидским народом в течение многовековой истории, свидетельствует о больших культурных силах персидского народа, обещающих их новый расцвет в будущем.

Президент Академии наук
Карпинский

Печат. по арх.

* Форуги являлся также председателем общества охраны национальных памятников Персии.

В ответной телеграмме Форуги А. П. Карпинскому от 8 октября 1934 г. говорилось:

«Оглашение телеграммы Академии наук СССР на первом заседании Конгресса, посвященного 1000-летию Фирдоуси, нас очень тронуло. Я спешу искренне поблагодарить от имени Конгресса, Общества охраны национальных памятников, персидского правительства и лично от себя за дружественные чувства, выраженные различными советскими учреждениями. Я убежден, что весь интерес, проявленный нашими Советского Союза по случаю 1000-летия Фирдоуси, будет способствовать интеллектуальному сближению наших двух народов».

350. Телеграмма вр. и. о. Народного Комиссара Иностранных Дел СССР вр. и. о. Министра Иностранных Дел Персии Сохейли

Не позднее 3 октября 1934 г.

В день открытия Международного конгресса, посвященного 1000-летию гениального Фирдоуси, прошу принять мои лучшие пожелания. Я рад отметить, что этот исторический юбилей, являясь праздником персидской культуры, одновременно демонстрирует, сколь крупный вклад внесен гением персидского народа в сокровищницу мировой культуры. Я также рад констатировать, что юбилейные торжества Фирдоуси вылились в форму культурного сближения и сотрудничества народов СССР и Персии.

Вр. и. о. Народного Комиссара Иностранных Дел
Крестинский

Печат. по арх.

В ответной телеграмме Сохейли Н. Н. Крестинскому от 3 октября 1934 г. говорилось:

«Горячо благодарю Вас за дружественные чувства, любезно выраженные Вами по случаю празднования 1000-летия нашего национального поэта Фирдоуси. Персидское правительство и персидский народ не забудут гостеприимства, оказанного благородными народами СССР и Советским правительством представителям Персии, участвовавшим в грандиозных празднествах, организованных в честь Фирдоуси в Москве и в других городах СССР*. Мы убеждены, что интеллектуальные и культурные связи, издавна существующие между нашими народами, создадут прочную базу для нашей неизменной дружбы».

---

* См. док. № 306, 348.

351. Письмо и. о. Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии г. Ши Люй-бэню

4 октября 1934 г., № 011/34

Господин Особый агент,

21 и 24 августа с. г. я имел честь представить Вам письменные протесты * против незаконных арестов граждан СССР различными полицейскими органами в Маньчжурии и против насилий и избиений, чинимых этими властями над арестованными. Кроме того, Генеральное консульство СССР в Харбине многократно обращалось к Вам с настойчивыми представлениями по этому вопросу и требовало принятия Вами эффективных мер к прекращению насилий и к улучшению условий содержания арестованных. Я напомню Вам, в частности, представления, сделанные устно вице-консулом г. Кисловым 29 августа г. Симамура, мои устные ему же представления 3, 18 и 26 сентября, мое письмо от 4 сентября в адрес г. Симамура с приложением актов медицинского обследования некоторых освобожденных из-под ареста, устные представления вице-консула г. Дрибинского г. Симамура 8 и 14 сентября и 2 октября и, наконец, мои с Вами беседы по этому вопросу 12 и 22 сентября²⁶⁴.

Несмотря на все эти многочисленные представления, Генеральное консульство не получило от Вас, г. Особый агент, никакого ответа. Более того, незаконные и необоснованные аресты граждан СССР, особенно агентов КВЖД, непрерывно продолжаются и к 1 октября число арестованных различными полицейскими властями, начиная с 13 августа, достигло 142 человек, а общее число находящихся под арестом на территории Северной Маньчжурии граждан СССР, поскольку это удалось установить Генеральному консульству, составляет на 1 октября 167 человек. Точно так же не прекращаются насилия, избиения и пытки арестованных со стороны полицейских чинов. В частности и в особенности наибольшее усердие в этом отношении проявляют чины железнодорожной полиции как в Харбине, так и на линии КВЖД, действующие под руководством советника железнодорожной полиции г. Оой. В распоряжении Генерального консульства имеются многочисленные и неопровержимые вещественные доказательства этих насилий, с коими Генеральное консульство имело уже возможность ознакомить дипломатическое представительство.

Генеральному консульству достоверно известно, что эти пытки и насилия применяются полицейскими властями с целью получения от избиваемых и пытаемых арестованных желатель-

* См. док. № 312, 317.

ных властям самых фантастических показаний и так называемых «признаний» в отнюдь не совершенных этими арестованными преступлениях — «признаний», которыми эти власти пытаются «обосновать» те нелепые и чудовищные обвинения против советских агентов КВЖД, о которых я уже имел честь сообщить Вам в своем письме от 24 августа.

В этой связи я должен обратить Ваше внимание на характер производимых арестов советских агентов КВЖД. Среди арестованных особенно за последние дни имеется значительное количество старших и средних линейных агентов КВЖД, в том числе 32 начальника станций, помощника начальника станций и начальника участков других служб дорог. На восточной линии КВЖД арестовано 11 начальников станций, что вместе с арестом других старших агентов на линии привело к почти полному оголению последней от руководящего персонала. Вполне естественно, что эти обстоятельства не могут не породить предположения, что аресты рассчитаны именно на такое оголение линии со всеми вытекающими отсюда последствиями. Я не скрою от Вас, г. Особый агент, что неоспоримые фактические данные о положении арестованных, конми располагает Генеральное консульство и которые были доведены до сведения Дипломатического представительства и Вашего лично, вселяют в меня серьезную тревогу за жизнь и судьбу арестованных граждан СССР, за состояние коих соответствующие власти несут полную ответственность.

Все вышензложенное вынуждает меня вновь заявить Вам, г. Особый агент, самый решительный протест против незаконных и необоснованных массовых арестов советских граждан — агентов КВЖД и против учиняемых над ними возмутительных насилий и издевательств со стороны полицейских властей. Одновременно я настаиваю на немедленном освобождении всех невинно арестованных советских служащих на КВЖД.

В ожидании Вашего скорого ответа, прошу принять уверения в моем глубоком к Вам, г. Особый агент, уважении.

Н. Райвид

Печат. по арх.

В ответном письме Ши Люй-бэня Н. Я. Райvidу от 6 ноября 1934 г., в частности, говорилось:

«В ответ на Ваше письмо от 4 октября с. г. и ряд предыдущих писем и устных представлений, в которых Вы заявляли протесты по поводу арестов произведенных нашими прокурорскими властями, подозреваемых в совершении преступления советских граждан, имею честь сообщить, что я крайне сожалею, что при тщательном изучении смысла Ваших писем им нельзя дать иного толкования, как того, что ваша сторона водняла громкий вопль с целью воспрепятствовать мерам, направленным к охране общественной безопасности и проводимым прокурорскими властями в рамках, дозволенных законом».

Далее в письме, составленном в резких и оскорбительных тонах, голословно отвергались все письменные и устные представления и протесты Генерального консула СССР и его заместителей против незаконных арестов советских граждан, насилий и пыток над ними и оправдывались указанные действия маньчжурских властей. Не сообщая, в чем именно заключается «преступление», приписываемое арестованным советским гражданам, в письме утверждалось, что оно «имеет чрезвычайно злостный характер и имеет широкий масштаб». В письме отрицалось применение к арестованным советским гражданам насилий и пыток и заявлялось, что обращение маньчжурских властей с арестованными «не выходило за пределы дозволенного в отношении обычных заключенных» *.

352. Нота Полномочного Представителя СССР в Японии Министру Иностранных Дел Японии Хирота

5 октября 1934 г.

Господин министр,

Нотой от 22 августа я, по поручению Правительства СССР, заявил протест против незаконных и беспричинных арестов советских граждан — служащих на восточной линии КВЖД и против предъявления арестованным необоснованных и прямо издевательских обвинений, причем вынужден был характеризовать эти действия японо-маньчжурских властей как внесенные дезорганизации в работу дороги, как грубое нарушение договорных прав СССР на КВЖД и как показатель обострения агрессивных намерений некоторых официальных японских кругов **.

4 сентября я получил от Вас ответную ноту ***, по содержанию которой я имею честь заявить следующее.

1. В ответ на мой протест Вы заявляете, что арестованные служащие восточной линии КВЖД являются участниками «заговоров, имеющих целью пускать под откос японские воинские поезда, что, как хорошо известно Советскому Правительству, часто являло место на восточной линии в течение последних нескольких месяцев». При этом в подтверждение виновности арестованных советских граждан Вы ссылаетесь на то обстоятельство, что при нападениях на поезда жертвами «в большинстве случаев были японцы или маньчжуры, в то время как советские граждане редко страдали».

В связи с этими утверждениями я позволю себе сослаться на следующие официально установленные данные.

За время с 1 января по 5 сентября 1934 г. на восточной линии КВЖД произошло 22 крушения поездов, причем из этих 22 поездов лишь один, потерпевший крушение 17 июня, представлял из себя воинский состав. Всего же за указанные 8 месяцев по восточной линии прошло 60 воинских составов.

* См. также док. № 463.

** См. док. № 313.

*** См. стр. 568.

Правда, японские воинские грузы направлялись также и в сборных товарных поездах. Всего, согласно заявкам японского военного командования, поступившим в управление КВЖД, было перевезено за время с 1 января по 1 сентября 1934 г., включая упомянутые воинские поезда, 6940 вагонов с японскими воинскими грузами и людьми. Судя по письменному заявлению японского военного командования от 9 августа на имя Управляющего КВЖД Рудого, из этого количества всего повреждено и погибло 47 вагонов, а по официальным актам КВЖД, составленным при крушениях, повреждено и погибло только 26 вагонов. Если принять во внимание эти данные, то станет ясно, что не соответствует действительности первое и основное утверждение, содержащееся в ноте от 4 сентября, о частых случаях пуска под откос японских воинских поездов.

Точно так же обстоит дело и со вторым утверждением о том, будто бы при крушениях поездов на восточной линии страдали главным образом японцы и маньчжуры и лишь крайне редко — советские граждане.

По тем же официальным данным, во время 22 имевших место за последние 8 месяцев на восточной линии КВЖД крушений, а также при нападении хунхузов на железнодорожные станции восточной линии всего было ранено два японских солдата, а из числа советских граждан — служащих КВЖД было убито 10, ранено 159, уведено хунхузами в плен 40 и ограблено 13.

Таким образом, официальные данные полностью опровергают утверждения японской стороны и тем самым подтверждают беспричинность и незаконность арестов граждан СССР.

2. Опубликованные в разное время официальные документы КВЖД, и в частности заявление заместителя Председателя Правления КВЖД г. Кузнецова от 24 августа с. г. *, ясно устанавливают, что Управляющий КВЖД и советская часть правления КВЖД сделали все возможное для обеспечения безопасности движения на КВЖД и, в частности, на ее восточной линии. Особые, подчас героические, усилия положили в этом направлении советские служащие на КВЖД. Ряд крушений, в том числе японских воинских поездов, были предотвращены именно советскими служащими, действовавшими иногда с риском для жизни. В то же время маньчжурские власти не только не выполняли лежащих на них договорных обязательств по охране дороги, но систематически сокращали ее, особенно за последний год, а с 19 мая с. г. совершенно сняли охрану с товарных поездов восточной линии КВЖД **. Неудивительно, что в результате такого положения имелись за последние

---

* См. док. № 318.

** См. док. № 317.

месяцы произошло отмеченное в Вашей ноте усиление нападений на восточной линии КВЖД. Вполне естественно, что понижение безопасности до катастрофических пределов привело постепенно к почти полному параличу и то движение, которое оставалось на восточной линии после известных мероприятий таможенных и иных властей, чрезвычайно затруднивших грузовое и даже пассажирское движение на этом важном и имеющем международное значение участке.

3. Далее в ноте от 4 сентября содержится утверждение, будто бы японское военное министерство никогда не выпускало того коммюнике по поводу крушений на КВЖД, на которое я ссылаюсь в моей ноте от 22 августа.

Между тем в бюллетене телеграфного агентства Симбун Рэнго от 18 августа содержится сообщение агентства, что в этот день «военное министерство выпустило коммюнике²⁶⁵, перечисляющее 13 случаев железнодорожных беспорядков, происшедших на восточной линии КВЖД между апрелем и июлем этого года». В этом же коммюнике, по утверждению агентства, содержится утверждение, что приказы об инцидентах выпускались советской Дальневосточной армией и проводились органами, составленными из советских служащих КВЖД, которые руководили бандитскими силами.

Я не могу не выразить удивления, что это, по Вашему заявлению, неправильно приписанное агентством Симбун Рэнго японскому военному министерству враждебное клеветническое коммюнике, направленное против государства, с которым Япония находится в нормальных дипломатических отношениях, не было до сих пор никем опровергнуто. Впрочем, вопрос о том, от кого исходит указанное коммюнике агентства Симбун Рэнго, потерял свое прежнее значение после того, как Вы сами сочли возможным повторить в ноте выдвинутые в этом коммюнике обвинения против советских служащих на КВЖД.

4. Наконец, отвергая всякую ответственность Японского Правительства за какие-либо «новости и сообщения, которые появляются в японской печати», Вы в то же время находите возможным в своей ноте «обратить искреннее внимание Советского Правительства на тот факт, что безответственные высказывания видных лиц СССР, направленные против Японии, как и опубликование органами Советского Правительства и компартии статей и передовых провокационного характера относительно Японии, ставшие частыми явлениями за последнее время, явно расходятся с провозглашенной Советским Правительством политикой мира и мешают нормальному развитию советско-японских отношений».

Эта часть ноты не может не вызвать особого изумления.

В самом деле, хотя Правительство СССР и не может отвечать за появляющиеся в советской печати статьи и сообщения,

оно тем не менее может констатировать, что советская пресса, отражая стремления народов СССР, всегда неуклонно поддерживала и поддерживает проводимую Советским Правительством в отношениях с Японией политику мира и разумного соглашения.

Советскому Правительству неизвестен ни один случай, когда бы какая-нибудь, хотя бы самая небольшая провинциальная газета в СССР выступила за войну с Японией и за завоевание территорий, принадлежащих Японии или оккупированных ею.

В то же самое время мне не нужно перечислять, ввиду их общеизвестности, агрессивные и воинственные высказывания против СССР ряда видных японских газет.

Точно так же Советскому Правительству неизвестны никакие агрессивные высказывания «видных лиц СССР против Японии», и упоминание об этом в Вашей ноте я отношу к очевидному недоразумению.

Напротив, общеизвестны агрессивные высказывания по адресу СССР видных и притом не только неофициальных деятелей Японии²⁵.

5. Я считаю, таким образом, вполне доказанной необоснованность всех приведенных в японской ответной ноте обвинений. Вместе с тем я должен констатировать, что, присоединившись полностью к тем обвинениям, которые были выдвинуты в оправдание незаконных действий японо-маньчжурских властей, Японское Правительство санкционировало эти действия и фактически поощрило дальнейший произвол местных властей в Маньчжурии.

В результате такого отношения Японского Правительства, вместо 22 арестованных, о которых я говорил в моей ноте от 22 августа, в тюрьмах Маньчжурии в настоящий момент находится уже 167 арестованных советских граждан, в том числе 142 служащих КВЖД. При этом, как выяснилось уже после вручения моей ноты, арестованные при допросах подвергаются бесчеловечным избиениям и пыткам.

Советское Правительство вынуждено было 31 августа заявить по этому поводу Японскому Правительству отдельный протест²⁶⁶, обоснованность которого еще больше подтвердилась последующими фактами.

Однако, хотя со времени заявления этого протеста прошло уже более месяца и хотя речь идет о противоречащих элементарным нормам права бесчеловечных действиях японских местных властей, Японское Правительство не сочло нужным принять меры против таких действий его органов.

Считая, ввиду изложенного, не подлежащей никакому сомнению ответственность Японского Правительства за указанные выше действия японо-маньчжурских властей на КВЖД,

Советское Правительство поручило мне заявить Вам, г. Министр, повторный протест против продолжающихся арестов и пыток над советскими гражданами в Маньчжурии и сообщить Вам, что оно ожидает принятия Японским Правительством мер к немедленному освобождению всех невинно арестованных советских служащих на КВЖД*.

Примите, господин Министр, мои уверения в совершенном к Вам почтении.

Юрнев

*Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия»
№ 238 (5486), 10 октября 1934 г.*

353. Письмо Полномочного Представителя СССР в Афганистане Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому

6 октября 1934 г.

Уважаемый Николай Николаевич,

Согласно Вашему указанию²⁶⁷ я говорил с министром иностранных дел относительно урегулирования саранчового вопроса. Сообщаю Вам результат этих переговоров.

1) Дальнейшее сотрудничество в деле борьбы с саранчой министр мыслит в форме постоянного контакта и взаимной информации, причем на основе этой информации стороны обсуждают те меры, которые должны быть приняты той или иной стороной или же ими совместно. Для проведения всей этой работы должны быть созданы постоянные саранчовые бюро. Афганское бюро — в Мазари-Шерифе и наше бюро — в Сталинабаде или другом пункте по нашему усмотрению. Эти бюро и будут осуществлять обследовательские работы (каждое на своей территории), информировать друг друга и устранять, в случае надобности, совместные совещания.

2) Относительно приглашения наших специалистов (двух) министр подтвердил свое прежнее заявление²⁶⁸. Более подробные сведения (размер оплаты их и пр.) он обещал сообщить дополнительно, получив на сей счет необходимые инструкции от правительства. Желательно было бы, чтобы Вы сообщили мне наши условия, из которых я мог бы исходить.

3) Относительно ядоматериалов министр сказал, что афганское правительство предполагает их покупать. Я думаю, что оно будет покупать их в самом ограниченном количестве, во-первых, в связи с отсутствием нужных средств, а во-вторых (и это главное), в связи с тем, что местные власти вообще стараются проводить так называемые «народные средства», т. е.

* См. также док. № 403.

истребление механическим путем, так как такой способ борьбы с саранчой дает им возможность хорошо «зарабатывать». По этому пункту я тоже просил бы Вас сообщить мне условия (цена и пр.), на которых мы могли бы доставлять ядоматериалы для афганского правительства.

4) Что касается формы соглашения (обмен нотами или конвенция), то министр высказал мнение, что удобнее будет форма конвенции.

Все вопросы министр обещал поставить на ближайшем заседании правительства и о результатах информировать меня, после чего мы сможем продолжать переговоры *.

С товарищеским приветом

Полномочный Представитель СССР в Афганистане
Л. Старк

Печат. по арх.

354. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Шуленбургом

7 октября 1934 г.

После обычных приветствий и разговора о положении дел в Румынии мы слегка коснулись советско-германских отношений.

Шуленбург заявил, что приехал сюда, имея задачей улучшение взаимоотношений, что соответствует намерениям германского правительства. Я со своей стороны подтвердил, что это отвечает и нашим желаниям, что нынешнее состояние отношений отнюдь нас не удовлетворяет и что мы ничего большего не хотели бы, как их улучшения, но что для этого требуется удаление стоящих на пути препятствий. На вопрос Шуленбурга, что же можно сделать, я сказал, что с этим же вопросом ко мне в свое время обращался и его предшественник Надольный **. Последний настойчиво ставил этот вопрос, вследствие чего от нас и последовали предложения о том, что надо делать для восстановления доверия или устранения недоверия, порожденного обстоятельствами последнего времени. Таким предложением был проект Балтийского протокола ***, который, однако, немцами был отвергнут. Предложением того же порядка является проект Восточного пакта ****. Принятие этих предложений, несомненно, создало бы базис для действительного развития хороших отношений. Неприятие же их, на-

* См. также док. № 433.

** См. док. № 2, 94, 126, 140.

*** См. док. № 139.

**** См. док. № 197, 294.

оборот, может еще усилить недоверие. Шуленбург не совсем внятно говорил о невозможности для Германии принимать на себя какие-либо обязательства военного характера. Я возразил, что Балтийский протокол никаких обязательств военного характера не налагал, наоборот, устранял необходимость каких-либо военных мероприятий и что невооруженность Германии отнюдь не могла быть препятствием для заключения протокола. Неубедительны для нас также и доводы против Восточного пакта. Я, однако, не считал нужным долго останавливаться на этой теме.

Шуленбург заговорил о желательности устранения поводов для взаимных трений, в частности в области печати, к чему как будто им приняты какие-то меры. Я отметил, что пока результатов не видно, что, по крайней мере, во время моего пребывания в Женеве в связи с нашим вступлением в Лигу наций антисоветская травля не только не прекратилась в германской печати, а усилилась. Я добавил, что у нас создалось впечатление, подтверждаемое сообщениями всей заграничной печати, об усилении влияния главного вдохновителя антисоветской тревли Розенберга *. Шуленбург отрицал усиление его влияния. Под конец беседы Шуленбург просил меня занересоваться делом, о котором ему сообщили его сотрудники перед его отъездом из посольства. В Ленинграде в начале августа арестован немец Фукс по обвинению в шпионаже. Долгое время германское консульство не могло добиться свидания с Фуксом и только вчера уполномоченный НКВД сообщил консульству о разрешении свидания, и это свидание вчера же состоялось. Во время этого же свидания консульство узнало от прокурора, что дело назначено к слушанию военной коллегией сегодня же при открытых дверях²⁹³. Посольство удивлено этой поспешностью, не давшей возможности консульству ознакомиться с обвинительным актом и организовать защиту Фукса. Слушание дела, по-видимому, уже началось, и Шуленбург просит, по крайней мере, о закрытии дверей и о несообщении в печать. Чтобы подкрепить просьбу угрозами, Шуленбург добавил, что и германские власти имеют много хлопот с нашими гражданами в Штуттгарте и других городах. Я указал на затруднительность для меня что-либо сделать при отсутствии возможности непосредственно влиять на судебные инстанции и на невозможность сноситься с ними прямым путем. Я обещал, однако, передать его просьбу т. Линде ** для выяснения того, что можно сделать.

Литвинов

Печат. по арх.

* См. также т. XVI, док. № 167, 190, 209 и док. № 361 настоящего тома.

** Заместитель заведующего II Западным отделом НКВД СССР.

8 октября 1934 г.

Ввиду установки на запугивание нас, взятой Буллитом, и известных вам документов* я считал бы полезным говорить с ним в очень твердом тоне, напоирая, в частности, на следующие положения:

1) Имеется совершенно определенная договоренность с Рузвельтом, зафиксированная в документе, о предоставлении нам займа**. Опубликование этого документа показало бы всему миру, кто из нас прав в возникшем впоследствии споре. Не подлежит никакому сомнению, что речь шла тогда только о займе, а не о товарных кредитах, иначе не было бы разговоров о передаче нам замороженных в Германии кредитов. В бытность в Вашингтоне я имел твердую инструкцию правительства признать долг Керенского только против займа, а не против товарных кредитов. Не подлежит никакому сомнению, что Америка отступает от соглашения, и отсюда все затруднения.

2) Мы в займе не нуждаемся и готовы от него отказаться, если вопрос о долгах будет оставлен открытым. Мы готовы торговать с Америкой на тех же условиях, что и с другими странами. Но мы можем и от этой торговли отказаться, если Америка считает нужным оставаться на почве закона Джонсона. Это не должно мешать поддержанию наилучших политических отношений с Америкой.

3) Мы в настоящее время платим по коммерческим банковским сделкам, включая банковское обеспечение и правительственные гарантии, от $2\frac{1}{2}$ до $6\frac{1}{2}$ %. В предложениях кредитов, получаемых нами из разных стран, заметна понижающаяся тенденция в отношении процентов. Мы имеем большой выбор предложений кредитов, превышающих в общей сумме наш спрос на заграничные товары.

4) Мы хотим наилучших отношений с Америкой, но это не должно идти за счет ухудшения наших отношений с европейскими странами, а это ухудшение неизбежно в случае допущения нежелательного прецедента как в отношении признания долгов, так и процентной ставки.

5) С нами нельзя разговаривать языком угроз и запугивания, ибо результаты получаются обратные ожидаемым.

Если Буллит затронет, как он это сделал в разговоре со мною на днях, предложение, о котором с ним говорил Крестинский***, т. е. об обычных коммерческих сделках с предло-

* См. док. № 77, 87, 116, 117.

** См. т. XVI, док. № 361.

*** См. док. № 337.

ставлением американскому правительству обращения части процентов на покрытие старых долгов, без заключения особого соглашения, то можно ему сказать, что это предложение правительством не обсуждалось еще и санкции правительства не получило.

Литвинов

Печат. по арх.

356. Телеграмма Заметителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Турции Г. А. Залкиндю

8 октября 1934 г.

ВОКС предлагает организовать в Турции выставку 9 советских художников. Карахан высказывается за Анкару. Срочно выясните возможность найти помещение с площадью стен 150 квадратных метров. Выставка может прибыть 23—25 октября. Если нет помещения в Анкаре, придется выставить в Стамбуле, где также обеспечьте помещение. Сообщите результаты*.

Крестинский

Печат. по арх.

357. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом США в СССР Буллитом

10 октября 1934 г.

Буллит, придя прощаться, сообщил, что он уезжает сегодня на Владивосток, где заказал места на японском пароходе через японское посольство на Цуруга, откуда он отправится в Токио. Там он пробудет пару недель, повидает, вероятно, Хирота, затем поедет в Бейпин и Нанкин и через Шанхай в Америку, куда рассчитывает прибыть около 11 декабря. Он хотел было наскоро попрощаться и уйти, но я его несколько задержал.

Я просил Буллита в разговорах с Рузвельтом и с госдепартаментом не забывать следующих наших положений.

1. Мы стоим на почве моего соглашения с Рузвельтом, в котором совершенно ясно говорится о займе, а не о кредитах**. Я утверждаю, что в моих разговорах как с Рузвельтом, так и с Буллитом и Моргентау*** всегда фигурировало слово «заем» и никогда слово «кредиты»; что речь тогда не шла о начисле-

* См. док. № 389.

** См. т. XVI, док. № 361.

*** См. т. XVI, док. № 373.

нии процентов на импортные сделки, доказывається уже тем, что говорилось о замороженных в Германии кредитах. Мы не требуем выполнения этого соглашения, если этого не в силах сделать президент, но мы не можем допустить, чтобы нас обвиняли в нарушении соглашения. От т. Сквирского мне, однако, стало известно, что в некоторых вашингтонских кругах и чуть ли не в самом госдепартаменте слышны иногда такие обвинения. Я должен предупредить, что если эти обвинения будут сделаны публично, то это может вынудить нас в порядке самозащиты предать гласности соглашение.

2. Мы не нуждаемся в американском займе или в других займах. Мы готовы дать обещание не поднимать вопроса о займе когда бы то ни было, если не будет поднят вопрос о старых долгах.

3. Я получил справку от Наркомвнешторга, из которой я убедился, что в отношении платимых нами процентов дело обстоит гораздо лучше, чем я сам себе представлял. Я зачитал эту справку Буллиту, чтобы доказать ему, что мы никогда и ни при каких обстоятельствах не платим больше $6\frac{1}{2}\%$ и что по различным транзакциям процент колеблется между 3 и $6\frac{1}{2}\%$.

4. Как бы мы ни ценили достижение соглашения с Америкой по долгам, мы не можем заплатить за это ценой создания конфликтов с европейскими государствами, в частности с Францией и Англией. После больших многолетних усилий нам удалось вопрос о старых долгах в этих странах усыпить, и мы не хотели бы, чтобы этот вопрос вновь встал между нами и правительствами этих стран. Я знаю, что есть люди в Америке, которые полагают, что достаточно заговорить с нами твердым тоном и пустить в ход угрозы, чтобы добиться от нас уступок. Такие люди ничего не понимают в нашем положении и в нашей психологии. К системе запугиваний не раз прибегали другие страны, но добившись, однако, никаких результатов.

Буллит повторил известную аргументацию о том, что, оглядываясь на другие страны, мы не хотим ничего сделать для Америки и фактически приравниваем Америку к странам, с которыми имеем наихудшие отношения. Мы это применяем как к вопросу о долгах, так и к вопросу о консульствах и о самолете*. Рузвельт задумал сближение с нами в интересах мира. Он много сделал уже в этом направлении, и он сможет сделать еще больше в дальнейшем. Но если мы будем держаться на своих позициях, то Рузвельт ничего не сможет сделать, так как в Америке очень мало людей, заинтересованных в отношениях с нами, к тому же существует еще вопрос о Коминтерне. Он, Буллит, хорошо знает, что Рузвельт никогда не думал о

---

* См. док. № 167, 316.

заиме и имел в виду кредиты. Очевидно, Рузвельт и я думали о разных вещах. Он не слышал, чтобы нас обвиняли в нарушении соглашения.

Я возразил, что напрасно Буллит пытается обобщить три вопроса, не имеющих между собою ничего общего и находящихся в совершенно разных политических плоскостях. В международных переговорах приходится неизбежно оглядываться на третьи страны. Ведь и сами американцы говорят, что их интересует не столько наш долг в 100 млн. долл., сколько создание или несоздание прецедента в вопросе о долгах Англии и Франции Соединенным Штатам. Мы знаем, что вопрос о Коминтерне является для всех стран резервным фондом, из которого они черпают или не черпают аргументов, смотря по тому, хотят ли они улучшить или ухудшить отношения с нами. Каждое правительство, когда оно хочет оправдать поворот в сторону ухудшения отношений с СССР, вспоминает о Коминтерне, о котором оно забывает, когда у него имеется противоположная тенденция. Во всяком случае, мы не можем понять, что осью наших отношений с Америкой должен быть только вопрос о 100 млн. долл., в которых заинтересованы каких-нибудь 3—4 частных компании, и что в зависимости от этого маленького вопроса можно поставить проблемы мира и вообще мирового порядка. Франция имеет к нам гораздо большие денежные претензии, затрагивающие к тому же миллионные массы населения, и тем не менее она смогла забыть о них, когда признала нужным в интересах мира сближение с нами. Тем более это возможно для Америки, где правительство имеет большую власть и большую стабильность, чем во Франции.

Буллит ушел несколько смущенный.

Литвинов

Печат. по арх.

358. Памятная записка и. о. Генерального консула СССР в Харбине Н. Я. Райвида Генеральному консулу Японии в Харбине Морсима

11 октября 1934 г. *

В последнее время участились самовольные действия японских воинских частей по захвату принадлежащих Китайской Восточной железной дороге зданий, сопровождаемому насильственными и незаконными захватами квартир советских служащих дороги и выбрасыванием из них принадлежащего агентам домашнего имущества. Так, вышеуказанные факты только по одной станции Пограничная выразились за последнюю неделю в следующем:

* Дата вручения Н. Я. Райвидом Морсима.

1) 4 октября чинами японского командования взломана квартира начальника станции Пограничная советского гр-на Калмыкова, домашнее имущество которого было вынесено на улицу.

2) 5 октября была занята квартира начальника 3-го участка службы тяги советского гр-на Селивестрова.

3) 10 октября произошел насильственный захват квартиры временно исполняющего должность начальника 11-го участка пути советского гр-на Карнеева, домашнее имущество которого было перенесено в квартиру другого агента КВЖД, советского гр-на Черного, которая также была самовольно открыта японскими военскими чинами.

Помимо указанных случаев 6 октября здание железнодорожного собрания станции Пограничная было занято отрядом японских войск, причем ценное имущество железнодорожного собрания осталось в стенах здания.

Кроме того, 30 сентября японскими военскими чинами выселен из занимаемой им квартиры начальник разъезда Социнцзы советский гр-н Жарников*.

Печат. по арх.

359. Интервью Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова московскому корреспонденту агентства Гавас Жилю

12 октября 1934 г.

(ТАСС). В беседе с представителем агентства Гавас г. Р. Жиль народный комиссар по иностранным делам г. М. М. Литвинов дал следующую оценку личности Луи Барту:

«Я знал трагически погибшего Барту с 1922 г., со времени Генуэзской конференции**, но ближе я соприкасался с ним лишь в течение последнего года. Скорбь Франции, разделяемая многими странами, особенно остро воспринимается теми людьми, кто лично знал покойного Луи Барту и приходил с ним в непосредственный контакт. Мне выпала за последнее время честь иметь множество встреч с покойным, из которых я не мог не вынести самого глубокого уважения к его личности***. Не останавливаясь здесь на той роли, которую Барту сыграл в деле сближения между Французской Республикой и

* См. также док. № 351.

** См. т. V, док. № 108, 126.

*** См. док. № 186, 189, 192, 340.

Советским Союзом в попытках разрешения проблемы организации мира в Европе, я должен сказать, что если начало этому движению было положено г. Эррио и оно было продолжено Поль-Бонкурром, то Луи Барту внес в это дело особое усердие и, я бы сказал, даже страстность. Разговоры с Барту не оставляли сомнений в том, что он умом государственного деятеля большого масштаба понял слабость устоев, на которых зиждется европейский мир, и размеры опасности, грозящей этому миру. Он понял ничтожность и ненадежность лозунга «спасайся, кто может», и важность и незаменимость коллективных усилий всех государств, стремящихся к миру. Он понял значение участия в этих коллективных усилиях мощного Советского государства. А поняв все это, он решил действовать и действовал энергично.

Я хотел бы также отметить лояльность Барту и надежность его слов и обещаний. Его публичные выступления отличались прямоотой, серьезностью и убедительностью. Он не прибегал к дипломатическим фразам в ущерб смыслу и ясности своих выступлений. К этому надо добавить, что благодаря его уму, остроумию и всестороннему образованию беседы с ним доставляли всегда истинно эстетическое наслаждение. В его лице Франция, несомненно, потеряла крупного государственного деятеля, а страны, заинтересованные в прочной организации мира,— мощного соратника. Все, знавшие покойного лично, как и я сам, сохраняют о нем глубокую благодарную память».

*Печат. по газ. «Известия»
№ 240 (3488), 12 октября 1934 г.*

**360. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР
Полномочному Представителю СССР в Швеции
А. М. Коллонтай**

14 октября 1934 г.

Дорогая Александра Михайловна,

Вы совершенно правильно указываете в своем письме от 1-го^{го} на роль, которую в настоящее время начинает играть Скандинавия, и в частности Швеция, в международной жизни, отмечая, что «она перестает быть нейтральным фактором». Говорить пока приходится главным образом о Швеции, которая, однако, тянет или может потянуть за собою Норвегию и Данию.

Усиленная политическая активность Швеции началась, собственно говоря, с того момента, когда она стала проявлять особый интерес к Прибалтике, обмениваясь с нею официальными визитами и т. п. Наше внимание должно быть, однако, обращено не в эту сторону и даже не на усиление влияния

Англин в Швеции, а, главным образом, на блок Скандинавии с Финляндией.

При лояльном и мирном поведении Финляндии можно было бы не обращать внимания на указанный блок. Если Вы помните, мы одно время даже готовы были приветствовать отвлечение Финляндии от польско-прибалтийских интриг в сторону Скандинавии. Приходится, однако, констатировать, что за последние годы значительно усилились шовинистические агрессивные элементы не только в общественных, но и в политических кругах Финляндии и что мечта «о великой Финляндии» путем завоевания Карелии, Мурманска и чуть ли не всего Севера до Урала становится действенным фактором финляндской политики. Один финский дипломат недавно в беседе с нами признал, что вопрос о завоевании Карелии, которым раньше занимались специальные незначительные организации, в настоящее время овладел умами почти всей Финляндии*. Не подлежит никакому сомнению, что Финляндия, так же как и Польша, строит свою политику на расчетах нашего возможного конфликта с Дальним Востоком, заранее решив, в известный момент, вмешаться в этот конфликт. Ввиду этой установки Финляндии не приходится удивляться тому, что вся финская печать проявляет крайнюю враждебность к СССР, усердно защищая японские позиции при всяком советско-японском конфликте.

Блокируясь при этих обстоятельствах с Финляндией, Швеция сознательно или бессознательно втягивается в антисоветские махинации. Вам следует иметь по этому поводу серьезный разговор с Сандлером, отметив вышеназванные моменты. Сообщите нам, как на это Сандлер будет реагировать**. Само собой разумеется, не надо ограничиваться разговором с одним Сандлером, а внушать вышеназванную опасность другим политическим и общественным деятелям, в особенности тем, которые дорожат сохранением мира. Нельзя скрывать, что после Японии, Германии и Польши Финляндия является в настоящее время по своим замыслам наиболее агрессивной страной.

Вам не нужно скрывать от Сандлера также и того, что поведение Скандинавии в Женеве при нашем вступлении в Лигу оставило у нас некоторую горечь. Скандинавские страны всегда выступали как чемпионы Лиги наций и не раз давали понять свое желание видеть СССР в Лиге. Нас поэтому очень удивил отказ Скандинавских стран от присоединения к коллективному приглашению. Мы не можем понять, почему Скандинавские страны не могли дать своих подписей наряду с

* См. док. № 329.

** См. док. № 390, 391.

подписями Франции, Англии и Италии и даже таких стран, которые не имеют с нами нормальных отношений *. Мы знаем, что Барту и Бенеш с самого начала рассчитывали на скандинавские подписи. Еще за несколько дней до нашего выступления в Лигу Бенеш и Барту сообщили мне, что скандинавы отказываются давать подписи под коллективным приглашением, но обещают послать отдельное приглашение. В самый последний момент оказалось, что они вообще не хотят посылать приглашения, а готовы лишь известить Москву о своем будущем голосовании **. Я уже не говорю о том, что скандинавы поддержали предложение Де Валера о непрременной передаче вопроса в VI (политическую) комиссию. Если для этого они могут еще находить оправдание формального характера, то даже такого оправдания нет для отказа от приглашения. Такое поведение нельзя признать дружеским, и мы можем найти ему объяснение только в том, что вопросы решались скандинавами совместно с Финляндией, которая, очевидно, заявляла ведущую роль. Такую же роль Финляндия может присвоить себе в скандинавском блоке и при более серьезных антисоветских выступлениях.

Имеются сведения, что Швеция совместно с Финляндией обсуждала недавно вопрос об укреплении Аландских островов. Спросите Сандлера, соответствует ли это действительности и одобряет ли он нарушение международных обязательств ***.

Я думаю, что мы теперь так же мало нуждаемся в шведском займе, как и раньше. Полагаю, что не нуждаемся также и в шведских кредитах. Во всяком случае, при прогрессирующем сокращении из года в год нашего импортного плана трудно рассчитывать на то, чтобы мы могли противодействовать неправильному курсу внешней политики Швеции экономическими мероприятиями. Вам следует, однако, усилить свою политическую активность и почаще говорить со шведами на политическую тему. Швеция не может не прислушиваться к нашим заявлениям и представлениям.

М. Литвинов

Постскриптум. В беседе с Сандлером надо оговорить, что мы отнюдь не желаем вмешиваться в шведско-финские отношения и что мы лишь сочли нужным обратить внимание Швеции на элементы агрессии и враждебности к СССР в политике Финляндии.

М. Л.

Печат. по арх.

* См. док. № 331.

** См. стр. 590.

*** См. док. № 390, 404.

361. Запись беседы Народного Комиссара Внутренней Торговли РСФСР с Послом Германии в СССР Шуленбургом

15 октября 1934 г.

15 октября посетил меня германский посол граф Шуленбург. Он сообщил мне, что считал своим долгом посетить меня, так как я был продолжительное время послом в Германии и оставил, по его словам, хорошую память о себе. Ему сообщил министр иностранных дел фон Нейрат, что он меня ценил и относился с полным доверием, так как он был вполне убежден, что мы с ним стремились к одной и той же цели, т. е. к установлению дружеских отношений между нашими странами. Сам Шуленбург с удовольствием принял предложение поехать в Советский Союз, ибо его всегда интересовали те большие проблемы, которые ставит себе Советский Союз в деле социального разрешения экономических отношений. Он уже теперь убедился, что жизнь здесь, в Советском Союзе, бьет сильным ключом и во всем заметна грандиозная работа Советского Правительства. Первые его шаги здесь, конечно, весьма утомительны и напряжены, ибо они связаны с большим количеством официальных и частных визитов, с установлением целого ряда новых знакомств. Однако он чувствует себя хорошо; с удовлетворением должен констатировать, что он встречает здесь хорошее к себе отношение, и он надеется, что ему удастся добиться к себе такого же доверия, каким пользовался я в Германии.

Большие надежды возлагает он на благоприятный исход ведущихся переговоров о заказах на сумму 200 млн. марок²⁷¹. Насколько ему известно, переговоры подошли к концу и срок кредита установлен пятилетний. Несомненно, заявил он, что благоприятное разрешение этого вопроса будет содействовать значительному улучшению не только наших экономических, но и политических взаимоотношений, тем более, что при его отъезде германское правительство твердо заявило ему о желании установления лучших взаимоотношений с Советским Союзом.

Я ему заявил, что эти хозяйственные переговоры велись еще при мне в Берлине и, насколько я помню, вопрос о кредите был поставлен не на пятилетний, а на шестилетний срок, и что если в Германии соглашаются идти на пять лет, то несомненно они могут увеличить кредит и до 6 лет.

Далее я ему указал, что Советский Союз не повинен в ухудшении взаимоотношений с Германией, ибо он во всей своей внешней политике борется за мир и стремится установить добрые отношения со всеми странами. Однако я должен констатировать, что до прихода Гитлера к власти германское правительство всегда информировало Советский Союз о своей внеш-

ней политике и даже ставило иногда перед Советским Союзом вопросы о совместных выступлениях по тому или иному вопросу. С приходом же к власти Гитлера не только прекратилась вышеуказанная тактика, но, наоборот, даже внутри страны германское правительство в лице некоторых ответственных государственных людей вело антисоветскую пропаганду. Мне незачем указывать таких лиц, но стоит только лишь упомянуть о Розенберге *. Ему, вероятно, известны также выступления бывшего министра хозяйства Гугенберга ** на экономической конференции в Лондоне, которые также носили ясно выраженный антисоветский характер.

Граф Шуленбург с своей стороны заявил, что нет такой страны, которая бы сомневалась в действительно мирной политике Советского Союза. Я должен понимать, что новое правительство Гитлера, конечно, могло также на первых шагах делать ошибки, но ему хорошо известно, что правительство Гитлера искренне стремится к установлению прежних добрых отношений с Советским Союзом.

Если, заявил я, таковы действительные стремления правительства Гитлера, то оно найдет соответствующие пути к выявлению этого своего намерения.

Этим закончилась наша беседа, и граф Шуленбург просил меня в будущем дать ему возможность встречаться со мной, на что я ответил согласием.

Народный комиссар внутренней торговли РСФСР
Хинчук

Печат. по арх.

362. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с неофициальным представителем Чан Кай-ши профессором Цзян Ли-фу

16 октября 1934 г.

(Проф. Цзян Ли-фу, приехавший в качестве неофициального представителя Чан Кай-ши, просил приема через китайского поверенного в делах.)

Цзян. Получили ли Вы от г. Богомолова сообщение, подтверждающее, что я являюсь представителем Чан Кай-ши и что буду просить приема по его поручению.

Стомоняков. Мы получили сообщение, рекомендующее профессора ²⁷².

* См. также т. XVI, док. № 167, 190, 209 и док. № 2, 18, 122 настоящего тома.

** См. т. XVI, док. № 190, 209.

Цзян. 27 июля, перед своим отъездом из Китая, я был вызван Чан Кай-ши в Ханьчан и последний просил меня передать следующее: Чан Кай-ши полагает, что Китай и СССР связаны рядом общих интересов. Он полагает, что если интересам и положению Союза будет нанесен какой-либо удар или ущерб, это будет одновременно означать удар и по положению и по интересам Китая. Он хотел бы выяснить, разделяет ли Советское правительство эти его соображения, касающиеся взаимоотношений между нашими странами.

Стомоняков. Мы питали и питаем самые искренние и дружественные чувства к Китаю, с которым нас соединяют не только общая граница, но и глубокая симпатия к борьбе, которую ведет китайский народ за свое равноправие и освобождение от гнета империалистических государств. По этому вопросу у нас нет никаких сомнений, и все мы единодушны в желании развивать самые сердечные и дружественные отношения с Китаем.

Цзян. Между Китаем и СССР существует огромное различие в их политико-экономической системе. Не может ли это обстоятельство отразиться на политике Советского правительства в отношении Китая.

Стомоняков. Имеется много доказательств, что в своей внешней политике Советское правительство никогда не руководствовалось соображениями о каких-либо социально-экономических различиях или антипатиями. Исходя из государственных интересов и абсолютной приверженности правительства Союза интересам мира, мы стремимся поддерживать самые лучшие отношения со всеми государствами, хотя бы они и имели отличный от нашего политический строй. Мы поддерживаем отношения с рядом государств, в том числе и авторитарных, режим которых еще в большей степени отличается от нашего, нежели наш от режима в Китае. И эти отношения развиваются, несмотря на то, что с этими странами нас не связывает симпатия, аналогичная симпатии к китайскому народу, о которой я говорил раньше. Для иллюстрации могу привести наши отношения с Италией и Германией, в которых господствует полный фашистский режим, прямо противоположный нашему. Тем не менее мы в течение 10 лет поддерживаем отношения с Италией, потому что правительство последней хочет того же и не имеет никаких планов, противоречащих поддержанию мирных отношений с Союзом. Совсем иное положение в наших взаимоотношениях с Германией. Если в настоящее время эти отношения сложились неблагоприятно, то исключительно потому, что Германия является в настоящее время реальной угрозой для мира, и в частности для мира с СССР.

Цзян. Мы знаем, что Союз поддерживает самые тесные отношения с целым рядом стран, отнюдь не являющихся ком-

мунистическими, как, например, с Турцией, Италией и за последнее время с Францией. В отношениях же между Китаем и СССР, после известного периода тесной кооперации, к сожалению, последовал разрыв *. Не может ли это оказать своего влияния на отношения в дальнейшем? Кроме того, как всем известно, руководящую роль в Китае во время разрыва отношений играл именно Чан Кай-ши. Оказывает ли этот факт соответствующее влияние на Советское правительство? Не является ли личность Чан Кай-ши препятствием для возобновления дружественных отношений между СССР и Китаем?

Стомоняков. Я не хотел бы делать экскурсов в прошлое советско-китайских отношений. Всем хорошо известно, что инициатива разрыва отношений после периода кооперации, принадлежала китайскому правительству. Прошлое есть прошлое, и в своей политике мы не руководствуемся воспоминаниями и чувствами. При определении наших политических отношений с Китаем сегодняшнего дня, и в частности отношений с Чан Кай-ши, который играет руководящую роль в Китае, мы, конечно, ни в какой степени не исходим из воспоминаний или чувств, а исходим из общности интересов наших стран и искренне желаем развития и укрепления отношений. Мы относимся к нему как к руководителю дружественной нам страны, с таким же уважением, как и к другому руководителю дружественного нам государства. Никакие личные моменты, никакие предрассудки не могут неблагоприятно отразиться на этой нашей позиции. Я мог бы для примера сослаться и на наши отношения с Францией. До самого недавнего времени, как это всем прекрасно известно, Франции принадлежала ведущая роль в организации всех кампаний против Союза в попытках создать единый фронт капиталистических государств против Союза. От этого времени нас отделяет меньший промежуток времени, нежели от того времени, когда имели место известные события в советско-китайских отношениях, и, несмотря на это, мы поддерживаем в настоящее время самые лучшие и глубоко дружественные отношения с французским правительством.

Цзян. Я весьма признателен Вам за разъяснение, которое Вы мне дали. Я могу Вас заверить, что эта точка зрения правительства Союза не была ясна Чан Кай-ши. Я сообщу ему немедленно о нашей беседе, и я уверен, что это будет иметь огромное значение для будущих отношений между Китаем и СССР.

Стомоняков. Я хотел бы избежать каких-либо недоразумений в связи с нашей сегодняшней беседой. Я прошу Вас понять, что наша беседа является неофициальной и конфи-

---

* См. т. X, док. № 291, 293; т. XII, док. № 222.

денциальной. Не будучи заранее информирован о вопросах, которые Вы поставите передо мной, я, естественно, не мог получить и не имею никаких полномочий от Советского правительства делать Вам какие-либо официальные заявления, тем более, что Вы сами выступаете в качестве неофициального представителя Чан Кай-ши.

Цзян. Я понимаю, что беседа является конфиденциальной и неофициальной, но могу ли я считать высказанные Вами мысли и положения, отражающими позицию Советского Союза.

Стомоняков. Я высказал Вам свое личное мнение, но я думаю, что оно отражает также отношение Советского правительства к китайскому правительству и к Чан Кай-ши. Само собой разумеется, Вы можете информировать Чан Кай-ши о настоящей беседе.

Цзян. Для меня этого вполне достаточно. Если Вы разрешите, я хотел бы сделать еще несколько дополнительных замечаний. Нынешний этап внешней политики Китая не представляет и не отражает национальных чувств Китая. Мы должны, однако, пройти через этот этап, и мы все уверены, что он не будет слишком продолжительным. За последние два-три года многие деятели Китая предлагали нанкинскому правительству и Чан Кай-ши политику кооперации и сближения с Советским Союзом. По многим причинам эти предложения не были приняты моим правительством, но, что касается Чан Кай-ши, он стремится положить начало тесному сближению с СССР, когда для этого наступит подходящий момент. Могу ли я спросить, на какой основе могло бы быть, по Вашему мнению, осуществлено это сближение и что необходимо сделать для того, чтобы оно было наиболее эффективным.

Стомоняков. Это большой и трудный вопрос, и, прежде чем на него ответить, мне надо было бы серьезно подумать. Я поэтому позволю себе воздержаться пока от ответа на него.

Цзян. Я вполне с Вами согласен и не настаиваю на немедленном ответе. Я хочу сделать некоторые дополнения, которые, возможно, облегчат Вам ответ. Предложения о политике сближения между Китаем и СССР, которые поступили к нанкинскому правительству, носили формальный характер, как, например, предложение о заключении пакта о ненападении или какая-нибудь другая демонстрация дружбы между нашими странами*. Чан Кай-ши хочет тесного сближения с СССР не путем формальных союзов или публичных демонстраций. Он желает достичь этой цели путем культивирования взаимного понимания и доверия. Он может заверить Совет-

* См. т. XVI, док. № 319.

ское правительство, что Китай никогда и ни при каких обстоятельствах не будет воевать на стороне Японии против СССР. На известных условиях Китай может стать плечом к плечу с Союзом против нападающего врага. Достичь этого можно путем постепенной и тщательной подготовки, например, путем дипломатической кооперации вовне, которая, несомненно, будет полезна как Китаю, так и СССР.

Сто моняков. Я согласен с Вами, что нужно стремиться не к формальному сближению и формальным демонстрациям. Что же касается конкретных предложений, то над ними надо серьезно подумать. Я должен, однако, еще раз обратить Ваше внимание на различное положение каждого из нас при обсуждении подобных вопросов. Когда Вы говорите, Вы говорите как частное лицо; когда я говорю, хотя бы и как частное лицо, я не перестаю быть представителем своего правительства.

Цзян. Чан Кай-ши не мог избрать иного пути, как неофициальный для такой беседы. Китайское посольство в Москве подчинено МИД и сносится с ним по всем вопросам. Между тем наш МИД имеет свою собственную политику, и поступающие к нему сообщения, которые не совпадают с проводимой им политикой, зачастую не передаются Чан Кай-ши. Более того, официальные каналы не позволили бы затронуть персональных вопросов, как это было в нашей сегодняшней беседе. Лично я искренне желаю содействовать делу сближения между нашими странами, и если моя помощь может принести какую-либо пользу, я рад ее оказать. Я уверен, что если между Китаем и СССР наступит вновь серьезное сближение, наша сегодняшняя беседа сыграет в этом свою определенную роль.

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

**363. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных
Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Шве-
ции А. М. Коллонтай**

17 октября 1934 г.

Уважаемый товарищ,

1. События последнего времени все более подтверждают опасность, которую представляет для нас образование Северного блока из Скандинавских стран и Финляндии и ведущую роль, которую, по-видимому, в этом блоке имеет Финляндия при определении его отношения к СССР. Я писал Вам об этом 27 сентября²⁷³. Этой же теме посвящено и письмо т. Литвинова к Вам от 14 октября*.

* См. док. № 360.

2. Чрезвычайно характерна в этом отношении развернувшаяся в Швеции кампания по вопросу об укреплении Аландских островов *. Финляндский тезис о военной опасности, угрожающей Финляндии и Швеции со стороны СССР, получает все большее распространение в Швеции, и даже такое компетентное по данному вопросу и официальное лицо, как начальник шведского морского штаба генерал де Шен, позволил себе сделать публичное заявление в газете «Афтонбладет», что «опасность идет со стороны страны, расположенной далее на Восток, и в борьбе против этой страны Скандинавские страны — не в последнюю очередь и Швеция с Финляндией — должны сойтись воедино».

3. Я прошу Вас, когда Вы будете у Сандлера, сделать ему серьезное представление по поводу выступления де Шена и потребовать, чтобы оно при каком-нибудь случае было исправлено. Укажите на несовместимость подобных нелепых и агрессивных заявлений с существующими дружественными отношениями с нашими странами и подчеркните, что шведское правительство должно обратить внимание на эту враждебную пропаганду, которая сознательно вводит в заблуждение шведский народ относительно повсеместно признаваемой теперь мирной политики СССР **.

4. В связи с возрастающей ролью Финляндии в шведской политике необходимо обратить особое внимание на происходящее сближение между Швецией и Польшей. По сообщениям из Варшавы, поездка шведского генерала Нигрена была вызвана не только «желанием установить личный контакт». Достоверно известно, что он вел переговоры относительно передачи поляками крупных артиллерийских заказов Бофорсе, а также о привлечении шведских капиталов и шведских специалистов в военную промышленность Польши. Очевидно, речь идет о том, чтобы Швеция в этом отношении заняла то место, которое занимала Франция, и, в частности, Бофорсу занял место Крезю. Переговоры об участии Швеции в польской военной промышленности еще не закончены, ибо не договорились о количестве акций, которое должно быть предоставлено шведам. Однако шведы уже получили огромные заказы на новые батареи и на переоборудование старых. Все это подтверждает имевшиеся у нас ранее сведения об усилиях Польши сблизиться со Швецией. Очевидно, в результате нового курса своей политики, направленного против Франции и СССР, Польша лихорадочно усиливает свою активность в странах, прилегающих к Балтийскому морю.

5. Не исключено, что некоторую, хотя, конечно, весьма небольшую, роль в усилении антисоветских элементов в Швеции

* См. док. № 390.

** См. док. № 391.

играет также и Япония, которая, как это видно из шведских и иностранных газет, размещает все более крупные военные заказы на шведских заводах. По-видимому, японские военные заказы являются одним из существенных элементов той новой «просперити», которая наблюдается за последнее время в Швеции.

Прошу Вас собрать и прислать нам в отдельном письме сведения о японской активности в Швеции ²⁷⁴.

6. Если к изложенному прибавить появившиеся в Швеции голоса,—я имею в виду сообщение одной шведской газеты, названия которой я не могу в этот момент припомнить,—о необходимости для Швеции и Скандинавских стран пересмотреть свое отношение к Лиге наций, которая-де становится орудием французского и советского влияния, то станет ясно, что мы имеем дело с чрезвычайной активизацией антисоветских сил в Швеции.

Перед лицом этой новой ситуации мы, как Вы правильно отмечаете в своем докладе от 1 октября, должны уделить больше внимания Швеции и Скандинавским странам. Нельзя не приветствовать поэтому тех указаний, которые т. Литвинов дает Вам в своем письме от 14 октября.

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

364. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Шуленбургом

19 октября 1934 г.

Шуленбург пришел жаловаться на нашу печать. Он принял-де меры для смягчения тона германской печати. Это, правда, не удалось еще на 100%, но его акция затрудняется поведением нашей печати, в особенности в связи с марсельскими выстрелами. Шуленбург особенно отметил некоторые карикатуры в нашей печати, указывающие на связь всех террористов во всех странах с Германией и на цитируемые нашей печатью сообщения из-за границы.

Я сказал, что в ответ на такие жалобы мне, собственно, нужно было бы вызвать т. Линде и просить доставить Шуленбургу досье вырезок из германской печати. В частности, Шуленбург увидел бы, что германская печать пытается нажить капитал для Германии на обвинениях коммунизма и большевизма в качестве источника террористических актов. Только сегодня нами получена телеграмма об интервью Геринга*, об-

* Имеется в виду его интервью корреспонденту английской газеты «Дейли мейл» в Берграде; см. об этом газ. «Известия», 20 октября 1934 г.

винившего большевизм в провоцировании террористических актов и Димитрова в попытках организации из Москвы покушения на его, Геринга, собственную жизнь в Белграде. Наша печать имеет больше оснований кивать на фашизм, ибо не подлежит сомнению, что Дука был убит румынским фашистом, Дольфус — австрийским, Барту и Александр — хорватским, между тем как ни одного случая террористического акта, совершенного коммунистом, не было. Я очень рад, что Шуленбург старается умерить тон германской печати, я делаю здесь то же самое, но я не могу ручаться за поведение наших журналистов, если они будут узнавать ежедневно о выпадах германской печати, а тем более германских политических деятелей против СССР. Приходится в таких случаях записывать взаимные обвинения в дебет и кредит. Само по себе поведение печати не является политическим фактором, а лишь симптомом. При улучшении взаимных отношений автоматически улучшается и тон печати. Ввиду представления Шуленбурга мне, очевидно, придется поручить в нашему полпреду Сурицу сделать то же самое в Берлине*.

Литвинов

Печат. по арх.

365. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
19 октября 1934 г.*

Лаваль** просил передать вам, что он намерен продолжать политику Барту по отношению к нам и стремится реально завершить эту политику. Он, однако, не успел еще ознакомиться с делами и поэтому не может высказаться конкретно. Он просил меня рассказать ему, о чем именно мы договорились с Барту. Я ему дал очень сжатое изложение переговоров о пакте*** и указал на то, что предложение о заключении пакта исходило от французов****. Он заявил, что Европа находится в состоянии опасности войны, что любой толчок может привести к кровавой развязке. Его назначение вызывает, мол, надежды в Германии, так как он не скрывает, что он стремится к соглашению с Германией, ибо мир в Европе невозможен без франко-германского соглашения. Но он знает, как и мы знаем, про германские вооружения. Он в свое время совершил поездку в Берлин, чтобы договориться непосред-

* См. также док. № 407.

** Министр иностранных дел Франции с 13 октября 1934 г.

*** См. док. № 138, 144, 151, 154, 340.

**** См. т. XVI, док. № 332, 390, 413 и 444.

вению с Германией. Если соглашение с Германией возможно только обходным путем соглашения Франции с Москвой, он готов пойти и этим путем²⁷⁵. Я пытался в ходе разговора дать понять ему, что Франция не меньше нас заинтересована в соглашении, так как в военном отношении она больше экспонирована и так далее. Я указал также на ложное представление о том, что наше стремление к сближению продиктовано соображениями нашей дальневосточной политики, указав на то, что благодаря нашему военному превосходству наши отношения с Японией идут на улучшение. Я ему сказал, что нас начинает раздражать, что во Франции все еще многие сомневаются в нашей мощи, в то время как в Германии, Италии и в других странах имеют о ней более правильное представление. Я ему дал перевод статьи генерала Грациани и отослал его к сегодняшней статье Кериллиса. Он стал уверять, что он также не принадлежит к тем, которые сомневаются в нашей мощи. Он спросил, делала ли Германия какие-либо предложения. Я сказал, что не знаю, делались ли немцами предложения. Он вскользь спросил, как обстоит с долгами, я ему сказал примерно то же самое, что я говорил Кулондру²⁷⁶. Лаваль заявил, что имеет большие возможности проводить политику сближения с нами, чем кто-либо другой, так как за ним идет сплоченное умеренное большинство и у него много друзей среди левых. Ему, мол, дали МИД, ибо представители «синдиката бывших премьеров» не хотели назначения Фландена*. Он очень счастлив, что у нас с ним установились отношения взаимного доверия до его назначения; как правило, он готов меня принять в любой день. Внешняя сторона взаимоотношений должна существовать только для аппарата, он высказался в любезностях по моему адресу и просил зайти через несколько дней**. Он дал понять, что он против поездки Лямуре²⁷⁷, сначала под предлогом, что он ему нужен для переговоров с другими странами, потом объяснил это желанием сосредоточить в своих руках все переговоры с нами.

В беседе с Пертинаксом и другими он всячески пытается рассеять впечатления, что он намерен отступить от политики Барту. Он окружен рядом лиц, которые его толкают на соглашение с Германией. Громадное влияние имеют на него муниципальные политики в парижском предместье Обервилье, где он является мэром и где коммунисты могут его провалить при очередных выборах в сенат. Положение правительства неустойчиво; возможно, в конце ноября Думерга заменит Фланден, Лаваль или Бюиссон***. Шансы Эррио определяются после

* Министр общественных работ, с 9 ноября 1934 г. — председатель совета министров Франции.

** См. док. № 373.

*** Председатель палаты депутатов Франции.

конгресса радикалов. Я проверил по ряду источников, что Думерг под влиянием Тардые и других факторов стал к нам за последнее время относиться сдержаннее. В Париже усилились тревожные настроения по поводу намерения Германии.

М. Розенберг

Печат. по арх.

366. Телеграмма Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Полиномичному Представителю СССР в Чехословакии С. С. Александровскому

21 октября 1934 г.

После наших спортивных успехов * считал бы желательным скорейшую посылку в Чехословакию Вахтанговского театра. Возможно, что поездка театра в Варшаву не состоится ⁶¹, и потому надо выяснить, оправдает ли Чехословакия материальные расходы. Театр мог бы поехать начиная с февраля **.

Литвинов

Печат. по арх.

367. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностраных Дел СССР

*Немедленно
24 октября 1934 г.*

Беседа с Думергом длилась час. Он начал с того, что давно хотел со мною познакомиться, и сказал прочие приятные вещи. Думерг пространно говорил о германской опасности, заявив, что от этих сумасшедших можно ожидать что угодно. Он говорил о том, что воспоминания о союзе с Россией еще крепки во французском народе и, несмотря на известные препятствия, дело сближения не наталкивается на большое сопротивление. Нужно быть дураком или невеждой, воскликнул Думерг, чтобы не понять общности интересов французского правительства и правительства СССР. Он считает, что Германия неизбежно будет добиваться аншлюса, дабы завладеть выходом к Средиземному морю. Добившись этого выхода, она, возможно, будет стремиться к союзу с Италией или Англией, но покамест Италия заинтересована в том, чтобы

* О выступлении советских спортсменов в Чехословакии см. газ. «Известия». 10, 12, 15, 18, 20 октября 1934 г.

** Гастроли театра в 1935 г. не состоялись.

предотвратить германское продвижение в этом направлении. Видно было, что он придает большое значение сближению с Италией. С другой стороны, Думерг говорил о том, что соглашение Франции с нами является фундаментом мирной политики в Европе. Нужно, однако, для этого подготовить почву без лишней огласки, причем он привык во всех делах действовать осмотрительно. К франко-советскому соглашению неизбежно должна будет примкнуть Англия *. Он несколько раз употребил термин «трипль — антанта». О Польше он говорил, что разделяет уверенность Литвинова в наличии польско-германского секретного договора **. Он со времени поездки Барту в Варшаву не питает никаких иллюзий на этот счет. Я со своей стороны подробно высказывался о Польше. Он процитировал Прудона, который писал, что полякам вредна независимость. Он говорил о высказываниях близкого к нему генерала Денена *** о советской авиации, финансовом положении, а также о Кериллисе, которого он принял и который восхищался нашей авиацией. Он понимает, что наши достижения не импровизация, а что это результат упорной, систематической работы. Я обрисовал перед ним основные этапы нашей внешней политики, указал на то, что когда в ноябре 1933 г. Поль-Бонкур от имени французского правительства предложил пакт, Советское правительство приняло это предложение ****, усматривая в нем доказательство того, что французское правительство осознало мощь Советского Союза и считает, что две наиболее мощные в военном отношении державы в Европе способны обеспечить дело мира в Европе. Развивая эту мысль, я заявил, что разделяю его взгляды, что как бы ни были важны отношения с отдельными странами, так, например, мы весьма ценим и намерены продолжать наши добрые отношения с Италией, уже не говоря о наших братских отношениях с Турцией, сотрудничество СССР и Франции с точки зрения германской проблемы приобретает первостепенное значение. Я рад его констатации, что обе страны в равной степени заинтересованы в этом сотрудничестве и т. п. Я ему передал то, что Барту нам заявлял по поводу пакта *****, и спросил его, какое направление он намерен дать связанным с нами переговорам. Он заявил для передачи вам, что не знаком со схемой пакта, так как, пока был Барту, он целиком на него полагался. Я просил его разрешения не передавать такой ответ, который мог бы, мол, быть неправильно истолкован у нас, ибо сущность пакта была изложена в газетах и, несомненно, она

* См. док. № 247.

** См. док. № 136, 158.

*** Министр авиации Франции.

**** См. т. XVI, док. № 332, 390, 413 и 444.

***** См. док. № 68, 97, 138.

ему известна, хотя и не в деталях. Думерг тогда заявил, что он действительно не знаком с деталями. Когда я продолжал его вопрошать, он заявил, что он не считает, что следует отказаться от пакта, и что он, мол, поручит Лямуре, который скоро выедет²⁷⁷, об этом поговорить в Москве. Главное, чтобы я заверил вас в его дружеском отношении к нам. Под конец, подмигнув мне, он дал понять, что не хочет в данный момент, когда положение правительства критическое из-за конституционных реформ, осложнять свое положение решением, связанным с нами. На прощание он еще раз заявил, что полезно, чтобы Германия знала, что у нас общая политика, на что я ответил, что именно поэтому необходимо конкретизировать эти отношения. Мы условились с ним повидаться недели через две, когда прояснится внутривнутриполитическая ситуация*.

М. Розенберг

Печат. по арх.

368. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

26 октября 1934 г.

Чарльз приходил ко мне сегодня с поручением от Саймона по поводу «Лена-Голдфилдс». Саймон опасается поднятия вопроса в печати, что может его заставить выступить с заявлением в парламенте, а потому он просит меня, учитывая улучшение отношений и позицию Англии в Женеве**, вмешаться в это дело. Чарльз пытался говорить со мною о деталях соглашения. Я сказал, что не могу вести никаких переговоров по делу «Лена-Голдфилдс» и обсуждать детали, но что когда вопрос ставился Главконцессскомом перед правительством, я как член правительства делал все возможное для ускорения соглашения. Выравнивание нами суммы до 3 млн. фунтов является нашей последней уступкой. Мы не можем из-за страха перед газетным выступлением и заявлением в парламенте делать бесконечные уступки. Пусть Саймон посоветует компании «Лена-Голдфилдс» принять последнее предложение Трифонова***, иначе она к своим прежним ошибкам прибавит новые. Она уже потеряла три года и может потерять больше.

Литвинов

Печат. по арх.

* Встреча не состоялась ввиду смены правительства во Франции.

** См. док. № 287, 303, 322, 331.

*** См. док. № 380.

369. Письмо Полномочного Представителя СССР в Греции
Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР Н. Н. Крестинскому

27 октября 1934 г.

Уважаемый Николай Николаевич,

По полученным мною от торгпредства сведениям, дело выполнения нашей торговой конвенции с Грецией * находится в таком положении.

По экспорту мы имеем право ввезти в этом году на 165 млн. драхм товаров, реализовано торгпредством уже на 120 437 тыс. драхм, на остальную сумму все запродало по договорам.

Импорт по конвенции должен составлять 70 млн. драхм. До сих пор куплено и оплачено нами на 27,7 млн. драхм, заключено договоров на 33,754 млн. драхм. Остается закупить на 8,6 млн. драхм, или приблизительно на 86 тыс. зол. руб.

С фрахтом дело обстоит так, что мы по конвенции должны дать 750 тыс. англ. ф. ст. минус 80 тыс. ф. ст. (остаток в нашу пользу с прошлого года), т. е. всего 670 тыс. англ. ф. ст. Зафрахтовано же нами уже на 804 тыс. ф. ст. (из них 300 тыс. англ. ф. ст. еще не оплачено). Таким образом мы перевыполнили свои обязательства по фрахтованию на сумму 130 тыс. ф. ст., и перед торгпредством встает задача добиться у греков какой-либо компенсации за это.

Вместе с тем перед нами встает и другая, более важная задача: пора приступить к переговорам о заключении торговой конвенции на 1935 г. Вряд ли может быть сомнение в том, что греки постараются достичь на этот раз еще более выгодных для себя условий. В частности, арматоры упорно поговаривают о том, что никаких компенсаций по экспорту нам за фрахт давать не следует, так как мы «все равно» греческий тоннаж фрахтовать будем. Мы всячески, конечно, боремся против этого взгляда (см. мой последний дневник, разговор с Песматзоглу ²⁷⁸), но возможно, что словесной борьбы окажется недостаточно, и поэтому я согласился подписать отправленную Адамсоном ** телеграмму об эвентуальном временном прекращении фрахтования ²⁷⁹.

Во всяком случае, я считаю необходимым как можно скорее начать переговоры о новой конвенции и поэтому, если т. Ангарскому не дали в Москве точных директив по этому вопросу, прошу Вашего содействия к тому, чтобы директивы эти были нам даны в срочном порядке ²⁸⁰.

С приветом

М. Кобецкий

Печат. по арх.

* См. т. XII, док № 193.

** Заместитель торгового представителя СССР в Греции.

370. Телеграмма Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР Президенту Турецкой Республики Мустафе Кемалю

29 октября 1934 г.

Прошу принять мои искренние поздравления по случаю провозглашения Турецкой Республики, создание которой под Вашим руководством обеспечило огромный прогресс и процветание дружественного турецкого народа.

Калинин

Печат. по арх.

На эту телеграмму Мустафа Кемаль направил 2 ноября 1934 г. следующий ответ на имя М. И. Калинина:

«Глубоко тронут любезной телеграммой, которую Вы сообразовали прислать мне по случаю годовщины провозглашения Республики. Прошу принять мою самую горячую благодарность и искренние пожелания счастья, выражаемые Вам лично, и пожелания процветания дружественным нам народам Союза ССР».

371. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Дании с Министром Иностранных Дел Дании Мунком

29 октября 1934 г.

Я пришел к Мунку с прощальным визитом. Во время беседы я указал ему, что поведение Скандинавских стран в Женеве накануне вступления СССР в Лигу наций чрезвычайно удивило нас и оставило в Москве осадок горечи. Мы ожидали, что представители Швеции, Норвегии и Дании, в том числе сам Мунк, как горячий адепт Лиги наций, первыми подпишутся под приглашением СССР вступить в Лигу наций. Вместо этого Скандинавские страны не только не присоединились к общему приглашению, под которым подписались даже государства, не имеющие с нами дипломатических отношений, но и не послали отдельного приглашения, а ограничились извещением, что они будут голосовать за принятие СССР в Лигу наций*.

Мунк встревожился и ответил, что поведение Скандинавских стран было обусловлено юридическими мотивами. Министры иностранных дел, присутствуя в Женеве, выступают не в качестве министров, а в качестве членов Лиги наций. Они имеют право высказываться и голосовать, но не имеют права посылать приглашения. Каждый министр иностранных дел, уезжая в Женеву, оставляет взамен себя заместителя, который

---

* См. стр. 590.

и выполняет в своей стране функции министра. Чувствуя, что эта юридическая схоластика совершенно неубедительна, Мунк добавил, что он лично возражал против такой постановки вопроса и указывал, что ввиду политической важности вступления СССР в Лигу наций в данном случае следует, по примеру других стран, пожертвовать формально юридическими соображениями, но остался в меньшинстве. Мунк намекнул, что наиболее непримиримую позицию занимали шведы.

На мой вопрос о роли Финляндии Мунк ответил, что по его впечатлениям Финляндия не проявляла особого интереса к вступлению СССР в Лигу наций.

В заключение Мунк заявил, что шведский министр иностранных дел должен был объяснить г. Литвинову позицию Скандинавских стран. Со своей стороны Мунк обещал при первой же встрече с г. Литвиновым вернуться к этому вопросу, чтобы изгладить всякую горечь*.

Полпред

Печат. по арх.

372. Письмо Полномочного Представителя СССР в Афганистане председателю Ассоциации афганской национальной олимпиады Шах Махмуд-хану

29 октября 1934 г.

Имею честь подтвердить получение письма Вашего Высочества от 28 сего октября за № 72, в коем Вы выражаете благодарность за дружественный прием, оказанный афганским спортсменам во время посещения ими СССР. Этот прием не мог быть иным в силу тех отношений, которые сложились между нашими странами.

Я уверен, что эта первая поездка афганских спортсменов послужит хорошим началом в деле дальнейшего сближения советских и афганских спортивных организаций и расширения культурных связей между нашими народами**.

Пользуясь случаем, прошу Ваше Высочество, принять мои заверения в полном к Вам уважении.

Полномочный Представитель СССР в Афганистане
Л. Старк

Печат. по арх.

* См. также док. № 390, 419.

** См. док. № 300.

В упоминаемом письме Шах Махмуд-хана Л. Н. Старку от 28 октября 1934 г. № 72 говорилось:

«Выражаю глубокую благодарность, от своего имени и от имени Ассоциации афганской национальной олимпиады, уважаемому Советскому правительству и спортивным организациям, оказавшим наилучший прием и гостеприимство афганским спортсменам, принявшим участие в Ташкентской спартакиаде. Я вполне уверен, что в результате такой дружеской встречи между спортсменами этих двух соседних стран дружественные взаимоотношения, счастливо существующие между ними, еще более укрепятся.

Выражая благодарность Вашему Превосходительству, принявшему в этом деле активное участие, прошу передать вышеизложенное всем руководителям спортивных организаций и спортсменам Ташкента, Москвы и Ленинграда.

В заключение желаю все большего укрепления дружбы между обоими высокими государствами».

373. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
30 октября 1934 г.*

В начале беседы с Лавалем присутствовал Леже. Беседа носила несколько хаотический характер, так как Лаваль еще путался в схеме пакта, плохо усвоил характер предшествовавших переговоров* и тому подобное. В общем дело свелось к тому, что он зачитал составленную для него Леже шпаргалку, повторяющую сказанное мне последним относительно дальнейшей тактики переговоров по пакту²⁸¹. Он заявил, что одобряет эту тактику. После ухода Леже Лаваль спросил меня, выражаясь по-простецки и как бы высказывая мысль вслух, не навлекаем ли мы на себя войны пактом. В результате обмена мнениями он как будто бы пришел к обратным выводам, заявив даже, что сотрудничество СССР с Францией является оплотом мира в Европе и имеет решающее значение. Он говорил даже о том, что лично разделяет точку зрения Барту, что Восточный пакт является лишь формулой, содержание которой сводится к франко-советскому сотрудничеству, которое должно быть так или иначе обеспечено. Тем не менее я полагаю, что Лаваль еще окончательного выбора не сделал и идет на предложения Леже постольку, поскольку они дают возможность выиграть время и ничего не предрешают. Во всяком случае, из разговора с ним я вынес впечатление, что франко-германское соглашение не столь легкое дело. Кроме того, он боится, как бы его не упрекнули в том, что он недооценил германской опасности. Он заявил, что, когда он не будет у вла-

* См. док. № 365.

сти, он непременно поедет в Москву. В ходе разговора он опять вспомнил про Обервилье и его личный интерес, нарушаемом единым фронтом. Общий тон разговора, по обыкновению, носил весьма дружеский оттенок с постоянными ссылками на свое социалистическое прошлое. Более шаблонные заявления Лавала я изложу отдельной телеграммой²³².

Розенберг

Печат. по арх.

374. Хозяйственное соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Эстонской Республикой

[31 октября 1934 г.]

Желая всемерно содействовать укреплению и дальнейшему улучшению установившихся прочных основ экономических взаимоотношений между СССР и Эстонией, и в развитие постановлений торгового договора СССР с Эстонией от 19 сентября 1929 г. *, Народный Комиссар Внешней Торговли СССР А. П. Розенгольд — по уполномочию правительства Союза Советских Социалистических Республик — и Министр Народного Хозяйства Эстонии К. Сельтер — по уполномочию Правительства Эстонской Республики — подписали хозяйственное соглашение о нижеследующем:

Статья первая

В течение каждого года действия хозяйственного соглашения, заключенного сего числа, Торговое Представительство Союза в Эстонии и советские хозяйственные организации будут закупать в Эстонии товары эстонского происхождения на сумму в эстонских кронах равную 800 тысяч золотых рублей. Само собой разумеется, что эти закупки будут осуществляться при условии достижения нормальных коммерческих условий, в особенности цен.

Статья вторая

Договаривающиеся стороны согласились, что сумма советского ввоза в Эстонию в течение каждого года действия настоящего соглашения будет равна сумме импорта СССР из Эстонии, поскольку подлежащими соглашениями не установ-

---

* Имеется в виду дата вступления в силу торгового договора между СССР и Эстонией от 17 мая 1929 г.; см. т. XII, док. № 162.

лены изъятия из этого общего правила. Поскольку хозяйственные организации СССР будут фрахтовать эстонский тоннаж и провозить товары через Эстонию в СССР и из СССР, советская сторона получает право на сумму расходов по указанному фрахтованию и платежей по указанному транзиту ввозить в Эстонию товары сверх суммы своего вывоза из Эстонии.

Примечание: Под советским ввозом в смысле настоящего соглашения понимается ввоз в Эстонию товаров Торгпредствами СССР или советскими хозяйственными организациями.

Статья третья

Стоимость предусмотренного в статье 2-й советского ввоза в Эстонию будет определяться по ценам франко граница Эстонии или сиф эстонские порты по данным эстонской государственной статистики. Стоимость эстонского ввоза в СССР будет определяться по ценам франко граница СССР или сиф советские порты по данным советской таможенной статистики. Каждая сторона имеет право вносить исправления в статистические данные другой стороны на основе документального материала.

Статья четвертая

Если по истечении какого-либо года действия сего соглашения обнаружится, что для одной из договаривающихся сторон соотношение не соответствует предусмотренному статьей 2-й настоящего соглашения, эта сторона имеет право выравнивать свой пассив в течение следующих 12-ти месяцев. То же имеет место и во всех случаях прекращения настоящего соглашения.

Статья пятая

Настоящее соглашение вступает в силу с 1 января 1935 г. и останется в силе по 31 декабря 1937 г. Однако, в случае желания одной из договаривающихся сторон подвергнуть пересмотру настоящее соглашение, она может не ранее, однако, чем через 11 месяцев со дня вступления в силу настоящего соглашения поставить об этом в известность другую сторону, одновременно предлагая вступить в переговоры по этому вопросу; если в течение месяца стороны не придут к согласию о пересмотре настоящего соглашения, то каждая из договаривающихся сторон вправе отказаться от настоящего соглашения с предупреждением о том другой стороны за 3 месяца.

Учинено в Москве в двух экземплярах на русском и эстонском языках 31 октября 1934 г., причем оба текста будут считаться аутентичными.

А. Розенгольц

Печат. по арх. Опубли. в «Сборнике действующих торговых договоров и иных законодательных соглашений СССР, заключенных с иностранными государствами», вып. 11, М., 1935, стр. 8—9

K. Selter

375. Сообщение ТАСС об измышлениях японской печати по поводу состояния переговоров о КВЖД

31 октября 1934 г.

За последнее время японская пресса вновь начала распространять неправильную информацию о положении переговоров о КВЖД. Следуя этому почину, пресса в Маньчжурии, как и раньше в подобных случаях, подняла антисоветскую кампанию, доходя до самых диких обвинений против СССР. В связи с этим ТАСС собрал в осведомленных кругах информацию по вопросам переговоров и предлагает ее вниманию общественного мнения.

Вскоре после опубликования сообщений ТАСС от 18 и 27 августа о ходе переговоров по продаже КВЖД * представители японского мининдела предложили возобновить переговоры, прерванные в начале августа в результате требований японо-маньчжурской стороны о принятии всех ее предложений **.

6 сентября мининдел Хирота предложил т. Юреневу увеличить предложенную 23 июля японо-маньчжурской стороной цену за КВЖД со 120 млн. иен до 130 млн. иен.

12 сентября т. Юренев заявил Хирота, что, по мнению Советского правительства, после 15-месячных переговоров не следует становиться на путь мелкого и длительного торга и что пора уже действительно закончить переговоры ***. Хотя цена в 160 млн. иен, предложенная Советским правительством еще 30 июля, и представляет уже большую жертву со стороны СССР, поскольку она значительно ниже действительной стоимости дороги, — Советское правительство готово, при условии прекращения торга и немедленного согласия японского правительства на это предложение, договориться на средней цене, полученной посредством деления пополам разницы, оставшейся между советским предложением в 160 млн. иен и япон-

* См. док. № 310 и газ. «Известия», 27 августа 1934 г.

** См. док. № 313, 325.

*** См. док. № 328.

ским предложением в 130 млн. иен, т. е. на 145 млн. иен. В ответ на это Хирота предложил вместо 145 млн. иен 140 млн. иен.

19 сентября т. Юренив сообщил Хирота, что Советское правительство, не желая участвовать в затягивании переговоров, согласно продать КВЖД за 140 млн. иен*, не считая сумм, которые новый владелец КВЖД должен будет выплатить увольняемым рабочим и служащим КВЖД.

После достижения соглашения о цене переговоры продолжались по другим условиям продажи КВЖД. Среди этих условий наибольшее внимание уделяется двум вопросам: о порядке передачи дороги и о гарантиях выплаты выкупной суммы.

По первому вопросу японо-маньчжурская сторона выдвинула предложение о немедленном переходе всех прав на дорогу к Маньчжоу-Го с момента подписания соглашения о продаже КВЖД. Вместе с тем японо-маньчжурская сторона настаивала, однако, на передаче дороги новому владельцу в течение месяца после подписания соглашения о продаже КВЖД²⁸⁵. Советская сторона в целях скорейшего достижения соглашения приняла предложение Хирота о немедленном вслед за подписанием соглашения переходе прав на дорогу к Маньчжоу-Го, однако она не могла согласиться с предложенным порядком сдачи-приемки дороги, ибо практика эта означала бы, что хозяином КВЖД было бы Маньчжоу-Го, а ответственность за работу и хозяйство дороги несла бы в течение этого времени советская сторона. При известных умонастроениях некоторых японо-маньчжурских властей такое положение было бы чревато серьезными конфликтами и опасностями для отношений между обоими государствами. Поскольку дорога продается не по ее действительной стоимости, а по условленной паушальной цене, представляется необоснованным японо-маньчжурское требование о сдаче и приемке дороги по описи. Это требование тем более не обосновано, что в свое время г. Хирота была вручена справка о состоянии счетов дороги и в том числе обо всех обязательствах дороги, которые должен будет перенимать новый владелец дороги²⁸⁴. Само собой разумеется, что к моменту подписания соглашения о продаже дороги будет составлена дополнительная справка об обязательствах, возникших после вручения первой справки.

Следующим вопросом, вызвавшим затруднения, является вопрос о выдаче Маньчжоу-Го Советскому Союзу обязательств на ту часть выкупной суммы, которая не подлежит немедленной уплате, и о гарантировании Японией этих обязательств Маньчжоу-Го в отношении как денежной, так и товарной части платежей. Хирота возражает против этого требования советской стороны, предлагая вместо получения обяза-

* См. док. № 336.

тельств принцип доверия Маньчжоу-Го со стороны СССР. Между тем абсолютно понятно желание СССР, передающего Маньчжоу-Го немедленно по подписании договора огромный транспортно-хозяйственный комбинат, обеспечить выполнение со стороны Маньчжоу-Го его обязательств, растягивающихся на три года.

Из остальных спорных вопросов важное место занимает вопрос о возврате имущества СССР, не принадлежащего КВЖД и застрявшего в Маньчжурии со времени интервенции и гражданской войны²⁸⁵.

По ряду других вопросов достигнута уже договоренность. Установлено, что $\frac{2}{3}$ выкупной суммы поступают товарами и $\frac{1}{3}$ — денежными платежами с правом перевода последних за границу, причем половина этой последней суммы выплачивается тотчас же по подписании договора. Достигнуто далее принципиальное соглашение о том, что в случае падения иены ниже известного предела денежные платежи будут пересчитываться по золотому курсу.

По вопросу об увольнении советских служащих и рабочих достигнуто соглашение, что новая маньчжурская администрация будет предупреждать рабочих и служащих об увольнении за 3 месяца с предоставлением им после увольнения права 2-месячного пребывания в Маньчжурии для ликвидации личных дел. Увольняемые получают в отношении пенсии и выходных пособий полный расчет согласно существующим на дороге правилам, а также бесплатный провоз для своих семейств и имущества до границы с СССР.

Из изложенного видна необоснованность кампании большинства органов японской и маньчжурской прессы. Никто не может отрицать, что СССР за время почти полуторагодичных переговоров положил много усилий для их успешного завершения в интересах советско-японских отношений и дела мира вообще. Не его вина, если его усилия встречали препятствия со стороны его контрагентов.

В осведомленных кругах указывают, что переговоры затянулись, между прочим, и вследствие неоднократных случаев отказа японо-маньчжурской стороны от ранее делавшихся ею предложений.

Оставшиеся разногласия сводятся в основном к обеспечению уплаты выкупной суммы.

Полагают, что, если японо-маньчжурская сторона проявит добрую волю, соглашение и по этим оставшимся вопросам может быть достигнуто в кратчайший срок*.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 256 (5504), 1 ноября 1934 г.*

* См. док. № 396.

376. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

1 ноября 1934 г.

На вашу телеграмму от 29 октября 1934 г.²⁸⁶ Западная Африка охватывает 4 британских колонии (Нигерия, Гамбия, Сьерра-Леоне, Золотой Берег) и 2 мандата (Камерун и Того). Нотой от 22 мая 1934 г.²⁸⁷ принцип наибольшего благоприятствования в пределах англо-советского торгового соглашения* распространен на нас в 4-х названных колониях, и для принятия какой-либо дискриминационной меры против нашего экспорта туда необходимо денонсирование указанной ноты с предупреждением за 6 месяцев. В мандатных территориях мы защищены от дискриминации как член Лиги наций. Поэтому юридическая база английского правительства при попытках формального ограничения советского экспорта в Западную Африку слаба. Отсюда его желание искать выход на пути нашего «самоограничения» в экспорте, о чем Вильсон говорил Озерскому. Надо, однако, учитывать, что весь экспорт нашего текстиля в Западную Африку идет через британскую «Юнайтед Африк компани», на которую английское правительство, в случае надобности, может оказать давление в желательном для него направлении.

Полпред

Печат. по арх.

377. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Персии С. К. Пастухову

3 ноября 1934 г.

С Каземи я не имел случая побеседовать как следует в Женеве, так как он уезжал в день моего приезда. Он, однако, успел напомнить мне о пограничном вопросе, и я обещал заняться им по возвращении в Москву. Сославшись на этот разговор, передайте, пожалуйста, Каземи, что я своего обещания не забыл и действительно стараюсь протолкнуть этот вопрос. Каземи должен, однако, отдавать себе отчет в том, что для надлежащего разрешения вопроса требуется создание дружественной атмосферы в соответственных ведомствах. К сожалению, ряд мероприятий персидского правительства за последнее время не только не способствует созданию такой атмосферы, но, наоборот, восстанавливает ведомства против

* См. «Собрание законов...», отд. II, № 15, 31 июля 1934, стр. 185—203.

Персии. В частности, укажите на позицию Персии в вопросе о борьбе с саранчой *, отказ в визах Зудину и Черкасову, лишение нас возможности иметь при консульствах переводчиков и на другие известные Вам действия персидских властей. Оговоритесь, что Вы отнюдь не ставите в связь эти сравнительно небольшие вопросы и такую крупную проблему, как урегулирование границы, но все дело в создании нужного настроения, без чего мне трудно будет ускорить разрешение вопроса **. То же самое я заявлю на днях Саеду.

Литвинов

Печат. по арх.

378. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу

3 ноября 1934 г.

Напомните Леже, что Польша ставит условием также включение польско-германского соглашения¹⁴ в Восточный пакт ***. Необходимо потребовать от Польши уточнения этого условия. Если речь идет о подтверждении обязательств о ненападении, то отчего не включить и польско-советский пакт о ненападении ****, да и вообще это излишне, так как сам пакт будет включать пункт о ненападении. Если же Польша имеет в виду подтвердить ненападение Польши на Германию и обратно даже в случае их агрессии против других участников пакта, то это явно неприемлемо, ибо подрывает цель пакта²⁸⁸.

Литвинов

Печат. по арх.

379. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Я. З. Сурцу

4 ноября 1934 г.

Дорогой Яков Захарович,
Начну с Ваших бесед с Надольным²⁸⁹, которому, очевидно, поручены функции неофициального эмиссара при Вас. Это

* См. док. № 288.

** Соглашение между СССР и Ираном об урегулировании пограничных и финансовых вопросов было подписано в Тегеране 2 декабря 1934 г.; см. «Ведомости Верховного Совета СССР» № 8(826), 8 июля 1955 г., стр. 234—239.

*** См. док. № 151, 168.

**** См. т. XV, док. № 300.

вполне соответствует методам нынешней германской дипломатии — вести переговоры неофициальными или полуофициальными путями через риббентропов *, гиртов и др. Удобства для Германии очевидны: ничем себя не связывая и сохраняя за собой возможность отречься от заявлений и предложений эмиссаров, зондировать официальных представителей других государств; также очевидны и неудобства другой стороны. Я отнюдь не делаю из этого вывода, что Вам следует отказаться от бесед с Надольным, необходимо, однако, быть начеку.

По существу разговоров. Предложение Надольного нуждается в уточнении. Если оно предполагает или допускает параллельное заключение нами с Францией и Чехословакией договоров о взаимопомощи, то этим предложением можно будет воспользоваться, когда исчезнут всякие шансы заключения Восточного пакта в нами намечаемых рамках. Если же Надольный полагает, что мы ограничимся предлагаемым им пактом, исключив совершенно помощь нам со стороны Франции и Чехословакии, то он, очевидно, переоценивает нашу наивность. В самом деле, какую гарантию нам дает его предложение против нападения Германии на Прибалтику и на СССР? Помощь Польши. А что, если Германия нападет на нас и на Прибалтику совместно с Польшей? Ведь под подозрением у нас находятся оба государства. Впрочем, неизвестно даже, кого Надольный хочет включить в этот «специфический» региональный пакт — только ли СССР, Польшу и Германию или также Прибалтийские страны, включая Литву. Постарайтесь осторожно выяснить до конца мысль Надольного или тех, от имени которых он говорит. Оговаривайте, однако, что Вы не передавали еще предложения в Москву, что Вы хотите для себя уяснить, о чем идет речь. Ни в коем случае нельзя оставить у него впечатления, что предложение уже передано в Москву, что мы обсуждаем его и ставим какие-либо условия его принятия.

Если кабинет Думерга удержится, то Лаваль скоро возобновит, если уже не возобновил, переговоры с Польшей о пакте **. Я, кажется, сообщал Вам, что Чехословакия, так же как и Литва, готова отказаться от помощи Польши. Таким образом, два условия из выдвинутых в польской записке могут быть удовлетворены, и Польша будет запрошена, меняет ли это позицию Польши в отношении пакта. По получении польского ответа *** Франция ответит и на германский меморандум.

---

* Риббентроп возглавлял внешнеполитическое бюро при руководстве нацистской партии.

** См. док. № 401.

*** См. док. № 346, 397.

Германия делает отчаянные усилия, чтобы задержать сближение Франции с нами и вовлечь ее в какие-нибудь переговоры. С этой целью она запугивает Францию, распространяя слухи, с одной стороны, о якобы имеющемся германо-японском соглашении и возможности скорых совместных выступлений против СССР, с другой стороны, о серьезных политических и экономических переговорах с СССР, которые должны привести к восстановлению прежних советско-германских отношений. В то же время она весьма активно в Белграде и Бухаресте старается оторвать и эти две страны от Франции, в чем помогает ей и польская дипломатия. В то время как Папен едет в Будапешт для отрыва Венгрии от Италии, Геринг заверяет как сербов, так и румын в отрицательном отношении Германии к венгерскому ревизионизму, ссылаясь при этом на то, что немецкие меньшинства лучше чувствуют себя в Румынии и Югославии, чем в Венгрии.

Литвинов

Печат. по арх.

380. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

4 ноября 1934 г.

Соглашение с компанией «Лена-Голдфилдс» сегодня подписано²⁹⁰. Визита Саймону не откладывайте*.

Литвинов

Печат. по арх.

381. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше Я. Х. Давтяну

4 ноября 1934 г.

Уважаемый товарищ,

Г. Лаваль, Леже и французское правительство в целом заверяют нас в том, что политика Франции в отношении СССР не претерпит никаких изменений после убийства Барту**. В качестве следующего шага по пути осуществления Восточного пакта французское правительство собирается обратиться к Польше с предложением принять участие в пакте при условии удовлетворения оговорок в отношении Чехословакии

* См. док. № 384.

** См. док. № 359, 365, 373.

и Литвы, т. е. освобождения Польши от обязательства оказывать помощь этим двум государствам в случае нападения на них с чьей бы то ни было стороны. Это предложение или уже сделано Польше, или должно быть сделано в ближайшие дни. Все же линия французского правительства в отношении Восточного пакта определится окончательно лишь после выяснения внутреннего положения во Франции *.

2. Полученные Вами сведения о том, что во время пребывания Гембеша в Варшаве²³¹ не было подписано никаких соглашений, кажутся соответствующими действительности. Визит этот тем не менее несомненно имеет крупное политическое значение, отражая вовне дальнейшую эволюцию польской политики во враждебном нам направлении. Углубление отношений с Венгрией показывает, что Польша уже не считается реально с польско-румынским союзом **, и подтверждает получаемые со всех сторон сведения о напряженности польско-румынских отношений. Сближение Польши с Венгрией является результатом того, что Польша уже не рассчитывает реально на вооруженную помощь Румынии в войне против СССР. С другой стороны, это сближение является логическим продолжением того курса, который нашел свое выражение в тесном сотрудничестве с Германией. Визит Гембеша после убийства Барту *** показывает решимость Польши идти во что бы то ни стало по тому пути, который она избрала, и в этом смысле является важным для нас симптомом.

3. Сведения о растущей близости между Польшей и Японией, о подготовке заключения союзного договора или даже о состоявшемся заключении такового получают все большее распространение и принимают все более серьезный характер. Особенно обращают на себя внимание сообщения о частых поездках и длительном пребывании японских офицеров в Польше, в частности о том, что какой-то японский офицер генерального штаба постоянно работает и чуть ли не имеет свой кабинет в польском генштабе. Характерную деталь представляет недавнее посещение президентом Польской Республики японской миссии. По справке I Западного отдела, в прошлом польский президент бывал только во французском посольстве. На этот раз поляков не остановило даже то высоко принципиальное различие, которое они в вопросах этикета делают между посольствами и миссиями.

Желательно проверить факты пребывания японских офицеров в Польше и работы одного из них в польском генштабе. Прошу Вас поручить кому-нибудь из полпредства составить

* См. док. № 397, 398.

** См. т. III, прим. 76.

*** См. газ. «Известия», 10 октября 1934 г.

и прислать сводный доклад о японской активности в Польше и затем регулярно следить и регистрировать все факты в этой области²³².

4. Пилсудчики вновь зачастили с посылкой офицеров генштаба в СССР под видом дипкурьеров. Когда в прошлом году у нас был конфликт на этой почве*, Шетцель или его помощник сами предлагали, чтобы полпредство выдавало чиновникам министерства иностранных дел, едущим в роли дипкурьеров, местные визы, а в отношении остальных запрашивало Москву и давало ответ через две недели. Эта практика является минимумом, который Вы должны применить на деле. Если же посылка офицеров будет продолжаться таким же чередом, мы начнем отказывать в выдаче виз хотя бы некоторым из них, тем более, что практиковавшийся нами до сих пор либерализм несколько не стесняет поляков самым нахальным образом затягивать выдачу виз нашим сотрудникам, как, например, вице-консулу в Данциге.

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

382. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу

6 ноября 1934 г.

На телеграмму от 5 ноября²³³. О германских вооружениях Эррио сам достаточно осведомлен. Укажите ему от своего имени, что неясная позиция Лаваль и неоднократное подчеркивание им желательности франко-германского соглашения способны вызвать беспокойство у нас**; поскольку Лаваль уже имел достаточную возможность войти в курс дел, можно ожидать более четкого выявления им своего отношения к франко-советскому сотрудничеству. Было бы желательно, чтобы при встрече со мною в Женеве Лаваль мог сказать что-нибудь более определенное о дальнейшем развитии франко-советских отношений***.

Можете сказать Эррио, что Германия делает нам разные предложения экономического и политического порядка****, что, вероятно, такие же предложения она делает и Франции

---

* См. т. XV, прим. 127.

** См. док. № 365.

*** См. док. № 397, 398.

**** См. док. № 387.

и что Вы, мол, опасаетесь, что это может породить взаимное недоверие между Францией и нами, чего Германия и добивается.

Литвинов

Печат. по арх.

383. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии Б. Е. Штейна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

8 ноября 1934 г.

Финляндские политики и промышленники проявляют беспокойство в связи со статьей в «Журналь де Моску»*. Хаксель по радио произнес речь, призывая прессу к умеренности и осторожности в своих оценках и выражениях по адресу иностранных государств, в частности СССР. Он признал, что «способ, которым говорили об СССР и Германии, явился для этих стран оскорбительным и наносит вред финляндским внешнеполитическим отношениям»**. Считаю ее неудовлетворительной.

Союз промышленников устраивает обед для полпреда и торгпреда с целью выяснить, как сказал мне видный деятель этого союза, «чем недовольны в Москве и что могут и должны делать промышленники для устранения причин этого недовольства»***. Хозяйственные круги уже видят конкретные результаты нашего недовольства в прекращении выдачи заказов. Печать, не нападая на нас, критикует речь Хакселя, видя в ней покушение на гарантии свободы. Видный промышленник и председатель экспортного комитета Вильянен поместил сегодня интервью, в котором призывает к развитию торговых связей с СССР, намекая на необходимость считаться с удельным и политическим весом СССР и помня, что политика влияет на размеры торговли.

Полпред

Печат. по арх.

384. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

*Немедленно
9 ноября 1934 г.*

Имел сегодня беседу с Саймоном. Он пригласил меня к себе для «восстановления контакта» и для обмена мнениями по текущим общеполитическим вопросам. Я воспользовался слу-

* См. газ. «Журналь де Моску», 3 ноября 1934 г.

** См. газ. «Известия», 12 ноября 1934 г.

*** См. док. № 385.

чаем и, сославшись на мои разговоры с Вами, довел до сведения Саймона о Вашем удовлетворении по поводу улучшения англо-советских отношений за последние месяцы, в частности по поводу моих летних разговоров с Ванситтартом *. Я указал далее, что с нашей стороны имеется искреннее желание укрепить и развить это улучшение еще дальше и что мы не видим к этому нигде непреодолимых препятствий объективного порядка, так как в настоящее время нет ни одной сколько-нибудь серьезной международной проблемы, в которой наши интересы сталкивались бы. Я иллюстрировал свою мысль несколькими более яркими примерами (Европа, Ближний Восток, Дальний Восток). Вместе с тем у нас есть один очень важный общий интерес: поддержание мира. В экономической сфере мы не конкуренты на мировом рынке и при надлежащем урегулировании кредитного вопроса англо-советская торговля имеет шансы на значительное расширение. Саймон ответил, что он согласен с большей частью высказанных мною соображений, и заявил мне, что английское правительство также стремится к улучшению англо-советских отношений. Без особого подчеркивания он упомянул вопрос о «пропаганде» как об известном препятствии к улучшению отношений, но я отвел его. В заключение Саймон сказал, что ввиду большой важности затронутых сегодняшним разговором вопросов, он считает необходимым информировать о нашей беседе других членов правительства. После этого он будет иметь со мной новый разговор **. 2) Я обратил внимание Саймона на выступления Хейлшема ***, а также Даф Купера, указав на их неприличие. Саймон ответил, что примет мои слова к сведению и будет рассматривать их как намек на то, чего не должно быть. 3) Под конец я затронул вопрос о миссии лорда Барнби. Саймон сослался на свой ответ в парламенте на запросы Мандера и Бутби от 7 ноября²⁹ и еще раз подтвердил, что эта миссия носит чисто коммерческий характер и что все заявления ее членов надо рассматривать как заявления частных лиц. Английское правительство не имеет ни с миссией, ни с ее речами ничего общего. Относительно проектов японского займа в Лондоне Саймон отозвался незнанием.

Полпред

Печат. по арх.

---

* См. док. № 232, 257, 303.

** См. также док. № 431.

*** См. «Parliamentary Debates. House of Lords», 31 st. October, 1934. Vol. 94, № 90, p. 42—43.

385. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии Б. Е. Штейна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

10 ноября 1934 г.

Вчера союз промышленников дал в нашу честь обед. Были собраны видные члены союза. От МИД присутствовал Рантакари *, влияние которого на Кивимяки и Хакселя продолжает быть очень большим. Как мне удалось выяснить, речь Хакселя ** была написана Рантакари. Они же вместе с Лавоннусом *** составили интервью Вильянена **. Все присутствовавшие были согласны в том, что необходимо изменить политику в отношении СССР и что нынешнее положение вызывает справедливые нарекания в Москве. Указывая на атаку прессы против Хакселя и соглашаясь с тем, что общественное мнение Финляндии после революции систематически воспринималось в духе ненависти к СССР, промышленники и Рантакари отмечали, что поворот требует времени, в особенности если принять во внимание медлительность и упорство финнов. По их мнению, сделан в этом направлении первый шаг. Я отметил недостаточность этого шага. Промышленники просят высказать дальнейшие наши конкретные пожелания в этом направлении, выражая готовность всячески способствовать улучшению финско-советских отношений.

Полпред

Печат. по арх.

386. Телеграмма Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР Президенту Турецкой Республики Мустафе Кемалю

11 ноября 1934 г.

Прошу принять мою искреннюю благодарность за поздравления по поводу годовщины Октябрьской революции. Выражаю свои лучшие пожелания Вашего благополучия, а также процветания и успехов народу дружественной Турецкой Республики.

Калинин

Печат. по арх.

Телеграмма М. И. Калинина явилась ответом на следующую телеграмму президента Турецкой Республики Мустафы Кемалю:

«Я очень счастлив представить Вам по поводу годовщины Октябрьской революции мои горячие поздравления, а также и искренние пожелания, которые я питаю в отношении Вашего личного счастья и процветания дружественных народов Союза».

* Заведующий отделом печати МИД Финляндии.

** См. док. № 383.

*** Финский промышленник.

387. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу

11 ноября 1934 г.

Сообщите Эррио, что немцы неофициально предлагают пакт о взаимопомощи без участия Франции и Чехословакии *. Если встреча с Эррио в ближайшие дни не предстоит, то можете это сообщение сделать доверительно Лавалю²⁹⁵. Само собой, мы на это предложение немцев не реагируем.

Можете также сообщить, что Шуленбург приходил и ко мне по поводу саарских дел²⁹⁶.

Литвинов

Печат. по арх.

388. Телеграмма Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР Королю Афганистана Мухаммеду Захир-шаху

12 ноября 1934 г.

Прошу принять мою искреннюю благодарность за Ваше любезное поздравление и мои лучшие пожелания счастья Вашему Величеству и процветания дружественному афганскому народу.

Калинин

Печат. по арх.

Телеграмма М. И. Калинина явилась ответом на следующую телеграмму короля Афганистана Мухаммеда Захир-шаха, полученную 11 ноября 1934 г.:

«По случаю национального праздника СССР я счастлив выразить Вашему Превосходительству вместе с живейшими поздравлениями свои искренние пожелания величия и процветания вашей стране».

389. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

13 ноября 1934 г.

По предложению МИД художественную выставку откроем сначала в Анкаре **. Обеспечьте проезд специалиста с парохомом 22-го за счет полпредства. Пусть ВОКС пошлет с ним вступительный доклад о советском искусстве. Проверьте квалификацию специалиста. После Анкары устроим выставку в Стамбуле²⁹⁷.

Карахан

Печат. по арх.

* См. док. № 379.

** См. док. № 356.

**390. Письмо Полномочного Представителя СССР в Швеции
Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР Б. С. Стомонякову**

15 ноября 1934 г.

Дорогой Борис Спиридонович,

Мне не удалось до отправки предыдущей почты повидать Сандлера (была простужена) и потому Ваше поручение по поводу статьи генерала де Шена * смогла выполнить лишь после отправки почты.

На приеме у Сандлера, после моего заявления относительно намерений шведского правительства по Аландским островам и повторного нашего протеста шведскому правительству (первый сделала Ундену) касательно сепаратного выступления скандинавов и финнов при приглашении Союза в Лигу наций (о чем пишу М. М.**), я поставила вопрос о статье де Шена. Я указала на несовместимость подобных нелепых и агрессивных заявлений с существующими дружественными отношениями между нашими странами и подчеркнула, что шведское правительство должно обратить внимание на эту враждебную пропаганду, которая сознательно вводит в заблуждение шведский народ относительно повсеместно признанной теперь мирной политики СССР.

Сандлер ответил на это, указав, что при свободе печати, которая существует в Швеции, шведское правительство бесцельно предотвратит появление в печати «личного» мнения лица, занимающего даже общественный пост, поскольку он говорит не от лица правительства. В данном случае интервью помещено к тому же в бульварной вечерней газете «Афтонбладет», и, следовательно, ему нельзя придавать политического значения.

Но так как я продолжала говорить о том, что такие заметки, во всяком случае, не содействуют дружественности и что мы настаиваем на том, чтобы подобные заметки не повторялись, Сандлер еще раз проглядел интервью де Шена и сказал: «Здесь не сказано о Союзе, говорится лишь о стране, лежащей восточнее Финляндии». В конце концов, Сандлер признал выражение де Шена «неудачным», но повторил, что оно всецело относится к «личному» мнению де Шена, которое могло быть и неудачно передано интервьюером.

Относительно польских военных заказов в Швеции нам удалось установить пока, что свои трансакции по Швеции Польша проводит через общество под названием «Свеа-экспорт», занимающееся официально продажей угля в Швеции.

* См. док. № 363.

** См. док. № 391.

Заказы Польши это же общество финансирует через «Свенска Хандельсбанкен».

Из военных заказов Польша дает Бофорсу главным образом заказы на артиллерию противовоздушной обороны. У Бофорса проживает постоянная польская приемочная комиссия, наблюдающая за выполнением заказов. Со слов шведов, у поляков имеется изобретение мотора чрезвычайной быстроты для самолетов. Но заказывают ли они этот мотор в Швеции — не ясно.

Новый польский посланник Роман развивает очень активную деятельность в смысле расширения связей и знакомств. Он прекрасно говорит по-русски. Согласно Вашему указанию, мы сосредоточиваем особое внимание на взаимоотношениях Польши со Швецией.

Относительно Японии нам известно, что японцы интересуются в Швеции особой высококачественной сталью. Они также дают заказы на броневую сталь для вагонов в Маньчжурии. Японцы пытаются изучить здесь химический состав высококачественных сталей. У Бофорса постоянно находятся японцы — приемщики по заказам.

За последний год военные заказы стали поступать в Швецию также из Афганистана. Афганцы имеют свой банк в Берлине на Тиргартенштрассе; во главе банка Абдул Рафин-хан и два белогвардейца, русских. Абдул приехал в Стокгольм месяца полтора тому назад, очевидно в связи с заказами. По словам шведов, афганцы через этот банк закупают военного вооружения на 50 млн. шведских крон в год, конечно не из одной Швеции. Все заказы в Швеции на Афганистан исходят из Берлина. Авансы уплачиваются в форме пушнины, которая находится в Лондоне. Афганский банк в Берлине предоставляет своему стокгольмскому агентству складское свидетельство лондонского общества, на хранении которого находится афганский каракуль, и против этого свидетельства стокгольмский банк выдает авансы Бофорсу или другой шведской фирме.

Военные грузы из Швеции отплывают через Персию в Афганистан или в Карачи, оттуда в запечатанных вагонах до Пешавара и дальше гужевым транспортом в Афганистан.

Англия не чинит препятствий данному транзиту военного снаряжения ввиду того, что большая часть афганского вооружения заказывается в самой же Англии.

С коммунистическим приветом

А. Коллонтай

Печат. по арх.

391. Письмо Полномочного Представителя СССР в Швеции
Народному Комиссару Иностранных Дел СССР
М. М. Литвинову

15 ноября 1934 г.

Глубокоуважаемый Максим Максимович,

Я не сумела с прошлой почтой ответить на Ваше письмо *, так как за дни пребывания у нас почты мне не удалось повидать Сандлера.

При первой же встрече с ним я поставила вопрос об Аланде, сказав, что нас весьма интересует, в самом ли деле шведское правительство совместно с Финляндией обсуждало вопрос об укреплении Аландских островов, что если бы это имело место, нарушало бы международные обязательства Швеции.

Сандлер, выслушав мое заявление, ответил следующее:

Могу Вас заверить и прошу передать мои слова Советскому правительству, что об укреплении Аландских островов и заинтересованности в этом вопросе Швеции мы впервые узнали из немецкой прессы. Первое сообщение об этом появилось, кажется, в «Берзенейтунг». После этого вопрос подхватила финская пресса. Шведское правительство никаких переговоров об Аланде ни с кем не вело. Немецкая пресса, очевидно, имеет свои политические цели, пуская подобные сообщения в печать. Шведское правительство здесь ни при чем.

Я указала Сандлеру, что и в шведской прессе писалось по этому же поводу.

Сандлер саркастически усмехнулся. «В какой прессе? В «Аллеханде», не в «Социалдемократене». Он еще раз подчеркнул, что просит меня передать Вам его заверение, что шведское правительство не предполагает нарушать международных соглашений и что укрепление Аландских островов не входит в политику данного кабинета.

По второму вопросу — о сепаратном выступлении Скандинавских стран в момент приглашения Союза в Лигу наций — я уже в свое время делала запрос зам. министра иностранных дел Ундену. Унден пространно объяснял сепаратное выступление скандинавов совместно с Финляндией формальными причинами, желанием действовать соответственно Уставу Лиги наций. Сандлеру я заявила, что в Москве совершенно естественно произвело весьма неблагоприятное впечатление выступление скандинавов, в котором у нас усмотрели акт недружественности. Это тем более удивило Советское правительство, что члены шведского правительства и сам Сандлер неоднократно выражали мне, что всячески приветствуют вступление Союза

---

* См. док. № 360.

в Лигу наций. Сандлер поспешно меня перебил словами, что Москва ошибается, если считает сепаратное выступление скандинавов показателем недружественности. Что Сандлер, как и шведское правительство, всегда были и остаются сторонниками сотрудничества с Союзом, придавая вхождению Союза в Лигу наций большое значение в смысле закрепления устойчивости мира. Сепаратное выступление скандинавов ни в коем случае не следует истолковывать в неблагоприятную для Союза сторону. Тут действовали соображения иного, чисто формального характера, носителями которых в Лиге наций всегда являются именно скандинавы, т. е. соблюдение всех предписаний Устава Лиги наций.

Я в свою очередь перебила Сандлера и указала ему, что такого рода действие, во всяком случае, произвело неблагоприятное и непонятное впечатление и что лично я была особенно удивлена, так как считала, что после нашего весьма тактичного поведения по отношению к шведскому правительству в момент нашего отказа от займа * шведское правительство имело все основания отнестись к Союзу с сугубой дружественностью. Сандлер на это горячо ответил, что я должна сама понимать, что если «тактика» скандинавов и была вызвана некоторыми побочными причинами, то, во всяком случае, подобное решение вопроса, т. е. сепаратное выступление скандинавов плюс Финляндия, было продиктовано со стороны шведского правительства дружественностью к Союзу, а не обратными чувствами. Очевидно, Сандлер намекал на то, что Финляндия только под давлением скандинавов решила голосовать за Союз, но согласилась на этот шаг только при совместном и сепаратном выступлении четырех стран.

По словам министра внутренних и социальных дел Меллера (в частной беседе со мной), скандинавы нашли внешнюю «компромиссную» форму, чтобы таким путем заставить и Финляндию присоединиться к приглашению. Совершенно ясно, однако, что уже в момент приглашения Союза в Лигу наций за спиной скандинавов действовала властная рука, фактически руководящая политикой Скандинавии,— Англия, которая свои истинные политические настроения обычно проводит через своих полуассалов, политических или экономических.

С коммунистическим приветом

А. Коллонтай

Печат. по арх.

* См. док. № 145.

**392. Письмо заместителя Вице-Председателя Правления
КВЖД П. А. Бандуры Председателю Правления КВЖД
Ли Шао-гэну**

15 ноября 1934 г.

Хабаровск, 24 ноября (Роста). По сообщению из Харбина, 15 ноября заместитель вице-председателя правления КВЖД т. Бандура вручил председателю правления Ли Шао-гэну письмо следующего содержания:

«Последние месяцы имели место следующие самоуправные действия и вмешательство в оперативную работу агентов КВЖД японских воинских чинов и должностных лиц, нарушающих права и интересы КВЖД, дезорганизующих работу дороги. 26 августа со ст. Бэйшахэ в сторону Имяньбо, несмотря на то, что путь был занят вспомогательным поездом, отправился навстречу ему японский бронепоезд без разрешения станции и без жезла и несмотря на предупреждение о занятом перегоне. Паровозом управлял японский военный машинист, устранивший от управления машиниста дороги. Столкновение устранено только благодаря тому, что вспомогательный поезд заметил бронепоезд и вернулся на ст. Имяньбо, куда вслед за ним прибыл бронепоезд. 30 августа японские воинские чины под угрозой оружия заставили ночью отправить поезд со ст. Уцзимихэ без разрешения и без жезла на ст. Имяньбо.

31 августа на ст. Яблоня японский офицер бронепоезда № 501 нанес два удара по лицу дежурному по станции Скорину, потребовавшему приложения к заявлению (об отправке поезда) накладных. 15 сентября на 1295-м километре перегона Муданьцзян—Модаоши обнаружены переходы телефонных проводов через полотно КВЖД, повешенных без согласования с дорогой японскими воинскими чинами на вкопанные столбы. Высота их над головкой рельсов—6,3—6,9 м—оказалась ниже установленных на КВЖД правил—7,5 м. 5 октября японские чины заставили под угрозой оружия отправить ночью на ст. Шитоухэцзы вспомогательный поезд со ст. Ханьдаохэцзы. 7 октября японские воинские чины на ст. Шаньши заставили силой прицепить к поезду № 52 платформу с грузом японского командования, хотя состав поезда по весу был полным и сцепка не могла производиться. 12 октября со ст. Эршицзяцзы в Харбин без разрешения и без жезла вслед за поездом № 301 отправился бронепоезд № 501, паровозом управлял военный машинист. 20 октября японские воинские чины самовольно пустили бронедрезину навстречу поезду № 755, несмотря на предупреждения и сигналы об остановке. Благодаря тому, что стрелки были поставлены для приема поезда № 755, дрезина сошла с рельсов. В связи с ее поднятием поезд задержался на 2 ч. 25 мин. 21 октября без разрешения

станции, без жезла и без кондукторской бригады со ст. Имяньбо в сторону Бэйшахэ отправился бронепоезд № 501. 22 октября со ст. Хайлинь на ст. Муданьцзян самовольно отправилась японская броневая дрезина с прицепленной к ней вагонеткой с 15-ю японскими воинскими чинами. В результате поезд № 51 был задержан на ночь на ст. Якуни. 23 октября со ст. Муданьцзян под угрозой оружия японских воинских чинов отправлены без жезла поезда № 1032 и 52.

На ст. Варим в районе полосы отчуждения 13 сентября на расстоянии 245 м от оси главного пути артелью рабочих под руководством японца самовольно началась постройка насыпи для шоссеиной дороги, идущей параллельно полотну дороги. Земля для насыпи берется на месте, отчего образуются резервы до одного метра глубиной. Подобные же насыпи производятся в районе полосы отчуждения на ст. Чжаланьтунь. 5 сентября японской строительной организацией в полосе отчуждения в районе 236-го километра по южной линии КВЖД самовольно приступлено к постройке шоссеиной дороги в направлении г. Нунань.

18 сентября по распоряжению Управления речного транспорта прекращены работы по расчистке и ремонту 9-го пристанского пути. В результате движение по 13-му пути со стрелками №№ 7 и 19 было закрыто. На перевалке 8-го участка службы пути через береговой путь на расстоянии 2 м у стрелки № 29 японцами установлены до берега Сунгаря два ряда деревянных строек, закрывших 1-й и 2-й береговые пути для всякого движения. 10 августа к полотну дороги на 244-м километре перегона Чжаромтэ — Якэши явились с конными подводами частные японцы и приступили к погрузке песка с подошвы насыпи полотна дороги для строительных работ, производимых японским военным командованием в поселке при ст. Чжаромтэ. 13 августа японскими воинскими чинами у переезда 188-го километра на перегоне Хайлар — Хаке без согласия и уведомления администрации дороги выкопаны ямы, поставлены телеграфные столбы и подвешены провода, проходящие через железнодорожные пути, проводка произведена без соблюдения технических правил.

Территория возле Шубно — Пнмокатного завода КВЖД, принадлежащая дороге, в начале 1934 г. насильственным путем занята японскими войсками. 2 ноября начальник японской военной миссии телефонограммой на имя управляющего дорогой потребовал прекращения работ на заводе.

6 ноября, в 3 ч. 30 мин., японский офицер и три солдата подошли к зданию пассажирского вокзала в г. Харбине. Офицер остался внизу. По лестнице, ведущей на крышу, три солдата поднялись на крышу и произвели умышленную порчу электрической проводки устроенной иллюминации здания вокзала по

случаю Октябрьской годовщины. Из-за порчи проводов больше половины иллюминации не действовало.

22 октября на ст. Маоэршань в поезд № 91 сели 6 безбилетных японских военных чинов. На предложение смазчика Яковлева сойти с поезда они нанесли ему несколько ударов по лицу. 28 октября на ст. Муданьцзян японскими военными чиновниками самовольно приступлено к рытью ям и установке телеграфных столбов на участках третьей категории.

Указанные случаи нарушения прав и интересов дороги и служащих не носят исчерпывающего характера и приведены лишь в качестве примеров. Из приведенных примеров ясно видна картина произвола и самоуправства в отношении КВЖД и ее служащих. Обращая внимание на изложенные самоуправные действия и нарушения действующих правил и вмешательство в оперативную работу дороги японских военных чинов и служащих, я прошу принять действительные меры для охраны прав и интересов КВЖД и агентов*.

*Печат. по газ. «Известия» № 276 (5524),
27 ноября 1934 г.*

393. Телеграмма Ответственного руководителя ТАСС Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, из Вашингтона

15 ноября 1934 г.

Переговоры с агентствами развиваются благоприятно. Договоры с Ассошиэтед Пресс и Юнайтед Пресс уже подготовлены. Пока не подписал их, так как выплыл вопрос о Канаде. Пытаюсь добиться непосредственного договора с Канадиен Пресс, что должно иметь большое значение для наших отношений с Канадой. Окончательно выяснится в конце месяца, тогда подпишу основные договоры с Ассошиэтед Пресс и Юнайтед Пресс²⁹⁸. Только сегодня под влиянием успеха переговоров Херст также предложил заключение договора. В Нью-Йорке меня принимали прекрасно. Общее мое впечатление от всех приемов и многочисленных разговоров с виднейшими деятелями, что сейчас наиболее благоприятный момент для создания базы укрепления советско-американских отношений. Эту мысль, между прочим, усиленно развивал мне также и Келли, с которым встретился на большом и очень удачно прошедшем завтраке в полпредстве, на который приехали из Нью-Йорка Бикель и два херстовских директора и

---

* См. также док. № 317.

на который впервые за существование полпредства пришел владелец «Вашингтон стар» и президент Ассошиэйтед Нойес.

Долецкий

Печат. по арх.

394. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Лордом-хранителем печати Великобритании Иденом

16 ноября 1934 г.

Я зашел к Идену с визитом после своего возвращения из отпуска. Он был накануне отъезда в Женеву, утопал в кипах каких-то папок и дел, но принял меня чрезвычайно любезно. Я не собирался вести с Иденом каких-либо серьезных политических разговоров, но они как-то сами собой наплзли.

Прежде всего Иден обнаружил большой интерес к тому, придет ли Литвинов на заседание Совета Лиги наций. Я отозвался незнанием, но дал понять, что такой приезд вполне вероятен. Далее Иден заговорил о том, что нынешняя сессия Совета будет очень тяжелой: в порядке дня ее имеются такие острые вопросы, как Саар*, южно-американская война и борьба с террористами в связи с убийством короля Александра и Барту (в это утро газеты как раз сообщили о постановке данного вопроса Югославией)** . Совету, видимо, придется немало посидеть на этот раз. Он, Иден, во всяком случае, не рассчитывает вернуться из Женевы раньше чем через неделю. Кроме того, имеется еще Бюро конференции по разоружению. Оно, правда, будет, вероятно, коротким. Поскольку он понимает Гендерсона, тот хочет, чтобы Бюро приняло его меморандум***, избегая каких-либо серьезных дебатов по вопросам разоружения до разрешения саарской проблемы. Британское правительство с этими намерениями Гендерсона согласно и будет их поддерживать. Вот разве только Литвинов привезет с собой по вопросам разоружения что-нибудь новенькое и интересное? Иден при этом посмотрел на меня с некоторым ожиданием. Я, однако, разочаровал Идена и сказал, что мне ничего не известно.

В связи с разговором о Лиге наций я спросил Идена, считает ли он вероятным возвращение Германии в Лигу наций в ближайшем будущем. Иден пожал плечами и ответил, что это вопрос весьма сложный и пока он не видит путей к его

* См. док. № 423.

** См. газ. «Известия», 18 ноября 1934 г.

*** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. X, М., 1936, стр. 43—53.

практическому разрешению. Тут же Иден уже по собственной инициативе помянул визит Риббентропа в Лондон и прибавил, что все газетные слухи и сообщения о целях этого визита абсолютно преувеличены. Риббентроп был у него, Идена, с визитом, они беседовали, но разговор был совершенно «пустой» (empty), не имеющий никакого серьезного значения. В таком же духе был разговор Риббентропа с Саймоном. Я решил прощупать Идена несколько дальше и сказал: «Вы несколько месяцев тому назад имели случай лично беседовать с Гитлером по вопросам разоружения, скажите, каково Ваше впечатление о Гитлере?»

Иден усмехнулся и ответил: «Я не исключаю того, что Гитлер лично за мир, но все то, что сейчас делается в Германии, явно ведет к войне. Поэтому нынешнюю Германию приходится считать очагом военной опасности».

Тут Иден взял инициативу в свои руки и сообщил мне о том, что недавно у него был Бутби, который рассказывал ему о своей беседе со мной. (Бутби был у меня на завтраке 6 ноября, и я при этой okazji подробно коснулся вопроса об отсутствии в настоящее время серьезных противоречий между СССР и Англией в области международной политики). Ему, Идену, известно также содержание моей недавней беседы с Саймоном*. «Я считаю,— продолжал Иден,— что сейчас между Великобританией и СССР нет противоречия интересов ни в одной части света. Вместе с тем между обеими странами имеется одно очень важное звено, которое их тесно связывает,— это интересы поддержания мира. Вам мир нужен для завершения вашего великого эксперимента, а нам мир нужен для укрепления и благополучия нашей торговли. Это создает благоприятную обстановку для дальнейшего улучшения англо-советских отношений». Я вполне согласился с только что цитированным заявлением Идена и одновременно сказал ему пару комплиментов по поводу речи, произнесенной Иденом 11 ноября в Стратфорде-он-Эйвоне. (В этой речи Иден категорически заявлял, что мир является основой внешней политики Англии и что политика изоляции, проповедуемая Бивербруком, не выдерживает никакой критики). Я подчеркнул также, что наши интересы не сталкиваются ни в Европе, ни на Ближнем, ни на Дальнем Востоке. Иден утвердительно кивнул головой и прибавил: «Япония тоже заставляет о себе думать. Это большая проблема, но, повторяю, я не вижу столкновения между нашими интересами ни в одной части света».

Когда я уже поднялся уходить, Иден спросил меня, в каком положении находится дело с Восточным пактом. Я отве-

* См. док. № 384.

тил, что идея Восточного пакта нами отнюдь не отброшена, что мы будем по-прежнему стремиться к ее осуществлению и не теряем надежды, что из нее может получиться большой толк *. Иден был, видимо, обрадован моим заявлением и сказал, что он тоже не считает вопрос о Восточном пакте отпавшим. Он будет на эту тему говорить в Женеве с Бекком.

Прощаясь, Иден просил меня зайти к нему побеседовать после его возвращения из Женевы **.

Полномочный Представитель СССР в Великобритании
И. Майский

Печат. по арх.

395. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Л. М. Карахаиа в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

19 ноября 1934 г.

Необходимо, чтобы Высший совет физической культуры подтвердил через полпредство: 1) Приглашение на въезд в СССР группы деятелей турецкого спортивного движения. 2) Согласие представить туркам несколько стипендий в наших институтах физической культуры. Эти предложения были в свое время сделаны Джевдет-Кериму в Москве ***.

Полпред

Печат. по арх.

396. Сообщение ТАСС об измышлениях японской печати по поводу состояния переговоров о КВЖД

21 ноября 1934 г.

Несмотря на подробное изложение в сообщении ТАСС от 31 октября с. г. **** действительного состояния переговоров о КВЖД, в японской и маньчжурской печати продолжается неправильная информация о ходе этих переговоров. С другой стороны, в международных кругах проявляется вполне понятный интерес к вопросу о том, почему, несмотря на достижение соглашения по вопросу о цене за КВЖД, переговоры по другим условиям продажи дороги задерживают заключение окончательного соглашения. В связи с этим ТАСС собрал

* См. док. № 398.

** Беседа состоялась 20 февраля 1935 г.

*** См. т. XVI, прим. 295.

**** См. док. № 375.

в осведомленных кругах дополнительную информацию о состоянии переговоров о КВЖД, дающую правильное представление о причинах этой задержки.

Выясняется, что по ряду условий продажи КВЖД японская сторона проявляет крайнюю неуступчивость и нежелание пойти навстречу некоторым совершенно естественным требованиям советской стороны. Это относится прежде всего к законному желанию СССР получить гарантию уплаты цены за КВЖД, что, как известно, мыслится в виде выдачи Маньчжоу-Го обязательств, гарантированных с японской стороны. По этому весьма существенному вопросу японская сторона, к сожалению, не изменила своей позиции с момента опубликования сообщения ТАСС от 31 октября с. г. Японская сторона противопоставляет советским деловым аргументам принцип «доверия» к Маньчжоу-Го и обещание «посредничать» в случае затруднений в поступлении платежей со стороны Маньчжоу-Го. Более того, японская сторона и, в частности, японо-маньчжурская пресса пытаются изобразить советское требование гарантии как выражение недоверия и чуть ли не как оскорбление Маньчжоу-Го и Японии с советской стороны. Эта позиция вызывает большое недоумение в осведомленных московских кругах, где указывают на то, что во всем мире при заключении сделок подобного рода общепринятым является предоставление гарантий. В данном случае, когда речь идет о продаже, на условиях рассроченного платежа, громадного хозяйственного предприятия, к тому же переходящего в распоряжение нового владельца немедленно по заключении соглашения, это обычное требование гарантии подавно должно было бы рассматриваться как разумющееся само собой. Что касается «недоверия», то совершенно очевидно, что советская сторона не стала бы требовать японской гарантии, если бы не доверяла эффективности этой гарантии и не исходила из расчета, что японское правительство, исходя из интересов самой Японии, не позволит кому бы то ни было сорвать выполнение обязательств, гарантированных с японской стороны. Таким образом предоставление японской гарантии должно было бы обеспечить нормальное функционирование соглашения.

Исходя из того же стремления заранее устранить, в интересах укрепления нормальных отношений между СССР и Японией, возможность того, чтобы споры и конфликты при выполнении соглашения стали источником новых осложнений между обоими государствами, советская сторона выдвинула требование о третейском разбирательстве возможных разногласий при поставке товаров в счет причитающихся за дорогу сумм, причем в случае невозможности договориться относительно выбора беспристрастного председателя третейского

суда советская сторона предложила, чтобы таковой был назначен какой-нибудь иностранной торговой палатой, имеющей прочную международную репутацию (назывались торговые палаты Англии и США). Важное значение этого вопроса вытекает из того, что, как известно, Советский Союз согласился получить две трети выкупной суммы японскими и маньчжурскими товарами*. При этом, идя навстречу пожеланиям японской стороны, СССР согласился расширить номенклатуру товаров, включив в них, наряду с промышленным оборудованием, также и такие товары, как текстильные изделия, шелк, чай, соевые бобы, рис и т. д. Однако японская сторона возражает против третейского суда с участием иностранного председателя. Вместо этого она предложила привлечь в качестве третейского судьи представителя японского министерства иностранных дел или японского министерства торговли. Это предложение было, конечно, отклонено, поскольку Япония не может быть признана незаинтересованной «третьей» стороной в возможном споре между СССР и Маньчжоу-Го. Отказ Японии от разрешения возможных разногласий между СССР и Маньчжоу-Го посредством применения принципа арбитража тем более странен, что сама Япония применяет этот принцип при разрешении споров хозяйственного порядка с другими государствами, как это явствует из того обстоятельства, что она является участником международного договора о коммерческом арбитраже.

Непримиримая позиция, занятая японской стороной по указанным вопросам, обратила на себя внимание в Москве еще и потому, что Советское правительство в последних заявлениях т. Юренева г. Хирота от 30, 31 октября и 6 ноября сделало ряд новых существенных уступок по другим спорным вопросам²⁹⁹.

Не останавливаясь на всех неразрешенных вопросах переговоров, необходимо отметить, что переговоры затрудняются еще и продолжающимися отказами японской стороны от достигнутой ранее договоренности по отдельным пунктам. Достаточно упомянуть в качестве примера, что, несмотря на согласование еще 23 июля с. г. вопроса о немедленном расчете со служащими КВЖД по причитающимся им выходным пособиям и пенсиям*, недавно японская сторона неожиданно объявила этот вопрос еще не согласованным.

В осведомленных кругах обращают особое внимание на то обстоятельство, что в ходе переговоров выявился различный подход советской и японской стороны к желательному содержанию соглашения. Советская сторона последовательно стремится к тому, чтобы соглашение о продаже КВЖД не только

* См. док. № 310.

устранило раз навсегда возможность использования вопроса о КВЖД для обострения отношений между СССР и Японией, но содержало в себе гарантию своей нормальной и удовлетворительной реализации, содействуя тем самым укреплению политических и экономических отношений между обеими странами в интересах всеобщего мира. Наоборот, ряд японских предложений носит такой характер, что, если бы они легли в основу соглашения, они открыли бы возможность новых попыток использовать вопрос о КВЖД как источник конфликта между обеими странами даже и после продажи КВЖД. В осведомленных советских кругах указывают, что придание соглашению о КВЖД подобного характера, может быть, и соответствовало бы интересам некоторых кругов в Японии, которые могли бы превратить этот договор из орудия мира в материал для подготовки новых конфликтов, однако такой характер договора очевидным образом противоречил бы интересам укрепления нормальных добрососедских отношений между СССР и Японией и тем самым противоречил бы и интересам мира вообще. Поэтому в названных советских кругах выражают надежду, что Японское правительство докажет свою добрую волю и этим обеспечит удовлетворительное завершение переговоров, в котором Япония не может не быть заинтересована.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 271 (5519), 21 ноября 1934 г.*

397. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы

21 ноября 1934 г.

Сегодня Лаваль сидел у меня 2 часа. Он вновь повторил обычное заявление о стремлении продолжать политику Барту и, в частности, продолжать усилия по реализации Восточного пакта*. Он дал мне прочитать проект меморандума, посылаемого им Польше. Он предполагал вручить его лично Беку, которого он настойчиво приглашает прехать в Женеву, но, по-видимому, тот вряд ли приедет, и меморандум придется вручить через Ляроша. Составлен документ довольно ловко и убедительно. Сущность его сводится к следующему:

Франция, так же как и Польша, считает необходимым участие в пакте Германии. Это участие будет, однако, скорее реализуемо, если Польша даст принципиальный положитель-

---

* См. док. № 365, 373.

ный ответ и не захочет делить с Германией ответственность за провал. Если Польша настаивает на включении в Восточный пакт содержания польско-германского соглашения¹³, то надо включить также двусторонние договоры о ненападении между Польшей, СССР и Балтийскими странами*. Польско-германское соглашение о некрибегании к силе не должно, однако, освободить Польшу от оказания взаимной помощи в случаях, предусмотренных Восточным пактом, так же как пакт Келлога не освобождает Францию от выполнения ее союзных обязательств в отношении Польши. Франция не возражает против дополнительного протокола, по которому новые обязательства и гарантии Польши не будут действительны в отношении Литвы, пока между этими странами нет дипломатических отношений. Трудно понять возражения Польши против участия Чехословакии и ссылки на дунайские интересы, которые никакой роли в Восточном пакте играть не могут. Если Польша, однако, настаивает, то можно освободить Польшу от обязательств в отношении Чехословакии, как и в отношении Литвы. Кончается документ призывом к союзническим чувствам и интересам.

Я предложил освободить Польшу не от новых обязательств и гарантий в отношении Литвы и Чехословакии, а только от оказания помощи, и сформулированная мною тут же соответственная поправка была Лавалем принята. Он обещал настаивать на скорейшем ответе Польши и не позволять ей тянуть, с тем чтобы потом обратиться к Германии. На мой вопрос, обсуждало ли французское правительство эвентуальность отказа Польши или Германии или обеих, Лаваль ответил, что обсуждения не было, и поспешил заверить меня самым категорическим образом, что Франция не пойдет на какое-либо двустороннее соглашение с другими странами или смешанное соглашение без СССР. Он не скрывает своих стремлений добиться соглашения с Германией, но он мыслит себе это только при помощи и участии СССР. Я указал Лавалю на попытку Германии соблазнить СССР разными заманчивыми предложениями как экономического, так и политического характера**, каковые попытки, вероятно, делаются Германией и в Париже с целью сеять недоверие между этими странами. Германия, поощренная удачей в отчуждении Польши от Франции, очевидно, добивается таких же результатов в советско-французских отношениях, на какой почве может действительно зародиться взаимное недоверие. Я спросил Лавалья, не считает ли он нужным предотвратить этот процесс. Лаваль ответил, что, если я могу что-либо кон-

* См. соответственно т. XV, док. № 300, 67, 201 и т. IX, док. № 271, 272.

** См. док. № 387.

кретно предложить, он охотно со мной обсудит. Я сказал, что не имею готовых предложений или формул, но что первая мысль, которая приходит мне в голову, — это взаимное обязательство о незаключении политического соглашения с Германией одной страной без ведома другой и о постоянной взаимной информации. Лаваль горячо подхватил это предложение, сказав, что он принимает его сейчас же. В дальнейшем он, однако, спохватился и стал медленно отходить от данного согласия. Он предложил мне и присутствовавшему Баржетону подумать о какой-либо формуле, отметив необходимость секретности такого соглашения во избежание впечатлений о советско-французском союзе. Я изъявил согласие подумать над формулой и предложил Лавалю таковую отвезти в Париж для получения санкции его правительства, причем я также снесусь с Москвой, с тем чтобы при нашей следующей встрече в понедельник можно было бы что-либо зафиксировать*.

В беседе разговор шел о Саарской проблеме**. Он мне конфиденциально показал телеграмму об инструкции, данной Саймоном своему представителю в Совете Лиги, против допущения вторичного плебисцита в Сааре. Лаваль попутно раскритиковал ноту Барту о Сааре, которую он находит слишком агрессивной. Как бы извиняющимся тоном Лаваль доказывал невозможность для него при такой позиции Англии настаивать в Совете на признании законности вторичного плебисцита. На мой прямой вопрос, полагает ли он, что голосование Саара в пользу сохранения статус-кво стеснит французов, Лаваль дал несколько путанный ответ, из которого, однако, стало ясно, что Лаваль вздохнет с большим облегчением, если Саар выскажется за Германию. Он, однако, отдает себе отчет в том, что при отсутствии декларации о вторичном плебисците Саар выскажется за Германию и это значительно укрепит гитлеровский режим, тогда как вотум за статус-кво нанес бы этому режиму сильнейший удар. Лаваль, между прочим, признал, что статья «Матэн» с интервью Гитлера французским депутатам Гуа и Монье*** была доставлена ему редакцией на одобрение, каковое он дал. На прощание Лаваль напомнил о своей просьбе касательно доминиканца Желе, который посылается на замену заболевшего в Ленинграде другого французского сендза. Он настойчиво просит об исполнении этой просьбы, имеющей большое значение для него лично. Я полагаю, что ввиду обязательства, данного нами в аналогичном вопросе Рузвельту****, нам не следует

---

* См. док. № 398.

** См. док. № 423.

*** См. газ. «Известия», 21, 30 ноября 1934 г.

**** См. т. XVI, док. № 364.

отклонять французской просьбы. Прошу поставить вопрос, где следует, на решение и сообщить все к понедельнику^{вс}.

Так как заседание Совета Лиги назначено на 21-е, перенесено на 26-е, я хотел было уехать до Совета, оставив здесь Потемкина. Но теперь, очевидно, придется ждать возвращения Лавалья из Парижа, куда он завтра выезжает.

Литвинов

Печат. по арх.

398. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР И. В. Сталину, из Женевы

*Немедленно
22 ноября 1934 г.*

Сегодня утром Лаваль уехал в Париж, и, как Баржетон сообщил, он предполагает теперь ограничиться заявлением в палате в ответ на заданную интерпелляцию, что, пока ведутся переговоры о Восточном пакте, Франция не будет вступать ни в какие соглашения с Германией без участия или согласия СССР*. Лаваль предполагает, что будет сделано и аналогичное публичное заявление. Я считаю неудачным ссылку на Восточный пакт и недостаточным одностороннее заявление, а потому буду добиваться подписания двустороннего документа приблизительно следующего содержания.

Желая содействовать успешности начатых переговоров касательно намеченного обоими правительствами соглашения и укрепить дух взаимного доверия, который укрепляет их взаимоотношения, правительство СССР и правительство Французской Республики согласились в следующем:

1) Каждое из этих двух государств обязуется не заключать никаких политических соглашений с Германией без предварительного совещания с другим правительством.

2) Каждое из двух правительств обязуется равным образом держать другое правительство в курсе всех политических переговоров с представителями Германии, равно как и все предложения, которые ему будут сделаны со стороны Германии каким бы то ни было путем и которые имели бы отношение к политическим вопросам.

3) Настоящий протокол вступит в силу с момента его подписания и остается в действии до тех пор, пока оба правительства не согласятся на прекращение действия или же до истечения 6-месячного срока с момента депонирования его тем или другим из обоих правительств.

* См. док. № 397.

По-видимому, Лаваль известил о моем с ним разговоре Бенеша, и последний мне сегодня официально заявил, что изъявит свою готовность подписать с нами аналогичное соглашение. Бенеш, очевидно, боится сговора с Германией за счет Чехословакии и поэтому будет, вероятно, настаивать на наших параллельных соглашениях с Францией и с Чехословакией³⁰¹.

Литвинов

Печат. по арх.

399. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с главой делегации США на морских переговорах в Лондоне Норманом Дэвисом

22 ноября 1934 г.

Норман Дэвис завтракал у меня, и, так как мы были только вдвоем, создалась подходящая обстановка для серьезной и довольно откровенной беседы. Суммирую важнейшее.

1. Морские переговоры*. Дэвис жаловался на то, что положение создалось чрезвычайно трудное. Настроение у него и вообще у членов американской делегации довольно пессимистическое. Все-таки он не потерял еще окончательной надежды на то, что тройственное соглашение окажется в последнем счете возможным. Аргументы его примерно такие: так как для Японии вопрос о паритете является главным образом вопросом престижного характера (особенно в целях повышения своего авторитета в Азии), то после денонсирования Вашингтонского договора** (Дэвис не сомневается, что это будет сделано) Япония достигнет своих престижных целей, может быть, тогда она окажется более сговорчивой в вопросе о морских вооружениях? Может быть, также она учтет, что в случае недостижения соглашения она все равно не сможет осуществить манящую ее идею морского паритета? «Если соглашение не состоится,— продолжал Дэвис,— и начнется гонка морских вооружений, то мы сумеем сами позаботиться о себе. На каждое новое японское судно мы будем отвечать новым американским судном, на этот счет не может быть ни малейшего сомнения. Какой смысл в таком случае Японии доводить дело до разрыва?» Поэтому Дэвис еще окончательно не отчаивается.

Я спросил Дэвиса, приемлем ли для американцев предложенный англичанами компромисс (теоретическое признание японского паритета с сохранением фактически вашинг-

* Имеются в виду морские переговоры в Лондоне в июне, октябре — декабре 1934 г. между США, Англией и Японией.

** См. т. IV, док. № 154, 287, прим. 38.

тонского или близкого к вашингтонскому соотношения флотов). Дэвис загнулся на минуту, но затем ответил, что американцев интересуют не формулы, а существо дела. Если бы на базе английского компромисса удалось добиться фактического сохранения пропорции 5:5:3, САСШ не было бы оснований возражать против него. Я спросил далее, верны ли газетные сообщения о том, что в случае расторжения Вашингтонского договора между заинтересованными державами будет все-таки заключено соглашение, оставляющее в силе ст. 19 этого договора о воспрещении укреплять определенную зону в Тихом океане. Норман Дэвис ответил, что на этот счет между тремя сторонами, участвующими в переговорах, имеются разногласия. Англичане очень настаивают на сохранении данной статьи. Они боятся того, что в противном случае японцы создадут себе ряд укрепленных баз в непосредственной близости от британских владений в Восточной Азии и в Тихом океане и даже путем особого соглашения с Китаем создадут себе морскую базу в Южном Китае. О позиции японцев в данном вопросе Дэвис не имеет ясного представления. По одним сведениям, японцы хотят сохранения ст. 19, по другим — предпочитают иметь свободные руки. Американцы еще не решили окончательно, как им держаться в вопросе о ст. 19, но ему лично кажется, что американцам нужно очень и очень подумать, прежде чем решать, стоит ли отстаивать сохранение ст. 19. Американцам выгоднее иметь свободные руки и получить возможность укрепить и устроить морские и воздушные базы на Аляске, Алеутских островах, на Филиппинах, на острове Гуам и т. д. Тогда их стратегические позиции по отношению к Японии окажутся значительно сильнее. В крайнем случае американцы могли бы пойти на сохранение ст. 19 в силе, но при условии, что ст. 19 явится лишь частью нового соглашения более общего характера, которое их устраивало бы. Далее Дэвис заговорил о том, что между САСШ и Англией имеется ряд разногласий, например, англичане возражают против фиксации глобального тоннажа для каждой страны с предоставлением ей полной свободы маневрирования в пределах фиксированной нормы. Американцы, напротив, могли бы помириться с установленным глобальным норм, ибо они уверены, что при всяких условиях благодаря высокому уровню своей техники они окажутся в состоянии парировать любую комбинацию любых типов военных судов у своего противника. Далее, англичане во что бы то ни стало хотят иметь какое бы то ни было соглашение, какую бы то ни было конвенцию, а американцы смотрят так: лучше никакой конвенции, чем плохая конвенция. Япония все время пытается играть на разногласиях между САСШ и Англией, она даже сознательно старается раздувать разногла-

сия, но Дэвис думает, что в конечном счете Япония от этого не выиграет.

2. Англия на Дальнем Востоке. Дэвис считает, что события, происходящие сейчас на Дальнем Востоке, затрагивают интересы Англии гораздо больше, чем интересы САСШ. В самом деле, Япония сейчас явно стремится к господству в Азии и в западной части Тихого океана. Это прежде всего угрожает интересам Англии. Ей приходится подумывать о том, как парировать появившуюся на горизонте угрозу. Дэвис с полной отчетливостью наблюдает, как в британских правящих кругах сейчас идет борьба между двумя тенденциями: одна — старая тенденция, сводящаяся к продолжению традиционной дружбы с Японией. Другая тенденция ведет правящие круги в сторону поисков несколько новых путей. Конкретно речь идет о сближении Англии на Дальнем Востоке с САСШ и СССР. Норман Дэвис считает, что за первой тенденцией стоят многолетние традиции и весьма влиятельные силы, тем не менее вторая тенденция постепенно получает преобладание. Он даже склонен думать, что уже сейчас вторая тенденция сильнее, чем первая. Дэвис мотивирует свою мысль следующим образом. Если Англия будет упорствовать в первой тенденции, то это будет означать прежде всего необходимость признания Англией морского паритета Японии и предоставление Японии свободы действий в Северном Китае с тем, что после укрепления своих позиций в Северном Китае она заставит уйти Англию из Южного Китая. Это будет означать также плохие отношения Англии с САСШ, с СССР, с Китаем, с Канадой, с Новой Зеландией, с Австралией. Не слишком ли высока такая цена за японскую дружбу? Напротив, по мнению Дэвиса, реальные интересы Англии, САСШ и СССР на Дальнем Востоке в настоящее время идентичны. Это облегчает их совместные действия. Между тем не может подлежать сомнению, что если бы между тремя названными державами можно было бы наладить дружественное сотрудничество в Тихом океане, Япония была бы обезврежена. Логика вещей работает в указанном направлении, и Дэвис считает более целесообразным занимать в морских переговорах спокойную выжидательную позицию в расчете, что пути Англии и Японии разойдутся. Японцы, по мнению Дэвиса, сильно помогают такому ходу развития. Их поведение во время морских переговоров, в частности их отказ принять английский компромисс, произвело в Лондоне очень плохое впечатление. Англичане ведь чрезвычайно чувствительны ко всему, что касается флота. Японцы своими действиями просто заставляют британское правительство все больше передвигаться на антияпонскую позицию. Я вставил тут, что тем не менее в составе британского правительства имеется немало

японофилов. Дэвис с этим согласился, но заметил, что, во-первых, японофилы все-таки в меньшинстве, а, во-вторых, что японофилы в то же время являются антигерманцами (явный намек на Хэйлшема). Это сильно осложняет положение. Он, Дэвис, думает, что проекты японо-германского соглашения, о которых так много пишут и говорят в последнее время, сейчас вызывают тревогу в британских правящих кругах. Я спросил Дэвиса, что он думает, в частности, о позиции Саймона. Дэвис ответил, что Саймон вообще не является человеком, у которого имеются твердо определенные убеждения. Однако он склонен думать, что у Саймона есть японофильские настроения, но не Саймон решает вопрос. Саймон может долго тянуть и откладывать решение вопроса. Он так поступал, например, во время обсуждения маньчжурского вопроса в Лиге наций*. Но когда дальнейшие оттяжки стали уже больше невозможны, когда вопрос «за» или «против» Японии был поставлен остро, Саймон высказался против Японии. Того же самого можно ожидать от Саймона и сейчас в связи с вопросом о морских переговорах, а также вообще в связи с проблемами тихоокеанской политики. Он, Дэвис, продолжает все-таки думать, что сотрудничество САСШ, СССР и Англии на Дальнем Востоке — дело ближайшего будущего. На пути к нему стоят лишь застарелые антисоветские предрассудки британских правящих кругов, но они сравнительно быстро изживаются. Сравнивая свои впечатления 6 месяцев назад и сейчас, Дэвис констатирует несомненный и весьма крупный поворот к лучшему в отношении английских господствующих классов к СССР. Совсем недавно ему пришлось беседовать с одним чрезвычайно крупным английским политиком консервативного лагеря, оказывающим большое влияние на британскую внешнюю политику (имени своего собеседника Дэвис не назвал), и он был поражен тем, что этот политик сейчас стал развивать ему мысль о необходимости тройственного сотрудничества в Тихом океане между САСШ, Англией и СССР. Еще полгода тому назад он слышал из уст того же человека совсем другие мнения.

3. Пакт о ненападении. Я спросил Дэвиса, в какой форме он мыслит себе сотрудничество СССР, САСШ и Англии на Тихом океане. Он отвечал, что несколько времени тому назад Япония, не делая официального предложения американскому правительству, весьма настойчиво зондировала почву в Вашингтоне о возможности заключения селаратного японо-американского пакта о ненападении. Ему известно также, что Япония недавно, в таком же примерно

---

* См. т. XV, прим. 42.

порядке, зондировала почву в Лондоне о возможности заключения сепаратного японо-английского пакта о ненападении. Он, Дэвис, не будет удивлен, если Япония в ближайшем будущем предложит нам заключение сепаратного японо-советского пакта о ненападении. Он думает так потому, что Япония явно поставила своей задачей в настоящее время захват различных частей Китая (в первую очередь, конечно, Северного Китая) и, исходя из этих соображений, хотела бы обезопасить себя со стороны трех указанных держав. Однако он, Дэвис, полагает, что такие изолированные двусторонние пакты о ненападении в нынешней обстановке на Дальнем Востоке были бы вредны. Наоборот, единственным удовлетворительным выходом из положения, выходом, соответствующим интересам мира, он считал бы заключение одного общего пакта о ненападении всеми заинтересованными тихоокеанскими державами, т. е. САСШ, СССР, Англией, Китаем, Японией, Голландией, Францией и т. д. Участие Китая абсолютно обязательно. Только таким путем можно предупредить раздел Китая. Дэвис в заключение спросил меня, что я думаю по поводу его соображений и что СССР стал бы делать, если бы Япония сейчас предложила нам заключение пакта о ненападении. Я ответил, что могу, конечно, высказать ему лишь свое личное мнение, поскольку поднятого им вопроса мне не пришлось обсуждать с т. Литвиновым. Мое же личное мнение сводится к тому, что идея тихоокеанского пакта о ненападении, вероятно, не встретила бы возражений с нашей стороны. Мы сторонники региональных соглашений, как показывает хотя бы наше активное участие (наряду с Францией) в попытке создать Восточный пакт безопасности. По характеру своему Восточный пакт значительно отличается от того, что имеет в виду Дэвис, говоря о тихоокеанском пакте о ненападении, но это не исключает возможности благожелательного обсуждения его идей с нашей стороны. Далее я перешел ко второму вопросу — о том, как поступил бы СССР в случае предложения со стороны Японии заключить двусторонний пакт о ненападении. Не желая хотя бы косвенно давать повод Дэвису думать, что мы могли бы сочувствовать или оправдать заключение двустороннего японо-американского пакта о ненападении, я уклонился от прямого ответа на его вопрос, а перевел весь разговор в плоскость необходимости для американского правительства проявить гораздо больше активности и инициативы в разрешении тихоокеанских проблем, чем оно это до сих пор делало. Только при такой активности мыслимо, продолжал я, заключение того пакта о ненападении, который так интересует Дэвиса. Дэвис тут подумал и затем несколько нерешительно ответил: «Я уверен в том, что Рузвельт относится с симпатией к идее

Тихоокеанского пакта о ненападении, но я не думаю, чтобы он захотел взять на себя инициативу его заключения»*.

4. Разное. В ходе разговора Дэвис спросил меня, в каком положении находятся сейчас переговоры о продаже КВЖД. Я информировал его. Он высказал полное одобрение нашего решения ликвидировать КВЖД, находя этот шаг со стороны Советского правительства весьма мудрым, и спросил, верно ли, что покупка КВЖД Маньчжоу-Го (фактически Японией) включает так же, как одно из условий, признание Маньчжоу-Го со стороны СССР. Я категорически отверг такое предположение. Дэвис при этом облегченно вздохнул. Далее он спросил, обсуждается ли у нас в настоящее время вопрос о возможности признания Маньчжоу-Го. Я ответил отрицательно. Дэвис обнаружил еще большее удовлетворение. Затем он спросил, верны ли сведения, которые он недавно получил из кругов, близких к французскому мининделу, сводящиеся к тому, что мы в настоящее время перебрасываем часть войск, находившихся до сих пор на Дальнем Востоке, на нашу западную границу в ожидании возможных осложнений со стороны Германии. Чувствовалось, Дэвис мысленно связывает эту французскую информацию с подозрением, что мы имеем основания ожидать в ближайшем будущем заключения японо-советского пакта о ненападении. Я заверил Дэвиса, что никаких перебросок войск с Дальнего Востока на нашу западную границу не производится. Я прибавил при этом, что мы считаем лучшей гарантией мира на наших дальневосточных границах наличие там крупных военных сил и сильного воздушного флота. Дэвис выразил полное одобрение такому образу действий и высказал надежду, что с помощью того пакта о ненападении, о котором он мне говорил, положение на Дальнем Востоке удастся стабилизировать в не особенно отдаленном будущем.

Полномочный Представитель СССР в Великобритании
И. Майский

Печат. по арх.

400. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Б. Е. Штейну

23 ноября 1934 г.

На Вашу телеграмму от 22 ноября с. г.³⁰² сообщая, что приезд министра иностранных дел Хакселя по собственной инициативе и без нашего приглашения полезен и желателен.

* См. док. № 77, 84.

В случае запроса Вы можете заявить, что мы будем рады видеть его в Москве. Напротив, его приезд по нашему приглашению, с опубликованием факта приглашения в прессе, прямо вреден, ибо вызвал бы среди враждебных нам кругов в Финляндии и за границей представление, будто мы очень обеспокоены сообщениями о намерениях Финляндии выступить против нас в случае нападения на нас Японии. Это могло бы еще более увеличить переоценку значения Финляндии в лагере финских активистов*.

Стомоняков

Печат. по арх.

401. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше Я. Х. Давтяну

23 ноября 1934 г.

Уважаемый товарищ,

1. Французский меморандум** Польше по вопросу о Восточном пакте находится, по-видимому, уже в пути или должен быть каждую минуту послан в Варшаву. В этом меморандуме Франция соглашается с необходимостью участия в пакте также Германии, однако указывает, что именно для того, чтобы этого добиться, необходим положительный ответ со стороны Польши. Если Польша настаивает на включении в Восточный пакт ссылки на польско-германский договор¹⁴, то Франция предлагает также включить ссылки на пакты, существующие между СССР и его западными соседями***. Франция указывает, что польско-германское соглашение о неападении не должно освобождать Польшу от оказания взаимной помощи в случаях, предусмотренных Восточным пактом, подобно тому как пакт Келлога**** не освобождает Францию от выполнения ею союзных обязательств по отношению к Польше. Франция соглашается с тем, чтобы Польша не оказывала помощи Литве, пока у них нет дипломатических отношений. Франция полемизирует с Польшей по поводу ее возражений против участия Чехословакии; она в конце концов соглашается с тем, чтобы освободить Польшу от помощи также и Чехословакии. Меморандум кончается призывом к союзническим чувствам и интересам Польши.

2. Иден сообщил т. Лнтвцнову, что он просил Саймона по телеграфу инструктировать английского посла в Варшаве,

* См. док. № 413.

** См. док. № 397.

*** См. т. IX, док. № 271; т. XV, док. № 67, 201 и 300.

**** См. т. XI, док. № 298.

чтобы тот оказал вновь давление на Польшу в пользу заключения Восточного пакта.

3. Пока что никакого смягчения франко-польских отношений незаметно, однако я считаю не исключенным, что дальнейшее развитие может к этому привести. Несмотря на все заверения, которые дает нам Лаваль, его позиция в отношении Германии и СССР существенно отличается от позиции Барту. Не исключено, что, если плебисцит в Саарской области окончится победой Германии, Лаваль попробует с нею сговориться. До этого франко-германские отношения будут в весьма обостренном состоянии. Вообще в январе можно ожидать значительного выяснения европейской ситуации.

4. Позиция польской прессы в отношении СССР наводит на серьезные размышления. Я не знаю, можно ли назвать кампаней то, что имеет место, но не подлежит сомнению значительное ухудшение тона прессы в отношении СССР. Выступления Берсона*, близкого к Медзискому** и Лукасевичу, статьи Лепецкого, адъютанта Пилсудского, и вообще поведение правительственной прессы не оставляют сомнений в том, что польское правительство уже не придает такого значения поддержанию иллюзий хороших отношений с СССР, как в прошлом, и даже, может быть, подготавливает польскую общественность к выявлению дальнейшей эволюции польской политики во враждебном СССР направлении.

5. Мы заняты вопросом о последних выступлениях Берсона, которые считаем невозможным обойти молчанием. Возможно принятие мер в отношении Берсона.

6. Мы получили поручение затруднить приезд в СССР польских офицеров, приезжающих под разными предлогами. Предлагаю учесть это в практической работе полпредства***.

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

402. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с общественными деятелями Великобритании Сиднеем и Беатрисой Уэбб

25 ноября 1934 г.

Мы с женой были в гостях у Уэббов в их загородном доме. Разговаривали на разные темы, причем основную роль играла поездка Уэбба нынешней осенью в СССР и книга об СССР, над которой они сейчас работают.

* Корреспондент польского телеграфного агентства и «Газеты польской» в СССР. В августе 1935 г. был выдворен из СССР за публикацию антисоветских статей; см. газ. «Известия», 20 августа 1935 г.

** Редактор «Газеты польской».

*** См. также док. № 381.

Сидней Уэбб чрезвычайно доволен своей поездкой. Он долго и сердечно благодарил меня за тот любезный прием, который он встретил в Москве и Ленинграде. Его чрезвычайно поразили те громадные перемены, которые произошли в СССР со времени его первой поездки туда в 1932 г. Все эти перемены к лучшему. Москва сильно обстроилась и приукрасилась. Очереди исчезли. Магазины наполнились товарами. Уэбб долго говорил мне о том, какое сильное впечатление на него произвел новый кооперативный универмаг в Ленинграде. Он сравнивал последний с известным магазином «Navy and Army Stores» в Лондоне и находил, что ленинградский магазин, пожалуй, ни в чем не уступает этому, наиболее привилегированному из кооперативных магазинов Англии. Спутница Уэбба, м-м Дрэк (племянница м-м Уэбб) осталась очень довольна посещением московских и ленинградских школ и педагогических учреждений. Она нашла там чрезвычайно много интересного для себя, кое-что достойное перенесения в английские школы (м-м Дрэк работает в этой области в лондонском муниципалитете).

В настоящее время оба Уэбба усиленно работают над окончанием своей книги об СССР*. Книга эта будет в двух томах. Первый том, посвященный описанию структуры Советского государства, уже находится в типографии. Второй том, трактующий деятельность Советского государства, написан на две трети. Уэббы рассчитывают закончить его к весне. Вся книга в целом появится на рынке осенью 1935 г. Она одновременно выходит в Англии и в Америке. В Англии Уэббы сами ее издадут, и притом сразу в двух изданиях: дорогом — 35 шиллингов за оба тома, которое пойдет на рынок, и дешевле — 10 шиллингов, которое будет продаваться по предварительной подписке через тред-юнионы, кооперативы и лейбористскую партию. В Америке книга публикуется частным издательством.

Говоря об англо-советских отношениях и вообще об отношениях СССР с капиталистическим миром, Уэббы отмечают их значительное улучшение на протяжении последнего года. Большую роль тут сыграло, по их мнению, усиление нашего экономического, политического и военного могущества, а также наше вступление в Лигу наций. Однако Уэббы предостерегают, что в процессе дальнейшего развития возможен рецидив, обострение отношений между капиталистическим миром и СССР. Когда наступит такой момент? По мнению Уэббов, он наступит тогда, когда успехи нашего социалистического строительства станут настолько явны и очевидны, что их

---

* См. С. Уэбб и Б. Уэбб. «Советский коммунизм — новая цивилизация?», М., 1937.

нельзя уже будет ни замалчивать, ни отрицать. Поэтому мы не должны делать себе излишних иллюзий насчет прочности или длительности нынешнего улучшения отношений. Вражда капиталистического мира к СССР еще даст себя почувствовать, и притом в весьма острых формах.

Уэбб с большой похвалой отзывался о помощи, оказанной ему во время пребывания в Москве т. Тобинсон, и выражал большое желание, чтобы она летом 1935 г. приехала в Англию провести у них в доме свой отпуск. Он просил меня оказать в этом отношении содействие.

Полномочный Представитель СССР в Великобритании
И. Майский

Печат. по арх.

403. Письмо и. о. Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэню

26 ноября 1934 г.

Господин Особый агент,

Подтверждая получение Вашего письма от 6 сего ноября *, имею честь сообщить Вам, что оно ни в какой мере не дает удовлетворительного ответа на все мои письменные и устные представления и протесты против незаконных арестов и возмутительных насилий над советскими гражданами в Маньчжурии **.

Вместо того, чтобы дать мне ясные и точные ответы на сообщенные Вам конкретные факты незаконных арестов и насилий, вместо того, чтобы сообщить мне о принятых мерах наказания виновных в этих незаконных действиях, Вы, г. Особый агент, ограничились письмом, содержащим лишь самые общие рассуждения, которые свидетельствуют о стремлении маньчжурской стороны уклониться от конкретного и соответствующего действительному положению вещей ответа по существу сделанных мною представлений.

Я неоднократно просил Вас сообщить мне о месте нахождения арестованных советских граждан и о том, за какими полицейскими, судебными или административными властями числится каждый арестованный. На это я не получил от Вас никакого ответа, и об этом Ваше письмо от 6 ноября также умалчивает.

Я настаивал на сообщении мне, в чем каждый арестованный гражданин СССР обвиняется. Вместо конкретного от-

* См. стр. 623.

** См. док. № 301, 312, 313, 358.

вета на этот вопрос Вы делаете в указанном письме совершенно голословное заявление о том, что неизвестное мне «преступление, о котором идет речь и в котором обвиняются арестованные, имеет чрезвычайно злостный характер и широкий масштаб и к тому же является повторным». В другом месте письма Вы сообщаете, «что за их спиной подозревается наличие влиятельной организации» и что «преступления имели своим центром КВЖД». Подобные ничем абсолютно не подкрепленные и голословные заявления с Вашей стороны, конечно, не могут быть приняты мною всерьез. Обычно, если какое-либо лицо подвергается аресту и находится под предварительным следствием в течение двух с половиной — трех месяцев по некоему «чрезвычайно злостному делу», то должно быть по крайней мере известно, по какой статье уголовного кодекса виновный или подозреваемый обвиняется. Общие же рассуждения на тему о «злостности преступления» 150 советских граждан, конечно, не могут быть приняты как объяснение незаконных действий, имевших место с маньчжурской стороны.

Что же касается Ваших совершенно голословных утверждений о том, что центром неизвестного «преступления» якобы является КВЖД, то я могу сослаться на свои ноты Вам от 24 августа и 4 октября сего года *, в которых я уже указывал на нелепый и чудовищный характер тех обвинений, которые некоторые маньчжурские власти пытаются сфабриковать против советских агентов КВЖД. Эти обвинения никогда никем не были доказаны и не могут быть доказаны в силу того, что преступления, в которых советских агентов КВЖД пытаются обвинить, на самом деле никогда не были ими совершены. Поэтому я крайне сожалею, что Вы, г. Особый агент, сочли возможным поддержать в своем письме, и тем более столь голословно, эти клеветнические выгады против советских граждан, работающих на КВЖД.

В своих обращениях к Вам я многократно протестовал перед Вами против пыток и других насилий над советскими гражданами, находящимися в местах заключения в Маньчжурии. Ввиду Вашего заявления, что Вам неизвестны упоминаемые мною документальные данные о применении полицейскими и жандармскими властями пыток и насилий и поскольку Вы позволили себе допустить заявление в официальной ноте, что Вы «сомневаетесь в подлинности» этих данных, я вынужден напомнить Вам некоторые факты. Так, 4 сентября мною были направлены Вам при письме копии актов медицинского обследования арестованных Головиной и Григорьева, подвергшихся пыткам в жандармерии г. Харбина.

---

* См. док. № 317, 351.

Вице-консул г. Дрибинский 14 сентября демонстрировал Вам окровавленную белую арестованного железнодорожной полицией гр. Гвоздева, переданное членом его семьи чинами полиции. 3 октября г. Дрибинский сообщил Вам о результатах пыток над советскими гражданами Пацериним и Боровиком и об искалечении их. 13 октября Вам было сообщено о пытках над Осадчуком, а 5 ноября я сообщил Вам о его смерти в результате этих пыток. 19 октября я сообщил Вам также о смерти от пыток в пограничном полицейском отряде г. Маньчжурии гр. Кульбатского. Еще значительно ранее — 6 августа — Генконсул г. Славуцкий обращался к Вам с запросом о судьбе советских граждан Кислого и Лаушкина, арестованных пограничным полицейским отрядом на станции Пограничная. О судьбе их я также имел с Вами ряд бесед, указывая на имеющиеся у меня тревожные сведения на этот счет. Сегодня я вынужден прямо заявить, что по полученным Генеральным консульством вполне достоверным сведениям граждане Кислый и Лаушкин также были жертвами пыток со стороны чиновников пограничного полицейского отряда и что всякие явно неправдоподобные заявления властей о их судьбе являются попыткой прикрыть следы преступления, совершенного над ними.

То обстоятельство, что власти упорно отказывают в удовлетворении настойчивых просьб Генерального консульства в предоставлении его представителям свиданий с арестованными, лишь подтверждает мое убеждение в том, что эти пытки и насилия имеют действительно место и что власти стремятся скрыть следы их от Генерального консульства.

Приведенное выше абсолютно не исчерпывает всего обилия данных о пытках и насилиях над советскими гражданами в Харбине, Пограничной и других местах, о чем как Генконсульством в Харбине, так и консулами СССР в Пограничной и Маньчжурии неоднократно делались Вам и соответствующим дипломатическим агентам представления. Казалось, Вы должны были дать мне конкретные ответы по всем этим хорошо известным Вам фактам и сообщить мне, какие меры приняты компетентными властями для наказания виновных и предотвращения повторения этих фактов в будущем. Вместо этого Вы в Вашем письме абсолютно не касаетесь всех этих фактов и ограничиваетесь общим заявлением, будто ваши власти не применяли физической силы при допросах. Вполне естественно поэтому, что такой ответ приходится рассматривать как явную попытку со стороны руководящих правительственных органов Маньчжурии прикрыть авторитетом высшей власти бесчинства и насилия чинов полиции и жандармерии над советскими гражданами и создать для подобных действий атмосферу поощрения и безнаказанности. Тем са-

мым эти высшие правительственные органы Маньчжурии берут на себя полную ответственность перед Правительством СССР за указанные бесчинства, насилия и пытки.

Ввиду вышеизложенного имею честь заявить Вам, по поручению НКВД, что Ваш ответ от 6 ноября на мои представления и протесты является совершенно неудовлетворительным. Подтверждая поэтому все мои предшествующие протесты против незаконных арестов и насилий над советскими гражданами, я вновь настойчиво требую немедленного освобождения всех незаконно арестованных граждан СССР, полного прекращения всех насильственных действий над ними и наказания виновных в этих действиях³⁰³. Наконец, я возлагаю на соответствующие правительственные органы Маньчжурии всю моральную и материальную ответственность за весь ущерб, нанесенный советским гражданам действиями чинов полиции и жандармерии, и оставляю за собой право предъявить Вам требования о материальном возмещении каждому из пострадавших от незаконных арестов и пыток советских граждан, а также семьям погибших в результате пыток в местах заключения Маньчжурии советских граждан Кислого, Лаушкина, Кульбатского и Осадчука.

Примите уверения в моем глубоком к Вам, г. Особый агент, уважении.

Райвид

*Печат. по арх. Особд. в газ. «Известия»
№ 290 (5538), 12 декабря 1934 г.*

404. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Швеции А. М. Коллонтай

27 ноября 1934 г.

Уважаемый товарищ,

1. Объяснения формально-правового порядка, данные Вам Сандлером относительно позиции, занятой Швецией и северными странами вообще по вопросу о нашем вступлении в Лигу наций, разумеется, не могут быть признаны удовлетворительными*. Более достоверным является намек, сделанный Мунком в его беседе с т. Раскольниковым от 29 октября о том, что именно Швеция заняла в этом вопросе наиболее непримиримую позицию**. Намеки Сандлера на то, что Финляндия будто бы только под давлением Скандинавских стран решила голосовать за наше вступление в Лигу иаций, также

* См. док. № 390, 391.

** См. док. № 371.

не заслуживают доверия. Не подлежит сомнению, что по данному вопросу враждебная нам Финляндия оказала влияние на другие Скандинавские страны. Вероятно, именно из-за нежелания противопоставлять себя Финляндии и не решаясь вообще уклониться от нашего приглашения, Швеция и пошла на компромиссную процедуру.

2. Заверения Сандлера об отсутствии каких-либо переговоров по вопросу укрепления Аландских островов, а также его заявление о том, что «укрепление их не входит в политику данного кабинета», — довольно правдоподобны. Это не исключает, конечно, того, что военные круги ведут по своей линии противоположную политику по этому вопросу.

3. Разъяснения, данные Сандлером по поводу интервью генерала де Шена, носят явно несерьезный характер. Однако Вам к этому вопросу более возвращаться не следует. Если подобные интервью будут в будущем, Вам необходимо, не запрашивая центр, заявлять самый протест на месте.

4. Само собой разумеется, мы не можем оставаться безучастными наблюдателями той кампании, которая ведется в настоящее время в Швеции, Скандинавии вообще и Финляндии по вопросу об образовании четверного антисоветского блока. О нашей общей линии я пишу, однако, в письме т. Тихменеву, копию которого Вам направляю, и поэтому в данном письме не буду повторяться*.

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

**405. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных
Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Дании
Н. С. Тихменеву****

27 ноября 1934 г.

Уважаемый товарищ,

1. В своем первом докладе от 16-го с. м. за № 96³⁰⁴ Вы правильно останавливаетесь на агитации за образование военно-политического союза Скандинавских стран с участием Финляндии, отмечая, что этот вопрос заслуживает самого пристального внимания с нашей стороны. В связи с небывалым обострением общеевропейской ситуации в ряде стран наблюдается необычное оживление всех антисоветских элементов. Движение или, вернее говоря, агитация за образование четверного союза северных стран является результатом ряда специфических факторов, помимо общей тревоги, заме-

* См. док. № 405.

** Верительные грамоты вручил 7 ноября 1934 г.

чающейся во всех малых странах и объективно представляющей весьма плодородную почву для появления и выращивания всевозможных проектов военно-патриотического характера.

Я имею в виду прежде всего чрезвычайную активность всевозможных активистских элементов в Финляндии, мечтающих об осуществлении своих нелепых планов в результате возможного вооруженного конфликта на Дальнем Востоке и агрессии Гитлера в Восточную Европу. Немаловажную роль во всем этом движении играют также военно-консервативные круги в Швеции, издавна являющиеся носителями русофобских и антисоветских планов. Активизация антисоветских элементов в Скандинавских странах вызвана, однако, в еще большей степени враждебными нам влияниями извне. Наибольшую активность в этом направлении проявляет, несомненно, гитлеровская Германия, и в частности Геринг, имеющий значительные связи в шведских правых кругах. В течение последних полутора — двух лет большое внимание обратила на Скандинавию, и в особенности на Швецию, также и Польша. В прошлом году мы получили сведения о плане польской дипломатии в противовес Восточному пакту заключить Балтийское региональное соглашение под руководством Польши. В это время Пилсудский, как известно чрезвычайно редко принимающий иностранцев, принял и долго говорил с шведским посланником в Варшаве*. После этого, если не ошибаюсь, поляки кого-то послали в Швецию, а недавно начальник шведского генерального штаба ездил в Польшу. Заинтересованность Польши в Швеции и усиление там польского влияния получили новую базу в крупных военных заказах, которые Польша, после обострения ее отношений с Чехословакией, перенесла в Швецию на заводы Бофорса. Если принять во внимание одиовременное обострение отношений Польши с Францией и учесть заинтересованность Польши в шведском рынке особенно для польского угля, а также географическую близость Швеции, то станет ясно, что Швеция становится постепенно дополнительной военно-промышленной базой для польского империализма. Наконец, немалое влияние на активизацию военно-политических планов в Скандинавских странах оказывается также и некоторыми антисоветскими кругами в Англии, которые видят в четверном северном союзе верного союзника в будущей войне с Советским Союзом. Официальную причастность Англии к планам образования военно-политического союза Скандинавских стран с участием Финляндии я считаю более чем сомнительной.

---

* См. док. № 42.

2. Появление в «Журналь де Моску» известной статьи по поводу антисоветских течений в северных странах и агитации за образование ими военно-политического союза* вызвало огромный интерес и весьма полезную дискуссию во всех четырех северных странах и укрепило там позиции нейтралистских элементов против элементов активистских. Появление этой статьи дает новый аргумент в пользу того положения, что мы не должны оставаться безучастными зрителями агитации за образование четвертого антисоветского блока северных стран и должны, в меру наших возможностей, вести борьбу против этих течений. В беседах с местными деятелями наши представители должны разъяснять, что вся эта агитация инспирируется извне, третьими силами, которые стремятся использовать Скандинавские страны в своих интересах. В частности, надо указывать на то, что некоторые третьи силы мечтают подготовить в северных странах новый плацдарм для будущей возможной войны против Советского Союза. Наконец, надо отмечать неизменно дружественное отношение и симпатии СССР к северным народам и отмечать, что у нас убеждены в том, что здоровый инстинкт самосохранения подскажет этим народам, что их интерес, само собой разумеется, не в принятии участия в каких-либо авантюрах, а в продолжении их прежней испытанной политики мира и нейтралитета.

3. В этих беседах необходимо, однако, избегать всего того, что могло бы навести на мысль, что идея образования четвертого союза вызывает у нас беспокойство. Как правило, лучше самим вообще не начинать разговоров на эти темы.

4. Одновременно необходимо внимательно следить за развитием всего движения и своевременно снабжать нас по линии ТАСС также в сводках печати полпредства, в докладах и телеграммах материалами, которые могли бы быть использованы у нас для разоблачения всех этих планов, для борьбы с ними.

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

406. Письмо Полномочного Представителя СССР в Афганистане Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

27 ноября 1934 г.

Уважаемый Максим Максимович,

6 ноября прибыл в Кабул японский посланник М. Китада. 15 ноября он вручил свои верительные грамоты королю За-

---

* См. газ. «Известия», 12 ноября 1934 г.

хир-шаху. 17 ноября он был с визитом у меня. В разговоре, который имел место во время этого первого нашего свидания, кроме вопросов протокольного и бытового характера посланник особо остановился на советско-японских отношениях. Прежде всего он сообщил мне, что, зная достаточно хорошо как царскую Россию, так и СССР, он глубоко отрицательно относится к прежнему царскому режиму, который принес России и русскому народу чрезвычайно много вреда и довел страну до полного развала. Также, по мнению посланника, никуда не годилось и правительство Керенского. И только Советское правительство, которое вполне соответствует духу русского народа, сумело возродить страну и создать из бывшей отсталой России «одно из могущественнейших государств мира». Перейдя затем к советско-японским отношениям, посланник сказал, что у СССР и Японии имеется очень много общих интересов и нет решительно никаких вопросов, которые мешали бы развитию мирных и дружественных отношений. Те спорные вопросы, которые существуют между нами, не являются сколько-нибудь серьезными и могут быть урегулированы самым удовлетворительным образом, к общей пользе. Не нужно закрывать глаза на то, что некоторые третьи державы, прежде всего САСШ, желают нас столкнуть и спровоцировать войну между нами, преследуя свои собственные интересы. Но посланник уверен, что ничего из этого не выйдет. Мирная политика Советского правительства в Японии хорошо известна, и японское правительство, со своей стороны, желает только мирных отношений с Советским Союзом.

В ответ на эту декларацию я подтвердил, что борьба за мир является основой внешней политики Советского правительства и что мы будем приветствовать все, что может способствовать укреплению мира и развитию дружественных отношений СССР с другими государствами и их народами.

После этого первого визита, на который я ответил на другой день, мы встречались еще два раза на общих приемах у нас и у англичан, причем посланник явно старался подчеркивать дружественные отношения с нами.

Что касается афганцев, то их контакты с японцами бросаются в глаза всем. Прежде всего это нашло выражение в прессе. Единственная в Кабуле газета «Ислах» (официоз) еще с конца августа начала, так сказать, подготовительную кампанию, печатая в каждом номере различную информацию о Японии. Эта информация имела вполне определенную японофильскую окраску, а частью даже принимала явный антисоветский характер. В связи с этим я счел нужным обратить внимание министра иностранных дел на линию поведения газеты «Ислах». Министр сказал, что это происходит «по

неопытности редакции» и что он примет меры. После этого японофильские излишества «Ислаха» несколько сократились.

Чего ждут афганцы от Японии? Насколько можно судить, во-первых, они рассчитывают использовать для себя ту политическую ситуацию, которая складывается на Дальнем Востоке. Для этого им необходимо иметь известный контакт с Японией. Конечно, они будут действовать тут с максимальной осторожностью, но все же нужно определенно сказать, что всякий контакт афганского правительства с Японией, по существу, будет использован против нас. Афганцы не сомневаются, что японское правительство, ведя подготовку войны против СССР на Дальнем Востоке, учитывает и Афганистан в числе прочих факторов, которые могут быть использованы в той или иной мере. Исходя из этого, афганское правительство считает, что тут можно будет кое-что получить. Отсюда следуют уже, во-вторых, расчеты афганского правительства на экономическую поддержку со стороны Японии и, в-третьих, надежды на получение от Японии оружия и снаряжения для афганской армии, если не даром, то по минимальным ценам. О последнем я уже раньше писал³⁶⁵.

Все эти расчеты афганского правительства нельзя не признать в общем правильными. Вопрос весь в том, во что оценят японцы «афганский фактор». По-видимому, этой оценкой и должен заниматься на первых порах здесь М. Китада. По крайней мере, пока он занимается главным образом расспросами, что, конечно, вполне естественно со стороны посланника, только что прибывшего в страну, с которой впервые установлены дипломатические отношения. Но характерно, чем он интересуется. Так, турецкий посол говорил мне, что при первом же свидании М. Китада задал ему вопрос о состоянии афганской армии. Турецкий посол уклонился от разговора на эту тему. Тот же турецкий посол сказал мне, что на вопрос, заданный им министру иностранных дел о том, что говорит японский посланник, министр ответил, что посланник держится выжидательно и никаких сколько-нибудь серьезных политических вопросов в своих разговорах до сих пор не затрагивал.

Тем, что я говорю на предыдущей странице об афганских планах относительно Японии, я отнюдь не хочу сказать (я подчеркиваю это во избежание недоразумения), что афганское правительство решило принимать участие в игре на стороне Японии. Это было бы совсем не в афганском духе. Афганцы считают, что установление отношений с Японией и появление японской миссии в Кабуле усиливает их политическое положение (не только в отношении нас, но и в отношении англичан, для которых японцы в Кабуле совсем не являются особенно желательными партнерами) и дает воз-

возможность использовать японцев для получения кое-каких экономических выгод и, может быть, для снабжения армии. И все это без каких-либо определенных обязательств со своей стороны.

И если бы даже афганцы и связали себя известными обязательствами, то это еще не значит, что они их выполнят: все будет зависеть от ситуации, которая сложится в тот или иной момент.

Еще несколько слов о торговле. По торговым вопросам японцы ведут усиленные переговоры с шеркетом «Асхами» и министерством торговли. Со своей стороны, афганцы считают себя заинтересованными в получении дешевых японских товаров (особенно мануфактуры); основным вопросом является вопрос покрытия, так как афганцы желают платить за товары не валютой, а своим сырьем. В этом отношении договоренность, несомненно, может быть достигнута, так как японцы могут взять кое-какое афганское сырье, как, например, шерсть, кожи, хлопок, опиум, слюду и т. д. Для нашей торговли японцы являются в настоящее время наиболее серьезными конкурентами на афганском рынке, и необходимо, чтобы наши торговые организации отнеслись к этому с весьма большим вниманием, которое до настоящего времени было, на мой взгляд, совершенно недостаточным*.

С товарищеским приветом

Полномочный Представитель СССР в Афганистане
Л. Старк

Печат. по арх.

407. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии с заведующим IV отделом Министерства Иностранных Дел Германии Мейером**

29 ноября 1934 г.

Свой визит ко мне Мейер объяснил давнишним своим желанием посетить меня, чему до сих пор мешало его продолжительное отсутствие в Берлине.

Начал он беседу с вопроса, акклиматизировался ли я здесь и успел ли составить себе более ясную картину о том, что следует предпринять для улучшения советско-германских отношений.

Я ему на это ответил, что эта задача представляется мне нелегкой главным образом потому, что в отношениях между

---

* См. док. № 421.

** Из дневника Я. З. Сурица от 13 декабря 1934 г.

нашими странами нет отдельных конкретных спорных вопросов, подлежащих урегулированию, а поражена самая основа отношений — взаимное доверие. Никакого другого пути поэтому, кроме восстановления этого доверия путем создания реальных гарантий против возможности использования сил одной страны против и во вред другой, я не вижу. Такие гарантии включает в себя предложенный нами Восточный пакт *, ставящий всех его участников в равноправное положение и ограничивающий их только в одном праве — в праве наступать друг на друга.

Мейер на это ответил, что мирные намерения Германии достаточно определено были высказаны Гитлером ** и что германская сторона до сих пор не понимает, какие у нас имеются основания подвергать эти заявления сомнениям, и не может вменить себе в вину ничего, что пытало бы наше недоверие к искренним стремлениям Германии установить с нами нормальные отношения. Он не знает и не слышал от наших представителей никаких серьезных инкриминаций, кроме посторонних ссылок на книгу Гитлера, поездку Розенберга и выступление Гугенберга ***. Но им противостоят гораздо более весомые факторы, как официальная декларация Гитлера — канцлера, и неоднократные попытки с германской стороны наладить как политические, так и экономические взаимоотношения, в частности хотя бы предложение о предоставлении нам кредитов. Вряд ли все это совместимо с приписываемыми германскому правительству враждебными в отношении нас планами. Ничего противоречащего этой лояльной линии поведения в отношении СССР нельзя обнаружить и в международной политике теперешнего германского правительства. Оно не вступает ни в какие враждебные СССР блокировки и не участвует ни в какой международной кампании, против СССР направленной.

На все это я возразил Мейеру, что не хотел бы в этой беседе вступать на путь взаимных обвинений и упреков. Я должен отметить лишь одно существенное обстоятельство. Создавшееся ныне напряженное отношений вызвано не нами. Не у нас произошел переворот, а в Германии. Не мы, а теперешние хозяева Германии пришли с новыми лозунгами в области внешней политики, и в частности в области политики по отношению к СССР. Это обстоятельство, а не различные режимы является решающим моментом, определяющим и питающим недоверие наших широких общественных кругов к теперешней Германии. Германская общественность не может приписать нам никаких ни территориальных, ни завоевательных стремлений, а у нашей общественности такая тревога с основанием пробуждена.

* См. док. № 197.

** См. т. XVI, док. № 51, 138, 139.

*** См. т. XVI, док. № 167, 189, 190, 209.

С этим не может не считаться ни одно правительство, желающее действительно жить с нами в мире.

Я допускаю, что Мейер совершенно искренен, когда заверяет меня в отсутствии завоевательных планов и в стремлении своего правительства наладить с нами добрососедские отношения. Но закрепить такую уверенность можно только реальными фактами и реальными гарантиями, которые мы, повторяю, усматриваем только в региональных пактах. Я внимательно прочел германский меморандум и, отдавая все должное дипломатическому мастерству этого документа, не могу, однако, согласиться с основательностью доводов, выставленных против существования Восточного пакта — против принципа взаимной гарантии *. Я не думаю, чтобы кому-нибудь показался убедительным довод, что этот принцип ударяет по наиболее слабо вооруженным странам. Ставить так вопрос — это значит перевернуть всю проблему вверх ногами. Неубедителен и довод, исходящий из «сложности комбинации». Такие комбинации, конечно, медленно пробивают себе дорогу, но то, что к ним упорно возвращается мысль всех тех, которые действительно хотят закрепить мир, является лучшим доказательством того, что никаких иных путей никто придумать не может. Исходным положением всего германского меморандума является утверждение, что Германии нет смысла принимать на себя новые обязательства, так как она вполне удовлетворена теперешним положением на Востоке и ни с какой стороны опасности для себя не предвидит. Но, к сожалению, такой уверенности нет у других участников, в частности у нас.

Выслушав меня, Мейер сказал, что он понимал бы еще, если бы речь шла действительно о региональном пакте, охватывающем только страны, находящиеся в данном районе, но не понимает, почему в этом пакте должна участвовать и Франция.

Я ему на это ответил, что СССР и Франция имеют одинаковый интерес превратить такой региональный пакт в эффективное и реальное орудие мира, а не в фикцию и что для этого требуется и желательно гарантирование пакта со стороны Франции. Участие Франции ни в чем не отягчает положение сторон и не накладывает на участников пакта никаких новых обязательств, кроме уже взятых ими по пакту. Последний определяет роль Франции в отношении нас и Германии совершенно одинаково. Здесь осуществлено стопроцентное равноправие. Эта роль может выполняться Францией лишь в случаях проявления агрессии с нашей или германской стороны. В отношении Германии Мейер считает это исключением. На случай же нашей агрессии Германия от французской гарантии лишь выигрывает. Наме-

---

* См. док. № 327.

ченная нами форма сотрудничества с Францией сохраняет полностью свободу действий и независимости политики обеих наших стран и ничего общего не имеет с формой сотрудничества союзного характера. Если бы Германия присоединилась к Восточному пакту и этот пакт был бы проведен в жизнь, то тем самым были бы обеспечены условия как для нормального развития наших непосредственных взаимоотношений, так и для более тесного международного между нами сотрудничества.

Суриц

Печат. по арх.

408. Соглашение об основах советско-монгольской торговли

1 декабря 1934 г.

Правительство Союза Советских Социалистических Республик и Правительство Монгольской Народной Республики, желая способствовать дальнейшему развитию торговли между обоими Государствами, решили заключить настоящее Соглашение, уполномочив для этого:

Правительство Союза Советских Социалистических Республик:

г. Шалву Зурабовича Элнау, Члена Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик, Заместителя Народного Комиссара Внешней Торговли,

г. Григория Яковлевича Сокольников, Члена Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик,

г. Бориса Спиридоновича Стомонякова, Заместителя Народного Комиссара по Иностранным Дела;

Правительство Монгольской Народной Республики:

г. Гендуна, Председателя Совета Министров, Министра Иностранного Дел,

г. Менде, Министра Торговли и Промышленности,

г. Даши Черил, Заместителя Военного Министра,

которые, по взаимном предъявлении своих полномочий, признанных составленными в должной и надлежащей форме, согласились о нижеследующем:

Статья первая

Правительство Союза Советских Социалистических Республик и Правительство Монгольской Народной Республики утверждают Соглашение, состоявшееся между Народным Комиссарнатом Внешней Торговли Союза Советских Социали-

стических Республик и Министерством Торговли и Промышленности Монгольской Народной Республики о производстве расчетов в советско-монгольском торговом обороте с 1 января 1934 г. по ценам франко-граница, исчисленным в золоте, с переводом золотых цен в тугрики по временному расчетному курсу, установленному специальным заключенным сего числа между обоими Правительствами Соглашением*.

Статья вторая

Правительство Союза Советских Социалистических Республик принимает к сведению, что Правительство Монгольской Народной Республики ставит своей задачей решительное сокращение, в течение ближайших лет, пассивного сальдо своего торгового оборота с Союзом Советских Социалистических Республик путем развития экспорта в Союз ССР и, в частности, расширения вывоза в Союз ССР скота, шерсти и кож.

Правительство Монгольской Народной Республики с удовлетворением принимает к сведению, что хозяйственные организации Союза Советских Социалистических Республик, участвующие в торговле с Монгольской Народной Республикой, обязуются предоставлять монгольским торгующим организациям льготные условия при продаже своих товаров, и что эти льготные условия будут включать предоставленные скидки в 50% с цены ввозимых Союзом ССР в Монгольскую Народную Республику товаров по сравнению с ценами на те же товары, которые существуют в обороте с соседними с Монгольской Народной Республикой восточными рынками.

Статья третья

Настоящее Соглашение вступит в силу со дня его подписания.

Оно составлено в двух экземплярах, каждый на русском и монгольском языках, причем оба его текста имеют одинаковую силу.

В удостоверение всего изложенного, Уполномоченные обеих Договаривающихся сторон подписали настоящее Соглашение в городе Москве 1 декабря 1934 г.

Ш. Элиава
Г. Сокольников
Б. Стомоняков

Гендун
Менде
Даши Черин

Печат. по арх. Опубл. с сокращением в сб. «Советско-монгольские отношения 1921—1966...», М., 1966, стр. 73

* См. сб. «Советско-монгольские отношения 1921—1966...», М., 1966, стр. 82.

409. Соглашение о Советско-Монгольских Смешанных Обществах

1 декабря 1934 г.

Правительство Союза Советских Социалистических Республик и Правительство Монгольской Народной Республики, полагая желательным заключить Соглашение о переоценке основных капиталов Советско-Монгольских Смешанных Обществ и дальнейшей деятельности последних, решили заключить настоящее Соглашение, уполномочив для того:

Правительство Союза Советских Социалистических Республик:

г. Шалву Зурабовича Элнаву, Члена Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР, Заместителя Народного Комиссара Внешней Торговли,

г. Григория Яковлевича Сокольников, Члена Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР,

г. Бориса Спиридоновича Стомонякова, Заместителя Народного Комиссара по Иностранным Делах;

Правительство Монгольской Народной Республики:

г. Гендуна, Председателя Совета Министров, Министра Иностранных Дел,

г. Менде, Министра Торговли и Промышленности,

г. Даши Черип, Заместителя Военного Министра,

которые, по взаимном предъявлении своих полномочий, признанных составленными в должной и надлежащей форме, согласились о нижеследующем:

Статья первая

Правительство Союза Советских Социалистических Республик и Правительство Монгольской Народной Республики соглашаются произвести переоценку основных капиталов Советско-Монгольских Смешанных Обществ «Монголтранс», «Монголшерсть», «Промкомбинат» и «Монгсовбунер» в золотых рублях по установленному расчетному курсу тугрика с тем, чтобы не позднее чем в 6-месячный срок со дня подписания настоящего Соглашения оба Правительства совместно определили бы, какие Смешанные Общества полностью переходят в собственность Правительства Монгольской Народной Республики и, в какие сроки, и на каких прочих условиях возмещаются Правительству Союза Советских Социалистических Республик произведенные им вложения в капиталы этих Смешанных Обществ.

Статья вторая

Правительство Союза Советских Социалистических Республик соглашается, вследствие просьбы Правительства Монгольской Народной Республики, при установлении в золотых рублях капитала Смешанного Общества «Промкомбинат», исходить из условленной суммы своего вложения в «Промкомбинат» в размере 3 млн. тугриков, приняв на свой счет и без компенсаций перерасход против указанной суммы равный 5 млн. тугриков.

Статья третья

Настоящее Соглашение вступит в силу со дня его подписания.

Оно составлено в двух экземплярах, каждый на русском и монгольском языках, причем оба его текста имеют одинаковую силу.

В удостоверение всего изложенного, Уполномоченные обеих Договаривающихся сторон подписали настоящее Соглашение в городе Москве 1 декабря 1934 г.

Ш. Элиава
Г. Сокольников
Б. Стомоняков

Гендун
Менде
Даши Черип

Печать по арх. Опубли. с сокращением в сб. «Советско-монгольские отношения 1921—1966...». М., 1966, стр. 77.

410. Соглашение о советниках, инструкторах и специалистах [между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой]

1 декабря 1934 г.

Правительство Союза Советских Социалистических Республик и Правительство Монгольской Народной Республики, полагая желательным определить порядок приглашения, права и обязанности, а также порядок работы в Монгольской Народной Республике советников, инструкторов и специалистов, командированных Правительством Союза Советских Социалистических Республик по просьбам Правительства Монгольской Народной Республики, решили заключить настоящее Соглашение, уполномочив для этой цели:

Правительство Союза Советских Социалистических Республик:

г. Шалву Зурабовича Элиаву, Члена Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик, Заместителя Народного Комиссара Внешней Торговли,

г. Григория Яковлевича Сокольниковца, Члена Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик,

г. Бориса Смирдоновича Стомонякова, Заместителя Народного Комиссара по Иностранным Делаи;

Правительство Монгольской Народной Республики;

г. Гендуна, Председателя Совета Министров, Министра Иностраннх Дел,

г. Менде, Министра Торговли и Промышленности,

г. Даши Черип, Заместителя Военного Министра,

которые, по взаимном предьявлении своих полномочий, признанных составленными в должной и надлежащей форме, согласились о нижеследующем:

Статья первая

Исходя из желания Правительства Монгольской Народной Республики использовать опыт государственного и хозяйственного строительства Союза Советских Социалистических Республик, Правительство Союза Советских Социалистических Республик соглашается командировывать, по просьбам Правительства Монгольской Народной Республики, советников, инструкторов и специалистов для работы в учреждениях и организациях Монгольской Народной Республики.

Для этой цели оба Правительства признают необходимым установить изложенные в настоящем Соглашении основные положения о порядке приглашения и командирования, а также об общих задачах приглашаемых советников, инструкторов и специалистов, и об их правах, обязанностях и сроках службы.

I Раздел. Порядок приглашения и командирования

Статья вторая

Приглашение советников, инструкторов и специалистов из СССР производится путем подачи заявки Министерством Иностраннх Дел Монгольской Народной Республики через Полномочное Представительство Союза Советских Социалистических Республик в Монгольской Народной Республике Народному Комиссариату по Иностраннх Делаи.

В заявке точно указываются должность, на которую приглашается работник, место работы и вознаграждение.

Статья третья

Не позже, чем через месяц после вручения в Москве соответствующей заявки, Народный Комиссариат по Иностранным Дела́м сообщает через Полномочное Представительство Союза Советских Социалистических Республик в Монгольской Народной Республике, может или нет такая заявка быть удовлетворена. В утвердительном случае Народный Комиссариат по Иностранным Дела́м сообщает фамилии выдвигаемых им кандидатов для утверждения Министерством Иностранных Дел Монгольской Народной Республики.

Не позже, чем через 2 месяца после выдвижения кандидатов, последние должны быть оформлены, причем в процессе оформле́ния одна кандидатура может быть заменена другой, равноценной кандидатурой, с соответствующим утверждением Министерством Иностранных Дел.

Статья четвертая

После указанного выше оформле́ния, каждый командиремый работник заключает типовой договор с Полномочным Представительством Монгольской Народной Республики в Москве и со дня подписания этого договора числится на службе Монгольской Народной Республики, получает содержание и суточные, и должен прибыть в Монгольскую Народную Республику и приступить к исполнению своих обязанностей в обусловленный в договоре срок.

В случае, если после подписания договора наличие особых причин воспрепятствует выезду в Монгольскую Народную Республику приглашаемого работника, последний обязан возвратить полученные им от Полномочного Представителя Монгольской Народной Республики средства через посредство Народного Комиссариата по Иностранным Дела́м.

Статья пятая

Полномочное Представительство Монгольской Народной Республики выдает командиремому подъемные, проездные и суточные на проезд его до границы Союза Советских Социалистических Республик, согласно нормам, существующим в Союзе Советских Социалистических Республик для работников данной категории, командиремых за границу.

2 Раздел. Об общих задачах приглашаемых работников

Статья шестая

Основной задачей приглашаемых в Монгольскую Народную Республику советников, инструкторов и специалистов является консультативная помощь в практической работе учреждений и организаций Монгольской Народной Республики и содействие на практической работе подготовке кадров монгольских работников, способных в дальнейшем вполне самостоятельно руководить участком работы.

3 Раздел. О правах и обязанностях советников, инструкторов и специалистов

Статья седьмая

Советник не имеет никаких административных функций. Его задачей является общая консультация и дача советов по конкретным вопросам, в соответствии с политикой, законами и отдельными решениями Правительства Монгольской Народной Республики.

Советник находится в подчинении руководителя соответствующего учреждения Монгольской Народной Республики и обязан выполнять его распоряжения в пределах заданий, возлагаемых на него настоящим соглашением.

Статья восьмая

Инструктор в своей работе подчинен соответствующему должностному лицу Монгольской Народной Республики, руководящему учреждением, и инструктирует аппарат по поручению руководителя учреждения.

Всю оперативную работу ведет должностной аппарат учреждения Монгольской Народной Республики, включая приглашенных служащих-специалистов.

Статья девятая

Специалисты, приглашенные в Монголию, являются непосредственными исполнителями работы по своей специальности, подчиняются соответствующему руководителю учреждения или предприятия и работают на основе существующих в последних правилах внутреннего распорядка.

Статья десятая

Правительство Монгольской Народной Республики имеет право во всякое время требовать немедленного отзыва советника или инструктора, который в своей работе уклоняется от общих директив, законов и решений Правительства Монгольской Народной Республики.

В случае, если, по мнению соответствующего министерства Монгольской Народной Республики, тот или иной инструктор не обладает надлежащей квалификацией, вопрос о его досрочном отзыве из Монгольской Народной Республики разрешается по согласованию между подлежащим Министерством Монгольской Народной Республики и Полномочным Представительством Союза Советских Социалистических Республик в Монгольской Народной Республике.

Досрочное откомандирование инструкторов производится за счет Союза Советских Социалистических Республик с возвращением Полномочному Представительству Монгольской Народной Республики расходов по приглашению данного лица.

4 Раздел. О сроках службы

Статья одиннадцатая

Срок службы в Монгольской Народной Республике приглашаемых советников, инструкторов и специалистов устанавливается в 3 года с момента подписания договора.

По окончании этого срока советник, инструктор, специалист, по желанию Правительства Монгольской Народной Республики и по согласованию с Полномочным Представительством Союза Советских Социалистических Республик может быть оставлен на службе Правительства Монгольской Народной Республики на срок, обуславливаемый личным соглашением с ним. Все постановления настоящего Соглашения распространяются на весь срок подобной дополнительной работы.

Статья двенадцатая

Приглашаемым Правительством Монгольской Народной Республики, на основе настоящего Соглашения, работникам, а равно и членам их семей, Правительство Союза Советских Социалистических Республик обеспечивает бесплатную выдачу заграничных паспортов.

Статья тринадцатая

Ежегодно советникам, инструкторам, специалистам предоставляется месячный отпуск с сохранением содержания, который, по желанию работника, может комбинироваться за 2 года; Правительство Монгольской Народной Республики оплачивает ему проезд до советской границы и обратно до места работы.

Статья четырнадцатая

В случае связанной с работой потери трудоспособности или в случае смерти приглашаемого работника Правительство Монгольской Народной Республики выдает единовременное вспомоществование в размере 3-месячного оклада самому потерявшему трудоспособность, а в случае смерти — его семье, а Правительство Союза Советских Социалистических Республик берет на себя последующее обеспечение работника или его семьи.

В случае временной потери трудоспособности по болезни, на срок не более 3 месяцев, приглашенный работник продолжает пользоваться от Монгольской Народной Республики содержанием, обусловленным в договоре с ним.

Статья пятнадцатая

По истечении срока службы советники, инструктора и специалисты получают от Монгольской Народной Республики подъемное пособие в размере месячного оклада, стоимость проезда и провоза багажа для себя и для членов семьи по нормам, установленным в Союзе Советских Социалистических Республик для соответствующих категорий командированных за границу.

Статья шестнадцатая

Настоящее Соглашение вступит в силу со дня его подписания.

Оно составлено в двух экземплярах на русском и монгольском языках каждый, причем оба его текста имеют одинаковую силу.

В удостоверение всего изложенного, Уполномоченные обеих Договаривающихся сторон подписали настоящее Соглашение в городе Москве 1 декабря 1934 г.

Ш. Элиава
Г. Сокольников
Б. Стомоняков

Гендун
Менде
Даши Черип

411. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР
Временному Поверенному в Делах СССР в США
А. Ф. Нейману

1 декабря 1934 г.

Уважаемый Алексей Федорович,

Из моей телеграммы из Москвы³⁰⁶ Вы знаете уже о посланном Вам документе. Послан он для того, чтобы выяснить отношение к нему госдепартамента, а если возможно, то и президента Рузвельта.

Вы помните, конечно, что еще в прошлом году я внес в Генеральную комиссию конференции по разоружению предложение о превращении этой конференции в Постоянную конференцию мира*. Было решено передать это предложение на отзыв правительствам. Из частных бесед, однако, выяснилось, что как правительства, так и их делегации в Женеве, затрудняются определить свое отношение к общей идее о Постоянной конференции, не зная, какую форму предполагается ей придать и какие цели перед ней поставить. Это и побудило меня набросать нечто вроде проекта статута будущей конференции. Прежде чем, однако, внести этот проект формально в Совет Лиги наций или же в один из органов конференции по разоружению, я считаю нужным выяснить отношение к проекту некоторых членов Совета, а также Соединенных Штатов Америки. Соответственный зондаж производится мною в настоящее время в Лондоне, Париже, Риме, Праге и Анкаре. Я предполагаю официальные шаги предпринять во время январского заседания Совета Лиги, к каковому времени я надеюсь иметь результат производимого зондажа, когда желательно было бы получить также какой-нибудь ответ из Вашингтона³⁰⁷.

Необходимо разъяснить американцам цели, которые я преследую. Их несколько, но они не связаны между собою, и я не настаиваю на том, чтобы добиться всех целей. Каждой из этих целей соответствуют те или иные статьи проекта устава, так что можно один из этих статей удалить или изменить, не затрагивая остальных.

Упомянутые цели сводятся к следующему: 1) При общем признании невозможности принятия в ближайшее время обязательств по разоружению, ввиду наметившихся угроз со стороны Германии и Японии, нынешняя конференция по разоружению должна формально прекратить свое существование, как это произошло уже фактически. Такой результат сделает невозможным и затруднит созыв второй конференции по разоружению, если для этого будут иметься когда-либо необходимые

---

* Имеется в виду выступление М. М. Литвинова 29 мая 1934 г.; см. док. № 179.

предпосылки. Необходимо, стало быть, создать и новый орган, который мог бы заниматься вновь вопросом разоружения, когда будут лучшие шансы на плодотворную работу, чем теперь. Необходимо, однако, чтобы орган мог, в ожидании наступления этого момента, уже теперь существовать и заниматься актуальными проблемами. Создание Постоянной конференции мира, которая могла бы теперь уже заниматься вопросами безопасности в том числе и о региональных пактах взаимопомощи и т. п., отвечало бы отмеченной потребности; 2) Всемирно признано, что пакт Келлога * имеет тот дефект, что им не предусмотрен какой-либо постоянный орган для консультаций между собою участников пакта, а также констатации нарушений этого пакта. Необходимость такой консультации признается теперь и Америкой и Англией; что же касается других государств, то многие из них и раньше склонялись к этой необходимости. Намеченная Постоянная конференция мира могла бы являться и этим органом консультаций; 3) С ликвидацией конференции по разоружению исчезнет почва для сотрудничества членов Лиги наций и США в вопросах мира. Постоянная конференция мира создает возможность такого постоянного сотрудничества, пока Соединенные Штаты Америки не вступят в Лигу наций. Я полагаю, что шансы этого вступления и в настоящее время весьма невелики. Таковы основные цели. Но побочно можно было бы при отсутствии возражений со стороны членов Лиги наций восполнить некоторые пробелы в самом пакте Лиги наций. Это мне кажется более легким делом, чем изменение самого пакта Лиги. Имеется в виду главным образом трудность принятия решения о санкциях против нарушителей мира. По Уставу Лиги требуется единогласие, а так как имеются государства, которые ни при каких условиях не захотят участвовать в санкциях, то они, естественно, будут всегда срывать единогласие, ибо голосование санкций налагает на них самих участие в таковых. В моем проекте имеются статьи, которые делают возможным общее голосование санкций без того, чтобы из этого вытекало для всех голосовавших обязательство участия в санкциях.

В переговорах на эту тему надо подчеркивать, что авторы проекта не заинтересованы специально с точки зрения интересов своего государства в данном проекте и что они поэтому не могут настаивать на принятии целиком и без изменений всего проекта. Тут возможны и изменения, и поправки, и исключения целых статей, лишь бы только были достигнуты все или хотя бы некоторые из намеченных целей.

Я говорил на эту тему с представителем США в Берне и Женеве Вильсоном. Он явно относится неодобрительно к мо-

---

* См. т. XI, док. № 298.

ему предложению. Его главный мотив: общественное мнение Америки не допустит участия американского правительства в политических вопросах, как безопасность, и это участие не может выходить за пределы проблемы разоружения. Эта точка зрения, однако, не соответствует тому, что мне говорил президент Рузвельт о своем стремлении сотрудничать с нами и с другими государствами в деле обеспечения всеобщего мира*. Это сотрудничество трудно осуществимо вне какой-либо международной организации.

Я пока еще не давал Вильсону документа, но дам его после того, как он будет уже в Ваших руках, и Вы сможете ознакомиться с ним по крайней мере госдепартамент. Результаты Ваших бесед на эту тему прошу телеграфировать в Москву.

Само собой разумеется, что при абсолютно отрицательном отношении Америки ко всей идее мы вряд ли даже будем вносить свой проект в Лигу наций, ибо сотрудничество Америки является одной из основных целей, преследуемых нами.

Литвинов

Печат. по арх.

412. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Председателю Совета Министров и Министру Иностранных Дел Монгольской Народной Республики Гендуну

1 декабря 1934 г., № 1121

Господин Председатель Совета Министров,

Настоящим имею честь довести до Вашего сведения, от имени Правительства Союза Советских Социалистических Республик, нижеследующее:

Мероприятия хозяйственных организаций Союза Советских Социалистических Республик, предпринятые в соответствии с решениями Правительства Монгольской Народной Республики и выразившиеся в проведении усиленного завоза товаров в Монгольскую Народную Республику в целях удовлетворения потребностей аратства и содействия экономическому укреплению Монгольской Народной Республики, привели в 1934 г. к установлению в Монгольской Народной Республике нормального товарооборота и к значительному снижению цен частного рынка.

Этот усиленный завоз советских товаров превысил по своей стоимости вывоз из Монгольской Народной Республики в Союз Советских Социалистических Республик и привел к об-

* См. т. XVI, док. № 370.

разованию крупной коммерческой задолженности Монгольской Народной Республики Союзу Советских Социалистических Республик. На 1 января 1934 г. Внешторгбанк Союза Советских Социалистических Республик имел на своем балансе задолженность Монголбанка в сумме 39 000 000 руб. при задолженности Внешторгбанка Союза Советских Социалистических Республик Монголбанку в сумме 9 600 000 руб.

Учитывая просьбу Правительства Монгольской Народной Республики о возможном сокращении задолженности Монголбанка, Правительство Союза Советских Социалистических Республик, руководствуясь своей готовностью оказать действительную помощь хозяйственному укреплению дружественной Монгольской Народной Республики, борющейся с неизбежными начальными трудностями государственного строительства, и желая дать новое доказательство своего дружественного отношения к монгольскому народу, настоящим соглашается принять на себя полное и безвозмездное погашение задолженности Монголбанка Внешторгбанку Союза Советских Социалистических Республик, образовавшейся на 1 января с. г. в сумме 29 400 000 тугриков.

Примите, Господин Председатель Совета Министров, уверение в моем высоком к Вам уважении

Б. Стомоняков

Печат. по арх. Опубл. с сокращением в сб. «Советско-монгольские отношения 1921—1966...». М., 1966, стр. 75—77

В ответном письме Гендуна от 1 декабря 1934 г. Б. С. Стомонякову говорилось:

«Выражаю Вам глубокую признательность и благодарность от имени Правительства Монгольской Народной Республики за Ваше письмо от 28 ноября * 1934 г. — отмечаю:

1) В настоящее время, благодаря тому, что Советский Союз, являющийся нашей незыблемой опорой и искренним другом, оказывал огромную помощь в деле удовлетворения потребностей аратства Монгольской Народной Республики товарами: имеется налицо значительная насыщенность рынка товарами и достигнуты в стране нормальный товарооборот и значительное снижение цен частного рынка, что и полностью подтверждаю.

2) Выражаю глубокую благодарность за то, что Правительство Советского Союза, в целях оказания содействия в деле непрерывного укрепления национальной независимости нашей Монголии и всемерному хозяйственному развитию ее, в части коммерческой задолженности Монгольской Народной Республики Советскому Союзу, выражавшейся на 1 января 1934 г. в сумме 39 000 000 тугриков, при задолженности Советского Союза в сумме 9 600 000 тугриков согласилось принять на себя полное и безвозмездное погашение задолженности Монгольской Народной Республики Советскому Союзу, образовавшейся на 1 января 1934 г. в сумме 29 400 000 тугриков.

* Так в тексте; указанное письмо Б. С. Стомонякова датировано 1 декабря 1934 г.

3) Выражаю глубокую признательность от имени Правительства и аратства за оказанную нам огромную, реальную помощь Правительством Советского Союза и считаю ее как залог дальнейшего неослабного укрепления дружественных отношений между Правительствами обеих стран, что она является свидетельством того, что СССР помогает и в дальнейшем неизменно будет помогать делу независимости Монголии».

413. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии Б. Е. Штейна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

1 декабря 1934 г.

Хаксель заявил мне, что он «очень охотно поехал бы с визитом в Москву, но ждет некоторого успокоения умов». Хотя он этим намекал на газетную полемику за последние дни, но дело совсем не в этом. Мне передал Тамаро *, что Хаксель сказал ему о состоявшемся решении кабинета и президента о его поездке, но, что, дескать он выжидает назначения нового полпреда. Из достоверного источника мне известно, что Хаксель лично всячески саботирует поездку. Возможно также, что своей тактикой он пытается получить наше официальное приглашение до того, как сам заявит официально о желании поехать в Москву. Приведенные мною вначале его слова я не могу рассматривать как таковое заявление, ибо они были сказаны вскользь. Во время прощального визита у Кивимяки последний сказал мне, что финляндское правительство озабочено проблемой необходимости улучшения финско-советских отношений и намерено в этом плане предпринять шаги. Свинхувуд сказал, что он и финляндское правительство ценят наши усилия улучшить отношения и будут впредь работать в этом направлении. Я сказал Свинхувуду и Кивимяки, что если с их стороны будет искренне протянута рука, она не повиснет в воздухе. Промышленники по-прежнему нажимают на Хакселя и торопят с поездкой **.

Буду в Москве 5 декабря.

Полпред

Печат. по арх.

* См. док. № 332.

** См. док. № 400, 442.

414. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякова с Посланником Дании в СССР Энгелем

3 декабря 1934 г.

Энгель ездил лечиться и на обратном пути из Чехословакии «по дороге заехал в Данию», где имел большую беседу с Мунком.

Мунк выражал удивление тем, что советская пресса изумлена неучастием Дании в приглашении СССР в Лигу наций *. Он рассказал Энгелю, что в общем приглашении Дания не участвовала исключительно по причинам формального характера; причем предложение о неучастии исходило не от Финляндии, а от Норвегии. Соображения, которые при этом были выдвинуты и которые Энгель «считает, впрочем, идиотскими», заключаются в том, что когда Скандинавские страны участвовали в приглашении Турции и Мексики, то это происходило на основе единодушного решения Ассамблеи Лиги наций. Теперь-де, мол, поскольку было заранее известно, что по крайней мере одна держава — Швейцария — не будет голосовать «за», вопрос не мог быть рассмотрен и решен Ассамблеей. Норвежцы при этом указывали, что члены Лиги наций, и в особенности малые государства, должны строго придерживаться Статута Лиги наций и требовать, чтобы все решения принимались внутри Лиги наций, а не вне ее. «Таким образом,— сказал Энгель,— видно, что за этим решением четырех держав не скрывалось никаких антисоветских мотивов».

Энгель сказал, что ему известен и другой источник нашего недовольства Данией — дискуссия, которая ведется в Скандинавских странах относительно укрепления Эрезунда. Действительно, такой проект существует и поддерживается консервативными кругами Швеции и Дании. Однако находящаяся у власти в Дании радикальная социалистическая партия выступает против него, против него высказался премьер-министр Стауинг, а также министр иностранных дел Мунк. Стауинг при этом в публичной речи в начале ноября выступил решительно против этого проекта, и так как круги, которые выступают за этот проект, невлиятельны, на всю историю с укреплением Эрезунда не следует обращать внимания **.

Сближение между четырьмя северными странами, включая Финляндию, также не направлено против СССР. Всем известно, что Финляндия воевала с СССР и что воспоминания об этой войне неблагоприятно действуют на финско-советские сношения, но позиция Финляндии не имеет ни малейшего вли-

* См. док. № 371.

** См. док. № 419.

яния и отношения Скандинавских стран с СССР, и в особенности на политику Дании.

Энгель выступал с жаром и волнением, и речь его производила впечатление большой искренности. Он говорил о желании Дании поддерживать хорошие отношения с СССР и указывал, что за все эти годы не было случая ухудшения отношений между обеими странами. Энгель просил учесть, что Дания не помышляла и не может помышлять вести какую-нибудь антисоветскую политику или принимать участие в каком-нибудь блоке против СССР, это-де, мол, было бы чистой авантюрой, а у Дании авантюра было достаточно в прошлом, и она не хочет новых.

В ответ Б. С. Стомояков указал, что наши отношения с Финляндией действительно оставляют желать много лучшего, но не в результате войны, которая когда-то велась между нами, а исключительно вследствие наличия в Финляндии агрессивных тенденций по отношению к СССР. Эти тенденции расцвели пышным цветом за последние два-три года в связи с приходом Гитлера к власти в Германии и обострением положения на Дальнем Востоке. Финские националисты лишены чувства юмора и мечтают о крупных завоеваниях, об отторжении от СССР значительных территорий. Наиболее скромные из них соглашаются ограничиться Карелнией и Ингерманландией; менее скромные хотят присоединить к этому Ленинград и всю европейскую Россию до Урала; совершенно большие люди, наконец, утверждают, что советские земли до самого Алтая являются по существу финскими. (Энгель хохотал, показывая иронически на голову.) Что касается Скандинавских стран, то известия о том, что Финляндия оказывает на них внутри четверного блока в антисоветском направлении, действительно произвело неблагоприятное впечатление на наше правительство и общественные круги. Это впечатление усилилось с тех пор, как в прессе Скандинавских стран открыто началась дискуссия по вопросу об образовании четверного военного союза против СССР*. В пользу такого союза высказываются влиятельные представители военных кругов Швеции и видные представители правого лагеря в Дании. Самый факт этой дискуссии омрачает наши отношения.

Энгель простраио и взволнованно говорил, что это действительно очень печально, но не следует придавать серьезного значения этим выступлениям датских правых элементов.

Б. С. Стомояков сказал, что мы не преувеличиваем значения этой дискуссии и не преувеличиваем опасности, заключенной в существовании такого блока, но мы очень жалеем, что все эти факторы бросили тень на наши отношения,

---

* См. док. № 405.

которые действительно были наилучшими, в особенности отношения с Данией, с которой у нас не было и нет никаких противоречивых интересов и конфликтов.

Записал Г. Шмидт

Печат. по арх.

415. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
4 декабря 1934 г.*

На основании разговора с Макдональдом, Саймоном, Норманом Дэвисом и Корбенем (французский посол в Англии), которого я видел сегодня на приеме у Саймона, могу сообщить следующее: 1) Речь Болдуина в парламенте 28 ноября является началом большой политической акции со стороны британского правительства. План намечен примерно такой: Англия и Франция признают, если не де-юре, то де-факто уровень германских вооружений, а Германия возвращается в Лигу наций и принимает участие в Восточном пакте. В проведении этого плана могут встретиться трудности как со стороны Франции, так и со стороны Германии, но британское правительство, по-видимому, надеется, что в конечном счете ему удастся наладить какой-либо компромисс (который, впрочем, возможно, будет значительно отличаться от нынешнего плана). Из беседы с Саймоном было совершенно ясно, что англичане готовы поддержать Восточный пакт лишь постольку, поскольку его хотят французы, а от разговора с Корбеном у меня осталось впечатление, что при известных условиях сговор между Парижем и Лондоном на базе британского плана не невозможен. 2) Официального демарша в Варшаве с поддержкой Восточного пакта британское правительство до сих пор не делало*, но сегодня на приеме Саймон в беседе с польским послом указал ему на желательность заключения такого пакта. Саймон интересовался также нашей оценкой возможности реализации пакта**. 3) Морские переговоры на мертвой точке***, но в самые последние дни японские делегаты, не делая пока никаких конкретных уступок, обнаруживают несколько больше миролюбивое настроение.

Перешлите в Женеву

Майский

Печат. по арх.

* См. док. № 401.

** См. док. № 417, 418.

*** См. док. № 399.

416. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы

*Немедленно
5 декабря 1934 г.*

На сегодняшнем ультрасекретном заседании Совета Лиги наций Лаваль подробно рассказал о своем последнем свидании с германским послом и об усилиях, которые он, Лаваль, делает для смягчения франко-германских отношений, как он влияет на французскую прессу для прекращения полемики с германской и как он просил Гавас не передавать французской печати враждебных Фрации заголовков германской прессы. В разговоре со мной Лаваль также не скрывал своей озабоченности улучшением отношений с Германией якобы во избежание того, чтобы Германия, доведенная до отчаяния, не решилась на безрассудные шаги. В то же время Лаваль заверяет меня, что ни в коем случае он не пойдет на соглашение, направленное против нас, и что целью его политики является не только обеспечение мира между Германией и Фрацией, но и между Германией и СССР. Визиту Риббентропа* он не придает никакого значения, не считая его вообще способным на серьезные переговоры.

Сегодня мы согласовали с Лавалем и Баржетоном наши поправки и контрпоправки к протоколу**.

Литвинов

Печат. по арх.

417. Протокол [между Союзом Советских Социалистических Республик и Французской Республикой по вопросам, касающимся переговоров о Восточном пакте]

[5 декабря 1934 г.]

Министр Иностранных Дел Французской Республики и Народный Комиссар по Иностранным Делах Союза ССР, обменявшись в Женеве мнениями о ходе переговоров о заключении Восточного пакта***, инициативу которого взяли на себя их Правительства, констатировали общую решимость обоих Правительств добиваться заключения намеченных международных актов. В момент, когда начатые переговоры вступают в более активную фазу, они согласились взаимно обязаться от имени своих Правительств придерживаться следующей позиции:

* Имеется в виду его визит во Францию; см. газ. «Известия», 17 ноября 1934 г.

** См. док. № 417.

*** См. док. № 397, 398.

1) В своих сношениях с Правительствами, приглашенными участвовать в пакте и, в особенности, с теми из них, которые до сих пор не выразили своего принципиального согласия присоединиться к пакту, оба Правительства не согласятся на переговоры, которые имели бы целью заключение ими многосторонних или двусторонних соглашений, могущих нанести ущерб подготовке и заключению Восточного регионального пакта или соглашений, с ним связанных, или заключение соглашений противных духу, которым руководствуются оба Правительства.

2) В этих целях каждое из двух Правительств будет информироваться другим о всяком предложении, способном иметь подобное значение, сделанном ему одним из имеющихся в виду Правительств, каким бы путем подобное предложение ни было сделано.

Эти обязательства будут действительны на весь период текущей дипломатической акции или всяких других последующих акций, которые, исходя из той же общей концепции и из той же цели, могли бы ее заменить. Оба Правительства обязуются не отказываться от этих акций иначе как в случае признания, по обоюдному согласию, бесполезности дальнейшего их продолжения. В подобном случае они будут взаимно совещаться по вопросу о новых заверениях, которые они сочтут уместным дать друг другу, исходя из того же духа и преследуя ту же цель.

Оба Правительства убеждены, что подобная гарантия преемственности и действительности франко-советского дипломатического сотрудничества будет содействовать успеху текущих международных переговоров и будет в то же время вообще способствовать усилению духа взаимного доверия в отношениях между Правительствами обеих стран.

В удостоверение чего, нижеподписавшиеся, надлежаще уполномоченные своими Правительствами, подписали настоящий Протокол.

Пьер Лаваль

Максим Литвинов

Женева, 5 декабря 1934 г.

Печат. по арх. Опубли. в «Сборнике действующих договоров...», вып. VIII, М., 1935, стр. 22—23.

418. Заявление Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова представителю ТАСС в Женеве о советско-французском протоколе от 5 декабря 1934 г.*

5 декабря 1934 г.

Только что подписанное соглашение является прежде всего доказательством прочности и неизменности курса, взятого правительствами СССР и Франции на дальнейшее взаимное сближение и международное сотрудничество в интересах мира.

Оно, далее, говорит, что, впрочем, засвидетельствовано в самом тексте соглашения, о твердой решимости обоих правительств прилагать дальнейшие усилия к реализации намеченного ими Восточного пакта, который они продолжают считать существенным и незаменимым фактором стабилизации мира в Европе. На это специально указывают принятые на себя обоими правительствами обязательства не давать вовлечь себя в переговоры о заключении каких бы то ни было соглашений, которые, претендуя занять место Восточного пакта, на самом деле могли бы сорвать те цели, которые последний себе ставит, или вообще сделать невозможным этот пакт, или ослабить его значение. Это значит, что как Франция, так и СССР признают, что нет в настоящее время возможности создать более эффективные гарантии или хотя бы даже другие такие гарантии, какие предоставлял бы Восточный пакт.

Подписанное соглашение должно также показать кому следует бесплодность попыток совлечь СССР или Францию с намеченного ими пути, ведущего к Восточному пакту, попыток, которые при отсутствии данного соглашения способны были бы только сеять недоверие между обеими странами, ничего не давая по существу ни той, ни другой стороне в качестве гарантии стабильного и всеобщего мира в Европе.

Существующие в настоящее время угрозы миру не могут быть устранены субъективными заявлениями, хотя бы самого пацифистского свойства, тех или иных государственных деятелей, в особенности когда этим заявлениям противостоят устные или письменные, старые или новые, или вновь повторяемые, или вновь распространяемые заявления противоположного характера. Нужны совершенно объективные, осязательные, материальные гарантии, для того чтобы все народы могли спокойно существовать и продолжать свою внутреннюю созидательную работу.

Само собой разумеется, что заключенное теперь соглашение отнюдь не исключает иных соглашений между СССР и Францией теперь же или в случае, если Восточный пакт по причинам, не зависящим от возобновляемых ими усилий, не

* См. док. № 417.

осуществится. Никаких ограничений для двусторонних соглашений между СССР и Францией протокол от 5 декабря не содержит.

Во всяком случае, какие бы соглашения ни были заключены между этими двумя странами, стремящимися не к чему иному, как к упрочению своей собственной безопасности и всеобщего мира, эти соглашения никогда не будут направлены против интересов других стран, если из этих интересов исключить агрессию. Я глубоко убежден, что присоединение к этим соглашениям других стран сделало бы взаимоотношения между всеми участниками этих соглашений одинаковыми — и в лучшем смысле этого слова.

В частности, СССР никогда не переставал желать иметь наилучшие всесторонние отношения с Германией. Таково же, я уверен, и стремление Франции в отношении Германии. Восточный пакт сделал бы возможным создание и дальнейшее развитие таких отношений между этими тремя странами, равно как и между другими участниками пакта, и внес бы то успокоение в международное положение, которого жаждут народы Европы и Северной Америки.

Тем временем новое франко-советское соглашение будет, несомненно, противодействовать хотя бы дальнейшему усилению существующего беспокойства, ибо необходимо понять, что значение этого соглашения не исчерпывается периодом дипломатической акции, связанной с Восточным пактом.

Подписанное в Женеве соглашение вполне соответствует тем мероприятиям, которые, как, например, только что законченное разрешение Саарского вопроса *, имеют единую цель — охрану мира.

*Печат. по газ. «Известия» № 267 (5535),
3 декабря 1934 г.*

419. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланиемк Данин в СССР Энгелем

5 декабря 1934 г.

Энгель начал с того, что лично повторил соболезнование по поводу убийства т. Кирова, выраженное им в письменной форме.

Далее он перешел к тому разговору, который у меня был с ним в сентябре месяце, в связи с вступлением нашим в Лигу наций. Как известно, тогда 4 Скандинавских государства не

---

* См. также док. № 423.

присоединились к посланному правительству СССР приглашению вступить в Лигу наций, а ограничились заявлением о том, что они будут голосовать на общем собрании Лиги наций за принятие СССР в члены Лиги. Тогда в разговорах со мной и т. Стомоняковым он почувствовал, что мы рассматриваем такое поведение Дании, как недружелюбный акт. Будучи теперь во время отпуска в Копенгагене, он лично говорил с Муунком, и тот заверил его, что все три Скандинавских государства — Дания, Швеция и Норвегия, а персонально он, Муунк, Сандлер и Мувинкель * относятся к Советскому Союзу с величайшим дружелюбием и ни к каким враждебным шагам против СССР никогда не присоединятся.

Я шутя сказал Энгелю, что, очевидно, в таком случае три перечисленных им государства находились под влиянием четвертого — Финляндии.

Энгель с необычной для него живостью заявил, что Финляндия не оказывает никакого влияния на внешнюю политику Балтийских государств, что их связывают не вопросы отношений с СССР.

Я спросил, что же тогда связывает Данию, Швецию и Норвегию с Финляндией?

Энгель ответил: некоторая общность культуры между Швецией и Финляндией и некоторая общность в гражданском законодательстве всех четырех стран.

Я удивился упоминанию о культурной общности между Финляндией и Швецией. Если в те времена, когда Финляндия входила в состав Российской империи, шведская часть населения Финляндии занимала довольно привилегированное положение и пользовалась значительным влиянием в тогдашней Финляндии, то теперь дело обстоит наоборот. Ведь теперь шведское население в Финляндии представляет из себя меньшинство, не играющее большой роли в правительстве. Я не думаю поэтому, чтобы наличием в Финляндии шведского меньшинства можно было объяснить политическое сближение между Финляндией и другими Скандинавскими странами. Тут, очевидно, есть другие причины.

Энгель признал, что в настоящее время в Финляндии идет известная борьба против шведского языка и против шведской культуры, что по новому положению в Гельсингфорском университете запрещено чтение лекций на шведском языке, но по-прежнему настаивал на том, что Финляндия не оказывает никакого антисоветского влияния на другие Скандинавские страны.

---

* Соответственно министры иностранных дел Дании, Швеции и Норвегии.

Так как Энгель в самом начале разговора сказал мне, что он был за пару дней перед тем у т. Стомонякова и что они подробно беседовали на эту тему*, то мы не продолжали этого разговора, оставшись каждый при высказанных им взглядах.

Н. Крестинский

Печат. по арх.

**420. Письмо Полномочного Представителя СССР в Швеции
Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел
СССР Б. С. Стомонякову**

5 декабря 1934 г.

Дорогой Борис Спиридонович,

Ваши указания и соображения т. Тихменеву являются базой для нашей здешней ориентации и политики на данный отрезок времени**.

Как я уже сообщала Вам телеграфно³⁰⁸, Сандлер вызвал меня к себе 27 ноября и в весьма взволнованной и, по-видимому, искренней форме поставил вопрос, что означают статьи в советской прессе о военном скандинавском блоке?*** Чем они вызваны и откуда могли поступить такие ни на чем не основанные, нелепые инсинуации? Я ответила ему, что причиной, послужившей поводом к таким заключениям в Союзе, является сама скандинавская пресса, дававшая за последнее время много поводов к подобным выводам, например обсуждение укрепления Эрезунда, слова того же генерала де Шена**** и т. п. Сандлер стал доказывать, что все эти источники абсолютно не носят официального характера и не исходят от кабинета, что в Швеции, конечно, имеются группы с военно-активистскими настроениями, но что их «голоса тонут» в общем твердом и незыблемом миролюбии Швеции и незыблемой политике данного кабинета сохранить нейтральность Швеции. Ни о каком военном блоке речи нет и быть не может ни между скандинавами, ни тем более между Скандинавией и Финляндией. Он просит в самой категорической форме передать это НКВД. Сандлер несколько раз подчеркивал, что такого рода сведения сеются «какой-то третьей стороной, которая заинтересована портить дружественные отношения между СССР и Швецией и сеять «недоверие» друг к другу».

Сандлер категорически утверждал, что общая линия политики Швеции остается неизменной, т. е. политика данного ка-

* См. док. № 414.

** См. док. № 405.

*** См. газ. «Известия», 12 ноября 1934 г.

**** См. док. № 391.

бинета за безусловное сохранение нейтралитета. Кабинет ведет работу по закреплению единства всех трех Скандинавских стран именно в этом направлении, в противовес тем элементам в каждой стране, которые пытаются сдвинуть Скандинавию на другие рельсы. Сотрудничество скандинавов существует только на этой почве, что он просит передать Советскому правительству.

Я указала Сандлеру, что очень рада услышать от него такого рода заявление, но что меня и мое правительство в таком случае очень удивляет, чем же объяснить сепаратное выступление скандинавов в момент приглашения Союза в Лигу наций. Выступление к тому же совместное с Финляндией, чья агрессивная политика общезвестна. Именно в этот момент, когда вопрос шел о приглашении Союза в Лигу наций, скандинавы, как всегдашние защитники мира, должны были бы особенно оказать поддержку вхождению Союза в Лигу наций*.

Сандлер заволновался и долго развивал передо мной те формально уставные соображения, вследствие которых скандинавы решили передать приглашение Союзу через дипломатических представителей, что, по его убеждению, в наиболее отвечающей престижу Союза форме обставляло это приглашение. (Союз знал заранее, кто будет за него голосовать.) Он, как председатель собрания, вместе с французами очень упорно поработал над приглашением Союза и над формой вхождения, не задевающей престиж Союза, и ему весьма неприятно и горько, что в Москве шаг Швеции был истолкован как раз не теми намерениями, какими он был продиктован.

Я еще раз указала Сандлеру, что все же факт этот оставил по себе в Москве горький след и что если в нашей прессе и проявляется несколько иной тон большей осторожности к Швеции, чем было раньше, то до известной степени шведы должны понять, что это не совсем без их собственной вины. Выступление скандинавов совместно с Финляндией как бы дало «особую окраску» этому выступлению.

«Для нас,— ответил на это Сандлер,— непонятно, почему в Москве так боятся сближения на данном этапе и при данной политической обстановке скандинавов и Финляндии? Основная задача шведской политики — это сохранение нейтральности Скандинавии при всяких военных осложнениях». Исходя из этого, он развивал положение, что сотрудничество Финляндии со скандинавами означало бы только победу и закрепление в финляндской политике тех элементов, которые тоже стоят за мир, за нейтральность и противятся лапуаским и другим нелепо агрессивным настроениям. Вовлечение Финд-

---

* См. док. № 404.

ляндии в подобное сотрудничество, если бы оно имело место, по мнению Сандлера, Москва должна была бы рассматривать как факт не отрицательного, а положительного характера. Сандлер развивал мысль, что усиление влияния шведской политики «данного кабинета» (про данный кабинет Сандлер многократно подчеркивал) на Финляндию, несомненно, давало бы опору тем группам в Финляндии, которые не хотят быть вовлечены в одну из тех европейских группировок, чья политика усиливает опасность войны. Сандлер настойчиво просил меня передать Москве эту его мысль, давая понять в своем изложении, что кабинет Пер Альбин Хансена является врагом агрессивных элементов как финских, так и своих отечественных.

На прощание Сандлер с необычной для него теплотой сказал, что в такой напряженной мировой обстановке социал-демократический кабинет Швеции меньше всего желал бы, чтобы между ним и Союзом существовали бы недоразумения, и что он надеется, что перед лицом опасностей, которые могут угрожать и им и нам, дружественность обеих стран останется неизблемой. (Намек на мировой фашизм.) Сандлер в первый раз взял такой тон и сделал в беседе со мной такого рода заключение.

Сандлер просил меня также переслать в Москву речь его заместителя проф. Ундена, которая, как Вам, вероятно, известно из прессы, в весьма дружественной форме от лица Швеции приветствовала вхождение Союза в Лигу наций *.

В конце беседы Сандлер задержал меня по «особому вопросу». Он сказал, что в Стокгольме приехал из Союза шведский военный атташе, который горько жаловался, что по отношению к нему не соблюдаются «моменты взаимности», что в то время, как военное ведомство в Швеции всячески идет на встречу советскому военному атташе, которому, по его особому настоянию, показали даже крепость в Карлсруне, шведского военного атташе ставят в особо неблагоприятное положение и ему не удалось даже повидать военные училища.

Я объяснила Сандлеру, что, очевидно, некоторая сдержанность по отношению к военному атташе Швеции вызвана как раз теми же причинами, о которых мы сегодня с ним беседовали, и еще раз подчеркнула, что высказывания в прессе мыслей подобно генералу де Шену не способствует, во всяком случае, рассеиванию известного «холодка». Я прибавила также, что как раз в этот же день наш военный атташе находится у адмирала Любека по поводу весьма неприятного инцидента, связанного с полетом шведских летчиков над нашими военными судами во время летних их маневров.

---

* См. также док. № 391.

Сандлер сказал, что ему по этому делу ничего не известно и что он еще раз просит учесть, что после нашей сегодняшней беседы и его твердых заверений в дружественности кабинета и в неизменности политики Швеции оставаться вне всяких блоков, могущих нарушить нейтральность Швеции, он надеется, что отношение к шведскому военному атташе будет изменено в духе проведения всегдашней дружеской взаимности.

На статьи, помещенные в нашей советской прессе по поводу северного блока, отклики в шведской прессе были весьма сдержанные, что НКИД мог видеть из наших «обзоров печати». Однако ярко германофильская «Аллеганда», ведущая наступательную политику на кабинет Хансена и всегда ищущая повод задеть СССР, учуяла, что вокруг карельского вопроса выгодно разжигать сенсационные слухи, «разоблачать» Союз, и угрожать кабинету Хансена за то, что своей политикой поддержки Союза в Женеве они «дали своего рода санкцию той политической системе (т. е. Союзу), которая выражается в угнетении и порабощении карелов». «Аллеганда» угрожает, что при такой политике Сандлера, «выступающего гарантом СССР», «лояльности» шведских патриотов есть предел.

Разумеется, для шведской общественности не секрет, что «Аллеганда» куплена немцами, за что ее редактора союз публицистов снял с поста председателя, и ее голос есть голос весьма определенной клики, не поддерживаемой большой и серьезной прессой.

Я бы сказала, что «счастливые времена» наивной гармонии шведской общественности — позади. Чувствуется борьба различных тенденций в политике Швеции не только по линии борьбы между нашими друзьями и буржуазной общественностью. И на этот момент нам надо обратить серьезное внимание и соответственно использовать. Так как ясно, что для нас не безразлично, какая тенденция будет усиливаться: те ли элементы, которые тянутся к Германии и активизму, или те, кто пока видит спасение в устремлении на Англию — «этот оплот демократизма» (против фашизма, как здесь инаивно говорят) и «европейского равновесия».

Трагическое событие в Ленинграде и отклики печати на жестокую утрату Сергея Мироновича в шведской прессе весьма полно изложены в наших обзорах печати. Надо отметить, что официоз вел себя весьма прилично, помещал сообщения ТАСС целиком и, передавая «сенсации», оговаривал, что ко всякого рода подобным сообщениям следует относиться с полной осторожностью. Помещая вздорный слух о «восстаниях», «о заговорах» и пр., «Социалдемократен» тут же помещал слух из другого источника, опровергающий первый.

Очень жалко только, что нам — полпредству или ТАСС — не были даны своевременные сообщения о событиях. Мы могли бы, безусловно, оказать влияние на тон некоторых газет. Почему нас своевременно не информируют? Раньше это делалось. Это, безусловно, важно и полезно.

На днях была на приеме у премьера. Давали обед французскому посланнику Кампана. Имела беседу с Патерно (итальянец), который все агитирует за «треугольник»: СССР — Франция — Италия.

Датский посланник (у меня на обеде) передавал мне «большое огорчение» Мунка, что сепаратное выступление скандинавов в связи с Лигой наций было понято «совершенно ошибочно»*.

С коммунистическим приветом

А. Коллонтай

Печат. по арх.

421. Письмо Полномочного Представителя СССР в Афганистане Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

5 декабря 1934 г.

Уважаемый Максим Максимович,

Сегодня был у меня с визитом приехавший из Индии японский военный агент в Дели полковник Х. Анхара. Он приехал, по его словам, «в гости» к японскому посланнику М. Китада и предполагает пробыть в Кабуле с неделю. Нужно отметить, что его предшественник на посту военного агента в Дели уже приезжал однажды в Кабул в апреле прошлого года.

Я поинтересовался, какие японские представительства вообще имеются в Индии. Полковник Анхара сообщил мне, что имеется японское генеральное консульство в Калькутте и консульство в Бомбее. В Дели же находится только он и его официальное положение — японский военный агент при штабе индийской армии. Военных агентов других государств при штабе индийской армии нет.

В процессе беседы зашла речь о последней новости, о решении японского правительства расторгнуть Вашингтонское соглашение**. Полковник Анхара заявил, что это давно было решено и что в основе этого шага японского правительства лежит стремление к сокращению морских вооружений, которые очень тяжело ложатся на плечи японского народа (!). На

* См. док. № 414.

** См. «Вашингтонская конференция по ограничению морских вооружений, тихоокеанским и дальневосточным вопросам 1921—1922», М., НКВД, 1924, а также т. IV, прим. 38.

мое замечание, что это может стимулировать только усиление гонки вооружений, а никак не их сокращение. Анхара заявил следующее: «В гонке морских вооружений заинтересована только Америка, которая спит и видит войну с Японией. Но это нас очень мало беспокоит. Во-первых, в Америке все более усиливается экономический кризис. Во-вторых же, Англия совершенно не заинтересована в усилении американского флота и будет оказывать на САСШ соответствующее давление. В силу всего этого японское правительство не видит оснований особенно тревожиться из-за этого вопроса».

Я полагаю, что приезд в Кабул японского военного агента следует поставить в связь с тем интересом, который проявляют японцы к афганской армии. Между прочим, я задал полковнику Анхара вопрос, не входят ли теперь также и Афганистан в сферу его деятельности. Он уклонился от определенного ответа на этот вопрос, но и не ответил отрицательно*.

С товарищеским приветом

Полномочный Представитель СССР в Афганистане
Л. Старк

Печат. по арх.

422. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике С. Е. Чуцкаеву

5 декабря 1934 г.

Сообщаю для Вашего сведения, что 1 декабря были подписаны с монгольской делегацией следующие документы: 1) Соглашение о советниках, инструкторах, специалистах**. Утвержденный инстанцией проект Вам был послан ранее. 2) Соглашение об основах советско-монгольской торговли о производстве расчетов в торговом обороте между СССР и МНР с 1 января 1934 г. по ценам франко-граница, исчисленным в золоте с переводом золотых цен в тугрики по временному расчетному курсу тугрика**. 3) Соглашение о смешанных обществах, включающее в себя: а) переоценку основных капиталов Монголтранса, Монголшерсти, Промкомбината и Монсовбунера, б) определение порядка и сроков перехода их в собственность монгольского правительства в течение шести месяцев, в) определение капиталовложений СССР в Промкомбинат в 3 млн. тугриков и принятие на счет СССР перерасхода

* См. док. № 406.

** См. соответственно док. № 410, 408.

этой суммы *. 4) Соглашение о временном расчетном курсе тугрика в 30 золотых копеек **.

Кроме этого состоялся обмен письмами между мною и Гендуном о сокращении коммерческой задолженности МНР на 1 января 1934 г. в сумме 29 400 000 тугриков ***.

Копии всех документов будут посланы Вам с ближайшей почтой.

Стомоняков

Печат. по врл.

423. Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на заседании Совета Лиги наций

6 декабря 1934 г.

Так называемая саарская проблема прежде всего представляет исключительный интерес, как я уже отметил раньше ****, для двух великих народов. В несколько меньшей степени она затрагивает страны, подписавшие Версальский договор, вызвавший этот вопрос в жизнь,— страны, которые несут ответственность за этот договор. Что касается других представленных здесь государств, как например, Советского Союза, то саарский вопрос их затрагивает только как членов Совета, несущих известную ответственность за его решения и за влияние этих решений на общую проблему мира. С этой точки зрения мне вряд ли необходимо мотивировать мое полное согласие с теми рекомендациями «комитета трех» ***** , которые основаны на соглашении, достигнутом между обоими заинтересованными народами.

Однако имеется ряд вопросов, которые не могут не явиться предметом большой заботы всех членов Совета; к числу их относится судьба саарского населения, которая до сих пор была вверена Совету Лиги. К счастью, приближается время, когда саарский народ получит возможность взять свою судьбу в собственные руки. Право народов распоряжаться своей собственной судьбой, самим определять свою государственную принадлежность было одним из великих принципов, провозглашенных Советским правительством с самого начала его существования, принципом, на основе которого Советский Союз заключил не одно международное соглашение. Этим правом примерно через месяц воспользуется саарский народ. Мы дол-

* См. док. № 409.

** См. сб. «Советско-монгольские отношения 1921—1966...», М., 1966, стр. 83.

*** См. док. № 412.

**** См. газ. «Известия», 6 декабря 1934 г.

***** См. газ. «Известия», 7 декабря 1934 г.

жны будем подчиниться тогда решению, которое он примет путем свободного беспрепятственного плебисцита.

Когда, однако, мы говорим о праве на самоопределение, мы обычно имеем в виду право населения данной территории присоединиться к тому или иному государству или самому образовать суверенное государство. Если бы саарский народ имел перед собой только эти возможности, мы могли бы сказать, что, каково бы ни было решение, оно явилось бы окончательным и освободило бы Совет от всякой заботы о судьбе этого народа. К сожалению, особенности данного случая состоят в том, что допускается решение, не имеющее прецедента в международной практике и не предусмотренное теорией международного права, а именно: саарский народ может не только присоединиться к одной из смежных стран, но также голосовать за продолжение нынешнего режима — режима, который явно предполагался как временный. Мы полагаем, что подобное решение может быть принято только по особым причинам временного характера.

Нет ничего удивительного в том, что Совет и его члены забрасываются вопросами со стороны саарских организаций и индивидуальных участников плебисцита о правовом значении такого решения, вопросами о том, может ли подобное решение считаться окончательным — иными словами, потеряет ли саарский народ после этого решения навсегда свое право на самоопределение. Нет также ничего удивительного в том, что комитет оказался вынужденным дать ответ на эти вопросы.

Точка зрения, справедливо принятая комитетом, заключается в том, что в случае, если результаты плебисцита окажутся в пользу сохранения нынешнего режима, суверенные права над Сааром будут переданы Лиге наций и что в этом случае Лига, облеченная суверенитетом, сможет распоряжаться своими правами и допускать любые изменения в правовом положении Саара, какие пожелает саарское население, при условии, что наиболее заинтересованные народы не будут этому препятствовать.

Конечно, Лига наций не может быть заинтересована в удержании своих суверенных прав с какой-либо иной целью, кроме сохранения международного мира. Поэтому мне кажется, что если в будущем саарский народ недвусмысленно выскажет желание об изменении своего правового положения, Лига наций не сможет отказать ему в его праве на самоопределение только потому, что по той или иной причине он не счел нужным воспользоваться этим правом раньше.

В самом деле, кто может возражать против этого? Не имели ли мы торжественного заявления, сделанного по собственной инициативе министром иностранных дел одной из наиболее заинтересованных стран, что эта страна не будет

пренятствовать подобной позиции Лиги? Можем ли мы ожидать каких-либо возражений со стороны другой заинтересованной великой страны, если когда-нибудь, как мы все искренне надеемся, она вновь займет свое место среди нас? Конечно нет. В этих условиях я со своей стороны не могу представить себе положения, при котором другие члены Лиги хотели бы отказать в удовлетворении законных пожеланий саарского населения пересмотреть свое решение, вызванное временными причинами.

Я не делаю никакого предложения и говорю это только для того, чтобы объяснить, почему я соглашаюсь с изложенными в докладе комитета Совета взглядами, поскольку они гармонируют с принципом права на самоопределение, а также какое толкование я придаю этим взглядам, когда я заявляю, что я не имею возражений против доклада. Я надеюсь, что принятие этого доклада будет соответствовать пожеланиям и интересам саарского населения и всех заинтересованных сторон и послужит делу общего мира.

*Печат. по газ. «Известия» № 285 (5533),
7 декабря 1934 г.
Опубл. в сб. «Société des Nations». Quat-
re-vingt-troisième session (extraordinaire) du
Conseil. Procès-verbal, Deuxième séance
(publique), le 6 décembre, 1934, p. 2—3*

424. Обмен письмами между Народным Комиссаром Иностранных Дел СССР и Министром Иностранных Дел Чехословацкой Республики по вопросам, касающимся переговоров о Восточном пакте

1. ПИСЬМО
МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ
НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
М. М. ЛИТВИНОВУ

Женева, 7 декабря 1934 г.

Господин Народный Комиссар,

С тех пор как Правительство Союза ССР и Правительство Французской Республики взяли инициативу переговоров в целях заключения Восточного пакта*, Правительство Союза ССР держало Министерство Иностранных Дел Чехословацкой Республики в курсе обмена мнениями, которым этот проект давал место.

В результате этих предварительных переговоров я имею честь сообщить Вам, что настоящим Чехословацкое Правительство полностью присоединяется к принципам Восточного

* См. т. XVI, док. № 444 и док. № 151 настоящего тома.

пакта в той форме и в том духе, в которых он был задуман обоими Правительствами.

Я позволю себе прибавить к этому принципиальному обязательству, что от имени моего Правительства я также всецело присоединяюсь к Протоколу, подписанному Вами 5 декабря 1934 г. в Женеве * от имени Правительства Союза ССР с г. Пьером Лавалем, Министром Иностранных Дел Французской Республики. Совершая это присоединение, Правительство Чехословацкой Республики принимает все в нем обусловленное и обязывающее таким образом взаимно указанным в упомянутом Протоколе способом все три Правительства.

Благоволите принять и пр.

Д-р Эдуард Бенеш

2. ПИСЬМО
НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ
БЕНЕШУ

Женева, 7 декабря 1934 г.

Господин Председатель,

В ответ на письмо, с которым Вы не отказали обратиться ко мне сего числа, я имею честь принять к сведению от имени Правительства Союза ССР,

с одной стороны, принципиальное принятие Правительством Чехословацкой Республики проекта Восточного регионального пакта, и, с другой стороны, присоединение Правительства Чехословацкой Республики к Протоколу, подписанному 5 декабря 1934 г. в Женеве, которым указанное Правительство принимает все там обусловленное и обязывающее таким образом взаимно указанным в Протоколе способом все три Правительства.

Благоволите принять и пр.

М. Литвинов

Печат. по арх. Оpubл. в «Сборнике действующих договоров...», выд. VIII, М., 1935, стр. 24—25.

425. Письмо и. о. Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэю

7 декабря 1934 г.

Господин Особый агент,

5 декабря около 10 час. вечера на улице Пристань, 8-я линия, возле своего дома неизвестными лицами русской нацио-

* См. док. № 417.

нальности был похищен курьер Генерального консульства, советский гражданин Федор Дмитриевич Ровенко. Согласно данным мне Ровенко показаниям, к нему подошли двое неизвестных, один из них ударил его револьвером по затылку, затем его втащили в автомобиль, завязали глаза, отвезли в неизвестное место и там спустили в подвальное помещение и несколько лиц русской национальности в масках, назвавшие себя представителями «Братства русской правды», подвергли Ровенко зверским избиениям с целью вынудить у него показания о работе Генерального консульства и о деятельности отдельных сотрудников последнего. Допрашивавшие Ровенко лица интересовались — кто из сотрудников Генерального консульства является представителем ГПУ, имеются ли в Генеральном консульстве подземелья и тайные передаточные радиостанции для сношения с Москвой. Указанные лица требовали от Ровенко представления в дальнейшем осведомительных сведений о работе Генерального консульства и о лицах, посещающих Генеральное консульство, в частности желающих принять советское гражданство. Во время допроса Ровенко видел у своих истязателей списки всех сотрудников Генерального консульства с адресами и характеристикой их служебного и семейного положения, коими могут располагать только надлежащие органы власти. Наконец, в одном из допрашивавших его лиц Ровенко нашел сходство с одним из полицейских сыщиков, за последнее время ведших систематическое наблюдение за Генеральным консульством и его сотрудниками. Ровенко, будучи предупрежден, что в случае сообщения в Генеральное консульство о происшедшем он сам, равно как и его семья, будут убиты, был отпущен, точнее вывезен на автомобиле (черная широкая карета без номера) и брошен на улице. В пять часов утра 6 декабря он был доставлен родственниками в очень тяжелом состоянии в Генеральное консульство и сообщил о происшедшем. В свою очередь Генеральное консульство поставило об этом в известность дипломатическое представительство и полицейские власти и потребовало медицинского освидетельствования Ровенко, которое и было произведено. Акт медицинского освидетельствования при сем прилагается³⁰⁹. В настоящее время Ровенко находится на излечении в центральной больнице КВЖД.

Доволя обо всем изложенном до Вашего сведения, я не могу не поставить нападение на Ровенко в связь с фактом открытого полицейского наблюдения русскими белыми полицейскими за Генеральным консульством и его сотрудниками³¹⁰, в частности за гр. Канаевым, против установления за которым наблюдения я неоднократно протестовал перед Вами и снятия коего я настойчиво требовал в своем письме к Вам от 4 декабря. Я обращал Ваше внимание на провокационный харак-

тер этого наблюдения, особенно на провокационный характер поручения этого наблюдения антисоветским белоэмигрантским полицейским, а также возложил всю ответственность за возможные последствия этого на соответствующие японо-маньчжурские власти. К сожалению, худшие мои опасения, связанные с этими явными фактами антисоветских провокаций, оправдались очень скоро и жертвой их стал Ровенко. Изложенные мною факты о характере допроса Ровенко вскрывают провокационные цели допрашивавших его лиц и дают мне полное основание указать на явную связь этой группы лиц с теми антисоветскими провокационными организациями, на существование которых в Маньчжурии я имел честь обратиться Ваше внимание.

Заявляя поэтому самый решительный протест против поведения японо-маньчжурских властей по отношению к Генеральному консульству и против факта нападения на сотрудника консульства Ровенко, я имею честь заявить, что ответственность за происшедшее целиком и полностью падает на соответствующие японо-маньчжурские власти. Я требую производства самого тщательного расследования всех обстоятельств нападения и допроса Ровенко, выявления действительных инспирированных этого нападения, его участников и их примерного наказания*.

Примите, господин Агент, уверения в моем к Вам совершенном почтении.

Райвид

*Печат. по арх. Оубл. в газ. «Известия»
№ 291 (5539), 14 декабря 1934 г.*

426. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии с Министром Иностранных Дел Германии Нейратом**

8 декабря 1934 г.

Несмотря на субботний день, Нейрат, согласно выраженному мною желанию, принял меня в тот же день после обеда. Моя просьба была вызвана тем обстоятельством, что к ранее фиксированному Нейратом дообеденному часу свидания не была еще расшифрована телеграмма г. Литвинова, излагавшая содержание протокола*** — тема моей предстоящей беседы.

* См. также док. № 351, 403.

** Из дневника Я. З. Сурица от 13 декабря 1934 г.

*** См. док. № 417.

Когда я прочел Нейрату основной пункт протокола, он лишь вяло поблагодарил меня и сказал, что в общих чертах с содержанием этого пункта он уже знаком как со слов ранее посетившего его Понсе, так и из газет. Никаких замечаний по существу протокола Нейрат не сделал.

Наступившее неловкое молчание я прервал вопросом, когда г. министр предполагает приступить, согласно выраженному им в прошлый раз пожеланию, к переговорам о Восточном пакте. На это Нейрат ответил, что когда (во время обеда у него) он говорил со мной о предстоящих в ближайшем будущем разговорах о Восточном пакте, он исходил из сообщения, сделанного ему за несколько часов до этого обеда Понсе о том, что Лаваль намерен в ближайшие дни вручить свой ответ на германский меморандум*. Совершенно естественно, что это открыло бы начало переговоров, которые Нейрат считает целесообразным вести с обоими инициаторами пакта одновременно. Но теперь от своего посла в Париже Нейрат узнал, что по заявлению самого Лавалья французский ответ на меморандум откладывается до окончания саарского плебисцита**. Тем самым, естественно, откладываются на этот же срок и переговоры по Восточному пакту. Что касается отношения Германии к Восточному пакту, то основное возражение с ее стороны по-прежнему встречает установление принципа взаимной помощи, принципа, абсолютно неприемлемого для Германии. В этом отношении германское правительство своей точки зрения не изменило***, но оно полагает, что можно прийти к целям, поставленным себе инициаторами пакта, иными методами. В чем эти методы заключаются, Нейрат не говорил.

Суриц

Печат. по арх.

427. Протокол [о торговых отношениях между СССР и Францией]

[9 декабря 1934 г.]

Между Народным Комиссаром Внешней Торговли СССР А. П. Розенгольцем, действующим по уполномочию Правительства СССР, и Министром Торговли и Промышленности Французской Республики г. Маршандо, действующим по уполномочию Французского Правительства, имели место с 4 по 9 декабря 1934 г. переговоры, касающиеся исключительно вопросов торговли.

* См. журн. «Международная жизнь» № 7, 1963, стр. 158.

** См. также док. № 423.

*** См. док. № 327.

В результате этих переговоров стороны, руководствуясь желанием развивать торговые отношения между обеими странами, пришли к следующему соглашению:

1. Начать в кратчайший срок переговоры в целях заключения договора о торговле, поселении и мореплавании³¹¹.

2. Заменить возможно скорее Временное торговое соглашение от 11 января 1934 г.* соглашением такого же характера.

В целях заключения этого соглашения были рассмотрены, как могущие служить для него основанием, следующие предложения:

а) Открытие СССР на французском рынке кредита, размер которого и длительность которого и ставка по которому должны быть определены и который будет предоставлен на достаточное количество лет и из нормального процента. Этот кредит будет использован для уплаты по заказам, которые будут выданы французской промышленности в течение 1 года.

б) Предоставление французским экспортерам гарантии кредитов.

3. Если новое торговое соглашение не сможет быть заключено до 1 января 1935 г., то соглашение от 11 января 1934 г. останется в силе в течение 1935 г. впредь до окончания переговоров, которые должны быть закончены в возможно короткий срок.

Настоящий протокол вступает в силу сего числа.

Учинено в Москве в двух экземплярах на французском и на русском языках 9 декабря 1934 г.

А. Розенгольц

Поль Маршандо

*Печат. по арх. Оpubл. в газ. «Известия»
№ 296 (5544), 20 декабря 1934 г.*

428. Письмо Полномочного Представителя и Торгового Представителя СССР в Персии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР и Народный Комиссариат Внешней Торговли СССР

9 декабря 1934 г.

В настоящее время мы стоим непосредственно перед переговорами с персидским правительством о заключении нового торгового договора ввиду истечения летом 1935 г. срока действия договора 1931 г.** Совершившиеся в эти годы изменения в структуре персидской экономики вообще и в советско-персидской торговле в частности ставят перед нами новые за-

* См. «Собрание законов...», отд. 11, № 4, 15 марта 1936, стр. 45—68

** См. т. XIV, док. № 312.

дачи, которые должны найти свое отражение в новом договоре. Уже старый договор (1931 г.) не являлся только международно-правовым документом, определявшим лишь условия и режим взаимной торговли. Это был уже документ в известной степени планового характера, предусматривавший не только самый режим торговли, но и ее содержание, поскольку в нем были определены советские квоты завоза в Персию отдельных конкретных товарных статей. Новый же договор, по весьма настойчиво высказываемым пожеланиям наиболее ответственных персидских государственных деятелей (премьер-министр Форуги, министр финансов Давер и др.), должен быть в своей основе документом не столько юридического характера, сколько планово-экономического*.

Договор должен быть построен на базе взаимного учета основных планов развития хозяйства обеих стран и представлять из себя как бы контур перспективного плана развития советско-персидской торговли. Остальные части этого договора должны быть подчинены этой основной идее. Другими словами, договор явится международно-правовым документом, соответствующим образом оформляющим плановую перспективу развития торговли и вообще экономических отношений между обеими странами. Что касается режима торговли, то можно заранее сказать, что он будет подчинен первому основному принципу и будет из него вытекать.

В настоящем письме мы хотели бы особо обратить ваше внимание на один вопрос, который при всех обстоятельствах не может быть обойден новым договором, вернее же сказать, займет доминирующее место в переговорах и в самом договоре: это вопрос о качественной перестройке нашего экспорта в Персию в сторону сокращения вывоза в эту страну предметов потребления с одновременным увеличением и, может быть, прогрессивно возрастающим, вывоза машин и оборудования. Можно заранее сказать, что едва ли на будущий год персы согласятся принимать наши спички — об этом уже было сделано устное предупреждение г. Давером (см. записи наших бесед)⁸¹², — несомненно, будет сокращен вывоз нашего сахара, а года через 2—3 он, возможно, и совсем отпадет; через 3—4 года настанет очередь хлопчато-бумажной мануфактуры. Это основные статьи, не говоря уже о второстепенных. Торговля всеми перечисленными статьями в настоящее время монополизирована в Персии за правительством, и оно регулирует ее таким образом, чтобы дать возможность развиваться существующим фабрикам, построенным по европейскому образцу, и чтобы обеспечить рынок для строящихся. Весь этот процесс, совершающийся за последние 2—3 года

* См. док. № 162, 297, 299.

достаточно быстро, со всей актуальностью ставит перед нами вопрос о необходимости коренной перестройки нашего экспорта в Персию, если мы не хотим окончательно уйти с персидского рынка и быть замещенными нашими конкурентами.

С другой стороны, наше хозяйство сделало за эти годы исключительные успехи в области промышленного строительства, и в особенности в части постройки промышленных предприятий, изготовляющих средства производства. Поэтому мы вполне готовы участвовать нашим экспортом в частичной перестройке персидского хозяйства и вполне готовы дать Персии из производимых у нас промышленного оборудования и транспортных средств именно то, что ей нужно. Мы должны быть готовыми к массовому увеличению вывоза автомашин, которые уже начали нами вывозиться в Персию за последние месяцы, поскольку правительство предполагает постепенно монополизировать за собой весь персидский автомобильный транспорт и, видимо, не будет возражать против договорной поставки ему наших автомашин, а может быть, в этой поставке будет прямо заинтересовано (см. запись беседы г. Давера с драгоманом-консультантом торгпредства т. Белгородским от 2 декабря с. г.)³¹³. Мы должны быть готовыми к возрастающему вывозу наших сельхозмашин, в связи с предполагаемыми и частично уже начатыми мероприятиями правительства в области сельского хозяйства, и в частности в связи с проектом организации государственных сельскохозяйственных прокатных станций (см. упомянутую беседу г. Давера с т. Белгородским от 2 декабря с. г. и с торгпредом т. Шостаком от 4 декабря)³¹³. Наконец, мы должны быть готовыми для участия в строительстве персидских промышленных предприятий, в котором на сегодняшний день нас определенно обогнали иностранные фирмы. Мы не говорим уже о необходимости быть готовыми к расширению у нас персидских заказов материалов и оборудования для строящихся персидских дорог, в чем мы частично участвуем и на сегодняшний день. Говоря об этих линиях, по которым пойдут персидские правительственные заказы, мы должны также отметить, что и частный неорганизованный персидский рынок предъявляет все большие и большие требования на предметы производственного назначения и строительные материалы, которые они не могут достать на месте в Персии.

Основным препятствием, которое сегодня крайне затрудняет нашу работу в этой области и может стать в будущем причиной полного овладения персидским рынком инофирмам, является отсутствие осведомленности у персидского правительства и технических кругов, а также у персидского купечества о выдающихся достижениях Советского Союза в области промышленного строительства. Неосведомленность в

этом отношении у персидского покупателя совершенно исключительная, и его представление об уровне развития советской промышленности и ее экспортных возможностях в области технического экспорта граничит с анекдотичностью. Рассеять такие, совершенно неправильные, представления может лишь посылка достаточно многочисленной и авторитетной персидской правительственной делегации в СССР и обстоятельный осмотр ею соответствующих новейших фабрик, заводов и других предприятий, которые по своему характеру и производственным возможностям в будущем смогли бы стать поставщиками для персидского рынка. Вопрос о приглашении подобной делегации, по нашим сведениям, в Москве уже подготовлен* и ожидает своего окончательного разрешения в соответствующих инстанциях.

Вторым очень серьезным препятствием является почти полная неосведомленность персидского рынка о самой продукции этих заводов. Персидский рынок совершенно не знает наших машин и промышленного оборудования, почти не знает сельхозмашин, а машин последних выпусков не знает совершенно; если же и знает сельхозмашины старых выпусков, то с очень плохой стороны. Это тоже должно быть исправлено. Мы считаем, что единственным средством для ознакомления с нашей технической продукцией широких кругов персидского купечества может быть организация достаточно большой постоянной выставки советских машин и технического оборудования в Тегеране, с возможностью выделения из нее известного фонда образцов для небольших передвижных выставок по персидской провинции. Такое демонстрирование, в частности, совершенно необходимо в отношении сельскохозяйственных машин. Для организации постоянной технической выставки предназначается специальный зал во вновь ремонтируемом помещении торгпредства в Тегеране (в Паминаре)^{3,4}.

В связи с этим НКВД и НКВТ срочно просим разрешить вопрос об организации такой выставки в Персии и дать поручения заинтересованным организациям конкретно проработать вопрос о снабжении этой выставки соответствующими образцами; желательно, чтобы образцы были не позже весны 1935 г. (в апреле — мае) на месте, в Тегеране. Мы подробно изложили все мотивы, диктующие необходимость скорейшей организации подобной выставки, так как этому вопросу придаем очень большое значение. От характера разрешения этого вопроса в значительной степени будет зависеть вся дальнейшая перспектива советско-персидских экономических отношений. Выставка сыграет также непосредственную роль в

---

* Персидская правительственная делегация находилась в СССР в апреле — мае 1935 г.

облегчении переговоров по заключению нового торгового договора.

Мы обратились к вам непосредственно также и потому, чтобы просить вас дать указания соответствующим организациям послать нам такие образцы советского технического экспорта, которые давали бы персам наглядное представление о действительных достижениях советской промышленности и о том, что ее продукция лучше, а не только равна иностранной (но уж конечно не хуже ее), дабы ошибки прошлой «кустарной» выставочной работы советских технических изделий в Персии не повторились. Плохо организованные выставки не только не дают положительного результата, но их результат бывает даже прямо противоположен поставленной при организации выставки цели.

Полпред СССР в Персии
С. К. Пастухов
Торгпред СССР в Персии
М. Л. Шостак

Печат. по арх.

429. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии со Статс-секретарем Министерства Иностранных Дел Германии Бюловым

10 декабря 1934 г.

Посетил Бюлова для вручения ему текста протокола*. Он очень внимательно прочел протокол, особенно второй пункт о консультации, который, по-видимому, явился для него новостью. Такой же неприятной новостью явилось для него и мое сообщение о присоединении к протоколу Чехословацкой дипломатии и как бы попутно рассказал о курьезном случае, имевшем место с чехословацким посланником в Берлине, посетившим его несколько месяцев тому назад для сообщения о присоединении чехословацкого правительства к Восточному пакту и обнаружившим полное незнание содержания самого пакта. Весь этот анекдот Бюлов, по-видимому, привел для того, чтобы показать, насколько несамостоятельна чехословацкая политика и насколько легко Франция втягивает ее в любые комбинации.

Не поддержав, естественно, разговора на эту тему, я перевел беседу на рельсы вопроса о Восточном пакте. Я сказал, что подписанный протокол преследует лишь одну задачу—

* См. док. № 417.

** См. док. № 424.

ускорить проведение в жизнь Восточного пакта, в котором как мы, так и Франция видим сейчас единственное средство укрепить мир в Восточной Европе и нормализовать свои отношения с Германией. Причем, я выразил надежду, что и Германия в конце концов поймет это и присоединится к пакту.

На это Бюлов ответил, что ему не хотелось бы сейчас повторять доводы германской стороны, уже изложенные в меморандуме*, но что и он приветствовал бы, если бы мы все пришли к какому-либо соглашению. Этому, по его мнению, значительно способствовало бы ускорение переговоров по Восточному пакту. Я ему на это сказал, что такое ускорение всемерно отвечает и нашему желанию, но что из разговора с Нейратом** я узнал, что он откладывает эти переговоры до получения французского ответа на германский меморандум, долженствующего, по сведениям министра, поступить не раньше окончания саарского плебисцита***. Бюлов на это заметил, что из разговора Кёстера**** с Лавалем Кёстер действительно вынес впечатление, что французы не считают желательным одновременно заниматься разрешением двух таких крупных проблем, как саарская и Восточного пакта. Такая постановка, возможно, и верна и, во всяком случае, подсказана самыми добрыми намерениями и желанием приступить к разговорам о Восточном пакте в обстановке, уже очищенной от Саара, в атмосфере более для этого благоприятной, но тем не менее, по его мнению, это не мешает предварительному обмену мнениями между нами по Восточному пакту. Такой обмен мнениями в необязывающей, полуофициальной форме может только облегчить последующие после французского ответа официальные переговоры.

На этом наша беседа закончилась.

Суриц

Печат. по арх.

430. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

12 декабря 1934 г.

Франко-советский протокол, подписанный в Женеве****, передан Сувичу Шамбреном. Оценивая этот документ как доказательство устойчивой основы курса обоих правительств на

* См. док. № 327.

** См. док. № 426.

*** См. также док. № 423.

**** Посол Германии во Франции.

***** См. док. № 417.

сближение, Сувич заявил мне, что к этому сближению итальянское правительство относится положительно. На вопрос, что мешает самой Италии вступить в дружественное сотрудничество с Францией, Сувич ответил, что раньше нужно урегулировать некоторые вопросы, по которым между двумя правительствами еще «далеко не достигнуто соглашение». Было бы хорошо, если бы ожидаемый приезд Лавалья* содействовал такому соглашению. Однако кроме вопросов о режиме в Тунисе, о ливийской границе, о территориальных компенсациях Италии в Восточной Африке обоим правительствам нужно договориться об итало-югославских отношениях, австрийской и дунайской проблемах, наконец, о разоружении. Сувич думает, что это не легко. Коснувшись франко-германских отношений, Сувич откровенно признал, что сколько-нибудь тесное сближение между Францией и Германией не в интересах Италии. Однако невыгодным для последней явился бы и конфликт между этими странами, ибо победа той или другой страны одинаково повела бы к установлению в Европе гегемонии. Нынешнее состояние итало-германских отношений Сувич признает далеким от дружественности. В частности, в австрийском вопросе позиция Гитлера остается неизменной. Сувич добавил, что положение гитлеровского правительства становится затруднительным; в доказательство он привел общеизвестные сведения о финансовых и экономических затруднениях режима, о трениях его с рейхсвером, о соперничестве в недрах руководящей верхушки.

Полпред

Печат. по арх.

431. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
13 декабря 1934 г.*

1) Только сегодня я имел возможность повидать вернувшегося из отпуска Ванситтарта и ознакомить его с франко-советским протоколом**. Он благодарил за информацию и подчеркнул, что английское правительство по-прежнему поддерживает идею Восточного пакта. 2) Затем была беседа об англо-советских отношениях примерно в духе моей беседы с Саймоном 9 ноября*** (смотрите мое письмо № 511, посланное

* Он посетил Италию в январе 1935 г.; см. газ. «Известия», 11 января 1935 г.

** См. док. № 417.

*** См. док. № 384.

ушедшей 11 декабря почтой³¹⁵). В ходе беседы Ванситтарт констатировал, что объектов для противоречий между СССР и Англией ни в политической, ни в экономической области нет и что это обстоятельство содержит серьезную базу для укрепления и развития дружественных отношений между обеими сторонами. В частности, он заявил, что интересы Англии на Дальнем Востоке идентичны нашим интересам, что желать японо-советской войны может только сумасшедший и что проект японо-английской антанты на базе раздела сфер влияния в Китае не реален. На САСШ в дальневосточных делах Ванситтарт никакой серьезной надежды не возлагает ввиду господствующих в Америке изоляционистских настроений.

Полпред

Печат. по арх.

432. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Великобритании в СССР

14 декабря 1934 г.

Народный Комиссариат по Иностранным Делах имеет честь подтвердить Великобританскому Посольству получение ноты от 7 декабря 1934 г. за № 245, в которой Посольство пожелало передать Народному Комиссариату благодарность британских властей в связи с содействием, оказываемым компетентными органами Союза ССР международному делу борьбы с саранчой, а также препроводить два экземпляра отчета о борьбе с саранчой в Африке и Азии.

Народный Комиссариат не преминет передать указанное сообщение Посольства и переслать упомянутый отчет компетентным органам Союза ССР.

Печат. по арх.

В упоминаемой ноте посольства Великобритании в СССР от 7 декабря 1934 г. № 245 говорилось:

«По указанию Министра Иностранных Дел Великобритании Посольство Его Величества имеет честь передать Советскому Правительству выражение благодарности Правительства Его Величества в Соединенном Королевстве за продолжающееся содействие, оказываемое в проводимой в данное время работе по борьбе с саранчой, и его надежду, что такое же содействие будет оказываться и в будущем³¹⁶, а также направить Народному Комиссариату Иностранных Дел два экземпляра отчета о борьбе с саранчой в Африке и Азии».

433. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР о борьбе с саранчой в пограничных районах СССР и Афганистана

19 декабря 1934 г.

Ввиду выяснившейся невозможности заключения с Афганистаном соглашения о регулярном допуске советских саранчовых экспедиций для производства обследовательских и истребительских работ в Афганистане, во изменение постановления СНК СССР от 11 июля 1932 г.³¹⁷, Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Принять предложение афганского правительства о создании постоянных саранчовых бюро в СССР и в Афганистане для взаимной информации (обследовательно-истребительные работы, планы работ и т. д.), содействия и постоянного контакта в борьбе с саранчой в пограничных районах каждой из сторон.

2. Согласиться с предложением афганского правительства о командировании в Афганистан двух советских специалистов-энтомологов и предложить Наркомзему СССР выделить для этого квалифицированных работников, предусмотрев полную или частичную оплату их за счет СССР.

3. Обязать Наркомзем СССР отпустить афганцам бесплатно достаточное количество ядов и жмыхов высокого качества для борьбы с саранчой в Афганистане.

4. Предложить НКВД на основе указанных выше положений заключить соответственное соглашение с афганским правительством.

5. Обязать Наркомзем СССР усилить борьбу в районах, пограничных с Афганистаном, на случай залета саранчи на территорию СССР.

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР

В. Молотов

Зам. Управляющего Делами

Совета Народных Комиссаров Союза ССР

И. Межлаук

Печат. по арх.

434. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Л. М. Карахана в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

19 декабря 1934 г.

1. Шукрю-Кая* заверил меня, что вопрос о каком-либо пакте с Германией правительством не обсуждался и что Рюшту также ничего не сообщал об этом. Я ему все-таки сказал, что всякое политическое соглашение Турции с Германией в настоящий момент будет поощрением агрессивной позиции Германии и ее нежеланием заключить Восточный пакт.

2. Рюшту показывал, по-видимому, Литвинову протокол соглашения между Грецией и Турцией, о котором я сообщил в своей телеграмме от 18 ноября с. г.³¹⁸

3. То, с чем Рюшту согласился в беседе с вами, а именно через Францию получить гарантию от Италии, по существу, совпадает с октябрьскими решениями, принятыми в Анкаре Балканской Антантой, о которых я сообщил в телеграмме от 3 ноября с. г.³¹⁹ Италия и без помощи Франции готова дать всяческие гарантии Турции путем заключения новых соглашений. Но Турция добивается гарантий не путем билатеральных соглашений, а коллективного пакта, включающего Балканскую Антанту. На это не идут итальянцы, об этом мне прямо заявил итальянский посол, и на днях об этом же сообщил турецкому правительству итальянский поверенный в делах. Турция, связанная Балканскими соглашениями, не пойдет одна на соглашение с Италией**.

Полпред

Печат. по арх.

435. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Монгольской Народной Республике С. Е. Чуцкаева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

19 декабря 1934 г.

По просьбе Гендуна сообщаю: вчера состоялось расширенное заседание президиума Малого хурала и совета министров с участием председателей аймаков, руководителей центральных организаций. Отчет Гендуна был утвержден³²⁰.

Полпред

Печат. по арх.

---

* Министр экономики Турции.

** См. док. № 438.

436. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с главой делегации США на морских переговорах в Лондоне Норманом Дэвисом

21 декабря 1934 г.

Норман Дэвис перед отъездом в Америку пригласил меня к себе на чай (уезжает он, собственно, 29-го, но 22-го он покидает Лондон и больше сюда уже не вернется). Мы были вдвоем и говорили весьма откровенно.

1. Дэвис рассказал мне о последних моментах морских переговоров*. Японцы настаивали на продолжении разговоров, американцы были категорически против, англичане колебались. В конце концов под давлением американцев и ввиду неуступчивости японцев англичане вынуждены были пойти на прекращение переговоров. Ямамота (японский адмирал) наряду с Мацудайра, японским послом в Англии, представляющий Японию в морских переговорах, получил из Токио инструкцию даже после прекращения переговоров оставаться в Лондоне. Возможно, что японцы надеются на скорое возобновление переговоров и не хотят отзывать адмирала из Англии. Но возможно, что они еще не потеряли надежду после отъезда американцев с помощью каких-либо махинаций повлиять на англичан в желательном для них направлении. Однако, по мнению Дэвиса, японцы просчитаются. Англичане сейчас прекрасно понимают, какую опасность представляют для них японцы. Даже такие японофилы, как Невиль Чемберлен и Эйрс-Монселл (морской министр), поколебались. Саймон совершенно открыто заявляет, что британский интерес на Дальнем Востоке требует целостности и независимости Китая. Этого он до сих пор никогда не говорил. Исходя из указанных соображений, Дэвис думает, что все расчеты Японии на возможность сговора с Англией за спиной САСШ построены на песке. Между англичанами и американцами в морских переговорах установлен надлежащий контакт, однако когда я в этом месте прервал Дэвиса и спросил его, уверен ли он в прочности контакта, Дэвис развел руками и сказал: «Не гарантирую». Относительно срока возобновления переговоров Дэвис пока отказывается сказать что-либо определенное. Американцы, во всяком случае, не пойдут на возобновление до тех пор, пока не будет найден общий базис для соглашения. Японцам этот базис теперь известен (признание за ними теоретического паритета с фактическим сохранением старой пропорции). Если еще раз пораздумавши, они данный базис примут, хорошо; если нет — никакого движения вперед не полу-

* См. док. № 399.

чится. Во всяком случае, вторично американцы не согласятся участвовать в переговорах на таких условиях, как этот раз. Саймон говорил вчера по радио о том, что надеется на возобновление переговоров через 2—3 месяца. Дэвис считает, что это заявление чересчур оптимистично, но он не теряет надежды, что несколько позже японцы одумаются и пойдут на уступки. Их положение нелегкое; они изолированы и должны будут сделать отсюда надлежащие выводы. Не исключена возможность, что возобновление чисто морских переговоров больше не случится вообще, а после расторжения Вашингтонского договора будет созвана «предварительная конференция» его участников (как это предусмотрено в договоре) для обсуждения создавшегося положения. На такой конференции в первую очередь будут поставлены политические вопросы, но там же, вероятно, будут поставлены и морские вопросы. Впрочем, сейчас еще трудно сказать определенно, как пойдут дела. Американцы, во всяком случае, были и остаются противниками фиксации точного срока возобновления переговоров, при отсутствии надлежащего базиса для них. Именно они настояли на том, чтобы такого точного срока сейчас установлено не было.

2. Затем разговор перешел на вопрос о Тихоокеанском пакте о ненападении, который, видимо, сильно занимает Дэвиса. Дэвис вновь подробно развивал свою идею (см. запись моего разговора с ним 22 ноября*), но когда я его спросил, какие же практические шаги для реализации этой идеи он думает предпринять, Дэвис спохватился и стал говорить, что для практической постановки данного вопроса время, пожалуй, еще не наступило. Ныне стоящее у власти в Японии правительство на пакт о ненападении не пойдет. Кроме того, возникает вопрос о Маньчжоу-Го. Тем не менее надо готовить почву для пакта о ненападении. У меня было такое впечатление, что Дэвис как бы подсказывал нам взять на себя инициативу Тихоокеанского пакта. Затем довольно неожиданно Дэвис вдруг поставил вопрос: а почему бы СССР не присоединиться к договору девяти держав о Китае? Этот договор остается в силе, несмотря на денонсирование Вашингтонского договора, и пока мог бы быть все-таки использован в целях умиротворения Дальнего Востока. Юридически присоединение СССР к названному договору вполне возможно. Дэвис, впрочем, тут же оговорился, что это его личная мысль и что у него нет никаких полномочий от своего правительства официально ставить данный вопрос перед нами. Я ответил, что никогда не думал до сих пор на поднятую Дэвисом тему и потому должен воздер-

---

* См. док. № 399.

жаться сейчас от высказывания какого-либо, даже чисто личного, мнения по этому вопросу.

3. Под конец Дэвис еще раз заговорил о советско-американских отношениях (он говорил со мной об этом на обеде в американском посольстве 6 декабря³²¹). Он считает, что нужно принять самые энергичные меры для их выравнивания и улучшения. Надо ликвидировать в срочном порядке все финансовые и экономические споры, ибо тесное сотрудничество САСШ и СССР крайне необходимо для урегулирования больших политических проблем. По приезде в Америку он будет говорить на эту тему со своим правительством и с президентом.

Полномочный Представитель СССР в Великобритании
И. Майский

Печат. по арх.

437. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

21 декабря 1934 г.

На Вашу телеграмму от 21 декабря 1934 г.³²² Важно, чтобы при любом соглашении с Германией как Франция, так и Англия настаивали на неременном условии — на принятии Восточного пакта. Кроме того, можете, сославшись на новые газетные слухи о «пакте четырех», указать на абсолютную неприемлемость его для нас и на несовместимость его с дальнейшим существованием Лиги.

Литвинов

Печат. по арх.

438. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Турции Л. М. Карахану

21 декабря 1934 г.

На Вашу телеграмму от 19 декабря с. г.* Поскольку Арас сам жаловался мне на отрицательное отношение Анкары к его активности за границей, можно допустить, что он без ведома

---

* См. док. № 434.

Анкары говорил с Нейратом о пакте. У меня создалось впечатление, что во всяком случае Арас намерен шантажировать как нас, так и французов перспективой союза с Германией. Арас мне показывал проект протокола, который он хотел предложить на подпись всем членам Балканской Антанты. Он согласился, однако, со мною, что этот протокол ничего не добавляет к тому, что содержится в самом Балканском пакте, и взвалил ответственность за неудачную редакцию протокола на Политиса. Цель протокола — возможность для Турции оказания помощи Греции, если она подвергнется нападению другой балканской страны вместе с небалканской, т. е. Италией. При наличии известной греческой оговорки помощь Турции в таком случае необязательна, но она как будто вытекает из турецко-греческого соглашения.

Лигвинов

Печат. по арх.

439. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР

*Немедленно
21 декабря 1934 г.*

Вчера виделся с Леже. Французский поверенный в делах видел Бека и показал ему запись последней беседы Ляроша с Бекком. Из записки вытекает, что Бек дал принципиальное согласие на пакт * с оговоркой относительно окончательного текста пакта и присоединения Германии. Бек признал запись правильной. Леже, не имея полной уверенности в позиции Бека, считает, однако, что теперь Франция может ответить Германии **. На реакцию со стороны Германии Леже не рассчитывает до исхода саарского плебисцита. Франция дала понять Англии, что пойдет на легализацию германских вооружений лишь в зависимости от хода переговоров о Восточном пакте, а также переговоров с Италией. Англия якобы против этого не возражает. Леже считает, что после прояснения политической атмосферы Франция должна взять инициативу собственной постановки вопроса о вооружениях, выпячивая «контроль» и тому подобное, а не плестись в хвосте английского предложения ***. Леже изображал себя оптимистом,

---

* См. также док. № 397.

** Франция ответила Германии нотой от 13 января 1935 г.; см. журн. «Международная жизнь», № 7, 1963, стр. 157—158.

*** См. «Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934, стр. 67—92.

преуменьшал значение яшания с немецкими комбатантами, говорил о прочности правительства Фландена и тому подобное.

М. Розенберг

Печат. по арх.

440. Письмо Советника Полномочного Представительства СССР во Франции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову

23 декабря 1934 г.

Многоуважаемый Максим Максимович, Председательствовавший на комитете Чако* в Женеве мексиканский посланник небезызвестный Вам Кастилио Нахера просил передать Вам, что он получил указание от своего правительства о возобновлении дипломатических отношений между СССР и Мексикой путем одновременного обмена однообразных нот**. Он считает, что, пользуясь Вашим пребыванием в Женеве на январской сессии Совета, этот обмен нотами может быть приурочен к этому сроку. По его мнению, содержание нот должно свестись к простому упоминанию о желании глав государств восстановить дипломатические отношения без особой аргументации***.

С приветом

Е. Гиришфельд

Печат. по арх.

441. Речь Полномочного Представителя СССР во Франции В. П. Потемкина при вручении верительных грамот Президенту Франции Лебрену

24 декабря 1934 г.

Передавая Вам, господин Президент, искренние пожелания процветания, с которыми Центральный Исполнительный Комитет СССР обращается к Франции и лично к Вам, считаю своим долгом заявить, что я намерен неуклонно следовать по пути моего предшественника Довгалева, непрерывные и самоотверженные усилия которого значительно содействовали сближению наших стран. Верный основным принципам своей

---

* Имеется в виду комитет Лиги наций по урегулированию конфликта между Бразилией и Парагваем; см. газ. «Известия», 24 декабря 1934 г.

** См. также док. № 242, 324.

*** Дипломатические отношения между СССР и Мексикой были возобновлены в ноябре 1942 г.

политики, Советский Союз усматривает в развитии дружественных и полных доверия отношений с Францией один из надежнейших залогов поддержания и упрочения мира. Я особенно рад потому, что деятельность моя в качестве Посла Советского Союза во Франции может развиваться в атмосфере взаимного доверия, озаменованного недавним подписанием двух крупных актов *, затрагивающих политические и экономические отношения между Советским Союзом и Францией. Всецело посвящая свою деятельность развитию добрых отношений между Советским Союзом и Францией, я питаю убеждение, что упрочение этих отношений будет служить высшим интересам обеих стран, а следовательно, и всеобщего мира. Позвольте мне, господин Президент, выразить надежду, что я встречу Вашу поддержку и доверие при исполнении возложенной на меня высокой миссии.

*Печат. по газ. «Известия»
№ 301 (5549), 25 декабря 1934 г.*

В ответной речи президент Франции Лебрен заявил:
«Господин Посол,

Я благодарю Вас за слова, произнесенные Вами при вручении мне грамот, посредством которых Центральный Исполнительный Комитет Советского Союза аккредитует Вас при мне в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла. Я крайне тронут пожеланиями, выраженными Вами в отношении моей страны, и чувствами, которые Вы выразили, принимая на себя высокую миссию, к которой Вы призваны. Благодаря Вашим личным научным познаниям, равно как и дипломатическому опыту, выполнение этой миссии уже обеспечены наиболее благоприятные условия в момент, когда в политической, экономической и культурной областях развиваются дружественные и исполненные доверия отношения между нашими странами самым счастливым образом. Я поздравляю себя с тем, что Ваша миссия начинается в момент, когда оба Правительства при помощи недавних актов прояснили столь отчетливо свое желание увеличить свой торговый обмен так же, как и желание сотрудничать для блага всех народов в деле сохранения и укрепления мира. Вы напомнили, г. Посол, о большой работе, проделанной для разрешения этой задачи Вашим известным предшественником, г. Довгалевским, чья преждевременная смерть вызвала здесь глубокий отклик **. Я убежден, что Франция найдет у Вас такую же заботу в согласовании наших усилий. Выражая Вам от имени Правительства Французской Республики пожелания процветания Советскому Союзу, я Вас заверяю, господин Посол, что Правительство окажет Вам большое содействие в выполнении Вашей высокой миссии».

---

* См. док. № 417, 427.

** См. газ. «Известия», 15 июля 1934 г.

**442. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных
Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в
Финляндии Н. Г. Позднякову**

25 декабря 1934 г.

Уважаемый товарищ,

1. Согласно сообщению Ирве-Коскинена т. Штейну от 22-го сего месяца, финляндское правительство уже приняло решение относительно поездки Хакселя в Москву, и в связи с этим Ирве-Коскинен в ближайшие дни выезжает в Гельсингфорс для подготовки этого визита.

Наше отношение к этой поездке исчерпывающе изложено в моей телеграмме от 23 ноября*, в которой я указывал, что проезд Хакселя полезен и желателен, если он состоится по собственной инициативе и без нашего приглашения, и, напротив, прямо вреден, если будет опубликовано, что он состоится по нашему приглашению. Из этой позиции вытекает, что нам нужно проявить сдержанность и не делать никаких заявлений, хотя бы и в неофициальных разговорах, которые могли бы быть истолкованы финнами как наше приглашение или даже как наша заинтересованность в этой поездке. Если с Вами будут официально говорить в министерстве иностранных дел об этой поездке, ограничьтесь заявлением, что Вы информируете центр и уверены, что там будут рады видеть Хакселя в Москве. В случае постановки перед Вами каких-либо других вопросов в связи с этой поездкой, ограничьтесь заявлениями, что Вы запросите НКВД.

Возможно, что при этом с Вами будут говорить о том, что поездка Хакселя доказывает отсутствие у Финляндии враждебной установки в отношении СССР. В этом случае заявите, что конечно поездка Хакселя будет благоприятно воспринята правительственными и общественными кругами в СССР и будет полезна для наших отношений, но она одна не разрешает еще основного вопроса наших отношений, заключающегося в необходимости открытой и энергичной борьбы финляндского правительства против пропаганды ненависти к СССР, как к извечному врагу, с которым Финляндия должна вести борьбу вплоть до участия в какой-нибудь войне с ним в будущем. У Вас более чем достаточно фактов для иллюстрации этого положения, если Ваши собеседники будут его оспаривать. Если, как это принято делать во всех таких случаях, Ваши собеседники будут указывать Вам на то, что эта пропаганда ведется кучкой невлиятельных элементов, используйте помимо других фактов переданное недавно Вами сообщение

---

* См. док. № 400.

о том, что известное Карельское академическое общество* получило подавляющее большинство в правлении Общестуденческого союза и тем самым — решающее влияние на университетскую молодежь в Финляндии. Возможно далее, что Вам будут задавать вопросы, что именно должно делать финляндское правительство для улучшения отношений с СССР, какие конкретные шаги в виде договоров или соглашений оно должно заключить и т. п., на это надо отвечать, что такие отношения, как финско-советские, и в том состоянии, в каком они находятся в настоящее время, улучшать надо не договорами и соглашениями, которых заключено достаточное количество, а энергичными мероприятиями и повседневной борьбой финляндского правительства против того источника, который систематически и непрерывно отравляет наши отношения и может довести их до крайне опасного кризиса.

Из изложенного уже явствует, что мы отнюдь не склонны видеть в визите Хакселя проявления какого бы то ни было перелома в отношении Финляндии к СССР. Положительное значение этого визита, как я уже сказал, несомненно, но в то же время и невелико, ибо, не давая никаких осязаемых и конкретных результатов, он склонен демобилизовать противников авантюристской политики в Финляндии и в то же время даст возможность нынешнему финляндскому кабинету более успешно, чем до настоящего времени, маскировать явно антисоветский курс своей политики. За 2 года своего пребывания на посту министра иностранных дел Хаксель, конечно, несмотря на то, что он так долго был в Москве**, выявил себя как сторонник активной антисоветской политики Финляндии, и он уже так заангажировался в этом отношении перед финскими правыми кругами, что ожидать от него сколько-нибудь серьезного поворота по существу, конечно, не приходится.

2. В связи с изложенным я полагаю, что у нас нет достаточных оснований для пересмотра принятой нами за последнее время линии поведения в отношении Финляндии, линии, выразившейся в прекращении нами выдачи заказов в Финляндию, в выступлениях нашей печати и т. п. Эту линию нам надо и дальше продолжать до тех пор, пока финляндское правительство не поведет честную и серьезную борьбу с ведущейся в Финляндии пропагандой агрессии против СССР. При этом временное прекращение выпадов в печати, как это имеет место в настоящее время, не должно вводить нас в заблуждение. Оно лишь показывает, что финляндское правительство, когда ему нужно в тактических целях, отлично умеет командовать

---

* См. док. № 329.

** Хаксель был посланником Финляндии в СССР в 1923—1927 гг.

своей печатью, несмотря на бесконечные заверения в невозможности этого по финляндским законам. Выступления в печати являются только видимой на поверхности частью указанной пропаганды. В невидимых для нас формах она продолжается непрерывно ежедневно во всех углах Финляндии. Если финляндское правительство действительно хочет обеспечить длительный мир между Финляндией и СССР, оно должно и обязано выступить открыто против пропаганды антисоветской агрессии, ведущейся всеми этими карельскими, ингерманландскими, лапуаскими и иными активистскими кругами в Финляндии.

Изложенное выше дает Вам ясные установки для бесед по вопросу о поездке Хакселя, которая на ближайшее время становится очередным вопросом наших отношений с Финляндией.

3. Из сказанного в отношении выступлений финляндской печати, конечно, не следует, что можно преуменьшать их значение. Они имеют огромное значение для пропаганды внутри страны и к тому же наносят нам немалый вред вовне, как это, в частности, имело место после убийства т. Кирова. В беседах с финляндскими деятелями Вам надлежит обращать внимание на то, что поведение финляндской прессы в связи с указанным событием вызвало большое негодование в СССР, в частности в кругах общественности, которая так тепло приняла выставку финляндского искусства в Москве*, и рассматривается у нас как новое доказательство финляндской враждебности к СССР. С этим полезно сопоставить тот факт, что финляндская пресса совершенно обошла молчанием имевшую недавно место ратификацию Протокола о продлении советско-финляндского пакта на 10 лет**, хотя та же пресса откликается на события неизмеримо меньшего значения для этой страны.

4. Информация, данная Вам латвийским посланником Шумансом по вопросу об отношении Прибалтийской антанты*** к присоединению к ней Финляндии³²³, конечно, ближе к истине, чем заявление Сельямаа, который 5 декабря уверял т. Устинова, будто Эстония, а также Латвия и Литва относятся отрицательно к вхождению Финляндии в эту Антанту.

Поездка Лозорайтиса в Гельсингфорс³²⁴ не имела, однако, целью переговоры о присоединении Финляндии. Конечно, Латвия и Эстония не поручили бы таких переговоров Литве.

5. Я считаю неправильным ответ, который Вы дали японской миссии по вопросу о визе японскому практиканту, направляющемуся в Ленинград³²⁵. В решительной, но, конечно,

---

* См. газ. «Известия», 14, 27 ноября, 3, 7 декабря 1934 г.

** См. док. № 114.

*** См. газ. «Известия», 14 сентября 1934 г.

корректной форме Вам надо было поставить на место этих наглецов, разъяснив им все неприличные их требования, предъявленного к тому же не только устно, но и в ноте, о сообщении им правил, циркуляров и т. п., которыми полпредство руководствуется, запрашивая НКВД по вопросу о выдаче виз, вместо того, чтобы выдавать их на месте. Всякое государство, само собой разумеется, суверенно разрешать подобные вопросы по своему собственному усмотрению и не обязано никому давать никаких объяснений по поводу тех соображений, которыми оно при этом руководствуется. Ваша нота для такого случая была слишком мягкой.

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В телеграмме М. М. Литвинова Я. З. Сурицу от 20 января 1934 г. сообщалось: «Турки должны знать, что, хотя мы делаем все возможное ради сближения с Польшей и Румынией, мы отнюдь не убеждены в их искренности» (см. док. № 42, 96, 109, 147).— 16

² В интервью Розенберга французской газете «Пари миди» 2 января 1934 г., в частности, говорилось, что любое соглашение между Германией и Францией не должно лишать Германию «хозяйственных возможностей на Востоке. Соглашение не должно служить тому, чтобы удушение (Германии.— *Ред.*) продолжалось. Мы нуждаемся в рынках сбыта для того, чтобы прокормить 65 млн. человек».

Касаясь попыток Розенберга завуалировать подлинные цели нацистской «восточной политики», руководитель отдела печати полпредства СССР в Германии Б. Д. Виноградов в письме М. М. Литвинову от 6 января 1934 г. сообщал, что в одной из бесед с Розенбергом он сказал, что смена последних тактических приемов, формулировок не меняет дела, и констатировал, что в важнейшем для нас вопросе целостности СССР и неприкосновенности его границ Розенберг остается на старых позициях» (см. также т. XVI, прим. 51; газ. «Известия», 3 января; газ. «Правда», 4 января 1934 г.).— 19

³ В телеграмме от 27 декабря 1933 г. В. П. Потемкин сообщил в НКВД СССР, что Алоизи по поручению Муссолини просил передать М. М. Литвинову следующее: «Нынешний министр иностранных дел Венгрии де Канья от имени своего правительства доводит до сведения Советского правительства через итальянцев, что венгерское правительство готово возобновить переговоры с СССР о восстановлении дипломатических отношений». В телеграмме также говорилось, что Алоизи просил передать, что «Венгрия уполномочивает для ведения переговоров Юнгера, нынешнего посланника в Анкаре» (см. док. № 27).— 25

⁴ 2 января 1934 г. заведующий политическим департаментом МИД Италии Кварони в беседе с первым секретарем полпредства СССР в Италии Л. Б. Гельфандом заявил, что «проблема разоружения оказалась неразрывнейшим образом связанной с предоставлением Германии соответственных прав на вооружение. Итальянцы стремятся к миру и разоружению, но одновременно отдают себе отчет в тесной взаимозависимости указанных проблем. Конечно, выходом из положения было бы предложение М. М. Литвинова о всеобщем разоружении, но это, к сожалению, невозможно».

Кварони отметил далее, что итальянцы хотели бы привлечь СССР к ведущимся переговорам о разоружении между Италией и Англией и что, «в случае согласия СССР, Италия предложила бы нам обменяться

мнениями с итальянцами, быть может, одновременно и с англичанами о возможных конкретных формах разоружения и о позиции в отношении германских требований».

Гельфанд ответил, что «СССР, стремясь к обеспечению мира, интересуется вопросами разоружения и всегда готов активно сотрудничать в этой области. Меньше всего мы сочувствуем стремлениям к вооружениям кого бы то ни было». — 26

⁵ 7 января 1934 г. временный поверенный в делах Польши в СССР Соколыньский по поручению Бека сообщил М. М. Литвинову, что отрицательное отношение Финляндии к декларации о независимости Прибалтийских стран, предложенной Советским Союзом Польше 14 декабря 1933 г. (см. т. XVI, док. № 426), осложняет вопрос о принятии декларации и что «последняя кампания в печати и политическая кампания не меняют, однако, сущности вопроса, и Бек надеется найти с нами способ будущего сотрудничества в этой области».

Литвинов ответил, что «кампанией в печати по поводу декларации мы обязаны Финляндии, но г. Бек должен признать, что мы это предвидели и своевременно предупреждали его (см. т. XVI, док. № 431.— *Ред.*). Было бы лучше не сообщать Финляндии раньше получения отзывов других государств. Во всяком случае, я считаю, что эта кампания не должна помешать осуществлению намеченной акции».

Подводя итог беседе, Литвинов отметил, что «таким образом, с нашей стороны нет препятствий к осуществлению нашего предложения, но это надо сделать немедленно, иначе кампания действительно может сделать свое дело и осложнить вопрос. Если г. Бек принципиально согласен с моим предложением, то нетрудно будет придумать формулу декларации, сделанной еще до приезда г. Бека в Москву».

Польша отказалась от предложенного СССР опубликования советско-польской декларации о независимости Прибалтийских стран (см. док. № 42). — 26, 37

⁶ 5 января 1934 г. газета «Известия» опубликовала заявление ТАСС, в котором говорилось: «ТАСС уполномочен заявить, что сообщение «Дейли геральд» будто СССР и Польша намерены заключить между собой пакт безопасности, включающий гарантию границ Прибалтийских стран и направленный против планов германской экспансии на Востоке, не соответствует действительности». Это заявление ТАСС 6 января было помещено в «Газете польской». Оно сопровождалось редакционной статьей, в которой отмечалось, что «между Польшей и СССР не ведется никаких переговоров о новом пакте, относящемся к Балтийским странам. Во всей дипломатической деятельности Польши и СССР нет ничего, что содержало бы элемент агрессии против кого бы то ни было, и в частности против Германии» (см. газ. «Известия» от 8 января 1934 г.). — 27, 37

⁷ В новогоднем номере «Газеты польской» была помещена передовая статья ее главного редактора Медзиньского «Планируемая политика», в которой рассматривались итоги внешней политики Польши в 1933 г. и ее перспективы в 1934 г.

В разделе, посвященном польско-германским отношениям, Медзиньский подчеркивал, что в этой области произошли большие положительные перемены, которые якобы стали возможны после установления гитлеровской диктатуры в Германии. Когда новый канцлер Германии, говорилось в статье, «дает в своих публичных выступлениях выражение отличного, чем мы привыкли слышать из уст прусских конюнеров, отношения к Польше, когда он порывает с нелепым представлением о Польше как «сезонном государстве» и заявляет, что следует считаться не только с постоянным существованием Польши, но и с ее законным правом играть собственную роль в международной политике, когда, наконец, заявляет, что нет вопросов между Германией и Польшей, которые не удалось бы разрешить мирным путем,— это в такой степени разумно и рассудительно, как неразумны

и нерассудительны были голоса, которые... доходили до нас с Запада год тому назад».

Что касается тех действий и заявлений гитлеровского правительства, которые свидетельствовали об агрессивном характере его внешней политики. Медвинский заявлял, что хочет «видеть в этих голосах не доказательство двойной игры, а просто анахронизм».

Эта статья выражала точку зрения польского правительства, которое игнорировало явные признаки роста военной опасности со стороны гитлеровской Германии (выход из Лиги наций, уход с конференции по разоружению), принимало в расчет лишь демагогию Гитлера, рассчитанную на выигрыш времени для подготовки фашистами широкой программы территориальных захватов (см. газ. «Gazeta Polska», 1 stycznia 1934).— 27

⁸ Международный географический конгресс проходил в Варшаве с 23 по 31 августа 1934 г. В делегацию СССР вошли профессор В. Ю. Шохальский, Н. Н. Баранский и В. Е. Мотыльв.

Советские ученые представили ряд докладов, десять из которых были зачитаны на заседаниях секций, а остальные, напечатанные на нескольких языках, были распространены среди участников конгресса и научной общественности. Кроме того, на пленарном заседании конгресса был зачитан доклад О. Ю. Шмидта «Исследования Арктики в Советском Союзе» и состоялась демонстрация документального фильма «Челюскинцы», который затем демонстрировался на экранах Варшавы. Благодаря этому достижению Советского Союза в деле изучения и освоения Арктики оказались в центре внимания Международного географического конгресса, а также польской общественности.

Параллельно с конгрессом в Варшаве действовала Международная картографическая выставка. Советская экспозиция оказалась одной из самых интересных и оригинальных, благодаря чему пользовалась широкой популярностью.— 28

⁹ Помимо публикуемого письма пом. зав. 1 Западным отделом НКВД СССР С. М. Мирный 15 февраля 1934 г. заявил советнику норвежской миссии в СССР Даниэльсену, что «нами дано разрешение на предоставление алезундскому коннессионеру права выхода в море с тоннажем 2200 т. Мы исходим из заявки, которую дали норвежскому коннессионеру в прошлом году. Фактически в прошлом году выход был только 2093 т». Он сообщил далее, что «отгрузку на судне-матке убитого зверя мы приравниваем к рейсу, предусмотренному соответствующим пунктом договора. Таким образом, отгрузки на судне-матке могут быть только 2 раза во время сезонного убоя зверя».— 31

¹⁰ В беседе с К. К. Юреневым от 14 декабря 1933 г. Хирота затронул вопрос о возобновлении переговоров о продаже КВЖД (см. т. XVI, док. № 147, 172, 215, 305). Юренев в этой связи сказал: «Мы готовы в любое время продолжить переговоры о КВЖД, если только маньчжурская сторона освободит арестованных и восстановит прежнее положение на КВЖД. Нынешняя обстановка нетерпима. Наши служащие высшего и низшего рангов лишены возможности выполнять свои служебные функции». Хирота, признав, что «Маньчжоу-Го совершило в отношении КВЖД известную ошибку», отметил, что в переговорах «основная трудность заключается в вопросе о цене». Поэтому следует цену за КВЖД «сразу установить в ненах». Хирота также заметил, что если бы у него была уверенность, что «переговоры могут быстро закончиться», он мог бы этому посодействовать. В ответ Юренев заявил, что «вопрос о возобновлении переговоров и вместе с тем темы их проведения зависят от г. министра» (см. также док. № 65).— 33

¹¹ В декабре 1933 г. и начале 1934 г. между генконсулом СССР в Харбине М. М. Славущим и начальником японской военной миссии в Харбине Комацубара велись переговоры об освобождении из заключения советских начальников служб КВЖД, арестованных 24 сентября 1933 г. (см. т. XVI,

док. № 82). В ходе этих переговоров Комацубара от себя лично, а затем от имени штаба Квантунской армии заявлял о «готовности освободить шесть арестованных с тем, чтобы они, не задерживаясь, выехали в СССР». На освобождающиеся должности он предлагал назначить трех советских и трех маньчжурских представителей. Славущкий настаивал на освобождении арестованных без всяких условий. Вопрос о дальнейшей судьбе арестованных и о замещении их должностей Славущкий предлагал решить после их освобождения. 15 февраля 1934 г. между Славущким и Комацубара была достигнута договоренность о том, что после освобождения и отъезда в Союз шести арестованных управляющий дорогой Рудый назначит на их место временно исполняющих обязанности, а председатель правления КВЖД Ли Шао-гэн и заместитель вице-председателя правления Бандура утверждают это назначение. Окончательная договоренность об освобождении шести арестованных и о замещении их должностей была достигнута в Токио между Юреневым и Хирота (см. док. № 65, прим. 64, 65).— 33

¹² 16 января 1934 г. Хирота сообщил К. К. Юреневу, что «Маньчжоу-Го в ближайшие 7—10 дней, «по всей вероятности», освободит арестованных» и спросил, «как поступит советская сторона с арестованными: отзовет ли она их в Союз?» На вопрос Юренева, что «знают это странное «по всей вероятности», Хирота ответил, что «Маньчжоу-Го решило в ближайшие 7—10 дней освободить арестованных и что он хотел бы до их освобождения узнать нашу цену за КВЖД». Юренев отметил, что «Советское правительство настаивает на освобождении арестованных без предварительного решения вопроса об их дальнейшей судьбе». Что касается цены за КВЖД, то «она будет названа, как это было обусловлено в беседе 8 января, только после освобождения арестованных» (см. док. № 9, 65). Хирота неоднократно повторял свое требование, чтобы советская сторона назвала цену за КВЖД до освобождения арестованных. Юренев отвел это требование, вновь заявив, что «цена за дорогу будет названа после освобождения арестованных» (см. также док. № 310 и прим. 64, 65).— 34

¹³ Речь идет о предложении эстонского правительства, переданного М. М. Литвинову посланником Эстонии в СССР Тофером 7 января 1934 г. о том, что к участию в советско-польской декларации о независимости Прибалтийских стран (см. т. XVI, док. № 426) «следовало бы привлечь и другие государства, в первую очередь Германию».

Литвинов ответил Тоферу, что «привлечением большого количества участников к декларации можно легко убить идею декларации».— 38

¹⁴ Германско-польская «декларация о ненападении и взаимопонимании» была подписана в Берлине 26 января 1934 г. сроком на 10 лет (см. «Сборник документов по международной политике...», вып. X, М., 1936, стр. 41—42).

В исторической справке «Фальсификаторы истории» о ней говорилось: «Этот пакт нужен был Гитлеру для того, чтобы расстроить ряды сторонников коллективной безопасности и показать на этом примере, что Европа нуждается не в коллективной безопасности, а в двусторонних соглашениях. Это давало возможность немецкой агрессии самой решать, с кем и когда заключать соглашение, на кого и когда произвести нападение. Несомненно, что немецко-польский пакт был первой серьезной брешью в здании коллективной безопасности» (см. «Фальсификаторы истории», М., 1952, стр. 14).

Декларация явилась важным этапом на пути подготовки гитлеровской Германией второй мировой войны. В то же время ее подписание служило актом маскировки агрессивных планов гитлеровцев в отношении самой Польши.— 40, 69, 100, 104, 107, 122, 132, 155, 206, 286, 307, 476, 512, 533, 606, 618, 662, 684, 693.

¹⁵ В упомянутой телеграмме В. П. Потемкин сообщил, что в Италии «продолжают распространяться слухи о новых политических соглашениях СССР с Францией, Малой Антантой и Польшей». На завтраке в грече-

ском посольстве французский посол Шамбрен «демонстративно выражал радость по поводу успешно развивающегося франко-советского сотрудничества, заверяя Васыфа, что Рюштю давно высказывался за сближение СССР с Францией, и пытаясь связать с этой идеей подготовляющийся балканский пакт между Турцией, Грецией, Югославией и Румынией. Все эти разговоры рассчитаны, по-видимому, на то, чтобы в момент острой борьбы вокруг разоружения и Лиги наций прозвучели надлежащее впечатление на Италию, Германию и отчасти Англию» (см. также док. № 218).— 43

¹⁶ В одной из упомянутых телеграмм от 4 января 1934 г. Я. З. Суриц информировал о своей беседе с Рюштю, который сообщил: «Министр иностранных дел Греции во время своего пребывания в Белграде и Париже выдвинул уже конкретный план «пакта четырех» Балканских стран, по которому стороны обязуются: в интересах поддержания территориального статус-кво на Балканах «взаимно гарантировать свои балканские границы». Рюштю считает, что его греческий коллега забежал слишком далеко вперед и допустил тактическую ошибку, не выдвинув в виде первой позиции пакт пяти стран, включая и Болгарию. Чтобы сделать соглашение приемлемым и для Болгарии, Рюштю предлагает исключить из него упоминание о территориальном статус-кво и придать пакту характер длительного перемирия на Балканах. В этом духе он сейчас и ведет переговоры с Белградом и Афинами. По его словам, югославский король одобряет этот план и уже предложил обсудить вопрос о своем участии в пакте пяти. Более осторожная тактика Рюштю, по-видимому, объясняется давлением со стороны Италии, препятствующей как вовлечению Албании в общевосточный блок, так и изоляции Болгарии» (см. док. № 4, 14).— 44

¹⁷ 6 февраля 1934 г. М. М. Литвинов направил Я. З. Сурицу следующую телеграмму: «Предложите Рюштю присоединить к пакту письменное заявление, что ни в каком случае Турция не будет считать себя обязанной принимать участие в каких-либо действиях, направленных против СССР. Сообщите срочно, настоял ли Рюштю на исключении военных гарантий».

В тот же день М. М. Литвинов телеграфировал Сурицу: «Заявите Шюкрю-Кая, а если найдете необходимым, то Исмету или Кемалю, что в нынешнем виде пакт не соответствует представлению, которое у нас создал Рюштю. Вначале мы полагали, что речь идет о пакте ненападения, затем Рюштю говорил о гарантийном пакте без военных обязательств, но чисто балканского характера, а теперь уже после парафирования мы узнаем, что он выходит за пределы Балкан и эвентуально гарантирует даже бессарабскую границу. Во всяком случае, Турция дает Румынии дополнительную гарантию в мирное время, укрепляя этим ее позицию в возможных переговорах с нами о Бессарабии. Таким образом, пакт направлен и против нас».

В телеграмме Сурица от 8 февраля 1934 г. говорилось: «Ко мне заезжал Шюкрю-Кая и сообщил, что совет министров под председательством Кемалю утвердил его предложение и Рюштю отправлено предписание подписать пакт лишь при следующих условиях: 1) Уточнение понятия балканской границы. 2) Исправление статьи 8 путем вставки перед словом «границы» слова «балканские». 3) Принятие без изменений предложенной Вами декларация, изложенной в телеграмме от 6 февраля с. г.» (см. газ. «Известия», 11 февраля 1934 г.).— 45, 118

¹⁸ В телеграмме А. П. Розенгольда от 2 января 1934 г. торгпреду СССР в Швеции Д. В. Канделаки говорилось: «Отклоните предложение шведского правительства о наших заказах сверх займа».— 46

¹⁹ Конвенция о рыбном и тюленьем промысле на Ладожском озере между СССР и Финляндией была подписана в Москве 25 мая 1934 г. (см. «Собрание законов...», отд. II, № 22, 31 декабря 1934 г., стр. 297—309).— 53, 128

²⁰ Конвенция об оленях между СССР и Финляндией была подписана в г. Хельсинки 4 июля 1933 г. Обмен ратификационными грамотами состо-

ялся в г. Москве 31 января 1934 г. (см. «Собрание законов...», отд. II, № 7, 31 марта 1934 г., стр. 73—103).— 53

²¹ Заведующий I Западным отделом НКВД СССР Л. Э. Березов в беседе 18 марта 1935 г. сообщил Ирье-Коскинену, что «вопрос о закреплении участка для строительства дома финляндской миссии разрешен положительно». Впоследствии на этом участке был построен дом финляндской миссии.— 53

²² По этому вопросу в записи беседы полпреда СССР в Финляндии Б. Е. Шейна с Хакселем от 18 декабря 1933 г. говорилось: «Сославшись на статью «Муси Суомин», которая предлагала не ратифицировать Лондонскую конвенцию, я отметил, что это есть тоже политический вывод, но с обратным знаком. Мне приходит в голову (просто мыслью вслух), что одним из мероприятий противоядия, о которых я говорил выше, была бы быстрая ратификация президентом Лондонской конвенции и немедленное депонирование ратификационной грамоты в Москве. Я лично убежден, что это произвело бы в Москве очень хорошее впечатление.

Во время моей реплики Хаксель несколько раз разводил руками, показывая, что он не знает, что конкретно он мог бы сделать... Не давая мне прямого ответа на мои мысли вслух, Хаксель стал мне подробно рассказывать процедуру передачи сеймом правительству сеймовых постановлений. По его словам, эта процедура занимает около 4 недель после окончания сессии сейма» (см. док. № 23).— 54

²³ Состоявшаяся в Лондоне 21—25 августа 1933 г. мировая конференция по пшенице завершилась заключением соглашения об ограничении мирового экспорта пшеницы в период между 1 августа 1933 г. и 1 августа 1934 г. 560 млн. бушелей. Это соглашение было подписано 23 государствами, в том числе четырьмя наиболее крупными мировыми экспортерами — Австралией, Аргентиной, Канадой и США, а также четырьмя европейскими экспортирующими странами — Болгарией, Венгрией, Румынией и Югославией. В связи с попыткой капиталистических стран навязать СССР явно заниженную квоту Советский Союз к соглашению не присоединился (см. т. XVI, прим. 222).

Лондонская мировая пшеничная конференция образовала свой исполнительный орган — Международный совещательный комитет, на который было возложено наблюдение за выполнением соглашения о пшенице. В связи с продолжением торговой войны и провалом попыток «регулировать» хлебного рынка комитет создал особый подкомитет, которому было поручено выработать новые предложения. В начале 1934 г. подкомитет внес проект санирования пшеничного рынка путем установления системы минимальных экспортных цен (при сохранении квот для экспортирующих стран и распределения этих квот поквартально). Для обсуждения указанных предложений подкомитета и намечался созыв Международного совещательного комитета конференции, о чем идет речь в комментируемом документе.

Доклад подкомитета обсуждался на сессии Международного совещательного комитета в Лондоне в мае 1934 г. За принятие плана установления минимальных цен на пшеницу высказалась 21 страна. Однако единодушного решения достигнуто не было — в первую очередь из-за сопротивления Аргентины, потребовавшей увеличения своей пшеничной квоты и выступившей против установления минимальных экспортных цен. Для выработки мероприятий по стабилизации и уточнению цен на пшеницу был создан подкомитет в составе представителей Австралии, Великобритании, Канады, США и Франции.

Новое заседание Международного совещательного комитета было назначено на 27 июня 1934 г., но из-за разногласий между его членами оно было отложено и состоялось только 14—15 августа 1934 г. На заседании, где обсуждался вопрос о продлении соглашения о пшенице на период с августа 1934 г. по август 1935 г., было представлено 15 стран. Новое сог-

лашенные о квотах и на этот раз было достигнуто за счет уменьшения советского экспорта пшеницы.

В ноябре 1934 г. в Будапеште состоялось очередное заседание Международного советательного комитета, на котором было предложено предпринять действие Лондонского соглашения о пшенице еще на два года и решено созвать новое заседание комитета в Лондоне в марте 1935 г.— 57

²⁴ 17 января 1934 г. Б. Е. Штейн был на приеме у Хакселя в честь министра иностранных дел Латвии Салнайса. Об этой встрече Штейн записал в дневнике: «Хаксель был очень сдержан со мной. О делах не говорили». — 66

²⁵ Милитаристские круги Японии, особенно после начала агрессии на северо-востоке Китая, неоднократно развертывали антисоветские кампании, выступая с враждебными СССР заявлениями (см. т. XV, прим. 80, 81, 212, 311). Такая кампания, в ходе которой видные японские политические и военные деятели открыто выдвигали лозунг «превентивной войны» против СССР и захвата советских территорий, имела место и в 1933 г. Об этом указывалось в отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVII съезду партии (см. док. № 28).

С целью оправдания и прикрытия своих агрессивных устремлений японские милитаристы выдвинули предлог о «советской опасности», якобы угрожавшей Японии. В середине августа 1933 г. японская газета «Минко» утверждала: «Советский Союз укрепляется на Амуре и сосредотачивает свои войска на границе Маньчжоу-Го, — что угрожает независимости последнего и благополучию на Дальнем Востоке». В это же время на конференции Института тихоокеанских сношений в Банффе (Канада) японский представитель Инао Нитобе провокационно заявил, что «Москва бесспорно готовится к войне». 13 сентября 1933 г. в речи на заседании японского высшего военного совета военный министр Араки, обосновывая политику усиленного вооружения Японии, говорил: «Если бы СССР обнаружил прорехи в подготовленности в вооружениях Японии, то неизвестно, какую он занял бы позицию».

Имея в виду эти факты, газета «Известия» 6 октября 1933 г. подчеркивала, что, изображая СССР как фактор, угрожающий миру на Дальнем Востоке, генерал Араки «заведомо для себя и заведомо для всего мира валит с больной головы на здоровую».

Японская сторона грубо нарушала свои обязательства о непричинении ущерба советским интересам на КВЖД, коммерческая деятельность которой была фактически парализована. Еще более грубым и открытым нарушением являлась попытка маньчжурских властей захватить КВЖД путем одностороннего изменения ее административного статута, насилья и террора по отношению к советским работникам дороги (см. т. XVI, док. № 121, 314, 320, а также док. № 312, 326, 351 настоящего тома).

Многочисленные предложения СССР заключить пакт о ненападении были отклонены японским правительством под давлением сторонников агрессивного курса. Агрессивные устремления японских правящих кругов проявлялись особенно в отношении советского Дальнего Востока (см. т. XVI, прил. 1, 2). Так, Накано Сэйго, видный политический деятель, один из руководителей партии «хокумин домэй», в статье, опубликованной в апреле 1933 г. в журнале «Дипломатическое обозрение», указывал на Приморскую область и Камчатку как на объект японской оккупации. Агентство «Ниппон дэмпо» в сообщении из Мукдена от 8 января 1933 г. указывало на планы захвата Приморской области и основания на советской территории «независимого» государства. В статье Тедзума Хасимото, помещенной в октябре 1933 г. в газете «Джален таймс», содержался призыв разрешить спорные вопросы с Советским Союзом военной силой. 26 февраля 1933 г. представитель Японии в Лиге наций Мацуока заявил женевскому корреспонденту «Нью-Йорк таймс»: «В отношении СССР в Японии существуют два течения в настоящее время. Одно из них сводится к тому, что эта страна пред-

ставляет собой угрозу Японии вследствие усилий по распространению советизма на Дальнем Востоке и вследствие военного прогресса в Советском Союзе. Те японцы, которые обеспокоены этим прогрессом и пропагандой, думают, что наша страна должна ударить по Советскому Союзу до того, как эта потенциальная угроза полностью материализуется. Другое мнение заключается в том, что спорные вопросы между двумя странами могут быть разрешены мирными дипломатическими методами».

Доктрина «бронированного кулака» по отношению к СССР была открыто провозглашена военным министром Араки в его беседе с корреспондентом американской газеты «Геральд трибюн» 28 августа 1933 г. Араки прямо угрожал «ударом со стороны Японии» и применением неких «дезинфекционных средств» против СССР. Идея о неизбежности и необходимости войны между Японией и СССР широко пропагандировалась в японской печати. Ряд представителей военных кругов и различных правых организаций заявляли о «необходимости немедленного подавления СССР». Об этом говорилось, например, в газете «Нидиро-зусин» от 28 ноября 1933 г. Редакция журнала «Хиноде» организовала дискуссию о кризисе японо-советских отношений, в которой приняли участие генералы и офицеры японской армии, журналисты и военные критики. В ходе дискуссии обсуждался широкий круг проблем, связанных с возможностью превентивной войны против СССР. Участники дискуссии единодушно высказали мнение, что в интересах Японии начать войну как можно скорее.

Показательны высказывания лондонской газеты «Таймс» от 11 сентября 1933 г. о политике западных держав. «Трудно представить себе, что японская сфера континентальных интересов, в которой военные держат в своих руках власть, не получит дальнейшего распространения. В конце концов, есть только два фактора, способных сдерживать японские притязания в Азии — состояние японских финансов и качество Красной Армии».

Типичная для того времени оценка намерений Японии содержалась в доносении американского посла в Токио Д. Грю государственному департаменту 6 октября 1933 г.: «Я думаю, что нет ничего невозможного в том, что Япония преисполнена решимости в выгодный момент устранить препятствие в лице России при осуществлении своих честолюбивых замыслов, а таким наиболее выгодным моментом, с точки зрения имеющейся информации, будет 1935 год. Большинство иностранных наблюдателей в Токио согласно с этой оценкой» (см. «Foreign Relations of the USA», Washington, 1933, vol. III, p. 424). Правящие круги западных стран в предвидении неизбежной, как им представлялось, войны Японии против Советского Союза отнюдь не стремились к ее предотвращению.

Из материалов Международного военного трибунала для Дальнего Востока по делу главных японских военных преступников (Токио, 1946—1948 гг.) явствует, что речь шла не просто об очередной антисоветской кампании в печати, а о конкретных планах агрессии против Советского Союза. На процессе многие подсудимые признали, что японский генеральный штаб имел разработанные планы войны против СССР. Так, в показаниях генерала Мияке говорится: «План операций, которые должны были привести к оккупации Маньчжурии, являлся одной из важнейших составных частей общего плана операций японских войск против СССР».

В приговоре трибунала отмечается: «Установлено, что в течение всего периода, охватываемого доказательствами, представленными трибуналу, намерение вести войну против СССР было одним из главных элементов военной политики Японии».

Военная партия Японии была полна решимости оккупировать дальневосточные территории СССР так же, как и другие части азиатского континента... Вторжение на дальневосточные территории СССР и овладение ими, казалось, всегда было постоянным стимулом для военных устремлений Японии».

В этих документах говорится: «На тот факт, что политика Японии в от-

ношении СССР была не оборонительной, а наступательной или агрессивной, указывают дипломатические документы, обмен которыми произошел в период 1931—1933 гг. За это время японское правительство дважды отклонило предложение Советского правительства о заключении пакта о ненападении» и что «воинственная политика Японии по отношению к СССР нашла свое отражение в японских военных планах», в которых захват Маньчжурии рассматривался не только как этап в завоевании Китая, но и как средство отерашии против Советского Союза. В ходе судебного процесса было неопровержимо доказано, что «к декабрю 1933 г. Квантунская армия составила планы и продолжала вести подготовку к тому дню, когда Япония использует Маньчжурию в качестве плацдарма для нападения на СССР». — 70, 627

²⁶ 20 января 1934 г. члены фашистской организации «кэнкокукай» (около 200 чел.) устроили демонстрацию перед зданием полпредства СССР в Японии. 22 января советник полпредства Н. Я. Райвид посетил начальника департамента МИД Японии Того и заявил протест, обратив его внимание на то, что полицией заблаговременно не было принято мер по предотвращению антисоветской фашистской вылазки; он потребовал «недопущения впредь подобных действий».

Того сказал, что полицией будут приняты соответствующие меры. — 70

²⁷ В телеграмме В. П. Потемкина в НКВД СССР от 23 января 1934 г. сообщалось, что прибывший в Рим Юнгерт в беседе с советником полпредства СССР в Италии «выразил готовность предварительно ознакомить нас с привезенными им предложениями своего правительства и передал нам их текст с некоторыми устными пояснениями. Предложения сводятся к следующему: 1. Обмен нотами между Юнгертом и мною в редакции, обычно принятой нами. Проект говорит только об установлении дипломатических отношений, однако Юнгерт не предвидит возражений против добавления «и консульских». 2. Дополнительный протокол, в котором Юнгерт по соображениям внутренней политики настаивает». В телеграмме излагалось содержание проекта этого протокола и других требований венгерской стороны, по поводу которых советником полпредства СССР было указано Юнгерту, что они представляют собой «напрасное осложнение простой задачи установления дипломатических отношений проектами, содержащими требования, частью имеющие десятилетнюю давность и устаревшие, частью явно для нас неприемлемые и однозныые». В заключении телеграммы говорилось: «В ближайшие дни рассчитываю иметь первую официальную встречу с Юнгертом, причем, разумеется, со всей твердостью буду отстаивать наши позиции».

Переговоры Потемкина с Юнгертом состоялись 27, 31 января и 3 февраля и завершились обменом нотами об установлении дипломатических отношений между СССР и Венгрией от 4 февраля 1934 г. (см. док. № 41). — 72

²⁸ По этому поводу в записи беседы Н. Н. Крестинского с Аттолико от 16 марта 1934 г. отмечалось, что Аттолико напомнил, «что некоторое время тому назад он обратился к Литвинову по делу, лично интересующему Сувиача. Речь идет о разрешении выезда из СССР советской гражданки Урусовой». «Я заверил Аттолико, — говорилось в записи беседы, — что Наркоминдел прилагает усилия к тому, чтобы убедить административные органы удовлетворить просьбу посольства». — 88

²⁹ В статье парижского издания газеты «Чикаго дейли-трибюн» от 16 января 1934 г. говорилось:

«Гельсингфорс предложил Швеции оказать помощь финнам в военном укреплении островов Гогланд и Лавансари, которые расположены в центре Финского залива у открытого узкого прохода, ведущего в Кронштадт и Ленинградский порт.

Швеция было предложено поручить своему генеральному штабу помочь финнам разработать план снабжения укрепленных такими вооруже-

ниями, изготовленными шведскими военными заводами, которые были бы в состоянии, в случае войны, действительно запереть большевистский флот в Кронштадте.

Финны просили также шведов взять на себя часть стоимости этих работ.

Отказ шведов обсуждать этот план не может улучшить отношений между двумя названными странами.

Финляндия настаивает на своих планах укрепления островов.— 92

³⁰ В письме от 8 февраля 1934 г. Б. Е. Штейн сообщил в НКВД СССР: «На мой повторный вопрос относительно островов Голланд и Лавансари Хаксель сказал, что на основании разговора с генштабом он дает мне категорически отрицательный ответ. Никаких предложений финны шведам в этом направлении не делали». — 92

³¹ В письме Б. С. Стомонякова полпреду СССР в Норвегии от 17 апреля 1934 г. относительно перспектив развития советско-норвежских торговых отношений указывалось: «Наш отказ от норвежской государственной гарантии кредитов и невыдача до сих пор никаких заказов на сельдь и рыбу имеют, по-видимому, для наших отношений с Норвегией также и положительное значение. Характерно, что такая газета, как «Мореходство и торговля», которая раньше высказывалась против госгарантии, теперь поддерживает идею кредитования экспорта в СССР, указывая, что мы являемся аккуратными плательщиками и что Норвегия заинтересована в сохранении советского рынка для норвежской промышленности». — 93

³² В беседах С. С. Александровского с Бенешем 13 января и с заместителем министра иностранных дел Чехословакии Крофтой 19 января 1934 г. были затронуты вопросы дальнейших отношений между СССР и Чехословакией, в частности вопрос о признании Советского Союза де-юре. По этому поводу Бенеш сказал, что «он лично считает, что ситуация в Чехословакии полностью созрела для немедленной нормализации наших взаимоотношений», что «уже в скором времени состояние наших взаимоотношений радикально изменится».

Нормальные дипломатические отношения между СССР и Чехословакией были установлены 9 июня 1934 г. (см. док. № 194). — 93

³³ Статья С. С. Александровского, опубликованная в газ. «Прагер прессе» от 24 декабря 1933 г., касалась встреч и переписки Л. Н. Толстого с Томашем Масариком. — 95

³⁴ В телеграмме НКВД СССР от 15 января 1934 г. полпредству СССР в Греции, сообщалось, что греческая миссия, ссылаясь на указания МИД Греции, применяет недопустимую практику при выдаче виз. Указывалось, в частности, на волокиту с выдачей виз сотрудникам торгпредства Адамсону и Васяеву.

В ответной телеграмме временного поверенного в делах СССР в Греции Г. А. Залкинда от 16 января 1934 г. в НКВД СССР говорилось: «Узнав от «Нефтеэкспорта» об аннулировании визы Васяева, посланной ему еще 3 января, я сегодня, еще до получения вашей телеграммы, потребовал объяснения от МИД Греции. Заведующий полиграфом МИД Дельмузос заявил мне, что МИД твердо придерживается правила, согласно которому разрешается въезд сотрудникам торгпредства только взамен уезжающим. Поскольку Адамсон едет в качестве обыкновенного сотрудника, виза Васяеву отпадает, так как в противном случае вместо двух новых уезжает только один Великов».

После того как я решительно протестовал аннулирование визы Васяеву, указав, что вместе с ним число командированных в торгпредстве достигнет всего 15 человек вместо 20, число, которое по прежнему заявлению МИД является предельным, Дельмузос обещал сегодня же телеграфировать о выдаче визы Васяеву. Таким образом, греческая миссия должна выдать визы обоим». — 99

³⁵ В телеграмме от 4 января 1934 г. В. С. Довгалевский сообщил в НКВД СССР о своей беседе с генеральным секретарем МИД Франции Леже, состоявшейся в тот же день и касавшейся предложений Советского правительства о заключении регионального соглашения с участием широкого круга европейских государств о взаимной защите от агрессии и о возможном вступлении СССР в Лигу наций (см. т. XVI, прил. 321). В телеграмме говорилось, что Леже подробно записал все и «сделал только одно замечание по поводу помощи в случае других конфликтов». Леже выразил опасение, что «подобная помощь может явиться эвентуально для Японии предлогом для захвата ею гаваней и заливов во французских азиатских владениях, которые Франция будет не в состоянии защищать и на которые Япония зарится» (см. т. XVI, док. № 444).

«В течение почти часа,— указывалось в телеграмме,— мы дебатировали этот пункт без больших результатов, хотя он во многом со мной соглашался, а под конец немного поколебался. Он сказал, что с максимальной скоростью изучит все изложенное мною и доложит Поль-Бонкуру, после чего мне будут сообщены французские замечания по всем пунктам» (см. док. № 144).— 100

³⁶ В письме от 3 апреля 1934 г. А. М. Коллонтай сообщила Б. С. Стомонякову: «Сначала нам удалось довольно быстро заставить МИД сделать исключение из изданного им общего правила (для всех стран, не имеющих со Швейцарией консульской конвенции) для тех союзных граждан, которые едут по поручению каких бы то ни было наших учреждений и органов. Самый факт их командировки рассматривается МИД как своего рода гарантия против предположения о возможности участия «в пропаганде».

Таким образом вопрос с дискриминирующим штампом для громадного большинства советских граждан, отправляемых в Швецию, разрешен удовлетворительно: штампы не ставятся. Позже НКВД счел необходимым поставить перед нами задачу освободить от данного штампа и остальных советских граждан, т. е. едущих в Швецию по исключительно личным делам, без каких бы то ни было поручений и командировок.

Число таких лиц, естественно, можно считать единицами (мы тут по крайней мере таких случаев просто не знаем)».

«Если же, как Вы сообщали,— говорилось далее в письме,— шведский консул в Ленинграде продолжает ставить штамп на паспорта советских граждан, командируемых в Швецию, то налицо нарушение им договоренности с МИД.

Вероятно, для прекращения такого нарушения договоренности было бы достаточно агенту НКВД в Ленинграде показать шведскому консулу принятый МИД текст».— 103

³⁷ А. М. Коллонтай в письме от 15 мая 1934 г. информировала Б. С. Стомонякова, что «сближение между Швецией и прибалтами принимает более конкретные формы пока по линии усиления торговых и культурных связей».

Говоря о поездке министра иностранных дел Швеции Саудлера в Финляндию, Латвию и Эстонию, Коллонтай отмечала, что «цель поездки по официальным сообщениям — отдача визита министрам иностранных дел этих стран. На самом деле, конечно, цель имеет и более глубокие задачи. Настроения у кабинета в смысле сближения с прибалтами значительно возросли за эту зиму».

«Любопытно, что идею сближения Швеции с прибалтами,— говорилось в письме,— социал-демократический кабинет обосновывает страхом перед фашистской Германией и необходимостью малых стран объединиться против агрессивных замыслов фашистов».

Далее в письме указывалось на огромное впечатление, которое производило предложение Советского Союза Германии гарантировать независи-

мость Прибалтийских стран. Это предложение «истолковано как прекрасный тактический шаг, помогающий разоблачить истинные настроения Германии по отношению к прибалтам. Шведские социал-демократы объясняют стремление прибалтов искать сближения со Швецией как способ обеспечения себе союзника в борьбе с Германией».

Касаясь отношений Швеции и Финляндии, А. М. Коллонтай писала, что «здесь взаимоотношения сложнее. Если традиционные связи и глуже между этими двумя странами, то конфликт по вопросу языка здесь за этот год чувствительные шероховатости, которые еще надо изживать и взаимно заглаживать. При этом приходится учесть, что Финляндии, по мнению социал-демократов Швеции и, следовательно, кабинета, не угрожает в той же мере опасность со стороны германского фашизма, как остальным прибалтам. Германия не претендует на владычество над Финляндией, и, следовательно, Финляндия менее заинтересована искать опоры у Швеции против Германии» (см. прим. 39). — 164

³⁵ В телеграмме от 31 января 1934 г. в НКВД СССР А. М. Коллонтай сообщила: «Завтра, 1 февраля, премьер-министр отвечает в парламенте на запросы правых о мерах, принятых правительством для выяснения мистических полетов самолетов над Швецией. Слухи о якобы нашем участии к полетам раздражают шведскую общественность. Сегодня в частном порядке меня просили дать сведения, которые премьер-министр мог бы использовать для парирования запроса правых. Кабинет сейчас заинтересован притупить подозрения против СССР, имея в виду переговоры о займе. Необходимо иметь сегодня же Ваш ответ».

В ответной телеграмме Б. С. Стомонякова от 31 января говорилось: «Заprite Сандлеру категорически, что все это вздорный вымысел». — 165

³⁶ 11 февраля 1934 г. В. А. Антонов-Овсеенко сообщил Б. С. Стомонякову, что по вопросу о «региональном Балтийском пакте материал скуден. Есть намеки на инициативу Польши через Швецию и Латвию, очень возможно действующую по договору с Польшей».

27 февраля Антонов-Овсеенко писал Стомонякову, что, как ему сообщил посланник Чехословакии в Польшу Гирса, во время недавней беседы шведского посланника с Пилсудским, последний «говорил о необходимости упрочить договоренность в Балтийском море путем регионального пакта; Польша брала бы на себя привлечение Германии и Литвы, Швеция должна бы склонить Финляндию, которая проявляет сильнейшие колебания. Если бы обстановка благоприятствовала, продолжал будто бы маршал, можно бы добиться политического и экономического блока» (см. также прим. 37). — 169

⁴⁰ В письме от 11 февраля 1934 г. В. А. Антонов-Овсеенко сообщил Б. С. Стомонякову, что у руководящей части национал-демократов Польши польско-германское соглашение вызвало благоприятное отношение.

Депутат сейма национал-демократ Стронский говорил Антонову-Овсеенко, «что будь он министром иностранных дел Польши, то на предложение немцев ответил бы согласием принять его в общей с другими соседями конвенции и в связи с вопросом разоружения». Эта точка зрения, указывалось в письме, «разделяется, по-видимому, всей оппозицией». — 169

⁴¹ В письме Б. С. Стомонякова Б. Е. Штейну от 25 января 1934 г. отмечалось, что он, так же как и полпред, оценивает «серьезный и планомерный характер ведущихся против нас за последнее время в Финляндии кампаний и определенную враждебность политики нынешнего финляндского кабинета в отношении СССР, в частности министра иностранных дел Хакселя. Вы знаете также, что я согласен с Вами в отношении необходимости серьезного и твердого реагирования с нашей стороны на поведение Финляндии».

Далее в письме говорилось, что объяснения министра иностранных дел Хакселя полпреду СССР в Финляндии и посланника Финляндии в СССР Ирве-Коскинена происходящим в Финляндии событиям одинаковы (см. док. № 16). «Это подтверждает, во-первых, планомерный и инспирирован-

ный финским правительством характер последних антисоветских кампаний, а во-вторых, показывает, что Хаксель рассчитывал на разговор в Москве и дал Ирве-Коскинену указание давать те же объяснения, какие он дает Вам в Гельсингфорсе». «Независимо от моей беседы с Ирве-Коскиненом, — указывалось в письме, — я считаю целесообразным, чтобы Вы в том же духе говорили в Гельсингфорсе с тем, с кем Вы сочтете целесообразным, вплоть до премьер-министра Кивимяки и министра иностранных дел Хакселя». — 199

⁴² В ноте посла Великобритании в СССР Чилстона на имя М. М. Литвинова от 26 января 1934 г., в частности, говорилось, что правительство Великобритании «не может признавать за собой обязательства по уплате пошлин за ввезенные и возимые в будущем продовольственные и другие необходимые товары для посольства или консульств Его Величества в СССР» и что «если существующая в настоящее время договоренность о достаточном снабжении такими предметами подвергнется серьезным изменениям в ущерб его представителям, оно не будет иметь другого выхода, как отозвать Посла Его Величества» (см. док. № 17). — 113

⁴³ О беседе с Масариком, состоявшейся 29 января 1934 г., И. М. Майский в тот же день телеграфировал в НКВД СССР. Масарик сообщил, что имеет поручение от правительства Малой Антанты вручить ему ратификационные грамоты Конвенции от 4 июля 1933 г. об определении агрессора. Получив согласие Майского на пересылку грамот в Москву, Масарик обещал прислать эти грамоты через несколько дней.

«Далее Масарик, только что вернувшийся из Праги, сообщил мне, — писал полпред, — что польско-немецкий пакт явился для чехословаков полной неожиданностью, что чехословаки чрезвычайно встревожены австрийскими событиями, но что, хотя данный вопрос обсуждался в Загребе, никаких окончательных решений по нему не принято. По приезде в Лондон Масарик поставил вопрос о спасении Австрии перед Макдональдом и Саймоном, но получил от них весьма уклончивые ответы. Гитлер, по словам Масарика, недавно зондировал в Праге почву для заключения пакта о ненападении, но пока еще формального предложения в этом духе не сделал». — 114

⁴⁴ Конференция министров иностранных дел стран Малой Антанты, проходившая в Загребе 22 января 1934 г., приняла решение «о своевременности возобновления государствами — членами Малой Антанты нормальных дипломатических отношений с Союзом Советских Социалистических Республик, как только будут налицо необходимые дипломатические и политические условия».

Постоянный Совет Малой Антанты, собравшийся в июне 1934 г. в Женеве, констатировал, что «политические и дипломатические условия позволяют ныне каждому из государств — членом Малой Антанты поступить в подходящий момент в согласии с Загребской резолюцией». Сохранить единую линию Малой Антанте оказалось невозможным, ибо Югославия продолжала противиться нормализации отношений с СССР.

9 июня 1934 г. Советский Союз установил дипломатические отношения с Румынией и Чехословакией (см. док. № 193, 194). Дипломатические отношения между СССР и Югославией были установлены лишь в июне 1940 г. — 114, 418

⁴⁵ II Лигвистический конгресс по вопросам современного турецкого языка открылся в Стамбуле 18 августа 1934 г. (см. также т. XVI, док. № 107). В его работе приняли участие видные советские ученые-лингвисты — академики А. Н. Самойлович и И. И. Мещанинов. Сделанные ими доклады: «Литературный язык улуса Джучи (Золотой Орды)» и «К проблеме историзма в языке» были тепло встречены делегатами конгресса. — 117, 247

⁴⁶ В дневнике первого секретаря I Восточного отдела НКВД СССР А. М. Денистова от 8 июня 1934 г. говорилось: «т. Виткин сообщил, что по вопросу посылки турецких студентов изучать кинодело в СССР им было

дано министру просвещения Хикмету полное разъяснение по всем деталям интересующего его кинодела. Хикмет на сообщение Виткина ответил, что они пошлют студентов учиться в СССР, ввиду бюджетных затруднений, только в следующем бюджетном году». — 117

⁴⁷ Коллекция материалов об истории, быте, культуре и искусстве алайских турков, подготовленная Институтом антропологии и этнографии АН СССР к 10-летию Турецкой Республики была передана министерству просвещения Турции (см. т. XVI, док. № 326, 327, 330). — 118

⁴⁸ В записи беседы С. С. Александровского с Бенешем 13 января 1934 г. отмечалось, что «Бенеш еще раз в общих выражениях сказал о том, что он «большой оптимист» и ждет, что уже в скором времени состояние наших взаимоотношений радикально изменится. Именно поэтому он дал определенные инструкции Фридману на тот предмет, чтобы он занялся со мною выяснением базы будущего торгового договора между нашими странами. Фридман уже подготавливает все необходимое. Бенеш снова не хочет ангажироваться, но считает, что если нормализация произойдет немедленно, в ближайшее время, то я смогу немедленно повести с Фридманом формальные переговоры. Если нормализация заставила бы себя ждать, то и тогда Бенеш определяет сроки настолько короткими, что уже имеет практический смысл начать разговаривать и, может быть, сопроводить нормализацию соответствующими шагами и в области экономических взаимоотношений.

Я с большой прохладцей ответил, что это будет забеганием вперед тем событиям, о которых сам Бенеш не решается сказать чего-нибудь определенного на обозримый период времени. Едва ли будет политически правильно пытаться опережать события. Я должен предупредить, что некоторые особенности нашей народнохозяйственной системы тоже стоят на пути к такому предвосхищению событий. Бенеш прервал вопросом: «Но вы же выражали склонность говорить на торгово-политическую тему». Я подтвердил, что готов в любой момент говорить на торгово-политические темы и буду рад ознакомиться с практическими предложениями, если они будут сделаны. Однако до сих пор я исходил при этом из предпосылки существующей базы наших взаимоотношений. Она пока исключает возможность создания нормального торгового договора. Бенеш осведомился в утвердительном тоне о том, что я все-таки не отказываюсь от разговора. Я ответил, что мы никогда не отказываемся от разговоров и поэтому я буду ждать обращения ко мне со стороны Фридмана» (см. также док. № 78, 80). — 120

⁴⁹ М. М. Литвинов телеграфировал Я. Х. Давтяну 7 февраля 1934 г.: «Пакт оказался не тем, о чем раньше нам говорил Рюштю. Ст. 3 расширяет его действие и за чисто балканские дела. По нашему мнению, он невыгоден для Турции, подводя ее под всевозможные европейские осложнения. Достаточно сказать, что в случае действительного нападения Италии или обвинения ее в нападении на Югославию вмешательство в конфликт Болгарии вовлекает Турцию в войну с Италией и теми странами, которые будут за ней стоять».

«Я уже вчера телеграфировал Сурицу, — писал он, — что мы предлагаем сохранить ранее принятую Рюштю формулу нынешней ст. 7 с тем, чтобы ясно было, что даже нападение на неучастника пакта прекращает обязательство по гарантии границ. Кроме того, ввиду ст. 3 мы предлагаем Турции сделать письменное заявление, которое должно быть присоединено формально к пакту, о том, что ни в каком случае Турция не будет считать себя обязанной участвовать в каких-либо действиях, направленных против СССР. Рагиб-бей только что мне сказал, будто имеется еще ст. 8, говорящая о взаимном признании всеми участниками пакта их границ. Если это верно, то это означает, что Турция признает нынешнюю бессарабскую границу, против чего мы должны тоже решительно возражать».

В заключение Литвинов просил об изложенном немедленно сообщить Рюштю-бю, добавив, что «мы делаем свои поправки в предположении, что Турция настаивает на этом пакте и мы не желаем ей мешать, но что, во

всяком случае, о нашем положительном отношении к этому пакту и благоприятных комментариях в печати не может быть и речи».

9 февраля посол Турции в Греции Энис-бей, по поручению Рюштю, передал Давтяну тексты документов, подписанных 9 февраля 1934 г. в Афинах Грецией, Румынией, Югославией и Турцией и оформивших Балканский пакт (см. док. № 51).— 126

⁵⁰ В дневнике Б. Е. Штейна от 10 февраля 1934 г. о советской выставке графики в Хельсинки говорилось: «К открытию выставки на ней собрались: министр просвещения Мантере с женой, министр иностранных дел Хаксель, министр земледелия Ютила, министр юстиции Серлакиус. Были также чиновники МИД и приглашенная публика (художники, журналисты и т. д.). Мы с Мантере обменялись небольшими речами. В моей речи основной мотив был: необходимость всяческого сближения и выставка графики, как один из шагов, за которым должны последовать другие. Я заявил, что в принципе решено устроить ответную выставку финской графики в Ленинграде и Москве. Мантере в своей речи подчеркнул желательность изучения культуры большого советского соседа». Далее в дневнике отмечалось, что 10 февраля в день открытия «выставку посетило около 300 человек, что для Гельсингфорса является довольно крупной цифрой. Были произведены фотографические съемки, опубликованные затем в газетах».— 129

⁵¹ В записи беседы Я. Х. Давтяна с Тевфик Рюштю-беем от 11 февраля 1934 г. говорилось: «Рюштю заехал ко мне с прощальным визитом, так как он завтра уезжает, и для того, чтобы «подробно поговорить» со мной. С ним был турецкий посланник Энис-бей.

Особенно нового в его многоречивых излияниях не было. Следует лишь отметить следующее. На мой упорный вопрос, предполагает ли пакт военное сотрудничество, он ответил: «Пока еще нет, но это возможно».

Из его слов ясно, что такое сотрудничество логически вытекает из пакта.

Далее он сообщил, что великим державам — Англии, Италии, Франции сообщен как текст пакта, так и дополнительный протокол (конфиденциальный). Декларация же об СССР будто бы не сообщена.

Касаясь вновь этой декларации, он сказал, что все участники ее одобряют и по существу, т. е. все исключают возможность каких-либо своих действий против СССР».— 130

⁵² 8 февраля 1934 г. в газете «Финский социал-демократ» было опубликовано интервью начальника генштаба финляндской армии генерала Эш относительно полета «тайнственных аэропланов» над финляндской территорией. Полеты якобы происходили в ночное время, в тумане, в метель или пасмурную погоду и, таким образом, нельзя было различить типа самолета. «Многие люди, правда, уверяют, подчеркивалось в интервью, что они видели эти самолеты, но этих наблюдений ничем нельзя было доказать. Единственно более верные случаи это те, которые наблюдались на финляндской восточной границе. Там видели контуры самолетов и ясно слышали шум моторов. Из этих обстоятельств можно заключить, что эти самолеты принадлежали Советской России, так как место, где наблюдения были сделаны, находится в совершенно непосредственной близости к пограничной линии».— 130

⁵³ 17 марта 1934 г. в беседе с Б. Е. Штейном командующий финляндской армией Остерман сказал, что «Эш допустил неосторожность, которая выразилась в том, что он не просмотрел своего собственного интервью. Десятки газетчики переврали его слова. Он, Остерман, распорядился, чтобы впредь всякие интервью, исходящие от командования армии или генштаба, имели на себе гриф лица, которое это интервью дает. В случае же с Эшем получилось так, что министр иностранных дел Хаксель его все равно дезавуировал, так что не пришлось исправлять».— 130

⁵⁴ Еще в качестве главы французской делегации на Генуэзской конференции 1922 г. Луи Барту выступал против предложения советской деле-

газии о разоружении, а затем настаивал на предъявлении Советской России и Германии ультимативного требования об аннулировании Рапалльского договора (см. т. V, док. № 109, 121 и док. № 68 настоящего тома). Классовая непримиримость Барту по отношению к Советскому государству продолжительное время не умерялась никакими практическими соображениями внешней политики.

По мере изменения международной обстановки менялось и отношение Барту к Советскому Союзу. В 1934 г. на посту министра иностранных дел Франции Барту активно выступал за создание системы коллективной безопасности, в которой отводил СССР ведущую роль (см. док. № 154, 166).

Весной 1934 г. Барту посетил Прагу, Белград, Бухарест и Варшаву (см. док. № 239 и прим. 132). Его визит оказал определенное влияние на решение правительств Чехословакии и Румынии установить нормальные дипломатические отношения с СССР (см. док. № 193, 194). Летом 1934 г. Барту активно содействовал подготовке вступления СССР в Лигу наций (см. док. № 266, 289).

18 сентября 1934 г., выступая на Ассамблее Лиги наций, Барту подчеркнул, что неприятие СССР в Лигу наций имело бы худшие последствия для Европы: «Если Лига наций хочет иметь мирный характер, она должна принять СССР в ее состав, этого требуют интересы всеобщего мира».

9 октября 1934 г. германскими и итальянскими фашистами было осуществлено убийство Барту. Гитлеровцы рассчитывали убийством Барту помешать объединению Франции, стран Восточной и Юго-Восточной Европы в целях обеспечения европейской безопасности.

М. М. Литвинов отметил роль Барту в деле сближения между Францией и СССР и его стремление вместе с СССР добиваться решения проблемы организации мира в Европе (см. док. № 359). — 140

⁵⁵ В письме в НКВД СССР от 2 марта 1934 г. Б. Е. Штейн сообщил, что 20 февраля 1934 г. в университете в Хельсинки состоялось собрание финских ученых различных специальностей для обсуждения вопроса о налаживании и усилении научной связи между Финляндией и СССР. На собрании присутствовало 15 ученых. В результате обмена мнениями было решено образовать постоянный комитет для научной связи с СССР и зафиксировать в памятной записке пожелания финских ученых.

28 февраля 1934 г. финские ученые представили в полпредство памятную записку, в которой намечалось ряд мероприятий по усилению научных связей, в том числе: обмен публикациями, ознакомление с методами исследований, установление личных связей ученых, изучение финнами финно-угорских племен в СССР.

В письме от 17 мая Штейн писал Б. С. Стомякову: «мы решили разработать план ближайшей деятельности. Сейчас выяснилось, что в течение этого лета ничего, кроме поездки проф. Кетунена с ассистентом, со стороны финских ученых не будет предпринято» (см. также прим. 173). — 144

⁵⁶ В письме заведующего I Западным отделом НКВД СССР Л. Э. Березова полпреду СССР в Финляндии от 25 апреля 1934 г. относительно работ по проведению границы указывалось:

«1. Получена санкция Совнаркома СССР на проведение указанных работ в 1934 г., а также необходимые для этого денежные средства.

2. Желательно вести работы таким образом, чтобы закончить их в течение одного сезона. Посланник Финляндии в СССР Ирве-Коскинен согласен с этим планом.

3. Об изложенном выше официально сообщается миссии Финляндии.

4. Согласно обеих сторон на производство разграничительных работ должно быть зафиксировано обменом нотами, которые одновременно являются и инструкцией комиссии, проводящей эти работы. Этот обмен нотами будет произведен в Москве.

5. Мы будем готовы начать работы во второй половине мая» (см. также док. № 216). — 144

⁵⁷ 10 октября 1934 г. коллегия НКВД СССР постановила отклонить предложение финляндской стороны об урегулировании положения консулов путем обмена нотами и «предложить финляндскому правительству заключить консульскую конвенцию, исчерпывающе формулирующую права и обязанности консулов обоих государств». В 1934 г. соглашения по этому вопросу достигнуто не было.— 144

⁵⁸ Заместитель начальника сектора торговой политики НКВТ СССР Ю. О. Ленгнел в беседе с торговым атташе греческой миссии в СССР Валюлисом и представителями греческого общества «Боксит-Парнас» Мавроматисом и Спотисом 25 января 1934 г. заявил, что по заключению Наркомтяжпрома применение греческих бокситов в нашей алюминиевой промышленности хозяйственно нецелесообразно. Что касается строительства алюминиевого комбината в Греции, то мало вероятно, что на это предложение ответ будет положительный.— 146

⁵⁹ В телеграмме от 13 февраля 1934 г. М. М. Литвинов поручил Я. Х. Давтяну передать Титулеску, что он будет «рад с ним встретиться, как только окажется возможным», и что ожидаемое заседание Бюро конференции по разоружению «может предоставить мне возможность в ближайшее время поехать в Женеву».

14 мая Литвинов выехал в Женеву. Там он имел беседы с Титулеску об установлении дипломатических отношений между СССР и Румынией. Обмен нотами по этому вопросу состоялся 9 июня 1934 г. (см. док. 193).— 147

⁶⁰ Визит польских эскадренных миноносцев «Вихрь» и «Буря» в СССР проходил с 24 по 29 июля 1934 г. Представители командования польских военно-морских сил во главе с командующим флотом Польши контр-адмиралом Унругом посетили помимо Ленинграда Москву, где были приняты заместителем наркома обороны СССР М. Н. Тухачевским, начальником морских сил РККА В. М. Орловым и заместителем наркома иностранных дел СССР Б. С. Стомяковым.

Ответный визит советской эскадры в Польшу в составе кораблей «Марат», «Володарский», «Калинин» во главе с командующим морскими силами Балтийского флота Л. М. Галлером состоялся 3—8 сентября 1934 г. Визит сопровождался рядом торжественных приемов, устроенных высшими чинами военного и военно-морского ведомств Польши в честь советских гостей. Советские моряки посетили порт Гдыню и Познань (см. газ. «Известия», 23—24, 26—28 июля, 4—6 сентября 1934 г. и «Правда», 30 июля 1934 г.).— 155, 413, 440

⁶¹ В 1934 г. гастроли театра им. Вахтангова в Польшу не состоялись. В письме Б. С. Стомякова от 23 мая 1934 г. на имя народного комиссара просвещения РСФСР А. С. Бубнова говорилось, что «мы отсрочиваем поездку в Варшаву театра им. Вахтангова до зимы 1935 г.». Однако и в 1935 г. эти гастроли не состоялись, так как не удалось достичь соглашения о приемлемых условиях выступлений театра.— 155, 335, 649

⁶² В упоминаемой справке говорилось, что с 15 по 17 февраля 1934 г. японские военные самолеты совершили 6 нарушений советского воздушного пространства:

«1. 15 февраля в 12 ч. 10 м. 1 японский разведчик в 15 км севернее разъезда Рассынная Падь перелетел границу и углубился на нашу территорию на 15 км.

2. 17 февраля в 10 ч. 40 м. в 15 км юго-западнее Турьего Рога 3 японских самолета пролетели в глубь советской территории на 3 км.

3. 17 февраля в 12 ч. 30 м. японский самолет-разведчик перелетел нашу границу в 12 км севернее Полтавки и углубился на 7 км. Летел над советской территорией с юга на север 12 км.

4. 17 февраля в 12 ч. 40 м. 3 японских разведчика перелетели нашу границу в 25 км севернее Полтавки и углубились на 8 км. Пролетели над нашей территорией 15 км. Причем обстреляли из пулеметов советский пограничный пункт и погранзаставу.

5. В тот же день 3 японских самолета-штурмовика перелетели границу в районе разъезда Сосновая Падь и углубились на советскую территорию на 7 км.

6. 17 февраля в 14 ч. 16 м. 3 японских самолета-разведчика перелетели советскую границу в направлении от г. Хулин и сделали два круга над г. Иман, который находится в 5 км от границы». — 157

⁶³ Ответ на публикуемую ноту был получен 28 февраля, после того как болгарские коммунисты уже прибыли в Москву вечером 27 февраля. В этом ответе МИД Германии уведомлял полпредство, что «Димитров, Попов и Танев высланы из Германии и воздушным путем отправлены в Москву». — 160

⁶⁴ В телеграмме от 19 февраля 1934 г. К. К. Юренев передал в НКВД согласованный сторонами текст соглашения о временно исполняющих обязанности начальников служб КВЖД, которое гласило: «Впредь до назначения правлением КВЖД постоянных начальников служб будут назначены временно исполняющие должности начальников служб. Приказ о назначении временных начальников, в коем должно заключаться указание на предстоящее назначение постоянных начальников служб, должен быть подписан управляющим дорогой Рудый и обоими советским и маньчжурским помощниками» (см. также прим. 65). — 160

⁶⁵ Генеральный консул СССР в Харбине М. М. Славуцкий 25 февраля 1934 г. сообщил в НКВД СССР, что шесть советских начальников служб КВЖД, арестованных в сентябре 1933 г. (см. т. XVI, док. № 305), 24 февраля 1934 г. были освобождены из заключения и уволены с работы (16—17 марта они выехали в Советский Союз). Одновременно управляющий дорогой Ю. В. Рудый издал приказ, текст которого был согласован Юреневым с Хирота, о назначении советских граждан временно исполняющими обязанности начальников служб КВЖД (см. прим. 64). Приказ Рудого о новых назначениях утвердили от имени правления дороги Бандура, советский член правления, и маньчжурский член правления Фань. — 160

⁶⁶ В упомянутом предложении японского правительства содержались следующие требования: признать действительными «сами акты подачи японцами закрытых пакетов» на февральских торгах; не закреплять за советскими организациями тех участков, на которые были сделаны заявки японцами; до окончательного решения рыболовного вопроса не заключать договоров об аренде на все те участки, которые на февральских торгах были признаны за советскими организациями. — 161

⁶⁷ Японская пресса с начала 1934 г. тенденциозно освещала вопросы о курсе облигаций АКО и о торгах на рыболовные участки (см. док. № 75). Зная, что повышение платежей за рыболовные участки якобы «приведет к банкротству японской рыболовной промышленности в советских водах», японские газеты «Нини-ниши» и «Асахи» от 19 февраля и «Кокумин» от 4 марта 1934 г. утверждали, что СССР будто бы стремится захватить рыболовные участки, находящиеся в пользовании японских рыбопромышленников. Подобные сообщения, призванные дезинформировать общественное мнение Японии, печатались также и позднее в 1934 г. Разъяснения по данному вопросу были опубликованы в советской печати (см., например, газ. «Известия», 28 февраля 1934 г.). — 162

⁶⁸ 26 февраля 1934 г. А. А. Трояновский телеграфировал в НКВД СССР: «Келли сегодня сообщил, что по поручению президента он беседовал с председателем фирмы «Кертис Райт», который сообщил, что техническая помощь идет гладко. Фирма готова принять заказ на моторы, но основные трудности — в переводе производства с дюймового измерения на метрическое, что должно быть сделано не только в этой фирме, но и в чужих предприятиях, обслуживающих эту фирму. Обещает дать все расчеты к 15 марта. Я сказал, что нас не устраивает этот срок. Келли обещал ускорить». — 163

⁶⁹ По вопросу сотрудничества СССР и Франции в области авиации В. С. Довгалецкий и министр иностранных дел Франции Барту обменялись нотами. В ноте Довгалецкого от 22 февраля 1934 г. говорилось, что «предварительные официальные переговоры между представителями Министерства авиации Франции и военно-воздушного атташе при Полпредстве СССР окончились соглашением по первому этапу сотрудничества в области авиации», которое «предусматривает, что, с одной стороны, группа советских специалистов в количестве 6 человек будет принята в Высшую национальную школу авионавтики и в военно-авиационную школу в Версале и что, с другой стороны, 5 французских специалистов будут направлены в СССР в распоряжение Советского правительства на срок в 6 месяцев, который может быть продлен в начале четвертого месяца по соглашению обеих Правительств. Французские специалисты будут использоваться как в качестве преподавателей в школах, так и в качестве технических советников во время контроля производства или испытания авиационного материала». В ноте содержалась просьба «сообщить, согласно ли Правительство Франции, как Советское правительство, с данными положениями, имеющими целью регулировать формы сотрудничества в области авиации».

В ответной ноте от 23 февраля Барту сообщил, что «Французское правительство со своей стороны одобряет это соглашение». — 155

⁷⁰ В письме М. М. Литвинова В. С. Довгалецкому от 19 февраля 1934 г. сообщалось, что принято решение о приобретении у Франции «технической помощи по лидерам и эскам» и что «НКВД предложено обратиться за содействием к французскому правительству» по данному вопросу.

В связи с этим Довгалецкий беседовал в конце февраля 1934 г. с директором торгово-политического департамента МИД Баржетоном и шефом кабинета министра иностранных дел Франции Роша, а 7 марта — с морским министром Пьетри.

В телеграмме Довгалецкого от 6 марта говорилось, что «Баржетон взял под сомнение целесообразность специального обмена нотами и обещал согласовать вопрос с морским министром Пьетри и министром иностранных дел Барту и сообщить мне о результатах».

8 марта Довгалецкий телеграфировал в НКВД об упомянутой беседе с Пьетри и отметил, что последний «относится положительно к морской технической помощи».

22 марта Баржетон дал временному поверенному в делах СССР во Франции М. И. Розенбергу устный положительный ответ о морской технической помощи.

В тот же день Розенберг телеграфировал в НКВД СССР, что намечаемый приезд во Францию советской технической миссии для ведения переговоров с представителями верфей и судостроительной промышленности Франции с французской стороны «не встречает никаких препятствий. Миссия будет оказано содействие французскими морскими властями в целях облегчения ее работы».

В мае 1934 г. во Франции находился представитель наркомата по военным и морским делам СССР Р. А. Муклевич, который вел переговоры о «технической помощи по лидерам и эскам». Эти переговоры не были закончены в 1934 г. — 155, 375

⁷¹ Встреча В. С. Довгалецкого с Барту состоялась 6 марта 1934 г. В телеграмме в НКВД СССР от того же числа Довгалецкий сообщил, что он «подробно познакомил Барту с предложением Поль-Бонкура» о заключении договора о взаимопомощи и вступлении СССР в Лигу наций (см. т. XVI, док. № 332, 390, 444). «Барту заявил, — отмечалось в телеграмме, — что одобряет это предложение, завтра же заслушает подробный доклад Леже и на ближайшем заседании кабинета доложит, после чего сообщит мне решение кабинета».

20 апреля Барту довел до сведения временного поверенного в делах

СССР во Франции М. И. Розенберга, что французское правительство решило продолжать с СССР переговоры на базе предложения Поль-Бонкура (см. док. № 138). — 166

⁷² В записи беседы Я. Х. Давтяна с бывшим премьер-министром Греции Венизелосом от 22 февраля 1934 г. отмечалось, что Венизелос «возмущен политикой греческого правительства в вопросе Балканского пакта, что пакт представляет громадную опасность для Греции, угрожая вовлечь ее в разные конфликты с Италией, СССР, Венгрией и т. д.». Венизелос считает, что «вообще этот пакт не нужен, поскольку Греция достаточно обеспечена в отношении Болгарии своим «союзом» с Турцией», и что «он не допустит ратификации пакта, если не удастся обезвредить его дополнительными декларациями». На вопрос Давтяна, что он конкретно под этим понимает, Венизелос разъяснил, что «нужно устранить из пакта все моменты обязательного военного сотрудничества». Он полагает, что «Греция должна была сделать такую же декларацию, как Турция, как об СССР, так и об Италии» (см. прим. 17).

«Я ему подробно изложил, — записал далее Давтян, — нашу точку зрения. Он с большим вниманием выслушал меня. Видно было, какое громадное значение он придает позиции Советского правительства в международных вопросах. Я отметил также, что официозные органы прессы сознательно извращали нашу точку зрения на пакт, изображая дело так, как будто мы одобряем его». — 166

⁷³ Во время беседы 21 февраля 1934 г. Б. Е. Штейн, касаясь вопроса о заключении торгового договора, предложил Хаксело поговорить на тему о модус вивенди. «Хаксель сказал, — отмечалось в записи беседы, — что с удовольствием готов это сделать, и спросил, как я понимаю этот модус вивенди. Я ответил: прекращение бездоговорного состояния и наибольшее благоприятствование. Хаксель сказал, что оба эти условия приемлемы, но что касается наибольшего благоприятствования, то Финляндия не сможет пойти на абсолютное наибольшее благоприятствование, ибо по договору с Англией она связала себя некоторыми изъятиями, на которые наибольшее благоприятствование не распространяется. Я сказал, что мне трудно абстрактно рассуждать на эту тему и что лучше было бы, если бы Хаксель набросал свои мысли на бумаге в виде хотя бы небольшого проекта конвенции или обмена нотами» (см. также прим. 75). — 170

⁷⁴ В письме полпреда СССР в Финляндии Б. С. Стомонякову от 28 апреля 1934 г. указывалось, что в соответствии с договоренностью с НКВТ СССР о покупке в Финляндии бекона Наркомвнешторг «распорядился эту сделку подписать, и она уже подписана. Нам удалось получить 12-месячный кредит и добиться снижения цены на 25 пенни за килограмм». — 172

⁷⁵ В письме Б. Е. Штейна Б. С. Стомонякову от 11 мая 1934 г. отмечалось, что «в продолжение последних 2 недель ведется систематическая пропаганда экономического сближения под лозунгом заключения торгового договора». «Для меня несколько неясно, — продолжал он, — поведение Хакселя в этом вопросе, и та медлительность (я, конечно, не принимаю никаких мер против этой медлительности), которая проявляется в разработке и вручении мне проекта модуса вивенди, о котором мы с ним условились еще в феврале. Единственное объяснение этого факта я вижу в следующем: Хаксель проявил некоторую неосторожность, пойдя в разговоре со мной на обещание подписать соглашение о наибольшем благоприятствовании и прекращении бездоговорного состояния».

В заключении письма указывалось: «Вот почему он воздерживается от вручения подобного проекта, причем одновременно (как мне это стало известно) трактатная комиссия разрабатывает уже проект полного торгового договора с СССР. Кампания печати является, таким образом, подготовкой к попытке заключить с нами торговый договор». — 175

⁷⁶ 29 декабря 1933 г. и. о. заведующего II Восточным отделом НКВД СССР М. В. Юшкевич информировал об упомянутом заявлении советских

хозяйственных организаций советника японского посольства в СССР Сако. Юшкевич, в частности, сказал, что «Дальрыба и Госбанк считают, что облигационный курс АКО, временно установленный в апреле 1931 г. в 32½ сены, не соответствует теперешнему курсу обесценившейся нены, и дали указание своим органам во Владивостоке об установлении нового курса за облигационный рубль». Сако на это ответил, что ему «трудно сейчас сказать, как на это будет реагировать посол и какое это произведет впечатление в Японии» (см. док. № 81, 163, 171, 175, 183, 195).— 176

⁷⁷ С помощью советских кинематографистов в МНР были сняты два звуковых художественных фильма: «Сын Монголии» и «Его зовут Сухэ Батор».— 178

⁷⁸ Во время беседы Н. Н. Крестинского с Буллитом 13 марта 1934 г. «Буллит сказал, что когда он ехал сейчас из Нью-Йорка, то на том же пароходе ехал японец Такэтоми, бывший японским поверенным в делах в Вашингтоне, назначенный сейчас посланником в Голландию. Этот Такэтоми во время пути старался убедить Буллита, что японское правительство и большинство японской общественности против войны с СССР. Но он тут же высказал опасение, что какой-нибудь японский генерал в Маньчжурии может послать свои войска через Амур, начать военные действия и поставить правительство перед фактом войны с СССР».— 179

⁷⁹ По поводу характера использования сумм займов, предоставленных правительством США царскому и Временному правительствам, конгрессмен Макфадден заявил 4 апреля 1934 г. на заседании конгресса США: «Я открыто заявляю вам, что расследование, произведенное мной и другими членами комиссии, показало, что очень мало из 187 млн. долл. пошло в Россию. Они пошли на погашение контрактов, заключенных русскими финансовым агентом в США с коммерческими предприятиями на военное снаряжение; главная часть этих денег пошла на платежи по контрактам на это снаряжение, заказанное финансовым агентом здесь. Товары затем не пошли в Россию, а продавались здесь и подвергались махинациям Бахметьева и Сергея Угета, агента по ликвидации. А что сделалось с деньгами? Когда мы начали расследование в Национальном Сити-банке, в Нью-Йорке было на текущем счету свыше 60 млн. долл., а когда спустя около двух недель мы закончили это расследование, фонды эти были взяты и доведены до 1 млн. долл., и, заметьте, госдепартамент и казначейство направили конгресс к Борису Бахметьеву за информацией, куда пошли эти деньги» (см. Congressional Record seventy — third congress, second session, Vol. 78, Washington, april 4, 1934, № 73, p. 6199, а также док. № 87, 103, 116, 148).— 180, 245

⁸⁰ В упомянутом письме С. С. Александровский сообщал, что, по имеющимся у него сведениям, МИД Чехословакии передаст полпредству СССР в ближайшие дни проект торгового договора и запрашивал указаний НКВД.— 183

⁸¹ Речь идет об обращении норвежского страхового общества «Атлас» в городской суд Осло по иску к торгпредству СССР в Норвегии.

Свои претензии истец обосновывал тем, что в декабре 1930 г. торгпредство СССР в Норвегии, действуя в качестве агента немецкого транспортно-торгового общества «Дерутра» в Гамбурге и от имени последнего, подписало договор фрахтования с арматорами норвежского парохода «Стейнгрим». Одновременно арматоры застраховали свое судно от морского риска в страховом обществе «Атлас». Во время проводки судна через льды под Ленинградом последнее потерпело аварию, и общество выплатило арматорам страховое вознаграждение. Поскольку в полисе истца, выданном арматору, указывалось на право истца обратиться с регрессным иском к третьему лицу, общество «Атлас» вчинило таковой торгпредству, хотя этот иск и не вытекал из какой-либо сделки, заключенной им с торгпредством.

Дело было принято судом к производству на основании разъяснения данного министерством иностранных дел Норвегии о том, что спор между

о-вом «Атлас» и торгпредством подпадает якобы под действие п. 5 ст. 4 договора о торговле и мореплавании между СССР и Норвегией от 15 декабря 1925 г., т. е. подсуден норвежской юрисдикции.

Нотой от 26 февраля 1934 г. полпредство СССР в Норвегии сообщило министерству иностранных дел Норвегии, что «оно не может согласиться с точкой зрения министерства о подсудности норвежской юрисдикции дела, возбужденного страховым о-вом «Атлас» против торгпредства СССР в Норвегии. Полномочное представительство не имеет в виду в какой-либо мере оспаривать независимость норвежских судов от административных властей. Однако оно было вынуждено прибегнуть к дипломатическому порядку сношений по этому делу ввиду того, что министерство иностранных дел выдало истцу — о-ву «Атлас» разъяснение о подсудности торгпредства, каковое разъяснение фигурирует в досье суда по этому делу».

Полпредство просило министерство иностранных дел Норвегии дать суду новое разъяснение.

27 июля 1934 г. министр иностранных дел Норвегии Мувинкель направил временному поверенному в делах СССР в Норвегии Л. К. Ананову ноту, в которой говорилось: «Ввиду представленных мне новых объяснений я сегодня письмом центральной конторе морских страховок взял обратно документ, выданный мною 1 ноября пр. года страховому о-ву, упоминаемый в вербальной ноте Полпредства от 26 февраля с. г., а также в письме г. Бекзаяна г. Эмарку от 28 февраля с. г.» — 184

⁸² 6 января 1934 г. полпред СССР в Норвегии телеграфировал в НКИД СССР, что «в связи с докладом шведского профессора Олиня в Копенгагене о культурно-экономическом союзе северных стран норвежские газеты поместили статьи. Заслуживает внимания, что даже правые и аграрии не поддерживают эту идею, а «Арбейдербладет» решительно отводит этот вод-рос». — 186

⁸³ В телеграмме А. А. Бекзаяна от 8 марта 1934 г. в НКИД СССР говорилось: «Поездка в Москву конькобежцев, вопреки решению спор-тсоюза вернуть их из Стокгольма, с угрозой пожизненной дисквалификации, занимает всю норвежскую прессу. Налицо разлад в самом оскандали-вшемся буржуазном союзе конькобежцев. В день отъезда они были у меня». — 187

⁸⁴ 24 апреля 1933 г. посланник Норвегии в СССР Урби информировал НКИД СССР, что «Постоянный международный суд в Гааге своим реше-нием от 5 апреля 1933 г. признал недействительным оккупацию Норвегией территории Восточной Гренландии между 70°30' и 75°40' с. ш., осуществ-ленной в соответствии с королевским декретом от 10 июля 1931 г.».

В письме далее говорилось: «Королевским декретом от 7 апреля 1933 г. отменен упомянутый выше декрет от 10 июля 1931 г.».

В письме от 20 апреля 1933 г. А. А. Бекзаян сообщал Б. С. Стомоня-кову: «Считаю характерным для умонастроения норвежцев то, что гааг-ский приговор по гренландскому вопросу, являющийся, по Вашему пра-вильному выражению, «провалом полярного империализма, наносящим серьезный удар активистским кругам Квислинга, используется не либе-ралами, не мувинкельцами, а теми же самыми активистскими фашистскими кругами. Либералы и Мувинкель в этом вопросе, где они имели бы возмож-ность бряцать оружием победителей и ошельмовать активистов за грен-ландскую авантюру, проявляют «гнилой либерализм» и свято хранят свое обещание не исползовать эту свою победу во вред противникам. Зато активисты не дремлют, и это, конечно, не без влияния извне (не секрет, меж-ду прочим, что германские расисты перебрасывают значительные матери-альные средства для обработки настроения в Скандинавии). И Квислинг этим, конечно, пользуется всюю». — 187

⁸⁵ Заведующий экономическим отделом МИД Чехословакии Фридман 7 марта 1934 г. перечислил С. С. Александровскому основные пункты чехо-словацкого проекта торгового договора с СССР: «наибольшее благоприят-

ствование, поселение и правовая защита граждан, мореплавание, торговые знаки, права торговых обществ, статус торгпредства» и др.

Договор о торговле и мореплавании между СССР и Чехословакией был заключен 25 марта 1935 г. (см. «Собрание законов...», отд. II, № 14—15, 1935, стр. 205—230).— 139

⁸⁶ Ватанабэ и японские рыбопромышленники 20 февраля 1934 г. просили советского дипагента во Владивостоке Б. А. Похвалинского сохранить за ними 42 рыболовных участка, которые они ранее арендовали (см. также т. XV, прим. 23).— 190, 325

⁸⁷ 17 марта 1934 г. заместитель наркома иностранных дел СССР ознакомил Ота с содержанием комментируемого документа. Ота поблагодарил за сообщение и сказал, что, поскольку переговоры по этому вопросу будут проходить в Токио между К. К. Юреневым и Хирота, он ограничивается приятным сказанным к сведению.

19 марта 1934 г. Юренев, сообщая об исполнении указания, писал, что Хирота обещал дать ответ по существу советского предложения после того, как «выяснит мнение японских рыбопромышленников и договорится с ними относительно методов ведения переговоров» (см. док. № 163, а также прим. 149).— 190

⁸⁸ В указанном письме Буллита М. М. Литвинову от 18 марта 1934 г., в частности, говорилось:

«Президент телеграфирует, что во время разговоров с Вами мысль о предоставлении Советскому правительству непосредственного займа никогда и ни на минуту не приходила ему в голову, что никогда не было самого малейшего шанса на возможность предоставления непосредственного займа и что на сегодняшний день не существует даже отдаленной возможности подобного займа. По представлению Президента, его переговоры с Вами основывались на мысли о займе в форме коммерческих кредитов».— 193

⁸⁹ Наряду с публикуемым Заключительным протоколом (о его подписании сообщалось в газ. «Известия» от 28 марта 1934 г.) 14 апреля 1934 г. было заключено кредитное соглашение между Госбанком СССР и Торговым представителем СССР в Германии, с одной стороны, и «Дейче банк унд Дисконто-гезельшафт» и «Дрезденер банк» — с другой, о предоставлении Госбанку СССР указанными германскими банками кредита на сумму 85 млн. германских марок как продления части кредита, предоставленного по кредитному соглашению от 25 февраля 1933 г. (см. т. XVI, док. № 47, 48).

В связи с заключением этого соглашения состоялся обмен письмами от 14 и 18 апреля между обеими сторонами о золотой оговорке в отношении германской марки.

На основании постановления п. 2, разд. I, публикуемого Заключительного протокола в министерстве экономики Германии со 2 мая по 8 августа велись переговоры между германской и советской делегациями о мероприятиях по укреплению советского экспорта в Германию. Переговоры закончились подписанием 8 августа 1934 г. Заключительного протокола переговоров германо-советской товарной комиссии, фиксировавшего советские пожелания и предложения и позицию германской стороны по каждой из статей советского экспорта в Германию. В 21-м пункте протокола («Заключительные заявления») говорилось:

«Германская сторона заявляет, что, по ее представлению, советский экспорт в Германию примет желаемые размеры, если СССР поставит тоннары или увеличит поставки товаров, о которых Германская сторона повторно извещала Советскую сторону.

Германская сторона оставляет за собой право в соответствующем случае вернуться к этому вопросу.

Советская сторона указывает на свои заявления, сделанные по отдельным, обсуждавшимся в комиссии вопросам, и считает, что объем советского экспорта в Германию в 1934 г., предусмотренный Протоколом от 20 марта

1934 г., разд. 1, пункт 2, в размере 200 млн. германских марок, ни в коей мере не гарантирован.

По товарам, которые, по мнению Германской стороны, могли бы быть поставлены в увеличенных объемах, речь идет частично о предметах, которые в настоящее время из СССР не вывозятся (ольховая круглая древесина, льняное семя), частично о предметах, объем сбыта которых уже урегулирован особыми германо-советскими соглашениями (пушнина). Советская сторона оставляет за собой право на основе данных о дальнейшем развитии сбыта товаров СССР в Германию еще раз выразить просьбу о повторной проверке обсуждавшихся в комиссии вопросов или о принятии новых мер для развития советского экспорта в Германию в соответствии с условиями Протокола от 20 марта 1934 года». — 195

⁹⁰ В ходе дальнейших переговоров 17 июня 1935 г. в Монтевидео было подписано соглашение между банком Уругвая и НКВТ СССР «О торговом взаимобороте и валютной компенсации». В соответствии с этим соглашением товарооборот между обеими странами «не может быть ниже 100 000 ф. ст., ни выше 300 000 ф. ст. за исключением увеличений, которые могут устанавливаться с общего согласия». Срок его действия предусматривался с 10 февраля по 31 декабря 1935 г. — 199

⁹¹ 15 ноября 1934 г., в беседе с А. Е. Минкиным министр иностранных дел Уругвая Артеага, «коснувшись вопроса о торговом договоре, указал, что Уругвай избегает сейчас заключать торговые договоры и категорически отказывается от формулы наибольшего благоприятствования» (см. также прим. 90). — 199

⁹² Имеется в виду меморандум бывшего русского финансового атташе в США С. А. Уета от 10 января 1921 г. государственному департаменту США.

Согласно этому меморандуму оценка имущества, находившихся в распоряжении бывшего русского посольства в США, на 1 января 1921 г. составляла 171 792 395 долл. (см. также, док. № 77, 104, 117). — 200, 227

⁹³ В дополнение к публикуемой ноте полпредство СССР направило МИД Германии ноту от 26 марта с уведомлением о возвращении последнему всех судебных документов о ревалоризационных претензиях германских фирм к торгпредству СССР в Германии.

15 мая к поверенному в делах СССР в Германии С. А. Бессонову явился референт по экономическим вопросам IV отдела МИД Германии Брейтигам с предложением МИД и министерства экономики ликвидировать «долларовый конфликт» таким образом, что советская сторона уплачивает глобальную сумму в 9—10 млн. марок, из которой германское правительство удовлетворяет «в большом секрете», чтобы это не стало известным в других странах, полностью или частично претензии «особо пострадавших мелких фирм».

Бессонов заявил о своем отрицательном отношении к такому решению вопроса, имеющего для советской стороны принципиальное значение, и вновь подтвердил позицию, изложенную в публикуемой ноте от 24 марта.

19 мая германский МИД направил полпредству СССР ответ на его ноты от 24 и 26 марта, в котором сообщал о своем отказе «вмешиваться в частно-правовые конфликты между торговым представительством СССР и германскими фирмами». К ноте прилагались упомянутые выше судебные документы.

15 августа и 7 сентября полпредство СССР обратилось к МИД Германии с повторными нотами, в которых приводились случаи новых незаконных претензий германских фирм о ревалоризации, ставящих под угрозу развитие экономических отношений между СССР и Германией. В ноте от 7 сентября полпредство напоминало о своей позиции в этом вопросе, изложенной в его ноте от 24 марта, и выражало убеждение, что МИД Германии «примет необходимые меры с тем, чтобы решения арбитражных судов,

не признаваемые Советским Правительством, не были приведены в исполнение».

Тем не менее незаконные претензии германских фирм, поддержанные германскими властями, продолжались и в дальнейшем (см. также т. XVI, прим. 260).— 204

⁹⁴ 28 марта 1934 г. Лукаевич выразил благодарность Б. С. Стомнякову «за окончательное урегулирование вопроса о предоставлении дома на Спиридоновке в распоряжение миссии Польши в СССР».— 210

⁹⁵ В дневнике полпреда СССР в Перси С. К. Пастухова от 9 апреля 1934 г. об этом записано: «На днях А. И. Ступак выехал в Ирак».— 211

⁹⁶ В связи с этой просьбой Н. Н. Крестинский в письме Л. М. Хинчуку от 27 марта 1934 г. сообщал: «Учитывая Ваш повторный совет ноты не опубликовывать и специальной статьи по этому поводу не помешать, от опубликования воздерживаемся и будем ждать дальнейшего развития событий».— 212

⁹⁷ В 1934 г. во Франции вышла в свет книга Э. Эррио «Восток» (E. Herriot, Orient) о его поездке в Советский Союз в 1933 г. (см. т. XVI, прим. 148).— 213

⁹⁸ В телеграмме М. И. Розенберга в НКВД СССР от 30 марта 1934 г. говорилось, что «во время беседы, длившейся свыше трех часов, Эррио горячо убеждал, что нынешнее правительство более, чем некоторые из его предшественников, склонно договориться с нами. Тардые якобы не высказываются против; Думерг, Дензи, Петэн и Барту за сближение с нами. Вчера на совете министров Барту упомянул, что переговоры с нами о вступлении в Лигу наций продолжаются. Эррио сам обрабатывает всех. Он лично против поездки Барту в Варшаву» (см. прим. 132).

«Немцы, по словам Эррио, — сообщалось в телеграмме, — все еще предлагают сделку за наш счет. Во время пребывания французских офицеров в Берлине на конских состязаниях кронпринц убеждал одного из них, что обе армии должны соединиться для борьбы с опасностью на Востоке». Эррио сказал также Розенбергу, что когда он «был премьером, японцы официально предлагали ему кондоминиум в Маньчжурии».— 213

⁹⁹ В упоминаемом проекте протокола говорилось, что СССР и Германия, движимые стремлением к улучшению отношений друг с другом и укреплению международного мира вообще и в Восточной Европе в частности, «обязуются неизменно учитывать в своей внешней политике обязательность сохранения независимости Прибалтийских стран», входивших ранее в состав Российской империи.— 214

¹⁰⁰ Работа советско-афганской смешанной комиссии проходила в Сталинабаде в июле — августе 1934 г. Комиссия произвела обследования Чубекской плотины и берегов р. Пяндж. Стороны согласились, что в дальнейшем постройка любых сооружений на р. Пяндж и укрепление ее берегов должны обсуждаться сторонами в каждом отдельном случае.— 222

¹⁰¹ В указанном приказе управления Особого района Северной Маньчжурии от 12 декабря 1933 г. говорилось, что «в железнодорожных советских школах не могут быть служащими и преподавателями русские эмигранты, а в русских школах не могут быть служащими и учителями советские граждане». Приказ предписывал их немедленное освобождение от выполняемых обязанностей.— 222

¹⁰² С момента издания указанного приказа генконсул СССР в Харбине М. М. Славущкий и вице-консул А. М. Дрибинский неоднократно обращались к местным японо-маньчжурским властям с представлениями по поводу незаконного увольнения педагогов — советских граждан из частных школ. Так, 18 декабря 1933 г. Дрибинский заявил начальнику департамента народного просвещения Лян Юй-сяну и заместителю своего агента Симамура, что «увольнение учителей — совграждан только из-за их гражданства является совершенно исключительной дискриминацией и что дело, таким образом, носит чисто политический характер». 20 декабря 1933 г. Дри-

бинский вновь поставил перед Симамура вопрос об увольнении советских педагогов из частных школ и отметил, что «это расценивается нами как неприкрытый антисоветский выпад».

23 декабря 1933 г. Славущкий указал главноначальствующему Особого района Северной Маньчжурии Люй Жун-хуаню, что приказ об увольнении из частных школ педагогов — советских граждан «имеет содержание специального и ничем не оправданного гонения на граждан СССР». Аналогичные обращения имели место 24 января, 11 и 20 февраля 1934 г., в которых Славущкий, напомнив Люй Жун-хуаню весь ход переговоров по этому поводу, приводил факты гонения на преподавателей — советских граждан и охарактеризовал их как «некий варварский акт, направленный на ущемление культурных достижений среди советской колонии». Он требовал принять меры к отмене упомянутого приказа и восстановлению нарушенных прав советских граждан. Представители японо-маньчжурских властей неоднократно ссылались на свою неосведомленность, обещали «расследовать это дело», но ответа по существу так и не последовало. — 223

¹⁰³ В упомянутом предписании управления Особого района Северной Маньчжурии от 15 марта 1934 г. в отношении преподавателя Карницкого говорилось, что он «уже уволен со службы вследствие состояния в советском подданстве, поэтому он не может быть членом правления школы» и «участником административных дел школы». — 224

¹⁰⁴ В упоминаемом меморандуме посольство запрашивало согласия Советского правительства на открытие «китайского генерального консульства в Новосибирске, юрисдикция которого будет распространяться на всю Западную Сибирь, находящуюся до настоящего времени под юрисдикцией консульства Республики Китай в Чите, и всего Урала». 26 марта и. о. заведующего II Восточным отделом НКВД М. В. Юшкевич сообщил поверенному в делах Китая в СССР У Нань-жу, что «мы в принципе не возражаем» против открытия китайского генконсульства в Новосибирске, но «мы хотели бы одновременно открыть свое генконсульство в Калгане». 31 марта У Нань-жу сообщил Юшкевичу, что правительство Китая против этого не возражает.

Советское генеральное консульство в Калгане было открыто в июле 1934 г., а китайское генеральное консульство в Новосибирске — в октябре 1934 г. (см. также док. № 294). — 224, 225

¹⁰⁵ Беседа А. А. Трояновского с Рузвельтом состоялась 30 апреля 1934 г. Трояновский изложил аргументы советской стороны относительно взаимных претензий (см. док. № 77, 84, 87, 117).

Эти же аргументы были развиты Литвиновым Буллитом во время беседы 9 мая 1934 г. «Что касается суммы претензий, — отмечается в записи этой беседы Литвиновым, — то, как в свое время говорилось, я должен был изложить Рузвельту наши аргументы, чтобы убедить Рузвельта в достаточности и справедливости суммы в 75 млн. долл. Я это поручил Трояновскому, которому, к сожалению, убедить Рузвельта не удалось. Рузвельт отвечал Трояновскому, что он мне говорил, что хотя формально мы признаем только долг Керенского, но фактически полученная от нас сумма пойдет на удовлетворение претензий частных истцов. Я должен отметить, что это не совсем так. Речь шла об употреблении части уплачиваемой нами суммы на удовлетворение частных фирм; Рузвельт при этом говорил, что часть денег пойдет в казначейство. Если он теперь решил отказаться от имени казначейства от этой части, то это его дело, но, во всяком случае, при наших разговорах я исходил из суммы долга Керенского в 150—160 млн. долл.; теперь же выяснилось, что этого долга вообще почти не существует. Я удивлен позицией Рузвельта, оставившего без внимания нашу весьма сильную аргументацию». — 226, 262, 338

¹⁰⁶ Отряд турецких самолетов находился в СССР с 22 апреля по 14 мая 1934 г. 3 самолета этого отряда приняли участие в первомайском параде. Советская печать подробно освещала пребывание турецких летчиков в

СССР (см. газ. «Известия», 24—29 апреля, 1, 4—6, 8, 10, 12 мая 1934 г.).— 236

¹⁰⁷ А. М. Коллонтай в письме от 15 мая 1934 г. информировала Б. С. Стомолякова, что крестьянский союз «начал вести переговоры с Канделаки об осуществлении размещения 15 млн. руб. на сельскохозяйственные закупки» и что «Сандлер вызвал меня и Канделаки, чтобы выяснить некоторые технические подробности осуществления и проведения заказов».— 237

¹⁰⁸ Упомянутый закон Джонсона запрещал предоставление странам-должникам займов и кредитов со стороны правительства США. И хотя СССР всегда аккуратно платил по своим торгово-финансовым обязательствам, тем не менее он был включен в число стран, лишенных возможности получения американских правительственных кредитов и займов. 27 апреля советник полпреда СССР в США Б. Е. Скворский писал в НКВД СССР: «Как только билль сделался законом, т. е. был подписан президентом, адвокаты частных банков стали давать клиентам банков заключения в том смысле, что следует воздержаться от кредитных сделок с «Амторгом» ввиду того, что он фактически правительственная организация и неизвестно, как суд истолкует применение билля к «Амторгу», если перед ним будет поставлен вопрос. Начало создаваться, таким образом, положение, при котором всякая продажа товаров СССР в кредит может прекратиться».— 238, 262, 416, 613

¹⁰⁹ Имеется в виду заявление от 4 апреля 1934 г. совета директоров Экспортно-импортного банка об отказе предоставлять кредиты Советскому Союзу, пока не будет достигнуто приемлемое соглашение об уплате российской задолженности правительству и гражданам США (см. «The Memoirs of Cordell Hull», vol. 1, New York, 1948, p. 303, а также прим. 108).— 243

¹¹⁰ В письме в 1 Восточный отдел НКВД СССР от 23 июля 1934 г. временный поверенный в делах СССР в Турции Г. А. Залкинд сообщал о беседе с вновь назначенным на пост министра просвещения Турции Зейналь Абидин-беем по упомянутым в комментируемом документе вопросам. Он писал: «В беседе я затронул ряд вопросов, которые мы обсуждали ранее с Хикметом. Эти вопросы Вам известны (об археологических работах, сотрудничестве по линии кино, музыкальное сотрудничество и т. п.). На все был ответ: «мы имеем в виду», «в будущем году», «насколько позволяют средства» и дальше в этом духе.

Видя такую «экономную» установку, я задал ему вопрос относительно нашего участия в раскопках в Гуль-Теле и получил ответ, что нам будут открыты все двери, оказано будет всякое содействие, но материальную сторону нашего участия министерство просвещения принять на себя не может.— 245

¹¹¹ Концерты Зекки-бея состоялись в Москве 15 и 17 апреля 1934 г. и транслировались по радио.

19 апреля в честь Зекки-бея и Экрем Зекки ВОКС устроил концерт-ужин.— 246

¹¹² 14 апреля 1934 г. Я. З. Суриц передал в НКВД СССР сообщение министра земледелия Турции Мухлис-бея, что вместо агронома Фуада в СССР будет направлен другой специалист по льну и конопле. Однако такой специалист в 1934 г. в СССР направлен не был.— 246

¹¹³ В письме Г. А. Залкинда Л. М. Карахану от 25 марта 1934 г. об этом сообщалось: «Мы передали Хикмету наши пожелания о высылке в Москву произведений тех авторов, которые включены в антологию, мотивировав нашим намерением несколько расширить объем отрывков, которые будут даны в советском издании. Хикмет охотно согласился это сделать».— 247

¹¹⁴ 17 апреля 1934 г. Я. З. Суриц сообщил в НКВД СССР, что «имеется полная договоренность с директором ГОМЭЦ Я. С. Ганешкиным, как о составе артистов, так и условиях антрепризы, принятых на себя Красным Полумесяцем».

Поездка в Турцию ансамбля Большого театра СССР состоялась в апреле 1935 г.— 248

¹¹⁵ 12 апреля 1934 г. Я. З. Суриц телеграфировал в НКВД СССР, что для участия в Международном конгрессе по борьбе с ревматизмом «помимо Акыль Мухтара турки посылают еще Зеки Насифа, заведующего отделом статистики и пропаганды министерства гигиены, и Омера Васфи, главного врача алгорской больницы».

IV Международный конгресс по борьбе с ревматизмом открылся в Москве 4 мая 1934 г. (см. газ. «Известия», 5 и 6 мая 1934 г.).— 248

¹¹⁶ 4 мая 1934 г. Л. М. Карахан телеграфировал Я. З. Сурицу: «Академия наук СССР пошлет персональное приглашение на Менделеевский съезд химиков турецкому ученому по указанию министерства просвещения. Сообщите об этом министру просвещения Турции и выясните имя ученого».

14 августа 1934 г. Суриц сообщил в НКВД СССР, что «делегатом на Менделеевский съезд выделена доцент Стамбульского университета Рамзие Ханум».

Упомянутый съезд открылся в Ленинграде 10 сентября 1934 г. (см. газ. «Известия», 11, 12 и 14 сентября 1934 г.).— 248

¹¹⁷ 6 июня 1934 г. Б. С. Стомоняков в беседе сообщил Балтрушайтису, что «в этом году не предполагается обычного кругового плавания судов Балтийского флота с заходом в порты Балтийского моря и что в связи с этим отпадает визит одного из наших судов в Мемель».

Балтрушайтис ответил: «Раз не будет кругового плавания, то вопрос разрешается само собой весьма просто».— 253

¹¹⁸ В письме от 7 октября 1934 г. Б. С. Стомоняков сообщил полпреду М. А. Карскому, что по ходатайству НКВД и НКВТ инстанция «удовлетворила просьбу литовского правительства о продаже ему одной трехдюймовой батареи, 4 тыс. трехдюймовых снарядов, 4 тыс. кавалерийских шашек и некоторого количества авиабомб. Одновременно дано согласие на продажу Литве одной эскадрильи истребителей из 13 машин с тем, однако, что этот материал может быть доставлен литовцам лишь в середине 1935 г.».— 253

¹¹⁹ «Контроль-К» — фирма, осуществлявшая в СССР посреднические операции по закупке зерновых, сотрудникам которой — группе иностранных граждан (5 немцев, 3 австрийца, датчанин и бельгиец) — было предъявлено обвинение в шпионаже и диверсионных актах на территории СССР.

По ходатайству НКВД СССР, в связи с обращением посольства Германии в СССР, дело против упомянутых граждан было приостановлено, и они были высланы из СССР. С делом «Контроль-К³» связано также упоминаемое в документе дело секретаря германского генерального консульства в Одессе Гана, который по настоянию советской стороны был отозван в Германию.— 253

¹²⁰ Я. Х. Давтян имел встречу с Пилсудским 25 апреля 1934 г. В сообщении Давтяна в НКВД СССР от того же числа говорилось, что Пилсудский принял его «вместе с американским посланником в отдельном салоне». Разговор был «пустяковый и совершенно не касался политики».— 257

¹²¹ Коментируемый документ явился ответом на телеграмму Л. М. Карахана С. К. Пастухову от 7 апреля 1934 г., в которой говорилось: «На основании предложения персов о координации работ персидских и советских антисаранчовых отрядов попытайтесь договориться о конкретном сотрудничестве. Необходимо добиться допуска хотя бы нескольких наших специалистов, которые будут консультировать работу персидских отрядов. Кроме того, мы дадим бесплатно яды и аппаратуру» (см. прим. 122).— 258

¹²² 14 апреля 1934 г. Л. М. Карахан направил С. К. Пастухову телеграмму о том, что в районе Атрека и Мугани командированы по 4 специалиста. Ядохимикаты и аппаратура будут ввезены через Тазакенд.

19 апреля 1934 г. Пастухов телеграфировал в НКВД СССР, что по-

сольству Персии в СССР даны указания о выдаче виз советским специалистам и что персы просят прислать им только ядохимикаты.

Советские специалисты прибыли в назначенные районы в начале мая 1934 г. и в составе персидских отрядов принимали участие в противосаранчовых работах.— 253

¹²³ 24 апреля 1934 г. по этому вопросу состоялась беседа советника допредства СССР в Германии С. А. Бессонова с заведующим IV отделом МИД Германии Мейером. Как сообщал Бессонов, в ходе этой беседы «Мейер подробно останавливался на германском отказе подписать гарантийный пакт для Балтийских стран. Развернутая им аргументация целиком и полностью совпадает с заявлением, переданным Надольным в Москве». Далее в сообщении Бессонова говорилось: «Из дополнительных аргументов, не значащихся в германском заявлении, Мейер выдвинул только один, а именно, что немцы вообще не хотят лишней раз санкционировать в какой бы то ни было форме Версаль, а между тем подписание гарантийного Балтийского пакта означало бы именно косвенное подтверждение Версаля. На это я заметил ему, что совсем недавно немцы пошли на подтверждение Версаля в своем соглашении с Польшей» (см. прим. 14). В ответ на утверждение Мейера, что «в польско-германском соглашении заключается лишь отказ от ревизии версальских границ путем применения оружия», Бессонов заметил, что «подписание гарантийного Балтийского пакта имеет совершенно такой же смысл». Далее, писал Бессонов, «Мейер сказал, что демонстрация улучшения отношений между Германией и СССР должна идти не по линии какого-либо пакта — ибо пактов между Германией и СССР заключено достаточно, — а по линии хозяйственной. При этом, однако, он категорически отвел возможность получения в Германии финансового кредита и заявил, что речь может идти исключительно лишь о товарном кредите» (см. также прим. 271).— 263

¹²⁴ В телеграмме от 25 апреля 1934 г. А. М. Коллонтай сообщила в НКВД СССР: «Сегодня на особом собрании правительства с представителями партий окончательно установлено, что крестьяне не поддержат правительство. Этим предпрещается отклонение займа на предстоящей 26 апреля парламентской комиссии. Сегодня имели свидание с Сандлером, который заявил нам, что после сегодняшнего совещания весь вопрос перенесен в неизбежную политическую борьбу против кабинета и, как он выразился, 90% за провал займа в парламенте; правительство поставлено в тяжелое положение изменой групп, в свое время договорившихся с кабинетом о займе и этим обеспечивавшим прохождение соглашения в парламенте. Со своей стороны мы указали Сандлеру, что создавшееся положение считаем недопустимым и что правительство, ведущее с нами в течение нескольких месяцев переговоры и подписавшее соглашение, не могло совершить этих шагов, будучи неуверенным в прохождении его в парламенте. Тем более правительство всегда с уверенностью говорило, что прохождение этого вопроса в парламенте является только формальностью. Сандлер признал правильность наших упреков».

Далее в телеграмме указывалось, что «при вторичном свидании с Сандлером сегодня вечером заявила ему, что Москва намерена в срочном порядке отказаться от займа. Сандлер, посоветовавшись с кабинетом, выразил согласие принять наш отказ от займа, хотя этим кабинет будет поставлен в тяжелое положение».

В заключение телеграммы говорилось о необходимости сделать такое заявление не позднее вечера 25 апреля 1934 г. (см. также док. № 145).— 264

¹²⁵ В письме от 3 апреля 1934 г. А. М. Коллонтай высказала Б. С. Стомонову ряд замечаний по ст. 13 соглашения о займе (см. также прим. 124).— 264

¹²⁶ Беседа Б. Е. Штейна с Титулеску состоялась 11 апреля 1934 г. В тот же день Штейн телеграфировал в НКВД СССР, что Титулеску на-

мерен беседовать с Литвиновым «о восстановлении отношений и всей системы внешней политики и взаимоотношениях с другими государствами». В телеграмме приводилось заявление Титулеску о том, что «для него восстановление отношений с СССР — большой и глубокой важности вопрос. Он хочет знать, можем ли мы быть друзьями, а для этого нужно заранее устранить спорные вопросы. За восстановление отношений его будут ругать правые. Он должен иметь возможность сказать, что он пошел на большой и стоящий акт, а не просто подписал и получил формальную бумажку» (см. док. № 193). — 273

¹²⁷ 19 апреля 1934 г. М. И. Розенберг телеграфировал в НКВД СССР, что, по его мнению, «французы ознакомили Титулеску со всем существенным из наших переговоров» о Восточном пакте (см. док. 138). В телеграмме говорилось также, что «Титулеску, имеющий большие связи во французских кругах, уверяет, что Думерг, Вейган и Петэн вполне усвоили необходимость тесного сотрудничества с нами и что Тардьё не выступает против, хотя он и является приверженцем Японии. Барту озабочен приведением Локарно в соответствие с соглашением с нами. Думерг заявил, что в момент внутренних трудностей Германии Франция не намерена помогать Гитлеру, санкционируя германское вооружение. Титулеску считает, что, порвав в последней ноге с английскими «гарантиями», французы неизбежно должны искать у нас поддержки».

В телеграмме от 21 апреля Розенберг сообщил, что «Титулеску советует французам поставить вопрос о германских вооружениях перед Советом Лиги наций только после нашего вступления в Лигу в порядке ст. 8 пакта, с тем чтобы Франция могла предупредить Германию, что в результате ее вооружений «может наступить момент, когда Франция окажется в состоянии законной самозащиты», что может вынудить Германию на реальные уступки и развязать, во всяком случае, руки Франции». — 274

¹²⁸ Беседа И. М. Майского с Сесилем и Литтоном состоялась на завтраке у китайского посланника в Великобритании Ку Тай-чи 28 марта 1934 г. В записи этой беседы Майский отметил, что основной темой разговора был вопрос об отношении СССР к Лиге наций. «Лорд Сесиль спросил меня, насколько верны газетные сведения последнего времени о будто бы предстоящем нашем вступлении в Лигу наций. Я ответил, что сведения эти не соответствуют действительности. Три месяца назад гг. Сталин, Молотов и Литвинов сделали публичные заявления, смысл которых сводился к тому, что СССР готов сотрудничать с Лигой наций, если Лига наций сможет сыграть какую-нибудь роль в деле предупреждения войны или хотя бы отсрочки ее возникновения. Тем самым Советское государство ясно показало, что оно не относится к вопросу о Лиге наций доктринерски и что при известных условиях оно готово обсуждать вопрос о формах и методах сотрудничества с Лигой наций в интересах сохранения всеобщего мира. Однако такое сотрудничество мыслимо при двусторонней готовности к нему» (см. док. № 331). — 274, 291, 489

¹²⁹ В упоминаемой телеграмме И. М. Майский сообщал М. М. Литвинову о предстоявшей встрече с Гендерсоном. «Он дал мне понять, — писал полпред, — что собирается иметь со мной серьезный разговор по вопросу о разоружении и о наших отношениях с Лигой наций. Просил бы Вас дать мне указания, как держаться с Гендерсоном, в частности по вопросу о Лиге наций». Встреча состоялась 23 апреля 1934 г. (см. док. № 141). — 275

¹³⁰ В записи беседы заместителя заведующего III Западным отделом НКВД СССР Ф. С. Вейнберга с Альфаном 19 апреля 1934 г. говорилось, что Альфан передал ему копию ноты, врученной 17 апреля 1934 г. министром иностранных дел Франции Барту временному поверенному в делах Англии во Франции Кемпбеллу, по вопросу о конвенции по разоружению (см. «Сборник документов по международной политике...», вып. X, М., 1936, стр. 76—78). Во время беседы «Альфан подчеркивал серьезное значение этого документа. Впервые Франция совершенно отчетливо дает понять,

что подписание конвенции невозможно без предварительного вступления Германии в Лигу наций. Альфану известно, что поверенный в делах Англии был даже несколько поражен прямолинейностью тона этой ноты и указал, что она может произвести в Англии неблагоприятное впечатление». Вейнберг сказал, что «поведение Германии, в частности увеличение всех расходов на военные нужды, полностью оправдывает позицию Франции».

Альфан просил далее узнать пожелания Литвинова для передачи Барту в связи с визитом последнего в Польшу (см. прим. 132). — 277

¹³¹ В памятной записке МИД Италии от 20 апреля № 213042 полпредству СССР в Италии говорилось: «До настоящего времени Италия не применяла ни в отношении Австрии, ни в отношении Венгрии преференциального таможенного режима, применяя всего лишь так называемые соглашения по экспорту, направленные в основном к облегчению и развитию торговли с названными двумя странами путем предоставления кредитных льгот, устанавливаемых в соответствии с потребностями этих стран и в еще большей степени с требованиями переживаемого ими периода кризиса.

С другой стороны, известно, однако, что особенность положения, в котором в настоящее время обретаются Австрия и Венгрия, а также остальные страны Центрально-восточной Европы, является отныне общепризнанным обстоятельством и Италия, со своей стороны, сочла необходимым принять во внимание названную ситуацию, имея кроме того в виду свое географическое положение, равно как и свое положение в качестве государства, являющегося преемником бывшей Австро-Венгерской империи, каковые обстоятельства определенно собою и сохранили в силе некоторые специальные черты характера взаимодополняемости экономики Италии и вышеупомянутых стран». — 278

¹³² Министр иностранных дел Франции Барту посетил Польшу с официальным визитом 22—24 апреля 1934 г.

Целью его поездки было обсуждение с руководителями Польши не только непосредственно франко-польских отношений, но и выяснение позиции польского правительства в вопросе заключения пакта взаимопомощи стран Восточной Европы с участием СССР и Польши.

Однако, как следует из записи беседы Барту с Пилсудским, сделанной вице-министром иностранных дел Польши Я. Шембеком, а также мемуаров министров иностранных дел Польши Бека и французского посла в Варшаве Ляроша, Барту, по существу, не удалось обсудить проблему коллективной безопасности и проект Восточного пакта ни с Пилсудским, ни с Беком.

Пилсудский говорил Барту, что на первое место во внешней политике Польши он выдвигает ее связи со странами на двусторонней, а не на многосторонней основе, что свидетельствовало об отрицательном отношении польского правительства к идее коллективной безопасности.

Из высказываний Пилсудского явствовало, что он не одобряет франко-советское сближение. На вопрос Барту об отношении Пилсудского к вступлению СССР в Лигу наций последний ответил отрицательно (см. J. Beck. Final Report, New York, 1957, pp. 55—56; Dziariusz iteki Jana Szembeka, t. I. Londyn, 1964, s. 152—159; J. Laroche. Polska lat 1926—1935. Warszawa, 1966, s. 150).

В беседе с временным поверенным в делах СССР во Франции М. И. Розенбергом Барту давал весьма сдержанную оценку своему визиту в Варшаву (см. док. № 154, 158).

После визита Барту негативная позиция польских правящих кругов в отношении Восточного пакта не изменилась (см. прим. 198). — 280, 294, 297, 299, 322

¹³³ 23 апреля 1934 г. Я. Х. Давтян встретился с Беком на приеме у посла Франции в Польше Ляроша. В записи беседы Давтяна говорилось, что, после того как он сообщил Беку о специальном поручении М. М. Литвинова, Бек сразу насторожился и спросил, в чем дело. Давтян ответил,

что «речь идет о нашем предложении Германии по поводу независимости Прибалтики. Бека, видно, это дело весьма заинтересовало, ибо он сказал, что постарается завтра меня обязательно принять».— 293

¹³⁴ 24 апреля 1934 г. М. И. Розенберг телеграфировал в НКВД СССР, что, по словам Леже, переговоры о заключении договора о взаимопомощи «покоятся на предположении нашего вступления в Лигу наций, ибо в противном случае они (французы.— *Ред.*) могли бы нам предложить только консультативный пакт и экономическое сотрудничество. Я восстановил всю постановку вопроса,— говорилось в телеграмме,— в связи с предложением Бонкура и в то же время подчеркнул, что вопрос о Лиге наций может быть встанет перед нами когда-нибудь независимо от переговоров, но в плане переговоров с Францией вопрос о Лиге является производным» (см. док. № 168).

Далее в телеграмме указывалось: «Леже подробно говорил о наших оговорках (см. т. XVI, прим. 321.— *Ред.*): 1) Он признает полную обоснованность оговорки относительно арбитража, но считает, что ей надо придать форму декларации. Ни одно государство не делало оговорки при вступлении, за исключением Швейцарии, по поводу нейтралитета. Форме декларации, по мнению юристов, никто не может по существу возражать. 2) Наше предложение по поводу ст. 12 также приемлемо в форме декларации. 3) Он пространно аргументировал против упразднения ст. 22. 4) Напомнил, что расовое равенство предлагали японцы, и заявил о его неприемлемости даже с точки зрения французского колониального законодательства. 5) Всех членов Лиги наций можно якобы считать признавшими друг друга де-юре. Нельзя помешать членам воровать нормальные отношения или заставлять их восстановить таковые, пример: Польша — Литва. У него есть, мол, тезисы конвенции, с которыми он хочет ознакомить меня до приезда Баргу, дабы не получилось в Москве, как он заявил, впечатления, что он нелояльно ведет переговоры. Он обмолвился, что без Польши конвенция географически неосуществима» (см. док. № 151).— 296

¹³⁵ Имеются в виду письма М. М. Литвинова М. И. Розенбергу от 4 апреля (см. док. № 109) и 19 апреля 1934 г.

Во втором письме говорилось о предложении СССР Германии подписать протокол о сохранении независимости и неприкосновенности Прибалтийских стран (см. док. № 94) и указывалось на «лицемерное подписание Германией соглашения с Польшей» (см. прим. 14). Одновременно сообщалось, что Розенбергу будет поручено информировать французское правительство об указанном предложении СССР Германии и отрицательной позиции последней (см. док. 149).— 297

¹³⁶ В телеграмме от 26 апреля 1934 г. С. С. Александровский сообщил М. М. Литвинову, что Бенеш в беседе с ним «выразил твердую уверенность в том, что увидит Вас в Женеве 29 мая и тогда вопрос о возобновлении взаимоотношений с Малой Антантой в целом будет урегулирован».

Встреча Литвинова с Бенешем и Титулеску состоялась в Женеве 30 мая 1934 г. (см. док. № 181, 190, 192).— 302

¹³⁷ О встрече с президентом США Е. В. Рубини рассказал Буллит 16 мая 1934 г., «подчеркнув простоту и любезность, с которыми он меня принял, отметил, что беседа продолжалась лишь несколько минут и не коснулась никаких деловых тем».— 303

¹³⁸ Начальник информационного бюро МИД Японии Амо 17 апреля 1934 г. сделал заявление относительно намерения Японии установить контроль над всем Китаем (см. кн. «История войны на Тихом океане», т. I, стр. 369, М., 1957).

По этому поводу в записи беседы М. М. Литвинова с Буллитом 22 апреля 1934 г. отмечалось: «Буллит приходил поговорить по поводу японского выступления, которое он охарактеризовал как недвусмысленное объявление протектората над всем Китаем. Я согласился с этой характеристикой и сказал, что этого надо было ожидать. Поскольку Япония не

встречала препятствий на своем агрессивном пути до сих пор, мы, зная ее, были уверены, что она пойдет по этому пути и дальше».

В телеграмме А. А. Трояновского в НКВД СССР от 26 апреля 1934 г. указывалось: «В конфиденциальных беседах с журналистами подчеркивается исключительная серьезность созданного японскими заявлениями положения» (см. также док. № 135, 161 и 164).— 305

¹³⁹ М. М. Литвинов в письме В. П. Потемкину от 27 апреля 1934 г. сообщал, что как итальянский посол в Москве «Агтолико, так и его коллеги в Прибалтийских странах проявляют большой и активный интерес к нашим взаимоотношениям с этими странами и с Польшей». «Со стороны Малой Антанты,— продолжал он,— никакого движения вод не заметно. И чехословаки, и югославы утверждают, что вопрос возобновления отношений окончательно решен, но что ему должен предшествовать разговор Титулеску со мной по бессарабскому вопросу».— 306

¹⁴⁰ В. П. Потемкин в письме Н. Н. Крестинскому от 4 января 1934 г. высказал просьбу, чтобы НКВД СССР информировал его очередной почтой, «как идут наши дела с Францией? Что делается на Дальнем Востоке?»

В письме М. М. Литвинову от 26 марта 1934 г. Потемкин запросил информацию «относительно германской экспансии в Прибалтику».— 306

¹⁴¹ М. М. Литвинов в телеграмме М. И. Розенбергу от 30 апреля 1934 г. указывал, что «схема Леже требует серьезного изучения и обсуждения, так что ответ не может быть дан немедленно». Литвинов предлагал «не откладывать до нашего ответа встречу с Барту, а наоборот, попытаться выяснить отношение Барту к схеме Леже». Встреча Розенберга с Барту состоялась 1 мая (см. док. № 154).— 310

¹⁴² В телеграмме в НКВД СССР от 30 апреля 1934 г. М. И. Розенберг сообщил, что, по имеющимся у него сведениям, Барту «не затрагивал с Бекем вопроса о взаимопомощи с нашим участием, так как не хотел, чтобы Бек зафиксировал свое заведомо отрицательное отношение».— 313

¹⁴³ М. М. Литвинов телеграфировал М. И. Розенбергу 3 мая 1934 г.: «В основном схема Леже признана приемлемой, но не все связанные с ней вопросы ясны и что поэтому Советское правительство считает нужным вести переговоры с французскими руководителями» (см. также док. № 168, 192, 254).— 313

¹⁴⁴ 8 мая 1934 г. Б. С. Стомяков телеграфировал Б. Е. Штейну о согласии на поездку в СССР делегации финляндского парламента и просил прислать «первой почтой конкретные предложения об организации поездки по СССР финляндских парламентариев» (см. также прим. 171).— 314

¹⁴⁵ Имеется в виду запрос Халла министру юстиции США Каммингсу, должно ли Советское правительство как преемник прежнего правительства России считаться неплательщиком в то время, когда идут переговоры о соглашении относительно долгов. Каммингс ответил утвердительно (см. «The Memoirs of Cordell Hull», vol. 1, New York, 1948, p. 303).— 321

¹⁴⁶ Переговоры о расширении льготных тарифов на ввозимый в США советский уголь продолжались и в 1935 г. В беседе с Буллитом 4 июля 1935 г. М. М. Литвинов указал Буллиту на существование в Америке льготных тарифов на уголь для стран, имеющих торговые договоры с Америкой, каковые льготы на нас в американской формуловке не распространялись бы. Мы с Буллитом констатировали, что, с одной стороны, мы не претендуем на полное освобождение нашего угля от пошлин, а с другой стороны, Америка не намерена создавать для нас «дискриминацию в отношении угля».— 322

¹⁴⁷ Последующие беседы Ш. З. Элиавы с Давером состоялись 13 и 16 июня 1934 г. Обсуждались вопросы советско-персидских торговых отношений. Давер одобрил предложение Элиавы о необходимости начать подготовку к заключению нового торгового договора между СССР и Персией (см. также док. № 428).— 326

¹⁴⁸ 4 мая 1934 г. начальник европейско-азиатского департамента МИД Японии Того в беседе с советником посольства СССР в Токио Н. Я. Райвидом, касаясь вопроса о курсе АКО, сказал, что «в результате переговоров курс облигаций может быть повышен». — 326

¹⁴⁹ 11 мая 1934 г. К. К. Юренев посетил Хирота и изложил ему предложение советской стороны, содержащееся в комментируемом документе. Хирота ответил, что он «принимает предложение» советской стороны и думает, что это предложение «даст возможность решить рыболовный вопрос в целом». Хирота также сказал, что, прежде чем дать окончательный ответ, ему «необходимо переговорить с японскими рыбопромышленниками» и «выяснить с ними вопрос о времени и месте переговоров».

Беседа по этому вопросу была продолжена 18 мая. Юренев сообщил Хирота, что Советское правительство «считает целесообразным вести переговоры о курсе АКО между правительствами» и начать их сразу «после окончания владивостокских торгов», которые назначены на 25 мая. Хирота сказал, что вопрос о курсе облигаций АКО «является экономическим, который непосредственно касается рыбопромышленников, поэтому желательно, чтобы их мнение было выслушано на переговорах». Он также просил назначить проведение торгов не на 25, а на 20—22 мая. 21 мая Юренев информировал Хирота, что его просьба о проведении торгов на 2—3 дня раньше установленной даты не может быть исполнена ввиду объявления Дальрыбой торгов на 25 мая (см. док. № 171). — 327

¹⁵⁰ В упоминаемом обзоре, озаглавленном «Антияпонские настроения в Англии», составленном советником полпредства СССР в Великобритании Г. А. Астаховым, отмечалось: «Обострение антияпонских настроений в Англии за последний месяц достигло весьма высокой степени в результате известных деклараций Токио о недопущении иностранной помощи Китаю и в результате отказа Японии идти на переговоры о нормированном распределении текстильных рынков». И далее: «Японская угроза заняла едва ли не первое место, если не в печати, то в умах правящей верхушки и в настроении ряда влиятельных экономических прослоек (Британская Торговая Палата, текстильщики Манчестера и тяжелая индустрия Норкшира). Сами англичане обычно неохотно распространяются на эту болезную для них тему, но от ряда иностранцев, вращающихся среди местных политических кругов и разносторонне информированных, приходится слышать самые категорические утверждения о крайней тревоге, которую вызвали в Лондоне последние тенденции Японии».

В заключение указывалось: «Подводя итоги, можно сказать, что с большими или меньшими оговорками против Японии высказалась пресса, обслуживающая по меньшей мере три четверти читающего населения Великобритании, если оставить в стороне второстепенные проинициальные органы. Надо учесть к тому же, что близкие к правительству органы уже в силу своего положения вынуждены к большей сдержанности. Поэтому у нас есть основания с известным доверием относиться к отзывам наших собеседников, утверждающих, что степень беспокойства правящих слоев, вызванная японскими выступлениями, значительно больше той, которая проявляется в официальных заявлениях и полуофициальных передозипках консервативных газет». — 327

¹⁵¹ В записи беседы Я. Х. Давтяна с Беком 26 мая 1934 г. говорилось: «Бек заинтересовался, имеются ли у нас новые взгляды сейчас по вопросу разоружения». Давтян ответил, что «наша точка зрения в этом вопросе остается прежней и мы всегда готовы поддерживать любую действительно реальную инициативу, способствующую разоружению» (см. т. XVI, прил. 2 и док. № 182 настоящего тома).

Относительно упоминаемого в п. 3 записи беседы времени обмена ратификационными грамотами протокола от 5 мая 1934 г. условилось, что обмен будет произведен в Варшаве 16 июня 1934 г. (см. док. № 157). — 333

¹⁵² Владислав Студницкий — публицист, в начале 1934 г. выступил в

польской печати с рядом статей («Исповедь германофила», «За союз Германии с Польшей» и др.), в которых активно пропагандировал идею польско-германского военного союза против СССР (см. газ. «Wiadomości Litewskie», п. 13, 4 kwietnia 1934; «Słowo», 21 kwietnia 1934). — 334

¹⁵³ На заседании Бюро конференции по разоружению 10 апреля 1934 г. польский делегат Рачинский, касаясь вопроса о заключении конвенции по безопасности и разоружению (см. также т. XVI, док. № 32), заявил: «Польша исполнена решимости не жалеть усилий, дабы прийти к заключению конвенции, отвечающей полномочиям конференции и основанной на текстах и обязательствах, которые составляют базу Конференции. Польша всегда понимает, что эти тексты и эти обязательства предполагают ограничение и сокращение вооружений» (см. League of Nations. Records of the Conference for the Reduction and Limitation of Armaments. Ser. C, vol. II, Geneva, 1936, p. 208). — 336

¹⁵⁴ На предложение Буллита Н. Н. Крестинский ответил следующей памятной запиской от 23 мая 1934 г.:

«1. Представляется возможной одновременная организация в Москве как Консульского отдела при Посольстве Соединенных Штатов, так и отдельного Генерального консульства (Консульства) Соединенных Штатов.

2. В случае принятия порядка, изложенного в п. 1 в экзеватуре, в качестве округа Генерального консула (Консула) Соединенных Штатов в Москве могли бы быть зафиксированы г. Москва и Московская область, с предоставлением означенному Консульству в указанных территориальных пределах права выполнять все консульские функции. Указанная экзеватура была бы выдана возглавляющему Консульство лицу после предоставления в Народный Комиссариат, согласно обычаю, консульского патента этого лица.

3. Независимо от сказанного в п. 2 было бы возможно осуществление Генеральным Консулом (Консулом) в Москве в фактическом порядке для всей территории Советского Союза, за исключением тех частей его, которые в будущем вошли бы в состав консульского округа других американских консульств, основных технических консульских функций, как-то: выдача паспортов, выдача виз, легализация и нотариальные действия.

4. При таком положении вещей защита текущих интересов американских граждан в Советском Союзе и выполнение прочих сторон консульской деятельности для частей Советского Союза, не входящих в состав консульского округа Генерального Консульства (Консульства) в Москве, или в состав других американских консульств, лежала бы на Консульском отделе Американского посольства, во главе которого стояло бы назначенное для этой цели Американским Послом лицо из дипломатического персонала Консульства».

В результате дальнейших переговоров в Москве было учреждено в марте 1934 г. генеральное консульство США. В свою очередь Советский Союз открыл в мае 1934 г. генеральные консульства в Нью-Йорке и в Сан-Франциско. — 338

¹⁵⁵ В записке беседы М. М. Литвинова от 13 мая 1934 г. приводилось заявление Буллита о том, что, «насколько ему удалось выяснить из искаженной телеграммы, намечается следующая схема. Мы извещаем о каждой предстоящей закупке товаров в США Экспортно-импортный банк, который, в случае одобрения транзакции, сносится с соответствующими фирмами на предмет соглашения о пропорции кредита между фирмой и банком. Эта пропорция может быть неодинаковой при всех транзакциях. Это представляет, по мнению Буллита, для нас ту выгоду, что в дополнение к тем примерно 200 млн. долл. кредитов, которые предоставляет нам банк, мы получаем еще дополнительные кредиты от частных фирм. Кредит пролонгируется через каждые 5 лет, составляя в общем срок в 20 лет. Хэлл наставляет, однако, о проценте, хотя бы и небольшом, на признанную сумму претензий.

Буллит, оговариваясь, что он пока еще не делает официального предложения, так как не уверен в усвоении им директив, спрашивал, как я отношусь к изложенной схеме. Я ответил, что предпочитаю высказаться после того, как Буллит сделает официальное предложение. Для уяснения я просил его объяснить мне, почему Вашингтон настаивает на навязывании кредитов частным фирмам. Если желательнее вообще увеличить объем торговли, то этого можно достигнуть повторением кредитов. После истечения 200 млн. кредита ничто не мешает Банку продолжить кредит, что нам будет еще более интересно ввиду того, что вопрос о добавочном проценте тогда отпадет.

Мы возражаем против частных кредитов потому, что если даже за поставщиками останется 10% риска, мы не уверены, что фирмы не покроют сами всего этого риска надбавкой к цене. Что касается процентной ставки, то дело американцев выдвигать ту или иную часть согласованной ставки на удобные им цели. Непонятно мне также предложение о возвратном кредите вместо установления первоначального срока в 20 лет, а также необходимость одобрения каждой сделки банком.— 335

¹⁵⁶ В телеграмме от 19 мая 1934 г. М. М. Литвинов сообщал в НКВД СССР, что «отдельный советско-французский пакт Барту объяснил также нежеланием Франции приходить на помощь Германии даже в случае нападения на нее одного из участников пакта. Барту вновь подтвердил свое и своего правительства расположение к нам, употребив фразу о «дружбе вплоть до военного союза». Касаясь вопроса о возможности вступления СССР в Лигу наций, говорилось далее в телеграмме, «Барту соглашался, что мы не можем выступать в роли просителя и что зондаж руководящих государств, в первую очередь Англии, он возьмет на себя». Некоторые условия, при которых СССР мог бы вступить в Лигу наций, о чем В. С. Довгалевский сообщил Бонкуру 28 декабря 1933 г. (см. т. XVI, прим. 321), «Барту считает законными, но Лига не допустит их условий, ни оговорок, и поэтому он советует нам ограничиться декларацией по вопросу об арбитраже и о мандатных территориях. На случай нашего отказа от арбитража по конкретному вопросу со ссылкой на декларацию Франция может заранее начать нас поддерживать».

22 мая Литвинов телеграфировал в НКВД СССР, что он «предупредил Барту, что со стороны Титулеску и других возможны попытки превращения обсуждаемого регионального пакта в чуть ли не общеевропейский». Барту поддержал мнение Литвинова о «нежелательности такого универсализма» (см. также док. № 270).— 340

¹⁵⁷ 14 мая 1934 г. в районе Себежа потерпел аварию германский субстратостат «Барч фон Зигесфальд». Члены его экипажа пилот Шренк и метеоролог Мазох погибли. 18 мая их тела были доставлены в Москву и в тот же день отправлены в Германию (см. газ. «Известия», 16, 17 и 20 мая 1934 г.).— 343

¹⁵⁸ 20 мая 1934 г. в Кайсери состоялась торжественная церемония закладки первого текстильного комбината в Турции, который строился при технической помощи СССР.— 347

¹⁵⁹ Текстильный комбинат в Назалли, полностью оснащенный советским оборудованием и строящийся при содействии СССР, был сдан в эксплуатацию в октябре 1937 г.— 347

¹⁶⁰ В письме полпреда СССР в Дании от 16 мая 1934 г. в НКВД СССР говорилось, что в речи на состоявшемся на днях очередном конгрессе профсоюзов Дании Стаунинг представил в искаженном свете положение рабочего класса в СССР.— 350

¹⁶¹ В упомянутом меморандуме от 11 мая 1934 г. говорилось: «СССР в течение периода времени с 1 мая по 31 августа:

1) сохранит нормальные закупки в Дании в том же объеме, как в последние 2—3 года, и кроме того,

2) закупит в Дании на 400 тыс. крон точно указанных промышленных товаров (нормальных закупок СССР в Дании);

3) сделает закупки скота, мяса или консервов на сумму 1 млн. крон до 1 августа 1934 г.

4) в течение фрахтового сезона увеличит фрахтование датского тоннажа на 15% по сравнению с 1933 г.

Дания со своей стороны должна:

а) выдать валютные свидетельства на сумму 1,4 млн. крон на бензин и выдать валютные свидетельства фирме Альфред Ольсен;

б) увеличить валютные свидетельства на лес от 2 до 4,25 млн. крон;

в) выдать валютные свидетельства на покупку фанеры на 100 тыс. крон, а также

г) для других товаров на 150 тыс. крон». — 350

¹⁶² Заведующий I Западным отделом НКВД СССР Л. Э. Березов 19 мая 1934 г. заявил Энгелю следующее:

«1. Наше торгпредство будет производить в период до 31 августа 1934 г. нормальные заказы. Однако мы не можем дать согласия на фиксирование размеров заказов, как того требует меморандум.

2. Мы выражаем согласие на покупку промышленных товаров в Дании».

На замечание Энгеля, значит ли это, что Советский Союз купит на 400 тыс. крон датских товаров, Березов ответил, что «вопрос о размерах наших покупок промышленных товаров, по-видимому, легко удастся согласовать».

Березов сказал также, что «по п. 4 меморандума, так как п. 3 остается в силе, мы согласны повысить размеры фрахтования датских судов по сравнению с размерами фрахта в 1933 г. Однако фиксировать сумму 15%, как того требует датский меморандум, мы не можем». — 351

¹⁶³ В письме Б. С. Стомонякова и заведующего экономической частью НКВД СССР Б. Д. Розенблюма от 27 мая 1934 г. полпреду СССР в Дании говорилось:

«1. Наркомвнешторг СССР согласен закупить в Дании сельскохозяйственных товаров на 1 млн. крон, промтоваров на 400 тыс. крон.

2. Наркомвнешторг СССР согласен увеличить фрахтование датского тоннажа. Практически это увеличение выразится примерно в 1 млн. крон. Однако по тактическим соображениям НКВТ не хочет зафиксировать процента этого увеличения. Не думаем, чтобы на этом стали настаивать датчане, которые прекрасно понимают, что фиксация каких-либо цифр в отношении фрахта, являющегося своего рода биржевым товаром, неизбежно должна повлиять на повышение фрахтовых ставок, чего, само собой разумеется, мы хотим избежать.

3. Труднее всего обстоит дело с вопросом о наших текущих закупках. Никаких обязательств в этом отношении НКВТ за себя не принимает и готов лишь сделать общее заявление о том, что наши текущие нормальные заказы будут продолжаться».

В заключение письма указывалось, что т. Березов принял Энгеля и сделал ему необходимое сообщение по этому вопросу (см. прим. 162).

В письме полпреда СССР в Дании от 23 июня 1934 г. в НКВД СССР отмечалось: «Соглашение между торгпредством и датчанами наконец достигнуто. Торгпредство обязалось до 31 августа закупить скота, убойного мяса или мясных консервов на 1 млн. крон, выдать промышленные заказы на 300 тыс. крон и купить других товаров по усмотрению торгпредства на 100 тыс. крон.

Взамен этого датчане обязались выдать до 31 августа следующие валютаттестаты: на нефтетовары — 1400 тыс. крон; на лес — 2250 тыс. крон; на фанеру — 100 тыс. крон и на другие товары — 150 тыс. крон (в том числе на вино — 150 тыс. крон, ковры — 40 тыс. крон, текстиль — 70 тыс. крон, химикалии — 25 тыс. крон).

В дополнительном письме торгпредство обязалось повысить фрахтование датских судов по сравнению с прошлым годом на 15%». — 351

¹⁶⁴ 1 июня 1934 г. Бек выступил в Генеральной комиссии Конференции по разоружению. В этом выступлении он уклонился от изложения позитивной программы по основному обсуждавшемуся вопросу — о дальнейшей судьбе конференции.

Советское предложение о превращении Конференции по разоружению в Постоянную конференцию мира, способную создать условия безопасности народов, не получило поддержки в выступлении Бека (см. док. № 179, 184, 186). «Такая схема, — заявил польский министр, — может быть весьма интересна сама по себе, и, возможно, настанет день, когда будет необходимо заняться этим вопросом. Однако трудно поверить, чтобы такая задача могла быть поручена конференции, которая сама преодолевает величайшие трудности в попытках удовлетворительно разрешить ограниченную задачу, которая была выдвинута Лигой наций перед конференцией, являющейся всего лишь ее органом».

Что касается другой важнейшей части советских предложений — идеи обеспечения мира путем подписания региональных пактов взаимопомощи, то о них Бек вообще не упомянул в своем выступлении (см. League of Nations. Records of the Conference for the Reduction and Limitation of Armaments. Ser. B, vol. III, Geneva, 1936, p. 672—673).

В дальнейшем Польша отвергла идею коллективной безопасности, сорвав вместе с гитлеровской Германией предложенный Советским Союзом и Францией пакт взаимопомощи стран Восточной Европы, получивший название Восточного пакта (см. прим. 198). — 361

¹⁶⁵ В телеграмме от 29 мая 1934 г. К. К. Юренев сообщал в НКВД, что, в случае нашего согласия на ведение переговоров о курсе облигаций АКО в Москве, необходимо немедленно установить начало этих переговоров, не дожидаясь прибытия японских экспертов. Он также отмечал, что «главной причиной нежелания Хирота вести переговоры в Токио является стремление оттянуть начало переговоров в связи с приближением срока платежей за второе полугодие». — 365

¹⁶⁶ К. К. Юренев 4 июня 1934 г. информировал Хирота о согласии Советского правительства «на ведение переговоров о курсе облигаций АКО в Москве при условии их немедленного открытия». Хирота ответил, что «переговоры могут начаться немедленно по получении Ота инструкций министерства иностранных дел», которые он пошлет ему после того, как «переговоры с представителями рыбопромышленников и заинтересованными ведомствами, на что потребуется некоторое время». В этой связи Юренев заметил, что «японская сторона обязалась начать переговоры немедленно по окончании владивостокских торгов» (см. док. № 175 и прим. 149), которые состоялись 25 мая, и сейчас ему «странно слышать разговор о предстоящей выработке инструкции Ота». В итоге договорились, что переговоры начнутся немедленно, а инструкции Ота будут посланы через 2—3 дня (см. док. № 195). В этой же беседе Хирота поднял вопрос о направлении японскими рыбопромышленниками своего представителя в Москву на время переговоров. Юренев ответил, что такой представитель может быть направлен в Москву «в качестве неофициального советника японской стороны», но «переговоры должны начаться немедленно». — 366

¹⁶⁷ Имеется в виду устный протест, заявленный 28 мая 1934 г. Симамура вице-консулу СССР в Харбине Г. Н. Кислову по поводу якобы обстрела 12 мая маньчжурского парохода «Ди-Чен» советскими пограничниками. Симамура настаивал, чтобы советская сторона наказала виновников обстрела, возместила убытки семьям убитого машиниста и раненого кочегара. Кислов разъяснил Симамура, что в результате тщательного расследования этого инцидента соответствующими советскими властями установлено, что пароход «Ди-Чен» нарушил советскую границу, отказался выполнить законное требование погранохраны — остановиться — и поэтому

погранохрана была вынуждена произвести предупредительные выстрелы вверх, хотя имела все законные основания применить другие, более решительные меры к остановке парохода. Исходя из этого, продолжал Кислов, нельзя говорить о возмещении убытков, так как инцидент с обстрелом парохода возник по вине маньчжурской стороны (см. также прим. 168).— 368

¹⁶⁸ 22 мая 1934 г. Ота в беседе с Б. С. Стомоняковым, касаясь происшедшего 12 мая инцидента с маньчжурским пароходом «Ди-Чен» на Амуре, сказал: «В одном месте бандиты с маньчжурского берега открыли стрельбу по пароходу, который, спасаясь от выстрелов, вынужден был приблизиться к советскому берегу. Однако внезапно на него посыпались выстрелы и с советской стороны». Стомоняков ответил, что поведение советской «береговой охраны в этом деле не может вызвать ни одного упрека». «Непонятно,— продолжал он,— почему, спасаясь от бандитов у советского берега, пароход занялся усиленным фотографированием нашей береговой охраны. Это фотографирование продолжалось, несмотря на многократные сигналы, и, в конце концов, наша погранохрана сделала несколько предупредительных выстрелов вверх, выше трубы парохода».— 369

¹⁶⁹ Имеются в виду нарушения советской границы маньчжурскими пароходами «Ди-Чен» 12 мая, «У-Шэивь» 27 мая и «Ян-Ху» 28 мая 1934 г. (см. также прим. 167 и 168).— 370

¹⁷⁰ Переговоры между Амурским государственным речным пароходством СССР и Маньчжурским пароходством начались 28 июня 1934 г. в г. Сахалине и были завершены 4 сентября 1934 г. подписанием технического соглашения об обслуживании пограничных водных путей — рек Амура, Аргуня, Уссуря, Сунгач и озера Ханка.

Соглашение предусматривало совместную подготовку и поддержание навигационных знаков на пограничных реках и обязательное соблюдение судами обеих сторон принятых на переговорах временных правил судоходства (см. газ. «Известия», 5 сентября 1934 г.).— 370, 585

¹⁷¹ В упоминаемой телеграмме Б. Е. Штейна, находившегося в то время в Женеве в составе делегации СССР на Конференции по ограничению и сокращению вооружений, Н. Г. Позднякову говорилось: «Заявите генеральному секретарю МИД Финляндии Яррифельду, что ему и Хакселю прекрасно известен исход вопроса о приглашении в Советский Союз финляндских парламентариев. Хакселю мною было сказано, что «ввиду инициативы группы парламентариев, обратившихся ко мне, я готов буду, когда эта группа окончательно составит, передать приглашение посетить СССР». Хаксель просил меня разрешить передать это премьер-министру Каллио, на что я согласился. Необходимо, чтобы отдел печати министерства иностранных дел Финляндии дал разъяснительную заметку».

В письме от 8 июня 1934 г. Поздняков сообщил в НКВД СССР, что «сегодня газеты публикуют разъяснительную заметку по вопросу о поездке финляндских парламентариев».— 374

¹⁷² В упоминаемой телеграмме Б. С. Стомонякова полпреду СССР в Финляндии говорилось: «Телеграфируйте заключение, от чьего имени должно исходить приглашение финляндской парламентской делегации и кто ее должен здесь принимать. Сообщаемый Вами состав неавторитетен, и мне на первый взгляд кажется, что если нельзя теперь же получить более авторитетных людей, то лучше отложить поездку парламентской делегации в СССР, ибо только недавно были журналисты и среди них частично были люди более авторитетные, чем эти. Ирве-Коскянен в свое время говорил, что теперь трудно составить авторитетную делегацию, советовал не торопиться и отложить экскурсию на осень».— 374

¹⁷³ Финляндский филолог Кетунен с начала июня до конца августа 1934 г. занимался изучением языка и быта вепсов на территории Ленинградской области.— 374

¹⁷⁴ Группа инженеров-электриков во главе с министром промышленности и торговли Финляндии Киллинемом находилась в Ленинграде с 5 по

7 октября 1934 г. Там они осмотрели 2-ю и 5-ю ГЭС, заводы «Электросила», «Электроаппаратура», а также посетили Эрмитаж и театр им. Луначарского.— 374

¹⁷⁵ В письме Н. Г. Позднякова от 27 июня 1934 г. в НКВД СССР относительно японской активности в Финляндии указывалось, что «японский посланник по Скандинавии Госно Сиротори, прибыв в Гельсингфорс в апреле с. г., дал пристрастное интервью корреспонденту правой «Ууси Суоми». В нем содержится такого рода положение. В Японии питают самый большой интерес к Финляндии; в Японии вызывает большое сочувствие тот живой национальный дух, который проявляется финнами в их исторических переживаниях и особенно в самое последнее время». В письме подчеркивалось, что японский «посланник поощряет и подстрекает национальный дух финнов, стремящихся в настоящее время к захвату части территории СССР». «Газеты от 18 мая сообщают,— писал Поздняков,— что японский барон Такахару Мицучи пожертвовал 100 тыс. финских марок Гельсингфорскому университету на литературу о Японии и Дальнем Востоке вообще». В письме сообщалось, что вслед за обострением советско-японских отношений в Гельсингфорс назначается новый японский поверенный в делах, «активная и, видимо, влиятельная фигура, двоюродный брат товарища министра иностранных дел и племянник председателя правления маньчжурской ж. д.». Новый поверенный в делах добился назначения в Финляндию военного атташе (раньше он был один на всю Прибалтику, с местом пребывания в Риге). Свою настойчивость он объяснил тем, что финляндская армия в глазах Японии заслуживает специального интереса. Характерно, что он владеет русским языком. Во второй половине 1933 г. Финляндию посетило несколько японских офицеров. Некоторые из них оставались по 2—3 месяца и проходили стажировку в финляндской армии.

В заключении письма отмечалось, что «Япония весьма активно работает в Финляндии. Эта активность направлена на превращение Финляндии в своего ближайшего помощника на случай военной авантюры Японии против СССР».— 375

¹⁷⁶ Н. Н. Крестинский телеграфировал М. М. Литвинову 7 июня 1934 г. о согласии на предложенный Бенешем обмен письмами. «Мы считаем,— отмечалось в телеграмме,— что этими письмами ликвидируются и все претензии чехов в связи с аннулированием царских долгов и другими актами нашего революционного законодательства» (см. док. № 194).— 376

¹⁷⁷ В телеграмме в НКВД СССР от 7 июня 1934 г. М. М. Литвинов сообщил, что на вопрос об отношении правительства Финляндии к Восточному пакту министр иностранных дел Хаксель ответил, «что им понадобится на размышление время до сентября, когда соберется сейм».

Если Финляндия включится вообще в пакт, указывалось в телеграмме, «то лишь при участии в нем Франции».

Финляндия заняла отрицательную позицию в отношении Восточного пакта (см. док. № 236).— 378, 415

¹⁷⁸ 16 июня 1934 г. Ота сообщил Б. С. Стомякову, что «выдвинутые им в предыдущей беседе предварительные условия начала переговоров о курсе АКО отпадают» и что японское правительство «согласно начать переговоры о расчетном курсе с тем, что если возникнут какие-либо споры по поводу внесения арендной платы японскими рыбопромышленниками за второе полугодие, то эти споры будут разрешаться в ходе самих переговоров о курсе АКО». В то же время Ота настаивал на командировании в Москву Танакама в качестве «японского эксперта на время переговоров». Стомяков поблагодарил Ота за сообщение, которое «даст возможность немедленно открыть переговоры». О Танакама Стомяков сказал, что «он не возражает против выдачи ему визы и приезда в Москву для консультации японского посольства. Но, поскольку Танакама является частным лицом, он не может принимать никакого участия в пе-

переговорах, которые будут вестись между представителями НКВД и посольства». Стомоняков и Ота условились, что переговоры о расчетном курсе АКО начнутся 17 июня 1934 г. (см. прим. 179).— 382

¹⁷⁹ В телеграмме от 16 июня 1934 г. К. К. Юренев сообщал в НКВД СССР, что он сделал Хирота заявление в соответствии с полученными указаниями. Хирота пытался защищать позицию Ота, затем сказал, что, раз советская сторона «настаивает на том, чтобы переговоры начались без оговорок о прежнем курсе, он не возражает против этого и даст Ота соответствующие инструкции» (см. прим. 178). В то же время Хирота упорно отстаивал направление в Москву Танакама в качестве эксперта, утверждая, что «его участие в переговорах создаст лишь удобство» для обеих сторон. В ответ Юренев заявил, что Танакама может поехать в Москву как «частное лицо и что он будет помогать Сако, но не будет принимать участие в переговорах».

Переговоры об изменении курса облигаций АКО начались в Москве 17 июня 1934 г. между и. о. заведующего II Восточным отделом НКВД СССР М. В. Юшкевичем и советником посольства Японии в СССР Сако. Советская сторона, учитывая, что в 1934 г. золотое содержание иены составляло всего лишь 40% прежнего, предложила, чтобы курс был повышен до 75 бумажных сен за облигационный рубль АКО (см. т. XIV, док. № 128, а также док. № 75 настоящего тома). Однако японская сторона, игнорируя разницу между иеной 1931 г. и обесцененной иеной 1934 г., заявляла, что считает курс в 32½ сены за рубль постоянным и не видит оснований для его повышения.

Ввиду такой позиции японской стороны соглашение по этому вопросу в 1934 г. не было достигнуто.— 383, 358

¹⁸⁰ 16 июня 1934 г. М. И. Розенберг телеграфировал в НКВД СССР о беседе с Леже, который «соглашался, что нужно вынудить Польшу выявить свою позицию в отношении Восточного пакта», и который «допускает, что Польша выжидает также результатов свидания Гитлера — Муссолини» (см. док. № 237). «В отношении Прибалтийских стран Леже остался на прежней позиции нераспространения на них помощи Франции, на которой, как он заявляет, стоит также Думерг» (см. док. № 151).— 393

¹⁸¹ В упомянутой записке говорилось о значении Прибалтийских стран для мира и стабильности в Европе и отмечалось, что «если удастся заключить пакт о взаимопомощи с участием государств Восточной Европы (Прибалтийских стран, СССР, Польши, Германии, Чехословакии), то это явится важным событием в обеспечении мира не только в Восточной, но и во всей Европе».— 394

¹⁸² В телеграмме от 13 июня 1934 г. Б. С. Стомоняков информировал А. А. Бекзаяна, что Урби обращался к нему по указанному вопросу два раза, «причем его первый демарш содержал даже угрозу тяжелых последствий для наших экономических отношений в случае продолжения бойкота судов «Нор Вуд». «Я по согласованию с НКВД сообщил, — говорилось в телеграмме, — что наши хозорганы готовы и впредь, как и в прошлом, фрахтовать суда этой компании, если она готова перевозить наши грузы по ставкам мирового фрахтового рынка. Я заявил, что никакого бойкота нет и нет даже возражений против образования пула, если, конечно, он носит всеобщий характер, а не был организован против СССР». «Я дал понять, что это коммерческое дело не дает основания для дипломатического вмешательства, и в решительной форме указал на неуместность угрозы».

В телеграмме отмечалось, что полпред «может при случае сообщить Мувинокелло, что, по полученным сведениям, вопрос урегулирован в Москве» (см. также док. № 203).— 396

¹⁸³ В висьме полпреда СССР в Дании в НКВД СССР от 5 июня 1934 г. относительно деятельности упомянутого общества говорилось: «Гер-

жания продолжает активизировать свою политику в Скандинавии. Ярким симптомом этого служит состоявшийся в Любеке съезд образованного правительством Гитлера «Северного общества». Съезд происходил под руководством Альфреда Розенберга, в его работах участвовал германский посланник в Дании барон Рихтгофен. Со стороны Дании на съезде присутствовали второстепенные персонажи: пресс-атташе датского посольства в Берлине Фабер и двое малоизвестных писателей». — 399

¹⁸⁴ Упоминаемое сообщение агентства было опубликовано в японских газетах «Дзи-дзи» и «Низюгай» от 17 июня 1934 г. — 403

¹⁸⁵ 5 июля 1934 г. Я. З. Сурци телеграфировал в НКВД СССР, что «турки с большой охотой принимают приглашение участвовать в соревнованиях».

Спортивная делегация Турции в составе 48 человек прибыла в СССР 30 июля 1934 г. Турецкие спортсмены приняли участие в соревнованиях по легкой атлетике, плаванию, провели несколько товарищеских футбольных матчей, а также посетили ряд городов СССР (см. газ. «Известия», 2 августа 1934 г.). — 403

¹⁸⁶ В телеграмме Мохаммеда Рагиба М. М. Литвинову от 2 мая 1934 г. указывалось, «что воинственные нападения были произведены королем Ибн Саудом на наши йеменские селения и порты на Красном море». «Йеменское правительство, оставаясь верным обещаниям, данным им мусульманам всех стран ислама, которые требовали мира и братства и недопущения пролития невинной человеческой крови между двумя государствами арабской семьи, предпочло эвакуировать вышеупомянутые селения без попыток обороны, дабы отложить и подвергнуть эту агрессивную смелость мудрой и благожелательной и честнейшей и неизменно вполне почтенной медиации всех дружественных государств, имеющих договоры с Йеменом».

В ответной телеграмме М. М. Литвинова от 9 мая 1934 г. Мохаммеду Рагибу говорилось: «Я выражаю глубочайшее сожаление по поводу скорбного конфликта, возникшего во взаимоотношениях между двумя братскими государствами. Правительство СССР, которое неизменно борется за мир между всеми народами, особенно опечалено этими военными действиями, происходящими между странами, дружественными Советскому Союзу, и будет призывать их скорейшее прекращение». — 404

¹⁸⁷ В телеграмме от 21 июня 1934 г. Я. Х. Давтян просил НКВД СССР информировать его о последнем варианте Восточного пакта и запрашивал, «кто ведет переговоры с поляками, мы или французы». — 404

¹⁸⁸ 14 июля 1934 г. Я. З. Сурци направил в НКВД СССР следующую телеграмму: «На мой вопрос о намерении Афганистана вступить в Лигу наций Рюшту-бей ответил утвердительно и сказал, что является горячим сторонником этого шага. Однако он рекомендовал Афганистану вступить в Лигу наций либо одновременно с нами, либо после нашего вступления в нее». — 405

¹⁸⁹ Д. В. Богомолов в своих письмах в НКВД от 8 апреля, 29 июня 1934 г. сообщал, что Чан Кай-ши и его сторонники «экономическое и военное усиление СССР рассматривают как положительный фактор, способный сдерживать японскую агрессию». Он также отмечал, что руководящие круги Китая проявляют большой интерес к отношениям СССР с США, с Лигой наций и особенно к вступлению СССР в Лигу наций (см. также прим. 190). — 407

¹⁹⁰ Переговоры между СССР и Китаем о подписании пакта о ненападении начались в 1933 г. (см. т. XVI, док. № 263, 319, прим. 197, 243). По поводу этих переговоров Д. В. Богомолов в письме от 30 января 1934 г. сообщал в НКВД СССР, что бывший министр финансов Китая Сунь Цзы-вэнь в беседе с ним сказал, что «нанкинское правительство не может пойти на заключение пакта с нами», так как это «приведет к усилению японской агрессии в Северном Китае». 27 февраля Богомолов писал в

НКВД, что «китайское правительство умышленно распространяет слухи о ведении переговоров с нами для того, чтобы ослабить реакцию против подписания торгового договора с Японией, но в то же время оно совсем не собирается подписывать с нами пакт». В письме в НКВД от 25 июня 1934 г. Богомолов указывал: «Пакт о ненападении с нами для китайского правительства вообще невозможен, так как я уверен, что Ван Цзин-вэй уже дал соответствующее заверение Японии». Далее в письме говорилось, что находившийся в то время в Нанкине китайский посол в СССР Янь Хой-ци в беседе с ним, «делая весьма неуверенное и неопределенное предложение начать переговоры о торговом договоре, в то же время постарался похоронить с вежливым приличием пакт о ненападении». — 407

¹⁹¹ Имеется в виду обмен нотами между заместителем народного комиссара иностранных дел СССР Б. С. Стомоняковым и посланником Финляндии в СССР Ирве-Коскиненем о начале работ по проверке границы между СССР и Финляндией.

В ноте Ирве-Коскинена от 26 мая 1934 г. говорилось: «Ввиду того, что правительства Финляндии и Союза Советских Социалистических Республик согласились о производстве в текущем году работ по проверке границы между обоими государствами, имею честь предложить Вам от имени моего Правительства, чтобы к этим работам было приступлено в начале июня сего года и чтобы для этой цели были назначены три пограничные комиссии».

В ответной ноте Стомонякова от 26 мая 1934 г. указывалось: «Имею честь уведомить Вас, что Правительство Союза Советских Социалистических Республик полностью согласно с предложенными Финляндским Правительством сроками начала и принципами работ по проверке границы между Союзом ССР и Финляндией» (см. также док. № 341). — 407

¹⁹² Еще 26 июня 1934 г. М. В. Кобецкий на обеде у министра иностранных дел Греции Максимова заявил ему, что «греческий банк по требованию фискальных властей наложил арест на 700 тыс. драхм, принадлежащих отделению нашего торгпредства в Салониках», и просил принять меры к немедленному снятию ареста. Максимов обещал сделать все необходимое.

29 июня 1934 г. Кобецкий телеграфировал в НКВД СССР, что «вопрос об аресте местными властями сумм отделения нашего торгпредства в Салониках после моего представления Максимова был сейчас же урегулирован».

Мы также напомнили о налоговых переговорах, на что в министерстве иностранных дел нам ответили, что вопрос задерживается из-за министерства финансов». — 427

¹⁹³ М. И. Розенберг телеграфировал М. М. Литвинову 24 июня 1934 г., что «считал бы полезным повидать Барту до его поездки в Лондон» и что «если Вы согласны, нет ли поручений» (см. док. № 239). — 431

¹⁹⁴ В сообщении М. И. Розенберга в НКВД от 22 июня 1934 г. говорилось, что «посланник Латвии во Франции Циелене, посетивший Леже, задал ему вопрос, как поступит Франция, если из-за отказа Польши и Германии из пакта ничего не выйдет. Леже ответил, что Франция заключит тогда военный союз с СССР» (см. также прим. 156). — 432

¹⁹⁵ В записи беседы М. М. Литвинова с Альфаном от 23 июня 1934 г. сказано, что в ответ на неофициальное предложение последнего об установлении общественного спальных вагонов беспересадочного железнодорожного сообщения между Парижем и Москвой Литвинов «высказал сомнение в приемлемости этого предложения, ибо вопрос уже обсуждался нами много лет тому назад, хотя тогда имелось в виду транзитное сообщение с Китаем» (см. т. XI, док. № 37). Литвинов отметил, что «для советских людей беспересадочность представляет сомнительные удобства, так как все равно приходится останавливаться в Берлине для получения бельгийских виз». — 432

¹⁹⁶ В телеграмме от 28 июня 1934 г. И. М. Майский сообщал в НКВД о предстоящей встрече с Ванситтартом и запрашивал, следует ли ему попытаться выяснить «отношение английского правительства к вопросу о вступлении СССР в Лигу наций». Встреча состоялась 3 июля 1934 г. (см. док. № 232). — 432

¹⁹⁷ В беседе с Чилстоном 21 июня 1934 г. М. М. Литвинов в ответ на жалобу о тоне советской прессы в отношении внешней политики Англии заявил: «Когда такой влиятельный член консервативной партии, как лорд Ллойд, занимавший недавно виднейшее официальное положение и считающийся чуть ли не «человеком будущего», открыто выступает в пользу натравливания Японии и Германии против СССР и заявляет, что война с нами могла бы быть в интересах Англии и всей Европы, когда подобные же мысли высказывают «Морнинг пост», «Дейли мейл», «Дейли экспресс» и другие газеты, наша пресса не может обходиться это молчанием. Не можем мы также предлагать нашей прессе не реагировать на эти выступления только потому, что эти взгляды, может быть, не разделяются английским правительством. К тому же нам взгляды английского правительства неизвестны, ибо оно нам никогда не сообщает о них ни через своего посла в Москве, ни через нашего посла в Лондоне». — 432

¹⁹⁸ 7 июля 1934 г. Я. Х. Давтян телеграфировал в НКВД СССР, что Лярош передал ему копию французского проекта Восточного пакта, врученного Беку, и информировал о том, что «Бек продолжает быть упрямым и не дал определенного ответа. Впечатление Ляроша такое, что пакта не хотят. Все контраргументы Бека Лярош считает простой отговоркой и не серьезной».

10 августа Давтян телеграфировал: «Лярош был у Бека и настаивал на ответе польского правительства о его отношении к пакту. Бек обещал дать ответ в конце августа — начале сентября. Лярош не уверен, что это значит, что будет именно так. Он полагает, что Бек будет тянуть ответ и даст его лишь в Женеве во время сессии. Лярош полагает, что ответ будет положительный с оговорками, которые уничтожат весь смысл пакта».

В телеграмме от 24 августа Давтян писал: «вчера Лярош был у Бека. Бек ответа о пакте не дал, заявив, что он продолжает изучать этот вопрос».

Лишь 27 сентября 1934 г. Бек передал Барту памятную записку, в которой говорилось, что Польша может присоединиться к Восточному пакту при условии, если к нему присоединится и Германия, что Польша отказывается принять на себя какие-либо обязательства в отношении Литвы и Чехословакии, что она предпочитает двусторонние договоры и т. д. Таким образом, Польша, подобно Германии, отказалась участвовать в Восточном пакте (см. док. № 346). — 433, 459

¹⁹⁹ В телеграмме от 26 июня 1934 г. В. П. Потемкин сообщил, что его информировал Кварони о том, что Аттолико поручено заявить М. М. Литвинову о желании итальянского правительства в дружественном порядке выяснить в Москве или в Риме подлинную сущность предложенного нами Восточного пакта». При этом Кварони разъяснил, что «если бы этот пакт распространялся на СССР, Польшу, Чехословакию, Германию и éventually на Прибалтийские страны, итальянское правительство готово было бы активно поддержать нашу инициативу, воздействуя на Германию. Если же предполагается органически связать этот договор с французской гарантией для Восточного пакта и советской для Локарно, то итальянское правительство, как участник Локарнского соглашения, должно еще взвесить, не грозит ли такая комбинация вовлечением Италии в конфликт».

27 июня Потемкин телеграфировал в НКВД СССР о беседе с французским послом Шамбраном, который сказал ему, что «его впечатление, как немцы, так и итальянцы склонны будут поддержать проект Восточного пакта, если бы он не связывался с вопросами гарантий». — 433, 452

²⁰⁰ Решение Советского правительства о дополнительных закупках товаров в Литве было принято при следующих обстоятельствах. 16 июня 1934 г. министр иностранных дел Литвы Лозорайтис пригласил к себе полпреда СССР в Литве М. А. Карского и по поручению своего правительства заявил, что «Германия фактически объявила экономический бойкот Литве и закрыла границу не только для литовского экспорта, но даже для транзита», что «для Литвы создается весьма тяжелое положение» и что в этих условиях литовское правительство решило «обратиться к Советскому правительству с просьбой о поддержке и максимальном увеличении закупок».

21 июля 1934 г. Б. С. Стомоняков телеграфировал Карскому, что НКВТ СССР составил следующий план дополнительных закупок в Литве до конца 1934 г. на сумму в 1 млн. руб.: «подожвенная кожа — 300 тыс. руб., беконные свиньи — 220 тыс., свиные салтные туши — 180 тыс., говядина — 50 тыс., лошади рабочие — 30 тыс., два буксира из Мемеля — 180 тыс., семена клевера — 20 тыс.».— 437

²⁰¹ Выставка советской книги в Варшаве была открыта с 5 июля 1934 г. до конца месяца.

На выставке были представлены лучшие образцы многообразной книжной продукции Советского Союза. Особую коллекцию, вызвавшую большой интерес в Польше, составила литература народов СССР, изданная на 60 языках.

Широкой популярностью пользовались также стенды художественной, общественно-политической, научной и технической литературы (см. газ. «Известия», 6 июля, и «Вечерняя красная газета», 19 июля 1934 г.).— 440

²⁰² В. П. Потемкин в письме в НКВД СССР от 15 июня 1934 г. наряду с вопросами, затронутыми в комментируемом документе, сообщал также об измышлениях и антисоветской кампании итальянской прессы. На представление Потемкина статс-секретарю Италии Сувицу по этому поводу последний ответил, что, «по его мнению, печать временно потеряла правильную ориентацию, будучи взволнована выступлением Ляпвинова в Женеве на стороне Франции» (см. док. № 179, 182). Комментируя этот ответ, Потемкин писал: «Итальянцы не могут помириться с позицией, занятой нами в Женеве. Они упрекают т. Ляпвинова в том, что конференцию по разоружению он желал бы подменить конференцией по безопасности... что он стремится изолировать Германию и в восточном направлении, поддержать Лигу наций и консолидировать международные позиции Франции и Малой Антанты. Мы знаем, что сама Италия шла в Женеву с совершенно иными планами» (см. также док. № 184).— 446

²⁰³ В упомянутой телеграмме от 22 июня 1934 г. В. П. Потемкин сообщил в НКВД СССР, что Сувиц информировал его о том, что на венецианских переговорах между Муссолини и Гитлером затрагивался, в частности, вопрос о Восточном пакте. Основное содержание этой телеграммы приведено в комментируемом документе (см. также док. № 248).— 451

²⁰⁴ Первый секретарь полпредства СССР в Италии 26 и 27 июня 1934 г. имел беседы с представителями МИД Италии Кварони и Бути. О содержании указанных бесед В. П. Потемкин телеграфировал 27 июня: «Кварони и Бути подтверждали, что нынешнюю враждебную нам политику Германии МИД квалифицирует верхом глупости и что Муссолини при свидании с Гитлером настоячиво рекомендовал последнему нормализацию и улучшение отношений с СССР». «С отчетливой ясностью и Кварони, и Бути отмечали, — указывалось в телеграмме, — что Италию пугает темп франко-советского сближения. Отрицательную позицию в этом вопросе занимает и Англия», которая «враждебна соглашению и давит на Париж». «Мы за франко-советское сближение, — говорил Бути, — мы сами ставим в порядок дня франко-итальянское сближение, однако до определенной границы! Сближение, переросшее в союз, опрокидывает всякое возможное равновесие в Европе».

Мы за франко-советское сближение, — говорил Кварони, — однако против слишком тесного сближения СССР с Малой Антантой».— 451

²⁰⁵ В. П. Потемкин 16 июля 1934 г. телеграфировал М. М. Литвинову, что 16 июля 1934 г. советская группа химиков во главе с Фишманом была представлена полпредом Муссолини в присутствии Сувича, начальника химслужбы Рикетти и офицера связи с военным атташе, Фишманом отметил «возможность дальнейшего обмена между СССР и Италией в области прикладной химии и химической промышленности. В ответном слове Муссолини высказался за упрочение и развитие этих контактов». — 455. 476

²⁰⁶ Основное содержание упомянутых бесед отражено в комментируемом документе (см. также док. № 167, 201 и прим. 105). — 455

²⁰⁷ Имеется в виду письмо М. М. Литвинова А. А. Трояновскому от 7 июля 1934 г., в котором рассматривались вопросы состояния переговоров о претензиях и займе. В частности, Литвинов подчеркивал, что «в течение 16-ти лет внешний мир ведет с нами борьбу из-за аннулирования парских долгов и отказа от компенсации за национализированные иностранные имущества. В этой борьбе пускались в ход всевозможные средства давления и запугивания, в особенности со стороны Англии и Франции. Америка на нас давила непризнанием. Мы эту борьбу до сих пор вели довольно успешно, и Англия и Франция за последние годы ее даже прекратили. Американские президенты еще до Рузвельта добивались нашего принципиального признания долгов с тем, чтобы переговоры велись только об условиях уплаты, причем давалось понять, что речь идет главным образом или даже исключительно о долге Керенского. Мы неизменно заявляли, что принципиально признавать долгов не станем, что готовы на практическую сделку при непременном условии получения нами соответственных займов. Всякие попытки со стороны Франции и Англии заставить нас отказаться от этого условия мы решительно отклоняли и отклоняем. С Францией одно время было даже намечено уже соглашение на базе предоставления нам займа.

В моих вашингтонских переговорах, несмотря на сильнейшее давление со стороны Рузвельта, Буллита и госдепартамента и на угрозы срыва переговоров, я настоял на сохранении нашей основной позиции, а именно на обусловливании практической сделки по американским претензиям предоставлением нам займа. Сам Рузвельт говорил только о займе, и это зафиксировано в сделанной и парафированной самим Рузвельтом записи нашего предварительного соглашения. Товарные кредиты и закупки в связи с займом никогда не упоминались. Более того, говорилось о возможности предоставления в наше распоряжение замороженных американских кредитов в Германии, что для нас равноценно получению займа наличными. В моем присутствии Буллит и Моргантау обсуждали вопрос о том, где им получить деньги для обещанного нам займа и как получить на это согласие конгресса.

Если американцы отказываются не только от предоставления займа вообще, но даже в той форме учета наших обязательств банками, на которую мы в порядке уступки согласились, то это есть явное аннулирование моего соглашения с Рузвельтом. Мы не можем дать себя убедить в том, что Рузвельт, говоря о займе, имел в виду те закупки нами товаров в кредит, которые производились и до восстановления отношений. Готов допустить, что Рузвельт испытывает затруднения в проведении соглашения о займе, но раз это условие падает, то падает и наше обещание о возмещении долга Керенского».

Литвинов предложил Трояновскому «совершенно твердо заявлять американцам, что мы не пойдем на замену финансового кредита на продолжительный срок товарными кредитами на более короткие сроки».

9 июля 1934 г. Литвинов направил Трояновскому телеграмму, в которой, сообщая о поднятых Буллитом вопросах, содержащихся в коммен-

тируемом документе, дал следующее поручение Трояновскому: «Выложите госдепартаменту ход переговоров, сделанные нами уступки и повторите мое последнее предложение Буллиту» (см. также док. № 311, 337).— 461

²⁰⁸ Во время пребывания М. М. Литвинова в Вашингтоне в ноябре 1933 г. имел место обмен мнениями с Рузвельтом по вопросу о пакте о ненападении. В телеграмме Литвинова в НКВД СССР от 17 ноября 1933 г. указывалось: «Как бы рассуждая вслух, Рузвельт спрашивал, от чего нам не подписать пакт о ненападении, на что я изъяснил немедленное согласие, а также одобрил идею тихоокеанского пакта. Рузвельт тут же поручил Буллиту заняться этим вопросом и доложить ему» (см. т. XVI, док. № 370).

В беседе с Литвиновым 21 марта 1934 г. Буллит, сославшись на полученные от Рузвельта инструкции по вопросу о пакте, заявил, что Рузвельт против двусторонних пактов о ненападении.

А. А. Трояновский 6 июля 1934 г. телеграфировал в НКВД СССР, что «херстовская пресса распространяет сообщения, что Литвинов предложил Буллиту обычный пакт о ненападении между двумя странами и будто бы госдепартамент, не желая раздражать японцев, решительно отказался. Мы предполагаем дать категорическое опровержение, ибо это распространяется на руку японцам, получившим недавно отказ подписать такой пакт».

В связи с этим 7 июля 1934 г. Литвинов направил Трояновскому следующую телеграмму: «Я фактически подобных предложений Буллиту не делал. Опровергайте».

По сообщению Трояновского в НКВД от 7 июля 1934 г., представители госдепартамента «отрицали в разговоре с журналистами сообщения херстовской печати об отклонении Америкой пакта о ненападении», а агентства Ассошиэйтед Пресс и Юнайтед Пресс решили эту информацию не публиковать».

9 июля 1934 г. в советской печати было опубликовано изложение сообщения вашингтонского корреспондента газетного треста Херста и краткое опровержение ТАСС, в котором говорилось: «По наведенным ТАСС в официальных кругах справкам, тов. Литвинов ни в Вашингтоне, ни в Москве никаких предложений о двустороннем советско-американском пакте о ненападении никогда не делал».— 461

²⁰⁹ Посол Великобритании в СССР Чилстон в беседе с М. М. Литвиновым 21 июня 1934 г. предложил немедленно обменяться военными атташе между Англией и СССР, на что Литвинов изъяснил согласие.

В ноте от 5 июля 1934 г. Чилстон сообщил Литвинову: «Мое правительство намерено назначить в ближайшем будущем воздушного атташе, в дополнение к военному атташе, чье предстоящее назначение я обсуждал с Вами 21 июня».

Я был бы рад узнать, согласно ли Советское правительство в принципе с этим назначением».

В ответной ноте М. М. Литвинова от 8 июля 1934 г. говорилось: «Я рад сообщить Вам, что Советское правительство согласно на обмен воздушными атташе».— 464

²¹⁰ В телеграмме М. М. Литвинову от 12 июля 1934 г. М. И. Розенберг сообщил, что Леже информировал его о визите Барту в Лондон (см. также док. № 247). Леже заявил, что он «пошел на распространение на Германию французской гарантии, хотя Барту и колебался в этом вопросе. Леже старался разъяснить мне, что благодаря этому не меняется сущность антигерманского остряя Восточного Локарно».

Розенберг сказал Леже, «что из новой постановки вопроса вытекает, что Франция либо должна стать одним из участников пакта, либо по крайней мере распространить свою гарантию на Прибалтику. Леже ответил, что он отклоняет первое, так как речь идет о региональном пакте, что же

касается Прибалтики, на это французское правительство ни в коем случае не пойдет по политическим мотивам». — 466

²¹¹ В записи беседы В. П. Потемкина с Муссолини от 16 июля 1934 г. говорилось, что Муссолини, касаясь вопроса отношения Германии к Восточному пакту, сказал, «что, по его впечатлению, Германия, очевидно, не будет категорически отказываться от участия в Восточном пакте». Далее Потемкин отмечал: «Муссолини надеется, что Черутти удастся своими дружескими внушениями окончательно склонить немцев в пользу пакта».

Германия заняла отрицательную позицию в отношении Восточного пакта (см. док. № 425). — 475

²¹² МИД Афганистана направил полпредству СССР в Афганистане письмо от 20 октября 1934 г., в котором сообщалось, что «следствием установлено, что Атамкуль и его сподвижники провели с собой двух советских граждан до пункта Котал-Тойди». В письме указывалось, что упомянутые советские граждане были отпущены. — 477

²¹³ 19 июля 1934 г. М. И. Розенберг телеграфировал М. М. Литвинову, что во время беседы с Барту и Леже он обращал их внимание на необходимость «дать немедленно указания французским посланникам в Латвии и Эстонии о демарше в связи с осуждением Восточного пакта с уточнением обязательств, которые берет на себя Франция в силу 16-й статьи пакта Лиги наций и договора с нами». В телеграмме отмечалось, что «Леже вполне согласился со мной и обещал разослать директивы. Леже заявил, что Франция не возражает против того, чтобы Литва сделала оговорку, касающуюся Вильно, при подписании пакта». — 479

²¹⁴ В письме Саеда М. М. Литвинову от 17 июля 1934 г. говорилось: «По поручению моего Правительства имею честь просить Вас не отказать в любезности передать Правительству Союза Советских Социалистических Республик чувства благодарности Его Величества Шахиншаха Персии за исключительное радушие и горячее гостеприимство, которые были оказаны Представителями Советской Власти Ее Величеству и Их Высочествам принцессам Пехлеви при проезде через территорию Союза Советских Социалистических Республик». — 484, 514

²¹⁵ 25 июня 1934 г. И. М. Майский выступал на Конгрессе мира в Бирмингеме. В письме от 10 июля 1934 г. он сообщил в НКВД о благоприятной реакции участников Конгресса и печати на это выступление, касавшееся основных вопросов внешней политики Советского Союза. В письме говорилось, что на Конгрессе «было представлено свыше 250 различных организаций, включая «Союз Лиги наций», большое количество тред-юнионов, кооперативных обществ, женских лиг, пацифистских объединений, религиозных конгрегаций и т. д. По грубо приблизительному подсчету, Конгресс представлял 5—6 млн. человек». — 489

²¹⁶ 28 июля 1934 г. М. М. Литвинов телеграфировал А. А. Трояновскому следующие инструкции: «Во избежание недоразумений, просите как госдепартамент, так и банк дать Вам письменное изложение предлагаемых схем для передачи в Москву, в случае краткости по телеграфу, а в противном случае — по почте. Необходима сугубая осторожность, если даже придется переговоры затянуть. По существу высказаемся, когда получим означенные схемы, а Вы тем временем не делайте никаких уступок. Амторговцев в переговоры пока не вовлекайте. Сообщения в печать о каждом разговоре отнюдь не помогут их успешности, и в этом я вижу большое неудобство перенесения переговоров в Вашингтон. Председателем «Амторга» назначен Боев» (см. также док. № 293). — 500

²¹⁷ В соответствии с публикуемой директивой М. И. Розенберг сделал заявление Барту, а также информировал Баржетона и Массигли. В телеграмме М. М. Литвинову от 28 июля 1934 г. Розенберг сообщил, что Барту «согласен со всей нашей постановкой вопроса и подтверждает сказанное им Литвинову в Женеве относительно арбитража» (см. док. № 189). «Баржетон подтвердил, что вопрос о месте в Совете Лиги наций для СССР не

вызывает малейшего сомнения»; Массинли, со своей стороны, заявил, «что шантажная позиция Польши в вопросе о постоянном месте в Совете Лиги «смягчилась». — 501

²¹⁸ В телеграмме в НКВД СССР от 23 июля 1934 г. М. И. Розенберг сообщил о беседе с Барту; последний спросил, как бы мы «отнеслись к присоединению Румынии к Восточному пакту. Я привел ряд доводов против польского диверсионного маневра, упомянув, между прочим, что с включением Румынии пакт потерял бы характер регионального соглашения, что это, вероятно, отрицательно повлияло бы на позицию Англии и, наверное, восстановило бы Италию против пакта. Барту как будто бы соглашался с этими доводами и заявил, что не успел еще переговорить с приехавшим для доклада французским послом в Варшаве. Он доказывал, что не может слишком давить на Польшу, так как боится риска потерять союзницу».

28 июля Розенберг сообщал в НКВД, что Барту нашел «очень ловкой» формулу советско-польско-румынского протокола, подчеркнув, что Титулеску «попался в польскую ловушку», но французы сделали вид, что они изучают вопрос и хотят резервировать его до конца переговоров».

21 сентября М. М. Литвинов телеграфировал из Женевы в НКВД, что Барту информировал его об отказе Румынии от участия в Восточном пакте (см. также док. № 340). — 501, 609

²¹⁹ В циркулярном письме М. М. Литвинова от 17 июля 1934 г. под-предам СССР в Великобритании, Италии и Франции говорилось:

«В свое время Вам писали о намерении СССР войти в состав Европейской дунайской комиссии. Вопрос об использовании дунайского пути, особенно в связи с происшедшим урегулированием наших отношений с Придунайскими странами, представляет существенный экономический интерес, который с расширением товарооборота с этими странами будет еще возрастать» (см. док. № 41, 193, 194, 265).

«В учете изменившихся отношений с Францией и Румынией, — писал он, — мы считаем своевременным поставить вопрос о включении СССР в Европейскую дунайскую комиссию».

Включение в Европейскую комиссию, в силу постановления Версальского договора, автоматически предопределяет включение и в Международную дунайскую комиссию» (см. т. XIV, прим. 63). — 502

²²⁰ Испанское правительство, возглавляемое Лерусом, не пошло в 1934 г. на обмен с Советским Союзом дипломатическими представителями. Он состоялся лишь после победы Народного фронта на выборах в Испании в феврале 1936 г. (см. газ. «Известия», 21 февраля 1936 г.). — 503

²²¹ В упоминаемой справке пом. зав. I Западным отделом НКВД СССР С. М. Мирного указывалась стоимость работ по фотокопированию документов. В ней также говорилось, что Народный комиссариат внешней торговли считает возможным разрешить беспрошленный ввоз в СССР фото-статической бумаги, необходимой для снятия копий. — 505

²²² Самолет героя Советского Союза В. С. Молокова 16 августа 1934 г. совершил полет в Копенгаген, где демонстрировался на международной выставке в качестве одного из экспонатов советского павильона (см. газ. «Известия», 30 августа 1934 г.).

И. С. Ушляхт, начальник Главного управления гражданского воздушного флота, возглавлял советскую авиационную делегацию, совершившую в августе 1934 г. на 3 самолетах «АНТ-6» перелет во Францию. Перелет явился ответом на визит французской авиационной делегации в СССР во главе с министром авиации Пьером Котом в 1933 г. (см. т. XVI, прим. 248). — 511

²²³ В ноте МИД Германии от 5 июля 1934 г. делалась попытка взять под защиту антисоветскую деятельность фашистской организации «Братья в нужде» с помощью измышлений о «новом значительном обострении» продовольственного положения в СССР, о якобы «чисто благотворительном» характере этой организации и т. п. В августе последняя была вы-

нуждена прекратить свою деятельность. Как указывалось в телеграмме ТАСС из Берлина от 11 августа 1934 г., Германское информационное бюро официально сообщило, что решение об этом было принято «в связи с отрицательной позицией Советского правительства по отношению к деятельности названного общества» (см. газ. «Правда», 12 августа 1934 г.).— 523

²²⁴ В сентябре — октябре 1933 г. Л. М. Карахан находился с официальным визитом в Персии (см. т. XVI, док. № 307, 308, 313).

3 октября состоялась его встреча в МИД Персии, на которой с советской стороны также присутствовали: С. К. Пастухов, В. П. Осетров, Я. А. Эйнгорн, с персидской стороны: Форути, Каземи, Сайях. Во время встречи Каземи заявил: «существует договор между Англией и Ираком, по которому английское правительство имеет право содержать войска на территории Ирака. Имеется предложение о заключении четверного пакта (Турция, Ирак, Персия, Афганистан) ненападения, что устранил возможность использования этих частей против Турции и Персии».— 526

²²⁵ М. М. Литвинов в письме в ЦК ВКП(б) от 3 августа 1934 г., касаясь вопроса об упоминаемом в комментируемом документе групповом ближневосточном пакте, отмечал: «Я считал бы нежелательным в настоящее время даже переговоры о новом пакте, которые могут, несомненно, отрицательно влиять на переговоры о Восточно-Европейском региональном пакте. Первоначальное сопротивление Англии, Италии и других государств заключению Восточного пакта отчасти объяснялось их опасением создания прецедента для постановки на обсуждение других региональных пактов, для них непримлемых».

В письме Н. Н. Крестинскому от 1 сентября 1934 г. временный поверенный в делах СССР в Персии А. В. Заславский, говоря о предложении Персии о групповом пакте, отмечал: «Я думаю, что все это только «проекты» и что в действительности персидское правительство не пойдет на заключение такого пакта без англичан, ибо оно не рискнет на этой почве портить с англичанами отношения».

Предварительные переговоры о заключении указанного пакта начались в 1935 г. В дальнейшем, 8 июля 1937 г., в Тегеране, в Саадабадском дворце иранского шаха, был подписан «пакт четырех» (Турция, Иран, Ирак, Афганистан), получивший название Саадабадский пакт. Этот пакт должен был служить важным звеном в политике США, Англии и других империалистических держав, стремившихся в то время к окружению и изоляции Советского Союза (см. «Новейшая история Ирана», М., 1965, стр. 89).— 526

²²⁶ 3 августа 1934 г. М. И. Розенберг телеграфировал М. М. Литвинову о своей беседе с Барту. Последний сказал, что «ны даны указания о том, чтобы все вопросы, связанные с нашим вступлением в Лигу наций, были быстро продвинуты. Барту еще раз выразил полное согласие с тем, что мы не можем вступить в Лигу наций без постоянного места в Совете».

Относительно распространения немцами слухов о предстоящем будте бы изменении позиции СССР в направлении сближения с Германией Барту ответил, что «он знает, что эти слухи распускаются Берлином, но они его до известной степени успокаивают, так как это дает ему аргументы в пользу более энергичного проталкивания пакта».— 527

²²⁷ В упомянутой ноте посольство просило согласия НКВД СССР на назначение Ли Фына исполняющим обязанности генерального консула Китайской республики в г. Новосибирске.

Ли Фын прибыл в Новосибирск в октябре 1934 г. вместе с ним были вице-консул, два стажера и секретарь генконсульства.— 527

²²⁸ Имеется в виду несогласованность по вопросу о германском «равноправии в вооруженных» в выступлениях Саймона и Барту после лондонских переговоров между ними 9—10 июля 1934 г. о Восточном пакте. В своем отчете в палате общин 13 июля об этих переговорах Саймон, в частности, заявил: «Участие германского рейха в новом пакте предполагает, что этой державе будут предоставлены известные уступки в вопросе

равноправия». Практически это означало, что всякое соглашение между европейскими странами должно исходить из формулы, принятой в решении 5 держав 11 декабря 1932 г. о пресловутом германском «равноправии» в системе европейской безопасности (см. т. XV, прим. 321). В связи с этим заявлением и появившимися во Франции опасениями, что французский план Восточного пакта претерпел в Лондоне некие изменения и приведет к легализации в вооруженных Германии, Барту в своем втором (вечернем) выступлении в Байонне 13 июля заявил: «Если бы от меня потребовали вести переговоры по вопросу о разоружении, чтобы получить согласие на Восточный пакт, то я не пошел бы на такое ничем не оправданное обязательство. Никто не может сказать, что произойдет завтра. Я не собираюсь предсказывать будущее, однако выдвигаю такую гипотезу: если бы мне поставили известные вопросы, то я заявляю, что если бы велико мое и всей моей страны отвращение к войне, Франция должна принять меры предосторожности и выждать, прежде чем начать переговоры о разоружении. Если данные региональные пакты будут осуществлены, то можно предположить, что начнется новая эра, которая позволит подвергнуть проверке значение договоров с точки зрения разоружения. На вопрос, можно ли начать переговоры (о разоружении.—*Ред.*) после того, как будут осуществлены региональные пакты, я отвечаю утвердительно. Однако я категорически отрицаю, что такие переговоры могут быть начаты в качестве предварительного условия к этим региональным пактам» (Цит. по кн. «Schiffthess' Europäischer Geschichtskalender 1934», München, 1935, s. 394—395).— 533

²²⁹ В письме от 21 августа 1934 г. временный поверенный в делах СССР в Персии А. В. Заславский сообщал Н. Н. Крестинскому: «Как Сохейли, так и Давер заявили мне, что никаких возражений против завоза наших автомашин не может быть, что ими будут приняты нужные меры, чтобы обеспечить быстрое и нормальное окончание переговоров т. Шостака».

«Совет Министров,— продолжал он,— еще 4 августа 1934 г. одобрил все предложения, сделанные т. Шостаком Бахману об объеме торговли, никаких возражений по нашему завозу не делалось. О том, что такое решение совета министров состоялось, Давер официально информировал Шостака».— 540, 550

²³⁰ В упоминаемой телеграмме торгпреда СССР в Персии Л. М. Шостака от 2 августа 1934 г. говорилось: «31 июля и 1 августа состоялись беседы с Бахманом и Давером, во время которых сообщил проект нашего Правительства плюс объем торговли на третий договорный год» (см. док. № 278, 297).

«Мое сообщение,— писал торгпред,— было встречено с большим удовлетворением, и сегодня Бахман передал, что совет министров вчера, заслушав его доклад по моему сообщению, поручил уведомить Элиаву о следующем: «Совет министров высказал полное удовлетворение правильным освещением Элиавой перед Советским правительством существующего положения в Персии и задач, стоящих перед персидско-советской торговлей. Совет министров также совершенно удовлетворен принятым Советским правительством решением о расширении советско-персидской торговли, что является полезным для обеих стран».— 546

²³¹ В беседах Л. М. Шостака с Бахманом 31 июля, 1 и 2 августа 1934 г. обсуждались конкретные вопросы советско-персидских торговых отношений. Основное их содержание изложено в комментируемом документе и в док. № 297 (см. также док. № 162, 278, 428).— 546

²³² Имеется в виду обмен письмами между торгпредом СССР в Персии М. Л. Шостаком и начальником главного управления торговли Персии Бахманом об урегулировании отдельных вопросов советско-персидской торговли.

В письме Шостака от 9 декабря 1933 г., в частности, говорилось: «СССР при составлении годового списка на советскую долю участия по ввозу то-

варов в Персию может включить в перечень всех товаров, разрешенных Персидским Правительством к ввозу на данный экономический год, вне зависимости от того, были ли включены эти товары в советскую долю за предыдущие годы. Размеры этих товаров согласовываются с Главторгуправлением. Само собой разумеется, что если ввоз каких-нибудь раньше не входивших в советский годовой список товаров будет обусловлен по общим правилам какими-либо особыми условиями, то ввоз этих товаров в СССР также будет подчиняться этим особым условиям, установленным для всех».

В ответном письме Бахмана от 10 декабря 1933 г. подтверждалось содержание указанного письма от 9 декабря 1933 г. и выражалось согласие с ним.— 547

²³⁵ В письме заведующего 1 Восточным отделом НКВД СССР В. М. Цукермана временному поверенному в делах СССР в Персии А. В. Заславскому от 22 августа 1934 г. по вопросу о ценах на мануфактуру сообщалось: «Хотим мы этого или не хотим, наша мануфактура все равно будет продаваться купцам со значительными накидками. При этом условии возможная надбавка на цены, по которым мануфактура будет нами сдаваться монополии, не сможет оказать сколько-нибудь заметного влияния на ее конкурентоспособность, не говоря уже о том, что вообще при монополии вопрос конкурентоспособности не играет существенной роли».— 549

²³⁴ 31 августа 1934 г. Л. Н. Старк телеграфировал в НКВД СССР, что в беседе с председателем Ассоциации афганской национальной олимпиады Шах Махмуд-ханом (военный министр Афганистана) был согласован вопрос об участии афганских спортсменов в Среднеазиатской спартакиаде.

Члены афганской спортивной делегации (8 человек) прибыли в Ташкент 6 сентября 1934 г. и приняли участие в соревнованиях по легкой атлетике и теннису (см. док. № 372).— 550

²³⁵ Международный конгресс по борьбе с туберкулезом проходил в Варшаве с 4 по 7 сентября 1934 г. Советская делегация в составе профессоров В. А. Любарского, Г. Р. Рубинштейна, И. И. Файншмидта, В. С. Хольмана и В. Л. Эйниса приняла активное участие в его работе.

Представители СССР ознакомили конгресс с достижениями советской медицины в изучении туберкулеза и борьбе с ним, а также со структурой и методами работы советских противотуберкулезных учреждений. Как свидетельствовал отчет советской делегации, участники конгресса проявили большой интерес к достижениям советской медицины и к системе организации здравоохранения в СССР.

Во время работы конгресса были проведены переговоры о вступлении СССР в Лигу борьбы с туберкулезом. Советский Союз 11 сентября 1934 г. стал членом этой международной организации.— 557

²³⁶ Б. С. Стомяков в телеграмме от 27 августа 1934 г. сообщал Д. В. Богомолову: «Речь идет не о займе, а о подтоварной ссуде на основе договора о доставке сырья синьзянским правительством советской торговой организации, занимающейся торговыми операциями только с Синьзяном. Такой договор, очевидно, не может быть заключен с нанкинским правительством. Мы не сомневаемся в том, что подтоварная ссуда будет использована исключительно для хозяйственных целей. Что касается контроля нанкинского правительства над использованием ссуды, то этот вопрос может быть разрешен только между Нанкином и Урумчи, и нас он, очевидно, не касается. Подробностей договора не существует, ибо до сих пор имели место лишь предварительные принципиальные разговоры между «Совсиньторгом» и синьзянским правительством и даже еще нет проекта договора».— 561

²³⁷ Советско-американские культурные связи значительно выросли после установления в 1933 г. нормальных дипломатических отношений. Помимо созданных ранее американо-русских институтов (обществ культурной связи с СССР) в Нью-Йорке (1927 г.), Филадельфии, Чикаго (1929 г.) и

Сан-Франциско (1931 г.) в 1934 г. был организован также американско-русский институт в Бостоне, что свидетельствовало о значительном повышении интереса к Советскому Союзу у общественности США. Число американских деятелей культуры, науки и искусства, участвовавших в работе американско-русских институтов, увеличилось с 28 человек в 1933 г. до 210 человек в 1934 г. Через Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) в 1934 г. были установлены контакты по линии науки, техники, медицины, педагогики и искусства с рядом важнейших американских институтов, учреждений и университетов. Число учреждений США, с которыми производился регулярный книгообмен, только за первое полугодие 1934 г. возросло на 88. Если в 1933 г. по линии ВОКС Советский Союз посетили 227 американских граждан, то в 1934 г. их число увеличилось до 506 человек. В 1933 г. на театральный фестиваль в СССР из США приехало лишь 9 человек, а в 1934 г. — 44 человека.

В течение 1934 г. в США были организованы пять советских выставок: детской литературы, народного просвещения, советской живописи (в Филадельфии и Питтсбурге), детского рисунка (в Нью-Йорке).

Выставка советской живописи, о которой идет речь в комментируемом документе, была организована по предложению Пенсильванского художественного музея. Она должна была ознакомить американскую общественность с достижениями советского искусства за последние 15 лет. Выставка состоялась в конце 1934 г. в помещении Пенсильванского художественного музея. На ней были представлены 150 полотен живописи и несколько сотен графических работ таких видных художников, как С. Герасимов, Петров-Водкин, Сарьян, Юон, Ряжский, Дормидонтов, Антонов, Дейнека, Яновская, Нисский, Истомин, Шевченко, Вильямс и др. На выставке были представлены 25 картин более молодых художников — Кончаловского, Ильина, Лукомского, Бубнова, Меркулова, Якутовой, Прагера, Кашина и др. Графика была представлена работами Фазорского, Кравченко, Павлинова, Верейского, Львова, Гончарова, Пикова, Милашевского и др.

Выставка в Филадельфии и Питтсбурге, впервые познакомившая американцев с советским изобразительным искусством, имела большой успех. — 562

²³⁸ 13 августа 1934 г. японские газеты поместили телеграмму агентства Рэпо из Чанчуня, в которой излагалась упомянутая декларация властей Маньчжоу-Го по поводу переговоров о КВЖД. В декларации содержались следующие пункты: а) согласие маньчжурских властей на так называемое посредническое предложение японского министра иностранных дел Хирота является последней возможной уступкой, дальше которой они не могут пойти (см. прим. 254); б) в случае провала переговоров о КВЖД власти Маньчжоу-Го намерены всю ответственность за это возложить на СССР; в) если произойдет разрыв переговоров, власти Маньчжоу-Го собираются рассматривать КВЖД как коммерческое предприятие, находящееся под юрисдикцией маньчжурской администрации, которая будет осуществлять контроль над КВЖД (см. также док. № 328). — 552

²³⁹ После отклонения Хирота 30 июля 1934 г. предложения советской стороны продать КВЖД за 160 млн. иен японская и маньчжурская пресса развернули беспрецедентную кампанию шантажа и угроз в адрес Советского Союза. На страницах японских и маньчжурских газет публиковались различные небыллицы провокационного характера, всячески раздувавшиеся подстрекательскими комментариями. Официс ЮМЖД «Маньчжурия дейли нюс» 17 августа 1934 г. подчеркивал, что Маньчжоу-Го «вправе прекратить работу КВЖД или прибегнуть к отчуждению всего предприятия». Япономаньчжурская печать открыто угрожала захватом КВЖД и даже войной, если советская сторона не пойдет на дальнейшие уступки.

Характеризуя эту попытку грубого нажима на СССР, газета «Известия» 22 августа 1934 г. отмечала: «Печать японской всашины в Токио, а еще более листки, которые этой всашиной содержатся в Маньчжурии и

которые отличаются неслыханной развязностью, ведут по поводу перерыва переговоров бешеную антисоветскую кампанию и прибегают ко всякого рода угрозам, чтобы «запутать» общественное мнение Советского Союза. Этот факт нельзя расценивать иначе, как обострение агрессивных намерений по отношению к Советскому Союзу». — 564

²⁴⁰ Министерства иностранных дел Японии и Маньчжурии опубликовали 21 и 22 августа 1934 г. заявления, в которых оперировали цифрами и фактами, приведенными в публикуемом сообщении ТАСС. Однако толковались они в обеих заявлениях весьма односторонне (см. газ. «Известия», 27 августа 1934 г.). В маньчжурском заявлении, например, утверждалось, что японо-маньчжурская сторона предложила за КВЖД не 120, а 170 млн. иен, включив в эту цифру 50 млн. иен выходных пособий, которые должны были быть выплачены советским и маньчжурским служащим дороги в случае их увольнения. Между тем увольнение или неувольнение служащих дороги после ее покупки являлось делом ее нового собственника — японо-маньчжурской стороны, которая должна была, естественно, нести и связанные с увольнением расходы на выходные пособия. Указанные расходы, естественно, не могли входить в состав цены за КВЖД. — 565

²⁴¹ Телеграммой в НКВД СССР от 13 августа 1934 г. А. А. Трояновский предлагал: «Я думаю, что лучше всего заявить, что мы сделали много уступок, теперь очередь за госдепартаментом; если он сделает значительно лучшее предложение, то мы со своей стороны попытаемся пойти им навстречу. Я предполагаю, что о форме кредита будет не трудно договориться, сумму долга в 100 млн. долл. можно будет принять. На каком-то небольшом проценте на сумму долга — от 1 до 3% — госдепартамент будет настаивать. На сумму кредитов в 200 млн. долл. вероятен договор. Значительная трудность будет с процентом, который мы согласимся платить за кредит.

Труднейшим вопросом будет вопрос о сроках кредита; мне кажется, что надо немедленно подумать о таком компромиссе: помимо формулировок с нашей стороны, в которых было бы сказано, что просто отказываемся от взаимных претензий, мы получаем часть кредита, например половину, т. е. 100 млн. долл., на наших условиях полностью на 20 лет (с отказом от денонсации векселя через каждые 5 лет или прямо на 20 лет — это вопрос второстепенный), а, например, вторые 100 млн. на началах возобновляющегося кредита со сроком для каждой сделки, улучшенным в сравнении с американским предложением» (см. док. № 316). — 565

²⁴² В числе 38 советских граждан — работников КВЖД, арестованных полицейскими властями с 13 по 21 августа 1934 г., были начальник 9 участка службы пути Николаев, начальник 11 участка службы пути Коллодий, начальники станций: Имяньбо — Пятых, Мадаоши — Пауль, Хайлен — Краев, Пограничная — Калмыков, Тайшинли — Михайлов, начальник грузового отделения службы эксплуатации Останин и другие советские граждане, работавшие на восточной линии КВЖД. — 566

²⁴³ В коммюнике японского военного министерства, опубликованном в газетах «Асахи» и «Кокуцу» 17 августа 1934 г., содержалось вымышленное утверждение, что частые нападения бандитов на поезда восточной линии КВЖД являются якобы «результатом отличного спланированного советского заговора», рассчитанного «на систематическое руководство бандитами, вмешательство в военные действия японской армии и расстройство мира и порядка в Маньчжоу-Го», что крушения и нападения совершаются исключительно лишь в отношении тех поездов, в составе которых следуют японские военные чины или воинские грузы. Японские и маньчжурские газеты, излагая коммюнике, указывали, будто директивы о диверсиях в отношении этих поездов даются неким руководящим центром агентам-активистам из среды советских служащих КВЖД на местах. Это якобы и является причиной многочисленных арестов советских граждан — служащих КВЖД. — 567

²⁴⁴ Имеется в виду устная договоренность К. К. Юренева с Хирота от 5 марта 1934 г. о передаче в печать только согласованных заявлений относительно переговоров о КВЖД. Эта договоренность, именовавшаяся впоследствии как соглашение Хирота — Юренив, систематически нарушалась японской стороной, о чем Юренив неоднократно заявлял Хирота. Так, 14 марта, 24 апреля, 23 июня он обращал внимание министра на то, что японские газеты публикуют тенденциозные и явно инспирированные статьи и сообщения, искажающие действительные позиции сторон в переговорах о КВЖД, и тем самым тормозят их ход. Юренив предупреждал, что, если японская печать и впредь будет вести себя таким образом, советская сторона вынуждена будет правдиво осветить позиции сторон в переговорах. Когда по вине японо-маньчжурской стороны переговоры были прекращены в августе 1934 г., в японской печати началась разнузданная антисоветская кампания (см. прим. 239). В связи с этим в советской печати 18 августа 1934 г. было опубликовано сообщение ТАСС, в котором освещался ход переговоров о КВЖД и назывались подлинные виновники их прекращения (см. док. № 310). Это сообщение ТАСС правящие круги Японии пытались истолковать как нарушение упомянутого соглашения Хирота — Юренив. — 569

²⁴⁵ Начальник европейско-азиатского департамента МИД Японии Того 8 августа 1934 г. в беседе с советником посольства СССР в Японии Н. Я. Райнидом, касаясь решения советской стороны снизить цену за КВЖД с 170 до 160 млн. нен, сказал, что «уступка в 10 млн. нен, составляющих одну пятую разницы между ценой Юренива и ценой Хирота (см. док. № 310), свидетельствует, что Советское правительство не оценило посредничество Хирота». Райвид на это ответил, что «Советское правительство не расценивает посредничество Хирота в миллионах нен и что оно проявило максимум доброй воли к соглашению». — 569

²⁴⁶ О вручении меморандума государственному секретарю США Хэллу А. А. Трояновский сообщил в НКВД СССР телеграммой от 24 августа 1934 г., в которой, в частности, говорилось: «Сегодня в 11 часов я был у Хэлла и вручил ему в присутствии Мура и Келли меморандум. Хэлл прочитал меморандум вслух и затем заявил мне, что большой уступок он не видит и что меморандум для них неприемлем. «Я заявил, — говорилось в телеграмме, — что это максимум наших уступок: я снова прочитал джентльменское соглашение и первое предложение госдепартамента, в котором тоже говорится о займе. Келли пытался опять доказывать, что президент думая только о кредитах, а предложение госдепартамента предполагало только частные займы. Я сказал, что это ни из чего не следует. Все трое доказывали, что сейчас в Америке невозможно получить долгосрочных кредитов или заем. Я спросил, какая же тогда разница между «несостоятельными» нациями и аккуратными плательщиками. Первые не могут получить займа и силу билля Джонсона, вторые тоже не могли получить, потому что общественное мнение и правительство против. На этот вопрос ответа я не получил».

«Далее я говорил, — писал полпред, — что мы сделали множество уступок, а госдепартамент вопреки соглашению Литвинова с Рузвельтом повторяет один и те же непримлемые предложения». На вопрос Трояновского, «принимается ли в основу наше предложение, Хэлл ответил, что оно непримлемо. На другой вопрос, дискуссионно ли оно, прямого ответа я не получал».

Хэлл сказал, что он хотел бы, чтобы я подумал еще и внес бы еще предложение, госдепартамент со своей стороны подумает и, может быть, внесет свое предложение. Я сказал, пусть от меня они не ждут новых предложений. Мы сделали больше, чем мы можем сделать» (см. док. № 355, 357). — 571

²⁴⁷ Генеральный консул СССР в Харбине М. М. Славцкий, вице-консулы А. М. Дрибинский и Г. Н. Кислов в течение 1933 и 1934 гг. неоднократно обращали внимание японо-маньчжурских властей на отсутствие

необходимой охраны восточной линии КВЖД. 12 сентября 1933 г. Славущкий в беседе с Особым агентом Ши Люй-бэнем обратил внимание на тяжелое положение, которое создалось на восточной линии дороги в связи с непрекращающимися нападениями хунхузов на поезда. Он подчеркивал, что «положение на этом участке таково, как не было в самые худшие и неспокойные времена». Вместе с тем Славущкий заявил, что, по мнению советских железнодорожников, на КВЖД «такое положение создается не случайно, но вытекает из некоей политической установки, направленной к тому, чтобы подорвать восточную линию». Славущкий категорически настаивал «на принятии мер к охране дороги», указав, что если маньчжурские власти не в состоянии обеспечить охрану, они должны официально заявить об этом. 13 сентября 1933 г. Славущкий беседовал на эту же тему с начальником японской военной миссии в Харбине Комацубара. 14 сентября 1933 г. Дрибинский в беседе с заместителем Особого агента Симамура отметил, что совершенно непонятно, как при охране линии маньчжурскими и японскими войсками «нападения не только не прекращаются, но даже стремительно возрастают в своем количестве». 16 сентября 1933 г. Дрибинский при посещении Ши Люй-бэня снова заявлял о крайне тяжелом положении восточной линии в связи с рядом налетов и крушений. 23 сентября 1933 г. Славущкий вновь поставил перед Ши Люй-бэнем вопрос о необходимости поддержания порядка на восточной линии дороги.

Весной 1934 г. нападения хунхузов на КВЖД резко усилились. В то же время охрана дороги японо-маньчжурскими войсками практически была прекращена (см. прим. 248). В мае 1934 г. Славущкий трижды беседовал с Симамура по поводу охраны КВЖД и возросших происшествий на дороге. 8 июня 1934 г. Кислов в беседе с Симамура протестовал против снятия «охраны с товарных поездов на восточной линии и снятия таковой же с ветки на Тигровую дачу». Кислов «настоячиво просил Симамура принять меры к восстановлению прежнего порядка в отношении охраны». Однако никаких мер по охране восточной линии КВЖД японо-маньчжурскими властями предпринято не было.— 572

²⁴⁸ 19 мая 1934 г. Главный штаб охранных войск направил в правление КВЖД письмо, в котором говорилось, что «ввиду отвращения значительных сил охранных войск на борьбу с хунхузами и необходимости в связи с этим усиления гарнизонов на станциях и разъездах дороги Главный штаб лишен возможности при этих условиях наряжать команды для сопровождения и охраны товарных поездов. Взамен охраны товарных поездов штаб объявил о введении непрерывного патрулирования линии». Однако в действительности никакого патрулирования линии не проводилось.— 572, 575

²⁴⁹ С 12 августа 1933 г. в качестве временной меры на ст. Пограничная стали осуществляться перегрузки грузов, направлявшихся во Владивосток. 1 сентября 1933 г. японо-маньчжурские власти установили, что передача и прием поездов могут совершаться лишь в дневное время — в течение 12 часов. С 1 декабря 1933 г. этот период времени был ограничен 9 часами (с 7 до 16 часов). 3 января 1934 г. таможенные власти в устной форме заявили, что впредь перегрузка экспорта разрешается лишь с 9 до 15 часов, причем во время перегрузки должен присутствовать наряд пограничного охранного отряда и одновременно может перегружаться не более 6 вагонов. 4 января 1934 г. со стороны пограничного охранного отряда поступило требование производить перегрузку одновременно не более 4 вагонов, что было объяснено недостатком числа чинов полиции, которые могут быть назначены для наблюдения за перегрузкой. 19 января 1934 г. полицейские власти ст. Пограничная ввели новое ограничение, допуская на станцию не более 60 рабочих-грузчиков (вместо 120). В ходе переговоров, которые вело управление КВЖД с представителями Харбинской таможни, последние прямо признали, что «даны распоряжения... мешать перегрузке». В конце января пограничные власти установили порядок, согласно которому поезда

на Уссурийскую ж. д. могли направляться только до 15 часов, продолжая вместе с тем самым издевательским образом выискивать все новые способы, чтобы затруднить перегрузку. С начала февраля 1934 г. в качестве меры для затруднения пассажирского движения был введен новый порядок получения виз для агентов железнодорожных бригад, сопровождавших прямые поезда на Владивосток. Наряду с этим в течение всего 1934 г. полицейские власти на ст. Пограничная систематически арестовывали советских граждан — служащих КВЖД и поездные бригады, прибывавшие с Уссурийской ж. д., задерживали отправленные готовых составов, неоднократно избивали служащих КВЖД и т. п. (см. также док. № 312).— 572

²⁵⁰ В упоминаемом постановлении правления КВЖД председателю правления КВЖД поручалось обратиться «к правительству и штабу охранных войск с просьбой о принятии надлежащих мер по установлению охраны КВЖД, обеспечивающей бесперывное и безопасное движение последней, обеспечению железнодорожным агентам возможности выполнения служебных обязанностей». — 574

²⁵¹ В письме правления КВЖД за подписью маньчжурского и советского членов правления на имя председателя правления КВЖД от 11 июля 1934 г. говорилось: «Охрана товарных поездов является обязанностью, принятой на себя штабом по охране дороги, поэтому правление, во избежание могущих быть несчастий, согласится с оставлением поездов без охраны никоим образом не может.

Правление просит Вас, г. Председатель, снести со штабом охранных войск с просьбой о восстановлении охраны товарных поездов» (см. также прим. 248).— 575

²⁵² 31 августа 1934 г. была открыта прямая телефонная связь между Москвой и Парижем. По этому случаю состоялся обмен краткими приветственными речами по телефону между наркомом связи СССР и министром почт и телеграфов Франции, а также разговор между Н. Н. Крестинским и Барту. В заключение Крестинский беседовал с Е. В. Гиршфельдом, а Барту — с Альфаном (см. газ. «Правда», 1 сентября 1934 г.).— 578

²⁵³ В беседе К. К. Юренева с Адати от 29 августа 1934 г. кроме фактов, упоминаемых в комментируемом документе, был затронут вопрос о стоимости КВЖД. Адати, основываясь на том, что японо-маньчжурская сторона 23 июля предложила за КВЖД 120 млн. пен, а советская сторона 30 июля снизила свое требование до 150 млн. пен (см. док. № 310), сказал, что «было бы хорошо, если бы стороны договорились на средней цене, т. е. разделили бы существующую разницу в 40 млн. пен пополам». Юренив на это ответил, что такого предложения раньше никто не делал, но «если бы оно последовало, то было бы обсуждено, как всякое другое деловое предложение». — 582

²⁵⁴ Упомянутая встреча К. К. Юренева с Хирота состоялась 6 сентября 1934 г. на квартире у последнего. Хирота возобновил обсуждение вопроса о продаже КВЖД, прерванное японо-маньчжурской стороной в начале августа. Он сказал, что «считает необходимым, чтобы соглашение о дороге, которое, надо думать, состоится, вступило в силу тотчас же по его подписании и вместе с этим Маньчжоу-Го немедленно вступит во владение всеми правами на КВЖД». Касаясь выкупной цены за КВЖД, Хирота отметил, что лично он считает, что предложенная им ранее «цена в 120 млн. пен без выходящих пособий является подходящей» (см. док. № 310). Теперь же он рад сообщить, что «маньчжурское правительство готово увеличить названную им цену еще на 10 млн., с тем чтобы уплата по этой прибавке была произведена товарами». Переходя к вопросу о методах уплаты за дорогу, Хирота сказал, что правительство Маньчжоу-Го согласно «одну треть цены дороги, т. е. 40 млн. пен, выплатить наличными: 10 млн. при подписании соглашения, остальные в четыре срока в течение трех лет». Товарную часть цены дороги в размере 90 млн. пен готово выплатить «в течение пяти лет равными долями». При этом Хирота заметил, что маньчжурское прави-

тельство возражает против включения в соглашение оговорки о золотой клаузуле. Излагая другие условия продажи КВЖД, Хирота предложил, чтобы ответственные советские служащие на КВЖД покинули Маньчжурию сразу же после передачи ими своих прав маньчжурам, а в отношении остальных советских служащих — установить срок для предупреждения их об увольнении в один-два месяца. Юренев сказал, что он «разочарован его предложениями» и что у него «нет надежды на то, что соглашение можно будет заключить в короткий срок» (см. док. № 328, 336).— 583, 587, 602

²⁵⁵ Ота в беседе с Б. С. Стомоняковым 31 августа 1934 г. сказал: «Я много думал по вопросу об отношениях между обеими странами, и мое личное мнение таково, что, может быть, нижеисследующий проект был бы наиболее подходящим для разрешения всех вопросов. Я думаю, что лучше всего было бы для обеих сторон отменить все оборонительные мероприятия и прекратить принятие таковых в дальнейшем». На это Стомоняков ответил: «Мы предлагали пакт о ненападении. Мы проявили уступчивость и миролюбие во всех вопросах, касающихся советско-японских отношений. Но наша политика мира и уступчивость не улучшили отношения к нам японских военных и националистических кругов. В нашей уступчивости они усмотрели слабость, и, по мере того как мы делали миролюбивые шаги и уступки, они становились все более агрессивными. Нам тогда ничего не оставалось, как всеми средствами начать укреплять нашу оборону. За последнее время японские военные и крайне националистические круги стали еще более агрессивными и не стесняются уже открыто требовать войны с нами. При этом они не стесняются говорить японскому народу заведомую неправду, будто СССР хочет напасть на Японию. При таком положении и когда эти элементы не встречают противодействия со стороны японского правительства и умеренной части населения, и думаю, что уничтожение оборонительных сооружений не улучшило бы дело мира, а, наоборот, вызвало бы войну. Таково мое личное мнение по поводу предложенной посылы».

Упомянутый в комментируемом документе японский журналист Каваками в телеграммах из Москвы, которые публиковались в японской прессе, проагандировал идею демилитаризации советско-маньчжурской границы.— 586

²⁵⁶ Б. С. Стомоняков беседовал с Ота 22 и 31 августа 1934 г. В беседе 22 августа Ота предложил «переговорить в неофициальном порядке по поводу нежелательного положения на восточной линии КВЖД». Стомоняков ответил согласием. В ходе беседы при обсуждении конкретных действий японо-маньчжурской стороны, таких, как прекращение переговоров о КВЖД (см. док. № 310), арест советских граждан в Маньчжурии (см. док. № 313), проведение японской прессой разнузданной антисоветской пропаганды (см. прим. 239), Ота брал под защиту японо-маньчжурские власти и оправдывал совершаемые ими злодеяния в отношении советских служащих на КВЖД. В беседе 31 августа Ота сказал Стомонякову, что «хорошо было бы опять переговорить неофициально о событиях на Дальнем Востоке» и особенно «о положении на восточной линии КВЖД». При этом он отметил, что командование ОКДВА будто бы «тормозит японские военные перевозки» в Маньчжурии и что якобы «бандиты и служащие на КВЖД имеют связи между собой». Ота добавил: «Это очень серьезное дело. Если все оставить в этом положении и если и дальше это будет развиваться в этом направлении, то дело может дойти до войны. Я этого очень боюсь. Мы, дипломаты, должны все это серьезно учитывать. Я не намерен вступать в дискуссию, но мы, дипломаты, должны подумать, нельзя ли найти выход, чтобы устранить существующую опасность». Стомоняков ответил: «Я вполне согласен с г. послом, что мы должны отбросить в сторону все дискуссии и обсудить вопрос глубоко, так, чтобы, как он выразился, дело не зашло слишком далеко и не дошло бы до войны. Я готов сделать все, что только от меня зависит, для того чтобы поддержать усилия посла улучшить наши отношения. Но я не могу согласиться искать разрешения

вопроса в том направлении, какое указывает г. посол. Я не могу ни на минуту признать или исходить из тех обвинений, которые выдвигаются против ОКДВА ~~и~~ против советских служащих КВЖД, не могу хотя бы просто потому, что они противоречат здравому смыслу» (см. также прим. 255).— 586

²⁵⁷ Замечания советской стороны к упоминаемому меморандуму Германии от 8 сентября 1934 г. были доведены до сведения французского правительства и учтены во французской ноте Германии от 13 января 1935 г. (см. «Международная жизнь», 1963, № 7, стр. 158).— 586

²⁵⁸ 16 сентября 1934 г. Н. Н. Крестинский направил Л. М. Карахану следующую телеграмму: «Не возражаем против продления пограничной конвенции еще на 6 месяцев. Можете подписать соответствующий протокол». Протокол о продлении конвенции о порядке рассмотрения и разрешения возникающих на границе между СССР и Турцией конфликтов был подписан в Анкаре 6 октября 1934 г.— 588

²⁵⁹ Институт интеллектуального сотрудничества, находившийся в Париже, являлся исполнительным органом комиссии интеллектуального сотрудничества Лиги наций (см. «The League of Nations and Intellectual cooperation». Information Section, League of Nations secretariat, Geneva. 1927).

Председатель административного совета этого института Эдуард Эррио 20 января 1934 г. направил М. М. Литвинову письмо, в котором содержалось предложение о сотрудничестве советских организаций с институтом.

Литвинов в ответном письме от 20 марта 1934 г. сообщил Эррио, что «научные и культурные организации моей страны будут готовы завязать отношения с международным институтом интеллектуального сотрудничества во всех научных областях, которые могут его интересовать. Я даже мог бы, если Вы этого пожелаете, изучить вопрос о назначении постоянного представителя Советского Союза при институте, который мог бы быть назначен из числа сотрудников нашего посольства в Париже».

Советским представителем при институте в 1934 г. был назначен советник полпредства СССР в Париже Е. В. Гиршфельд.— 601

²⁶⁰ В письме М. М. Литвинова Н. Н. Крестинскому от 16 августа 1934 г. затрагивались вопросы советско-американских переговоров о долгах и кредитах. Основное их содержание изложено в комментируемом документе и в док. № 315 (см. также док. № 355, 357).— 606

²⁶¹ По поручению инстанции Н. Н. Крестинский телеграфировал М. М. Литвинову 24 сентября 1934 г. «не торопиться с инициативой пакта без Германии и Польши, отложив решение до возвращения г. Литвинова в Москву» и «ограничиться зондажем намерений французов и других».— 608

²⁶² Упомянутый Конгресс ориенталистов, посвященный юбилею Фирдоуси, состоялся 4—8 октября 1934 г. в Тегеране.

В его работах участвовали представители 50 стран. В состав советской делегации вошли известные советские ученые-востоковеды: Е. Э. Бертельс, А. А. Болотников, Ю. Н. Марр, И. А. Орбели, А. А. Рамаскевич, А. А. Фрейман, которые выступили с рядом докладов.

Советская делегация передала в подарок от имени Советского правительства правительству Персии выставку гальванопластических копий сасанидских блюдов из коллекции Эрмитажа, фотокопии редчайшей старинной рукописи «Шахнаме» и найденных в Таджикской ССР согдийских рукописей, а также ряд советских академических художественных изданий, выпущенных к юбилею Фирдоуси.

В передовой статье тегеранской газеты «Эттелаат» от 21 сентября была выражена признательность различным учреждениям и деятелям СССР по поводу широкого празднования юбилея Фирдоуси в Советском Союзе. «Все персы,— говорилось в статье,— чрезвычайно польщены тем, что известные ученые и литераторы Советского Союза отмечают юбилей великого персидского поэта и философа празднествами и выпуском ценных работ».— 619

²⁶³ 1000-летний юбилей поэта Фирдоуси был широко отмечен в Советском Союзе, 20 сентября состоялось юбилейное заседание в Большом театре с докладом академика И. А. Орбели о творчестве Фирдоуси. С приветственными речами выступили также прибывшие на юбилей известный персидский искусствовед Шоад Эд-Довлет Дига и видный историк и лингвист Саид Нафиси. Издательство «Академия» предприняло юбилейное издание полного перевода поэмы «Шахнаме». В Азербайджане, Узбекистане, Армении и Грузии вышел из печати перевод «Шахнаме» на языках этих республик; в дни юбилея жизни и творчеству Фирдоуси посвятили свои странички газеты и журналы Москвы, Ленинграда и Советских республик Средней Азии и Закавказья; торжественные заседания, собрания и концерты транслировались по радио (см. газ. «Известия», 20, 21, 30 сентября 1934 г., а также док. № 306).— 620

²⁶⁴ И. о. Генерального консула СССР в Харбине Н. Я. Райвид и вице-консулы А. М. Дрибинский и Г. Н. Кислов в течение августа и сентября 1934 г. неоднократно делали устные и письменные представления по поводу насилий и издевательств над советскими гражданами и требовали их прекращения. 29 августа Кислов обращался к заместителю Особого агента Симамура по поводу насилий над арестованными советскими гражданами, отказа им в передачах и свиданиях с родственниками. Кислов «требовал прекращения этих насилий и установления гуманного режима». Симамура уклонился от ответа на эти представления. 3, 18 и 26 сентября Райвид ставил перед Симамура вопрос о попытках и избиениях арестованных советских граждан, «требовал прекращения насилий и рассказал ему о показаниях Головиной и актах медицинского освидетельствования Головиной и Григорьева», а также настаивал «на улучшении режима для арестованных». Во всех случаях Симамура давал уклончивые ответы. 8 сентября Дрибинский во время посещения Симамура требовал прекращения «пыток и издевательств и настаивал на скорейшем освобождении арестованных советских граждан». Кроме того, он требовал разрешения на свидания арестованных с родственниками, разрешения передачи продуктов и вещей, а также улучшения общего режима содержания арестованных. 14 сентября Дрибинский, протестуя против непрекращающихся издевательств и избиений арестованных советских граждан, продемонстрировал Симамура окровавленную рубашку находившегося под арестом в железнодорожной полиции Гвоздева. 2 октября 1934 г. во время беседы с Симамура Дрибинский вручил ему «Памятную записку» о положении арестованных советских граждан, к которой был приложен список 170 арестованных. Дрибинский требовал освобождения арестованных и настаивал, чтобы Симамура сообщил ему, за какими именно властями числятся арестованные советские граждане. 12 и 22 сентября Райвид беседовал с Особым агентом Ши Люй-бэем по поводу положения арестованных советских граждан, отмечая, что диппредставительство все еще не дало «удовлетворительного ответа по этому вопросу» и «положение заключенных остается столь же плохим, как и раньше». Райвид настаивал на принятии мер по улучшению положения заключенных и на определенном ответе по этим вопросам. Ши Люй-бэнь заявил, что он, вероятно, сможет дать ответ через некоторое время» (см. также прим. 266).— 622

²⁶⁵ Имеется в виду коммюнике японского военного министерства от 17 августа 1934 г. (см. прим. 243), опубликованное некоторыми японскими газетами 18 августа 1934 г.— 626

²⁶⁶ 31 августа 1934 г. Б. С. Стожоняков по поручению Советского правительства сделал через посла Ота японскому правительству следующее заявление: «22 августа сотрудница материальной службы КВЖД Головина была арестована в Харбине японской жандармерией и отвезена в помещение жандармерии на Почтовой улице. Она была подвергнута допросам, причем японские служащие применяли к ней самые бесчеловечные пытки. Ей ввалили железные брусья между пальцев, затем связывали пальцы

веревкой и затягивали ее, что причиняло допрашиваемой такие страдания, что она теряла сознание. Затем ее били кулаками по телу и по лицу, выдергивали волосы и лили воду в рот и нос. 27 августа Головину вывели на улицу и без всякого сопровождения с первым встречным извозчиком отправили домой. Состояние ее было настолько тяжелым, что она была отправлена в больницу ее близкими». Все это, продолжал Б. С. Стомяков, «подтверждает худшие сообщения прессы о тех бесчеловечных пытках, которые применяются к арестованным служащим КВЖД с тем, чтобы вынудить у них «признание», будто они сами организовали нападения на поезда, станции и поселки и пр.—нападения, от которых в первую очередь страдали и страдают сами служащие и их семьи». В заключение Б. С. Стомяков сказал: «Мое правительство надеется, что японское правительство в скором времени сообщит ему о принятии решительных мер против этих недопустимых действий, которые столь очевидным образом наносят вред отношениям между обоими государствами». Ота о заявленном ему протесте обещал довести до сведения своего правительства (см. док. № 403, 426, прил. 264).— 627

²⁶⁷ Телеграммой от 2 октября 1934 г. Н. Н. Крестинский поручил Л. Н. Старку выяснить и сообщить: «1. Окончательно ли решение афганского правительства о приглашении 2—3 советских специалистов-энтомологов. 2. В каких конкретных формах будет организован взаимный контакт: в форме постоянно действующей организации — бюро или путем назначения странами уполномоченных, обязанных периодически информировать друг друга. 3. Как представляют афганцы снабжение их ядоматериалами. 4. Согласны ли они оформить нашу договоренность подписанием соглашения или обменом нотами».— 628

²⁶⁸ 11 августа 1934 г. Л. Н. Старк телеграфировал в НКВД СССР, что афганская сторона согласна принять на службу двух советских энтомологов для работы в Мазари-Шерифе и Ханбаде. Оба специалиста должны будут находиться в распоряжении Мазари-шерифского управления по борьбе с саранчой.— 628

²⁶⁹ На выездной сессии военной коллегии Верховного суда СССР, заседавшей 7—13 октября 1934 г. в Ленинграде, было установлено, что германский гражданин Фуке являлся центральной фигурой шпионской организации, занимавшейся сбором сведений о вооруженных силах, оборонной промышленности и т. д. в Ленинграде и Мурманске. Фуке был приговорен к 8 годам лишения свободы (см. газ. «Известия», 21 октября 1934 г.).— 630

²⁷⁰ В письме от 1 октября 1934 г. А. М. Коллонтай информировала Наркоминдел также о внутриполитическом и экономическом положении Швеции, о советско-шведских отношениях. В нем, в частности, отмечалось, что «шведское правительство подчеркивает свое искреннее желание поддерживать с нами хорошие отношения, не терять, а по возможности и завоевывать рынок Союза» (см. также док. № 391).— 636

²⁷¹ Советско-германские экономические переговоры, начатые в конце 1934 г., завершились 20 марта 1935 г. заключением соглашения между торгпредством СССР в Германии и «Комитетом германской экономики по русским делам» (в некоторых изданиях также — «Русский комитет германского хозяйства») об общих условиях поставок товаров из Германии в СССР, а 9 апреля 1935 г. между правительствами обеих стран было заключено новое экономическое соглашение, предусматривавшее, в частности, 5-летний германский кредит на сумму в 200 млн. марок для советских заказов в Германии (см. «Сборник действующих торговых договоров», вып. II, М., 1936 г., стр. 10—12, 81—83).— 639

²⁷² Д. В. Богомолов телеграммой от 8 октября 1934 г. сообщал в НКВД, что министр финансов Китая Кун Сян-си в беседе с ним сказал, что «Чай Кай-ши просит оказать содействие профессору Цзян».— 640

²⁷³ В упомянутом письме Б. С. Стомякова от 27 сентября 1934 г. А. М. Коллонтай отмечалось, что «организация скандинавского блока под

эпидой Швеции и в особенности с участием Финляндии является скорее отрицательным явлением с точки зрения наших внешнеполитических интересов».

Говоря о возможном влиянии Финляндии в этом блоке, Стомонов указывал, что «при пассивности Норвегии и Дании в отношении СССР, при недостаточной заинтересованности шведских социал-демократов в противодействии антисоветским махинациям и при их стремлении подлаживаться под активистские круги Швеции Финляндия, как наиболее заинтересованная в отношениях с СССР участница северного блока, может занять фактически ведущую роль в этом блоке по отношению к СССР».

В заключении письма указывалось, что «новый расцвет шведской промышленности может усилить стремление Швеции играть роль в балтийском бассейне и, в частности, в Прибалтике». — 644

²⁷⁴ В письме от 25 октября 1934 г. А. М. Коллонтай сообщила в НКВД, что «к Японии шведская общественность остается по-прежнему недоброжелательно настроенной. Шведских промышленников раздражает японский демпинг на внутреннем рынке (предметы домашнего обихода, текстиль). Однако в своей ориентации Швеция по отношению к Японии также идет за Англией. Здесьшний новый японский посланник держит себя «отшельником». Активной политики не ведет. Пресса относительно мало уделяет места Японии. Все это не мешает Бофорсу принимать военные заказы Японии» (см. док. № 390). — 646

²⁷⁵ В письме М. И. Розенбергу от 19 октября 1934 г. М. М. Литвинов, характеризуя упомянутое в комментируемом документе заявление Лавалья, отметил, что «фразу Лавалья о поисках путей сближения с Германией через Москву можно было бы как будто понять в смысле стремления к комбинации, объединяющей Францию, Германию и СССР. Напрашивается, однако, более вероятное предположение, что либо Лаваль проговорился, либо сознательно, с вымышленной откровенностью сказал, что сближение с нами должно быть лишь целью запугивания Германии, чтобы добиться от нее больших уступок, иначе говоря, что Франция нас только разыгрывает». — 648

²⁷⁶ В телеграмме в НКВД СССР от 14 октября 1934 г. М. И. Розенберг сообщил о беседе с заместителем директора торгово-политического департамента МИД Франции Кулондром 13 октября, во время которой последний сказал, что «он лично хочет предложить решение вопроса о долгах по американскому образцу (см. т. XVI, док. № 361. — *Ред.*), причем он назвал для примера 5-летний срок гарантированного государством кредита». Розенберг ответил, что так как он не имеет от своего правительства никаких указаний по данному вопросу, то может выслушать Кулондра «лишь в частном порядке», считая, однако, что Кулондр «преувеличивает нашу заинтересованность в такого рода кредите». — 648

²⁷⁷ Визит министра торговли и промышленности Франции Лямуре в СССР для переговоров о продлении временного торгового соглашения от 11 января 1934 г. намечался на ноябрь 1934 г. Однако его поездка в СССР не состоялась в связи с отставкой правительства. Преемник Лямуре Маршандо посетил СССР с официальным визитом в декабре 1934 г. (см. док. № 427). — 648, 651

²⁷⁸ В записи беседы М. В. Кобещкого с министром национальной экономики Греции Песматзоглу 24 октября 1934 г. отмечалось: «когда речь зашла о фрахте, я обратил внимание Песматзоглу на то, что среди арматоров, а также и в других греческих кругах распространяется ошибочное мнение, будто мы не можем обойтись без греческого тоннажа и будем его фрахтовать «во всяком случае». Песматзоглу ответил, что так думают только старики в союзе арматоров, которые ничего не забыли и ничему не научились». — 652

²⁷⁹ В упоминаемой телеграмме от 15 октября 1934 г. в НКВД СССР говорилось: «В правительственных кругах усиливается тенденция исключить фрахт из будущей торговой конвенции. Мы добиваемся компенсации за

излишек фрахтования греческих судов в этом году. Арматоры окажут давление на правительство, если мы прекратим на некоторое время фрахтование». — 652

²⁸⁰ 25 ноября 1934 г. Б. С. Стомонаков телеграфировал М. В. Кобенкову: «предлагаемая НКВТ формула следующая: подлежащие компенсации наши экспортные товары покрываются на 100% нашим импортом и фрахтом. Из суммы, выплаченной нами за фрахт, на эту компенсацию идет только 25%, остальное покрывается импортом. 75% фрахта оплачивается нами валютой. Выручка от товаров, не подлежащих компенсации, свободно трансферируется.

Преимущество этой формулы в том, что она не фиксирует размера наших закупок и соотношения между экспортом и импортом». — 652

²⁸¹ В телеграмме в НКВД СССР от 22 октября 1934 г. М. И. Розенберг сообщил о беседе с Леже, который на вопрос, как он себе мыслит дальнейшие переговоры о Восточном пакте, сказал, что намерен сначала ответить полякам и лишь в зависимости от польской реакции дать ответ Германии (см. док. № 397, 439). Далее Леже отметил, что «в отношении Литвы можно оговорить, что обязательства взаимопомощи, поскольку они касаются Польши и Литвы, войдут в силу лишь после восстановления отношений между ними». Розенберг просил Леже «избегать всего, что могло бы усилить у литовского правительства ощущение изолированности».

В заключение приводилось следующее заявление Леже: «Если ничего не выйдет из пакта взаимопомощи с фиксацией сопротивления Польши, нужно пойти на формулу регионального пакта о ненападении с обязательством консультации в случае осложнений. Подобный пакт представил бы сам по себе известное преимущество и в то же время являлся бы канвой, позволяющей «дополнить» его двусторонними пактами, в частности между нами, Францией и Чехословакией». — 655

²⁸² В телеграмме в НКВД СССР от 31 октября 1934 г. М. И. Розенберг сообщил, что Лаваль не делал ему «прямого предложения о превращении Восточного пакта взаимопомощи в пакт о ненападении», пояснив, «что эта постановка вопроса обуславливается переговорами с Германией, к которым они приступят на днях после выяснения позиции Польши» (см. док. № 439).

Далее в телеграмме говорилось, что «Лаваль заговорил о необходимости расширения экономических отношений» и отметил, что «он лично поддерживал бы предоставление Советскому Союзу государственной гарантии кредитов». — 656

²⁸³ 22 сентября 1934 г. Хирота, излагая К. К. Юреневу предложение японо-маньчжурской стороны о порядке передачи КВЖД новому владельцу, сказал: «Одновременно с подписанием соглашения о продаже КВЖД правительство Маньчжоу-Го получает все права, которые Советское правительство имеет на КВЖД с относящимися к последней предприятиями и имуществом». При этом он отмечал, что «передача проводится в течение месяца со дня подписания данного соглашения», на основе «нового баланса», составленного «к дню подписания соглашения». На это предложение Юренев 28 сентября дал следующий ответ: «Советское правительство считает ненужным составление нового баланса и не может согласиться со сдачей-приемкой КВЖД по балансовым описям, но оно согласно на автоматический переход дороги во владение и управление Маньчжоу-Го немедленно после заключения соглашения». — 659

²⁸⁴ Упомянутая справка о состоянии счетов КВЖД, в том числе обо всех обязательствах дороги, которые должен перенять новый владелец дороги, была вручена К. К. Юреневым Хирота 22 марта 1934 г. Основные пункты этой справки вошли в Соглашение об уступке Маньчжоу-Го прав СССР в отношении КВЖД (см. «Сборник действующих договоров...», вып. VIII, М., 1935, стр. 288—307). — 659

²⁸⁵ Речь идет о паровозах серии «Е» (декапод) и вагонах, купленных в 1917 г. временным правительством в США для железных дорог России и

застраивших в связи с интервенцией и гражданской войной на КВЖД. В пользовании КВЖД находилась также часть принадлежавшего СССР кранового и другого оборудования (см. также г. XV, док. № 371).— 660

²⁸⁶ В упоминаемой телеграмме НКВД имелась ссылка на сообщения газеты «Таймс» о том, что англичане не могли ограничить японский ввоз в Западную Африку из-за наличия англо-французской конвенции о режиме открытых дверей в этих колониях, и содержался запрос: «Каким образом, по Вашему мнению, в этих условиях они предполагают ограничить наш ввоз?» (см. прим. 287).— 661

²⁸⁷ В упоминаемой ноте И. М. Майскому, подписанной (за министра иностранных дел) директором северного департамента МИД Великобритании Л. Кольером, говорилось: «Относительно ст. 8 временного англо-советского торгового соглашения, подписанного 16 февраля с. г., я имею честь сообщить Вам, что территории, упомянутые в этой статье, которые поименованы в прилагаемом списке [не публикуется.— *Ред.*], применяют принцип наибольшего благоприятствования к произведениям почв и промышленности Союза Советских Социалистических Республик».

Что касается беседы Вильсона с Озерским, упоминаемой в комментируемом документе, то в телеграмме в НКВД от 30 октября 1934 г. Майский сообщил: «Вильсон вчера пригласил Озерского и вполне ясно дал понять, что английское правительство хотело бы избежать гласных и официальных переговоров по вопросу Западной Африки, предпочло бы, чтобы мы сами произвели «самоограничение» своего текстильного экспорта туда на уровне, который, очевидно, в частном порядке должен быть согласован с англичанами».

В телеграмме Н. Н. Крестинского Майскому от 15 января 1935 г. сообщалось, что «в связи с предложениями англичан и с попыткой установить для нас, в изъятие из общего режима, ограничительные квоты завоза НКВД принял решение прекратить в 1935 г. экспорт наших хлопчатобумажных тканей в эти колонии, за исключением уже проданных в 1934 г. количеств».— 661

²⁸⁸ 8 ноября 1934 г. М. И. Розенберг телеграфировал в НКВД СССР о беседе с директором торгово-политического департамента МИД Франции Баржегоном по вопросам, затронутым в комментируемом документе. Баржегон «признал соображения Литвинова весьма ценными».— 662

²⁸⁹ Имеются в виду беседы Я. З. Сурица с бывшим послом Германии в СССР Надольным 22 и 30 октября, когда советскому пообещали, по существу, была неофициально предложено заключить Восточный пакт без участия Франции и Чехословакии, что явилось новым маневром германской дипломатии с целью воспрепятствовать заключению Восточного пакта (см. также док. № 286). 22 октября Надольный, говоря о требовании в Германии, «переходящей в некоторых кругах в уверенность, что СССР уже тесно связан с Францией», в частности, сказал: «Если у Советской России нет связи с Францией, если она действительно стремится только к обеспечению безопасности в северо-восточном районе, то было бы логичнее предложить региональный пакт, ограниченный участием в нем стран данного района».

После этой беседы Надольный нанес визит Сурицу 30 октября и сообщил ему, что «он успел повидаться с Бюловым и Гаусом (заведующий правовым отделом МИД Германии.— *Ред.*), с которыми поделился своей точкой зрения о желательности заключения регионального пакта взаимной гарантии с ограниченным числом участников (без Франции). По его словам, как Бюлов, так и Гаус отнеслись к этой идее чрезвычайно сочувственно и доброжелательно. Этот разговор,— писал далее Суриц,— укрепил создавшееся у меня впечатление, что Надольный выступает в роли неофициального порт-пароля аусамта».— 662

²⁹⁰ Согласно договору между Главным концессионным комитетом при СНК СССР и обществом «Лена-Голдфилдс» от 4 ноября 1934 г. все пред-

приятия «Лена-Голдфилдс» в СССР со всеми строениями, оборудованием, сырьем, топливом и другими материалами, а также все полуфабрикаты и готовые изделия, все дебиторские счета и другие требования к третьим лицам переходили к Советскому правительству; одновременно к правительству СССР переходили все двусторонние договоры и обязательства предприятий «Лена-Голдфилдс» в СССР с государственными и кооперативными учреждениями, организациями и предприятиями СССР.

Правительство СССР соглашалось уплатить обществу «Лена-Голдфилдс» 3 млн. ф. ст., без начисления каких-либо процентов, в период с 1 мая 1935 г. по 1 ноября 1954 г.

11 января 1935 г. «Лена-Голдфилдс» уведомила Главный концессионный комитет о ратификации договора общим собранием акционеров общества; СНК СССР утвердил договор 9 марта 1935 г. В связи с началом второй мировой войны платежи были приостановлены.

В совместном заявлении Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина и премьер-министра Великобритании Гарольда Вильсона от 12 февраля 1967 г., в частности, говорилось: «Оба Правительства договорились об окончательном урегулировании взаимных имущественных и финансовых претензий, которые возникли между Советским Союзом и Соединенным Королевством после 1 января 1939 г. и были предметом переговоров в течение последних лет, и обязуются не предъявлять друг другу, а также не поддерживать этих претензий в дальнейшем. В соответствии с этой договоренностью правительство Ее Величества произведет в кратчайший срок в пользу Советского Правительства платеж в сумме 500 000 фунтов стерлингов за счет активов, находящихся в Великобритании. Советское Правительство дало согласие принять этот платеж в форме потребительских товаров английского производства. Оформление этой договоренности будет завершено двумя Правительствами в ближайшее время» (см. газ. «Известия», 13 февраля 1967 г.).

5 января 1968 г. посол СССР в Великобритании М. Н. Смирновский и министр иностранных дел Великобритании Джордж Браун подписали в Лондоне соглашение об урегулировании взаимных претензий, включая претензии общества «Лена-Голдфилдс». — 664

²⁹¹ С 20 по 21 октября 1934 г. в Варшаве находился с визитом премьер-министр Венгрии Гембеш. О результатах состоявшихся при этом переговоров в совместном польско-венгерском комюнике от 21 октября, в частности, говорилось: «Премьер-министр Гембеш, премьер-министр Козловский и министр иностранных дел Бек в атмосфере взаимного доверия обменялись мнениями по вопросу о польско-венгерских отношениях, основанных на традиционной дружбе. Были обсуждены также международные проблемы, в частности экономические проблемы Центральной Европы». Далее в комюнике сообщалось о подписании 21 октября польско-венгерского соглашения о культурном сотрудничестве и о решении обеих сторон создать в Польше и Венгрии комиссии по изучению экономических проблем, смешанную польско-венгерскую комиссию по вопросам развития торговых отношений между обеими странами и пр.

Поездка Гембеша в Варшаву, предпринятая вслед за поездкой гитлеровского эмиссара Папена в Будапешт, расценивалась в советской и зарубежной печати прежде всего как попытка создания «германо-польско-венгерского блока, направленного в первую очередь против Чехословакии» (см. газ. «Известия», 21, 22 октября 1934 г.). — 665

²⁹² В письме советника полпредства СССР в Польше Б. Г. Подольского от 11 ноября 1934 г. на имя Б. С. Стомоныкова о японской активности в Польше указывалось:

В конце июня 1932 г. состоялся визит в Польшу председателя ассоциации японской спортивной авиации полковника Адаги с целью ознакомления с польской авиацией и производством самолетов в Польше; 8 июля 1934 г. в Польшу с трехдневным визитом прибыл брат японского императора принц

Кайо, имея целью ознакомиться с состоянием ее военной подготовки; в конце августа 1934 г. в Гдыню зашло японское торговое судно «Вейфуку-мару», где находилось почти весь период пребывания там советских кораблей (см. прим. 60); в сентябре 1934 г. Варшаву посетила японская военная миссия во главе с начальником авиационной школы в Аконо генералом Харута.

«Имеется польско-японское соглашение на стажирование пяти японских офицеров в польской армии на 1934 г., — говорилось далее в письме, — и японский генштаб осуществляет широкую деятельность наблюдения за СССР из Прибалтийских стран и из Польши», «имеются связи японцев с петлюровскими группами и через эти группы проводится разведка об СССР. Данные группы финансируются японцами. Польское руководство к этим связям относится благосклонно».

«Польская военная и металлургическая промышленность, — отмечалось в заключении письма, — имеет японские заказы:

а) Ружейно-пулеметные заводы в Варшаве и Радоме получили с 1 января 1934 г. двухгодичный заказ на 100 тыс. винтовочных стволов. Данный заказ в настоящее время выполняется.

б) Польская авиапромышленность имеет заказы на отдельные типы польских самолетов. Во второй половине апреля 1934 г. Япония приобрела у Польши лицензию на истребитель «П-7».

в) Металлургические предприятия Польши выполняют японские заказы на трубы, стальной прокат, бронеплиты и турбины». — 666

²⁸³ В телеграмме от 5 ноября 1934 г. в НКВД СССР М. И. Розенберг сообщил, что на днях он встретится с Эррио и сосредоточит «его внимание на германских вооружениях».

10 ноября Розенберг информировал НКВД об этой встрече. Эррио заявил, «что Лаваль отрекся перед ним от своих прежних взглядов на возможность франко-германского соглашения и что, во всяком случае, он не допустит отклонения политики». — 666

²⁸⁴ На упомянутые запросы о целях миссии Барнби Саймон дал в палате общин 7 ноября 1934 г. следующий ответ: «Федерация британских промышленников объявила, что они решили послать промышленную миссию в ближайшем будущем в Маньчжоу-Го с целью изучить условия в этой стране и выяснить, может ли английская промышленность сотрудничать с местной промышленностью в ее развитии». «Миссия нанесет краткий визит вежливости и доброй воли в Японию, чтобы установить дружественный контакт с представительными организациями японской промышленности и торговли. Ввиду строго коммерческого и неполитического характера этой неофициальной миссии вопрос об ее утверждении со стороны Правительства Его Величества не встает» (см. «Parliamentary Debates. House of Commons». Vol. 293, № 150, 7th November 1934, pp. 1010—1011). — 668

²⁸⁵ 12 ноября 1934 г. М. И. Розенберг телеграфировал в НКВД СССР, что он передал Лавалю указанное в комментируемом документе сообщение. Лаваль заявил, что, «несмотря на его старые мечты о германо-французском соглашении, он считает, что в нынешних условиях соглашению с Германией должно предшествовать соглашение с нами. Он заявил также, что обращение к полякам он рассматривает не только как лишней тактический ход, но намерен одновременно дать понять польскому правительству, что Польша должна выбрать между присоединением к пакту и союзом с Францией. Он хочет быстро договориться до чего-нибудь и не даст полякам тянуть» (см. док. № 397). — 670

²⁸⁶ В беседе с Шуленбургом 9 ноября 1934 г. М. М. Литвинов в общих чертах высказался об отношении СССР к саарской проблеме. Развернутое изложение позиции СССР по этому вопросу было сделано в речи Литвинова на заседании Совета Лиги наций 6 декабря 1934 г. (см. док. № 423). — 670

²⁸⁷ Советская выставка живописи и скульптуры была организована в Анкаре, а затем в Стамбуле в декабре 1934 г. На ее открытии присутствовали

премьер-министр, члены турецкого правительства, представители турецких художественных и литературных кругов, представители печати. На ней были представлены полотна таких видных художников, как Бродский, Петров-Водкин, Куприн, Дейнека, Герасимов, Вильямс, Богородский и др. Скульптура была представлена работами Мухиной, Чайкова и др.

Выставка, познакомившая широкие круги турецкой общественности с советским изобразительным искусством, имела большой успех.— 670

²⁹⁸ 27 ноября 1934 г. телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС) заключило двусторонние договоры об обмене информацией и сотрудничестве с американскими корпорациями Ассошиэйтед Пресс и Юнайтед Пресс Ассошиэйшнс. Договоры вступали в силу с 1 января 1935 г. и были действительны на срок до 31 декабря того же года, причем они должны были автоматически возобновляться из года в год при условии, если каждая из договаривающихся сторон не заявит в письменной форме не менее чем за три месяца до истечения очередного срока о своем намерении расторгнуть договор.

1 марта 1940 г. взамен упомянутых договоров стороны заключили новые соглашения о взаимном обмене информацией и сотрудничестве. Соглашение с Юнайтед Пресс Ассошиэйшнс — в 1958 г. путем его слияния с Интернэшнл Ньюс Сервис возникло агентство Юнайтед Пресс Интернэшнл (ЮПИ) — действует и поныне; 1 января 1947 г. с Ассошиэйтед Пресс (АП) было заключено новое соглашение, которое также сохраняет силу. В 1962 г. ТАСС заключил с АП коммерческое соглашение об обмене фотоинформацией.— 677

²⁹⁹ В упомянутых заявлениях К. К. Юрневa говорилось, что советская сторона согласна на то, чтобы:

1. Была составлена «дополнительная справка о новых требованиях и обязательствах КВЖД за 1934 г., не вошедших в справку от 22 марта 1934 г.» (см. прим. 284);

2. «Постановления о золотой клаузуле применялись только при колебаниях курса пены в 8% и более»;

3. «Срок товарных поставок был определен в 2½ года, считая с момента подписания соглашения»;

4. Проценты выплачивались «только по денежной части платежей» за КВЖД.

Юрнев также заявил, что советская сторона «отказывается от оговорки о том, что цены, по которым будут поставляться товары, должны быть не выше цен на соответствующие товары, производимые в крупных промышленных странах».

В дальнейшем ходе переговоров был согласован проект соглашения о продаже КВЖД, которое было подписано 23 марта 1935 г. (см. «Сборник действующих договоров...», вып. VIII, М., 1935, стр. 288).— 682

³⁰⁰ В телеграмме Н. Н. Крестинского М. М. Литвинову от 25 ноября 1934 г. говорилось: «Согласны разрешить приезд доминиканского священника Желе».

7 декабря Литвинов телеграфировал в НКВД СССР, что «Лаваль был очень обрадован моим сообщением о допущении в СССР доминиканца. Я, однако, предупредил его,— отметил Литвинов,— что мы оставляем за собой право высылки доминиканца, как только будет замечено, что он в своей деятельности выходит за пределы намеченных ему функций».— 686

³⁰¹ В телеграмме от 25 ноября 1934 г. Н. Н. Крестинский по поручению инстанции сообщил М. М. Литвинову: «Принимаем Ваши предложения насчет Франции и Чехословакии. Наставляйте, однако, на форме протокола, а не на обмене письмами».

5 декабря 1934 г. был подписан протокол между СССР и Францией по вопросам, касавшимся переговоров о Восточном пакте (см. док. № 417).— 687

³⁰² В упоминаемой телеграмме Б. Е. Штейна в НКВД СССР говорилось, что «президент и финляндское правительство обсуждают вопрос о по-

ездке Хакселя в Москву, причем предполагалось, что Хаксель поедет в январеваре». Во время беседы с Хакселем, указывалось в телеграмме, Штейн, «ничего не говоря о поездке, заметил, что всякое искреннее проявление доброй воли со стороны финляндского правительства найдет понимание и поддержку Москвы». Штейн запрашивал, может ли он в случае зондирования вопроса о поездке Хакселя в СССР «обещать официальное приглашение Хакселю, указать срок приезда до 15 декабря, имея в виду, что сам будет до этого времени в Москве». — 692

³⁶³ В упоминаемом докладе генконсула СССР в Харбине М. М. Славущкого в НКВД СССР от 25 февраля и 26—30 марта 1935 г. сообщалось, что арестованные в 1934 г. японо-маньчжурскими властями советские граждане были освобождены из заключения в течение февраля—марта 1935 г. — 699

³⁶⁴ В упоминаемом докладе Н. С. Тихменев сообщал в НКВД, что «в ригедаге и в печати все время дискутируется вопрос об обороне Дании в случае возможной войны. Консерваторы и военные круги понимают эту «оборону» в довольно широком смысле, вплоть до вхождения в «оборонительный союз» с Швецией, а также и с Норвегией и Финляндией. В задачу такого союза ставится прежде всего укрепление Зунда. Такого рода позиция нашла выражение в статье полковника Карстенсена, помещенной в консервативном журнале «Дет Ные Данемарк» («Новая Дания»). «Политикен», отзываясь на эту статью, называет автора «выдающимся консервативным военным политиком». Карстенсен доказывает в своей статье необходимость союза Скандинавских стран, главным образом, ввиду опасности, исходящей от СССР».

Далее в докладе говорилось, что, по мнению газеты «Политикен», «Карстенсен думает не об обороне, а о придании скандинавскому военному блоку наступательного характера, притом, очевидно, в союзе с каким-либо могущественным партнером».

«Газеты правящих партий — «Социал-Демократен» и «Политикен», — отмечалось в докладе, — выдвигают необходимость сохранения Данией безусловного нейтралитета и уклонения от авантюристической политики: например, «Политикен» пишет, что она «предостерегает от опасных фантазий, возводящих Данию в качество «хранителя» ключа к Балтийскому морю, и от скандинавских военных альянсов, целью которых является возможность вести настоящую войну».

Автор также указывает, что во время своей беседы со Стаунингом последний «отрицал существование какого бы то ни было политического соглашения между Скандинавскими странами и говорил о наличии лишь культурной близости между ними». — 700

³⁶⁵ В письме Л. Н. Старка Н. Н. Крестинскому от 9 сентября 1934 г. говорилось, что, по имеющимся сведениям, «афганское правительство будет закупать у Японии оружие» и «что Япония продает Афганистану по дешевой цене снятые ею с вооружения тяжелые горные орудия». — 704

³⁶⁶ В упоминаемой телеграмме от 1 декабря 1934 г. А. Ф. Нейману говорилось: «На днях из Берлина послал Вам заказным письмом проект организации Постоянной конференции мира. Это еще не официальный документ, а лишь набросок того статута, какой я мыслил себе, когда я делал предложение в Женеве на конференции» (там. док. № 191). — 717

³⁶⁷ Временный поверенный в делах СССР в США В. Е. Скворский в телеграмме от 31 декабря 1934 г. сообщил М. М. Литвинову о беседе с государственным секретарем Хэллом. Он писал: «Я просил его дать мне ответ об отношении его и Рузвельта к Вашему проекту Постоянной конференции мира. Он заявил, что он приветствует Ваши усилия в деле мира, но вынужден сам продвигаться осторожно, когда дело касается возможности быть вовлеченным в международную политическую организацию. Настроение населения является этому причиной. Он старается воздействовать на население, но пока что он не может связывать себя определенной позицией за или против проекта Литвинова». — 717

³⁰⁸ В упоминаемой телеграмме от 25 ноября 1934 г. А. М. Коллонтай информировала НКВД СССР о беседе с министром иностранных дел Швеции Сандлером; ее содержание изложено в комментируемом документе.— 730

³⁰⁹ В упомянутом акте медицинского осмотра Ровенко Ф. Д., избитого в ночь с 5 на 6 декабря 1934 г., говорилось, что пострадавший «жалуется на головные боли, головокружение, тошноту, боли в области левой скуловой кости, в верхних и нижних зубах слева, боли при глотании, отдающей в затылок, боли в области затылка, боли при дыхании в левой половине груди. Сидеть и стоять больной не может вследствие головокружения». В акте следовало подробное описание телесных повреждений, отмечалось, что состояние пострадавшего тяжелое и что он нуждается в длительном больничном лечении.

Обсмотры были произведены 6 декабря 1934 г. врачом-инспектором департамента полиции Ясинским, старшим врачом центральной больницы КВЖД Чубриковым, заведующим хирургическим отделением центральной больницы Тороповым.— 740

³¹⁰ 4 декабря 1934 г. Н. Я. Райвнд заявил Ши Лю-бэню протест по поводу полицейского наблюдения за Генеральным консульством и его сотрудниками. «Я неоднократно обращал Ваше внимание,— говорилось в протесте,— на недопустимость подобных действий полицейских властей, противоречащих элементарным нормам международной вежливости и международным обычаям. К сожалению, все представления, сделанные Вам по этому поводу, не дали надлежащих результатов. Поэтому я вынужден рассматривать поведение полицейских властей в данном вопросе как одно из звеньев той цепи провокаций со стороны определенных японо-маньчжурских кругов по отношению к советским учреждениям в Маньчжурии и к советским гражданам, на которую я уже неоднократно обращал Ваше внимание».

«Заявляя Вам, г. Особый агент, категорический протест против подобных недопустимых и провокационных действий полицейских властей, я требую немедленного снятия указанного выше наблюдения за Генеральным консульством и его сотрудниками. Вместе с тем я возлагаю на соответствующие японо-маньчжурские власти всю ответственность за возможные последствия».— 740

³¹¹ Переговоры между СССР и Францией о заключении договора о торговле, поселении и мореплавании были начаты в Париже 19 марта 1935 г. Однако в ходе их французская сторона не соглашалась на применение принципа наибольшего благоприятствования, а также выдвигала другие неперемлемые условия. Переговоры в 1935 г. не привели к заключению указанного договора.

6 января 1936 г. временное торговое соглашение от 11 января 1934 г. было продлено на 1936 год (см. «Сборник действующих договоров...», вып. IX, № 348, 349, М., 1938, стр. 164—174).— 743

³¹² В письме С. К. Пастухова М. М. Литвинову от 20 октября 1934 г. сообщалось: «В последнем разговоре с Шостаком Давер указал на необходимость приступить к обсуждению структуры будущего (по новому договору) советско-персидского товарооборота. Давер подчеркнул, что в связи с развитием в Персии сахарной и спичечной промышленности сахар и спички в будущем торговом договоре уже не будут играть той роли в советско-персидском товарообороте, какую они играли и играют в ныне действующем договоре (см. также док. № 297).— 744

³¹³ Основное содержание упоминаемой беседы Белгородского с Давером приведено в комментируемом документе (см. также док. № 162, 297).

В записи беседы М. Л. Шостака от 4 декабря 1934 г. по этому поводу приведены такие слова Давера: «Мы предполагаем организовать значительное количество точек, в которых будут сосредоточены сельхозмашины, и это является чем-то вроде прокатных станций».— 745

³¹⁴ Переговоры между торгпредством СССР в Персии и министерством торговли об открытии в Тегеране упомянутой постоянной выставки советских машин и технического оборудования не были завершены в 1934 г.— 746

³¹⁵ В указанном письме подпред сообщал Н. Н. Крестинскому, что во время беседы с Саймоном 9 ноября 1934 г. последний заявил, что считает «беседу очень серьезной и полагает необходимым довести о ней до сведения других членов кабинета. Лишь после этого он сможет вновь вернуться к вопросам, затронутым в нашей беседе. Одновременно Саймон обещал при нашем следующем свидании дать мне разъяснения по поводу слухов о заключении японского займа на английской бирже». «За прошедший месяц,— говорилось в письме,— со стороны Саймона не было сделано никакой попытки продолжить беседу от 9 ноября и, как выяснилось, он даже не докладывал кабинету о беседе».— 750

³¹⁶ Еще нотой от 20 августа 1934 г. НКВД сообщал посольству Великобритании в СССР о готовности Советского правительства принять участие в работах международного центра по борьбе с саранчой, а 14 сентября 1935 г. НКВД информировал посольство, что Наркомат земледелия СССР уже поддерживает регулярную связь с этим центром.

Что касается упоминаемого в комментируемом документе содействия СССР борьбе с саранчой, то Советский Союз в то время оказывал большую помощь в борьбе с саранчой Персии, Афганистану и Монгольской Народной Республике (см. т. XVI, док. № 12, 43, 89, 134, 247, 262, 264).— 750

³¹⁷ В постановлении СНК СССР от 11 июля 1932 г., в частности, говорилось: «Обязать Наркоминдел обеспечить заключение специальных соглашений с Афганистаном и Персией на регулярный допуск экспедиций НКЗ СССР для проведения борьбы с саранчовыми на территориях, примыкающих к Советскому Союзу».

В соответствии с п. 4 комментируемого документа 6 мая 1935 г. между СССР и Афганистаном было подписано соглашение о борьбе с саранчой (см. «Собрание законов...», отд. II, № 16, 1 октября 1935, стр. 255—258).— 751

³¹⁸ В упоминаемой телеграмме Л. М. Карахана в НКВД СССР говорилось: «Одна из задач Рюштю-бея во время его остановки в Белграде — ознакомить югославов с греко-турецкой военной конвенцией, еще окончательно не подписанной. В отличие от уже существующего пакта с Грецией, заключенного в 1933 г., а также обязательств Греции к другим участникам Балканского пакта, военная конвенция предусматривает совместные действия не только против Балканских стран, но во всех случаях, когда каждая страна подвергается нападению с любой стороны. Имеется в виду, конечно, Италия».— 752

³¹⁹ В телеграмме Л. М. Карахана от 3 ноября 1934 г. в НКВД СССР говорилось: «Титулеску ознакомил меня с решениями Балканской Антанты, совпадающими с информацией, которую Рюштю-бей пока дал мне в предварительном порядке: 1) формальной организационной связи между Малой и Большой Антантой не будет. Они связаны будут по-прежнему тем, что страны входят в обе Антанты. 2) Основные решения касаются их позиции в отношении Италии в связи с гарантированием независимости Австрии. Решения следующие: 1) Они не возражают, если Франция и Италия договорятся сами о безопасности Австрии. 2) Чехословакия не должна присоединяться к такому соглашению без Балканских стран, ибо это означало бы развал Малой Антанты. 3) Балканская Антанта хочет также быть участником таких соглашений с Италией. Они настаивают на этом, так как если Малая Антанта заключит соглашение без них, то Греция и Турция могут стать жертвой Италии, и в этом случае они вынуждены будут в вопросе об Австрии присоединиться к Германии. 4) Если Балканская Антанта будет приглашена Италией присоединиться к соглашению о гарантии независимости Австрии, то Антанта выставит следующие условия: 1) участие

Германии 2) участие СССР 3) гарантирование Италией безопасности странам — участникам этого соглашения». — 752

³²⁰ Имеется в виду отчет о поездке в СССР правительственной делегации МНР во главе с председателем Совета Министров Гендуном. Делегация находилась в СССР с 21 октября по 2 декабря 1934 г. Помимо Москвы она посетила Киев, Харьков и Запорожье, ознакомилась с жизнью и достижениями советского народа, осмотрела различные промышленные предприятия, учебные заведения, достопримечательности и исторические памятники. Делегация вела переговоры с партийными и государственными деятелями Советского Союза (см. газ. «Известия», 22 октября и 3 декабря 1934 г.).

По инициативе монгольского правительства между СССР и МНР 27 ноября 1934 г. было заключено дженгльменское (устное) соглашение. (12 марта 1936 г. оно было подписано в качестве протокола о взаимопомощи. В преамбуле этого протокола указывалось, что упомянутое устное соглашение «предусматривало взаимную поддержку всеми мерами в деле предотвращения и предупреждения угрозы военного нападения, а также оказание друг другу помощи и поддержки в случае нападения какой-нибудь третьей стороны на Союз Советских Социалистических Республик или Монгольскую Народную Республику». (см. сб. «Советско-монгольские отношения 1921—1966», М., 1966, стр. 89—90).

В 1934 г. был подписан также ряд двусторонних экономических соглашений (см. док. № 408, 409, 410, 412). — 752

³²¹ В записи беседы И. М. Майского от 6 декабря 1934 г. о встрече с Норманом Дэвисом у американского посла в Великобритании Бингхэма говорилось: «Норман Дэвис выражал большое сожаление по поводу того, что между СССР и Америкой до сих пор не состоялось никакого соглашения по экономическим и финансовым вопросам. Он почти молил: «Ну, постарайтесь как-нибудь уладить это дело скорее. Если бы соглашение произошло, сильно облегчилось бы политическое положение». Я разъяснил Дэвису, что дело не за нами, и он в конце концов согласился с тем, что САСШ должны изменить свою позицию в вопросе о долгах и кредитах» (см. также док. № 316, 337). — 755

³²² В упоминаемой телеграмме полпред информировал НКВД, что он получил приглашение Вансигтarta посетить его 27 декабря и запрашивал, не будет ли указаний к предстоявшей беседе.

27 декабря 1934 г. И. М. Майский телеграфировал, что в беседе с Вансигтартom обсуждались, в частности, вопросы о Восточном пакте и «пакте четырех». «Вансигтарт снова подтвердил, что английское правительство рассматривает Восточный пакт как инструмент мира и потому поддерживало и поддерживает эти переговоры. О нашем отрицательном отношении к идее «пакта четырех» он обещал довести до сведения английского правительства». — 755

³²³ Во время беседы 13 декабря 1934 г. латвийский посланник в Финляндии Шуманс заявил Н. Г. Позднякову, что, по его мнению, «блок 3-х прибалтов сочувственно относится к возможности присоединения к нему Финляндии. Однако в Финляндии еще не сложилась соответствующая обстановка для практической реализации этого желания. В блоке 3-х существует твердое мнение не делать Финляндии прямого предложения, так как это может повредить постепенной эволюции финнов (они подозрительно встречают чужую инициативу и советы)».

«Лозорайтис не мог, в силу изложенной установки, — отметил Шуманс, — проявлять инициативу в привлечении Финляндии к блоку 3-х. Если бы блок и решил сделать финнам предложение, то он не поручил бы этого Лозорайтису, так как его посредничество было бы для финнов одиозным (ссылка на особое положение Литвы). Блок решил вести свою политику, не считаясь с Финляндией. Раньше во внешнеполитических делах и Латвия и Эстония (в одиночку) проверяли мнение финнов. Теперь этого не

будет. Финляндия одинока. Именно потому финны очень довольны приездом Лозорайтиса и поездкой Хакселя в Ревель. В их понимании внешний мир воспримет это как признак недолгой изоляции финнов». — 761

³²⁴ Н. Г. Поздняков в письме в НКВД СССР от 8 декабря 1934 г. по поводу поездки Лозорайтиса в Финляндию сообщал: «В своем интервью, данном финским газетам, литовский министр Лозорайтис прямо говорит, что он надеется, что эта поездка приведет к дальнейшему усилению отношений между Литвой и Финляндией как в культурной, так и в политической области». — 761

³²⁵ Н. Г. Поздняков в письме в НКВД СССР от 19 декабря 1934 г. сообщил: «Приехавший на одни сутки из Ленинграда японец (практикант японского МИД) явился в консульство и потребовал выдачи ему въездной визы немедленно.

В силу действующих правил мы отказались выполнить его просьбу, сославшись на необходимость запроса визы у НКВД. Японский поверенный вмешался в это дело и в разговоре по телефону стал доказывать, что проситель имеет служебный паспорт (между прочим, виза, выданная в Ленинграде, является простой, да к тому же оплаченной сбором), а затем стал требовать, чтобы я дал ему письменное объяснение моих действий. В вежливой форме я отказался от этого. На следующий день появился формальный запрос, на который я ответил вежливо, но определенно». — 761

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ *

- Борьба Советского Союза за претворение в жизнь принципов мирного существования и сотрудничества* — 1, 8, 10, 18, 28, 31, 58, 92, 94, 95, 105, 106, 107, 108, 109, 114, 125, 139, 141, 143, 144, 149, 162, 169, 179, 199, 224, 232, 331, 334, 362, 384, 441
- *борьба за мир, против опасности войны* — 1, 2, 8, 10, 18, 25, 28, 31, 44, 58, 67, 92, 94, 95, 105, 106, 107, 108, 109, 114, 119, 125, 126, 133, 139, 141, 143, 144, 149, 150, 157, 158, 165, 168, 179, 180, 182, 184, 186, 188, 191, 192, 197, 199, 205, 214, 218, 220, 224, 226, 232, 247, 248, 257, 267, 276, 280, 303, 310, 331, 334, 345, 352, 384, 394, 396, 406, 411, 418, 423, 431, 441
- *вступление Советского Союза в Лигу наций* — см. Лига наций
- *выполнение договоров и соглашений* — 28, 53, 58, 62, 89, 105, 106, 107, 108, 360
- *невмешательство во внутренние дела других государств* — 11, 13, 28, 53, 62, 94, 95, 273, 334, 423
- *переговоры по вопросам нормализации и развития отношений с Афганистаном* — 98, 249, 300, 308, 320, 353, 372, 388, 406, 433
- > *Болгарией* — 207, 213, 218
- > *Бразилией* — 259, 262, 275
- > *Великобританией* — 10, 17, 28, 34, 44, 218, 226, 232, 236, 243, 245, 247, 248, 250, 252, 254, 257, 258, 272, 277, 303, 322, 332, 368, 384, 394, 399, 401, 415, 431, 432, 437
- > *Венгрией* — 12, 27, 41, 131, 205, 218
- > *Германией* — 2, 3, 18, 28, 48, 61, 62, 82, 88, 94, 95, 122, 126, 128, 139, 140, 143, 149, 150, 151, 154, 165, 166, 169, 170, 189, 192, 197, 198, 199, 200, 205, 208, 212, 217, 218, 220, 227, 232, 236, 237, 247, 248, 250, 252, 254, 255, 257, 260, 276, 285, 290, 294, 303, 327, 354, 361, 364, 365, 367, 379, 382, 387, 394, 398, 407, 416, 418, 426, 429, 437
- > *Греческой* — 35, 38, 47, 56, 70, 222
- > *Данией* — 177, 371, 405, 414, 419
- > *Ираком* — 90
- > *Испанией* — 206, 263, 273, 331
- > *Италией* — 4, 13, 28, 29, 137, 196, 218, 221, 225, 226, 227, 228, 236, 237, 248, 254, 277, 281, 292, 430
- > *Китаем* — 28, 100, 101, 214, 218, 253, 291, 307, 362, 431
- > *Латвией* — 5, 11, 28, 42, 53, 89, 92, 105, 108, 139, 143, 150, 218, 236, 276, 283, 298
- > *Литвой* — 5, 11, 28, 42, 53, 89, 92, 106, 108, 121, 139, 143, 150, 151, 218, 233, 236, 295, 379

---

* Цифры указывают номера документов.

- с Мексикой — 156, 241, 242, 324, 440
- » Монгольской Народной Республикой — 28, 176, 215, 261, 435
- » Норвегией — 32, 79, 202, 203
- » Персией — 28, 173, 178, 256, 264, 267, 271, 278, 279, 288, 297, 299, 306, 319, 348, 377
- » Польшей — 5, 6, 11, 13, 24, 28, 36, 42, 53, 58, 62, 82, 89, 109, 121, 123, 125, 143, 144, 146, 147, 150, 151, 165, 166, 180, 181, 187, 189, 212, 218, 220, 227, 229, 234, 236, 257, 258, 276, 289, 298, 321, 338, 340, 346, 360, 363, 367, 401, 405, 439
- » Румынией — 45, 47, 57, 62, 80, 132, 146, 147, 165, 181, 218, 219, 270, 272, 323, 340, 381
- » Соединенными Штатами Америки — 8, 19, 28, 67, 77, 84, 87, 103, 116, 117, 127, 148, 160, 167, 201, 218, 238, 240, 251, 269, 293, 296, 302, 311, 315, 316, 333, 343, 355, 357, 393, 399, 411, 436
- » Турцией — 1, 14, 20, 28, 47, 49, 51, 110, 213, 218, 282, 287, 330, 370, 386, 395, 431, 434, 438
- » Уругваем — 86
- » Финляндией — 16, 22, 23, 28, 30, 31, 37, 43, 50, 52, 55, 73, 74, 89, 92, 114, 139, 143, 155, 188, 216, 223, 236, 274, 276, 329, 332, 339, 341, 360, 363, 383, 385, 400, 404, 405, 413, 414, 442
- » Францией — 3, 4, 13, 26, 28, 36, 48, 54, 68, 69, 93, 97, 136, 138, 144, 146, 147, 149, 151, 154, 158, 168, 186, 189, 192, 196, 200, 206, 212, 218, 219, 220, 221, 225, 226, 227, 228, 229, 231, 235, 239, 244, 246, 247, 248, 251, 252, 254, 255, 258, 260, 266, 270, 274, 276, 289, 290, 321, 339, 346, 359, 365, 367, 368, 373, 381, 382, 387, 397, 398, 401, 407, 416, 417, 418, 424, 429, 430, 431, 437, 439, 441
- » Чехословакией — 28, 33, 45, 48, 78, 80, 83, 102, 113, 147, 192, 199, 218, 219, 220, 254, 281, 298, 379, 424, 429
- » Шведией — 21, 39, 111, 129, 145, 159, 360, 363, 390, 391, 404, 405, 420
- » Эстонией — 5, 11, 28, 42, 53, 89, 92, 107, 108, 139, 143, 150, 218, 280, 398
- » Югославией — 45, 47, 190, 192, 218, 239
- » Японией — 9, 25, 28, 53, 63, 84, 133, 135, 163, 164, 175, 195, 218, 232, 243, 257, 284, 305, 310, 313, 317, 325, 326, 328, 336, 344, 347, 351, 352, 358, 363, 365, 381, 396, 399, 406, 421, 431, 436, 442
- переговоры по заключению пакта о ненападении и нейтралитете с Китаем — 214, 218
- предложение Советского правительства о продлении срока действия договоров о ненападении и нейтралитете — 28, 62, 89, 92, 94, 108, 109 с Латвией — 89, 92, 96, 105
  - » Литвой — 92, 96, 106
  - » Польшей — 53, 89, 92, 97, 108, 109, 121, 136, 143, 150, 157
  - » Финляндией — 89, 92, 96, 108, 114
  - » Эстонией — 89, 92, 96, 107, 108, 139, 150
- предложение о заключении советско-польско-румынского протокола о взаимной помощи и позиция Советского Союза — 181, 218, 270
- предложение о заключении многостороннего так называемого тихоокеанского пакта о ненападении и позиция Советского Союза — 77, 84, 119, 399, 436
- укрепление равноправных дружественных отношений со странами Азии и Африки
  - с Афганистаном — 28, 98, 308, 320, 384, 388, 433
    - » Ираком — 90
    - » Мексикой — 211
    - » Китаем — 28, 100, 101, 214, 253, 291, 307, 362
    - » Монгольской Народной Республикой — 28, 76, 215, 261, 412, 422, 435

- с Персией — 28, 124, 162, 178, 256, 271, 278, 288, 297, 299, 319, 384, 428
- » Саудовской Аравией — 211
  - » Турцией — 1, 28, 109, 118, 174, 210, 370, 386
- установление дипломатических отношений между Советским Союзом и
- Албанией — 333
  - Болгарией — 265
  - Венгрией — 41
  - Румынией — 193
  - Чехословакией — 194
- Борьба Советского Союза за разоружение* — 1, 2, 4, 5, 11, 28, 34, 44, 48, 53, 68, 77, 108, 119, 123, 133, 134, 136, 137, 141, 146, 161, 165, 174, 179, 180, 182, 184, 191, 196, 199, 220, 221, 224, 232, 255, 266, 334, 342, 345, 382, 394, 411, 439
- Борьба Советского Союза за создание в Европе системы коллективной безопасности*
- переговоры о заключении Восточного пакта — 138, 139, 144, 146, 151, 154, 158, 168, 179, 186, 187, 188, 189, 192, 196, 197, 199, 200, 203, 206, 208, 212, 217, 218, 219, 220, 221, 224, 225, 226, 227, 228, 232, 234, 235, 236, 237, 239, 244, 245, 246, 247, 248, 250, 251, 252, 254, 255, 257, 258, 260, 266, 270, 272, 276, 280, 281, 283, 286, 287, 294, 295, 303, 322, 323, 326, 327, 332, 334, 338, 339, 340, 346, 354, 359, 365, 367, 373, 378, 379, 381, 394, 397, 398, 399, 401, 407, 415, 417, 418, 424, 426, 429, 431, 437, 438, 439
  - советские предложения о гарантии независимости Прибалтийских стран — 5, 11, 13, 21, 40, 42, 53, 62, 89, 94, 95, 96, 121, 122, 126, 128, 133, 136, 139, 143, 149, 154, 158, 155, 166, 208, 217, 218, 236, 244, 272, 354
- Взаимные финансово-имущественные претензии*
- СССР — Великобритания — 71, 120, 133, 218, 232, 258, 303, 368, 380, 384
  - СССР — Германия — 88
  - СССР — США — 19, 67, 77, 84, 87, 104, 112, 116, 117, 127, 130, 133, 135, 148, 160, 201, 218, 238, 240, 293, 296, 302, 311, 315, 316, 337, 343, 355, 357
  - СССР — Франция — 365
- Враждебные действия иностранных государств против Советского Союза и борьба Советского правительства против этих действий* — 16, 28, 30, 37, 39, 43, 50, 52, 73, 74, 79, 99, 122, 126, 129, 132, 133, 162, 164, 169, 170, 196, 209, 274, 285, 313, 317, 329, 334, 341, 352, 354, 361, 375, 384, 392, 420, 442
- антисоветская деятельность китайских и японских милитаристов — 9, 25, 28, 44, 63, 68, 77, 84, 99, 148, 164, 173, 185, 284, 301, 310, 312, 313, 314, 317, 318, 321, 326, 332, 351, 352, 358, 375, 381, 396, 403, 431, см. также — незаконные действия маньчжурских властей на КВЖД
  - антисоветские провокации, измышления, фальшивки — 16, 25, 30, 32, 37, 40, 43, 50, 52, 61, 73, 74, 79, 82, 95, 122, 126, 165, 189, 170, 177, 188, 197, 204, 208, 209, 231, 240, 243, 249, 274, 276, 285, 286, 290, 303, 310, 313, 317, 326, 329, 332, 339, 341, 352, 354, 363, 364, 375, 379, 384, 390, 396, 401, 405, 406, 420, 442
  - деятельность белогвардейских эмигрантских организаций и поддержка этой деятельности иностранными государствами — 95, 104, 117, 126, 127, 135, 148, 160, 162, 213, 425
  - ограничительные мероприятия против экспорта советских товаров — 28, 376
  - провокации и репрессии в отношении представителей, советских консульств, организаций и советских граждан за границей
  - в Германии — 61, 64, 88, 122, 126
  - в других странах — 9, 65, 99, 162, 222, 274, 301, 310, 312, 313, 314, 317, 321, 351, 352, 358, 403, 425

- создание агрессивных блоков и попытки сколачивания антисоветского фронта капиталистических держав — 18, 23, 28, 40, 132, 181, 188, 196, 197, 236, 360, 363, 371, 391, 404, 405, 414, 420

Выставки

- постоянная советская техническая в Тегеране — 428
- советская художественная в Турции — 356, 389
- советской графикой в Финляндии — 50
- в Эстонии — 115
- советского искусства в Филадельфии — 309
- советской книги в Варшаве — 234
- финского искусства в Москве и Ленинграде — 341, 442

Договоры, соглашения, конвенции и протоколы (тексты)

- заключительный протокол германо-советских экономических переговоров — 85
- протокол между СССР и Турцией о реализации кредита — 20
- соглашение о советниках, инструкторах и специалистах [между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой] — 410
- соглашение об основах советско-монгольской торговли — 408
- соглашение о советско-монгольских смешанных обществах — 409
- протокол о продлении срока действия Договора о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Латвийской Республикой — 105
- протокол о продлении срока действия Договора о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Литовской Республикой — 106
- протокол о продлении срока действия Договора о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Республикой — 157
- протокол о продлении срока действия Договора о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой — 114
- протокол о продлении срока действия Договора о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Эстонской Республикой — 107
- протокол между Союзом Советских Социалистических Республик и Французской Республикой по вопросам переговоров о Восточном пакте — 417
- протокол о торговых отношениях между СССР и Францией — 427
- хозяйственное соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Эстонской Республикой — 374

Займы и кредиты Советскому Союзу (соглашения, обсуждения) — 15, 40, 77, 84, 85, 87, 103, 111, 112, 116, 117, 128, 129, 130, 145, 148, 159, 160, 167, 201, 238, 240, 269, 293, 296, 302, 311, 315, 316, 337, 343, 355, 357, 360, 361, 427

Китайско-восточная железная дорога

- незаконные действия маньчжурских властей на КВЖД — 9, 25, 65, 301, 312, 313, 314, 317, 318, 321, 351, 352, 358, 392, 403
- переговоры о продаже КВЖД — 9, 25, 28, 65, 133, 135, 218, 310, 314, 325, 326, 328, 336, 375, 396, 399

Комиссии (смешанные)

- Европейская дунайская — 272, 303, 340

Конференции, конгрессы

- международный географический конгресс в Варшаве — 6
- международный конгресс по борьбе с туберкулезом в Варшаве — 304
- международный конгресс, посвященный 1000-летию юбилею Фирдоуси, Тегеран — 348, 349

- Конференция по сокращению и ограничению вооружений в Женеве* — 36, 53, 119, 123, 134, 137, 138, 141, 161, 164, 165, 179, 180, 182, 184, 191, 196, 203, 221, 224, 334, 342, 345, 411
- Генеральная комиссия — 24, 26, 141, 161, 179, 180, 182, 184, 191, 196, 203, 224, 334, 345, 411
- Бюро — 36, 45, 94, 122, 134, 141, 147, 191, 321, 394
- Концессии* — 7, 17, 25, 71, 218, 232, 258, 302, 326, 368, 380, 431
- Культурные, научные и спортивные связи с зарубежными странами* — 3, 6, 22, 33, 46, 50, 55, 76, 79, 84, 115, 118, 125, 152, 155, 158, 165, 172, 178, 188, 199, 210, 230, 234, 243, 274, 300, 306, 309, 348, 349, 356, 368, 372, 389, 395, 402, 433, см. также — Лига наций. Институт интеллектуального сотрудничества
- Лига наций* — 2, 4, 11, 26, 29, 31, 42, 44, 53, 68, 79, 133, 136, 141, 144, 146, 161, 165, 179, 180, 182, 184, 188, 196, 218, 221, 232, 234, 237, 248, 258, 266, 270, 274, 287, 289, 292, 298, 303, 320, 331, 332, 334, 339, 342, 345, 371, 391, 394, 397, 399, 411, 416, 423
- вступление СССР в Лигу наций — 26, 29, 31, 44, 68, 69, 97, 133, 138, 141, 144, 147, 161, 186, 188, 196, 214, 218, 226, 228, 232, 234, 242, 248, 252, 258, 266, 270, 274, 287, 289, 299, 292, 298, 303, 320, 321, 322, 324, 326, 331, 334, 360, 391, 404, 419, 420
- устав Интеллектуального сотрудничества — 335
- Международно-правовой статус торговых представителей и консульств* — 16, 19, 70, 79, 88, 166, 206, 222, 238, 274
- Международные договоры (ссылки)*
- Балканский пакт — 1, 4, 13, 14, 35, 38, 47, 48, 49, 51, 55, 57, 70, 132, 224, 228, 434, 438
- Вашингтонский договор девяти держав (1922 г.) — 161, 436
- Вашингтонский договор пяти держав (1922 г.) — 399, 421, 436
- Версальский договор (1919 г.) — 1, 11, 28, 29, 94, 95, 136, 205, 423
- Локарнские соглашения (1925 г.) — 28, 139, 144, 146, 154, 182, 218, 221, 224, 225, 226, 228, 234, 247, 248, 276, 277
- Лондонская конвенция об определении агрессии (1933 г.) — 14, 16, 22, 23, 28, 45, 48, 57, 58, 62, 119, 187, 254, 334
- Парижский пакт об отказе от войны (1928 г.) — 53, 62, 179, 182, 224, 331, 401, 411
- Пакт Лиги наций (1919 г.) — 53, 136, 146, 179, 224, 236, 237, 248, 334
- Мирное сосуществование и сотрудничество* — см. *Борьба Советского Союза за претворение в жизнь принципов мирного сосуществования и сотрудничества*
- Незаконная оккупация Бессарабии Румынией* — 47, 49, 53, 132, 143, 218
- Обмен телеграммами, посланиями по случаю национальных праздников и знаменательных событий* — 308, 370, 386, 388
- Оккупация Японией Северо-Восточного Китая и позиция СССР* — 28, 164, 307, 325, 396
- Политическая и идеологическая подготовка военной агрессии германского фашизма и позиция СССР* — 1, 2, 3, 18, 28, 36, 42, 44, 48, 53, 82, 95, 122, 128, 139, 140, 165, 166, 169, 170, 174, 197, 204, 205, 208, 218, 221, 228, 232, 237, 248, 276, 285, 338, 354, 361, 362, 364, 391, 407
- Помощь СССР иностранным государствам*
- Афганистану — 254, 353, 433
- Монгольской Народной Республике — 76, 142, 153, 176, 410, 412, 422
- Персия — 124, 319, 428
- Турции — 1, 20, 46, 174, 395
- Постановления и другие документы высших органов Коммунистической партии и Советского государства по внешнеполитическим вопросам* — 28, 302, 339

Правовое положение граждан

- советских за границей --- 39, 59, 60, 61, 64, 99, 129, 301, 312, 313, 317, 318, 358, 375, 403, 425
- иностранных в СССР — 35, 56, 354
- визовый режим — 35, 39, 129, 377, 381, 442

Развитие народного хозяйства СССР — 10, 28, 131, 169, 337, 428

Разоружение — см. Борьба Советского Союза за разоружение

Режим воздушного пространства СССР — 63, 284

Режим государственной границы СССР — 23, 31, 50, 52, 55, 185, 188, 216, 223, 249, 267, 330, 341, 377

- пограничные конвенции — 330
- пограничные конфликты — 63, 185, 249, 284

Режим судоходства и навигации — 185

Связи с зарубежными общественными организациями и деятелями — 50, 55, 118, 124, 155, 166, 174, 177, 188, 230, 393, 402

Собственность советская за границей — 134, 336, 358, 375

Торговые и экономические связи Советского Союза

с Афганистаном — 98, 406

» Великобританией — 17, 34, 44, 71, 120, 218, 376, 384, 431

» Венгрией — 131

» Германией — 82, 85, 88, 91, 94, 122, 169, 361

» Грецией — 35, 38, 56, 70, 222, 369

» Данией — 177

» Китае — 214, 253, 307

» Литвой — 233, 274

» Монгольской Народной Республикой — 76, 261, 408, 409, 412, 422

» Норвегией — 7, 32, 79, 202, 203

» Персией — 162, 278, 297, 299, 428

» Польшей — 165

» Соединенными Штатами Америки — 67, 77, 84, 87, 103, 112, 116, 117, 127, 130, 133, 148, 160, 167, 201, 218, 238, 240, 269, 293, 296, 302, 311, 315, 316, 337, 345, 355, 357, 434

» Турцией — 1, 20, 174

» Уругваем — 86

» Финляндией — 16, 22, 23, 30, 31, 43, 50, 55, 73, 74, 274, 341, 383, 385, 442

» Францией — 427

» Чехословакией — 33, 48, 78, 80, 89, 102, 113, 199

» Чили — 268

» Швецией — 15, 40, 111, 129, 145, 159

» Эстонией — 374

» Японией — 86, 72, 75, 81, 163, 171, 175, 183, 195, 305, 325, 326

**УКАЗАТЕЛЬ ДОКУМЕНТОВ,
КАСАЮЩИХСЯ ВЗАИМООТНОШЕНИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА
С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ***

- Абиссиния (Эфиопия)* — 331
Австралия — 331
Австрия — 131, 331
Албания — 331, 333
Афганистан — 98, 249, 264, 300, 308, 320, 352, 372, 384, 388, 406, 431, 433
Болгария — 207, 213, 218, 265, 331
Бразилия — 259, 262, 275
Великобритания — 10, 17, 28, 34, 44, 71, 120, 133, 141, 164, 218, 226, 230, 232, 243, 245, 246, 247, 250, 254, 257, 258, 272, 290, 292, 303, 322, 331, 368, 376, 380, 384, 394, 402, 411, 415, 431, 432, 437
Венгрия — 4, 12, 13, 27, 41, 131, 205, 218, 331
Гаити — 331
Германия — 2, 18, 28, 59, 60, 61, 64, 82, 85, 88, 91, 94, 95, 122, 126, 128, 136, 139, 140, 143, 149, 150, 163, 169, 170, 197, 198, 208, 212, 217, 218, 220, 221, 232, 236, 254, 260, 276, 285, 286, 290, 294, 327, 353, 361, 362, 364, 379, 382, 384, 387, 397, 398, 407, 418, 426, 429, 431
Греция — 35, 38, 47, 56, 70, 221, 331, 369
Дания — 177, 204, 331, 360, 371, 405, 414, 419
Индия — 331
Ирак — 90, 331
Испания — 206, 263, 273, 331
Италия — 4, 14, 27, 28, 29, 137, 161, 196, 218, 221, 226, 228, 237, 248, 250, 252, 254, 290, 292, 322, 331, 362, 367, 411, 430
Ямен — 211
Канада — 331
Китай — 28, 100, 101, 214, 218, 253, 291, 307, 331, 362, 384, 431
Латвия — 28, 40, 42, 53, 92, 94, 95, 96, 105, 108, 139, 143, 150, 165, 218, 254, 283, 298, 331, 346
Литва — 11, 28, 40, 42, 53, 62, 89, 92, 94, 95, 96, 106, 108, 109, 121, 139, 143, 150, 165, 218, 233, 254, 274, 295, 331, 346
Мексика — 156, 241, 242, 324, 331, 440
Монгольская Народная Республика — 76, 142, 152, 153, 176, 215, 261, 408, 409, 410, 412, 422, 435
Новая Зеландия — 331
Норвегия — 7, 32, 79, 202, 203, 331, 360, 371
Персия — 124, 162, 173, 178, 256, 267, 271, 278, 279, 288, 297, 299, 306, 319, 331, 348, 349, 356, 377, 384, 428, 431
Польша — 1, 5, 6, 11, 13, 24, 28, 36, 40, 42, 53, 58, 62, 89, 96, 109, 121, 123, 125, 136, 139, 143, 144, 146, 147, 150, 154, 157, 158, 165, 166, 160, 186, 187,

* Цифры указывают номера документов.

188, 212, 218, 227, 234, 235, 236, 255, 303, 304, 331, 338, 346, 363, 378, 381, 397, 401

Румыния — 28, 33, 45, 47, 48, 49, 53, 57, 62, 109, 113, 132, 181, 190, 192, 193, 218, 219, 270, 323, 331, 340

Соединенные Штаты Америки — 8, 19, 28, 44, 67, 77, 84, 87, 103, 104, 112, 116, 117, 127, 130, 133, 135, 148, 160, 167, 201, 218, 238, 240, 251, 269, 293, 296, 302, 311, 315, 316, 337, 343, 354, 357, 393, 399, 411, 436

Турция — 1, 14, 20, 28, 46, 47, 49, 51, 56, 110, 118, 174, 210, 213, 218, 282, 287, 290, 330, 331, 346, 355, 367, 370, 384, 386, 389, 395, 411, 431, 434, 438

Уругвай — 86, 331

Финляндия — 16, 22, 23, 28, 30, 31, 37, 43, 50, 52, 55, 73, 74, 89, 92, 94, 95, 96, 114, 139, 143, 150, 155, 188, 218, 218, 223, 236, 274, 329, 331, 332, 341, 360, 363, 383, 385, 400, 413, 414, 442

Франция — 3, 13, 26, 28, 36, 44, 54, 68, 69, 93, 96, 97, 136, 138, 144, 146, 149, 151, 154, 158, 168, 186, 189, 192, 200, 206, 218, 221, 225, 226, 229, 231, 235, 236, 239, 244, 247, 248, 252, 254, 255, 266, 270, 287, 289, 290, 303, 321, 322, 331, 335, 339, 359, 365, 367, 373, 378, 381, 382, 387, 397, 398, 411, 416, 417, 418, 427, 439, 441

Чехословакия — 28, 33, 45, 48, 78, 80, 83, 102, 109, 113, 132, 147, 190, 192, 194, 199, 218, 219, 220, 254, 281, 298, 331, 366, 398, 411, 424

Чили — 268, 331

Швеция — 15, 21, 39, 40, 111, 129, 145, 159, 331, 360, 363, 371, 390, 391, 404, 420

Эстония — 28, 40, 42, 53, 92, 94, 95, 96, 107, 108, 115, 139, 143, 150, 165, 218, 254, 280, 298, 331, 346, 374

Югославия — 33, 39, 47, 48, 190, 192, 218, 331

Южно-Африканский Союз — 331

Япония — 9, 25, 28, 63, 65, 66, 67, 72, 75, 77, 81, 99, 133, 135, 163, 164, 171, 172, 173, 175, 183, 185, 195, 209, 218, 232, 284, 301, 305, 310, 312, 313, 314, 317, 318, 321, 325, 326, 328, 336, 344, 347, 350, 351, 358, 365, 375, 384, 392, 396, 399, 403, 406, 425, 431, 442

**ПЕРЕЧЕНЬ ИНОСТРАННЫХ ДОКУМЕНТОВ,
ПОЛНОСТЬЮ ИЛИ ЧАСТИЧНО ВКЛЮЧЕННЫХ В XVII ТОМ***

1933 год

Нота посланника Польши в СССР Лукасевича
народному комиссару иностранных дел СССР . . . . . 16 декабря 29

1934 год

Речь президента США Рузвельта при вручении
верительных грамот полномочным представи-
телем СССР в США . . . . . 8 января 32

Нота специального уполномоченного правитель-
ства Венгрии посланника Венгрии в Турция Юн-
герг-Арноти полномочному представителю
СССР в Италии . . . . . 4 февраля 106

Проект письма, врученный заведующим восточно-
европейским отделом государственного депар-
тамента США Керли полномочному предста-
вителю СССР в США . . . . . 20 февраля 182

Нота, подписанная за министра иностранных дел
директором северного департамента МИД Ве-
ликобритании Л. Кольером, полномочному
представителю СССР в Великобритании . . . . . 2 марта 251

Письмо министерства экономики Германии торго-
вому представительству СССР в Германии . . . . . 20 марта 197

Речь посланника Литвы в СССР Балтрушайтиса
при подписании протоколов о продлении пак-
тов о ненападении между СССР и странами
Прибалтики . . . . . 4 апреля 234

Речь посла Польши в СССР Лукасевича при вру-
чении верительных грамот председателю
Центрального Исполнительного Комитета
СССР . . . . . 13 апреля 259

Заявление посла Германии в СССР Надольного
народному комиссару иностранных дел СССР . . . . . 14 апреля 284

Письмо министра иностранных дел Афганистана
Файз Мухаммед-хана полномочному предста-
вителю СССР в Афганистане . . . . . 22 апреля 222

Памятная записка, врученная послом Италии в
СССР Аттолико народному комиссару иност-
ранных дел СССР . . . . . 9 мая 323

* В перечне документы расположены в хронологическом порядке.

Nota министра иностранных дел Румынии Титулеску народному комиссару иностранных дел СССР	9 июня	379
Nota министра иностранных дел Чехословацкой Республики Бенеша народному комиссару иностранных дел СССР	9 июня	381
Телеграмма министра иностранных дел Йемена Мохаммеда Рагиба народному комиссару иностранных дел СССР	20 июня	404
Nota посланника Финляндии в СССР Ирве-Коскинена заместителю народного комиссара иностранных дел СССР	26 июня	407
Телеграмма министра иностранных дел Болгарии народному комиссару иностранных дел СССР	23 июля	494
Письмо министра иностранных дел Афганистана Файз Мухаммед-хана полномочному представителю СССР в Афганистане	24 июля	493
Меморандум, врученный государственным секретарем США Хэллом полномочному представителю СССР в США	25 июля	500
Nota посольства Японии в СССР Народному комиссариату иностранных дел СССР	28 июля	558
Меморандум Экспортно-импортного банка, врученный государственным секретарем США Хэллом полномочному представителю СССР в США	1 августа	531
Меморандум государственного департамента США, врученный заведующим Восточно-Европейским отделом Келли полномочному представителю СССР в США	3 августа	535
Nota временного поверенного в делах Польши в СССР Соколыньского народному комиссару иностранных дел СССР	3 августа	558
Письмо министра иностранных дел Афганистана Файз Мухаммед-хана полномочному представителю СССР в Афганистане	9 августа	477
Телеграмма короля Афганистана Мухаммеда Захир-шаха председателю Центрального Исполнительного Комитета СССР	23 августа	561
Nota министра иностранных дел Японии Хирота полномочному представителю СССР в Японии	4 сентября	568
Телеграмма 30 делегатов на XV Ассамблее Лиги наций народному комиссару иностранных дел СССР	15 сентября	590
Письмо главы шведской делегации на XV Ассамблее Лиги наций председателю Совета Лиги наций Бенешу	получено 15 сентября	590
Решение Совета Лиги наций	15 сентября	590
Письмо товарища министра иностранных дел Персии Сохейли временному поверенному в делах СССР в Персии	17 сентября	577
Nota поверенного в делах Албании в Италии временному поверенному в делах СССР в Италии	17 сентября	593
Решение XV Ассамблеи Лиги наций	18 сентября	591
Nota миссии Финляндии в СССР Народному комиссариату иностранных дел СССР	22 сентября	428

Заявление председателя XV Ассамблеи Лиги наций Сандлера	27 сентября	612
Заявление председателя XV Ассамблеи Лиги наций Сандлера	27 сентября	617
Письмо министра иностранных дел Японии Хирота полномочному представителю СССР в Японии	2 октября	615
Телеграмма врио министра иностранных дел Персии Сохейли врио народного комиссара иностранных дел СССР	3 октября	621
Телеграмма председателя совета министров Персии Форути президенту Академии наук СССР	8 октября	621
Нота товарища министра иностранных дел Персии Сохейли полномочному представителю СССР в Персии	9 октября	620
Письмо председателя Ассоциации афганской национальной олимпиады Шах Махмуд-хана полномочному представителю СССР в Афганистане	28 октября	655
Телеграмма президента Турецкой Республики Мустафы Кемаля председателю Центрального Исполнительного Комитета СССР	2 ноября	653
Письмо особого агента министерства иностранных дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэня и. о. генерального консула СССР в Харбине	6 ноября	623
Телеграмма президента Турецкой Республики Мустафы Кемаля председателю Центрального Исполнительного Комитета СССР	отправлена не позднее 7 ноября	669
Телеграмма короля Афганистана Мухаммед Захир-шаха председателю Центрального Исполнительного Комитета СССР	получена 11 ноября	670
Письмо председателя совета министров и министра иностранных дел Монгольской Народной Республики Гендуиа заместителю народного комиссара иностранных дел СССР	1 декабря	720
Письмо министра иностранных дел Чехословацкой Республики Бенеша народному комиссару иностранных дел СССР	7 декабря	738
Нота посольства Великобритании в СССР Народному комиссариату иностранных дел СССР	7 декабря	750
Речь президента Франции Лебрена при вручении верительных грамот полномочным представителем СССР во Франции	24 декабря	758

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКО	— Акционерное Камчатское общество
«Амторг»	— Акционерное общество, осуществляющее торговлю между СССР и США (Amtozg Trading Corporation)
«Бюроперс»	— акционерное общество «Бюро перелетных транспортов»
Внешторгбанк	— Банк для внешней торговли СССР
ВОКС	— Всесоюзное общество культурной связи с заграницей
врио	— временно исполняющий обязанности
вып.	— выпуск
генконсул	— генеральный консул
генконсульство	— генеральное консульство
ГКК, Главкояцесском	— Главный концессионный комитет при СНК СССР
«Главрыба»	— Главное управление рыбной и морской зверобойной промышленности и хозяйства Наркомата пищевой промышленности
Госплан	— Государственная плановая комиссия при СНК СССР
ГПУ	— Государственное политическое управление СССР
ГУПО	— Главное управление пограничной охраны НКВД СССР
«Дерутра»	— Русско-германское складочное и транспортное товарищество
док.	— документ, документы
замнаркома	— заместитель народного комиссара
замнаркоминдел	— заместитель народного комиссара иностранных дел СССР
«Известия»	— «Известия Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов»

«Интурист»	— Акционерное общество для обслуживания иностранных туристов
и. о.	— исполняющий обязанности
КВЖД	— Китайско-Восточная железная дорога
Литиздат	— Литературное издательство
МИД	— Министерство иностранных дел
мининдел	— министр иностранных дел
Мивторпром	— Министерство торговли и промышленности
МНР	— Монгольская Народная Республика
Монголбанк	— Монгольский торгово-промышленный банк
«Монголтранс»	— Советско-монгольское акционерное транспортное общество
«Монголшерсть»	— Советско-монгольское акционерное объединение по заготовке, закупке, первичной обработке и экспорту шерсти из МНР
«Монгсовбунер»	— Советско-монгольское акционерное общество по оптовой торговле в МНР
Музгиз	— Государственное музыкальное издательство
нарком	— народный комиссар
Наркомвнешторг, НКВТ	— Народный комиссариат внешней торговли СССР
Наркомзем	— Народный комиссариат земледелия СССР
Наркоминдел, НКИД	— Народный комиссариат иностранных дел СССР
Наркомлегпром	— Народный комиссариат легкой промышленности СССР
Наркомфин	— Народный комиссариат финансов СССР
НИТИ	— Научно-исследовательский текстильный институт
НКВД	— Народный комиссариат внутренних дел СССР
ОГПУ	— Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР
ОКДВА	— Особая Краснознаменная Дальневосточная армия
опубл.	— опубликовано
опубл. в газ., в сб.	— опубликовано в газете, в сборнике
отд.	— отдел
п.	— пункт
ПАТ	— Польское телеграфное агентство
«Персазнефть»	— Персидско-азербайджанское общество по торговле нефтепродуктами
«Персхлопок»	— Русско-персидское хлопковое товарищество
печат.	— печатается
печат. по арх., по газ., по кн.	— печатается по архиву, по газете, по книге
полпред	— полномочный представитель
полпредство	— полномочное представительство
пл.	— пункты

прил.	— приложение, приложения
прим.	— примечание, примечания
прим. док.	— примечание документа
Промкомбинат	— смешанное советско-монгольское акционерное общество по строительству и совместной эксплуатации Улан-Баторского промышленного комбината
«Русперсбанк»	— Русско-персидский банк
сб.	— сборник, сборники
«Сборник документов по международной политике...», вып. VI, М., 1934	— «Пакт четырех. Разоружение. Маньчжурский конфликт. Выход Германии и Японии из Лиги наций. 1 января 1933 года — 1 января 1934 года». Сборник документов по международной политике и по международному праву, вып. VI, Москва, 1934
«Сборник действующих договоров...». Вып. VIII, М., 1935	— «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами». Выпуск VIII. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу после 1 января 1933 г. Москва, 1935
«Сборник документов по международной политике...», вып. X, М., 1936	— «Разоружение. 1933—1936. I. Четвертые переговоры. 2. Конференция по разоружению. 3. Довооружение Германии». Сборник документов по международной политике и по международному праву, вып. X, Москва, 1936
см. газ., док., сб., т.	— смотри газету, документ, документы, сборник, том, тома
СНК, Совнарком	— Совет Народных Комиссаров СССР
«Собрание законов...»	— «Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик». Издание Управления делами Совета Народных Комиссаров СССР
«Советско-монгольские отношения 1921—1966...», М., 1966	— «Советско-монгольские отношения 1921—1966». Сборник документов. М., 1966
Советинторг	— Всесоюзное экспортно-импортное объединение по торговле с Западным Китаем Наркомвнешторга СССР
Совфрахт	— Всесоюзное объединение по фрахтованию иностранных судов Наркомвнешторга СССР
Союзкино	— Государственное Всесоюзное кинофотообъединение при ВСНХ СССР
Союзрыба	— Всесоюзное объединение рыбной промышленности и хозяйства Наркомата Внешней и Внутренней торговли СССР
Спецкор ТАСС	— Специальный корреспондент Телеграфного агентства Советского Союза
ст.	— статья, статьи
т.	— том, тома

ТАСС	— Телеграфное агентство Советского Союза
торгпред	— торговый представитель
торгпредство	— торговое представительство
Торгсин	— Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами
ЦИК	— Центральный Исполнительный Комитет СССР
ЦК	— Центральный Комитет
ЦУДОРтранс	— Центральное управление шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта СНК СССР
«Экспортхлеб»	— Акционерное общество для продажи хлебопродуктов и фуража за границу
«Южамторг»	— Акционерное общество, осуществляющее торговлю между СССР и странами Южной Америки

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие		5
1. Записи бесед Полномочного Представителя СССР в Турции с Председателем Совета Министров Турции Исмет-пашой	<i>1 января и 27 января</i>	12
2. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Надельным	<i>3 января</i>	17
3. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфаном	<i>4 января</i>	22
4. Письмо Полномочного Представителя СССР в Италии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	<i>4 января</i>	22
5. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Польше с Министром Иностранных Дел Польши Беком	<i>5 января</i>	26
6. Нота Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Посланнику Польши в СССР Лукасевичу	<i>7 января</i>	28
7. Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР и Заведующего Правовым отделом НКИД СССР Полномочному Представителю СССР в Норвегии А. А. Бекзаянцу	<i>7 января</i>	29
8. Речь Полномочного Представителя СССР в США А. А. Трояновского при вручении верительных грамот Президенту США Рузвельту	<i>8 января</i>	31
9. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	<i>8 января</i>	33
10. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с членом парламента Великобритании Стаффордом Криппсом	<i>9 января</i>	34

11. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Польши в СССР Лукасевичем	11 января	37
12. Записи бесед Полномочного Представителя СССР в Турции с Посланником Венгрии в Турции Юнгерт-Арноти	11 января и 12 января	41
13. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Италии В. П. Потемкину	13 января	43
14. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Турции Я. З. Сурицу	15 января	44
15. Письмо Полномочного Представителя СССР в Швеции члену Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Б. С. Стомо- някову	15 января	46
16. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Посланником Финляндии в СССР Ирве-Коски- неном	15 января	48
17. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	17 января	55
18. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Германии с заведующим IV отделом Министерства Иностранных Дел Германии Мейером	19 января	56
19. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	20 января	57
20. Протокол между Правительствами Союза Советских Социалистических Республик и Турецкой Республики о реализации кредита в 8 млн. ам. долл.	21 января	58
21. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Швеции А. М. Коллонтай	21 января	64
22. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Посланником Финляндии в СССР Ирве-Коски- неном	21 января	65
23. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Министром Иностран- ных Дел Финляндии Хакселем	24 января	66
24. Запись беседы Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Польши в СССР Соколыницким	25 января	69
25. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юре- неву	25 января	69

26. Письмо Полномочного Представителя СССР во Франции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	25 января	70
27. Письмо Полномочного Представителя СССР в Италии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	25 января	71
28. Из отчетного доклада Центрального Комитета ВКП(б) XVII съезду ВКП(б)	26 января	73
29. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Италии в СССР Аттолико	26 января	88
30. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Посланником Финляндии в СССР Ирве-Коскинею	26 января	89
31. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Министром Иностранных Дел Финляндии Хакселем	27 января	90
32. Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Норвегии Л. К. Аванову	27 января	93
33. Письмо Представителя СССР в Чехословакии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	27 января	93
34. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Министром Иностранных Дел Великобритании Саймоном	29 января	97
35. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Генеральным директором Министерства Иностранных Дел Греции Палпасом	29 января	98
36. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции В. С. Довгалевского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	29 января	99
37. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Финляндии в СССР Ирве-Коскинею	1 февраля	101
38. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Премьер-Министром Греции Цалдарисом	2 февраля	102
39. Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Швеции А. М. Коллоятай	2 февраля	103
40. Письмо Полномочного Представителя СССР в Швеции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову и члену Коллегии НКИД СССР В. С. Стомоякову	3 февраля	104
41. Обмен нотами между Правительством СССР и Правительством Венгрии об установлении дипломатических отношений	4 февраля	106

42. Письмо члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше В. А. Антонову-Овсеенко	4 февраля	107
43. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии Б. Е. Штейна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	4 февраля	109
44. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с членом парламента Великобритании лордом Сесилем	5 февраля	110
45. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Посланником Чехословакии в Великобритании Явом Масариком	5 февраля	114
46. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Турции с министром просвещения Турции Хикметом	6 февраля	117
47. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Министром Иностранных Дел Турции Тевфиком Рюшту-беєм	6 февраля	118
48. Запись беседы Представителя СССР в Чехословакии с Министром Иностранных Дел Чехословакии Бенешем	7 февраля	120
49. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Министром Иностранных Дел Турции Тевфиком Рюшту-беєм	8 февраля	126
50. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Посланником Финляндии в СССР Ирве-Коскинеюм	9 февраля	127
51. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Греции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	9 февраля	129
52. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Министром Иностранных Дел Финляндии Хакселем	12 февраля	130
53. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Министром Иностранных Дел Польши Беком	13, 14 и 15 февраля	131
54. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфаном	13 февраля	140
55. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Посланником Финляндии в СССР Ирве-Коскинеюм	13 февраля	142
58. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Министром Иностранных Дел Греции Максимосом	14 февраля	146

57. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Министром Иностранных Дел Румынии Титулеску	15 февраля	147
58. Сообщение ТАСС о пребывании в Москве Министра Иностранных Дел Польши Бека	15 февраля	149
59. Нота Полномочного Представительства СССР в Германии Министерству Иностранных Дел Германии	15 февраля	150
60. Запись беседы второго секретаря Полномочного Представительства СССР в Германии с заместителем заведующего IV отделом Министерства Иностранных Дел Германии Хзем	16 февраля	151
61. Запись беседы второго секретаря Полномочного Представительства СССР в Германии с советником IV отдела Министерства Иностранных Дел Германии Типпельскирхом	17 февраля	152
62. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Польши в СССР Лукасевичем	20 февраля	154
63. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Ота	20 февраля	157
64. Нота Полномочного Представительства СССР в Германии Министерству Иностранных Дел Германии	21 февраля	159
65. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	22 февраля	160
66. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Японии в СССР Ота	23 февраля	160
67. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США в ЦК ВКП(б)	23 февраля	163
68. Телеграмма Полномочного Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	24 февраля	165
69. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфавом	26 февраля	166
70. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Греции с Министром Иностранных Дел Греции Максимосом	27 февраля	166
71. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	2 марта	167
72. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юрневу	3 марта	168

73. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Премьер-Министром Финляндии Кивийяки	8 марта	169
74. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Финляндии с Министром Иностранных Дел Финляндии Хакселем	8 марта	172
75. Сообщение ТАСС о конфликте между советскими и японскими хозяйственными органами	9 марта	175
76. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике С. Е. Чушкаеву	13 марта	178
77. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Троянзовскому	14 марта	179
78. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Представителю СССР в Чехословакии С. С. Александровскому	14 марта	183
79. Письмо Полномочного Представителя СССР в Норвегии Члену Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Б. С. Стомякову	14 марта	184
80. Телеграмма Представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	15 марта	189
81. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу	17 марта	190
82. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Надольным	17 марта	191
83. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Представителю СССР в Чехословакии С. С. Александровскому	17 марта	193
84. Запись бесед Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом США в СССР Буллитом	18 и 21 марта	193
85. Заключительный протокол германо-советских экономических переговоров	20 марта	195
86. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Уругвая в СССР Де Коста	21 марта	199
87. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в ЦК ВКП(б)	23 марта	199
88. Нога Полномочного Представительства СССР в Германии Министерству Иностранных Дел Германии	24 марта	201

89. Запись беседы члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР с Посланником Польши в СССР Лукасевичем	25 марта	204
90. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Персии с Временным Поверенным в Делах Ирака в Персии Абдулом Азиз Модагафером	26 марта	210
91. Письмо Полномочного Представителя СССР и Торгового Представителя СССР в Германии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	27 марта	211
92. Телеграмма члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Б. Е. Штейну	27 марта	213
93. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	27 марта	213
94. Запись беседы Народного Комиссара Иностраных Дел СССР с Послом Германии в СССР Надольным	28 марта	214
95. Запись беседы Народного Комиссара по Военным и Морским Делах СССР и Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Надольным	28 марта	215
96. Телеграмма Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу	28 марта	220
97. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	28 марта	220
98. Письмо Полномочного Представителя СССР в Афганистане Министру Иностранных Дел Афганистана Файз Мухаммед-хану	29 марта	221
99. Памятная записка Генерального консула СССР в Харбине М. М. Слануцкого Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэню	30 марта	222
100. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Китайской Республики в СССР	1 апреля	224
101. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Китайской Республики в СССР	1 апреля	225
102. Телеграмма Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Представителю СССР в Чехословакии С. С. Александровскому	2 апреля	225
103. Телеграмма Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому	3 апреля	226

104. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому	3 апреля	226
105. Протокол о продлении срока действия Дого- вора о ненападении, заключенного между Союзом Советских Социалистических Респуб- лик и Латвийской Республикой	4 апреля	227
106. Протокол о продлении срока действия Дого- вора о ненападении, заключенного между Союзом Советских Социалистических Респуб- лик и Литовской Республикой	4 апреля	229
107. Протокол о продлении срока действия Дого- вора о ненападении и мирном разрешении конфликтов, заключенного между Союзом Советских Социалистических Республик и Эс- тонской Республикой	4 апреля	230
108. Речь Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова при подписании про- токолов о продлении пактов о ненападении между СССР и странами Прибалтики	4 апреля	232
109. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Де- лах СССР во Франции М. И. Розенбергу	4 апреля	234
110. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Я. З. Сурица в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	4 апреля	236
111. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Швеции с Министром Иностранных Дел Швеции Сандлером	4 апреля	237
112. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Ино- странных Дел СССР	5 апреля	238
113. Телеграмма Представителя СССР в Чехосло- вакии С. С. Александровского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	6 апреля	238
114. Протокол о продлении срока действия Дого- вора о ненападении и мирном улажении кон- фликтов, заключенного между Союзом Совет- ских Социалистических Республик и Финлянд- ской Республикой	7 апреля	239
115. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Эстонии А. М. Устинова члену Кол- легии Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Б. С. Стомолякову	7 апреля	240
116. Запись беседы Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР с Послом США в СССР Буллитом	8 апреля	241
117. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому	10 апреля	243

118. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Пред- ставителю СССР в Турции Я. З. Суришу . . .	<i>10 апреля</i>	245
119. Выступление члена советской делегации Б. Е. Штейна на заседании Бюро Конферен- ции по сокращению и ограничению вооруже- ний	<i>10 апреля</i>	248
120. Нота Полномочного Представителя СССР в Великобритании Министру Иностранных Дел Великобритании Саймону	<i>11 апреля</i>	251
121. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Литвы в СССР Балтрушайтисом	<i>11 апреля</i>	252
122. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии с Министром Иностранных Дел Германии Нейратом	<i>11 апреля</i>	253
123. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Польше с Министром Иностранных Дел Польши Беком	<i>12 апреля</i>	256
124. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Персии С. К. Пастухова в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	<i>12 апреля</i>	258
125. Речь Председателя Центрального Исполни- тельного Комитета СССР М. И. Калинин при вручении верительных грамот Послом Поль- ши в СССР Лукасевичем	<i>13 апреля</i>	258
126. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Надольным	<i>14 апреля</i>	260
127. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Ино- странных Дел СССР	<i>16 апреля</i>	261
128. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Пред- ставителю СССР в Германии Л. М. Хинчуку	<i>17 апреля</i>	263
129. Письмо члена Коллегии Народного Комисса- риата Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Швеции А. М. Кол- лонтай	<i>17 апреля</i>	264
130. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Ино- странных Дел СССР	<i>18 апреля</i>	265
131. Письмо Полномочного Представителя СССР в Австрии Заместителю Народного Комисса- ра Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестин- скому	<i>18 апреля</i>	266
132. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР во Франции с Министром Ино- странных Дел Румынии Титулеску	<i>18 апреля</i>	270
133. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании П. М. Майскому	<i>19 апреля</i>	274

134. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	20 апреля	275
135. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому	20 апреля	276
136. Запись беседы Народного Комиссара Иност- ранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфаном	20 апреля	277
137. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностраных Дел СССР	20 апреля	278
138. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностраных Дел СССР	20 апреля	279
139. Заявление Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР М. М. Литвинова Послу Гер- мании в СССР Надольному	21 апреля	280
140. Запись беседы Народного Комиссара Иност- ранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Надольным	21 апреля	286
141. Беседа Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Председателем Конфе- ренции по сокращению и ограничению воору- жений Гендерсоном	23 апреля	287
142. Телеграмма Заместителя Народного Комисса- ра Иностраных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народ- ной Ресублике С. Е. Чукаеву	23 апреля	292
143. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Польше с Министром Иностраных Дел Польши Беком	24 апреля	293
144. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР во Франции с Генеральным се- кретарем Министерства Иностраных Дел Франции Леже	24 апреля	295
145. Нота Полномочного Представителя СССР в Швеции Министру Иностраных Дел Швеции Сандлеру	25 апреля	298
146. Письмо Временного Поверенного в Делах СССР во Франции Народному Комиссару Иностраных Дел СССР М. М. Литвинову	25 апреля	299
147. Письмо Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Представителю СССР в Чехосло- вакии С. С. Александровскому	27 апреля	301
148. Письмо Полномочного Представителя СССР в США Народному Комиссару Иностраных Дел СССР М. М. Литвинову	27 апреля	303
149. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу	28 апреля	306

150. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Пред- ставителю СССР в Италии В. П. Потемкину	28 апреля	306
151. Телеграмма Временного Поверенного в Де- лах СССР во Франции в Народный Комисса- риат Иностранных Дел СССР	28 апреля	309
152. Телеграмма Заместителя Народного Комисса- ра Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народ- ной Республике С. Е. Чуцкаеву	29 апреля	311
153. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Монгольской Народной Республике С. Е. Чуцкаева в Народный Комиссариат Ино- странных Дел СССР	29 апреля	312
154. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	1 мая	312
155. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии Б. Е. Штейна в Народ- ный Комиссариат Иностранных Дел СССР	4 мая	314
156. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Польше Я. Х. Давтяна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	4 мая	314
157. Протокол о продлении срока действия Дого- вора о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Рес- публикой	5 мая	315
158. Запись беседы Народного Комиссара Иностр- анных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфаном	7 мая	317
159. Письмо Полномочного Представителя СССР в Швеции Народному Комиссару Иностран- ных Дел СССР М. М. Литвинову	7 мая	318
160. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Ино- странных Дел СССР	8 мая	321
161. Запись беседы Народного Комиссара Иностр- анных Дел СССР с Послом Италии в СССР Аттолико	9 мая	322
162. Сообщение Полномочного Представителя СССР в Персии о беседе Заместителя Народо- вого Комиссара Внешней Торговли СССР Ш. З. Элиавы с Министром Финансов Персии Давером	9 мая	324
163. Телеграмма Заместителя Народного Комисса- ра Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юре- неву	10 мая	326
164. Письмо Полномочного Представителя СССР в Великобритании Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестянскому	11 мая	327

165. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Польше с Министром Иностраных Дел Польши Беком	12 мая	333
166. Запись беседы Народного Комиссара Иностраных Дел СССР с Послом Польши в СССР Лукасевичем	13 мая	336
167. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностраных Дел СССР с Послом США в СССР Булитом	16 мая	337
168. Телеграмма Народного Комиссара Иностраных Дел СССР в НКВД СССР, из Ментоны	15 мая	340
169. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Германии с заведующим IV отделом Министерства Иностраных Дел Германии Мейером	18 мая	341
170. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностраных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Германии в СССР Твардовским	19 мая	343
171. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юреневу	19 мая	344
172. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комиссариат Иностраных Дел СССР	19 мая	345
173. Письмо Генерального консула СССР в Мешхеде Полномочному Представителю СССР в Персии С. К. Пастухову	19 мая	345
174. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Турции с Председателем Совета Министров Турции Исмет-пашой	20 мая	347
175. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренева в Народный Комиссариат Иностраных Дел СССР	21 мая	348
176. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Монгольской Народной Республике С. Е. Чучкаева Заместителю Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	23 мая	349
177. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Дании	27 мая	350
178. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностраных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Персии в СССР Мухаммедом Ханом Сведом	28 мая	351
179. Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на восемьдесят втором заседании Генеральной комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений	29 мая	352

180. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы .	30 мая	361
181. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы .	30 мая	361
182. Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на восемьдесят четвертом заседании Генеральной комиссии Конферен- ции по сокращению и ограничению воору- жений	1 июня	362
183. Телеграмма Заместителя Народного Комисса- ра Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юре- неву	1 июня	365
184. Проект резолюции о превращении Конферен- ции по сокращению и ограничению воору- жений в Постоянную конференцию мира, внесен- ный советской делегацией на заседании Гене- ральной комиссии	3 июня	366
185. Сообщение ТАСС о нарушении маньчжурски- ми пароходами государственной границы СССР	4 июня	368
186. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы	4 июня	371
187. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы	5 июня	372
188. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Повер- енному в Делах СССР в Финляндии Н. Г. Позднякову	5 июня	372
189. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы .	6 июня	375
190. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы .	7 июня	376
191. Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на восемьдесят пятом за- седании Генеральной комиссии Конференции по сокращению и ограничению вооружений . .	8 июня	376
192. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР в НКВД СССР, из Женевы	8 июня	378
193. Обмен нотами между Правительством СССР и Правительством Румынии об установлении дипломатических отношений	9 июня	379
194. Обмен нотами между Правительством СССР и Правительством Чехословацкой Республики об установлении дипломатических отношений	9 июня	380
195. Телеграмма Заместителя Народного Комисса- ра Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юре- неву	11 июня	382

196. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Италии со Статс-секретарем Министерства Иностранных Дел Италии Сувичем	11 июня	383
197. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Министром Иностранных Дел Германии Нейратом, в Берлине	13 июня	386
198. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Германии в СССР Твирдовским	13 июня	389
199. Запись беседы Представителя СССР в Чехословакии с Министром Иностранных Дел Чехословакии Бенешем	15 июня	390
200. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	15 июня	393
201. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом США в СССР Буллитом	16 июня	394
202. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Норвегии А. А. Бекзаяну	16 июня	396
203. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Норвегии А. А. Бекзаяну	16 июня	397
204. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Дании	16 июня	399
205. Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Венгрии в СССР Юнгерт-Арноти	17 июня	399
206. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу	17 июня	400
207. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	19 июня	401
208. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Германии с советником IV отдела Министерства Иностранных Дел Германии Типпельскирхом	19 июня	402
209. Опровержение ТАСС измышлений японского агентства Симбун Рэнго	21 июня	403
210. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Турции Я. З. Сурику	21 июня	403
211. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Министру Иностранных Дел Йемена Мохаммеду Рагибу	22 июня	404

212.	Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР Полномочному Представите- лю СССР в Польше Я. Х. Давтяну	22 июня	404
213.	Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР Полномочному Представите- лю СССР в Турции Я. З. Сурицу	22 июня	405
214.	Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае Д. В. Богомолова в Народный Комиссариат Иностраных Дел СССР	22 июня	406
215.	Телеграмма Заместителя Народного Комис- сара Иностраных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народ- ной Республике С. Е. Чукаеву	25 июня	407
216.	Обмен нотами между Правительством СССР и Правительством Финляндии о производстве работ по проверке советско-финляндской гра- ницы	26 июня	407
217.	Письмо Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Временному Поверенному в Де- лах СССР в Германии С. А. Бессонову	26 июня	409
218.	Письмо Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Италии В. П. Потемкину	27 июня	410
219.	Письмо Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Представителю СССР в Чехосло- вакии С. С. Александровскому	27 июня	417
220.	Запись беседы Представителя СССР в Чехо- словакии с Министром Иностраных Дел Че- хословакии Бенешем	27 июня	419
221.	Запись беседы Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР с Послом Италии в СССР Аттолико	28 июня	425
222.	Телеграмма Заместителя Народного Комисса- ра Иностраных Дел СССР и Заместителя Народного Комиссара Внешней торговли СССР Полномочному Представителю СССР в Греции М. В. Кобецкому	28 июня	427
223.	Обмен нотами между Народным Комиссариа- том Иностраных Дел СССР и Миссией Фин- ляндии в СССР об утверждении решений по вопросу поддержания порядка в Финском заливе	29 июня	428
224.	Интервью Народного Комиссара Иностраных Дел СССР М. М. Литвинова французскому журналисту Зауэрвейну	29 июня	429
225.	Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу	29 июня	431
226.	Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР Полномочному Представите- лю СССР в Великобритании И. М. Майскому	29 июня	432

227. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР Полномочному Представите- лю СССР в Польше Я. Х. Давтяну	29 июня	433
228. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР Полномочному Представите- лю СССР в Италии В. П. Потемкину	29 июня	433
229. Телеграмма Заместителя Народного Комисса- ра Иностранных Дел СССР Временному По- веренному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу	29 июня	434
230. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностраных Дел СССР	29 июня	435
231. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу	1 июля	435
232. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностраных Дел СССР	3 июля	436
233. Телеграмма Заместителя Народного Комисса- ра Иностраных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Литве М. А. Карско- му	3 июля	437
234. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Польше с Министром Иностраных Дел Польши Беком	3 июля	438
235. Запись беседы Заместителя Народного Ко- миссара Иностраных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфаном	4 июля	440
236. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше Я. Х. Дав- тяну	4 июля	442
237. Письмо Полномочного Представителя СССР в Италии в Народный Комиссариат Иностран- ных Дел СССР	5 июля	446
238. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Троянов- скому	7 июля	455
239. Телеграмма Временного Поверенного в Де- лах СССР во Франции в Народный Комисса- риат Иностраных Дел СССР	7 июля	458
240. Запись беседы Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР с Послом США в СССР Буллитом	9 июля	460
241. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР Полномочному Представите- лю СССР в Польше Я. Х. Давтяну	9 июля	462

242. Беседа Полномочного Представителя СССР в Польше с Поверенным в Делах Мексики в Польше Жублян-Ривасом	10 июля	462
243. Письмо Полномочного Представителя СССР в Великобритании Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестянскому	10 июля	463
244. Телеграмма Народного Комиссара Иностран-ных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу	11 июля	466
245. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Постоянным Замес-тителем Министра Иностранных Дел Велико-британии Ванситтартом	12 июля	466
246. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	12 июля	468
247. Запись беседы Народного Комиссара Иностран-ных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфаном	13 июля	469
248. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Италии с Председателем Совета Ми-нистров Италии Муссолини	13 июля	471
249. Письмо Полномочного Представителя СССР в Афганистане Министру Иностранных Дел Афганистана Файз Мухаммед-хану	15 июля	477
250. Телеграмма Народного Комиссара Иностран-ных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	16 июля	478
251. Телеграмма Народного Комиссара Иностран-ных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому	16 июля	478
252. Телеграмма Народного Комиссара Иностран-ных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу	16 июля	479
253. Телеграмма Заместителя Народного Комисса-ра Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае Д. В. Богомо-лову	16 июля	479
254. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочным Представителям СССР в Великобритании, Германии, Италии, Чехословакия, Латвии, Литве, Эстонии	17 июля	480
255. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Польше с Послом Франции в Польше Лярошем	17 июля	482
256. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Персии С. К. Пастухова в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	17 июля	483

257. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Постоянным Заместителем Министра Иностраннх Дел Великобритании Ванситтартом	18 июля	484
258. Письмо Народного Комиссара Иностраннх Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	19 июля	489
259. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Уругвае в Народный Комиссариат Иностраннх Дел СССР	19 июля	490
260. Телеграмма Народного Комиссара Иностраннх Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Германии С. А. Бессонову	20 июля	490
261. Сообщение советской печати о речи Председателя советской правительственной делегации Л. М. Карахана на праздновании 10-летия Монгольской Народной Республики	21 июля	491
262. Телеграмма Народного Комиссара Иностраннх Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Уругвае А. Е. Минкину	21 июля	492
263. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции Народному Комиссару Иностраннх Дел СССР М. М. Лытвинову	21 июля	492
264. Письмо Полномочного Представителя СССР в Афганистане Министру Иностраннх Дел Афганистана Файз Мухаммед-хану	22 июля	493
265. Обмен телеграммами между Правительством СССР и Правительством Болгарии об установлении дипломатических отношений	23 июля	494
266. Запись беседы Народного Комиссара Иностраннх Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Франции в СССР Пайяром	23 июля	495
267. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Персии С. К. Пастухова в Народный Комиссариат Иностраннх Дел СССР	23 июля	496
268. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Уругвае в Народный Комиссариат Иностраннх Дел СССР	23 июля	497
269. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностраннх Дел СССР	25 июля	497
270. Телеграмма Народного Комиссара Иностраннх Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу	26 июля	501
271. Телеграмма Народного Комиссара Иностраннх Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Персии С. К. Пастухову	26 июля	502
272. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностраннх Дел СССР	26 июля	502

273. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу	27 июля	503
274. Запись беседы Заместителя Народного Ко- миссара Иностранных Дел СССР с Послан- ником Финляндии в СССР Ирве-Коскиненом	27 июля	504
275. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Уругвае в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	27 июля	507
276. Запись беседы Временного Поверенного в Де- лах СССР в Германии с заведующим IV от- делом Министерства Иностранных Дел Гер- мании Мейером	27 июля	507
277. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	28 июля	512
278. Телеграмма Временного Поверенного в Де- лах СССР в Персии консулам СССР в Персии	28 июля	513
279. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах Персии в СССР Мухаммеду Хану Саеду . .	29 июля	514
280. Сообщение ТАСС об одобрении правительст- вом Эстонии идеи Восточного регионального пакта о взаимной помощи	29 июля	514
281. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Чехословакии с Министром Иностран- ных Дел Чехословакии Бенешем	29 июля	515
282. Телеграмма Временного Поверенного в Де- лах СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	29 июля	519
283. Сообщение ТАСС об одобрении правительст- вом Латвии идеи Восточного регионального пакта о взаимной помощи	30 июля	519
284. Нота Полномочного Представителя СССР в Японии Министру Иностранных Дел Японии Хирота	30 июля	520
285. Нота Временного Поверенного в Делах СССР в Германии Статс-секретарю Министерства Иностранных Дел Германии Бюлову	30 июля	523
286. Телеграмма Временного Поверенного в Де- лах СССР в Германии в Народный Комисса- риат Иностранных Дел СССР	31 июля	524
287. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Турции Г. А. Залкиндю . .	31 июля	524
288. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Персии С. К. Пастухова Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	31 июля	525

289. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	31 июля	526
290. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. П. Розенбергу	1 августа	527
291. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Китайской Республики в СССР	2 августа	527
292. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Италии со Статс-секретарем Министерства Иностранных Дел Италии Сувичем	2 августа	528
293. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	2 августа	529
294. Запись беседы Временного Поверенного в Делах СССР в Германии с Министром Иностранных Дел Германии Нейратом	2 августа	532
295. Сообщение ТАСС об одобрении правительством Литвы идеи Восточного регионального пакта о взаимной помощи	3 августа	534
296. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	3 августа	534
297. Запись беседы Торгового Представителя СССР в Персии М. Л. Шостака с Министром Финансов Персии Давером	3 августа	536
298. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	4 августа	545
299. Письмо Временного Поверенного в Делах СССР в Персии Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	4 августа	546
300. Нота Полномочного Представителя СССР в Афганистане Министру Иностранных Дел Афганистана Файз Мухаммед-хану	6 августа	550
301. Письмо Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэню	6 августа	551
302. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Трояновскому	9 августа	552
303. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Постоянным Заместителем Министра Иностранных Дел Великобритании Ванситтартом	9 августа	552

304. Нота Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Де- лах Польши в СССР Соколыницкому	<i>10 августа</i>	557
305. Нота Народного Комиссариата Иностранних Дел СССР Посольству Японии в СССР	<i>11 августа</i>	558
306. Письмо Временного Поверенного в Делах СССР в Персии Товарищу Министра Иностран- ных Дел Персии Сохейли	<i>11 августа</i>	559
307. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Китае Д. В. Богомолова в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	<i>15 августа</i>	560
308. Телеграмма Председателя Центрального Испол- нительного Комитета СССР Королю Афганис- стана Мухаммеду Захир-шаху	<i>16 августа</i>	561
309. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США А. А. Трояновского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	<i>17 августа</i>	561
310. Сообщение ТАСС о ходе переговоров в Токио о продаже КВЖД	<i>18 августа</i>	562
311. Телеграмма Заместителя Народного Комис- сара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в США А. А. Троянов- скому	<i>21 августа</i>	565
312. Письмо и. о. Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Ино- странных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэню	<i>21 августа</i>	565
313. Нота Полномочного Представителя СССР в Японии Министру Иностранных Дел Японии Хирота	<i>22 августа</i>	566
314. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренива в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	<i>22 августа</i>	568
315. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в США А. А. Трояновского в Народ- ный Комиссариат Иностранных Дел СССР	<i>23 августа</i>	570
316. Меморандум Полномочного Представителя СССР в США А. А. Трояновского Государст- венному Секретарю США Хэллу	<i>24 августа</i>	570
317. Письмо и. о. Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Ино- странных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэню	<i>24 августа</i>	572
318. Письмо Вице-Председателя Правления КВЖД Председателю Правления КВЖД Ли Шiao-гэну	<i>24 августа</i>	574
319. Письмо Временного Поверенного в Делах СССР в Персии Министру Иностранных Дел Персии Каземи	<i>26 августа</i>	576

320. Письмо Полномочного Представителя СССР в Афганистане Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	27 августа	577
321. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Франции в СССР Альфаном	29 августа	578
322. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Великобритании в СССР Чилстоном	31 августа	580
323. Телеграмма Торгового Представителя СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	2 сентября	580
324. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Польше Я. Х. Давтяна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	3 сентября	581
325. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Японии К. К. Юренина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	4 сентября	582
326. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юренину	8 сентября	583
327. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Временным Поверенным в Делах Германии в СССР Твардовским	10 сентября	586
328. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Японии К. К. Юренину	10 сентября	587
329. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии Б. Е. Штейна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	12 сентября	588
330. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Л. М. Карахана в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	13 сентября	588
331. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Председателю XV Ассамблеи Лиги Наций Сандлеру	15 сентября	588
332. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Финляндии Н. Г. Позднякову	15 сентября	591
333. Обмен нотами между Правительством СССР и Правительством Албании об установлении дипломатических отношений	17 сентября	592
334. Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на XV Ассамблее Лиги Наций	18 сентября	593

335. Письмо врио Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинского и заведующего Правовым отделом НКИД СССР А. В. Сабаннива Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. П. Розенбергу	19 сентября	601
336. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Японии с Министром Иностранных Дел Японии Хирота	19 сентября	601
337. Беседа Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом США в СССР Буллитом	21 сентября	603
338. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Женевы	22 сентября	606
339. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Женевы	25 сентября	608
340. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Женевы	25 сентября	609
341. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Финляндии в СССР Ирве-Коскинемом	25 сентября	609
342. Письмо Председателя советской делегации М. М. Литвинова Председателю XV Ассамблеи Лиги наций Сандлеру	26 сентября	611
343. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом США в СССР Буллитом	26 сентября	612
344. Письмо Полномочного Представителя СССР в Японии Министру Иностранных Дел Японии Хирота	26 сентября	615
345. Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на XV Ассамблее Лиги наций	27 сентября	616
346. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Женевы	27 сентября	617
347. Сообщение советской печати о соборезновании и помощи Общества Красного Креста и Красного Полумесяца СССР в связи с тайфуном в Японии	2 октября	619
348. Нота Полномочного Представителя СССР в Персии Министру Иностранных Дел Персии Каземи	3 октября	619
349. Телеграмма Президента Академии наук СССР Председателю Совета Министров Персии Форуги	3 октября	620
350. Телеграмма вр. и. о. Народного Комиссара Иностранных Дел СССР вр. и. о. Министра Иностранных Дел Персии Сохейли	3 октября	621
351. Письмо и. о. Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии г. Ши Люй-бэню	4 октября	622

352.	Нота Полномочного Представителя СССР в Японии Министру Иностранных Дел Японии Хирога	5 октября	624
353.	Письмо Полномочного Представителя СССР в Афганистане Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	6 октября	628
354.	Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Шуленбургом	7 октября	629
355.	Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в Совет Народных Комиссаров СССР	8 октября	631
356.	Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Турции Г. А. Залкяндю	8 октября	632
357.	Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом США в СССР Буллитом	10 октября	632
358.	Памятная записка и. о. Генерального консула СССР в Харбине Н. Я. Райвида Генеральному консулу Японии в Харбине Морисима	11 октября	634
359.	Интервью Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова московскому корреспонденту агентства Гавас Жилю	12 октября	635
360.	Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Швеции А. М. Коллонтай	14 октября	636
361.	Запись беседы Народного Комиссара Внутренней Торговли РСФСР с Послом Германии в СССР Шуленбургом	15 октября	639
362.	Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с неофициальным представителем Чан Кай-ши профессором Цзян Ли-фу	16 октября	640
363.	Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Швеции А. М. Коллонтай	17 октября	644
364.	Запись беседы Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Послом Германии в СССР Шуленбургом	19 октября	646
365.	Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	19 октября	647
366.	Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Чехословакии С. С. Александровскому	21 октября	649
367.	Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	24 октября	649

368. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР Полномочному Представите- лю СССР в Великобритании И. М. Майскому	26 октября	651
369. Письмо Полномочного Представителя СССР в Греции Заместителю Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Н. Н. Крестинскому	27 октября	652
370. Телеграмма Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР Президенту Турецкой Республики Мустафе Кемалю . . .	29 октября	653
371. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Дании с Министром Иностраных Дел Дании Мунком	29 октября	653
372. Письмо Полномочного Представителя СССР в Афганистане председателю Ассоциации афганской национальной олимпиады Шах Махмуд-хану	29 октября	654
373. Телеграмма Временного Поверенного в Де- лах СССР во Франции в Народный Комисса- риат Иностраных Дел СССР	30 октября	655
374. Хозяйственное соглашение между Союзом Со- ветских Социалистических Республик и Эс- тонской Республикой	31 октября	656
375. Сообщение ТАСС об измышлениях японской печати по поводу состояния переговоров о КВЖД	31 октября	658
376. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностраных Дел СССР	1 ноября	661
377. Письмо Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Персии С. К. Пастухову	3 ноября	661
378. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу .	3 ноября	662
379. Письмо Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Германии Я. З. Сурицу	4 ноября	662
380. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому .	4 ноября	664
381. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностраных Дел СССР Полномочному Пред- ставителю СССР в Польше Я. Х. Давтяну .	4 ноября	664
382. Телеграмма Народного Комиссара Иностран- ных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу	6 ноября	666
383. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии В. Е. Штейна в Народ- ный Комиссариат Иностраных Дел СССР .	8 ноября	667

384. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	9 ноября	667
385. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии Б. Е. Штейна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	10 ноября	669
386. Телеграмма Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР Президенту Турецкой Республики Мустафе Кемалю	11 ноября	669
387. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР во Франции М. И. Розенбергу	11 ноября	670
388. Телеграмма Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР Королю Афганистана Мухаммеду Захир-шаху	12 ноября	670
389. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	13 ноября	670
390. Письмо Полномочного Представителя СССР в Швеции Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову	15 ноября	671
391. Письмо Полномочного Представителя СССР в Швеции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	15 ноября	673
392. Письмо заместителя Вице-Председателя Правления КВЖД П. А. Бандуры Председателю Правления КВЖД Ли Шао-гэну	15 ноября	675
393. Телеграмма Ответственного руководителя ТАСС Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову, из Вашингтона	15 ноября	677
394. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с Лордом-хранителем печати Великобритании Иденом	16 ноября	678
395. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Л. М. Карахана в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	19 ноября	680
396. Сообщение ТАСС об измышлениях японской печати по поводу состояния переговоров о КВЖД	21 ноября	680
397. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Женевы	21 ноября	683
398. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР И. В. Сталину, из Женевы	22 ноября	686

399. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с главой делегации США на морских переговорах в Лондоне Норманом Дэвисом	22 ноября	687
400. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Финляндии Б. Е. Штейну	23 ноября	692
401. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Польше Я. Х. Давтяну	23 ноября	693
402. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с общественными деятелями Великобритании Сиднеем и Беатрисой Уэбб	25 ноября	694
403. Письмо и. о. Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэню	26 ноября	696
404. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Швеции А. М. Коллонтай	27 ноября	699
405. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Дании Н. С. Тихменеву	27 ноября	700
406. Письмо Полномочного Представителя СССР в Афганистане Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	27 ноября	702
407. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии с заведующим IV отделом Министерства Иностранных Дел Германии Мейером	29 ноября	705
408. Соглашение об основах советско-монгольской торговли	1 декабря	708
409. Соглашение о Советско-Монгольских Смешанных Обществах	1 декабря	710
410. Соглашение о советниках, инструкторах и специалистах между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой	1 декабря	711
411. Письмо Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в США А. Ф. Нейману	1 декабря	717
412. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Председателю Совета Министров и Министру Иностранных Дел Монгольской Народной Республики Гендуну	1 декабря	719

413. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Финляндии Б. Е. Штейна в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	<i>1 декабря</i>	721
414. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякова с Посланником Дании в СССР Энгелем	<i>3 декабря</i>	722
415. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	<i>4 декабря</i>	724
416. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР в НКИД СССР, из Женевы	<i>5 декабря</i>	725
417. Протокол между Союзом Советских Социалистических Республик и Французской Республикой по вопросам, касающимся переговоров о Восточном пакте	<i>5 декабря</i>	725
418. Заявление Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М. М. Литвинова представителю ТАСС в Женеве о советско-французском протоколе от 5 декабря 1934 г.	<i>5 декабря</i>	727
419. Запись беседы Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР с Посланником Дании в СССР Энгелем	<i>5 декабря</i>	728
420. Письмо Полномочного Представителя СССР в Швеции Заместителю Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Б. С. Стомонякову	<i>5 декабря</i>	730
421. Письмо Полномочного Представителя СССР в Афганистане Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	<i>5 декабря</i>	734
422. Телеграмма Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Монгольской Народной Республике С. Е. Чуцкаеву	<i>5 декабря</i>	735
423. Речь Председателя советской делегации М. М. Литвинова на заседании Совета Лиги наций	<i>6 декабря</i>	736
424. Обмен письмами между Народным Комиссаром Иностранных Дел СССР и Министром Иностранных Дел Чехословацкой Республики по вопросам, касающимся переговоров о Восточном пакте	<i>7 декабря</i>	738
425. Письмо и. о. Генерального консула СССР в Харбине Особому агенту Министерства Иностранных Дел в Северной Маньчжурии Ши Люй-бэню	<i>7 декабря</i>	739
426. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии с Министром Иностранных Дел Германии Нейратом	<i>8 декабря</i>	741
427. Протокол о торговых отношениях между СССР и Францией	<i>9 декабря</i>	742

428. Письмо Полномочного Представителя и Торгового Представителя СССР в Персии в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР и Народный Комиссариат Внешней Торговли СССР	9 декабря	743
429. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Германии со Статс-секретарем Министерства Иностранных Дел Германии Бюловым	10 декабря	747
430. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Италии В. П. Потемкина в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	12 декабря	748
431. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	13 декабря	749
432. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Посольству Великобритании в СССР	14 декабря	750
433. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР о борьбе с саранчой в пограничных районах СССР и Афганистана	19 декабря	751
434. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Турции Л. М. Карахану в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	19 декабря	752
435. Телеграмма Полномочного Представителя СССР в Монгольской Народной Республике С. Е. Чучкаева в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	19 декабря	752
436. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Великобритании с главой делегации США на морских переговорах в Лондоне Норманом Дэвисом	21 декабря	753
437. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому	21 декабря	755
438. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Турции Л. М. Карахану	21 декабря	755
439. Телеграмма Временного Поверенного в Делах СССР во Франции в Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР	21 декабря	756
440. Письмо Советника Полномочного Представительства СССР во Франции Народному Комиссару Иностранных Дел СССР М. М. Литвинову	23 декабря	757

441. Речь Полномочного Представителя СССР во Франции В. П. Потемкина при вручении верительных грамот Президенту Франции Лебрену	24 декабря	757
442. Письмо Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Временному Поверенному в Делах СССР в Финляндии Н. Г. Позднякову	25 декабря	759
ПРИМЕЧАНИЯ		763
ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ		835
УКАЗАТЕЛЬ ДОКУМЕНТОВ, КАСАЮЩИХСЯ ВЗАИМНО-ОТНОШЕНИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ		841
ПЕРЕЧЕНЬ ИНОСТРАННЫХ ДОКУМЕНТОВ, ПОЛНОСТЬЮ ИЛИ ЧАСТИЧНО ВКЛЮЧЕННЫХ В XVII ТОМ		843
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ		846

ДОКУМЕНТЫ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР
Том семидцатый

Заведующий редакцией *К. Н. Сванидзе*

Редактор *А. В. Никольский*

Художественный редактор *Н. Н. Симагин*

Технический редактор *Н. П. Межеричкая*

Сдано в набор 21 июня 1971 г. Подписано в печать 2 ноября 1971 г.
Формат 69 × 90¹/₄. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 55. Учетно-
изд. л. 56,49. Тираж 10 тыс. экз. А11976. Заказ № 589. Цена 1 р. 75 к.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

